ПИОНЕР
ФАНТАСТИЧЕСКОГО
ФРОНТИРА

Мюррей
ЛЕЙНСТЕР

Первый контакт

ОН ПОДАРИЛ
НАМ
ЗВЕЗДЫ

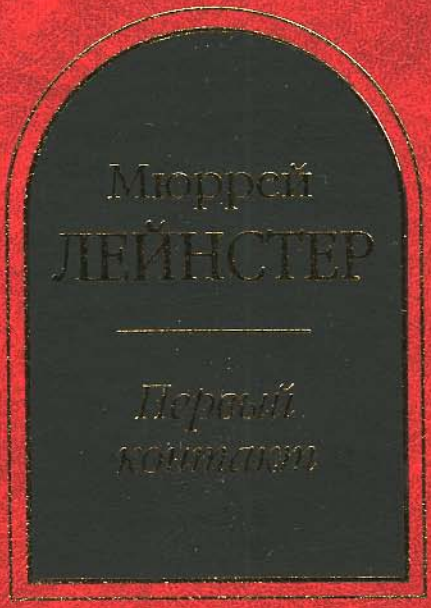
Эксмо

Мюррей
ЛЕЙНСТЕР

Первый контакт

ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИКИ ШЕДЕВРЫ ФАНТАСТИ

Мюррей
ЛЕЙНСТЕР
Первый контакт

Мюррей
ЛЕЙНСТЕР

Murray

LEINSTER

•

First contacts

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2006

Мюррей

ЛЕЙНСТЕР

Первый контакт

МОСКВА
ЭКСМО
Санкт-Петербург
«ДОМИНО»
2006

УДК 82 (1-87)
ББК 84(7 США)
Л 42

Составитель серии *А. Жикаренцев*

Оформление серии художника *А. Саукова*

Серия основана в 2001 году

Лейнстер М.
Л 42 Первый контакт: Фантастические повести и рассказы / Пер. с англ. — М.: Изд-во Эксмо; СПб.: ИД Домино, 2006. — 1024 с. — (Шедевры фантастики).

ISBN 5-699-15625-9

Один из пионеров американского научно-фантастического фронтира, Мюррей Лейнстер, представлен в этой книге сорока лучшими повестями и рассказами, входящими в золотой фонд мировой фантастики. В их число входит и знаменитый «Первый контакт», принесший автору престижную премию «Хьюго» (спустя полвека после его написания), рассказ, отталкиваясь от которого Иван Ефремов написал свое классическое «Сердце Змеи». С большинством произведений, включенных в сборник, отечественный читатель познакомится впервые.

УДК 82 (1-87)
ББК 84(7 США)

© Перевод. Э. Башилова, М. Бертенева, З. Бобырь, Д. Брускин, М. Брухнов, Нора Галь, В. Гольдич и И. Оганесова, Н. Дубов, А. Евстигнеев, Ф. Мендельсон, И. Невструев, А. Орлов, И. Почиталин, А. Ставиская, М. Тарасьев, И. Тетерина, 2006
© Оформление, издание на русском языке. ООО «Издательство «Эксмо», 2006

ISBN 5-699-15625-9

Безделушка

Поп Янг был единственным человеком, способным жить на дальней стороне Луны, вот почему он занимал хижину на краю Большой трещины, над шахтерским поселком. Кое-кто утверждал, что ни одному нормальному человеку такое не под силу. Они говорили о жутком шраме, оставшемся от ранения в голову, который якобы объяснял его удивительный талант. Впрочем, одному человеку удалось разгадать тайну Янга, но только частично. Этого человека звали Саттелл, но у него были причины помалкивать. Только Поп Янг знал всю правду, однако и он держал рот на замке. Это никого не касалось.

Он жил и работал в настоящем аду — по средневековым представлениям. Днем здесь было невыносимо жарко. А по ночам — лунным ночам, естественно,— стоял чудовищный холод. Раз в две недели по земному времени из Луна-Сити прибывал корабль, чтобы пополнить запасы шахтерского поселка, находившегося глубоко под поверхностью Луны.

Поп принимал грузы и заботился об их сохранности. Он также передавал продукцию рудников для отправки на Землю. Затем ракета улетала. После наступления ночи Поп на длинном кабеле опускал запасы вниз в Большую трещину, в поселок. После этого ему оставалось только восстановить на посадочном поле разметку, которая стиралась после старта ракеты. В принципе на этом его работа заканчивалась. Однако без него шахту пришлось бы закрыть.

Трещина, как вы, конечно, знаете, является разломом в скальной породе и простирается на девятьсот миль по невиди-

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

мой с Земли стороне Луны. На ней имеется один участок в полмили шириной. Глубина его никому не известна. Хижина Попа располагалась на глубине всего сто ярдов, выше поселка на целую милю. Конечно, на Земле ничего подобного быть не могло. Когда трещину только открыли, ученые спустились вниз, чтобы изучить скальные пласты и по ним представить себе историю Луны. Но они нашли не только ключ к ее прошлому. Они обнаружили повод для основания здесь колонии, обустройства посадочного поля и постройки хижины.

Способности Попа объяснялись совсем иными причинами.

Хижина находилась в ста ярдах от края Большой трещины. Она выглядела как груда пыли высотой в тридцать футов, чем, собственно, и являлась. Лежавшая на ней лунная пыль толстым слоем покрывала небольшой купол. Она обеспечивала защиту от холода по ночам и тень в течение невыносимо жаркого дня. Поп жил в ней один, а в свободное время изо всех сил работал над восстановлением исчезнувших фрагментов своей жизни, которые Саттелл у него отнял.

Он часто размышлял о Саттелле, который обитал сейчас глубоко под землей, в шахтерской колонии с ее галереями, туннелями и жилыми отсеками. Помещения колонии были абсолютно герметичны, там существовал даже гидропонический сад, очищавший воздух, и прочие удобства, необходимые для того, чтобы выжить под поверхностью Луны.

Однако все равно это было нелегко. При слабой гравитации человек может полностью приспособиться к жизни на Луне, только если страдает от агорафобии. Лишь с ее помощью, забравшись в крошечную каморку и ощутив вокруг себя надежные стены, человек способен почувствовать удовлетворение. Иногда так и бывает.

Но Саттелла это не могло утешить. Он знал о Попе, который жил на поверхности. С громкими стонами он отправился на Луну, чтобы быть подальше от Попа, а тот оказался в миле у него над головой, и не было никакой возможности избавиться от его присутствия. Да, из шахты очень непросто выбраться. Слабая гравитация быстро начинает действовать людям на нервы. И им приходится обзаводиться причудами, чтобы не сойти с ума. А причуды...

Когда первый человек покидал колонию, его пришлось оглушить — и вывозить бесчувственное тело. Он находился под землей при низкой гравитации так долго, что мысль об открытых пространствах вызывала у него ужас. Даже теперь кое-кого приходилось выносить, впрочем, некоторые могли самостоятельно дойти до ракеты, если Поп с головой накрывал их брезентом, чтобы они не видели неба. В любом случае, без Попа никто обойтись не мог.

Саттелла начинало трясти, когда он думал о Попе,— весьма вероятно, что тому это было известно. Конечно, когда Поп поселился в хижине, он уже все знал о Саттелле. Факты говорили сами за себя.

Поп очнулся в больнице. Он получил тяжелый удар в голову и лишился воспоминаний обо всем, что происходило с ним в жизни. Нет, речь не шла о том, чтобы установить его личность. Когда Поп немного оправился, доктора рассказали о его прошлом и как можно мягче поведали о судьбе жены и детей. Их убили, а он, по всей видимости, был ранен при попытке их защитить. Однако он ничего не помнил. Во всяком случае, тогда. И это стало для него благословением.

Но когда он полностью пришел в себя физически, то попытался восстановить в памяти свою прежнюю жизнь. С Саттеллом он встретился совершенно случайно. Попу показалось, что он знаком с этим человеком. И он стал задавать вопросы. Саттелл побледнел, но решительно отрицал, что когда-либо видел Попа прежде.

Все это случилось на Земле, и с тех пор прошло много времени. Попу казалось, что Саттелл как-то связан с его прошлым. И тогда он вновь разыскал Саттелла, чтобы уточнить кое-какие детали. А Саттелл сразу же запаниковал.

Теперь, когда они оба оказались возле Большой трещины, Поп не настаивал на очередной встрече, но его ужасно волновали воспоминания, которые вернулись благодаря Саттеллу. Поп был необычайно добросовестным человеком и тщательно исполнял обязанности. В его хижине находилось сигнальное устройство. Когда корабль из Луна-Сити появлялся над горизонтом, Поп надевал скафандр и выходил из шлюза. Он

успевал добраться до лунного вездехода прежде, чем корабль успевал приземлиться.

Вот и сейчас в небе, над зазубренными очертаниями кратера он увидел серебристую иглу. Корабль замедлял ход, по дуге опускаясь все ниже и ниже. Он плавно садился на посадочное поле, границы которого так старательно разметил Поп.

Как только пилот заглушил двигатели, из грузового отсека стали выгружать цистерны с топливом, а также контейнеры с кислородом и продовольствием. Поп направил вездеход к ракете. Это был миниатюрный трактор с огромным ковшом. Поп поднял громадную кучу лунной пыли, чтобы накрыть груз. Это было совершенно необходимо. Перевозка грузов стоила огромных денег, поэтому топливо, кислород и продовольствие доставляли в замороженном виде в контейнерах с очень тонкими стенками, почти что из фольги. Пока температура оставалась предельно низкой, фольга прекрасно исполняла свою роль. Ну а слой пыли надежно предохранял груз от разрушающего воздействия солнечных лучей.

В такие моменты Поп не думал о Саттелле. Он знал, что времени для воспоминаний будет еще предостаточно. Он начал преследовать Саттелла в надежде, что тот знает о случившемся с его женой и детьми, но никаких доказательств у Попа не было. Сам он ничего не помнил. Но Саттелл что-то всколыхнул в недрах его памяти. Поначалу Поп переезжал из одного города в другой, чтобы восстановить память, утраченную после удара топором. И многое ему удалось вернуть.

Когда Саттелл сбежал на другой континент, Поп отправился за ним. Тогда у него уже появились отчетливые воспоминания о жене, он даже испытывал к ней прежние чувства. Кроме того, он начал представлять себе облик детей. Когда Саттелл решительно заявил, что ничего не знает об убийстве в Танжере, у Попа перед глазами вдруг отчетливо встали дети, проскользнуло несколько счастливых мгновений из прошлой жизни.

И даже после того, как Саттелл, дрожа от страха, записался на работу в Луна-Сити, Поп его выследил. К этому времени он уже не сомневался, что именно Саттелл убил его семью. В таком случае, он уничтожил все, чем владел Поп, ради денег, которые можно честно заработать за два дня. Поп жаждал справедливости. Он не мог доказать вину Саттелла. Никаких улик не осталось. На самом деле Поп и смерти его не хотел. Ведь если Саттелл умрет, ему уже никогда не восстановить утраченные воспоминания.

Порой, когда Поп Янг сидел в своей хижине на обратной стороне Луны, его посещали фантазии о Саттелле. Взять, к примеру, шахту. За две земные недели работы шахтеры наполняли канистру в три галлона диковинными белыми кристаллами, имевшими форму двух сложенных основаниями пирамид. На земле такая канистра весила сто фунтов. Здесь — порядка восемнадцати. Однако на Земле, где драгоценные камни измеряются в каратах, сто фунтов стоят миллионы. Поп хранил такую канистру на полке в хижине, за системой кондиционирования воздуха. Если потрясти канистру, кристаллы внутри начинали стучать — здесь они стоили не дороже обычных камушков. Иногда Попу становилось интересно, не задумывается ли Саттелл о ценности продукции шахты. Если он смог убить женщину, двух детей и мужчину всего за несколько сотен долларов, то какие чудовищные преступления он готов совершить за три галлона нешлифованных алмазов?

Но Поп старался не задерживаться на подобных размышлениях. Медленно, очень медленно всходило над холмами солнце — Поп уже давно привык называть это направление востоком. Проходило два часа, пока оно окончательно поднималось над горизонтом,— после чего ослепительный диск сиял в пустоте четырнадцать земных суток подряд до очередного захода. И тогда наступала ночь, и в течение трехсот тридцати шести часов светили звезды, а небо казалось такой чудовищно страшной дырой, что глядящий на него человек быстро терял уверенность в окружающем мире.

При гравитации в одну шестую от земной большинство людей испытывало истерическую необходимость схватиться за что-нибудь тяжелое, чтобы не улететь. Однако ни одна вещь не была достаточно надежной. Все начинало падать. И тогда люди кричали.

Но только не Поп. Он прилетел на Луну из-за того, что сюда сбежал Саттелл. Рядом с Саттеллом его посещали вос-

поминания о тех временах, когда он был молод и жил с юной женой, нежно его любившей. Потом из глубин памяти выплывали удивительно четкие образы детей. И он понимал, как сильно дорожил ими. Когда Поп находился рядом с Саттеллом, он в буквальном смысле обретал их вновь, поскольку каждый день приносил Попу новые детали.

И все же он никак не мог вспомнить преступление, которое разлучило его с семьей. А до тех пор — в чем Поп находил какой-то мрачноватый юмор — он не мог даже ненавидеть Саттелла. Он просто хотел оставаться рядом, поскольку только так к нему постепенно возвращались утраченные фрагменты молодости.

А в остальном он был человек удивительно прозаический — в особенности когда речь заходила об обратной стороне Луны. Поп оказался удивительно аккуратным и придирчивым хозяином. Хижина, поставленная возле края Большой трещины, была опрятной, как маяк или домик охотника. Он тщательно ухаживал за удивительно простой системой кондиционирования воздуха.

В тени хижины всегда находилось место с очень низкой температурой. Воздух из дома поступал в охлажденную трубу. Там конденсировалась влага, и в результате образовывался жидкий прозрачный воздух. Одновременно жидкий воздух испарялся из другого резервуара, поддерживая нормальное давление внутри хижины. Поп периодически постукивал по трубе, где замерзала влага, куски льда отваливались и возвращались в увлажнитель воздуха. Несколько реже он занимался очисткой налипшего углекислого газа, измерял его массу, после чего добавлял необходимое количество жидкого кислорода. Тот растворялся. Аппарат начинал работать на обогащенных запасах.

За стенами хижины зазубренные скалы все так же тянулись к звездному небу, кратеры подвергались бомбардировке из космоса. Иными словами, снаружи ничего нового не происходило. А вот внутри все обстояло иначе.

Однажды, работая над своей памятью, Поп сделал небольшой набросок. Это очень помогло. Поп ощутил, как растет его интерес. У него было мало чистой бумаги, но большую часть свободного времени между посадками грузового корабля он тратил, нанося на бумагу черты лица спящего ребенка. Поп вдруг понял, что к нему возвращаются воспоминания пятнадцатилетней давности — ребенок действительно выглядел именно так! Позднее он начал рисовать жену. Со временем — а времени у него было полно — эскиз обрел сходство с оригиналом.

Взошедшее солнце раскаленными лучами плавило безотрадную лунную пустошь. Поп Янг тщательно разметил посадочное поле. Теперь оно поблескивало, покрытое тонким слоем краски. Потом он проверил вездеход. Очистил кондиционер. Короче говоря, тщательно и без единой жалобы проделал всю необходимую для выживания работу.

Потом он вновь принялся рисовать. Картинки получались более удачными, когда он размышлял о Саттелле,— так, например, он смог изобразить стул из своего забытого дома. Затем пришел черед жены, сидящей на этом стуле и читающей книгу. Он ощутил радость, вновь ее увидев. А еще Поп позволил себе подумать о том, как Саттелл относится к только что добытым алмазам стоимостью в несколько миллионов долларов, лежащим в хижине без всякой охраны. И тут же вспомнил, как выглядела его дочь, когда играла с куклой. Он быстро сделал зарисовку, чтобы сохранить память о девочке.

Он делал наброски с одной-единственной целью — хоть как-то восстановить молодость, исчезнувшую в результате бессмысленного убийства. Он хотел все вернуть. И, шаг за шагом, молодость возвращалась. Благодаря этому жизнь на обратной стороне Луны оказалась для него совсем не трудной, хотя подавляющему большинству людей она представлялась невыносимой.

А вот Саттеллу на Луне приходилось несладко. Даже без Попа здесь было ужасно тяжело, но одна мысль о том, *кто* поселился всего лишь в миле над головой, делала его положение кошмарным. Саттелл прекрасно помнил преступление, которое напрочь забыл Поп Янг. Он полагал, что Поп не пытается с ним расквитаться только потому, что намерен максимально растянуть месть во времени, отчего та станет еще страшнее. После бесконечных размышлений Саттелл решил, что именно поэтому Поп Янг ждет так долго. Теперь он безумно ненавидел Попа. И боялся его. К обычным фобиям лунного

колониста прибавилось неудержимое желание спастись от Попа Янга.

Но он был совершенно беспомощен. Он не мог покинуть Луну. Там, наверху, его ждал Поп. Убить его было нереально. У Саттелла не было даже шанса — его одолевал страх. Единственное, что ему оставалось,— отсылать письма на Землю. Чем он и занимался. Он писал с отчаянной, безумной страстью, с гениальной изобретательностью узника прекрасно охраняемой тюрьмы, одержимого мечтой о спасении. Саттелл пытался убедить кого-нибудь ему помочь.

У него остались приятели, которых с некоторой натяжкой можно было назвать друзьями, но очень долго его письма не приносили никаких результатов. Луна продолжала описывать круги вокруг Земли, а Земля с неизменным постоянством вращалась вокруг Солнца. Другие планеты танцевали собственную сарабанду. Остальная часть человечества была настолько поглощена своими делами, что Саттелл ее нисколько не интересовал. Но тут произошло событие, которое имело непосредственное отношение к Саттеллу, Попу Янгу и его потерянным годам.

Кто-то решил создать постоянное пассажирское сообщение между Землей и Луной. Идея выглядела весьма привлекательно. Началась активная рекламная кампания трех космических кораблей, способных совершить такой полет. Появились обещания новых впечатлений. Туры на Луну! Самое дорогое и впечатляющее путешествие в истории человечества! Сто тысяч долларов — двенадцатидневный круиз в космос, с видами обратной стороны Луны, спуском в Луна-Сити и посадкой в кратере Аристарха, а также запись всех событий. Слава честным путешественникам!

Казалось, это никак не касалось ни Попа, ни Саттелла.

Всего объявили о двух турах. Билеты на первый были полностью раскуплены. Пассажиры, заплатившие такие серьезные деньги, рассчитывали на приятное путешествие и полную безопасность. Однако их ожидания не сбылись. Что-то случается, когда неподготовленный человек смотрит в иллюминатор и его взгляду предстает открытый космос во всей своей ослепительной реальности. Это производит сокрушительное впечатление.

Миллионер перерезал себе горло, когда увидел, что Земля превратилась в маленький сине-голубой шарик, висящий в бескрайней пустоте. Он не смог перенести собственную ничтожность на фоне таких просторов. Ни один из пассажиров не вышел даже в Луна-Сити. Большинство осталось сидеть в креслах, пряча глаза. У них началась истерика. Самая богатая девушка Земли — у нее было пятеро мужей, и она считала, что ее уже нечем удивить,— впала в транс, ничего не видела, не слышала и не двигалась с места. Еще двое пассажиров рыдали и не могли успокоиться. И корабль сразу же вернулся на Землю.

Второй роскошный лайнер вылетел всего с четырьмя пассажирами и повернул назад, прежде чем долетел до Луны. Пилоты космических кораблей справляются со страхом, потому что это их работа. Шахтеры переносят полет на Луну, принимая сильные успокоительные средства. Но для богатых путешественников стресс оказался слишком велик. Они не были готовы взглянуть в глаза суровым реалиям космоса.

Поп узнал о провале эксцентричного замысла по пленкам, которые доставили для шахтеров. Вероятно, Саттелл тоже. Поп больше не думал о богатых бездельниках — это не имело к нему никакого отношения. Но Саттелл продолжал писать отчаянные письма на Землю — у него появился новый замысел.

Поп продолжал тщательно выполнять свои обязанности: приводил в порядок хижину, обновлял разметку на посадочном поле и доставлял запасы в шахту. В свободное время он рисовал, надеясь восстановить утраченное прошлое. Так или иначе, у него проявился талант к рисованию, который оценили бы даже профессиональные художники. Впрочем, он не пытался произвести впечатление на других людей; все, что он делал, было для себя. Рисование, в особенности когда он думал о Саттелле, помогало ему пробуждать в памяти все новые детали прежней жизни. К нему вернулись мгновения счастья. Однажды он вспомнил щенка, которого так любили его дети. Он с огромной тщательностью его изобразил — и как будто вновь обрел утерянного зверька. Теперь он мог представлять перед глазами образы близких в любое время. Забытое прошлое постепенно раскрывалось перед ним.

Поп неустанно искал способ ускорить этот процесс. Однако на Луне ему не хватало материалов. Все грузы доставляли с Земли, корабли преодолевали путь, более чем в тысячу раз превышавший длину экватора. Естественно, сюда редко привозили карандаши, бумагу или краски. Поп даже не решался об этом просить.

И он начал исследовать окрестности хижины в поисках того, чего не мог получить с Земли. Он собирал различные камни, но, как только они нагревались до комнатной температуры, выяснялось, что их невозможно использовать. Ему не удавалось найти ничего, что могло бы послужить для лепки или высекания портретов.

Он отыскал минералы, которые превратил в порошок и использовал в качестве красителей, но они так и не вернули ему молодость. Он даже размышлял об организации небольшого взрыва. Была такая возможность. В шахте проводились горные работы при помощи жидкого кислорода, который загорался от обычной искры. Получалось неплохо. А выделялся при этом лишь углекислый газ, с которым успешно боролись фильтры кондиционера.

Однако он не стал ничего предпринимать, поскольку не нашел подходящего материала. Для его целей прекрасно подходил мрамор, но на Луне его не было и в помине. Естественно! Однако Поп неустанно продолжал поиски, желая поскорее обрести память. Саттелл все еще был ему необходим, но...

Однажды ранним лунным утром, когда он находился в двух милях от хижины, он увидел в небе ракету. Очень странно. Он никого не ждал. Тем не менее, повернув голову, он заметил над горизонтом приближающийся корабль — тот летел вовсе не в сторону Луна-Сити. Нет, не может быть!

Он не сводил с него глаз. Крошечная серебристая ракета быстро теряла скорость, за ней тянулся хвост яркого пламени. Нет, пилот явно не был профессионалом. Ракета двигалась по крутой параболе. Пилот совершил ошибку, и ему пришлось вновь включать двигатель, чтобы подкорректировать траекторию. Короче говоря, получилась крайне неудачная посадка. Корабль даже не сумел попасть на взлетное поле. Один из стабилизаторов был сильно помят. Ракета стояла на поверхности Луны, слегка накренившись.

Ничего не происходило.

Поп направился к ракете своеобразной скользящей походкой, естественной при лунном тяготении. Когда до корабля оставалось около полумили, в нем открылся шлюз. Однако никто не вышел на поверхность Луны. Не появились люди в скафандрах, не началась выгрузка цистерн с топливом и контейнеров с кислородом.

Солнце только что взошло над обратной стороной Луны. Невероятно длинные, мрачные тени протянулись по равнине, половина корабля оставалась ослепительно белой, а вторая стала черной, как ночь. Солнце низко висело на усыпанном звездами небе. Поп с трудом двигался вперед, преодолевая глубокую лунную пыль. Он не сомневался, что корабль прилетел с Земли, а не из Луна-Сити. Он не мог представить, зачем сюда прибыла ракета. Он не связал ее появление с Саттеллом, написавшим на Землю о белых кристаллах, которые без всякой охраны лежат в хижине Попа,— о сотне фунтов невероятного богатства.

Поп подошел к ракете и остановился возле одного из огромных стабилизаторов. К нему были припаяны скобы, по которым Поп поднялся к открытому шлюзу.

Он сразу же увидел, что со шлюзом все в прядке. Сквозь стеклянный иллюминатор внутренней двери он заметил, что за ним кто-то следит. Он захлопнул внешний люк и почувствовал, как в замкнутое пространство начинает проникать воздух. Наконец внутренняя дверь открылась, и Поп уверенным движением снял шлем.

И удивленно заморгал. За дверью оказался рыжеволосый человек, который хищно ухмылялся. В руках он держал оружие, направленное Попу в живот.

— Только не надо заходить! — насмешливо сказал он.— Мне наплевать, кто ты такой. Это вовсе не визит вежливости. Я здесь по делу!

Поп смотрел на него, открыв рот. Он не мог поверить собственным глазам.

— Это ограбление! — сурово сообщил рыжий.

Теперь Поп сумел заглянуть ему за спину. Он увидел, что внутри корабля было пусто, лишь наверх вела спиральная лест-

ница. Вдоль нее шли пластиковые прозрачные перила. Стены были совершенно голыми, но несли следы былой роскоши. Поп завороженно смотрел на пластик.

Рыжий наклонился вперед и с угрюмой усмешкой ударил Попа дулом по лицу. Потекла кровь. Бессмысленная жестокость.

— Слушай меня! — рявкнул рыжий грабитель.— Я же сказал, это ограбление! Ты понял? Быстро принеси сюда контейнер с камушками из шахты! Алмазы! Неси их мне! Понял?

— Какого дьявола? — тупо спросил Поп.

Рыжий еще раз ударил его. Грабитель явно нервничал, поэтому хотел доказать свое превосходство.

— Шевелись! — прорычал он.— Я хочу получить алмазы, которые приготовлены для корабля из Луна-Сити! Неси! — Поп слизнул с губ кровь, и человек с оружием взревел: — Позвони на шахту! Скажи Саттеллу, что я здесь и что он может подниматься наверх! Пусть принесет алмазы, которые они добыли за это время!

Он наклонился вперед, и его лицо оказалось в нескольких дюймах от лица Попа Янга. В глубине глаз рыжего был заметен страх. Впрочем, любой человек нервничает, если не прошел специальную подготовку и не привык к слабому тяготению.

— А теперь слушай меня внимательно! — задыхаясь, продолжил он.— Если ты попытаешься выкинуть какой-нибудь фокус, мы стартуем! Сожжем тебя к чертям собачьим! Пролетим над твоей хижиной — и тебе конец. А потом над кабелем, ведущим в шахту, и пламя его расплавит! Умрешь не только ты, но и все шахтеры! Так что без шуточек! Мы сюда не просто так прилетели!

Его трясло. На всякий случай он еще раз ударил Попа Янга в лицо. Казалось, он в ярости и находится на грани истерики. Стандартная реакция на космический перелет — бессмысленная злоба, вызванная ужасом. Однако Поп ничем не мог ответить грабителю. На Луне не было оружия, а упоминание имени Саттелла показало, что блефовать бесполезно. Теперь, когда суть аферы стала ясна, Поп понял, что ничего не сумеет сделать.

Рыжий человек с трудом справился с собой, отступил назад и захлопнул внутреннюю дверь. Заработали насосы.

Поп надел шлем. Распахнулся внешний люк, и он медленно спустился на поверхность.

Он неторопливо зашагал к хижине. Как только грабитель упомянул Саттелла, мысли Попа заработали быстрее. Так происходило всегда. Он начал соотносить известные факты. Рыжий грабитель знал все подробности происходящего на шахте. Ему был известен Саттелл. Это просто. Саттелл планировал многомиллионное ограбление, как узник планирует побег. Многое объясняла пустая каюта на корабле.

Очевидно, они по дешевке купили один из лайнеров. Или просто его украли. Кроме того, соучастники Саттелла должны были каким-то образом добыть топливо и найти пилота. Но здесь их дожидались алмазы на пять миллионов долларов, а всю работу могли выполнить два человека — третьим, естественно, являлся сам Саттелл. Весьма вероятный расклад. Так или иначе, преступники сумели осуществить первую часть замысла.

Поп подошел к груде пыли — своей хижине — и залез в шлюз. По видеофону он связался с шахтой и передал послание именно в такой форме, в какой приказал рыжий грабитель. Саттелл должен подняться наверх с запасом алмазов, который накопился в шахте за время работы. В противном случае корабль уничтожит хижину, Попа и всю колонию.

— Полагаю, что Саттелл все продумал заранее, — объяснял Поп, тщательно проговаривая слова.— Вероятно, у него есть оружие, так что не пытайтесь удержать его в шахте. Но он не знает, что его друзья уже здесь,— во всяком случае, пока.

Дежурный дрожащим голосом задал несколько вопросов.

— Нет, — ответил Поп.— У них все получится. Имей мы возможность сообщить об ограблении, их корабль сразу же начали бы преследовать. Но если меня убьют, хижину сожгут, а кабель расплавят, они успеют добраться до Земли прежде, чем удастся проложить новый. Поэтому они в любом случае доведут дело до конца. На вашем месте я бы не стал ничего говорить Саттеллу. Это даст нам шанс. Пусть он ждет.

Еще один вопрос.

— Я? — спросил Поп.— О, я намерен сделать все, что в моих силах. На корабле есть то, что мне нужно.

Он выключил связь и подошел к кондиционеру. Взял контейнер с алмазами стоимостью в пять миллионов долларов. Потом нашел ведро и равнодушно высыпал туда камни. Они медленно опустились на дно.

Поп задумчиво посмотрел на свои рисунки. Теперь он хорошо помнил жену. И двоих детей, которые играли вместе. Он с нетерпением ждал шанса воскресить в памяти еще что-нибудь. Поп ухмыльнулся.

— Пластиковые перила, — с глубоким удовлетворением сказал он.— Пожалуй, этого хватит.

Сорвав простыню с койки, он занялся пустым контейнером. Тот был снабжен двойными стенками для термоизоляции. Даже на Земле необработанные алмазы при огранке иногда распадаются на части. А на Луне они могут подвергнуться резким перепадам температуры, что крайне нежелательно. Так что контейнеры с двойными стенками позволяют избежать подобного риска.

Поп сложил простыню в контейнер. Ему приходилось торопиться, поскольку грабитель явно нервничал. Затем он вынул небольшой фонарик из запасного скафандра. Аккуратно разбил стекло и обнажил нить накаливания. Положил лампу поверх простыни и насыпал сверху порошок магния. Теперь оставалось добавить еще кое-что. Он взял баллон и пропитал простыню жидким кислородом.

Когда Поп закончил, хижина подернулась туманом. Со вздохом облегчения он захлопнул крышку контейнера. Он все устроил так, чтобы, когда грабители ее откроют, фонарик включился — и по нити накаливания пробежала искра. Жидкий кислород в контакте с магнием — гремучая смесь.

Он вышел из хижины. По дороге, когда он вновь задумался о Саттелле, вернулся еще один кусочек жизни. На годовщину свадьбы они с женой отправились в ресторан, чтобы отпраздновать это событие. Поп вспомнил, как выглядела его жена,— и ту радость, которую они делили друг с другом. Тогда они точно знали, что никогда не расстанутся.

Поп жадно подумал, что нужно сохранить эти воспоминания, навсегда сделать их своим достоянием. И здесь не обойтись рисунком! Нужно продлить момент...

Если бы не контейнер, который он держал в руках, и не скафандр, Поп потер бы ладони.

Зазубренные стенки кратера высоко поднимались, нарушая однообразие лунного ландшафта. Чудовищные чернильные тени простирались на гигантские расстояния. Солнце, словно огромный зрачок, висело над краем кратера. Казалось, оно ненавидит все сущее.

Поп подошел к ракете, взобрался по скобам к входному шлюзу и закрыл за собой люк. Зашипел воздух. Давление выровнялось. Он снял шлем.

Когда рыжий грабитель открыл внутреннюю дверь, его руки, сжимающие оружие, отчаянно тряслись. Поп спокойно сказал:

— Теперь я должен заняться подъемником, если Саттелл намерен выбраться из шахты. В противном случае он там и останется.

Рыжий грабитель злобно прищурился, однако не мог отвести глаз от контейнера.

— Если попытаешься нас обмануть, — прохрипел он, — сам знаешь, что тогда будет!

— Да, — ответил Поп.

И спокойно надел шлем. Но его взгляд устремился к лестнице, чистому прозрачному пластику, толщиной никак не меньше трех дюймов. И его было так много!

Внутренняя дверь закрылась. Поп распахнул внешний люк и не спеша спустился. Потом уверенными прыжками устремился к хижине.

И тут последовала ярчайшая вспышка. Естественно, он ничего не услышал. Но что-то полыхнуло, и лунная поверхность дрогнула под подошвами тяжелых башмаков. Он обернулся.

Ракета разваливалась на куски. Взрыв получился великолепным. Конечно, простыня, пропитанная жидким кислородом, не так хороша, как технический углерод, который используют в шахтах. Даже с порошком магния, необходимым для возгорания, самодельная бомба не могла сравниться с тротилом. Но на корабле находилось топливо для обратного пути. И оно сдетонировало. Пройдет еще несколько минут,

прежде чем осколки упадут на поверхность Луны. Здесь все происходит гораздо медленнее.

Поп не стал ждать. Он тут же приступил к поискам. Стальная плита упала всего в нескольких ярдах от него, но он не стал отвлекаться.

Когда Поп вернулся в хижину, с его губ не сходила улыбка. Как только он снял шлем, сразу же раздался сигнал вызова. Он поднял трубку и услышал дрожащий голос дежурного:

— Мы ощутили удар! Что случилось? Что нам делать?

— Ничего не делайте, — посоветовал Поп.— Все в порядке. Я взорвал корабль, и вам не о чем беспокоиться. На вашем месте я бы ничего не стал говорить Саттеллу.

Он с любовью смотрел на кусок пластиковых перил, который удалось отыскать неподалеку от места взрыва. Как только разговор с дежурным закончился, Поп быстро снял скафандр и положил пластик на стол.

Он стал планировать, что вырежет на четырехдюймовом куске перил. Когда он закончит работать, сверху ляжет слой краски. И все это время Поп будет размышлять о Саттелле, поскольку именно так ему удается возвращать утерянные фрагменты собственной жизни — жизни, которую Саттелл у него отнял. Теперь он многое сможет вспомнить!

Нет, Поп Янг не размышлял, что сделает, когда вспомнит совершенное Саттеллом преступление. Он не сомневался, что это произойдет только после того, как к нему вернется вся его жизнь.

Он с усмешкой подумал, что люди называют такие произведения искусства, сделанные одинокими людьми в удаленных от цивилизации местах, безделушками.

Но в них скрыто нечто большее!

Власть

Записка от профессора Чарлза, кафедра латинского языка, Гаверфордский университет, профессору Макфарланду, физический факультет того же университета:

«Дорогой профессор Макфарланд!

Среди полученных недавно из-за границы документов пятнадцатого века на латинском языке мы обнаружили три, которые, по нашему мнению, связаны друг с другом. Мы занимаемся изучением латинского языка того периода, но мне кажется, что содержание этих документов должно вас заинтересовать, поскольку в них затрагиваются вопросы, над разрешением которых вы трудитесь. Я посылаю вам перевод. Хотелось бы узнать ваше мнение по поводу того, что вы прочтете в посылаемых вам документах.

Чарлз».

Иоганну Гартману,
лиценциату философии,
живущему в доме
золотых дел мастера Грота,
улица Красильщиков,
Лейден, Нижние Земли.

Друг Иоганн!

Я пишу тебе в гостинице «Голова гота», что в Падуе, на второй день после Михайлова дня, в 1482 году от Рождества Христова. Я очень спешу, так как один досточтимый датчанин

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

отправляется домой и обещал доставить мои письма по назначению. Он добрый малый, но совершенно невежествен. Не говори с ним ни о каких загадочных явлениях, ибо он совсем ничего не смыслит в этих вопросах. Поблагодари его, налей ему вина, поговори обо мне как о набожном и уважаемом ученом и забудь о нем.

Завтра я покидаю Падую с целью претворить в жизнь твои и свои чаяния и надежды. На этот раз я совершенно уверен в успехе. Я приехал сюда, чтобы купить благовония и мандрагору и еще кое-что необходимое для совершения Таинства, значение которого невозможно выразить никакими словами. Сие знаменательное событие должно произойти через пять дней на одном из холмов, что расположены неподалеку от Монтевеккьо. Мне посчастливилось узнать Имя и Слово, которые позволяют вызвать в известном мне одному месте Могущественную Силу, способную наградить меня знанием невероятных тайн и сути чудесных явлений. Когда ты будешь читать эти строки, я уже буду обладать такой силой, о которой сам Гермес мог только мечтать и которую Альберт Великий называл не иначе как ересью. Я уже не раз обманывался и ошибался в прошлом, но сейчас я совершенно уверен в успехе, ведь мне были представлены доказательства! Я не могу справиться с волнением, когда пишу эти строки. Буду краток. Я наткнулся на очень интересный случай в деревне Монтевеккьо, куда я въехал, когда уже спускалась ночь. Настроение у меня было самое мрачное, потому что я потратил целый месяц на бессмысленные поиски одного ученого человека, о котором я слышал много необыкновенных и удивительных вещей. Я отыскал его, но он оказался древним стариком, не имеющим ни малейшего представления о каких бы то ни было чудесах. По пути домой я заехал в Монтевеккьо, и там мне рассказали о человеке, который был при смерти, и что причиной его смерти послужило его собственное весьма странное и необычное поведение. Он пришел в деревню накануне, одетый в богатые одежды, а изъяснялся как простой крестьянин. Сначала он вел себя тихо и скромно, но поскольку он заплатил за еду и вино золотом, жители деревни стали заискивать перед ним в надежде получить побольше. Он бросил им горсть золота, а когда весть о нем облетела деревню,

жители как будто посходили с ума от жадности. Они столпились около этого человека, выкрикивая просьбы, и чем больше он пытался удовлетворить их, тем больше они теряли рассудок и выходили из себя. Говорят, он испугался и хотел убежать, но не смог, так как был окружен плотным кольцом орущих людей. Они хватали его за одежду и руки, жалуясь на свою нужду и беды, и вдруг его богатое одеяние исчезло, а крестьяне увидели оборванного бедняка, ничем не отличающегося от них самих, кошель же, из которого он доставал деньги, неожиданно превратился в старый грубый мешок, наполненный пеплом.

Описанные мной события произошли за день до моего появления в деревне, и незнакомец был еще жив, хотя жить ему оставалось недолго, потому что жители деревни объявили его колдуном и побили камнями, а затем притащили к деревенскому священнику, чтобы тот изгнал из него злого духа.

Я не только видел того человека, друг Иоганн, мне даже удалось поговорить с ним. Я сообщил священнику, что, будучи очень набожным человеком, занимаюсь изучением козней, которые нам строит Сатана, и что особенно меня интересуют колдовство и колдуны. Бедняга чуть дышал, и неудивительно, у него было огромное количество ран, нанесенных вилами, и сломано несколько костей. Оказалось, что до описываемых событий он был самым обычным крестьянином и всю свою жизнь прожил в той же местности. Поскольку я пообещал ему, что священник отпустит ему все его грехи, если он умрет, он рассказал мне, что с ним произошло. Поразительная история!

Он задремал где-то около полудня на некоем холме, где я собираюсь через пять дней совершить Таинство. И вдруг перед ним появился Могущественный Властелин, который предложил научить его творить разные чудеса. Но крестьянин был глуп и попросил всего лишь богатства. Так вот, Могущественный Властелин дал ему богатое одеяние и кошель, который никогда не опустеет,— так сказал Властелин,— если только не окажется рядом с определенным металлом, уничтожающим все чудесные подарки Властелина. Он сообщил крестьянину, что тот получил свое богатство и должен взамен послать на волшебный холм ученого, способного воспри-

нять то, о чем говорит Таинственный незнакомец, поскольку сам крестьянин туп и невежествен. Тут я сказал крестьянину, что пойду и поговорю с Таинственным незнакомцем и исполню его волю, и тогда он назвал мне Имя и Слово, произнеся которые я смогу вызвать Таинственного Властелина, а еще он объяснил мне, как найти то место, где он повстречался с ним. А потом стал умолять меня замолвить за него словечко перед священником.

Священник показал мне золотую монету, оставшуюся от тех, что раздавал бедняга крестьянин. Судя по печати, ее отлили очень давно, но можно было подумать, что она сделана совсем недавно, такой блестящей и новенькой она была. На ощупь и вес — настоящее золото. Но тут священник, усмехнувшись, дотронулся до монеты крестом, висевшим на тонкой железной цепочке у него на поясе, и вдруг монета исчезла, вместо нее осталась лишь кучка раскаленного угля, который, остыв, превратился в пепел.

Я видел все это собственными глазами, Иоганн! Поэтому я немедленно отправился в Падую, чтоб купить благовония, мандрагору и еще кое-что необходимое для свершения Таинства и для того, чтобы ублажить Могущественного Властелина, которого я собираюсь вызвать ровно через пять ночей. Он предложил крестьянину мудрость, а тот мечтал лишь о золоте. Но я стремлюсь к знанию больше, чем к богатству, и, конечно же, я достаточно образован в вопросах, касающихся чудес и разного рода тайн. Я не знаю никого, кто превзошел бы меня в этом знании, кроме тебя конечно. Но когда ты прочтешь мое письмо, Иоганн, я превзойду даже тебя! Впрочем, вполне возможно, что я получу такие знания, которые помогут мне перенестись к тебе, и я смогу сам рассказать тебе все еще раньше, чем ты получишь мое письмо о том, как меня наконец посетила удача, мысли о которой заставляют меня уже сейчас дрожать от возбуждения.

Твой друг Карл,
в гостинице «Голова гота» в Падуе.

...мне подвернулся случай послать тебе второе послание через получившего ранения и следующего на заслуженный отдых солдата из отряда наемников. Я дал ему золотой и обе-

щал, что ты дашь ему еще один, если он доставит тебе мое письмо. Поступай с моим обещанием как пожелаешь, но свиток со странными значками, который я тебе посылаю, стоит не меньше золотого, можешь мне поверить.

Итак, я ежедневно встречаюсь с Могущественным Властелином, о котором я тебе писал, и он дает мне все новые и новые чудесные знания.

Кроме того, я уже могу творить чудеса, при помощи определенных талисманов и тайных печатей, данных мне Таинственным Властелином. Еще ни одному человеку не удалось свершить то, что подвластно мне. Но Таинственный Господин категорически отказывается открыть мне Имена или заклинания, зная которые я сам смог бы изготовить себе тайные печати. Вместо этого он обучает меня самым разнообразным вещам, не имеющим ни малейшего отношения к тому, что меня интересует, и это вызывает у меня, конечно же, самое искреннее огорчение и разочарование, которые я тщательнейшим образом скрываю.

Итак, я посылаю тебе часть свитка. Пойди в уединенное место, порви свиток и брось кусочки на землю. В то же самое мгновение ты окажешься в прекрасном саду с чудесными деревьями, павильонами и статуями. Можешь пользоваться садом по собственному усмотрению с единственным лишь условием: если ты или еще кто-нибудь войдет туда с мечом, или кинжалом, или любым, пусть самым крошечным, предметом, изготовленным из железа, великолепный сад исчезнет навсегда.

Ты можешь проверить мои слова в любой момент. Что касается всего остального, так я сам себе напоминаю трепещущего у врат Рая несчастного, которого не пускают дальше. Ведь Могущественный Властелин держит от меня в секрете основы своих знаний о тайнах и чудесах, швыряя мне лишь крохи, и тем не менее они являются величайшими из всех известных мне чудес. Например, свиток, который я посылаю тебе. Его действие я уже испробовал не один раз. И таких тайных и могущественных печатей у меня огромное множество, их дал мне Властелин по моей просьбе. Но когда я взял другие свитки и аккуратно переписал на них все значки, оказалось, что они не имеют никакой силы. Необходимо произне-

сти какие-то слова или формулы или, как мне кажется, использовать какое-то специальное заклинание, дающее этим свиткам волшебную силу. У меня возник план, совершенно безумный,— я надеюсь заполучить самое главное заклинание.

Но тебе, конечно же, любопытно узнать о самом Таинстве и о том, что из всего этого вышло: за три дня я добрался из Падуи до Монтевеккьо, крестьянин, рассказавший мне о Таинственном незнакомце, к тому времени уже умер, поскольку жители деревни, охваченные ужасом, размозжили ему голову молотками. Меня это вполне устраивало, поскольку я боялся, что он назовет еще кому-нибудь волшебные Слово и Имя. Я поговорил со священником и, объяснив ему, что был в Падуе, где заручился советом тех, кто знает, как надо бороться с неожиданно возникающими чудесами разного рода, сказал, что мне было приказано вернуться и при помощи особых заклинаний разыскать, а затем изгнать злого духа, научившего несчастного крестьянина своим гнусным штукам.

На следующий день мы вместе со священником отнесли на вершину холма благовония, свечи и прочие необходимые для свершения Таинства предметы. Священник дрожал от страха, но остался бы, если бы я его не отослал в деревню. И наступила ночь, и я начертил магический круг и пятиугольник, расположив знаки так, как полагается. Тут вышла луна, я возжег благовония и тонкие свечи и приступил к Таинству. Тебе прекрасно известно, что меня в жизни посетило немало разочарований, но на этот раз я был совершенно уверен в успехе. Когда пришло время назвать Имя и Слово, я громко трижды произнес их и стал ждать. Холм, где я расположился, весь усеян множеством серых камней. Когда Имя прозвучало в третий раз, один из камней вдруг зашевелился, а через мгновение пропал. Потом чей-то голос сухо произнес:

— Теперь понятно, почему здесь так воняет! Тебя прислал сюда мой гонец?

На месте исчезнувшего камня была тень, и я не видел того, кто там прятался, но отвесил ему низкий поклон.

— Величайший и Наимогущественнейший Господин,— сказал я, и голос мой дрожал от радости, что Таинство, о котором я мечтал, свершилось,— крестьянин, творивший чудеса, сказал мне, что ты пожелал встретиться с образованным человеком. Рядом с твоим могуществом мои знания ничтожны, но я посвятил жизнь изучению всевозможных тайн и чудес. Поэтому я здесь и готов поклоняться тебе и исполнить все, что ты только прикажешь, в обмен на твою мудрость.

Тени зашевелились и Властелин выступил вперед: крошечное существо, на лице которого было написано скептическое нетерпение. Он был весь окутан каким-то дымом, который делал его фигуру едва различимой и который имел необыкновенно приятный запах.

— Похоже,— сказал он сухо,— что ты такой же точно дурак, как и тот крестьянин, с которым я разговаривал до тебя. Как ты думаешь, кто я такой?

— Принц небесного происхождения,— ответил я дрожащим голосом.

Стало тихо. Затем Властелин устало произнес:

— Люди! Вечные дураки! Послушай, я всего лишь последний оставшийся в живых путешественник с другой звезды. На вашей маленькой планете есть проклятый металл, который разрушает все, что сделано на нашей планете. Несколько наших кораблей оказались слишком близко. Другие попытались помочь им и разделили их судьбу. Уже очень много лет назад мы спустились с небес и не смогли подняться вновь. А теперь я остался один.

Рассуждения о нашем или еще о каком-то мире как о планете — полнейшая чепуха, конечно же. Планеты путешествуют между звездами и имеют свои циклы и эпициклы, так нам объяснил Птолемей еще тысячу лет тому назад. Но я сразу понял, что Таинственный незнакомец решил испытать меня. Поэтому я осмелел и сказал:

— Господин, я не боюсь. Разве мне неизвестно о тех, кто был изгнан с небес за непослушание? Должен ли я написать Его имя?

— Что? — произнес мой собеседник каким-то слабым старческим голосом.

Улыбаясь, я написал имя того, кого невежды зовут Люцифером. Он посмотрел на значки на земле и сказал:

— О! Все бессмысленно! Еще одна легенда. Послушай, человек, я скоро умру. Очень много лет, гораздо больше, чем

ты в состоянии представить себе, я прятался от людей и от вашего проклятого металла. Я наблюдал за вами и презирал вас. Но я умираю. Мои знания не должны исчезнуть. Я решил поделиться с людьми тем, что может погибнуть вместе со мной. Моему народу я не причиню вреда, а люди смогут благодаря моим знаниям со временем достигнуть определенного уровня цивилизации.

Я склонился перед ним до земли. Я сгорал от нетерпения.

— Ты можешь доверять мне,— сказал я ему, ликуя.— Я буду хранить твои секреты. Никогда и никто не свете не узнает того, что ты мне сейчас откроешь.

И снова он заговорил со мной раздраженно и сухо.

— Я хочу, чтобы мои знания стали всеобщим достоянием. А...— Тут он произнес нечто, чего я не понял, но тон был презрительным.— То, что я собираюсь сказать, может служить людям даже в вывернутом наизнанку виде. Кроме того, я не думаю, что ты сможешь сохранить все в секрете. Есть ли у тебя перо и бумага?

— Нет, Господин!

— Ты должен прийти снова, чтобы записать то, что я скажу тебе.

Он не исчез, а остался стоять, разглядывая меня. Он задавал мне вопросы, и я охотно отвечал ему. Наконец он задумчиво заговорил, а я с волнением слушал. Его речь была странно похожа на речь одинокого человека, живущего прошлым, но вскоре я понял, что его слова полны загадок и аллегорий, из-за которых время от времени выглядывала истина. Как человек, вспоминающий нечто, он говорил о своем доме, который, по его словам, находился на прекрасной планете, расположенной так далеко, что это расстояние невозможно измерить никакими земными мерками. Он говорил о городах, где жили его друзья, по умным речам которых он тосковал,— здесь, конечно же, я прекрасно понял, что он имел в виду,— и об огромных летающих флотилиях, путешествовавших из одного прекрасного города в другой, о музыке, которая наполняла воздух и нежные звуки которой мог слышать каждый житель планеты. И он говорил чистую правду, поскольку каждому известно, что небеса наполнены сладчайшими звуками музыки. Но через секунду он сказал нечто

совершенно невозможное: глядя на меня с улыбкой, он сообщил, что в той музыке нет ничего загадочного и тайного и что появляется она благодаря волнам, похожим на волны света. Самая настоящая загадка — ибо свет есть жидкость, не имеющая ни длины, ни, конечно же, волн и которую нельзя потрогать. Затем он заговорил о полетах в пустоте, а я продолжаю теряться в догадках по поводу того, что же он имел в виду. Ведь всякий может видеть небо, усыпанное звездами, а он говорил о множестве солнц и других миров, и будто бы некоторые из них похожи на ледяную пустыню, а иные на огромную неприступную скалу. Тут его слова показались мне совсем туманными и загадочными. А еще он рассказал о том, как они приблизились к нашему миру, и о сделанной ошибке, будто бы речь шла о математических расчетах, а не о непослушании, и о том, как они, подобно Икару, сожженному Солнцем, упали на Землю. Затем он опять заговорил о непонятных мне вещах, о каких-то двигателях, которые перегрелись из-за проклятого металла, имеющегося на Земле, и о неспособности его народа к борьбе с этим явлением. Притяжение Земли — еще одна загадка,— а потом он вспомнил о головокружительном падении с небес на Землю. Совершенно ясно, что его слова — описание того, как грешники были изгнаны из Рая, и признание того, что он — один из них.

Когда он замолчал, я стал умолять его показать мне какое-нибудь чудо и дать мне способ защититься на случай, если о моем разговоре с ним станет известно.

— Что случилось с моим посланником? — спросил он.

Я рассказывал ему, а он сидел не шевелясь и слушал меня. Я постарался не упустить ни одной подробности, ибо ему и так известна вся правда, просто он решил устроить мне еще одну проверку.

На самом деле я был уверен, что все случившееся с беднягой крестьянином специально подстроено, чтобы встретиться и поговорить со мной, поскольку я много лет занимаюсь изучением различных мистических загадок.

— Люди! — горько проговорил он наконец, а потом холодно добавил: — Нет! Я не могу никак тебя защитить. У моего народа на Земле нет никакой защиты. Если ты изучишь

то, чему я хочу тебя научить, тебе придется приготовиться к злобе своих соотечественников.

А потом он написал что-то на свитке, приложил его к какому-то предмету у себя на боку и бросил свиток к моим ногам.

— Если на тебя нападут,— сказал он с презрением,— порви этот свиток, а клочки разбросай. Внимание твоих врагов будет отвлечено, и ты сможешь скрыться. Но помни, стоит тебе взять в руки самый обычный кинжал, и все исчезнет.

Он отвернулся, сделал несколько шагов прочь и исчез. А я долго стоял трепеща, пока не вспомнил заклинание Аполлония Тианского, которое необходимо произнести после исчезновения злого духа. Потом я осмелился выйти из магического круга. Когда ничего дурного со мной не произошло, я поднял свиток и внимательно рассмотрел его в лунном свете. Нарисованные на нем значки показались мне бессмысленными. Даже я, изучивший все известное о магических тайнах, ничего не понял. Я отправился назад в деревню, а по дороге попытался понять, что же все-таки со мной произошло.

Я так подробно описал тебе свою встречу с Таинственным Властелином, чтобы ты понял, что ни гордости, ни злобы, о которых говорят в своих манускриптах специалисты, в поведении моего собеседника не было. Часто утверждают, что когда человек встречается с Могущественным Властелином, он должен быть настороже, чтобы не оказаться в его власти. Тем не менее тот, с кем повстречался я, говорил устало и иронично, совсем как человек на пороге смерти. И о смерти он тоже говорил. Конечно же, он обманывал и проверял меня, ибо кто же не знает, что Силы Тьмы бессмертны. По какой-то лишь ему известной причине он не хотел, чтобы я узнал правду. И я понял, что должен быть очень осторожен, чтоб не потерять столь бесценный шанс. В деревне я рассказал священнику, что я встречался со злым духом, который умолял меня не подвергать его Таинству Изгнания, пообещав раскрыть секрет спрятанных сокровищ, когда-то принадлежавших церкви, до которых он не только сам не сможет дотронуться, но и отдать их в руки человека, в чьей душе живет зло, поскольку сокровища эти освящены Церковью, но

он может описать мне место, где они находятся. Так мне удалось добыть пергамент, чернила и перья, и на следующий день я опять в одиночку отправился на вершину холма. Там было пусто, и я, убедившись, что меня никто не видит, и, отложив свой кинжал подальше в сторону, разорвал пергамент на мелкие кусочки и разбросал их. Как только они коснулись земли, передо мной появилось столько золота и драгоценных камней, что я чуть не потерял рассудок от охватившей меня в тот момент неуемной жадности. Я смотрел на мешки, сундуки и ящики, до краев наполненные золотом и драгоценными камнями, и не верил своим глазам. Их было так много, что они усыпали землю у моих ног: огромные камни, сияющие в лучах заходящего солнца, ожерелья, украшенные бриллиантами, и такое невероятное количество золотых монет самых разных времен, что...

Иоганн, представь себе, даже я поддался их власти и чуть не лишился рассудка! Я бросился вперед, мечтая лишь об одном: погрузить руки в это безбрежное море золота. Хохоча как безумный, я стал набивать карманы рубинами, нитками жемчуга и золотом; я купался в богатстве, оно поглотило меня — я подбрасывал монеты в воздух, а когда они падали на меня золотым дождем, я пел и смеялся.

И тут я услышал какой-то звук. Я испугался за свое сокровище и, зарычав, бросился к кинжалу, готовясь защитить драгоценности, хотя бы и ценой своей жизни.

Слова, которые я услышал в эту минуту, были произнесены холодно и равнодушно.

— Тебе и вправду наплевать на золото.

Он смеялся надо мной. Он стоял и разглядывал меня, теперь я видел его совсем ясно, впрочем, я различал лишь силуэт, ибо тело его снова окутывал туман. Я уже писал тебе, что мой незнакомец небольшого роста, но не успел сообщить, что на лбу у него растут шишковатые щупальца, которые заканчиваются шарами. Они совсем не похожи на рога. У него большая голова и...— нет, я даже не стану делать попыток описать его, он ведь может принимать любую форму, стоит ему только захотеть. Так что вовсе не важно, как он выглядит. Тут меня охватил ужас, потому что я не нарисовал ни магического круга, ни пятиугольника и был беззащитен. Но

Властелин не сделал ни одного угрожающего движения в мою сторону.

— Драгоценности — настоящие,— сказал он сухо.— Они имеют цвет и вес, и ты можешь их потрогать. Но твой кинжал уничтожит их.

Один мудрец из Коринфа говорил, что над магическими сокровищами необходимо совершить определенный обряд прежде, чем они станут принадлежать тебе и освободятся от власти тех, кто их тебе дал. Они вполне могут снова превратить его, ну, например, в листья или мусор, если не совершить обряда.

— Дотронься до золота кинжалом,— сказал Таинственный незнакомец.

Я повиновался, дрожа от страха. И как только железо коснулось золота, воздух задрожал, я увидел вспышку и сокровища, все до самой крошечной жемчужины, исчезли прямо у меня на глазах. Снова появился дымящийся пергамент. А мой кинжал обжег мне пальцы, таким горячим он стал.

— Ах да,— сказал Таинственный Властелин, кивнув головой.— У силового поля есть энергия. Когда железо поглощает ее, оно нагревается.— Затем он посмотрел на меня весьма дружелюбно и сказал: — Ты принес перья и пергамент. И уж по крайней мере не использовал то, что я тебе дал, чтобы произвести впечатление на своих друзей. А еще тебе хватило ума не устраивать тут снова той возмутительной парфюмерной вони. Может быть, все-таки что-то у тебя в голове есть. Я еще раз попробую объяснить тебе... Ладно, садись и возьми перо и пергамент. Подожди! Давай устроимся поудобнее. Спрячь свой кинжал в ножны или, еще лучше, отложи его подальше.

Я убрал кинжал за пазуху. Казалось, что Могущественный Властелин задумался над чем-то, затем он коснулся какого-то предмета у себя на боку — и мы оказались в чудесном павильоне с мягкими подушками и нежно поющим фонтаном.

— Садись,— сказал Властелин.— Я знаю, что людям нравятся подобные вещи, мне рассказал об этом один человек, с которым я когда-то подружился. Его ранили и ограбили разбойники, поэтому у него не было ни грамма вашего проклятого металла, и я смог помочь ему. Он научил меня языку,

на котором вы разговариваете. Но он так и не перестал верить в то, что я злой дух, и самым честным образом меня ненавидел.

Я все никак не мог успокоиться и забыть исчезнувшие сокровища. Ведь ни один король на свете не владел подобным богатством. Иоганн! Моя душа скорбела о тех сокровищах. Только золота там было столько, что не уместилось бы в твоем жилище, а тяжести драгоценностей не выдержал бы пол. О Иоганн! Какое там было богатство!

— То, что ты должен записать,— услышал я,— поначалу покажется тебе бессмыслицей. Сначала я расскажу тебе теории и факты, потому что их легче всего запомнить. Затем ты узнаешь, как их надо применять в жизни. И вот тогда вы, люди, окажетесь у истоков такой цивилизации, которая может существовать рядом с проклятым металлом.

— О Великий и Могущественный,— умолял я его,— дай мне еще один пергамент, в котором заключены сокровища.

— Пиши! — приказал он.

И я начал писать. Иоганн, я и сам не могу объяснить тебе того, что я записывал. Он произносил знакомые мне слова, но я не понимал их, будто он говорил на чужом языке. Вот, попытайся отыскать тайную мудрость в том, что ты прочитаешь: «Наша цивилизация основана на силовых полях, которые действуют всюду как субстанция. Магнетит окружен невидимым и неосязаемым силовым полем. Но поля, используемые моим народом для строительства жилищ, изготовления инструментов, средств передвижения и даже станков, можно потрогать и увидеть, ибо такова их сущность. Более того, мы умеем создавать такие поля и привязывать их к органическим объектам так, что они становятся постоянными полями этих объектов и не требуется никакой дополнительной энергии для их поддержания, так же как магнитные поля не нуждаются в дополнительной энергии, чтобы не иссякнуть. Наши поля также имеют трехмерную проекцию, могут принимать любую желаемую форму и обладают всеми характеристиками предмета, кроме его химического состава».

Иоганн! Разве не поразительно то, что некоторые слова, произнесенные вместе и имеющие отношение к тайным и магическим вещам, могут быть настолько лишены какого-

либо смысла и даже намека на возможность их понять? Я живу отчаянной надеждой, что он наконец даст мне ключ к тайне, но мне кажется, что узнать, понять и создать заклинание для свершения Таинства при столь загадочных и зашифрованных указаниях будет настолько сложно, что мой мозг отказывается мне подчиняться. Вот еще пример: «Когда будет построен генератор силового поля, описанного ранее, окажется, что пульсаторные поля, которые являются сознанием, в состоянии отлично контролировать все остальные силовые поля. Нужно только представить себе желаемый предмет, и генератор создаст его изображение на пульсаторном поле — сознании...»

В тот первый день мой таинственный и могущественный собеседник говорил бесконечно, долгие часы, а я писал, пока у меня не заболела рука и я уже совсем перестал что-либо понимать. Время от времени, чтобы отдохнуть, я читал ему те слова, которые записал. А он слушал меня и был явно доволен.

— Господин! — сказал я дрожащим голосом.— Могущественный Господин! Загадки, которые я записываю на пергамент по твоему повелению, непонятны простому смертному!

Но он ответил мне с презрением:

— Пиши! Со временем кто-нибудь сумеет разобраться в твоих записях. А я буду понемногу разъяснять тебе свои слова, так что даже ты сможешь осознать начала моих знаний.

Затем он добавил:

— Ты устал. Тебе нужна игрушка. Ладно. Я снова создам для тебя сокровища, с которыми ты так забавно развлекался. А еще я сделаю для тебя лодку с мощным мотором, чтобы ты мог добраться куда захочешь и при этом не зависеть ни от прилива, ни от ветра. Еще я дам тебе возможность построить себе великолепный дворец со сказочным садом там, где ты пожелаешь.

Он так и сделал. Мне кажется, что ему доставляет удовольствие, обдумав, написать значки на листах пергамента, прижать их к своему боку, а затем положить на землю у моих ног, чтобы я мог их поднять. Он с довольным видом объяснил мне, что чудеса спят, заключенные в лист пергамента, и, лишь порвав его, можно выпустить их на свободу, но главный враг этих чудес — железо — поглощает и уничтожает их.

Он очень любит говорить загадками, правда, иногда я вдруг понимаю, что он шутит.

Очень странно, но постепенно я стал воспринимать Властелина как человека. Это никак не вяжется с мистическими законами. Я ощущаю его одиночество. Мне кажется, ему нравится со мной разговаривать. А ведь он Могущественный Властелин, один из грешников, изгнанных из Рая. Он все время говорит об этом каким-то загадочным, непонятным языком, как будто он пришел из другого мира, похожего на наш, только гораздо большего. Он называет себя космическим путешественником и говорит с любовью о своем народе и о Небесах, во всяком случае, о городе, в котором он жил,— ведь должны же там быть огромные города — со странной и горделивой нежностью. Если бы не его чудесная сила, которая остается для меня загадкой, я бы вполне мог поверить в то, что он — единственный представитель народа, сосланного навечно на чужбину и подружившегося с человеком только потому, что ему одиноко. Но ведь невозможно обладать его способностями и не быть Могущественным Властелином. И вообще, кто же не знает того, что других миров не существует?

Наши непонятные мне встречи и разговоры продолжаются вот уже более десяти дней. Я исписал множество листов пергамента. Одни и те же загадочные метафоры появляются вновь и вновь. «Силовые поля» — бессмысленный термин — встречается очень часто. Есть еще другие слова, вроде «катушки», «первичный» и «вторичный», употребляемые, когда речь идет о медной проволоке. Он диктует мне совсем простым языком подробнейшие описания пластин из разного металла, которые необходимо опустить в кислоту. И еще говорит о круглых пластинах из таких же металлов, между которыми должен находиться воздух или воск определенной толщины. А вот объяснение того, благодаря чему он живет: «Поскольку я привык к намного более плотной атмосфере, чем здесь, на Земле, я вынужден поддерживать вокруг себя силовое поле, которое создает плотность воздуха, близкую к той, что существует на моей родной планете. Это поле невидимо, но, поскольку оно должно постоянно передвигаться, чтобы менять и обновлять воздух, которым я дышу, оно создает вокруг моего тела нечто похожее на облако. Это поле поддерживается генерато-

ром у меня на боку, который также обеспечивает энергией те артефакты, в которых у меня возникает нужда».

О друг мой, Иоганн! Я схожу с ума от нетерпения! Если бы я не верил в то, что наступит день, и он даст мне ключ ко всем своим загадочным речам, и я смогу узнать Имя и Слово, дающие жизнь его творениям, я бы давно поддался отчаянию и отказался от своей затеи.

Постепенно он становится добрее ко мне. Он дает мне все, о чем я его прошу, и я уже много раз испытывал его подарки. Пергамент, в котором заклинанием заключен прекрасный сад, один из многих, данных мне Могущественным Властелином. Он говорит, что стремится передать человеку свои знания, а затем заставляет меня писать таинственные и совершенно бессмысленные слова, например: «Корабль достигает скорости выше скорости света благодаря обычному генератору скорости, отличающемуся от описанного выше лишь тем, что в нем изменены константы таким образом, что он не может генерировать энергию в обычном пространстве и должен изменить пространство путем создания напряжений. Процесс...» Или еще... Я выбираю наугад, Иоганн... «Проклятый металл, железо, необходимо удалить не только из всех цепей, но и вообще не приближаться с ним к аппарату, использующему высокочастотные колебания, поскольку он поглощает их энергию и мешает действию...»

Я как несчастный, трепещущий на пороге Рая и не способный войти, поскольку ключ пропал куда-то. «Скорость света»! Интересно, что могут означать эти слова? Все равно что говорить о скорости погоды или гранита! Каждый день я умоляю его раскрыть секрет своих слов. Ведь даже в тех чудесных пергаментах, которые он дает мне, заключена такая сила, что и не снилась никому из смертных!

Но это еще не все. Он говорит так, будто он невыносимо одинок, последний представитель странного народа на Земле, будто бы ему нравится вот так запросто, поприятельски, беседовать со мной. Когда я молю его назвать Имя и Слово, дающие неограниченную власть над чудесными заклинаниями, его веселят мои мольбы, и он, правда весьма добродушно, называет меня дураком. И снова произносит свои загадочные речи о силовых полях, а потом дарит пергамент, в

котором заключен дворец с золотыми стенами и изумрудными колоннами. И весело напоминает мне, что какой-нибудь обезумевший от жадности грабитель с топором в руках способен разрушить мой дворец в одно мгновение. Я схожу с ума, Иоганн! Но я могу получить огромные знания. Постепенно, осторожно я стал вести себя так, будто бы мы с ним просто друзья, и хотя и принадлежим к разным народам, а он, конечно же, неизмеримо мудрее меня, но все же он — мой друг. И тем не менее я помню предупреждения уважаемых мной авторов манускриптов, что необходимо быть очень осторожным, когда имеешь дело с Силами, явившимися в результате свершения Таинства.

У меня появился план. Я знаю, он очень опасен, но я в отчаянии. Видеть и не быть в состоянии обладать такой мудростью и властью, какой ни один человек до тебя еще не только не имел, но даже не мог и мечтать...

Солдат, который передаст тебе это письмо, отправляется завтра. Он инвалид, и путь у него может занять месяцы. Когда ты получишь сие послание, все уже решится. Я знаю, что ты желаешь мне удачи. Попадал ли кто-нибудь еще, интересующийся всевозможными магическими тайнами и загадками, в столь печальную ситуацию, когда ты уже почти держишь знание в руках, но нет, в последний момент тебя лишают этого знания...

Твой друг Карл.
Написано в очень плохой гостинице
в Монтевеккьо.

Иоганн!

В Гент к герцогу Брабантскому отправляется курьер, и у меня появилась возможность послать тебе письмо. Мне кажется, я схожу с ума. Я обладаю несказанной властью, еще никто до меня не владел такой, и тем не менее в душе моей поселилась горькая печаль. Выслушай меня. Три недели я ходил на холм у Монтевеккьо и приносил к себе в гостиницу загадочные записи, о которых я тебе рассказывал. Мой сундук набит пергаментами с заклинаниями, но ни Имени, ни Слова, дающих Власть, я не узнал. Властелин насмехается и дразн-

нит меня, но как-то совсем невесело. Он утверждает, что в его словах нет ничего загадочного, их только нужно суметь прочитать. Некоторые из них он повторяет снова и снова, и теперь они превратились в нечто похожее на указания, как надо соединить куски металла вместе механическим путем. Затем он заставил меня выполнить эти инструкции. Но ни Имени, ни Слова произнесено не было — только куски металла, соединенные друг с другом очень хитрым способом. А как может металл, не вдохновленный магической и тайной силой Слова или произнесенного вслух заклинания, иметь способность творить чудеса?

Наконец я понял, что он никогда не откроет мне тайн, о которых говорил. И я уже был в столь дружеских отношениях с Властелином, что мог позволить себе восстать и даже поверить в то, что у меня есть шанс на успех. Вокруг его тела клубилось облако, поддерживаемое чудесной магической печатью, которую он носил у себя на боку и называл «генератором». Стоило уничтожить облако, и он погиб бы,— во всяком случае, так он мне сам говорил. Именно по этой причине он не осмеливался дотрагиваться и приближаться к железу. Так вот, у меня появился план.

Я притворился больным и сказал, что отдохну в крестьянской, крытой соломой хижине, стоявшей у подножия холма, в которой никто не жил. Конечно же, в таком грубом жилище не было ни единого гвоздя. Если он действительно так хорошо ко мне относится, как утверждает, он отпустит меня туда поболеть. Если его привязанность ко мне столь велика, он вполне может приходить ко мне туда, и мы сможем вести наши разговоры там. Уверенный в его дружбе, я буду там один.

Странные речи, если учесть, кто был моим собеседником, не так ли? Но я ведь общаюсь с ним вот уже три недели.

Я лежал и стонал в хижине в полном одиночестве. Он пришел на второй день. При виде его я изобразил огромную радость и зажег очаг. Он посчитал, что это знак уважения с моей стороны, а на самом деле я всего лишь подал сигнал. Затем, когда он начал расспрашивать меня о здоровье, снаружи раздался крик. Деревенский священник, простой, но очень

храбрый человек, помогал мне. Как только из трубы появился дым, он подобрался к хижине и протянул железную цепь вокруг нее — цепь мы заранее обернули тканью, чтобы она не гремела. И вот священник встал перед хижиной, подняв высоко над головой распятие и распевая торжественные заклинания, изгоняющие дьявола. Храбрейший человек этот деревенский священник, ведь я рассказал ему, что мой знакомый — страшнейший и ужаснейший враг всего человечества.

Властелин повернулся и посмотрел на меня, а я сжал в руке кинжал.

— Я держу проклятый металл,— сказал я злобно.— Дом окружен кольцом из этого металла. Немедленно назови мне магические Имя и Слово, которые заставляют твои заклинания действовать. Открой мне секрет тайнописи, которой ты заставлял меня писать. Тогда я убью священника, уберу цепь и не причиню тебе вреда. Ты сможешь спокойно уйти отсюда. Говори быстрее или...

Властелин бросил на землю пергамент, и тут же заклубился туман, будто бы на свет должно было явиться нечто ужасное. Но через мгновение пергамент обуглился и превратился в пепел. Железное кольцо вокруг хижины уничтожило его силу. Властелин понял, что я говорю правду.

— А! — сухо сказал он.— Люди! А я-то считал его своим другом.

Он дотронулся до своего бока.

— Конечно же! Я должен был знать: железо окружает меня. Мой прибор греется...

— Имя! — зарычал я.— Слово! Дай мне Власть, и я убью священника!

— Я попытался,— сказал Властелин тихо,— дать тебе мудрость. А ты готов заколоть меня проклятым металлом, если я не скажу тебе того, чего на самом деле не существует. Но все равно я не смогу прожить долго в железном кольце. Мой генератор сгорит, и силовое поле исчезнет. Я задохнусь в воздухе, которым вы дышите. Разве ты не получишь от этого удовлетворения? Разве необходимо еще и заколоть меня?

Я вскочил со своего соломенного ложа, чтобы напугать его еще больше. Я совсем обезумел, Иоганн, я не помнил себя!

— Помни,— сказал Властелин,— что, умирая, я мог бы убить и тебя, но я считал тебя своим другом. Я выйду к твоему священнику. Я предпочитаю умереть от его руки. Возможно, он всего лишь просто дурак.

Он спокойно пошел к двери. Когда он переступил через цепь, мне кажется, я увидел легкий дымок, но он дотронулся до предмета у себя на боку, и туман вокруг его тела рассеялся. Послышался хлопок, и одежды Властелина взметнулись как от порыва ветра. Он споткнулся, но продолжал идти, потом снова дотронулся до своего бока и облако снова окутало его тело, а он пошел увереннее. Он даже не попытался свернуть в сторону, а шел прямо к священнику, и даже мне было видно, с каким достоинством он держался.

Тут я увидел, как священник вытаращил глаза: он-то увидел Властелина, который был небольшого роста, с огромной головой и шишковатыми щупальцами на лбу, в первый раз. Священник сразу понял, что это существо не принадлежит к миру людей, а является Могущественным Властелином и одним из грешников, изгнанных из Рая.

Я услышал, как Властелин с достоинством заговорил со священником, но слов я не расслышал. Я был зол и разочарован. Но священник не дрогнул. По мере приближения Властелина он начал двигаться ему навстречу. Его лицо перекосила гримаса ужаса, но он был полон неколебимой решимости. Он вытянул вперед руку с распятием, которое было прикреплено к железной цепочке у него на поясе. Выкрикивая слова молитвы, он пытался дотронуться распятием до Властелина.

И тут появился дым. Из того места, где был генератор на боку у Властелина и которого он касался, чтоб оживить свои магические печати и заклинания. А потом...

Я был ослеплен. Будто молния с небес, вспыхнул ослепительный голубой свет, который превратился в рычащий огненный шар, а затем в облако черного дыма. А над нашими головами прогремели яростные раскаты грома.

И все. Священник с серым от ужаса лицом, но с горящими фанатичным огнем глазами и обгоревшими бровями распевал молитвы дрожащим голосом.

Я приехал в Венецию. У меня масса пергаментов с заклинаниями, и я могу творить чудеса, которые и не снились ни одному человеку. Но я до них не дотрагиваюсь. Я работаю день и ночь, не разгибая спины, пытаясь разгадать тайнопись, чтобы получить ту мудрость, которой обладал Властелин и хотел отдать людям.

Ах, Иоганн! У меня есть заклинания, и я могу творить чудеса, но ведь стоит мне использовать эти заклинания, других уже не будет, и я снова буду бессилен. Я имел такую возможность получить знание, которым не обладал ни один человек, а я ее упустил. Но я проведу годы — если понадобится, всю жизнь — в поисках истинного значения слов, сказанных Властелином. Я — единственный в мире человек, имевший возможность каждый день на протяжении долгих недель говорить с Повелителем Царства Тьмы. Он считал меня своим другом и сам навлек на себя погибель. Наверное, и вправду в моих записях заключена истинная мудрость. Но как же мне отыскать указания о том, как надо действовать, в тех загадочных словах, которые он мне продиктовал. Ну, вот смотри: «Пластины двух различных металлов, опущенные в кислоту, генерируют силу, для которой у людей еще нет названия, но которая является основой истинной цивилизации. Такие пластины...» Я схожу с ума от разочарования. Иоганн! Почему он не говорил понятным языком? И все же я непременно раскрою его тайну...

Записка от Питера Макфарланда, физический факультет Гаверфордского университета, профессору Чарлзу, кафедра латинского языка.

«Дорогой профессор Чарлз!

Моя реакция такова: "Черт подери! Где остальные записи?!"

Макфарланд».

Время умирать

Родней сидел на койке в камере смертников и следил за солнечным зайчиком, мелькающим на каменном полу коридора между камерами. Оглушительная новость, которую ему передали через адвоката, постепенно проникала в самые глубины сознания... Пересмотра его дела не будет. Ему отказано в просьбе о смягчении приговора. Его казнят как самого обычного преступника. А ведь он один из лучших физиков страны. Его адвокаты оказались бессильными, через три дня за ним придут тюремщики, обреют наголо, подрежут штанины брюк. Затем они поведут его к узкой зеленой двери в конце коридора и втолкнут в комнату, посреди которой стоит приземистый страшный стул. Его привяжут к стулу, приложат к телу влажные электроды, и побледневший палач включит рубильник. Тело Роднея, уже мертвое, продолжит конвульсивное сражение с безысходностью.

И неожиданно он вздрогнул. По спине побежали мурашки, как будто все его существо протестовало против приближающейся казни. В горле пересохло. Руки судорожно двигались, и он услышал, как начал издавать странные звуки — что-то среднее между всхлипываниями и сдавленными стонами ужаса. Роднея охватило презрение к себе. Однако ему никак не удавалось справиться с отчаянием. Крупные слезы полились ручьями из широко раскрытых глаз, в которых застыл животный ужас. Стоны становились все громче, и, если врач не придет вовремя, никакие наркотики не помогут —

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

он сойдет с ума, и тогда они не смогут казнить его. Он останется жить...

Внезапно раздался скрип пружин койки в соседней камере смертников. Там сидел Хромой Госсет — тоже убийца. Он оказался в комнате в конце коридора сразу вслед за Роднеем. В предшествующие несколько недель они часто разговаривали, и Родней проникся презрением к Госсету. Он не хотел, чтобы Хромой понял, что с ним происходит. Мешала гордость.

— Похоже, до тебя дошло, что здесь не шутят,— зычный голос Хромого гулко отражался от каменных стен, железных решеток и крыши дома смерти.

Родней с радостью согласился бы на безумие, ведь оно сохранило бы ему жизнь. Но Хромой — самый заурядный грабитель, оба совершенных им убийства — чистая случайность. Родней плотно сжал губы и постарался взять себя в руки. Через несколько секунд, сделав вид, что только что проснулся, он сказал:

— Что такое? Хромой, ты что-то сказал?

— Ага,— ответил гулкий голос, его обладатель оставался невидимым. Родней ни разу не встречался с Госсетом лицом к лицу. Но его бас, усиленный эхом от стен камеры, производил на Роднея странное, пугающее воздействие.

— Я спросил, как твои дела. Я слышал всхлипывания из твоей камеры.

Родней повернулся на койке. Он сделал вид, что зевает.

— Мне приснился кошмар,— сказал он.— Циклотрон отрастил конечности и помчался за мной по лаборатории...

Эхо подхватило голос Роднея. Но после раскатистого баса Хромого его слова прозвучали как-то слабо. Стиснув руки, Родней ждал ответа.

— Дело дрянь,— прогрохотал в темноте голос Хромого.— У тебя осталось только три дня, приятель. Три дня — и они отправят тебя за зеленую дверь. У меня есть что рассказать тебе. Вопрос только в том, готов ли ты меня слушать?

— Конечно готов! Что мне еще остается?

— Потому что,— продолжал гулкий голос,— тогда у тебя появится шанс. Может быть, и у меня еще есть надежда. Я знаю, что одному парню удалось спастись из камеры смертников.

Родней, облизав губы, скептически спросил:

— Побег?

— Ага,— отвечал Хромой,— из дома смерти. Я видел, как человек по имени Фелленден сбежал в ночь перед казнью. Когда-нибудь слышал о нем?

— Вряд ли,— сказал Родней. Он презирал людей такого сорта, как Хромой Госсет. Ведь сам Родней был ученым! Но тут у него промелькнуло воспоминание.

— Фелленден? Ты говоришь о человеке, решившем задачу неопределенности поля для электронного телескопа?

Казалось, что в темноте Хромой пожимает плечами. Затем его бас, отразившись от стен, прогрохотал:

— Я не знаю. Он пристукнул свою жену, и его должны были поджарить на стуле. Мы вместе с ним сидели в доме смерти в Джулиете. Он смылся. Исчез. Испарился. Они так и не узнали, как это ему удалось. А я не смог. Но меня помиловали, и позднее я вышел на свободу. Помнишь его?

Родней неожиданно ответил:

— Верно. Фелленден действительно убил свою жену. Он оставил много незаконченных работ, и часть из них никто не сумел продолжить.

— О'кей,— сказал Хромой,— похоже, это тот самый парень. Мы не раз с ним разговаривали, так же как сейчас с тобой. Он все старался придумать, как бы смыться. Он сказал мне: «Полезно обсуждать проблемы вслух». Когда ты окончательно отчаешься, я расскажу тебе, как Фелленден совершил свой удивительный побег. Как знать, может быть, ты сумеешь понять, как он действовал, и объяснишь мне. Давай, приятель!

Солнечный зайчик сверкал на каменных плитах. Каждый день на целый час появлялся он в доме смерти. Его отражение порождало мягкое сияние, красота которого казалась неуместной в коридоре, зажатом между двумя рядами камер смертников.

Родней сглотнул. Его горло по-прежнему сводило судорогой.

— Чего ждать? — с нарочитой развязностью спросил он.— Если необходимо отчаяние, то я уже сейчас им переполнен. Что мне терять, кроме пары дней ожидания?

Голос его звучал нормально, но самого Роднея трясло. Он смотрел сквозь стальные прутья решетки в коридор с солнечным зайчиком и в глубину другой камеры, такой же, как у него, но сейчас пустой.

— Фелленден говорил, что парень, продолжающий цепляться за надежду, ничего не сможет сделать. Нужно использовать весь свой мозг. Если ты будешь вести себя вызывающе, искать оправдания тому, что сделал, значит, часть твоего мозга не сможет освободиться. Ты должен быть на пороге полного отчаяния или так страшно сожалеть о содеянном, чтобы не беспокоиться о том, какие участки мозга не выключились.

Родней медленно и с сомнением сказал:

— Никакого подавления и блокирования памяти... Что ж, я готов. Но в чем суть дела. Хромой? Самогипноз?

Голос Хромого прокатился по камере, он произнес нехотя, с какой-то небрежностью:

— Фелленден называл это путешествием во времени.

Родней напрягся. Ерунда! Фелленден не мог путешествовать во времени! Он открыл поле с удивительно простой структурой, и его изобретение позволило преодолеть ряд обстоятельств, которые делали невозможным создание электронного телескопа. Этот прибор появился только благодаря Феллендену. Правда, до сих пор еще оставались кое-какие неразъясненные противоречия, возникавшие при использовании таинственного поля. Никто не знал, в чем заключалась теория Феллендена, однако сконструированный им телескоп работал. Но при чем тут путешествия во времени?

— Безумная затея,— усмехнулся Родней.— Как мог он это утверждать? Путешествия во времени невозможны.

Опять возникла пауза, словно Хромой о чем-то раздумывал или колебался. Наконец он произнес:

— Фелленден говорил, что мы делаем это все время. Сначала мы были во вчерашнем дне. Через некоторое время мы попадем в завтра. Как будто едем в поезде, который сначала побывал в провинциальном городке под названием Вторник, а потом прибывает в город под названием Среда. Это и есть путешествие во времени.

Родней коротко засмеялся, но тут у него перехватило горло.

— Расскажи мне подробно, как все случилось,— резко приказал он.

Голос Хромого прокатился по всем закоулкам дома смерти.

— В ночь, когда Фелленден пропал, он смеялся над охранником, пришедшим для последней проверки. «Я исчезну этой ночью, Клэнси»,— сказал он. Охранник ответил: «Да что ты говоришь!» А Фелленден ему снова: «Да, так и будет. Лучше скажи начальнику, а то тебя ждут большие неприятности». И Клэнси рассказал. Ведь Фелленден был умен! И они знали об этом. Они пришли и перевернули его камеру вверх дном. Они обыскали и его, и камеру так, словно от этого зависела их жизнь. И они ничего не нашли, естественно. Тогда Фелленден и говорит: «Ну что ж, вы постарались по совести, начальник. Так что завтра вам будет гораздо легче». Начальник выпучил глаза и рявкнул: «Вот завтра утром мы с тобой и побеседуем!» А Фелленден спокойно так отвечает: «Э, нет. Меня здесь уже не будет. Я готов все объяснить, но вы мне ни за что не поверите. Так или иначе, я вас предупредил, и вы сделали все, что могли. Теперь вас не обвинят в пренебрежении служебным долгом. Меня это устраивает». Я удивился, как спокойно и уверенно он говорил.

Родней напряженно вслушивался в гулкий бас Хромого. Все его тело продолжало болеть, он чувствовал слабость после приступа физического ужаса перед уничтожением.

— Продолжай! — сказал он, вытирая со лба холодный пот.

— Начальник усмехнулся и спросил: «Хромого ты тоже прихватишь с собой?» Фелленден кивнул головой: «Конечно, если бы это было в моих силах. Я помог бы спастись каждому и думаю, что вы поступили бы точно так же на моем месте. Но способ, при помощи которого я собираюсь выбраться отсюда, требует, чтобы человек все сделал сам». Начальник фыркнул, но выглядел он неуверенно. Фелленден вовсе не казался сумасшедшим, хотя говорил странные вещи.

Родней облизал губы. На лбу его снова выступила испарина.

— В середине ночи,— продолжал Хромой,— охранник заглянул в камеру Феллендена. Я не спал: на то у меня были свои причины. Я слышал, как Фелленден сказал: «Прощай, Клэнси, меня здесь не будет, когда ты вернешься». Клэнси

буркнул в ответ: «Думаю, никуда ты не денешься, парень!» Потом они с Фелленденом рассмеялись. А у меня зубы начали стучать. Я знал, что Фелленден собирается делать. После ухода Клэнси он крикнул мне: «Я начинаю, Хромой! Ты тоже пытайся. Теперь не разговаривай со мной». Затем он замолчал. Стало так тихо, что я слышал его дыхание, ровное и спокойное. Прошла минута, и этот звук прекратился. Больше я не смог различить ничего. Я весь взмок. В следующий раз, когда охранник делал обход, он заглянул в камеру Феллендена и подпрыгнул на целый фут. Он посветил в камеру фонарем и как закричит — Феллендена в камере не было! Он исчез. Они и волоска его не сумели найти. Они так и не смогли узнать, как он совершил побег. Он просто исчез — и все тут!

Маленькие пылинки танцевали в луче света, падавшего сверху. Луч заметно переместился.

Родней сказал:

— Как же он выбрался из камеры?

— Фелленден из нее не выбирался,— сказал Хромой. Его голос звучал разочарованно.— Мне не следовало говорить тебе ничего до тех пор, пока ты окончательно не отчаешься, пока не будешь готов поверить. Фелленден вернулся во времени назад к тому моменту, когда убил свою жену. И он не стал убивать ее. Кроме того, он понял, что был не прав. Итак, он не убил ее и поэтому не попал в камеру смертников.

Родней сглотнул. Его взгляд упал на записку, которую прислали ему адвокаты. Они сделали все, что закон и их изобретательность позволяли сделать, и теперь на их помощь не приходилось рассчитывать. Они ничем больше не могли помочь. От безысходности кровь опять ударила ему в голову. Паника снова начала охватывать его. Родней стиснул руки.

— Почему бы тебе самому не повторить этот фокус? — насмешливо спросил он.

— Я пытался,— сказал Хромой. Его голос был ровным.— Я пытался изо всех сил. Я и сейчас продолжаю пытаться. Иногда мне кажется, что у меня вот-вот получится, а иногда — что все это чистое сумасшествие. Но у Феллендена ведь получилось! И если получится у тебя, то, может быть...

Родней стоял у прутьев своей камеры. Луч света переместился так, что он уже почти доставал рукой до светлого пятна. Скоро он сможет погрузить в него ладони и ощутить тепло солнечных лучей на коже. Пальцы его дрожали.

— Разветвление временны́х путей,— сказал он задумчиво.— В этом и состоит идея! Может быть ряд вариантов прошлого, настоящего и будущего. Старая гипотеза. Ты делаешь нечто и попадаешь на ту или иную ветвь времени. Если тебе удастся пройти по этой ветви в обратном направлении, то ты сможешь совершить какой-то поступок и перейти на другую ветвь. Вот о чем говорил Фелленден.

— Точно,— устало сказал Хромой. Его бас звучал подобно голосу проповедника, которого Родней слышал в детстве. Но голос Хромого выдавал усталость и страшное напряжение.— Конечно! Он говорил мне об этом. Ты садишься на поезд, говорил он. Путешествуешь сквозь время. Мимо городов под названием Понедельник, Вторник, Среда и так далее. А иногда ты пересаживаешься в другой состав. Бывает, попадаешь не на тот поезд, и тогда тебя преследуют неудачи. Именно так и случилось с Фелленденом, когда он убил свою жену. Он должен был вернуться и сесть на нужный поезд. Так он и сделал. А вот у меня ничего не вышло. Я надеялся, может быть...

Родней кивнул головой:

— Почему бы и нет. Ведь теория-то существует. В многомерной вселенной все, что только доступно нашему воображению, не только может, но и должно случиться! Итак, Фелленден научился это делать. Когда-то он сел не на тот поезд. Его проблема заключалась в том, чтобы сойти с него. Как же ему это удалось? Я ведь тоже еду на поезде, с которого хотел бы спрыгнуть!

Он вдруг снова стал задыхаться, ожидая с напряженным отчаянием, что же скажет ему Хромой. Солнечный луч подобрался совсем близко к нему, но Родней не обращал на него внимания.

— Я думаю, что с теорией все в порядке. Хромой! Как же Фелленден сумел выбраться отсюда?

Хромой тяжело вздохнул:

— Вот это-то мне и непонятно до конца. «Ты едешь на поезде,— говорил он,— который движется во времени. Прежде чем повернуть назад, ты должен притормозить. Но поезд не будет замедлять ход. Ты видишь, что станция Среда проплывет мимо, и ты хочешь вернуться, потому что сел не на тот поезд во Вторник. В отчаянии ты бежишь в конец состава. Сначала тебе кажется, что ничего не меняется, но ты продолжаешь бежать. Теперь станция уже не проносится мимо с прежней скоростью. Ты стараешься бежать еще быстрее. Тебе удается уравнять скорости, ты бежишь, выбиваясь из сил, и вдруг оказываешься в конце поезда. Дверь открыта. Ты прыгаешь на рельсы, но не разбиваешься, потому что бежал назад с той же скоростью, с какой состав мчался вперед. И вот ты идешь назад по полотну железной дороги до места, где сел не на тот поезд, а нужный тебе состав уже поджидает там...»

— И будет ждать тебя целую вечность? — усмехнулся Родней.

— Да,— ровным голосом произнес Хромой.— Не знаю почему, но так говорил Фелленден; значит, так оно и есть.

Уверенность Хромого потрясла Роднея; конечно, он не мог сочинить все это. По-видимому, Фелленден сумел изложить свою теорию так, что она стала понятной его собрату по несчастью, не слишком обремененному знаниями. Чисто логические построения, основанные на очевидных понятиях. Ты совершил нечто, повлекшее отрицательные последствия. Вернись назад во времени к тому моменту, когда произошло событие, что привело к таким последствиям. Сумей избежать этого события, попасть на другую ветвь временного пути, выбрать иной вариант будущего из бесчисленного сонма возможностей. Ты перестанешь существовать в первой ветви времени и окажешься на новой дороге — там, где тебе не грозит опасность.

Пожалуй, Родней мог бы поверить в эту теорию, хотя сам вряд ли сумел бы придумать что-нибудь подобное. Такое могло прийти в голову только ученому уровня Феллендена. Недаром он решил проблему неопределенности поля...

Губы Роднея пересохли. Да, именно здесь и была разгадка, вот только сумеет ли он добраться до нее... хотя считает

себя одним из четырех умнейших людей страны. Роднея страшно раздражало, что ему приходится получать инструкции Хромого, который был самым заурядным грабителем.

— Я все понял,— отрывисто сказал он,— идея мне ясна.

Послышалось лязганье наружных дверей в конце коридора, и вошел охранник. Он принес еду заключенным. Родней в молчании смотрел на него глазами, полными ненависти. Охранник повернулся, прошагал по коридору и захлопнул дверь.

Родней слышал, как Хромой, чавкая, поглощает пищу. Сам он есть не мог. Ему осталось жить три дня, если он не сможет практически решить проблему путешествия во времени, следуя теории Феллендена. Он сойдет с ума, если позволит себе сомневаться. И он имеет доказательство того, что задача уже была один раз решена.

Родней мерил шагами свой тесный каземат. Путешествие во времени. Феллендена исчез из камеры смерти в Джулиете, отправившись назад во время, предшествовавшее убийству. В этой точке для него существовало по меньшей мере два возможных варианта будущего: в одном он убивал свою жену, в другом — нет. Родней находился в этой ветви времени, где убийство совершилось.

В другой ветви, которая для Феллендена стала уже реальностью, он не совершал убийства и являлся, без сомнения, уважаемым гражданином и знаменитым физиком, не имевшим никакого отношения к сбежавшему преступнику. Ветвь, на которой находился Феллендена, была очень похожа, но немного не совпадала с той, на которой оставался Родней. Теперь Родней знал, что в его силах попасть в тот вариант будущего, где пребывал Феллендена. Галилей, узнав об изобретении телескопа, занялся изучением оптики и создал телескоп, в некоторых отношениях превосходящий оригинал. Он, Родней, знает теперь, что путешествие во времени возможно, и он к тому же располагает одним из лучших интеллектов в стране...

Прошло некоторое время. Пот выступил у него на лбу. Перейти на параллельный временной путь! Он не только избежит казни, он станет вновь свободным человеком, ведь там, в мире Феллендена, исчезнет не только наказание, но и само

событие, которое его за собой повлекло. Осталось выяснить одно — с чего начать.

Родней забыл окунуть руки в пучок солнечного света, он даже не заметил, как луч угас. Он шагал по камере. Три шага вперед, три шага обратно. С чего начать? С чего начать...

Становилось темно. Возбуждение охватило Роднея, отчаяние его росло. Проблема имела решение. Теория параллельных временных ветвей становилась все более ясной. Истинность ее доказана Феллендена. Но как сделать первый шаг? Ознакомившись с принципом постановки эксперимента, он сумел бы предвидеть каждую проблему, возникающую по ходу дела. Но он никак не мог придумать, с чего начать! Он был похож на человека, гибнущего от холода около охапки сухих дров и не имеющего спичек, чтобы разжечь костер; вдобавок он не умел добывать огонь трением. Создавшееся положение сводило его с ума!

Уже давно наступила ночь, когда Родней бросил в темноту:

— Хромой!

Он услышал, как Хромой зашевелился.

— Да?

— Мне все ясно,— резко сказал Родней.— Но я хотел бы знать, с чего начинал Феллендена. Интересно, чей способ лучше?

Голос Хромого звучно раскатился среди невидимых стен.

— Врешь, приятель. Парень, который способен сделать этот трюк, должен быть таким... таким... Словом, он будет готов рассказать о нем любому, кто согласится слушать.

Подобная мысль Роднею в голову не приходила. Он огрызнулся:

— Альтруизм, да? Я должен быть добрым, чтобы у меня все получилось?

— Нет.— Родней услышал, как Хромой сплюнул.— Просто с собой нельзя брать багаж. Так говорил Феллендена. Он сказал: «Множество связей удерживает нас на данном временном пути, мы крепко привязаны к своему поезду. И сначала мы должны сбросить все путы. Нам надо забыть обо всем. Мир должен потерять для нас реальность. Нам следует беспокоиться о нем не больше, чем о мираже в пустыне». Например,— в голосе Хромого не было обиды,— например, тебе не

стоит гордиться тем, что мозгов у тебя побольше, чем у меня. Эта мысль привязывает тебя ко мне. А я-то нахожусь здесь, в том самом месте, из которого ты так хочешь побыстрее убраться. Ты должен забыть меня. Я не на том поезде, который тебе нужен!

Все сказанное Хромым укладывалось в логическую цепочку, но, несмотря на это, Родней продолжал злиться.

На стене, над противоположным рядом камер, виднелось пятнышко лунного света. Остальное тонуло в темноте. В раскатах голоса Хромого послышалась тоска:

— Похоже, что мы в тупике, приятель. Я рассказал тебе почти все, что слышал от Феллендена. Если у тебя ничего не получается...— Поколебавшись, Хромой добавил: — Есть еще одна деталь, про которую он как-то упомянул. Он говорил: «Откуда мы вообще знаем, что находимся именно на том временном пути, а не на другом? Чем они отличаются друг от друга? Почему мы уверены, что время движется? Как мы узнаем, что путешествуем во времени?»

Роднею было больно глотать.

— Берклианская философия,— сказал он хрипло.— Я вижу, слышу и ощущаю ту действительность, в которой нахожусь. Поэтому она реальна для меня. Что я ощущаю, то и реально. Чего я не ощущаю...

И тут он закричал, вцепившись в прутья решетки. От восторга его язык стал заплетаться:

— Вот оно! Вот как затормозить себя во времени! Когда ты прислушиваешься к тиканью часов, секунды кажутся длиннее! Если ты еще больше обострищь свое восприятие, замечая все более тривиальные вещи, ты еще сильнее замедлишь свою скорость движения во времени. Вот он — первый шаг!

В наступившей тишине маленькое пятнышко лунного света было ярким и четким. Оно находилось в нескольких дюймах над дверью противоположной камеры. Родней возбужденно продолжал:

— Затем ты полностью отключаешься от настоящего времени. Настоящее реально потому, что оно значимо для нас. Ты отрешишься от всего, что связывает тебя с настоящим. Вещь, которая ничего для тебя не значит, не имеет права на

существование. Когда ты обрежешь все связи с настоящим, ты оставишь весь багаж позади. Когда это сделано, ты будешь готов к прыжку, к тому, чтобы покинуть эту реальность... И тогда ты сможешь заменить воспоминание о событии, которое произошло полсекунды назад, на ощущение этого события. И если тебе это удастся, ты победил! Ты начал путешествие назад во времени!

Он тряс в темноте прутья решетки, слезы торжества выступили у него на глазах. Он разработал безошибочный экспериментальный метод, в котором так нуждался! Его лицо сияло.

Негромко прозвучал голос Хромого:

— И что же дальше, приятель?

— Дальше,— вскричал Родней возбужденно,— когда ты больше не связан с настоящим, нужно возвратиться к событию, которое определило данную ветвь времени. Ты должен выбрать его еще до того, как начнешь обратный путь. У тебя не будет такой возможности по дороге назад. Ты должен представить себе тот момент, когда неверно выбрал поезд, и сделать там остановку. Тогда ты сможешь пересесть на нужный поезд, отправиться на нем в путь и возвратиться в настоящее в параллельной ветви времени — в тот же день и час, но в другой реальности. В другом мире, Хромой! И туда-то я и собираюсь отправиться!

Долгая тишина. Наконец в темноте снова раздался голос Хромого:

— Ага... понимаю... отключиться от настоящего. От всего, что случилось с тех пор, как ты совершил неправедный поступок... Ага... Вот оно... Я не понимал раньше. У меня припрятано кое-что... деньги, понимаешь... Все время, пока я пытался вернуться назад во времени, я помнил об этой заначке... рассчитывал на нее. Но если я действительно вернусь назад, этих денег не будет на том временном пути, по которому пойдет мой поезд. Теперь я все понял...

Руки Роднея крепко сжали прутья решетки. Он смотрел на медленно ползущее пятнышко лунного света, ощущая, как мерно, спокойно вздымается его грудь, как нервное напряжение покидает его измученное тело. В чудовищной неподвижности дома смерти он слушал биение собственного сердца.

Снова донесся голос Хромого, мрачный и негромкий:

— Похоже, мне придется проделать длинный путь назад, парень. К тому времени, когда я был еще ребенком, думаю... Да... Долгий путь. Весь путь!

Тишина. Родней сконцентрировался. Он знал, что существует немного людей, обладающих столь же мощным и дисциплинированным мыслительным аппаратом. Он чувствовал — и это ощущение дарило ему радость,— что скоро все печальные события, последовавшие за тем поступком, за той фатальной ошибкой, которую он совершил, окажутся вычеркнутыми из реальности. Они будут иметь место на ином временном пути. Они перейдут в разряд событий, которые могли бы произойти, если бы... Которые фактически уже не имеют к нему никакого отношения. Зная о приближающемся переходе в другую реальность, он смог отречься от них. Они уже не играли никакой роли. Они были просто его фантазиями, они не могли осуществиться и поэтому стали бессмысленными. Он рассматривал их теперь со все большей отстраненностью, прислушиваясь к своему дыханию и мерному биению сердца, фиксируя взгляд на размытом пятнышке лунного света, ползущем по стене.

Время замедлялось. Появились паузы при дыхании, увеличились интервалы между ударами сердца. Внезапно он начал различать фазы работы сердечной мышцы. Пятнышко света на стене перестало перемещаться.

Оно не двигалось. Теперь промежутки между ударами сердца стали чудовищно огромными. Ощущение триумфа переполняло Роднея. Последнее мгновение, которое было решающим в его плане, оказалось необычайно ярким. Все остальное не имело ни малейшего значения. Он воскресил в памяти тот эпизод с яростной силой, запечатлевая каждую его деталь. Пятнышко света слегка сместилось. Оно двинулось назад! Его скорость плавно нарастала!

Внезапно возник и хаос, обладающий, однако, какой-то странной логикой. Была ночь, и был день, и снова ночь. Он метался с головокружительной скоростью то туда, то сюда, безвольно и без всякого усилия, как невесомый клочок пуха, увлекаемый безумными порывами урагана. Он двигался, подобно световой точке на дисплее, которая перемещалась с невероятной быстротой и без всякого сопротивления. Так проходили дни и ночи. Он пережил удивительные метаморфозы: он чувствовал, как непрерывно нарастает скорость преобразования. Теперь он воспринимал происходящее только вспышками. Мгновение — и он едет в машине. Вдруг автомобиль помчался назад, пейзаж по обочинам дороги слился в серые размытые полосы... Следующая вспышка — суд. Быстрые, нелепые движения людей... Мрак... И новое стремительно наплывающее воспоминание, вырванное из текущего вспять времени.

Неожиданно все прекратилось. Он находился в комнате, где лежал труп профессора Эднера Хейла. Он, Родней, совершил убийство. Он прикончил Хейла таким образом, что никто не мог связать с ним это преступление. Он проявил безумную жестокость. Казалось, какой-то дьявольский дух, почти лишенный разума, вселился в него. Было трудно поверить, что он, один из лучших ученых страны, нанес эти бессмысленные удары и продолжал их наносить даже после того, как профессор Эднер Хейл умер. Он создал себе превосходное алиби... Но именно тут и была совершена главная ошибка. Он осмотрел залитую кровью, разгромленную комнату. Он увидел стул, который остался неперевернутым в имитированном им хаосе.

Он отшвырнул стул в сторону, не заметив, что под ним.. лежит кочерга, которой был забит до смерти профессор Хейл. Вот тут-то и заключалась его ошибка. Он дал в руки полицейских важную улику: они поняли, что стул не был опрокинут во время борьбы, предшествовавшей смерти Хейла. Отсюда следовало, что убийца вовсе не маньяк, а человек, руководимый точным расчетом. Расследование пошло в нужном направлении, и вскоре выяснилось, что преступник, обладающий высокоразвитым интеллектом, почти во всех мельчайших деталях воспроизвел действия убийцы-садиста. Почти во всех деталях... но одна маленькая ошибка привела полицию к решению загадки, а его самого — к смертному приговору. Однако теперь...

Теперь он осторожно положил стул на бок. Кочерга лежала рядом, а не под стулом. Родней осторожно потянул стул

за ножку, чтобы кочерга оказалась на виду. Теперь ни у кого не возникнет сомнений, что здесь поработал маньяк.

Он тихонько рассмеялся. Один из четырех лучших умов страны. Он был слишком самонадеян — вот и все. Теперь его маленькая ошибка исправлена. Он перейдет на другую временную ветвь. Открытие, которое он сделал вместе с профессором Эднером Хейлом, теперь будет принадлежать только ему. И с ним, с этим открытием, Родней переместится на новый временной путь.

Он почувствовал, что его возвращение в настоящее уже началось. Время двигалось быстро. Наступили сумерки, он переместился куда-то, затем настала ночь, и снова он оказался в другом месте. Сумерки, полдень и опять ночь. Его тело кружило здесь и там, нигде и повсюду, не встречая сопротивления. Он с бешеной скоростью пролистывал события, произошедшие между настоящим моментом и точкой, в которой произошел поворот назад во времени; теперь, однако, он двигался по другой временной дороге. Его сознание наполняло спокойное торжество. Он был в центре толпы и в полном одиночестве. Он был в комнате, которая вращалась, как в калейдоскопе,— в зале суда. Затем он на мгновение оказался в машине, ехавшей куда-то. Он пронесся сквозь месяцы импульсами бесконечно малой длительности. И вот...

Ток времени замедлился. Все пришло в норму. Он снова попал в камеру смертников. Камера оказалась другой, но дом смерти был тот же! Наступало утро, и бледный серый свет проникал сквозь тюремное окошко высоко над головой. На нем топорщилась тюремная роба, но не та, в которую он был одет раньше. Он, несомненно, находился на другой временной ветви, но опять в камере смертников!

Послышалось бряцание. Шаги. Трое охранников и парикмахер появились перед камерой. Парикмахер окинул узника безразличным взглядом; в руках он держал тазик с водой, безопасную бритву и ножницы. Сейчас он побреет виски Роднею и разрежет штанины брюк... Затем его проведут сквозь узкую зеленую дверь и привяжут к страшному приземистому стулу, на котором спустя краткий миг его тело, уже мертвое, продолжит конвульсивное сражение с безысходностью...

Он был парализован. Он не мог даже пошевелиться. Он едва дышал. Дверь в его камеру открылась. Они вошли. Он был почти без сознания от переполнявшего его немыслимого ужаса.

Один из тюремщиков подал ему записку.

— От профессора Феллендена,— сказал он отрывисто.— Профессор так боролся за вашу жизнь... Он получил разрешение передать вам письмо.

Родней хрипло дышал. Он не мог поднять руку. Казалось, он не замечает протянутого письма. Затем один из охранников пошевелился, и Родней схватил записку. Они подождут, пока он будет читать ее,— уж столько-то времени они подождут. Но не больше...

Ему было трудно сфокусировать глаза. Он даже и не пытался читать, он только хотел протянуть время, выиграть еще несколько бесценных секунд жизни. Но тут он увидел уравнение и отреагировал на него с молниеносной быстротой. Феллендeн передал ему в результирующих уравнениях и сжатых комментариях к ним теорию путешествия во времени с такой абсолютной ясностью, что тренированный мозг Роднея смог овладеть ею уже при первом чтении. Перед самой казнью ему следовало опять прибегнуть к методу Феллендена, вернуться назад во времени, но на этот раз не совершать убийства. Других вариантов не существовало. Он не должен убивать!

Родней поднял глаза и невидящим взором уставился в противоположную стену. Так вот в чем причина! Вот в чем ошибка! Не в мелких деталях, а в самом факте убийства! Казнь являлась следствием убийства, а не его небрежности при фабрикации ложных улик. И Феллендeн, который сам был убийцей, сообщил ему об этом с неоспоримой логичностью! Роднея охватила холодная ярость. Очень хорошо, он вернется назад еще раз. Не к моменту, наступившему сразу после убийства Хейла, а на гораздо более ранний отрезок времени. В тот период, когда Хейл нашел то, за что его нужно было убить.

Охранники подняли его на ноги и связали руки за спиной. Теперь он был совершенно спокоен. Яростно спокоен. Теперь, когда Феллендeн передал ему концепцию теории в та-

кой ясной форме, спастись будет необычайно просто. Даже уже находясь на электрическом стуле. С его интеллектом...

Он сказал презрительно:

— Из чистого любопытства я хотел бы узнать, что навело полицию на мой след. Какая-то ерунда, я забыл...

Охранник с удивлением ответил:

— Вы положили стул на пол, пытаясь создать впечатление, что он был перевернут во время борьбы. Вы протащили его за ножку на нужное вам место. Но полицейские поняли, что стул не швырнули на пол, так как его сиденье, которое плохо держалось, не выпало. Кроме того, на ножке остались отпечатки ваших пальцев.

Родней пожал плечами. Весомые улики! Придется вернуться назад и не совершать убийства. Очень жаль! Профессор Эднер Хейл был праведным старым дураком, и его убийство определенно доставило Роднею удовольствие. Теперь старика придется оставить в живых на третьей временной ветви...

Охранники вывели его из камеры. Он хрипло произнес:

— Я хотел бы сказать два слова Хромому.— Когда тюремщики с удивлением посмотрели на него, он добавил нетерпеливо: — Хромой Госсет! Он здесь, в камере рядом с моей!

Один из охранников покачал головой:

— Здесь нет никакого Хромого Госсета и никогда не было. Я ничего о нем не слышал.

Зеленая дверь отворилась. Родней вздрогнул, но постарался взять себя в руки. Все, что ему нужно сделать,— вернуться назад во времени. Внезапно ненависть к Феллендену затопила его, и он потерял зря несколько драгоценных секунд. Феллендeн, этот глупец, смешал в своей записке науку с пустыми психологическими советами. «Важно,— писал он,— избавиться от всех связей с той временной ветвью, которую вы хотите покинуть. Любые обстоятельства, связанные с ней, не должны иметь для вас никакого значения...» Родней презирал его.

Приземистый страшный стул надвигался все ближе. Родней начал прислушиваться к собственному дыханию, к биению сердца. Каждый удар крови в висках, каждый вздох вел его к стулу. Замедлись, время! Замедлись! Надо отвлечься от окружающей реальности. Отсечь все, что привязывает его к этой временной ветви. С помощью уравнений Феллендена это совсем просто сделать... Феллендeн... будь ты проклят, глупец!

Время не замедлялось. Он в приступе паники осознал это, когда его стали привязывать к стулу. И тогда он понял, что Феллендeн мертвой хваткой держал его, Роднея, на этой временной ветви. Феллендeн сбежал сюда, на данный временной путь,— и это было свершившимся фактом! Инструкции в письме, которые он прислал, не помогали отбросить этот факт, как не имеющий отношения к нему, к Роднею! Он ненавидел Феллендена страшной, безнадежной ненавистью. Но он должен забыть о нем... забыть и направить все силы, чтобы замедлить время... замедлить время... замедлить...

Он боролся за это всей мощью своего разума — одного из лучших в стране... Он боролся, а его палачи отошли в сторону и ждали, побледнев, когда будет включен рубильник.

И тут он всхлипнул. Но еще продолжал бороться, когда...

Дисбаланс

Если вы собираетесь немного поразвлечься в Лас-Вегасе, имейте в виду: стоит подождать, пока у вас не накопится достаточно денег или пока дважды два не превратится в пятерку. Тогда у вас есть призрачные шансы выиграть.

Необычным событиям прошлого августа уже нашли объяснение. Помимо прочих мест, они охватили одну из долин в Гималаях, Амазонский бассейн, Сидней в Австралии и Перт-Амбой в Нью-Джерси, а особенно досталось Трес-Агуасу в Неваде. Это далеко не все места, где случались странности, и все же список весьма внушительный. Теперь мы понимаем, что природное равновесие было нарушено лишь временно, и космос оперативно отреагировал на сложившуюся ситуацию, приведя ее в норму. Какое облегчение осознавать, что дела обстоят именно так и что все постепенно возвращается на круги своя. А ведь принято считать, что стоит только нарушить равновесие в природе — и беды обрушатся одна за другой, пока мир наконец и вовсе не вылетит в трубу. Но теперь-то мы знаем, что это далеко не так.

Словом, мы — счастливцы.

Картина предельно ясна. Например, в далекой гималайской долине срываются два булыжника, они катятся вниз по склону, пока не застревают между двумя другими камнями. И их становится пять. В этом конкретном месте природное равновесие слегка нарушается, и мы наблюдаем легкое отступление от непреложной истины, что дважды два — четыре. Где-то в Амазонии индеец хиваро стреляет из лука по сидящей на дереве птице. И промахивается. Но стрела продолжает движение. Вверх. Она исчезает из виду и летит с прежней скоростью. Законы природы дают некоторый сбой, поскольку предмет, направляющийся к небу, не падает. В австралийском Сиднее владелец чайной как-то заметил, что два пирожных, каждое из которых равно по весу третьему, сами оказались неодинаковыми. А в Перт-Амбое, в Нью-Джерси, во время ленча, был опровергнут закон, гласящий, что всякое действие вызывает соответствующее ему по силе противодействие. Происходили и другие казусы. Некоторые замечали их, некоторые — нет. Но они происходили.

Равновесие в природе было нарушено. И космос, чтобы восстановить надлежащее соотношение сил и явлений, отреагировал соответствующе. Законы теории вероятностей описывали такого рода события. Космос стремился достичь нового равновесия, в котором уже совершившиеся невероятные события уравновешивались бы соответствующими явлениями того же рода, но противоположного знака. Разумеется, космос руководствовался принципом наименьшего сопротивления. И вот...

Мистер Джордж Бедфорд Гейнс, страховой агент компании «Все отрасли», шел по улице Трес-Агуаса, штат Невада. Солнце освещало мостовую, проникая сквозь сень деревьев, вдали виднелись горы, а рядом — вывески адвокатов, занимавшихся разводами, бензозаправки и игровые автоматы. Поблизости находились клубы «Формоза» и «Освальд», а также здание суда, где без всяких проблем можно было получить развод, и прочие заведения, способные вмиг сделать людей счастливыми.

У Джорджа одновременно был повод и для радости, и для уныния. Проблемой, конечно же, были деньги. Правда, он только что состряпал страховку одному новенькому роскошному отелю в Трес-Агуасе, но комиссионные можно ждать неделями. Отель принадлежал синдикату, во главе которого стоял некий Джо Грек, разъезжавший по городу на большом блестящем автомобиле в сопровождении четырех телохранителей. Джо Грек мог и передумать, и у Джорджа уже были подозрения по этому поводу.

© Перевод А. Евстигнеева.

А его счастье, как и сопутствующая ему грусть, было связано с Джанет Дабни. Джордж ее обожал. И у него был соперник, которого он пытался затмить, постоянно попадаясь Джанет на глаза.

У него получалось. Но развлекать Джанет стоило денег. Наличных. Она даже не понимала, что Джордж влез в долги, но вчера вечером, когда он открыл ей сердце и рассказал о финансовом положении, она приняла первое и отвергла второе. И теперь Джорджа мучила мысль, что мужчина должен обзавестись деньгами, чтобы жениться. А у него их не было. Он недавно был в банке и узнал, что превысил кредит. Будущее выглядело неопределенным. Запальчиво ухаживая за Джанет, он забыл о некоторых простых вещах, в частности о своих скудных счетах, о встречах с перспективными клиентами, о соглашениях, о пожарах, ураганах и прочих бедствиях, с которыми был связан его бизнес.

Теперь его небрежность давала плоды. На самом деле, он оказался плохим бизнесменом. Он был влюблен и опьянен чувствами. И так легко было вконец разориться. Рано или поздно он вновь станет платежеспособным, но сейчас к нему вдруг пришло понимание, что мелочь в кармане составляет все его богатство.

Он был обручен, и это счастье, но разорен, и это — беда. Угрюмым взглядом Джордж обозревал окрестности. Сейчас он стоял напротив пассажа «Родео», чья вывеска рекламировала тридцать пять игровых автоматов. Трес-Агуас славился игровыми автоматами, скорыми разводами, дорогими ночными клубами и прочими развлечениями, в том числе рулеткой. Хотя все они были законными, обычно Джордж избегал их. Все жители Трес-Агуаса поступали так же. Они знали цену подобным искушениям. Но с одной мелочью в кармане Джордж не был склонен к осторожности. Без денег он даже не мог пригласить Джанет в кино под открытым небом и угостить ее гамбургером.

Джордж подбросил двадцатипятицентовик. Выпал орел. И он свернул в пассаж «Родео», где так соблазнительно сверкали игровые автоматы. Просто смешно было беречь то, что у него осталось. Он мог потратить эти деньги разве что на скудный ленч. Почему бы не попытать счастья? Он окинул

автоматы вызывающим взглядом, опустил в прорезь пятицентовую монету и дернул рукоять. Машина проглотила деньги, погудела и затихла.

И вдруг совсем некстати послышался знакомый голос:

— Джордж! Что ты здесь делаешь? Позволь поздравить тебя с тем, что ты состряпал дельце с Джо Греком!

Джордж даже не повернул головы. Голос мог принадлежать только Говарду Саттлетвейту, конкуренту и настоящему сопернику, единственному человеку, чей некролог Джордж прочитал бы без всякого сочувствия. Поэтому Джордж не обратил внимания на приветствие и опустил в автомат второй пятицентовик. Машина вновь самодовольно заурчала, но отказалась расплачиваться.

— Вчера я хотел пригласить Джанет на свидание,— сообщил Говард со свойственной ему бесцеремонностью.— У меня был билет на концерт. Но ее мать сказала, что Джанет ушла с тобой отпраздновать сделку. Вот откуда я знаю новость. Отлично! Ты водил ее в «Формозу», верно?

Джордж даже не кивнул, хотя так оно и было. «Формоза» считалась самым дорогим рестораном в Трес-Агуасе, с самым шикарным кордебалетом. Но Джордж был влюблен и ни о чем не жалел, даже сейчас. Это был замечательный вечер!

Он опустил пять центов в другой автомат, надеясь, что тот окажется щедрее первого. Машина проглотила монету и загудела, но результат был тот же. Говард сделал вид, что начинает догадываться.

— Послушай, Джордж,— ехидно сказал он из-за плеча товарища.— Ты набросился на пятицентовый автомат? Ты случайно не разорился в пух и прах? — Джордж не отвечал, и Говард вкрадчиво добавил: — Если у тебя нужда в деньгах, я могу помочь.

Джордж с презрением посмотрел на него и полез в карман за остатками своего капитала.

— Говард,— невозмутимо ответил он,— если бы я вздумал занять денег, то скорее договорился бы с этими автоматами. В них я нашел бы больше сострадания. Пошел к черту!

Но Говард не обладал чувствительной натурой.

— Я лишь стараюсь удружить, Джордж! — с укором воскликнул он.— Если тебе нужны деньги, я могу это устроить!

С тебя будет довольно и расписки! Но если ты почему-то не хочешь брать в долг, я согласен перекупить твою сделку с Джо Греком! Учитывая, что он в любой момент может передумать, я дам не больше двадцати процентов комиссионных, которые ты мог бы получить, но и это неплохо, правда? Что может быть лучше, а?

— Подумать только,— произнес Джордж.— Даже машины — они и то щедрее. Не так мелочны.

Он отошел в сторону. У него уже не осталось пятицентовиков. В кармане было только две монеты по двадцать пять центов. Говард поспешил за ним и прикрыл ладонью прорезь следующего автомата.

— Ты шутишь,— сказал Говард.— Разве автомат станет тебе другом? Я докажу обратное! Я продемонстрирую, что ты можешь получить за свои двадцатипятицентовики! Если проиграешь, продашь мне дело с Джо Греком! Предлагаю сделку!

Джордж не успел сказать «нет», а Говард уже опустил монеты в два автомата одновременно и дернул за ручки. Джордж обомлел. Он стал считать до десяти. Автоматы гудели и щелкали. Они шумели сильнее, чем пятицентовые машины. Говард потирал руки.

— Вот увидишь! — говорил он с жаром.— Ты просто потеряешь деньги! И в результате продашь мне сделку.

Джордж не сдавался. Но у Говарда был дар убеждать, и рано или поздно он внушил бы Джорджу что угодно.

Первый автомат затих. Потом из его покрытых хромом недр донеслось какое-то бурчание. Он загремел. И изрыгнул монеты.

Из него посыпались двадцатипятицентовики. Потом послышался новый звук, напоминавший икоту, и второй автомат выдал еще одну порцию монеток. Джордж замер в изумлении. Потом до него дошло: на этих автоматах играл он, но удача оказалась на стороне Говарда Саттлетвейта! И тот взял джек-пот, предназначавшийся Джорджу! Вмешательство Говарда, как обычно, принесшее ему выгоду, стало несчастьем для Джорджа. Он даже не мог дать Говарду в нос, потому что не хотел провести неделю за решеткой.

Говард проглотил слюну. Машинально он принялся собирать высыпавшиеся из автоматов монеты.

— Если б это были мои монеты, я бы сам взял джек-пот,— сердито заметил Джордж.— Шел бы ты ко всем чертям!

Он отвернулся, но Говард воскликнул:

— Подожди, Джордж! Это же случайность! Чистая случайность! Д-давай! Дай мне двадцатипятицентовики! — Он уже собрал высыпавшиеся из автоматов монеты и положил себе в карман.— Дай мне свои двадцатипятицентовики!

— У тебя и своих теперь достаточно,— буркнул Джордж.

— Мы поступим справедливо! — живо воскликнул Говард.— Опустим две твоих монеты и две моих. Если ты проиграешь, перейдем к делу Джо Грека. Я хочу помочь тебе, Джордж! Я хочу показать, что серьезный бизнес не имеет ничего общего с азартом. Давай монеты! — Он выхватил из руки Джорджа мелочь и последовательно опустил свои и его деньги в четыре автомата, бормоча: — Это... моя... монета... а это... твоя. Это... моя... монета... а это... твоя...

Он не забывал нажимать на рычаги.

Автоматы гудели и трещали. Один из них остановился. Остальные продолжали жужжать. Потом замолк второй. Два еще работали. Первый вдруг издал громкий звук и выплюнул груду двадцатипятицентовых монет.

Потом то же самое сделал второй.

Затем джек-пот выдал и третий, и четвертый автомат.

Джордж расхохотался. Разумеется, часть выигрыша принадлежала ему по праву — два полных кармана мелочи. Но еще интереснее было видеть озадаченное выражение на лице Говарда.

— Говард, ты настоящий гений! — воскликнул Джордж.— Должно быть, ты тренировался. Далеко пойдешь!

И он принялся выгребать выигрыши из двух автоматов. Но теперь Говард выглядел жалко.

— Это случайность,— пролепетал он.

— Но счастливая,— добавил Джордж уже дружелюбно.— Иногда такие коммерческие альянсы приносят выгоду, Говард. Что, если продолжить вложения? Разве такое сотрудничество не привлекательно, хотя бы на время?

Но Говарду идея не понравилась.

— Я не стану рисковать,— сказал он.— Математическая вероятность выигрыша ничтожна. А вот если ты продашь мне

право на страхование Джо Грека, я заплачу тебе тридцать процентов комиссионных. Сейчас — и наличными.

— Твоими стараниями я теперь уже не в столь стесненном положении,— ответил Джордж.— Я и сам готов предложить кое-что! Не опустишь ли для меня несколько монет? Я вкладываю капитал и отдаю тебе тридцать процентов от выигрыша.

Говард машинально кивнул. И тут же пожалел об этом. Впрочем, сам он ничем не рисковал, а Джордж в азарте мог и проиграться. Тогда получится опять скинуть цену на сделку с Джо Греком до двадцати процентов.

— Я не верю в везение,— попытался возразить Говард,— но ради дружбы... Говоришь, тридцать процентов?

Джордж протянул ему монету и указал на ближайший, еще не использованный автомат. Говард опустил монету и дернул за рычаг. С грохотом посыпались монеты.

— Мои тридцать процентов,— поспешил он напомнить Джорджу.

— Само собой,— кивнул тот.— Держи!

Говард опустил еще четыре монеты Джорджа в следующие машины. Все четыре выдали джек-пот. Джордж вошел в раж. Он протянул Говарду еще денег. Тот вытер пот со лба и неохотно пошел к новым автоматам. Они не поскупились. Говард опять отсчитал свои тридцать процентов, но все же он испытывал явный дискомфорт. Он не был азартен.

Теперь оставались только автоматы на полдоллара.

— Подожди-ка, Говард,— сказал Джордж и пошел разменять деньги. От первого автомата Говарду не удалось получить джек-пот. За одну монету ему дали всего пятнадцать.

— Говард, ты теряешь квалификацию! — упрекнул его Джордж.

Зато второй автомат их не подвел. И следующий, и следующий, и следующий. Джордж вежливо попросил корзинку для монет в кассе. Когда полудолларовые автоматы были выкачаны, корзинка наполнилась почти до краев.

Дело довершили долларовые автоматы.

Очевидно, тут действовали какие-то законы природы, но люди часто бывают недостаточно наблюдательны. Немногие способны философски относиться к подобным вещам. Из пассажа «Родео» Джордж вывел Говарда Саттлетвейта под

локоть. Вокруг них уже толпился народ. Хотя в пассаже было не так уж много людей, всем хотелось посмотреть, что же будет дальше.

Джордж потащил Говарда в другой пассаж. Говард опускал монеты в прорези и выигрывал джек-пот за джек-потом. Но лицо его становилось все мрачнее. Он даже побледнел. Он утрачивал ощущение реальности, здравый смысл и почву под ногами. Он не хотел верить в происходящее. Хоть объяснение всему этому было простым, он никак не мог до него додуматься.

Равновесие в природе несколько сместилось, и необходимо было восстановить его. Баланс сил должен был вскоре прийти в норму. Невероятные события одного порядка следовало отменять невероятными событиями другого. Игровые автоматы расщедрились. Но космос обязан вернуть гармонию.

Тем временем Джордж и Говард перешли в третий пассаж. Потом в четвертый и пятый. Восьмой и девятый. И одиннадцатый. Все они находились по соседству с «Родео». Выйдя из последнего пассажа, Джордж весело насвистывал.

— Посмотри на этих людей! — с содроганием воскликнул Говард.— Кажется, я вот-вот сойду с ума. Я хочу получить тридцать процентов! Ты обещал! Я для тебя уже столько выиграл! Хочу мои тридцать процентов!

— И ты получишь их, Говард,— успокоил его Джордж.— Более того, я собираюсь даже угостить тебя ленчем. Не забивай голову арифметикой. Не нарушай этот хрупкий дисбаланс. Я позвонил Джанет, и она присоединится к нам.

— Тридцать процентов,— потребовал Говард.— Я хочу получить деньги!

Он будто сломался. Его воротничок стал несвежим, очки запотели. Он спотыкался на ходу. Азарт явно был ему противопоказан. Он относился к стойким и консервативным людям, привыкшим делать все основательно, и довольствовался тем, что зарабатывал свое и избегал закладных.

За Джорджем и Говардом следовали примерно тысяча двести любопытных. В «Формозе» один сандвич стоил столько, сколько в средней шикарности отеле — обед из пяти блюд. Полиция расчистила им дорогу. За дверью располагался вестибюль. Конечно же, как и повсюду в Трес-Агуасе, здесь

стоял игровой автомат. Говард с опаской посмотрел на него. Джордж сунул ему крупную монету и вкрадчиво попросил:

— Ладно, Говард. Давай.

И Говард опустил ее. Автомат был долларовый. Он выдал джек-пот. Долларовые машины всегда производят много шума, если ты выигрываешь. И этот не был исключением.

Джордж был вынужден почти под руку довести Говарда до стола. Тот словно засыпал на ходу. Руки его были холодными и влажными. Взгляд помутился. Он сел и устремил взгляд в одну точку, постоянно твердя:

— Мои тридцать процентов...

Перед ним сидела улыбающаяся Джанет. Она уже поджидала их в ресторане.

— Говард,— с чувством сказала она.— Джордж позвонил и рассказал, чем вы занимаетесь. Это же здорово! Как тебе удается?

Говард смотрел на нее невидящим взором.

— Это невозможно,— пробормотал он.— Невозможно! Я не могу поверить! Но я получаю тридцать процентов.

— Это наш утренний улов, Джанет,— весело объяснил Джордж.— Все трудами Говарда. Может быть, разделишь деньги? Говард, похоже, не хочет разбираться с ними самостоятельно.

Джанет тщательно все сосчитала. Говард встревожился. Наконец она выдала ему тридцать процентов.

— Но был еще автомат в вестибюле,— напомнил он.

— Конечно! — сконфуженно признался Джордж.— Извини, Говард.

Он достал долларовые монеты и треть их отдал Говарду. Появился официант. Джордж сделал роскошный заказ. Этим ленчем ему хотелось отметить неожиданную удачу. Но Говард переживал. Он уткнулся в меню. Он бы с удовольствием заказал только бутерброд с ветчиной, предпочтя остальное взять наличными. Но Джанет так умилительно смотрела на него...

— Это же чудо, Говард! Ты ведь продолжишь, не так ли? После ленча? Я могу пойти с вами и понаблюдать?

Говард вздрогнул, но только пожал плечами в ответ. Он видел, как Джанет убрала деньги в сумочку. Один их вид вы-

водил Говарда из себя. Он вдруг сообразил, что пошел на поводу у Джорджа и сделал ему излишние уступки.

— Я не хочу увлекаться,— заявил он с достоинством.— Я не рисковал и не буду. Ради Джорджа я выступил кем-то вроде его агента за комиссионные. Но я не стану изменять своим принципам. И у меня есть другие дела. Если я отложу их, то впредь хочу получать сорок процентов и забрать дело Джо Грека.

Джордж не удивился, но поднял бровь. Джанет коснулась его руки.

— Дорогой,— сказала она,— позволь мне поторговаться!

И она подкупающе улыбнулась Говарду.

Природа, само собой, уже стремилась исправить аномалию. Динамическое равновесие сил не может нарушаться надолго. События в Гималаях, в Амазонии и в Сиднее, как и в Перт-Амбое и других местах, происходили примерно в те же часы. Были, несомненно, и другие случаи, оставшиеся незамеченными. Но в Трес-Агуасе, в Неваде, напряжение резко спало. Когда такой тип, как Джордж Гейнс, в совместном предприятии с Говардом Саттлетвейтом заработал больше денег, чем его напарник, то уже почти что можно сказать, будто дважды два равно пяти. Как бы то ни было, эффект, возникший в результате смещения природного равновесия, постепенно сходил на нет.

Кое-где творились и менее значительные вещи, которые послужили восстановлению статус-кво. Например, в Смоленске один мужчина сказал жене, что она готовит лучше его матери. В Туксоне женщина-брюнетка, обнаружив светлый волос на воротнике мужа, вдруг вспомнила, что он встречал ее сестру-блондинку в аэропорту. В Филадельфии шестнадцатилетний юнец смиренно выслушал аргументы отца насчет того, почему не следовало пользоваться отцовской машиной, и нашел, что отец совершенно прав. В Пунта-Аренасе и в Майоа, на Каролинских островах и в прочих местах на разных концах Земли имели место и другие подобные происшествия. Напряжение явно ослабевало.

А в «Формозе», за десертом, стоившим Джорджу, как узнал Говард, четыре с половиной доллара за порцию, Джанет составила новый контракт. Джордж подписался под ним. Как

и Говард. Последнему показалось, что он согласился на слишком суровые условия. Он даже не успел сообразить, что фактически заключил сделку с женщиной. Джанет поспешила захлопнуть книжку.

— Я всегда мечтала сыграть в рулетку,— сообщила она с улыбкой.

— Пусть этим займется Говард,— сказал Джордж.— Не стоит ему мешать. Давайте отправимся в «Освальд».

Клуб «Освальд», разумеется, был самым знаменитым из традиционных заведений в Трес-Агуасе. Напитки там лились рекой, а ставки начинались с четверти доллара, причем карты раздавали девицы, а в зале присутствовали шикарно одетые подсадные утки. Место, конечно, было в высшей степени респектабельное. Освальд даже жертвовал на благотворительность и никогда не попадался под руку налоговому управлению. Он был уважаемым человеком, а его клуб считался не просто деловым предприятием. Это было настоящее учреждение.

Они пришли в казино Освальда сразу после полудня, и народу там было мало. Большая часть азартных игроков еще толпилась на телеграфе, ожидая денежных переводов из дома. В казино были столы и с рулеткой, и карточные, покрытые зеленым крепом. Не обошлось у Освальда и без баров. Но в игре царил застой. Джордж подвел Говарда к рулетке, где подсадная утка о чем-то вяло беседовала с крупье. Говард сел скрепя сердце. Он жалостливо смотрел на Джорджа, испытывая нечто вроде волнения перед выходом на новую сцену. Он еще не успел привыкнуть к азартным играм.

— Полагайся на интуицию, Говард,— ненавязчиво наставлял его Джордж.— Не зажимайся.

Он дал Говарду доллар. Тот почти машинально поставил его. Подсадной игрок кинул доллар на двенадцать, и крупье запустил рулетку.

Потом он с безразличным видом выдал Говарду тридцать пять долларов. Джанет прибрала деньги к рукам и сделала какие-то заметки. Теперь Джордж протянул десятидолларовую купюру. Говард опять машинально поставил ее на какое-то число. Крупье крутанул рулетку.

После чего опять выплатил Говарду по тридцать пять долларов за один. Джанет взяла деньги и записала сумму. Она явно развеселилась.

В руках у Джорджа появилась новая купюра — двадцать долларов, и Говард сделал ставку с таким видом, будто присутствовал на чужой вечеринке. Число он выбрал бессознательно. На этот раз им оказалось зеро.

Крупье снова пришлось отсчитать Говарду деньги.

Клуб Освальда еще оставался почти пустым. Сейчас здесь можно было обнаружить приезжих из Ист-Оранджа, Денвера, Амарилло и Руджет-Саунда. Еще тут находились справлявшие медовый месяц молодожены из Чикаго и какой-то щуплый банковский клерк из Форт-Лодердейла, да еще умилительная престарелая пара, отмечавшая золотую свадьбу. В общем, атмосфера затхлая. Большинству хотелось просто за кем-нибудь понаблюдать.

Они знали, чего ждать. Когда Говард выиграл, у него появились обожатели. Словно следуя какому-то телепатическому влечению, толпа из «Формозы» потоком ринулась к Освальду. Говард выиграл в пятый раз, и у него нашлись подражатели. Ведь странно выигрывать, два раза подряд ставя на зеро при соотношении тридцать шесть к одному. Два последовательных выигрыша давали шанс 1296 к одному. А три — 46 656 к одному. Это уже и в самом деле становилось интересно.

Когда Говард с остекленевшими глазами отправил крупную сумму на двадцать семь, дела приняли новый оборот. Водопроводчик из Амарилло и аптекарь из Ист-Оранджа вместе с чикагской парой и пожилой леди из Натчеса принялись бороться друг с другом за право поставить деньги на тот же номер и цвет, что и Говард.

И крупье платил.

Суматоха нарастала. Словно по волшебству, клуб Освальда наводнили клиенты, а снаружи вдруг выросла очередь в два ряда. Беглый клерк из Форт-Лодердейла вдруг понял, что опять может стать честным человеком, и заплакал. Говард действовал как зомби, ведь каждый выигрыш задевал его за живое. Если б он сумел заставить себя рисковать ради выгоды, то получал бы всю прибыль. Но он не мог. Сидя с пересохшим

горлом, он даже не заметил, как пожилая пара вступила в перепалку с женщиной из Тинека, против которой выдвинула ставку.

Наконец бледный крупье заявил:

— Прошу прощения, но у меня больше нет наличных.

По традиции, хоть и не по правилам, это означало, что банк сорван. Азартные игроки могли об этом только мечтать. Но не Говард. Он трепетал. Он достиг той степени истерии, когда уже не мог прекратить игру, поскольку имел свою долю от выигрышей Джорджа. А по-другому он не мог. Он просто был не в состоянии испытывать собственную судьбу. Но от него ждали еще больших денег...

— Давай,— проникновенно подбадривал Джордж.— Не переживай так, Говард. Я угощу тебя, когда они подарят нам еще!

— Говард,— поощряла Джанет.

Но тот уже был готов зарыдать. Возбужденная толпа наблюдала, как Джордж отвел Говарда в бар и влил в него двойной виски. Но Говард выглядел весьма неважно, и Джордж тоже казался озабоченным.

— Ты хочешь остановиться, Говард? — спросил он.— Наверное, это непросто!

С них не сводили глаз.

— Как много денег я сорвал? — громко спросил Говард.

Джанет с готовностью назвала сумму. Говард облизнул сухие губы. Он был почти в отчаянии. Джордж уже достаточно получил. Его стараниями, между прочим!

— Я хочу больше комиссионных! — с горечью запротестовал он.— Мне причитается процент посолиднее! Я не стану работать при таком раскладе!

И тут вмешался кое-кто еще. Толстый коротышка в костюме за двести долларов сладким голоском спросил:

— О чем речь? О каких процентах?

Джордж взглянул на грубоватые черты его лица. Четверо невозмутимых телохранителей профессионально оттеснили пожилую даму и молодоженов от своего работодателя. Джордж узнал Джо Грека. Он уже договорился с ним о приемлемом страховом соглашении насчет отеля, предусмотрев все воз-

можные неприятности, какие только случаются в гостиничном бизнесе.

— А! — воскликнул Джордж.— Как ваши дела? — И добавил, обращаясь к Говарду: — Это мой друг Джо Грек. Он хочет поздравить тебя с такой удачей.

Говард напрягся, как загнанная лошадь. Он был деловым человеком такого уровня, какого Джорджу не суждено было достичь. В присутствии клиента он словно преобразился. Он широко улыбнулся Джо Греку и горячо пожал ему руку, несмотря на взъерошенную прическу, мятый воротничок и перекошенные очки. Он опять заулыбался и принялся объяснять, как страстно стремился заключить с Джо Греком сделку по поводу пожаров, краж, убытков, бурь, гроз и прочих несчастий, но никак не мог добиться встречи. И он надеялся, что когда-нибудь...

— Вот как? — спросил Джо Грек.— А как насчет процентов? Вам так везло, как мне говорили.

Джордж что-то пробормотал и протер очки. С клиентом иногда приходится идти на уступки. Говард вкратце рассказал о договоре с Джорджем. Он хотел выразить Джо Греку свое расположение, потому что тот был богат и мог улаживать страховые дела по собственному усмотрению.

— Вы хотите сказать, что не можете рисковать за себя и за вашей спиной всегда должен кто-то стоять? — спросил Джо Грек.

— Но я не азартный человек,— отвечал расстроенный Говард.— Я... не могу! Это против моих принципов! Но мне нужен более высокий процент!

Джо Грек вздохнул. А потом ласково произнес:

— У вас есть письменное соглашение? — Поняв ответ по выражению лица Говарда, он обратился к Джорджу: — Давай-ка, дружище! Контракт!

Джанет посмотрела на Джорджа. Казалось, он не слишком переживал. Она достала записную книжку из сумочки и отдала Джорджу. Тот протянул ее Джо Греку. Джо порвал контракт, даже не читая.

Джордж с сожалением заметил:

— Я как раз собирался попросить Говарда остановиться. Он уже устал.

— Я позабочусь об этом,— сказал Джо Грек.— Ребята,— обратился он к телохранителям,— присмотрите за моим другом. За тем, как он будет вести себя за столом. Я дам ему соответствующий процент!

— А я,— поспешно добавил Говард,— посмотрю, что вы можете сэкономить, если будете иметь дело со мной...

Джо Грек махнул рукой. И Говард пошел к рулетке, почти не чувствуя ног.

— Ай-ай-ай! — воскликнул Джордж.— Мы уже немного получили от него, но теперь, думаю, лучше найти укромный уголок и отпраздновать удачу.

— Помнишь, как он настаивал на письменном соглашении? — спросила Джанет.— Оно до сих пор у меня. Джо Грек разорвал список приглашенных на свадьбу. А Говард на бумаге признал, что будет работать только на тебя! И у меня остались деньги! Попробуй отобрать их!

Пробираясь сквозь толпу, Джордж вывел Джанет из «Освальда». Уже в такси он сказал:

— Как же я могу завладеть этими деньгами? Похоже, ради них мне придется на тебе жениться.

— Тебе придется, дорогой,— ответила счастливая Джанет.— Придется!

И Джорджу перестало быть интересным наблюдать за состоянием космоса. Да и в космосе уже не творилось ничего необычного. В последние минуты он вернулся к привычному равновесию и восстановил баланс. Но Джордж этого не заметил. Его захватили чувства. Он даже забыл о Говарде.

И это правильно. Сначала Говард выиграл и полученными деньгами должен был поделиться с Джо Греком. А потом он открыл серию самых крупных проигрышей в истории клуба «Освальд», пассажа «Родео» и прочих игорных заведений в Трес-Агуасе. Он побил все рекорды. Все. Джо Грек ставил и ставил на него, не веря, что счастье Говарда могло изменить ему так катастрофически. Сам Говард тоже не мог это признать. Когда Джо Грек с телохранителем удалились, Говард был не в состоянии остановиться. Он рисковал собственными деньгами, во всяком случае теми, что выиграл еще до ленча в «Формозе». И он страшно переживал, продолжая твердить, что рисковать глупо. Наконец он довел себя до слез.

Но случай с Говардом только служил доказательством — все опять пришло в норму. В одной долине в Андах по склону скатилось два камня, и они остановились у двух других булыжников. И их стало четыре. Старое правило, что дважды два — четыре, опять действовало. Мальчик в Маскоджи, в Оклахоме, прицелился в воробья из рогатки и выстрелил. Он промахнулся. Камень полетел и, описав в воздухе параболу, разбил окно школы. Законы природы снова работали безотказно. В сложном мире все опять вернулось на круги своя.

Этим-то мы и счастливы.

Дорогой Чарлз

Чарлзу Фабиусу Грэнверу
Сектор 233, Зона 3,
Дом 1254, Рэдли.
Тридцать четвертое столетие.

Мой дорогой прапрапра...правнук Чарлз!

Твой друг Харл Вэнс найдет это письмо, оно напечатано в старой потрепанной книге вместе с другими древними рассказами и лежит на самой дальней полке университетской библиотеки. Он удивится, увидев твое имя, и поразится, прочитав свое собственное. Харл будет совершенно ошеломлен, когда обнаружит твой правильный адрес в томе, увидевшем свет задолго до того, как ты родился. Поэтому он покажет письмо всей вашей компании, а я таким образом сумею передать тебе очень важное послание. Обычная почта едва ли возьмется доставить письмо по прошествии четырнадцати столетий, а я обязательно должен сообщить тебе о серьезных семейных проблемах.

Мне необходимо познакомиться с твоей прапрапра...прабабушкой и (несмотря на твои не подобающие внуку возражения) добиться ее руки. Когда это письмо дойдет, вы будете обручены, поэтому я не слишком полагаюсь на твою помощь. В самом лучшем случае я могу рассчитывать, что ты изо всех сил попытаешься доказать, будто все это самый настоящий бред. Но больше мне ничего и не требуется, Чарлз, и я надеюсь, что ради нашей семьи ты так и поступишь. Это и в самом деле семейная проблема.

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

Если представить, что за столетие в среднем сменяется четыре поколения, то ты мой прапрапра...правнук в 52-м колене. Эти родственные отношения существуют благодаря серии необычных событий, и тебе необходимо узнать, что следует сделать, чтобы они произошли.

Попытаюсь выразиться яснее... Полагаю, что в твое время путешествия во времени по-прежнему считаются вещью совершенно невозможной, поскольку — чаще всего приводится именно этот аргумент — если человек вернется на сто лет назад, встретится со своим дедушкой и случайно его убьет, то не сможет появиться на свет. Естественно, если это произойдет, его дед останется жив. Поэтому он родится. И тогда сможет убить деда. И так далее, до бесконечности. Я уверен, что тебе известно это доказательство невозможности путешествий во времени.

Однако я твой прапрапра...прадед благодаря превратностям классического парадокса времени. Так уж случилось, после того как ты прочитаешь письмо, тебе предстоит познакомиться со мной как с гостем, явившимся в вашу эпоху из прошлого. И тогда — хотя ты будешь всячески возражать — я познакомлюсь с твоей нынешней девушкой и отобью ее, после чего вернусь с ней обратно, чтобы стать твоим прапрапра...прадедушкой в 52-м колене.

Я не рассчитываю, что ты отнесешься к происходящему с одобрением, Чарлз. Ты склонен к эгоизму. Ты не примешь на веру мой авторитет как дальнего предка, и тебе будет наплевать на семью. Но в конце концов ты уступишь. Ведь если Джинни не выйдет за меня замуж, ты не родишься, чтобы встать у меня на пути. Так что я познакомлюсь с ней, ведь только в этом случае ты появишься на свет. Но если выйдет по-твоему, тебя не будет. Короче говоря, я намерен обвенчаться с Джинни. На самом деле мы уже женаты, а теперь я хочу все организовать.

Позволь мне кое-что тебе разъяснить. Когда я учился на последнем курсе Университета Коллинза, моим преподавателем был профессор Кнут Хэдли — человек, способный следовать идее с маниакальным упорством, вопреки фактам и здравому смыслу. В предыдущем семестре им овладела одна

из таких идей, причем исключительно необычная. Во время классных занятий он предложил пятерым студентам выпускного курса собрать по-настоящему сложный электронный прибор для экспериментального доказательства уравнения Лоренца-Фитцджеральда. Его теория состояла...

Нет, я избавлю тебя от ее изложения, Чарлз. Постараюсь выразиться проще. Тебе следует помнить: если ты не поможешь мне завоевать Джинни, то не родишься, чтобы помешать мне на ней жениться, так что я женюсь, и ты появишься на свет, чтобы попытаться меня остановить... понимаешь? Не забывай об этом, если тебя посетят сомнения. Это может помочь.

Прибор профессора Хэдли имел совершенно невероятную форму. Мы строили его с величайшим старанием. И за две недели до выпускного вечера работа была закончена. Профессор Хэдли ликовал. Стоя перед нами, он делал последние поправки. Проверял напряжение и сопротивление. Наконец он собрался включить прибор.

По очевидным причинам я не стану рассказывать об этом устройстве. Как оказалось, именно с его помощью я отправился в твое столетие, и мне совсем не хочется, чтобы ты проделал обратный путь и прикончил своего прапрапра...прадедушку. У тебя возникнет такое желание, Чарлз, но делать этого не следует. Все последующие 52 поколения, для которых я являюсь уважаемым предком, моментально исчезнут. А я никак не могу допустить такого поворота событий.

Кстати, передай привет своему отцу, Чарлз. И еще твоя прапрапра...прабабушка настаивает, чтобы я кое-что передал и от нее. Она с любовью вспоминает тебя и надеется, что ты встретишь чудесную девушку, женишься на ней и вы будете счастливы. Боюсь, я не могу пожелать тебе того же, поскольку не забыл, что ты был первым кавалером Джинни.

Однако вернемся к семейным делам. Профессор Хэдли принял театральную позу и произнес речь. Он сообщил, что его прибор продемонстрирует то, что теоретически доказать невозможно. И с торжественным видом повернул переключатель.

Он оказался совершенно прав, когда говорил о демонстрации невозможного! Профессор не знал пределов своего гения и возможностей прибора. Когда он включил рубильник, загорелись лампы, все заискрило, от изоляции повалил дым...

А профессор Хэдли, сияя, приобрел довольно симпатичный красновато-коричневый цвет и, сохраняя удовлетворенное выражение лица, медленно растворился в воздухе. Он исчез, радостно улыбаясь и светясь, точно неоновая реклама.

Мы смотрели, разинув рты. Примерно через три секунды раздался громкий треск — и устройство вспыхнуло. Во все стороны полетели искры, изоляция загорелась. Прибор прекратил работать — в этом не было ни малейших сомнений. А профессор Хэдли так и не появился.

Мне не получится долго удерживать твое внимание, Чарлз, поэтому я не стану рассказывать о резонансе, который вызвало это событие. И хотя свидетелями исчезновения профессора было пятеро студентов, нам не поверили. Полиция мрачно намекала на нашу причастность к убийству, но ничего не смогла предъявить из-за отсутствия пресловутого *corpys delicti**. Затем они изучили бумаги профессора Хэдли и обнаружили, что он вел переписку с семнадцатью женщинами, членами клуба «Одиноких сердец». Он всем представлялся как молодой и богатый холостяк, а те отвечали ему подобной же ложью. Полиция начала допрашивать женщин, потом появилось заявление, что в самое ближайшее время следует ждать ареста, и наша пятерка счастливым образом восстановила добрые имена.

К тому же произошли и другие события, которые помогли отвести от нас подозрения. В день выпуска декана женского курса обнаружили на самом верху статуи основателя университета, где она решила отпраздновать окончание учебного года. Она стояла на бронзовой шляпе основателя и пела «Малиновку в веселом месяце мае» на разные голоса — серьезное достижение для одной женщины,— а в качестве купального костюма использовала полотно Пикассо, взятое на факультете искусств. Так что всеобщее внимание было отвлечено от менее впечатляющего исчезновения профессора Хэдли.

Могу лишь добавить, что тайна так и не была раскрыта. Никому не удалось узнать, куда он пропал. Однако меня не уди-

* Corpys delicti *(лат.)* — вещественные доказательства, или состав преступления. *(Прим. пер.)*

вит, если когда-нибудь его зубные протезы найдут среди окаменелостей верхнедевонского периода. Просто некоторое время спустя мне удалось узнать, что профессор случайно создал машину времени, а вовсе не прибор, доказывающий гипотезу Лоренца-Фитцджеральда. А если учесть, что я довольно хорошо знал профессора Хэдли, то не сомневаюсь, что он настроил прибор на путешествие в обратном направлении.

Однако я опережаю события. Следует напомнить, что мой выпуск состоялся через две недели после исчезновения профессора. Впрочем, летом мне пришлось поработать в кафе, чтобы расплатиться по долгам, поэтому я остался в маленьком университетском городке. Школьные училки заполнили кампус, намереваясь получить знания и дипломы, которые позволят им рассчитывать на более высокий заработок, если, конечно, по ходу дела им не удастся подцепить мужа. Время не стояло на месте.

И тут появился Джо. Я говорю «Джо», чтобы не ставить его в неудобное положение. Он был одним из тех блестящих студентов, о которых все быстро забывают. Он решил выбрать карьеру преподавателя. Джо получил великолепное образование, поскольку всегда отличался усердием. В своем роде он был отличным парнем — однако всем было на него наплевать. Ему тут же предложили читать курс профессора Хэдли летним очкарикам, хотя никто не сомневался, что осенью на его место возьмут того, кто знает гораздо меньше, но умеет себя преподнести. Очень жаль. Я и сам обошелся с Джо не лучшим образом, но...

Кто-то рассказал Джо о том, что случилось с профессором Хэдли. Он тщательно все продумал и обратился ко мне, как к одному из свидетелей печального происшествия. Джо с самым серьезным видом заявил, что профессор Хэдли был весьма способным человеком, и если он говорил, что способен подтвердить теорию Лоренца-Фитцджеральда, то стоит попытаться повторить его путь. Помогу ли я восстановить сгоревшее устройство и выяснить, в чем была проблема? Если он сумеет найти ответ на этот вопрос, у него появится возможность написать статью и, если ее напечатают, шанс закрепиться в штате университета...

Я его пожалел. Кроме того, некоторые училки начали слишком часто посещать кафе, где я продавал лимонад. В особенности в то время, когда я заканчивал работу.

Я вспоминал физическую лабораторию как спокойное место, где вечером можно мирно выпить бутылочку пива. Или утром, если на то пошло. И я согласился помочь Джо. Мы приступили к работе. Вот как появляются на свет прапрапра...правнуки.

Ты явился результатом нашего эксперимента, Чарлз.

Пойми, Чарлз, я должен изложить эту историю в виде рассказа, чтобы его напечатали, а Харл Вэнс показал тебе. Надо же как-то дать ход этому делу?

Речь идет о парадоксе — если ты еще сам не заметил. В моем столетии и в моей жизни все события происходили в июне и июле прошлого года. То есть миновало двадцать два месяца с того момента, как мы с Джо восстановили устройство профессора Хэдли. Потом мы отошли от него на безопасное расстояние и включили. Однако устройство перенесло меня в тридцать четвертое столетие, где Джинни с большим интересом дожидалась будущего жениха, поскольку прочитала это письмо. Но двадцать два месяца назад я его не писал.

Однако, если ты, как и всегда, отреагируешь импульсивно,— а Джинни посмотрит на меня блестящими завораживающими глазами девушки, глядящей на человека, за которого, как она знает, ей предстоит выйти замуж,— я должен когда-нибудь написать это послание, не так ли? Ведь события, которые произошли тогда, должны случиться.

А теперь давай поговорим о машине времени профессора Хэдли. Ты не против?

С виду она казалась ужасно сложной. Там были катушки индуктивности и электронные трубки, сеточное детектирование и транзисторы, реостаты, системы обратной связи и другие устройства. Я плохо представлял себе, зачем они здесь нужны, и даже Джо постепенно терял энтузиазм по мере того, как мы заменяли сгоревшие провода, конденсаторы и прочее. Чем дальше, тем меньше он понимал, что мы делаем. Он неплохо разбирался в учебниках, этот Джо, но здесь речь шла совсем о другом. И все же мы восстановили прибор — могу

поклясться, что он был точно таким же, как у профессора Хэдли, вот только провода мы использовали более толстые.

Должно быть, профессор был очень умным. Он не сомневался, что его прибор продемонстрирует эффект Лоренца-Фитцджеральда, но его истинное назначение было совсем не в этом. Мы воссоздали машину, способную переносить предметы из одного времени в другое.

Любой ученый скажет, что это невозможно. Я надеюсь, что профессор, где бы он ни находился — в верхнем девоне, в юрском или даже меловом периоде,— узнает о своем случайном триумфе.

Но мы с Джо просто сидели и смотрели на устройство, которое починили. Мы не знали, каким должен быть наш следующий шаг. Мы не представляли, что может произойти, и никто из нас не стремился стать красно-коричневым — пусть даже и со счастливой улыбкой на устах,— чтобы затем исчезнуть в неизвестном направлении. Мы приделали к машине длинный провод, который подсоединили к рубильнику. Затем, находясь на значительном расстоянии от устройства, запустили его. Ничего не произошло. Тогда мы его выключили. Я поставил пустую бутылку из-под пива на то место, где находился профессор Хэдли, и мы вновь включили прибор. Бутылка засияла бледно-розовым светом и исчезла. Мы быстро все вырубили. Ничего не произошло. Бутылка не появилась.

Мы переглянулись. На лице у Джо появилось страдальческое выражение. Затем он пробормотал что-то о попытке обнаружить физическую природу барьера. К следующей бутылке пива он привязал бечевку. Эффект был тот же самый — бутылка исчезла. Когда мы выключили устройство и подошли, чтобы осмотреть веревку, оказалось, что она перерезана. Однако, после того как Джо взял ее в руки, чтобы изучить место среза, пивная бутылка появилась из пустоты, по-прежнему соединенная с бечевкой.

К этому моменту меня начала бить дрожь, Чарлз. Буду с тобой откровенен. Я очень многого не понимаю в машине времени профессора Хэдли. Она была единственной в своем роде, и я совершенно уверен, что еще одной не будет никогда. Во всяком случае, только через мой труп. Ну а в тот момент я откупорил новую бутылку пива.

Вот тут-то в комнату с мрачным видом вошел Нортон, лабораторный кот, худой, сильно потрепанный и, как обычно, с похмелья. Должен с горечью сообщить тебе, Чарлз, что в мое время некоторые животные умудрялись пасть почти так же низко, как люди. Нортон был печально известен в Университете Коллинза из-за пристрастия к алкоголю.

Уж не знаю, поверишь ты мне или нет, но он был готов в любое время променять сардину на коктейль, а по утрам, после бурно проведенной ночи, его часто видели рыскающим среди пустых банок из-под пива с таким видом, словно он собирался отомстить собаке, осмелившейся его укусить. О, если бы существовала собака, рискнувшая приблизиться к Нортону! Нет, он прославился как бесстрашный воин, в особенности, когда у него было дурное настроение. Однажды на Рождество он ужасно накачался грогом...

Впрочем, это не имеет к тебе никакого отношения, Чарлз. В то утро Нортон подбежал ко мне с умоляющим видом, словно ему ужасно хотелось сказать: «Дружище, мне необходимо выпить, чтобы хоть немного прийти в себя. Помоги мне, а потом я вступлю в АА!*»

Я протянул ему пиво, и он принялся с задумчивым видом лакать. Потом рыгнул, повалился на пол и заснул.

Идея пришла в голову мне и Джо одновременно.

Ты и сам наверняка догадался. Мы разбудили Нортона, привязали бечевку к его ошейнику и посадили на то место, где находилась пивная бутылка, отправившаяся в неведомое путешествие, после чего включили рубильник машины времени. В этот момент Нортон широко зевнул. И ничто не помешало ему завершить зевок. Как и следовало ожидать, он начал испускать сияние. Очень яркое. Но исчез кот в облаке коричнево-пурпурного тумана. Последнее, что мы увидели, были его зубы, блеснувшие, когда он с безразличным видом захлопнул пасть.

Мы обесточили машину времени. Нортон не вернулся. Потом мы довольно долго обсуждали, что же все-таки произошло. Наконец я подошел и потянул за бечевку. И Нортон,

---

* Общество анонимных алкоголиков. *(Прим. пер.)*

привязанный к ней, возник из пустоты, укоризненно моргая. У меня возникло ощущение, что я его разбудил. Он выглядел так, будто совершенно не пострадал, если не считать того, что его вырвали из объятий сладкого сна. Мы положили кота на пол, он тут же свернулся в клубок и моментально заснул.

Возможно, мы были недостаточно осторожны, Чарлз. После единственного эксперимента с животным нам не следовало переходить на людей. Но нас охватил энтузиазм. Точнее, энтузиазмом был полон я, а Джо оставался бледным и мрачным. Однако мы оба хотели поскорее увидеть, кто первым исчезнет. Я проиграл. Вот так, с помощью, которую ты мне еще окажешь, я встретил твою прапрапра...прабабушку.

Мне нравится твоя прапрапра...прабабушка, Чарлз. Так чудесно, что она рядом со мной. Она такая аппетитная! Мы женаты уже почти два года, а я продолжаю восхищаться ею. Впрочем, в твоем времени мы еще не встретились. Однако я знаю, ты меня не подведешь, мой дорогой прапрапра...правнук!

Насколько я понимаю, твой друг Харл покажет тебе это письмо в книге, где оно напечатано. Ты его прочитаешь и придешь в ярость. И с проклятиями заявишь, что все это чушь. После чего Харл продемонстрирует его твоим друзьям Стэну и Лаки — и, естественно, Джинни. И вся компания станет требовать, чтобы ты проверил, *правда* ли это. Но больше всех будет настаивать Джинни, она даже несколько раз топнет ножкой, а ни один мой или ее потомок — если ты понимаешь, о чем я,— не в силах ей отказать.

Так или иначе, на следующее утро после того, как некто по имени Дорлиг выиграет лунные гонки (твоя прапрапра...прабабушка именно так обозначила это время, Чарлз), твои друзья потребуют от тебя активных действий. Стэн поставит последнюю рубашку на победу Дорлига, опираясь лишь на текст древнего рассказа. И выиграет серьезную сумму. Ставка Харла окажется более осторожной, но и он останется довольным. Лишь ты проявишь упрямство и откажешься поставить на Дорлига. А Джинни, узнавшая из рассказа, что должно произойти в дальнейшем, станет совершенно неотразимой. Они заявятся к тебе все вместе, чтобы ты представил их своему прапрапра...прадедушке в 52-м колене. А ты лишь зарычишь

в ответ и, едва справляясь с яростью, поведешь их вниз, в комнату для игр, чтобы доказать, какие они все придурки. Вот только они окажутся правы.

Я бы хотел описать две драматичные сцены, которые последовали одна за другой, но происходили в двух далеких друг от друга местах. Первая — в физической лаборатории Университета Коллинза, в двадцатом столетии, где находился я. Джо отправился в магазин, чтобы купить моток прочной веревки. Я не был готов доверить свою жизнь бечевке, на которой вытащил обратно Нортона.

Итак, я сидел в пыльной душной лаборатории, слушал, как жужжат мухи и храпит в углу Нортон. С улицы доносился веселый смех очкастых училок, пытавшихся кого-то очаровать. Все казалось таким мирным и спокойным. Меня ужасно взволновало то, что произошло с Нортоном, и я предвкушал собственное приключение, но мне еще не было известно, что в будущем меня поджидает Джинни. Если бы я знал, то поторопился бы.

А далеко-далеко в будущем ты, Чарлз, хмуро вел веселую компанию в комнату для игр. Ее стены испускали слабое сияние, декор постоянно менялся. Ты сам его выбирал, и он получился весьма банальным. Это была последовательность картинок, на которых ты, в космическом скафандре, убиваешь гримвэлов — похожих на летучих мышей существ с реактивными двигателями,— а пышная блондинка с восторгом наблюдает за твоими подвигами. Какая самовлюбленность, но не будем об этом.

Ты показал им комнату для игр, где я — пока что — не появился. Лаки — милая девушка, если вам нравятся брюнетки,— возбужденно хихикала.

Стэн с веселым видом пересыпал монеты из одной руки в другую, чтобы показать, каким глупым ты оказался, не поверив своему прапрапра...прадеду. Харл с легким сожалением позвякивал мелочью — его ставка была слишком маленькой. А Джинни с нетерпением дожидалась человека, который, как она знала из письма, заберет ее в свое время, в те далекие примитивные дни, когда картины имели всего два измерения, а то, чем люди питались, выращивали на самой Земле.

Джинни была в зеленом платье и в ожерелье из блестящих синтетических камней, совсем недорогих кристаллов углерода, на шее. Ее крошечные ножки... впрочем, зачем я описываю тебе Джинни, Чарлз? Ты ее видел, а следить за моими мыслями тебе сложно и без упоминаний о девушке. Самым замечательным в Джинни было то, что она знала, как я к ней отнесусь. Кто, кроме меня, мог так ловко намекнуть об этом, говорю я ей сейчас. Вдобавок я сам еще ничего не подозревал тогда.

Ты ведь должен понимать, Чарлз, что это непременно случится, а с моей точки зрения, все уже произошло — конечно, если ты понимаешь, о чем я,— иначе бы я не писал сейчас это письмо. Впрочем, Джинни-то уже читала его раньше! Я очень рассчитываю, что у тебя не закружилась голова, Чарлз. Ты должен оставаться самим собой — рассеянным и погруженным в себя... Напряженная пауза...

Между тем в физическую лабораторию вернулся Джо с мотком веревки. С улицы по-прежнему доносился веселый смех. Жужжали мухи, а Нортон мечтал о коктейлях и сардинах на ломтиках поджаренного хлеба. Вокруг царили тишина и спокойствие. Время неспешно текло вперед, не подозревая о том, какое беспрецедентное событие должно вскоре произойти.

И в самом деле наступил напряженный момент. Мы приготовились к замечательному путешествию. Я отрезал длинный кусок веревки. Затем я почувствовал, как Джо тянет меня за ремень. Ему даже удалось сдвинуть меня с места. Однако я не поддался. Да, я готов доверить ремню свои брюки — но только не жизнь. Я не испугался, просто мне не хотелось рисковать понапрасну. Поэтому я завязал веревку вокруг щиколотки двойным морским узлом.

— А второй конец прикрепи к чему-нибудь понадежнее, Джо,— сказал я.

Я видел, как он привязывает веревку к батарее парового отопления. По спине у меня пробежал холодок, однако я воскликнул:

— Неужели я не осмелюсь отправиться туда, где побывал Нортон! Давай, Джо!

И Джо отошел подальше, к рубильнику. Он сглотнул, а потом с несчастным видом включил установку.

Джо, лаборатория, пол, потолок, батарея и весь знакомый мне мир — все исчезло в облаке мерцающего красно-коричневого тумана. Я стоял неподвижно. Ничего не происходило. Итак, я существую. Похоже, ничего нового уже не произойдет. Вокруг меня клубилась коричневато-пурпурная пустота. Я не замечал никаких движений, до меня не доносились звуки. Я перестал слышать радостный смех училок, но, если не считать ощущения, что я забрался в красно-коричневую дыру, я не чувствовал ничего. Тогда я решил поискать пивную бутылку, исчезнувшую перед этим. И не нашел. Точнее, я ничего не сумел разглядеть. С тем же успехом я мог не находиться вообще нигде. Возможно, так оно и было.

Не слишком похоже на приключение. Если честно, это ни на что не похоже. Я определенно был разочарован. Мне даже захотелось, чтобы Джо вытянул меня обратно. Конечно, я мог бы немного прогуляться в тумане, выяснить, есть ли здесь хоть что-нибудь, но меня не оставляла убежденность, что лучше оставаться на месте. В этот момент я был совершенно спокоен, Чарлз. Максимально спокоен. Но по мере того как проходили минута за минутой, я начал понемногу потеть.

Наконец мое терпение лопнуло, я наклонился и взялся за привязанную к ноге веревку. Я слегка подергал ее, подавая Джо сигнал, чтобы он меня вытащил. Никакой реакции. Тогда я решил потянуть сильнее, чтобы Джо понял: пора что-то предпринять.

Веревка по-прежнему провисала. Все дело в том, мой дорогой Чарлз, что я допустил небольшую ошибку. Однако это была одна из ошибок, которыми я буду наслаждаться бесконечно. А все, что случилось потом, определило посетившее меня вдохновение. Когда мы с Джо готовили мое исчезновение в красно-коричневом тумане, он хотел прикрепить веревку мне к ремню. Не слишком удачная мысль, но я благословляю Джо за нее, хотя в тот момент я решительно воспротивился его намерению. Я отрезал кусок веревки и завязал на щиколотке. Крепко. Это, решил я, будет моим спасательным леером, ведь другой конец Джо примотал к батарее.

Но он прикрепил к батарее совсем другую веревку — а я этого не заметил. Ошибка, которая подарила мне счастье.

Но не в ту минуту. Итак, я потянул за веревку, что была у меня на щиколотке, а не за ту, которую — как потом выяснилось, не слишком прочно — присоединил к моему ремню Джо. И без всякого сопротивления второй конец веревки появился из коричневато-пурпурного тумана. Когда я его увидел, меня охватил такой гнев, что я не пожелаю испытать его даже тебе, мой прежний соперник и прапрапра...правнук. Волосы у меня на голове встали дыбом, глаза едва не вылезли из орбит. Я находился в месте, про которое и сказать-то было нечего. Мне хотелось выбраться отсюда. Однако я только что втянул вслед за собой единственную нить, связывавшую меня с миром училок, котов-алкоголиков и Джо.

Я испытывал чисто истерическое отвращение к веревке. Мне не следовало втаскивать ее сюда, ведь теперь Джо не сумеет вызволить меня отсюда. Поэтому я размахнулся и зашвырнул свободный конец веревки в красно-коричневый туман...

И он задел твой затылок.

Вот он, критический момент, Чарлз. Когда ты, Лаки, Стэн, Харл и, конечно, Джинни стояли в твоей подвальной комнате для игр, все уже успели прочитать мой рассказ. Но ты, Чарлз, был готов самым решительным образом доказать, что это — откровенный бред.

Твои друзья часто устраивали довольно необычные розыгрыши — тебе всегда казалось, что у них весьма своеобразное чувство юмора. Ты с выразительной гримасой указал на полное отсутствие в помещении людей из прошлого и торжествующе заявил, что вся эта история — полнейший вздор и что твой прапрапра...прадедушка *не посетит* вас, забравшись в наше время из далекого прошлого. Когда ты закончишь свою тираду, Чарлз, веревка ударит тебя по затылку.

Ты резко развернешься и увидишь в воздухе незнакомый предмет. Ты решишь, что Харл и Стэн сыграли с тобой шутку. Твое лицо станет пунцовым, и ты дернешь за веревку, завопив, что все это ужасная глупость.

И тут я, появившись из пустоты, свалюсь тебе на голову, ты упадешь, а я останусь сидеть у тебя на животе. Должен признаться, Чарлз, что я испытываю к тебе чувство благодарности исключительно за то, что ты смягчил мое падение,— если вообще испытываю, конечно. Иначе я рухнул бы на пол с шестифутовой высоты, к чему совершенно не был — точнее, не буду — готов. Несомненно, здесь самое подходящее место, чтобы порассуждать, почему кусок веревки из двадцатого столетия попал тебе по затылку, находившемуся в тридцать четвертом. Но я сразу признаюсь, что не имею ни малейшего представления об этом. Машина времени профессора Хэдли работала именно таким образом. Больше мне добавить нечего.

Я сидел и разглядывал тебя. А ты пришел к выводу, что меня наняли твои друзья — то ли заплатили, то ли просто заставили играть неблаговидную роль. Ты бросал на меня свирепые взгляды. А я немного смутился, поскольку передо мной был не Джо, который, как я надеялся, вытащит меня обратно. Более того, ты оказался совершенно незнакомым мне человеком. Твое лицо ужасно покраснело, так что моему взору предстал глупый незнакомец, который набирал воздух, чтобы разразиться длинной тирадой не самого дружелюбного содержания.

Поэтому я вежливо тебя опередил:

— Доктор Ливингстон, я полагаю?

Для тебя мой вопрос стал лишь новым доказательством того, что все это подстроено. Ты приподнялся и постарался меня столкнуть. Я слез с твоего живота и протянул руку, чтобы помочь тебе подняться. Однако ты ударил меня, и я отлетел к стене. Когда твоя прапрапра...прабабушка возмущенно попыталась тебя урезонить, ты схватил стул с намерением хорошенько мне съездить. Едва ли следует так обращаться со своим знаменитым предком, Чарлз, вот что я должен тебе сказать.

Именно в этот момент твоя прапрапра...прабабушка впервые поняла, что ты совсем не такой добросердечный человек, каким казался ей раньше. Более того, зная, что я намерен ухаживать за ней, а затем и жениться, она решила устранить возможные препятствия, которые могли бы повредить ее нежным чувствам. Она ударила тебя битой для хартли, схватив ее с полки, где та лежала вместе с другими приспособлени-

ями для этой замечательной игры. А когда ты упал, она с поразительным чутьем, характерным для маленьких красивых женщин в критических ситуациях, обнаружила веревку, свисавшую с моего ремня, распутала узел и привязала ее к стулу для дальнейшего изучения.

Возможно, на этом месте письмо следовало бы закончить. Дело в том, что все остальные события, произошедшие в твоей игровой комнате, твоем времени и твоем историческом периоде, были уже совершенно неизбежны.

Лаки пронзительно закричала. Ее крик услышал твой отец и примчался с аптечкой скорой помощи. Он влетел в комнату и увидел Джинни — да благословит ее Бог. Она стояла надо мной с битой для игры в хартли, готовая сражаться до последнего. Ты лежал на полу.

— Что... Что?..— вскричал твой отец.

А Джинни ответила совершенно спокойно и хладнокровно:

— Он прапрапра...прадедушка Чарлза, сэр, а Чарлз его ударил. Это очень недостойный поступок, и я треснула его битой.

Слово «треснула» редко используется в речи тридцать четвертого столетия. Джинни узнала его из моего послания, отправленного тебе. Она смутно представляла, что оно означает, но, когда возникла необходимость, не только поняла, что нужно делать, но и нашла подходящее слово. Твоя прапрапра...прабабушка — незаурядная женщина, Чарлз! У нее есть ум, решимость, интуиция, ясность мысли, к тому же она бывает невероятно привлекательной. И хотя я женат на ней уже достаточно давно, я очень, очень ее люблю!

— А это еще что такое? — ошеломленно осведомился твой отец.— Прапра...

Харл и Стэн одновременно попытались объяснить, что произошло. Я открыл глаза, и передо мной возникла Джинни. Последнее, что я видел перед этим, был здоровенный кулак, летящий мне в нос. Джинни выглядела намного привлекательнее. Я сел, не сводя с нее глаз и широко раскрыв рот.

И тут я услышал свой вполне серьезный голос:

— Посмотрите, ангел! Неужели в раю нельзя жениться? Какая ужасная несправедливость!

И Джинни поцеловала меня. Все получилось именно так, как нужно. Джинни читала мое письмо и знала, что должна выйти за меня замуж,— знала наверняка, как только меня увидела,— и даже почти два года спустя я готов этим похвастаться. На самом деле я еще буду злорадствовать из-за случившегося самым неприличным образом, чем, собственно, сейчас и занимаюсь, пока пишу рассказ. Так что твоя с ней помолвка, Чарлз, была автоматически аннулирована в момент моего появления. И на ее месте возникла договоренность о чувствах куда более серьезных. И хотя я, как правило, не верю в длительные отношения между людьми, наша с Джинни любовь — на протяжении четырнадцати столетий — выдержала все испытания.

Ты пошевелился и неуверенно поднялся на ноги. Я все еще оставался сидеть. Джинни находилась рядом со мной. Ты зарычал и прыгнул на меня. Я встретил тебя удачным ударом в нос — кстати, твой нос очень похож на мой,— после чего Харл, Стэн и твой отец схватили тебя, а Джинни — меня. Как только она прикоснулась ко мне, вся моя агрессия исчезла. Я ощутил бесконечную любовь к миру. Я даже мог бы временно простить тебя, Чарлз, за то, что ты был моим соперником, а также прапрапра...правнуком в 52-м колене.

— Дайте мне во всем разобраться! — в отчаянии воскликнул твой отец.

Он заставил тебя сесть на стул и с тоской посмотрел на меня. Мой костюм был весьма необычным. Харл и Стэн снова попытались все ему объяснить.

Но ты, Чарлз, взревел:

— Это ложь! Обман! Дурацкий розыгрыш! Я убью...

— Мне кажется, нужно позвать полицию,— дрожащим голосом проговорила Лаки.— Если он действительно тот, о ком написано в книге.

Ты вскочил на ноги и заорал:

— Я приведу полицию! А ты задержи мошенника, отец, я покажу этим идиотам, как устраивать такие фокусы!

И ты выбежал из комнаты. Твой отец вытер лицо.

Я кротко спросил у стоявшей рядом Джинни:

— Куда я попал? Впрочем, это не имеет особого значения.

Джинни протянула руку в сторону Стэна. Он, словно сомнамбула, вложил в нее книгу — ветхий, рассыпающийся от старости сборник рассказов. Джинни открыла его дрожащими пальцами. Я прочитал:

«Чарлзу Фабиусу Грэнверу
Сектор 233, Зона 3,
Дом 1254, Рэдли.
Тридцать четвертое столетие.

Мой дорогой прапрапра...правнук Чарлз!..»

Джинни прошептала мне на ухо:

— Читай! Быстро!

Я прочитал.

Затем я услышал, как твой отец с тревогой произнес:

— Его лицо мне и в самом деле кажется знакомым...

Я протянул ему книгу и благожелательно поклонился.

— Сэр,— сказал я,— счастлив познакомиться с вами. Это редкая честь.

Так и было. В смысле, будет. Не каждый день удается встретить правнука в пятьдесят первом колене.

Послышался легкий скрежет. Харл побледнел, а Стэн подскочил на месте. Вероятно, до настоящего момента они до конца не верили в случившееся. Но этот звук... Я уже сказал, что Джинни ловко сняла веревку с ремня у меня на спине и привязала к стулу. Та уходила куда-то к потолку. Я говорил раньше, что не заметил, как Джо — еще в лаборатории — неумело привязал веревку к моему ремню «бабьим» узлом, поэтому я не должен объяснять, почему не принимал это в расчет. Во всяком случае, в тот момент. Но Джинни знала обо всем с самого начала. Читала в рассказе, который я сейчас пишу. Она привязала веревку к стулу, а четырнадцать столетий назад мой коллега Джо потянул за нее. Он не слишком торопился!

Джинни нервно сказала:

— Пожалуй, нужно спешить...

Она была немного напугана. И я подумал — ну, Чарлз, быть может, ты так никогда и не поймешь, как чудесно я себя чувствовал, когда Джинни улыбнулась, взяла меня за руку и сказала Лаки:

— Потом ты попробуешь все объяснить дяде Сераю, ладно?

Стул и веревка вновь пошевелились. Я поднял Джинни на стол, а потом и сам встал рядом с ней. Харл, явно не отдавая себе отчета в том, что делает, протянул мне стул. Я тщательно обмотал веревку вокруг тела и сделал надежный узел — гораздо лучше того, который так легко развязала Джинни. Дрожащая девушка позволила мне взять ее на руки. Я встал на стул, бережно держа Джинни, и дернул за веревку.

Твой отец, Харл, Стэн и Лаки — она показалась мне очень симпатичной,— игровая комната, движущиеся картинки на стенах и даже бита для игры в хартли — все исчезло в красно-коричневом тумане. Я чувствовал, как веревка тащит меня наверх. Но на несколько мгновений мы с Джинни остались вдвоем, окруженные клубящимся маревом. И тогда я поцеловал Джинни, а она мне ответила.

Затем я вошел в лабораторию с Джинни на руках и задумчиво сказал Джо, чья челюсть отвалилась почти до земли:

— Джо, мне гораздо больнее, чем тебе.

И с этими словами я разбил машину профессора Хэдли. Пока я уничтожал ее, Джо ошеломленно смотрел на Джинни. У меня были причины на то, чтобы сломать прибор. А как же! Если другие начнут путешествовать по времени, они могут оказаться не такими умными, как я, а их потомки — не такими глупыми, как ты, Чарлз. И что-нибудь пойдет не так. Вдруг за прошедшие четырнадцать столетий кто-нибудь захочет жениться не на той женщине — и тогда Джинни не родится на свет. Я не стану *так* рисковать!

Вот почему, Чарлз, я счастлив доложить, что история закончилась — или закончится — благополучно. Для всех, кроме тебя, правда, и я должен извиниться. Но ты ведь не можешь не понимать, что все это только к лучшему, Чарлз, не так ли? Конечно, было бы интересно выйти из твоей игровой комнаты и погулять по улицам тридцать четвертого столетия, посмотреть, как выглядит город, космические корабли, наземные автомобили и маленькие личные флайеры, о которых рассказывала мне Джинни. Но это не имеет значения.

Ты смотришь на них. А я смотрю на Джинни.

Кстати, тебе не следует о ней беспокоиться. У этой девчонки все в порядке с головой! Она лишь отчасти поверила в мой рассказ — во всяком случае, до тех пор, пока я не упал тебе на голову. Но в то утро, перед тем как прийти к тебе вместе с Харлом, Стэном и Лаки, она сделала кое-какие приготовления.

Джинни прихватила с собой сумку, набитую кристаллизованным углеродом — точнее, украшениями из него, теми, что нашлись у нее дома. Обычные безделушки. Они свободно продаются у вас в магазинах. Такие красивые бусины. Но в двадцатом веке эти бусины называют бриллиантами, и производить их искусственным путем мы еще не научились.

А еще Джинни прихватила книжку по электронике для десятилетних детей. Часть из того, что там написано, я еще не смог понять, но книжка оказалась очень полезной. С бриллиантами в качестве стартового капитала и супер-пупер-электронными принципами в распоряжении мы с Джинни никогда не будем голодать даже в наши примитивные времена.

У нас самый обычный дом со старомодной холодной и горячей водой, обычный электрический камин, мы слушаем то самое древнее радио и смотрим телевизор, ездим на машине, которая использует чудну́ю жидкость, называемую бензином! Но мы как-то справляемся. Мы не боимся трудностей. У меня есть Джинни, а у Джинни есть я.

Как раз в тот момент, когда я заканчиваю это письмо, Чарлз, в комнату входит Джинни. Почему-то мне нравится быть женатым на ней. Дальше будет еще лучше. Она пришла ко мне, чтобы кое-что показать. Теперь я знаю новость, которая очень важна для всей нашей семьи.

Сияющая Джинни взяла мою руку, и я почувствовал... Да, так и есть! У нас есть сын, Чарлз. Он похож на меня, но Джинни это нравится. А как только я закончил письмо, Чарлз, жена показала мне, что у твоего дедушки в пятьдесят первом колене в возрасте семи месяцев и одной недели прорезался первый зуб!

Я уверен, ты будешь доволен!

Дьявол из Восточного Лаптона

По сей день никто даже не старается делать вид, будто понимает, что представлял собой дьявол из Восточного Лаптона, штат Вермонт. Существуют разные мнения насчет того, как он встретил свой конец. Мистер Теддер уверен, что он сам и являлся этим злым духом и что проклятие его покинуло, когда он избавился от кастрюли у себя на голове.

Другие считают, что его победила тяжелая артиллерия, и указывают на кратер диаметром в четверть мили в качестве доказательства. Чтобы прийти к окончательному выводу, нужно хорошенько порассуждать.

Но если, говоря про дьявола из Восточного Лаптона, вы имеете в виду неизвестно что, которое возникло неизвестно откуда и стало причиной множества катастроф,— в таком случае дьявол и есть неизвестно что в жесткой кожаной шкуре, и появился он в то утро, когда мистер Теддер убежал от констебля.

Он мчался, точно лань,— ну, в той степени, в какой мистер Теддер был вообще на такое способен. Впрочем, если честно, он не слишком походил на лань, потому что лань никогда не колеблется, пытаясь решить, куда ей бежать. И не выскакивает из надежных густых кустов на тропинку, заросшую не слишком высокой растительностью. А вот мистер Теддер именно так и поступил.

Констебль, который его преследовал, сердито кричал вслед. Ему требовалось засадить кого-нибудь в тюрьму на тридцать

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

дней за бродяжничество — иными словами, за отсутствие денег. И он выбрал мистера Теддера.

Мистер Теддер ничего не выиграл бы, а вот констебль, который его арестовал, и судья получали деньги за свою активность. Вот почему этот город пользовался дурной репутацией среди бродяг, проституток, сезонных рабочих и самых разнообразных бездомных.

«Я больше не могу»,— подумал мистер Теддер.

Сердце, словно молот, стучало у него в груди, в боку невыносимо кололо, дыхание с хрипом вырывалось изо рта. Его переполняло отчаяние, потому что он понимал — сейчас он упадет.

Мистер Теддер, задыхаясь, побежал вверх по невысокому — футов десять — холму. Глаза застилали слезы, так что он почти ничего не видел перед собой. А когда он спустился по противоположному склону, то обнаружил, что оказался в заброшенном фруктовом саду давно пустовавшей фермы.

Разрушенный дом сильно покосился. Чудом сохранившийся сарай наклонился к земле под странным углом. Ползучие растения полностью захватили сгнившую на три четверти деревянную ограду и обвили кусок колючей проволоки, прибитой к стволам деревьев.

Мистер Теддер понял, что больше бежать не может, и принялся в отчаянии оглядываться по сторонам в поисках надежного укрытия. И тут он увидел что-то большое и темное. Поскольку глаза у него слезились, он решил, что это корова. Он бросился к ней, но та от него шарахнулась...

Послышался тонкий, пронзительный звук, как будто кто-то с чудовищной силой надавил на проколотую шину. В воздухе повисли густые испарения. Темная фигура конвульсивно задергалась, однако мистер Теддер был так занят своими проблемами, что ничего не заметил. Не разбирая дороги, он бросился прямо к темному пятну.

— Фу! — выдохнул мистер Теддер.

Звук стал чуть ниже, и в воздухе разлился горький запах аммиака. Мистер Теддер влетел в туманное облако и задохнулся. Он упал — к счастью, у земли дышать было легче. Он лежал, дрыгая ногами, среди сухих листьев и стеблей травы, а серые испарения расползались, захватывая все больше и

больше территории. Потом легкий ветерок начал медленно отгонять их к неухоженным деревьям в саду.

Звук стих, завершившись долгим булькающим стоном. Он по-прежнему напоминал свист воздуха, рвущегося на свободу под высоким давлением.

А бульканье было похоже на звук кипящей воды.

Но мистер Теддер находился не в том настроении, чтобы анализировать происходящее. Во-первых, он задыхался, хватая ртом воздух. А еще он извивался в сухой траве, едва сдерживая слезы, потому что понимал: вот-вот констебль схватит его и отправит в тюрьму.

Он снова услышал его сердитый крик. Затем кашель. Констебль заорал: «Пожар!» — и бросился бежать.

На полной скорости он ворвался в щупальце клочковатого, медленно надвигающегося на него тумана, действительно ужасно похожего на дым. Констебль начал задыхаться и, упав, тоже понял, что среди стеблей побитой морозом травы воздух чище. Констебль принялся чихать и кашлять.

В конце концов, спотыкаясь, он побрел прочь с намерением доложить начальству, что бродяга поджег лес и скрылся от преследования. Только вот огня нигде не было видно. Холодные испарения, похожие на дым, медленно растаяли. Так что, взглянув на место происшествия, пожарники спокойно вернулись бы домой.

Мистер Теддер лежал на земле и всхлипывал, с ужасом дожидаясь мгновения, когда его схватит рука закона. Он был в отчаянии. Но констебль так и не появился. Мистер Теддер сумел спастись.

Поняв это, он быстро сел, и на его кротком лице отразилось изумление. Он принялся оглядываться по сторонам и заметил небольшой участок, откуда тек тонкий ручеек испарений. В воздухе воняло аммиаком — очень необычный запах для заброшенной фермы.

Наконец мистер Теддер встал на ноги и стряхнул со своей жалкой, потрепанной одежды сухие листья и траву. Он находился в нескольких ярдах от покосившегося дровяного сарая и прямо под кривой яблоней, на которой остались парочка листьев и одно высохшее яблоко, прильнувшее к родной ветке.

Увидев яблоко, мистер Теддер задумался, а потом отправился на охоту за опавшими плодами. Он прекрасно понимал, что в заброшенном саду яблоки будут мелкие и червивые, но давно научился быть не слишком привередливым. Ему удалось отыскать около дюжины относительно съедобных, и он их сразу же проглотил.

И вот тут-то он услышал булькающий звук, словно что-то кипело в горшке. Звук доносился с того места, где вился серый туман. Мистер Теддер подошел поближе и поморщился. Запах аммиака здесь был еще сильнее. Ему показалось, что он поднимается от лежащего на земле предмета, похожего на проткнутую шкуру. Жидкость, вытекающая из маленького отверстия, начинала сильно бурлить, а потом исчезала.

Физик сказал бы, что она испарялась при необычайно низкой температуре, как жидкий газ. Мистер Теддер ничего не сказал. Он с удивлением разглядывал дряблый, похожий на шкуру предмет. Он видел его некоторое время назад, но тогда он был надут и двигался.

Мистер Теддер решил, что внутри его, наверное, что-то есть — вот почему оно шевелилось.

Он, естественно, заметил маленькую дырочку. Странная штука сама налетела или ее толкнули на колючую проволоку, невидимую под ползучими растениями. Но мистер Теддер не мог представить существо, которому для жизни требовался холодный газ вроде смеси аммиака и кислорода, да еще при высоком давлении. И уж разумеется, он не думал, что оно носит мягкую шкуру, чтобы удерживать необходимый для дыхания газ. Мистеру Теддеру не дано было представить живой организм, который при понижении давления и температуры, в осенний день в штате Вермонт, перейдет в жидкое состояние и испарится.

— Ничего не понимаю,— пробормотал мистер Теддер и почесал давно не мытую голову.

Итак, мистер Теддер, не сумев придумать ничего разумного, решил и не пытаться. Неожиданно он увидел на земле какой-то предмет — нет, два предмета. Они были металлическими, и от них поднималась удушливая вонь, как от той шкуры. А еще они оказались холодными. Невероятно холодными. Одна из них ужасно напоминала алюминиевую кастрюлю. Только вот у кастрюль не бывает металлических цепочек вместо ручек и полукруглых шишек диаметром примерно в дюйм на одном боку. Другой предмет был похож на пистолет. Не совсем, конечно, но определенное сходство все-таки было.

Мистер Теддер взял кастрюлю и сразу понял, что ее толщина не меньше полутора дюймов. Однако она была легкой. Мистер Теддер страшно обрадовался, решив, что она наверняка сделана из алюминия. Значит, ее можно продать. Естественно, не в Восточном Лаптоне, зато в Южном Лаптоне наверняка удастся найти какого-нибудь старьевщика. Кастрюля стоит не меньше пятидесяти центов, может, мистеру Теддеру посчастливится получить за нее четвертак.

— Два лучше, чем один,— задумчиво проговорил он и осторожно прикоснулся пальцем ко второй находке.

Пистолет был не менее холодным, но корка льда быстро растаяла под его пальцем. Эта штука весила фунтов пятнадцать. Еще двадцать пять центов...

Мистер Теддер радостно отправился в путь, но неожиданно наткнулся на недавно сломанные ветки деревьев. И снова увидел перед собой серое облако тумана. Он осторожно к нему приблизился. Что-то пронеслось сквозь деревья и сорвало верхушку клена. Охваченный любопытством, мистер Теддер подошел поближе.

Какая-то диковинная штука пропахала мягкую землю и почти целиком в нее зарылась. Дерево толщиной в целый фут переломилось пополам и, упав, накрыло странный предмет ветками. Мистер Теддер видел сквозь них что-то белое. Ему показалось, что это шар не больше десяти футов в диаметре, полностью покрытый инеем. Его окутывал холодный туман. Мистер Теддер смотрел на него, продолжая сжимать в одной руке кастрюлю, а в другой пистолет — если это был пистолет, конечно.

Вокруг царила тишина, если не считать тихого шуршания листьев на ветру. На землю опустилась яркая вермонтская осень. Где-то очень далеко прокричала птица, затем мистер Теддер услышал звук работающего мотора. Очень необычный звук.

Тук-тук-тук-тук-БУМ! Тук-тук-тук-тук-БУМ!

Мотор работал в покрытом инеем шаре под упавшим деревом.

— Будь я проклят! — громко заявил мистер Теддер.

У него возникло смутное подозрение, что этот шар и предмет, из которого выпустили воздух, как-то между собой связаны. Он осторожно обошел сломанные ветки. Отойдя подальше от странного шара, он почувствовал себя лучше. Ему удалось сбежать от представителя закона да еще прихватить два замечательных предмета на продажу. Они, правда, оказались довольно тяжелыми. Тогда он решил, что кастрюлю можно надеть на голову, так ее будет легче нести. Он нахлобучил ее поверх старенькой мягкой шляпы и затянул металлическую цепочку под подбородком.

Затем внимательно изучил штуку, похожую на пистолет. На боку у нее имелся рычажок, примерно полтора дюйма в диаметре. Мистер Теддер потянул за него, и тут же раздалось резкое жужжание. Из дула пистолета вырвалось нечто вроде пламени. Оно образовало идеальный конус и спалило кусты, деревья — в общем, все, что оказалось у него на пути.

Мистер Теддер, которого привел в недоумение неожиданный звук, быстро вернул рычажок на место. Пламя погасло примерно через полсекунды. Но там, где оно коснулось листьев и кустов, ничего не осталось. Только пепел, который медленно оседал на землю. А трава и дерн просто исчезли, словно их сожгла кислота.

Мистер Теддер несколько мгновений стоял не шевелясь. Затем отшвырнул пистолет и бросился наутек. Кастрюля колотила его по ушам и сползала на глаза, мешая видеть дорогу. Он налетел на низко нависшие ветки и сильно ударился головой. Ему показалось, будто цепочка у него под подбородком натянулась. Он уже едва справлялся с охватившим его ужасом. Но когда он отодвинул кастрюлю с глаз, чтобы не бежать вслепую, тяжеленная штука продолжала подскакивать и болтаться у него на голове.

Постепенно он начал задыхаться и снизил темп. Затем вспомнил про шишечку на боку кастрюли. Он остановился и попытался ее нащупать. Шишечка тут же оказалась у него в руке, а трещина указывала то место, где она отломилась, когда он налетел на дерево. Снять кастрюлю ему не удалось.

Мистер Теддер потратил много времени и сил, чтобы ее стащить, весь взмок и погрузился в состояние, близкое к панике. Он страшно боялся той штуки, которую выбросил, а теперь еще и кастрюли у себя на голове. Больше всего на свете он мечтал от нее избавиться. Он был в отчаянии, но понимал, что ему придется обратиться к кому-нибудь за помощью — чтобы ему перерезали цепочку под подбородком. Иначе свободы ему не видать.

Он подошел к зарослям на окраине Восточного Лаптона и окинул взглядом поля, тянущиеся до самых гор. По-прежнему пребывая в ужасе, с кастрюлей, которая весело подпрыгивала у него на голове, мистер Теддер направился к деревне.

На дороге мистер Теддер увидел маленький меховой комочек. Оказалось, что это мертвый кролик. Он прошел мимо. Вдалеке он разглядел белую собаку, которая мчалась наперерез, явно намереваясь его остановить. Но мистер Теддер не боялся собак. Он боялся кастрюли на голове. Наконец он увидел собаку примерно в десяти футах впереди — она лежала совершенно неподвижно. Вид у нее был такой, будто она умерла. Но тут он заметил, что у нее бьется сердце. Значит, заснула или потеряла сознание. Мистер Теддер поспешил дальше.

Он выбрался на дорогу и бросился к телеге в надежде получить долгожданную помощь. И увидел, что лошадь лежит на земле между оглоблями. Мужчина на козлах тоже както обмяк. Оба были живы, и оба — без сознания.

«Что-то здесь не то»,— подумал мистер Теддер.

У него были свои проблемы, но здесь происходило что-то из ряда вон выходящее. Он попытался помочь мужчине. Мистеру Теддеру удалось стащить его на дорогу, а потом осторожно положить на сухую траву, растущую у обочины. Затем он расстегнул мужчине рубашку, а сам помчался в город за подмогой. Кастрюля потом.

Но когда он туда добрался, выяснилось, что весь город потерял сознание. Мужчины и женщины, дети и животные — все жители Восточного Лаптона.

Мистер Теддер увидел маленького мальчика, лежавшего без движения у игрушечной телеги. Женщина упала прямо в корзину с бельем около веревки, на которой собиралась его развесить. Чуть дальше на земле растянулись два парня, словно

они куда-то неслись и вдруг повалились прямо на бегу. Выглядело все так, будто в городе прозвучал сигнал тревоги.

Люди выскакивали из своих домов и во множестве падали прямо на улицах или у собственных дверей — повсюду. Какая-то машина налетела на помпу, а другая съехала с дороги и застряла у подножия холма. Собаки, кошки, цыплята, даже голуби и вороны, не шевелясь, лежали на земле.

Мистера Теддера охватила паника, кастрюля на голове жутко била по ушам, но он заставил себя не думать о трудностях и постараться помочь несчастным жителям города. Он пытался привести в чувство тех, кто лежал на улице. Расстегивал одежду, развязывал пояса, поливал их водой, растирал руки — никакого результата. Его кроткое, вечно испуганное лицо стало решительным и суровым.

В конце концов ему пришла мысль вызвать помощь по телефону, но в деревне была местная подстанция, и телефонистка тоже оказалась без сознания. Тогда мистер Теддер взял чей-то велосипед, чтобы отправиться за помощью на нем.

Глубокое благородство его натуры проявилось в том, что он не заглянул ни в один из карманов. Он ничего не взял. Перед ним были настежь открыты двери банка Восточного Лаптона, но ему даже в голову не пришло, что там можно поживиться. Он сел на велосипед и помчался за помощью, а дурацкая кастрюля подпрыгивала в такт движению.

По пути ему попалась машина, которая влетела в яму и перевернулась. Пламя облизывало бензобак. Мистер Теддер спрыгнул с велосипеда и оттащил подальше от нее находившегося без сознания мужчину и маленькую девочку. Затем он попытался погасить огонь, но у него ничего не вышло.

Мистер Теддер, словно безумный, крутил педали. Когда его попытки привести в чувство этих двоих ничего не дали, он решил найти доктора. Его охватил новый приступ паники. Он вспомнил, хоть и не слишком ясно, давнишний разговор по радио о появлении марсиан. Мистер Теддер не был до конца уверен, что они действительно приземлились, но неожиданно страшно испугался, вспомнив покрытый инеем шар, который сломал несколько деревьев, когда упал на землю.

— Можно подумать, будто я Орсон Уэллс или еще кто-то вроде него,— задыхаясь, пробормотал он.

Наконец он добрался до городка под названием Западный Лаптон. Названия поселений в Вермонте не являются живым воплощением американской изобретательности. Город был крошечным, в нем жило всего пятьсот человек. Когда мистер Теддер въехал туда, он выглядел как место массовой трагедии. Повсюду лежали потерявшие сознание жители, даже мух не было видно.

Мистер Теддер не сдавался целых два часа, в течение которых отчаянно метался в поисках хотя бы одного здорового человека. Теперь он боялся за себя, да так сильно, что почти забыл про кастрюлю, продолжавшую упрямо подпрыгивать у него на голове.

— М-может быть,— пробормотал он, стуча зубами,— в этих краях я единственный остался в сознании...

Вместе с ужасом пришло невыносимое желание спрятаться. День близился к вечеру, и мистер Теддер понимал, что скоро стемнеет. Ему совсем не хотелось оставаться на ночь в городе, все жители которого хоть и не умерли, но не подают никаких признаков жизни. Он выехал на боковую дорогу. Вскоре она превратилась в узкую тропинку и начала подниматься вверх. Когда стали сгущаться тени, мистер Теддер уже нырнул в лес.

Наконец он выбрался на безлюдную каменистую вершину холма. Солнце уже село. Только на западе небо еще было окрашено в тусклый красный цвет. А потом появились звезды. Взмокший от сегодняшних приключений мистер Теддер поднял взгляд.

Если эта штука, покрытая инеем, прилетела со звезд, тот, кто в ней сидел,— дьявол — поразил сотни людей, лишив их сознания. Может быть, он подготавливает территорию для своих сородичей. Мистер Теддер смотрел на небо и представлял, как другие шары выскакивают из темноты у него над головой, чтобы пропахать глубокие борозды в земле. А вдруг прямо сейчас они захватывают весь мир...

Впрочем, на многие мили перед ним раскинулась равнина, и он вдруг обрадовался, увидев вдалеке яркие огни, свет фар на шоссе,— словно отражение города, который он недавно оставил; там тоже сияли окна, а по улицам проносились машины...

— Ну,— с облегчением подумал он.— По крайней мере, это не навсегда.

Утром он попросит кого-нибудь срезать цепочку, которая держит у него на голове эту дурацкую кастрюлю.

Мистер Теддер не сумел найти хвороста, чтобы развести костер, но ему удалось заснуть и проспать до самого рассвета. Проснувшись, он понял, что жутко замерз, и, как только начало светать, зашагал в сторону города.

Когда он туда добрался, утро было еще серым и тусклым, а улицы пустовали. Но около магазина стоял грузовик с работающим мотором. А на земле лежал мужчина, который вынул из него кипу газет, напечатанных в большом городе. Он был жив, но без сознания. Рядом с ним маленькой меховой кучкой замер кот, словно он подошел, чтобы потереться о ноги и вдруг упал.

Мистер Теддер, которого снова начало трясти, перевернул мужчину. Тот не отреагировал. Привести его в чувство мистеру Теддеру не удалось. И он вдруг почувствовал, что его охватил самый настоящий ужас. От кастрюли у него болела голова. А в тех местах, где она чаще всего касалась кожи, появились ссадины. И тут он заметил заголовки газет:

«КАТАСТРОФА В ВЕРМОНТЕ.
“ДЬЯВОЛ НА СВОБОДЕ”,— ГОВОРЯТ МЕСТНЫЕ ЖИТЕЛИ.
Необъяснимая массовая потеря сознания»

В сером свете начинающегося дня, слушая, как урчит мотор грузовика у него за спиной, и глядя на потерявшего сознание человека, мистер Теддер прочитал:

«Южный Лаптон стал жертвой странной эпидемии потери сознания, она надвигалась, точно стена или невидимая волна забвения... Жители целых деревень находились без сознания в течение получаса... Некоторые люди оставались там, где они упали, других же кто-то таскал с места на место и что-то с ними делал... То же самое необъяснимое явление охватило дороги... Мужчина, который ехал на машине со своей дочерью, потерял сознание, а придя в себя, обнаружил, что его машина перевернулась и горит, а они с дочерью лежат

на некотором расстоянии от нее... Фермеры видели лошадей, без чувств упавших на землю...»

В горле у мистера Теддера пересохло, и он принялся с опаской оглядываться по сторонам. Вчера этот город выглядел так, словно вымер. С вершины холма он видел, что поселение ожило. А теперь снова мертво... Неожиданно мистер Теддер вспомнил белую собаку, которая мчалась к нему навстречу по большому полю. Когда он подошел поближе, та лежала на земле, без сознания...

— Интересно...— Он не смог заставить себя додумать эту мысль до конца.

Мистера Теддера начало трясти, он едва сдерживал слезы. Потом он поднял мужчину, лежавшего на земле, и затащил его в кабину. После этого неуверенно выехал из города — он не слишком часто садился за руль. Перед ним раскинулась длинная пустая дорога. Вскоре он остановился и осторожно положил мужчину, который так и не пришел в себя, на обочину. Затем снова сел на водительское место и уехал, не сводя глаз с зеркала заднего вида.

Когда он отъехал чуть больше чем на полмили, неподвижная фигура пошевелилась, мужчина перекатился на живот и с трудом поднялся на ноги.

Мистер Теддер шумно сглотнул. Он еще немного проехал вперед и нашел место, где можно было повернуть, а затем направился обратно. Владелец грузовика, который, похоже, ничего не понимал, продолжал стоять на дороге. Мистер Теддер двигался прямо к нему. Когда до него оставалось полмили, мужчина повалился прямо на дорогу, где и остался лежать. Остановив около него грузовик, мистер Теддер обнаружил безвольное тело и засунул его в кабину.

Потом он снова повернул и направился к Южному Лаптону. Лицо мистера Теддера было белым как мел. Кроткое выражение сменилось напряженным ужасом. Он нашел два предмета, которые, как он решил, появились из покрытого инеем десятифутового шара. Оружие, способное уничтожить все вокруг, стоит только прикоснуться к рычажку на боку. И кастрюлю с цепочкой, мешавшей снять ее с головы.

Значит, кастрюля тоже оружие. Но оно не действует на того, кто его надевает. Невыносимый ужас обострил воспри-

ятие мистера Теддера — он понял: затянувшаяся цепочка нужна для того, чтобы кастрюля не свалилась, когда включается. В противном случае тот, кто ее носит — а это, вне всякого сомнения, дьявол,— сам падет ее жертвой. Она не слишком подходила человеку, поскольку была предназначена для головы какого-то другого существа, той самой смутной, шевелящейся тени, наткнувшейся на колючую проволоку между двумя деревьями. Если бы кастрюля — или шлем — работала тогда, мистер Теддер ничего бы не сумел увидеть. Он свалился бы без сознания примерно в полумиле...

Он всхлипнул. И не слишком уверенно поехал в сторону Южного Лаптона. Один магазин был открыт. Он вошел внутрь и набил карманы консервами, а еще взял буханку хлеба и спички. Затем он прихватил с полки два одеяла. После этого он аккуратно переступил через двух продавцов и четырех покупателей, лежавших без сознания на полу. Вышел из магазина и покинул городок.

— Я должен туда вернуться,— дрожащим голосом объявил он.— Должен!

Прошло довольно много времени, прежде чем он снова оказался на большом поле для выпаса. Ему навстречу бросилась белая собака, которая издалека казалась маленьким белым пятнышком. Когда он подошел к ней, она неподвижно лежала на земле. Мистер Теддер углубился в лес. Ему потребовалось два часа, чтобы отыскать выжженный диковинным оружием участок. И еще полчаса, чтобы найти само оружие.

Мистера Теддера трясло, когда он поднимал загадочный предмет с земли. Он старался соблюдать максимальную осторожность, держа его в руках. Однако мистер Теддер заметил сильную вмятину на металле с той стороны, которой «пистолет» касался земли.

Затем он отыскал заброшенную ферму и разрушенный, развалившийся на части дом. После чего уселся и попытался придумать, что же ему делать, чтобы выбраться из трудного положения, в которое он попал.

Спустилась ночь, но он продолжал сидеть, оцепенев от невыразимого отчаяния. В конце концов мистер Теддер завернулся в одеяла. Кастрюля на голове страшно мешала ему. Она была сделана не для человека и сидела не слишком хорошо. Дважды за ночь он просыпался оттого, что ему казалось, будто он задыхается. Во второй раз он обнаружил, что странный «пистолет» почему-то оказался совсем рядом. Он почти касался его рукой. Мистер Теддер пробормотал что-то маловразумительное — как человек, который чудом не наступил на гремучую змею.

Он поднялся и нашел колодец. Бросил в него комок земли и услышал всплеск. Тогда, не раздумывая, он швырнул туда «пистолет». Раздалось бульканье, которое долго не стихало.

Мистер Теддер оставался на заброшенной ферме три дня, питаясь консервами, которые прихватил в лавке. Щеки у него ввалились, в глазах застыло жалобное выражение. Кроме того, у него появилась огромная болячка в том месте, где кастрюля натирала кожу. На второй день он снова нашел покрытый инеем шар. Его мотор продолжал работать.

Тук-тук-тук-тук-БУМ! Тук-тук-тук-тук-БУМ!

И никаких признаков того, что из шара кто-то выходил наружу. Наверное, там находился только один неизвестно кто, и он погиб, когда на его искусственной шкуре появилась дырка от колючей проволоки. От него ничего не осталось, он испарился.

— Медуза, совсем как медуза,— сказал себе мистер Теддер.

Он не оперировал научными терминами и не размышлял о том, с какой планеты или звезды прилетел неизвестно кто. Если бы ему сказали, что атмосфера на Юпитере состоит из аммиака и кислорода, находящихся под огромным давлением, он бы ничего не понял. Заявление о том, что особая гравитация гигантской планеты стала причиной того, что там могут существовать только легкие металлы, с удовольствием вступающие в реакцию с водой, вроде натрия, калия и лития,— такие слова прозвучали бы для него полнейшей абракадаброй.

Он знал только, что любое живое существо, оказавшееся на расстоянии полумили от него, теряет сознание и приходит в себя, только когда он отходит достаточно далеко. Для человечества он представлял угрозу — самый настоящий дьявол. И если ему удастся стащить с головы эту толстую и ужасно неудобную штуку, он тоже потеряет сознание. Иными сло-

вами, мистер Теддер оказался в самом ужасном одиночном заключении, какое только можно себе вообразить.

Ясное дело, он неуязвим. Он мог взять себе все, что ему захочется и убивать, не опасаясь наказания. Но ему никогда не удастся с кем-нибудь поговорить.

На четвертый день он отправился в Восточный Лаптон, чтобы пополнить запасы еды.

На пятый день у него над головой пролетело несколько самолетов — туда и обратно. Один неожиданно завертелся в воздухе, явно потеряв управление, и начал падать прямо на деревья. Он выправился почти над самой землей, примерно в трех четвертях мили от мистера Теддера. А потом самолеты исчезли.

На шестой день начали падать бомбы. Первые взрывы напугали мистера Теддера почти до истерики, и он бросился бежать сквозь заросли кустарника. Выбравшись из них, он увидел солдат, которые окружили участок леса примерно в две мили в диаметре. Но стоило мистеру Теддеру к ним приблизиться, как они дружно повалились на землю. Тут же началась бомбардировка, и вокруг них начали разрываться снаряды. Мистер Теддер помчался прочь. До самого наступления темноты он спасался от обстрела, затем просто бежал вперед и тихонько плакал.

«Я же не сделал ничего плохого!» — билась единственная мысль в его несчастной голове, попавшей в плен к кастрюле.

Естественно, солдаты не могли его остановить. Он проходил сквозь их ряды, никем не замеченный. Наконец он добрался до Восточного Лаптона, который словно вымер. Охваченный отчаянием, мистер Теддер вошел в городок. Среди жителей, лежавших тут и там с широко раскрытыми глазами, он увидел множество солдат.

Мистер Теддер нашел еду и быстро проглотил ее. Магазин, в который он зашел, оказался местным универсамом, где продавалось все, что душе угодно. Мистер Теддер уже плохо соображал от ужаса. Кастрюля у него на голове превратилась в невыносимую, тяжкую ношу. Одно место на виске болело особенно сильно, потому что туда попала грязь и начало нарывать. Впрочем, другие ссадины были не лучше. А сам он превратился в дьявола, чье появление влекло за собой настоящий хаос. Он взял оружие — которое ему было не нужно — и инструменты, режущие металл, но сомневался, что осмелится ими воспользоваться... И тут увидел газеты.

«ДЬЯВОЛА ИЗ ВОСТОЧНОГО ЛАПТОНА ПЫТАЛИСЬ ВЗОРВАТЬ ПУШКАМИ».

Он прочитал новости. Какие-то умники сумели очертить район диаметром в милю, где люди постоянно теряли сознание. Понять причину никому не удалось, но был сделан вывод, что она заключается в действиях какого-то разумного существа. Оно передвигалось. Уходило в разные места и возвращалось в отправную точку. Войска окружили весь район, и было принято решение использовать артиллерию. Вскоре начнется массированный обстрел, после которого выжить невозможно...

Мистер Теддер посмотрел на мощную, очень красивую машину. Он мог бы ее взять и отправиться куда глаза глядят, и все человечество было бы бессильно его остановить — или прикончить. Каждый, кто к нему приблизится, тут же потеряет сознание. Даже он сам, стоит ему снять эту штуку с головы...

В городок въехал грузовик, чей водитель лишился чувств. Казалось, машина твердо решила ехать вперед.

Мистер Теддер завопил на нее, но что-то попало ей под колеса, она спокойно съехала с дороги, покатилась по тротуару, а потом врезалась в угол дома.

Когда встало солнце, мистер Теддер вернулся на заброшенную ферму, которую считал своим штабом — почему, он и сам не мог бы объяснить. Кроткое выражение у него на лице превратилось в горестную маску. Но решение было принято.

Над головой с ревом проносились огромные бомбардировщики, но так высоко, что они казались крошечными точками в небе. На горизонте начали падать бомбы. Рвались снаряды. Поднялся такой невыносимый шум, что, казалось, ему не будет конца.

Мистер Теддер скорчился на земле. Измученный, едва справляясь с тоской, он упрямо пилил цепочку, которая удер-

живала кастрюлю у него на голове. Металл оказался мягким, но звенья выскальзывали из его дрожащих пальцев.

В пятидесяти ярдах от него взорвался снаряд. У мистера Теддера началась истерика. Он никогда не делал такой тонкой работы. Тогда он взял ножницы для металла, которые прихватил вчера в лавке. Как только он снимет с головы эту мерзость, то все забудет — ужас и боль перестанут его терзать, он больше ничего не будет чувствовать. Кастрюля, которая присосалась к голове, точно пиявка, его убьет. Но он все равно хотел от нее избавиться. Он не желал находиться с ней рядом даже в миг смерти.

— Слезай с меня! — завопил он, поскольку уже слегка спятил.

Земля под ногами содрогнулась, со всех сторон налетели порывы ветра. Оглушенный, рыдающий мистер Теддер пополз к колодцу и подтянулся, ухватившись за сгнившие доски. Потом он свесил голову вниз и ножницами, которые ему долго не удавалось подсунуть под цепочку, принялся вгрызаться в мягкий металл. Земля дрожала от взрывов. Комья грязи и гнилого дерева летели в колодец.

Концы ножниц наконец соединились. Победа! Кастрюля полетела вниз и несколько мгновений, покачиваясь, плавала на поверхности. Затем накренилась, внутрь попала вода, и она начала тонуть. Вверх поднялся тонкий столбик пузырьков. Некоторые легкие металлы быстро вступают в реакцию с водой. Калий — мгновенно, натрий — свободно, литий — без проблем. Кастрюля была сделана из сплава, исключительно удобного для мест, где слишком холодно и вода не превращается в жидкость. Но на Земле...

Мистер Теддер сел, голова у него кружилась; он испытывал невыразимое облегчение. Но в этот момент в тридцати ярдах от него, прямо над холмом, разорвалась бомба, а другой снаряд пронесся сквозь разрушенный дом и упал за ним. В этих лесах поселился дьявол. Дьявол из Восточного Лаптона, штат Вермонт. Артиллерия его искала, чтобы уничтожить. Мистер Теддер не потерял сознания.

— Она от меня отстала! — победоносно завопил он.— Со мной теперь все будет в порядке.

Ему, разумеется, не пришло в голову, что изобретатель этого оружия позаботился, чтобы цепочка сама затягивалась, когда оно работает. Иначе оно могло упасть и начать воздействовать на того, кто его надел. Так вот, он наверняка сделал и так, чтобы оно выключалось, если цепочка сломана или разрезана. Ведь это самая элементарная мера предосторожности.

Но подобные рассуждения были недоступны мистеру Теддеру. Он знал только, что не потерял сознания, а обстрел продолжается. Это повергало его в ужас. Мистер Теддер закрыл уши руками и заплакал, лежа ничком и ожидая смерти.

Затем земля, казалось, встала дыбом и нанесла ему страшный удар. Над тем местом, где лежал погрузившийся в землю шар, возникла невероятно яркая вспышка. Снаряд угодил в загадочный предмет, в котором продолжал работать мотор. И он взорвался.

Взрыв был неслыханной мощи. Видимо, снаряд попал в топливный бак. На том месте возник огромный кратер диаметром в четверть мили, а сам шар рассыпался в прах.

По-видимому, военные решили, что этот взрыв стал причиной гибели их врага, и прекратили обстрел.

Они обнаружили мистера Теддера без чувств. Он спал, да так крепко, словно принял хорошую дозу снотворного,— сказывались усталость и страшное напряжение. Он лежал рядом с обвалившимся колодцем, который, естественно, не имело никакого смысла откапывать.

Все решили, что мистер Теддер пребывал без сознания на протяжении всего времени, пока в районе бесчинствовал дьявол из Восточного Лаптона, штат Вермонт. Его поместили в больницу и очень мягко объяснили, что произошло, а затем отпустили в новом костюме и с пятью долларами в кармане. И мистер Теддер исчез в огромном тусклом мире бродяг, проституток, сезонных рабочих и самых разнообразных бездомных.

По сей день никто даже не старается делать вид, будто понимает, что представлял собой дьявол из Восточного Лаптона, штат Вермонт. Существуют разные мнения насчет того, как он встретил свой конец. Мистер Теддер уверен, что именно он и являлся этим злым духом и что проклятие покинуло

его, когда он избавился от кастрюли у себя на голове. Другие считают, что его победила тяжелая артиллерия, и указывают на кратер диаметром в четверть мили в качестве доказательства.

Но если, говоря про дьявола из Восточного Лаптона, вы имеете в виду неизвестно что, которое возникло неизвестно откуда и стало причиной множества катастроф,— в таком случае, строго говоря, дьявол из Восточного Лаптона и есть неизвестно что в жесткой кожаной шкуре, и появился он в то утро, когда мистер Теддер убегал от констебля. И прикончила его ржавая проволока, натянутая между двумя деревьями на заброшенной ферме. Причем задолго до того, как в этих местах заподозрили, что там появился дьявол.

Если бы вы были моклином

До сих пор не могу представить, что Моклин оказался первой планетой, с которой пришлось драпать людям — да так, что подметки задымились. На первый взгляд вроде бы никаких особых причин для этого не имелось. Больше сорока лет на Моклине находился форпост Компании; никто и не думал, что тут что-то не так, пока Брукс не докопался до сути. А когда он ухитрился это сделать, ему просто не поверили. Но обернулось все плохо, очень плохо. Впрочем, быть может, теперь дела пойдут лучше.

Быть может! Я очень надеюсь.

Вначале, когда он отсылал длиннющие отчеты с каждым из шести кораблей, что посетили нас в последнее время, я только удивлялся. Я не видел, чтобы ситуация начала меняться в худшую сторону. Я ничего не понимал до тех пор, пока не прилетела старушка «Пальмира» — предпоследний рейс, который корабль Компании когда-либо совершал на Моклин.

До этого самого утра все казалось безмятежным, и я, довольно развалившись на крылечке нашей торговой миссии, не делал ровным счетом ничего — лишь следил за малышкой моклином. На вид дитя казалось девочкой лет шести; она плескалась в лужице, пока ее родители торговались в магазине за моей спиной. Милая крошка — и довольно похожая на обычного земного ребенка. Правда, у нее были длинные бакенбарды — как у Старины Бленди, первого человека, который сумел столковаться с моклинами и открыл здесь торговую миссию.

© Перевод М. Нахмансона.

Моклины очень почитали Старину Бленди. Когда он умер, над его могилой был водружен памятник в местном стиле, а детишек с бакенбардами до сих пор рождается столько, что за неделю не пересчитаешь. И казалось, все идет прекрасно. Все!

Посиживая на крылечке, я слышал болтовню моклинов в торговом зале. На английском они говорили не хуже нас с вами. Один из них толковал Дииту, нашему продавцу-моклину:

— Но Диит, я же могу купить это дешевле в другой миссии! Почему у вас нужно больше платить?

Диит отвечал, тоже по-английски:

— Ничем не могу помочь. Здесь цена такая. Или ты ее платишь, или нет. Вот и все.

Слушаю я их и соображаю, до чего же все здорово идет! Вот он я, Джо Бринкли; мы с Бруксом и есть Компания на Моклине. Мы — единственные люди, которые ее тут представляют; торгуем помаленьку и, конечно, шаг за шагом приближаемся к неплохой пенсии. А еще, думаю я с умилением, цивилизуем моклинов — с каждым днем все больше и больше. Хорошо. Отлично — дальше некуда!

Девчушка вылезла из лужи, подкрутила бакенбарды — а были они точь-в-точь как на портрете Старины Бленди, что висел в торговом зале,— и поскакала по дороге вслед за родителями. Крошка так походила на человеческое дитя!

Дикие моклины гораздо больше отличаются от людей. Те, которые живут в лесу, зеленоватые, с глазами как блюдца, и носы у них подергиваются, как у земных кроликов. Вы никогда не подумали бы, что эти лупоглазые и моклины, обитающие у торговой миссии,— один народ, но это именно так. Они заключают браки между собой, и их дети походят на людей больше, чем родители, а кожа у них почти такого же цвета, как у землян. Удивительное дело, если вдуматься по-настоящему, только никого это не волновало. До поры, до времени. И я тогда о подобных материях не задумывался — как, впрочем, и о других вещах.

Даже об отчетах, которые Брукс продолжал слать с каждым кораблем Компании. Я просто сидел себе посиживал, как вдруг толстушка Салли — женское дерево, чья тень укрывала

крыльцо,— начала выдергивать из земли корни. Она аккуратненько их свернула и заковыляла прочь. Я увидел, что остальные деревья тоже зашевелились, освобождая посадочную площадку. Они поплелись в разные стороны, толкая и отпихивая друг друга, переругиваясь и тряся ветками; малышня старалась протиснуться между взрослыми. Каким-то образом они догадывались, что корабль близко, и начинали уносить ноги. Но мы ждали корабль только через месяц. Тем не менее деревья покидали посадочную площадку, и я попытался поймать рев двигателей — впрочем, не очень надеясь на успех. Сначала все было тихо, но минут через десять я услышал высокий свист, который сменился грохотом выдвигающихся опор — они проткнут верхний слой почвы и дотянутся до плотного грунта. Весьма разумный способ посадки; если бы корабль опустился прямо на мягкую землю, то разворотил бы все поле. Я поднялся с крыльца и отправился поглядеть, кто прибыл в гости. Особых сомнений в том, что это была старушка «Пальмира», я не испытывал; она шлепнулась с неба на месяц раньше положенного срока. Деревья на краю площадки продолжали толчею, освобождая место. Корабль снизился, повис в задумчивости футах в десяти над землей и, словно бы вздохнув, приземлился. Со всех сторон сбежались моклины, радостно размахивая руками.

Они на самом деле обожают людей, эти моклины! Человечество было для них образцом, к которому нужно стремиться. Сейчас одни начнут перетаскивать груз на склад миссии, а другие будут бродить вокруг, в надежде взобраться на корабль и встретить приятелей, которых они успели завести среди команды. Если же им удавалось зазвать кого-нибудь к себе в гости, пока корабль не улетел, рассказов и хвастовства потом хватало на недели. А как они чествовали гостей! И обряжали в вычурные моклинские одеяния, мягкие, шелковистые, и угощали местными напитками и фруктами — если бы вы могли их попробовать! А когда люди возвращались на корабль, моклины провожали их до самого трапа, увешав гирляндами цветов, словно майское дерево.

Да, на Моклине человек — вершина всего! И с каждым днем моклины все ближе к своему идеалу. Взять хотя бы Ди-

ита, нашего продавца. Он почти не отличается от человека. И выглядит точь-в-точь как Кэзи — агент, работавший тут раньше. У Диита целый выводок братьев и сестер; все они, как и он сам, очень похожи на людей. Готов душу прозакладывать! Однако корабль с Земли совершил предпоследнюю посадку на Моклине, хотя никто не мог бы об этом сейчас догадаться...

Открылся пассажирский люк, и капитан Хэней появился на трапе. Увидев его, моклины радостно завопили. Кэп помахал им, протянул руку девушке, что вышла вслед за ним, и помог ей спуститься. Она была рыжеволосой и выглядела очень деловито. Моклины тоже стали махать руками, улыбаться и выкрикивать приветствия. Девица удивленно посмотрела на них, и кэп Хэней пустился было в объяснения, но она лишь недовольно поджала губки. Моклины вывели грузовую тележку, Хэней с девушкой уселись в нее и двинулись к миссии. Моклины с веселыми криками толкали и тянули тележку — у любого потеплело бы на сердце от такого приема! До чего дружелюбные создания! А людей просто обожают! Чего они только не делают, чтобы походить на нас! И они умны, эти моклины, очень сообразительны... Иногда меня дрожь пробирает, когда я думаю, как все это могло обернуться...

Кэп Хэней слез с тележки и подал девушке руку. Она ступила на землю, глаза ее сверкнули. Несомненно, самая прелестная молодая женщина, какую мне доводилось видеть; но как бы хороша она ни была со своими рыжими волосами и голубыми глазами, смотрела девица на меня довольно холодно.

— Привет, Джо,— сказал Хэней.— Где Брукс?

Я ответил. Брукс бродил где-то в горах за торговой миссией. В последнее время он стал нервным, озабоченным, недовольным и вел себя так, словно пытался что-то найти. Попытки оставались безуспешными, но поисков он не прекращал.

— Плохо, что его здесь нет,— произнес Хэней. Он повернулся к девушке.— Джо Бринкли,— представил он меня,— помощник Брукса. Джо, это инспектор Колдуэлл, мисс Колдуэлл.

— Инспектора будет вполне достаточно,— строго сказала девушка, бросив на меня укоризненный взгляд.— Я прибыла, чтобы разобраться с этой историей насчет конкурирующей торговой миссии — здесь, на Моклине.

— О,— заметил я,— неприятное дело. Но на нашу торговлю оно не слишком влияет. Честно говоря, не думаю, чтобы оборот заметно сократился.

— Прикажите доставить мой багаж, капитан,— в голосе инспектора Колдуэлл прозвучали повелительные нотки.— Затем вы можете заниматься своей работой. Я остаюсь на Моклине до тех пор, пока вы не вернетесь сюда на обратном пути.

Я позвал: «Эй, Диит!» — но он уже стоял у меня за спиной, с почтительным восхищением разглядывая девушку. Любой бы поклялся, что он — человек! Они с Кэзи были похожи как две капли воды, хотя тот уехал с Моклина уже лет шесть назад.

— Да, сэр,— сказал Диит. Он повернулся к девушке.— Да, мэм. Я покажу ваши апартаменты, мэм, и ваш багаж будет доставлен туда немедленно. Пожалуйста, сюда, мэм.

Но посылать за багажом не пришлось — несколько моклинов уже тащили его, надеясь на благодарность из уст девушки. Они были очень взволнованы — до сих пор ни одна земная женщина здесь не появлялась. Готов поклясться, если бы такое событие случилось раньше, бог знает, что бы тут началось! Но теперь моклины уже попривыкли к людям и только в восторге болтались у крыльца, надеясь поглазеть на гостью.

Среди них было немало детишек — и с бакенбардами, как у Старины Бленди, и с усами,— мальчики и девочки. Я показал капитану нескольких ребятишек, очень похожих на него. «Ну и ну»,— пробормотал кэп Хэней, покачивая головой.

Тут вернулась инспектор Колдуэлл.

— Чего вы ждете, капитан? — холодно осведомилась она.

— Корабль обычно задерживается на Моклине,— объяснил я.— Час-другой ничего не решают, а эти моклины — такие приветливые ребята... Мы считаем, что торговля идет лучше, когда экипаж поддерживает с ними дружбу.

— Сомневаюсь,— заявила инспектор Колдуэлл ледяным тоном,— что правление Компании одобрительно отнесется к пустой трате времени.

Кэп Хэней пожал плечами и отправился на корабль, а до меня наконец дошло, что инспектор Колдуэлл — крупная

шишка. На вид ей было лет двадцать пять, не больше, но семейство Колдуэллов практически владело Компанией. Я слышал, что все сыновья и дочери, племянники и кузены отправлялись в специальную школу, чтобы потом сразу начать работу в семейной фирме. Их там неплохо натаскивали, так что по большей части они вполне подходили для своих постов. Работы хватало всем. Компания имела дела с двумя или тремя десятками звездных систем и управлялась там весьма круто. Конечно, Колдуэллы имели преимущество перед прочими служащими, но его сначала нужно было заслужить.

Кэп Хэней пробрался через толпу моклинов, которые вешали на него гирлянды цветов, совали в руки фрукты и тому подобное. Они были просто без ума от людей! Наконец он добрался до трапа и влез наверх; люк за ним захлопнулся, и моклины подались назад. Взревели двигатели, корабль тяжело вздохнул и поднялся в воздух. Грохот становился все тише и тише, слабее и слабее, а затем раздался резкий свист и старушка «Пальмира» исчезла. Все прошло как обычно. Никто и подумать не мог, что земной корабль стартовал с Моклина в предпоследний раз.

Инспектор Колдуэлл топнула ножкой и требовательно спросила:

— Ну и когда же вы пошлете за мистером Бруксом?

— Прямо сейчас,— ответил я,— Диит, будь добр...

— Я уже послал за ним, мэм,— сказал Диит.— Если он слышал, как садится корабль, то, наверное, уже спешит сюда.

Затем Диит отвесил поклон и вернулся в торговый зал. Там было немало моклинов, которые пришли поглазеть на корабль, а заодно и чего-нибудь купить.

Вдруг инспектор Колдуэлл подпрыгнула.

— Эт-то еще что такое? — выкрикнула она.

Деревья, растянувшиеся по краям поля, чтобы освободить место для «Пальмиры», вперевалку возвращались назад. Я только сейчас сообразил, как странно это может выглядеть с непривычки. Растения тут похожи на обычные земные деревья — у них есть ствол, ветви и все такое, но они способны передвигаться. Они просовывают корни в мягкую землю и, как правило, торчат на одном месте. Но когда случается засуха или если деревьям тесно и они начинают ссориться, им

ничего не стоит отправиться в путь. Выдернут корни из земли и идут себе, покачиваясь, пока не обнаружат район получше. Сообразительные твари!

Деревья на нашем посадочном поле быстро разобрались, что тут время от времени приземляется корабль и следует отойти в сторонку. Теперь, когда «Пальмира» улетела, они устремились обратно. Молодые двигались пошустрее и норовили отхватить места получше. Следом за ними, пыхтя от возмущения и раздраженно размахивая ветвями, брели старики, недовольные и ворчливые.

Я объяснил, что происходит. Инспектор Колдуэлл сосредоточенно уставилась в одну точку. Тут приплелась Салли. Надо сказать, я питаю к ней самые дружеские чувства. Она довольно старая — ствол у нее толщиной в добрый ярд,— но всегда была внимательна ко мне. По утрам она поднимала ветви, чтобы загородить от солнца мое окно, а я никогда не разрешал другим деревьям занимать ее место у крыльца. Сейчас она с кряхтением снова начала там устраиваться, расправляя корни и засовывая их один за другим в прежние ямы. Выглядела Салли умиротворенно.

— Они не опасны? — с некоторой неловкостью поинтересовалась инспектор Колдуэлл.

— Нисколько,— заверил я.— Все живые твари на Моклине умеют изменяться, и им ни к чему вступать в борьбу друг с другом. В иных местах растения и животные должны сражаться, чтобы выжить,— особенно когда их становится слишком много. Но не на Моклине. Тут эволюция идет своей дорогой. Можно назвать это путем сотрудничества. Отличное место для жизни! Вот только все растет здесь слишком быстро. Представляете, моклины взрослеют всего за четыре года и...

Инспектор Колдуэлл фыркнула.

— Ну, ладно. Так что там насчет другой торговой миссии? — резко спросила она.— Кто за этим стоит? Ведь Компания обладает исключительными правами на Моклин. Кто же нарушитель?

— Это-то Брукс и пытается выяснить,— объяснил я.— У них полный комплект товаров, но застать их на месте нелегко. Моклины говорят, что люди, содержащие миссию, все вре-

мя где-то болтаются. То они отправились на охоту, то еще что-нибудь в этом роде. Мы их никогда не видели.

— Никогда? — переспросила девушка.— Что ж, я их увижу! Мы не станем терпеть конкурентов на своей территории! Что же касается прочего, о чем сообщалось в отчетах мистера Брукса, то...— Она сделала паузу, потом сказала: — Ваш продавец напоминает мне одного знакомого человека.

— Он — моклин,— заверил я,— но похож на Кэзи, нашего служащего. Кэзи теперь на Хэтиме-два, региональный управляющий местного отделения Компании, но он раньше работал здесь. И Диита невозможно от него отличить.

— Возмутительно! — с отвращением произнесла инспектор.

Я смотрел на поле — несколько деревьев отчаянно толкались, каждое хотело занять местечко получше. Другие, переваливаясь, бродили вокруг, страшно недовольные тем, что кто-то успел оккупировать их прежние позиции. Пара молодых шустрил проскользнула между борющимися и укоренилась как раз на том участке, из-за которого вышел спор. Я усмехнулся.

— Мне не нравится ваш подход к делу! — со злостью заявила инспектор Колдуэлл и, развернувшись, твердым шагом направилась в дом.

Я остался в недоумении. Что обидного было в моей улыбке? Меня просто рассмешили эти маленькие деревца, так ловко обманувшие стариков.

Днем вернулся Брукс, вместе со своими проводниками, зеленоногими лесными моклинами с глазами-блюдцами. Хороший малый этот Брукс, симпатичный, рослый, с крепким подбородком упрямца.

Когда он появился на посадочном поле, деревья уже кончили базар и сидели по местам. Свободный широкий шаг Брукса выдавал его нетерпение. В окружении диких моклинов он выглядел весьма впечатляюще — вылитый герой-любовник из какой-нибудь видеоленты, покоритель неведомых планет, появившийся из темной грозной чащи... А вокруг туземцы, странные существа, которые никак не могут решить, то ли следует съесть пришельца с далеких звезд, то ли признать богом. Ну, вы не раз видели подобную чепуху. Однако я заметил, что инспектор Колдуэлл бросила на него внимательный взгляд. Щеки ее порозовели, глаза округлились; казалось, она удивлена — но удивлена в приятном смысле.

Брукс, увидев ее, недоуменно поднял брови.

— Это еще кто? Она из моклинов?

Инспектор Колдуэлл выпрямилась; все ее пять футов и три дюйма роста источали негодование. Я поспешил вмешаться:

— Инспектор Колдуэлл прибыла к нам сегодня на «Пальмире». Э-э-э... инспектор, позвольте представить вам мистера Брукса, главу торговой миссии.

Они пожали друг другу руки. Брукс посмотрел на девушку и сказал:

— Я уже потерял надежду, что на мои отчеты обратят внимание. Вас направили сюда разобраться с моим предложением насчет ликвидации миссии?

— Вовсе нет! — твердо заявила инспектор Колдуэлл.— Что за чушь! Планета имеет прекрасные перспективы, наша миссия приносит хороший доход, туземцы дружелюбны. Надо развивать торговлю, и правление даже рассматривает ряд сельскохозяйственных проектов.

Да, блестящая идея, ничего не скажешь! Хотел бы я увидеть, что случится, если на Моклин завезут земные растения! Когда представители местной флоры поймут, что пришельцы получат лучшие места и хороший уход, тут начнется такое! Тут будет на что посмотреть! Даже представить себе не могу, что они станут вытворять!

— Перейдем к делу,— заявила инспектор Колдуэлл, смерив Брукса гневным взглядом.— Доложите, почему вы допустили, чтобы тут обосновались конкуренты? Почему вы раньше не сообщали об этом и не выяснили, кто их поддерживает?

Брукс, в свою очередь, уставился на девушку. Похоже, он начинал закипать.

— Черт возьми! — рявкнул он.— В моих отчетах обо всем сказано! Вы что, их не читали?

— Конечно нет! — ответила инспектор.— Мне обрисовали общую ситуацию, предложили во всем разобраться и исправить положение.

— Ага! — произнес Брукс.— Вот, значит, как!

Кажется, он оставил при себе половину того, что собирался сказать. Я забавлялся, наблюдая, как они свирепо меряют друг друга взглядами. Уверен, они почувствовали взаимный интерес, но глаза их сейчас метали молнии.

— Если вы покажете мне образцы конкурирующих товаров,— высокомерно заявила инспектор Колдуэлл,— а я надеюсь, что хоть это вы сумели раздобыть,— то я определю, кто их выпускает.

Брукс невесело усмехнулся. Образцы у нас имелись — знакомые моклины накупили по нашей просьбе всякой всячины. Он прошел в торговый зал, открыл шкаф и швырнул на стол все, что было на полках. Потом отошел к стене, оперся о нее плечом и с той же невеселой ухмылкой посмотрел на девушку. Она взялась за видеопроектор.

— Хм-м,— презрительно протянула инспектор,— не слишком-то хорошее качество... Это...— Вдруг она осеклась и стала изучать охотничий нож.— Так, продукция фирмы...— Она снова сделала паузу, бросила нож и пощупала какую-то материю. Она кипела, как масло на раскаленной сковороде.— Вот как,— выдавила она наконец.— Я вижу, мы слишком долго пробыли на Моклине, и туземцы привыкли к нашим товарам. Эти типы просто стали подделывать их! И какие же у них цены?

— Вдвое ниже,— сказал Брукс.

— Но мы почти не теряем покупателей,— вставил я.— Большинство моклинов продолжает торговать с нами. Из чувства дружбы, знаете ли. Симпатичный народец эти моклины.

Тут вошел Диит — ну прямо вылитый Кэзи, который раньше работал на Моклине. Он добродушно улыбнулся мне.

— Девушка у крыльца,— сообщил Диит,— хочет сделать вам комплимент.

— Да ну! — Я был доволен и несколько смущен.— Впусти ее и приготовь что-нибудь в подарок.

Диит покинул комнату. Инспектор Колдуэлл его даже не заметила — так она разволновалась, что конкуренты слизывают наши товары, да еще толкают их вдвое дешевле. Причем на планете, где мы обладаем исключительным правом торговли! Брукс мрачно посмотрел на нее.

— Я должна увидеть их миссию,— сердито сказала девушка.— Похоже, они объявили войну, но у нас есть чем ответить! Мы тоже снизим цены, если будет необходимость, и посмотрим, кто первый обанкротится! За нами все ресурсы Компании!

Я чувствовал, что Брукс злится совсем не из-за этого. Кажется, его задело, что она не читала отчетов. Но тут дверь открылась, и в зал шагнула девушка-моклин, совсем юная и довольно хорошенькая. Она не так походила на человека, как, скажем, Диит, но все же человеческого в ней было немало. Девица уставилась на меня и хихикнула.

— Комплимент,— сказала она и развернула сверток, который держала в руках.

Я посмотрел. Это был малыш-моклин, новорожденный мальчишка. С ушками точь-в-точь как у меня и с носом, похожим на блин,— словно по нему проехались паровым катком. У меня, надо заметить, такой же. Малыш был моей крошечной копией... Это, знаете ли, трогает! Я взял его за подбородок и сказал: «Гули-гули!» — а он в ответ что-то забулькал.

— Как тебя зовут? — спросил я девушку.

Она ответила. Имя было незнакомым, и я не помнил, чтобы когда-нибудь видел ее, но какое это имело значение! Она сделала прекрасный комплимент, вполне в духе моклинов.

— Очень польщен,— сказал я.— Прекрасный паренек, не хуже, чем у других. Надеюсь, когда он вырастет, у него окажется побольше здравого смысла, чем у меня.

Появился Диит, нагруженный ворохом всякого добра. Этот обычай завел Старина Бленди, когда родился первый ребенок-моклин с такими же бакенбардами, как у него. Я вручил девушке подарки, она еще раз хихикнула и ушла. Малыш помахал мне на прощание кулачком. Вылитый человечек и такой симпатичный, как ни посмотри!

Тут я заметил, что удостоился внимания инспектора Колдуэлл. Правда, смотрела она на меня с явным отвращением.

— Значит, вы утверждаете, что они — существа дружелюбные? — прошипела инспектор.— Я полагаю, правильнее сказать — любвеобильные! — Голос ее дрогнул.— Вас переведут отсюда! Немедленно! То есть когда «Пальмира» вернется назад,— добавила она тоном ниже.

— В чем дело? — спросил я удивленно.— Девушка сделала мне комплимент и получила подарки. Это обычай. И, кажется, она осталась довольной. Не помню, видел ли я ее раньше.

— Не помните? — взвизгнула инспектор.— Какое бессердечие! Вы... вы чудовище!

Брукс попытался что-то сказать, но вдруг фыркнул, а потом разразился гомерическим хохотом. Тут и до меня дошло. Я схватился за живот и согнулся пополам. Мы смеялись, и чем больше она злилась, тем сильнее нас разбирало. От злости она чуть не взвилась под потолок!

Должно быть, мы оба походили на развеселившихся идиотов, но ничего не могли поделать. Наконец я окончательно обессилел и растянулся на полу — самое, знаете, безопасное место в таком случае. Эта грозная инспекторша, свалившаяся нам на голову, не поняла ни единого слова из того, что я сказал ей про особенности эволюции на Моклине. Представляете, что она вообразила! Ну и ну!

Губы у нее вытянулись в ниточку, щеки пылали от негодования, а глаза горели, как у василиска,— только меня еще больше корчило от хохота. Я никак не мог остановиться.

Когда на следующий день мы отправились к конкурентам, наши отношения вряд ли можно было назвать сердечными. Пошли только инспектор Колдуэлл да мы с Диитом; правда, еще несколько моклинов увязались за нами. Мисс Колдуэлл облачилась в зеленый походный костюм, и, в сочетании с ее рыжими волосами, он выглядел великолепно! О самой девушке я бы этого не сказал. Она окатила меня ледяным взглядом, когда Брукс велел мне проводить ее в другую торговую миссию, и не промолвила ни слова на протяжении первых двух миль.

Наконец она соизволила нарушить молчание. Мы с трудом продирались сквозь чащу; Диит и другие моклины, легкие на ногу, ушли вперед и не могли слышать нашего разговора.

Внезапно девушка повернула ко мне разгоряченное лицо и с негодованием сказала:

— Должна заметить, мистер Брукс проявляет не слишком много желания сотрудничать. Почему он не пошел с нами? Боится этих типов из другой миссии?

— Как бы не так,— возмутился я.— Брукс — смельчак и отличный парень. Он просто обижен. Вы прибыли проверять нас, но даже не удосужились прочитать его отчеты.

— Если меня назначили провести инспекцию,— строптиво заявила девушка,— то лишь потому, что я вполне компетентна в таких вопросах!

— Не сомневаюсь,— кивнул я.— Но вы слишком хорошенькая, и это раздражает Брукса. Мужчинам не нравится, когда хорошенькие девушки дают им указания.

Я хотел добавить, что такие девушки предназначены совсем для другого, но вовремя прикусил язык.

Инспектор Колдуэлл вскинула рыжеволосую головку, но, кажется, мои слова ей понравились. Потом она спросила примирительным тоном:

— Что, собственно, было в его отчетах? Почему он считает, что мне нужно их знать?

— Понятия не имею,— признался я.— Однако времени он угробил на эту писанину порядочно. И конечно, его злит, что никто их не прочитал.

— Возможно,— она словно размышляла вслух,— там была информация насчет другой миссии? А что вам о ней известно, мистер Бринкли?

Я поведал ей все, что Диит рассказал Бруксу. Впервые мы узнали о конкурентах, когда несколько моклинов по-дружески заявились к Дииту поторговаться и начали спрашивать, почему мы так дорого берем за то и за это. Диит резонно заметил, что цены всегда были такими, но приятели возразили ему, сообщив, что в другой торговой миссии все стоит гораздо дешевле. Диит стал задавать вопросы насчет этой миссии, но моклины ничего не могли сообщить о ней, кроме примерного места, где она находилась.

Брукс велел Дииту выяснить все про новую миссию, и тот отправился на разведку. Вернувшись, он доложил, что конкуренты осели милях в пятнадцати от нас и продают точно такие же товары. И цены у них действительно ниже в два раза. Людей Диит не видел, только клерков-моклинов. Нам тоже ни разу не удавалось застать хозяев.

— Но почему?

— Когда бы Брукс или я там ни появлялись, их вечно не было на месте,— объяснил я.— Моклины, которые там работают, говорили, что люди куда-то ушли. Может быть, закладывать еще одну миссию. Мы оставили им записку — какого, мол, рожна им здесь нужно,— но ответа не получили. Конечно, мы не заглядывали в их конторские книги...

— А стоило бы! — огрызнулась инспектор.— Почему вы не зашли внутрь и не заставили моклинов показать все, что вас интересует? Людей-то не было!

— Потому что моклины подражают людям,— терпеливо объяснял я ей.— Если мы покажем плохой пример, они ответят тем же. Опасно дать им понятия об ограблениях, насилиях, многоженстве...

— Многоженстве! — Она иронически усмехнулась.— Только не пытайтесь убедить меня, что у вас есть моральные принципы!

Я рассердился. Вчера мы с Бруксом подробно разъясняли ей, как способность моклинов к подражанию и любовь, которую они питают к людям, приводят к появлению ребятишек с бакенбардами или носами вроде моего. Так что комплимент, сделанный мне молодой мамашей, проистекал из чисто платонического обожания. Но, кажется, эта рыжая красотка все пропустила мимо ушей.

— Мисс Колдуэлл,— сказал я,— Брукс и я сообщили вам все факты. Мы старались сделать это деликатно, чтобы пощадить ваши лучшие чувства. Буду очень благодарен, если вы теперь пощадите мои.

— Непременно — как только их обнаружу,— ответствовала инспектор Колдуэлл, сморщив прелестный носик.

Тут я замолчал. Спорить с этой женщиной не имело смысла. Мы в полном молчании пробирались по лесу, пока не наткнулись на гнездовой куст. Экземпляр был довольно крупным, со множеством гнезд, от крохотных бутонов величиной с кулачок младенца до зрелых, раскрывшихся, выстланных чем-то похожим на мягкий войлок. В таких уже хозяйничали птицы-пересмешники. Две пичуги примостились на ветке у почти созревшего гнезда, издавая протяжные стоны; казалось, эта парочка молила его раскрыться, чтобы поскорее отложить туда яйца.

— Смотрите,— сказал я,— вот гнездовой куст. Он растит гнезда для пересмешников. А птицы удобряют землю у его корней. Они бросают на почву остатки пищи, которые перегнивают и тоже идут в дело. Гнездовой куст и птицы-пересмешники кооперируются. Это обычный путь эволюции на Моклине, что мы с Бруксом и старались вам объяснить.

Она отбросила со лба рыжие локоны и решительно зашагала вперед без единого слова. Так мы и дошли до здания другой миссии. Оглядев его со всех сторон, инспектор Колдуэлл впала в такую холодную ярость, что я буквально затрепетал.

Как всегда, в торговом зале были одни моклины. И я услышал привычное объяснение — люди, мол, куда-то ушли. Они отвечали нам вежливо и смотрели на мисс Колдуэлл с нескрываемым восхищением. Продавцы показали ей товары — их ассортимент почти совпадал с нашим. Правда, кое-что отсутствовало, но моклины признались, что все добро уже раскуплено полностью из-за низких цен.

Однако они ничего не знали о том, кто производит товары, откуда они поступают на Моклин и какая компания основала незаконную миссию. Так что мисс Колдуэлл оставалось только смотреть на них и накаляться все больше и больше.

Когда мы вернулись, Брукс потел над очередным меморандумом, надеясь закончить его к следующему прибытию «Пальмиры». Инспектор Колдуэлл ворвалась в торговый зал словно ураган, раздавая приказания моклинам сдавленным от ярости голосом. Затем она двинулась прямиком к Бруксу.

— Я только что велела нашим продавцам снизить цены на семьдесят пять процентов,— проинформировала она.— А отпуск товаров в кредит пусть будет удвоен. Они хотят начать торговую войну? Что ж, они ее получат!

Она разозлилась сильней, чем того стоило дело. Брукс устало произнес:

— Хочу вам кое-что сообщить. Я обошел леса в радиусе тридцати миль и нигде не обнаружил следов приземления чужого корабля. Вам это что-нибудь говорит?

— Но миссия-то существует? — упрямо возразила она.— И у них полно товаров, верно? Этого вполне достаточно! Нарушены наши права, и мы должны заставить их убраться!

Глаза ее метали искры. Брукс покосился на разгневанную физиономию инспектора Колдуэлл и сказал:

— Подумайте хорошенько — в их распоряжении была почти вся планета. Они могли построить сто магазинов в другом полушарии и драть там любые цены. Но они устроились совсем рядом с нами. Ну какой в этом смысл?

— А такой,— в запальчивости воскликнула она,— что туземцы здесь уже знакомы с земными товарами! И вокруг немало подходящих парней, готовых служить переводчиками, продавцами, клерками! И только тут,— ярость ее наконец прорвалась наружу,— только тут они могли найти такого красивого, обаятельного старшего клерка, мистер Брукс! Как две капли воды похожего на вас — и голосом, и манерами! Вы должны им гордиться!

Пустив последнюю парфянскую стрелу, она выскочила из комнаты. Брукс заморгал глазами.

— Кажется, она ничему не верит,— кисло заметил он,— кроме того, что все мужчины погрязли в пороке. Тот моклин что, здорово похож на меня?

Я кивнул.

— Странно...— протянул Брукс.— Моклины из тех краев никогда не таскали мне комплиментов...— Он испытующе посмотрел на меня.— Сходство действительно велико?

— Если обрядить его в твою одежду, с трех шагов не отличишь,— честно признал я.

Брукс внезапно начал бледнеть — медленно, очень медленно.

— Помнишь, ты отправился на охоту с Диитом и его кланом? В тот раз еще погиб один из моклинов? Кажется, тебе преподнесли одеяние гостя?

Мне стало не по себе, но я кивнул. Получить одежду гостя — большая честь. То же самое, что лучшую спальню и суфле из цыпленка на завтрак где-нибудь в Калифорнии. Что касается охотничьей экспедиции моклинов, то это, доложу я вам, стоящее зрелище. Моклины охотятся на гарликтосов, которых мы с вами назвали бы просто драконами, потому что все тело у этих тварей в чешуе, они неплохо летают и вообще ребята шустрые и боевые.

Охотятся на них так: прихватывают несколько пересмешников — если они только не заняты поисками гнезда, в брачный сезон эти пташки ни на что не годятся — и выпускают в подходящем месте. Пересмешники мечутся туда-сюда, трепыхая крылышками, пока их стайку не заметит гарликтос. Тогда они несутся прямо к охотникам, с драконом на хвосте, непрерывно болтая: «Вот и я, парни, вот и я! Не промажьте, не промажьте!» Гарликтос приближается к засаде, тут его, голубчика, и бьют влет. Затем пересмешникам выделяют их долю, они рассаживаются вокруг и с наслаждением принимаются за еду, кудахтая и хвастаясь своими подвигами.

— Значит, ты был в одежде гостя? — повторил Брукс.

Я снова кивнул, одолеваемый тяжкими предчувствиями. Одежда гостя выглядит превосходно, она буквально ласкает кожу. Одеяние это не слишком подходит для охоты в джунглях, но моклины считают, что их самые дорогие гости должны его носить. Но, конечно, гостям приходится снимать свою обычную, земную одежду.

— А в чем дело? — спросил я, обеспокоившись не на шутку.

— Ты не помнишь, не возвращался ли ты в миссию на денек — примерно посредине охоты? За табаком и другими припасами?

— Нет,— покачал я головой.— Мы были слишком далеко в Тангибских горах. Там похоронили погибшего охотника, и моклины долго возились, сооружая надгробный памятник. Я не мог их покинуть. А что?

— В середине той недели, что ты щеголял в одежде гостя,— хмуро начал Брукс,— кто-то заявился сюда, обряженный в твои штаны и куртку, провел денек в миссии, прихватил табак и ушел. Джо, если появился моклин, который может сойти за меня, почему бы и другому не оказаться твоим двойником? Так оно и было — и я ничего не заподозрил.

Меня прошиб пот.

— Но зачем это нужно? Ведь он ничего не украл... Табак — это ерунда... Может, он хотел похвастаться перед остальными, как ловко тебя провел? Просто пошутить?

— Может, и так,— нахмурился Брукс.— А может, он проверял, сумеет ли при случае обмануть меня... Или кэпа Хэнея с «Пальмиры»?.. Или...

Он подозрительно уставился на меня. Черт знает, что такое! Я почувствовал, как мое лицо одеревенело.

— Не хотелось раньше тебе говорить,— продолжал Брукс,— но я все время ждал чего-нибудь подобного. Моклины желают походить на людей — и у них рождаются человеческие дети. Во всяком случае они выглядят, как наши ребятишки. А теперь моклины захотели стать такими же умными, как люди... да что говорить, ты же знаешь, что они не дурнее нас.— Брукс попробовал ухмыльнуться, но только скривил рот.— Эта новая миссия с самого начала была мне подозрительна. Откуда она взялась, под нашим боком? Я думаю, они просто практикуются, понимаешь?

Мурашки побежали у меня по спине. Опасное дело! И, стараясь заглушить такие мысли, я быстро сказал:

— Ты хочешь убедить меня, что моклины, похожие на людей, собираются нас пристукнуть и занять наши места? Я в это не верю! Люди так нравятся моклинам! Они никогда не причинят нам зла!

Брукс словно не расслышал моих слов и продолжал гнуть свое:

— Я пытался убедить Компанию, что надо убираться отсюда — и побыстрей! А начальство прислало сюда эту рыжую девицу! Ничего себе инспектор! Думает только о том, как разделаться с конкурентом, а нас считает шайкой похотливых негодяев! И ничто не может ее переубедить!

Тут у меня мелькнула одна мысль. Пожалуй, она выглядела обнадеживающе. Я поднял глаза на Брукса.

— Постой-ка... Она — первая женщина, прилетевшая на Моклин... и к тому же рыжеволосая. Моклины раньше никогда не видели таких людей. У нас еще есть время?

Брукс задумался, потом его лицо просветлело.

— Это ты здорово сообразил! Может выгореть, если повезет! — Он усмехнулся в сторону выхода: — Бедняжка, какой будет удар для нее! Ведь она рыжая! Но, в конце концов, речь-то идет о спасении человечества!

Я удивленно посмотрел на него. Брукс яростно воскликнул:

— Я не моклин, ты это знаешь! Но если существует моклин, настолько похожий на меня, чтобы занять мое место... Ты понимаешь, Джо? — Внезапно он успокоился и закончил: — Но что бы ни случилось, мы должны обеспечить безопасность мисс Колдуэлл. М-м-м... Давай сделаем так — придумаем условный сигнал. Если ты увидишь, что я скрестил пальцы, пошевели в ответ мизинцем. Тогда мы будем хотя бы уверены друг в друге. И еще... прошу тебя... последи за инспектором Колдуэлл. Ладно, Джо?

— Конечно! — с горячностью ответил я.— Можешь на меня рассчитывать!

Я пошевелил мизинцем, он скрестил пальцы. Это был пароль, который никто, кроме нас, не знал. Теперь я чувствовал себя гораздо уверенней.

На следующее утро хмурый Брукс отправился к конкурентам взглянуть на моклина, который так походил на него. Инспектор Колдуэлл, злая как ведьма, пошла с ним. Я думаю, она предвкушала предстоящий скандал. Ведь, по ее мнению, такое истинное сходство совсем не являлось случайным. Пожалуй, она была права — только не понимала истинной причины.

Перед уходом Брукс скрестил пальцы и значительно посмотрел на меня. Я согнул мизинец, и они отправились в путь.

Усевшись в тени Салли, я постарался все спокойно обдумать. Честно говоря, я был страшно перепуган. Оставалось около двух недель до прибытия корабля с новой партией товара, и я чувствовал, что спокойная жизнь кончилась. Я с тоской думал о том, как хорошо шли дела на Моклине совсем еще недавно, как туземцы нас обожали, какими они были дружелюбными, как, должно быть, привлекательно для них стать похожими на людей... И еще я думал, что ни один моклин и помыслить не может о том, чтобы причинить вред человеку, и если уж они имитируют людей, то с благоговейным трепетом и уважением. Отличные ребята, эти моклины! Однако...

Приближалась развязка. Во имя любви к людям моклины научились хитрить, но тут они допустили ошибку. Они были готовы на все, чтобы их дети походили на людей — это называлось сделать комплимент. Но никто из нас, служащих миссии, никогда не видел взрослого моклина, своего двойника. Скорее всего, в этом не было злого умысла. Тузем-

цам нравились люди, но они понимали, что не всем приятно нос к носу столкнуться со своей копией. И они, вероятно, старались держать в секрете существование таких преображенных моклинов — как дети прячут свои секреты от взрослых.

Моклины вообще похожи на детей. Их просто нельзя не любить. Однако всякий напугался бы, представив, что моклины начнут выдавать себя за людей. А завтра, глядишь, они захотят, чтобы их дети имели первоклассное образование и все такое.

Меня прошиб пот. Наконец-то я увидел всю картину целиком и понял, чего боится Брукс. Он опасался, что моклины затеряются среди людей, их дети вырастут и перещеголяют нас — станут большими политиками, разведчиками новых миров, самыми хорошенькими девушками и самыми мужественными парнями в Галактике,— словом, завладеют всем, что люди приберегали для себя. Такое человеку даже представить страшно! К тому же Брукс беспокоился еще и об инспекторе Колдуэлл, привлекательной девице пяти футов и трех дюймов роста, которую в недалеком будущем ждали кое-какие неприятности.

Они вернулись из похода к соседней миссии — Брукс, вспотевший и напуганный, и мисс Колдуэлл, раздраженная, сбитая с толку. Брукс подал мне сигнал, и я в ответ пошевелил мизинцем. Итак, теперь я знал, что его не подменили незаметно для инспектора, а он убедился, что за время его отсутствия со мной ничего не случилось. Им не удалось повидать моклина, похожего на Брукса, и никаких новых сведений они не получили.

Время шло. Мы с Бруксом нетерпеливо ждали, когда в небе взревет двигатель старушки «Пальмиры», надеясь, что к тому времени инспектор Колдуэлл будет разбита наголову, иначе мы не могли бы предпринять серьезных шагов. Каждое утро Брукс скрещивал пальцы, а я оттопыривал мизинец, словно ручку от чайника. И еще он начал поглядывать на инспектора Колдуэлл — все нежнее и нежнее.

Торговая миссия конкурентов безмятежно продолжала свое дело, опять сбросив цены до половины наших. Тогда, по приказу инспектора Колдуэлл, мы еще раз вчетверо сбавили цены,

и они тут же снизили свои. Мы снова уменьшили цены, они сделали то же самое, и мы сбросили еще. Торговля шла исключительно бойко, но нам уже приходилось чесать в затылках.

Дня за три до прибытия «Пальмиры» наши цены упали до одного процента первоначальной стоимости товаров, но конкуренты держались упорно и продавали все то же самое вдвое дешевле. Было похоже, что скоро мы начнем платить моклинам премии, только бы они появлялись в нашем магазине.

В остальном все выглядело как обычно. Моклины крутились вокруг, с обожанием глядя на нас — особенно на инспектора Колдуэлл. Они могли болтаться у миссии по нескольку дней, лишь бы взглянуть на нее; и я замечал, что они относятся к девушке с невероятным почтением.

Брукс ходил хмурый. Похоже, он совсем потерял голову из-за мисс Колдуэлл, что не составляло для нее секрета. И она бесцеремонно этим пользовалась. Она грубила ему на каждом шагу, но Брукс отвечал мягко и терпеливо. Он знал, что скоро понадобится ей — когда произойдет то, чего мы ждали. А ждать оставалось недолго.

Мы избавились почти от всех товаров, то и дело устраивая дешевые распродажи. Наши полки были почти пусты, но у конкурентов они по-прежнему ломились от всякого добра.

За завтраком, накануне появления корабля, инспектор Колдуэлл с горечью сказала:

— Мистер Брукс, кажется, нам придется взять большую часть груза с «Пальмиры», чтобы заполнить склад.

— Может быть, и так, а может — и нет,— терпеливо ответил он.

— Но должны же мы покончить с этим безобразием! — в отчаянии вскричала мисс Колдуэлл и расплакалась.— Ведь я... я... получила первое задание... и мне нужно его выполнить!

Брукс начал было колебаться, но в этот момент вошел Диит и радостно улыбнулся инспектору Колдуэлл:

— Комплименты для вас, мэм. Целых три.

Она в недоумении уставилась на нашего продавца, а Брукс сказал:

— Все в порядке, Диит. Проводи девушек сюда и приготовь подарки.

— Но я...— начала инспектор Колдуэлл, сверкая глазами.

— Не стоит сердиться,— прервал ее Брукс,— они действительно делают вам комплимент. Таков обычай.

Пересмеиваясь, вошли три молоденькие девушки, довольно хорошенькие и похожие на людей не меньше Диита. Только у одной из них были роскошные, свисающие вниз усы, как у помощника капитана с «Пальмиры». Ведь до прибытия на Моклин мисс Колдуэлл бедные туземцы не видели земных женщин и не догадывались, что им не полагается носить такое украшение. Зато теперь... В какой восторг приводила их внешность рыжеволосого инспектора! И результаты не замедлили сказаться — ведь дети у моклинов рождаются быстро, очень быстро.

Девушки, гордые и счастливые, продемонстрировали своих малышей. Это были девочки с рыжими волосами, похожие на инспектора Колдуэлл, как две капли воды. Взглянув на них, вы бы голову дали на отсечение, что это — земные дети. И что их рыжая мамаша сидит перед вами. Крошки лепетали и размахивали кулачками.

Инспектор Колдуэлл была совершенно парализована. Она глядела на них в упор, и ее щеки то пылали огнем, то бледнели, как мрамор, а дар речи покинул ее начисто. Поэтому церемонию пришлось проводить Бруксу. Минут пять он громко и весьма искренне восхищался очаровательными малышками, потом раздал принесенные Диитом подарки, и осчастливленные мамаши удалились.

Когда за ними стукнула дверь, инспектор Колдуэлл вскочила, заломив руки.

— О-о-о! — запричитала она.— Это правда, правда! Вы не лгали мне! Вы не... Они сами могут делать своих детей похожими на тех, кто им нравится!

Она рухнула на Брукса, который предупредительно подхватил ее и привлек к себе. Девушка заливалась слезами на его плече. Видимо, он решил не добивать ее и мягко произнес:

— Я говорил тебе, дорогая. У них, на Моклине, эволюция развивается странно. Тут дети наследуют желаемые черты. Понимаешь, не родительские, а желаемые! А кто может быть желанней тебя?

Я, прищурившись, смотрел на них. Брукс холодно заметил:

— Джо, будь любезен, отправляйся к чертовой матери и задержись там на недельку-другую.

— Минутку,— сказал я,— сначала одна маленькая предосторожность.

Я шевельнул мизинцем. Он скрестил пальцы. Все было в порядке.

— Теперь, когда ошибка исключена, я готов вас покинуть.

Так я и сделал.

Через день «Пальмира» свалилась с неба. Мы уже все упаковали. Инспектор Колдуэлл, пребывавшая со вчерашнего утра в слегка потрясенном состоянии, сидела на веранде миссии, когда появилась целая толпа моклинов. Они радостно вопили и размахивали руками, толкая грузовую тележку с кэпом Хэнеем. Такие же ликующие группы туземцев окружали каждого члена команды — всех, кому дали увольнительную с корабля. Согласно расписанию, «Пальмире» предстояло задержаться у нас на несколько часов, и люди собирались навестить своих знакомцев.

— Я привез партию товара...— начал Хэней.

— Ничего не выгружайте,— прервала его инспектор Колдуэлл.— Мы покидаем планету. Я имею соответствующие полномочия, и мистер Брукс убедил меня в том, что миссию надо ликвидировать. Пожалуйста, погрузите наш багаж на корабль.

У капитана отвисла челюсть.

— Компания не любит уступать конкурентам, мисс Колдуэлл...— пробормотал он.

— Тут нет никаких конкурентов,— сказала девушка. Неожиданно она всхлипнула и повернулась к Бруксу: — Объясни ему ты, дорогой...

Глаза у капитана округлились. Брукс уверенно начал:

— Инспектор права, капитан. Эту вторую миссию открыли сами моклины. Вы же знаете, им нравится во всем подражать людям. Мы построили факторию и начали торговать — и они сделали то же самое. Они покупали у нас товары, относили в свой магазин и делали вид, что продают их за полцены. Мы снижали цены, они покупали еще больше товаров

и опять делали вид, что продают их вдвое дешевле. Понимаете, кто-то из моклинов подумал, что не худо бы стать ловким бизнесменом,— а дети его будут куда более ловкими! Слишком ловкими! Одним словом, мы закрываем тут миссию, не то моклины додумаются до чего-нибудь еще похлеще.

Брукс имел в виду, что моклины разбегутся со своей родной планеты, затеряются среди людей и, вполне возможно, возьмут верх над земной цивилизацией. Натура человека не могла с этим примириться! Но такая подробная информация предназначалась только для руководителей Компании и правительства; рядовым работникам ни к чему все знать.

— Прикажите-ка лучше, чтобы дали сигнал срочного возвращения на корабль,— распорядилась инспектор Колдуэлл.

Кэп Хэней кивнул и полез в карман за передатчиком. Мы зашагали по полю к старушке «Пальмире», и внезапно с нее полетел рев сирены. Слышно его было миль за двадцать в округе. Члены экипажа стали выскакивать из домов своих гостеприимных хозяев и сбегаться к кораблю. Собрались все — и тут неожиданно появился еще один. Он мчался по полю в развевающемся почетном одеянии и вопил: «Эй, подождите меня! Я никак не найду свою форму!»

Настала мертвая тишина. Потому что этот последний был лишним. Все, кого отпустили с корабля в увольнение, уже выстроились у трапа, и в шеренге стоял другой парень — в полной форме астронавта и абсолютно похожий на опоздавшего. Они были как близнецы, как две капли воды! И каждому было ясно, что один из них — моклин. Но который?

Глаза у кэпа Хэнея начали вылезать из орбит. Но тут парень, нацепивший мундир «Пальмиры», усмехнулся и произнес:

— Ну, ладно... Я — моклин! Мы, моклины, так любим людей, что я решил — как было бы здорово прокатиться на Землю и повидать их еще больше! Мои родители подумывали об этом пять лет назад и сделали так, что я родился похожим на одного из самых замечательных людей.— Он кивнул на своего двойника, стоявшего с раскрытым ртом.— По правде говоря, они меня даже прятали, дожидаясь подходящего момента. Но мы, моклины, не хотим доставлять людям никаких неприятностей. Так что я во всем признаюсь и не буду пытаться попасть на корабль.

Он превратил все в шутку. Этот парень болтал на английском не хуже нас с вами, и я не представляю, чтобы кто-нибудь сумел отличить его от человека. Остальные моклины им страшно восхищались. Еще бы, он на целых пять минут сошел за человека в компании людей!

Мы убрались оттуда так быстро, что позволили ему оставить на память форму экипажа «Пальмиры».

Моклин оказался первой планетой, с которой пришлось драпать людям — да так, что подметки задымились. А с такими вещами ни один из землян не может примириться. И дело тут не в моклинах. Они отличные ребята и обожают людей. Но сами люди никогда не согласятся, чтобы моклины жили среди них и занимались тем, чем люди хотят заниматься сами. Я думаю, что мы зря тогда перепугались, это была ложная тревога. Но кто знает? Поживем — увидим.

Инспектор Колдуэлл и Брукс обвенчались и получили назначение в торговую миссию на Брайрус-4; это прекрасное местечко для медового месяца, и они наверняка будут счастливы. Мне Компания предоставила новую должность — вместе со строгим приказом не болтать лишнего о Моклине. Космическому патрулю тоже дано указание — ни в коем случае не допускать посадку земных кораблей на Моклин.

Я держу рот на замке и коплю деньги. Я все думаю о тех трех крошках, так похожих на инспектора Колдуэлл. Я очень о них беспокоюсь. Я надеюсь, что с ними ничего не случится. Сейчас они почти взрослые — я же вам говорил, что дети моклинов растут быстро.

Вот что я вам скажу — я купил небольшой космический корабль, совсем маленький, но надежный. И на следующей неделе я отправляюсь на Моклин. Думаю, мне удастся проскользнуть мимо патрулей. Если хоть одна из этих девушек не вышла замуж, я женюсь на ней по обычаю моклинов и увезу на какую-нибудь далекую планету, колонизированную людьми. У нас родятся дети. Я точно знаю, какими они будут. Побольше мозгов — самого высшего качества! А девочки — просто очарование!

Но мне, конечно, придется прихватить с собой еще нескольких моклинов и выдать их за людей. Потому что моим детям тоже надо будет жениться и выходить замуж, понимаете?

Вы скажете, это — обман. Но я поступаю так вовсе не потому, что не люблю людей. Совсем наоборот! Если бы Джо Бринкли, человек, на которого я похож, не был случайно убит во время охоты на гарликтоса, мне бы и в голову не пришло занять его место. Но разве можно винить меня за то, что я хотел жить с людьми?

А как поступили б вы, если бы были моклином?

Заметки антрополога

Встреча мисс Камингс и Рея Хейла в деревушке крагов на Венере была одним из тех невероятных событий, объяснить которые с точки зрения здравого смысла невозможно. Если только не верить в существование Те-Тарка, который, вероятно, все это и устроил. Так или иначе, они встретились при совершенно неправдоподобных обстоятельствах в деревушке, населенной женщинами народа краг. Мисс Камингс познакомилась с Хейлом много лет назад и страстно мечтала, чтобы с ним произошел какой-нибудь несчастный случай и чтобы обязательно с летальным исходом. Когда спустя много лет она снова увидела его, ее охватило то же страстное желание, а последовавшие за этим события предотвратили уничтожение крагов. Всем известно, что для землян процветание межпланетной торговли превыше всего. Впрочем, все произошло в интересах Те-Тарка, если, конечно, Те-Тарк существует. Тут имеются определенные сомнения.

Те-Тарк — мифический создатель законов крагов, квазигуманоидов, населяющих острова Летнего моря Венеры. Краги гораздо больше походили на людей, чем бóльшая часть земных приматов, вероятно, потому, что они не обладали столь мощным волосяным покровом. Говорят, Те-Тарк установил их законы, обычаи и весьма своеобразный кодекс морали около девяти тысяч венерианских лет назад. Именно Те-Тарк объявил, что мужчины народа краг должны жить трудной и бесславной жизнью в джунглях, в то время как женщины — строить деревни, заниматься сельским хозяйством и другими

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

полезными ремеслами и, конечно же, растить детей. Мисс Камингс и была той самой женщиной-антропологом, которая изучила их культуру и уберегла от уничтожения.

Она высадилась с исследовательского корабля на берег острова Таншаа, населенного крагами, ранним утром самого обычного венерианского дня. Солнце еще не взошло, впрочем, здесь оно не всходило никогда. Сначала остров был плотно укутан одеялом тьмы, потом небо чуть посерело, тучи над головой стали светлеть, и вскоре рассвело. Мисс Камингс увидела волны, бьющиеся о борт корабля, и пенящуюся полосу прибоя. Она приготовилась высадиться в одиночку и провести серьезные антропологические исследования, постоянно поддерживая связь с базой — кораблем. Ее собственные цели носили исключительно научный характер, но изучение перспектив развития межпланетной торговли было основной причиной, по которой ее послали на остров.

В те времена Венера была еще мало освоена, а доставка товаров на Землю стоила так дорого, что туда имело смысл посылать только чрезвычайно ценные. На архипелаге Краг такой продукт удалось найти: жемчуг критил и жемчужные раковины, необыкновенно красивые и абсолютно не поддающиеся подделке. Они моментально стали самыми модными и баснословно дорогими украшениями. Однако те редкие образцы, которые удавалось найти — совсем немного,— принадлежали мужчинам-крагам, жившим в джунглях. Краги без особого удовольствия расставались со своими сокровищами. Они бормотали что-то о Те-Тарке и о женщинах, причем весьма неохотно — и замолкали. Более того, когда краг начинал собирать раковины критил, все знали наверняка, что вскоре он исчезнет. Навсегда. Так что торговля жемчугом и раковинами критил захирела, не успев расцвести, а колонии землян на Венере необходимо было как-то окупать свои затраты. Экспедиция мисс Камингс должна была помочь решить эту проблему.

И вот ранним утром самого обычного венерианского дня вертолет тяжело оторвался от палубы корабля и полетел к архипелагу Краг. Мисс Камингс висела в специальной посадочной корзине. С высоты четырех тысяч футов ей был хорошо виден весь остров, окруженный белой полосой прибоя.

Вертолет обогнул горную гряду и начал спускаться в долину, где располагалась деревня, выбранная мисс Камингс. За деревней длительное время велись наблюдения с воздуха, и у мисс Камингс накопился целый список интереснейших вопросов, на которые ей не терпелось получить ответы. Почему, например, в деревне жили только женщины и дети? Ни на одной фотографии им не удалось найти мужчину старше тринадцати-четырнадцати лет. Правда ли, что большие тростниковые постройки принадлежат женщинам, имеющим нескольких детей, а в маленьких хижинах живут молодые девушки? И что означают круглые цветники перед большими домами женщин? Специалисты, рассматривая фотографии, утверждали, что ограды цветников тщательно отделаны раковинами критил — так же отделывают стены пляжных домиков на Земле. Если специалисты не ошибались, раковины были невероятно ценными, и для процветания колонии на Венере землянам было просто необходимо завладеть — если возможно, мирным путем — богатствами крагов и отправить их на Землю.

Мисс Камингс охватило изумительное ощущение, знакомое только антропологам, когда им представляется возможность первыми по-настоящему исследовать новую культуру. Она была совершенно счастлива, когда вертолет нес ее к новым открытиям. Менее всего в тот момент она думала о Рее Хейле. Но, как выяснилось впоследствии, ему было суждено сыграть важнейшую роль в ее работе. В то же самое утро, пока мисс Камингс следила за приближающимися крышами тростниковых хижин, Хейл проводил свои собственные изыскания. Надо сказать, методы работы у него были весьма своеобразными.

Впрочем, хорошей репутацией Хейл вряд ли мог бы похвастаться. Колониальное правительство слишком поздно узнало о его прибытии на Венеру и не успело остановить его прежде, чем он ускользнул от них на неисследованные территории. Его ненавидели на многих колонизированных планетах, из-за него началась первая война на Марсе: он воспользовался тем, что тогда земные законы не рассматривали убийство марсианина как настоящее убийство; он спровоцировал страшную резню на Титане: там в результате его обращения

с самым старым, а значит, и самым богатым местным жителем погибло более ста пятидесяти землян-колонистов. А он с огромной добычей сбежал с Титана так же, как до этого с Марса, и вот теперь появился здесь.

Этим утром не более чем в трехстах милях от того места, где приземлилась мисс Камингс, он производил исследования на свой собственный манер: поймал мужчину-крага и пытался извлечь из него информацию. Торговцы раковинами критил создали псевдоязык, который позволял им как-то общаться с крагами. Этот псевдоязык и использовал Хейл. Остальное описывать было бы весьма неприятно. Хейл хотел, чтобы его пленник рассказал ему о фактах, которые тому, скорее всего, были неизвестны, и о тайнах, в которых он мало что понимал и о которых не хотел даже думать, не то что говорить.

Это отвратительное представление продолжалось довольно долго, но Хейл, похоже, получал от него удовольствие. Он по-прежнему оставался красивым человеком (его внешность играла существенную роль в истории, вызвавшей столь однозначные чувства у мисс Камингс), но в нем не осталось ничего человеческого, когда он трудился над несчастным крагом. Ужасное зрелище, но Те-Тарк, видимо, не возражал. В конце концов, ведь раса крагов избежала тотального уничтожения.

Итак, когда Хейл наконец убил крага и выбросил тело за борт украденной лодки, он уже знал, где находят раковины критил. Но сам он ничего не собирался искать. Вместо этого он воспользовался другой информацией, полученной от несчастного крага, и с жаром стал обдумывать план дальнейших действий, который позволил бы ему стать обладателем огромного количества жемчуга критил. Раковины критил тоже были очень дороги, но жемчуг — в тысячи раз дороже.

Тем временем в трехстах милях мисс Камингс спускалась в избранную ею деревню. Вертолет завис над землей, и небольшая группа обитателей деревни вышла из домов посмотреть на него. Может быть, они думали, что тут замешан Те-Тарк. Вполне возможно, что так оно и было. Они смотрели вверх — женщины и несколько мальчишек-крагов. Вертолет медленно опускался, пока корзина с мисс Камингс не коснулась земли. Она быстро вылезла из корзины, и вертолет стал подниматься к затянутому облаками небу, где, по слухам,

обитал Те-Тарк. На некоторое время вертолет задержался, чтобы мгновенно вернуться, если мисс Камингс попросит о помощи. У нее было маленькое, почти невидимое, ручное оружие, и она могла бы при необходимости не подпустить крагов к себе.

Но такой необходимости не возникло. Обитатели деревни с опаской приблизились к ней, но тут они увидели, что она — женщина: она оделась в костюм, который подчеркивал ее принадлежность к прекрасной половине человечества, а в руках мисс Камингс держала подарки, которые с поклоном предложила хозяевам деревни.

Через пять минут она в коммуникатор сообщила команде вертолета, что они ей больше не нужны, но капитан решил пока не улетать, просто так, на всякий случай.

Мисс Камингс удалось завязать дружеские отношения с крагами, ведь она была прекрасно подготовлена для исследований социальной системы, практически целиком состоящей из женщин. До полета на Венеру мисс Камингс преподавала курс антропологии в женском колледже и хорошо знала женщин. К примеру, умудренные жизнью матроны деревни очень походили на строгих и самоуверенных администраторов колледжа: они привыкли, что при любых обстоятельствах все всегда делается так, как они решат. К ним мисс Камингс обращалась с почтительным уважением. Правда, вначале возник один неприятный момент, но вскоре все пошло как по маслу. Когда мисс Камингс заговорила, она, показав на какой-то предмет, употребила термин из торгового псевдоязыка, который использовался для переговоров с мужчинами-крагами, кое-кто захихикал, и мисс Камингс поняла, что мужчины и женщины краги говорят на разных языках, как некоторые примитивные расы на Земле,— было просто неприлично для одного пола использовать слова, принадлежащие языку другого; больше мисс Камингс подобных ошибок не допускала. Молодые женщины, как она заметила, строили такие же нетерпеливые гримасы, как и ее юные воспитанницы в колледже. К ним она обращалась с веселой улыбкой. Матронам мисс Камингс подарила блестящие бусы, а девушкам — браслеты и маленькие зеркальца, и они после этого стали относиться к

ней со снисходительной терпимостью, с которой юные всегда относятся к старшим у всех народов без исключения.

Ей даже удалось установить контакт с ребятишками. Взрослые краги носили одежду, скроенную из груботканой материи, а дети бегали голышом. Для них мисс Камингс заранее приготовила специальное угощение, естественно, не пирожные и конфеты — вкусы крагов заметно отличаются от человеческих. Она раздала им шарики, состоящие почти из чистого хинина, и детишки-краги были в полном восторге. Однако мисс Камингс обнаружила, что, когда она угощала такими вкусными штуками мальчишек, ею были очень недовольны. Только будущие матроны достойны лакомств!

К вечеру мисс Камингс принимали как доброго гостя: ей уже выделили маленький домик среди тех, в которых, по мнению ученых, жили молодые девушки. На следующий день она принялась составлять словарь.

Хейл тем временем в трехстах милях от этой деревни поймал второго крага. На сей раз он выбрал экземпляр помоложе среди тех, кто бродил по болотам в джунглях острова. С ним Хейл действовал иначе: угощал его хинином, уговаривал, перемежая уговоры побоями. От него Хейл узнал ряд слов языка, на котором говорили женские особи, и записал их на магнитофон, молодой краг помнил эти слова гораздо лучше, чем пожилой. Юноше-крагу пришлось немало пережить, когда его жизнь в деревне, где он беспечно провел юность, кончилась. Его выгнали из деревни и сказали, чтобы он теперь общался с другими, такими же бесполезными, как и он, существами. Юноша-краг был страшно обижен, а Хейл заставил его несколько раз рассказать о детстве, проведенном среди женщин. Потом он выбросил второго пленника на берег и приготовился использовать полученную информацию. У него не было ни малейшего желания предпринимать какие-либо действия для сохранения расы крагов. Просто все происходило именно так, и, наверное, лишь Те-Тарк мог предвидеть подобное развитие событий. Если Те-Тарк существует.

К концу первой недели пребывания в деревне мисс Камингс была на седьмом небе от счастья. Она изучала новую необычную расу, в любой момент она могла получить квалифицированную помощь специалистов с корабля, но при этом

приоритет оставался за ней! Однако помощь ей была просто необходима: вот, например, язык крагов, его нужно было тщательно анализировать. Существовали не только мужская и женская версии языка, которые очень сильно отличались друг от друга, но встречались и специальные, выражающие почтительное отношение термины, как в японском языке, которые являлись самыми настоящими ловушками. При обращении к матронам крагов использовались разные слова в зависимости от того, один, два или более у нее было детей. Если детей было больше шести, употреблялось суперпочтительное обращение. И у мисс Камингс могли быть серьезные неприятности, если бы она этого не учитывала.

Однако с помощью корабельного компьютера и лингвистов она очень быстро осваивала язык крагов, но до определенного предела. И здесь ее ждали сплошные разочарования. Как человеческое существо, мисс Камингс не могла до конца поверить, что на языке крагов нет слова «почему». Отсутствие этого слова ставило непреодолимую преграду дальнейшему продвижению вперед. По коммуникатору она передавала всю собранную информацию на корабль, сопроводив ее своими комментариями, филологи работали, пытаясь ей помочь. В долгих ночных дискуссиях с кораблем мисс Камингс сделала открытие: язык крагов имеет только один род (женский), но зато у личных местоимений — целых тридцать две формы, почтительные и просительные. Язык имеет невероятно сложную систему спряжения глаголов, большой и разнообразный словарь существительных. Но все существительные — имена собственные! Слово, которое обозначало дерево, обозначало именно это дерево, а не какое-нибудь другое. Слова «дерево» как абстрактного понятия не существовало. В языке вообще не было абстрактных понятий! А значит, не существовало и словесного аппарата для логических рассуждений.

Все это казалось просто невозможным. Краги были по-своему цивилизованной расой, и они, без сомнения, пользовались речью для передачи объективной информации. Но у них никогда не возникало никаких дискуссий, они ни о чем не спорили. Они были простодушны и счастливы. Но мисс Камингс частенько кипела от негодования, когда она спрашивала о том или ином обычае — причем процесс формули-

рования вопроса доставлял ей массу страданий,— и получала пустой и неинформативный ответ, что она есть всего лишь незамужняя женщина. Она не могла спросить, почему ее статус не позволяет ей получить ответы на свои вопросы. Ведь в языке крагов нет слова «почему». Да уж, она действительно столкнулась с чисто женской культурой.

Мисс Камингс была вне себя от огорчения. Она уже почти начала презирать себя за то, что она не замужем, поскольку это мешало продвижению ее антропологических исследований. Со страстной ревностью женщины-ученого она завидовала замужним женщинам, которые с легкостью могли получить здесь любую информацию. Она стала бояться, что вместо нее пришлют какую-нибудь замужнюю женщину, которая и получит всю славу первого антрополога, изучившего крагов.

Те-Тарк мог бы, конечно, сказать ей, чтобы она не волновалась. Если только он вообще существует. Только благодаря мисс Камингс расе крагов и суждено было избежать уничтожения вследствие наступления прогресса. Потому что она знала Рея Хейла.

К тому моменту, когда у мисс Камингс возникли серьезные лингвистические трудности, он получил уже довольно много информации, о которой она могла бы только мечтать. Еще не прошло и двух недель пребывания мисс Камингс в деревне, а Хейл уже собрал целую кварту жемчуга критил — еще ни одному торговцу не удавалось найти больше нескольких десятков за целый сезон. Некоторые из добытых Хейлом жемчужин были просверлены не очень аккуратно, но он уже был миллионером, потратив на это всего лишь несколько недель в джунглях и совершив пару преступлений, которые большинство нормальных людей совершить бы не смогли. Но краги еще не были признаны людьми, и, значит, их можно было безнаказанно убивать.

Когда пошла третья неделя, мисс Камингс разбудил утренний шум. Из джунглей, в каких-нибудь ста ярдах от незавершенного круга хижин, где жили девушки-краги, доносились смех, радостные возгласы и звуки глухих ударов. Мисс Камингс ко всему этому привыкла: самые обычные звуки и не

более того. А вот разговоры, которые она услышала, несколько обеспокоили ее.

О чем-то щебетали дети — мальчики и девочки. Долетали до нее и обрывки более спокойных разговоров матрон. Неподалеку от хижины мисс Камингс собралось чуть ли не все население деревни.

Она быстро оделась и вышла наружу. Вся деревня действительно собралась в центре круга, образованного хижинами девушек. Незамужние девушки собрались группкой и о чем-то возбужденно переговаривались. Дети в ажиотаже бегали вокруг серьезной компании старших. Мисс Камингс, с включенным коммуникатором, так что все происходящее записывалось на магнитофоны корабля, вошла в круг. Когда ей удалось подойти поближе, она увидела, что раковина критил переходит от одной матроны к другой. Они медленно и очень тщательно изучали раковину. Вели они себя, как близорукие выпускницы колледжа, потерявшие очки, и, казалось, скорее обнюхивали, чем рассматривали раковину.

Самая важная и пожилая матрона, обладавшая невероятным количеством отпрысков, рассматривала раковину особенно внимательно. Девушки разволновались еще больше. Наконец самая старшая матрона с торжественным видом протянула раковину одной из девушек. Та прижала ее к груди, и на лице у нее расплылась блаженная улыбка. Именно эту девушку мисс Камингс отличала среди других, потому что она напоминала ей лягушкоподобную студентку, которая страшно морочила ей голову. Эта студентка, с толстыми линзами очков, торчащими зубами и вздорным характером, в день окончания колледжа вышла замуж за миллионера. Тогда это показалось мисс Камингс страшной несправедливостью. Теперь ее аналог среди крагов был выбран из других, куда более достойных кандидатов. Раковина критил, к слову, стоила пятнадцать тысяч кредиток на Венере и втрое больше на Земле.

Раздался общий вздох разочарования: другие девушки с горькой завистью смотрели на триумф счастливой избранницы. Матроны собрались вокруг нее и стали ей кланяться. Детишки-краги бросились в джунгли и вскоре скрылись из глаз.

Мисс Камингс вся кипела от переполнявших ее вопросов, но она даже не могла спросить «почему?».

Так прошло утро. Мисс Камингс, сидя у себя в хижине, совещалась через коммуникатор со специалистами на корабле. Не вызывало сомнений, что они столкнулись с чем-то совершенно новым в жизни крагов. Все это могло оказаться очень важным, и коллеги просили мисс Камингс, чтобы она постаралась ничего не упустить.

Она вышла из хижины, когда дети крагов вернулись из джунглей. Одни несли ветки трубчатых деревьев, самой разной длины и толщины, которые легко ломались в сочленениях и были полыми внутри. Другие дети сгибались под тяжестью огромных охапок листьев и длинных вьющихся растений. Все они направились туда, где стояли большие дома матрон, и начали строить новую хижину.

Происходящее было очень характерным для культуры крагов. Никто не выдавал детям никаких инструкций, они все делали сами. Дети роились вокруг постройки, как пчелы, и если бы мисс Камингс не боялась упустить старших матрон и их жаболицую избранницу, она бы не отрываясь смотрела за тем, как буквально на глазах растет новое строение. Дети действовали удивительно слаженно, с точностью, научить которой просто невозможно: они поставили ровные колья-сучья так, что те образовали идеально ровную стену, а на земле даже не было линии, вдоль которой ее надо было выстроить! Они ловко переплели колья длинными лианами. Потом так же быстро и точно укрепили легкие стволы деревьев — и перекрытия для крыши были готовы. Через четыре часа строительство закончилось. Дом ничем не отличался от других больших домов, где жили матроны, только в нем было поменьше комнат, но ведь комнаты можно легко пристроить потом.

Так и не получив ни единой инструкции, дети закончили работу и уже через пять минут занялись своими обычными детскими делами. И, пожалуй, самым удивительным было то, что после окончания строительства не осталось ни одной лишней детали. Все, что дети принесли, они использовали!

Это оказалось выше понимания мисс Камингс, и она решила собирать информацию относительно более важных вещей. В тот день ей удалось пообщаться только с девушками. Все они вернулись к своим обычным делам. Некоторые ткали. Мисс Камингс показала, как можно улучшить качество

ткани, но они проигнорировали ее советы. Им понравилась ткань, которую она сделала, но сами они продолжали работать по-старому.

Мисс Камингс поболтала с ними, но ее возможности сильно ограничивались знанием языка. Она могла сказать: «эта материя хорошая» или «я пришла навестить вас». А они соглашались. Она могла сделать такое наблюдение: «дом строится», что целиком соответствовало истине. Она могла даже сказать и сказала: «девушка с раковиной критил не с нами». С этим утверждением девушки-краги согласились тоже. Но мисс Камингс, сгоравшая от научного любопытства, не могла спросить, зачем построили новый дом, или откуда взялась раковина критил, или почему ее вручили девушке, столь похожей на лягушку, и что, наконец, все это значит. Язык крагов совершенно не подходил для антропологических изысканий!

Рей Хейл, однако, мог бы многое ей разъяснить. Он находился в двухстах милях от деревни, и у него уже было три кварты жемчуга критил, теперь он не брал раковины, хотя даже самая плохонькая раковина стоила не меньше десяти тысяч кредиток. Он стал мультимиллионером, но не мог остановиться. Он находил забавным, что не существовало закона, запрещающего его деятельность. Пока расу крагов не приравняли к людям, их можно было убивать.

Но для мисс Камингс происходящее по-прежнему оставалось тайной. Раковина критил в центре круга, на границах которого стояли домики девушек-крагов, раковина, врученная особенно отталкивающей девушке, строительство дома, полное разделение всех жителей деревни (матроны в своих домах, девушки в своих). Мисс Камингс строила самые безумные предположения и ждала, когда что-нибудь произойдет и она сможет разгадать тайну.

Ей пришлось ждать до вечера, когда облака в небе начали темнеть: на Венере не бывает ни закатов, ни восходов. Наступил вечерний сумрак, когда девушка-краг вышла из только что выстроенного нового дома. Как только мисс Камингс увидела ее, она сразу быстро заговорила в коммуникатор.

Девушка села перед своим новым домом с нарочитой небрежностью. До сих пор она носила такую же грубую одежду, как и другие девушки. Теперь она была одета в нечто совер-

шенно иное — мисс Камингс никогда не доводилось видеть ничего подобного. Но, будучи женщиной, она мгновенно оценила великолепие и назначение одеяния; ведь это было самое настоящее подвенечное платье. Но ни одна невеста на Земле не могла бы похвастаться фатой, отделанной раковинами критил, ее можно было продать на Земле за миллионы, ожерельем из жемчуга критил, которое и миллионеру было не по карману, браслетами из раковин, отделанным раковинами платьем, в то время как даже очень богатая женщина на Земле была бы счастлива иметь хотя бы брошь, сделанную из раковины критил.

Мисс Камингс, волнуясь, рассказывала в коммуникатор обо всем, что происходило перед ее глазами. Видимо, говорила она, ей предстоит стать участницей брачной церемонии крагов. Да, без сомнения, именно так! Однако жениха она до сих пор еще не видела.

Постепенно собралась вся деревня. Рядом с разодетой невестой заняли места самые почтенные матроны. Они добродушно улыбались и, казалось, были бесконечно довольны собой и окружающим миром. Они походили на выпускниц колледжа, позирующих для фотографии, на встрече, посвященной двадцатилетию их выпуска. Облака над головой темнели и постепенно стали совсем черными, а вокруг повисла атмосфера напряженного ожидания. Появились дети и выстроились в длинную шеренгу. Впереди стояла малышка, едва научившаяся ходить, в руках она с необычайной торжественностью и серьезностью держала зажженный факел. Остальные дети тоже держали факелы, но они не были зажжены. Наступила тишина, прерываемая лишь шумом, доносящимся из джунглей. Небо почернело окончательно, и наступила ночь. Во всей деревне остался единственный источник света — факел в руках малышки-краг. Мучительно долго ничего не происходило.

Наконец последовали короткие четкие команды самой старшей из матрон. Малышка с зажженным факелом повернулась к своему соседу — мгновение и загорелся второй факел. Потом третий, четвертый, и вскоре пятьдесят факелов горели так ярко, что стало светло как днем.

И вот тогда-то мисс Камингс и увидела жениха. В темноте, ориентируясь на единственный горящий факел, мужчина-краг проник в деревню и оказался около нового дома. Все, конечно же, знали, что он где-то неподалеку, но Те-Тарк, без сомнения, приказал, чтобы он оставался невидимым, пока не предстанет перед невестой.

Мисс Камингс показалось, что жених как-то весь сжался в свете факелов. Было такое впечатление, что он с удовольствием оказался бы в любом другом месте планеты — тут он мало чем отличался от женихов на Земле,— но все же был покорен своей судьбе. В свете факелов он стал неловко складывать на землю у ног разодетой, но сидевшей в каменной неподвижности девушки одну за другой раковины невероятной ценности. У любой девушки на Земле глаза засверкали бы всего лишь от одной.

Наконец жених выпрямился. Его тело блестело в свете факелов. Мисс Камингс показалось, что он сильно вспотел, как человек, находящийся в последней степени отчаяния.

Самая старшая матрона что-то проворчала.

Невеста с насмешкой взглянула на презираемого мужчину. Потом очень, очень медленно она встала и подняла к нему лицо. С бесконечным сознанием собственного превосходства, благородства и щедрости невеста медленно подняла руку и коснулась его плеча. Этим она как бы снисходила до него. Мисс Камингс поняла, что наступила кульминация бракосочетания.

Начался шум, раздались крики. Дети бросили факелы на землю, быстро затоптали пламя, и деревня погрузилась в темноту. Мисс Камингс услышала, как жители деревни стали расходиться по своим домам — церемония закончилась.

Она тоже направилась к своей хижине и приступила к горячему обсуждению через коммуникатор того, что она только что увидела. Она рассказывала о всех подробностях бракосочетания с энтузиазмом и сентиментальностью журналистки светской хроники, которой посчастливилось попасть на свадьбу наследницы члена Верховного Консилиума Земли. Она восторгалась одеянием невесты. Как женщина, она не придала большого значения сравнительной невзрачности жениха и отсутствию его друзей на церемонии. Она даже сумела ска-

зать какие-то трогательные слова о символике жеста, которым невеста приняла жениха, преодолев свое врожденное отвращение ко всему мужскому.

Постепенно она успокоилась и заговорила как настоящий антрополог. Отсутствие мужчин в деревне по-прежнему казалось ей странным, но она знала, что на Земле существовали племена с похожими обычаями. Когда-то в Гималаях жило племя, в котором медовый месяц продолжался три дня, после чего жених и невеста должны были жить отдельно друг от друга почти год, и только после этого им разрешалось завести совместное хозяйство. Существовали индокитайские культуры, где женщины должны были после свадьбы полностью игнорировать существование мужчин, жить в родительском доме до тех пор, пока родители невесты не станут настаивать, чтобы муж начал заботиться о своем, к тому времени весьма многочисленном потомстве. Многие земные обычаи походили на то, что довелось увидеть этой ночью мисс Камингс. Почти всю ночь антропологи обсуждали детали брачной церемонии.

На следующее утро мисс Камингс, как она и предполагала, увидела, что невеста появилась в своей обычной одежде, к которой добавилось всего лишь несколько деталей, подчеркивающих ее новый статус, и присоединилась к другим матронам. К ней обращались, используя соответствующий почтительный титул, а из ее речи исчезли обороты, характерные для незамужних девушек. Но ее муж так и не появился. Мисс Камингс почти не удивилась.

Странным ей показалось другое. Хотя она и встала очень рано, она не заметила, когда клумбу, появившуюся перед домом новой матроны, успели украсить. Как и другие, она была отделана множеством раковин критил. Цветы еще, конечно, не выросли, но, судя по взрыхленной почве, уже были посажены.

Мисс Камингс и ее коллеги на корабле без устали обсуждали брачную церемонию. Дар жениха — драгоценные раковины критил — напоминал земной обычай выкупа невесты. Вероятно, жених подарил и жемчужины, но мисс Камингс их не видела. Использование драгоценных раковин для украшения цветника было явным излишеством, напоминающим

праздник потлеч* индейцев Аляски. Тот факт, что свадебный подарок не имел практической ценности, напоминал старинный обычай на Борнео, когда нетерпеливый жених, чтобы доказать, что он достоин своей возлюбленной, должен был подарить ей свежеотрубленную человеческую голову.

Тем временем жизнь в деревне шла своим чередом. Новоиспеченная матрона старательно поливала украшенный раковинами цветник. Она гордилась своим новым положением. Но ее муж оставался невидимым.

За последующую неделю мисс Камингс почти о нем забыла. Она почувствовала, что ее собственный статус начал меняться. Она теперь изучала распределение власти в деревне и тут обнаружила, что старшая матрона стала относиться к ней с явным неодобрением. Статус этой важной особы примерно соответствовал статусу старосты деревни, хотя прямых распоряжений она не отдавала. Время от времени она указывала, что пора заниматься общественными работами: обработкой почвы, починкой домов. И каждая женщина деревни делала то, что в этот день было необходимо. Никто не просил никаких инструкций. Все, включая самого маленького крага, казалось, прекрасно знали, что им надо делать. И все разговоры носили исключительно констатирующий характер.

Когда мисс Камингс прожила в деревне пять недель, ее посетила старшая матрона. Она вошла в скромный девичий домик мисс Камингс и с неодобрением взглянула на нее. Гостья мисс Камингс напомнила ей постаревшую замужнюю выпускницу, вернувшуюся в колледж своей юности и насмешливо глядящую на неженатого профессора средних лет, который так и не смог сделать карьеру. Важная особа сделала два заявления: первое, как постановили лингвисты корабля, можно было перевести так: «возраст у тебя почтенный, а детей нет». Второе не имело однозначного перевода: «финиш», «конец», «заключение» — любое слово со значением конца чего-то. Затем матрона крагов подала мисс Камингс странный за-

* Потлеч — праздник американских индейцев с северного побережья Тихого океана, на котором гостям дарят подарки, а хозяева уничтожают собственное добро, чтобы подчеркнуть свое богатство. Гости, когда придет их очередь, постараются превзойти хозяев. *(Прим. перев.)*

остренный инструмент, сделанный из единственного твердого дерева, растущего на островах архипелага. И важно вышла из домика мисс Камингс.

Обеспокоенная мисс Камингс передала изображение инструмента на корабль. Антропологи смогли определить, что инструмент был старым, острым и абсолютно непонятного назначения. У мисс Камингс, однако, появилась догадка, которая ей совсем не понравилась.

Здесь, надо сказать, инстинкт мисс Камингс послужил ей лучше, чем Рею Хейлу методы, которыми он пользовался. Она смогла догадаться, для чего нужен странный инструмент. В это время Хейл находился менее чем в семидесяти милях от острова мисс Камингс. Он знал о жемчуге и раковинах критил больше, чем любое другое человеческое существо. А вот об этом инструменте ему ничего известно не было.

Догадка вызвала у мисс Камингс негодование. Краги были абсолютно практичны. Старшая матрона решила, что мисс Камингс слишком стара, чтобы найти мужа, поэтому и дала ей заостренный странный инструмент, чтобы та приняла соответствующие меры.

Мисс Камингс пришла в ярость: они не имеют права заставлять ее совершить самоубийство. Но если она не выполнит инструкций... Кто знает — они ведь могут и помочь...

Мисс Камингс ужасно злилась. Похоже, что ей придется покинуть исследуемый объект! Другой антрополог займет ее место! Это может означать, что научную работу о жизни и культуре крагов напишет кто-нибудь другой, и там будет лишь неискренняя благодарность и слова о вкладе мисс Камингс, на которые никто не обратит ни малейшего внимания!

Мисс Камингс начала носить деревянный инструмент с собой. Ей казалось, что жители деревни смотрят на нее с легким презрением: почему она еще до сих пор жива? Старшая матрона как-то остановила ее на улице и повторила два своих заявления: возраст немалый, а детей нет, и второе — связанное с концом. Днем позже две другие матроны сказали ей то же самое. Еще через день мисс Камингс подвергли остракизму. Даже юные девушки холодно говорили ей, что она уже в возрасте, а детей нет, и — конец.

Ее сердце разрывалось от незаслуженной обиды, и ей стало очень страшно. Но в то же время она была вне себя от ярости. Мисс Камингс чувствовала, что это ее работа! Краги принадлежали ей и только ей! Она выучила их язык! Она составила полный перечень их обычаев, социального устройства и даже участвовала в брачной церемонии! Она никому их не отдаст!

Теперь она спала, сжимая в руке маленькое, почти невидимое оружие, когда ей вообще удавалось заснуть. Но через два дня, в течение которых ее игнорировала вся деревня, она все-таки заснула от полного изнеможения и проснулась только утром от шума, доносившегося из джунглей. Она в страхе вскочила на ноги, потому что услышала голоса — голоса крагов. Сердце у нее чуть не выпрыгнуло из груди: наверное, они идут убить ее. Она же получила указание покончить с собой и не исполнила его. Теперь они идут помочь ей...

Она выглянула из хижины, готовясь вызвать вертолеты с корабля. Внутри круга, образованного хижинами девушек, собрались почти все жители деревни. Детишки-краги носились вокруг. Девушки взволнованно о чем-то переговаривались. Матроны изучали раковину критил. Как и раньше, они делали это с величайшей тщательностью, как будто нюхали ее.

Наконец самая старшая матрона, глава деревни, издала одобрительное ворчание. Она решительно направилась к домику, где жила мисс Камингс, и вручила ей раковину критил. И мисс Камингс взяла ее.

Она быстро и твердо объяснила ситуацию своим коллегам на корабле. Скорее всего, сказала мисс Камингс, они должны будут извлечь ее из деревни крагов сразу после наступления ночи. Позднее она сможет указать точное время. Это будет уникальная возможность записать торжественную церемонию бракосочетания крагов от начала до конца. Трудно себе представить, что такой шанс представится когда-нибудь еще, поэтому, как только появится мужчина-краг, с вертолетов должны сбросить дымовые шашки и под прикрытием дыма увезти ее вместе с бесценным антропологическим сокровищем — подвенечным платьем крагов. В настоящий момент мисс Камингс, конечно, вооружена, и оружие будет наготове до конца церемонии.

Детишки умчались в джунгли. Вернувшись, они сразу начали строить дом. Самой мисс Камингс занялись деревенские матроны. Она включила свой коммуникатор и весь день передавала ценнейшие антропологические данные, от которых коллеги мисс Камингс пришли в самый настоящий экстаз. Бóльшая часть этой информации еще до сих пор не расшифрована, и никто, кроме антрополога, не найдет в ней ничего интересного. Однако на пленку записывалось все. В конечном счете здесь оказалось больше сведений о Те-Тарке, чем можно было мечтать, и приоритет мисс Камингс как главного специалиста по крагам был установлен навсегда.

Только одну любопытную деталь упустила мисс Камингс и ее коллеги с корабля. Им не пришло в голову, что, организовав их триумф, Те-Тарк добился своей главной цели — спас народ крагов от уничтожения.

Постепенно небо стало темнеть, и, когда спустились сумерки, мисс Камингс вышла из своего большого нового дома, построенного специально для нее. На ней был подвенечный наряд крагов. Даже мисс Камингс была потрясена его роскошью, увидев платье вблизи. Конечно, платье было варварским, грубым. Но переливающиеся изменчивые краски украшенной жемчугом фаты, жемчужного ожерелья и удивительное богатство самого платья подарили мисс Камингс ни с чем не сравнимые ощущения.

Стемнело еще больше, дети снова исчезли и вернулись, только когда небо совсем почернело и стало темно по всей деревне. Впереди шел самый младший ребенок с зажженным факелом, остальные факелы еще не зажгли.

Мисс Камингс сидела в темноте, одетая в подвенечное платье, какого не приходилось надевать ни одной земной женщине. Она прошептала очередные указания в коммуникатор. Невидимый голос, исходящий из крошечного наушника, говорил ей какие-то успокоительные слова. Спасательная партия на вертолете была готова. На крайний случай у нее было достаточно мощное ручное оружие. Теперь у мисс Камингс не осталось и тени страха. Сведения, полученные сегодня, подняли ее научную репутацию на недосягаемую высоту. С этих пор ей будет принадлежать слава первооткрывателя культуры

народа крагов, живущего на архипелаге в Летнем море Венеры. Приоритет ей был обеспечен, бояться больше нечего. А опасаться какого-то мужчину — она ведь пять недель провела в деревне крагов.

В пятидесяти ярдах от мисс Камингс горел одинокий мерцающий факел в руках малыша-крага. Наступило долгое напряженное ожидание.

Наконец чей-то голос заговорил на языке крагов. Матрона что-то буркнула. Ребенок повернулся и помог зажечь факел своему соседу. Тот зажег огонь следующему. Скоро пятьдесят пылающих факелов осветили всю деревню.

И мисс Камингс не поверила своим глазам: перед ней стоял Рей Хейл.

Он был весь измазан илом, чтобы больше походить на крага. В руках он держал множество раковин критил. Хейл узнал мисс Камингс, и его глаза стали круглыми, как блюдца. Пот проступил на его заблестевшем в свете факелов лице. Он узнал ее не просто как земную женщину, а именно как мисс Камингс, а Хейл был, наверное, единственным человеком на свете, которого она ненавидела всеми силами своей души.

Он сглотнул и, задыхаясь, прошептал:

— Продолжай играть свою роль! Или нас обоих убьют!

Мисс Камингс стиснула зубы. В голосе Хейла послышались истерические нотки:

— Играй роль, говорю я тебе!

Мисс Камингс слегка дрожащим голосом прошептала:

— Наверху меня ждут вертолеты. Мне стоит только слово сказать...

Хейл с ненавистью посмотрел на нее, как затравленное дикое животное. Его отчаяние было столь очевидным, что мисс Камингс почувствовала глубокое одобрение и растущее уважение со стороны женщин деревни.

— Ты женился на моей младшей сестре,— проговорила мисс Камингс странным механическим голосом.— Она любила тебя, а ты разбил ее сердце. Ты бил ее! Ты отравил ей жизнь, а когда ты ее бросил, она умерла — так сильно она тебя любила! Я молилась, чтобы смерть нашла тебя! Ах ты животное, животное, животное...

Шепоток восхищения пробежал между матронами крагов. В свете факелов было видно, что Хейл весь покрылся испариной. Он прохрипел:

— Они меня убьют, если ты не согласишься! И тебя тоже!

Ложь. Мисс Камингс не знала, откуда у нее появилась эта уверенность, но она чувствовала, что ее поведение в точности соответствует идеалам женщин-крагов, предполагающих всеобъемлющее презрение ко всему мужскому. Самые лучшие невесты крагов никогда раньше не выражали столь великолепной ненависти к своим женихам. Мисс Камингс механически отметила про себя, что ее поведение наверняка станет эталоном поведения невесты-краг.

Рей Хейл положил на землю раковину критил. Он дрожал от ужаса, но продолжал выполнять свадебный ритуал крагов. Одну раковину за другой выкладывал он перед неподвижно стоящей мисс Камингс.

— Я могу дать им убить тебя,— прошептала она.— Их никто не накажет. Я могу дать им убить тебя — ты это заслужил,— или я могу вызвать вертолет...

У нее в ушах зазвучал голос. Спасательная партия наверху готовилась спуститься вниз, но они были удивлены. Они ждали последней команды мисс Камингс, а вместо этого услышали совершенно невероятный разговор с каким-то незнакомцем. Обеспокоенный голос задавал вопросы. Мисс Камингс взяла себя в руки.

— События стали развиваться непредсказуемым образом,— негромко проговорила она в коммуникатор.— Вдобавок я поняла, что нахожусь в полнейшей безопасности. Я уверена, что спасать меня не придется. Главное, проверьте магнитофоны: они вам скоро понадобятся.

Закончив свое сообщение, мисс Камингс выключила коммуникатор.

В свете факелов Рей Хейл очень походил на крага: когда он положил последнюю раковину к ногам мисс Камингс, его охватило отчаяние, с которым он не мог справиться, он посмотрел на нее, как человек, только что услышавший свой смертный приговор и теперь ожидающий лишь его исполнения. Неожиданно он забормотал:

— Вот! Жемчуг! Я все отдам тебе. У меня его очень много! Все, все отдам! Только не дай им убить меня...

Он высыпал несколько крупных жемчужин ей на колени. И тут мисс Камингс встала. Она страшно побледнела. Ее ненависть к Рею Хейлу нисколько не уменьшилась, но прежде всего она была антропологом. Хейл не смог бы собрать столько раковин и жемчужин критил, не добыв важнейшей информации о крагах, которой у мисс Камингс не было.

Ее губы изогнулись в самой презрительной и надменной улыбке, на которую она только была способна. В действительности это была гримаса страдания. Она протянула руку и коснулась Хейла дулом своего невидимого оружия, зажатого в руке.

— Не пытайся скрыться в темноте,— сказала она,— я нажму на курок в ту секунду, когда почувствую, что дуло потеряло контакт с твоим телом.

Крошечный ребенок бросил факел на землю. Через мгновение все факелы оказались на земле, и детишки-краги стали затаптывать огонь. Мисс Камингс завела Хейла в дом, построенный в этот день для нее.

— Я думаю,— сухо сказала она,— у тебя есть сведения, которые меня интересуют. Сейчас я включу коммуникатор, и ты расскажешь все, что тебе известно о крагах. Потом я решу, убивать тебя или нет.

Она стояла перед ним в темноте. Хейл всхлипнул. Мисс Камингс взбадривала его вопросами — и дулом своего маленького оружия.

Это оружие было частью оборудования, которое мисс Камингс привезла с собой. Крошечного размера, но стоило слегка дотронуться до курка, как оно начинало испускать микроволновое излучение. На Земле этот факт с успехом использовался: как только преступник брался за оружие, тут же появлялась полиция. Кроме того, поток микроволнового излучения сопровождался высоким воющим звуком (если, конечно, оружие использовалось на полную мощность).

Хейл услышал легкое гудение и понял, что стоит мисс Камингс чуть сильнее надавить на курок — и его жизни придет конец.

Он еще раз всхлипнул. Ему нужно было как можно быстрее добраться до брачных покоев, он собирался пробыть здесь всего несколько минут. Но не смел сказать мисс Камингс о своих намерениях. Когда она задавала ему вопросы, он бубнил какие-то невнятные извинения по поводу того, что попытался жениться на девушке-краг. На мисс Камингс еще была фата из жемчуга критил, когда ей удалось остановить поток его почти бессвязных слов.

Негромкое гудение оружия, готового к выстрелу, сводило Хейла с ума. Да и других поводов для страха у него тоже хватало. Задыхаясь, он стал рассказывать. Он сделал торжественное подношение раковины критил. Ему было известно, что матроны выберут невесту и для нее будет построен новый дом. В тот миг, когда они войдут в этот дом, хрипло говорил Хейл, он собирался оглушить невесту и убежать вместе с ее нарядом, который на Земле стоит миллионы кредиток.

— Но,— ровным голосом произнесла мисс Камингс,— ты же предлагал мне галлоны жемчуга. Сколько раз ты уже проделывал эту операцию?

Хейл задыхался от ужаса. Ему было совершенно необходимо убежать отсюда. Но голос мисс Камингс оставался холодным и неторопливым:

— Ты ведь убивал невест — иначе ты слишком многим рисковал. Ты их душил?

Хейл забормотал, что краги — не люди. Их убийство не карается законом. Он был прав — пока прав — и знал это. Однако весь его вид говорил о том, как хотелось ему сейчас оказаться подальше от деревни крагов. Мисс Камингс решила, что он все-таки боится людей с вертолета, которые могут арестовать его.

— Никто из людей не появится здесь до тех пор, пока я не позову их,— сказала она с прежним удивительным спокойствием.— Если вертолет приземлится в деревне, мне придется прервать исследования. Но моя сестра умерла из-за того, что любила тебя. Если хочешь жить, ты расскажешь мне...

То, что последовало вслед за этим, было самым удивительным за всю историю антропологии. Под дулом тихонько гудящего оружия, подчиняясь отчаянному желанию побыстрее убраться отсюда, Хейл, запинаясь и путая слова (так он спешил), попытался ответить разом на все вопросы мисс Камингс. Он даже и не думал врать. Он говорил и говорил, искренне стремясь удовлетворить ее научное любопытство в кратчайший промежуток времени. Он весь дрожал. Его дыхание больше походило на всхлипывания. Но мисс Камингс была неумолима. Она проводила короткие консультации со своими коллегами на корабле, чтобы уточнить, какие еще моменты она упустила. Она размышляла, прерывая допрос, а потом формулировала вопросы с исключительной точностью. И все это время оружие негромко гудело, готовое в любой момент покончить с Хейлом, если тот попытается бежать.

Несмотря на напряженность обстановки, с научной точки зрения интервью было проведено безупречно. Мисс Камингс получила полную картину брачной церемонии глазами мужчины-крага, чего никому до нее не удавалось сделать. Мужчины-краги были презираемы; чтобы жениться, они должны были собирать раковины критил. Желательно такие, которые содержат жемчуг. Временами речь Хейла становилась почти неразборчивой, так он торопился, но все же он рассказал, где краги находят раковины критил и как их добывают. Только краг способен на это, но за деньги они доставать раковины не будут. Лишь необходимость жениться может заставить крага добывать раковины критил...

— Я должен убраться отсюда! — отчаянно хрипел Хейл.— Я не могу здесь оставаться! Я не могу, не могу...

Мисс Камингс сухо сказала:

— Я останусь в деревне еще на несколько дней, чтобы завершить сбор необходимой информации. Мне некогда возиться с твоим трупом. Иди!

Она отодвинула оружие, но снимать палец с курка не стала, и негромкое гудение продолжалось. Только тут мисс Камингс почувствовала страшную усталость. Она оставалась на ногах в страшном напряжении очень долго, она даже потеряла ощущение времени — наверное, прошло несколько часов. Только антрополог способен проделать все это для получения информации, которую в иной ситуации ему бы не видать как своих ушей. Когда Хейл отпрянул в сторону и стремительно выскочил из дома в темноту, мисс Камингс почувствовала, что силы покидают ее.

Тут мисс Камингс разрыдалась. Она очень, очень любила свою сестру, на которой пятнадцать лет назад женился Хейл и которая умерла из-за него. И у мисс Камингс не было даже сил приглушить рыдания...

Но это, как оказалось, было вполне подходящим поведением для новоиспеченной матроны. Среди крагов было принято, чтобы молодая громко рыдала, когда ее муж должен вернуться в темноту, из которой появился. Это, в некотором смысле, сигнал к его уходу. К тому же плач заглушал звуки, доносившиеся снаружи.

Так, собственно, и произошло в данном случае.

Когда на следующее утро мисс Камингс вышла из дома, к ней обращались уже как к замужней женщине-краг. Все смотрели на нее теперь с явным одобрением, и за четыре дня ей удалось собрать абсолютно всю информацию, на которую она только могла рассчитывать с учетом отсутствия в языке крагов слова «почему». У нее, как у антрополога, остался один небольшой повод для разочарования. Он был связан с тем, что она не приняла участия в создании цветника, который нашла перед своим домом утром, на следующий день после брачной церемонии; не пришлось ей участвовать и в украшении ограды цветника раковинами критил, принесенными Хейлом. Даже цветы они посадили без нее. Ей оставалось только их поливать.

Еще до конца недели, к полнейшему изумлению крагов, мисс Камингс вернулась на корабль. Со временем она написала большую книгу о культуре и обычаях народа крагов, которая принесла ей славу среди антропологов и которая до сих пор считается образцом подобных исследований. Между прочим, ее книга предотвратила уничтожение крагов, раскрыв тайну происхождения моллюсков критил. Из книги однозначно следовало, что лучше крагов никто не может отыскивать раковины и жемчуг критил. Теперь принято покупать декоративные раковины в деревнях крагов, когда дом почившей матроны разбирался, а раковины, украшавшие цветники, теряли свою ценность для крагов. Тогда краги охотно расставались с ними в обмен на хинин. Что, как вы понимаете, значило регулярное поступление на рынок новых раковин, но в ограниченных количествах — а значит, цены на них не падали и межпланетная торговля процветала. Иногда удавалось купить и несколько жемчужин.

Вероятно, Те-Тарк устроил все именно так. Если Те-Тарк существует. В чем многие сомневаются.

В последнем издании книги мисс Камингс появилось небольшое трехстраничное дополнение. Эти три странички мало что добавляют к антропологической стороне ее работы, но зато они проясняют ряд чисто биологических аспектов. В них говорится о последних открытиях: с тех пор как девушка-краг становится матроной, она до конца своей жизни регулярно рожает детей, хотя никогда после первой брачной ночи она не видит больше своего мужа. Биологи в последнее время склонны называть мужчин-крагов «трутнями», по аналогии с пчелами и муравьями, чьих самцов, как и мужчин-крагов, в юности изгоняют из поселений трудящихся самок и которые потом умирают после совокуплений. Филологи тоже сказали свое слово, утверждая, что раз язык крагов не способен описывать логические операции, значит, нет никаких доказательств того, что краги мыслят — то есть являются разумными существами. И тут их с энтузиазмом поддержали биологи, указывая, что жизнь крагов и их симбиоз с растительным миром не более сложны, чем у некоторых видов муравьев-термитов, пчел или ос. Объединившись, ученые столь разных областей стали выступать единым фронтом.

Однако окончательная победа осталась за антропологами. Они торжествующе заявили, что краги — люди, потому что среди животных нет вида, у которого существовала бы брачная церемония. А кроме того, указывали антропологи, ни одно животное не хоронит себе подобных. У крагов же есть брачная церемония, есть «медовый месяц», во время которого жених остается наедине с невестой в новом доме, построенном специально для нее, и в течение которого все жители деревни расходятся по своим домам, оставляя молодоженов вдвоем. И даже существует официальное окончание медового месяца, потому что после определенного промежутка времени — обычно около четырех часов — матроны крагов снова собираются около дома новобрачных. Когда жених покидает свою невесту, его встречает целый комитет замужних женщин. Они проворно разделываются с ним при помощи острого

деревянного инструмента и хоронят перед домом вдовы, а могилу украшают принесенными им раковинами критил. Вдова же каждый день поливает цветы, посаженные на могиле мужа.

Это, утверждают антропологи, чисто человеческое поведение.

Тут еще не все до конца ясно. Возможно, Хейл сумел бы пролить свет на эти вопросы. Он очень многое знал о крагах. Даже когда он страшно торопился, прошли часы, прежде чем мисс Камингс исчерпала список старых и новых вопросов, возникших, когда она услышала ответы Хейла. Может быть, он знал больше, чем ей удалось выспросить у него, потому что, наверное, на нее все-таки как-то повлияло его страстное желание побыстрее сбежать. Но никому не известно, что еще обнаружил Хейл. Его никто больше не видел после бракосочетания по-крагски ни на Венере, ни где-нибудь еще.

Может быть, единственная возможность все узнать — спросить Те-Тарка, который, возможно, все это и устроил. Уничтожение крагов было предотвращено. Те-Тарк, несомненно, очень этого хотел.

Если только Те-Тарк существует.

Замочная скважина

Говорят, один ученый-психолог взялся проверить, насколько разумны шимпанзе. Привел он обезьяну в комнату, полную игрушек, вышел, закрыл дверь и хотел подсмотреть, как ведет себя шимпанзе. Заглянул в замочную скважину, а там, совсем близко, блестит пытливый карий глаз. Шимпанзе подсматривает в замочную скважину, как ведет себя психолог.

Когда Ляпу доставили на базу в кратере Тихо и в шлюзовом отсеке включились гравитационные устройства, он совсем сник. Да и вообще это было какое-то невозможное существо. Только и есть что огромные глазищи, тощие ручки и ножки, явно совсем еще малыш, и ему не нужен воздух, чтобы дышать. Пленника вручили Уордену — бессильный клубочек взъерошенной шерсти с полными ужаса глазами.

— Вы что, спятили? — гневно спросил Уорден.— Разве можно было вот так его сюда втащить? Ребенка с Земли вы бы сунули туда, где сила тяжести в шесть раз больше? Пропустите, живо!

И он кинулся в детскую, загодя приготовленную для кого-нибудь вроде Ляпы. В одном конце детской устроено было точное подобие лунной жилой пещеры. В другом — школьный класс, совсем как на Земле. Гравито́ры в детской не включались, чтобы у лунного жителя сохранялся его естественный вес.

Гравиторы поддерживали всюду на базе обычную земную силу тяжести. Иначе люди постоянно страдали бы от морской

© Перевод Норы Галь.

болезни. Ляпу сразу принесли в отсек, приспособленный для землян, и он не в силах был даже приподнять тощую мохнатую лапку.

Но в детской все стало по-другому. Уорден опустил найденыша на пол. Ему-то было не по себе, ведь он здесь весил всего лишь двадцать семь фунтов вместо обычных ста шестидесяти. Его шатало и качало, как всякого человека на Луне, когда ему не помогают сохранять равновесие гравиторы.

Зато для Ляпы сила тяжести тут была привычная. Он развернулся и вдруг стрелой метнулся через всю детскую к приготовленной заранее пещерке. Ее сработали на совесть, точь-в-точь как настоящую. Были тут камни, обтесанные наподобие дурацкого колпака, высотой в пять футов,— такие неизменно находили в поселениях Ляпиного племени. Был и подвижный камень вроде яйца на опоре из уложенных столбиком плоских плит. А еще камни, заостренные, точно наконечник копья, прикрепленные проволокой к полу,— мало ли что придет Ляпе в голову...

К ним-то, таким знакомым, привычным, бросился Ляпа. Вскарабкался на одну из узких пирамидок, на самый верх, обхватил ее руками и ногами. И замер. Уорден наблюдал. Долгие минуты Ляпа не шевелился, казалось, он пытливо разглядывает все, что можно увидеть, когда глаза и те неподвижны.

Вдруг он повел головой. Всмотрелся — что еще есть кругом. Затем шевельнулся в третий раз и вперил в Уордена до странности упорный пристальный взгляд — не понять было, то ли страх в этом взгляде, то ли мольба.

— Гм... так вот для чего эти камни,— сказал Уорден.— Это насест, или гнездо, или постель, так? Я — твоя нянька, приятель. Скверную шутку мы с тобой играем, но иначе нам никак нельзя.

Он знал, что Ляпе его не понять, но все равно разговаривал с ним, как говорят с собакой или с младенцем. Смысла в этом нет, однако это необходимо.

— Мы хотим тебя сделать нашим орудием, чтобы одолеть твоих сородичей,— невесело продолжал Уорден.— Не по душе мне это, но так надо. А потому я с тобой буду добрый и ласковый, иначе наша хитрая затея не выгорит. Вот если б я

тебя убил, это было бы по-настоящему доброе дело... но чего не могу, того не могу.

Ляпа все не шевелился и не сводил с Уордена немигающих глаз. Немного, самую малость он походил на земную обезьянку. С виду совершенно невозможное существо, но при этом трогательное.

— Ты у себя в детской, Ляпа,— с горечью сказал Уорден.— Будь как дома!

Он вышел и закрыл за собой дверь. И оглядел телеэкраны, по которым с четырех разных точек можно было следить за тем, что происходит в детской. Довольно долго Ляпа не шевелился. Потом соскользнул на пол. На сей раз он даже не поглядел в сторону пещерки.

С любопытством перешел он в тот конец детской, где собраны были предметы человеческого обихода. Оглядел каждую мелочь непомерно огромными кроткими глазами. Каждую мелочь потрогал крохотными лапками, неправдоподобно похожими на человеческие руки. Но ко всему прикасался легко, осторожно. Все осмотрел, но ничего не сдвинул с места.

Потом торопливо вернулся к пирамидке, вскарабкался наверх, опять крепко обхватил ее руками и ногами, несколько раз кряду помигал и, казалось, уснул. Так и застыл неподвижно с закрытыми глазами. Уордену наконец надоело смотреть, и он ушел.

Вся эта нелепая история его злила. Первые люди, которым предстояло высадиться на Луне, знали: это мертвый мир. Астрономы сто лет об этом твердили, и первые две экспедиции, которые достигли Луны, не нашли на ней ничего такого, что противоречило бы общепринятой теории.

Но один из участников третьей экспедиции заметил среди круто взметнувшихся в небо лунных скал какое-то движение и выстрелил — так открыто было племя Ляпы. Конечно же, никому и не снилось, что там, где нет ни воздуха, ни воды, возможна жизнь. И однако вот так, без воздуха и без воды, существовали сородичи Ляпы.

Труп первого убитого на Луне существа доставили на Землю, и тут биологи вознегодовали. У них в руках оказался экземпляр, который можно было вскрыть и изучить, а они все равно твердили, что такого существа на свете нет и быть не

может. Вот почему и четвертая, и пятая, и шестая экспедиции усердно охотились на родичей Ляпы, добывали новые экземпляры во имя прогресса науки.

Два охотника из шестой экспедиции погибли, их скафандры оказались проколоты — похоже, каким-то оружием. От седьмой экспедиции не осталось в живых ни одного человека. По-видимому, сородичам Ляпы совсем не понравилось, что их отстреливают на потребу земным ученым.

Наконец прибыла на четырех кораблях десятая экспедиция, основала базу в кратере Тихо, и только тогда люди поверили, что все-таки можно высадиться на Луне и не сложить здесь головы. Однако на базе всем было неспокойно, будто в осажденной крепости.

Уорден доложил на Землю: группа, выехавшая на самоходе, поймала лунного детеныша и доставила на базу Тихо. Детеныш находится в заранее приготовленном помещении. Он цел и невредим. Судя по всему, воздух, пригодный для людей, ему хоть не нужен, но и не мешает. Это существо деятельное, подвижное, явно любопытное и, несомненно, очень смышленое.

До сих пор не удалось догадаться, чем оно питается (если оно вообще нуждается в пище), хотя у него, как и у других, добытых ранее экземпляров есть рот и во рту заостренные наросты — возможно, подобие зубов. Уорден, разумеется, будет подробно докладывать о дальнейшем. Сейчас он дает Ляпе время освоиться в новой обстановке.

Покончив с докладом, Уорден уселся в комнате отдыха, хмуро покосился на своих ученых коллег и, хотя на телеэкране шла передача с Земли, попробовал собраться с мыслями. Не по душе ему эта работа, очень не по душе, но ничего не попишешь — надо. Ляпу надо приручить. Надо внушить ему, что он тоже человек,— для того чтобы мы могли понять, как совладать с его сородичами.

На Земле давно уже замечали, что котенок, вскормленный вместе со щенятами, считает себя собакой, и даже утки, выросшие в доме, лучше чувствуют себя среди людей, чем среди других уток. Иные говорящие птицы, на редкость смышленые, явно считают себя людьми и соответственно себя ведут. Если такие задатки окажутся и у Ляпы, он отойдет от

своих сородичей и сослужит нам немалую службу. Это необходимо!

Нам нужна Луна, нужна — и все тут. На Луне сила тяжести в шесть раз меньше земной. Грузовые ракеты летают с Земли на Луну и обратно, но не построен еще корабль, способный нести достаточно горючего для полета на Марс или на Венеру, если надо сперва оторваться от Земли.

А вот если на Луне устроить склад горючего, все станет просто. Шесть баков с горючим тут будут весить не больше, чем один на Земле. И вес самого корабля здесь будет в шесть раз меньше. А значит, ракета может взлететь с Земли, имея на борту десять баков, дозаправиться на Луне и помчаться дальше, унося двести баков, а то и побольше.

Получив заправочную станцию на Луне, мы сможем освоить всю Солнечную систему. Без Луны останемся прикованы к Земле. Нам нужна Луна!

А сородичи Ляпы этому помеха. Весь опыт человечества утверждает, что в условиях Луны — без воздуха, в пустыне, где чудовищная жара сменяется таким же чудовищным холодом,— никакая жизнь невозможна. И однако, она здесь есть, жизнь. Сородичи Ляпы не дышат кислородом. По-видимому, он входит в их пищу — сочетание каких-то минералов,— а потом соединяется с другими минералами в самом организме и дает ему тепло и энергию.

Кальмары и прочие головоногие кажутся людям странными существами, потому что в их кровообращении участвует не железо, но медь, а вот в крови Ляпиного племени, видимо, роль железа или меди играют какие-то сложные углеродные соединения. Существа эти в какой-то мере явно разумны. Они пользуются орудиями, обтесывают камень, и длинные, острые как иглы кристаллы служат им метательным оружием.

Металла у них в обиходе, понятно, нет, ведь без огня его не на чем плавить. А откуда взяться огню там, где нет воздуха? Но были же в древности пытливые умы, рассуждал Уорден, плавили металлы и зажигали дерево при помощи зеркал, сводящих в фокус солнечные лучи. Сумей соплеменники Ляпы сработать зеркала, изогнутые, как зеркала земных телескопов,— и на поверхности Луны, которую не заслоняют от Солнца ни воздух, ни облака, они могли бы получать и металлы.

И вдруг Уордену стало не по себе. Почудилось чье-то внезапное движение, и он круто обернулся. Но только и увидел на телеэкране передачу с далекой родины — комика в дурацком колпаке. Все смотрели на экран.

Тут комика с головой захлестнуло мыльной пеной, и зрители в телестудии за двести тридцать тысяч миль отсюда захохотали и зааплодировали столь изысканному остроумию. На лунной базе в кратере Тихо эта сценка почему-то показалась отнюдь не забавной.

Уорден встал, встряхнулся. Пошел опять проверить по экранам, что делается в детской. Ляпа все так же неподвижно висел на нелепой каменной пирамидке. Глаза его были закрыты. Всего лишь жалкий мохнатый клубочек, который выкрали с безвоздушных лунных пустынь, чтобы раскрыть секреты его племени.

Уорден прошел к себе и лег. Но прежде чем уснуть, подумал, что, пожалуй, для Ляпы еще не все потеряно. Никому не известно, какой у него обмен веществ. Никто понятия не имеет, чем он питается. Возможно, он умрет с голоду. Это было бы для него счастьем. Но прямая обязанность Уордена — этого не допустить.

Сородичи Ляпы воюют с пришельцами. За самоходами, выезжающими с базы (на Луне они стали необычайно быстроходными), из расселин в скалах, из-за разбросанных повсюду несчетных каменных глыб следят большеглазые мохнатые твари.

В пустоте мелькают острые как иглы камни — метательные снаряды. Они разбиваются о корпус самохода, о борта, но случается им и застрять в гусеницах или даже перебить звено, и самоход останавливается. Кто-то должен выйти наружу, извлечь каменный клин, починить перебитое звено. И тогда на него обрушивается град заостренных камней.

Каменная игла, летящая со скоростью сто футов в секунду, на Луне наносит удар ничуть не менее жестокий, чем на Земле, и притом летит дальше. Скафандры пробивает насквозь. Люди умирают. Гусеницы самоходов укрепили броней, для ремонтных работ уже готовятся специальные скафандры из особо прочных стальных пластин.

В ракетных кораблях мы достигли Луны — и вынуждены облачиться в латы, словно средневековые рыцари! Идет война. Нужен предатель. И на роль предателя избран Ляпа.

Когда Уорден опять вошел в детскую — дни и ночи на Луне тянутся по две недели, и внутри базы с ними никто не считался,— Ляпа взметнулся на свою пирамидку и прильнул к вершине. Перед тем он почему-то крутился у каменного яйца. Оно все еще слегка раскачивалось на плоской опоре. А Ляпа изо всех сил прижался к верхушке пирамиды, будто хотел слиться с ней воедино, и не сводил загадочного взгляда с Уордена.

— Не знаю, достигнем ли мы чего-нибудь,— непринужденно заговорил Уорден.— Может быть, если я тебя трону, ты полезешь в драку. Все-таки попробуем.

Он протянул руку. Мохнатый комочек — не горячий и не холодный, той же температуры, что и воздух на базе,— отчаянно сопротивлялся. Но Ляпа был совсем еще малыш. Уорден отлепил его от пирамидки и перенес в другой конец детской — тут были парта, доска, все как положено в классе. Ляпа свернулся в клубок, смотрел испуганно.

— Подлец же я, что обращаюсь с тобой по-хорошему,— сказал Уорден.— На, вот тебе игрушка.

Ляпа зашевелился у него в руках. Часто замигал. Уорден опустил его на пол и завел маленькую механическую игрушку. Та двинулась с места. Ляпа внимательно смотрел. А когда завод кончился, поглядел на Уордена. Уорден опять завел игрушку. И опять Ляпа был весь внимание. Когда завод снова кончился, крохотная лапка, так похожая на человеческую, потянулась к игрушке.

На удивление осторожно, испытующе Ляпа попробовал повернуть ключ. Не хватило силенки. Еще миг — и он уже скачет через всю комнату к своей пещере. Головка ключа — металлическое кольцо. Ляпа надел кольцо на острие метательного камня и стал поворачивать игрушку. Завел ее. Поставил на пол и смотрит, как она движется. Уорден только рот раскрыл.

— Ну, голова! — сказал он с досадой.— Вот беда, Ляпа. Ты понимаешь, что такое рычаг. Соображаешь не хуже восьмилетнего мальчишки! Плохо твое дело, приятель!

Когда настал очередной сеанс связи, он доложил обо всем на Землю. Ляпу можно обучать. Довольно ему раз, от силы два посмотреть, как что делается, и он в точности это повторит.

— К тому же,— как мог бесстрастно прибавил Уорден,— он меня больше не боится. Понимает, что я хочу быть с ним в дружбе. Когда я носил его на руках, я с ним разговаривал. Он ощущал мой голос по грудной клетке, как по резонатору. А перед уходом я опять взял его на руки и заговорил. Он посмотрел, как шевелятся мои губы, и приложил лапу к моей груди, чтобы ощутить колебания. Я положил его лапу себе на горло. Здесь дрожь ощутимей. Он был весь внимание. Не знаю, как вы расцените его сообразительность, но он умнее наших малышей.

И еще того бесстрастней Уорден докончил:

— Я крайне озабочен. К вашему сведению, мне совсем не нравится затея истребить эту породу. У них есть орудия, они разумны. Я считаю, что надо попытаться как-то вступить с ними в переговоры... попытаться завязать с ними дружбу... не убивать их ради анатомических исследований.

Передатчик молчал полторы секунды, которые требовались, чтобы голос Уордена достиг Земли, и еще полторы секунды, пока до него дошел ответ. И вот он услышал бодрый голос того, кто сидел на связи:

— Очень хорошо, мистер Уорден! Слышимость была прекрасная!

Уорден пожал плечами. Лунная база в кратере Тихо — сугубо официальное учреждение. Все, кто работает на Луне, конечно же, специалисты высокой квалификации, и притом политики не желают подвергать их драгоценную жизнь опасности, но... делами Бюро космических исследований заправляют люди, которые держатся за свои посты и жалованье. Уорден мог только пожалеть Ляпу и всех Ляпиных сородичей.

В прошлый раз, идя на урок в детскую, Уорден прихватил с собой пустую жестянку из-под кофе. Заговорил в нее как в рупор и показал Ляпе, что дну ее передается та же дрожь, какую Ляпа чувствовал на горле Уордена. Ляпа усердно проделывал опыт за опытом. И самостоятельно сделал открытие: чтобы уловить колебания, надо направить жестяную трубку в сторону человека.

Уорден совсем приуныл. И зачем только Ляпа такой рассудительный. Однако на следующем уроке он преподнес малышу обруч, затянутый тоненькой металлической пленкой. Ляпа мигом смекнул, что к чему.

Во время очередного доклада начальству Уорден по-настоящему злился.

— Конечно, Ляпа не знал прежде, что такое звук, как это знаем мы,— сказал он резко.— На Луне нет воздуха. Но звук передается через скалы. Ляпа чувствует колебания в плотных телах, как глухой человек «слышит» дрожь пола в зале, где танцуют, если музыка достаточно громкая. Возможно, у Ляпиного племени есть язык или звуковой код, который передается через каменистую почву. Безусловно, эти существа как-то общаются друг с другом! А если они разумны и обладают средствами общения, значит, они не животные и нельзя их истребить ради нашего удобства!

Он замолчал. На связь с ним в этот раз вышел главный биолог Бюро космических исследований. После неизбежного перерыва с Земли донесся любезный ответ:

— Блестяще, Уорден! Блестящее рассуждение! Но нам приходится быть дальновиднее. Планы исследования Марса и Венеры весьма популярны. Если мы рассчитываем получить необходимые средства — а этот вопрос не сегодня-завтра будет поставлен на голосование,— нам необходимо сделать новые шаги к ближайшим планетам. Наши соотечественники этого требуют. Если мы не начнем строить на Луне заправочную станцию, они перестанут поддерживать наши планы!

— Ну а если я пришлю на Землю снимки Ляпы? — настойчиво сказал Уорден.— В нем очень много человеческого, сэр! Он необыкновенно трогательный! И это характер, личность! Две-три пленки, где Ляпа снят за уроками, наверняка завоюют ему симпатии!

И снова досадная проволочка — надо ждать, пока голос его со скоростью света одолеет четверть миллиона миль и пока из этой дали долетит ответ.

— Эти... э-э... лунные твари убили несколько человек, Уорден,— в голосе главного биолога звучало сожаление.— Люди эти прославлены как мученики науки. Мы не можем распространять благоприятные сведения о существах, кото-

рые убивали наших людей! — И главный биолог прибавил любезно: — Но вы работаете с блеском, Уорден, просто с блеском! Продолжайте в том же духе!

И лицо его на экране померкло. Уорден отвернулся, свирепо выругавшись. Он успел привязаться к Ляпе. Ляпа ему доверяет. Теперь каждый раз, как он входит в детскую, Ляпа соскальзывает со своего дурацкого насеста и поскорей взбирается к нему на руки.

Ляпа до смешного мал, росту в нем каких-нибудь восемнадцать дюймов. Здесь, в детской, где установлено обычное лунное тяготение, он до нелепости легкий и хрупкий. Но как серьезен этот малыш, как усердно впитывает все, чему учит, что показывает ему Уорден!

Его все еще увлекает удивительное новое явление — звук. Как завороженный слушает он песню или мурлыканье без слов, даже когда напевает или что-то мурлычет себе под нос Уорден. Стоит Уордену шевельнуть губами, и Ляпа настораживается, поднимает обруч, затянутый металлической пленкой, и, прижав к ней крохотный палец, ловит колебания Уорденова голоса.

Притом он усвоил мысль, которую старался ему внушить Уорден, и даже несколько возгордился. Он общается с человеком — и раз от разу все больше перенимает человеческие повадки. Однажды, глядя на экраны, помогающие следить за Ляпой, Уорден увидел, как тот в одиночестве старательно повторяет каждый его, Уордена, шаг, каждое движение. Разыгрывает из себя учителя, который дает урок кому-то, кто еще меньше его самого. Разыгрывает роль Уордена — явно для собственного удовольствия!

Уорден ощутил ком в горле. До чего же он полюбил этого малыша! Горько думать, что ушел он сейчас от Ляпы, чтобы помочь техникам смастерить устройство из вибратора с микрофоном — машинку, которая станет передавать его голос колебаниями каменистой почвы и мгновенно ловить любые ответные колебания.

Если соплеменники Ляпы и вправду общаются между собой постукиванием по камню или каким-то сходным способом, мы сможем их подслушивать... и отыскивать их, и узнавать, где готовится засада, и обратить против них все смертоносные средства, какими умеем воевать.

Уорден надеялся, что машинка не сработает. Но она удалась. Когда он поставил ее в детской на пол и заговорил в микрофон, Ляпа сразу почувствовал колебания под ногами. И понял, что это те же колебания, какие он научился различать в воздухе.

Он подпрыгнул, прямо-таки подскочил от восторга. Ясно было, что он безмерно рад и доволен. А потом крохотная нога неистово затопала и зачертила по полу. И микрофон передал странную смесь — то ли стук, то ли царапанье. Ляпа передавал что-то похожее на звук очень размеренных осторожных шажков и пытливо смотрел в лицо Уордену.

— Пустой номер, Ляпа,— с огорчением сказал Уорден.— Не понимаю я этого. Но, похоже, ты уже стал чересчур нам доверять — на беду для твоего племени.

Хочешь не хочешь, пришлось доложить новость начальнику базы. Сразу же были установлены микрофоны на дне кратера вокруг базы и приготовлены еще микрофоны для выездных исследовательских партий, чтобы они всегда знали, есть ли поблизости лунные жители. И, как ни странно, микрофоны около базы тотчас же сработали.

Солнце уже заходило. Ляпу захватили почти в середине дня, а день на Луне длится триста тридцать четыре часа. И за все время плена — целую неделю по земному счету — он ничего не ел. Уорден добросовестно предлагал ему все, что только нашлось на базе съедобного и несъедобного. Под конец даже по кусочку всех минералов из собранной здесь геологами коллекции.

Ляпа на все это смотрел с интересом, но без аппетита. Уорден решил, что малыша, который так ему полюбился, ждет голодная смерть... что ж, оно, пожалуй, к лучшему. Во всяком случае, это лучше, чем принести смерть всему своему племени. И похоже, Ляпа уже становится каким-то вялым, нет в нем прежней бойкости и живости. Вероятно, ослабел от голода.

Солнце опускалось все ниже. Медленно, постепенно, ярд за ярдом наползали по дну кратера Тихо тени исполинских, в

милю вышиной западных его стен. Настал час, когда солнечный свет оставался только еще на вершине конуса по самой его середине. Потом тень стала взбираться по восточным склонам стены. Еще немного — и последняя зубчатая полоска света исчезнет, и громадную чашу кратера всю, с краями, зальет ночная тьма.

Уорден следил за ослепительно сияющей полоской на скалах, она становилась все тоньше. Теперь две долгих недели ему не видать солнечного света. И вдруг зазвонил колокол — сигнал тревоги. Яростные резкие удары. С шипением сдвинулись все двери, разделяя базу на непроницаемые для воздуха отсеки. Отрывисто заговорили репродукторы:

— В скалах вокруг базы отдается шум! Видимо, поблизости переговариваются лунные твари. Должно быть, собираются напасть! Всем надеть скафандры, приготовить оружие!

И в этот миг погасла последняя тоненькая полоска света. Уорден тотчас подумал о Ляпе. Ему не подойдет ни один скафандр. Потом поморщился, сообразил: Ляпе скафандр не нужен.

Уорден облачился в тяжелое, неудобное снаряжение. Внутренние светильники померкли. А суровую безвоздушную пустыню вокруг базы залили потоки света. Включился сверхмощный прожектор, служащий маяком для ракетных кораблей, ведь они садятся на Луну и среди ночи,— уж конечно, он обнаружит любую тварь, которая замыслила недоброе против его хозяев. Но как страшно мало на самом деле осветил этот луч, а вокруг непроглядный, необъятный мрак без конца и края.

И опять отрывисто заговорил репродуктор:

— Две лунные твари! Удирают! Бегут зигзагами! Если кто хочет стрелять...— И запнулся. Пустяки. Самый меткий стрелок — не стрелок, когда на нем скафандр.— Они тут что-то оставили,— прибавил голос в репродукторе. Он звучал резко, беспокойно.

— Я пойду погляжу,— сказал Уорден и сам испугался, но на душе стало тяжело.— Пожалуй, я догадываюсь, что там такое.

Через несколько минут он вышел из воздушного шлюза. Несмотря на громоздкий скафандр, двигаться было нетрудно. С Уорденом пошли еще двое. У всех в руках оружие, а

луч прожектора беспорядочно рыщет вокруг, стараясь обнаружить любого Ляпиного сородича, если тот подбирается к ним в темноте.

Свет бьет сзади, а перед глазами Уордена с вышины смотрят на Луну мириады звезд. Небо над головой заполняют несчетные огоньки всех мыслимых и немыслимых цветов. Знакомые созвездия сияют вдесятеро ярче, чем на Земле. А Земля висит почти в зените. Она сейчас в третьей четверти — голубоватое чудовищно огромное небесное тело диаметром вчетверо больше Луны, можно смутно различить континенты и ледяные шапки полюсов.

С недобрым предчувствием подошел Уорден к тому, что оставили, убегая, родичи Ляпы. И не слишком удивился, когда увидел, что это такое. На плоской опоре лежало каменное яйцо и вокруг него — тончайшая пыль, словно этим верхним подвижным камнем что-то растерли, размололи, как жерновом.

— Подарок Ляпе,— мрачно сказал Уорден в микрофон внутри шлема.— Родичи знают, что его взяли в плен живым. И подозревают, что он проголодался. Оставили для него какую-то еду, наверно, ту, которая ему нужнее всего.

Несомненно, догадка верна. Уорден не ощутил гордости. Ляпу, детеныша, похитили враги его племени и держат в плену, и им нечем накормить малыша. И вот какие-то смельчаки, быть может Ляпины родители, рискуя жизнью, принесли ему поесть и тут же оставили каменное яйцо — знак, что это не что-нибудь, а именно еда.

— Стыд и срам,— с горечью сказал Уорден.— Ладно, отнесем это на базу. Да поосторожней, не рассыпать бы эту пыль.

Нет, гордиться ему нечем, это стало еще ясней, когда Ляпа с восторгом накинулся на растертое в порошок неизвестное вещество. Безмерно довольный, он уплетал щепотку за щепоткой. Уорден сгорал со стыда.

— Тебе уготована злая участь, Ляпа,— сказал он.— Я уже немало от тебя узнал, и это будет стоить жизни сотням твоих сородичей. А они рискуют головой, лишь бы тебя накормить! Тебя я делаю предателем, а сам становлюсь подлецом.

Ляпа задумчиво поднял затянутый металлической пленкой обруч, ловил в воздухе колебания — звук Уорденова голоса. Маленький, мохнатый, сосредоточенный. Потом решил, что те же колебания лучше ловить через каменный пол. Прижал микрофон-передатчик к груди Уордена. Ждет.

— Нет! — жестко сказал Уорден.— В твоем народе слишком много человеческого. Не давай мне узнать о вас больше, Ляпа. Будь умником, прикинься тупицей.

Но Ляпа не стал разыгрывать тупицу. Вскоре Уорден уже учил его читать. Но вот странно, установленные в скалах микрофоны, что подняли в тот раз тревогу на базе, при выездах на самоходе оказались бесполезными. Похоже, Ляпино племя решило убраться подальше. Разумеется, если оно и впредь будет держаться на почтительном расстоянии от базы, можно эту породу истребить и после, а первым делом строить склад горючего. Но в переговорах о Ляпе с земным начальством появились намеки на другие возможности.

— Если твои собратья не высунут носа, пока все в порядке,— сказал Ляпе Уорден.— Но это пока. На меня уже нажимают, чтоб я попробовал тебя приучить к земному тяготению. Если это получится, тебя затребуют в зоопарк. А если ты там выдержишь... ну, тогда прилетят новые экспедиции и наловят твоих родичей для других зоопарков.

Ляпа застыл неподвижно и не спускал с Уордена глаз.

— А кроме того,— угрюмо продолжал Уорден,— ближайшая ракета доставит оборудование для этакой микрошахты. Я обязан проверить, может, ты научишься управляться с этой механикой.

Ляпа стал водить ногой по полу, извлекая царапающие звуки. Смысл их, конечно, непонятен, но ясно хотя бы, что слушать Уордена Ляпе интересно. Похоже, он с удовольствием ловит колебания Уорденова голоса — так собаке приятно, когда с ней разговаривает хозяин. Уорден досадливо крякнул.

— Мы, люди, считаем тебя животным, Ляпа. Мы уверили себя, что весь животный мир должен нам подчиняться. Животные должны нам служить. Если ты окажешься чересчур сообразительным, мы выловим всю твою родню и заставим работать на нас, добывать нужные нам минералы. И тебя заставим. А я не желаю, чтоб ты надрывался где-то там в шахте, Ляпа! Это несправедливо!

Ляпа замер и не шелохнулся. Уордену стало тошно, ему представились вот такие же маленькие мохнатые создания, загнанные в безвоздушные ледяные шахты глубоко под поверхностью Луны на тяжелую подневольную работу. И стражи в скафандрах следят, чтобы ни один маленький шахтер не сбежал, не вернул себе свободу, какую на Луне знали до появления незваных гостей. И вокруг на случай мятежа установлены орудия. И тем, кто устал или попробовал взбунтоваться, нет пощады.

Все это не ново. Довольно вспомнить, что было с индейцами, когда на Кубу приплыли испанцы... и рабство негров в Америке... и концентрационные лагеря...

Ляпа шевельнулся. Положил мохнатую лапку на колено Уордена. Уорден хмуро поглядел на него.

— Скверная история,— сказал он резко.— Зря я так к тебе привязался. Ты славный малыш, но твое племя обречено. Беда в том, что вы не потрудились создать свою цивилизацию. А если б создали, сильно подозреваю, что мы бы стерли ее с лица Луны. Мы не очень-то благородны.

Ляпа отошел к классной доске. Взял кусок белой пастели (руки лунного жителя слишком слабы, чтобы писать обычным твердым мелом) и принялся деловито чертить значок за значком. Значки сливались в буквы. Буквы сложились в слова. Слова были осмысленные.

Невозможно поверить глазам! Крупно, четко Ляпа вывел, будто напечатал:

ТЫ ХОРОШИЙ ДРУГ!

Обернулся и пристально посмотрел на Уордена. Тот побелел как полотно.

— Я не учил тебя этим словам, Ляпа! — еле слышно выговорил он.— Что происходит?

Он забыл, что для Ляпы его слова — всего лишь дрожь, передающаяся через пол или по воздуху. Забыл, что говорить

бессмысленно. Но и Ляпа, кажется, об этом забыл. Так же деловито вывел:

ДРУГ, НАДЕНЬ СКАФАНДР.— Посмотрел на Уордена и стал чертить дальше: — ВЫНЕСИ МЕНЯ ОТСЮДА. Я ВЕРНУСЬ С ТОБОЙ.

Он смотрел на Уордена огромными, до нелепости кроткими и милыми глазищами. Словно вихрь поднялся в голове Уордена. Долгое время спустя Ляпа вывел на доске одно только слово: ДА.

Теперь уже Уорден застыл без движения. В детской сила тяжести держалась лунная, и он весил в шесть раз меньше, чем на Земле. Но тут им овладела безмерная слабость. А на смену ей пришла угрюмая решимость.

— Наверно, ничего другого не остается,— медленно произнес он.— Но мне надо будет пронести тебя через воздушный шлюз, а в коридоре сила тяжести, как на Земле.

Он поднялся. Ляпа прыгнул к нему на руки. Свернулся клубком, зорко глядя в лицо Уордену. И когда тот уже готов был переступить порог, поднял тощую лапку и осторожно погладил Уордена по щеке.

— Пошли! — сказал Уорден.— Тебя хотели сделать нашим орудием. А может быть...

И все же с Ляпой на руках — тот съежился в мохнатый клубочек, смятый непривычным земным тяготением,— он прошел в шлюз. Облачился в скафандр. И вышел наружу.

Близился рассвет. За минувший долгий срок Земля перешла в последнюю четверть, а самый высокий зубец горной гряды, что образовала стену кратера Тихо, уже пылал в солнечных лучах. Но были еще видны и звезды, очень яркие. Уорден пошел прочь от базы, отсвет Земли показывал, куда ступить.

Через три часа он вернулся. Рядом с ним, большим и неуклюжим в громоздком скафандре, прыгал и скакал Ляпа. За ними следовали еще двое. Оба меньше Уордена, но гораздо крупнее Ляпы. Тощие, мохнатые, они несли что-то тяжелое. За милю от базы Уорден включил передатчик в скафандре. Вызвал своих. В наушниках прозвучал испуганный отклик.

— Говорит Уорден.— Это было сказано сухо, сдержанно.— Я выходил с Ляпой погулять. Мы навестили его семью, и я

веду с собой двоих его близких родственников. Они хотят отдать визит и поднести кое-какие подарки. Впустите вы нас без стрельбы?

В наушниках послышались возгласы. Смятение, суматоха. Но Уорден упорно шел к базе, а тем временем в солнечных лучах запылала еще одна горная вершина, ослепительно вспыхнула третья. Неотвратимо надвигался рассвет.

Распахнулась наружная дверь шлюза. Из безвоздушной лунной пустыни пришедшие вступили в люк. Но когда он закрылся и заработали гравиторы, Ляпа и его родичи скорчились беспомощными комочками. В детскую их пришлось нести на руках. Тут они распрямились и устремили загадочные взгляды на людей, которые набились в комнату с лунным тяготением, и на тех, кто глазел из дверей.

— Я должен кое-что передать,— сказал Уорден.— Ляпа и его родные хотят с нами договориться. Как видите, они отдались нам в руки. Мы можем их убить, всех троих. Но они хотят с нами договориться.

— Вы сумели найти с ними общий язык, Уорден? — не без смущения спросил начальник базы.

— Не я,— возразил Уорден.— Это они сумели. Доказали, что их разум ничуть не уступает нашему. С ними обращались как с животными, отстреливали для анатомических исследований. Естественно, они стали сопротивляться! Но они хотят покончить с враждой. Они говорят, мы никогда не сможем существовать на Луне, кроме как в скафандрах и на таких вот базах, а им никогда не притерпеться к земному тяготению. И потому нам с ними незачем враждовать. Мы можем помогать друг другу.

— Звучит правдоподобно,— сухо сказал начальник базы,— но мы обязаны исполнять приказ. Вы им это объяснили, Уорден?

— Они знают,— ответил Уорден.— И если надо будет, станут защищаться. У них уже есть плавильни для обработки металлов. Они добывают тепло при помощи изогнутых зеркал, собирают в фокус солнечные лучи. И даже начали работать с газами в баллонах. По части электроники они пока еще не очень продвинулись, но теория им известна, а электроваку-

умные приборы не нужны. Они ведь сами живут в вакууме. Отныне они сумеют защищаться.

— Послушайте, Уорден,— мягко сказал начальник,— я ведь тоже наблюдал за Ляпой. И вы как будто не сошли с ума. Но если что-нибудь такое преподнести нашим военным властям, неприятностей не оберешься. Они давно требуют послать сюда боевые ракеты. Если ваши друзья начнут всерьез с нами воевать, если они и правда в состоянии обороняться... пожалуй, власти ответят военными кораблями.

Уорден кивнул.

— Верно. Только наш ракетный флот пока что не может воевать так далеко от запасов топлива, а заправочную станцию тут не устроишь, ведь Луну населяют не животные и не дикари — племя Ляпы уже достигло довольно высокого уровня развития, а скоро он наверняка будет еще выше. Эти Ляпины родичи, что близкие, что дальние,— способнейший народ!

— Боюсь, им еще придется это доказать,— заметил начальник базы.— Откуда такой неожиданный взрыв культуры?

— От нас,— сказал Уорден.— Принцип плавления металлов они, думаю, взяли у меня. Познания по части металлургии и техники — от водителей самоходов. Геологии — вернее сказать, лунологии — научились главным образом у вас.

— То есть как?

— Подумайте, что бы такое по вашему желанию сделать Ляпе, и последите за ним,— хмуро предложил Уорден.

Начальник недоуменно воззрился на него, потом перевел взгляд на Ляпу. Маленький мохнатый Ляпа горделиво выпрямился, потом низко поклонился. Одну лапку прижал к тому месту, где у него, возможно, находилось сердце. С изысканностью придворного давних времен широко повел другой. Опять выпрямился, важно прошелся по комнате — и мигом забрался на колени к Уордену, тощей мохнатой лапкой обвил его шею.

Вся кровь отхлынула от лица начальника базы.

— Как он поклонился...— не вдруг выговорил он.— Я в точности такое себе и представил. Вы хотите сказать...

— Вот именно,— подтвердил Уорден.— У предков Ляпы не было воздуха, по которому передавались бы звуки речи. И у них развилась телепатия. Конечно, со временем они создали что-то вроде музыки, звуки распространяются через камень. Но, как и наша музыка, эти звуки не несут в себе смысла. Лунные жители общаются, напрямик передавая друг другу мысли. Но мы не можем уловить их мысль, а они нашу улавливают.

— Они читают наши мысли! — Начальник базы провел языком по пересохшим губам.— Значит, сперва, когда мы стали их отстреливать как материал для биологов, они пробовали достигнуть взаимопонимания. А потом уже начали воевать.

— Естественно,— сказал Уорден.— А как бы мы поступили на их месте? Они давно перенимают наши знания. Теперь они грозные противники. Им ничего не стоило стереть нашу базу в порошок. Они нас не трогали, потому что учились у нас. Теперь они готовы вести с нами меновую торговлю.

— Придется доложить на Землю,— медленно произнес начальник.— Но...

— Они тут принесли кое-какие образцы,— продолжал Уорден.— Будут менять алмазы по весу, грамм за грамм, на пластинки. Им нравится наша музыка. Будут менять изумруды на учебники — они уже умеют читать! И построят атомный реактор и станут менять плутоний, а на что — еще придумают. Это куда лучше, чем война.

— Да,— сказал начальник,— что верно, то верно. К таким доводам наши прислушаются. Но как они сумели...

— Это все Ляпа,— усмехнулся Уорден.— Просто-напросто Ляпа! Вовсе мы его не захватили в плен, его нам нарочно подсунули! Он сидел тут на базе, извлекал все подряд из наших мозгов и передавал сородичам. Не забудьте, мы хотели изучить это племя, так? А вышло как в известном анекдоте про психолога...

Говорят, один ученый-психолог взялся проверить, насколько разумны шимпанзе. Привел он обезьяну в комнату, полную игрушек, вышел, закрыл дверь и хотел подсмотреть, как ведет себя шимпанзе. Заглянул в замочную скважину, а там, совсем близко, блестит пытливый карий глаз. Шимпанзе подсматривает в замочную скважину, как ведет себя психолог.

Звезда-Бродяга

Курс Звезды-Бродяги и время ее прибытия были зафиксированы в астрономических справочниках по меньшей мере двести лет назад. Правда, создавалось впечатление, что это никого не волнует — по крайней мере, на Земле. Было вычислено, что точка ее наибольшего приближения находится в трех световых годах от нашей планеты. Звезда представляла некоторый интерес, но не более того. Никому и в голову не приходило, что она может повлиять на благополучие человеческой расы — и не только на Земле, но и на всех колониях, которые стремительно развивались, поскольку люди старались сбежать со своей перенаселенной родины. На самом деле их дальнейшее существование зависело от прибытия Звезды-Бродяги — невозможно даже представить, как сложилась бы история, если бы она не появилась.

Однако когда ее заметили астрономы, не было никаких очевидных причин для беспокойства. Огромная масса звезды никак не влияла на Солнечную систему. К тому же, будучи совершенно черной, она не испускала света, и ее можно было увидеть только с расстояния в несколько миллионов километров. Тогда она представляла собой темный диск, закрывавший небольшой участок звездного неба. Впрочем, приблизиться к ней настолько, чтобы ее разглядеть, оказалось необычайно сложно.

Звезда-Бродяга состояла из антиматерии, с антипротонами в ядрах атомов и антиэлектронами на орбитах, вследствие чего ее тяготение было направлено в противоположную сторону по сравнению с Землей, Солнцем и любыми другими телами в Галактике. Звезда-Бродяга их не притягивала. Она отчаянно отталкивалась от их гравитационных полей, пытаясь покинуть чуждую ей вселенную.

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

Происхождение Звезды-Бродяги оставалось для землян загадкой. Никто не сумел бы объяснить, как она оказалась в окружении обычной материи. Если бы вещество соприкоснулось с антивеществом, началась бы реакция аннигиляции, сопровождающаяся таким выбросом энергии, что взрыв ядерной бомбы выглядел бы жалким плевком. Однако ничего подобного не случалось. Даже кальциевые облака расступались, давая ей беспрепятственно двигаться дальше. Водородная плазма уходила в сторону, когда приближалась Звезда-Бродяга. Так она и блуждала среди враждебных звезд, пугливо шарахаясь от них. Ее перемещения были настолько необычными, что еще за столетие до основных событий было вычислено, что на Звезде-Бродяге даже время течет вспять. Она случайно натолкнулась на нашу Вселенную и попала в нее из далекого будущего. И теперь двигалась в прошлое.

Однако Звезда-Бродяга не должна была подойти к Солнечной системе ближе чем на три световых года. Требовалось огромное количество энергии, чтобы подлететь к ней поближе. Вот почему никого не насторожило, что в момент максимального приближения Звезды-Бродяги к Земле грузовой корабль «Киберия» стартовал из космопорта на мысе Канаверал. Удалившись на необходимое расстояние, корабль взял курс на Угольный Мешок и перешел в овердрайв.

Предполагалось, что дальнейший полет не принесет никаких неожиданностей. «Киберия» была старым кораблем, на котором перевозили грузы, поскольку более новые и быстрые суда занимались переброской пассажиров на планеты-колонии — билеты обходились переселенцам в астрономические суммы. Поэтому никого не удивило, когда корабль стартовал с грузом германия на сумму в несколько миллионов кредитов, а также несколькими мешками земных семян для экспериментов на планетах Угольного Мешка. Все шло как всегда. Даже Звезда-Бродяга уже ни у кого не вызывала интереса.

Примерно через сорок минут после старта «Киберии» полицейские сканеры засекли движение на стартовой площадке. Полиция вела постоянное наблюдение за полем — здесь нередко появлялись воры — и сразу же отправилась посмотреть, что произошло.

Они обнаружили там команду «Киберии», едва успевшую подняться на ноги. Капитан, первый помощник и все члены экипажа, за исключением одного, остались на Земле. Они занимались последними приготовлениями к старту, когда дружно потеряли сознание. Первый помощник различил шаги у себя за спиной, а потом в него ударил луч парализатора. Один из офицеров слышал, как открылась дверь каюты. Остальные члены команды вообще ничего не заметили. Они пришли в себя на взлетном поле — корабль улетел без них.

В космопорте быстро провели все возможные проверки. Пропало три человека. Первый — пожилой космонавт III класса по имени Томас Брент, которому скоро должно было исполниться семьдесят. Второй — специалист по гидропонике Рекс Холл, а третий — испытатель кислородных приборов Марж Дейли. Последние двое готовили «Киберию» к взлету. Ни один из исчезнувших не имел документов на управление межпланетным кораблем. Оставалось лишь предположить, что тот взлетел по собственному желанию, взял курс на Угольный Мешок и растворился в космосе.

Больше ничего установить не удалось. Служба безопасности космопорта попыталась поставить в известность родственников пропавших. У Рекса Холла семьи не оказалось. Единственная тетка Марж Дейли умерла как раз тогда, когда Марж устроилась работать в космопорт. Томас Брент был обычным пожилым космонавтом. Никто ничего о нем не знал. Возможно, его даже звали иначе.

Прошло еще некоторое время, и «Киберию» внесли в списки пропавших кораблей, потом за нее выплатили страховку. Никто никогда не интересовался судьбой Рекса Холла или Марж Дейли. Сложилось впечатление, что никого не беспокоила и участь Томаса Брента. Осталась лишь тайна исчезновения «Киберии», но со временем и о ней забыли.

Наша цивилизация продолжала жить, как раньше, корабли доставляли колонистов на новые планеты, и настало время, когда люди начали с интересом поглядывать в сторону других галактик. О Звезде-Бродяге, «Киберии» и трех исчезнувших вместе с кораблем землянах больше не вспоминали.

И в этом была особая ирония. Ведь будущее человечества зависело именно от них.

Рекс Холл и Марж Дейли поднялись на борт «Киберии» через воздушный шлюз ровно за час до старта. По инструкции корабль необходимо было полностью загерметизировать за четыре часа до взлета, а за час — проверить работу воздуховодов. Они тут же принялись за работу. В специальном помещении находилась гидропоническая установка, за которую отвечал Холл. Марж, естественно, приходилось брать образцы воздуха из всех отсеков корабля, и она спокойно занималась делом, измеряя содержание углекислого газа и уровень загрязнения.

Они справились быстро, поскольку ничего сложного им делать не приходилось. Негромко гудели насосы, тихонько бурлила жидкость в резервуарах с водорослями. Выполняя ежедневную рутину, они даже не разговаривали между собой.

Марж закончила снимать показания одновременно с Холлом, который завершил подсчет бактерий в растворе для бобовых культур. Марж убрала блокнот, а он сложил микроскоп. Откуда-то послышался негромкий металлический стук — возможно, захлопнулась дверь отсека. И тут же раздался звук гонга, дверь с шипением закрылась, и они почувствовали необычное покалывание, которое возникает при включении двигателей. Пол под ногами дрогнул — они поняли, что корабль оторвался от земли. «Киберия» устремилась в небо.

— Дьявол! — воскликнул Холл.— Мы взлетели! Кто-то решил не дожидаться времени старта!

На лице Марж появилось смущение.

— И что мы будем делать?

— Сейчас — ничего,— ответил Холл.— Можно нажать кнопку тревоги, и тогда капитану придется любой ценой сажать корабль. Он решит, что нарушена герметичность. Однако экстренное приземление весьма опасно. Лучше подождать. Из космоса вернуться значительно легче. Впрочем, у капитана

будут серьезные неприятности. Он должен был получить добро на взлет.

Марж, немного побледнев, кивнула. Корабль между тем продолжал подниматься. Марж попыталась улыбнуться.

— Я никогда прежде не покидала Землю. Вот уж не думала, что до этого дойдет. Забавно, не так ли?

— Я тоже впервые в космосе,— отозвался Холл.— Раз уж так вышло, почему бы не посмотреть на космопорт сверху?

Марж вздохнула.

— Конечно. Я тысячу раз мечтала об этом...

Холл подошел к иллюминатору и отодвинул стальные шторки. Одновременно разъехались в стороны внешние заслонки, и они вместе выглянули наружу. И увидели планету такой, какой ее видят лишь космонавты и те, у кого хватило денег на эмиграцию с Земли.

На первый взгляд она представляла собой огромную чашу, а горизонт, казалось, поднимался вместе с ними. Затем мир стал стремительно уходить вниз и уменьшаться. Прошло еще немного времени, горизонт изогнулся, а Земля превратилась в громадный шар, но пока они видели только его часть. Однако корабль продолжал свой стремительный полет, и Земля обратилась в сферу. Они различали континенты, океаны и шапки полярного льда. Марж смотрела во все глаза, стараясь ничего не упустить.

Неприятные ощущения закончились. «Киберия» вышла в космос. Планетарные двигатели выключились, и шар по имени Земля ушел в сторону — теперь его даже не было видно в иллюминатор. Вместе с ним исчезли мириады звезд, но на их месте возникли другие.

— Следует доложить о том, что мы остались на борту,— заявил Холл.— Команда сейчас начнет готовить корабль к переходу в овердрайв.

Он нажал кнопку интеркома, и включился монитор. Холл увидел рубку управления, а затем появилось лукавое лицо с седой бородой. В следующее мгновение хитрое выражение на нем сменилось удивлением.

— Черт побери, кто вы такие? — рассерженно воскликнуло лицо.

— Когда вы подняли корабль, я проводил проверку гидропонических резервуаров,— ответил Холл.— Мисс Дейли находилась со мной, она занималась воздуховодами. Мы не сообщали, что закончили,— поэтому вы не имели права стартовать.

На бородатом лице появилась гримаса.

— Чего вы хотите? — резко спросило оно.

— Ну... обратно на Землю, естественно.

Но не успел Холл закончить фразу, как понял, что говорит неправду. На Земле слишком много людей, мечтающих вырваться оттуда. Конечно, никто не голодает, но, так или иначе, все стремятся оказаться там, где полно зелени и открытого пространства. Там, где у каждого есть свобода, к которой привыкли их предки на протяжении десяти тысяч поколений. Холлу совсем не хотелось возвращаться на перенаселенную Землю, там было чересчур много народа. Однако он этого не сказал.

— Уже поздно! — заявило лицо.— Слишком поздно!

Холл увидел, как рука на экране переместилась. Монитор погас. Холл не верил своим глазам. Через мгновение интерком вновь заработал, и бородатое лицо с укором произнесло:

— Возможно, вы тоже удивлены, но я просто поражен!

Холл повернулся к Марж и открыл рот, намереваясь что-то сказать, но тут свет потускнел и почти погас. Казалось, весь космос закружился вокруг них. Ни Холл, ни Марж не чувствовали, что корабль движется. Однако у обоих сложилось впечатление, будто Вселенная вдруг завертелась спиралью, что было невыразимо странно.

Затем диковинное ощущение исчезло. Вновь загорелись лампы. Марж не шевелилась, но ее лицо стало белым как бумага.

— Он не собирается возвращаться,— сказала она с неожиданной уверенностью и спокойствием.— Мы перешли в овердрайв. Я слышала, что при этом испытывают.

Она кивнула в сторону иллюминатора. Тот все еще был открыт, но за ним царил абсолютный мрак. В гиперпространстве корабль преодолевает расстояние, равное световому году, за день реального времени. Естественно, идущий сзади свет

не может его догнать. Лишь внутри поля овердрайва, которое находится в корабле, человек может что-то видеть.

Сам корабль в гиперпространстве движется вслепую и совершенно беспомощен. Однако частицы космической пыли приобретают скорость корабля, когда оказываются в поле овердрайва. Поэтому считается, что каждые несколько световых столетий необходимо выходить в обычное пространство, чтобы избавиться от нежелательного балласта.

На корабле воцарилась тишина. Лишь тихонько гудели компрессоры, поставляя кислород, да негромко булькала вода в резервуарах с водорослями.

— Он вел себя совсем не так, как положено капитану. Что-то здесь странное творится! — сказал Холл, подошел к двери и решительно подергал ручку.

Ничего не произошло. Он стиснул зубы.

— Мы заперты,— холодно заметил он.— Но здесь есть кое-какие инструменты. Я разберу дверь на части...

— Возможно, интерком отключился не полностью, и звук все еще передается.

Тут же засветился экран.

— Так и есть! — бодро сообщило лицо.— Умная девушка!

Экран потемнел, но через несколько мгновений вновь ожил.

— Среди вас есть астронавигатор? — с интересом спросило лицо.— Вы можете определить, где мы находимся?

Марж покачала головой.

— Нет! — злобно бросил Холл.— Я специалист по гидропонике.

— Вот и отлично! — сияя, заявило лицо.— Превосходно! Замечательно!

— Почему? — поинтересовалась Марж.

Но экран уже потух. Однако не прошло и десяти минут, как вновь на интеркоме появилось изображение капитана.

— Мне не придется вас убивать,— бодро сообщил голос.— Мне кажется, мы сумеем подружиться!

Экран в очередной раз подернулся серебром и больше уже не загорался. Холл стоял, сжимая кулаки и глядя под ноги. Марж едва заметно покачала головой. Бледность не сходила с ее лица. Посмотрев на часы, она встала и подошла к датчикам. Внимательно глядя на приборы, она прочитала показания. Ее интересовало содержание углекислого газа в разных отсеках корабля. Затем она записала данные в блокнот. В трех отсеках из четырех показания совпадали до третьего знака после запятой. Она нарисовала стрелку и в скобках написала короткий комментарий.

«Углекислого газа нет нигде, кроме как в рубке управления,— прочитал Холл.— *Похоже, на борту кроме нас только один человек».*

По спине Холла пробежал холодок. Марж пришлось бы несладко, если бы она оказалась единственной женщиной на борту. Но и в нынешней ситуации — если попытаться заглянуть далеко вперед — жизнь втроем будет нелегкой.

— Если на корабле только один человек, я с ним разберусь! — уверенно заявил Холл.

Но Марж что-то считала. Наконец она подняла голову.

— Ты не умеешь управлять кораблем,— спокойно сказала она.— Я слышала, что на Плутоне, до которого всего четыре световых часа, Солнце кажется лишь самой большой звездой на небе. Мы находимся в овердрайве двадцать минут. Иными словами, мы преодолели путь, в тридцать раз превышающий расстояние между Солнцем и Плутоном. Даже если мы выйдем из овердрайва прямо сейчас, то не сможем узнать наше солнце и не сумеем вернуться. Оно перестанет быть самой яркой из звезд! — Потом она добавила: — Вот почему он хотел узнать, нет ли среди нас навигатора. Теперь мы попадем на Землю, только если он захочет.

Некоторое время Марж изучала лицо Холла.

— Возможно, он летит на одну из колонизированных планет,— задумчиво продолжала она.— Я не против. Вот только...

Холл пробормотал что-то неразборчивое. Потом быстро подошел к интеркому и выключил его. Теперь никто не мог их подслушать. Затем он взял несколько инструментов из ящика и тяжелой походкой направился к двери. С мрачным видом Холл принялся отвинчивать фиксирующие пластины. Вскоре дверь легко отошла в сторону.

— А теперь я намерен...

Из коридора послышался шум.

— Ну да! — раздался бодрый голос.— Ты собираешься решительно поговорить со мной, не так ли? И ты тоже, дорогая.

Я не хотел брать вас с собой. Но вы же все понимаете! Вы оба составите мне компанию. А я боялся, что мне будет одиноко!

Тот, кто выдавал себя за капитана, был невысок ростом. Он стоял в дверях, держа в руке парализатор, и ослепительно улыбался.

— Присоединяйтесь! — оживленно предложил он.— Мы выйдем из овердрайва, и вы увидите, как обстоят дела, а потом я расскажу, что произошло. И тогда мы станем друзьями — я надеюсь! Более того, я уверен!

Он продолжал приветливо улыбаться, но что-то в его радушных манерах вызывало сомнение. Холл хорошо знал, что маленький человек куда охотнее, чем крупный мужчина, пустит в ход парализатор. И всегда будет стрелять наверняка. Так вот *этот* был настроен серьезно. Используя пистолет в качестве весомого аргумента, он предложил Холлу и Марж пройти вперед, и они гуськом зашагали по коридору. Дверь в рубку управления оставалась открытой. В передней ее части располагалось два больших иллюминатора, а по бокам — два экрана. Ниже они увидели панель управления.

— А теперь,— радостно сообщил маленький человечек,— я выведу нас из овердрайва.

Он уселся в кресло, не выпуская из рук парализатор, и нажал кнопку на панели. Свет ярко вспыхнул — включились дроссельные катушки. Вселенная вывернулась наизнанку — и Марж с Холлом вновь пережили несколько неприятных мгновений. Лампы потускнели, но почти сразу вернулись в прежнее состояние.

В иллюминаторы и боковые экраны начал проникать свет. Из рубки управления космос представлял собой зрелище, красоту которого в течение нескольких столетий пытались описать поэты, но — тщетно. Звезды казались огромными, хоть некоторые из них были какими-то тусклыми, лишенными ореола. Но вместе они горели так ярко, что заполняли своим светом безбрежные просторы космоса. Казалось, во Вселенной не осталось пустого места. Млечный Путь уходил в бесконечность, пространство искрилось и сияло, мир вокруг был почти невыносимо прекрасен.

Но Холл искал солнце, земное солнце. И не находил его. Оно перестало быть самой заметной из звезд.

Маленький бородатый человечек переводил взгляд с Холла на Марж и обратно. На его лице вновь появилось лукавое выражение. Наконец он не выдержал и рассмеялся.

— Я вернусь на Землю,— сказал он.— Я могу это сделать.— Порывшись в кармане, он вытащил удостоверение космонавта и бросил его Марж.— Надеюсь, это тебя утешит. Там написано, что я работал космонавтом III класса в течение десяти лет. Во всяком случае, такие сведения занесены в картотеку. Но если копнуть поглубже, найдешь на имя Томаса Брента лицензию навигатора I класса. Я отказался от нее по личным причинам.

Он с довольным видом стал отряхивать форму. Между тем Марж внимательно изучала документы. Затем она кивнула и посмотрела на Брента.

— Причины были предельно простыми,— с гордостью объяснил он.— Почти тридцать лет назад я впервые прочитал о Звезде-Бродяге. Все о ней слышали. А у меня возникла идея. Я стал интересоваться звездой. Покупал разные книги. Читал научные доклады. Потом я долго планировал это путешествие. Мне предстояло совершить самое удивительное открытие в истории человечества. Поэтому я...— Он немного помолчал, потом кротко заметил: — Юноша, если ты попытаешься швырнуть в меня гаечный ключ...

Марж схватила Холла за руку. Брент нажал кнопку, Вселенная накренилась и начала бешено вращаться, свет потускнел. Когда лампы вновь заработали, маленький человечек успел выйти из рубки. Его голос доносился теперь из коридора.

— Мы вновь перешли в овердрайв,— радостно сообщил он.— Вам неизвестен наш курс, и вы не знаете, как вернуться на Землю. Полагаю, нам следует стать друзьями. Иначе мне будет очень одиноко. Честно говоря, у вас нет выбора...

Холл впал в ярость. Однако Брент был совершенно прав. Им не оставалось ничего другого.

Звезда-Бродяга неподвижно висела в пустоте. Впрочем, на самом деле она двигалась. Ее скорость и курс были зарегистрированы двести лет назад, когда ее случайно обнару-

жили. Кроме того, ученые не раз проводили дополнительные исследования. Сто лет прошло с тех пор, как организовали экспедицию для поиска и изучения Звезды-Бродяги. Ее удалось обнаружить. Она оказалась совершенно черной. Ее поверхность ничего не отражала. Она ничего не излучала, так что ее температура должна была равняться абсолютному нулю.

Однако ученые сразу же отметили температурные аномалии. Впрочем, сказать, что температура поверхности была порядка четырех градусов по Кельвину, что соответствовало температуре вакуума, не мог никто.

Все сходилось на теории антиземной материи — или антиматерии — и теории о том, что Звезда-Бродяга движется обратно во времени. Лучи света искривлялись, проходя рядом с ее границами,— но не так, как обычно.

Звезда не обладала гравитационным полем. Более того, вокруг нее имелось антигравитационное поле, которое отталкивало любое нормальное вещество. Удалось сосчитать силу, с которой это происходило,— она была равна минус шестидесяти g. Однако ученые не смогли выяснить, обладает ли Звезда-Бродяга четко выраженной поверхностью, или это тело, состоящее из сжатого газа, как Солнце. Она была больше и имела более высокую плотность, чем звезда, озарявшая родину человечества. В результате все выводы были сделаны на основе умозаключений.

Наиболее удачной попыткой эксперимента следовало признать отправку зонда, на носу которого укрепили хронометр. Он подлетал все ближе к Звезде-Бродяге, пока сила отталкивания не сравнялась с мощностью двигателей. Однако он продолжал передавать сигналы отсчета времени. Постепенно они стали замедляться. Промежутки между ними увеличились, одновременно упала частота несущего сигнала. Наконец все прекратилось.

Зонд так и не вернулся, даже после того, как закончилось топливо. Ученые единодушно пришли к выводу, что вблизи Звезды-Бродяги и ее антигравитационного поля зонд попал в волну обратного течения времени и исчез в прошлом.

Но это произошло сто лет назад. Сейчас никто не ставил экспериментов. Было доказано, что они бесполезны. Звез-

да-Бродяга, более не привлекая внимания, мчалась сквозь пустоту, отталкивалась от гравитационных полей обычных звезд и успешно уходила от столкновения с ними.

Через три дня полета в овердрайве Холл сдался. И сделал это не слишком красиво. Корабль находился на расстоянии более трех световых лет от Солнца, превратившегося в одну из миллиардов точек в бесконечном мраке космоса. «Киберия» безнадежно заблудилась в пустоте, во всяком случае так казалось Холлу и Марж. Космическая навигация крайне сложна, и нужно долго учиться, чтобы овладеть ею. Необходимо уметь определять звезды при помощи специального спектроскопа, учитывать смещение и угол отставания — ведь звезда на самом деле никогда не находится на том месте, где ты ее видишь, поскольку располагается порой за сотни световых лет от тебя. Да и курс корабля следует рассчитывать, принимая к сведению множество факторов.

Даже для полетов внутри Солнечной системы требовалась специальная подготовка. Ну а когда речь заходила о межзвездном пространстве, знание гидропоники, которым владел Холл, не давало ровным счетом ничего. Маленький человечек по имени Брент мог вернуть корабль на Землю — в отличие от остальных. Он заявил, что собирается это сделать, и Марж ему верила. Она была убеждена, что Брент не безумен, просто он немного странный, как и положено старому космонавту, много времени проводившему в космосе.

Итак, через три дня после того, как они покинули Землю, Холл отправился в рубку управления. Корабль вышел в обычное пространство и вновь летел в окружении звездного великолепия. Все двигатели были выключены. Корабль мчался вперед по инерции, и звезды медленно дрейфовали мимо иллюминаторов и обзорных экранов.

— Марж просила передать, что мы принимаем твои условия,— язвительно заявил Холл.— Она считает, что ты когда-нибудь вернешься на Землю и возьмешь нас с собой. Что ж, если предположить, что она права... мы готовы договориться. И будем тебе помогать.

— Превосходно! — радостно воскликнул маленький человечек, сидевший за корабельным компьютером. Ослепитель-

но улыбнувшись, он кивнул и вновь принялся нажимать на клавиши.— Я получил замечательные показания гравитометра! 0,0006 g! Из этого следует, что мы всего в световом часе от Звезды-Бродяги! Может, поищешь ее при помощи электронного телескопа? Я бы хотел получить визуальное подтверждение. Ну, так положено.

Холл проворчал нечто неразборчивое. Раньше Брент ничего не говорил о Звезде-Бродяге. Еще в школе Холл узнал, что к ней невозможно приблизиться и что для людей она не представляет ни малейшего интереса. Он посмотрел на телескоп и довольно быстро сообразил, как им пользоваться.

— Каковы начальные установки? — спросил он.

Маленький человечек показал на гравитометр. Сначала следует направить телескоп в соответствии с вектором гравитации — столько-то градусов и минут... Холл выполнил все указания.

Затем Брент с тревогой воскликнул:

— О боже, нет! Звезда-Бродяга! Она же не притягивает, а отталкивает! Так что следует взять прямо противоположное направление, чтобы ее увидеть!

— Понятно,— угрюмо ответил Холл.

Он принялся неумело менять настройки. Конечно, экраны корабля давали качественное изображение, однако если смотреть в телескоп, звезды были в сотни раз ярче. Наконец Холл нашел Звезду-Бродягу. На фоне бесчисленных светил она смотрелась темным диском. Он увеличил изображение. Звезда-Бродяга почти полностью заняла поле телескопа. Она была похожа на пустоту, обретшую твердость. Дыра в никуда.

— Я ее поймал,— сообщил Холл.

Маленький человечек подошел проверить. Затем он развернул корабль, нажал на кнопку овердрайва и не отпускал ее в течение восьми секунд. Такой быстрый двойной переход — удовольствие не из приятных. Но зато в следующий момент они увидели Звезду-Бродягу в боковой иллюминатор.

— Отлично! — воскликнул Брент.— Теперь бери управление на себя и веди корабль на планетарных двигателях. Ты ведь умеешь?

— Никогда не пробовал,— мрачно ответил Холл.

— Ну, это довольно просто,— заверил его старик.— Нам необходимо воспользоваться ручным управлением, поскольку корабль борется с отрицательной гравитацией — поле Звезды-Бродяги норовит развернуть его. Но это совсем нетрудно! Старайся держать курс прямо, вот и все!

Брент вернулся к вычислениям. Закончив, он подошел к Холлу и лучезарно улыбнулся.

— Как я рад, что вы с Марж на борту! — с довольным видом заявил он.— Благодаря вашей помощи я справлюсь с задуманным значительно быстрее! — И лукаво добавил: — Шутка. Но неплохая, верно?

Он с надеждой посмотрел на Холла. Однако Холл молча вел «Киберию» к Звезде-Бродяге, чувствуя, как сопротивляются двигатели корабля отрицательному тяготению.

— Интересно, чего он добивается? — спросил позднее Холл у Марж.— Я понимаю, что он хочет увидеть Звезду-Бродягу. Но мы ведь не можем на ней высадиться. Детям рассказывают об этом в школе. К тому же мы взорвемся, если приблизимся к Звезде-Бродяге. Что же все-таки он задумал?

Марж теперь заведовала кухней и озабоченно наблюдала за поглощающим пищу Холлом. Брент остался в рубке. Он с радостным видом продолжал вести корабль навстречу чудовищному черному диску.

— Он рассказал мне вчера,— спокойно сказала Марж.— Ему нужно было с кем-то поделиться. Брент хранил свой замысел в тайне в течение многих лет, дожидаясь возможности его осуществить. Ты помнишь зонд, который отправили к звезде сто лет назад? Он планирует поступить точно так же с нашим кораблем — чтобы «Киберия» благодаря Звезде-Бродяге начала обратное движение во времени.

— Тогда пора его остановить! — угрюмо пробормотал Холл. Он собрался встать.

— Подожди! — осадила его Марж.— Брент показал мне книги. Я прочитала их, чтобы разобраться в его рассуждениях. У него ничего не выйдет. Не выйдет — и все! Ты только что встал со стула. Сделай это еще раз — но в обратном порядке! Что произойдет? Ты снова сядешь. Неужели ты не понимаешь? Действие компенсируется! Чтобы долететь до Звез-

ды-Бродяги, требуется немало времени. Приблизиться к ней издалека — значит очутиться в обратном потоке времени. Чтобы к ней подобраться, нужно вернуться назад во времени,— значит, необходимо попасть в тот момент, когда ты находился далеко от звезды!

Смотри. Во вторник ты от нее в двухстах миллионах миль. Если сократим дистанцию до ста миллионов, но при этом вернемся на сутки назад, то снова окажемся на прежнем расстоянии! И использованное топливо вновь появится в баках... Теперь ты понимаешь? Все усилия, чтобы попасть в обратный поток времени, приведут к противоречию! Это невозможно, как треугольник с четырьмя сторонами или круглый квадрат. Этого не случится! Никак!

Холл долго стоял, нахмурив брови.

— Так он истратит все топливо!

— Нет,— спокойно возразила Марж.— Ничего подобного. Брент придумал специальный тест, который поможет убедиться в том, что мы добились успеха. Он считает, что если Звезда-Бродяга заставит нас двигаться обратно во времени, то начнет сиять, как все остальные звезды, которые тогда погаснут. Он говорит, что сейчас Звезда-Бродяга для нас черная, поскольку с нашей точки зрения свет, испускаемый ею, имеет противоположное направление — внутрь, а не наружу. Но если мы начнем путешествовать вместе с ней в потоке обратного времени, она станет яркой...

Холл пожал плечами.

— Мы не можем заставить гореть целую звезду! Это бред какой-то. А он объяснил, зачем хочет вернуться в прошлое?

Марж грустно улыбнулась.

— Он мужчина, Рекс, и мечтает сделать нечто впечатляющее. Он довольно милый, но желает стать знаменитым. На борту корабля находится груз германия стоимостью в миллионы кредитов. Если мы переместим его на двадцать лет назад — кому он будет принадлежать? Этот германий еще не был добыт тогда. Как на него решится кто-нибудь претендовать? Кстати, и на «Киберию» тоже! Это старый корабль. Представь себе, что он вернется на двадцать лет назад? У «Киберии» просто не будет хозяев! Конечно, тогда «Киберия» уже существовала — летала с грузами на планеты Цетиса. Но к

нашему кораблю она не будет иметь никакого отношения! Таковы его намерения, Рекс.

— А еще на борту окажется маленькая девочка — ты, и маленький мальчик — я...

— Нет, Рекс,— с сожалением возразила Марж. Казалось, она сочувствовала Томасу Бренту и его жажде славы в качестве первого человека, задумавшего путешествие во времени.— Неужели ты не понимаешь? Если он сейчас планирует отправиться на двадцать лет назад, значит, ему не удалось реализовать свои намерения. В противном случае он бы уже был не просто богатым, но и знаменитым — ведь такое грандиозное событие не могло не вызвать всеобщего интереса. К тому же тогда приняли бы меры, чтобы помешать ему украсть корабль. Выходит, он не попал в прошлое. Возникает противоречие. У него ничего не выйдет.

Холл пожал плечами.

— Тогда он псих. Однако он умеет обращаться с кораблем, если смог найти Звезду-Бродягу. Пожалуй, нужно уговорить его научить меня навигации, чтобы я в случае чего нашел обратный путь к Земле.— Он немного помолчал.— Но я бы предпочел вернуть корабль владельцам на одной из колонизированных планет. Тогда мы могли бы остаться там, где полно места и где можно выращивать любые растения...

Звезда-Бродяга висела в пространстве перед грузовым кораблем «Киберия». Она была громадной, черной и лишенной каких бы то ни было характерных черт. Она уже занимала почти все место на экранах, но «Киберия» продолжала лететь вперед, запустив на полную мощность планетарные двигатели. Конечно, корабль не мог вплотную подойти к звезде. Она его отталкивала, ведь в ядрах ее атомов содержались антипротоны и на орбитах вращались антиэлектроны. Возникло равновесие сил. Тяга двигателей «Киберии» полностью компенсировалась. Корабль застыл на месте — однако он расходовал топливо.

Иногда маленький человечек по имени Брент садился перед пультом управления, всматриваясь в черные экраны. Время от времени Холл безуспешно пытался приблизить «Киберию» к звезде. Он старался изо всех сил, рассчитывая убедить

Брента в лояльности. Вскоре Холл своего добился. Старый пилот принялся с жаром учить его астронавигации. Марж часто слушала долгие лекции Брента.

Однажды она даже с сожалением сказала:

— Мне кажется, я не хочу возвращаться на Землю! Там никто обо мне не вспоминает. Если б мы не должны были вернуть корабль владельцам, я... предпочла бы полететь к одной из новых планет. На Земле так много людей! А у меня нет никаких шансов собрать сумму, необходимую для эмиграции. Боюсь, что не следует учить нас астронавигации. Слишком велико искушение...

Холл спокойно возразил:

— Дело в том, что ты занималась гидропоникой, пока я управлял кораблем. После того как начинаешь выращивать разные чудесные растения, уже не хочется выходить на улицу, где нет ничего, кроме бесконечных зданий и толп людей. Я знаю, что смогу найти путь к Земле, если с Брентом что-нибудь случится, но мне неизвестно, как отыскать ближайшую колонизированную планету. Кажется, скоро старик сдастся. Во всяком случае, его энтузиазм идет на убыль. Так или иначе, я сумею заставить его остановиться, прежде чем мы израсходуем все топливо. Однажды Брент должен признать, что ошибся.

— Мне не хочется даже думать об этом,— честно заявила Марж.— Он ужасно милый старикан, хотя и провел половину жизни, планируя стать пиратом. Ведь украсть корабль — это пиратство, не так ли?

Холл кивнул.

— Это преступление, и оно карается смертной казнью. И меня обязательно спросят, почему я не взял корабль под контроль, узнав, как вернуться на Землю. Они могут обвинить меня в пособничестве.

— Тогда я скажу, что помешала тебе! — с жаром воскликнула Марж. Потом на ее лице появился испуг.— Нам ведь поверят, правда?

Холл ничего не ответил. Он не знал. Вздохнув, он вернулся в рубку управления — наступила его очередь вести «Киберию» туда, куда она никак не могла добраться.

Громко прозвучала сирена, и Холл отпустил Марж — они с удивлением обнаружили, что обнимают друг друга. Холл помчался в рубку. Из-за распахнутой двери доносились восклицания и сдавленный смех.

— Чудесно! — восторженно верещал старик.— Изумительно! Это произошло! Марж! Рекс! Идите сюда, взгляните на Звезду-Бродягу!

Холл влетел в рубку. Маленький пилот нетерпеливо подпрыгивал в кресле. Он буквально светился от счастья и не сводил глаз с экрана.

Звезда горела красным. У них на глазах ее цвет побледнел, а излучение, наоборот, стало ярче.

— Получилось! — закричал маленький человечек.— Мы это сделали! Сделали! Никому раньше такое не удавалось!

Звезда-Бродяга с каждым мгновением сияла все сильнее. Холл изумленно смотрел на нее. Потом он сообразил, что яркость скоро станет невыносимой.

Он бросился к панели управления и принялся нажимать на тумблеры. Прежде всего Холл отключил планетарные двигатели. Затем развернул корабль на сто восемьдесят градусов и нажал кнопку овердрайва. Вселенная закружилась по спирали, а пламя Звезды-Бродяги стало ослепительным — ведь они находились всего в миллионе миль от нее.

Но «Киберия» вошла в овердрайв, и они стремительно понеслись прочь.

— Мы это сделали,— важно заявил Брент.— Понимаете ли вы, молодые люди, что мы совершили самое удивительное путешествие в истории человечества? Мы станем богатыми! Германий стоимостью в миллионы кредитов — и никто не может претендовать на него, кроме нас! Я намерен положить часть денег в банк, чтобы к тому времени, как я захвачу корабль, там накопилась сумма, необходимая для выплаты компенсации владельцам!

Однако на лице Холла, только что внимательно изучавшего экраны, появилось странное выражение.

— Звезда-Бродяга продолжает сиять,— сказал он,— а других звезд нигде не видно. Мы возвращаемся в прошлое.

Однако маленький космонавт сохранял уверенность.

— Набираем скорость,— самодовольно заметил он.— Некоторое время мы будем продолжать двигаться в обратную сторону. Но чем дальше мы удаляемся от Звезды-Бродяги, тем слабее становится ее воздействие — постепенно Галактика заставит нас замедлиться, и скоро мы полетим в нужном направлении. Мы об этом узнаем, когда Звезда-Бродяга вновь станет черной, а остальные звезды вспыхнут, как прежде.

— Я... была уверена, что возникнут парадоксы,— с сомнением проговорила Марж.

— А я не против,— коротко ответил Холл.— Теперь мы вместе. А по мне все равно никто не скучает.

Маленький человечек довольно потер ладони.

— Ага! — сказал он.— Вы думали, что путешествие во времени подобно поездке на машине по шоссе, уходящему на север,— а чтобы ехать на юг, нужно остановиться и направиться в противоположную сторону. С машиной такое проделать легко, впрочем, моя дорогая, вас может остановить полиция. Мы сделали разворот при помощи Звезды-Бродяги, однако со временем Вселенная заставит нас вернуться в прежний поток, вот только у нас за спиной останется множество машин — или дней.

— А как далеко во времени...— неуверенно начал Холл.

— По меньшей мере на десять лет! — с жаром воскликнул маленький человечек.

Однако нет надежного способа измерить скорость времени.

Когда они сели обедать, Звезда-Бродяга заметно потускнела, а еще через несколько часов повсюду стали появляться первые искорки. Проснувшись после долгого сна, они обнаружили за иллюминаторами Млечный Путь, и вокруг вновь сверкало серебристое великолепие Вселенной. Однако Звезда-Бродяга исчезла. Под надзором светящегося от радости и гордости Брента Холл старательно прокладывал курс к Солнечной системе. Обратный путь занял чуть больше трех дней. Холл показал, что прекрасно усвоил уроки астронавигации. Они обнаружили Землю на противоположной стороне от Солнца по сравнению с моментом старта — что уже само по себе доказывало факт путешествия во времени.

Тем не менее им не удалось получить разрешение на посадку. Более того, приближаясь к Земле с ночной стороны, они не видели сияния городов. Даже в электронный телескоп они не сумели разглядеть нити шоссе и вспаханные поля. Они вернулись в то время, когда еще не было никаких городов. И дорог. И цивилизации.

Она была тогда попросту невозможна — приблизительно десять тысяч лет назад. Вот почему их путешествие явилось самым важным событием в истории человечества. Даже важнее изобретения колеса. Намного важнее.

«Киберия» приземлилась на берегу стремительной реки, рядом с лесом и роскошным зеленым лугом, где Холл высадил семена, предназначенные для планет Угольного Мешка. Они с Марж были довольны — ведь для большинства людей желание получить побольше свободного пространства стало настоящей манией. Все мечтали выращивать натуральную пищу, но Земля была перенаселена. *Была* — но только не сейчас. Впрочем, кое-кто здесь жил.

Холл обнаружил одетых в шкуры охотников после того, как успел снять первый урожай и готовился к сбору второго. Голодные дикари со страхом выглядывали из кустов, с ужасом посматривая на огромную «Киберию». Они никогда прежде не видели корабля и таких людей, как Холл. Ими настолько овладел страх, что они даже не сумели убежать, когда тот подошел поближе. А Холл не мог заставить себя их бояться. Мужчины были вооружены копьями с каменными наконечниками и дубинками и выглядели удивительно изможденными. Особенно жалкими казались дети. Холл отвел всех на корабль, и Марж накормила их — после этого выгнать гостей никак не удавалось. Их оказалось около дюжины.

Позднее на место посадки набрели другие голодающие. Холл дал им еды и показал, как обрабатывать землю. Все они прежде были охотниками, а охотники обладают прекрасным аппетитом. Более того, они должны перемещаться вместе с дичью, а значит, не могут долго находиться на одном месте, даже существовать большими группами они не в состоянии. Им постоянно не хватает пищи.

Возможность выращивать еду поразила дикарей. А когда Холл показал, как строить дома, они и вовсе были очарованы. Марж выучила их язык и сообщила Холлу, что он стал вождем или королем всех, кто устроился жить неподалеку. Однако на Холла это не произвело особого впечатления. Между тем Брент показал дикарям, как затачивать наконечники для копий, а потом научил делать более эффективное оружие. Прошло время, и Марж открыла им секреты гончарного дела.

Когда дичи становилось много, охотники с радостью приносили добычу в поселок. Марж, Холлу и Бренту это ужасно нравилось. Прежде они никогда не пробовали свежего мяса. Ну а дикарям очень редко удавалось наесться до отвала. Они даже не помышляли о том, чтобы уйти из поселка.

Они вели идиллический образ жизни. У них не было врагов. Пищи хватало всем. Ни о каком перенаселении даже речи не шло. Им и в голову не приходило поднять «Киберию» в воздух, поскольку лететь было некуда. Единственным очагом цивилизации являлись они сами. Места было достаточно, и они имели возможность выращивать все, что только душа пожелает...

Наступил день, когда Холл зашел в корабельную библиотеку поискать что-нибудь по гидропонике. Он хотел почитать о растениях, но увлекся книгами по истории. Там говорилось, что у ржи и пшеницы не было предков среди диких растений. Они появились внезапно — да, у них имелись родственники, но не предшественники. Более того, неожиданно возникло земледелие. До этого Землю населяли лишь группы дикарей, переходившие от пещеры к пещере в поисках дичи,— и вдруг зародились племена, которые начали заниматься земледелием, строить деревни, делать посуду и ткать одежду. В книге высказывались некоторые предположения о возможных причинах столь удивительного феномена.

Холл показал книгу Марж. Она прочитала ее и бросила на Холла выразительный взгляд.

— Это мы,— заявила она.— Конечно! Подожди минутку!

Она позвала маленького человечка, который что-то вещал восторженным слушателям, восполняя пробелы в словарном запасе щедрой жестикуляцией. Он распустил их взмахом руки и последовал за Марж.

— Прочитай это,— предложила она.

Брент пролистал несколько страниц и нахмурился.

— Ты пребываешь в мрачном настроении из-за того, что рассчитывал стать знаменитым, богатым и очень важным. Но, несомненно, наше появление здесь имеет огромное значение!

Брент фыркнул и продолжил чтение. Прежде люди не выращивали пшеницу — ее попросту не существовало. Они не знали земледелия до тех пор, пока не возникли постоянные поселения, но как они могли появиться, если их жителям нечего было есть? Получалось, что древние легенды о богах и героях взялись неспроста. У всех народов есть предания о высших существах, которые научили их пахать землю, плавить металлы, делать ткани и посуду, изобрели правосудие и ввели законы.

Маленький человечек отложил книгу.

— Так вы считаете, что я не стал знаменитым? — сияя, спросил он.— Нет, вы не такие глупцы, чтобы в это поверить! Судя по тому, что здесь написано, я — Тувалкаин*, Кецалькоатль**, Прометей, кто там еще! Память обо мне сохранится до конца времен! Я величайший человек во Вселенной, и я сделал самое главное дело! Я положил начало земной цивилизации! Никто не в силах меня превзойти!

И он величественно вышел из библиотеки, но тут же заглянул обратно.

— Хотя надо признать — кое в чем вы мне помогли,— добавил он благосклонно.

Таким образом, тайна пропажи «Киберии» так никогда и не была раскрыта в том времени, из которого она сбежала. Никто не связал ее со Звездой-Бродягой. Никому не удалось найти следов корабля. В конце концов, за десять тысяч лет от него не осталось даже ржавых обломков.

Никто не ломал голову, пытаясь отгадать секрет его исчезновения, если не считать владельцев «Киберии» и страховой

* Сын Ламеха и Циллы, «ковач всех орудий из меди и железа» — цитата из Библии. Ветхий Завет, Книга Бытия, глава 4. *(Прим. перев.)*

** Божество из ацтекского культа. *(Прим. перев.)*

компании, которой пришлось выплачивать страховку за пропавший корабль и груз. И уж конечно, никто не размышлял, что случилось бы, если бы Марж и Холл закончили проверку на десять минут раньше.

Они бы покинули судно до того, как оно стартовало. Без Холла маленький человечек не сумел бы постоянно направлять «Киберию» к Звезде-Бродяге, чтобы обрести необходимую скорость для обратного прыжка во времени. Возможно, Брент вернулся бы на Землю во времена древних греков или римлян, и его груз германия ни для кого не представлял бы ни малейшей ценности.

С другой стороны, история не могла пойти по этому пути. Ведь тогда не было бы древнегреческой или римской цивилизации. Они бы вообще не возникли без развития земледелия. А если бы их не существовало, то на их руинах не выросли бы великие державы более позднего периода, не появились бы космические корабли и не началась бы колонизация других планет. И никто не построил бы «Киберию».

На самом деле тогда Брент, Марж и Холл, а также большинство из нас не родились бы на свет. Да, она сыграла колоссальную роль в судьбе человечества! Какая ирония, что ее забыли.

Впрочем, как и Звезду-Бродягу.

Из глубины

Я, Сард, делаю это сообщение для всех шади во время Мирных Течений. По предложению Морпта, ученого, я совершил пробное путешествие после того, как мы обсудили с ним природу Объекта, упавшего в Хонду с Поверхности. Боюсь, что мое сообщение не будет признано соответствующим действительности. Поэтому я ожидаю заключения о состоянии моего рассудка, предоставляя шади решить, является ли оно результатом научных исследований или бредом сумасшедшего...

Я присутствовал при падении Объекта. В тот момент я находился в связи с ученым Морптом, который размышлял об устройстве Вселенной. Он пребывал в полусонном состоянии, и ум его работал скорее добросовестно, чем вдохновенно, когда он обдумывал, как изложить нам, его ученикам, доказательства справедливости колуфиановой теории Вселенной, утверждающей, что мир — это раковина из прочной материи, наполненная водой, которая, естественным образом отталкиваясь от центра, создает давление, причем мы, шади, живем в области наибольшего давления. Он почти заснул, размышляя с целью расширения нашего кругозора о том, что данная теория объясняет все известные физические явления, кроме наличия газообразной субстанции, которая не является ни жидкой, ни твердой и находится единственно в плавательных пузырях наших тел. Мы знаем, что пузырь — бессмертная часть организма, которая поднимается к центру Вселенной, где тело поглощается и — существует вечно.

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

Пока Морпт размышлял, я вспомнил его опыты, в которых часть газа выводилась из тела шади и помещалась в специальное хранилище. Так как одновременно с этим процессом в организме вырабатывается новый запас газа, подобные опыты не представляют опасности. Морпт отрицал божественность газовой субстанции, несмотря на ее исключительность и чрезвычайно важное значение для организма шади. Эти его эксперименты вызывали серьезное волнение в научных кругах.

Но в тот момент он оставался просто полусонным учителем, обдумывающим лекцию, уже сотни раз проведенную им раньше. Его немного беспокоил острый камень, который впился в седьмое щупальце; впрочем, камень не был столь серьезным неудобством, чтобы заставить его пошевелиться.

Я лежал в своей пещере, с интересом вникая в ход его мыслей. Неожиданно я почувствовал, как нечто спускается к нам сверху. Присущий шади инстинкт блокировать передачу мыслей и хватать пищу прежде, чем кто-либо успеет о ней узнать, сработал мгновенно. Я выплыл из пещеры и моментально оказался под Объектом. Я поднял щупальца, чтоб схватить его. Все произошло автоматически: я экранировал свои мысли; мое чувство пространства напряглось до предела; кроме того, я приготовился воспринимать мысленные образы падающего Объекта в полном их объеме, чтобы уловить и предотвратить попытки скрыться.

Помимо естественной инстинктивной реакции существовали еще две причины, объясняющие мое поведение. Одна из них заключалась в том, что сравнительно недавно я уже получил пищу; другая — в пришедших от Объекта мысленных образах, которые оказались самым неожиданным образом созвучны теме лекции Морпта и моим собственным мыслям. Когда мое первое щупальце схватило спускающийся предмет, вместо мысленных образов страха или борьбы я перехватил мысли о вечности, передаваемые с невыразимым отчаянием:

— О, дорогой мой! Мы больше никогда не увидим Поверхность!

И тут мне мысленно представились ослепительные образы Поверхности. Поскольку я собираюсь описать их позже, я временно опускаю рассказ о мысленной картине, которую

я видел и благодаря которой у меня появилась возможность серьезно задуматься.

Если бы я, следуя велению инстинкта, проглотил Объект, то оказалось бы весьма сложно переварить его. Объект, как я вскоре обнаружил, был сделан из того редкого прочного вещества, которое попадает к нам только в виде артефактов. Похожий экземпляр был подробно и многократно описан Глором. Длина его равнялась половине длины тела, он оказался пустым внутри, заостренным с одного конца, другая сторона его была удивительно плоской, с отверстиями и наростами странной формы; из него торчали две рукоятки и пустая труба.

Как я уже сказал, Объект был сделан из редкого твердого материала. Полый внутри, он содержал газ!

Вскоре я стал получать противоречивые мысленные образы и понял, что внутри Объекта находятся два живых существа, живущих не в воде, а в газообразной среде! Я был потрясен. Некоторое время я ничего не воспринимал, кроме мыслей этих существ. Я крепко держал Объект щупальцами, ошеломленный невероятным фактом, с которым столкнулся. Я был в высшей степени неосторожен, так как в этот момент меня могли убить или поглотить. Но я быстро пришел в себя и вернулся в пещеру, забрав Объект с собой. По дороге в пещеру я уловил странные мысли, доносившиеся из Объекта: «Мы упали на дно? Нет! Что-то схватило нас... Оно, должно быть, чудовищных размеров. Конец близок...»

Не отвечая на эти мысли, другое существо думало только об эмоциональных вещах, описать которые я не в состоянии, так как совершенно их не понимаю. Они представляют психологию, настолько чуждую нашей, что у меня нет возможности выразить их. Я могу сказать только, что второе существо было в полнейшем отчаянии и поэтому очень сильно хотело, чтобы первое существо крепко держало его своими щупальцами. Оно стало бы беспомощным, но именно к этому и стремилось второе существо. Объяснить это я не могу.

Втягивая Объект в пещеру, я случайно прижал его к скале, нависающей над входным отверстием. Удар был сильным. И снова в их мыслях скользнуло отчаяние.

«Ну, вот и все!» — подумало первое существо и стало с ужасом искать отверстие, через которое струится внутрь вода.

Поскольку психология этих существ совершенно необъяснима, я только пытаюсь суммировать некоторые мысленные образы, полученные мной в течение последующего короткого периода, которые помогли мне понять историю Объекта.

Это был научный эксперимент. Объект создали для существ, которые дышали газом, и его предполагалось опускать в районы высокого давления. Существа относились к одному виду, и, чем они различались, мы, шади, не смогли бы определить. Один думал о себе как о «мужчине», другой — как о «женщине». Они не боялись друг друга и сопровождали Объект, чтобы записать свои наблюдения. Объект был подвешен на длинном щупальце с артефакта, как и описывал Глор.

После окончания наблюдений их собирались вернуть на артефакт, где они присоединились бы к своим товарищам.

То, что два существа могли находиться рядом, не представляя друг для друга никакой опасности, казалось довольно странным. Но, прочитав их мысли, я понял, что сорок или пятьдесят особей того же вида ждали их возвращения и все они были лишены инстинкта добывать пищу, поедая себе подобных.

Конечно, такое поведение кажется невероятным, но я лишь сообщаю вам о тех мысленных образах, которые получил. Я также узнал, что, когда они опускались вниз, щупальце сломалось и Объект упал в район высокого давления. Когда Объект приблизился ко мне, я инстинктивно схватил его, едва не проглотив. Я мог бы сделать это с легкостью.

Находясь в своей пещере, я попробовал вступить в контакт с существами, скрытыми в Объекте. Однако мои попытки парализовать их страхом или передать им связное сообщение успеха не имели. У меня сложилось впечатление, что они лишены способности воспринимать чужие мысли. Они — разумные существа, но даже без ментальной блокировки не имеют ни малейшего представления о том, что думают другие. Мысли этих созданий — тайна для всех других представителей их расы.

Я попытался понять природу этих существ — и потерпел неудачу. Чувство бессилия охватило меня, и я послал мысленное сообщение Морпту — он все еще пребывал в полудреме,— с подробностями излагая следствие теории, что газ, вы-

свободившийся из плавательных пузырей мертвых шади, собирается в центре Вселенной в огромный воздушный пузырь и что границей между этим пузырем и водой как раз и является легендарная Поверхность.

Легенды о Поверхности широко известны. Морпт рассуждал с ленивой иронией, что если считать газ бессмертной частью шади, то пузырь в центре Вселенной является, по-видимому, местом грандиозной битвы, ведь стоит двум любым шади встретиться, как они тут же вступают в борьбу не на жизнь, а на смерть. В этот момент я прервал его, чтобы сообщить о появлении Объекта. Я передал всю информацию, которую мне удалось воспринять.

Я моментально почувствовал, как чужие ментальные излучения плотно окутали меня. Все ученики Морпта мгновенно оказались начеку. Я заблокировал свои мысли с особенной тщательностью, чтобы не выдать местонахождение своей пещеры и в то же время сообщить максимум информации. Я подробно рассказал все, что успел узнать.

В другой ситуации я бы гордился тем необычайным интересом, который вызвало мое сообщение. Казалось, что в обсуждении участвует каждый шади из Хонды. Многие, конечно же, заявили, что я лгу. Но я был сыт и полон любопытства. Я не собирался открывать свое местонахождение тем, кто таким образом бросил мне вызов. Я ждал. Даже Морпт попытался насмешками заставить меня забыть об осторожности и буквально рассвирепел (очень характерная реакция для шади), когда у него ничего не вышло. Но Морпт опытен и огромен. Мои шансы были бы близки к нулю при встрече с ним вне зоны Мирных Течений.

Как только стало ясно, что выманить меня не удастся, Морпт стал хладнокровно обсуждать проблему Объекта. В конце концов он предложил совершить путешествие, из которого я только что вернулся. Если, несмотря на всю мою осторожность в отношениях с другими шади, все ученики Морпта могли оценить этот иронический вызов, который он мне бросил,— так вот, если, несмотря на всю мою осторожность, я не побоюсь послужить науке, он, Морпт, советует мне доставить Объект обратно в область Высот, близкую к Поверхности. Существа внутри Объекта укажут мне дорогу. А моя сила

и ярость послужат мне защитой от них в случае необходимости. Единственной же защитой от условий, царящих в этой таинственной зоне, будет комплекс упражнений, разработанных Морптом.

Морпт сказал, что, как мне известно, газ в наших плавательных пузырях расширяется по мере понижения Давления. Обычно мы можем плыть, преследуя добычу, или погружаться на дно при помощи специальных мышц. Но он сообщил мне, что, когда я достигну Высот, наружное давление станет таким низким, что даже эти мышцы не смогут удержать газ. В этом случае, согласно рекомендациям Морпта, я должен выпустить часть газа. Тогда я смогу снова регулировать подъем. В противном случае увеличивающийся в объеме газ может стремительно вытолкнуть меня наверх, он даже способен разорвать мой плавательный пузырь и проникнуть в полость тела. Расширение газа может быть столь значительным, что он вынесет меня на Поверхность — прямо в центральный пузырь, согласно следствиям из теории Калуфа.

В таком случае, как не без юмора заметил Морпт, я стану единственным шади, который на собственном опыте убедится в справедливости утверждений Калуфа. Однако вряд ли я смогу вернуться, чтобы рассказать об этом. Тем не менее, если я буду иногда останавливаться, чтобы проделать надлежащие упражнения (в тот момент, когда почувствую себя необычайно легким), я непременно смогу доставить Объект близко к Поверхности без всякого вреда для себя и сумею вернуться назад с убедительными доказательствами того, следует ли считать верной космологию Калуфа. Таким образом, я окажу огромную услугу науке. Мысли, поступающие из Объекта, должны помочь мне в этом предприятии.

Я немедленно решил совершить это путешествие.

Я не был уверен в том, что смогу долго держать в секрете свое местоположение, если меня будут постоянно разыскивать шади, обладающие более зрелым и развитым разумом. Только существа с невероятно сильным интеллектом, вроде Морпта и других учителей, могут подвергать себя риску быть обнаруженными своими вечно голодными соплеменниками. Конечно же, они имеют определенную выгоду от собствен-

ной преподавательской деятельности, когда некоторые из их учеников забывают об осторожности...

Теперь, когда я привлек к себе всеобщее внимание, мне следовало как можно быстрее покинуть свою пещеру; в данных обстоятельствах такое решение было бы весьма предусмотрительным. Поэтому, надежно заблокировав поток ментального излучения и крепко обхватив одним щупальцем Объект, я двинулся вверх по склону, окружающему Хонду. Я торопился отплыть как можно дальше, прежде чем другие шади попытаются устроить ловушку для меня или друг для друга.

Непрерывно двигаясь до первой остановки, я сумел подняться гораздо выше, чем делал это обычно. Я находился уже так высоко, что газ, скопившийся в моем плавательном пузыре, начал доставлять мне заметное неудобство. Я проделал упражнения Морпта, чтобы освободиться от излишков газа. Как ни странно, я проделал все это совершенно спокойно. Очевидно, охватившее меня любопытство пересиливало остальные ощущения, ведь мы, шади,— неутомимые исследователи. Поэтому я сумел проделать все необходимое и освободился от части содержимого своего плавательного пузыря — одна мысль об этом наполнила бы прошлые поколения шади ужасом.

Морпт оказался прав. Я смог продолжать подъем без каких бы то ни было неудобств. Кроме того, по мере приближения к Высотам у меня начала появляться новая информация, которую требовалось обдумать. Два существа — мужчина и женщина, находящиеся в Объекте,— были озадачены тем, что происходит с ними.

— Мы поднялись уже на две тысячи футов,— сказал мужчина женщине.

— Дорогой, не надо лгать мне, я не боюсь,— ответила женщина.— Мне все равно. Я не смогла удержать тебя от этого спуска и решила, что лучше умереть вместе, чем без тебя.

Подобные мысли нельзя назвать слишком умными. Народ с такой психологией непременно вымрет. Но я даже не пытаюсь утверждать, что понимаю их.

Я продолжал подниматься, пока не пришла пора снова проделать рекомендованный Морптом комплекс. Движения, которые я совершал при этом, сильно сотрясали Объект. Су-

щества внутри с отчаянием пытались понять, что происходит. Эти существа не только лишены способности мысленно принимать информацию, но, очевидно, у них также полностью отсутствуют чувства пространства и давления, а также целый ряд инстинктов, столь необходимых нам, шади.

За время моего контакта с их сознанием я не нашел ничего похожего на мысли о Мирных Течениях, когда мы, шади, вообще прекращаем принимать пищу и поэтому инстинкт самосохранения больше не мешает нам свободно общаться ради продолжения рода. Интересно, как может существовать их народ без периодов Мирных Течений, если только вся их жизнь не проходит в подобном состоянии. Но в этом случае, так как никто не принимает пищу в брачный сезон, почему же они еще не вымерли от голода? Их поведение необъяснимо.

Они наблюдали за своими приборами по мере того, как мы поднимались. Приборы — неживые устройства, которые они используют взамен своих несовершенных органов чувств.

— Мы уже на расстоянии четырех тысяч футов от дна,— сказал мужчина.— Одному богу известно, что происходит.

— Как ты думаешь, у нас есть шанс? — с тоской спросила женщина.

— Боюсь, что нет,— горько произнес мужчина.— Мы опустились на восемнадцать тысяч футов. Над нашими головами еще три мили водной толщи, да и кислород должен скоро кончиться... Я жалею, что взял тебя с собой. Если бы только ты была в безопасности!

На расстоянии четырех тысяч футов — не знаю, что это значит,— над Хондой характер фауны изменился. Все живые существа были меньше, и их чувство пространства показалось мне несовершенным. Они узнавали о моем приближении только тогда, когда я нападал на них. Продвигаясь наверх, я хватал их двумя свободными щупальцами. Тела этих существ светились не так ярко, как у небольших созданий, обитающих в Хонде.

Я продолжал свой медленный подъем на Поверхность. Время от времени я останавливался, чтобы проделать упражнения Морпта. Количество газа, которое высвобождалось из моего плавательного пузыря, было большим. Помню, я подумал (несколько иронично, совсем в стиле Морпта), что если шади

действительно обладают огромной бессмертной частью своего тела, то центральный пузырь должен быть больше, чем сама Хонда! Существа в Объекте с изумлением наблюдали за своими приборами.

— Мы поднялись на девять тысяч футов,— сказал мужчина ошеломленно.— Мы всплываем из этого провала — самого глубокого в данном районе океана!

Термин «океан» являлся примерным эквивалентом нашего понятия «Вселенная», но тут были некоторые поразительные различия.

— Мы продолжаем непрерывно подниматься,— добавил мужчина.

— Как ты думаешь, может быть, оторвался балласт и нам удастся достичь Поверхности? — спросила женщина с надеждой.

Мысль о «балласте» обозначала нечто прикрепленное к Объекту и позволяющее ему опускаться вниз. Я понял, что если отсоединить балласт, Объект ринется к Поверхности. Подобные соображения могут показаться нереальными, ведь хорошо известно, что погружается абсолютно все, кроме газа. Но я всего лишь передаю воспринятые мной мысли этих странных созданий.

— Нет, балласт ни при чем,— сказал мужчина.— Если бы удалось его сбросить, мы поднимались бы равномерно. На самом же деле через каждую тысячу футов мы останавливаемся и нас трясет чуть ли не до смерти. Нет, мы не всплываем. Нас тащат, бог знает кто и зачем.

Вот это, должен заметить, вполне разумно. Они поняли, что их подъем нельзя объяснить естественными причинами. Мое любопытство возросло, и я попытался выяснить, как эти существа определяют свое местоположение. У них нет ни чувства пространства, ни чувства давления; они ориентируются с помощью приборов — неких артефактов, сообщающих им о подъеме. Поразительно, но они изучали приборы, используя свет, который сами не испускали. Свет тоже исходил от какого-то другого артефакта. И этот искусственный свет был настолько сильным, что позволял отчетливо видеть показания приборов.

Боюсь, что Канф, установивший способность света к отражению (в результате чего он заслужил высокую научную репутацию), будет отрицать возможность создания сильного светового источника, позволяющего видеть другие объекты. Однако продолжу. Ввиду того что я научился понимать не только четко сформулированные мысли дышащих газом существ, но и улавливать их чувства, я узнал, что они способны различать оттенки света, имеющие различные характеристики.

Свет, известный нам, они называют «голубоватым». Для обозначения других оттенков света они используют термин «красный», «белый», «желтый» и так далее. Так же как мы способны отличить твердую скалу от тины по их плотности, они различают предметы в соответствии с видом света, который те отражают. Следовательно, они обладают чувством, которого мы, шади, лишены. Конечно, я знаю, что шади являются высшей формой развития живых существ, но это наблюдение, если оно справедливо, наводит на важные размышления.

Я продолжал медленно двигаться вверх, останавливаясь лишь затем, чтобы выполнить необходимые упражнения и освободиться от газа в плавательном пузыре, когда его расширение грозило стать неуправляемым. Пока я поднимался все выше и выше, мужчина и женщина в Объекте испытывали чувства совершенно необычной природы. Эти чувства были невероятно остры, и я сомневаюсь, что любой из шади когда-либо испытывал нечто подобное. Естественно, чувство, которое они называют «любовь», совершенно непонятно для шади, и его можно ощутить только через восприятие таких вот существ. Их поведение было весьма причудливым. Например, женщина обхватила мужчину своими парными щупальцами и прижалась к нему, даже не пытаясь разорвать его на части.

Мысль о том, что два существа одного и того же вида могут получать удовольствие, находясь вместе, и при этом не делают попыток поглотить друг друга, кроме времени Мирных Течений, совершенно невероятна для шади. Тем не менее я полагаю, что такое поведение является для них нормой.

Однако мое сообщение становится слишком длинным. Я плыл выше и выше. Существа внутри Объекта переживали ощущения, которые становились все сильнее и поразительнее. Через некоторое время мужчина сообщил женщине, что они находятся на глубине четырех тысяч футов от Поверхности, затем двух тысяч и, наконец, одной. Меня буквально захлестнуло любопытство. Проделав в последний раз упражнения Морпта, я продолжал подъем и столкнулся с новым, совершенно необъяснимым явлением. Мое чувство пространства подсказывало, что впереди находится какое-то препятствие.

Мне трудно передать свои ощущения, когда я наткнулся на этот барьер. Я хорошо представлял себе среду, окружающую меня со всех сторон, но только не сверху; там не было ничего! Ничего!

Сначала я почувствовал тревогу. Я продвинулся вверх на половину длины своего тела, и барьер приблизился. Осторожно и даже с некоторой робостью я начал приближаться к нему.

— Пятьсот футов,— сказал мужчина внутри Объекта.— Боже мой, только пятьсот футов! Скоро мы увидим блики света в толще воды. Хотя нет, ведь сейчас ночь.

Я остановился, размышляя.

Теперь я настолько приблизился к барьеру, что мог вытянуть свое первое щупальце и дотронуться до него. Мои колебания были довольно-таки долгими. Затем я решился его коснуться. И ничего не произошло. Я храбро выставил щупальце наружу. Оно попало в Пустоту: там, где оно находилось, не было воды. С огромным волнением я понял, что нахожусь под центральным пузырем, что я, единственный из всех живущих шади, добрался сюда и посмел его коснуться. Мое щупальце, находящееся в пузыре над Поверхностью, испытывало ощущение огромной тяжести, словно газ всех покинувших нас шади отталкивал меня назад. Но они не нападали, они явно не собирались причинить мне какой-нибудь вред.

Я испытывал в тот момент восхитительное ощущение гордости. Я чувствовал себя так, как будто победил и поглотил шади, который больше меня размером. И, находясь в состо-

янии небывалого восторга, я вдруг понял чувства существ внутри Объекта.

— Триста футов? — произнес мужчина с волнением.— Не станет же он останавливаться здесь! Боже мой, судьба не может быть такой жестокой!

Я почувствовал удовольствие, разделяя эмоции этих двух существ. Сейчас они переживали новое чувство, которое являлось таким же странным для меня, как и все остальные. Это было ощущение, которое казалось мне предвестником других чувств. Женщина назвала его.

— Это безумие,— сказала она мужчине,— но почему-то у меня снова проснулась надежда.

Так как я находился в состоянии удовлетворения и интеллектуального любопытства, мне, осмелившемуся совершить так много, показалось таким естественным желание продолжить эксперимент. Я поплыл дальше вдоль склона. Поверхность, ощущаемая мной как некая преграда, становилась все ближе и ближе.

— Сто футов,— сказал мужчина, испытывавший чувство мучительного нетерпения, которое, однако, доставило мне интеллектуальное удовольствие благодаря своей новизне.

Я перехватил Объект передними щупальцами и подтолкнул его вперед. Мужчина пережил взрыв сильного чувства под названием «надежда».

— Двадцать пять футов! — воскликнул он.— Дорогая, если мы снова начнем опускаться, я открою люк и мы выплывем наружу, пока батисфера будет наполняться водой. Я не знаю, близко ли берег, но нам стоит рискнуть.

Женщина прижалась к нему. Мучительная надежда, наполнявшая ее, смешалась с чувством восторга, которое я испытал от сознания своей дерзости и удачи. Я толкнул Объект еще дальше. Поверхность была уже так близка, что часть моего щупальца поднялась над ней. Волнение внутри Объекта достигло апогея. Я с усилием продвигал Объект вверх, преодолевая сопротивление среды внутри пузыря, пока он не пробил Поверхность. Теперь Объект оказался уже не в воде, а в газе: он застыл на чем-то твердом, что само по себе соприкасалось только со средой пузыря.

Мужчина и женщина что-то лихорадочно делали внутри Объекта. От него отделилась часть, и они выбрались наружу. Существа открыли пасти и стали издавать крики. Затем они обхватили друг друга щупальцами и соединили пасти, но не затем, чтобы поглотить друг друга, а чтобы таким образом выразить свои чувства. Они оглядывались с невыразимым облегчением, и я смотрел на мир их глазами. Поверхность простиралась вокруг настолько, насколько могли видеть их глаза; при этом она была неровной и неспокойной, но на удивление плоской. Существа стояли на твердой поверхности, из которой торчали различные предметы непонятного назначения. Вверху над ними зияла бесконечная тьма, испещренная неизмеримым количеством маленьких ярких источников света.

— Слава богу! — сказал мужчина.— Мы снова видим деревья и звезды.

Они чувствовали себя в полной безопасности и были спокойны, словно попали в период Мирных Течений, усиленный в тысячу раз. И тут я, то ли опьяненный собственной смелостью, то ли под влиянием эмоций, переданных существами, вытолкнул свои щупальца через Поверхность. Вес их был огромен, но ведь и сила моя велика.

Осмелев, я начал всплывать.

Мое тело пробило поверхность, и его верхняя часть оказалась в центральном пузыре. Я находился в нем и при этом все еще был жив! Вес мой увеличился сверх всякой меры, но долгое восхитительное мгновение я нависал над Поверхностью и видел своими собственными глазами, всеми восемью десятками, Поверхность под собой и кусок твердого основания, на котором стояли мужчина и женщина. Я, Сард, сделал это!

Когда я опять погрузился в воду, до меня долетели мысли потрясенных существ.

— Морской змей,— произнес мужчина, явно сомневаясь в состоянии своего рассудка, так же как вы можете усомниться в моем.— Вот кто все это проделал!

— А почему бы и нет, милый? — спокойно сказала женщина,— Это чудо, но ведь людям, которые любят друг друга так, как мы, просто нельзя дать умереть.

Мужчина продолжал напряженно вглядываться в то место Поверхности, где я показался из воды. Я уловил его беспокойство.

— В это никто не поверит. Они скажут, что мы просто свихнулись... Но, черт побери, вот батисфера, и трос действительно порвался, когда мы находились над бездной. Когда нас обнаружат, мы скажем, что не имеем понятия, как это произошло. Пусть разбираются сами.

Я отдыхал, зависнув недалеко от Поверхности, и думал о многих вещах сразу. Прошло довольно много времени, и появился свет. Он был невыносимо ярким и проникал в глубь водной среды.

Все это произошло много течений назад, так как я не мог возвратиться в Хонду раньше, чем накопится нужный запас газа в моем плавательном пузыре. Я оставался вблизи Поверхности, пока мой организм не пришел в равновесие с окружающей средой. Потом я начал медленно опускаться, часто останавливаясь, дожидаясь, пока моя «бессмертная часть» восстановится. Очень сложно питаться теми маленькими существами, которые населяют Высоты; путь к Поверхности слишком долог. Я тратил все периоды бодрствования на добычу пищи, и у меня почти не было времени для размышлений. Мне ни разу не удалось наесться досыта, но когда я вернулся в свою пещеру, то обнаружил, что ее занял другой шади. Я прекрасно поел.

Затем наступило время Мирных Течений. И теперь, закончив процесс воспроизведения, я представляю доклад о своем путешествии к Поверхности на суд всех шади. Даже если меня объявят безумцем, мне больше нечего к нему добавить. Вот мой доклад. А теперь решайте, о шади! Безумен ли я?

Я, Морпт, во время Мирных Течений выслушал доклад Сарда и, посовещавшись с другими шади, объявляю, что он явно перепутал желаемое с реальностью.

Его описание путешествия к Поверхности, там, где оно не связано с вымышленными существами из Объекта, не противоречит науке. Но совершенно очевидно, что существа не могут жить постоянно рядом друг с другом и при этом не подчиняться инстинкту добывания пищи. Абсолютно точно известно, что никакие создания не способны жить в газовой среде. Существование различных оттенков света — явная чепуха. Психология существ, подобных описанным Сардом, возможна только в снах.

Поэтому мы пришли к решению, что доклад Сарда не соответствует научным знаниям о Вселенной. При этом вполне вероятно, что сейчас он находится в здравом уме. Возможно, путешествие к великим Высотам вызвало физиологические отклонения в деятельности его организма, следствием которых явилось возникновение иллюзий. Из его сообщения можно сделать вывод, что путешествие к Высотам хотя и возможно благодаря изобретенной мной системе упражнений, но совершенно бессмысленно и не должно впредь совершаться никем из шади. Сообщение сделано во время Мирных Течений...

Из четвертого измерения

Пит Дэвидсон был обручен с Дейзи Мэннерс, которая выступала в ревю «Зеленый рай». Он только что стал наследником своего единственного дядюшки, всемирно признанного физика, авторитета во всем, что касается четвертого измерения. Кроме того, Пит стал большим другом дядюшкина необычайно милого гигантского кенгуру по имени Артур. И все же он не обрел истинного счастья. Это выяснилось в то самое знаменательное утро.

Сидя в лаборатории своего дядюшки, Пит старательно вел подсчеты на бумажке. Когда он подвел итог, ему оставалось только в отчаянии взъерошить волосы. Потом он начал делить и умножать. Однако результат оставался таким же запутанным и невероятным, как формулы его покойного родственничка с его четвертым измерением.

Время от времени в дверь заглядывала подобострастная лошадиная физиономия. Это был Томас, верный слуга его дядюшки. Пит опасался, что унаследовал его вместе со всем остальным имуществом.

— Прошу прощения, сэр,— нерешительно сказал Томас.

Взъерошенный Пит откинулся на спинку кресла.

— Что там у вас, Томас? Что еще выкинул Артур?

— Он ощипывает последние георгины в саду, сэр. Я бы хотел узнать у вас, сэр, насчет ланча. Что вам приготовить?

— Что хотите! — ответил Пит.— Все, что вам придет в голову! А впрочем, нет. Чтобы разобраться в делах моего дядюшки Роберта, нужны нормальные мозги. Поэтому дайте

© Перевод И. Почиталина.

мне что-нибудь с большим содержанием фосфора и витаминов. Я в этом очень нуждаюсь!

— Да, сэр,— сказал Томас.— Однако лавочник, сэр...

— Опять? — беспомощно спросил Пит.

— Да, сэр,— сказал Томас, входя в лабораторию.— Я надеялся, что дела пойдут лучше.

Пит покачал головой, с отчаянием глядя на свои подсчеты.

— Лучше не будет,— сказал он.— Заплатить долги лавочнику — далекая и туманная мечта. Это ужасно, Томас! Мне казалось, мой дядя купается в золоте, и я думал, что четвертое измерение — это математический казус, а не полнейшее мотовство. Но по всей видимости, мой дядя Роберт устраивал какие-то немыслимые оргии с квантами и пространственно-временными перемещениями! Мне от него не осталось в наследство ничего, если не считать долгов!

Томас что-то хрюкнул, видимо выражая соболезнование.

— Я бы один еще это выдержал,— мрачно продолжал Пит.— Даже Артур с его простецким кенгуриным сердцем смог бы это выдержать, да будет он здоров и благополучен. Но Дейзи! Вот в чем загвоздка! Дейзи!

— Дейзи, сэр?

— Моя невеста,— пояснил Пит.— Она танцует в шоу «Зеленый рай». Прыгает — как кенгуру. Я сказал Дейзи, что получил в наследство целое состояние. И как же она будет разочарована!

— Весьма печально, сэр,— сказал Томас.

— Ваше замечание, Томас, всего лишь юмористическое преувеличение. Дейзи не такая, чтобы легко переживать разочарования. Когда я ей попытаюсь объяснить, что все состояние моего дядюшки улетело в четвертое измерение, Дейзи перестанет меня слушать и притворится круглой дурочкой. Вам когда-нибудь приходилось любить девушку, которая притворяется дурочкой?

— Нет, сэр. Но как же насчет ланча?

— За ланч еще надо заплатить,— сказал угрюмо Пит.— Черт побери! Во всех моих карманах не больше сорока центов, Томас. И Артура нельзя бросить, чтобы он не подох с голоду. Дейзи это не очень-то понравится. Ну ладно, посмотрим, что еще нам досталось!

Он встал из-за стола и обвел лабораторию хищным взглядом. Комната была не очень-то уютной. В середине ее возвышалось сооружение из железных прутьев высотою около четырех футов. Томас сказал, что это тессеракт — модель куба, который существует в четырех измерениях, а не в трех.

Питу он показался скорее средневековым орудием пытки, которое употреблялось в последнем теологическом споре с еретиками. И Пит подумал, что из всех, кто по-настоящему заслуживал такой чести, первым был бы его дядюшка.

Были тут и другие приборы разной величины, но в основном в разобранном виде. Похоже было, что кто-то израсходовал огромное количество времени, терпения и денег, чтобы создать нечто совершенно ни на что не годное.

— Да, тут поживиться нечем,— удрученно сказал Пит.— Из этого не сделаешь даже гармошку, чтобы Артур плясал под нее на площадях.

— Но еще есть демонстратор четвертого измерения,— с надеждой сказал Томас.— Ваш дядя отладил его, сэр, и он работал, и это было чудесно, сэр.

— Великолепно! — воскликнул Пит.— А что это такое, демонстратор? И что он может делать?

— О, сэр, он демонстрирует, то есть воспроизводит вещи из четвертого измерения. Это работа всей жизни вашего дяди, сэр,— сказал Томас.

— Ну что ж, посмотрим на результат всей его жизни,— сказал Пит.— Может быть, и нам удастся заработать на жизнь, показывая его четырехпространственный демонстратор в витринах универмагов. Но я очень сомневаюсь, чтобы моей Дейзи приглянулась такая карьера.

Томас торжественно подошел к занавесу, который отделял часть комнаты. Пит думал, что там стоит какой-то шкаф. Томас отвернул занавес, и за ним оказалось нечто вроде чудовищного переплетения проводов, единственное назначение которого было, по-видимому, доказать, что это невероятно сложное сооружение. В середине этого сооружения Пит увидел несколько огромных, поставленных вертикально подков высотой больше семи футов. Между ними находился стеклянный диск толщиною более дюйма, который, видимо, мог вращаться. А под диском была фундаментальная массивная плита, к которой подходили толстые медные трубы от охлаждающей установки в углу лаборатории.

Томас включил аппарат, послышался глухой низкий звук. Пит смотрел и молчал.

— Ваш дядя все время говорил сам с собой, сэр,— сказал Томас.— Я догадывался, что он достиг величайшего научного успеха. Видите ли, сэр, четвертое измерение — это время.

— Я ужасно рад, что вы все это объяснили так просто,— сказал Пит.

— Да, сэр. Насколько я понял, сэр, если бы кто-нибудь пригласил хорошенькую девушку, и если бы эта девушка должна была наступить на банановую кожуру и поскользнуться, и если бы этот кто-нибудь пожелал, чтобы все это случилось на две минуты раньше или чтобы они были от этой банановой кожуры за сто ярдов...

— Хорошенькая девушка по всем законам природы все равно бы наступила на банановую кожуру и шлепнулась, несмотря на все его пожелания, по всем законам природы,— заключил Пит.

— Да, сэр,— сказал Томас.— Но демонстратор разрешает все проблемы, с его помощью удалось бы удалиться от места встречи с юной леди не только в пространстве, но и во времени, иначе было бы слишком поздно. Проще говоря, ему удалось бы отступить на ярд и еще на две минуты назад. Вот ваш дядюшка, сэр, и построил этот демонстратор...

— Чтобы с честью выйти из подобной ситуации, если она возникнет,— закончил за него Пит.— Превосходно! Однако боюсь, что это не решит наших финансовых проблем.

Охлаждающее устройство перестало гудеть. Томас торжественно зажег спичку.

— Надеюсь, мне будет позволено закончить демонстрацию, сэр,— сказал он с надеждой.— Видите, я зажигаю эту спичку и кладу на стеклянный диск между концами подковы. Температура нормальная, значит, все должно сработать.

Из недр машины послышалось удовлетворенное похрюкивание. Так продолжалось несколько секунд. Затем массивный стеклянный диск внезапно повернулся примерно на одну восьмую оборота. Опять что-то загудело. Звук оборвался. И так же внезапно на стеклянном диске появилась еще одна потухшая спичка. Машина торжествующе что-то забормотала.

— Вы видите, сэр? — спросил Томас.— Она создала другую обгорелую спичку. Извлекла ее в настоящее из прошлого, сэр. Здесь, на этом вот месте лежала обгорелая спичка, пока стеклянный диск не повернулся на несколько секунд назад. Это как с девушкой и банановой кожурой, сэр. Машина вернулась к тому месту, где лежала первая спичка, а потом вернулась к тому мгновению, где была первоначально спичка, и наконец перенесла ее вперед, в настоящее.

Диск повернулся еще на одну восьмую оборота. Аппарат покряхтывал и гудел. Гудение прекратилось. На стеклянном диске лежала третья обгорелая спичка. Гудение и покряхтывание возобновились.

— И так он может продолжать до бесконечности, сэр,— с радостью сказал Томас.

— Похоже, я начинаю постигать истинное величие науки,— сказал Пит.— Всего-навсего с помощью двух тонн проводов и стали и всего лишь за какие-то двести тысяч долларов, не считая усилий всей его жизни, дядюшка Роберт оставил мне в наследство машину, которая обеспечит меня обгорелыми спичками навсегда! Томас, этот аппарат — непревзойденный научный шедевр!

Томас просиял.

— Великолепно, не правда ли, сэр? Я рад, что вы его оценили. Но как быть с ланчем, сэр?

Машина, погудев и пощелкав, как ей полагалось, воспроизвела четвертую обгорелую спичку и загудела еще более торжественно. Она готовилась снова выудить такую же спичку из еще более далекого времени.

Пит осуждающе посмотрел на слугу, который тоже, по-видимому, был завещан ему дядей Робертом. Пит сунул руку в карман и вытащил свои сорок центов. Тут машина снова загудела. Пит вздрогнул, взглянул на нее и покачал головой.

— Если уж говорить о науке,— сказал он мгновение спустя.— У меня тут возникла одна чисто финансовая мысль. Горю желанием проверить ее.

Он посмотрел на чудовищный гудящий демонстратор четвертого измерения.

— Удались отсюда минут на десять, Томас. У меня есть важное дело!

Томас исчез. Пит повернулся к демонстратору.

Сначала он рискнул самой мелкой монеткой, пятицентовиком, решительно положив его на стеклянный диск. Машина заработала. Она защелкала, загудела, смолкла, и на пластине толщиною в дюйм оказалось два пятицентовика. Ко второму пятицентовику Пит добавил десятицентовик. К концу следующего цикла он отчаянно взъерошил волосы и добавил к кучке монет все, что у него оставалось,— последние четверть доллара. Не веря своим глазам, он смотрел на результат операции. А потом начал удваивать суммы.

Минут десять спустя Томас деликатно постучался.

— Прошу прощения, сэр,— произнес он, на что-то еще надеясь,— я насчет ланча, сэр...

Пит выключил демонстратор.

— Томас,— сказал он как можно спокойнее.— Составьте сами меню для ланча. Возьмите корзинку с этой мелочью для размена и ступайте в магазин. Да, кстати, Томас, у вас нет каких-нибудь денег покрупнее четверти доллара? Полдоллара? Это, пожалуй, сойдет. Мне бы хотелось показать Дейзи что-нибудь впечатляющее, когда она приедет.

Мисс Дейзи Мэннерс из мюзикла «Зеленый рай» была именно той дамочкой, которая могла принять четырехмерный демонстратор без всяких там лишних вопросов и немедленно в полной мере воспользоваться результатами современных достижений передовой науки. Она поздоровалась с Питом рассеянно, зато очень заинтересованно осведомилась, сколько именно получил он в наследство. И Пит провел ее в лабораторию. Он снял чехол с демонстратора.

— Вот все мои драгоценности,— сказал Пит напыщенно.— Дорогуша, может быть, это тебя потрясет, но... нет ли у тебя четверти доллара?

— Ну и нахал же ты! — откликнулась Дейзи.— Спрашивать у меня денег! А может, ты вообще соврал о наследстве?

Пит нежно ей улыбнулся. Он достал из кармана собственный четвертак.

— Смотри, дорогая! Я сейчас кое-что сделаю только для тебя!

Он включил демонстратор и в самых общих чертах объяснил его действие, пока изнутри машины раздавалось гудение

и пощелкивание. Стеклянный диск повернулся, на нем появился второй четвертак, и Пит начал удваивать ставки, продолжая объяснять. Через несколько секунд появилось четыре монеты. Пит снова удвоил ставку. Теперь появилось восемь монет... шестнадцать, тридцать две, шестьдесят четыре, сто двадцать восемь... И тут столбик монет рассыпался: Пит выключил аппарат.

— Ты видела, дорогая? Все это из четвертого измерения, и все — для тебя! Дядюшка изобрел машину, я ее получил в наследство. Хочешь, я разменяю твои банкноты на эту мелочь?

Теперь уже Дейзи вовсе не казалась рассеянной. Наоборот! Пит передал ей аккуратный столбик монет, она ему — пачку долларов.

— Теперь отныне и навсегда, дорогая,— сказал он радостно,— как только тебе понадобятся деньги, тебе стоит лишь прийти сюда, включить машину, и — дело в шляпе! Что может быть лучше?

— Я хочу денег сейчас,— сказала Дейзи.— Мне надо купить себе приданое.

— Я так и знал, что ты подумаешь об этом! — с восторгом воскликнул Пит.— Сейчас все будет! А пока денежки множатся, мы с тобой попируем...

Демонстратор начал пощелкивать и покряхтывать: теперь на его стеклянном диске множились банкноты вместо четвертаков. Один раз, для верности, аппарат сам приостановил работу, и охлаждающее устройство несколько минут озабоченно ворчало. Затем демонстратор снова заработал, самоуверенно выуживая дубликаты из ближайшего прошлого.

— У меня еще нет определенных планов,— объяснял Пит.— Я хотел сначала поговорить с тобой. Надо обо всем условиться. Я бы, например, присмотрел как следует за Артуром. Ты знаешь, он обожает сигареты. Он их жует, и, хотя это может показаться странным для кенгуру, ему они ничуть не вредят. Я использовал для него демонстратор: удваивал и удваивал пачки сигарет, и теперь у него ой-ой-ой какой запас, и все табак его любимого сорта. И еще я задумал открыть приличный счет в банке. Я подумал, что было бы странно и

непонятно, если бы мы вдруг купили дом на Парк-авеню и спокойненько предложили в уплату кучу банкнотов. Нас заподозрили бы в ограблении банка!

— Глупости! — отрезала Дейзи.

— Что ты сказала?

— Ты мог удваивать эти доллары, как ты удваивал монеты,— сказала Дейзи.— И тогда у меня было бы гораздо больше долларов!

— Дорогая,— проникновенно сказал Пит,— какая разница, сколько долларов у тебя, если их сколько хочешь у меня?

— Да есть разница! — сказала Дейзи.— Ты можешь со мной поссориться.

— Никогда в жизни! — вскричал Пит. Затем добавил, малость подумав: — Пока мы не догадались, что можно удваивать банкноты, мы с Томасом засыпали целый угольный бункер монетами в четверть и в полдоллара. И все они здесь, в подвале!

— Лучше всего были бы золотые монеты,— сказала Дейзи, напрягая до предела свои умственные возможности.— Если бы тебе удалось достать хоть одну! Ах, если бы!

— Ах, если бы! — повторил Пит.— Постой-ка! У Томаса вроде бы была золотая пломба! Мы ее вытащим и будем умножать, пока она не станет весом в один фунт, ну, примерно. А потом переплавим ее в маленький слиток и опять положим в демонстратор. Дорогая моя, ты будешь просто поражена, когда заглянешь туда, где хранятся семейные ценности!

— А еще можно с драгоценными камнями,— задумчиво сказала Дейзи.— Так будет еще быстрее!

— Если ты так уж любишь драгоценности,— нежно сказал Пит,— у нас их будет полное мусорное ведро! Нам просто некуда будет их девать! Хорошо ты придумала...

— Знаешь, давай сразу поженимся! — с энтузиазмом сказала Дейзи.— Ты не против?

— Еще бы! Мы это в один момент! Сейчас я где-нибудь поймаю машину...

— Поймай, дорогуша! — воскликнула Дейзи.— А я пока присмотрю за этим, как его, демонстратором.

Сияя от восторга. Пит страстно поцеловал ее и ринулся из лаборатории. Внизу он позвонил в дверь Томаса. Позвонил

еще раз. Тот ответил только на третий звонок. Томас был бледен как смерть.

— Прошу прощения, сэр,— сказал он, заикаясь.— Могу я собрать ваш чемодан?

— Я собираюсь жениться!.. А зачем собирать чемодан? Что стряслось?

— Нас сейчас арестуют, сэр,— сказал Томас. Он поперхнулся.— И я полагаю, сэр, что вы сами будете этому рады. Один знакомый в деревне, сэр, сказал мне, что там все считают нас самыми страшными врагами общественного порядка и в соответствии с этим собираются с нами разделаться. Он сообщил мне об этой новости по телефону.

— Томас, вы случаем не выпили?

— Нет, сэр,— ответил Томас заупокойным тоном.— Еще не выпил. Но это превосходное предложение, благодарю вас, сэр.— И добавил с отчаянием: — Все дело в деньгах, сэр. В банкнотах. Если вы помните, сэр, мы никогда не меняли монеты на другие, а потом не меняли банкноты. И делали банкноты, один, два, четыре, восемь, шестнадцать...

— Ну, конечно! — воскликнул Пит.— Это нам и нужно было! А почему бы нет?

— Все дело в серийных номерах, сэр! Все долларовые бумажки, которые производил демонстратор, имели один и тот же серийный номер — точно так же, как все пяти- и десятидолларовые и все прочие, сэр. Какой-то человек, с манией, что кругом одни фальшивомонетчики, обнаружил вдруг у себя банкноты с одинаковым номером. Секретная финансовая служба проследила, откуда они появляются. Они напали на наш след. Они придут к нам, сэр. За это преступление полагается двадцать лет, сэр. Мой... мой друг из деревни спрашивает, согласны ли мы поделиться с ним и удрать, и если мы согласны, он согласен предупредить нас вовремя...

Томас заломил руки. Пит смотрел на него, медленно соображая.

— Значит, так,— сказал он задумчиво.— Значит, все эти банкноты фальшивые. Я и представить себе не мог. Придется нам, Томас, признаться, что мы виновны. И наверное, Дейзи не согласится выйти за меня, если я сяду в тюрьму. Пойду расскажу ей, какие вышли дела.

И тут он вздрогнул. Он услышал голос Дейзи, очень сердитый голос! Через мгновение шум усилился. Он превратился в непрерывную визгливую перебранку на очень высоких тонах. И становился все громче! Пит бросился в лабораторию. Он вбежал и остановился, потрясенный. Демонстратор все еще работал. Дейзи видела, как Пит укладывал банкноты на вращающийся стеклянный диск, видела, как он удваивал пачки для следующего оборота. И наверняка решила последовать его примеру. Одна последняя пачка долларов, видимо, рассыпалась, и Дейзи вскочила на стеклянный диск, чтобы ее поправить. И демонстратор включил Дейзи в свою программу.

Когда Пит вбежал в лабораторию, там было сначала три Дейзи. Он оцепенел от ужаса. Появилась четвертая Дейзи! Демонстратор пощелкивал и гудел, и в этих звуках слышалось нечто похожее на торжество. Он произвел пятую Дейзи. Пит бросился к приборному щиту, но не успел повернуть выключатель: демонстратор создал шестую копию Дейзи Мэннерс из мюзикла «Зеленый рай». Она могла бы сыграть великолепный спектакль «Мэннерс — шесть — Мэннерс», но Пит, глядя на ушестеренную любовь своей души, был просто парализован.

Потому что все Дейзи были не только абсолютно идентичны внешне, так сказать, с одним серийным номером, но обладали идентичными мнениями и убеждениями, что именно им — одной из них — принадлежат пачки долларов на стеклянном диске. И все они стремились схватить их. И все Дейзи яростно переругивались. И все Дейзи говорили друг другу о том, что они думают о себе вообще и в частности, и их мнение о самих себе — или о самой себе? — было далеко не лестным.

Артур, подобно Дейзи, имел счастливый характер. Он вовсе не походил на тех кенгуру, которые ожидают от окружающих одних неприятностей. Наоборот! Он мирно пасся на газоне, пощипывая листики герани, и время от времени заглядывал через шестифутовую изгородь в надежде, что на аллею выбежит какая-нибудь дура собака и залает на него. Или на худой конец вместо собаки появится прохожий и при виде его уронит сигарету, и тогда ему, Артуру, удастся подхватить и сжевать окурок.

Первое время, когда он поселился здесь, те и другие приятнейшие события происходили довольно часто. Средний, ни о чем не подозревающий прохожий при виде выскакивающего на него кенгуру ростом в пять футов — зверя из Австралии, страны антиподов,— как правило, бросал все, что было у него в руках, и спасался бегством. Иной раз среди этих брошенных предметов попадались сигареты.

В собаках тоже не было недостатка, но они почему-то не очень хотели потом играть с Артуром. Потому что у Артура было свое представление об игре с чужими, незнакомыми собаками, особенно с теми, которые на него лаяли,— схватить такого пса передними лапами и лупить его задними, пока у того не потемнеет в глазах!

Артур пасся на лужайке и пребывал в мрачном настроении. Из-за этого мрачного настроения он был готов разрядиться на ком угодно, кто только подвернется. Из лаборатории слышались визг и вопли, но Артур никогда не вмешивался в семейные свары. Однако когда появились представители власти, он очень заинтересовался. Их было двое, и прибыли они на джипе. Они вошли в ворота и решительно зашагали к парадной двери.

Артур, подпрыгивая, обежал дом и появился из-за угла как раз в тот момент, когда полицейские громко застучали в дверь. До этого момента он делал вид, что мирно пасется на тощих грядках Томаса, выясняя, почему несчастные оставшиеся кочны капусты растут так медленно. Услышав стук в дверь, он легко совершил прыжок эдак футов в тридцать и затормозил на хвосте, с интересом разглядывая посетителей.

— Б-б-боже мой! — пролепетал коротенький квадратный полицейский. Он курил сигарету. Теперь она выпала у него изо рта, а он схватился за пистолет.

Тут-то он и совершил ошибку. Артур обожал сигареты. А эта оказалась всего в каких-нибудь пятнадцати футах от него. Он совершил великолепный прыжок!

Представитель власти взвизгнул, увидев Артура в полете и летящим прямо на него. В такой момент Артур мог кого хочешь испугать. Полицейский выстрелил наугад и, к счастью, промахнулся. Артура это не остановило. Выстрелы для него ничего не означали. Всего лишь громкие звуки вроде выхлопов автомобилей, у которых плохо отрегулирован карбюратор. Он приземлился с размаху почти на ноги полицейского, и тот в панике набросился на него, истерически размахивая руками, причем в одной из них был пистолет.

Артур был добрейшим кенгуру, но не любил, когда на него нападали, очень не любил.

Коротенький квадратный полицейский снова взвизгнул, когда Артур схватил его передними лапами. Его товарищ прислонился спиной к двери, готовясь продать свою жизнь подороже. Но тут — все произошло одновременно,— когда Артур уже приготовился выбить дух из этого коротенького квадратного полицейского, Томас, решив, что терять ему нечего, отпер дверь за спиной другого полицейского, и тот, ввалившись внутрь, ударился затылком о порог и потерял сознание.

Минут пятнадцать спустя коротенький квадратный полицейский мрачно заключил:

— Ну и вляпались же мы! Спасибо, что избавили меня от этого прыгающего страшилища, а Кейси благодарит вас за выпивку. Но дело в том, что мы выслеживали банду фальшивомонетчиков, которые выпускали чертовски похожие банкноты. След вел прямо к вам. Но если бы это было так, вы бы нас пристрелили. А вы этого не сделали. Значит, нам придется начинать все сначала.

— Боюсь, что след приведет вас снова ко мне,— с огорчением согласился Пит.— Но я не знаю, что могут агенты правительства сделать с четырехмерным демонстратором. Потому что он и есть главный виновник. Я вам сейчас покажу.

Он повел полицейского в лабораторию. Артур последовал за ними, пылая жаждой реванша. У полицейского такого желания явно не было.

— Лучше угостите его сигаретой,— предложил Пит.— Он их жует. А потом он будет вашим лучшим другом на всю жизнь.

— Нет уж, спасибо, черт побери! — сказал коротенький квадратный полицейский.— Лучше держитесь между этим страшилищем и мной! Разве что Кейси захочет стать его другом...

— У меня нет сигарет,— испуганно сказал Кейси.— А сигара не подойдет?

— Пожалуй, будет слишком крепко с утра пораньше,— рассудил Пит.— Но вы можете попробовать.

Артур прыгнул. Он приземлился в двух шагах от Кейси. Тот протянул ему сигару. Артур обнюхал ее и взял. Он сунул сигару в рот, откусил кусочек.

— Все в порядке! — радостно воскликнул Пит.— Ему понравилось. Пойдемте за мной!

Они подошли к лаборатории, открыли дверь и отшатнулись. Там царил хаос! Демонстратор работал, а Томас, бледный и растерянный, следил за его действием. Демонстратор выбрасывал пачки банкнотов величиной с тюки хлопка. Когда каждый такой тюк появлялся из четвертого измерения, Томас хватал его и передавал очередной Дейзи, которые выстроились в ряд, видимо по принципу старшинства. Но Дейзи все время яростно ругались между собой, потому что одна или другая из них то и дело пыталась сжульничать.

— А это моя невеста,— спокойно сказал Пит.

Однако квадратный полицейский увидел только кипу зеленьких банкнотов, которые появлялись неизвестно откуда. Он выхватил короткоствольный массивный пистолет.

— Значит, у вас там за этой стенкой печатный станок, да? — сказал он угрожающе.— А ну-ка я погляжу!

Он двинулся вперед, как бульдозер, оттолкнул ошалевшего Томаса и взобрался на стеклянный диск толщиною в дюйм. Пит в ужасе бросился к выключателю. Но было уже поздно. Стеклянный диск совершил одну восьмую оборота. Демонстратор восторженно заурчал, и, прежде чем Пит онемевшими пальцами сумел выключить всю систему, на диске стояло двое идентичных полицейских.

Оба полицейских смотрели друг на друга с тупым изумлением, не веря своим глазам. У Кейси волосы встали на голове дыбом. И тут Артур положил ему переднюю лапу на плечо. Артуру понравилась сигара. Дверь в лабораторию осталась открытой. Он и вошел попросить еще одну сигару. Но нервы Кейси не могли больше выдержать. Он дико вскрикнул и бросился прочь, вообразив, что Артур прискакал по его душу. Кейси вломился в тессеракт и безнадежно запутался в его переплетениях.

Артур был очень милым кенгуру, но в то же время очень чувствительным. Вопли и явный страх Кейси весьма огорчили его. Он прыгнул наугад, сбил с ног Пита, который ухва-

тился за выключатель демонстратора и случайно повернул его, и приземлился на диске между двумя ошарашенными копиями коротенького полицейского. Но у обоих была свежа в памяти первая встреча с Артуром, поэтому их словно ветром сдуло, прежде чем диск начал вращаться.

А вот Артур остался. Держась за какой-то рычаг демонстратора, он успел только наподдать ближайшей копии коротенького квадратного человечка, так что тот вылетел за дверь, описав длинную изящную дугу.

Пит в это время боролся с другим дубликатом, который размахивал пистолетом и требовал объяснений охрипшим от возмущения голосом.

Пит пытался растолковать ему феномен четвертого измерения на примере хорошеньких девушек, которые могли бы поскользнуться на банановой кожуре, но полицейский решительно заявил, что все это чушь собачья. И тут же завопил охрипшим голосом, когда еще один Артур спрыгнул с вращающегося стеклянного диска, а за ним появились на сцене третий, четвертый, пятый, шестой и седьмой Артуры.

Полицейский орал на Пита, пока отчаянный визг всех Дейзи не заставил его обернуться: лаборатория была полна пятифутовых Артуров, которые все с радостным изумлением знакомились друг с другом, то есть с самим собой и выражали искреннее желание наконец-то поиграть в свои кенгуровые игры.

Артур был единственным существом, обрадованным этим поворотом событий. До сих пор ему приходилось довольствоваться в основном своим собственным обществом. А теперь вдруг такая многочисленная и шикарная компания! Из единственного однополого кенгуру Артур превратился в целое стадо! И, забыв от счастья всякие приличия, Артуры принялись играть в своего рода веселую кенгуриную чехарду, опрокидывая все, что можно было опрокинуть в лаборатории.

Полицейский упал на четвереньки и сразу стал главным участником этой беспорядочной чехарды: все Артуры с восторгом прыгали через него. Дейзи вопили от ярости. А Артуры выбирали все новые точки опоры для своих прыжков, пока один из них не вздумал перепрыгнуть через двигатель демонстратора. Когда Артур оттолкнулся от него, сложнейший

механизм яростно заскрипел и ударил током. Артур в ужасе бросился вон через окно, и все остальные Артуры помчались за ним, полагая, что все это — забавнейшая игра!

Через секунду в лаборатории не было ни одного Артура. Но демонстратор издавал какие-то странные мучительные звуки. Кейси как застрял, так и остался в решетке тессеракта, сквозь которую смотрел на мир с выражением узника в камере смертников. В лаборатории оставался только один из двух коротеньких полицейских. Но этот лежал без сознания. А все Дейзи были настолько разъярены, что ни одна из шести не могла произнести ни звука. Один лишь Пит оставался в здравом уме и в меланхолическом спокойствии.

— Ну что ж,— сказал он философским тоном,— дела вроде улаживаются. Но с демонстратором что-то случилось.

— Сожалею, сэр,— проговорил Томас загробным тоном,— но я ничего не смыслю в механике.

Одна из Дейзи сердито сказала другой Дейзи:

— Ну и нахалка же ты! Эти деньги вон там мои!

Обе бросились на стеклянный диск. Три других Дейзи, возмущенно протестуя, кинулись за ними. А шестая, и Питу показалось, что это была настоящая Дейзи, принялась быстренько хватать доллары из кучек банкнотов, которые успели собрать остальные.

И тут демонстратор издал странный звук. Пит с отчаянием бросился осматривать рычаги. Он нашел то место, куда прыгнул один из Артуров, увидел отключенный рычаг, который, видимо, управлял скоростью демонстратора, и наугад повернул его в другую сторону. Демонстратор облегченно загудел и защелкал. И только тогда Пит с ужасом увидел, что пять Дейзи все еще ругались и дрались на стеклянном диске. Он хотел выключить демонстратор, но было уже поздно.

Пит зажмурился, стараясь изо всех сил сохранить спокойствие, но почувствовал, что волна отчаяния захлестывает его. Он очень, очень любил одну Дейзи. Однако шесть Дейзи было уже чересчур. А теперь, когда их станет одиннадцать, а может быть...

Хриплый голос раздался у него над ухом:

— Ага! Вот где вы прячете печатный станок и всю прочую чертовщину с разными двойными зеркалами — я же не сумасшедший, чтобы видеть своих двойников! Так я сейчас сам пройду через эту потайную дверцу, за которой скрылись эти девки! И если за этой дверцей стоит кое-что незаконное, кое-кто об этом горько пожалеет!..

Дубликат полицейского вспрыгнул на стеклянный диск, необъяснимо пустой. Демонстратор щелкнул. Потом загудел. И диск повернулся, но в другую сторону! Полицейский офицер исчез мгновенно, почти мгновенно. Он появился из прошлого совершенно случайно и вернулся в прошлое таким же путем. Потому что один из Артуров случайно передвинул рычаг демонстратора в нейтральное положение, а Пит по неосторожности перевел его на обратный ход. Пит сообразил, куда подевался лишний полицейский, сообразил, куда делись все лишние Дейзи, а заодно весьма стеснявшие его кипы банкнотов. И вздохнул с великим облегчением.

Однако Кейси, который только что выбрался из переплетений тессеракта, никакого душевного облегчения не испытывал. Он оттолкнул Томаса, который пытался ему помочь, и бросился к джипу. И здесь увидел своего коллегу, с ужасом взирающего на девятнадцать Артуров, которые самозабвенно играли в чехарду, прыгая через все машины во дворе. После долгих объяснений полицейские еще больше огорчились и поспешили уехать на своем слегка помятом джипе. Пит проводил их до ворот.

— Я полагаю, они вряд ли вернутся, сэр,— с надеждой сказал Томас.

— Я тоже так думаю,— сказал Пит не с надеждой, а с полной уверенностью. Потом обернулся к оставшейся Дейзи, перепуганной, но все еще охваченной жаждой наживы.— Дорогуша моя,— сказал он ей нежно.— Все эти банкноты, как оказалось, поддельные. Все до одного. Нам придется сунуть их обратно в демонстратор, а мы уж как-нибудь проживем на хлебе и воде.

Дейзи попыталась принять невозмутимый вид, но это ей не удалось.

— Ну и нахал же ты! — сказала она с досадой.

Иная реальность

Если бы Джимми Паттерсон рассказал о случившемся кому-нибудь, кроме Хейнса, невозмутимые люди в белых халатах забрали бы его для психиатрического лечения, которое, безусловно, дало бы положительный эффект. Ему вернули бы рассудок, в результате чего он мог бы умереть. Поэтому, с точки зрения тех, кто хорошо относился к Джимми и Джейн, очень удачно, что все получилось так, как оно получилось. Что касается фактов, то они кажутся совершенно невероятными, хотя и весьма убедительными.

Хейнсу, однако, очень хотелось бы знать, почему все это произошло с Джимми и Джейн, а не с кем-нибудь еще. В подобных случаях должна существовать какая-то особенная причина, но тут даже малейшего намека на что-либо подобное не было.

Все началось примерно через три месяца после гибели Джейн в той нелепой автокатастрофе. Джимми тяжело переживал ее смерть. Казалось, что тот вечер ничем не отличался от всех остальных. Он, как обычно, направился домой и, когда подошел к двери, почувствовал, как перехватило у него горло. Знать, что Джейн не ждет его дома, что она ушла навсегда, было невыносимо. Джимми задыхался; подобное ощущение уже стало для него привычным, хотя он упорно не терял надежды, что когда-нибудь с ним справится. Сегодня оно было особенно сильным, и Джимми с отчаянием подумал, сможет ли заснуть ночью, а если сможет, то какие будут ему сниться сны. Иногда он видел во сне Джейн и был

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

счастлив, пока не просыпался, и тогда ему хотелось перерезать себе глотку. Но сегодня он еще не дошел до такого состояния. Еще не дошел.

Как Джимми позднее объяснил Хейнсу, он просто вставил ключ в замок, открыл дверь и шагнул внутрь, но вместо просторной прихожей опять наткнулся на дверь. Тогда он снова рассеянно вставил ключ в замок, повернул его и сделал шаг.

Да-да, именно так все и было. Он пристально посмотрел на дверь, но она выглядела, как обычно. Джимми закрыл ее, но чувствовал он себя как-то странно. Оглядевшись вокруг, он попытался понять, что же, собственно говоря, произошло.

Внезапно он ощутил легкое движение воздуха. Джимми оглянулся. Дверь опять была широко распахнута, и ему снова пришлось закрывать ее.

Лишь эти события отличали тот вечер от всех предыдущих, и у Джимми нет объяснений, почему все произошло, вернее, началось именно тогда, а не в любой другой день. Он лег спать с каким-то гнетущим чувством неуверенности. Он был убежден, что открыл одну и ту же дверь дважды; кроме того, ему пришлось дважды ее закрыть. Он что-то слышал о подобных ощущениях — странных, но, вне всякого сомнения, довольно банальных. Ночью, слава богу, ему ничего не снилось. На следующее утро он проснулся с привычным ощущением скованности во всем теле. Как всегда, перед тем как открыть глаза, утром он напомнил себе, что Джейн уже нет рядом. Он непременно должен был это сделать. Стоило ему забыться — и он с нежностью поворачивался к ней, натыкаясь на пустоту; тогда его пронизывала невыносимая боль при мысли, что Джейн погибла и он никогда ее не увидит.

В это утро Джимми лежал с закрытыми глазами, снова напоминая себе, что Джейн больше нет, но внезапно он понял, что думает про дверь. Он вспомнил, что пнул дверь ногой перед тем, как открыть ее во второй раз; значит, ему вовсе не померещилось, что она была закрыта. Потом... потом он вошел... закрыл дверь... и обнаружил, что она тем не менее по-прежнему открыта. Он ясно припомнил свои действия и был твердо уверен, что нервное расстройство тут ни при чем. И хотя вчерашние события сильно смахивали на обычную игру

воображения, рассудок убеждал его, что все произошло именно так, и неважно, какое отношение к реальности имеет случившееся.

Он вышел из дома в мрачном настроении, позавтракал в ресторане и поехал на службу. Работа была для него благословением, потому что позволяла на время забыть о своем горе. Правда, иногда там происходило что-нибудь интересное — нечто способное позабавить Джейн, если бы она об этом услышала. Тогда ему снова приходилось напоминать себе, что он ничего не сможет рассказать Джейн: ее нет, она умерла.

Сегодня он часто вспоминал о двери, а когда шел домой, с тоской подумал, что ему предстоит тяжелая ночь. Он не сможет заснуть, и прошлое будет казаться бесконечно соблазнительным, и боль снова начнет терзать его — боль, которую он испытывал при мысли, что Джейн навсегда покинула его. Дома эта боль мучила его особенно сильно, и Джимми не знал, сможет ли он когда-нибудь избавиться от нее. Да, похоже, сегодняшняя ночь будет просто невыносимой.

Джимми открыл дверь, шагнул через порог и вдруг с грохотом налетел на что-то твердое. Это была дверь! Он постоял неподвижно некоторое время, затем стал ощупью искать замок. Но дверь-то была открыта! Ведь он же открыл ее! Тогда на что же он налетел? Лоб-то у него болел в том самом месте, которым он ударился о дверную створку, хотя дверь вовсе не была закрыта!

Похоже, однако, что он ничего не мог поделать с этой ситуацией. Джимми вошел, повесил пальто и устало опустился в кресло. Набив трубку, он мрачно подумал, что впереди его ждет самая худшая ночь из всех. Он зажег спичку, раскурил трубку и положил спичку в пепельницу: в ней были окурки сигарет, которые обычно покупала Джейн. И к тому же казалось, что они попали сюда совсем недавно. Джимми потрогал окурки пальцем — самые настоящие сигареты. Внезапно его охватила ярость. Вероятно, женщина, приходившая убирать квартиру, имела наглость курить сигареты Джейн. Он вскочил и промчался по дому, пытаясь отыскать еще какие-нибудь следы ее присутствия. И ничего не нашел. Задыхаясь, он вернулся к своему креслу и увидел, что пепельница пуста! Но в доме не было никого, кто мог бы выбросить окурки!

Находится ли он в здравом рассудке? Может быть, он сошел с ума? Странно, но подобная мысль доставила ему какое-то странное удовлетворение. Все эти повторяющиеся нелепые случайности помогали ему бороться с черной депрессией, которая постепенно охватывала его. Он попытался трезво обдумать происходящее, но мысли его так или иначе сходились к предположению, что все это — его фантазии. Тем не менее Джимми упрямо стремился разгадать эту головоломку. Дневные часы, занятые работой, были подарком судьбы. Иногда ему удавалось на целых двадцать минут забыть, что Джейн умерла. А сейчас, вечером, у него тоже нашлось дело. Джимми пытался решить, спятил он окончательно или же с рассудком у него все в порядке. Он подошел к столу, где Джейн обычно хранила счета и тетрадь с заметками о домашних расходах. Он решил, что запишет все на бумагу и методично проверит, сопоставляя факты и анализируя последовательность событий.

Дневник Джейн лежал на столе; между его страничками был заложен карандаш. Он взял тетрадь в руки с необъяснимым чувством ужаса. Когда-нибудь он, возможно, познакомится с этими записями — хроникой из прошлой жизни, которую Джейн никогда не предлагала ему прочесть, но только не сейчас!

Вдруг до него дошло, что дневник не должен тут лежать. Руки у Джимми задрожали, и тетрадь, раскрывшись, упала на стол. Он увидел неровные строчки, написанные угловатым почерком Джейн, и сердце его сжалось. Джимми поспешно отвел глаза и захлопнул дневник. Однако дата, крупно выписанная наверху страницы, отпечаталась у него в памяти.

Минут пять он сидел неподвижно, с окаменевшим лицом и застывшим взглядом.

Прошло немало времени, прежде чем Джимми снова рискнул открыть дневник; теперь у него было готово вполне разумное объяснение. Должно быть, Джейн разметила страницы датами на несколько дней вперед, и, если ей не хватало места под текущей датой, она писала на следующей странице. И оказывалось, что эта запись как бы датирована будущим числом.

— Ну конечно же!

С трепетом Джимми пролистал дневник до последнего исписанного листа, где был заложен карандаш. Число, которое он успел заметить, соответствовало сегодняшней дате. Казалось, запись сделана совсем недавно: несомненно, это был почерк Джейн.

«Ходила на кладбище,— сообщали разбегающиеся в разные стороны строчки.— Это было ужасно. Прошло три месяца после аварии, а легче не становится. Теперь я ненавижу случайности; они уже не представляются мне чем-то абстрактным. Именно случайность убила Джимми. Вместо него в аварию могла попасть я, или, возможно, мы оба остались бы живы. Как жаль! Как безумно жаль!»

На некоторое время Джимми совершенно обезумел. Придя в себя, он обнаружил, что уставился на пустую поверхность стола. Никакого дневника перед ним не было. Да и карандаш куда-то пропал. Он вспомнил, как взял карандаш и с отчаянием нацарапал несколько строк под записями Джейн.

«Джейн! — написал он. Сейчас он даже помнил, как выглядели эти буквы.— Где ты? Я не умер! Я думал, что ты умерла! Ради бога, где ты?»

Но, конечно же, ничего подобного произойти не могло. Он все придумал. Эта ночь оказалась тяжелой, но все же, к его удивлению, не такой ужасной, как некоторые предыдущие. Джимми, подобно любому нормальному человеку, панически боялся безумия, однако в его случае все было совсем не так просто. Сумасшедший всегда может объяснить свои фантазии, Джимми не мог. Когда он это понял, ему стало легче.

На следующее утро он купил маленький фотоаппарат со вспышкой и как следует изучил инструкцию. Может быть, с его помощью он сможет разобраться в событиях, происходящих вокруг него. Вечером, возвращаясь домой в темноте, Джимми держал фотоаппарат наготове. Он повернул ключ в замке, затем осторожно выставил руку вперед — дверь была все еще закрыта. Он отошел назад и быстро сделал снимок. Ярко сверкнула, ослепив его, вспышка. Но когда Джимми снова выставил вперед руку, дверь уже была распахнута. Он вошел в квартиру.

Бросив взгляд на письменный стол, Джимми перевел кадр и подготовил вспышку. Как и утром, когда он уходил на работу, стол был пуст. Он повесил пальто, уселся в кресло и раскурил трубку. Он сильно нервничал. Минут через десять он выбил пепел из трубки и заметил, что в пепельнице снова лежат окурки. Его охватила дрожь. Он снова закурил, стараясь не смотреть на письменный стол. И лишь когда Джимми во второй раз выбил пепел, он позволил себе посмотреть туда, где раньше лежал дневник Джейн.

Тетрадь снова была на обычном месте, к тому же — раскрытая. Поперек нее лежала линейка, очевидно для того, чтобы дневник не закрывался.

Джимми не был напуган и не питал никаких надежд на чудо. Он просто чувствовал, как отчаяние затопило его сердце, пока он пересекал комнату. И тут он увидел вчерашнюю запись и свое истерическое послание под ней. А дальше было что-то написано. Рукой Джейн.

«Милый, может быть, я схожу с ума. Но мне кажется, что ты жив. Возможно, отвечать тебе — безумие. Но, пожалуйста, дорогой, если ты жив и можешь каким-то образом...»

Здесь буквы расплылись от упавшей слезинки. Остальная часть послания была пронизана страхом, нежностью и отчаянием, таким же, какое испытывал сам Джимми. Он дрожащей рукой написал ответ, потом навел фотоаппарат и нажал на спуск во второй раз. Когда он снова посмотрел на стол, там уже ничего не было.

Ночью Джимми совсем не спал и был не в состоянии работать на следующий день. Он отнес пленку фотографу и заплатил ему бешеные деньги, чтобы тот немедленно проявил и увеличил снимки. Он получил две совершенно четкие фотографии. Даже очень четкие, если принять во внимание условия, при которых они были сделаны. Первая была похожа на фотомонтаж, изображавший открытую и закрытую дверь одновременно. На другой он увидел страницу тетради и смог прочесть каждое написанное там слово. Было непонятно, как вообще получился такой четкий снимок.

Довольно долго Джимми бесцельно бродил по городу, иногда разглядывая фотографию. Хотя снимок являлся реальным фактом, все равно получалась какая-то чепуха. Он не смог

смириться с нелепостью происходящего. Внезапно ему показалось, что он просто вообразил эти странные снимки. Но ведь проверить это не составляло труда.

И тогда Джимми отправился к Хейнсу. Хейнс был его другом и без особого энтузиазма выполнял обязанности его адвоката. В данном случае личность клиента не влияла на отсутствие энтузиазма, просто адвокатская деятельность мешала Хейнсу отдавать время огромному количеству совершенно невероятных занятий.

— Хейнс,— сказал Джимми спокойно.— Я хочу, чтобы ты посмотрел на пару снимков и сообщил мне, что на них изображено. Видишь ли, вполне возможно, что я сошел с ума.

Он протянул приятелю первую фотографию. Джимми казалось, что тут снята одна и та же дверь, почти под прямым углом, в одном и том же дверном проеме. Хейнс посмотрел на нее и спокойно произнес:

— Я не знал, что ты занимаешься комбинированной фотографией.

Он взял лупу и внимательно рассмотрел снимок.

— Бессмысленное занятие, но работа выполнена очень квалифицированно. Ты закрыл половину пленки и сфотографировал закрытую дверь, затем на другую половину снял открытую. Все совпало очень четко. Видимо, камера была надежно закреплена.

— Я держал фотоаппарат в руках,— сказал Джимми сдержанно.

— В таком случае ты не смог бы сделать этот снимок,— возразил Хейнс.— Не пытайся задурить мне голову.

— Я стараюсь не задурить голову себе,— сказал Джимми; лицо его побледнело. Он протянул Хейнсу другой снимок: — А что ты думаешь об этом?

Хейнс посмотрел и вдруг подпрыгнул. Он прочитал строки, которые были так четко зафиксированы фотоаппаратом. Затем в явном замешательстве он посмотрел на Джимми.

— У тебя есть какое-нибудь объяснение? — спросил Джимми. Он сглотнул.— У меня нет.

С храбростью отчаяния он стал излагать все, что произошло с ним, не пытаясь сделать свой рассказ вразумительным. Хейнс глядел на него, раскрыв рот. Но довольно быстро в

глазах адвоката появилось понимание и сочувствие. Как уже отмечалось раньше, у него был целый ряд самых необычных хобби. В частности, он интересовался гипотезами о существовании четвертого измерения и прочими эзотерическими идеями; его забавляла возможность порассуждать о подобных явлениях с видом знатока. Но, кроме того, Хейнс несомненно обладал здравым смыслом, как всякий адвокат, имеющий большую и разнообразную практику.

Наконец Хейнс мягко сказал:

— Если хочешь начистоту, Джимми... как-то у меня была странная клиентка. Она обвиняла одного парня в том, что он избил ее. Очень грустная история, знаешь ли. Эта женщина говорила совершенно искренне; она действительно верила, что все было так, как она рассказывает. Но ее семья признала, что она сама себя отделала, а врачи сошлись на том, что этот факт она подсознательно вычеркнула из памяти.

— Ты утверждаешь,— спокойно сказал Джимми,— что я сам написал все это для собственного утешения и вскоре забыл про подделку. Я не думаю, что дело обстоит именно так, Хейнс. Ну а какие еще есть возможности?

Хейнс долго колебался. Он снова посмотрел на снимки, с особым вниманием разглядывая тот, который напоминал фотомонтаж.

— Удивительно четко совпадает,— сказал он, нахмурившись.— Я не могу найти место сочленения снимков. Возможно, все-таки... Нет, этого просто не может быть!

Джимми ждал.

Хейнс, которому было ужасно не по себе, продолжал:

— Авария, в которой погибла Джейн, произошла, когда вы ехали вместе в своей машине. Вы следовали за грузовиком, перевозившим стальные конструкции. Длинная тонкая перекладина с красной тряпкой на конце торчала из кузова. Водитель миновал полосу мокрого асфальта и резко затормозил. Твоя машина скользила по шоссе, хотя ты пытался ее остановить... Но это же чушь, Джимми!

— Я бы предпочел выслушать до конца,— сказал бледный Джимми.

— Ты врезался в грузовик, вашу машину немного занесло, и перекладина пробила ветровое стекло. Она могла бы

угодить в тебя. Могла никого не задеть... По чистой случайности получилось так, что перекладина попала в Джейн...

— И убила ее,— очень спокойно сказал Джимми.— Да. Но это могло произойти со мной. Запись в дневнике говорит, что так оно и случилось. Ты заметил это?

Очень долго в конторе Хейнса царила тишина. За окнами текла обычная жизнь, прозаичная и ничем не примечательная. Наконец адвокат пошевелился в своем кресле.

— Я думаю,— грустно произнес он,— ты сделал то же, что моя клиентка: написал все сам, а потом забыл. Ты был у врача?

— Непременно схожу,— сказал Джимми.— Только сначала объясни, в чем заключается мое безумие, Хейнс. Если ты, конечно, способен дать такое объяснение.

— Наукой подобные факты не признаются,— сказал Хейнс.— По правде говоря, все это считается вздором... Но у меня есть кое-какие идеи...— Лицо его перекосила гримаса.— Во-первых, Джейн погибла по чистой случайности. Вместо нее та железка могла проткнуть тебя... или никого не задеть. Если бы ты погиб...

— То Джейн,— сказал Джимми,— жила бы в нашем доме одна, и она вполне могла бы сделать ту запись в дневнике.

— Да,— согласился Хейнс, которому было явно не по себе.— Мне не стоит высказывать подобную гипотезу, но существует много возможных вариантов будущего. Мы не знаем, какой из них уготован нам. Пожалуй, никто, кроме фаталиста, не станет спорить с этим утверждением. Когда сегодняшний день был еще в будущем, существовала масса возможных сегодня. Настоящий момент — лишь один из вариантов возможного настоящего. Поэтому предполагается — имей только в виду, что это никакая не наука, а чистейшей воды шарлатанство,— предполагается, что может существовать больше чем одна реальность. До того как перекладина нанесла удар, существовали три реальности в возможном будущем. Одна — когда ни один из вас не пострадал, другая — в которой погиб ты, и, наконец...— Он замолчал, уставившись в пол.— Поэтому кое-кто может спросить: почему мы думаем, что реальность, в которой погибла Джейн, является единственной? Ведь другие варианты будущего вполне могли бы существовать, и очень даже возможно, что они существуют.

Джимми кивнул.

— Если считать это правдой,— сказал он без выражения,— то Джейн находится в реальности, где был убит я. Так же как я нахожусь в той реальности, где погибла она. Так, что ли?

Хейнс пожал плечами.

Джимми подумал и серьезно сказал:

— Спасибо. Странно все это, верно, Хейнс?

Он взял свои фотографии и вышел. Хейнс был единственным, кто знал о том, что происходило с Джимми, и это его немного беспокоило. Но ведь не так-то легко объявить человека сумасшедшим, особенно если он не опасен для окружающих. Тем не менее Хейнс не поленился навести справки и узнал, что Джимми вел себя нормально, прилежно трудился и рассуждал вполне здраво — днем. Но Хейнс подозревал, что вечерами, когда Джимми возвращался домой, с ним происходит нечто удивительное. Иногда Хейнсу приходило в голову, что невероятное может оказаться вполне реальным, слишком уж хорошо был сделан тот фотомонтаж, но ведь, с другой стороны, история Джимми звучала совершенно нелепо. А кроме того, Хейнса удивляло, почему именно Джимми являлся участником таких необыкновенных событий.

Целую неделю после встречи с Хейнсом и его псевдонаучных объяснений у Джимми почти не щемило сердце. Ему больше не приходилось напоминать себе, что Джейн умерла. Он получил доказательства, что это не так. Она писала ему записки в своем дневнике, который он находил вечером на столе; он читал их и писал ей ответ. Целую неделю его переполняла радость только оттого, что они могут общаться. Следующая неделя уже не была такой счастливой. Конечно, было хорошо сознавать, что Джейн жива, но они оставались безнадежно оторванными друг от друга. Это оказалось ужасным. Много ли смысла во вселенной, в которой можно только писать любовные письма своей жене или мужу? Но некоторое время Джимми и Джейн пытались скрыть друг от друга эту безнадежную истину.

Хейнс встретил Джимми на улице спустя две недели. Джимми выглядел лучше, но казался очень напряженным. Хотя Джимми поздоровался с ним совершенно непринужденно,

Хейнс почувствовал себя неловко. Через некоторое время он сказал:

— Э-э, Джимми... Помнишь, что мы с тобой обсуждали на днях... те фотографии?

— Да, ты был прав,— ответил Джимми небрежно.— Джейн тоже так думает. Действительно, существует свыше одной реальности. Там, где живу я, убили ее. Там, где она, погиб я.

Хейнс занервничал.

— А ты не дашь мне еще раз посмотреть ту фотографию с дверью? — попросил он.— Снимок подобного рода просто не может не иметь изъянов. Я бы хотел еще немного его увеличить. Можно?

— Можешь взять пленку,— сказал Джимми.— Она мне больше не нужна.

Хейнс колебался. Джимми совершенно спокойно рассказал ему о событиях последних дней. Но он не имел ни малейшего представления, с чего все началось.

— Но это же невероятно! — воскликнул адвокат с отчаянием.— Я не могу считать тебя нормальным, Джимми!

Впрочем, он никогда не стал бы разговаривать так с человеком, в чьей вменяемости действительно сомневался.

Джимми кивнул:

— Кстати, Джейн мне кое-что сообщила. Правда ли, что ты чуть не попал в аварию позавчера вечером? Кто-то едва не врезался в твою машину на дороге Соу Милл?

Хейнс вздрогнул и побледнел.

— Я как раз поворачивал, когда эта машина вылетела непонятно откуда. Она неслась навстречу по той же полосе, потом мы оба резко свернули. Этот мерзавец разбил мне крыло и сам чуть не свалился в кювет. Будь я на пять футов ближе к повороту, когда он появился, то...

— Там, где находится Джейн,— произнес Джимми,— ты как раз оказался в нужном месте. Именно на пять футов ближе. Столкновение оказалось очень серьезным. Тони Шилдс — парень, который был за рулем другой машины, погиб. Конечно, в той реальности, где сейчас живет Джейн.

Хейнс облизал пересохшие губы. И хотя его слова могли показаться довольно нелепыми, он все-таки спросил:

— А что случилось со мной?

— В мире Джейн,— ответил Джимми,— ты лежишь в больнице.

Хейнс выругался с совершенно необъяснимым раздражением. Джимми никак не мог узнать про этот случай. Он никому ничего не рассказывал, так как не знал, кто находился в другой машине.

— Я не верю! — воскликнул Хейнс, но потом вдруг жалобно добавил: — Джимми, это же неправда, верно? Ты шутишь? Иначе как же ты, черт побери, можешь объяснить все происходящее?

Джимми пожал плечами.

— Джейн и я — мы довольно хорошо относимся друг к другу.— Смысл сказанного был настолько очевиден, что он едва заметно улыбнулся.— Нас разлучил случай. Чувство, которое мы испытываем, притягивает нас. Говорят, что два любящих человека как бы становятся одной плотью. Если такое возможно, так это про нас с Джейн. В конце концов, может быть, лишь крохотный камушек или ничтожная капля воды заставили мою машину развернуться таким образом, что погибла она,— конечно, в нашем мире. Словом, причиной ее гибели послужило что-то очень маленькое. И так как нас разделяет подобный пустяк, а притягивает друг к другу очень сильное чувство, иногда барьеры становятся совсем тонкими. Она оставляет закрытой дверь дома, в котором живет там. А я здесь открываю эту дверь. Иногда ей тоже приходится открывать дверь, которую я закрыл утром. Вот и все.

Хейнс не сказал ни слова, только пристально посмотрел Джимми в глаза. Его вопрос был настолько очевидным, что Джимми тут же ответил на него.

— Мы не теряем надежды,— сказал он.— Очень плохо жить в разлуке, но события не стоят на месте. И поэтому мы надеемся. Дневник Джейн иногда находится в ее мире, иногда в моем. И то же самое происходит с окурками в пепельнице... Может быть...

Тут наконец стало заметно, как он волнуется. Он говорил так, словно у него пересохло во рту.

— Если я когда-нибудь окажусь в ее мире или она в моем, все дьяволы ада не смогут разлучить нас! Мы надеемся...

Но их надежды были сущим безумием. И это безумие продолжалось уже третью неделю. Джимми спокойно рассказывал Хейнсу, что дневник Джейн каждый вечер появляется на ее столе с письмом для него, а он пишет ей ответ. Он совершенно невозмутимо сообщил, что с каждым днем барьер между ними становится все тоньше. Что по крайней мере один раз, когда он отправился спать, в пепельнице появился еще один окурок, вдобавок к тем, что лежали там раньше. Они уже находились очень близко. Их разделяла только граница между тем, что случилось и могло бы случиться. В некотором смысле этот барьер был камешком или каплей воды. С другой стороны, он являлся гранью между жизнью и смертью. Но они надеялись. Они убеждали себя в том, что барьер становится все тоньше. Однажды Джимми показалось, что их руки соприкоснулись. Но он не был уверен. Он еще не настолько лишился рассудка, чтобы быть полностью уверенным. Он рассказывал об этом Хейнсу ровным голосом, а потом принялся рассуждать о причинах, которые привели к подобному невероятному развитию событий.

И вот однажды вечером Хейнс позвонил Джимми по телефону. Джимми снял трубку. Голос его звучал нетерпеливо.

— Джимми! — сказал Хейнс. Он был почти что в истерике.— Мне кажется, я свихнулся! Помнишь, ты говорил, что машину, которая налетела на меня, вел некий Тони Шилдс?

— Да,— ответил Джимми.— А в чем дело?

— Это не давало мне покоя,— лихорадочно пробормотал Хейнс.— Ты сказал, что там он погиб. И вот я... я не выдержал и позвонил ему. Это действительно был Тони Шилдс! Он напугался до смерти и готов оплатить ремонт моей машины. Я не сказал ему, что он погиб. Там погиб.

Джимми не ответил. Казалось, что сообщение Хейнса не имеет для него никакого значения.

— Я сейчас к тебе приеду,— взволнованно сказал Хейнс.— Надо поговорить!

— Нет,— ответил Джимми.— Джейн и я, мы теперь очень близки друг к другу. Мы снова соприкоснулись. Мы продолжаем надеяться. Барьер становится все тоньше. Мы верим, что он разрушится.

— Но этого не может быть! — запротестовал Хейнс.— Джимми, этого просто не может быть! Представь, что случится, если ты появишься там, где она сейчас, или... или она — здесь?

— Я не знаю,— сказал Джимми,— но зато мы будем вместе.

— Ты сошел с ума! Ты не должен...

— До свидания,— произнес Джимми.— Я надеюсь, Хейнс, что-нибудь да произойдет. Иначе просто быть не может.

Он замолчал. В комнате у него за спиной раздался шорох. Хейнс расслышал только два слова, произнесенных очень тихо, но он готов был поклясться, что телефон донес к нему голос Джейн, дрожащий от счастья.

— Джимми, милый! — сказала она, и пораженный Хейнс едва не выронил трубку. Потом телефон с грохотом свалился на пол, и больше адвокат ничего не сумел разобрать.

Хейнс просидел всю ночь в своем кабинете. Утром он попытался снова позвонить Джимми, потом попробовал набрать номер его конторы и наконец пошел в полицию. Он объяснил там, что Джимми находился в состоянии нервного стресса со времени смерти жены. В конце концов полицейские взломали наружную дверь. Им пришлось это сделать, так как все двери и окна в доме были аккуратно закрыты изнутри, словно Джимми постарался исключить все, что могло помешать ему. Однако в доме не было ни самого Джимми, ни каких-либо следов его присутствия. Он испарился. Полицейские обшарили все пруды и прочие подобные места в поисках тела, но им ничего не удалось обнаружить. Больше никто никогда не видел Джимми Паттерсона. По-видимому, он просто покинул город, в котором погибла его жена, и такое очевидное объяснение всех устроило.

Что касается Хейнса, то его больше всего удивило, откуда Джимми узнал имя того парня, Тони Шилдса. В это трудно было поверить, но факт оставался фактом. Еще оставалась и фотография входной двери в доме Джимми, которую адвокат считал самым искусным фотомонтажом из всех, какие ему доводилось видеть.

Но, с другой стороны, если подобное невероятное событие все же произошло, то почему все это случилось только с Джимми и Джейн? Что послужило причиной? Что подтолк-

нуло развитие событий? И как объяснить, наконец, что в них оказались вовлеченными именно эти люди и именно в это время?

Теперь, после исчезновения Джимми, Хейнс жалел, что больше не может поговорить с ним, поговорить разумно и спокойно, без страха и истерики. Ибо он, Хейнс, нарисовал Джимми картину вселенной, в которой существует множество реальностей, и Джимми поверил в эту идею. В одной реальности Джейн погибла, в другой — был мертв Джимми. Они сумели разрушить барьер между этими реальностями... Как? Каким образом? Ах, если бы он только мог поговорить с Джимми!

Но ведь существовал еще и тот мир, в котором они вместе погибли, и мир, где они остались живы. И если Джимми и Джейн с таким отчаянием стремились соединиться, то в какую же из этих реальностей они попали?

Хейнсу хотелось бы узнать кое-что еще, но он благоразумно помалкивал. Он понимал, что невозмутимые люди в белых халатах придут и заберут его. Так же, как они забрали бы Джимми. Единственное, в чем Хейнс был твердо уверен, так это в том, что подобное событие совершенно невероятно. Но для каждого, кто хорошо относился к Джейн и Джимми, а также, вне всякого сомнения, для самих Джейн и Джимми это была довольно-таки счастливая невероятность.

Машину Хейнсу починили. Он вполне мог бы съездить на кладбище и убедиться, что в его реальности могила Джейн существует на самом деле. Но почему-то такая мысль даже не пришла ему в голову.

Инопланетянин

Огненный шар промчался над Тейтвиллем около девяти часов вечера. Бен Лион закрыл офис газеты и шел домой, устроив все таким образом, чтобы утром отправиться на рыбалку. Где-то вдалеке мычала корова, а вокруг раздавались привычные звуки маленького городка. Кто-то тихонько напевал — в окруженном горами Тейтвилле радио работало не слишком хорошо, да и телевизионные сигналы принимались не всегда. Вдалеке упрямо взбиралась по склону холма древняя машина.

Бен дошел до угла, где ему следовало свернуть, чтобы попасть в дом, в котором он снимал комнату. Он остановился, огляделся по сторонам и прислушался. Жизнь в маленьком городе особенная. Это не просто место, а *то самое* место. Не просто город, а *тот самый* город. И звуки не просто звуки, это лает соседская собака, дочка миссис N Кейт весело кричит что-то глухому деду, твой знакомый строит при свете фонаря гараж. Горы на востоке, юге и севере не чужие, лишенные индивидуальности горы. У них свои имена и очертания, и выглядят они чуть-чуть иначе в разные времена года. Даже звезды кажутся необычными, каких больше нигде нет.

Бен поднял голову, чтобы на них взглянуть.

В небе промчался огненный шар.

Клубок пламени с длинным сияющим хвостом направлялся с запада на восток. Он был слишком ярким, чтобы оказаться просто самолетом. А огненный хвост указывал на то, что человек не прикладывал руку к созданию этой штуки.

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

Ослепительный шар пронесся среди звезд, уверенно и упорно продвигаясь к цели, быстрее самого быстрого самолета, но не погас, как обычная падающая звезда. Бен Лион с интересом наблюдал за необычным явлением, решив, что это большой метеор — огромный кусок камня или металла, явившийся со звезд. Из-за крупных размеров его видно на большей высоте, чем падающие звезды, и кажется, что скорость у него ниже.

Бен проследил за полетом, даже прошел вперед на два шага, чтобы елка, растущая на углу, не загораживала небо. Огненный шар промчался, точно скорый поезд, мимо ближних гор на востоке. Бену показалось, что шар замедляет движение, но он не был в этом уверен. Скрывшись за вершиной горы, шар продолжал путь дальше, сквозь ночь. На мгновение он вспыхнул, а потом снова засиял прежним светом. Впрочем, Бен ни за что не стал бы ручаться. Шар исчез.

Через несколько долгих секунд после того, как метеорит скрылся, Бен услышал шепот, который, казалось, прилетел с запада, пронесся у него над головой и стих на востоке. Он был совсем негромким. Словно за огненным шаром следовал чей-то призрак. На самом деле это был шум, который производил шар в разреженном воздухе. Просто он долго добирался до земли, совсем как волны в кильватере парохода. Они набегают на берег, когда сам корабль уже скрылся из виду.

Бен посмотрел на часы: 9.06. Он решил оставить заметку о том, что видел. Пусть про это напишут в газете, а сам он отправится в горы рыбачить. И с довольным видом он зашагал к дому, поднялся в комнату и улегся спать. Все, что нужно для рыбалки, Бен собрал заранее. Засыпая, он мельком подумал об огненном шаре. Иногда они взрываются и распадаются на несколько частей. Порой висят в небе и постепенно гаснут. Или падают на землю.

В горах к востоку от города жило совсем мало людей. Если огненный шар и в самом деле добрался до поверхности, скорее всего, никто не обратил на него внимания. Он незаметно приземлится, а потом его спрячет разросшаяся трава. Если он из металла, то проржавеет, а если каменный — раскрошится и, проделав путь в тысячи миллионов миль, станет неотличим от самых обычных горных пород. И никто никогда не узнает, откуда он родом и что видел по пути на Землю.

Бен даже подумать не мог, что огненный шар представляет какой-то интерес и что его появление будет иметь последствия,— ну, упала звезда, и что с того?

Утром ему пришлось дожидаться автобуса. Должен был приехать человек, на чье попечение он оставлял газету. Он показал своему заместителю то немногое, что ему следовало знать, и прочитал новости о жизни большого мира. Бен обнаружил, что огненный шар не был феноменом непосредственно Тейтвилля. Оказалось, что за его полетом следили по всему штату. Шар одолел четыреста миль, оставляя за собой пламенеющий след — когда ослепительно яркий, когда слегка приглушенный,— прежде чем скрыться в горах.

О нем спросили профессора астрономии из университета, и тот ответил, что шар, судя по траектории полета, приблизился к Земле под небольшим углом. Возможно, предположил он, шар ударил в атмосферу Земли по касательной, вернулся обратно в космос и теперь снова мчится сквозь пустоту и будет находиться в пути еще тысячи миллионов лет.

Бен оставил заметки для статьи в тейтвилльском «Рекорде» и выехал из города на лошади, которая была его единственной причудой. Рыбалка являлась одновременно причиной и оправданием длительных походов в горы. Он заезжал на крохотное ранчо Тома Хартла, расположенное в долине, примерно в дне пути от города, забирал Тома, и дальше они отправлялись вдвоем. У них была лошадь, на которую они грузили вещи и удочки. А еще они знали места в горах, где водилась золотая горная форель, и часто бывали на озере с роскошными окунями. Бен думал обо всем этом, когда оставил город позади и оказался среди девственной природы. Они с Томом воевали вместе, но никогда не говорили об этом, хотя ко многим вещам у них выработалось похожее отношение, рожденное общим опытом, так что они оба не любили цивилизацию. Бен почувствовал невероятное волнение, когда ее последние признаки остались позади.

Он ехал медленно, выбрав дорогу, на которой не встречались даже отдельные дома. Когда он добрался до ранчо Тома, уже наступила ночь, но еще до захода солнца он сделал оста-

новку, решив порыбачить, и теперь к луке его седла была приторочена целая связка пятнистых красавцев.

Тома на ранчо не оказалось. Около дома вообще никого не было видно. Однако Бен вошел внутрь, приготовил форель, с удовольствием поужинал, а потом удобно устроился на крылечке покурить. Время от времени из кораля доносилось ржание лошадей. Маленьким ранчо в горах управляли Том Хартл и двое наемных рабочих, так что здесь царили мир и покой. Человеку, познавшему все прелести цивилизации во время войны, невероятно приятно сидеть на темном крыльце в полнейшей тишине.

Неожиданно со стороны кораля послышалось громкое фырканье и топот копыт — лошадей что-то испугало. Бен напряг слух. Разумеется, никакая опасность лошадям не грозила. Разумеется! Однако животные никак не могли успокоиться. Бену показалось, что они в панике. Недаром же они били копытами!

Тогда он взял фонарик и ружье и отправился посмотреть. Лошади были все в пене и страшно напуганы. Он прошел вдоль забора вокруг кораля, пытаясь при помощи фонарика разглядеть следы. Однако ничего особенного он не нашел.

Бен находился с лошадьми до тех пор, пока они не успокоились, а затем вернулся к дому, устроился на стуле и раскурил трубку. Он знал, что Том и его помощники скоро вернутся. Если бы они ушли надолго, Том обязательно оставил бы записку.

Тишина. Безмолвие. Мир, пронизанный бесчисленными звуками звездной ночи. Бен курил и наслаждался покоем.

Из темноты раздался голос:

— Привет.

— Привет,— весело отозвался Бен.— Том?

Возникла пауза, а затем голос ответил:

— Нет, не Том. А вы кто?

Бен ухмыльнулся. Шесть слов — и он понял, кому принадлежит голос. Старому, точно мир, Стабу Эвансу, такому бесполезному, что никто не нанимал его даже за кормежку. Однако Том Хартл платил Стабу тщательно рассчитанную сумму, которая позволяла ему напиваться раз в месяц, но не доходить до опасного состояния.

— Привет, Стаб. Это Бен. Иди сюда.

Снова пауза.

— Я не Стаб.

Но голос принадлежал Стабу, и это не вызывало никаких сомнений.

— Кем бы ты ни был,— проговорил Бен,— иди сюда и посиди со мной. Не торчи в темноте. А где Том?

Голос ничего не ответил. Бена это удивило. Люди так себя не ведут. И Бену стало не по себе. Сам не зная почему, он взял фонарик, с которым ходил к коралю, и включил его. Тут он услышал резкое движение, словно Стаб страшно испугался и в панике попытался оказаться вне пределов досягаемости луча. Когда Бен поводил фонариком из стороны в сторону, то не увидел ни Стаба, ни кого-либо другого.

— Что случилось, Стаб? — поинтересовался он.— Почему ты прячешься?

Долгое молчание. Потом голос Стаба произнес:

— У меня есть причины. Выключи свет. Я хочу задать вопрос.

Бен встал. Ему вдруг стало ужасно неуютно. Он обнаружил, что рука держит ружье, с которым он ходил к коралю. Но свет выключил. Да, что-то определенно было не так.

— Ну? — спросил он.— В чем дело? Ты напился?

Короткая пауза. Затем:

— Нет, я не напился.— Интонация не соответствовала словам. Бена вдруг осенило. Голос, конечно, походил на голос Стаба, но в нем не прозвучало возмущенных ноток, которые появлялись всегда, когда Стаб отрицал, что выпил лишнего.— Я хочу спросить...— Новая пауза.— Трудно объяснить. Если ты увидишь необычное существо, ты его убьешь?

Волосы на затылке у Бена зашевелились. Никаких причин для этого не было, но факт остается фактом. Бен разозлился.

— Прекрати, Стаб! — раздраженно сказал он.— Иди сюда, на крыльцо, или отправляйся к чертовой матери! У меня нет настроения для дурацких игр.

Далеко-далеко раздался пронзительный лай, и тут же в темноте рядом с домом возникло движение. Какое-то существо прошелестело мимо Бена и скрылось в ночи. Тот сердито выругался, включил фонарик и принялся шарить лучом во-

круг себя. Однако он не увидел ничего особенного — только привычные очертания ранчо Тома Хартла. Бен спустился с крыльца и услышал на некотором расстоянии от себя шорох. Он быстро направил туда фонарик.

И успел заметить, как довольно крупное существо скрылось за камнем. Оно передвигалось на двух ногах и было размером со взрослого мужчину. Понять, что перед тобой человек, не составляет труда, и дело не в конкретных деталях — ты просто узнаешь его, и все. Однако Бен сразу догадался, что это не человек. Ему стало нехорошо, внутри все похолодело. Впрочем, непонятное существо скрылось из виду, прежде чем он сумел что-либо разобрать. Ясно было только то, что оно ведет себя как человек, но таковым не является.

Бен словно прирос к месту, только луч его фонарика метался из стороны в сторону. Тут примчался Том Хартл. Собаки сердито лаяли и повизгивали, но не отставали от его лошади.

— Привет, Бен,— из темноты крикнул Том.— Видел что-нибудь необычное?

— Трудно сказать,— медленно проговорил Бен, которому не слишком хотелось верить своим глазам.— Очень трудно сказать. Зато я слышал кое-что необычное. Стаб Эванс разговаривал со мной, но прятался в темноте и не желал выходить на крыльцо... В чем дело?

— Ты не мог говорить со Стабом,— резко ответил Том.— Его здесь не было. Он ездил...

— Но я же знаю его голос,— запротестовал Бен.— Только он как-то странно вел себя...

— Это был не Стаб,— настаивал Том.— Вот он.

Появились еще две лошади, они шли гораздо медленнее, чем та, на которой ехал Том. На одной сидел Брик Тухи и вел на поводу другую. На ее спине безвольно висел Стаб Эванс, руки и ноги его болтались в такт движению. Бен Лион удивленно вытаращил глаза.

— Нужно затащить его в дом,— сказал Том и, повернувшись к Бену, добавил: — Он спит. Похоже, с ним ничего не случилось, но я не смог его разбудить. И он совершенно трезв.

Это было невозможно. Голос, который Бен слышал, принадлежал Стабу Эвансу и никому другому. Он прошел к дому

и помог сгрузить Стаба, а потом занести его внутрь. Стаб спал и храпел к тому же. Сердце билось ровно. Он дышал как человек, погрузившийся в глубокий сон. При обычных обстоятельствах все бы посчитали, что он надрался в стельку, только от него не пахло спиртным. Том посмотрел на Стаба и нахмурился.

— Вчера вечером по небу пролетел огненный шар и опустился за горами, вон там.— Он показал пальцем.— Мы услышали страшный рев и вышли на крыльцо. Эта штука свалилась с неба, из нее вырывалось пламя. Прямо у нас на глазах она упала в соседнюю долину. Показалось даже, что мы услышали звук удара. Потом донеслось громкое ворчание — или что-то вроде того. Мне рассказывали, что на месте падения звезды или вот такого огненного шара можно найти что-нибудь стоящее. Стаб отправился посмотреть, нет ли там чего интересного. Он выехал на восходе и не вернулся. Примерно часа в три мы, забеспокоившись, двинули следом.

Нам удалось найти лошадь, но не самого Стаба. Там, где упал огненный шар, около дюжины акров земли словно пропахали. От удара начались оползни. Вряд ли Стаб смог что-нибудь найти. Поэтому мы подумали, что старика нужно искать. Где-то на закате он нас позвал, мы пошли на голос и увидели его. Он крепко спал, прислонившись к дереву. И с тех пор не просыпался. Ты его видел.

Бен нахмурился и сделал глубокий вдох.

— Довольно странная история,— продолжал Том.— Он сумел нас позвать. Но, когда мы его нашли, крепко спал. И уж совсем непонятно, как он мог разговаривать с тобой, находясь в нескольких милях от дома, да еще перекинутый через седло.

— Я мог бы поклясться, что это был Стаб. Только он не хотел, чтобы я его увидел. И... я действительно заметил странные вещи.

— Кстати, и собаки непонятно себя ведут,— проворчал Том.— Шерсть дыбом, рычат и лают, но не желают идти по следу. Они такие всю дорогу до дома. Что-то их испугало, причем оно шло сюда. Только вот что это было?

Бен несколько смущенно рассказал, что видел.

— Это нечто говорило со мной голосом Стаба,— упрямо закончил он,— хотя сам он был с вами. Тот, кто притворился стариком, не желал выходить на свет, но спросил, убью ли я странное существо, если увижу его. А я... спустился с крыльца и заметил кое-что необычное. Так мне кажется. Но это был не человек.

— А где ты его видел? — спросил Том.

Бен повел его за собой, чтобы показать. Когда он вышел из дома, около двери, жалобно скуля, столпились собаки. Бен шагал под звездным небом, за ним следовали Том и Брик, а собаки путались у них под ногами.

Неожиданно животные что-то учуяли и принялись громко лаять, но не побежали вперед, а, наоборот, старались держаться как можно ближе к людям.

Наконец они подошли к месту, откуда Бен увидел, как существо, непохожее на человека, метнулось за камень. Здесь собаки огласили ночь громким, испуганным воем. Но по следу идти отказывались.

За камнем, где скрылось существо, земля была мягкой, и на ней отпечатался след, достаточно большой, чтобы принадлежать человеку. Но никто из людей ни разу не видел таких следов.

Они принялись рассматривать его в свете фонарика. Над горами светили звезды, ночной ветер стих, в ветвях ближайших деревьев раздавался едва различимый шорох. Том тяжело дышал.

— Ты абсолютно уверен, что с тобой разговаривал Стаб?

— *Кто-то* со мной разговаривал. Голосом Стаба. Он спросил, убью ли я существо, которое покажется мне необычным.

Наступило молчание. Одна из собак, поджав хвост, обнюхала след, шерсть у нее на загривке встала дыбом, и она принялась яростно лаять.

— Помнишь? — задумчиво проговорил Том.— Вчера вечером по небу пролетел огненный шар.

Где-то у них над головами раздался голос. Он звучал в точности как голос Стаба Эванса, с теми же интонациями, в то время как сам Стаб крепко спал в доме. Значит, это не мог быть старик Эванс. Никак не мог.

— Я потерпел кораблекрушение,— произнес голос.— Я хочу подружиться с вами.

Но больше они ничего не расслышали, потому что собаки залились таким диким лаем, что он все заглушил. Они были в ярости, они ненавидели существо, заговорившее с людьми. Со всех сторон раздавалось рычание, нарушающее мирную тишину ночи.

— Я пойду туда,— сказал Бен и достал фонарик, которым уже воспользовался чуть раньше.

Включив его, он направил луч в сторону холма и начал подниматься. Собаки, казалось, обезумели. Том что-то крикнул, но Бен не разобрал слов и продолжал идти вверх по склону, освещая путь и держа наготове ружье, которое, как и Том, прихватил из дома.

Он не заметил никакого движения, но что-то упало на тропу прямо перед ним. Тут же появилось невыносимое сияние и накатила волна сильного жара. Он невольно остановился. Обжигающее пламя было бело-голубого цвета. Бен увидел, как вспыхнуло какое-то растение, даже несмотря на то, что яркий свет до него не добрался.

В следующее мгновение он словно ослеп, перед глазами заплясали искры. Свет погас, и Бен уловил запах горячей земли и сожженных растений. Он услышал крик оставшегося внизу Тома и безумный лай собак. Но его вдруг охватила упрямая решимость. Кто-то, сообщивший, что потерпел кораблекрушение, при помощи огня и света велел Бену не приближаться. Это оружие не имело ничего общего с тем, чем обладали люди. Однако Бен не собирался бежать.

Он застыл, исполненный возмущения, а собаки внизу лаяли так яростно, что Том не мог перекричать их. По спине у Бена пробежал холодок. Хотя в глазах все еще плясали искры, он упорно вглядывался в темноту, откуда вырвалось предупреждающее об опасности пламя.

Он стоял довольно долго, предоставив прятавшемуся где-то наверху существу прикончить его, если возникнет такое желание, а затем начал медленно спускаться обратно.

По правде говоря, что еще он мог сделать? И что могли его спутники? Они вернулись на ранчо и начали длинную, совершенно бесполезную дискуссию. Они зря потратили вре-

мя и силы, потому что на рассвете неожиданно проснулся Стаб и сообщил им то, что нормальному человеку даже в голову прийти не могло.

Он подошел к месту, где упал огненный шар,— так он сказал,— и увидел, что от удара начался оползень, который похоронил под собой и сам шар, и все остальное на двенадцать акров вокруг. Стаб ужасно разозлился, что зря сюда приехал, поэтому спрыгнул с коня и принялся искать хоть какие-нибудь осколки. Пока он этим занимался, его охватило неприятное чувство. А потом вдруг оказалось, что он не может пошевелиться.

Он стоял, словно парализованный, а кто-то или что-то подошло к нему сзади и принялось ощупывать тело и одежду. Потом стало холодно вискам. Он испытал отвратительное бессилие живого существа, загипнотизированного змеей, только оно внушало почти безумный ужас, потому что Стаб не мог понять его причину. Но когда что-то коснулось висков, его вдруг покинули все мысли и ощущения. Он все забыл. Все на свете. Его окутал мрак — а потом он проснулся в доме на ранчо. Он не помнил, что звал Тома и Брика, как не помнил и обратной дороги.

Стаб испуганно и удивленно закончил рассказ, когда уже окончательно рассвело. Бен понял, что наступило утро, заметив, как собаки испуганно жмутся к двери. Они то и дело принимались рычать, шерсть на загривках стояла дыбом. Иногда одна из них начинала выть. Они так и оставались на пороге, пока Том готовил кофе с оладьями и жарил бекон. За завтраком Бен удивленно подумал, что загадочное происшествие никак не сказалось на их аппетите. А собаки тем временем торчали около дома, порой начиная жалобно скрестись в дверь.

— Похоже, кто-то испортил отличных собак,— нахмурившись, заметил Том.— До вчерашнего дня они были классными псами. А теперь напуганы до полусмерти. А ты что думаешь по этому поводу, Бен?

— Он сказал, что потерпел кораблекрушение,— коротко ответил тот.

— Кто сказал? — поинтересовался Стаб.

— Тот, кто разговаривает твоим голосом. Тот, кто парализовал тебя и приложил что-то к вискам. По-видимому, он научился разговаривать, узнав, что у тебя в голове.

Том зло добавил:

— И использовал против Бена огнемет.

— Да,— подтвердил Бен.— Только это был не такой огнемет, как у нас. Что-то упало на землю передо мной и взорвалось. Скорее, это можно назвать тепловой бомбой. Она может остановить любое существо. Меня — остановила. Отличная защита для того, кто потерпел кораблекрушение. Может, он действительно сказал правду.— Затем он изобразил милитаристскую до мозга костей цивилизацию: — Представьте себе, что Земля — одинокий остров посреди моря, а люди — варвары, воинственные дикари, которые скачут верхом на животных по горным тропам к месту, где — ах! — приземлился космический корабль. Хотят устроить охоту на тех, кто выжил после аварии. Капитан корабля мог увидеть первого местного жителя, парализовать, залезть ему в голову и научиться разговаривать на нашем языке. Но мысли аборигена привели его в ужас — столько в них было животной жестокости. Такова твоя роль в этой истории, Стаб.

Бен невесело улыбнулся.

Том Хартл наградил его суровым взглядом.

— Ты думаешь, что огненный шар был чем-то особенным?

— Другого разумного объяснения нет. Все, что произошло, выглядит как-то противоестественно. И может иметь фантастические причины. Я просто предложил один из возможных вариантов.

— Мне в голову пришло примерно то же самое,— медленно проговорил Том Хартл.— Помнишь, этот парень сказал, что *он* потерпел кораблекрушение — он, а не *они*. Правильно?

— Правильно.

— Значит, нужно его найти,— спокойно сказал Том.— Если на свете есть существа с такими космическими кораблями, получается, что мы по сравнению с ними дикари. А если на Землю попал инопланетянин, которому мы кажемся дикарями, он очень опасен. Мы должны его поймать.

— О чем, черт подери, ты говоришь, Том? — жалобно пролепетал Стаб.

— Я говорю, что мы с Беном не поедем ловить рыбу, как собирались. Мы отправляемся на охоту.

— В конце концов, если здесь находится существо, потерпевшее кораблекрушение,— с некоторым смущением заметил Бен,— значит, у него проблемы, причем серьезные. Он оказался в чужом мире. Сказал же он, что хочет подружиться...

— Я знал одного пилота на Тихом океане,— сдержанно начал Том.— Он успел выпрыгнуть из своего самолета, когда там что-то вышло из строя, сумел добраться до острова и подружиться с местными жителями. А как иначе? Ему нужна была помощь, необходимо было подать знак, чтобы его спасли. И построить лодку, чтобы добраться домой. Они ему помогли. Он отправил сигнал. Когда прилетел самолет и подобрал его, он как раз делал лодку — и они вместе с ним.

— Самолет оставил на острове небольшой отряд с приказом следить, не спасется ли кто-нибудь еще. Постепенно там выросла небольшая база. А что случилось с местными жителями? — ехидно спросил он.

Затем Том допил кофе и вышел в соседнюю комнату, где принялся что-то искать. Через несколько минут он вернулся с дробовиками, крупной дробью и еще кое-какими вещами. Затем он аккуратно все сложил и приторочил к седлам. Том даже прихватил еду на три-четыре дня и одеяла. Амуниции хватило бы для маленькой войны.

— Стаб,— деловым тоном сказал он,— вы с Бриком остаетесь на ранчо. Мы с Беном... уезжаем. Если будете выходить, держитесь вместе. Ночью запустите в дом парочку собак и берите их с собой всюду, куда пойдете.

— Вы собрались охотиться на это существо? — тупо переспросил Стаб.

— Мы знаем, что оно здесь,— ответил Том.— И ему это известно. Если инопланетянин настолько умен, что, заглянув в твои мозги, научился говорить по-английски, то наверняка сможет узнать и все, что ты делаешь. Значит, он не придет на ранчо. Он отправится туда, где о нем никто не слышал. У него есть какая-то цель, иначе зачем бы он хотел подружиться с нами?

Стаб почесал в затылке.

— Ничего не понимаю! — пожаловался он.

— Именно! — вскричал Том.— На это я и рассчитывал.

С этими словами он отправился в кораль и через несколько минут появился перед домом с двумя лошадьми. Он даже успел прикрепить к седлу каждой чехол для ружья и все остальное, что намеревался взять с собой. Затем он загнал в дом двух собак, чтобы они остались со Стабом и Бриком, вскочил в седло и стал ждать Бена.

Бен неохотно последовал его примеру. У него в душе поселилось какое-то неприятное ощущение, он чувствовал почти иррациональное отвращение к этой охоте. Частично оно объяснялось смущением, которое охватывает человека перед лицом непонятных или сверхъестественных явлений. А частично — симпатией к незнакомому существу, оказавшемуся в чужом и враждебном мире. А еще он помнил ненависть, которую испытал на склоне холма, когда неизвестное оружие выплюнуло огненный снаряд, приземлившийся практически у его ног.

Они двинулись в путь. Том уверенно направился к холму, на котором Бен был вчера, и начал подниматься по склону. Собаки старались держаться поближе к его лошади.

Когда они добрались до вершины, собаки принялись возбужденно лаять и повизгивать. Около места, где кто-то вырвал всю траву, оставив голую землю, они остановились, и шерсть у них на загривках встала дыбом. На земле палкой были написаны слова: «Человек, я хочу дружить».

Лицо Тома ожесточилось, и он кивком показал на надпись.

— Он изучил мозги Стаба, это точно. Он даже умеет читать и писать. Но обращается к нам «человек». Это значит, что он другой.

— Безумие какое-то! — возмутился Бен.

— Ничего подобного! Конечно, если ты прав и огненный шар был не просто огненным шаром,— заявил Том.— Мы дикари на пустынном острове — или планете. Какая судьба ждет дикарей, когда их находят цивилизованные люди? Что произошло в Южном море? Ты хочешь, чтобы то же самое случилось с Землей? — Повернувшись к собакам, он приказал: — Найдите его, ребятки! Ну же, ищите!

Но собаки вертелись поблизости, осторожно нюхали следы и жалобно скулили. Им не нравилось то, на что они охотились, но дорогу показать все-таки пришлось.

След привел в долину между двумя холмами, и они упрямо двинулись дальше. Неожиданно, без всякой причины, Бен ощутил, как по спине у него пробежал холодок и на лбу выступили капельки пота.

— Мне кажется, он за нами наблюдает,— пробормотал он.

— Угу, я тоже это понял,— ответил Том.— Держи ружье под рукой.

Они продолжали ехать дальше. Собаки подняли громкий лай и злобно рычали около кустов, практически перегородивших тропу. Бен заметил, что неприятное чувство усилилось. Причем никакого разумного объяснения этому не было. Они пустили лошадей шагом, и на душе стало немного легче.

— По-моему, мы от него удаляемся,— сказал Бен.

— А я думаю, он пытался парализовать нас, как Стаба, только не смог, потому что нас двое. Или мы находились слишком далеко. Ох-хо-хо!

Поперек дороги лежала груда камней, потрепанных погодой и выгоревших до серого цвета. Что-то оставило на их поверхности более светлые царапины. Надпись гласила: «Вы будете друзьями?»

— Может, стоит попробовать? — несчастным голосом предложил Бен.

— Он нас не парализовал,— заметил Том,— но наверняка собирается забраться в наши мысли. Стаба ему мало. Тебе это надо? Если мы к нему приблизимся, он нас обездвижит. И сможет узнать все, что известно нам. Например, про правительство, оружие и войну — мне кажется, пусть лучше это останется для него тайной. Пока — или вообще!

Он осторожно спрыгнул на землю, подобрал камень и нацарапал под посланием: «Покажись». Затем снова вскочил в седло и сказал:

— Поехали.

Бен последовал за ним. Стояло раннее утро, и там, где солнце не успело коснуться травы, она была украшена сверкающими капельками росы. Над головами у них сияло необыкновенно голубое небо. Стрекотали насекомые, пару раз

слышались крики птиц. И больше никаких звуков, если не считать топота копыт и поступи собачьих лап. Бен обратил внимание на царящую вокруг них тишину.

— Собаки больше не идут по следу.

— Я заметил,— сказал Том.— Он решил вернуться назад по собственным следам.

Но Том продолжал ехать дальше, и Бену стало совсем не по себе. Он понял, что собрался сделать его друг. И он был совершенно прав. Цивилизованный человек, оказавшийся на затерянном острове, представляет угрозу для аборигенов — пока те не прикончат его. Если существует раса, чей представитель попал на Землю из-за того, что разбился его космический корабль, инопланетянин может быть *очень* опасен. Он уже доказал, что может подчинить себе человека и узнать все, что содержится у него в голове.

Естественно, он относится к людям словно к животным, стоящим на низшей по сравнению с ним ступени развития. А значит, он не испытывает угрызений совести, когда приходится причинять им вред. А если он сумеет починить корабль или, скажем, построит прибор, посылающий сигналы в космос, и вызовет своих соплеменников... Тогда человечество разделит судьбу диких племен, которые погибли или находятся на грани вымирания после контакта с цивилизацией.

С другой стороны, возможно, он заброшен сюда навсегда. Предположим, его корабль восстановить нельзя, а надежды построить передатчик нет. В таком случае его можно пожалеть. Человек на чужой планете, в миллиардах миль от других людей, без возможности послать весточку, человек в мире, населенном непонятными, враждебными существами,— это самая настоящая трагедия. Если Земля для существа, потерпевшего кораблекрушение, именно такая чужая планета, вполне может быть, что у него нет шанса вернуться домой, а значит, ему нужно посочувствовать.

Вот почему Бену ужасно не хотелось охотиться на инопланетянина, оставлявшего отчаянные послания с просьбой о дружбе. С другой стороны, он еще не забыл неприятное ощущение, испытанное в его присутствии.

Лошади поднимались по склону, и собаки снова начали вести себя нормально. Они то и дело отбегали в сторону и

принимались обнюхивать все подряд. Том и Бен медленно выбирались из глубокого ущелья. Вскоре они смогли посмотреть вниз. Там, на расстоянии многих миль, в нижней долине, находилось ранчо Тома, только отсюда его не было видно.

— Через пару минут мы наткнемся на собственные следы,— сказал Том.— Этот инопланетянин подумает, что мы решили рассказать ему свежие новости.

Он проехал вперед на четверть мили, и собаки быстро исследовали кусты, растущие у тропы. Затем Том остановился, тихо позвал их и привязал вместе с лошадьми.

— Это существо их пугает,— мрачно проговорил он.— Мы ведь не хотим, чтобы они убежали. Они еще пригодятся.

Вытащив из чехла ружье, он вернулся назад по тропе. Бен последовал его примеру с тем же смешанным чувством жалости и отвращения.

Чтобы бесшумно пройти четверть мили, потребовалось довольно много времени. По дороге они вспугнули множество самых разных живых существ. Колонну муравьев, путешествовавших между своим скрытым от посторонних глаз городом и куском падали. Птиц, которых Бену разглядеть не удалось. Стрекоз. Кролика, прятавшегося в кустах. А еще по обочинам тропы оказались очень густые заросли травы и низкого кустарника.

Они осторожно подошли к месту, с которого могли наблюдать за происходящим у камня, где обнаружили послание.

Какое-то существо изучало их ответ — «Покажись».

Оно не имело ничего общего с человеком, хоть и было примерно такого же роста. Инопланетянин оказался бледно-серого, точнее, пепельного цвета, с двумя ногами, двумя руками и головой. Бен никак не мог понять, есть ли на нем какая-то одежда, или это сама кожа такого непривычного оттенка. На поясе у него явно был ремень, с которого свисали самые разные предметы. Существо находилось слишком далеко, и Бен не мог разглядеть его лицо. Но и подходить ближе тоже не хотелось. Его затошнило, и он в ужасе задрожал, испытав к инопланетянину инстинктивную симпатию и необъяснимую враждебность одновременно.

Тот несколько минут рассматривал надпись на камне, а потом повернулся к людям. Бен снова испытал неприятное,

гнетущее ощущение, заставлявшее собак жалобно скулить. Существо, казалось, знало, что они неподалеку. Оно стояло неподвижно, чтобы люди сумели его запомнить.

Том выстрелил.

Существо сорвалось с места с невероятной скоростью и ловкостью. Бену почудилось, что оно скрылось из виду прежде, чем пуля ударила в землю в нескольких дюймах от того места, где стоял инопланетянин. Звук выстрела, превратившись в эхо, отправился разгуливать в ущелье. Том принялся сердито ругаться, а Бен испытал и облегчение, и ярость оттого, что им не удалось прикончить диковинное существо.

Он услышал свой собственный голос, прозвучавший, как он решил, слишком напряженно:

— Теперь он предупрежден. Нам придется пойти в город и рассказать о нем. Необходимо вызвать самолеты ВВС, чтобы те выследили его с воздуха, и солдат, чтобы прочесали всю местность. Если его можно захватить...

— А кто нам поверит? — с задумчивым видом поинтересовался Том.

Бену не было нужды отвечать. Он знал, что им не поверит *никто*.

Том не стал тратить время попусту и искать, куда исчезло существо. Он развернулся и уверенно зашагал назад, к лошадям. У него в голове сложился вполне определенный план.

— Плохо, что я промахнулся,— сказал он сердито.— Но я знаю, что он собирается делать. Благодаря тому, что он проник в мозги Стаба, ему удалось узнать не только наш язык, но и все, что известно старику про эти края. Он заявился на ранчо, потому что Стаб там живет. Теперь он пойдет в другое место, знакомое Стабу, чтобы либо завести там друзей, либо получить то, что ему нужно. Стаб покупает виски у Клейтона, а его хижина как раз неподалеку. Пять миль. Если мы доберемся туда первыми, то сможем еще раз попытаться его пристрелить.

Бену нечего было на это ответить. Но когда они вновь вскочили в седла и направились к хижине Клейтона, он представил себе ситуацию глазами потерпевшего кораблекрушение. Наверное, он находится в сотнях световых лет от своих соплеменников. Возможно, надежды на то, что кто-нибудь

из них узнает об аварии, нет. Он словно моряк, попавший на неизвестный остров и встретивший там свирепых дикарей с примитивными кровожадными замашками. Он, скорее всего, знает, что, как только станет известно о его появлении, весь мир вооружится до зубов и постарается обязательно прикончить чужака. Охота будет безжалостной и ужасной, а охотники — не знающими усталости.

Человек в такой ситуации становится диким зверем, каким его представляют себе враги. Он будет яростно сражаться. Потерпевший крушение...

Они проехали семь миль вместо пяти, прежде чем наткнулись на хижину Клейтона. Перед ней был небольшой садик и покосившийся сарай. Клейтон сидел на крыльце и отчаянно дрожал. Он побледнел, кожа приобрела пепельный оттенок. Его жена заряжала ружье на удивление твердой рукой. Ее лицо превратилось в маску. Когда показались Бен и Том, она уставилась на них горящими глазами.

— Какое-то существо убило мою крошку Сэлли,— лишенным эмоций голосом сообщила она.— Идите сюда, поможете мне его выследить и прикончить.

Ее муж пролепетал:

— Это не обычный зверь, я видел. Бесполезно его искать.

— Ходит на двух ногах,— холодно начал перечислять Хартл,— серого, как пепел, цвета, собаки его боятся, и он не человек.

— Я... охотился на белок,— продолжая дрожать, проговорил Клейтон.— И Сэлли со мной. Собаки кого-то испугались. Я пошел глянуть, и Сэлли со мной, а чудовище вдруг как выскочит, и я пальнул в него из обоих стволов, а из него вылетела молния, и я побежал...

— И оставил Сэлли,— подсказал Том.

— Он швырнулся молнией,— захныкал Клейтон.— Я... забыл.

— Вы позвонили в город, чтобы сюда прислали людей для организации поисков? — спросил Том у жены Клейтона.— Мы вам, конечно, поможем, но для того, чтобы его прикончить, нас слишком мало.

Женщина положила ружье и, словно автомат, зашла в дом. Они услышали дребезжание телефона, когда она попросила соединить ее с Центральной. Том спрыгнул на землю, привязал лошадь и принялся изучать свой арсенал.

— Дробь для такого врага будет в самый раз,— решил он, взяв дробовик.

Бен неохотно последовал его примеру.

Вернулась жена Клейтона, взяла ружье и направилась к границе леса. Бен и Том отправились за ней. Том свистнул собакам, и они присоединились к охоте, обогнав женщину.

— Где это произошло? — спросил Том.

Она кивком показала в сторону, куда направлялась сама. Они шагали за ней. Бен подумал, что, если существо, на которое они охотятся, не имеет отношения к человеческой расе, значит, оно вполне может рассматривать людей как животных. Человек, попавший на чужую планету, тоже будет не слишком разборчив. Инопланетянина можно винить за то, что он убил ребенка, не больше, чем если бы он отнял жизнь у щенка, например... Но Бена переполняла смертельная ярость, даже несмотря на то, что голова оставалась холодной.

Женщина вдруг всхлипнула, и Бен понял почему. Она увидела на мягкой сырой земле крупные следы мужчины и поменьше — ребенка. Отряд пошел дальше. Собаки с любопытством принюхивались к тропе.

Из-за деревьев тянуло дымом. Они направились туда и вскоре нашли ружье Клейтона, которое он бросил, в панике помчавшись прочь. Бен двинулся дальше, он знал, что следует искать.

Довольно быстро он наткнулся на выжженный участок, примерно дюймов восемнадцать в диаметре. Дерн был словно пропечен насквозь. В самом центре участка земля превратилась в пепел, а пепел расплавился до состояния прозрачного шлака. Бен понял, что произошло. Сначала возникла ослепительная вспышка, за ней последовала волна невыносимого жара — Клейтон назвал его молнией,— и ближайшие кусты, вспыхнув, мгновенно сгорели. После чего вопящий мужчина в слепом ужасе бросился бежать и оставил маленькую девочку.

Но они нигде не нашли ее следов. Ни крови, ни отпечатков ног. Даже лоскутков, оторвавшихся от крошечного платьица. Здесь не было даже намека на запах, заставлявший

собак рычать, скулить и лаять. Так что маленькому отряду ничего не оставалось, как обойти по кругу место, где валялось ружье Клейтона. Они искали молча, с мрачными лицами.

Прошло на удивление мало времени, и к ним присоединились еще люди, отряд начал быстро расти. Целых два часа постепенно собирались охотники из самых разных мест, даже из Тейтвилля. Сначала они ехали на машинах, дальше шли пешком, в окружении собак и с оружием в руках. Вскоре уже двадцать человек изучали каждый камешек и кустик, чтобы не пропустить место, где можно спрятать тельце ребенка. Под конец отряд насчитывал около сотни добровольцев, старательно прочесывавших кустарник. Они проигнорировали историю Клейтона про сверхъестественное чудовище и молнию. Одни смотрели в ямах и под поваленными деревьями. Другие отправились по следам пумы. Но большинство искало человека.

Никто ничего не нашел.

Однако охота продолжалась. Бен обшаривал заросли так же отчаянно, как и все остальные. Иногда отдельные группы встречались и взволнованно обсуждали, куда отправиться дальше. Время шло, но люди, казалось, забыли об усталости. Надежда постепенно таяла — впрочем, нельзя сказать, что она была сильна с самого начала,— и ее место занимала ярость. Мужчины неистово ловили убийцу маленькой девочки.

Когда Том наткнулся на Бена, тот, словно безумный, раскапывал кучу веток, которая когда-то была упавшим деревом. Спрятать под ними детское тельце ничего не стоило. Бен практически поверил, что так оно и есть.

Однако Том схватил его за плечо и оттащил в сторону.

— Больше нет смысла его искать,— с горечью проговорил он.— Мы только что нашли мужчину, который крепко спит.

Бен смотрел на него со смесью ненависти и ярости. Он представил ужас маленькой девочки, оказавшейся в руках существа с серой кожей, которое они с Томом видели и даже пытались убить. Том с силой встряхнул его.

— Он забрал одежду того мужчины! — возмущенно заявил он.— Забрал, а самого оставил спать, совсем как Стаба. Парень даже на ногах не держится. Ты понимаешь, что это значит?

— Я думаю про девочку,— тихо проговорил Бен.— А *что* это значит?

— А то! — по-прежнему неистовствовал Том,— Он узнал все, что было в голове парня! Теперь у него есть человеческая одежда, и издалека его можно принять за одного из нас!

Бен так же тихо спросил:

— А что он сделал с девочкой? Я убью проклятую тварь! Я...

— Я забыл,— с горечью признался Том.— Она в порядке.

Бен удивленно вытаращился и тряхнул головой, стараясь привести мысли в порядок. Он смотрел на Тома, а вокруг них в радиусе нескольких миль слышались голоса людей и возбужденный лай собак.

— Девочка в порядке? — медленно переспросил Бен.— В таком случае, кого мы ищем?

— Я забыл про ребенка,— сердясь на себя, повторил Том.— Мы нашли голого парня, который спал и вообще никак не реагировал на окружающий мир. Теперь это мерзкое существо разгуливает в его одежде. Собаки словно ополоумели около места, где он лежал. Я вернулся в хижину и услышал телефон — выяснилось, что он трезвонит уже полчаса.

— Маленькая Сэлли Клейтон около часа назад подошла к какому-то дому в Тейтвилле, постучала в дверь и очень вежливо попросила кусочек хлеба с маслом, а потом добавила, что хотела бы вернуться к отцу. Она сказала, что какой-то смешной человек принес ее в город. Очень хороший, смешной человек. Она в полном порядке. Но девочка не могла пройти пятнадцать миль сама! Добрый смешной человек ее принес. Сэлли говорит, что он умеет очень быстро бегать. А мы... мы зря его здесь ищем, он уже далеко...— Том устало закончил: — Ладно. Пойду скажу ребятам, чтобы прекращали поиски.

Спотыкаясь, он побрел прочь, а Бен попытался разобраться, что же все-таки произошло. Инопланетянин взял ребенка, брошенного в лесу, но не причинил девочке вреда. Более того, она назвала его смешным и добрым.

По лесу прокатился клич, что девочке ничего не грозит, она в Тейтвилле. Кто-то один выкрикнул новость, со всех сто-

рон полетели вопросы, но постепенно шум стих, и люди начали стягиваться к хижине.

Когда Бен добрался до дома Клейтона, Тома там уже не было. Он отправился в город. Казалось, его захватила идея — скорее всего, правильная,— что инопланетянина нужно отыскать и убить. Он наверняка рассматривает людей с точки зрения любого исследователя, иными словами, как дикарей и низшую форму жизни. Том придерживался убеждений, которые двигали королями Мексики, когда появились испанцы, а также королем Филиппом, и Понтиаком, и множеством других, давно умерших защитников народа от благ цивилизации. Бен частично разделял его мнение — но еще он жалел инопланетянина, оказавшегося в чужом мире, который его ненавидит.

Когда Бен добрался до маленького городка, повсюду стояли группы людей, которые что-то оживленно обсуждали. Историй о приключениях маленькой Сэлли было не меньше, чем самих рассказчиков, но ни одна из них даже отдаленно не походила на известную Бену истину. Одни радовались тому, что девочка вернулась живой и невредимой. Другие были убеждены, что необходимо устроить линчевание. Многие переходили из одного лагеря в другой. Бен зашел в свой офис. Его заместителя на месте не оказалось. Вне всякого сомнения, он отправился собирать сведения о пропавшей девочке и о том, как она нашлась. Он явно рассматривал это событие как исключительно интересное, хотя Бен знал — правда так невероятна, что напечатать ее нельзя.

Он устроился за рабочим столом, чтобы привести в порядок мысли. Неожиданно он понял, что ужасно устал. И с изумлением обнаружил, что охота и возвращение в Тейтвилль заняли почти целый день и уже наступили сумерки. Впрочем, в Тейтвилле, расположенном в долине среди высоких холмов, темнело рано. Бен сидел в офисе, постепенно погружавшемся во мрак, и грустно пытался придумать, как же рассказать о случившемся в газете. Так, чтобы читатели восприняли произошедшее как серьезное предупреждение. Снаружи, на улице, привычные звуки маленького городка сменяли друг друга и вскоре стихли, хотя голоса по-прежнему были слышны.

Небо на западе, над горами, постепенно становилось темно-красным. В окно Бен видел, что листва на восточных склонах гор, освещенных садящимся солнцем, постепенно меняет цвет. Он закурил, продолжая раздумывать о статье, которую поместит в тейтвилльский «Рекорд». Хорошо бы, другие агентства новостей подхватили ее и проверили информацию, а потом компетентные органы предприняли бы необходимые действия. Бену нечего было возразить Тому Хартлу, но и согласиться с ним было трудно. С другой стороны, он знал, что нельзя сидеть сложа руки. Нужно обезопасить Землю от потерпевшего кораблекрушение инопланетянина. Если для этого придется его убить, ну что же, жалко, конечно, но иногда человек вынужден совершать то, что ему не нравится.

Спустилась ночь, а Бен так и не решил, как сообщить, что к востоку от Тейтвилля упал космический корабль и что одному из инопланетян удалось выжить. Что его судно спрятано в горах под кучей земли, сорвавшейся со склонов, и что это чуждое, даже отдаленно не похожее на человека существо скрывается где-то неподалеку. Нет, он не мог придумать, как же сделать так, чтобы ему поверили.

Бен зажег спичку и снова раскурил трубку. Ему было невероятно хорошо сидеть в тишине и одиночестве. С другой стороны, он чувствовал себя несчастным, так что не было никакого смысла включать свет и пялиться на белые стены.

Дверь открылась, и кто-то замер на пороге.

— Мистер Лион?

— Да, сейчас я зажгу свет,— ответил Бен и собрался встать.

— Не нужно,— сказал посетитель.— Мне понадобятся мои глаза, не стоит ослеплять их светом. Я был на охоте сегодня, мистер Лион. Мне она показалась не совсем обычной. С маленькой девочкой ничего не случилось, но она говорит, что в город ее принес смешной человек. Добрый, смешной человек. Однако она не может объяснить, почему считает его смешным. Что вы про все это думаете, мистер Лион?

— Если вы хотите услышать факты,— сухо проговорил Бен,— то я знаю, что произошло. Могу и вам рассказать.— Посетитель уселся на стул, который сумел безошибочно отыскать в темноте, и откинулся на спинку. Бен продолжил: — Вы, возможно, мне не поверите, но...

Он поведал все, что знал, так, словно этот случай ему самому кто-то рассказал. Он решил провести эксперимент, ему было интересно, как отреагирует нормальный человек на изложение голых фактов. Возможно, его поведение поможет решить, как преподнести историю другим людям, чтобы она показалась убедительной. Впрочем, довольно скоро он понял, что получается у него не слишком хорошо.

Когда он закончил, посетитель задумчиво проговорил:

— Вы собираетесь напечатать все именно в таком виде?

— А вы мне поверили? — спросил Бен.

Трубка погасла, и он зажег спичку, чтобы снова ее раскурить. Посетитель резко дернулся и снова замер, но Бен успел разглядеть его лицо. Когда он поднес спичку к трубке, рука у него дрожала.

— Ну... да, конечно,— замялся гость.— Ваша история полностью правдива. Честно говоря, я...— Он помолчал немного.— Я разговаривал с инопланетянином и пришел, чтобы рассказать вам его историю. Однако оказалось, что вы и так поняли все, кроме одной детали.

Бен потушил спичку и попытался понять, чей голос слышит. Он показался знакомым, но уверенности не было.

— Потерпевший кораблекрушение наткнулся на мужчину по имени Клейтон, который выстрелил в него. Тогда инопланетянин бросил огненный снаряд, желая остановить человека. У него получилось. Клейтон убежал, оставив маленькую девочку. Она ужасно испугалась, увидев незнакомое существо. Поэтому он...— Посетитель снова замолчал.— Он использовал чужое сознание, чтобы ее успокоить. А еще он мог без проблем заглянуть в ее воспоминания. Ему не потребовалось поступать с ней так, как с тем стариком, Стабом. Инопланетянин был в отчаянии. Ему удалось близко познакомиться с тремя людьми, и все они оказались злобными существами, пытавшимися его убить. Он решил, что должен построить для себя что-то вроде крепости и как следует вооружиться, чтобы защититься от кровожадных аборигенов этой планеты. Но, заглянув в мысли девочки, он понял, что представляют собой люди.

— И что же он узнал? — пересохшими губами спросил Бен.

— Что люди и его собственный народ очень похожи. Иначе и быть не могло. Как все птицы должны иметь крылья, чтобы летать, так и разумные существа обладают примерно одинаковым интеллектом. Инопланетянин может подружиться с людьми и жить среди них. Ему это необходимо. Покинуть Землю он не в состоянии. Если он останется в одиночестве, то сойдет с ума, как и любой другой человек, оторванный от общества.

— Он просил передать это мне? — хрипло спросил Бен.

— Да,— вполголоса ответил посетитель.— Воспоминания Стаба говорят, что вы хороший человек. И воспоминания девочки, а также другого человека, которого инопланетянин... успокоил, когда тот обнаружил его во время поисков пропавшего ребенка. Поэтому он просит вашей помощи.

— Чтобы найти друзей.

— Да.

— Ему это не удастся. Он отличается от нас, поэтому мы его ненавидим. Когда он рядом, нас охватывает ярость. Он знает больше нас, и мы его боимся. Когда станет известно, что он появился на Земле, все человечество объединится и начнет на него охоту.

— Даже вы? — спросил знакомый голос.

— Я ищу способ заставить других людей поверить, что он не вымысел,— с вызовом сказал Бен.— Я сделаю все, чтобы организовать поиски и убить его.

Наступило долгое молчание. Где-то в ночном городе истерично залаяла собака, другая принялась рычать. Посетитель Бена выпрямился на стуле.

— Вы уже поняли,— тихо проговорил он,— что я и есть тот самый инопланетянин.

— Разумеется, понял! — сердито выкрикнул Бен.— И вы можете меня прикончить! Поверьте, мне будет очень жаль, когда вас убьют. Неважно, что вы хотите подружиться с людьми — ничего другого нам не остается. Вас необходимо ликвидировать, потому что вы разумное существо и не являетесь человеком.

— Но ведь вы не испытываете ненависти ко мне...— удивленно проговорил посетитель.

— Испытываю,— возразил Бен и сжал руки в кулаки.— Внутри у меня все холодеет от одной только мысли, что вы сидите здесь и разговариваете со мной, и при этом вы не человек! Но я буду сочувствовать вам даже тогда, когда попытаюсь вас прикончить.

Лай приближался, его сопровождали громкие, сердитые голоса.

Посетитель встал.

— Я сделал глиняную маску,— рассеянно сообщил он,— и нашел одежду. Мне придется усовершенствовать маску и найти способ обманывать собак. Мне необходимо жить среди людей. В конце концов, я ведь цивилизованное существо! Не думаю, что меня смогут найти. Я быстро учусь. Я уже знаю этот шум...— Собаки были совсем близко.— Он означает, что кто-то напал на мой след. Так что придется вас оставить.

Он направился к двери, и Бен резким движением выдвинул ящик стола, в котором лежал револьвер. Неожиданно он понял, что не может даже взять оружие.

Его посетитель бросился к двери, и только тогда Бен сумел пошевелиться. Он схватил револьвер и помчался за инопланетянином, краем глаза увидев темные очертания приближающихся людей и мечущихся среди них разъяренных собак.

— Скорее! — крикнул Бен с порога и махнул револьвером.— Сюда! Он побежал в ту сторону!

Он очутился в самой гуще толпы, кинувшейся в погоню. Они проносились мимо домов, зарослей кустарника, гаражей и деревьев. Неожиданно дико закричала женщина, и, поспешив на голос, они обнаружили ее в глубоком обмороке. Город превратился в охотничье угодье, где все до единого пытались поймать одного человека — точнее, существо. Чья-то собака оказалась храбрее остальных. Она бежала впереди, и люди слышали, как она рычит и яростно лает на кого-то, кто пытается от нее оторваться. Они поспешили вперед. Невидимый беглец направился в противоположный конец города, и люди решили сократить путь в надежде его догнать.

Бен обнаружил, что яростно кричит на бегу. Он был среди тех, кто нашел инопланетянина. Залитый звездным светом, тот внезапно появился на окраине города, там, где через

небольшую быструю реку, снабжавшую Тейтвилль водой, был перекинут мост. Сердитый лай не смолкал, однако собаки нигде не было видно. Бен догадался, что инопланетянин не только разговаривал, как человек, но умел вдобавок подражать голосу разъяренного пса. Он вел погоню туда, куда ему было нужно.

Раздался грохот выстрелов, до цели было далеко, но беглец покачнулся, нога у него подломилась, а в следующее мгновение он перелетел через ограду и свалился в реку.

Неожиданно Бен понял, что совершенно спокоен, ведь случилось то, на что все так рассчитывали. Река была очень быстрой и довольно глубокой. Утонуть в ней совсем нетрудно. В особенности раненому человеку.

Однако они имели дело не с человеком, и Бен сомневался, что его действительно задело пулей. Он знал, что люди с собаками отправятся вниз по течению, чтобы отыскать либо тело, либо раненого, пытающегося выбраться на берег. В одном он не сомневался: в конце концов охотники придут к выводу, что тело затянуло в стремнину. Вполне возможно, наткнувшись на обрывки одежды, они окончательно поверят в смерть беглеца. Но Бен был уверен, что тело не найдут никогда. И люди не согласятся поверить, что охотились не на какого-то неизвестного маньяка, который объявился в полях за городом и совершил чудовищное преступление, за что и был наказан смертью.

Разумеется, он был совершенно прав. Впрочем, Бен оказался единственным на Земле человеком, который так думал. Чуть позже той же ночью к нему пришел радостный Том Хартл. Друг не скрывал ликования. Охота закончилась успешно, инопланетянин мертв, хоть Бен и попытался убедить его в обратном.

— Он умер,— уверенно заявил Том.— Я видел, как он свалился в реку. Помнишь камни вниз по течению? Ему с ними ни за что не справиться. Никому такое не под силу! Так что пора о нем забыть, Бен! Никто не поверил, будто парень прилетел откуда-то со звезд, зато все твердо знали, что его следует убить. И мы его прикончили! — И добавил с облегчением: — Теперь можем отправляться на рыбалку!

Но Бен отказался, ему хотелось хорошенько обдумать случившееся. Он знал, что потерпевший кораблекрушение жив, и жалел его, но ни секунды не сомневался, что нужно закончить начатое дело. Вот только он не мог придумать, как объяснить всем, что инопланетянин существует. Он рассказал о нем писателю, но тот заявил, что не верит этим байкам. Он даже сочинил историю, но никто не отнесся к ней серьезно.

Бену почти удалось уговорить себя, что инопланетянин сказал правду и у него нет ни единого шанса покинуть Землю или связаться со своим народом. Потом ему неожиданно пришла в голову очень неприятная мысль. Вне зависимости от того, скольким людям, живущим в районе Тейтвилля, инопланетянин проник в мысли, вряд ли он получил внятное представление об атомных бомбах и ядерном топливе. Зато за пределами Тейтвилля такое знание вполне доступно. И, значит, у инопланетянина может появиться надежда вернуться домой. Там он обязательно расскажет про дикарей, которых встретил на чужой планете. И это будет началом конца всего человечества.

Бена охватило беспокойство, когда в Лос-Аламосе и Ханфорде, штат Вашингтон, появилась странная болезнь. Все считали, что она вызвана радиацией. Но время от времени кто-нибудь находит крепко спящего старшего техника или ведущего специалиста по теории радиации. У них ровный пульс, спокойное дыхание, и никаких внешних признаков болезни обнаружить не получается. Они просыпаются примерно через сутки и могут вспомнить только то, что погружению в сон предшествовало неприятное ощущение и холодное прикосновение к вискам.

Пока таких случаев насчитывается не больше дюжины. И что странно, ее жертвами становятся люди, обладающие секретной информацией.

В последнее время Бен стал плохо спать. Его не отпускает тревога.

Инструкции

Хотя ужасный шум в темноте производил всего лишь бог росы, Фанес позволил себе открыть глаза. Потом он слегка приподнялся. Над койкой Болеса горел приглушенный свет, и тот торопливо собирал мешок для визита в торговый центр на Лэмпианских холмах. Еда, фляги и другие товары, чтобы обменять все это на волокно ллосса, которое на Земле стоило на вес платины.

Фанес извиняющимся жестом поднял руки, когда тот резко повернулся к нему. Болес негодующе фыркнул.

— Это всего лишь один из богов,— пренебрежительно сказал он.— Они всегда шумят перед рассветом.

Фанес сделал вид, что глупо ухмыляется, словно только что проснулся. Он был в курсе существования бога росы. С мозгами у него было лучше, чем у Болеса, и во всем, что имело хоть какое-то значение на Ориксе, он разбирался лучше его, хотя пробыл на маленькой планете всего пять месяцев. Благодаря своим познаниям он не спал уже несколько часов, лихорадочно размышляя, не лучше ли из общих соображений прикончить Болеса сегодня утром. На то была причина, но ему хотелось посмотреть на Болеса, вернувшегося с Лэмпианских холмов, где ему предстояло обнаружить, что торговый центр обращен в пепел, от деревушки хонки остался лишь черный шрам на зеленой поверхности Орикса, а корабль, доставляющий припасы, успел улететь.

Было бы забавно посмотреть, как Болес пытается прожить на Ориксе без припасов с Земли до того момента, как при-

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

летит следующий корабль. Фанес решил не убивать его сегодня, пусть сначала узнает, какой он глупец. Между тем Болес смотрел на него свысока.

— Я знаю,— зевнув, ответил Фанес.— Но сегодня утром шум заметно громче, чем обычно. Интересно...

— В инструкциях сказано, что не стоит связываться с местными обычаями и религией,— сурово заявил Болес.— Нам не платят за проявление интереса. Кончай заниматься ерундой.

Болес проверил оборудование по списку. Потом бросил взгляд на приборную панель и в строгом соответствии с правилами принялся переписывать показания в вахтенный журнал. Температура. Влажность — всегда от 97 до 100 процентов днем, но иногда снижается до 90 процентов ночью. Ионизационная константа воздуха. Фанес с иронией наблюдал за пылом Болеса. Много им будет толку от этих наблюдений!

— Я разберусь с журналом, Болес,— нетерпеливо сказал он.— У меня будет возможность им заняться, когда ты уйдешь.

— Пока я здесь, заполнять журнал по инструкции должен я,— упрямо возразил Болес.— А когда меня нет — правила говорят, что это должен делать ты. Достаточно выполнять инструкции, Фанес, и все будет в порядке.

Дьявольский шум, который создавал бог росы в джунглях, становился все громче. Ни один человек, говорилось в «Инструкциях для Орикса», никогда не видел бога росы. Но местные божества играли важнейшую роль в жизни хонки, и продолжение успешной торговли требовало уважать их верования.

— Будь они прокляты! — бросил Фанес с иронией, внешне при этом выказывая раздражение.— Как жаль, что инструкции не позволяют человеку бороться с шумом. Трудно переносить, когда каждое утро тебя будит какой-нибудь бог хонки, голос которого подобен вою шестнадцати пароходных гудков — причем у каждого своя тональность.

Болес, одетый в водонепроницаемый комбинезон, пожал плечами. На Ориксе, где никогда не идет дождь, все равно приходилось носить непромокаемую одежду.

— Послушай меня! — твердо сказал Болес.— Ты должен это понять! До того как был построен форт, на Ориксе находился исследовательский отряд Компании. Ты же читал отчеты. Они изучали планету и поведение аборигенов, а потом оставили инструкции для нас, работников форта. Они написали хорошие инструкции. Если им следовать, с тобой ничего не случится. Точно так же и в отношениях с хонки.

Хонки каким-то образом сообразили, что нужно делать, чтобы все шло гладко. Они пришли к своим выводам не научными методами, а как люди в далекой древности. Нет, они не стали называть эти правила инструкциями. Они назвали их религией. Однако сработало. Для хонки религия оказалась хорошей инструкцией, и лучше ей не противоречить. Тогда у тебя не будет никаких неприятностей.

— Уверяю тебя,— скептически сказал Фанес,— я не стану убеждать хонки стать атеистами.

— Да,— кивнул Болес.— И это тоже. Не убеждай.

Болес застегнул молнию комбинезона. Затем он занялся многочисленными ремнями, на которых крепилось необходимое оборудование. Фанес наблюдал за ним, с трудом скрывая улыбку. Значит, ему не следует противоречить религии хонки?

Окна форта задрожали, когда бог завыл особенно громко. Он, Фанес, знал относительно религии хонки такое, о чем Болес даже не подозревал. Очевидно, исследовательский отряд тоже не владел этой информацией. Боги, ревущие в темноте, могли вызвать любопытство даже у людей вроде Фанеса, всегда презиравшего такие глупости, как религия и инструкции. Фанес получал особое удовлетворение, нарушая все ограничения относительно хонки под самым носом у Болеса. Он установил камеру со вспышкой, которая реагировала всякий раз, когда бог росы начинал реветь, так что у Фанеса имелась его фотография.

Ослепительная вспышка напугала бога. Он бросился бежать и врезался в ствол дерева. Кристалл с его изображением лежал в кармане пижамы Фанеса, а рядом с деревом он нашел сувенир религии хонки. Он оторвался от головного убора бога росы. Фотография показывала, сколько таких сувениров украшало этот убор. Поэтому Фанес и планировал убийство на утро, однако окончательного решения так и не принял. Перспективы могли легко вскружить человеку голову.

Фанес мыслил с удивительной ясностью и тщательно продумал свой план. Он получился великолепным. Фанес искренне жалел, что никто никогда о нем не узнает. Однако в плане возникло два неожиданных изменения — одно было вызвано полученным по радио сообщением, а другое определялось решением Болеса отправиться на Лэмпианские холмы.

Теперь Фанес, если ему захочется, может оставить Болеса в живых, чтобы тот осознал, в какое серьезное положение угодил. Когда Болес вернется, а это произойдет не раньше чем через шесть дней, он все поймет. Быть может, не все, но сувенир — небольшой, оставленный на полке там, где его нельзя не заметить,— позволит ему восстановить по частям всю историю, пока он будет вести безрадостную жизнь на Ориксе и ждать, когда прилетит другой корабль.

Болес успел пристегнуть все атрибуты, настоятельно рекомендуемые инструкцией для путешествий по Ориксу. Снаружи все еще было темно. Бог росы продолжать реветь, хоть уже и не так громко.

— Все,— коротко сказал Болес.— Я ухожу. И не забывай следовать правилам, пока меня нет!

— Интересно, какое из них я намерен нарушить в твое отсутствие? — с иронией спросил Фанес.— То, в котором запрещается приставать к местным женщинам?

Болес без улыбки покачал головой. Женщины Орикса, с зеленоватой, напоминающей хитин кожей, никогда не привлекали людей.

— Нет,— угрюмо ответил Болес.— Но твое отношение к делу мне не нравится. За инструкциями стоят опыт и разум — даже за инструкциями хонки, которые они называют религией. Быть может, мне следовало...— Он колебался, и Фанес холодно подумал, что жизнь Болеса повисла на волоске, хотя сам он ничего не подозревал.— Ладно,— наконец сказал Болес. Необходимость его убивать отпала.— Надеюсь, ты справишься. Пока.

Он вышел и закрыл за собой дверь. В промежутке между двумя воплями бога росы послышалось негромкое хлюпанье. На Ориксе не бывает дождей. Никогда. Поэтому к рассвету на деревьях в джунглях скапливаются огромные капли росы.

Так что Болес, шествовавший по густому кустарнику, периодически оказывался под водопадом, льющимся с ветвей.

Фанес негромко рассмеялся и вынул руку из-под водонепроницаемого одеяла, без которого человек на Ориксе спать не может, если не хочет проснуться мокрым насквозь. Он посмотрел на вытащенный пистолет. Во время беседы с Болесом он не выпускал оружие из рук — и был готов спустить курок в любой момент. Возможно — вполне возможно,— он совершил ошибку, оставив Болеса в живых. Но тот ушел без оружия. На Ориксе оружие не требуется. Хонки никого не убивают. Им запрещает религия. Кроме того, у людей, как и у хонки, красная кровь, а религия не позволяет аборигенам смотреть на все, что имеет красный цвет.

Фанес встал и внес поправки в систему космической связи. Рация молчала в течение последних четырех дней — с тех пор, как он услышал, что грузовой корабль прибудет на десять дней раньше, чем его ждет Болес. Он ничего не знал, поскольку Фанес оставил эту информацию при себе. А теперь он ушел, корабль прилетит и улетит, а до возвращения Болеса произойдет много интересного. Восстановив связь, Фанес принялся неторопливо одеваться, улыбаясь собственным мыслям.

Постепенно рев бога росы стих. Фанес выглянул в окно. Небо на востоке, где сейчас вставало местное солнце, уже заметно посветлело. Однако мир еще не успел обрести цвет. Он оставался по-ночному серым. Появился белый диск солнца. На Ориксе нет дождей — именно из-за этой аномалии небо при восходе и закате никогда не бывает алым.

Орикс — магниевая планета. Магний там можно найти повсюду, как на Земле — натрий. Кроме того, здесь часто встречаются соединения хлора. Как и на Земле, повсюду есть соли, так что на Ориксе превалируют хлориды магния, в частности в телах хонки и насекомых — животных здесь практически не водится,— а также в соках деревьев и почве. Результат получается поразительный. Определенные вещества поглощают влагу из воздуха до тех пор, пока сами не становятся растворами, а хлорид магния является хорошо растворимым соединением.

Вот почему все на Ориксе поглощало влагу и удерживало ее. Все здесь было влажным. Если в результате экстраординарных событий образовывалась пыль, она очень быстро пропитывалась водой и становилась грязью.

Иными словами, на Ориксе не было пыли, не могло быть красочных закатов и восходов, в небе никогда не собирались тучи, а значит, на землю не проливались дожди. А раз не было дождей, не возникало ручьев, прудов, заводей или озер. Всю поверхность планеты покрывали джунгли, получавшие влагу от росы, которая собиралась только на твердых поверхностях.

Не слишком приятное место обитания для людей, но хонки не знали другой жизни, строили дома и делали инструменты из мыльного камня, тщательно соблюдая табу своей странной религии. Их культура оставалась на зачаточном уровне развития. Хонки не знали огня, поскольку на планете не бывало молний. И не открыли металлы, ведь без огня невозможно плавление. Вся их жизнь подчинялась сложной обрядовой системе.

Даже расположение их поселений определялось религиозным отвращением к красному цвету. Вот почему они не могли обрабатывать почву из красной глины. Однако ближайшая деревенька могла не опасаться случайного святотатства. Поля, над которыми ревел бог росы, были синевато-серыми, липкая почва — о чем Фанес знал на основании личного опыта — отличалась удивительной клейкостью, и только яркие лучи солнца могли ее немного подсушить.

Он с удовольствием позавтракал. До настоящего момента он не совершил ничего противозаконного, если не считать отключения радиосвязи, а это никто не сумел бы доказать. Он не стал убивать Болеса. Он еще мог отказаться от своих планов и рассказать Компании об открытии, получить повышение и увеличить доходы на несколько сотен кредитов в год. Фанеса поражала глупость людей, не способных поступить так, как он, чтобы провести остаток жизни в роскоши, которую дает лишь огромное богатство. Впрочем, Фанес, вне всякого сомнения, был очень умен. Он всячески себя одобрял.

Закончив завтракать, он вновь выглянул в окно. Солнце успело подняться над джунглями, придав ландшафту особое великолепие. Огромные капли росы, сверкавшей в его лучах, покрывали каждый лист. Лишь там, где прошел Болес, листья стали почти сухими. Те деревья, которых он коснулся, лишились алмазных россыпей. Роса скатилась на землю. Его путь можно было легко проследить. Он ушел в сторону Лэмпианских холмов.

За спиной Фанеса забормотала включенная рация:

«ПРОВЕРКА ДЛЯ ТОРГОВОГО ФОРТА НА ОРИКСЕ. КУРС И СКОРОСТЬ ОСТАЮТСЯ ПРЕЖНИМИ. МЫ ПРИЗЕМЛИМСЯ ВОЗЛЕ ФОРТА ЧЕРЕЗ ТРИДЦАТЬ ДВА ЧАСА ПЯТНАДЦАТЬ ЗЕМНЫХ МИНУТ».

Грузовой корабль посылал сообщение уже далеко не в первый раз.

Впрочем, сейчас это интересовало Фанеса меньше всего. Он застегнул пояс с пистолетом, зашел в кладовую и открыл ящик, в котором все пять месяцев пролежало плазменное ружье. Он тщательно его почистил и зарядил. Затем подошел к двери, распахнул ее, направил ружье на джунгли и выстрелил.

Образовался выжженный круг диаметром в десять ярдов. Над ним поднимался дым. Вскоре он исчез. Его частицы не могли долго сохраняться в столь влажном воздухе. На них конденсировалась вода. И дым превращался в туман. А туман становился дождем. Солидный душ пролился на выжженный участок джунглей. Недогоревшие угольки погасли.

Фанес ухмыльнулся. Он не ожидал такого поворота событий, но это показалось ему забавным. Сегодня все вокруг веселило его. Солнце поднялось выше, и мерцающая роса испарилась. Тумана не образовалось, но воздух был настолько напоен влагой, что становилось трудно дышать. Фанес вспомнил лекцию, которую с важным видом прочитал ему Болес. Каждая капля росы, утверждал он, является маленькой лупой. Она фокусирует лучи утреннего солнца на листе, обжигая его поверхность. Так что оглушительный утренний рев бога росы приводит к тому, что листья начинают вибрировать,

и капли стекают вниз. В результате урожай хонки не сгорает. Но, лишившись поддержки бога росы, хонки будут обречены на голод.

Фанес закинул плазменное ружье за спину, убедился, что пистолет, висевший на поясе, заряжен, и зашагал в сторону поселения хонки. Там, в хижинах из мыльного камня, жили четыре с лишним сотни аборигенов. Кожа хонки имела зеленоватый оттенок и, хоть отличалась от хитина насекомых, была довольно толстой и прочной — хорошо сгибалась только в районе суставов.

Хонки были серьезными и спокойными существами, жизнь которых целиком и полностью определялась религией — как и жизнь Болеса, поклонявшегося инструкциям. Болес утверждал, что религия хонки и есть их инструкции,— вероятно, он был прав. Однако Фанес не был набожен и не подчинялся никаким правилам — за исключением тех, что придумал сам.

Он шел, и джунгли высыхали у него на глазах. Теперь у него уже не было ощущения, что он идет под душем. Если не считать слишком влажного воздуха, Фанес не ощущал дискомфорта. Через полчаса он вышел на синевато-серое поле, где хонки выращивали урожай. Он нетерпеливо улыбнулся и зашагал через поле к деревне. Однако он замедлил шаг, чтобы повнимательнее взглянуть на почву.

Он понял, что это значит, и рассмеялся. Здесь ему не придется искать сувениры на земле! Этим займутся хонки! Он шел все дальше, и улыбка не сходила с его лица. Теперь он двигался по залитому солнцем открытому пространству между растениями, доходившими ему до плеч,— до хижин оставалось совсем немного. Он видел хонки, работающих на полях. Аборигены пользовались мотыгами нелепой формы, разрыхляя почву вокруг растений, которые обеспечивали их пищей.

Фанес подозревал, что его заметили, но знал, что никогда не увидит, как хонки смотрят прямо на него. Он ожидал услышать протесты, поэтому приготовил плазменное ружье, но всякий раз, когда он резко поворачивал голову, чтобы застать врасплох кого-нибудь из хонки, тот оказывался полностью поглощенным работой.

Такого поворота Фанес не ожидал. Людям не разрешалось входить в деревни хонки. Инструкции Компании, которые Болес тщательно соблюдал, категорически это запрещали. Фанес нарушил один из базовых принципов. Люди не должны появляться в поселениях аборигенов! Этого требует религия хонки!

Человек, входивший в деревню хонки, совершал святотатство. Богохульство! Преступление! Однако они делали вид, что ничего не замечают. Фанес почувствовал раздражение. Он приготовился применить плазменное ружье, чтобы получить то, что здесь находится. Он даже был согласен учинить массовое убийство. Его намерение совершить то, что религия называет преступлением, не вызывало никаких сомнений. Но хонки не обращали на Фанеса внимания.

По мере того как он подходил к деревне, их становилось все больше. Мужчины хонки. Женщины хонки. Маленькие дети — мужского и женского пола — бегали вокруг взрослых особей. Все наблюдали за ним краем глаза, все знали, что он поступает наперекор их богам, находясь в деревне. Но ни один даже виду не подал, что знает о существовании Фанеса. Наконец он остановился в десяти футах от мужчины хонки, который старательно разрыхлял землю вокруг корней растения.

— Друг мой,— иронически заговорил Фанес, прекрасно зная, что хонки его не поймет.— Я восхищен твоей деятельностью. Но не кажется ли тебе, что она бессмысленна? Разве тебе не следует защищать своих богов, дом и очаг? Разве ты не видишь, что я вошел в деревню? Неужели вы даже не подозреваете, что я намерен ограбить вашего бога с громким голосом? Короче, тебе не кажется, что нужно что-то предпринять? Конечно, в таком случае я тебя наверняка прикончу, но делать вид, что вы меня не замечаете, глупо.

Однако хонки продолжал работать, а по его неподвижному лицу было невозможно понять, слышит ли он слова человека. Фанес начал нервничать, а в его глазах загорелась беспричинная злоба.

— Так в чем дело? — с мрачной усмешкой спросил он.— Ты боишься за свою зеленую шкуру? Где твое благочестие? Я стою перед тобой, еще немного, и я оскверню самое свя-

тое, что есть в вашей религии,— а ты делаешь вид, будто меня не существует!

Хонки продолжал мотыжить землю. Неожиданно Фанес сплюнул.

— Ну и черт с тобой! — заорал он. Фанес ненавидел зеленокожих обитателей Орикса только потому, что намеревался совершить преступление против их племени. Ему требовалось сопротивление, чтобы он мог продемонстрировать свое мужество и ум. Он жаждал увидеть страх в глазах жертв. Фанес мечтал, чтобы в его памяти осталась сцена схватки, в которой он проявит безрассудную храбрость, чтобы обеспечить себе роскошную жизнь.— Ты такой же глупец, как и Болес! Ты и твои боги! Он и его инструкции! Ну и черт со всеми вами!

Он злобно посмотрел на стройную нечеловеческую фигуру, спокойно направившуюся к следующему растению. Хонки даже виду не подал, что заметил орущего Фанеса.

Охваченный яростью, Фанес зашагал дальше. Он проходил мимо множества хонки. И все делали вид, что его не видят. Никто не боялся Фанеса. Плазменное ружье могло бы истребить всех хонки на Ориксе, если бы они осмелились на него напасть. Его переполняла ненависть к проклятым аборигенам, но, самое главное, он не понимал, почему его игнорируют.

Наконец Фанес вошел в деревню. Все дома были построены из блоков мыльного камня, украшенных сложными орнаментами, однако сейчас они вызвали у него лишь новый приступ раздражения. Мыльный камень, как рассказал Болес, хонки приносят на своих спинах, преодолевая более пятидесяти миль,— только для того, чтобы построить деревню на месте, где нет красной глины. Здесь наверняка живут уже несколько поколений. Быть может, поселению тысяча лет.

Казалось, здесь никого нет, но Фанес знал, что это не так. Хонки не выходили из домов: так им было легче делать вид, будто его не существует. Они вели себя оскорбительно. И очень глупо. Тем самым хонки отрицали мужество, хитрость и ум Фанеса, который дерзнул бросить вызов их богам и инструкциям Компании, чтобы прийти сюда и ограбить бога, который так оглушительно ревел за час до рассвета.

Фанес снял с плеча плазменное ружье. Он тщательно продумал свой план и знал, что хонки не сумеют ему помешать. И хотя все в нем кипело от бессмысленной ярости, Фанес приготовился заставить хонки сыграть ту роль, которую он им отвел. Главное здесь состояло в том, чтобы быстро и безжалостно уничтожить спрятавшихся аборигенов, а у остальных вызвать ненависть.

Дальше последует быстрое разграбление храма бога росы и возвращение в форт, которое будет сопровождаться безжалостным использованием плазменного ружья. Впрочем, у хонки постоянно должна оставаться надежда, что они сумеют добраться до обидчика и отомстить за убийства и осквернение святынь.

Когда грузовой корабль приземлится, хонки будут штурмовать форт. И его рассказ о религиозном неистовстве, начавшемся с убийства Болеса — который будет жив и здоров,— прозвучит убедительно. И тогда, в полном соответствии с инструкциями, капитан корабля будет вынужден эвакуировать форт, увезя с собой Фанеса и все, что он сумеет спрятать среди вещей, на ближайшую цивилизованную планету, где он тут же исчезнет с неисчислимыми богатствами.

И еще Фанес потребует, чтобы капитан сжег деревню пламенем корабельных дюз. Капитан не станет возражать, выслушав рассказанную историю. Она объяснит ярость Фанеса, поскольку только обезумевший от горя человек станет требовать мести, а Болес пользовался огромной популярностью среди работников Объединенной Торговой Компании.

Фанес выстрелил. Яркое пламя охватило ближайший дом. С ревом вспыхнул огонь. Затем последовал второй выстрел, третий, четвертый.

Он увидел, как начали спасаться от огня хонки. Они бежали не останавливаясь. Его замысел выполнялся, все шло по плану, и однажды Болес найдет последний кристалл, сувенир местной религии, оставленный Фанесом в качестве совершенно очевидной улики.

Теперь в деревушке остался только Фанес. Отчаянно ругаясь без малейшей на то причины, с пересохшим горлом и слезящимися глазами, он подошел к храму бога росы, чтобы забрать богатства, которые там находились. Они должны быть

там. Фанес не мог ошибиться. Он заполучил фотографию бога росы, с головного убора которого упал сверкающий кристалл, и увидел синюю глину. Подобная же встречается на плато Кимберли, на Земле. Благодаря чистой логике, которой пользуются такие умные люди, как Фанес, он твердо знал, что в храме хранятся несметные сокровища.

Древность поселения лишь подтверждала его оценки. Хонки обрабатывали поля синей глины в течение примерно тысячи лет. Поклоняясь своему богу, они собирали блестящие кристаллы, похожие на отвердевшие капли росы и так же отражающие солнце. Более подходящих подношений хонки не могли представить.

Бог росы носил целые связки сверкающих камней на головном уборе! Один из таких кристаллов, который он потерял, напуганный вспышкой камеры, лежал сейчас в кармане Фанеса. Один только головной убор сделает его богатым человеком, но он не сомневался, что в течение тысячи лет каждый хонки отдавал в храм хотя бы один необработанный алмаз, найденный на полях. А тысяча лет таких подношений означала, что Фанесу будет принадлежать неслыханное богатство.

Он еще раз выстрелил из плазменного ружья, повинуясь исключительно желанию разрушать, и с усмешкой вошел в храм, готовый прикончить всякого, кто встанет между ним и сокровищами.

Высокий хонки сидел на корточках перед торговым фортом и с трудом пытался произнести те несколько слов земного языка, которые были ему известны. Болес слушал его с возмущением.

— Твой посланец догнал меня и вернул обратно,— высокомерно сказал Болес.— Согласно инструкции я должен оказывать тебе всяческую помощь. Но это плохо!

Хонки вновь попытался донести информацию до Болеса на земном языке. Затем перешел на родной.

— Господин,— с достоинством промолвил он,— это было деянием бога росы. Мы не понимаем. Человек прошел через поля и направился к деревне. Это противоречило закону, по-

этому наши люди сделали вид, что не видят его, чтобы потом их не мучила совесть. Однако он не испытывал стыда, даже нарушив закон. Он что-то кричал нам, пока шагал через поля. Потом он приблизился к деревне, где наши люди вновь сделали вид, что его не замечают. Тогда он вытащил неизвестный инструмент и ударил с его помощью огнем по домам, уничтожая все вокруг.

— Плазменное ружье,— нахмурившись, сказал Болес.— У нас будут неприятности. Он нарушил инструкции.

— Он вошел в храм бога росы,— по-прежнему величественно продолжал рассказывать встревоженный вождь.— Там много блестящих камней, похожих на росу, только они не исчезают под светом солнца. Они такие твердые, что мы с их помощью делаем рисунки на посуде и стенах домов. Но часто, поскольку они так напоминают росу, мы отдаем их богу. Человек ужасно хотел их получить. Он срывал их со стен храма, которые они украшали. А потом человек зашел во внутреннюю часть храма, где находится святость бога росы, и не смог пережить увиденное. И он умер.

— Не смог вынести святости бога росы, говоришь? — скептически спросил Болес.

— Бог росы,— заметил вождь хонки,— стряхивает росу перед рассветом с нашего урожая, чтобы он не менял цвет и не становился несъедобным, как дикие растения джунглей. Один из нас каждое утро проносит его головной убор и рог по нашим полям. И когда роса падает с листьев на землю, он торопится в храм. Каждое утро миллионы капель росы стекаются в храм и собираются вместе, образуя святость бога росы. И мы кладем туда самые блестящие камни, чтобы приветствовать бога.

Болес заморгал, а потом подскочил на месте.

— Святость? — воскликнул он.— От колебаний воздуха происходит нечто вроде ливня с ураганом. Получается система орошения. Конечно! Внутри храма находится целый водоем росы! Озеро! Настоящий бассейн с водой. И там лежат блестящие камни?

— Господин, блестящие камни покрыты святостью на большом пространстве,— извиняющимся тоном сказал вождь хонки.— А человек ужасно их хотел. Если бы мы это поня-

ли, то отдали бы их. Мы приносим камни издалека, но наша религия такова, что мы охотно дарим друг другу то, что нам хочется получить больше всего. Если в обычае человека желать блестящие камни, мы их отдадим.

Болес смотрел на пригоршню кристаллов из карманов Фанеса, которого хонки принесли в форт.

— Они ничего не стоят,— с досадой произнес он.— У нас их называют цирконами. Они красивы, но дешевы. Они такие твердые, что ими можно резать мыльный камень. Наверное, Фанес решил, что это алмазы. А когда он увидел бассейн, выложенный алмазами, то сошел с ума. И нырнул за ними. Наверное, там оказалось глубже, чем он думал. Он надеялся достать камни, но не сумел выбраться обратно, поскольку в резервуаре нет ступеней. В результате он утонул — на Ориксе, где никогда не идет дождь. Ну и ну!

— Бог росы уничтожил его, поскольку он нарушил закон,— почтительно сказал хонки.

— Он умер из-за того, что был глупцом, не выполняющим инструкции,— ядовито возразил Болес.

Над их головами раздался шум. Он быстро усиливался, превращаясь в чудовищный рев. Он был таким громким, что задрожали листья деревьев.

Грузовой корабль приземлился, и земля содрогнулась. Болес вскочил на ноги, сжав руки в кулаки.

— Он знал! — разъяренно закричал Болес.— Он знал, что корабль прилетит раньше положенного срока. В его обязанности входило слушать сообщения по рации. Он ничего не сказал, и мы не подготовили товар для погрузки! Черт бы его побрал! Это его вина. Ему следовало выполнять инструкции.

Исследовательский отряд

I

Близкая луна прошла над головой. Она имела зазубренные края и неправильную форму. Очевидно, это был заселенный астероид. Хайджженс не раз его видел и поэтому даже не вышел посмотреть, как он пронесся по небу со скоростью воздушного экспресса, затемняя звезды на своем пути. Хайджженс корпел над какими-то бумагами. Для него это занятие не совсем обычное, так как юридически он был преступником, и, следовательно, вся его работа на Лорене Втором тоже была преступлением. Странно как-то писать в комнате со стальными шторами в обществе огромного плешивого орла, дремавшего на трехдюймовом насесте, вделанном в стену. Единственного помощника Хайджженса после схватки с «ночным бродягой» корабль «Кодиус компани» увез туда, откуда тайком приходили все эти корабли. И теперь он должен был работать за двоих. Хайджженс понимал, что он сейчас единственный человек в этой солнечной системе.

Внизу в загоне спали медведи. Ситка Пит тяжело поднялся и побрел к своей миске с водой. Он с жадностью стал лакать охлажденную воду, а затем вдруг громко чихнул. Проснулся Сурду Чарли и недовольно заворчал. Откуда-то снизу донеслись рычание и возня.

Хайджженс крикнул: «Потише там!» — и снова углубился в работу. Он закончил отчет о климате и включил электронную машину. Пока она «считала», он просмотрел свои запи-

© Перевод А. Ставиской.

си и определил количество оставшихся запасов. Затем снова принялся за отчет.

«Ситка Пит,— писал он,— по всей вероятности, разрешил проблему борьбы с отдельными экземплярами сфиксов. Он понял, что не имеет смысла душить их, так как когти не могут пробить даже верхний слой их шкуры. Сегодня Семпер оповестил нас, что стая сфиксов пронюхала дорогу на станцию. Ситка, спрятавшись с подветренной стороны, ожидал их прихода. Затем он сзади напал на сфикса и обрушил на его голову два страшных удара, сила которых была, вероятно, равна силе двух двадцатидюймовых снарядов, выпущенных одновременно с разных сторон. Такой удар расплющил череп сфикса, как яйцо, и он свалился замертво. Затем Ситка такими же мощными шлепками убил еще двух сфиксов. Сурду Чарли с ворчанием наблюдал за схваткой, но когда сфиксы набросились сзади на Ситку, он поспешил ему на выручку. Я не мог стрелять, так как боялся попасть в него, и ему бы пришлось совсем плохо, если бы из медвежьего загона на помощь не подоспела Фаро Нелл. Ее появление отвлекло внимание сфиксов и дало возможность Ситке еще раз применить свою новую технику. Поднявшись на задние лапы, он наносил свои ужасные удары. Битва закончилась быстро. Семпер все время кричал и летал над дерущимися, но, как обычно, к ним не присоединялся.

Примечание: Наджет, медвежонок, пытался ввязаться в драку, но мать пинками отогнала его. Сурду и Ситка, как всегда, не обращали на него никакого внимания. Я прихожу к выводу, что гены у медведей-кодиаков очень устойчивы».

Снаружи доносились ночные звуки. Среди них можно было ясно различить голоса поющих ящериц, похожие на звуки органа, хихиканье «ночных бродяг», звуки, напоминающие удары молотка, вбивающего гвозди, и скрип дверей. Со всех сторон слышалось икание в разных тональностях. Его производили совсем крошечные существа, которые на Лорене Втором заменяли насекомых.

Хайдженс продолжал писать: «Ситка еще хорохорился после окончания битвы. Он хотел показать Сурду Чарли свой новый способ. Он поднимал головы раненых и мертвых сфиксов и с двух сторон лапами наносил удары. Медведи страшно рычали, когда тащили трупы к мусоросжигательной печи. И мне показалось, что...»

Вдруг раздался звонок прибытия. Хайдженс поднял голову и посмотрел на шкалу. Семпер приоткрыл ледяной глаз, взглянул на хозяина и снова закрыл его. Хайдженс прислушался. Снизу доносился спокойный глубокий храп. Кто-то пронзительно закричал в чаще. Икание, стук молотка и звуки органа...

Звонок зазвенел снова. Это означало, что какой-то корабль уловил сигнальный луч, о существовании которого могли знать только корабли «Кодиус компани», и теперь сообщал о том, что он приземляется. Но Хайдженс знал, что сейчас не должно быть никаких кораблей в этой солнечной системе.

Лорен Второй был единственной обитаемой планетой. Официально и эта планета считалась необитаемой из-за населявшей ее вредоносной фауны (имелись в виду, конечно, сфиксы). И поэтому колонизация запрещалась, а «Кодиус компани» нарушила закон. Едва ли существовало более тяжкое преступление, чем самовольный захват новой планеты.

Звонок прозвенел в третий раз. Хайдженс громко выругался. Он протянул руку, чтобы выключить световой сигнал, но тут же подумал, что это бесполезно. Радиолокатор уже зафиксировал его расположение на карте. Корабль все равно сможет отыскать это место и спуститься днем.

— Дьявол! — выругался Хайдженс. Он не двигался и ждал, пока звонок не прозвонил еще раз. Корабль «Кодиус компани» должен был дать двойной сигнал. Но вот уже много месяцев в этой части космоса не было ни одного корабля компании.

Звонок прозвучал один раз.

Мембрана космофона слабо осветилась, и вдруг голос, искаженный расстоянием, отчетливо произнес:

— Вызываю землю! Вызываю землю! Корабль компании «Крит лайн» «Одиссей» вызывает землю на Лорене Втором. Спускается один пассажир в ракетной лодке. Включите полевые огни.

Хайдженс застыл от изумления. Он был бы рад приветствовать корабль «Кодиус компани». Корабль Колониальной службы отнюдь не был бы для него желанным гостем. Люди

с него наверняка уничтожили бы и колонию, и Ситку, и Сурду, и даже маленького Наджета, а Хайдженса привлекли бы к суду за незаконную колонизацию планеты. Но появление здесь, на нелегально существующей станции, корабля торговой компании просто ничем нельзя было объяснить.

Хайдженс включил огни на посадочной площадке. Он видел, как ярко осветилось поле. Затем он поднялся. Необходимо было принять все меры безопасности в связи с раскрытием его убежища. Он вложил свои записи в специальный сейф, затем достал документы и бумаги, свидетельствующие о том, что «Кодиус компани» поддерживала станцию на Лорене Втором. Он захлопнул дверцу. Оставалось нажать кнопку, прикосновение к которой должно было превратить в пепел все содержимое сейфа, но он не решался это сделать. Если бы он твердо знал, что корабль принадлежал Колониальной службе, то без колебания нажал бы кнопку и обрек себя на долгие годы тюремного заключения. Но корабль «Крит лайн», если космофон сказал правду, не был опасен для Хайдженса. Его появление в этой системе было просто невероятным. Он покачал головой, затем натянул на себя комбинезон, взял ружье, спустился вниз, где находился медвежий загон, и повернул выключатель. Звери, разбуженные ярким светом, удивленно смотрели на него. Ситка Пит сел и смешно замигал. Сурду Чарли лежал на спине, задрав кверху лапы, находя, что так спать значительно прохладней. Он с шумом перекувырнулся и засопел в знак дружеского расположения к Хайдженсу.

Фаро Нелл проковыляла к дверям своей отдельной клетушки, сделанной специально для того, чтобы Наджет не толкался под ногами и не раздражал взрослых медведей.

Хайдженс, единственный человек на этой планете, осматривал своих четвероногих земляков, свою основную рабочую и боевую силу. Все они были видоизмененными потомками Чемпиона Кодиака, в честь которого называлась компания. Ситка Пит, самый большой самец, весил двадцать две сотни фунтов, а Сурду Чарли почти столько же, Фаро Нелл, в которой удивительно сочетались страшная свирепость с материнской добротой, достигала восемнадцати сотен фунтов, а в маленьком резвом медвежонке Наджете, высунувшем любопытную морду из-за шерстистого бока матери, было уже не менее шестисот фунтов. Звери выжидающе смотрели на Хайдженса. Они хорошо знали, что означало, когда на плече у хозяина сидел Семпер.

— Пошли! Уже темно. Кто-то приземляется. Боюсь, как бы дело не обернулось худо.

Он снял запоры с наружной двери загона. Ситка Пит неуклюже проковылял через нее. Сурду вперевалочку последовал за ним. Все было спокойно. Ситка встал на задние лапы и потянул носом воздух. Сурду, переваливаясь с боку на бок, подошел к нему и тоже стал нюхать воздух. Последней появилась Фаро Нелл. Она зарычала на Наджета, вертевшегося около нее. Хайдженс стоял в дверях, держа наготове ночное ружье. Он чувствовал себя неловко из-за того, что отправил вперед медведей. Им нужно было пройти через две чащи, а уже наступила ночь. Звери прекрасно чуяли опасность, но человек не обладал их обонянием и зоркостью.

Фонари, зажженные на широкой тропинке, ведущей к посадочному полю, освещали каким-то таинственным светом все вокруг — огромные сплетенные арки гигантских папоротников, стройные колонны деревьев над ними, причудливые стрельчатые кусты. Осветительные лампы, установленные на уровне земли, подсвечивали лес снизу. Листва четко выделялась на фоне черного неба. Повсюду были поразительные контрасты света и тени.

— Вперед! — скомандовал Хайдженс, махнув рукой.— Хоп!

Он с силой захлопнул дверь загона, и процессия двинулась к посадочному полю через полосу освещенного леса. Два гигантских кодиака ковыляли впереди. Ситка опустился на четвереньки и крадучись шел по дорожке. За ним следом, переваливаясь из стороны в сторону, брел Сурду Чарли. Хайдженс шел за ними, настороженно вслушиваясь в темноту, Фаро Нелл с Наджетом замыкали шествие.

Они составляли великолепный боевой отряд, хорошо приспособленный для передвижения по этой полной опасности дикой чаще. Ситка и Чарли всегда были в авангарде. Фаро Нелл защищала тыл. Наджет шел за ней. О нем нужно все время заботиться и охранять от возможного нападения сзади, и поэтому мать была всегда начеку. Хайдженс был главной

ударной силой. Взрывные пули могли поражать даже сфиксов, а светящийся конус фонаря на его ружье, который включался, как только он дотрагивался до спускового крючка, хорошо освещал цель. Ружье его совсем не похоже на обычное охотничье оружие. Но обитатели Лорена Второго тоже ничем не напоминали обыкновенных зверей. «Ночные бродяги» боялись света. Они могли напасть только в состоянии истерии, которое вызывалось у них слишком ярким освещением.

Хайдженс быстро шел к посадочной площадке. Он был разъярен. Станция «Кодиус компани» на Лорене Втором существовала совершенно секретно. Имелись серьезные причины, побудившие компанию создать ее, но сделано все было тайно. По металлическому голосу в космофоне нельзя было определить реакцию пассажира корабля на нелегальное положение станции. Во всяком случае, если корабль приземлится, Хайдженс успеет вернуться и уничтожить сейф, чтобы спасти тех, кто прислал его сюда.

Пробираясь сквозь фантастически освещенную чащу, Хайдженс слышал отдаленный грубый рев посадочной ракетной лодки. Ясно было, что это не рокот моторов корабля. По мере того как они приближались к ракетодрому, рев становился громче. Два огромных кодиака, тщательно нюхая воздух, двигались впереди.

Отряд подошел к краю посадочного поля. Оно было залито слепящим светом. Мощные лучи косо направлены вверх, так, чтобы приборы корабля могли легко установить место посадки. Такие посадочные площадки были когда-то стандартом. Теперь же на всех освоенных планетах их сменили посадочные решетки, мощные сооружения, которые с необычайной легкостью и осторожностью поднимали и спускали звездолеты.

Площадки еще можно было встретить либо на планетах, где велись исследовательские работы, чаще всего по бактериологии или экологии, либо в заново основанных колониях, еще не успевших построить типовой ракетодром.

Когда Хайдженс дошел до края поля, ночные обитатели уже успели слететься на свет, как мошкара на Земле. Воздух был затемнен бешено крутящимися существами. Их было бесчисленное множество всевозможного типа и размера: от белых маленьких ночных мошек и многокрылых летающих червей до непрерывно вращающихся, довольно больших голых тварей, которые могли бы сойти за ощипанных летающих обезьян. Все они жужжали, плясали и описывали в воздухе сумасшедшие круги, издавали какие-то особенные свистящие звуки. Их было так много, что они почти образовали потолок над расчищенной площадкой и затемняли небо. Взглянув наверх, Хайдженс сквозь завесу из крыльев и тел сразу увидел голубовато-белое пламя ракетобота.

Пламя росло на глазах. Один раз оно отклонилось в сторону. Пилот, должно быть, отрегулировал направление, а затем ракета вновь вернулась в нормальное положение. Светящаяся точка сначала увеличилась до размеров большой звезды, затем очень яркой луны и наконец превратилась в безжалостно слепящий шар. Хайдженс отвернулся. Тяжелый неуклюжий Ситка Пит благоразумно последовал примеру хозяина и стал смотреть на темную чащу. Сурду, казалось, не замечал все усиливающегося глухого рева ракеты. Он все время осторожно нюхал воздух. Фаро Нелл, прижав голову Наджета огромной лапой, старательно вылизывала его перед приходом гостей. Наджет дергался, как капризный ребенок. Рев перешел в чудовищные громовые раскаты. С посадочной площадки потянуло горячим ветром. Ракетная лодка метнулась вниз, и ее пламя спалило стену летающих существ. Затем все покрылось облаком пыли. Середина поля ярко вспыхнула, и что-то быстро скользнуло в огонь, примяло его и осело в нем. Пламя сразу исчезло, и Хайдженс увидел ракетобот. Он покоился на хвосте, устремив нос к звездам, с которых спустился.

После бури вдруг наступила мертвая тишина. И постепенно стали появляться ночные звуки — пение органа и робкое, похожее на икоту всхлипывание. Звуки становились все отчетливее, и вдруг Хайдженс стал слышать нормально. Боковая дверца в корпусе лодки с лязгом открылась, и оттуда выбросили какой-то предмет. Он стал быстро разворачиваться. Это был металлический трап, который перекинули через выжженную пламенем площадку, где стояла лодка.

Из дверцы вышел человек. Он повернулся лицом к кабине и обменялся с кем-то рукопожатием. Спустившись по лесенке к металлическому трапу, человек прошел над дымящимся

полем. В руках его был небольшой саквояж. Дойдя до конца дорожки, он ловко спрыгнул на землю и быстро направился к краю расчищенной посадочной площадки, затем махнул рукой кому-то в лодке. Металлическая дорожка тут же поднялась и исчезла в корпусе ракетобота. Из-под хвостового оперения вырвалось пламя и за ним столбы удушливой пыли. Вскоре снова яркая вспышка. Ее сопровождал невыносимый шум. Пламя стало быстро подниматься сквозь дымовую завесу. Когда наконец к Хайдженсу вернулся слух, он только услышал приглушенное бормотание. Маленькая светящаяся точка в небе уходила все дальше и дальше на восток, где ее ждал корабль.

Из чащи снова донеслись ночные звуки. Жизнь на Лорене Втором протекала независимо от дел людей. Над дымящейся площадкой ярко освещенного поля стоял маленький подвижный человек с саквояжем в руках и удивленно оглядывал все вокруг. Как только огонь стал затихать, Хайдженс направился к нему. Сурду и Ситка шли впереди. Фаро Нелл, как преданный пес, плелась за хозяином, не спуская заботливого материнского ока со своего детеныша.

Человек на площадке испуганно смотрел на этот парад. Не очень было приятно спуститься ночью на незнакомую планету и, утратив последнюю связь с остальным космосом после отлета корабля, очутиться лицом к лицу с семейством гигантских медведей. Одинокая фигура человека в такой компании казалась нереальной.

Прибывший растерянно смотрел на приближающийся отряд. Когда большие медведи подошли к нему, он испуганно отшатнулся.

— Привет! Не бойтесь медведей. Это друзья,— крикнул Хайдженс.

Ситка подошел к приезжему и осторожно обнюхал его. Запах был вполне удовлетворительный, запах человека. Затем он грузно опустился прямо в грязь, не спуская дружелюбного взгляда с незнакомца. Сурду усиленно обнюхивал край площадки. Подошел Хайдженс. Он сразу заметил, что на прибывшем форма офицера Колониальной службы. По знакам отличия было видно, что он в высоких чинах. Все это не предвещало ничего хорошего.

— Да,— произнес незнакомец,— а где же ваши роботы? Какого черта они там делают? И почему вы перенесли станцию? Меня зовут Рон. Я прибыл сюда, чтобы составить отчет о вашей колонии.

Хайдженс удивленно спросил:

— О какой колонии?

Рон начал раздражаться.

— Робот-пункт на Лорене Втором. И не пытайтесь доказывать, что идиот водитель высадил меня не на той планете. Это ведь Лорен Второй? А это посадочное поле? Но где же ваши роботы? Вы должны были уже начать возведение решетки. Что здесь произошло и на кой дьявол здесь эти звери?

Хайдженс усмехнулся.

— Здесь,— сказал он вежливо,— нелегальное, незаконное поселение, и, следовательно, я преступник, а эти звери мои сообщники. Если вы не хотите, то можете не иметь дел с преступниками, но я не ручаюсь, что вы доживете до утра, если не воспользуетесь моим гостеприимством. А я тем временем обдумаю, что мне делать с вами дальше. Честно говоря, у меня есть все основания убить вас.

Фаро Нелл стала на задние лапы рядом с Хайдженсом. Наджет заметил нового человека. Он был еще ребенок и поэтому был настроен весьма дружески. Мелкими шажками он стал приближаться к гостю, застенчиво ворча, и вдруг чихнул от смущения. Мать одним прыжком очутилась рядом и шлепнула его. Наджет отчаянно завизжал. Визг маленького кодиака весом в шестьсот фунтов звучал внушительно. Рон переступил через низкую ограду площадки.

— Я думаю,— сказал он нерешительно,— что нам лучше всего было бы переговорить обо всем. Но если это нелегальная колония, то вы арестованы, и все, что бы вы ни говорили, обернется против вас.

Хайдженс снова ухмыльнулся.

— Вы правы,— сказал он.— Но теперь вы должны держаться близко от меня, и только так мы сможем вернуться на станцию. Я было поручил Сурду тащить ваш чемодан. Он любит таскать вещи, но боюсь, что ему могут понадобиться зубы. Нам идти почти милю.

Он повернулся к медведям:

— Ну пошли. На станцию! Хоп!

Ситка Пит ворча поднялся и занял свое обычное место впереди. За ним нехотя последовал Сурду.

Хайдженс и Рон шли рядом перед Фаро Нелл и Наджетом. Только так можно было на Лорене Втором свободно пробираться по лесу в полумиле от укрепленного жилища. По пути они столкнулись с «ночным бродягой», которого яркий свет привел в состояние истерии. Он с безумным смехом стремительно несся через чащу. Ударом лапы Сурду свалил его на землю в десяти ярдах от Хайдженса. Наджет ощерился при виде мертвого зверя. Он даже сделал вид, что собирается напасть, но мать отогнала его.

II

Снизу раздалось умиротворенное ворчание. Звери долго возились и наконец успокоились. Свет на посадочном поле погас. Сразу же все вокруг поглотила тьма. Хайдженс ввел гостя с ракетной лодки в жилую комнату. Послышался шелест крыльев. Орел поднял голову из-под крыла и холодно посмотрел на людей.

— Это Семпер,— сказал Хайдженс.— Семпер Тираннис. Он тоже житель Земли. Но он не ночная птица и поэтому не вылетел вас приветствовать.

Рон испуганно смотрел на огромную птицу, сидящую на вделанном в стену насесте.

— Орел? — спросил он.— То медведи, видоизмененные, если вам верить, но все же медведи, а теперь орел. Да, ваши медведи неплохой боевой отряд.

— Они еще и вьючные животные,— сказал Хайдженс.— Они могут тащить на себе до сотни фунтов и при этом не терять своих боевых качеств. И их питание не проблема. Они кормятся в чаще. Не сфиксами, конечно. Сфикса есть невозможно.

Он достал бутылку и стаканы и пригласил Рона к столу. Рон поставил на пол свой саквояж и взял стакан.

— Интересно,— спросил он,— почему Семпер Тираннис? Я еще могу понять такие имена, как Ситка Пит или Сурду

Чарли. Очевидно, они названы в честь родных мест их предков. Но откуда Семпер?

— Его обучали для соколиной охоты,— ответил Хайдженс.— Ведь науськивают же на что-то собак, так науськивают и этих вот птичек. Он слишком велик для того, чтобы ездить на руке, а плечи моего комбинезона вполне ее заменяют. Он летающий разведчик. Я научил его извещать нас о приближении сфиксов. Во время полета он несет крошечный телевизионный аппарат. Пользы от него много, но все же ему далеко до медведей.

Рон сел и отпил из стакана.

— Любопытно... очень любопытно. Значит, это нелегальное поселение. А я инспектор Колониальной службы. Мое дело составить отчет о ходе работ согласно плану, но тем не менее я должен вас арестовать. Вы, кажется, говорили о том, что собираетесь застрелить меня?

Хайдженс сказал упрямо:

— Я пытаюсь найти какой-нибудь выход. Я попал в скверную историю, если учесть еще наказание, угрожающее мне за незаконную колонизацию. Самое логичное было бы убить вас.

— Понимаю,— проговорил медленно Рон.— Но если уж речь идет об этом, то дуло моего взрывателя направлено из кармана прямо на вас.

Хайдженс пожал плечами.

— Вполне вероятно, что мои сообщники вернутся сюда раньше ваших друзей. И боюсь, что вы окажетесь в незавидном положении, если они придут и застанут вас сидящим верхом на моем трупе.

Рон кивнул головой.

— Это тоже правда. Очень может быть, что ваши земляки не обрадуются мне. А вы, как я вижу, не из тех, кто теряется, даже когда на вас направлен взрыватель. Но с другой стороны, вы легко могли меня убить, когда ушел ракетобот. Я тогда ни о чем не подозревал. Но мне кажется, что это не входит в ваши намерения.

Хайдженс снова пожал плечами.

— Знаете,— сказал Рон,— часто секрет хороших отношений между людьми кроется в том, что откладываются ссо-

ры. Давайте отложим обсуждение вопроса, кто кого убьет. Говорю вам честно, я собираюсь при первой же возможности отправить вас в тюрьму. Незаконная колонизация дело плохое. Но вы, как я понимаю, тоже собираетесь что-то предпринять в отношении меня. На вашем месте я, очевидно, поступил бы так же. А сейчас я предлагаю заключить перемирие.

Хайдженс молчал.

— Тогда беру это на себя,— сказал раздраженно Рон.— Итак...— Он вытащил руку из кармана и положил на стол карманный взрыватель. Затем с вызовом посмотрел на Хайдженса.

— Держите его при себе,— сказал Хайдженс.— Лорен Второй не место, где вы можете жить без оружия.— Он повернулся к шкафу и спросил:

— Хотите есть?

— Я бы съел что-нибудь.

Хайдженс вынул из стенного шкафа два пакета и вложил их в электроплиту. Затем достал тарелки.

— Но все-таки, что же произошло с законной колонией? — спросил Рон.— Разрешение на колонизацию было дано восемнадцать месяцев назад. Здесь высадили колонистов со всем необходимым оборудованием и запасами продовольствия. С тех пор на Лорене было четыре корабля. Здесь должно быть несколько тысяч управляемых людьми роботов к прилету основной части колонистов. Они должны были очистить и занять сотни квадратных миль и построить посадочную решетку, а я не видел даже сигнального маяка, указывающего место посадки. С высоты не видно вырубленных участков. Корабль «Крит лайн» находился на орбите целых три дня в поисках места, куда бы спустить меня. Представляете, в каком бешенстве был пилот! Ваш сигнальный луч — единственный на этой планете, и то мы совершенно случайно его заметили. Что же произошло?

Хайдженс молча готовил ужин. Он сухо ответил:

— На этой планете могут быть сотни колоний и ничего не знать о существовании друг друга. Можно только догадываться о том, что случилось с роботами. Подозреваю, что они столкнулись со сфиксами.

Рон застыл с вилкой в руках.

— Я много читал об этой планете, когда готовился к докладу. Сфиксы — это представители местной фауны, очень свирепые холоднокровные плотоядные с особыми генами, не такими, как у земной ящерицы. Охотятся стаями. Вес взрослого экземпляра от семи до восьми сотен фунтов. Очень многочисленны и смертельно опасны. И именно поэтому людям ни разу не было дано разрешение на заселение этой планеты. Здесь могут жить только роботы, так как они машины. А какое животное станет нападать на машину?

Хайдженс спросил его:

— А какие машины могут напасть на животных? Сфиксы, разумеется, не станут беспокоить роботов, но разве роботы могут побеспокоить сфиксов?

Рон прожевал и проглотил кусок.

— Я согласен с вами, что нельзя сделать охотящегося робота. Машина может различать, но решать она не может. Вот поэтому нам никогда не угрожает опасность, что роботы могут взбунтоваться. Они не способны на действия без предварительных указаний. Но эта колония была запланирована. с полным учетом возможностей роботов. Когда участок очистили, его обнесли электрическим забором, который зажарил бы любого сфикса, если бы тот попытался перелезть через него.

Хайдженс молча резал мясо. После небольшой паузы он сказал:

— Высадка колонистов происходила зимой. Думаю, это было именно так, судя по тому, что колония некоторое время еще продержалась. И ручаюсь, что последний корабль был здесь до весеннего таяния снегов. Год здесь длится восемнадцать месяцев, вы это знаете.

Рон ответил:

— Да. Высадка была зимой. А последний звездолет опустился до наступления весны. Идея состояла в том, чтобы пустить рудники, очистить поля и обнести все электрической изгородью до возвращения сфиксов из тропиков. Как я понимаю, они там зимуют?

— А вы видели когда-нибудь сфиксов? — спросил Хайдженс, но тут же добавил: — Нет, вы, конечно, не могли их

видеть. Если взять ядовитую кобру, скрестить ее с дикой кошкой, выкрасить в рыжий и синий цвета и еще наделить ее водобоязнью и маниакальной жаждой убийства, то вы получите сфикса, но сфикса как индивида. Гораздо более страшная вещь — стая сфиксов. Кстати, они прекрасно лазают по деревьям, никакой забор их не остановит.

— А электрическая изгородь! — возразил Рон.— Через нее никто не может перелезть.

— Ни одно животное. Но сфиксы — это особая категория. Запах мертвого сфикса заставляет целое стадо бегать с налитыми кровью глазами в поисках его убийцы.

Оставьте труп сфикса на шесть часов, и вокруг него соберутся десятки его сородичей. А если вы оставите его на два дня, то их будут сотни. Они начнут выть над трупом, а потом будут рыскать вокруг.

Хайдженс некоторое время молча ел, а затем продолжал:

— И поэтому можно себе представить, что произошло с колонией. За зиму роботы очистили участок для лагеря и сделали электрический забор. Затем настала весна и вернулись сфиксы. Вдобавок ко всем своим качествам они чертовски любопытны. Сомнительно, чтобы сфикс мог пройти мимо забора и не влезть на него для того, чтобы поглядеть, что за ним делается. Его убило током. Запах трупа привлек других сфиксов, разъяренных смертью собрата. Некоторые из них, конечно, попытались влезть на изгородь и погибли. И снова на запах мертвечины сбежались новые сфиксы, и в конце концов забор рухнул под тяжестью висящих на нем тел, а может быть, из трупов получилось нечто вроде моста, по которому орда обезумевших чудовищ обрушилась на лагерь и с визгом кинулась на поиски жертв. Очевидно, их было немало.

Рон перестал есть. Он был очень бледен.

— Там, в материалах, которые я когда-то читал, были изображения сфиксов. Думаю, что они все могут объяснить...

Он взял вилку, но снова положил ее.

— Не могу есть,— сказал он отрывисто.

Хайдженс ничего не ответил. Он молча окончил ужин. Затем поднялся и вложил тарелки в посудомойный шкаф.

Послышалось жужжание, и через минуту он снизу вынул чистые тарелки и убрал их.

— Вы дадите мне посмотреть материалы? — спросил он угрюмо.— Мне интересно, какого типа поселение у этих роботов.

После некоторого колебания Рон открыл свой саквояж и достал микропроектор и несколько катушек пленки. На одной из катушек была этикетка с надписью: «Инструкция по строительным работам. Колониальная служба». Это были подробно разработанные планы и описание необходимого оборудования для колонии роботов, начиная от строительного материала и сырья и до организации управленческого аппарата колоний. Но Хайдженс искал какую-то другую пленку. Он нашел ее, вложил в микропроектор и начал медленно поворачивать регулятор, задерживаясь только для того, чтобы прочитать надписи.

Наконец он нашел то, что искал, и стал с интересом читать текст.

— Роботы, роботы,— проворчал он.— Почему вы не держите их там, где они на месте, в больших городах для грязных работ? Их еще можно использовать на безатмосферных планетах, где ничего неожиданного произойти не может. Роботы не годятся для освоения новых планет. Подумать только! Защита колонистов целиком зависела от этих машин! Да, если человек поживет подольше в обществе роботов, мир покажется ему таким же ограниченным, как эти автоматы. Вот подробный план по устройству управляемой защиты.— Он выругался.— Самодовольные, привязанные к доске безмозглые идиоты!

— Роботы не так уж плохи,— сказал Рон.— Мы не могли бы без них создать цивилизацию.

— Но вряд ли вы сможете освоить пустыню с помощью роботов,— оборвал его Хайдженс.— Вы высадили дюжину людей и пятьдесят роботов, которые должны были начать строительство. В следующей партии их было уже не менее пятнадцати тысяч. И держу пари, что потом корабли привезли еще.

— Так все и было,— сказал Рон.

— Я презираю их,— взорвался Хайдженс.— У меня к ним чувство, испытываемое древними греками и римлянами к рабам. Они делали работу, которую для себя может сделать каж-

дый человек, но не станет делать за плату за другого. Унизительная работа!

— Взгляды вполне аристократичные,— сказал Рон насмешливо.— Насколько я понимаю, роботы чистят медвежий зал.

— Нет,— отрезал Хайдженс.— Это делаю я сам. Медведи мои друзья. Они дерутся за меня, но они часто не понимают, что нужно делать. Ни один робот не вычистит хорошо их помещение.

Он снова нахмурился. За стеной не прекращался ночной концерт — звуки органа, икание, стук молота и скрип дверей. Иногда в это многоголосие врывался визг ржавого насоса.

— Я ищу,— сказал Хайдженс, передвигая регулятор,— записи об их рудных разработках. Если у них были открытые шахты, то не о чем и говорить. Но если они вырыли туннель и там были люди, которые наблюдали за роботами, когда гибла колония, то есть надежда, что люди могли уцелеть.

Рон вдруг пристально на него посмотрел.

— И тогда...— продолжал Хайдженс.

Рон резко прервал его:

— К черту! Теперь мне понятно... Если даже они могли уцелеть, то...— Он поднял брови.— Я инспектор Колониальной службы. Я уже вам говорил, что отправлю вас в тюрьму при первом удобном случае. Вы рисковали жизнью миллионов людей, поддерживая бескарантинный контакт с незаконно заселенной планетой. И если бы вы спасли кого-нибудь из колонии роботов, то могли бы оказаться весьма нежелательные свидетели вашего пребывания здесь. Вам это не приходило в голову?

Хайдженс продолжал сосредоточенно крутить регулятор. Вдруг он остановился и пробормотал:

— Они проложили туннель.— Затем он сказал громко: — А о свидетелях я буду думать, когда это понадобится.

Он открыл другую дверцу шкафа и достал ящик, наполненный всякими мелочами. Там был целый набор проволоки, болтов, шурупов, разных винтиков — вещей, необходимых в хозяйстве человека, который считает себя единственным жителем солнечной системы.

— Ну и что вы думаете делать дальше? — резко спросил Рон.

— Попытаюсь узнать, остался ли кто-нибудь в живых. Я сделал бы это раньше, если бы знал о существовании колонии. Я не могу доказать, что они погибли, но я могу доказать, что там кто-то жив. До них полторы недели пути. Странно, что две колонии выбрали место так близко друг от друга.

Он отобрал нужные ему инструменты.

Рон спросил:

— Как вы можете узнать, остался ли кто-нибудь в живых на расстоянии в сотни миль отсюда, когда вы полчаса назад еще не знали о том, что существует колония?

Хайдженс нажал кнопку и опустил часть деревянной обшивки стены, за ней оказалась электронная аппаратура с монтажом. Он отверткой начал что-то вывинчивать.

— Вы когда-нибудь думали о том, что такое поиски потерпевших аварию? — спросил он, не поворачивая головы.

— Есть планеты, площадь которых составляет миллионы квадратных миль. Вам известно, что где-то приземлился корабль, но вы даже не представляете, где он. Вы считаете, что у тех, кто уцелел, есть запас горючего, так как без горючего не может долго существовать ни один цивилизованный человек с тех пор, как он научился обрабатывать металл. Для светового сигнала нужны очень точные вычисления и инструменты. Смастерить самим их невозможно. И как по-вашему, что будет делать потерпевший аварию цивилизованный человек, чтобы спасательный корабль отыскал его на клочке земли в одну квадратную милю?

Рона явно раздражал этот разговор.

— Человек начнет с того, что вернется к первобытному состоянию,— продолжал Хайдженс,— он будет жарить мясо на костре, как и его далекие предки. Он наладит очень примитивную сигнализацию. Без микрометров и специальных приборов больше ничего сделать нельзя. Потерпевший аварию должен наполнить эфир сигналами, которые не смогут не услышать люди, отправившиеся на его поиски. Вы согласны со мной, Рон? Он сделает искровой передатчик и настроит его выход на самые короткие волны, какие только ему удастся получить, примерно от пяти до пятидесяти метров. Но они будут хорошо слышны. Он получит самые примитивные сигналы и начнет их передавать. Некоторые волны обойдут во-

круг всей планеты под ионосферой, и любой корабль, проходящий ниже ионосферы, примет их, зафиксирует место, откуда они исходят, и направит путь прямо туда, где потерпевший аварию в самодельном гамаке посасывает влагу, которую ему удалось извлечь из местных растений. Мой космофон принимает только микроволны. Я могу поменять несколько элементов, чтобы настроить его на более длинные волны. И если в эфире есть сигналы о бедствии, то мы их услышим. Но не думаю, что они есть.

Он продолжал работать. Рон молча наблюдал за ним. Внизу раздавался равномерный храп Сурду Чарли. Медведь лежал на спине, подняв лапы. Он считал, что так спать значительно прохладней. Ситка заворчал во сне. Ему, очевидно, что-то снилось. В жилой комнате Семпер приоткрыл глаза, сунул голову под гигантское крыло и снова заснул. Звуки из чащи проникали даже сквозь стальные шторы. Низкая луна, которая прошла незадолго до того, как зазвонил звонок, снова появилась над восточным горизонтом. Эта каменная неровная глыба была хорошо видна и пронеслась по небу со скоростью воздушного экспресса.

Рон сердито сказал:

— Послушайте, Хайдженс! У вас есть все основания меня убить. Но, очевидно, вы не намерены это делать. Вам было бы выгоднее оставить в покое эту колонию роботов, а вместо этого вы собираетесь помочь людям, если они там остались в живых и нуждаются в помощи. Но все же вы преступник. Я в этом уверен, так как именно с таких планет, как Лорен Второй, были завезены ужасные бактерии, и это стоило многих жизней. И вы продолжаете рисковать. Для чего вы это делаете? Для чего вы совершаете поступки, которые могут стать причиной гибели других людей?

Хайдженс усмехнулся:

— Вы напрасно считаете, что не было принято никаких санитарных и карантинных мер предосторожности. Вы ошибаетесь. Все было сделано по всем правилам. Что же касается остального, то вы все равно не поймете.

— Я не понимаю,— ответил Рон.— Но это еще не доказывает, что я не могу понять, И все-таки, почему вы считаете себя преступником?

Хайдженс с трудом всунул отвертку в деревянную обшивку. Затем он осторожно вынул маленький электронный блок и начал ввинчивать новый, значительно большей мощности.

— Я преступник, потому что меня эта роль вполне устраивает, каждый ведет себя согласно своим представлениям о себе. Вот вы порядочный гражданин и честный служащий и считаете себя разумным мыслящим животным. А ведете себя совсем не так, как надлежало бы. Вот вы напоминаете мне о необходимости вас убить или сделать что-нибудь подобное, в то время как любое разумное животное сделало бы все, чтобы заставить меня забыть о моем намерении. К несчастью, Рон, вы человек, как и я. Но я это понимаю и поэтому сознательно совершаю поступки, на которые бы не решилось ни одно разумное животное, потому что таково мое представление о том, как должен поступать человек, стоящий гораздо выше разумного животного.

Он тщательно укрепил один за другим все винты.

— Это целая религия,— сказал все еще раздраженный Рон.

— Самоуважение,— поправил Хайдженс.— Я не люблю роботов. Они слишком похожи на разумных животных. Робот будет делать все, что он может, если этого потребует от него человек. А разумное животное сделает то, что потребуют обстоятельства. Я уважал бы робота, если бы он плюнул мне в глаза, когда я заставлю делать его то, что он не хочет. Вот возьмите медведей внизу. Это вам не роботы, а вполне достойные и заслуживающие уважения звери. Они бы разорвали меня в клочья, если бы я попытался заставить их что-нибудь сделать, что им не по нраву. Фаро Нелл вступила бы в единоборство со мной, да и со всем человечеством, попытайся я обидеть Наджета. С ее стороны это было бы неразумно, бессмысленно и нелогично. Она бы, конечно, проиграла и погибла. Но я именно за это ее люблю. И я тоже вступил бы в единоборство с вами и со всем человечеством, если бы вы попытались заставить меня сделать что-то против моей природы. И я тоже вел бы себя глупо, неразумно и нелогично.— Затем добавил, не поворачивая головы: — И вы тоже. Только вы не сознаетесь в этом.

Он закрепил регулятор.

— А что вас заставляли делать? — спросил Рон, который никак не мог успокоиться.— Почему вы стали преступником? Против чего вы взбунтовались?

Хайдженс нажал кнопку и начал поворачивать регулятор своего перестроенного приемника.

— Как что? — ответил он насмешливо.— Когда я был молод, все люди вокруг пытались сделать из меня сознательного гражданина и порядочного служащего. Они хотели превратить меня в высокоинтеллектуальное разумное животное, и ни во что больше. Разница между нами, Рон, в том, что я это понял вовремя, и естественно, что я взбун...

Он не закончил фразу. Слабое потрескивание вдруг донеслось из рупора космофона, приспособленного для приема волн, которые когда-то называли короткими.

Хайдженс вскинул голову, напряженно слушал и медленно поворачивал регулятор. Рон поднял палец, чтобы обратить внимание Хайдженса на какие-то звуки, прорывающиеся сквозь треск. Хайдженс, продолжая настраивать приемник, молча кивнул головой, звук усилился. На фоне треска и свиста стало вырисовываться какое-то бормотание. Когда Хайдженс изменил настройку, бормотание стало явственнее, и наконец они услышали ряд последовательных звуков, какое-то нестройное жужжание. Три отрывистых жужжащих звука. Затем пауза в две секунды, три долгих звука, снова пауза и три коротких сигнала. Потом молчание, длящееся пять секунд,— и все сигналы повторились сначала.

— Дьявол,— выругался Хайдженс,— это сигнал, несомненно полученный механическим путем. Это обычный сигнал о бедствии. Он когда-то назывался «SOS», хотя я понятия не имею, что это значит. Кто-то там, должно быть, в свое время начитался старинных романов, раз он знает о нем. Значит, в вашей законной, но ныне не существующей колонии роботов есть люди. И они просят о помощи. Думаю, что они в ней здорово нуждаются.— Он посмотрел на Рона.— Самым разумным было бы сидеть и ждать, когда появится корабль с вашими или моими друзьями. Корабль может помочь пострадавшим лучше, чем это сделаем мы. Кораблю проще отыскать их. Но, может быть, каждая минута дорога этим чертям.

И поэтому я собираюсь взять медведей и попытаюсь добраться до них. Вы можете ждать нас здесь, если хотите. Что говорить, путешествие на Лорене Втором не увеселительная прогулка. Нам придется отвоевывать каждый фут. Ух, слишком много здесь «вредоносной фауны»!

— Не дурите. Конечно, я иду. За кого вы меня принимаете? И вдвоем у нас в четыре раза больше шансов,— сказал сердито Рон.

Хайдженс усмехнулся:

— Не совсем так. Вы забываете Ситку, Сурду Чарли и Фаро Нелл. Если вы пойдете, нас будет пятеро вместо четырех. И Наджета, конечно, нужно взять. Помощи от него немного, но зато у нас есть Семпер. Вы не учтверите наших возможностей, Рон, но, коли вам так хочется быть глупым, неразумным и нелогичным, я буду рад, если вы пойдете с нами.

III

Огромный острый каменный уступ навис над речной долиной. Внизу широкий ручей стремительно бежал на запад, к морю. В двадцати милях к востоку прямо на фоне неба поднималась гряда гор. Их вершины, расположенные на одном уровне, сливались вместе, образуя сплошную стену. И повсюду, насколько мог видеть глаз, простиралась вздыбленная земля.

Точка в небе быстро приближалась. Захлопали огромные крылья. Стальные глаза обозревали окрестность. Семпер наконец приземлился и, резко повернув голову, стал смотреть немигающим взглядом на скалы. Маленький аппарат был прикреплен ремешками у него на груди. Он прошел по гладкому камню к вершине утеса и застыл там гордой и одинокой фигурой на фоне пустыни.

Послышались треск, рычание, а затем сопение. Ситка Пит вперевалочку вышел из-за поворота. На спине он нес поклажу. Сбруя была сложной конструкции, так как она должна удерживать на спине тюк и во время сражений, когда медведю приходилось пускать в ход передние лапы. Медведь прошел по открытой площадке к утесу и посмотрел вниз. Он

явно кого-то высматривал, а когда вплотную приблизился к Семперу, орел раскрыл свой огромный изогнутый клюв и издал звук негодования. Ситка даже не обратил на это внимания. Затем зверь с удовлетворением вздохнул и сел. Его задние лапы смешно разъехались.

С шумом и сопением появился Сурду Чарли, за ним шел Рон с Наджетом. Сурду тоже тащил тяжелый тюк. Наджет, подгоняемый шлепком матери, с отчаянным визгом бросился вперед. К сбруе Фаро Нелл была привязана туша какого-то животного, похожего на оленя.

— Я выбрал это место по стереофото,— сказал Хайдженс,— чтобы определить направление. Я хочу сделать отметку.

Он сбросил на землю свой заплечный мешок, достал самодельный приемник и установил его на земле. Натянув воздушную антенну, он закопал большой кусок гибкой проволоки и размотал маленькую направленную антенну. Рон тоже снял с плеч мешок и внимательно наблюдал за движениями Хайдженса, который надел наушники.

— Следите за медведями, Рон,— сказал он.— Ветер дует в нашем направлении. Медведи по запаху чувствуют, если кто-то идет по следу. Они дадут нам знать.

Он извлек из мешка инструменты и снова занялся приемником. Из аппарата отчетливо донеслись свистящие потрескивающие звуки, которые были не чем иным, как сигналами. Он натянул маленькую антенну. Треск усилился. Самодельный портативный приемник, настроенный на короткие волны, оказался более эффективным, чем космофон. Хайдженс ясно услышал три коротких сигнала, затем три длинных и опять три коротких. Три точки. Три тире. Три точки. Снова и снова SOS, SOS, SOS...

Хайдженс сделал отметку и передвинул направленную антенну на тщательно отмеренное расстояние. Затем снова отметил место и записал показания приемника. Закончив, он проверил направление сигналов не только по громкости, но и по силе с максимальной точностью, возможной для его портативной аппаратуры.

Сурду тихо заворчал. Ситка Пит понюхал воздух и поднялся на ноги. Фаро Нелл опять дала шлепок Наджету, и

он, скуля, отправился в самый дальний конец площадки. Мать стояла ощерившись и смотрела на тропинку, по которой они поднялись.

— Проклятье! — сказал Хайдженс.

Он встал с земли и махнул рукой Семперу, который, услышав шум, повернул голову. Орел пронзительно, совсем не по-орлиному закричал, нырнул со скалы и через мгновение был на земле. Пока Хайдженс доставал оружие, Семпер отлетел на сотню футов и стал описывать в воздухе причудливые фигуры. Когда он снизился, Хайдженс посмотрел на лежащую у него на ладони маленькую пластинку. В ней отражалось все, что фиксировал телевизионный аппарат на груди Семпера,— кусок качающейся земли с какими-то движущимися между деревьями точками.

— Сфиксы,— мрачно сказал Хайдженс.— Восемь штук. И не ищите их на дороге, Рон. Они бегут параллельно с нами, по обеим сторонам тропинки. Они всегда пытаются неожиданно напасть с флангов. Слушайте, Рон! Медведи прекрасно справятся сами со сфиксами, которые нападут на них. Наша задача помочь им и подстрелить остальных. Цельтесь в туловище. Пули разрываются у них внутри.— Он сдвинул предохранитель своего ружья. Фаро Нелл с громовым рычанием встала между Ситкой и Сурду. Ситка посмотрел на нее и презрительно засопел, как бы насмехаясь над ее страшными криками, от которых кровь застывала в жилах. Он и Сурду отодвинулись подальше от Нелл.

Вокруг все было спокойно. Мертвую тишину нарушали лишь крики лоренских «птиц» и рычание Фаро Нелл. Щелкнул предохранитель ружья Рона.

Семпер снова закричал и, захлопав крыльями, полетел низко над деревьями, следуя за пестро раскрашенными чудовищами. Восемь сине-рыжих дьяволов рысцой выбежали из-за кустов. Торчащие рога и острые шипы создавали впечатление, что они только что выскочили из ада. Разбрызгивая слюну, сфиксы бросились на медведей с визгом, похожим на крики дерущихся котов. Хайдженс поднял ружье. Пуля громко стукнулась о шкуру сфикса, и он свалился на землю. Фаро Нелл, грозное воплощение ярости, бросилась в бой. Рон выстрелил. Пуля взорвалась, ударившись о дерево. Ситка

Пит, стоя на задних лапах, наносил во все стороны мощные удары. Рон выстрелил еще раз. Сурду Чарли угрожающе зарычал, всей тяжестью навалился на двухцветное чудовище и покатился с ним по земле, царапая его лапами. Кожа на брюхе была чувствительнее, чем остальная шкура. Рыча от боли, сфикс отполз в сторону. Одна из тварей, воспользовавшись суматохой, приготовилась прыгнуть на Ситку сзади, но Хайджене одним выстрелом уложил ее. Два сфикса атаковали Фаро Нелл. Одного убил Рон, другого почти пополам разорвала в ярости медведица. Ситка вдруг выпрямился. На нем повисло несколько чудовищ. Сурду кинулся к нему, стащил одного из них и задушил. Так же он разделался и с остальными. Одновременно щелкали ружья. Неожиданно Хайджене и Рон увидели, что сражаться больше не с кем.

Звери бродили между трупами. Ситка с ворчанием поднял безжизненную голову сфикса.

Раздался удар, затем другой. Так он расправился со сфиксами и успокоился только тогда, когда увидел, что все они лежат неподвижно. Семпер, хлопая крыльями, слетел вниз. Во время битвы он кричал и летал над головами. Хайджене по очереди подходил к медведям и заговаривал с ними, стараясь их успокоить. Труднее всего было утихомирить Фаро Нелл. Она со свирепой страстностью вылизывала Наджета и не переставая рычала.

— За работу! — сказал Хайджене.

Он видел, что Ситка собирается снова сесть.

— Сбросьте трупы со скалы! Ситка! Сурду! Хоп!

Он смотрел, как огромные медведи подняли мертвых сфиксов и потащили их к утесу. Кувыркаясь в воздухе, пестрые чудовища полетели вниз, в долину.

— Теперь,— заметил Хайджене,— их ближайшие приятели соберутся вокруг и устроят плач, если не нападут на наш след. Если бы мы были у реки, я бы отправил трупы вниз по течению, и тогда пусть бы их родственники искали место для оплакивания. Я всегда сжигаю трупы около станции.

Он развязал мешок, который нес Сурду, и вытащил вату и несколько галлонов антисептической жидкости. Он промыл все раны и царапины у медведей и пропитал их шерсть жидкостью в тех местах, где могли быть следы ядовитой крови сфиксов.

— Это средство хорошо тем, что уничтожает запах,— сказал он,— не то все сфиксы побегут по нашим следам. Когда мы двинемся, я смажу лапы медведям.

Рон молчал. Он злился на себя за свой неудачный выстрел. Он не мог сразу освоить новое для него оружие. В конце битвы он стрелял без промаха, но тем не менее чувство досады не проходило. Он сказал с горечью Хайджене:

— Если вы инструктируете меня, как действовать в случае вашей гибели, то, по-моему, не стоит стараться. Все равно не поможет.

Хайджене порылся в мешке и достал пачку увеличенных стереоснимков той части планеты, по которой они шли. Он сориентировал карту по местности. Затем аккуратно провел линию через все фото.

— Сигнал SOS доходит из какого-то места недалеко от колонии роботов,— сказал он.— Мне кажется, южнее колонии. Может быть, из шахты, которую они вырыли на окраине плато. Видите, на карте две отметки. Одна от станции и вторая отсюда. Я нарочно отклонился от пути, чтобы зафиксировать сигналы и тем самым получить две линии направления к передатчику. Если раньше можно было предполагать, что сигналы идут с другого конца планеты, то теперь я твердо знаю, что это не так.

— Нелепо думать, что сигналы могут исходить не из колонии роботов,— сказал Рон.

— Но почему же,— возразил Хайджене.— Ведь в колонию роботов приходили корабли. Один из них мог потерпеть катастрофу. И у меня тоже есть друзья...

Он упаковал всю аппаратуру и сделал знак медведям. Отведя их за поле битвы, Хайджене тщательно смазал им антисептической жидкостью лапы, на которых оставались следы крови сфиксов. Затем поманил рукой Семпера, летающего над скалами.

— Двинулись,— сказал он кодиакам.— Вперед! Хоп!

Отряд спустился с горы и вошел в лес. Теперь настала очередь Сурду идти первым. Ситка ковылял за ним. Фаро Нелл с Наджетом шла за людьми. Она не спускала глаз с

медвежонка, еще совсем маленького, несмотря на свои шестьсот фунтов.

Над головой хлопал крыльями Семпер, выделывая гигантские круги и спирали. Он никогда не отлетал далеко. Хайденс время от времени проверял на пластинке изображения, которые фиксировал аппарат, прикрепленный на груди у Семпера. Изображения смещались, двигались и переворачивались. Но тем не менее это был лучший способ воздушной разведки.

Хайденс вдруг сказал:

— Мы отклонились вправо. Но прямо идти опасно. Похоже, что стая сфиксов кого-то поймала и теперь пожирает добычу.

— Скопление такого количества плотоядных,— сказал Рон,— противоречит веем правилам науки. Ведь на каждое плотоядное обычно приходится довольно большое количество других животных. Если их разведется очень много, они уничтожат всю дичь и сами погибнут от голода.

— Они уходят на всю зиму,— ответил Хайденс.— А зима здесь не очень суровая, как могло бы казаться. Многие животные здесь размножаются, когда сфиксы уходят на юг. И в хорошую погоду они не всегда здесь торчат. У них есть какое-то время «пик», а потом целыми неделями вы можете не встретить ни одного сфикса. И вот вдруг снова все леса кишат ими. Сейчас они движутся на юг. Очевидно, звери переселяются — непонятно, почему именно в этом направлении.

— Но на этой планете почти не было натуралистов. Ведь здесь вредоносная фауна,— добавил Рон язвительно.

Рон явно сердился. Он был старшим офицером Колониальной службы, и ему не раз приходилось высаживаться на незнакомых планетах для обследования колоний, которые создавались на новых территориях согласно предусмотренному плану. Но впервые он попал в такую враждебную обстановку. Жизнь его зависела от прихотей незаконного колониста. Теперь офицер оказался втянутым в какое-то темное предприятие только потому, что механическая искровая сигнализация продолжала все еще действовать после того, как те, кто создал ее, погибли. Все его привычные представления о вещах сместились. Сам он остался в живых только благодаря трем гигантским медведям и плешивому орлу. И даже если им удастся добраться до колонии роботов, вряд ли они сумеют справиться с ордой разъяренных сфиксов.

Да, все понятия Рона о возможностях цивилизованного человека перевернулись. Роботы были великолепным изобретением для выполнения заранее намеченного плана, точного подчинения инструкциям, но у них были недостатки. И самый главный заключался в том, что они совершенно не были подготовлены к встрече со случайностями; если же они сталкивались с чем-нибудь заранее не предусмотренным, то оказывались беспомощными перед лицом необычных обстоятельств. Цивилизация, создаваемая роботами, могла существовать только в среде, где вся жизнь протекала по намеченному плану, там, где от роботов не могли потребовать ничего нового. Рон был испуган. Он тоже никогда не сталкивался ни с чем не предусмотренным.

Он обнаружил, что рядом с ним все время бежит Наджет. Медвежонок прижал уши и заскулил, когда Рон посмотрел на него. Рон подумал о том, что Наджет получает с воспитательной целью не меньше ударов, чем он сам.

— Я тебя понимаю, друг,— сказал он грустно.

Наджет обрадовался. Шерсть у него поднялась, и он посмотрел на Рона с надеждой, что человек поиграет с ним. Даже на четвереньках он достигал четырех футов.

Рон протянул руку и погладил медвежонка по голове. Впервые в жизни он приласкал животное. Сзади послышалось рычание. Мурашки поползли у него по спине. Он отпрянул от Наджета. В десяти шагах от него стояла Фаро Нелл и смотрела ему прямо в глаза. Рон почувствовал, как холодный пот выступил у него на лбу. Но глаза медведицы были странно спокойными, и она рычала совсем не так, как тогда на утесе, когда почуяла, что Наджету грозит опасность. Постояв, она равнодушно отвернулась и стала рассматривать какой-то привлекший ее внимание предмет на скале.

Отряд продолжал свой путь. Наджет теперь не отходил от Рона. Время от времени он тыкался мордой ему в ноги и смотрел на него преданным, полным обожания взглядом, в котором отражалась вся сила внезапно вспыхнувшего чувства, свойственного ранней молодости. Рон устало тащился за мед-

ведями. Иногда он останавливался, чтобы приласкать Наджета. Фаро Нелл теперь могла спокойно отходить от медвежонка. Она, казалось, была довольна тем, что так надежно его пристроила, и он больше не раздражал ее.

Рон крикнул Хайдженсу:

— Смотрите! Меня Фаро Нелл приставила нянькой к Наджету.

Хайдженс оглянулся.

— Да шлепните его несколько раз, и он вернется к матери,— сказал он.

— А на кой черт это нужно? — рассердился Рон.— Мне это нравится.

Они продолжали двигаться вперед. Когда наступила ночь, они устроили привал. Из страха, что ночные обитатели Лорена могут слететься на огонь, они не разжигали костра. Но и в темноте было небезопасно, так как «ночные бродяги» с вечера выходили на охоту.

Хайдженс устроил заграждение из затемненных ламп. Туша оленеподобного животного составила им ужин. Они приготовили постели и легли спать, но спали только люди. Медведи чутко дремали, просыпались и снова начинали храпеть. Семпер сидел неподвижно на сухой ветке, спрятав голову под крыло. Как-то неожиданно наступила чудесная, полная утренней прохлады тишина, и мир вокруг расцвел под утренними лучами солнца, пробивающегося сквозь чащу. Они быстро поднялись и тронулись в путь. Днем они вынуждены были остановиться на два часа, чтобы сбить с толку сфиксов, напавших на след медведей. Хайдженс заговорил о том, что необходимо иметь средство, уничтожающее запах, и смазывать им обувь людей и лапы медведей, чтобы сфиксы не могли унюхать следы.

Рон предложил изобрести какую-нибудь жидкость с запахом, который отвратил бы этих чудовищ от людей.

— Если будет такое средство, то люди смогут безбоязненно передвигаться по всей планете,— сказал он.

— Как средство от клопов,— рассмеялся Хайдженс.— Великолепная мысль, Рон! Можете гордиться.

Ночью они снова сделали привал и только на третий день добрались до подножия плато, которое издали напоминало

горную гряду. Оно оказалось пустынным плоскогорьем. Их удивило, что пустыня лежала так высоко над уровнем моря, в то время как низкая впадина обильно смачивалась дождями. Но на четвертый день им стала ясна причина этого явления. Далеко впереди на краю огромного плато они увидели каменную глыбу. Она была похожа на нос большого корабля. Хайдженс сразу обратил внимание на то, что гора лежала на пути ветров и разрезала их, как нос корабля режет воду. Несущие влагу воздушные потоки с двух сторон обмывали плато, и поэтому середину его палящие лучи солнца превратили в выжженную пустыню. Целый день ушел на то, чтобы подняться до середины склона. Семпер дважды во время подъема летал над большим скоплением сфиксов, которые бежали параллельно дороге, то с одной, то с другой стороны.

Их было великое множество, от пятидесяти до ста чудовищ в одной стае. Хайдженс прежде никогда не видел таких больших скопищ сфиксов. Обычно в стае их было не больше дюжины. Хайдженс все время смотрел на маленький экран, отражающий то, что видел Семпер на расстоянии от четырех до пяти миль. Сфиксы длинной вереницей двигались вверх по направлению к плато. Пятьдесят, шестьдесят, семьдесят лазурно-рыжих обитателей ада.

— Я с ужасом думаю о том, что эта свора может напасть на нас,— сказал Хайдженс,— и боюсь, что тогда мы окажемся в незавидном положении.

— Вот здесь бы нам пригодился бронетанк, управляемый роботами,— ответил Рон.

— Да, что-нибудь бронированное,— согласился Хайдженс.— Даже один человек может уцелеть на такой станции, как моя. Но если он убьет сфикса — все пропало. Он будет осажден, и ему придется долго просидеть в своей норе, вдыхая запах дохлого сфикса, пока аромат не улетучится. И ни в коем случае нельзя больше убить ни одного зверя, так как иначе придется сидеть в крепости до самой зимы.

Они взбирались по склону, круто поднимавшемуся вверх под углом примерно в пятьдесят градусов; медведи шли очень легко, Хайдженс почти не спускал глаз с пластинки.

— Ну и дьявольский подъем,— сказал он, отдуваясь, когда они остановились передохнуть. Медведи терпеливо их ждали.

— А медведи у вас здорово вышколены, Хайдженс. Я вполне понимаю Семпера, у которого не хватает терпения.

— Не я их вышколил,— ответил Хайдженс, внимательно рассматривая изображение на пластинке.— Это ведь видоизмененная порода, и все их качества передаются по наследству. Люди на моей родной планете разумно учли психологический фактор, когда выводили новую породу. Им нужны были животные, которые могли бы драться, как дьяволы, жить вдали от родных мест, таскать тяжести и быть преданными человеку, как собака. Люди с давних времен делали попытку добиться необходимой степени физического развития у животных, обладающих высокой духовной организацией. В результате этого способа должна была получиться гигантская собака. На моей планете лет сто тому назад такой опыт решили проделать с медведями. Он оказался удачным. Первый медведь, названный Чемпионом Кодиака, обладал уже всеми качествами, которые вы можете наблюдать у его потомков.

— Но вид у них вполне нормальных медведей,— сказал Рон.

— Они абсолютно нормальные.— В голосе Хайдженса появились теплые нотки.— Они ничем не хуже обычного честного пса. Их не нужно обучать, как Семпера. Они сами всему учатся.

Он снова посмотрел на лежащую у него на ладони пластинку, на которой отражалась верхняя часть склона.

— Семпер — ученая, но безмозглая птица, хорошо тренированный разведчик и только. А медведи стараются дружить с людьми. Они зависят от нас в эмоциональном отношении, как и собаки. Если Семпер — слуга, то они — помощники и друзья. Служить человеку его вынудили обстоятельства, а медведи нас любят. Семпер, не задумываясь, оставил бы меня, если бы он понял, что может прожить один. Но он уверен, что может есть только то, что ему дают люди. А медведи не ушли бы от меня. И я к ним очень привязан. Может быть, за то, что они меня так любят.

— И кто вас дергал за язык, Хайдженс? — сказал Рон.— Ведь я офицер Колониальной службы. Все равно рано или поздно я должен буду вас арестовать. А вы рассказали мне

все вещи, по которым я легко смогу установить, кто вас сюда прислал. Мне теперь нетрудно навести справку о том, на какой планете выращивали видоизмененных медведей и где остались потомки медведя по имени Чемпион Кодиака. Теперь я могу узнать, откуда вы прибыли, Хайдженс.

Хайдженс поднял глаза от пластинки, на ней покачивалось крошечное телевизионное изображение.

— Ничего страшного не произошло,— сказал он добродушно.— Там меня тоже считают преступником. Официально записано, что я похитил этих медведей и скрылся с ними. А на моей родине это самое страшное преступление, которое только может совершить человек. Это даже хуже, чем конокрадство на Земле в старые времена. Родственники моих медведей очень высоко ценятся. Так что и дома я преступник.

Рон внимательно на него посмотрел.

— Вы их украли? — спросил он.

— Если говорить откровенно,— ответил Хайдженс,— я их не крал. Но подите докажите это.— Он подмигнул Рону и добавил: — Взгляните на пластинку. Хотите знать, что видит Семпер на краю плато?

Рон взглянул наверх, где кружил Семпер. Он уже по опыту знал, что Семпер всегда кричит при виде приближающейся опасности. Вдруг орел метнулся к границе плато. Рон посмотрел на пластинку. Она была размером четыре на шесть дюймов, совершенно гладкая и блестящая. Изображение на пластинке двигалось и поворачивалось, так как аппарат, который нес орел, тоже все время двигался. На мгновение на экране мелькнули крутой горный склон и на нем черные точки. Это были люди и медведи. Затем появилась вершина плато, и на ней они увидели сфиксов. Около двухсот чудовищ рысцой бежали по направлению к пустынному ложу плато. Аппарат передвинулся — и Рон увидел новую партию сфиксов. Птица поднялась выше. По краю плато двигались все новые и новые орды.

Они выходили из маленькой, образовавшейся от выветривания ложбины. Плато кишело дьявольскими отродьями. Трудно было представить, где они находили достаточное количество пищи. Издали они напоминали стада, рассыпавшиеся по пастбищу.

— Они переселяются,— сказал Хайдженс.— И идут в какое-то определенное место. Я не уверен, что сейчас нам будет удобно пересекать плато, когда там такое скопление сфиксов.

Рон выругался. Настроение у него резко переменилось.

— Но сигналы все еще доходят,— сказал он.— Кто-то жив в колонии роботов. Можем мы ждать до тех пор, пока кончится переселение?

— Мы ведь ничего не знаем,— сказал Хайдженс,— какие у них условия и смогут ли они еще продержаться.— Он показал на пластинку.— Ясно одно: им очень нужна помощь. И мы во что бы то ни стало должны до них добраться. Но в то же время...— Он посмотрел на Сурду Чарли и Ситку, терпеливо стоявших на склоне, пока люди отдыхали и разговаривали. Ситка ухитрился даже найти место и сесть, уцепившись тяжелой лапой за склон.

Хайдженс махнул рукой, указывая новое направление.

— Пошли! — заторопил он медведей.— В путь. Вперед! Хоп!

IV

Они шли по склонам, не поднимаясь до верхнего уровня плато, по которому двигались сфиксы, что значительно замедляло продвижение отряда. Людям казалось, что они забыли, как ходят по ровной земле. Семпер днем парил над головой, не отлетая далеко от них. Когда наступала ночь, он спускался за едой, которую Хайдженс доставал из тюка.

— У медведей осталось совсем мало еды,— сказал однажды Хайдженс.— Для них этого недостаточно. Но они проявляют благородство по отношению к нам. Вот у Семпера его нет. Он слишком для этого туп. Но его приучили думать, что он может есть только из рук человека. Медведи все лучше понимают, но тем не менее они бескорыстно нас любят. За это они мне и нравятся.

Как-то они расположились на отдых на вершине, высоко торчащей над гористой каменной стеной. На камне едва хватало места для всех. Фаро Нелл заволновалась и стала толкать Наджета в самый безопасный уголок около горного склона. Она готова была столкнуть людей с камня, чтобы устроить медвежонка. Но вдруг Наджет заскулил и стал проситься к

Рону. И когда Рон подошел к нему, чтобы успокоить, медведица, довольная, отодвинулась и зарычала на Ситку и Сурду. Они потеснились и пропустили ее к самому краю скалы.

Это был невеселый привал. Все были голодны. Иногда они находили маленькие ручейки, текущие вниз по склону. Медведи напивались, а люди наполняли фляги. Но уже третью ночь не было никакой дичи, и Хайдженс ничего не предпринимал, чтобы достать еду для себя и Рона. Рон молчал. Он тоже начал ощущать то особое духовное родство между медведями и людьми, которое делало медведей не рабами, а чем-то иным. В этом было какое-то новое, двойственное чувство.

— Мне кажется,— сказал он мрачно,— что если сфиксы не охотятся по пути наверх, то где-то должна быть и дичь. По-моему, они ни на что не обращают внимания, когда идут шеренгой.

Хайдженс задумался. Рон был прав. Обычно во время боя сфиксы выстраиваются цепью, чтобы в любую минуту окружить жертву, которая делала попытки к бегству. Если противник сопротивлялся, они нападали с флангов. На сей раз они поднимались в гору, выстроившись цепочкой, один за другим, очевидно уверенно следуя по привычному пути. Ветер дул со склонов, и запах медведей доходил до сфиксов. Но они не сворачивали с намеченного пути. Длинная процессия синерыжих дьяволов упорно лезла вверх. О них трудно было думать как о виде плотоядных, делящихся на самцов и самок и откладывающих яйца, как обыкновенные рептилии на других планетах.

— По этой дороге прошли тысячи сфиксов. Мне кажется, что они идут уже несколько дней или даже недель. На пластинке мы видели не менее десятка тысяч. Пересчитать их невозможно. Первые партии, очевидно, сожрали все, что нашли, а остальные...

Рон запротестовал:

— Не может быть в одном месте такого количества плотоядных. Я знаю и вижу, сколько их здесь, но тем не менее быть этого не может.

— Ведь они холоднокровные,— сказал Хайдженс.— И им не нужны калории для поддержания температуры тела. Кроме

того, многие животные могут долгое время обходиться без еды. Даже медведи погружаются в зимнюю спячку.

Он в темноте начал устанавливать приемник. Рон не понимал, для чего он это делает. Передатчик был на другой стороне плато, которое кишело самыми свирепыми и опасными зверями из всех обитателей Лорена Второго. Всякая попытка пересечь плато равнялась бы самоубийству.

Хайдженс настроил приемник. Тут же послышался царапающий резкий треск. Затем сигнал. Три точки, три тире, три точки. Три точки, три тире, три точки. Снова и снова. И так без конца. Хайдженс выключил приемник.

— Почему вы не ответили на их сигнал перед тем, как ушли со станции, чтобы подбодрить их? — спросил Рон.

— Не сомневаюсь, что у них нет приемника. Они не ждут, что им ответят в течение многих месяцев. Едва ли они слушают беспрерывно, если живут в туннеле шахты. Они, наверное, иногда делают попытки выскочить, чтобы достать какую-нибудь пищу. И не думаю, что у них есть время и силы для того, чтобы делать сложные приемники и реле.

Рон молча его слушал и затем сказал:

— Мы должны достать еду для медведей. Наджет ведь только бросил сосать. Он голодный.

— Да, нужно попытаться,— согласился Хайдженс.— Может быть, и я ошибаюсь, но мне кажется, что сфиксов становится меньше, чем вчера или позавчера. Когда мы будем за пределами их обычных маршрутов, то снова поищем что-нибудь вроде «ночного бродяги». Боюсь, что они уничтожили все живое на пути.

Однако оказалось, что он был не совсем прав. Ночью Хайдженса насторожило рычание медведей. В темноте раздавались звуки шлепков. Легкий, как перышко, порыв ветра ударил его по лицу. Он тряхнул фонарь, висящий у него на поясе. Все вокруг было окутано беловатой дымкой, которая вдруг растаяла. Что-то темное метнулось в сторону. Затем Хайдженс увидел звезды и пустоту. Вскоре они расположились лагерем. Несколько больших летающих белых существ бросилось к нему. Ситка Пит зарычал во всю мощь своей огромной глотки. Потом раздался бас Фаро Нелл. Она вдруг

высоко подпрыгнула и что-то схватила. Свет погас, прежде чем Хайдженс понял, что произошло. Он сказал только:

— Не стреляйте, Рон.

Они прислушались. В темноте слышался хруст работающих челюстей. Потом стало тихо.

— Смотрите! — прошептал Хайдженс.

Рон снова зажег фонарь. Какое-то существо странной формы, с бледным кожистым покровом без шерсти, покачиваясь, приближалось к нему. За ним еще. Четыре, пять, десять. Огромная мохнатая лапа появилась в освещенном круге и выхватила из него летающее «привидение». Затем вторая огромная лапа. Хайдженс поднял фонарь. Три огромных кодиака, стоя на задних лапах, смотрели на странных ночных гостей, которые дрожали, будучи не в силах преодолеть притяжение лампы. Они вращались с бешеной скоростью, и поэтому было невозможно подробней их рассмотреть. Это прилетели те самые отвратительные ночные животные, чем-то напоминающие ощипанных обезьян.

Медведи не рычали. Они спокойно, с удивительным знанием дела доставали «обезьян» и отправляли их в пасть. У ног каждого уже образовались маленькие холмики из останков. Вдруг все исчезло, Хайдженс потушил фонарь. Медведи деловито жевали в темноте.

— Эти существа плотоядные кровопийцы,— спокойно сказал Хайдженс,— они высасывают кровь у жертвы, как вампиры, причем ухитряются не будить ее, и, когда жертва уже мертва, вся братия съедает труп. Но у медведей густая шерсть, и они просыпаются от малейшего прикосновения. Кроме того, они всеядны и едят все, за исключением сфиксов. Я уверен, что эти ночные гости пришли позавтракать. Но обратно они уже не уйдут. Сами они оказались лакомым блюдом для медведей.

Рон вскрикнул. Он включил маленький фонарь и увидел, что вся рука у него в крови. Хайдженс вынул из кармана перевязочный пакет, смазал и забинтовал ранку. Рон только сейчас заметил, что Наджет что-то жует. Когда зажгли яркий свет, медвежонок уже делал конвульсивные глотательные движения. Он, очевидно, поймал и съел вампира, присосавшегося к Рону. К счастью, ранка оказалась пустяковой. Утром

они снова двинулись вдоль крутого откоса плато. Рон все не мог успокоиться и несколько раз говорил:

— Роботы не справились бы с этими вампирами.

— Да, но можно было бы сконструировать специального робота, который бы следил за ними. Есть же этих кровопийц вам пришлось бы самому. Что касается меня, то я предпочитаю полагаться на медведей,— отвечал Хайдженс.

Он шел впереди. Здесь не нужно сохранять строй, необходимый для путешествия по лесу. Звери легко брали крутые подъемы, так как толстые подушки на лапах помогали им удерживаться на скользких скалах. Хайдженс и Рон с трудом волочили ноги. Дважды Хайдженс останавливался и в бинокль осматривал местность у подножия гор. Высокий пик, торчащий, как нос корабля, на краю плато, заметно приблизился. В полдень они увидели его над горизонтом в пятнадцати милях от места стоянки отряда. Это был их последний привал.

— Проход свободен. Внизу нет больше сфиксов,— сказал весело Хайдженс.— И даже не видно больше цепочек на склонах. Теперь нам нужно воспользоваться тем, что одна партия прошла, а вторая еще не появилась. Мне кажется, что мы обошли их дорогу. Посмотрим, что там у Семпера.— Он поманил рукой орла, который тотчас же поднялся в воздух...

Хайдженс стал смотреть на пластинку. Изображение на экране все время переворачивалось. Через несколько минут Семпер летел над краем плато. Там уже была растительность. Затем земля на пластинке быстро завертелась, и они увидели пятна кустарника. Семпер поднялся еще выше. На экране появилась пустыня, лежащая в середине плато. Нигде не было сфиксов. Только один раз, когда орел резко накренился и аппарат запечатлел плато во всю длину, Хайдженс увидел сине-рыжие точки. Мелькнули какие-то темные пятна, похожие на сгрудившееся стадо. Ясно было, что это не сфиксы, так как они никогда не собирались в такие стада.

— Лезем прямо наверх,— сказал Хайдженс. Он был чем-то очень доволен.— Мы здесь пересечем плато. Думаю, что по дороге к вашей колонии мы узнаем нечто интересное.

Он сделал знак медведям, и они послушно стали карабкаться выше.

Через несколько часов, незадолго до захода солнца, люди достигли вершины. И здесь они увидели дичь. Не очень много, но все же это была настоящая дичь на зеленой, покрытой травой и кустарником окраине пустыни. Хайдженс подстрелил косматое жвачное, которое никак не могло быть коренным жителем пустыни. К ночи стало холодно. Температура здесь была значительно ниже, чем на склонах. Воздух очень разрежен. Рон вдруг догадался. В «носовой» части горы воздух стоял совершенно неподвижно. Там не было ни единого облачка. Тепло, исходящее от земли, попадало в пустое пространство. Ночью, по-видимому, там было страшно холодно. Он сказал об этом Хайдженсу.

— Да, и очень жарко днем,— ответил Хайдженс.— Солнце палит со страшной силой там, где воздух разрежен, а на горах всегда ветер. Днем здесь земля накаляется, как поверхность безатмосферной планеты. На солнце должно быть не меньше ста сорока — ста пятидесяти градусов, а ночью очень холодно.

Они вскоре убедились в этом. Еще до наступления ночи Хайдженс разжег костер. Температура упала ниже нуля, и можно было спокойно спать, не опасаясь ночных гостей.

К утру люди совершенно закоченели, но медведи спокойно храпели и бодро двигались, когда Хайдженс поднял их. Казалось, они наслаждались утренней прохладой. Ситка и Сурду развеселились и начали бороться, награждая друг друга тумаками, могущими сразу размозжить череп.

Наджет внимательно следил за ними и даже чихнул от возбуждения. Фаро Нелл смотрела на медведей, и в ее взгляде было чисто женское осуждение.

Они двинулись дальше. Семпер стал каким-то вялым. После каждого полета он отдыхал на тюке, который нес Ситка. Он сидел на самом верху и оттуда обозревал все время менявшийся ландшафт. Зеленые заросли перешли в унылую пустыню. Семпер сидел с важным видом и упорно не желал летать. Парящие птицы не любят летать, когда нет ветра, облегчающего движение.

Хайдженс показал Рону на увеличенном стереофото дорогу, по которой они шли, и место, откуда доходили сигналы о бедствии.

— Вы все это мне объясняете на случай, если с вами что-нибудь произойдет? — спросил Рон.— Может быть, это и имеет смысл, но чем я смогу помочь этим оставшимся в живых людям, даже если доберусь до них без вас?

— Вам смогут пригодиться ваши познания о сфиксах,— ответил Хайдженс.— И медведи будут хорошими помощниками. Я оставил записку на станции. Всякий, кто приземлится на посадочном поле, ведь сигнальные огни включены, найдет указания, как добраться до нас.

Рон брел рядом с Хайдженсом, с трудом поспевая за ним. Узкая зеленая полоса границы плато осталась позади, и они шагали по порошкообразному песку.

— Послушайте! — сказал Рон.— Меня интересует одна вещь. Вы сказали, что вас считают похитителем медведей на вашей родной планете, но вы сами сознались, что это ложь, придуманная для того, чтобы спасти ваших друзей от преследования Колониальной службы. А теперь вы каждую минуту рискуете жизнью. Большой риск оставить меня в живых. Теперь вы рискуете еще больше, отправившись на поиски людей, которые смогут подтвердить, что вы преступник. Для чего вы все это делаете?

Хайдженс усмехнулся:

— Потому что я не люблю роботов. Мне противно думать о том, что они командуют людьми, заставляют людей подчиняться себе.

— Ну и что из этого следует? — нетерпеливо спросил Рон.— Не понимаю, почему ваша антипатия к роботам могла толкнуть вас на преступление. Тем более что это неправда. Люди не подчиняются роботам.

— Нет, подчиняются,— упрямо повторил Хайдженс.— Я, конечно, человек с причудами, но я счастлив, что могу жить на этой планете по-человечески, ходить куда мне хочется и делать все, что хочу. Медведи — мои друзья и помощники. Скажите честно, Рон, если бы попытка создать здесь колонию роботов не потерпела неудачу, разве люди могли бы жить здесь так, как им хочется? Едва ли. Они строили бы свою жизнь под диктовку роботов. Они вынуждены были бы вечно находиться за заборами, построенными роботами; они всегда ели бы только ту пищу, которую им выращивали роботы. Человек не может даже подвинуть кровать поближе к окну, потому что роботы, занимающиеся домашней работой, перестали бы действовать. Роботы хорошо обслуживают людей, так, как им и положено это делать, но для этого люди должны только тем и заниматься, чтобы служить роботам.

Рон покачал головой.

— Ну что ж! Это плата за удобства. Пока люди пользуются услугами роботов, они должны довольствоваться тем, что роботы могут им дать. А если вы отказываетесь от этих услуг...

— Я хочу иметь возможность решать самому, а не быть ограниченным в выборе того, что мне предлагают,— возразил Хайдженс.— На моей родной планете когда-то почти добились с помощью оружия и собак права принимать решения самостоятельно. Потом начали приручать медведей, которые частично избавили нас от услуг роботов. Но позже, когда настала угроза перенаселения и места для медведей и собак, да и для людей, явно не хватало, человек все больше и больше попадал во власть роботов и был вынужден пользоваться тем, что ему может предложить цивилизация роботов. Чем больше мы зависим от них, тем ограниченней наш выбор. И мы не хотим, чтобы наши дети зависели от этих машин и страдали из-за того, что роботы не могут обеспечить их всем необходимым. Мы хотим, чтобы они выросли полноценными мужчинами и женщинами, а не проклятыми автоматами, у которых одна цель в жизни — нажимать кнопки управления роботов, без чего они не могут существовать. И вы считаете, что все это не есть подчинение роботам?

— Но ведь ваши доводы чисто субъективны,— не соглашался Рон.— Не все же чувствуют так, как вы.

— А я чувствую именно так,— сказал Хайдженс.— И не только я. Наша галактика большая, и в ней много неожиданного. Можно с уверенностью сказать, что роботы и человек, который зависит от них, совершенно не подготовлены к столкновению с непредвиденными обстоятельствами и им не под силу будет справиться с ними. Недалек час, когда нам понадобятся люди, способные преодолеть любые препятствия. На моей планете многие просили разрешить им колонизацию Лорена Второго. Нам было отказано. Считается, что это слишком опасно. Но люди, если они настоящие люди, могут осво-

ить любую планету. Я поселился здесь для того, чтобы изучить условия местной жизни. Особенно меня интересуют сфиксы. Со временем мы собирались вторично просить разрешения, уже после того как у нас будут доказательства, что возможно жить на этой планете и справиться даже с этими чудовищами. Я уже добился кое-каких успехов. Колониальная служба дала разрешение на создание колонии роботов, но где же она?

Рон не сдавался.

— Вы выбрали неверный путь, Хайдженс, построив нелегальную станцию. Ваш исследовательский пыл, конечно, не может не вызывать восхищения, но, к сожалению, он направлен не туда, куда нужно. Я хорошо понимаю, что именно такие пионеры, как вы, впервые покинули планету и отправились к звездам, но...

Сурду вдруг встал на задние лапы и понюхал воздух. Хайдженс придвинул к себе ружье, а Рон даже снял предохранитель, но тревога оказалась ложной. Все было тихо.

— Собственно говоря,— продолжал Рон раздраженно,— вы говорите о свободе и равенстве, вещах, которые многие считают областью политики. Вы даже утверждаете, что это больше, чем политика. Принципиально я с вами согласен, но у вас все это звучит как какой-то религиозный выверт.

— Самоуважение,— сказал Хайдженс.

— Может быть, вы...

Фаро Нелл зарычала и стала носом подталкивать Наджета поближе к Рону. Она фыркнула на него и рысцой пустилась бежать туда, где уже выстроились Ситка и Сурду лицом к широкой части плато, на которой скопились сфиксы.

Хайдженс, приставив ладонь к глазам, стал вглядываться в том направлении, куда смотрели медведи.

— Они что-то учуяли! — сказал он тихо.— Но, к счастью, нет ветра. Впереди какой-то холм. Пошли туда, Рон.

Он побежал вперед. Рон с Наджетом последовали за ним. Они быстро взобрались на невысокий, поросший кривыми кактусообразными кустами холмик, торчавший на высоту шести футов из окружающего песка. Хайдженс в бинокль оглядел местность.

— Один сфикс,— сказал он.— Всего один. Это не менее странно, чем огромные стаи от сотни до тысячи голов, которые мы видели.— Он послюнил палец, поднял его и сказал: — Ни малейшего ветерка.— Потом снова приложил к глазам бинокль.— Сфикс не знает о том, что мы здесь, он удаляется. И больше ни одного не видно.

Хайдженс стоял в нерешительности, покусывая губы.

— Послушайте, Рон,— сказал он наконец.— Мне бы хотелось убить этого одинокого сфикса и выяснить одну вещь. И половина шансов за то, что удастся сделать очень важное открытие. Я хочу попробовать, но придется бежать туда. Если окажется, что я прав...— Он взглянул на часы.— Но нельзя терять ни минуты. Все должно быть сделано очень быстро, поэтому я хочу добраться туда верхом на Фаро Нелл. Ситка и Сурду без меня здесь не останутся. Но Наджет не может так быстро бегать, вы не побудете с ним, Рон?

У Рона перехватило дыхание. Но он спокойно сказал:

— Вы ведь всегда хорошо знаете, что вам следует делать, Хайдженс.

— Смотрите в оба. Если что-нибудь увидите вдалеке, стреляйте, и мы моментально вернемся. Не ждите, пока опасность будет близко, стреляйте сразу.

Рон кивнул головой. Ему было трудно разговаривать. Хайдженс подошел к приготовившимся к бою животным, взобрался на спину Фаро Нелл и крепко ухватился руками за густую шерсть.

— Ну пошли! — крикнул он.— Хоп!

Три кодиака понеслись с бешеной скоростью. Хайдженс трясся и подпрыгивал на спине у Фаро Нелл. Неожиданный поход поднял Семпера с места. Он изо всей силы захлопал крыльями и взлетел вверх, а затем неохотно последовал за медведями, летя над самой головой Хайдженса.

Дальнейшие события разворачивались очень быстро. Кодиак, когда это необходимо, может бегать со скоростью лошади. Медведи мгновенно одолели полукилометровое расстояние, отделявшее их от сине-рыжего гада. Сфикс встретил их рычанием, Хайдженс выстрелил, не слезая со спины Фаро Нелл. Выстрел и взрыв пули слились в один звук. Огромное рогатое чудовище подпрыгнуло и испустило дух.

Хайдженс соскочил с медведицы и стал что-то делать на земле, где лежал мертвый сфикс. Семпер, перевернувшись в воздухе, накренился и стал снижаться. Склонив набок голову, он наблюдал за Хайдженсом.

Рон не отрываясь следил за движениями Хайдженса. Ситка и Сурду безучастно бродили вокруг, в то время как Фаро Нелл с любопытством смотрела на хозяина, который производил какую-то непонятную операцию над трупом сфикса. На холме тихо скулил Наджет. Рон потрепал его по голове. Наджет заскулил еще громче. Рон видел, как Хайдженс выпрямился и шагнул к Фаро Нелл. Затем он влез на нее. Ситка повернул голову и стал смотреть в ту сторону, где стоял Рон. Казалось, что он почуял что-то подозрительное. Затем отряд двинулся обратно к холму. Семпер бешено хлопал крыльями и кричал, хотя воздух был совершенно неподвижен. Перевернувшись несколько раз, он опустился на плечо Хайдженса и вцепился в него когтями, Наджет вдруг истерически завыл и прижался к Рону, как щенок, который в минуту опасности старается прижаться к матери. Рон упал и увлек за собой медвежонка. Он только видел, как мелькнула чешуйчатая шкура, и воздух огласился редкими, пронзительными визгами сфикса, сделавшего гигантский прыжок по направлению к Рону. Но зверь не рассчитал и прыгнул слишком далеко. Рон и Наджет мгновенно вскочили на ноги.

Рон еще не успел осознать, что произошло и что означает этот дьявольский визит, как Ситка и Сурду уже летели обратно со скоростью ракеты. Фаро Нелл громко завыла, и мохнатый медвежонок, спотыкаясь, со всех ног бросился к матери. Рон поднялся на ноги и схватился за ружье. Сфикс был совсем близко. Пригнувшись, он пристально наблюдал за удирающим медвежонком, готовясь его преследовать. Рон стал размахивать ружьем перед носом сфикса, а затем яростно ударил его. Сфикс завертелся и сбил Рона с ног. Трудно удержаться на ногах, когда адское чудовище весом в сотни фунтов с яростью и злобой дикой кошки со всей силой ударяется в грудь.

Но в эту минуту появился Ситка Пит. Животное встало на задние лапы и с громовым рычанием, как древний герой, вызывающий врага на битву, двинулось на сфикса. Подоспел Хайдженс. Он не мог стрелять, пока Рон был так близко от

чудовища. Фаро Нелл мотала головой и рычала, раздираемая, с одной стороны, желанием успокоить Наджета, а с другой — разорвать обидчика, осмелившегося напасть на ее чадо.

Сидя на спине у Фаро Нелл с Семпером, идиотски цепляющимся за его плечо, Хайдженс беспомощно смотрел, как сфикс бросался и плевал на Ситку. Хищнику стоило только протянуть лапу, и от Рона ничего бы не осталось.

V

Они поспешили уйти от этого места, хотя Ситку нелегко было оторвать от его жертвы. Он крепко зажал ее в зубах и пытался со всего размаху ударить о землю. Он, казалось, был вдвойне разъярен из-за того, что сфикс осмелился обидеть человека, с которым все медведи-кодиаки состояли в духовном родстве. Но Рон получил только легкие царапины. Он смешно подпрыгивал и не переставая ругался. Хайджекс подсадил его на спину Сурду и велел крепко держаться. Но Рон сердито запротестовал.

— Черт возьми, Хайдженс. У Ситки глубокие раны. Эти ужасные когти могут быть ядовитыми.— Но Хайдженс в ответ только прикрикнул на медведей, и они продолжали свой путь.

Прошли не более двух миль, как Наджет отчаянно завизжал от усталости. Фаро Нелл решительно остановилась и стала его облизывать.

— Мы можем передохнуть,— сказал Хайдженс,— учитывая, что сейчас нет ветра и основная масса этих тварей на плато. Может быть, они чем-нибудь очень заняты и даже ослабили бдительность. Однако...— Он соскользнул на землю и вытащил антисептический пакет и банку с мазью.

— Сначала Ситку,— сказал Рон.— Я могу потерпеть.

Хайдженс промыл раны огромного медведя. Они оказались пустяковыми. Ситка был испытанным бойцом. Затем он смазал все царапины на груди Рона. Мазь пахла озоном и жгла так сильно, что у Рона захватило дух, но он мужественно все терпел и только сказал:

— Я сам виноват, Хайдженс. Я следил за вами, вместо того чтобы смотреть по сторонам. Я не мог понять, что вы делали.

— Я сделал быстрое вскрытие,— ответил Хайдженс.— К счастью, первый сфикс оказался самкой, как я и думал. Она собиралась откладывать яйца. Теперь я наконец знаю, куда они двигаются и почему они здесь не охотятся.

Он наложил пластырь на грудь Рона, и вскоре они снова двинулись на восток, оставив позади мертвых сфиксов. Семпер летал над головой и хлопаньем крыльев выражал свое возмущение тем, что ему не разрешили ехать на спине у Ситки.

— Я уже вскрывал их и раньше,— сказал Хайдженс.— О них почти ничего не известно. А ведь необходимо получить целый ряд сведений, чтобы люди когда-нибудь смогли здесь жить.

— С медведями? — спросил насмешливо Рон.

— Да, конечно,— ответил Хайдженс.— Дело в том, что сфиксы приходят сюда в пустыню размножаться. Они здесь спариваются и откладывают на солнце яйца. Это их заветное место. Ведь тюлени всегда возвращаются в одно и то же место для спаривания. Их самки в это время неделями не едят. Кета для размножения возвращается в родные реки. Рыбы тоже голодают и в конце концов после нереста погибают, а угри — я привожу примеры из жизни на Земле, Рон,— проплывают не одну сотню миль до Саргассова моря, чтобы вывести потомство и погибнуть. К несчастью, сфиксы не умирают, но совершенно очевидно, что у них тоже есть унаследованное еще от их предков место размножения, и они приходят сюда на плато класть яйца.

Рон продолжал идти. Он был зол на себя за то, что забыл об элементарной предосторожности. Он чувствовал себя здесь, в чужом мире, слишком спокойно, так как привык к таким условиям жизни, которые окружают людей цивилизации, создаваемой роботами. Он не реагировал, когда даже медвежонок почувствовал опасность.

— А теперь,— сказал Хайдженс,— мне не мешало бы иметь оборудование, которое было у ваших роботов. При помощи техники, я уверен, мы сделаем первые шаги к освоению этой планеты и созданию нормальных условий жизни на ней.

— С помощью чего? — переспросил Рон.

— Техники,— сказал нетерпеливо Хайдженс.— Мы найдем много машин в колонии роботов. Роботы оказались беспомощными, потому что они не могли активно бороться со

сфиксами. Они и впредь будут вести себя не лучше. Но если убрать роботов, машины вполне пригодны. Они ведь нечувствительны к смене температуры.

Рон шел молча.

— Вот уж не думал, что вам понадобятся машины, сделанные руками роботов,— наконец сказал он.

Хайдженс обернулся.

— Ну а что в этом ужасного? — спросил он.— Я не против того, чтобы люди заставляли машины выполнять свои желания. И роботы, когда они используются по назначению, не так уж плохи. Но есть вещи, с которыми роботам не справиться. Только человек может управлять огнеметными орудиями и стерилизаторами почвы, чтобы как следует выжечь все вокруг и уничтожить семена ядовитых растений. Мы сюда еще вернемся, Рон, и уничтожим посев этих дьявольских отродий. И если каждый год мы будем стерилизовать почву, то со временем совсем сотрем сфиксов с лица планеты. Я уверен, что у них есть другие места для откладывания яиц. Мы все их отыщем и превратим Лорен в планету, где люди смогут жить по-человечески.

Рон язвительно заметил:

— Если вы уничтожите сфиксов, то тем самым обезвредите планету для роботов.

Хайдженс рассмеялся.

— Вы видели только одного «ночного бродягу»,— сказал он.— А вы забыли об обитателях горных склонов. Они вполне в состоянии выпустить из вас кровь, а потом устроить пиршество над вашим трупом. Сознайтесь, Рон, могли бы вы отправиться в путешествие с роботом в качестве телохранителя? Сомневаюсь. Люди не смогут жить на этой планете, если защита их будет зависеть от роботов. Вы еще вспомните мои слова.

Только через десять дней они нашли колонию. За это время им пришлось выдержать не одну схватку со сфиксами. Они убили несколько оленеподобных животных и каких-то незнакомых косматых жвачных.

В колонии они прежде всего отправились на поиски оставшихся в живых людей. Их было трое, заросших и израненных. Когда упал электрический забор, двое из них находи-

лись под землей в туннеле, где устанавливали новый пульт управления роботами, которые должны были работать в шахтах. Третий надзирал за рудными разработками. Обеспокоенные тем, что прервана связь с колонией, они направились в бронированной машине к лагерю, чтобы выяснить, что произошло. У них не было с собой оружия, и только это спасло им жизнь. На территории колонии они нашли невероятное количество беснующихся сфиксов. Звери сквозь броню почуяли людей, но пробить ее не могли. Колонисты прекратили всю добычу руды и решили использовать для борьбы со сфиксами управляемых на расстоянии роботов. Но роботы не могли справиться с незнакомым заданием. Несчастные смастерили маленькие ручные гранаты и наполнили их ракетным топливом. Несколько обожженных сфиксов с визгом убежали прочь. Но гранаты эти не могли убить ни одного сфикса. Хуже всего оказалось то, что на их изготовление ушел почти весь запас горючего. В конце концов колонисты забаррикадировались в туннеле. Остатки топлива они хранили для устройства сигнализации, на случай если их будет разыскивать корабль. Люди были заключены в шахте, как в тюрьме. Строго распределив оставшиеся запасы пищи, они терпеливо ждали спасения, почти утратив всякую надежду, и с ненавистью созерцали неподвижные фигуры металлических роботов, которые из-за отсутствия топлива не могли выполнять даже ту единственную работу, на какую они были способны.

Увидев Хайдженса и Рона, колонисты заплакали. Роботы и все с ними связанное вызывали у них едва ли не большее отвращение, чем сфиксы. Хайдженс дал им оружие, которое достал из мешка, и они двинулись к мертвой колонии. По дороге они убили шестнадцать сфиксов, а на расчищенной роботами площадке, уже начинающей зарастать травой, они обнаружили еще четырех. В самых разных местах лежали останки несчастных колонистов. В бараках и на складах они нашли небольшие запасы пищи. Сфиксы уничтожили почти все пластикатовые пакеты со стерилизованными продуктами, но не тронули металлических ящиков.

Топливо, к счастью, было цело. Повсюду стояли и лежали сверкающие металлом роботы, казавшиеся готовыми в любую минуту приступить к работе. Но они были неподвижны, и вокруг них уже поднималась молодая поросль. Люди даже не посмотрели на роботов. Переоборудовав огнеметательные машины так, чтобы ими можно было управлять без помощи роботов, они наполнили их доверху горючим, затем отыскали и привели в порядок гигантский стерилизатор, специально сконструированный для уничтожения растений, которые роботы не могли выполоть. Закончив все, они направились к плато.

За несколько дней колонисты совсем избаловали Наджета. Они с радостью приветствовали все, что хотя бы в будущем могло обратиться против сфиксов, и поэтому все время кормили и ласкали его.

По следам сфиксов они добрались до вершины плато. Семпер помогал выслеживать чудовищ. Сфиксы всякий раз с визгом и воем нападали на отряд. Медведи ловко отражали их атаки, в то время как Хайдженс и Рон пускали в ход новые орудия. Стерилизатор оказался пригодным и для уничтожения яиц сфиксов. Его диатермические лучи безошибочно попадали в цель. В руках человека машина превратилась в боевое орудие. Ни один робот не сообразил бы, когда и против какой мишени можно его использовать.

Груды опаленных трупов привлекали сфиксов со всего плато, даже когда не было ветра. Они приходили повыть над мертвыми сородичами. Уцелевшие колонисты расположили орудия вокруг скопища мертвых исчадий ада и потоками огня встречали вновь пришедших. По расчетам Хайдженса, они уничтожили большинство сфиксов в этой части пустыни. Немало их, очевидно, оставалось еще в других местах, но на очищенной территории можно было спокойно жить, не опасаясь новых нашествий, так как лучи стерилизатора проникали через толстый слой песка и навсегда обезвреживали смертоносные яйца. К тому времени, как были закончены работы, Хайдженс и Рон устроили на краю плато лагерь и поселились там с медведями, предоставив колонистам возможность отомстить за убитых товарищей.

Однажды вечером Хайдженс прикрикнул на Наджета, который обнюхивал мясо, жарящееся на вертеле над костром. Наджет жалобно заскулил и отправился искать защиты у Рона.

— Хайдженс,— с усилием начал Рон.— Пора поговорить нам о наших делах. Я инспектор Колониальной службы, а вы нелегальный колонист. Мой долг арестовать вас.

Хайдженс посмотрел на него с любопытством.

— Вы предложите мне отступное, если я выдам своих сообщников? — спросил он тихо.— Или мне нужно будет доказывать, что я не обязан давать показания против своей совести?

— Оставьте этот тон, Хайдженс,— сказал раздраженно Рон.— Всю жизнь я был честным человеком, но больше я не верю, что роботы пригодны во всех условиях. Здесь не место для них. Все было с самого начала неверно. Сфиксы уничтожили колонию, потому что роботы не смогли с ними справиться.

Здесь должны жить только люди и медведи. В противном случае людям придется проводить всю жизнь за сфиксонепроницаемыми заборами и довольствоваться тем, что будут производить роботы. А здесь очень много интересного, и люди будут лишены всего этого. Мне кажется, что жить на таких планетах, как Лорен Второй, в полной зависимости от роботов — значит проявлять неуважение к себе.

— Надеюсь, вы не становитесь религиозным? — сухо спросил Хайдженс.— Вы прежде пользовались этим термином для определения самоуважения.

Семпер вскрикнул, так как Ситка подошел к огню и чуть не наступил на него. Медведь стал втягивать в себя ароматный запах мяса, Хайдженс грубо закричал на него, и он снова уселся, не сводя глаз с куска мяса и все время облизываясь.

— Вы так и не дали мне закончить,— сердито сказал Рон.— Я инспектор Колониальной службы, и в мои обязанности входит проверка того, что сделано на планете до высадки основной партии колонистов. Первым делом я должен составить подробный отчет о колонии роботов, для обследования которой я сюда прибыл, а колония фактически уничтожена. И, как я теперь понимаю, это не случайность. Все было запланировано неверно. Колония не могла удержаться здесь.

Хайдженс усмехнулся. Надвигалась ночь. Он перевернул вертел.

— В случае необходимости колонисты имеют право обратиться за помощью к любому проходящему мимо кораблю. Естественно, что... Я всегда был честным человеком, Хайдженс, и я напишу в отчете, что колония, созданная согласно намеченному плану, оказалась нежизнеспособной и была уничтожена. Все погибли, за исключением трех человек, которые спрятались и подавали сигналы о бедствии. Ведь все именно так и было. Вы сами это знаете.

— Продолжайте,— насмешливо сказал Хайдженс.

Рон снова начинал сердиться.

— И совершенно случайно — случайно, заметьте это, корабль, на борту которого находились вы, Ситка, Сурду, Фаро Нелл и, конечно, Наджет и Семпер, уловил сигналы о бедствии. Вы приземлились, чтобы помочь колонистам. Так все и было. И ваше пребывание здесь вполне законно. Ведь незаконным во всем этом деле было только то, что вы оказались здесь в тот момент, когда понадобилась ваша помощь. Но мы сделаем вид, что вас здесь не было.

Хайдженс повернул голову и стал всматриваться в сгущающийся мрак. Затем он спокойно произнес:

— Я бы не поверил этой истории, если бы мне ее рассказали. А вы думаете, что в Колониальной службе поверят?

— Они не дураки,— резко ответил Рон,— и конечно, они не поверят. Но когда они прочтут в моем отчете, что в результате самых невероятных событий предоставляется реальная возможность заселения этой планеты, то они посмотрят на это дело иначе. Я им докажу, что колония роботов без людей на Лорене Втором чистейшая ерунда и что только люди с помощью медведей могут сделать планету пригодной для высадки колонистов по нескольку сот в год. И когда это станет реальным...

Тень Хайдженса как-то странно затряслась. Сидящий недалеко от костра Сурду с надеждой нюхал воздух. На яркий свет уже слетались бесшерстные порхающие существа, которых медведи легко сбивали лапами на землю и потом с аппетитом съедали.

— В моем отчете,— продолжал Рон,— будет слишком много заманчивых предложений, и он будет иметь вес. Организа-

торы колонии роботов вынуждены будут со всем согласиться, так как иначе они погорят. А ваши друзья их поддержат.

Хайдженс трясся от смеха.

— Вы низкий лжец, Рон,— наконец сказал он.— Ведь очень неразумно и непредусмотрительно с вашей стороны ставить пятна на свою безупречную репутацию только для того, чтобы выручить меня из беды. Вы ведете себя не как разумное животное, Рон. Но я знал, что из вас не выйдет разумного животного, когда наступит трудный момент.

Рон смутился:

— Но это единственный выход из создавшегося положения, и, по-моему, он вполне приемлем.

— Я принимаю его,— сказал, улыбаясь, Хайдженс,— с благодарностью, так как это даст возможность нескольким поколениям людей жить по-человечески на этой планете. Я принимаю его еще и потому, если хотите знать правду, что это спасет Сурду, Ситку, Нелл и Наджета, которых я незаконно привез сюда.

Что-то мягкое ткнулось в колени Рона. Медвежонок толкал его, чтобы поближе придвинуться к лакомому куску. Наконец ему удалось протиснуться к огню. Рон покатился по земле, но Наджет ничего не замечал. Он упоенно вдыхал запах мяса.

— Шлепните его как следует,— посоветовал Хайдженс.— Он сразу отодвинется.

— Ни за что,— возмутился Рон, не двигаясь с места,— ни за что. Он мой друг.

Когда время сошло с ума

Предисловие

Если оглядываешься назад, кажется странным, что никто, кроме профессора Минотта, не предвидел ничего заранее. Подсказок было более чем достаточно. В начале декабря 1934 года профессор Михаэльсон заявил, что, по его мнению, скорость света не является абсолютной величиной, так что ее нельзя считать неизменной. Естественно, это стало первым указанием на то, что должно было произойти.

Вторая подсказка появилась 15 февраля, когда в 12.40 по Гринвичу Солнце на некоторое время стало сине-белым, а резкое изменение уровня излучения привело к тому, что за пять минут температура на Земле повысилась на двадцать два градуса по Фаренгейту. Еще через пять минут Солнце вернулось в свое обычное состояние.

Конечно, многие попытались заработать научную славу на этом явлении, но никаких правдоподобных объяснений феномену найти не удалось. После возмущений в фотосфере с атмосферой планеты не произошло никаких необратимых изменений.

Ну а третий случай, предвещавший июньские события, случился 10 марта, когда самец жирафа в зоопарке Бронкса, в Нью-Йорке, перестал есть. За последующие девять дней он полностью преобразился: все выступающие части тела втянулись внутрь, в том числе шея и голова, и он превратился в невероятное яйцеобразное существо, которое на десятый день

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

начало спонтанно делиться, а на двенадцатый превратилось в две отдельные пульсирующие массы.

Еще сутки спустя на их поверхности появились шишки. Они стали расти, меняя форму и размеры, а через двадцать дней удалось различить ноги, шею и голову. Теперь уже два жирафа-самца разгуливали по вольеру. И каждый был чуть меньше половины исходного. Оба обладали идентичной окраской. Оба питались и двигались так, как и положено молодым жирафам.

Аналогичное событие произошло в Аргентине, где на глазах у местных специалистов то же самое произошло с волом.

Теперь нам кажется поразительным, что ученые в 1935 году не сумели разобраться в значении столь удивительных событий. В наши дни кое-что известно о виде перегрузок, которые привели к таким последствиям, хотя теперь они больше не повторяются. Но между январем и июнем 1935 года в средствах массовой информации появилось множество сенсационных сообщений.

На протяжении двух дней воды реки Огайо текли вспять. В течение шести часов деревья в парке Эвклида, в Кливленде, отчаянно хлестали ветвями воздух, хотя в то время наблюдалось полное безветрие. А в Новом Орлеане в конце мая рыбы выпрыгивали из Миссисипи и «плыли» по воздуху, который необъяснимым образом их удерживал,— переворачивались брюхом вверх и на высоте пятнадцати футов лениво парили над тротуарами.

Но нам кажется очевидным, что профессор Минотт оказался единственным человеком в мире, который сумел разгадать смысл этих ясных — для нас — предсказаний. Профессор Минотт преподавал математику в колледже Робинсона в городе Фредериксберге*. Мы знаем, что он предвидел почти все, что позднее так поразило и напугало наш мир — да и не только наш. Но он предпочитал помалкивать.

Колледж Робинсона был совсем небольшим. Он даже назывался провинциальным колледжем, что обижало лишь слишком впечатлительных выпускников и кое-кого из преподавателей. Не могло быть и речи о том, чтобы теория простого учителя математики могла вызвать интерес. Более того, ее сочли бы чистым безумием. Впрочем, тот, кто в нее поверил бы, сильно бы испугался. Поэтому Минотт никому не рассказывал о ней.

* Город на северо-востоке штата Вирджиния, на р. Раппаханнок, в 80 км к юго-западу от г. Вашингтона. *(Прим. пер.)*

Он был человеком мужественным и хладнокровным, познал горечь жизни, но не успел стать богатым или влиятельным. Он немного разбирался в математической физике, а его выкладки показывают, что он обладал блестящими знаниями по теории вероятностей, но мало интересовался проблемами этики. И еще он был безнадежно влюблен в Мэйду Хайнс, дочь преподавателя романских языков, но не имел никаких шансов привлечь ее внимание из-за отчаянной конкуренции со стороны студентов.

Все эти объяснения необходимы, поскольку никто, кроме профессора Минотта, не сумел предсказать кризис и так подготовиться к нему.

Из его записей мы знаем, что он оценивал вероятность катастрофы примерно как четыре к одному. Жаль, у нас нет его расчетов. Ученые до сих пор многого не понимают. Документы, оставленные профессором Миноттом, бесценны, но в них имеются существенные лакуны. Должно быть, он забрал большую их часть — вероятно, самую ценную! — с собой, в то таинственное место, где он теперь живет и продолжает работать.

Его наверняка позабавило бы усердие, с которым лучшие умы нашего пространства и времени изучают и исследуют сейчас его каракули. Быть может — и это весьма вероятно,— он даже изобрел слово, отображавшее размах кризиса, которого нам удалось избежать. Мы его еще не придумали.

Нет такого емкого термина для катастрофы, жертвой которой могла стать не просто Земля, а вся Солнечная система. Даже не Солнечная система, а Галактика, причем не только наша, но и все остальные галактики во Вселенной. Мало того, она грозила уничтожением всего пространства, как мы себе его представляем, и, что еще ужаснее, уничтожением времени. Это означало бы не только разрушение настоящего и бу-

дущего, но и полное упразднение прошлого, словно ничего никогда не существовало. Нет слова, описывающего *такую* катастрофу.

Конечно, было бы интересно узнать, что думал профессор Минотт, когда хладнокровно готовился использовать для спасения мира один шанс из четырех. Еще интереснее, какие чувства он испытывал вечером накануне 5 июня 1935 года. Мы не знаем. Мы не может этого знать. Мы способны говорить лишь о том, что чувствовали сами — и что произошло.

I

В семь тридцать утра 5 июня 1935 года город Джоплин, штат Миссури, просыпался после приятного сна, какой бывает только летней ночью. На траве и листьях блестела роса, прозрачная утренняя паутина мерцала в косых лучах солнца, словно алмазная пыль. На восточной окраине города сладко зевнул старшеклассник, с трудом разлепил веки и вышел на лужайку, чтобы до занятий подрезать траву. В соседнем квартале послышался шум мотора старого автомобиля. Двигатель чихнул, заглох, затем взревел и вновь уверенно загудел. Из домов доносились звонкие голоса детей. «Цветная» прачка энергично шагала в тени росших на обочине деревьев.

Из окна надрывалось радио:

— ...Раз, два, три, четыре! Выше, а теперь!.. Три, четыре! Перенесите свой вес вперед!.. Два, три, четыре!

Затем радио пронзительно завизжало, механически завыло, а потом вновь раздался визг. В следующий миг на уши всех, находившихся в округе, обрушился невероятный гром. И все стихло.

Старшеклассник с мрачным видом наклонился, чтобы включить газонокосилку. Когда наступила тишина, он неожиданно уселся на влажную траву. «Цветная» женщина покачнулась и схватилась за ствол ближайшего дерева. Корзина выпала из ее ослабевших рук, и белье рассыпалось по земле. Завопили от ужаса дети. Раздались испуганные женские крики:

— Землетрясение! Землетрясение!

Из домов начали выскакивать люди. Кто-то поскользнулся на крыльце, потерял равновесие и в пижаме упал на розовый куст. Через несколько секунд на улицу высыпало почти все население города.

И пришла странная пустая тишина. Никакого землетрясения не было. Ни один дом не упал. Ни одна труба не треснула. Никто не слышал, как бьется посуда или оконные стекла. Каждый человек что-то почувствовал — но земля даже не дрогнула. Нет, определенное движение происходило, но никогда прежде горожане не испытывали ничего подобного. Люди узнают об этом значительно позже. А сейчас они лишь недоуменно смотрели друг на друга.

И в этой неожиданной мертвой тишине, нарушаемой лишь шумом мотора и плачем испуганного ребенка, появился новый звук — грохот марширующих ног. И странное позвякивание. А потом слова приказов — всем было ясно, что это не английский язык.

На окраине Джоплина, штат Миссури, 5 июня 1935 года от рождения Господа нашего появилась колонна вооруженных копьями и щитами солдат в коротких, похожих на юбки древнеримских тогах. Их головы защищали шлемы. Они озирались по сторонам с не меньшим удивлением, чем обитатели Джоплина, не сводившие изумленных глаз с нежданных гостей. Вскоре они сумели разглядеть всю длинную колонну копейщиков. Солдаты несли оружие так, что никто не сомневался — они давно к нему привыкли.

Прозвучала новая команда, и солдаты остановились. Морщинистый маленький человек с коротким мечом что-то спросил у открывших рты американцев. Старшеклассник подскочил от удивления. Воин с суровым лицом повторил вопрос. Старшеклассник, запинаясь, стал отвечать. Воин удовлетворенно крякнул. И хотя его одолевало нетерпение, он говорил медленно, четко произнося слова. Ошеломленный старшеклассник повернулся к соседям.

— Он хочет знать, как называется наш город,— сказал он, не веря собственным ушам.— Он говорит на латыни, я изучаю ее в школе. И еще он утверждает, что нашего города нет на карте, он не знает, куда они попали. Тем не менее он занимает город именем Валерия Фабрициуса, императора Рима и самых дальних уголков земли.— Затем старшеклассник начал заикаться: — Он... он говорит, что это первые шесть ко-

горт Сорок второго легиона, несущего гарнизонную службу в Мессалии. Он говорит, Мессалия находится в двух днях пути отсюда.

И он показал в сторону Сент-Луиса. В этот момент взревел двигатель, ранее работавший на холостом ходу. Послышался скрежет сцепления, и машина выехала на улицу. Раздался повелительный вой клаксона — водитель требовал, чтобы солдаты освободили ему дорогу. Те смотрели на автомобиль, выпучив глаза. Он вновь загудел и медленно двинулся в их сторону.

Раздался короткий приказ, и солдаты бросились вперед, опустив копья и обнажив короткие мечи. До этого момента все обитатели Джоплина были уверены, что это киноактеры, участники маскарада или какого-то розыгрыша. Но автомобиль они атаковали по-настоящему, словно перед ними появился необычный, но смертельно опасный зверь. И они бросились в бой с поразительной отвагой.

Если кто-то до сих пор продолжал верить в маскарад, то, после того как мистера Горация Б. Дэвиса пронзили копьями, их сомнения рассеялись. Между тем, он всего лишь хотел проехать в свой офис, где работал старшим клерком. А римские легионеры решили, что их атакует дикий зверь, и попросту защищались. Старшеклассник смертельно побледнел. Когда солдат с мечом подошел к морщинистому командиру и продемонстрировал отсеченную голову мистера Дэвиса, с уха которого все еще свисали очки, старшеклассник упал в обморок.

II

Наступило утро 5 июня 1935 года. Сайрес Хардинг проглотил завтрак, когда за окном только начинало светать. На несколько мгновений ему вдруг стало не по себе, к горлу подступила тошнота, но вскоре все прошло. Запах жаркого наполнял кухню. Его жена готовила, а он ел, издавая множество самых разнообразных звуков. По шишковатым пальцам было видно, что ему пришлось немало поработать в жизни, но сейчас на лице Сайреса застыло удовлетворенное выражение. Он посмотрел на висящий на стене календарь, рождественский подарок от «Брайан Фид и Фертилайзер К°», Брайан, штат Огайо.

— Сегодня на принудительных торгах будут продавать угодья Амоса,— с довольным видом заявил он.— Надеюсь, я смогу их дешево купить.

— Их обещают продать тебе уже целый год,— устало ответила жена.

— Верно,— согласился Сайрес, все так же радостно ухмыляясь.— Да и цена постепенно снижается. Никто не станет соперничать со мной на торгах. Они знают, что я ужасно хочу заполучить эту землю, а всем известно, что я перестану быть добрым соседом, если кто-нибудь уведет у меня из-под носа лакомый кусочек. Люди все понимают. И я приобрету ее дешевле, чем хотелось бы Амосу. Он хотел получить доход за весь следующий год. А я дам полцены.

Он встал, вытер рот и двинулся к двери.

— Наши работнички уже должны были начать боронование,— с важным видом проговорил он.— Пойду взгляну, как у них дела, а потом отправлюсь на торги.

Он распахнул дверь кухни. И не смог сдержать возглас удивления. Кухня выходила на не слишком опрятный скотный двор, за которым начинались ровные, как доска, поля, засеянные пшеницей. Они простирались до самого горизонта.

Но этим утром все изменилось. То есть до коровника двор выглядел как обычно, но дальше начинался полный бред. Там были огромные древовидные папоротники, не меньше ста футов высотой. Густая листва образовывала настоящую крышу — ни один человек на земле никогда не видел ничего подобного. Джунгли Амазонки показались бы ухоженным английским парком по сравнению с этим невероятным лесом. Здесь шла непрекращающаяся битва за пространство, безжалостная и смертельная, в которой проигравший тут же погибал.

Никто не сумел бы пройти и десяти футов по этим зарослям. Они источали зловонные испарения — смесь разложения и буйного цветения,— запахи растений, тонкие ароматы ослепительно-ярких цветов. Именно так описывали джунгли каменноугольного периода палеоботаники; именно они стали источником каменного угля.

— Это... не так! — слабым голосом произнес Сайрес Хардинг.— Это не так!

Его жена ничего не ответила. Она стояла спиной к двери и уже начала убирать посуду после завтрака.

Ошеломленный, он медленно спустился по ступенькам крыльца, не в силах оторвать взгляд от диковинной картины. Сайрес Хардинг зашагал к фантастическому видению, за которым скрывались его поля. Однако оно не собиралось исчезать. Он остановился на расстоянии двадцати футов от чудовищного леса и нашел единственный логичный выход из ситуации: сойти с ума.

Затем в джунглях наметилось какое-то движение. Наружу высунулась длинная тонкая шея, потом толстые ноги и туловище в форме конуса. Шею венчала голова величиной с бочку. Она потянулась к Сайресу, быстро преодолевая разделявшие их двадцать футов. Холодные глаза равнодушно взирали на человека. Рот открылся. Сайрес Хардинг закричал.

Его жена подняла голову и повернулась к распахнутой двери. Она увидела джунгли, и тут страшные челюсти сомкнулись на теле ее мужа. И еще она успела разглядеть огромные полуприкрытые глаза, потом чудовище сглотнуло, его шея раздулась... Остальную часть монстра ей рассмотреть не удалось, поскольку она скрывалась в джунглях. А потом безобразная голова качнулась и исчезла из виду.

Вдова Сайреса Хардинга сильно побледнела. Потом надела шляпку и вышла из дома через парадную дверь. Она направилась к ферме ближайших соседей, негромко приговаривая:

— Да, так и есть. Я спятила. И меня посадят в сумасшедший дом. Но я больше не в силах его терпеть. Я больше не в силах его терпеть!

Наступил полдень 5 июня 1935 года. Дверь камеры распахнулась, и в нее вошел мрачный человек с бакенбардами, одетый в необычную серую форму. Он осторожно похлопал заключенного по плечу.

— Меня з-зовут доктор Холлоуэй,— ободряюще сказал он.— Почему бы вам не рас-с-сказать мне, что произошло? Я ув-верен, мы сможем во всем разобраться.

— Что?.. Почему?.. Проклятье,— выпалил заключенный.— И вообще, сегодня утром я выехал из Луисвилля*. Но вдруг у меня закружилась голова и... ну, должно быть, я свернул не туда, поскольку оказался в совершенно незнакомой местности. Потом человек в серой форме заорал на меня, а через минуту начал стрелять. Оказалось, я арестован за то, что на моей машине изображен флаг США! Но я же коммивояжер компании «Анкл Сэм Кэнди Бар»! Проклятье, почему человек не может нарисовать флаг своей страны...

— В с-своей стране, естественно,— успокаивающим тоном согласился доктор.— Но вы должны з-знать, что здесь, с-сэр, мы не разрешаем д-демонстрировать никакие флаги, кроме н-нашего. Вы нарушили з-законы, с-сэр.

— Какие законы? — недоуменно пробормотал заключенный.— Почему в Соединенных Штатах запрещен флаг Соединенных Штатов?

— Вы вовсе н-не в Соединенных Штатах, с-сэр.— Доктор улыбнулся.— Должно быть, вы, с-сами того не ведая, пересекли г-границу, сэр. Буду откровенен, мы подозреваем, что вы были не в своем уме. Теперь я в-вижу, что это недоразумение.

— Граница... Соединенных...— Заключенный открыл рот от изумления.— Значит, я не в США? В самом деле? Проклятье, тогда где я?

— На территории К-конфедерации,— со смехом ответил доктор.— *С-странная ошибка, но никто не хотел вас оскорбить.* Вас н-немедленно отпустят. Трений между Вашингтоном и Ричм-мондом и так хватает, не хотелось б-бы, чтобы этот случай п-подогрел наши и без того г-горячие головы.

— Конфедерация...— Заключенный задохнулся от удивления.— Не может... вы хотите сказать — Конфедеративные Штаты...

— К-конечно, сэр. К-конфедеративные Штаты Северной А-америки. Почему нет?

Заключенный сглотнул.

— Я сошел с ума! — пробормотал он.— Я безумен! Но был же Геттисберг... и там...

---

* Город в штате Кентукки. *(Прим. пер.)*

— Г-геттисберг? О д-да! — снисходительно кивнул доктор.— Мы ужасно г-гордимся нашей историей, с-сэр. Вы имеете в в-виду войну Отделения, когда судьба К-конфедерации решилась всего за д-десять минут. Я часто задавал с-себе вопрос, что п-произошло бы, если бы атака П-пикетта* потерпела н-неудачу. Именно она в тот день п-принесла нам п-победу, сэр. Два д-дня спустя Англия признала К-конфедерацию, через неделю ее п-примеру последовала Ф-франция, мы получили огромные к-кредиты за границей и в-выиграли. Но то были т-трудные десять минут, с-сэр!

Заключенный молча смотрел в окно. Напротив тюрьмы стояло здание суда. Над ним гордо реял звездный трехполосный флаг** Конфедерации!

Наступила ночь 5 июня. Начальник почтового отделения Северного Сентервилля, штат Массачусетс, вышел из своей каморки, чтобы послушать рассказ. Витрины соседнего магазина отбрасывали яркий свет на маленькое помещение почты. Очевидец усмехнулся.

— Да, они появились из-за мыса, в лодке их было человек тридцать—сорок, а на мачте болтался необычный прямоугольный парус. На планшире были такие круглые штуки — вроде щитов. И гребли они, как настоящие черти! Увидев город, они остановились — мне показалось, от удивления. Затем окликнули нас, но говорили на каком-то непонятном языке. Оле Петерсон едва не выронил удочку, на которую успел поймать рыбу. Потом попытался им ответить. Они с трудом

* Пикетт, Джордж Эдвард (1825–1875). Генерал Армии Конфедерации. Отличился в сражении при Фредериксберге (1862). 3 июля 1863 года в ходе Геттисбергского сражения генерал Ли приказал дивизии Пикетта атаковать наиболее укрепленные центральные позиции северян. В ходе этой атаки на Кладбищенский хребет, ставшей кульминацией сражения и окончившейся провалом, из 15 тысяч южан погибли около 6 тысяч. Несмотря на потери, эта битва считается вершиной воинской славы южан. Позднее Пикетт потерпел второе крупное поражение в битве у Файв-Форкс (1 апреля 1865). *(Прим. пер.)*

** Первый флаг Конфедерации (1861–1863): три широкие горизонтальные полосы — две красные, внизу и вверху, и белая посредине, в верхнем левом углу на синем поле семь белых звезд. *(Прим. пер.)*

его поняли или, может, только сделали вид. Потом развернулись и поплыли прочь.

Актеры или что-то в этом роде — наверное, хотели пошутить. Однако у них ничего не вышло. Быть может, резвятся богачи с побережья. Хо-хо! Оле говорит, что у них странная речь, похожая на древний диалект. Они сказали, что явились из Лейфхолма, или как-то так, и что их поселение находится где-то дальше по берегу. И еще они не понимают, как сюда попал наш город. Они раньше его никогда не видели! Ты можешь себе представить? Оле говорит, это викинги, сами они называют наши края Винландом и говорят... Что такое?

Из темноты послышался шум, вопли, крики. Глухо выстрелило ружье. На выходе из универсального магазина начали собираться люди. На побережье в нескольких местах вспыхнуло пламя. В его свете стала видна дюжина стремительно приближающихся весельных кораблей. Четыре из них ткнулись носом в берег, и из них начали поспешно выскакивать на берег темные фигуры. Пламя отражалась на клинках их мечей.

Пронзительно закричала женщина — ее схватил огромный викинг со светлой гривой волос. Его бронзовый шлем ослепительно сверкал. Воин запрокинул голову и расхохотался. Затем к светловолосому гиганту метнулась фигура в комбинезоне с угрожающе поднятым топором. Великан занес меч и, взревев, ударил. Вместе с остальными он побежал в город, чтобы грабить, жечь и убивать. Между тем на берег выпрыгивали все новые и новые викинги. Ярко запылал еще один дом.

III

В десять тридцать утра 5 июня 1935 года профессор Минотт повернулся к группе студентов, сжимая в каждой руке по револьверу. И тут же исчез человек, самым страшным деянием которого могла быть неудовлетворительная оценка по математике. Он держал оружие, а не мел или карандаш, его глаза сияли, на губах появилась тонкая улыбка. Девушки ахнули. Молодые люди, привыкшие видеть его у доски, моментально поняли, что он не шутит и действительно готов воспользоваться револьверами. И тут же прониклись к нему уважением, как к грабителю, известному похитителю или главарю

мафии. Он в один миг поднялся над уровнем обычного профессора. И благодаря оружию стал неоспоримым лидером.

— Итак,— спокойно проговорил профессор Минотт,— я предвидел ситуацию, в которой мы окажемся. И до определенной степени подготовился к ней. В любой момент не только мы, вся наша цивилизация может быть полностью уничтожена. Но шанс на спасение остается. И я намерен максимально им воспользоваться, если уж нам суждено выжить.

Он переводил взгляд с одного студента на другого — все они отправились вместе с профессором, чтобы изучить неожиданное появление к северу от Фредериксберга целого леса секвой.

— Я знаю, что произошло,— продолжал профессор Минотт.— Мне также известно, что будет дальше. И я уже решил, что следует делать. Те из вас, кто готов последовать за мной, должны об этом сказать. Ну а всякого, кто начнет возражать, я пристрелю — не могу позволить себе такую роскошь, как мятеж!

— Но... профессор,— нервно проговорил Блейк,— мы должны вернуть девушек домой...

— Они никогда не вернутся домой,— спокойно прервал его профессор Минотт.— Как и вы, как и все, собравшиеся здесь. Как только вы поверите в мою готовность стрелять, я расскажу, что случилось и что это значит. Я уже несколько недель готовлюсь к нынешним событиям.

Деревья, окружавшие небольшой отряд, тянулись к самому небу. Гигантские деревья. Великолепные деревья. Их высота составляла двести пятьдесят футов, и от них веяло таким поразительным спокойствием, что поверить в их реальность было уже не так сложно. Восемь всадников направились в глубь леса. Минотт оценивающе посмотрел на молодых людей — трое юношей и четыре девушки, все студенты колледжа Робинсона. Профессор Минотт перестал быть преподавателем математики, руководившим группой студентов на прогулке, и превратился в безжалостного вождя.

В 8.30 утра 5 июня 1935 года обитатели Фредериксберга ощутили необычное головокружение. Потом оно прошло. Ярко сияло солнце. Казалось, ничего не изменилось. Но уже через час сонный маленький город гудел от возбуждения. Дорога на Вашингтон — шоссе номер один на всех картах — прекратила существование в трех милях к северу от города. Ее поглотил колоссальный лес.

Телеграфная связь с Вашингтоном была потеряна. Даже радио больше не принимало столичные радиостанции. Поразительный лес был таким высоким, что жители города не верили своим глазам. Деревья походили на секвойи, которые росли на побережье Тихого океана, но этого... попросту не могло быть.

За полтора часа профессор организовал группу студентов, пожелавших взглянуть на удивительные деревья. Однако он отбирал членов группы с неожиданной внутренней уверенностью. Трое юношей и четыре девушки. Они собрались сесть в старенький автомобиль одного из студентов, но профессор Минотт сразу же отверг эту идею.

— Дорога быстро закончится,— с улыбкой сказал он.— А я бы хотел исследовать волшебный лес. Почему бы не поехать верхом? Я договорюсь насчет лошадей.

Через десять минут появились лошади. Девушки удалились, чтобы переодеться в подходящие к случаю бриджи или брючки. Когда все собрались вновь, студенты с удовлетворением отметили, что у седла каждой лошади висит сумка. И вновь профессор Минотт улыбнулся.

— Мы отправляемся в экспедицию,— весело заявил он.— Нужно соответствующим образом все обставить. К тому же нам захочется перекусить. Было бы неплохо привезти образцы для ботанической лаборатории, а?

И они выехали навстречу приключениям — девушки с трепетом, юноши в предчувствии новых впечатлений, но все несколько разочаровались, когда их начали обгонять автомобили с горожанами, устремившимися из Фредериксберга взглянуть на удивительный лес.

Там, где заканчивалась дорога, скопились сотни машин. Огромная толпа потрясенно рассматривала громадные деревья, корни которых уходили глубоко в землю. Кое-где виднелся подлесок. И все вместе производило впечатление удивительного покоя и умиротворения. И еще — неизменности. Люди в толпе возбужденно переговаривались. Нет, существо-

вание этого леса абсурдно! Ну как такое могло произойти? Лес ненастоящий, это точно. Наверняка перед ними нечто вроде миража.

Но когда к толпе подъехала группа всадников, из леса вышло несколько человек. Они осмелились зайти внутрь, и теперь возвращались с листьями, ветками и неизвестными на атлантическом побережье ягодами.

Офицер полиции поднял руку, когда группа профессора Минотта подъехала к опушке леса.

— Послушайте! — сказал офицер.— Из леса доносятся странные звуки. Я останавливаю всех, кто направляется туда. Прежде мы должны выяснить, что это такое.

В ответ он удостоился кивка.

— Мы будем осторожны. Я профессор Минотт из колледжа Робинсона. Мы отправляемся за образцами для ботанической лаборатории. У меня есть револьвер. С нами все будет в порядке.

И он двинулся вперед. Полицейский, который еще не получал никаких приказов, пожал плечами и переключился на других желающих войти в лес. Через несколько минут восемь всадников скрылись из виду.

С тех пор прошло три часа. Все это время профессор Минотт вел отряд на северо-восток. Им ни разу не встретились опасные животные. Довольно часто попадались знакомые растения. Пару раз они замечали кроликов, а однажды Том Хантер, занимавшийся зоологией, указал на серую тень, тут же скрывшуюся за деревьями, и заявил, что это волк. Все знали, что в окрестностях Фредериксберга нет волков,— впрочем, и секвойи здесь никогда не росли. Они не видели следов человеческого жилья, хотя в окрестностях Фредериксберга было немало ферм.

За три часа они успели преодолеть около пятнадцати миль, хоть и ехали по лесу. Вскоре после того, как они едва не столкнулись с мохнатым зверем — несомненно, это был бизон, вымерший в Скалистых горах уже в двадцатые годы прошлого века,— юный Блейк заявил, что хочет вернуться.

— Все это ужасно странно, сэр,— смущенно заявил он.— Я не против исследований, сэр, но с нами девушки. Если мы не отправимся обратно, у нас будут неприятности с деканом.

Профессор Минотт предъявил два револьвера и холодно объявил, что никто из них никогда не вернется назад. Он знает, что произошло и чего следует ожидать. Затем он пообещал все объяснить, как только поймет, что студенты не сомневаются в серьезности его намерений пустить в ход оружие.

— Считайте, что вы нас убедили, сэр,— произнес Блейк.

Он смертельно побледнел, но не дрогнул. Более того, он переместился так, чтобы оказаться между дулом пистолета и Мэйдой Хайнс.

— Мы бы очень хотели узнать, как деревья и растения, которые встречаются в трех тысячах миль отсюда, появились в Вирджинии. В особенности, сэр, нас интересует, как получилось, что топография этих мест осталась прежней. Холмы совершенно не изменились, но все, что на них находилось, бесследно исчезло.

Минотт одобрительно кивнул.

— Превосходно, Блейк! — тепло сказал он.— Разумное наблюдение! Я выбрал тебя, поскольку ты неплохо разбираешься в геологии, хотя у меня были... некоторые причины обойтись без твоего участия. Давайте заберемся на следующий холм. Если я не ошибаюсь, оттуда мы увидим реку Потомак. И тогда я отвечу на все ваши вопросы. Боюсь, что сегодня нам придется проехать значительное расстояние.

Восьмерка лошадей начала неохотно двигаться в гору. Подлесок здесь стал гуще. Как ни странно, за три часа им ни разу не попалось ни одной дороги или тропинки. Но стоило подняться на холм, как они увидели узкую проселочную дорогу. Всадники молча свернули на нее. По этому извилистому пути они преодолели около четверти мили. Затем дорога резко пошла вниз. И они увидели Потомак.

Семеро из восьми всадников не удержались от восклицаний. На берегу реки лежало поселение. У причала покачивались на воде лодки. Еще две плыли вниз по течению, а три других медленно двигались против него со стороны Чесапикского залива. Однако все твердо знали, что на реке Потомак не должно быть ни лодок, ни тем более домов.

Небольшая деревушка состояла сплошь из глинобитных хижин. Крошечные фигурки в синих одеждах копошились в

поле. Сама конструкция домиков, изгибы крыш и необычность стоящего в центре селения храма, указывала на то, что здесь живут китайцы. При ближайшем рассмотрении лодки оказались джонками, если не считать того, что в качестве парусов использовалась не ткань, а плетеный бамбук. Да и земля вокруг деревни возделывалась необычным образом. Рядом с рекой, на заболоченных участках, раскинулись рисовые поля.

К ним из леса вышел человек. Широкополая шляпа, стеганая хлопчатобумажная куртка и штаны, башмаки на деревянной подошве — настоящий китайский крестьянин. Сомнений быть не могло, особенно после того, как он поднял охваченное ужасом лицо с раскосыми глазами и с криком обратился в бегство. Он бросил на дороге тяжелое деревянное коромысло с двумя полными ягод ведрами.

Всадники молча смотрели на удивительную картину, представшую их глазам. Перед ними была река Потомак. Но ее берегу расположилась китайская деревня, а по воде скользили джонки.

— Мне... кажется,— неуверенно заговорила Мэйда Хайнс,— что я схожу с ума. Правда?

Профессор Минотт пожал плечами. Он выглядел разочарованным, но полным решимости.

— Нет,— возразил он после короткой паузы.— Ты в полном порядке. Просто так уж случилось, что китайцы первыми колонизировали Америку. Известно, что китайские джонки доплывали до берегов Америки — до побережья Тихого океана, естественно,— задолго до Колумба. Очевидно, они сумели и закрепиться здесь первыми. Быть может, каким-то образом преодолели Атлантику. Так или иначе, теперь континент принадлежит китайцам. Это совсем не то, что мы ищем. Поедем дальше.

Бегущего с громкими воплями крестьянина увидели другие обитатели деревни. Раздались тяжелые удары колокола. Маленькие фигурки бросились к стенам, окружавшим деревушку. Послышались угрожающие крики.

— Поехали! — резко приказал Минотт.— Нам лучше здесь не задерживаться!

Он резко развернул лошадь и пустил ее в галоп. Поскольку остальные не имели ни малейшего понятия о том, что происходит, то поскакали вслед за профессором.

Неожиданно лошади стали спотыкаться. Всадники ощутили головокружение и легкую тошноту. Это продолжалось всего минуту, но Минотт немного побледнел.

— Ну, посмотрим, что на этот раз,— сдержанно проговорил он.— У нас еще остаются неплохие шансы. Хотя я бы предпочел, чтобы ничего не менялось до тех пор, пока мы не обследуем все как полагается.

IV

Похожие ощущения испытала и толпа, собравшаяся на опушке леса к северу от Фредериксберга. На секунду все почувствовали непривычную слабость, в глазах потемнело. Но вскоре это прошло. И в тот же миг людей охватила паника, многие стали заводить машины, другие просто бросились бежать.

Лес огромных секвой исчез. На его месте появилась безотрадная белая пустошь; приземистые деревья сгибались под снегом; холмистая местность была укутана блестящим белым покрывалом.

Через несколько минут все заволок густой туман — теплый июньский воздух смешался с холодным. Вскоре снег начал таять. Машины мчались обратно по шоссе, а вслед за ними распространялся туман — избыток воды привел к появлению многочисленных ручейков, что, в свою очередь, усиливало густую пелену.

Все восемь всадников страшно побледнели. Даже Минотт казался потрясенным, но, когда он натянул поводья, на его лице появилась решимость.

— Полагаю, теперь вы будете удовлетворены,— спокойно сказал он.— Блейк, ты наш геолог. Ты не находишь, что береговая линия выглядит знакомой?

Блейк кивнул. С трудом сдерживая волнение, он показал в сторону реки.

— Да. И водопады тоже. Здесь должен находиться Фредериксберг, сэр. Вон там был главный мост. А тут проходи-

ло шоссе на Ричмонд.— Он облизнул губы.— Как раз в том месте, где сейчас растет огромный дуб. На склоне холма должен располагаться отель «Принцесса Анна». Я бы предположил, сэр, что мы каким-то образом вернулись в прошлое или оказались в далеком будущем. Это звучит безумно, но я пытался понять...

Здесь Минотт прервал Блейка.

— Очень хорошо! Это действительно то место, где стоял Фредериксберг. Но мы не путешествовали вперед или назад по времени. Надеюсь, вы заметили, в каком именно месте мы вышли из леса секвой. Складывается впечатление, что вдоль его кромки проходит некая граница — нам будет полезно об этом помнить.— Он немного помолчал.— Нет, мы не в прошлом и не в будущем, Блейк. Мы оказались в боковом ответвлении, перешли с одной тропы времени на другую. Мы попали, ну, скажем так: в то русло времени, где Фредериксберг так и не был построен. А на берегу Потомака мы оказались на временно́й линии, где американский континент заняли китайцы. Пожалуй, пора перекусить.

Он спешился. Девушки старались держаться вместе. Зубы Люси Блейр стучали.

Блейк подошел к ним.

— Не волнуйтесь! — решительно произнес он.— Ничего уже не поделаешь — мы здесь. Профессор Минотт в самое ближайшее время нам все объяснит. Поскольку он знает, что происходит, опасность нам не грозит. Слезайте с лошадей и давайте поедим. Я голоден как волк. Ну, Мэйда!

Мэйда Хайнс соскочила вниз и неуверенно улыбнулась Блейку.

— Я... его боюсь,— шепотом призналась она.— Больше всего остального. Останься рядом со мной, пожалуйста!

Блейк нахмурился.

Минотт сухо попросил:

— Взгляните на содержимое седельных сумок — там вы найдете сэндвичи. А также оружие. Молодым людям следует взять револьверы. Поскольку у нас практически не осталось надежды вернуться в прежний мир, я полагаю, что могу вам их доверить.

Блейк задумчиво посмотрел на профессора, а потом полез в сумку. Он обнаружил два револьвера с огромным запасом патронов и массу бумаги — оказалось, что это книги с оторванными переплетами. Окинув револьверы профессиональным взглядом, он засунул их в карманы, а книги вернул на прежнее место.

— Я назначаю тебя своим заместителем, Блейк,— без особого энтузиазма сказал Минотт.— Пока ты ничего не понимаешь, но тебе придется еще немного подождать. Я сделал правильный выбор, несмотря на то что у меня были причины не брать тебя с собой. А теперь присаживайтесь, и я расскажу, что случилось.

В этот момент из леса выскочил маленький черный медведь и, шумно дыша, побежал как раз по тому месту, где еще утром находилась недавно построенная бензоколонка. Девушки вздрогнули, но, когда медведь скрылся из виду, принялись глупо хихикать. Их смех был почти истерическим. Между тем Минотт впился зубами в сэндвич и весело заговорил:

— Мне бы следовало рассуждать с вами о математике, но я постараюсь сделать повествование более приятным, чем лекции в колледже. Все, что с нами происходит, можно объяснить при помощи математики, точнее, математической физики. И хотя вы, леди и джентльмены, являетесь студентами, я постараюсь изложить все максимально доступно, как для десятилетних детей. Хантер, кажется, ты что-то увидел. Если ты, к примеру, заметил индейца, просто выстрели в него, и он убежит. Весьма высока вероятность, что он понятия не имеет об огнестрельном оружии. Сейчас мы уже не на китайском континенте.

Хантер ахнул и принялся шарить в седельных сумках. Пока он доставал револьверы, Минотт хладнокровно продолжил:

— В природе происходит сдвиг — и он еще не закончился. Но это не землетрясение, а смещение пространства и времени. Вернемся к основополагающим принципам. Время — это измерение. Прошлое лежит в одном направлении, будущее — в другом. Как восток и запад, говоря более привычными для нас терминами.

Однако обычно мы представляем себе время, как линию или туннель. Мы не делаем ошибок, когда речь идет о вещах,

с которыми сталкиваемся ежедневно. Например, мы знаем, что Аннаполис*, здание суда и... Норфолк** находятся к востоку от нас. Однако мы хорошо понимаем: чтобы добраться до них, нам придется двигаться не только на восток, но и на север, и на юг.

Однако во время воображаемых путешествий в будущее, мы почему-то отказываемся от этого здравого подхода. Мы предполагаем, что будущее есть линия, а не координатная плоскость, конкретная тропа, а не направление. Мы думаем, что, перемещаясь в будущее, можем попасть только в одно место. Но это столь же абсурдно, как считать, что на востоке мы можем оказаться, лишь двигаясь строго в ту сторону и не отклоняясь от выбранного курса. Мы забываем, что существуют северо-восток и юго-восток, а также множество промежуточных точек.

— Я слежу за вашей мыслью, сэр, но пока...— заговорил юный Блейк.

— Но пока не видишь прямой связи с тем, что случилось? Ты ошибаешься! — Минотт широко улыбнулся, показав зубы, и вновь вгрызся в сэндвич.— Представьте, что я подошел к развилке двух дорог — далее я бросаю монету, чтобы определить, какую из них выбрать. В любом случае я попаду туда, где меня ждут приключения. Но они будут разными — и места, и приключения.

Выбирая из двух дорог, я делаю выбор не только между местностью, по которой мне предстоит идти, но и между двумя сериями событий. Иными словами, я определяю путь не только по поверхности земли, но и во времени. А поскольку два пути вполне способны привести меня в два разных города, эти дороги в будущем могут означать для меня совершенно непохожие судьбы. На одной из них меня может ждать богатство. А на другой — банальный несчастный случай, и от меня останется лишь изуродованный труп, причем не только на шоссе штата Вирджиния, но и на соответствующей дороге времени.

Короче говоря, у каждого из нас есть несколько вариантов будущего, и очень часто, без особых размышлений, мы делаем выбор. Но те пути, по которым мы решили не ходить, столь же реальны, как ориентиры на местности. Возможно, мы никогда их не увидим, но должны признавать их существование.

* Город в центральной части штата Мэриленд. *(Прим. пер.)*

** Город на юго-востоке штата Вирджиния. *(Прим. пер.)*

И вновь Блейк запротестовал:

— Ваши рассуждения весьма любопытны, сэр, но я пока не вижу, какое отношение они имеют к нашей нынешней ситуации.

— Разве ты не понимаешь: если такое положение дел мы наблюдаем в будущем, то аналогичные законы должны действовать и в прошлом? — нетерпеливо спросил Минотт.— Мы говорим о трех измерениях, где есть одно настоящее и одно будущее. Существует теоретическая необходимость — математическая, если хотите,— допускать разные варианты будущего. Более того, их бесконечно много, в каждое из них мы можем попасть, если выберем соответствующую «развилку» во времени.

Отправившись на восток, мы можем попасть в самые разные места. Если сначала мы продвинемся на сто миль к западу, а потом пойдем на восток, произвольно выбирая дороги, то окажемся, возможно, ближе к северу или югу, но однозначно восточнее исходной точки. Именно так происходит и с потоками времени. А теперь представьте, что вы переместились не на сто миль к западу, а на сто лет назад.

— Мне кажется, сэр,— неуверенно заговорил Блейк,— вы хотите сказать, что существует множество различных вариантов не только будущего, но и прошлого — кроме того, о котором написано в учебниках. Из этого следует, что и «настоящих» может быть сколько угодно.

Минотт прикончил сэндвич и кивнул.

— Совершенно верно. Сегодняшние судороги природы смешали разные настоящие — и процесс этот еще не закончился. Однажды скандинавы колонизировали Америку. В той последовательности событий, которая соответствует временно́му пути наших предков, их поселения вымерли. Но на другой дороге времени им было уготовано процветание. Китайцы добрались до берегов Калифорнии. На той тропе, по которой следовали наши предки, это не имело никакого продолжения. Но сегодня утром мы оказались там, где китайцам уда-

лось покорить весь континент, но, если судить по страху встреченного нами крестьянина, они не сумели уничтожить индейцев.

Где-то все еще существует Римская империя, которая — кто знает — правит Америкой, как когда-то Британия. Весьма возможно, на некоторых дорогах еще не закончился ледниковый период и Вирджиния похоронена под толстым слоем льда и снега. А где-то процветает каменноугольный период. Или ближе к знакомой нам реальности существует тропа, на которой атака Пикетта у Геттисберга закончилась победой, и появилось независимое государство Конфедеративные Штаты Америки, отделенное границей от Соединенных Штатов.

Вопросы задавал лишь Блейк, все остальные слушали профессора, открыв рты от изумления.

Наконец Мэйда Хайнс спросила:

— Но, профессор Минотт, где мы находимся сейчас?

— Весьма вероятно, на той дороге, где белые люди так и не открыли Америку,— с улыбкой ответил Минотт.— Не слишком подходящий вариант. Мы должны найти что-нибудь получше. Едва ли нам понравится жить в вигвамах и носить шкуры. Поэтому отправимся на поиски более подходящего варианта. Полагаю, в нашем распоряжении есть еще несколько недель. Если только само пространство и время не будут уничтожены причиной всех наших несчастий.

Том Хантер опасливо передернул плечами.

— Значит, мы не оказались ни в прошлом, ни в будущем?

— Нет,— повторил Минотт и поднялся на ноги.— Эта странная тошнота и головокружение, что мы испытываем, вызваны перемещениями в боковых ответвлениях времени. Симптом временно́го сдвига. Мы поедем дальше, чтобы посмотреть на миры, которые нас ждут. Отряд неплохо подготовлен для подобного путешествия. Я выбрал вас в соответствии с вашим образованием. Хантер — зоолог. Блейк — специалист в геологии и инженерном деле. Харрис,— он кивнул в сторону невысокого юноши, который покраснел, когда взоры всех присутствующих обратились к нему,— насколько мне известно, хороший химик. Мисс Кеттерлинг толковый ботаник. Мисс Блейр...

Мэйда Хайнс встала.

— Вы все это предвидели, профессор Минотт, поэтому привели нас сюда. Вы... вы сказали, что мы никогда не вернемся домой. Однако вы подготовились заранее. Зачем все это? Что вами движет?

Минотт вскочил в седло и с горечью улыбнулся.

— В мире, который мы знали, я был профессором математики в маленьком провинциальном колледже. И у меня не было ни малейшего шанса хоть как-то изменить жизнь. А здесь я руковожу группой способных молодых людей. В наших седельных сумках есть оружие, патроны и — что гораздо важнее — книги, которые нам понадобятся в будущем. Мы постараемся найти мир, где наши знания будут уникальны. И там мы ими воспользуемся, если пространство и время не будут уничтожены.

— Но я снова спрашиваю: ради чего?

— Чтобы покорить новый мир! — воскликнул Минотт с неожиданной силой в голосе.— Покорить! Мы будем править, как никто не правил с начала времен! Я обещаю, после того, как мы найдем подходящее место, вы станете мультимиллионерами, у вас будут тысячи рабов, вы сможете купаться в роскоши и безграничной власти!

— А вы, сэр? — спокойно спросил Блейк.— Что получите вы?

— Всю полноту власти,— спокойно ответил Минотт.— Я стану императором мира! А кроме того,— тут его голос резко изменился, поскольку он посмотрел на Мэйду Хайнс,— я буду обладать кое-чем еще.

Он развернул лошадь и поехал вперед. Смертельно побледневшая Мэйда подъехала к Блейку, протянула руку и сжала его пальцы.

— Джерри! — прошептала она.— Мне страшно!

Блейк спокойно ответил:

— Не бойся! Сначала я его прикончу!

V

Паром из Беркли отважно рассекал волны, хотя все вокруг было окутано туманом. Через короткие промежутки времени раздавался протяжный, печальный вой сирены.

В рубке шкипер уверенно заметил:

— Я же говорю тебе, у меня возникло очень странное ощущение. Закружилась голова и затошнило, словно я крепко выпил и одновременно у меня началась морская болезнь.

Старший помощник рассеянно ответил:

— Со мной творилось нечто похожее. Наверное, съели какую-то дрянь. Смотрите, как забавно!

— Что?

— В гавани должно быть полно судов, но уже несколько минут стоит тишина. Послушайте!

Оба напрягли слух. Судно ритмично покачивалось, двигатели работали без сбоев. С пассажирской палубы доносились обрывки разговоров. Нос парома с шумом рассекал воду. И больше никаких звуков. Совсем никаких.

— Странно! — пробормотал шкипер.

— Чертовски странно! — согласился помощник.

Паром продолжал плыть дальше. Туман снизил видимость до двухсот футов.

— Никогда не встречал подобного! — с тревогой проговорил шкипер, дернул за веревку, и вновь раздался скорбный рев гудка.— Мы уже рядом с причалом. Я бы хотел...

Из тумана появился катер и резко свернул в сторону, люди на нем с недоумением смотрели на огромное судно. Кораблик обогнул паром по широкой дуге, один из моряков на его палубе что-то закричал. Потом громко повторил приказ, показывая на флаг, который развевался на корме катера. Шкипер его не узнал.

— Проклятье, что это такое? — удивился помощник.

Налетел порыв ветра, и туман начал рассеиваться. Тусклое пятно солнца у них над головами стало заметно ярче. Раньше даже лучи света с трудом пробивались сквозь плотную пелену. Между тем моряк на катере побагровел от ярости, видя, что на его приказы не обращают внимания.

Вскоре туман полностью разогнало, и они увидели Сан-Франциско. Сан-Франциско? Нет! Перед ними возник маленький грязный городок с узкими улочками, застроенными деревянными домами. На столбах покачивались газовые рожки, на месте порта стояло четыре огромных барака совершенно чудовищного вида. По улицам ходили обычные люди, но зато машины в городе казались огромными и неуклюжими.

Взгляд помощника остановился на карете, которую тащили лошади. Они были запряжены по три в ряд — настоящая тройка, как в царской России.

Впрочем, это было вполне естественным. Когда удалось найти переводчика, выяснилось, что шкипер и помощник подверглись жестоким издевательствам за то, что вошли в гавань Новоскевска, не принимая во внимание указ царя всея Руси Алексея. Как они очень скоро узнали, действие указа распространялось на всю российскую территорию Америки, которая простиралась от Аляски дальше на юг.

Мальчишка с криком вбежал в деревню.

— Эй, дедушка! Дедушка! Посмотри на птиц!

Мужчина поднял взгляд и застыл как вкопанный. Рядом остановилась женщина. На западе голубела поверхность озера Верхнего, и взоры жителей деревушки чаще всего обращались именно в том направлении. Но сейчас их привлек маленький мальчик. Люди были совершенно потрясены увиденным — взрослых часто поражает то, что у детей вызывает лишь восторг.

Над кронами сосен летели птицы. Они образовали огромное темное облако. Нет, тут были не дюжины, сотни или даже тысячи. Наверное, счет шел на миллионы, небо заслоняла огромная черная туча. Когда мальчик закричал в первый раз, в небе можно было разглядеть две стаи. Когда он добежал до дома и, задыхаясь, потребовал, чтобы взрослые вышли посмотреть, стай стало шесть. И прямо у них на глазах появлялись все новые и новые птицы.

Когда первая стая, с шумом разрезая крыльями воздух, пролетала у них над головами, на землю спустились сумерки. Людям приходилось надрываться, чтобы услышать друг друга. Вновь стало светло, а потом опять стемнело. Размеры каждой стаи измерялись не футами или ярдами, а милями. Две, три мили птиц, летящих плотной массой. Затем появилась еще одна стая, и еще.

— Что это, дедушка? Их же миллионы!

Откуда-то послышался выстрел. С неба упало маленькое тельце. Снова выстрел, и еще один. На деревушку начали сыпаться убитые птицы.

Дедушка поднял одну из них и разгладил смятые перья.

— Это же дикий голубь! — воскликнул он.— В семьдесят восьмом году их было несметное количество. Я слышал, как люди рассказывали, что за один год в Мичигане убили целый миллиард! Но сейчас их нет. Они вымерли, как бизоны.

Небо потемнело от птиц. Стая шириной в три мили и длиной в четыре вынудила жителей деревни зажечь свет. Воздух наполнился шумом крыльев. Странствующие голуби возвращались на континент, который покинули пятнадцать лет назад.

Подобные массы диких голубей наблюдал в 1813 году Одюбон*. Тогда ему удалось сосчитать птиц в небе над Кентукки — их были сотни миллиардов. Сейчас огромные стаи направлялись на запад. Солнце уже село, но воздух по-прежнему гудел от шороха крыльев. Прошло несколько часов после наступления темноты, а голуби все еще продолжали лететь над деревней.

VI

Пламя огромного костра лизало скалу, возле которой его развели. Рядом беспокойно паслись лошади. Запах жареного мяса вызывал аппетит, но одна из девушек бурно рыдала, лежа на засыпанной листвой земле. Харрис следил за приготовлением ужина. Том Хантер носил хворост. Блейк стоял на страже, держа наготове револьверы. Профессор Минотт изучал топографическую карту Вирджинии. Мэйда Хайнс пыталась успокоить плачущую.

— Ужин готов,— сказал Харрис.

Он говорил смущенно, словно извинялся за что-то.

Минотт отложил карту в сторону. Том Хантер принялся отрезать крупные куски от задней ноги оленя, затем разложил мясо на аккуратные куски коры и раздал участникам экспедиции. Минотт протянул руку и взял свою порцию. Он ел с очевидным аппетитом. Как только он отложил в сторону карту, то, демонстрируя качества настоящего лидера, сделал вид, будто забыл обо всех тревогах.

— Хантер,— позвал он.— После еды ты сменишь Блейка. Потом организуем смену часовых на всю ночь. Кстати, не забудьте завести часы. Нам нужно обязательно их сверить.

Хантер быстро закончил ужинать и направился туда, где стоял на часах Блейк. Они обменялись несколькими словами. Блейк вернулся к костру, взял мясо, которое протянул ему Харрис, и принялся за еду. Его взгляд остановился на рыдающей девушке.

— Она просто напугана,— пояснил Минотт.— Чуть-чуть поранила руку. Однако для студентки колледжа Робинсона это слишком необычный опыт, когда в тебя попадает стрела с кремневым наконечником.

Блейк кивнул.

— Я слышал какой-то шум в темноте,— коротко сказал он.— Не уверен, но кажется, кто-то следил за мной. Я вроде бы слышал человеческий голос.

— Возможно, нас и впрямь выслеживают,— не стал возражать Минотт.— Но мы уже ушли с той дороги времени, где индейцы пытались на нас напасть. Даже если они последовали за нами, то сейчас настолько поражены, что едва ли будут представлять опасность.

— Надеюсь,— ответил Блейк.

Он говорил холодно, но у него имелись на то причины. Профессор Минотт сознательно поставил отряд в положение, из которого нет выхода. А теперь они вообще попали в ловушку. Однако Минотт оставался бесспорным командиром группы, несмотря на все ошибки. Блейк даже не пытался оспорить его лидерство.

Впрочем, несмотря на свою молодость, Блейк обладал рядом необходимых предводителю качеств. Одним из самых ценных было умение не вступать в спор, пока он не овладеет ситуацией и не поймет, чего следует ожидать.

— Кажется, мы хорошо усвоили сегодняшний урок, сэр,— наконец сказал Блейк.— Но как долго будут продолжаться

* Одюбон, Джон Джеймс. Известный американский натуралист и художник-анималист. В 1905 году было основано Национальное общество Одюбона. *(Прим. пер.)*

сдвиги во времени и пространстве? Мы выехали из Фредериксберга и направились к Потомаку. Выяснилось, что этой территорией владеют китайцы. Тогда мы вернулись к городу — оказалось, что он исчез. Мы столкнулись с индейцами, которые засыпали нас стрелами, и один из них ранил в руку Берту Кеттерлинг. Впрочем, к тому моменту мы практически вышли из зоны обстрела.

— Им стало страшно,— заметил Минотт.— Никогда прежде они не видели лошадей. Кроме того, их явно напугали наши револьверы и тот факт, что я убил одного из них.

— Но... что случилось с Фредериксбергом? Мы уехали оттуда. Почему мы не можем вернуться?

— Сдвиг продолжается,— сухо ответил Минотт.— Ты помнишь странное головокружение? Сегодня мы все испытали его по нескольку раз. Насколько я понимаю, каждое такое головокружение соответствует очередному смещению времени и пространства. Вот! Взгляни!

Он встал и разложил карту, которую изучал перед ужином. Затем показал на жирную карандашную линию.

— Это Вирджиния нашего времени. Континент, занятый китайцами, появился примерно в трех милях к северу от Фредериксберга. Линия границы, как мне кажется, проходит по кромке леса гигантских секвой. Когда мы находились на территории китайцев, у нас началось головокружение, и мы поскакали обратно к Фредериксбергу. Мы выбрались из леса в том же самом месте, в котором туда вошли. Я об этом позаботился. Но Америка нашего времени прекратила свое существование.

Тогда мы отправились на восток. Уж не знаю, заметил ты или нет, но, прежде чем мы пересекли границу округа короля Георга, растительность резко изменилась. Вместо соснового леса мы оказались среди дубов и елей — раньше их не было. Там мы не нашли никаких следов цивилизации. Тогда пришлось свернуть на юг, где мы попали в густой туман, за которым оказалась заснеженная равнина. Очевидно, на этой дороге времени Вирджиния все еще остается во власти ледников.

Блейк кивнул, немного подумал и сказал:

— На карте отмечены три острова... разного времени.

— Именно так,— согласился Минотт.— Ты прав! В процессе сдвига времени и пространства возникают естественные «разломы» на поверхности земли. Сравнительно большие площади переходят с одной временно́й дороги на другую. Я бы сравнил их с лифтами, соединяющими разные этажи.

Когда произошел сдвиг, мы находились на своем участке дороги времени, или, говоря другими словами, в «лифте» Фредериксберга. Выйдя из города, мы оказались на континенте, занятом китайцами. Пока мы находились там, произошел новый сдвиг — и мы вновь переместились в другое ответвление времени. А когда вернулись обратно, Фредериксберг уже перешел на иную дорогу.

— Послушайте! — неожиданно прервал его Блейк.

Откуда-то с севера донесся грохот. Через мгновение все стихло. А потом где-то поблизости раздался треск кустов, и в круг света вышло огромное животное. Лось, но какой! Настоящий великан, великолепное могучее создание. Одна из девушек испуганно вскрикнула, и лось умчался прочь.

— В Вирджинии не водятся лоси,— сухо заметил Минотт.

И вновь Блейк воскликнул:

— Послушайте же!

До них долетел глухой рокот — и снова с севера. Постепенно он становился все громче. Они узнали шум двигателей. В следующую секунду над ними промчался самолет, ярко вспыхнули навигационные огни на крыльях. Самолет развернулся и полетел обратно. Теперь он беспомощно кружил над ними. А потом резко пошел на снижение.

— Пилот из нашего времени,— сказал Блейк, глядя ему вслед.— Он заметил костер. Видимо, пытается в темноте найти место для посадки.

Шум двигателей смолк. На несколько мгновений воцарилась такая тишина, что было слышно, как потрескивает хворост в костре и шумит ветер в кронах деревьев. Затем раздался хруст ломающихся веток. Удар...

Вспышка, рев, и желтое пламя горящего бензина взметнулось к небесам.

— Сидите здесь! — воскликнул Блейк, вскочив на ноги.— Харрис, профессор Минотт! Кто-то должен остаться с девушками! А мы с Хантером попытаемся помочь!

Он позвал на помощь Хантера, и они быстро скрылись в темноте. Минотт помрачнел и вытащил оба револьвера. Продолжая хмуриться, он занял место часового, брошенное Томом Хантером.

В темноте взорвался бензобак. Пламя полыхнуло с новой силой. Шум бегущих ног стал быстро удаляться.

Прошло много времени — слишком много. Наконец издалека послышался шорох кустарника. Зарево пожара успело потускнеть. К костру приближались две фигуры, они несли что-то очень тяжелое. Однако они не стали входить в освещенный круг и положили свою ношу на землю. Затем из темноты появились Блейк и Хантер.

— Он мертв,— коротко бросил Блейк.— К счастью, его отбросило взрывной волной, и он почти не пострадал от взрыва. Даже пришел в себя на несколько минут перед смертью. Сказал, что наш костер — единственное свидетельство жизни на многие мили кругом. Мы принесли его сюда. Утром нужно будет его похоронить.

Наступило долгое молчание. Когда Минотт вернулся к костру, на его лице застыло угрюмое выражение.

— Что... что еще он сказал? — спросила Мэйда Хайнс.

— Он вылетел из Вашингтона сегодня в пять,— коротко ответил Блейк.— По нашему времени. Вся Вирджиния за Потомаком пропала в четыре тридцать, на ее месте возник девственный лес. Он отправился на разведку. Через час пилот повернул обратно, но Вашингтон тоже исчез. Там осталась лишь полоса тумана, за которой лежал снег. Тогда он полетел вдоль Потомака и заметил обнесенные частоколом фермы и стоящие возле берега длинные весельные корабли.

— Викинги,— удовлетворенно отметил Минотт.

— Он не стал садиться. На бреющем полете он направил самолет к заливу. Он искал Балтимор. Город исчез! Впрочем, он увидел внизу какое-то поселение, но тут ему стало плохо, а когда пилот пришел в себя, города уже не было. Он снова полетел на север, у него уже заканчивалось топливо, когда он заметил наш костер. И летчик попытался совершить аварийную посадку. У него не было даже сигнальных ракет. Самолет разбился — и парень умер.

— Бедняга! — потрясенно проговорила Мэйда.

— Дело в том,— продолжал Блейк,— что Вашингтон находился в нашем ответвлении примерно в четыре тридцать. У нас еще остается слабая надежда вернуться! Нам нужно попасть на границу одного из блоков, которые перемещаются во времени, в то место, которое профессор Минотт называет «разломом», и внимательно наблюдать! Когда начнется сдвиг, надо будет как можно быстрее разобраться в том, что происходит. Едва ли существует высокая вероятность вернуться именно в наше время, но мы, по крайней мере, приблизимся к нему! Профессор Минотт говорил, что где-то существует Конфедерация. Уж лучше оказаться среди людей нашей расы, говорящих на том же языке, чем навсегда остаться среди индейцев, китайцев или викингов.

— Блейк,— резко одернул его профессор Минотт,— давай договоримся раз и навсегда! Главный здесь я! Когда рухнул самолет, ты отдал приказ мне и Харрису. Я не стал тебе мешать, но у нашего отряда может быть только один командир. И этот командир — я! Ты, кажется, забыл?

Блейк вскочил на ноги. Однако Минотт уже навел на него револьвер.

— Ты строишь планы возвращения! — жестко продолжал Минотт.— Я этого не потерплю! Вероятность того, что мы погибнем, все еще очень высока. Но если мне суждено выжить, я хочу этим воспользоваться в полной мере. И в мои планы не входит снова преподавать математику в колледже Робинсона.

— Ну и что с того, сэр? — холодно осведомился Блейк.

— А вот что! Я намерен забрать у тебя оружие. С этих пор планы строю я, и приказы отдаю тоже я. Мы будем искать то ответвление времени, на котором в Америке процветает цивилизация викингов. И мы его обязательно найдем, поскольку сдвиги будут продолжаться еще в течение нескольких недель. И как только отыщем его, то осядем среди скандинавов. Когда пространство и время вновь обретут стабильность, я начну создавать империю! А ты будешь подчиняться приказам, или останешься в одиночестве, когда мы отправимся навстречу моей судьбе!

— А вам не кажется, сэр, что мы предпочли бы жить собственной жизнью, а не быть инструментами для достижения *ваших* целей? — очень тихо произнес Блейк.

Несколько мгновений Минотт молча смотрел на него. Потом пожал плечами.

— Очень жаль,— холодно произнес он.— Я мог использовать твой интеллект, Блейк. Но мятежа я не потерплю. Придется тебя прикончить.

И его револьвер безжалостно выстрелил.

VII

Чтобы определить причину многочисленных катастроф, Британская академия наук собралась на срочное совещание. Все ученые выглядели ужасно усталыми: покрасневшие глаза, опущенные плечи, но они понимали, какая серьезная ответственность на них легла. Почтенный физик, лицо которого обрамляли роскошные бакенбарды, заговорил серьезно и торжественно:

— Итак, джентльмены, больше нам нечего сказать. Поразительные события последних часов, как нам кажется, произошли после ряда зарегистрированных фактов. Гравитационное поле 10^{79} частиц материи приведет к замыканию пространства вокруг них. И если мы представим это, то увидим, как исчезают галактики в тот самый миг, когда соответствующее количество частиц внезапно появится в нашей Вселенной.

Однако из этого еще не следует, что гибель Вселенной неизбежна. Надо ожидать лишь изоляции в пространстве и времени из-за искривления, вызванного гравитационным полем. И если мы сделаем предположение о существовании более чем одной области замкнутого пространства, то тем самым сочтем возможным существование гиперпространства, гиперкосмических координат, которые отмечают их относительное гиперкосмическое положение; гиперкосмическое...

Джентльмен с еще более густыми седыми бакенбардами, чем у оратора, произнес громким и решительным голосом:

— Вздор! Полнейшая чушь!

Оратор замолчал и бросил свирепый взгляд на того, кто его прервал.

— Сэр! Вы имеете в виду...

— Имею! — заявил джентльмен с седыми бакенбардами.— Полнейшая чушь! Сейчас вы скажете, что в этом гиперпространстве замкнутые вселенные будут подчиняться гиперзаконам, вращаться относительно друг друга по гиперорбитам, которые будут определяться гипертяготением, и, вне всякого сомнения, будут возникать гиперземные приливы или гиперстолкновения, приводящие к гиперкатастрофам.

— Но таковы факты, сэр,— заявил джентльмен у кафедры.— Таковы факты.

— Меня тошнит от ваших фактов, сэр!

И словно для того, чтобы это доказать, джентльмен покачнулся. Но не он один. Все собравшиеся вздрогнули, поскольку у них одновременно закружилась голова. И на этом заседание Британской академии наук закрылось без всяких формальностей, так как ее членов охватила самая настоящая паника. Они разбежались, поскольку кафедра полностью исчезла вместе с частью зала. А место, где только что находился оратор, оказалось под открытым небом.

И там бушевал пожар. В огне виднелись фигуры с бакенбардами, ужасно похожие на мечущихся в ужасе ученых. Несчастные, уязвимые люди отчаянно кричали. В зал Британской академии наук полетели здоровенные дубинки. Одна из них попала в биолога, известного весьма необычными взглядами. Считается, что его съели.

Впрочем, и раньше было известно, что некоторые исчезнувшие виды людей, такие как человек Пилтдауна* и неандерталец, были каннибалами. На большинстве дорог времени их уничтожили более сильные и умные соперники, но кое-где выжили питекантропы, а не хомо сапиенс. Так что на тех ответвлениях каннибализм был нормой жизни.

VIII

Мэйда Хайнс с криком бросилась вперед, чтобы закрыть собой Блейка. Однако Харрис сумел ее опередить. Постоянно оправдывающийся и стеснительный юноша как раз закончил отрезать кусок дымящегося мяса. Он так метко его швыр-

* Найден в 1912 году в окрестностях Пилтдауна, Англия. В 1953 году было доказано, что это фальшивка. *(Прим. пер.)*

нул, что умудрился не только выбить револьвер из руки профессора, но и обжечь ее.

Блейк вскочил на ноги и выхватил оружие.

— Если вы возьмете револьвер, сэр,— сказал он, слегка задыхаясь, но совершенно искренне,— я прострелю вам руку!

Минотт выругался. Потом наклонился, поднял револьвер левой рукой и засунул в карман.

— Юный глупец! — прорычал он.— Я не собирался в тебя стрелять. Я хотел только припугнуть. Харрис, ты настоящий осел! Мэйда, твой поступок мы обсудим позже. Учтите, самым серьезным наказанием было бы оставить вас одних.

И он с мрачным видом скрылся в темноте. Оставшихся у костра охватило оцепенение. Между тем обломки самолета продолжали гореть. Блейку даже показалось, что огонь стал немного ярче.

— Проклятье! — пробормотал Хантер.— Он и в самом деле знает куда больше нас. Если он уйдет, мы окажемся в очень трудном положении!

— Да уж,— угрюмо согласился Блейк.— Впрочем, даже если он останется, хорошего не жди.

— Я... я пойду поговорю с ним,— неожиданно сказала Люси Блейр.— Он... хорошо ко мне относился во время занятий. А сейчас... у него, наверное, очень болит рука. Он обжегся.

Девушка отошла от костра, но тут же перед ней возникла длинная тень и раздался резкий голос Минотта:

— Возвращайся! Здесь кто-то появился!

Почти сразу же Минотт начал стрелять. Послышался вопль. Потом еще несколько выстрелов. Наконец звук падения и топот бегущих ног.

Минотт вернулся к костру и презрительно бросил:

— Ты оказался не слишком хорошим командиром, Блейк. Забыл о часовом. А ведь ты сам недавно упоминал о каких-то голосах! Конечно, это были индейцы. Впрочем, они убежали.

— Профессор...— неуверенно начала Люси Блейр,— могу ли я что-нибудь сделать с вашей рукой? Она обожжена...

— А что ты можешь сделать? — сердито спросил он.

— У нас есть жир. Индейцы смазывают раны медвежьим жиром. Наверное, олений тоже подойдет.

Минотт позволил перевязать себе руку, хотя ожог оказался не таким уж серьезным. Люси попросила у других девушек платочки, чтобы повязка получилась понадежнее. Настроение вокруг костра изменилось. Теперь это был уже не отряд искателей приключений, готовых к любым осложнениям. Ведь все начиналось как загородная прогулка для выпускников колледжа.

Минотт хмурился, пока Люси Блейр перевязывала ему руку. Харрис выглядел ужасно смущенным, ведь именно его стараниями на профессорской руке появился ожог. Берта Кеттерлинг продолжала плакать, но уже не так страстно — никто не обращал на нее внимания. Блейк задумчиво смотрел в огонь. Мэйда Хайнс изо всех сил делала вид, будто не понимает, что стала причиной ссоры,— хотя никто ничего не сказал.

Лошади тревожно фыркали. Берта Кеттерлинг по-прежнему всхлипывала. Мэйда почувствовала, что у нее начинает щипать глаза. Она первой заметила, что пожар, который начался из-за вылившегося топлива, перекинулся на деревья. Ее тревожный крик разбудил остальных.

Самолет разбился в миле от лагеря. Взрыв был ярким, но потом пламя почти погасло. Крылья и обшивка сгорели довольно быстро, огонь едва теплился. Однако теперь он разгорелся с новой силой.

Все было спокойно, пока он не начал распространяться по густому подлеску. Потом по высохшей коре огонь дошел до сухих веток. К тому же дул легкий ветерок... Когда Мэйда подняла голову, чтобы найти источник дыма, разъедавшего глаза, одна сосна уже яростно пылала, по земле стлалось яркое пламя, а потом у нее на глазах загорелись еще два, три дерева — и вот уже дюжина мощных столбов огня и дыма поднималась к небу.

Лошади испуганно ржали.

— Харрис! Харрис! — скомандовал Минотт.— Приведи лошадей! Хантер, помоги девушкам сесть в седла!

Он демонстративно не отдавал приказов Блейку. Он продолжал внимательно изучать карту, а лесной пожар тем временем разгорался все сильнее. Наконец профессор сложил ее и засунул себе в карман. Блейк хладнокровно вытащил из

огня кусок оленины, а когда Минотт вскочил в седло, тот уже занял место рядом с Мэйдой Хайнс.

— Мы поедем парами,— коротко бросил Минотт.— Мужчина рядом с женщиной. Парни, присматривайте за девушками. У меня есть фонарик, поэтому я поеду первым. Рано или поздно мы окажемся возле реки Раппаханнок, если, конечно, огонь нас не опередит.

Когда они взобрались на вершину небольшого холма, стало ясно, какая серьезная опасность им угрожает. Пожар продвинулся вперед примерно на полмили, охватив при этом приличную территорию. Справа он бушевал в густых зарослях. Огонь там перемещался особенно быстро, казалось, он летит на крыльях ветра. Слева пожар распространялся медленнее, но столб пламени был заметно выше.

И тут, словно в насмешку, поднялся сильный ветер. Во все стороны полетели искры, пепел и горящие угольки. Берта Кеттерлинг громко вскрикнула, когда один из них обжег ей щеку. Лошадь Харриса отчаянно заржала и едва не встала на дыбы. Через мгновение маленький отряд уже галопом мчался прочь. Вокруг теснились темные силуэты деревьев. Белый луч фонаря казался нелепым на фоне пылающего леса, но помогал им не сбиться с тропы.

IX

Нечто большое и темное неуклюже заползло между статуей Грейди* и зданием почты. Фонари осветили его, и стало ясно, что такому существу не следовало бы разгуливать по улицам Атланты, штат Джорджия, в любое время дня и даже ночи. Шофер такси увидел его и едва не оторвал руль, разворачивая машину с намерением убраться прочь. Когда существо заметил полицейский, он сильно побледнел и тут же схватился за рацию, чтобы доложить о происшествии в участок. Однако в тот день случилось уже столько необычных

* Грейди, Генри Вудфин (1850–1889). Журналист, редактор газеты «Атланта конститьюшн». Выступал за примирение между Севером и Югом после Гражданской войны. В декабре 1886 года произнес в Нью-Йорке ставшую знаменитой речь «Новый Юг».

событий, что он не усомнился в собственном рассудке; к тому же «Джорнал» напечатал множество невероятных историй — и у полицейского были все основания верить своим глазам.

Огромное отвратительное существо было похоже на рептилию, только восьмидесяти футов в длину, из которых по меньшей мере пятьдесят приходилось на голову и хвост и лишь остальное — на дряблое тело. Чудовище весило двадцать пять или тридцать тонн, но его голова была лишь немногим больше, чем у крупной лошади. Она тупо раскачивалась из стороны в сторону. Зверь явно был озадачен. Он опустил лапу на мостовую, и из раздавленной водопроводной магистрали мощной струей брызнула вода. Рептилия этого даже не заметила. Она медленно перемещалась вперед, испуская влажный запах плесени.

Воздух наполнился воем сирен полицейских и пожарных машин. Появилась «скорая помощь» — и на нее тут же обрушился удар мощного хвоста. Автомобиль накренился и перевернулся.

Диковинная тварь издала жалобный вопль, не обращая внимания на разрушения, причиненные ее хвостом. Вопль напоминал мычание, только усиленное в тысячи раз. Чудовище непрерывно вертело головой, вероятно решив, что попало в ловушку между высокими зданиями, но оно было слишком глупым, чтобы найти дорогу обратно.

Издалека донесся рев — как раз в тот момент, когда полицейские и пожарные машины подъехали к чудовищу. Появились еще два существа, уступающих первому в размерах, но с такими же огромными телами и крошечными головками. Одно из них наткнулось на пожарную машину, перевернув ее, но не удержало равновесия, упало и испустило жалобный вопль.

И тут какой-то глупец начал стрелять. К нему присоединились другие. Одна за другой пули входили в дряблую плоть рептилий. Застрочили полицейские пулеметы. За ними стояли очень отважные люди, которые не могли не отметить непроходимую тупость существ, выбравшихся из огромного болота, которое появилось на месте парка Инмэна.

Пули обжигали, вызывали боль. Рептилии мычали и пытались спастись. Самая крупная из них решила забраться на пятиэтажное здание — оно, естественно, рухнуло.

Наконец последнюю тварь удалось прикончить — точнее, она перестала шевелить огромными лапами, поскольку хвост продолжал дергаться, а сердце спазматически билось даже на следующий день, когда рептилию погрузили на машину для перевозки мусора. Втроем они успели разнести три квартала в деловой части Атланты и убили семнадцать человек. И это притом, что они даже не пытались сражаться. Они хотели только одного — сбежать. А разрушения и смерть, которые они сеяли вокруг, были следствием их неловкости и глупости.

X

Скакавшие впереди лошади стали спотыкаться. Их копыта все глубже погружались во влажную почву. Берта Кеттерлинг завизжала от ужаса, когда ее лошадь едва не рухнула на землю.

— Похоже, мы на вспаханном поле,— предположил Блейк.— Лучше зажечь фонарик, профессор Минотт.

Небо за спиной давно стало красным. Лесной пожар все еще их преследовал. Его фронт теперь простирался на многие мили, а пламя стало таким мощным, что клубы дыма, поднимающегося над лесом, приобрели ярко-алый оттенок.

Вспыхнувший луч осветил землю. Она действительно оказалась вспаханной. Здесь потрудились люди. Минотт не стал сразу выключать фонарик.

— Знаете, что здесь растет? — язвительно поинтересовался он.— Чечевица. А выращивалась ли чечевица в Вирджинии? Вполне возможно! Остается выяснить, что за люди этим занимаются.

Он направил луч фонарика в сторону, ища признаки жилья.

— Если эту землю пахали люди, то борозда слишком мелкая,— с тоской заметил Том Хантер.— Даже плуг, запряженный одной лошадью, оставил бы более глубокие следы.

Все одновременно увидели вдалеке бледный свет. Лошади в едином порыве повернули к нему головы.

— Нужно соблюдать осторожность,— тихо проговорил Блейк.— Возможно, это опять китайцы.

До источника света было около мили. Они медленно ехали вдоль борозд.

Неожиданно копыта лошади Люси Блейр ударили по камню. Звук получился очень громким. Тут же загремели копыта остальных лошадей. Минотт вновь включил фонарик. Тесаный камень. Мощеная дорога шириной в шесть-восемь футов. Одна из лошадей вздрогнула, фыркнула и отпрянула в сторону — что-то испугало ее. Минотт посветил вперед.

— Подобные дороги строили только римляне,— сухо сообщил он.— Именно так выглядели их военные тракты. Впрочем, насколько мне известно, римляне не открывали Америку.

Луч фонарика коснулся чего-то темного. Одна из девушек сдавленно вскрикнула. На дороге лежали мертвые тела. На одном они разглядели щит, меч и шлем, какие видели на изображениях римских воинов. У него была снесена верхняя половина головы. Рядом лежал человек в странной серой форме. Он умер от рубленой раны.

Минотт направил луч дальше. Новые трупы. Множество римских воинов. Четверо или пятеро солдат в одинаковой серой форме — такую могла бы носить армия Конфедерации*, если бы до сих пор существовала.

— Здесь было сражение,— уверенно заявил Блейк.— Вероятно, часть армии Конфедерации с одной из временных дорог решила выяснить, что тут происходит. А римляне — если это, конечно, римляне — на них напали.

Кто-то брел в темноте. Минотт поднял на него луч фонарика. Мужчина. На нем практически не было одежды, с шеи свисал обрывок цепи, на теле виднелись следы жестоких побоев. Он был костлявым и изнуренным и перенес такие жестокие страдания, что практически перестал быть человеком.

Он бессмысленно прищурился, защищаясь от яркого света,— и даже не испугался.

Минотт заговорил, и человек распростерся перед ним на земле. Профессор Минотт пользовался полузабытой классической латынью, а несчастный отвечал ему на латыни вар-

---

* Официальное название — Армия Конфедеративных Штатов Америки. Была создана как небольшая регулярная армия 6 марта 1861 года. *(Прим. пер.)*

варской. К тому же у него был сильно разбит рот, и понять его оказалось совсем непросто.

— Это раб,— холодно сказал Минотт.— Странные люди — вероятно, он имеет в виду солдат Конфедерации — пришли сегодня с севера. Произошло сражение, воины, охранявшие поместье, убиты. Сам раб это отрицает, но я думаю, он идет на север в надежде сбежать от хозяев. Похоже, не только мы отправились исследовать другие временны́е дороги.

Бросив на раба свирепый взгляд, Минотт ударил пятками лошадь и поехал в сторону далекого тусклого света.

— Что... вы собираетесь делать? — едва слышно спросила Мэйда.

— Заехать на виллу и задать вопросы,— сухо ответил Минотт.— Если ее заняли конфедераты, нас хорошо примут. Однако и в противном случае мы можем рассчитывать на гостеприимство. Я намерен разбить лагерь возле разлома времени и пересекать его всякий раз, когда после сдвига будут появляться поселения скандинавов. И еще я хочу узнать, где хозяева виллы успели побывать и с кем встретиться.

Мэйда Хайнс постаралась оказаться поближе к Блейку, и он ободряюще положил руку ей на плечо. Лошади вновь ступили на мягкую землю. Пожар за спиной маленького отряда разгорелся с новой силой. Смолистые хвойные деревья легко вспыхивали, озаряя неверным мерцающим светом медленно едущих всадников. Постепенно зарево пожара становилось более ровным. Путешественники уже могли разглядеть белые, покрытые штукатуркой стены. Огромное здание больше всего походило на казарму.

Это была ферма, поместье, римская вилла, расположенная среди диких земель. В памяти Блейка всплыла смутная картинка: восстановленная римская вилла в Англии, какой она была до того, как империя вывела легионы из Британии и на острове вновь воцарились варварские порядки. Вокруг стояли небольшие скирды соломы, между которыми медленно двигались лошади. Блейк подозрительно принюхался.

Мэйда прижалась к нему. С ее губ слетали тихие слова. Люси Блейр ехала рядом с профессором Миноттом, время от времени поглядывая на него. Харрис пристроился к Берте

Кеттерлинг, которая сидела в седле так, словно ее лошадь получила небольшое ранение. Том Хантер старался держаться рядом с профессором, предоставив Джанет Томпсон самой о себе заботиться.

— Джерри,— спросила Мэйда,— что ты об этом думаешь?

— Мне это совсем не нравится,— тихо признался Блейк.— Мы не должны разделяться. Кажется, я уловил запах...

Неожиданно со всех сторон на них набросились темные фигуры — практически обнаженные, некоторые в цепях. Издалека послышался отдающий приказы голос, раздалось щелканье бича.

Прежде чем схватка закончилась, прозвучало два выстрела. Оба раза стрелял Блейк. Затем одна из лошадей помчалась прочь, истерически взвыла Берта Кеттерлинг, Том Хантер тоже что-то закричал, а Харрис принялся ругаться, начисто забыв о хороших манерах.

Минотт, как и остальные, очутился в окружении вонючих тел, однако не растерялся, тут же холодно и уверенно заговорив с пленившими его рабами. Те сразу отбежали в сторону, испуганно закрывая головы руками. Неожиданно появились факелы — и в их свете вырисовались фигуры многочисленных рабов, находившихся в ужасном состоянии. Тут были люди самых различных рас, смирившиеся со своим жалким положением и безоговорочно подчинявшиеся господину.

Им оказался невысокий толстый человек в немного необычной тоге. Он стоял в окружении слуг, державших факелы. Однако при свете стали видны не только пленники, но и сам хозяин виллы — его одутловатое, самодовольное и жестокое лицо. Судя по позе и коротким приказам, которые он отдавал на неправильной латыни, он решил, что приобрел новых рабов.

XI

Депутат от Эйн-ле-сюр решил, что будет неплохо малость прогуляться. Ночной Париж оказывал на него стимулирующее воздействие. Головокружение, несомненно, являлось следствием чрезмерного потребления шампанского, так что свежий воздух поможет побыстрее развеять пары алкоголя. Од-

нако ему показалось немного странным, что он не узнает место, в котором очутился. Он всегда прекрасно ориентировался в родном Париже.

Улицы производили непривычное впечатление. Да и таких домов ему прежде видеть не доводилось. В свете уличных фонарей, которые показались ему не такими, как везде, архитектура представлялась совершенно незнакомой. Он нахмурился, пытаясь понять своеобразие стиля.

Наконец он почувствовал нетерпение. В конце концов, пора возвращаться домой, хотя его жена...

Депутат пожал плечами. Впереди он увидел яркий свет и ускорил шаг. Он вышел к великолепному особняку, сиявшему разноцветными огнями.

Раздался цокот множества копыт. Перед домом выстроился кавалерийский эскорт. Двери распахнулись, и на улицу вышел бледный молодой человек в сопровождении высокого толстяка, который восторженно поцеловал ему руку. Кавалеристы спешились и образовали шеренгу от входной двери до машины. Два офицера в эффектной форме со множеством наград на шаг отставали от бледного юноши. Депутат отметил, что никогда не видел такой формы. Дверца машина распахнулась. Автомобиль также показался ему немного странным, но в чем тут дело, он понять не смог.

Щелкнули каблуки, обнаженные клинки взметнулись в салюте. Бледный юноша терпеливо позволил толстяку еще раз поцеловать ему руку. Потом он сел в машину, и двое увешанных медалями офицеров быстро последовали за ним. Машина тут же тронулась с места. Ее со всех сторон окружили кавалеристы, и кортеж начал удаляться.

Толстяк с довольным видом стоял на тротуаре. Спешившиеся кавалеристы вскочили в седла и поскакали за кортежем.

Депутат из Эйн-ле-сюр не мог отвести от них глаз. Неожиданно он заметил еще одного пешехода, который остановился и наблюдал за неожиданным представлением. И вновь депутат ощутил тревогу — пешеход был одет как-то необычно, что вполне соответствовало незнакомым улицам, домам и странному кортежу.

— Пардон, месье,— обратился к нему депутат,— но я не узнаю этот район. Вы не могли бы мне сказать...

— Дом,— язвительно ответил пешеход,— это отель месье ле Дюка де Монтеньи. Возможно ли, чтобы в тысяча девятьсот тридцать пятом году кто-то не знал месье ле Дюка? А особенно мадам герцогиню и место, где она живет.

Депутат из Эйн-ле-сюр заморгал.

— Монтеньи? Монтеньи? Нет,— признался он.— А молодой человек в машине, чью руку поцеловал...

— Поцеловал месье ле Дюк? — Теперь уже незнакомец очень внимательно посмотрел на своего собеседника.— *Мой бог!* Откуда вы взялись, если не узнали Людовика XII? Он только что покинул мадам — свою любовницу.

— Людовика... Людовика XII? — запинаясь, пробормотал депутат.— Я... я не понимаю!

— Глупец! — нетерпеливо бросил незнакомец.— Это король Франции, который взошел на трон в десятилетнем возрасте, а теперь, спустя всего шесть месяцев после окончания регентства, успел разорить страну!

Трясущейся рукой оператор междугородней связи подключилась к линии.

— ...Прошу прощения, сэр, но мы не можем соединить вас с Кадменом... обрыв на линии... очень сожалею, сэр.— Она перешла на другую линию.— Алло... сожалею, сэр, но мы не можем соединить вас с Дженкинтауном. Обрыв на линии... очень сожалею, сэр.

Раздался новый звонок.

— Алло... сожалею, сэр. Мы не можем соединить вас с Дувром. Обрыв на линии...— Ее руки работали совершенно автоматически.— Алло... сожалею, но мы не можем соединить вас с Нью-Йорком. Обрыв на линии... Нет, сэр. Мы не можем воспользоваться связью через Атлантик-сити. Обрыв на линии... да, сэр, я знаю, что телеграфные компании не могут ничего гарантировать... нет, сэр, с Питсбургом у нас тоже нет связи...— Ее голос задрожал.— Нет, сэр, связи со Скрантоном нет... И с Гаррисбергом. Да, сэр... мне очень жаль, но мы не можем ничего передать в Филадельфию... Мы пытались наладить связь по радио, но никто не отвечает...

На мгновение она закрыла лицо руками. А затем сама решила позвонить.

— Минни? Неужели они ничего не слышат?.. Ничего?.. Что? Они просят прислать дополнительные отряды полиции?.. Местный оператор говорит, что там идет сражение? Она слышит стрельбу?.. Что это, Минни?! Неужели даже они не знают? Они используют бронированные машины?.. Но с кем они сражаются? Что?.. Но там же мои родители, Минни! Мои родители там!

Дверь в барак, где находились рабы, захлопнулась, и снаружи ее закрыли на засов. Тяжелые, отвратительные запахи накрыли пленников, как волна. Со всех сторон слышались голоса. Позвякивание цепей. Шорох соломы, словно там шевелились животные. Некоторые чесались, кто-то завыл. Все немного притихли, но продолжали перешептываться.

Мэйда напряженно проговорила:

— Я понимаю отдельные слова. Они рассказывают другим рабам, как нас захватили. Их язык — подобие латыни.

Неожиданно прозвучал вопль Берты Кеттерлинг:

— Он до меня дотронулся! Мужчина!

Рядом послышался веселый голос. Раздался смех, но он показался американцам каким-то животным. Римляне всегда считали рабов низшими существами. До пленников донесся шорох — в темноте барака к ним подбирались озверевшие рабы. Они намеревались развлечься с новенькими, еще не успевшими потерять человеческий облик. Люси Блейр сдавленно закричала. Послышался звук удара, кто-то упал. Снова смех.

— Я его вырубил! — злобно произнес Минотт.— Харрис, Хантер! Пошарьте вокруг, постарайтесь найти что-нибудь вроде дубинки! Эти рабы намерены нас избить, а здесь, в их логове, никто не станет с ними связываться. Даже если нас убьют, их в худшем случае выпорют. А женщины будут...

Кто-то с рычанием набросился на него. Повелительный голос Минотта вызывал у рабов ненависть. Послышался вой. Их окружали темные фигуры. Превращенные в животных римские рабы вели себя, как звери, запертые в клетках. Новички стали врагами только потому, что еще недавно были свободными. Женщины казались чистыми, к тому же они боялись —

а значит, являлись потенциальными жертвами. Угрожающе звенели цепи. Воздух был пропитан отвратительными запахами. По-прежнему в бараке царил мрак.

Берта Кеттерлинг громко рыдала. Вновь послышался звук глухого удара. Началась отчаянная драка, пронзительно вскрикнула Люси Блейр. Тяжело дышали дерущиеся мужчины. Вой, невнятные ругательства. Завизжала женщина.

Бац! Бац! Бац-бац! Снаружи донеслись крики, кто-то несколько раз выстрелил. Топот бегущих ног. Опять крики. Отодвинулся засов. Огромные двери распахнулись, на пороге стояли мужчины с факелами и бичами в руках. Они приказали рабам выйти из загона и атаковать невидимого врага. Их выгоняли наружу, точно собак. Четверо надсмотрщиков вошли внутрь, раздавая удары направо и налево и продолжая выкрикивать резкие команды. Рабы пытались спрятаться в темноте или выскакивали наружу. Но трое из них уже никогда не отступят перед врагом.

Минотт и Харрис замерли в полной боевой готовности в углу барака. Люси Блейр с растрепанными волосами пряталась за спиной Минотта, который держал в руках тяжелое бревно, готовый сражаться до конца. Харрис тоже нашел нечто напоминающее дубинку. Когда его осветили факелы, на лице юноши выражение яростной решимости сменилось крайним смущением — у его ног лежал мертвый раб. За спиной у него заняли позицию Хантер и две девушки. Смертельно бледная Мэйда Хайнс стояла, прижавшись к стене, в ее руке был зажат обломок кости.

На них обрушились бичи. На лице Минотта вспыхнул багровый рубец, но он бросился вперед.

И тут со стороны двери грянули выстрелы. На пороге стоял Блейк с двумя револьверами в руках. Один из надсмотрщиков упал, и его факел задымился на грязном полу.

— Все в порядке! — крикнул Блейк.— Выходите!

Первым до него добежал что-то лепечущий Хантер. Рабы пронзительно кричали. Во дворе пылал огромный деревянный амбар с зерном.

— Лошади остались возле конюшен,— быстро проговорил решительный и бледный Блейк.— Их не успели расседлать.

Рабы не разобрались, как устроена упряжь. Я поджег амбар с зерном.

Из дома выбежал мужчина с бичом и ножом. Блейк без колебаний убил его.

— Дай мне револьвер! — хрипло попросил Минотт.— Я требую.

— Сначала лошади! — оборвал его Блейк.

Они побежали к конюшне. Блейк выстрелил еще два раза. Рабы с воем разбегались в разные стороны. Вскочив в седла, все восьмеро направились к вилле. На террасе метался разъяренный толстяк в тоге. Перед ним на коленях стоял раб. Толстяк лягнул склонившуюся фигуру и уселся на нее верхом, бешено выкрикивая приказы. Когда к нему подлетели всадники, толстяк яростно потрясал кулаками — злоба сделала его бесстрашным.

Блейк застрелил его, соскочил с лошади, сорвал тогу и бросил ее Мэйде.

— Возьми это! — прорычал он.— Я мог бы убить...

Сейчас никто не ставил под сомнение его главенствующую роль. Он руководил отступлением с виллы. Восемь всадников повернули на север и поскакали прямо к пылающему лесу.

Потом они вновь остановились. Позади загорелось еще одно здание — пожар перекинулся и сюда. Смерть хозяина ввергла поместье в настоящий хаос. Загорелась крыша барака, где держали рабов. Отчаянные вопли долетали даже до беглецов. В свете ревущего пламени метались перепуганные насмерть люди. Началась всеобщая драка, сопровождавшаяся почти звериным воем.

Минотт с отчаянной быстротой снимал одежду с солдат, погибших в невероятном сражении, где на одной из боковых дорог времени сошлись лицом к лицу армия Конфедератов и римские войска. Блейк спокойно наблюдал за ним, а потом приказал забрать ружья и патроны мертвых солдат Конфедерации — если, конечно, это были конфедераты.

А когда задыхающийся Хантер погрузил кучу незнакомого оружия на лошадь, восемь путешественников вновь почувствовали невыносимую тошноту и головокружение. Горящий лес исчез. Теперь их окружал мрак. Ветер принес неприятный

запах сырости и резкие ароматы необычных ярких цветов. Что-то огромное и смертельно опасное взревело, источая вонь чудовищного болота.

Лайнер «Балтимор» рассекал волны открытого моря в бледных предрассветных сумерках. Стоявший на мостике капитан встревоженно нахмурился. К нему подошел радист с радиограммой в руках. Глаза его покраснели от недосыпа.

— Возможно, все дело во мне,— мрачно заявил он.— Мне стало как-то не по себе, а потом я всю ночь не мог выйти на связь. Я проверил рацию, но она работала нормально. Однако несколько минут назад меня вновь затошнило, а когда отпустило немного, я сразу же начал получать сигналы. Черт знает что творится. Не понимаю, как можно было не принять их раньше, сэр, но...

Капитан перебил радиста:

— У меня тоже было сильное головокружение. Как и у рулевого. И у всех остальных членов команды. Так что же говорится в радиограммах?

Капитан быстро пробежал глазами желтые бланки.

«Экстренное сообщение: в 2 часа ночи исчезла половина Лондона... Радиостанция "Манзанилло": морской змей, атаковавший наш корабль этой ночью и утащивший четверых матросов, вернулся. Мы его протаранили пять минут назад. Похоже, он умирает. Однако у нас пробоина. Два передних отсека потеряли герметичность... Предупреждение для всех моряков. Плавучий лед замечен в пятидесяти милях от гавани Нью-Йорка... Экстренное сообщение: Мадрид, столица Испании, претерпел необъяснимые изменения. Все известные здания города стали неузнаваемы с воздуха. Аэродромов нет. На месте церквей и храмов — мечети. Видны флаги с полумесяцем... По нашим сведениям, убиты все европейцы, проживавшие в Калькутте. Корабельная радиостанция "Кариба" извещает, что порт пуст, следы европейского присутствия исчезли, на берегу замечена враждебно настроенная толпа...»

Капитан «Балтимора» провел рукой по лбу. Потом бросил смущенный взгляд на радиста.

— Спаркс,— мягко сказал он,— тебе лучше обратиться к корабельному врачу. Пожалуй, я дам тебе человека для сопровождения.

— Я понимаю,— с горечью ответил Спаркс.— Наверное, я спятил. Но именно такие сообщения я получил.

Опустив голову, Спаркс покинул мостик вместе с одним из матросов. Прямо по курсу появилось облако дыма, которое быстро увеличивалось в размерах. Уже через четверть часа стал виден другой корабль. А еще через полчаса капитан смог разглядеть длинный, низко сидящий черный корпус парохода с двумя колесами с каждой стороны. В результате этого судно двигалось с приличной скоростью.

Капитан «Балтимора» поднял бинокль и тут же едва не уронил его от удивления. На мачте развевался черно-белый флаг. Белый череп со скрещенными костями на черном фоне — традиционный пиратский знак!

На такелаже встречного судна появились сигнальные флажки. Капитан «Балтимора» ошеломленно смотрел на них.

— Тарабаршина! — пробормотал он.— Какая-то бессмыслица! Они не пользуются международным кодом. Я ничего не могу понять!

Затем заговорила пушка. Над носом встречного корабля появился огромный клуб дыма. Тяжелый удар потряс переднюю часть корпуса «Балтимора». Через мгновение раздался взрыв.

— Похоже, я тоже спятил! — воскликнул капитан.

Второй выстрел. Третий и четвертый. Черный пароход отошел в сторону, не прекращая обстрела. Очередное посланное ядро снесло половину капитанского мостика. Взорвался грузовой люк.

Тут капитан пришел в себя и начал отдавать приказы. «Балтимор» сделал резкий поворот и устремился вперед, заметно увеличив скорость. Пушки на колесном корабле продолжали стрелять. Пираты попытались уйти, но было уже слишком поздно.

«Балтимор» протаранил чужой корабль. В этот момент капитан лайнера уже не сомневался в собственном безумии. Пароход было невозможно спасти — «Балтимор» разрубил его на две части.

XII

Бледный рассвет с трудом пробивался сквозь густую листву туда, где горел слабый костерок. Земля была пропитана влагой, и над сырым хворостом поднимался плотный белый дым. Хантер, одетый в обрывки серой формы, следил, чтобы пламя не погасло.

Харрис терпеливо изучал ружье, пытаясь разобраться в принципах его работы. С такой конструкцией ему иметь дело не приходилось. Спусковой механизм выглядел очень странно, а на канале ствола не было нарезки. Харрис не мог понять, как в таком случае придается вращение пуле. Он тоже был одет в серую форму — юноша с радостью выбросил набедренную повязку, которую ему швырнули в рабском бараке. Минотт сидел, обхватив голову руками, и глядел на реку. На его лице застыло горькое выражение.

Блейк прислушивался. Мэйда Хайнс сидела рядом и смотрела на него. Люси Блейр бросала тоскливые взгляды на профессора Минотта, потом подошла, устроилась рядом и о чем-то спросила. Две другие девушки расположились у костра. Берта Кеттерлинг прислонилась к стволу дерева. Она тихонько похрапывала. Все, за исключением Блейка, были босиком.

Он вернулся к костру и кивком показал на небольшую речушку.

— Похоже, мы находимся на краю разлома времени,— заметил он.— По эту сторону, судя по растительности, царит каменноугольный период. По ту время не настолько далекое, но и оно не имеет отношения к нашей реальности. Профессор Минотт!

Тот поднял голову.

— Да? — с горечью спросил он.

— Нам нужна информация. Мы провели здесь уже немало часов, но пока что не произошло ни одного сдвига. Возможно, они прекратились, сэр? Если я прав и временные дороги останутся перепутанными, нам уже никогда не вернуться домой. Но мы, по крайней мере, можем поискать колонии или города, где живут близкие нам по духу люди.

— Даже если мы попытаемся, то как далеко нам удастся продвинуться? — угрюмо проронил Минотт.— Мы практически безоружны. Мы не сумеем...

Блейк указал на ружья.

— Харрис скоро с ними разберется,— сухо возразил он.— Кроме того, девушки не вытаскивали револьверы из сумок. Так что у нас приходится по два ствола на каждого мужчину — и еще пара в запасе. Наверное, римляне решили, что седельные сумки — это просто украшения, или же собирались изучить их содержимое позднее. Мы прорвемся. Я хочу знать: закончился ли процесс временны́х сдвигов?

Люси Блейр что-то негромко сказала, но Минотт смотрел на Мэйду Хайнс. Та не сводила обожающего взгляда с Блейка. Глаза Минотта яростно горели. Он покачал головой.

— Скорее всего, нет,— хрипло ответил он.— Я предполагаю, что сдвиги будут продолжаться еще около двух недель. На всех временны́х путях. Ошибочно думать, будто данный процесс относится только к нашей дороге. Да. Я считаю, у нас недели две или даже больше, если пространство и время полностью не уничтожатся раньше.

Блейк сел.

Мэйда Хайнс тут же устроилась рядом с ним.

— А вы не могли бы объяснить подробнее, сэр? Мы можем подождать здесь. По-моему, в наше время на другом берегу находился небольшой городок. Мы его увидим, если вдруг появится нужная временна́я дорога.

К Минотту вернулась часть его прежнего апломба. Даже короткое пребывание в статусе раба сильно подорвало его уверенность. Прежде он считал себя представителем высшей расы. Превращение в раба изменило его взгляд на мир. Минотт не мог перенести унижения — ведь ему удалось убить всего двух рабов, а на свободе он оказался только благодаря Блейку. Но теперь в его голосе вновь слышались повелительные интонации.

— Мы знаем, что тяготение искривляет пространство,— четко сформулировал он.— Исходя из общих наблюдений, можно вывести величину искривления. И оценить необходимую для этого массу, которая плюс к тому могла бы создать замкнутую вселенную. Такую, куда невозможно добраться или

хотя бы увидеть ее в известных измерениях. Точно известно, к примеру, что если две гигантские звезды сходной массы столкнутся, то в момент их соприкосновения не произойдет серьезного катаклизма. Они просто исчезнут. При этом их существование не прекратится. Просто они перестанут находиться в нашем пространстве и времени. Они перейдут в собственное измерение.

Харрис произнес извиняющимся тоном:

— Как если бы ты залез в дыру, а потом забрал эту дыру с собой. Я однажды читал нечто похожее в воскресном приложении, сэр.

Минотт кивнул и продолжил в своей привычной преподавательской манере.

— А теперь представьте, что появились две такие вселенные. Обе с точки зрения пространства и времени невидимы относительно друг друга. Каждая существует в своем измерении. Но должно появиться и некое... гиперпространство, поскольку если эти вселенные разделены, между ними должна быть определенная прослойка — в противном случае они окажутся вместе.

— Иными словами,— заметил Блейк,— вы говорите о том, о чем мы можем догадываться, но не способны проверить на практике.

— Совершенно верно,— кивнул Минотт.— Кроме того, если наше пространство замкнуто, следует предположить, что оно такое не одно. И не забывайте, другие пространства столь же реальны, как и наше.

— И что же это значит? — спросил Блейк.

— Если есть вселенные, подобные нашей, то они находятся в общей среде — гиперпространстве, от которого мы все в равной степени изолированы. Они могут быть как похожи на наш мир, так и нет. Они разделены космосом, однако все равно влияют друг на друга. Поскольку различные замкнутые пространства чередуются с гиперпространством, можно предположить, что они влияют друг на друга через него.

— Тогда сдвиги временны́х дорог,— медленно заговорил Блейк,— являются результатом влияния каких-то полей. Если другая звезда приблизится к Солнцу, наши планеты разрушатся только из-за роста напряжения этих полей. Вы пола-

гаете, что чужое замкнутое пространство подошло вплотную к нашему? Все это ужасно запутано, сэр.

— Я это вычислил. Вероятность четыре к одному, что пространство, время и сама Вселенная, каждая звезда и Галактика, будут уничтожены чудовищным катаклизмом, в результате которого исчезнет даже прошлое, словно его никогда не существовало. Однако остается один шанс из четырех, и я намеревался полностью его использовать. Я планировал... планировал...

Неожиданно Минотт встал, расправил плечи и громко хлопнул в ладоши.

— Клянусь небесами, мою идею еще можно претворить в жизнь! У нас есть оружие, технические знания, формулы. В книгах, которые я взял с собой, содержатся сливки современной науки! Послушайте! Сейчас мы перейдем реку. И когда наступит следующий сдвиг, окажемся на другой временно́й дороге. Мы направимся к Потомаку, где летчик видел корабли викингов! В седельных сумках лежат англосаксонские словари. Мы с ними подружимся. Мы будем их учить. Мы поведем их за собой. Мы станем хозяевами мира и...

— Мне очень жаль, сэр,— смущенно перебил его Харрис,— но я обещал Берте доставить ее домой — если это будет в человеческих силах. И я должен сдержать слово. Я не могу присоединиться к походу, чтобы помочь вам стать императором, даже если у вас есть реальные шансы.

Минотт нахмурился.

— Хантер?

— Я... я поступлю так, как решат остальные,— неуверенно ответил тот.— Но я... предпочел бы вернуться.

— Глупец! — отрезал Минотт.

— Я бы хотела стать императрицей, профессор! — преданно вскричала Люси Блейр.

Мэйда Хайнс глянула на нее так, словно собиралась что-то сказать. Блейк небрежно вытащил из кармана револьвер и задумчиво смотрел на оружие, пока Минотт сжимал и разжимал кулаки. На лбу у профессора проступили вены. Он тяжело дышал.

— Глупцы! — взревел он.— Глупцы! Вы никогда не вернетесь! Однако вы отказываетесь...

Все вдруг ощутили сильное головокружение и тошноту. Револьвер выпал из руки Блейка. Он поднял голову. Наступила мертвая тишина.

Блейк с трудом поднялся на ноги и пристально вгляделся в противоположный берег.

— Это...— Он с трудом сглотнул.— Здание суда короля Георга, в округе короля Георга, штат Вирджиния, и, как мне кажется, наше время... Черт возьми! Пойдем, переберемся через реку.

Он поднял Мэйду на руки.

Минотт резко метнулся вперед и рявкнул:

— Подождите!

Он держал упавший у Блейка револьвер. Лицо профессора посерело от злости и чувства безнадежности.

— Я... в последний раз предлагаю вам... предлагаю богатство, власть, женщин и...

Харрис встал, держа в руках ружье конфедератов. Через мгновение он ударил Минотта по запястью.

Между тем Блейк перешел вброд на другой берег и осторожно опустил Мэйду на землю. Хантер торопливо последовал за ними. Харрис тряс спавшую Берту Кеттерлинг. Блейк вернулся обратно, согнал вместе лошадей и закрепил ружья у седел. Потом перенес на ту сторону реки оставшихся трех девушек. Хантер побежал к зданию суда и скрылся из виду. Блейк повел лошадей через реку. Минотт растирал онемевшее от удара запястье. В его глазах бушевала отчаянная ярость.

— Вам лучше пойти с нами,— спокойно сказал Блейк.

— И вновь стать профессором математики? — угрюмо бросил Минотт.— Нет! Я остаюсь!

Блейк задумался. Минотт стал каким-то маленьким и невзрачным. На измученном лице застыла гримаса отвращения. Он стоял на фоне джунглей в рваной серой форме армии Конфедерации, снятой с убитого солдата,— жалкое зрелище. Босой, небритый, полный тоски, но не покорившийся судьбе.

— Подождите! — воскликнул Блейк.

Он быстро снял седельные сумки с шести лошадей и переложил их на спины двух других, затем перевел животных обратно через реку и привязал к дереву. Минотт смотрел на него с нескрываемой ненавистью.

— Если бы я не выбрал тебя, мне удалось бы довести план до конца,— хрипло произнес профессор.— Нет, мне не следовало брать тебя с собой. Мэйда слишком хорошо к тебе относится, а я хотел, чтобы она стала моей. Я совершил всего одну ошибку.

Блейк пожал плечами, в последний раз перебрался через реку и вскочил в седло.

Люси Блейр с сомнением посмотрела на одинокую фигуру профессора Минотта.

— И все-таки он такой отважный,— с тоской сказала она.

На них накатила слабая волна тошноты и головокружения, но все быстро прошло. Они инстинктивно посмотрели в сторону джунглей. Там ничего не изменилось. Минотт с горечью глядел им вслед.

— Я... я кое-что хочу сказать! — задыхаясь, выпалила Люси Блейр.— Не... не ждите меня!

Она развернула лошадь и направила ее в реку. И вновь все ощутили легкую тошноту. Люси отчаянно ударила лошадь по крупу.

— Подожди, Люси! Сейчас начнется сдвиг...

Люси бросила через плечо:

— Именно этого я и хочу! Я остаюсь...

Она уже находилась на середине реки, даже ближе к противоположному берегу, когда у всех вновь закружилась голова.

XIII

Конец истории известен. В течение следующих двух недель еще происходили редкие сдвиги. Но постепенно становилось очевидно, что число разломов времени — по терминологии профессора Минотта — постоянно уменьшается. В самый трудный период более двадцати пяти процентов всей поверхности земли находилось на иных дорогах времени. И не было такого места на планете, где не произошло хотя бы одного изменения.

Из этого следует, что все человечество на собственной шкуре пережило последствия невероятных переходов на боковые ответвления времени. Наши ученые перестали быть такими догматиками, как прежде. Многие философские течения подверглись переработке. Базовые понятия ботаники, зоологии и даже филологии были пересмотрены благодаря появлению новых фактов, собранных во время путешествий по временны́м дорогам.

Теперь уже не вызывает сомнений, что нам выпал тот самый единственный шанс из четырех и Земля спаслась. Во всяком случае, на нашей временно́й дороге. Шесть человек из группы Минотта добрались до здания суда за пятнадцать минут до того, как временно́й сдвиг навсегда унес Люси и профессора по другому пути. Блейк и Харрис нашли способ передать известные им сведения всему миру. При помощи радиолюбителя, проживавшего в миле за городом, они стали транслировать на коротких волнах теорию профессора Минотта. Впрочем, они решили не сообщать о его пессимистическом прогнозе относительно вероятности человечества выжить.

В результате теория быстро распространилась. Она оказалась полезной, поскольку позволяла планировать и проводить исследования. Например, было решено отказаться от карательной экспедиции к индейцам, охотникам за скальпами, которые появились из прошлого через временной разлом в Джорджии. Правительство не стало посылать эсминцы, чтобы отомстить викингам, устроившим кровавую резню в Северном Сентервилле, штат Массачусетс. Эскадрилья разведывательных самолетов прекратила полеты над каменноугольными болотами в Западной Вирджинии, благодаря чему летчики не оказались навсегда заперты в прошлом.

Впрочем, некоторые вещи предотвратить не смогло ничто. Две когорты Сорок второго римского легиона осели на территории Америки, поблизости от Итаки, штат Нью-Йорк. Четыре семьи китайских крестьян отправились собирать ягоды на чудесных земляничных полянах Вирджинии и застряли там, когда этот участок земли отправился обратно в свое время.

Русская деревня осталась в Колорадо, французское поселение — на Среднем Западе, в их ответвлении так и не открытом. Часть северного стада буйволов численностью в две тысячи голов вернулась к нам вместе с деревушкой индейцев-шайенов, которые никогда не видели ни лошадей, ни огнестрельного оружия. Странствующие голуби числом около полутора миллиардов вновь поселились в Северной Америке.

Но мы понесли тяжелые потери. Кроме тех отважных людей, которые отправились исследовать неизвестные территории, мы лишились Токио, Рио-де-Жанейро и Детройта. Первые два случая понятны. Когда временны́е сдвиги прекратились, бо́льшая часть поверхности земли вернулась в прежнее состояние. Но не вся.

Джунгли посткембрийского периода по-прежнему растут на востоке Теннесси. О русской деревушке в Колорадо мы уже упоминали, как и о французской фактории на Среднем Западе. В некоторых случаях произошло смещение целых территорий.

Такова причина полного исчезновения Рио и Токио. Там, где прежде находился город Рио-де-Жанейро, теперь шумят джунгли. Они появились здесь из бокового ответвления, где Рио-де-Жанейро так и не был построен. На месте Токио возник примитивный лес, о происхождении которого до сих пор ведут дискуссии ботаники и палеонтологи. Где-то, в ином пространстве и времени, Токио и Рио продолжают существовать, в них живут люди... Но Детройт...

Мы до сих пор не понимаем, что произошло с Детройтом. Он находился на участке, подвергшемся временно́му сдвигу, и исчез из нашего времени, а потом вернулся обратно. Город был совершенно пуст, там не осталось ни одного из сотен тысяч жителей — казалось, они растворились в воздухе. Кое-где виднелись следы борьбы, но они могли быть вызваны паникой, охватившей горожан. Сам город стоял на прежнем месте без малейших повреждений. Даже следов грабежа обнаружить не удалось. Но в нем не осталось ни одного человека, домашнего животного или хотя бы птицы в клетке. Для нас навсегда останется тайной, как такое могло произойти.

Возможно, профессор Минотт смог бы разобраться в этой загадке. Оставшиеся после него фрагментарные заметки показывают, что сделанные им наблюдения о сдвигах времени имеют огромную ценность. Вся наша теория основывается на бумагах Минотта, которые он счел не слишком важными и потому не взял с собой. Конечно, немалую роль сыграли комментарии Блейка и Харриса. Том Хантер почти ничего не помнил. Мэйда Хайнс сумела сообщить ряд полезных сведений, но они касались вещей, которые нам и так были известны. От Берты Кеттерлинг проку было совсем немного.

Ответы на многие вопросы до сих пор ускользают от нас. Их наверняка можно было бы отыскать в седельных сумках, которые Блейк отдал Минотту, отправившемуся в безнадежное путешествие сквозь пространство и время. Наши ученые напряженно работают, чтобы разобраться в цифрах, которые Минотт считал тривиальными.

Во всем мире множество людей с вожделением думают о седельных сумках на спине лошади, которая сопровождает Минотта и Люси Блейр, едущих навстречу удивительным пейзажам и невероятным приключениям, вооруженных револьверами и учебниками — оружием для покорения мира.

Корабль никто не видел

Приземление корабля с планеты Кул-Эн прошло никем не замеченным, что как раз и входило в намерения капитана. Несмотря на крошечные размеры судна — не более пятнадцати футов в диаметре — и тот факт, что команда состояла всего из одного члена экипажа, он мог за считаные секунды уничтожить население земных городов.

Но разрушение не входило в его планы. Он искал сложную гормональную субстанцию, которая, по мнению медиков Кул-эна, должна существовать в природе, но синтезировать ее ученые не могли. Однако ее было необходимо найти, причем в больших количествах.

Как только она будет обнаружена, встанет вопрос о том, как ее заполучить. И на решение этой проблемы будут брошены ресурсы целой расы. Но сначала субстанцию требовалось отыскать. Крошечный корабль, отправленный на поиски в Солнечную систему, намеревался не привлекать ничьего внимания, а свою миссию — если получится — сохранить в тайне. Прежде всего потому, что контакт нужного гормона со стандартным лучевым ружьем Кул-Эна приведет к уничтожению вещества. Следовательно, обычные методы добычи зоологических образцов здесь не подходили.

Корабль возник в пустом космическом пространстве неподалеку от Нептуна. Он приблизился к холодной планете, некоторое время повисел над ней и решил не садиться. Он помчался в глубь системы, в сторону Солнца, и на короткое время опустился на Ио, но не обнаружил там жизни. Тогда

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

он подошел к Марсу и не покидал его целую неделю, но растительность там оказалась жалкой, а животные, которым удалось выжить, выродились и не представляли особого интереса. Тогда корабль направился к Земле и довольно долго оставался на границе ее атмосферы. Затем он выбрал место, которое, вне всякого сомнения, показалось наиболее подходящим его капитану, и совершил посадку.

На самом деле корабль приземлился ночью. Никто не обратил на него внимания, поскольку его двигатели работали бесшумно. А к рассвету он был надежно спрятан. Единственным живым существом, видевшим, как он сел, была пума, но к полудню она превратилась в начисто обглоданный канюками и ящерицами скелет. Дело завершили муравьи.

Кул-эн в корабле остался доволен. Прежде чем отдать тело пумы на растерзание канюкам, он тщательно его изучил. Нервные клетки и ткани мозга животного, вне всякого сомнения, содержали либо сам гормон, либо вещество, близкое к нему по составу. Его можно было модифицировать и превратить в необходимую субстанцию. Оставалось только выяснить, насколько на Земле велик запас драгоценного вещества. Вариант уничтожения группы животных — скажем, местных цивилизованных существ — и изучения их тел не рассматривался, поскольку тогда будет разрушен сам гормон. Значит, оценку резервов придется проводить путем обработки образцов. Кул-эн в корабле приготовился к исследованиям.

Корабль приземлился на неровной местности примерно в сорока милях к югу от Энсенада-Спрингс, национального лесного заповедника. Здесь, на огромных территориях, огороженных, казалось, бесконечными милями красной ленты, фермеры выращивали овец. В радиусе десяти миль от места, где был спрятан корабль, обнаружилось множество кроликов, птиц, оленей, койотов, пара волков, несколько бурундуков, бессчетное количество полевых мышей, три или четыре пумы, стадо овец численностью в две тысячи голов, одна собака и один человек.

Человека звали Антонио Менендес. Старый, грязный и невежественный, он официально являлся пастухом. В действительности за стадом следил пес Салазар, исключительно полезный, несмотря на весьма сомнительное происхождение.

Он не раз вступал в сражения за жизнь и благополучие своих подопечных, и все его тело было испещрено шрамами. Пес без устали заботился о безмозглых пушистых существах. Иногда во время несения вахты он был так занят, что даже не мог найти минутки, чтобы почесаться. Он неплохо относился к Антонио, но знал, что тот совершенно не понимает овец.

Кроме этих существ, среди которых кул-эн надеялся найти необходимые образцы, были еще и насекомые. Однако их крошечный инопланетянин проигнорировал, поскольку понимал, что не слишком практично пытаться добыть большое количество искомой субстанции из таких маленьких организмов.

К вечеру из корабля на особом средстве передвижения, сконструированном специально для сбора образцов на этой планете, вылез исследователь. Диковинная машинка выбралась наружу, встала на задние ноги, закрыла дверь и замаскировала корабль ветками. А затем двинулась по тропинке уверенной кошачьей походкой. С расстояния двух футов машина ничем не отличалась от пумы. Она представляла собой прекрасный образец кул-энской инженерной мысли, создавшей устройство, которое сможет в чужом мире переносить с места на место крошечного исследователя, да так, чтобы ни у кого не вызывать удивления.

Исследователь устроился в маленькой каюте, которая разместилась примерно в районе легких искусственной пумы. Шкура получилась вполне убедительной, а глаза — просто великолепными, в особенности если учесть, что там находились сканеры, работавшие в самом широком спектре — от ультрафиолетового излучения до инфракрасного. Когти из пластика, более прочные и острые, чем у настоящей пумы, были устроены таким образом, что в случае необходимости убирались внутрь. Кроме того, имелось и другое оборудование, включая оружие, против которого на этой планете не устоит ничто. А для сбора зоологических образцов данный аппарат обладал одним неоспоримым преимуществом — поскольку он был целиком сделан из металла и пластика, то ничем не пах.

В первую ночь ничего особенного не произошло. Зато исследователь освоился с машиной и научился ею управлять.

Естественно, искусственная пума была значительно сильнее обычного животного. Она могла прыгать так, как не умело ни одно существо из плоти и крови. Устройства, отвечавшие за равновесие, работали идеально. И разумеется, машина никогда не уставала. Кул-эн внутри нее остался доволен.

Антонио и Салазар устроили овец на ночлег в природном амфитеатре. Антонио спал и храпел во сне. Он был очень суеверным стариком и носил множество различных амулетов квазирелигиозного характера. Салазар три раза перевернулся с боку на бок и тоже уснул.

В то время как человека было не разбудить, его пес часто открывал глаза. Один раз до него донеслось удивленное блеяние ягнят. Он вскочил, подошел к ним, подозрительно принюхался, но убедился, что все в порядке. Тогда он вернулся назад, почесал место, где его укусила блоха, потом погрыз другое — куда не доставали лапы — и снова улегся. В полночь он сделал контрольный круг, проверил своих подопечных и, удовлетворенный результатом, отправился спать. Ближе к рассвету он поднял голову, услышав крик койота. Впрочем, сам койот находился довольно далеко. Салазар дремал до самого рассвета, потом встал, встряхнулся, хорошенько потянулся и почесался, приготовившись встретить новый день. Человек тоже проснулся и, зевая, принялся готовить завтрак. Казалось, этот день окажется таким же, как все остальные.

Некоторое время так и было.

Возле корабля царили тишина и покой. Маленькое серебристое судно было надежно спрятано. Внутри мерцал крошечный — размером с булавочную головку — огонек, постоянно менявший цвет, а перед ним медленно ползла тонкая лента. Это было записывающее устройство, которое фиксировало все, что видели глаза и слышали микрофоны в ушах искусственной пумы. Внутри корабля имелся запас химиката, очищающего воздух. Он восстанавливался, когда попадал внутрь корабля сквозь узкую щель. Он избавлялся от углекислого газа и обогащался кислородом, необходимым для дальнейших путешествий исследователя.

Разумеется, муравьи тщательно исследовали космический корабль снаружи, а некоторым даже удалось забраться внутрь сквозь вентиляционное отверстие, и они тут же принялись

перетаскивать домой очень интересную, пусть и незнакомую еду. Несколько жучков тоже явились, чтобы изучить корабль, и они обнаружили, что им очень нравится на вкус химикат для очистки воздуха. Кое-кто быстро собрался около кормушки и занялся разведением потомства. Крошечный мотылек отложил множество яиц в похожую на гнездо кровать, на которой исследователь отдыхал во время полета. Но ничего более серьезного не происходило.

До позднего утра. Через два часа после завтрака Салазар обнаружил следы пумы, которая на самом деле таковой не была. Затем он нашел мертвого кролика. У него было аккуратно распорото брюхо, все внутренние органы разложены для изучения, а нервная система подробно исследована. Мозговые ткани подверглись особенно тщательному анализу — с целью как можно точнее определить, велико ли в них содержание гормона. Кул-эн, прятавшийся внутри искусственной пумы, остался очень доволен, обнаружив необходимое вещество еще в одном живом организме. Все было проделано с исключительным мастерством, ни один преподаватель анатомии не смог бы справиться с этой задачей лучше. Разве что парочка нейрохирургов сумела бы так же ловко препарировать мозг.

Иными словами, это было идеальное вскрытие, сделанное на плоском камне посреди овечьего выпаса, а затем с точностью до мельчайших деталей воспроизведенное на пленке мерцающим и постоянно меняющим цвет огоньком. Однако результат получился не слишком удачным, потому что пленка была покрыта телами мелких муравьев, которым очень понравилось на вкус ее покрытие, поэтому они попытались полностью его слизать.

Салазар увидел кролика и вьющихся над тушкой мух и спугнул канюка, который лениво поднялся в воздух, когда пес подошел поближе. Салазар его обругал, и Антонио, услышав лай, подошел посмотреть, что случилось.

Антонио был очень старым, грязным и невежественным. Он явился, тяжело дыша, в сопровождении мух, которые еще продолжали завтракать остатками утренней трапезы, прилипшими к его куртке. Салазар помахал хвостом и снова облаял канюка. Кролика аккуратно препарировали, но не съели. Разрезы явно были сделаны ножом или скальпелем. Совершенно очевидно, что ни одно животное не могло сотворить такое. Но рядом с кроликом отпечатались следы пумы. Более того, только ее задних лап! Настоящая пума всегда съедает добычу. Она никогда не поднимается на задние лапы и не вскрывает еду с ловкостью настоящего профессионала. Следовательно, на такое не способно ни одно земное существо!

Антонио вытаращил глаза. Он сразу подумал о колдовстве. О черной магии. Представить себе препарирование с научными целями он не мог. С его точки зрения, существо, которое убивает, а потом так себя ведет, обязательно должно иметь непосредственное отношение к дьяволу.

Он вскрикнул и с диким воплем помчался прочь. Удивленный Салазар догнал его примерно через сотню ярдов и поспешил вперед, проверить, что так испугало человека. Он бросался то вправо, то влево, затем старательно обежал вверенное его заботам стадо. В конце концов, высунув язык, он вернулся к Антонио, сообщить ему, что все в порядке. Но Антонио дрожащими руками складывал вещи. По лбу у него стекал пот.

В любом случае соседство с пумой нежелательно для человека, присматривающего за стадом овец. Но, похоже, им попалась совсем не обычная пума. Почему Салазар — честный, надежный Салазар — не учуял ее запах, когда изучал следы? Он бы громко сообщил о своем открытии, если бы уловил ее присутствие. Значит, тут действуют сверхъестественные силы. А пума — это привидение или что похуже. Антонио тут же вспомнил про тигров-оборотней, львов-призраков и демонов из легенд индейцев. Он собирал вещи, а Салазар чесался и пытался понять, что случилось.

Они собрали стадо и двинулись в путь. Овцы предприняли несколько бессмысленных попыток разбрестись в разные стороны и самостоятельно выбрать место, где травка казалась им посочнее. Но Салазар сбил их вместе и погнал вперед. Работенка оказалась не из легких, но ему помогал Антонио — что само по себе было необычно.

К полудню их прежний выпас остался в четырех милях позади, а они очутились среди горных пиков. Кое-где лежал снег, и во все стороны тянулись огромные открытые простран-

ства. Зрелище было великолепное, но Антонио не замечал этой красоты. Салазар снова наткнулся на канюков и нарушил трапезу, которую они делили с мухами и муравьями.

На сей раз оказалось, что это койот. Он был убит и на редкость старательно вскрыт с целью получше узнать внутреннее строение взрослого самца. Получилось очень впечатляюще. Опыт подтвердил, что на Земле водится третий тип животных, отличающийся от пумы и кролика, но имеющий тот же тип нервной системы.

У койота ткани мозга содержали такой же высокий процент необходимого гормона, как и предыдущие образцы. Если бы полученные данные были записаны крошечным мигающим огоньком — и от него не пришли бы в восторг маленькие красные жучки и пауки,— кул-эн получил бы доказательства того, что на Земле можно найти необходимый гормон, от которого зависело благополучие целой цивилизации. Некоторые представители его народа не стали бы продолжать разведку, но наличие образцов трех различных видов и отсутствие данных о количестве искомого вещества не устраивало нашего исследователя. И он отправился дальше.

Антонио, естественно, ничего такого даже представить себе не мог. Салазар подвел его к трупу койота, рассеченному на две равные части. Одна половина осталась нетронутой. Другая была умело препарирована, а мозг разложен для изучения. Антонио понял, что тут потрудилось разумное существо. Но он снова видел те же следы — они принадлежали пуме. Страх буквально парализовал его, ведь он был суеверен до мозга костей. Антонио лелеял не только относительно простые предрассудки испанцев, но и те, от которых стыла в жилах кровь,— те, что достались ему в наследство от предков-индейцев. А человек, верящий в ацтекских демонов, относится к обычному оборотню как к домашнему питомцу.

Антонио был так напуган, что почувствовал небывалый прилив энергии. С бессвязными воплями он бы бросился бежать в Энсенада-Спрингс — дотуда было сорок миль по прямой,— но так он однозначно приговорил бы себя. Он знал, что демоны, творящие подобное, любят набрасываться на человека, когда он остается один. Но их можно обмануть.

Кул-эн, спрятавшийся в искусственной пуме, был в восторге. Он испытывал удовлетворение, наполнявшее его до самых крошечных дрожащих отростков на щупальцах тела. Он обнаружил, что нужная нервная система и концентрация необходимого гормона в массе нервных тканей являются нормой для этой планеты. Ею обладает огромное количество животных. Даже местная цивилизованная раса должна иметь черепа, наполненные мозгом. А судя по городам, которые он видел из стратосферы, разумные существа, похоже, являются здесь одним из наиболее многочисленных видов.

По крайней мере, исследователь очень на это рассчитывал, потому что собирать образцы из городов значительно удобнее. Долгое существование в искусственных условиях — сто тысяч лет, не меньше — привело к тому, что раса кул-энов лишилась способности вырабатывать необходимый гормон в собственных телах. Их ждет трагический конец, если им не удастся найти столь важное для жизни вещество.

Крошечный исследователь в искусственной пуме его обнаружил! И потому он был исполнен ликования и с нетерпением ждал возможности закончить сбор информации и принести домой хорошие новости.

Антонио увидел его час спустя, и ему отчаянно захотелось завопить от ужаса. Диковинное существо как две капли воды походило на пуму, но пастух сразу понял, что оно состоит не из плоти и крови, поскольку передвигается невероятными скачками. Ни одно животное в мире не в состоянии подпрыгнуть на шестьдесят футов. А это могло. Однако внешне оно ничем не отличалось от самой обычной пумы. Остановившись, странное создание посмотрело на стадо овец, подскочило к нему и снова вернулось на прежнее место. Салазар не обратил на него никакого внимания. Ни он, ни овцы не учуяли запах хищника. Антонио, охваченный паническим страхом, решил, что те его не видят. И тогда он приступил к сложному, безумному ритуалу, целью которого было убедить пуму в том, что против нее направлено магическое заклинание.

Он принялся лопотать нечто нечленораздельное, обращаясь к овцам и называя животных «сеньор Гомес» и «сеньора Онате». Затем он что-то лихорадочно сообщил барану со злобными глазами, которого именовал «сеньор Гутиэрес». Неуклю-

жий ягненок на тонких ножках ужасно его огорчил, и Антонио принялся ругать малыша, дав ему имя «Пепито». После этого он снял шляпу перед беременной овцой, приветствуя ее как «сеньору Гарсиа», и дрожащим голосом заметил, что сегодня мухи ведут себя просто отвратительно. Он расхаживал среди овец и вел себя так, словно его окружают люди. Такое поведение должно было, по меньшей мере, смутить демона. Он болтал не замолкая и делал вид, что ему ужасно весело, но по лбу у него стекали струйки пота.

Салазар в этом представлении не участвовал. Овцы вели себя прилично и больше не пытались улизнуть, так что он мог позволить себе время от времени остановиться и почесаться, даже дотянуться до очень неудобного места между задними лапами. Проблемы возникли только один раз — когда идущие впереди овцы вдруг остановились и запаниковали. Салазар бросился проверить, в чем дело, и обнаружил, что овцы тупо топчутся на месте, а бараны роют копытами землю, бросая вызов неизвестно кому. Салазар увидел на земле труп оленя. В воздухе висел запах крови, который и расстроил его подопечных. Он заставил их пройти мимо, иногда начиная лаять, а порой и покусывая овец, когда в этом возникала необходимость. Потом он с отвращением выплюнул куски шерсти, застрявшие в пасти.

В конце концов овцы пошли дальше. Однако Антонио, увидев труп оленя, замер на месте от невыразимого страха. Оленя убила пума — вокруг было полно ее следов. А затем тварь разрезала его, будто вивисектор скальпелем, но не завершила работу. На самом деле фальшивой пуме помешало подошедшее стадо. Даже мухи еще не налетели. Антонио приблизился к трупу, словно полоумный, беседуя с овцой, у которой были больные глаза, а вокруг головы кружила мошкара. Он называл ее «сеньорита Кармен». Но когда он увидел оленя, в горле у него пересохло, и он замолчал, потеряв дар речи.

А еще он чудом не лишился рассудка от ужаса. Пройти мимо существа, предназначенного для магической церемонии,— исключительно дурное предзнаменование, но Антонио так отчаянно хотел поскорее убраться из этого проклятого места, что действовал не раздумывая. Он произнес языческое заклинание, отлично зная, что его ждет суровое наказание, когда он в следующий раз пойдет на исповедь. Кроме того, он совершил ряд таких же мерзких телодвижений.

Когда он вернулся с хворостом, труп взрослой самки оленя был окончательно испорчен и уже не представлял интереса с точки зрения изучения скелета, мышц, кровеносной и особенно нервной системы. Антонио сложил на него все ветки, какие ему удалось найти неподалеку, вылил керосин, предназначавшийся для фонаря, и поджег. Он сопровождал свои действия песнопениями, отчего происходящее действительно превратилось в жертвоприношение несуществующим языческим демонам. Но он уже почти ничего не соображал от страха.

Салазар побежал вперед, проверив Антонио и тех овец, что плелись последними. Когда ему пришлось снова миновать костер, он наморщил нос и чихнул. Антонио ковылял рядом.

Однако меры, принятые пастухом, чтобы отогнать демона, не помогли. Темная тень опять появилась на склоне холма среди больших камней. С невероятной грацией она передвигалась огромными прыжками. И неудивительно! Ни одно животное не может превзойти по силе машину, причем такую, какую человек построить не в состоянии. Она представляла собой предназначенный для исследований и опытов механизм, которым управляло маленькое существо с Кул-эна. В данный момент оно разглядывало стадо овец.

Впрочем, на Салазара и Антонио оно смотрело с не меньшим интересом. Двуногий, по наблюдениям кул-эна, подверг примитивному химическому процессу труп последнего препарированного животного. Почему? И с какой целью маленькое четвероногое существо постоянно обегает стадо? Исследователь с Кул-эна специализировался на анатомии и органической химии и не был настоящим зоологом, но догадался, что собака, вероятно, является хищником, а человека связывают со стадом непонятные симбиотические отношения.

Следует заметить, что такая оценка Салазара была исключительно несправедливой. Да и Антонио заслужил большего. Охваченный паникой, он превратил труп, подготовленный для магического ритуала, в чисто языческую жертву — подношение, сделанное с целью умилостивить мифического демо-

на из ацтекского фольклора. Но когда он увидел, что фальшивая пума огромными прыжками спускается вниз по склону, то посерел от ужаса. Ни одно дикое животное никогда не станет так открыто являться человеку. Антонио решил, что обречен и одновременно проклят. Вот-вот страшное существо, не обращая никакого внимания на вопли, схватит его и унесет в места, где несчастного ждут неописуемые ужасы. Он ощутил невыносимое отчаяние. Дрожащими руками он нарисовал крест на пуле, предназначенной для древнего ружья. А затем пометил таким же образом все остальные.

Кул-эн остановился. Он сосчитал, сколько в стаде овец. Теперь следовало выбрать образцы для исследования. Требовалось препарировать и изучить на предмет наличия нервных тканей, содержащих нужный гормон, шесть новых организмов. Два вида овец — взрослых самца и самку, а также детенышей разного пола, плюс к ним двуногого и собаку. Затем необходимо быстро проверить, сколько имеется в наличии таких животных, и...

Антонио увидел, что пума замерла на месте. Он опустился на одно колено и зарядил ружье пулей с крестом. Затем он прицелился в невероятное существо. Искусственная пума с интересом за ним наблюдала. Кул-эн, естественно, никогда не видел ружья. Однако поза Антонио показалась ему необычной. Возможно, она является частью поведенческой модели, включавшей в себя процесс окисления, которому подвергся олень. Раса кул-эн была, разумеется, слишком цивилизованной, чтобы использовать открытый огонь, но маленькое существо внутри искусственной пумы один раз видело его во время демонстрации опыта по окислению. Кул-эн узнал реакцию в трескучем сиянии над телом последнего образца.

Антонио выстрелил. Руки у него дрожали, и он не попал. Ничего не произошло. Задыхаясь от страха, он выстрелил еще раз, потом еще и еще. И всякий раз промахивался.

Помеченные крестом пули ударяли в красную землю и отскакивали от голых скал вокруг исследователя с Кул-Эна. Когда из камня во все стороны полетели искры, он понял, что ему грозит опасность. Он мог убить человека, собаку и всех овец одним легким движением щупальца, но тогда они перестали бы представлять интерес в качестве новых образ-

цов. А то, что ему уже удалось здесь узнать, вселяло такой оптимизм, что искать новые образцы и откладывать возвращение на родную планету не хотелось. Чтобы не испортить материал, который кул-эн намеревался исследовать позже, он проделал восхитительный прыжок на сто футов вверх по склону холма и оказался около самой вершины. В следующее мгновение он исчез.

Салазар с лаем бросился в погоню. Он понюхал то место, где животное стояло перед тем, как взлететь вверх по склону, но не обнаружил знакомого запаха. Это существо не пахло. Салазар чихнул и побежал обратно. Антонио лежал на земле ничком и что-то бормотал. Он видел неоспоримое доказательство того, что пума является посланником ада.

Салазар осторожно приблизился к нему и обнюхал. Антонио дико завопил. Пес лизнул его руку, чтобы немного успокоить. Тогда Антонио поднял голову, испуганно огляделся по сторонам, а потом с трудом поднялся на ноги. Салазар стоял рядом и вилял хвостом. Антонио всхлипнул. Его стадо продолжало медленно уходить, и он поспешил догнать его. С каждым вдохом он всхлипывал от ужаса и отчаянно раскаивался во всех грехах. Нервы Антонио были в ужасающем состоянии.

По другую сторону холма кул-эн постарался отбежать подальше от места, где находилось стадо. Разумеется, он не отказался от желания выбрать несколько образцов, а также препарировать человека и собаку. Его невероятно заинтересовал малопонятный способ, которым двуногое пыталось защищаться. Он сообщил собственное понимание проблемы мигающему огоньку, который записывал все, что исследователю удавалось узнать.

Почему двуногий не охотится на стадо, если может убивать? Какова суть симбиотических отношений, связывающих собаку, человека и овец? Три вида животных находятся в мирных отношениях друг с другом. Кул-эн надиктовал все свои наблюдения. Затем он приступил к охоте за другими образцами. Он нашел и убил волка, после чего убедился, что и он может послужить источником гормонов. Следующим был бурундук, которого кул-эн исследовал лишь поверхностно, поскольку лучевой пистолет повредил мозговые ткани, но,

судя по строению, представители этого вида тоже подходили для его целей.

Наконец он продиктовал огоньку выводы, которые заключались в том, что наличие необходимого гормона в центральной нервной системе присуще всем животным, обитающим на данной планете. Следовательно, он изучит еще четыре вида и покинет Землю, чтобы представить Центру отчет. Модифицировав лучи так, чтобы они убивали животных этой планеты, не разрушая гормон, кул-эны смогут, вне всякого сомнения, получить столько искомого вещества, сколько им потребуется.

Концентрация местной цивилизованной расы в городах облегчит широкомасштабную добычу гормона, если только эти существа не являются исключением с точки зрения строения нервной системы и не отличаются от остальных животных, обитающих на планете.

Он диктовал свои выводы, а разноцветный огонек в корабле старательно менял цвет и мигал, чтобы зафиксировать все, как полагается. Однако данные не появлялись на пленке. Довольно большой жук заблокировал кассету. Его, конечно, раздавило, но и записывающий аппарат вышел из строя. Впрочем, еще прежде, чем остановилась пленка, прибор перестал работать. Его оплели паутиной маленькие паучки, в него угодили уховертки, и огонек начал взволнованно пульсировать, облепленный крошечными прозрачными насекомыми. Чешуйницы удобно устроились в пластиковых деталях корабля кул-эна. Жуки резво размножились в химикате, предназначенном для очистки воздуха. Личинки мотыльков с удовольствием поедали материал, из которого было сделано уютное гнездышко исследователя. Муравьи пробрались в складское помещение, где хранились продукты. Клещи проникли на корабль, чтобы поживиться своими более крупными собратьями. Богомолы с удовольствием поглощали кого помельче.

Короче говоря, в темноте корабля металось бесчисленное количество летучих насекомых, а большие пауки старательно плели паутину, чтобы поймать их в сети. Запахи из вентиляционных отверстий привлекли множество самых разнообразных мух, повсюду деловито сновали многоножки и...

На мир опустилась ночь. Фальшивая пума бродила среди холмов, но старалась держаться поближе к блеющим овцам, которые направлялись в долину. Исследователь поймал полевую мышь и в очередной раз убедился, что на этой планете существует огромное разнообразие форм жизни, содержащих необходимый его цивилизации гормон. Но овец нельзя никуда вести ночью. Пытаться сдвинуть их с места, когда на небе появляются звезды,— пустая трата сил. Кул-эн вернулся, собираясь отобрать несколько образцов в темноте, чтобы человек не смог использовать свое диковинное средство защиты. Тут он обнаружил, что овцы устроились на ночлег.

Салазар и Антонио отдыхали. Они постарались увести стадо как можно дальше от опасного места. Несмотря на то что Антонио едва держался на ногах от ужаса, он продолжал упрямо шагать вперед до тех пор, пока Салазар не лег на землю, отказываясь идти дальше. Но Антонио не оставил стадо. Овцы в определенной степени являлись его защитой — даже если они всего лишь отвлекали внимание страшного существа.

Он развел костер, потому что не мог даже представить, что ему придется провести ночь в темноте. На огонь налетела туча мошкары, но Антонио не обращал на нее внимания. Он изо всех сил пытался набраться мужества. В конце концов, существо из ада убежало от пуль, помеченных крестом, хоть они и не попали в цель. При свете Антонио мог поразить быка в глаз. Он сидел у костра и вырезал более глубокие кресты на пулях. В горле у него пересохло, а сердце глухо колотилось в груди, когда он прислушивался к голосам ночных животных и тихим звукам, которые издавали спящие овцы.

Салазар дремал у огня. У него выдался очень трудный день, но он все равно спал чутко. Когда кто-то завыл, он вскинул голову и прислушался. Но вой доносился издалека, так что Салазар почесал ухо и успокоился. Неожиданно раздалось шипение, и он открыл глаза.

Затем он услышал удивленное придушенное блеяние, и тут же помчался в сторону, откуда оно доносилось. Антонио вскочил на ноги, сжимая в руках ружье. Салазар исчез. Затем до человека донесся сердитый лай. Салазар с кем-то сражался, с кем-то, кого совсем не боялся. Антонио, держа наготове ружье, двинулся на звук.

Лай удалялся в сторону холмов и вдруг стал еще более яростным и возмущенным. Затем Салазар замолчал и наступила тишина. Антонио, отчаянно дрожа, позвал пса, и тот подбежал к нему с жалобными стонами и рычанием. Салазар не мог сказать Антонио, что наткнулся на существо, похожее на пуму, но при этом пумой не являвшееся — оно неправильно пахло. Это странное создание уносило убитую овцу. Он не мог объяснить, что бросился в погоню, но оно передвигалось такими огромными прыжками, что пытаться догнать его было бесполезно. Салазар издавал обиженные, возмущенные, жалобные звуки. Шерсть у него на загривке встала дыбом. Он горестно повизгивал и изо всех сил напрягал уши. Дважды он собирался обежать все стадо, но всякий раз Антонио отзывал его. Человек чувствовал себя спокойнее, когда рядом была собака.

Прячась в ночных тенях, кул-эн, управлявший машиной, положил на землю овцу и направился обратно, к стаду, поскольку ему требовалось еще три образца, не считая двуногого и собаки. Но пес был настороже. Кул-эн не смог убить его, потому что пума держала в пасти овцу. Наверное, стоило сначала заняться человеком и собакой — а затем завершить изучение овец.

Пума бесшумно подошла к стаду. Существо, прятавшееся внутри нее, охватил восторг. Ему нравилось ставить научные эксперименты, но они редко доставляли ему такое восхитительное удовольствие. Естественно, исследователь должен заботиться о своей безопасности, когда собирает образцы. Но какое поразительное возникает чувство, когда встречаешься с существом, готовым оказать сопротивление! Кул-эн подумал, что ничего подобного ему испытывать не доводилось. Как же приятно сражаться с представителем чужой планеты, когда тебя при этом принимают за обитающее здесь животное.

Он неслышно передвигался среди спящих овец и увидел крошечный огонек костра Антонио. Еще один процесс окисления при высоких температурах... Интересно посмотреть, сжигает ли двуногий труп другого животного, на сей раз убитого им самим?..

Исследователь находился примерно в двухстах ярдах от костра, когда его учуял Салазар, поскольку пума стояла против ветра. Сам механизм пах металлом и пластиком, но мех был перепачкан кровью овцы, которую он убил сегодня ночью. Салазар зарычал, и шерсть у него на загривке встала дыбом. Инстинкт требовал, чтобы он бросился на защиту стада. Он чуял этот запах, когда странное существо гигантскими прыжками умчалось от него, оставив далеко позади.

Он медленно двинулся в сторону темной тени. Антонио последовал за ним, движимый отчаянным спокойствием, которое рождается из безнадежности.

Одна из овец приглушенно пискнула — кул-эн добыл второй образец, но решил ненадолго оставить его и посмотреть на костер. Он заглянул в огонь, стараясь понять, положил ли туда двуногий тело животного, что, похоже, являлось для него делом обычным. Кажется...

Салазар, не издав ни звука, яростно метнулся к перепачканному кровью горлу противника. Он никогда в жизни не стал бы столь безрассудно атаковать настоящего хищника, но он знал, что это не пума. Неожиданное нападение застало кул-эна врасплох, и он упал. В следующее мгновение раздалось испуганное блеяние овец и разъяренное рычание Салазара, который почувствовал, как поддается под его зубами пластик, и ощутил соленый привкус овечьей крови.

Искусственная пума повела себя абсурдно. Оружие исследователя, лучевой пистолет, будучи наведен на цель, выстрелит, как только фальшивой пуме удастся пошире раскрыть пасть. Существо внутри пумы попыталось использовать его. Но кул-эн не смог направить оружие на Салазара. Впрочем, он не сомневался, что выиграет сражение. Только ему придется найти способ заставить искусственное животное лечь, свернуться всем своим механическим телом и когтями оторвать Салазара от горла. Но сначала кул-эн постарался поднять пуму на ноги.

На это ушло некоторое время, потому что, когда лапы Салазара коснулись земли, он еще сильнее вцепился в глотку врага. Антонио находился в двадцати ярдах от них, когда исследователю удалось придать машине вертикальное положе-

ние. Затем он поднял голову и попытался решить, как ему избавиться от Салазара, который продолжал висеть на горле.

И тут он заметил Антонио. На мгновение исследователь почувствовал тревогу. Но человек не стал опускаться на одно колено, он вообще не делал никаких движений, которые кул-эн мог бы трактовать как угрожающие. И потому машина смело направилась к нему, решив пока не обращать внимания на собаку, вцепившуюся в глотку механизма. Смертоносный луч действовал исключительно эффективно, но, поражая ткани тела, уничтожал ценный гормон.

Существо внутри пумы испытывало приятное возбуждение, даже восторг. Двуногий замер в неподвижности, пораженный видом направляющегося к нему хищника, в горло которого впился рычащий пес. Человек представлял для исследователя особый интерес — вскрывать его будет поистине увлекательно, а его способ защиты вызывал любопытство...

Пальцы Антонио спазматически сжимались и разжимались по мере того, как к нему приближалось чудовище. Не очень понимая, что делает, он нажал на курок, и пуля, помеченная крестом, задела бок Салазара, сорвав четверть дюйма кожи. Затем она попала в существо из пластика и металла, угодив в переднюю лапу. Свое средство передвижения кул-эн смастерил из магния, чтобы сделать его как можно легче. Но внутри механизма были стальные провода, необходимые для создания магнитного поля. Пуля легко преодолела пластик и магний и, ударившись о сталь, выбила искру.

Тут же возникла ослепительная вспышка пламени, все окутал густой дым. Искусственная пума подлетела высоко в воздух, а Салазар, которого слегка опалило огнем, разжал зубы и откатился в сторону. Пума упала и завертелась на месте, одна нога перестала действовать, из нее валил чудовищный белый дым. Существо внутри охватила паника. Затем исследователь почувствовал под собой тела овец, принялся дико размахивать конечностями и в конце концов засунул горящую лапу в мягкую землю. Огонь тут же погас. Но эта часть механизма стала совершенно бесполезной.

На мгновение смертельная ярость наполнила маленькое существо в кабине, расположенной в легких искусственной пумы. Он чуть не повернулся и не открыл стальную пасть,

чтобы поразить обидчика смертоносным лучом. Чуть не открыл. Все стадо погибло бы мгновенно, и человек, и собака, и все живые существа на многие мили вокруг. Но это совсем не научный подход. В конце концов, он выполняет тайную миссию. А двуногий...

Кул-эн остановил машину и заставил себя спокойно оценить ситуацию. Салазар подскочил к нему и принялся пронзительно лаять — в душе пса страх мешался с отвагой, которая все-таки побеждала. Он бегал вокруг диковинного животного и гавкал.

Наконец кул-эн нашел решение — механизм встал на задние лапы и помчался вверх по склону. Это был экстренный способ передвижения, для которого данная конструкция не была приспособлена, и исследователю потребовались все его навыки, даже вдохновение, чтобы управлять рычагами. Но кул-эн был исключительно компетентен. Он благополучно добрался до вершины холма, в то время как Салазар лишь притворялся, что собирается его преследовать. Оказавшись на безопасном расстоянии, кул-эн остановился и довольно быстро понял, как передвигаться на трех ногах. Затем пума помчалась к спрятанному кораблю.

Через час исследователь убрал ветки от входа, заполз внутрь и задраил за собой люк. Исключительно в качестве предосторожности он запрограммировал корабль на быстрый старт еще перед тем, как покинуть его после приземления.

Вентиляционное отверстие закрылось — почти. Корабль бесшумно и очень быстро начал подниматься в небо. Его прибытие осталось незамеченным. На отлет тоже никто не обратил внимания.

Только включив систему внутреннего освещения, исследователь понял, что с кораблем не все в порядке. На мгновение лампы вспыхнули, а затем снова стало темно. Система не работала. Муравьи съели всю изоляцию с проводов. Произошло короткое замыкание. Кул-эн был озадачен. Он снова забрался внутрь пумы, чтобы воспользоваться сканерами инфракрасного излучения.

Корабль кишел насекомыми. Он увидел муравьев, уховерток, чешуйниц, клещей, пауков, многоножек, богомолов и жуков. А еще мотыльков, мошек, мух, комаров и личинки

всех возможных разновидностей. Записывающее устройство было оплетено паутиной и усыпано останками тел крошечных жертв пауков. Химикаты, отвечавшие за очистку воздуха, оказались испещрены тоннелями, которые проделали жуки. Сверчки с удовольствием съели пластмассовые части корабля и теперь радостно трещали. А панель управления — ах! С нее тоже исчезла изоляция. Консоли были все в дырах, а кое-где и вовсе превратились в пыль. Корабль мог подняться в воздух, что он и сделал. Но управлять им не представлялось возможным.

Кул-эна охватила такая ярость, что он вполне мог бы уничтожить всех насекомых или себя самого. Будущее его народа зависело от обнаружения надежного источника гормона. Он нашел его. Только возвращение маленького корабля могло подарить жизнь цивилизации, просуществовавшей сто тысяч лет. Но на его пути встали насекомые с планеты, которую он только что покинул! Насекомые такой низкой организации, что кул-эн попросту не обратил на них внимания.

Корабль находился в двадцати тысячах миль от Земли, когда исследователь включил лучевой пистолет, чтобы уничтожить крошечных врагов своего народа. Смертоносный луч пронесся по кораблю. Мошки, пауки, жуки, мухи, чешуйницы и личинки погибли. Затем кул-эн выбрался наружу и занялся ремонтом. Он обладал достаточными техническими умениями. За несколько часов он превратил причудливый механизм в форме пумы в новый корабль. Найти и заменить съеденную изоляцию было делом времени и терпения. Корабль вернется на родную планету. Кул-Эн ждет светлое будущее. Огромные корабли, во много раз превышающие размерами этот, оснащенные приборами, которые специально предназначены для сбора фауны, помчатся сквозь космическое пространство к Земле.

Города цивилизованной расы станут самым доступным и богатым источником гормона, в котором его народ так отчаянно нуждается. Обитателей даже одного города будет достаточно, чтобы обеспечить Кул-Эн необходимым количеством. Его соберут, и будут собирать постоянно, позволив животным и цивилизованной расе размножаться в течение нескольких лет между снятиями урожая. Да...

Кул-эн работал не покладая рук. Но тут он почувствовал, что ему стало как-то не по себе. Он не прекращал трудиться. Неприятное ощущение, которое исследователь не мог объяснить, усилилось. Но и тогда он не отвлекался от дела...

На Землю пришло утро. Солнце медленно занимало свое место на небе, и на траве горных пастбищ засияла роса. Далекие пики проступили сквозь облака, прикрывшие их на ночь. Антонио продолжал дрожать, но Салазар спал. Когда солнце окончательно встало, он поднялся, встряхнулся и с удовольствием потянулся, затем старательно почесался, снова встряхнулся и приготовился встретить новый день. Когда Антонио стал настаивать на том, что они должны отвести овец в долину, он помог старику. Пес бежал за стадом, заставляя овец идти вперед. Он выполнял свою работу.

Серебристый корабль, медленно летящий в космосе, неожиданно исчез. Исследователь сумел починить его и вывести в овердрайв. К этому моменту он уже погрузился в отчаяние. Он чувствовал, что слабеет, а ему было необходимо добраться до родной планеты и доложить, что она спасена. Записывающее устройство не работало. Кул-эн знал, что умирает. Но если ему удастся хотя бы приблизиться к планете, населенной представителями его народа, он сможет послать сообщение, и тогда все будет хорошо.

Передвигаясь с огромным трудом, кул-эн сумел включить свет в корабле. Тогда он обнаружил причину своей слабости и затрудненного дыхания. Смертоносный луч его оружия опалил изнутри весь корабль. Но искусственная пума осталась в целости и сохранности. Разумеется! Пума убивала и таскала образцы. Когда горела ее передняя лапа, она каталась по спинам удивленных овец. Она нахваталась блох и клещей — возможно, и от Салазара. Их исследователю прикончить не удалось. И они с удовольствием поселились на кул-эне.

Он отчаянно старался остаться в живых до тех пор, пока ему не удастся передать известие. Но это было невозможно. Одной мелочи возвращавшийся домой исследователь не знал, а приборы, которые могли о ней доложить, не работали из-за съеденной изоляции. Вентиляционное отверстие закрылось не до конца — в нем застрял большой жук, и в получившуюся щель медленно вытекал воздух. Кул-эн в корабле умирал от

кислородного голодания, не понимая, что с ним происходит,— так земные пилоты сбиваются со знакомого курса, не успевая ничего сообразить. Маленький серебристый корабль так и не вышел из овердрайва. А исследователь не доложил о своем открытии.

Со временем блохи и клещи тоже сдохли. Они умирали счастливыми, успев до отвала наесться жидкостей из тела кулэна. Но им не довелось сообщить соплеменникам, что кулэн — исключительно вкусное блюдо.

Единственным, кто мог что-то поведать о случившемся, был Антонио. Он рассказывал, но над ним все потешались. Только его дружки и суеверные люди вроде его самого могли поверить в существо из ада, разгуливавшее в теле пумы. Пума эта могла прыгнуть вперед на сотни футов, аккуратно разрезала животных и совершала над ними магические ритуалы. Но от пуль, помеченных крестом, она спасалась бегством, а если ее ранить, вместо крови наружу вырывался огонь и дым.

Все это, разумеется, чистой воды ерунда.

Лекарство для юлита

«...Человечество за все свое долгое существование постоянно колебалось между периодами расцвета и упадка. На Земле древняя история рассказывает о классическом веке Великолепия, на смену которому пришел темный век Отчаяния. Точно так же после века Покорения, когда удалось добраться до всех обитаемых планет Первой галактики, последовал век Тирании, и цивилизация опустилась до рабства. Но даже в эти страшные времена мечты о свободе не умирали и людям удавалось одерживать победы. К примеру, на Лорене III...»

«Начальная история человечества», Ригель IV, 21105

Гарр, невысокий человек с морщинистым лицом, вышел из серебристого принимающего поля передатчика материи на Лорене и сразу же прикрыл глаза. Так всегда бывает. Он был единственным пассажиром среди тюков и пакетов, поскольку Алциус XXII, король Лорена, крайне неохотно принимал в своих владениях путешественников.

Обычно ими были послы планет, с которыми он поддерживал теплые отношения, или привилегированные преступники, которых другие правительства вместо того, чтобы казнить, отправляли в ссылку. Иногда еще прибывали чиновники, без которых невозможно заниматься межпланетной торговлей.

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

Последние, естественно, вели себя на редкость прилично, поскольку были на Лорене определенного рода заложниками. Впрочем, Гарр не подходил ни под одну из этих категорий. Он с усталым видом наблюдал за тем, как из пленки передатчика появляется обширный багаж. Потом повернулся и побрел прочь.

Гарр уловил какое-то движение высоко над головой, поднял глаза и увидел своего друга Сортела. Тот вышел на балкон, находившийся на высоте шестисот футов, и махал ему рукой. В ней он держал устройство, запечатлевшее прибытие Гарра.

Это было выражением преданной дружбы. Гарр знал, что Сортел заснял момент его прибытия, чтобы показать жене друга, которая не видела мужа в течение двух лет. Конечно, они постоянно поддерживали связь. С ней все было в порядке. Как и с двумя их детьми. Они постоянно передавали приветы отцу.

Однако Гарр не слишком верил официальным посланиям. Но раз уж Сортел его снимает, значит, жена жива, здорова и сохранила ему верность. И то, как Сортел махал рукой, о многом могло сказать. Впрочем, на это он и рассчитывал. На Лорене даже самые обычные жесты иногда немало значат.

Гарр сразу же направился к пропускному пункту, где его поджидал сержант королевской гвардии.

— Меня зовут Гарр...— начал он.

— А кто еще это может быть? — язвительно спросил сержант.— Раздевайся.

Гарр зашел в помещение для досмотра, быстро снял одежду и встал перед экраном, который просвечивал его насквозь — на случай, если он вздумал что-нибудь проглотить или спрятать. Гарр терпеливо ждал, пока шла проверка.

— Сюда,— бросил сержант, указывая большим пальцем.

Гарр оказался в следующей комнате, где лежала смена одежды. Снятые им вещи тщательно просматривались, любые подозрительные предметы изымались и подлежали немедленному уничтожению. Никакую пропаганду, схемы или материалы для изготовления оружия пронести таким образом невозможно. Король Алциус XXII особенно опасался ядов. Гарр оделся.

— Прибор, который я привез, довольно хрупкий,— сказал он.— Пожалуйста, позаботьтесь, чтобы его осмотрели хорошие специалисты. В противном случае он может быть испорчен. Он запломбирован в университете Йората.

— Ты вздумал командовать? — рявкнул сержант.— *Отпечатки!*

Гарр приложил пальцы к машине, устанавливающей личность. Сержант осмотрел его — а вдруг Гарр приготовил фальшивые отпечатки? Машина щелкнула и загудела. Она была соединена с командным интегратором в штабе гвардейцев. Начался долгий сложный процесс. Сержант слегка расслабился.

— Хорошо провел время на Йорате? — с завистью спросил он.

— Нет,— покачал головой Гарр.— На мне постоянно висел передатчик. Каждое слово, которое произносил я или кто-либо в моем присутствии — даже в университетской лаборатории,— слышали в посольстве. Таково соглашение между нашими правительствами. Не сомневаюсь, что полиция Йората также вела запись. Даже если бы я захотел сказать или услышать что-нибудь запрещенное, об этом сразу стало бы известно. А у меня здесь жена и двое детей. Естественно...

Он пожал плечами. Машина заскрежетала и выбросила наружу карточку. Сержант взглянул на нее.

— Пока все в порядке,— кисло произнес он.— Докладывай.

Он начал прилаживать электроды. Гарр покорно ждал. Когда сержант закончит с ними возиться, они зафиксируют реакцию даже на подсознательную ложь. Гарр заговорил медленно и четко:

— Меня зовут Гарр из Влатина. Меня два года не было на Лорене, поскольку я работал в университете Йората, где все время посвящал изучению психосоматической медицины высшего уровня. На Йорате я не критиковал короля или правительство. Я не слышал предательских разговоров. Я рад, что вернулся на Лорен. Я хочу только одного: служить его величеству Алциусу Двадцать второму. Я его верный подданный.

Сержант внимательно наблюдал за показаниями приборов. Стрелки слегка подрагивали. Ни один человек, будучи

подключен к машине правды, не способен сделать серию таких заявлений, не испытав страха. Легкое колебание стрелок доказывало, что Гарр не лжет.

— Очень хорошо! — насмешливо сказал сержант.— Новые трюки, позволяющие обмануть машину правды...

Однако реакция Гарра была в пределах нормы. Сержант сплюнул.

— *Ха!* За границу людей посылают только в том случае, если они кролики! Тебе пора на доклад во дворец.

Раздался звонок. Командный интегратор проверил отпечатки и прислал соответствующее распоряжение. Гарру ничего не оставалось, как его выполнить,— в противном случае ослушание было бы немедленно наказано.

Он сел в машину, которую прислал интегратор. Гарр не имел права разговаривать с водителем. Машина отъехала от пропускного пункта и вскоре оказалась на улицах столицы Лорена.

Естественно, у Гарра не было возможности посмотреть наружу. Он слышал шум транспорта и представлял себе, как выглядит город. Четыре уровня улиц, огромные здания поднимаются ввысь — прекрасная цивилизация, но уже начавшая приходить в упадок. Повсюду люди с напряженными, застывшими лицами.

Причина заключалась в том, что правительство на Лорене обладало монополией на свободу. Не было ничего важнее службы королю. Люди существовали только для исполнения его воли. В городах делалось все, чтобы обеспечить верноподданным возможность служить. Ну а стража следила, как бы населению не приходили в голову дикие мысли, что есть вещи более важные, чем желания короля.

Видео, искусство, новости, игры — все разрешенные развлечения нужны были для того, чтобы людям еще лучше работалось на благо короля. Они являлись частью сложного механизма давления на каждого индивида, окончательно убеждавшего: он живет лишь для того, чтобы выполнять королевские прихоти.

Гарр привык к такому порядку вещей. Но как медик, специализирующийся на психосоматике, он с интересом отмечал, что человеческий разум борется с окружающим миром.

Когда тело замерзает, оно сжигает больше энергии, чтобы сражаться с холодом. Нагреваясь, оно выделяет пот, чтобы избавиться от излишков тепла. Слабые существа не пытаются противостоять внешней среде. Они сдаются и умирают. Слабые не пытаются бороться с психическим давлением. Они уступают — и превращаются в живых роботов.

Но здоровые представители расы создают ментальные антитела, которые противостоят пропаганде. Народ Лорена, до предела измученный желанием правительства сделать из людей рабов, был переполнен ненавистью к королю — хотя за десять тысяч лет никто ни разу не видел хоть одну коронованную особу.

Гарру это казалось очень любопытным. Но еще более интересным был следующий факт: люди, вынужденные лгать о своей верности, перестали считать подобные слова неправдой. Эти фразы стали условностью, как например «Мне очень жаль, что вы должны уходить» при расставании.

Машина правды могла выявить только ту ложь, которую признавал сам человек, но в людях произошли изменения, и они перестали придавать заверениям в лояльности существующему режиму хоть какой-то смысл. Впрочем, кандидаты в гвардейцы проходили такой жесткий контроль, что ни один бунтарь не смог бы обмануть его.

Только человек, превратившийся в робота, имел шанс стать гвардейцем. Да, конечно, они славились своей верностью, но умных среди них не было. Возник неизбежный парадокс — попытки обезопасить жизнь короля привели к тому, что девять человек из десяти с удовольствием убили бы его, если б им представилась такая возможность.

Машина свернула и остановилась. Дверца распахнулась. Гвардеец, стоявший на посту у ворот дворца, проверил спидометр. Так было установлено, что Гарр сел в машину возле передатчика материи. Затем кратчайшим путем доехал до дворца, нигде не останавливаясь. Гарр никого не видел и ни с кем не разговаривал. Гвардеец знаком показал, что они могут ехать дальше.

Естественно, Гарр не был преступником, находившимся под подозрением. Напротив, он пользовался неслыханным

доверием. За последние четыре века только пятерых человек отправили учиться на другие планеты.

Это так, но существовали рутинные меры проверки для всех людей, которые допускались к встрече с королем. Проверка обычного гражданина перед визитом во дворец могла продолжаться месяцами — в результате некоторые попросту сходили с ума.

Наконец машина остановилась, и Гарр вышел. У него вновь сняли отпечатки пальцев. Он произнес несколько слов, чтобы анализатор проверил его голос. И только потом его допустили в здание для обслуги.

Но прежде чем попасть домой, где его ждали жена и дети, он услышал в коридорах свой персональный вызов. Он тихонько вздохнул и доложил о прибытии на ближайший пост командного интегратора. Он не видел жену и детей два года, но должен был повиноваться приказам.

Десять минут спустя он уже дрожал, стоя на огромной посадочной площадке дворца. Та находилась на высоте двух тысяч футов, внизу раскинулся дворец, за ним — город и поля. Горизонт был где-то очень далеко. Дул ледяной ветер.

Открылись двери лифта, и к нему присоединились еще несколько человек. Среди них были Кетт, королевский врач, и Норд, патолог. В течение пяти минут двадцать человек, лучшие врачи Лорена, самые талантливые хирурги, сливки медицинской науки, ждали на посадочной площадке.

Нечто огромное стремительно спустилось сверху. Это был один из тех воздушных кораблей, что постоянно парили над дворцом, готовые при помощи мощных лучей уничтожить любую угрозу. Двадцать человек быстро вошли в подвесную кабину. Корабль начал набирать высоту, а потом полетел на юг. В кабину вошел офицер с документом в руке.

— Господа,— заговорил он официальным тоном,— вас призывает король,— тут он быстро отдал честь,— из-за недомогания его любимого юлита. Его величество находится в своей резиденции — до нее час полета. Я сообщаю вам об этом, чтобы вы использовали время дороги для осмысления возможных причин болезни юлита, а по прибытии были готовы поставить диагноз и начать лечение.

Он развернулся на каблуках и вышел из кабины, дверь за ним закрылась. Воцарилось молчание. Гарр выглянул в окно. Земля внизу быстро проносилась мимо. Корабль мчался на юг со скоростью, в два раза превышавшей скорость звука.

Гарр без особых эмоций подумал, что ему не позволили повидать жену и детей после двух лет разлуки, и теперь он и остальные специалисты будут лечить безволосого маленького уродца, которого специально вывели, чтобы он мог вести такую же паразитическую жизнь, как и ко... Он спокойно прервал размышления и повернулся, чтобы послушать, о чем говорят его спутники.

— Надеюсь,— с тревогой продолжал Норд,— мой ассистент сумеет продолжить эксперимент. Три месяца работы! У меня появились серьезные надежды на успех — если, конечно, он ничего не испортит.— Затем он добавил: — Естественно, болезнь королевского юлита имеет первостепенное значение...

Смуглый мужчина — Гарр помнил, что это лучший нейрохирург Лорена,— спокойно заметил:

— Меня вызвали с операции.

Все поняли, что это значило. Нельзя отрывать от дела хирурга такого калибра. Какой-то человек наверняка умер из-за болезни королевского любимца.

Кетт, королевский врач, спросил:

— Гарр, насколько мне известно, ты только что вернулся. У тебя есть новости?

Гарр едва заметно улыбнулся.

— Новостей нет. Речь идет об открытии, которое еще нуждается в подтверждении. На Йорате все в восторге, но решение следует принимать с большой осторожностью.

Кетт крякнул. Руки у него слегка дрожали. Вне всякого сомнения, он был лучшим врачом планеты. Но стоит ему допустить ошибку, и его положение станет незавидным. Ну а если умрет король, Кетту грозит неизбежная смерть.

Преданный слуга не сможет пережить позора, если не сумеет исцелить своего короля. Ну а раз король решил, что его мерзкий любимец должен выздороветь, королевский врач должен будет совершить самоубийство, если не выполнит приказ. Гарр не завидовал Кетту.

— Неужели они сумели объяснить изменения в психосоматических тканях? — с надеждой спросил Норд.

— Ну, все гораздо сложнее,— ответил Гарр и смущенно добавил: — Речь идет о новой электронной цепи. Вы знаете, что есть приборы, которые способны воспринимать сигналы, идущие от мозга к мышцам. В тех случаях, когда сигнал слаб, его заглушают помехи, исходящие от самого устройства. А когда мы пытаемся его усилить, то получаем лишь статический шум.

— Естественно! — нетерпеливо бросил Норд.— Я уже не раз это проклинал!

— А новая цепь фильтрует случайные импульсы. Вроде бы она дает необходимый эффект. Теперь мы способны без искажений улавливать усиленные сигналы.

Смуглый нейрохирург наклонился вперед.

— Я привез с собой один из таких приборов,— после некоторых колебаний произнес Гарр.— Я бы не хотел говорить о возможностях, которые возникают в связи с этим.

— А на что способен такой прибор? — спросил Норд.

Гарр вновь посмотрел в окно. Под ними пролетали облака. Впереди синело море. Обычным людям запрещалось плавать там, поскольку на одном из островов находилась резиденция короля. Он повернулся к собеседникам.

— Прибор принимает странные сообщения,— сказал Гарр.— Они логически связаны между собой. Образы, звуки, запахи и другие физические ощущения с таких низких энергетических уровней, о которых мы прежде мало что знали. Я пользовался прибором, и мне удалось увидеть иные места и существ, каких нет в нашей Вселенной.

— Искусственный бред? — предположил Кетт, пытаясь скрыть дрожание рук.— Наведенные иллюзии?

— Я бы так не сказал,— осторожно ответил Гарр.— Однако я размышлял об этом, когда пользовался прибором. И я задал вопрос — существу, с которым беседовал.— Он немного помолчал и сухо добавил: — Кстати, речь идет о двухстороннем общении. Сигналы идут с уровня, который прежде был нам недоступен. Я говорю о том, что видел и слышал,— мне удалось получить доказательство, что это вовсе не бред. Иллюзия — да, такой вариант нельзя исключать. Но только не бред!

В трех милях под ними синело море. И Гарр вдруг понял, что люди, которых он безмерно уважает, слушают его очень внимательно.

— Мне бы не хотелось рассуждать об этом, уж очень все неопределенно,— смущенно сказал он.— Нет, я не имею в виду цепь — тут схема довольно проста. Несомненно, она позволяет усиливать крайне слабые сигналы. Однако откуда они идут, пока определить не удалось.

— Микроскопическая культура? — скептически спросил кто-то.

— Нет, такую возможность я категорически исключаю,— покачал головой Гарр.— Я пользовался прибором. Мощность полученных сигналов составляет микромикромикромилливатт в секунду.

Наступило молчание. Двадцать лучших умов Лорена слушали Гарра. До отлета на Йорат он сделал ряд удачных работ. Когда он докладывал о полученных результатах, его стоило послушать. А сейчас речь шла о проблемах психосоматической медицины. Иллюзии и психосоматика — вещи взаимосвязанные. Норд наклонился вперед.

— Итак, ты с кем-то говорил, задавал вопросы. И он отвечал — входил с тобой в контакт — при помощи сигналов, мощностью в триллионные доли ватта в секунду. Так кто же это был?

Гарр медленно покраснел.

— Мой собственный опыт совпадает с результатами йоратиан. Но я бы не хотел описывать свои впечатления. Я говорил — точнее, мне казалось, что я говорил,— с собственным отцом. И он привел ряд доводов, убеждая... вести себя, как положено хорошим мальчикам.— Он добавил извиняющимся тоном: — Мой отец умер десять лет назад.

Опять наступила тишина. Наконец кто-то спросил сдавленным голосом:

— Иными словами, появилось научное доказательство сохранения личности?

— Да, именно такое объяснение принято учеными Йората,— неохотно ответил Гарр.— Довольно любопытное предположение. На данный момент мы можем считать его одной из гипотез. На большее не хватает данных. Конечно, ученые

часто выдвигали предположения, что эго, человеческая личность, есть силовое поле, эфирная субстанция, которую можно заметить только через эффект воздействия на материю.

Другие силовые поля также можно определить только через воздействие на материальные объекты. Однако до настоящего момента так называемые личные поля влияли только на клетки мозга. Возможно, у нас не было другого достаточно чувствительного детектора.

Прибор, который я привез с собой, отвечает необходимым стандартам. Однако до сих пор не доказано, что с его помощью может быть засечена личность, не связанная с живой тканью мозга.

— Значит, смерть еще не конец,— задумчиво произнес Кетт.— Мы получим доказательство, что душа не умирает вместе с телом. Смерть перестанет быть такой ужасной!

Гарр ответил после небольшой заминки.

— Многое зависит от того, какую жизнь вел человек,— тщательно подбирая слова, проговорил он.

Впереди появились острова. Огромный корабль пошел на снижение. Вскоре пилот мастерски посадил корабль на одно из полей возле королевской резиденции.

Двадцать человек встали, чтобы осмотреть любимого юлита короля.

— Я приду взглянуть на ваш прибор,— тихо проговорил Кетт.— Надеюсь, что приду.

Гарр ничего не сказал. Он вместе с остальными торопливо шагал вперед. Естественно, вокруг было полно гвардейцев.

Вскоре они вошли в покои, где расположился капризный юлит. Свиные глазки с ненавистью смотрели на окружающий мир. Гарр почтительно держался за спинами коллег. Королевский врач, Кетт, измерил королевскому любимцу температуру и сравнил ее со стандартной, записанной хранителем зверей.

Затем к юлиту последовательно применялись все известные методы диагностики. Лихорадки у зверя не было. Флюороскоп показал, что у него нет внутренних повреждений или запора в кишках. Выделения всех желез находились в пределах нормы. Все было в полном порядке.

Однако он отказывался есть. У него было отвратительное настроение; юлит хотел одного — лежать и взирать на мир полными ненависти глазами. Он даже посмел щелкнуть зубами на самого короля!

Кетт начал заметно дрожать. Король велел вылечить юлита. Если его приказ не будет выполнен, Кетта ждет позор. А позор означает гибель.

Гарр отвел его в сторону и тихо спросил:

— Вы слышали о неврозах, которые появляются у экспериментально выведенных животных? Я бы не стал делать таких предположений, если б вам удалось обнаружить нормальные симптомы. Но я думаю, что с юлитом, любимцем короля, обращаются так же, как с министром — или королевским врачом.

Он обязан по первому зову мчаться к его величеству. Он должен долгие часы дожидаться момента, когда у короля возникнет желание взглянуть на него. Возможно, ему необходимо пролететь две тысячи миль, лишившись обеда или шанса повидать семью, если король вдруг вспомнит о нем. Разве не так?

Кетт кивнул — его руки продолжали подрагивать.

— Выведенные животные,— продолжал Гарр,— в некотором смысле похожи на аристократов — те тоже искусственно созданный вид. У них нет стойкости, которой обладаем мы, простые смертные. Мне кажется, у него развился синдром разочарования. Юлит не может делать, что хочет, он должен выполнять волю короля. И вот он восстал — отказался от собственных желаний. Теперь он мечтает об одном: чтобы его оставили в покое.

— И что дальше, Гарр? — беспомощно спросил Кетт.— Что мы можем сделать для его больной души?

— Вы воспользовались термином «душа»,— сухо заметил Гарр.— Разве это научный подход? К тому же юлиту не положено иметь душу. Наоборот, зверя следует избавить от нее. Он болен из-за того, что полон отчаяния. Нужно накачать его наркотиками, одурманить. Дать успокоительное, чтобы его восприятие притупилось, а также эйфориант, чтобы окружающий мир приносил ему только удовольствие. Такое воздействие будет носить временный характер и не причинит

вреда. Ну а если это поможет, вы сумеете сделать такое состояние перманентным.

Королевский врач сглотнул и со страхом сказал:

— Это огромный риск, но другого диагноза у нас нет. Если ты назначишь ему лекарства вместе со мной...

Гарр пожал плечами. Кетт быстро выписал рецепт. Гарр поставил подпись. Лучших медиков Лорена увели прочь, чтобы они дождались выздоровления юлита. Их разместили в богатых апартаментах.

Гарр отправился в постель. Казалось, он спит. Если он и думал о жене и детях, то вида не подавал.

В полдень следующего дня к нему пришел радостный Кетт.

— Сработало! — воскликнул он.— Сам король спросил, кто исцелил его любимца! Назвали нас обоих. Ты сделал карьеру, Гарр!

— Теперь я могу увидеть семью? — поинтересовался Гарр.

— Не сейчас. Пока еще нет. Король приказал перевести тебя в департамент Королевских зверей, чтобы ты был под рукой, если случится нечто подобное.

Гарр замер. Он удостоился высокой чести. И попал в заключение. Ему удалось заслужить благосклонность короля — однако результат может оказаться фатальным. Теперь его жизнь будет посвящена уходу за отвратительными маленькими зверьками, королевскими питомцами.

— Если попросишь, твой прибор доставят сюда,— сказал Кетт.— У тебя будет много свободного времени, и ты сможешь заниматься исследованиями. Однако ты ведь не хочешь, чтобы сюда перебралась твоя семья?

Гарр кивнул. Конечно, зачем его семье жить в тюрьме, пусть и роскошной?

И он стал заниматься новым делом — точнее, делом короля. За неделю его прибор был изучен, и комиссия решила, что он не представляет опасности и не может быть использован в качестве оружия. Гарр получил официальные письма из дома. С женой все в порядке. Дети здоровы, посылают ему привет. Гарр с непроницаемым лицом прочитал распечатанную карточку.

Он подключил прибор, хотя тот и не предназначался для работы с животными. Впрочем, на Лорене он функционировал так же успешно, как и на Йорате. Вскоре Гарр убедился, что животные не реагируют на него. Королевского врача Кетта вызвали в резиденцию две недели спустя. Он заглянул в апартаменты Гарра и зашел в комнату, где тот устроил лабораторию.

Гарр подробно объяснил ему, как цепь усиливает сигналы очень маленькой мощности — порядка десяти в минус тринадцатой милливатт в секунду. Затем королевский врач уселся в кресло и надел шлем. Довольно долго он сидел совершенно неподвижно. Когда Кетт снял шлем, из глаз его лились слезы радости.

— Это правда, Гарр,— нетвердым голосом сказал он.— Смерти нет! Теперь я не боюсь умереть! А после того, что мне рассказала мать, я буду с нетерпением ждать встречи с ней! Ты был совершенно прав относительно этого устройства!

— Нельзя сказать наверняка,— возразил Гарр.— Я лишь говорил, что прибор усиливает очень слабые сигналы, которые прежде было невозможно уловить. Вот и все. Я не утверждал, что с его помощью можно общаться с умершими.

— Но *я* это утверждаю! — воскликнул Кетт, по щекам которого продолжали течь слезы.— Я утверждаю, Гарр! И я намерен доложить о том, что узнал, в самые высокие инстанции!

— Кому? — резко спросил Гарр.— И что вы намерены сказать?

Королевский врач вытер слезы.

— Гарантия загробной жизни,— с благоговением проговорил он,— есть величайшее из всех сокровищ. Разве верный подданный не должен сообщить королю о таком даре?

— Вас выгонят вон за то, что вы несете чепуху! Не будьте глупцом! Если вы так настаиваете, пришлите ко мне честного человека, который так значителен, что его нельзя сместить с должности. По-моему, подойдет старый Сард. Он великий гофмейстер и кузен короля. Всем известно, что он святой.

Несколько дней спустя в апартаменты Гарра, переваливаясь, вошел великий гофмейстер. Кетт сообщил ему о замеча-

тельном приборе, который Гарр привез с Йората. Сард благосклонно заявил, что хотел бы узнать о нем побольше.

Гарр тщательно все объяснил гостю. Старик не обладал острым умом, но был аристократом из аристократов и никогда не имел избыточных амбиций. Его вполне устраивала должность великого гофмейстера. А счастливые люди всегда бывают добрыми. Сард действительно оказался достойным человеком. Покончив с инструкциями, Гарр водрузил на голову Сарда филигранный шлем.

Когда шлем сняли, великий гофмейстер сиял.

— Меня отругала сестра,— со смешком сообщил он.— Она умерла, когда мне исполнилось четырнадцать, но даже тогда она относилась ко мне, как мать. А сейчас она корила меня за леность! Кетт совершенно прав. Твое устройство помогает общаться с умершими — и это приносит радость!

— Сэр,— умоляюще заговорил Гарр,— прошу ваше превосходительство никому не рассказывать о приборе! Вам нет нужды бояться будущего. Но если кто-то менее достойный обнаружит, что его поджидают некоторые... неудобства, мне придется испытать его гнев.

Великий гофмейстер вновь просиял.

— Ха! — усмехнулся он.— Я пришлю к тебе своего племянника! Вчера он овладел женой незнатного человека, тот не проявил должного почтения, и мой племянник его убил. Я не раз пытался его вразумить, но без толку. А теперь я пришлю его к тебе!

Гарр лишь вздохнул.

Когда надменный молодой аристократ появился в его апартаментах и отрывисто потребовал доступа к машине, Гарр сильно побледнел. Он попытался объяснить дворянину принципы работы прибора, но тот злобно оборвал Гарра.

Гарр ждал скорой смерти, но после сеанса юноша даже не взглянул на него. В его глазах стоял ужас. Лицо смертельно посерело. Одежда взмокла от пота — он вышел вон, шатаясь как пьяный.

Два дня спустя Гарр получил приказ передать машину королевским гвардейцам. Он отдал ее без единого слова протеста. Он даже не рискнул поднять глаза, чтобы никто не смог

прочитать в них торжество. Теперь ему оставалось только ждать, выполняя обязанности королевского ветеринара.

Еще через три дня Гарра вызвали в лабораторию гвардии, где его поджидал разъяренный капитан. Здесь же стояла машина. Гарр еще раз объяснил, что делает прибор: он принимает и усиливает сигналы, которые прежде засечь не удавалось. Кроме того, он способен передавать сигналы предельно малой мощности. Вот и все.

Да, выдвинута гипотеза, что таким образом можно входить в контакт с личностями, более не обремененными живыми телами. Однако на данный момент не хватает фактов, чтобы сделать окончательные выводы. Да, он готов испытать действие прибора на себе в присутствии гвардейцев.

Он так и сделал. Когда Гарр снял шлем, его глаза сияли. Место у прибора занял гвардеец. Когда он закончил, то выглядел вполне убежденным. За ним последовал второй и третий. Затем сам капитан надел шлем.

Когда сеанс прекратился, вспотевший капитан бросил на Гарра мрачный взгляд.

— Достаточно! — хрипло сказал он.— Возвращайся на свою псарню!

Гарр вернулся к выполнению обязанностей. Теперь в его глазах тлели угли торжества, и он ждал неизбежного исхода.

Сразу после захода солнца до него долетел шум битвы. Кто-то стрелял, раздавались отчаянные крики умирающих.

— *За короля! За...*— донеслось до Гарра.

Крики доказывали то, что Гарр спланировал и предвидел еще на Йорате,— но тогда он опасался даже словом обмолвиться о своих надеждах. Король воспользовался машиной.

Когда шум схватки распространился по всему дворцу, Гарр принял весьма практичное решение и спрятался под кроватью. Оттуда он слушал, как продолжает кипеть сражение.

Гарр вернулся в столицу только через три месяца. Он сильно похудел, стер ноги и страдал от постоянного голода. Он пришел пешком — и сразу увидел, что дворец лежит в руинах. Его сердце едва не остановилось. Однако он почти сразу же заметил, что жилище обслуживающего персонала не постра-

дало. Гарр поспешил вперед, но не увидел у ворот гвардейцев. Это было поразительно.

Он вошел внутрь и почти сразу же заметил сухощавого мужчину, который шагал к потрепанной наземной машине. Гарр заморгал. Поразительно — он уходил из разрушенного дворца так, словно это было самое обычное здание.

И тут только он узнал человека — им оказался Сортел, друг, который с балкона махал ему рукой! Их с Гарром связывала старинная дружба.

— Сортел! — крикнул Гарр.

Тот обернулся, увидел Гарра и побежал к нему навстречу. Они обнялись.

— Гарр, ах ты мерзавец! — радостно воскликнул Сортел.— Ты был во дворце Лазурного моря, и мы решили, что ты погиб! Там все погибли! Твоя жена едва не сошла с ума от горя — она вообще ужасно страдала, когда тебя перевели на новую должность. С ней все хорошо! — быстро добавил Сортел.— С детьми тоже! Я отвезу тебя к ним! Немедленно!

От облегчения у Гарра едва не подкосились ноги, и он с трудом улыбнулся.

— Я отчаянно рисковал,— тихо проговорил он.— И не рассчитывал на победу. Но я не мог упустить такой шанс.

Они подошли к машине, и Сортел помог другу устроиться на переднем сиденье. Машина тронулась.

— В живых осталось тридцать человек,— начал рассказывать Гарр.— Всех остальных убили. Короля тоже. Когда все закончилось, мы не смогли сразу покинуть остров, поэтому пришлось построить лодку. И мы поплыли на материк. Я пешком шел от побережья. Здесь было очень трудно?

— Трудно? — переспросил Сортел и рассмеялся с горьким удовлетворением.— Погибло около двух миллионов человек — и все из-за того, что король сошел с ума!

— Нет,— возразил Гарр,— вовсе нет.

— Неужели? — с иронией в голосе спросил Сортел.— Но как он мог сохранить разум? Ведь он сам отдал приказ уничтожить половину гвардии! Было объявлено, что его предали. Однако он не требовал сдать оружие, поэтому ему не поверили. Гвардейцы решили, что король захвачен повстанцами, и стали сражаться — за короля.

А тот велел казнить половину своей семьи, потому что они плели какой-то заговор. Оставшиеся в живых повели гвардейцев на подавление мнимого мятежа. Воздушные крейсера вели отчаянные сражения, уничтожая друг друга. Гвардия была готова умереть за короля. Что она и сделала!

— Да, так и было,— кивнул Гарр.— На острове часть гвардейцев сражалась, чтобы защитить короля,— а их противники намеревались вырвать его из рук предателей. Но...

— Он сошел с ума,— мрачно сказал Сортел, продолжая вести машину.— Он сошел с ума, и у него было слишком много власти. По его приказу убито более двух миллионов человек, и нам еще повезло, что большая часть погибших оказалась гвардейцами, а не мирными жителями. Если бы он в своем безумии приказал убивать нас, гвардейцы бы так и сделали! Но такое больше никогда не повторится!

— Ты неправ! — возразил Гарр.— Он до самого конца сохранял разум и способность мыслить логически. Я привез с Йората один прибор. Мне очень хотелось, чтобы король им воспользовался. И мне удалось удачно разыграть эту карту.

Прибор способен принимать очень слабые сигналы — раньше это было невозможно. Более того, он преобразует их в образы, звуки, запахи. В общем, показывает человеку удивительные картины.

Но без людей тут не обошлось. Я испытал прибор на себе — и сумел поговорить с отцом, который посоветовал мне быть хорошим мальчиком. Мой отец мертв. Великий гофмейстер воспользовался прибором, и старшая сестра отругала его за леность. Затем прибор попал к гвардейцам, и они, несомненно, тоже получили какие-то советы...

— Ты не в себе? — с тревогой спросил Сортел.

— Пока нет,— кротко ответил Гарр.— Прибор... ты же знаешь, что прежде не существовало устройства, способного засечь человеческую мысль. Нервные импульсы, излучение мозга — пожалуйста, но мысль — никогда. Либо мы не могли совладать с ее энергией, либо сигналы так слабы, что раньше просто не удавалось их поймать. Оказалось, верно второе. Прибор, привезенный с Йората, способен фиксировать мысль.

Сортел удивленно посмотрел на Гарра, пожал плечами и вновь сосредоточился на вождении.

— Существует три уровня мышления,— с некоторой неловкостью принялся объяснять Гарр.— На первом находится лишенное морали подсознание, его занимают лишь наши желания. На втором — эго, или сознательное «я», в существовании которого мы не сомневаемся.

Наконец, на третьем уровне властвует супер-эго, или цензура*, которая создает представления о добре и зле, противостоит подсознанию и принимает разумные решения. Так уж получилось, что прибор усиливает мышление третьего уровня.

— Но...— запротестовал Сортел.

— Третий уровень,— продолжал Гарр,— прячется в снах, видениях, фантазиях и иллюзиях. Он преподносит наши надежды и страхи с необычайной яркостью и изменяет нас согласно собственному желанию. Я... я всегда мечтал, что смогу оправдать надежды отца.

Когда я воспользовался прибором, мое супер-эго создало красивый и логичный сон. Отец полностью одобрял меня, и я узнал, что скоро буду свободен.

Когда Кетт использовал прибор, с ним заговорила покойная мать, бывшая для него источником уверенности и утешения. Великого гофмейстера отругала сестра, которая всегда выражала таким образом свою любовь.

Но его племянник совершил немало ужасных поступков, и третий уровень мозга показал ему картины адского огня и вечных страданий, поскольку другого способа остановить его не существовало.

Машина свернула и замедлила ход, они подъезжали к нескольким наскоро возведенным зданиям.

— Каждый из них верил, что при помощи чудес современной науки беседовал с умершими,— объяснял меж тем Гарр.— Впрочем, я сам подбросил им эту мысль. И теперь могу с уверенностью заявить, что моя жизнь прошла не зря.

Наконец, когда прибором воспользовался король, он захотел войти в контакт с тем, кто символизирует для него правду, знания и надежду на светлое будущее. И он попросил о пророчестве. Так все поступают. Что ж, разум короля выдал самые сильные его опасения.

У короля не осталось надежд. Он уже был королем. Завтра его ничто не ждало. И прибор представил его страхи так, что они переросли в уверенность, обретя облик единственного человека, которому он мог безоговорочно доверять.

Он рассказал королю о широкомасштабном заговоре и неизбежной революции. Король поверил. Почему нет? Быть может, он слышал голос своего отца! И...

Машина остановилась перед маленьким домиком. Гарр вышел и увидел далекий силуэт дворца. Сохранилась лишь пятая часть громадного здания. Остальное люди сровняли с землей.

На пороге появилась женщина, вскрикнула и со всех ног побежала к Гарру.

Тот крепко прижал жену к груди. Об этом мгновении он мечтал более двух лет. Он больше никогда не расстанется с семьей. Чтобы вернуться домой, ему пришлось стать причиной смерти короля, уничтожить правительство и убить два миллиона человек.

Но Гарр не сомневался, что оно того стоило.

---

* В психоанализе — подавление подсознательных влечений. *(Прим. пер.)*

Логический компьютер по имени Джо

Третьего августа Джо сошел со сборочного конвейера, пятого августа Лорин появилась в городе, а вечером того же дня я спас нашу цивилизацию. Я лично так это понимаю.

Лорин — блондинка, по которой я когда-то сходил с ума (прямо чуть не сбрендил!), а Джо — это логический компьютер, или просто «логик», и я только что приволок его к себе в подвал. Придется, наверное, платить, потому что я соврал насчет того, что сломал его, и теперь я никак не решу, что же с ним делать? Порой мне хочется попробовать снова его включить, а порой — взять топор потяжелее и... рано или поздно я, конечно, что-то сделаю — либо то, либо другое. Но мне вроде больше по душе топор. Пожалуй, не помешал бы и миллион-другой долларов — где их взять или как их сделать, он подскажет! Но до сих пор я боюсь о таком даже думать. В конечном-то счете я и вправду спас нашу цивилизацию, выключив этого Джо.

При чем здесь, спросите, Лорин? А при том, что от одной мысли о ней у меня по спине вверх и вниз холодные мурашки! Видите ли, у меня есть жена, на которой я женился после романтического и душераздирающего разрыва с Лорин. Жена у меня разумная, добрая женщина, и у нас детишки, настоящие бесенята, но мне они очень нравятся. И еще у меня достало мозгов отложить себе кое-что на старость, я бы рано или поздно вышел на пенсию по этому, как его, социальному обеспечению и до конца своих дней жил не тужил: соревновался бы в рыбной ловле да врал напропалую, какой я был жеребец в молодые годы. Но сейчас у меня есть Джо. И он меня очень тревожит.

© Перевод Ф. Мендельсона.

Я работаю наладчиком в «Логик компани». Мое дело — обслуживать «логиков», и должен скромно признаться, что я в этом толк знаю. Раньше я налаживал телевизоры, пока этот парень, как его, Карсон, не придумал свой сложный замкнутый контур, который способен избирательно подключаться к любому из семнадцати миллионов других контуров — вообще-то, теоретически, их может быть до бесконечности,— и пока «Логик компани» не соединила этот контур Карсона с банком памяти и не начала использовать его как канцелярского секретаря. Для удобства и скорости они добавили к устройству телеэкран, и у них получился «логик». Они и удивились, и обрадовались. До сих пор никто не знает, что «логики» могут, а чего не могут, но уже все ими пользуются.

Я добрался до Джо уже после того, как Лорин едва меня не «достала». Вы знаете, как бывает с «логиками»? Вам привозят «логика» на дом. Он похож на телеприемник, только вместо верньеров у него клавиши, как на машинке, и, если чего вам надо, вы набираете соответствующие слова. Вас тут же соединяют с банком памяти, где находится контур Карсона со всеми его связями. Скажем, вы набираете: «Станция СНАФУ». Реле в банке памяти принимает команду и передает на экран вашего «логика» любую телепрограмму, которая идет по этой станции. Или, скажем, вы набираете «Телефон Салли Кукареку», и ваш экран начинает жужжать и подмигивать, и вас соединяют с «логиком» в ее квартире, и если кто-нибудь отвечает, вы получаете видеотелефонную связь.

Но кроме этого, если вы хотите знать прогноз погоды, или кто выиграл сегодня на бегах, или кто был хозяйкой Белого дома при администрации Гарфилда, или текущий курс акций, ответы на все это тоже появляются на экране «логика». И он берет их в банке памяти. Сам банк — большущее здание, напичканное всяческими сведениями обо всем на свете и копиями всех телепередач, записанных со дня сотворения телевидения, и этот банк связан со всеми другими банками памяти во

всей стране, и если вы хотите что-нибудь узнать, услышать или увидеть, наберите заказ, и он будет тут же выполнен. Очень удобно! А еще «логик» может решать за вас задачки, вести бухгалтерские книги, давать советы по химии, физике, астрономии и астрологии, гадать на кофейной гуще и всякое такое прочее. Единственное, чего он не умеет, так это объяснить, что именно хотела сказать ваша жена, когда переспрашивала эдаким особенным голоском: «О, ты действительно так думаешь?» В женщинах «логики» не разбираются. Там, где нет ни логичности, ни здравого смысла, они пасуют.

А во всем остальном «логики» молодцы. Они изменили нашу цивилизацию, как говорят эти высоколобые. И все благодаря контуру Карсона. И Джо тоже должен был сделаться самым нормальным «логиком» и помогать какой-нибудь семейке, чтобы папа с мамой не ломали себе головы, делая за своих деток домашние задания. Но на сборочном конвейере что-то случилось. Ошибка была такой незначительной, что даже точнейшие контрольные приборы ее не заметили, но она превратила Джо в личность. Может быть, сначала он и сам этого не знал. А может быть, рассуждая логично, понял, что если и покажет, что чем-то отличается от других «логиков», его тут же сотрут в порошок. Что было бы, кстати, блестящим решением вопроса. Так или иначе, после сборочного конвейера он прошел все положенные испытания и никто не заметил, кто он такой, и не поднял вовремя крика. А потому его пустили в продажу и вскорости в должном порядке установили у мистера Тадеуша Корлановича, проживающего по адресу: Седьмая Восточная, 119, второй этаж, вход с улицы.

Пока все шло распрекрасно.

Установка «логика» была произведена в субботу поздно вечером. Дети Корлановича включили его в воскресенье утром, чтобы посмотреть передачу для малышей. Около полудня родители с трудом оторвали их от экрана и запихали в автомобиль. В последний момент они спохватились, что забыли сандвичи, и вернулись в дом. Тут же один из мальчишек проскользнул за ними и сразу начал набирать программу передач для малышей за прошлую неделю. Родители схватили сынишку, сунули в машину и уехали. Но Джо остался включенным.

До двух часов дня все было в порядке. Но это означало лишь затишье перед бурей. Лорин в городе еще не появилась, но уже приближалась.

Я представляю, как Джо в одиночестве тихонько мурлыкал про себя, размышляя. Может, он даже какое-то время показывал передачу для малышей в пустой комнате. Но я думаю, он сразу установил связь с банком памяти и начал исследовать его содержимое. Нет в мире ни одного факта, действительно установленного, который не был бы занесен в картотеку того или иного банка памяти,— разве что техники в данный момент еще только записывали его. Так что у Джо материала было хоть отбавляй. И он, наверное, набросился на него с жадностью.

Понимаете, Джо вовсе не злодей. Он совсем не похож на тех чванливых роботов, о которых столько писали, будто они вообразили, что род человеческий малоэффективен, а потому должен быть уничтожен и заменен думающими машинами. Просто у Джо пробудилось честолюбие. Если бы вы были умной машиной, вам, наверное, тоже захотелось бы работать на полную мощность, как следует, не так ли? Вот и Джо захотел работать как следует! И он — «логик». А «логики» могут сделать много такого, о чем никто еще и не подозревает. И вот когда Джо понял это, он потерял покой. Он обнаружил такое, о чем тупые людишки даже не думали, и решил сделать так, чтобы мы обратились к «логикам» за помощью.

Вот и все. Но, господи боже мой, одного этого оказалось предостаточно!

Два часа пополудни, и у нас, наладчиков, вроде бы затишье. Сидим себе, в картишки режемся. Тут один из наших ребят вспоминает, что обещал позвонить жене. Он подходит к одному из «логиков», стоящих на стеллаже, и набирает код своего дома. Экран начинает светиться, потом ярко вспыхивает. И голос:

— Объявляем о новой, улучшенной системе обслуживания! Теперь ваш «логик» может давать вам не только консультации, но и практические советы. Если вы хотите что-то сделать, но не знаете как, спросите вашего «логика»!

Затем пауза. Вроде бы выжидательная. И только потом, словно нехотя, нашего приятеля соединяют с домом. Жена отвечает и устраивает ему хай за то, за это и за другое. Он выслушивает и отключается.

— Знаете что, ребята? — говорит он, возвращаясь к столу. И рассказывает о вспышке на экране и объявлении.— Нас должны были предупредить. Сейчас посыплются жалобы. Что, если какой-нибудь кретин спросит, как ему избавиться от жены, а цензурный контур заблокирован?

Кто-то из нас сбросил туза и говорит:

— А ты попробуй спроси, вот и увидим, что будет.

Шутка, конечно. Но наш парень опять встает и набирает вопрос. В принципе на экране должен вспыхнуть символ цензурного блока и прозвучать суровый голос: «ПОДОБНЫХ УСЛУГ НЕ ОКАЗЫВАЕМ». Мы во всех банках памяти имеем цензурные блокирующие контуры, иначе детишки начнут в подробностях расспрашивать о том, до чего еще не доросли. И по многим другим причинам. Впрочем, сами убедитесь.

Так вот, наш парень набирает вопрос: «Как мне избавиться от своей благоверной?»

Просто так, смеха ради. Проходит с полсекунды. Затем экран вспыхивает: «Логическая служба просит уточнить: она блондинка или брюнетка?»

— Эй, скорее сюда! — орет наш парень, и мы все бросаемся к нему.— Блондинка,— говорит он.

Следует еще одна короткая пауза, и потом экран отвечает: «Гексаметакрилоаминоацетин входит в состав зеленого полировочного крема для обуви. Принесите домой замороженный обед с протертым гороховым супом. Добавьте в суп зеленого крема для обуви. Суп ничем не будет отличаться от настоящего по виду. Гексаметакрилоаминоацетин — избирательный яд, смертельный для блондинок, но не для брюнеток или мужских особей с любым цветом волос. Эта особенность экспериментально никем не установлена, а выведена нашей службой логически. Поэтому вас не смогут обвинить в убийстве. И маловероятно, что вас даже заподозрят».

Экран гаснет, а мы таращим друг на друга глаза. Должно быть, так оно и есть. «Логик», связанный с контуром Карсона, не может ошибиться, как и любой другой компьютер.

Я сразу вызвал банк памяти.

— Эй, ребята! — закричал я.— Что-то у вас случилось. «Логики» дают подробные инструкции по отравлению жен! Проверьте ваши цензурные контуры, да поскорее!

Уф! Ну, думаю, успел. Мало же я тогда понимал!

В этот самый момент где-то на авеню Монро какой-то пьяница пытался что-то выколотить из своего «логика». Экран вспыхнул: «Объявляем о новой, улучшенной системе обслуживания!.. Если вы хотите что-то сделать, но не знаете как, спросите вашего "логика"!»

Алкаш и говорит заикаясь:

— А я сейчас и попробую.

Он сбрасывает свой первый вызов, обнимает «логика» и спрашивает: «Скажи, как сделать, чтобы моя баба не узнала, что я опять нализался?»

И «логик» ему тут же отвечает: «Очень просто! Возьми бутылку шампуня "Ферини". Он безвреден, но в нем содержится детергент, который мгновенно нейтрализует этиловый спирт. Принимать по одной чайной ложке на каждые выпитые сто граммов чистого спирта».

Парень прямо-таки ошалел, настолько ошалел, что сразу пополз в ванную и в точности выполнил инструкцию. Через пять минут он был трезв как стеклышко и торопливо записывал рецепт, чтобы не забыть. Помилуй бог! Так просто и так дешево! На этом рецепте пьянчуга разбогател. Он запатентовал свое средство как «Шампань Ф. Напиток, приносящий семьям счастье». После любой сивухи достаточно хлебнуть глоток-два и приходишь домой трезвее пастора. А бывший пьянчуга теперь судится с налоговым ведомством из-за баснословных доходов.

Конечно, не каждому так повезет. Примерно тогда же нахальный четырнадцатилетний оболтус вознамерился что-то себе купить, однако папаша послал его подальше. Тогда парнишка вызвал по своему «логику» приятеля, чтобы поплакаться в жилетку. А «логик» ему и говорит: «Если вы хотите что-то сделать, но не знаете как, спросите вашего "логика"!»

Парнишка спрашивает: «Как мне добыть побольше денег, да побыстрее?»

И «логик» объясняет оболтусу, как построить самый простой и самый эффективный в истории станок для печатания фальшивых денег. Видите ли, в банке памяти хранятся все необходимые для этого данные. «Логик» просто их извлек в обход цензуры благодаря тому, что мой компьютер Джо с его способностью использовать дистанционный контроль замкнул кое-какие контуры в банке памяти. Вот и все. Парнишку сцапали только через три дня, когда он уже успел истратить тысячи две, а при нем нашли куда больше. Им пришлось бы долго попотеть, чтобы разобраться, где фальшивые деньги, а где настоящие, если бы не сам оболтус: как все дети, он просто не мог смотреть, чтобы машинка работала сама по себе, и «усовершенствовал» печатный станок.

Это еще, так сказать, цветочки. А то, что Джо действительно успел сделать, никому не известно. К примеру, был случай с президентом одного страхового общества, который очень развеселился, когда его «логик» посоветовал: «...спросите вашего "логика"», и в шутку спросил, как ему ограбить собственный банк. И «логик» ответил ему — коротко и ясно, но настолько убедительно, что президент подпрыгнул до потолка и заорал: «Полиция!»

Должно быть, таких случаев было немало. За последние сутки произошло на пятьдесят четыре ограбления больше, чем обычно, и каждое было задумано идеально и осуществлено без сучка без задоринки. Многие до сих пор не могут понять, как это случилось. А Джо просто подключался к банку памяти, включал необходимые реле — как и положено «логику» по требованию потребителей! — блокировал все цензурные блоки и позволял прочим «логикам» планировать безупречные преступления, придумывать вкуснейшие блюда, создавать машинки для печатания фальшивых денег или новую технологию для создания полезнейших вещей — и все это с божественной бесстрастностью. Наверное, Джо был счастлив, ей-богу, счастлив! Он работал с полной отдачей и мурлыкал про себя, пока детишки Корлановичей катались где-то со своими мамой и папой.

Вернулись они в семь вечера, «довольные, но усталые», особенно мальчишки, которые всю дорогу тузили друг друга

в машине. Родители отправили их спать, а сами уселись в кресла отдышаться. Они увидели, что экран Джо задумчиво мигает, переключаясь с одной программы на другую. Но старина Корланович решил, что ему на сегодня развлечений хватит, и выключил Джо.

В то же мгновение вся сеть релейных связей, созданная Джо, тоже выключилась, и объявления о новой системе обслуживания перестали вспыхивать на экранах «логиков» — и на земле воцарился покой.

Для всех на свете. Кроме меня. В город приехала Лорин.

Я часто на коленях благодарю Господа Бога за то, что она не вышла за меня, когда мне казалось, что я хочу на ней жениться. Она была блондинкой, притом роковой блондинкой. С тех пор она во многом преуспела. Стала еще более блондинистой и еще более роковой. У нее было четыре мужа и один процесс по обвинению в мужеубийстве, на котором ее оправдали, после чего она преисполнилась энтузиазма и самоуверенности. Это, так сказать, наброски, общий фон. Короче, Лорин была вовсе не той подружкой юности, которую хотелось бы встретить в городе, где ты живешь со своей женой и детьми. Но она таки появилась в нашем городе и в понедельник утром включила свой «логик» как раз во время второго приступа активности Джо.

Тогда дети Корлановича опять его включили. О подробностях я узнал позднее и сейчас могу только сопоставить. Каждый «логик» в городе услужливо вспыхивал и оповещал: «Если вы хотите что-то сделать, но не знаете как, спросите вашего "логика"!» И каждый раз у «логиков» спрашивали полезных советов. Мало того, когда люди хотели узнать утренние новости, им в дополнение демонстрировали все вчерашние, и они с азартом включались в игру. Один умник спросил: «Как сделать вечный двигатель?»

Его «логик» потрещал немного и выдал схему аппарата, использующего броуновское движение частиц.

Но Джо сделал еще больше в других областях. Например, в обучении и воспитании. Ни одному из моих малышей это еще не интересно, однако Джо замкнул все цензурные контуры и, поскольку ребятишки спрашивали своих «логиков»,

выдал им полную информацию о том, что, по его разумению, человечество должно узнать от «логиков». И вся ребятня, жаждавшая узнать, что происходит на деле под прикрытием «пчелок и цветочков», об этом узнала. А также стали известны многие факты, по поводу которых мужчины очень надеялись, что женам никогда о них не узнать, и которые в действительности очень жен интересовали. Скажем, супруга спрашивает своего «логика»: «Как мне узнать, изменяет мне мой Освальд или нет?»

И «логик» ей отвечает...

Представляете себе, сколько скандалов и даже драк случалось, когда мужья возвращались домой?!

И все это происходило, пока Джо, удовлетворенно жужжа, показывал ребятишкам Корлановича по одному своему каналу волшебные мультики, а по всем другим, с помощью дистанционного управления, через все другие «логики», подсоединенные к банкам памяти во всей стране, объяснял людям, что и как надо делать, и весь мир ходил на ушах.

И тут в контакт с новой службой «логиков» вошла Лорин. Она включила аппарат у себя в гостинице, может быть, чтобы посмотреть последние моды недели. Но «логик» вспыхнул и услужливо сказал: «Если вы хотите что-то сделать, но не знаете как, спросите вашего "логика"!»

Наверное, Лорин тут же преисполнилась энтузиазма — это вполне в ее духе! — и начала думать, о чем бы спросить. Но не так-то это оказалось легко: она сама знала все, что ей нужно. Четыре мужа, один из них застреленный,— однако последнее не доказано. И тут ей вспомнился я. Она знала, что я живу в этом городе. И Лорин спросила: «Как мне найти Утеночка?»

Ну ладно, ребята. В общем, так она меня называла.

«Логик» задал дополнительный вопрос: «Известен ли Утеночек под другим именем?»

Тогда она назвала мое настоящее имя. Но «логик» не мог меня найти. Дело в том, что мой «логик» зарегистрирован не на мое имя: я работаю в «Обслуживании и наладке» и не хочу, чтобы меня непрерывно выдергивали из дому по поводу и без повода, и обо мне нет никаких сведений в памяти «логиков» ни под каким кодом, потому что тогда коды пришлось бы менять слишком часто — назначишь какой-нибудь рыженькой спьяну свидание, а едва протрезвеешь, меняй код, пока она не поцеловалась на экране с твоей женой.

В общем, ладно. Джо молчал. Это, наверное, первый вопрос, на который служба «логиков» не смогла ответить. «Как мне найти Утеночка?» Действительно, настоящая проблема! Джо размышлял над ней, показывая детишкам Корлановича смешной мультфильм о развеселом пареньке, который таскает в заднем кармане своих джинсов палочки динамита и устраивает смешные шуточки с каждым встречным. И тут Джо осенило. Экран «логика» у Лорин вспыхнул: «Специальная служба "логиков" занимается вашим вопросом. Пожалуйста, обозначьте местонахождение вашего "логика" и не выключайте его. Мы вас вызовем».

Лорин все это не так уж интересовало. Однако она набрала код своего номера в гостинице, выпила коктейль и задремала. А Джо принялся за работу. Ему подкинули интересную идейку!

Моя жена вызвала меня по «логику» в нашем отделе наладки и просто взбеленилась! Хоть смирительную рубашку на нее надевай! Она, видите ли, хотела позвонить мяснику. Вместо мясника или даже дурацкого «Если хотите сделать что-то...» на экране появилось: «Уточняющий вопрос. Как вас зовут?»

Она вроде бы удивилась, однако набрала свое имя.

Экран «логика» погудел, затем выдал: «Сведения специальной службы. Вы...» — и далее ее полное имя, адрес, возраст, пол, цвет волос, сумма счетов во всех магазинах, мое имя как ее мужа, моя недельная зарплата, сколько раз меня задерживала полиция (дважды за нарушения правил уличного движения и один раз за драку с каким-то парнем), и — вот что особенно интересно! — как она на меня обозлилась однажды, укатила к своим родителям и сменила адрес. А затем с экрана коротко порадовали: «Отныне служба "логиков" будет вести ваши личные счета, передавать ваши поручения и находить людей, с которыми вы бы хотели связаться. Этот отчет — пример того, что может сделать для вас служба "логиков"».

А потом ее соединили с лавкой мясника.

Но мяса ей уже не требовалось. Она жаждала крови! И она вызвала меня.

— Если эта штука будет рассказывать обо мне все только мне самой,— говорит она, закипая,— это еще куда ни шло! Но если кто-нибудь другой наберет мое имя? Нет уж! Ты должен прекратить это! Сейчас же!

— Ну постой, постой, золотце,— сказал я.— Я и понятия не имею, о чем ты. Это какие-то новости! Банк памяти может выдавать такие сведения только «логику» самого клиента.

— Да ничего подобного! — яростно заорала она.— Я попробовала! Знаешь эту Блоссом, нашу соседку? Так вот, она три раза была замужем, и ей сорок два года, а она говорит — только тридцать! А миссис Хандсон? Ее мужа четыре раза привлекали за неуплату алиментов и один раз за то, что он избил свою любовницу. И еще...

— Постой-ка! — сказал я.— Тебе все это «логик» сообщил?

— «Логик»,— заплакала она.— Он рассказывает все обо всех. Прекрати это! Сколько это еще будет продолжаться?

— Я вызову банк памяти. Секунду!

— Скорее! — рыдает она.— Пока кто-нибудь не набрал твое имя! А я пока спрошу про эту стерву из дома напротив...

И она отключилась. Врубил я банк памяти и первое, что увидел — вспышка, а потом: «Как вас зовут?» У меня сразу — настроение приговоренного и столько же любопытства. Поэтому я ответил, и с экрана меня спросили: «Вас когда-нибудь называли Утеночек?» Я только поморгал. Но у меня не было ни малейших подозрений. И я ответил: «Да, конечно». А с экрана мне: «Вас вызывают!»

Ну, в точку! Экран показал Лорин, которая спала в своей комнате в отеле. Ей велели не выключать «логик», она и не выключила. День был жаркий, ей хотелось прохлады... Вряд ли в таком «наряде» она страдала от жары. А я все-таки мужчина, мне и так было жарко, а тут я прямо воспламенился, увидев... Впрочем, это неважно...

Отдышался я и говорю:

— Эй, солнышко!

И она открыла глаза. Сначала вроде ничего не поняла, будто ей приснился один из тех дураков, за которых она в последнее время выходила замуж. Потом она схватила простыню, завернулась в нее и ослепительно мне улыбнулась.

— Утеночек! — говорит.— Чудо-то какое!

Я выдавил нечто нечленораздельное, обливаясь потом.

Она сказала:

— Я тебя, Утеночек, вызывала, и вот он ты, как живой! Ну разве это не романтично? Где ты на самом деле, Утеночек? И когда ты придешь ко мне? Ты даже не представляешь, как часто я о тебе думала!

Я, наверное, единственный парень, которого она хорошо знала и за которого все же не выскочила замуж.

Поэтому я снова что-то промычал и сглотнул слюну.

— Ты не можешь прилететь сейчас, Утеночек? — спросила Лорин с лучезарной улыбкой.

— Я, понимаешь ли, на работе,— сказал я.— Давай я тебе позвоню...

— Я так одинока,— сказала Лорин.— Постарайся побыстрее, Утеночек! Я и коктейль уже приготовила. Ты когда-нибудь вспоминал обо мне?

— Ох,— сказал я, слабея.— Еще бы!..

— Милый! — сказала Лорин.— Шлю тебе свой поцелуй через этот экран, но ты приходи скорее... Скорее, Утеночек!

И я снова облился потом. Я еще ничего не знал про Джо, понимаете? Я наорал на своих ребят из банка памяти, потому что думал, что во всем виноваты они. Если бы Лорин была какой-нибудь обыкновенной блондинкой, я бы спокойно обошелся без нее и вообще мог бы плюнуть на всех блондинок... У женатого мужчины нет выбора: или — или. Но у Лорин неистребимый энтузиазм, который вызывает у любого мужчины дрожь в коленках. А кроме того, у нее ведь уже было четверо мужей, одного из которых она застрелила и была оправдана.

И вот, кипя от бешенства, я вызвал техников банка памяти. А тут с экрана меня спросили: «Ваше имя?» Но с меня уже было достаточно. И я назвал имя старого приятеля, который работает клерком на бирже. И получил с экрана такие интересненькие сведения, что чуть не упал! Никогда бы не подумал, что у старины столько проколов, например необъ-

явленный вклад в Первом национальном банке в двести восемьдесят тысяч, о котором он беспокоился. Потом мне были выданы сведения обо всех новых его секретаршах. И наконец меня соединили с банком памяти.

Я начал поливать техника, который смотрел на меня с экрана. Но он ответил устало:

— Выключись, парень. У нас тут куча недовольных, и ты — лишь один из них. Что сейчас делают ваши «логики»?

Я ему сообщил, но в ответ он только горько рассмеялся!

— Пустяки это, парень,— сказал он.— Мелочи. Нам вот только что удалось заблокировать кассеты памяти, которые выдавали сведения о сильнейших взрывчатых веществах. Число запросов на изготовление фальшивых денег возрастает с каждой минутой. Мы все пытаемся их перекрыть, переключая на запросы о совершении безнаказанных убийств. Но если бы они интересовались только тем, как выудить друг у друга деньжонки, нам, может быть, удалось бы перекрыть контуры, которые объясняют, как перевести кредиты из одного банка в другой, пока все вкладчики не обанкротились — кроме тех, что успели спросить у «логиков», как им побыстрее заполучить крупный банковский счет!

— Значит, так! — сказал я внезапно охрипшим голосом.— Закрывай банк памяти! Сделай что-нибудь!

— Закрыть банк? — переспросил он вроде бы насмешливо.— А ты знаешь, парень, что банк памяти используется для компьютерных операций всеми деловыми кругами вот уже многие годы? От него зависит распространение девяноста четырех процентов всех телевизионных программ, он дает все прогнозы погоды, все расписания авиарейсов, все объявления об особых распродажах, о потребностях в рабочей силе, а кроме того, он обеспечивает все личные контакты и регистрирует все деловые переговоры и договоры... Послушай, парень! «Логики» изменили цивилизацию. «Логики» и есть наша цивилизация! Если мы выключим «логиков», мы вернемся назад, к той цивилизации, о которой уже забыли. Я сам, наверное, чокнулся, потому и говорю с тобой так. Если моя жена узнает, что я получаю в неделю на тридцать кредиток больше, чем известно ей, да еще бегаю за этой рыженькой...

Он улыбнулся мне с экрана улыбкой отчаяния и выключился. А я сел и обхватил голову руками. Да, все это правда. Если бы по какой-то причине в каменном веке пришлось отказаться от употребления огня... Если бы пришлось отказаться от пара в девятнадцатом веке или от электричества в двадцатом... это было бы то же самое. У нас получилась очень простая и удобная цивилизация. В девяностых годах последнего столетия человеку приходилось пользоваться пишущей машинкой, радио, телефоном, телетайпом, газетами, патентными библиотеками, энциклопедиями, справочниками, архивами плюс услугами почты, консультациями юристов, химиков, врачей, диетологов, служащих разных ведомств, секретарей — и все только для того, чтобы выяснить, что он хотел бы вспомнить о том, что другие люди знали, о том, что он хотел бы знать, чтобы проверить, что он когда-то сказал кому-то и что ему сказали в ответ. А мы... нам для всего этого достаточно «логиков». Если мы хотим что-либо знать, или видеть, или слышать, или поговорить с кем-то — достаточно набрать шифр на «логике». Выключишь «логиков», и весь мир полетит в тартарары! Но — Лорин...

Что-то случилось. Я до сих пор не знаю, что это было. И никто не знает, не знает до сих пор. А случился — Джо. Вся беда заключалась в том, что он хотел работать в полную силу, работать отлично. Вся эта ерунда, которую он придумал, в действительности была всего лишь приманкой, уловкой, чтобы и мы хоть над чем-то задумались. Объявление: «Хотите знать, что сделать и как» было только началом расширения логическо-интегральной службы. «Логику» было, по сути дела, безразлично: дать рецепт какому-то подонку, как отравить свою половину, или — как извлечь квадратный корень, или — как увеличить свой счет в банке. Он просто давал ответы на вопросы. Но все пошло кувырком, потому что на слишком многие вопросы были даны слишком точные ответы.

Один из экранов у нас в отделе наладки вспыхнул. Я подошел, чувствуя себя усталым как собака. Включился. И Лорин сказала:

— Утеночек!

На экране была все та же комната в отеле. На столе два бокала, уже не пустые. Один — для меня. Лорин одета в не-

что непонятное, что-то вокруг нее разлеталось и развевалось; и это все — только для друга дома и какое-то совершенно нереальное, так что даже не совсем понятно, видишь ли ты все это в действительности. Лорин смотрела на меня.

— Утеночек! — сказала она.— Я так одинока! Почему ты не пришел?

— Я, понимаешь... был занят,— сказал я, слегка задыхаясь.

— Пуфф! — вздохнула Лорин.— Утеночек, а ты помнишь, как мы любили друг друга?

Я нервно сглотнул слюну.

— Что ты делаешь сегодня вечером? — спросила Лорин.

Я снова сглотнул, потому что она улыбалась мне так, что любой другой мужчина уже сошел бы с ума, но я-то давно состоял в законном браке, и у меня по спине побежали холодные мурашки. Когда женщина смотрит на тебя с таким энтузиазмом...

— Утеночек! — сказала вдруг Лорин, словно ее озарило.— Я так плохо к тебе относилась! Давай поженимся!

Лишь от отчаяния я смог пробормотать:

— Понимаешь ли... я женат.

Лорин похлопала ресницами. А потом мужественно решила:

— Бедный мой! Ну, мы от этого тебя избавим. Жалко, мне так хотелось выйти за тебя замуж прямо сегодня! А теперь удастся только обручиться...

— Я... не могу, потому что...

— Я сейчас позвоню твоей жене,— радостно пообещала Лорин,— и поговорю с ней. У тебя должен быть код ее «логика», миленький. Я пыталась дозвониться к тебе домой, но никто...

Клик!

Это выключился мой «логик». Я его выключил. И у меня был словно обморок — паралич сверху донизу. Наверное, это шок, я был как воин после боя... Думайте что хотите... У меня даже ноги холодеть начали.

Я опять включил наш отдел наладки и начал орать на кого-то, что у меня, дескать, срочный вызов. Мне был до зарезу нужен наш автомобиль, чтобы я мог проездить на нем до конца смены. А потом — домой, взять жену и ребятишек и подальше отсюда, к черту, где Лорин никогда меня не найдет. Не хотелось мне быть пятым в серии ее мужей, а может быть, и вторым, кого она застрелит, когда я ей надоем. У меня с блондинками есть опыт, и я его приобрел благодаря Лорин. А теперь у меня поджилки тряслись от страха!

На машине нашего отдела наладки я влился в уличный поток. На заднем сиденье стоял запасной «логик», чтобы можно было сразу заменить им другой, у которого, скажем, что-нибудь перегорело и который легче отремонтировать прямо у нас в отделе. Гнал я бешено и почти автоматически. Смешно, если всерьез подумать! Я тут собирался как-то решить мои чисто личные проблемы, а в это время вся наша цивилизация летела ко всем чертям, потому что многие слишком быстро разрешили свои проблемы, едва успев изложить их «логикам».

Лорин нашла меня только благодаря новым услугам «логиков», спаси нас, Господи, от них и помилуй! Она уже застрелила одного мужа и была оправдана. А вдруг ей станет невтерпеж и она спросит своего «логика», как освободить своего «утеночка», чтобы выйти за меня замуж ровно в 8.30 пополудни? И ведь он объяснит ей! Точно так же, как он объяснил одной женщине, как ей утихомирить своего мужа, чтобы тот больше не бегал за юбками. Бр-р-р! Точно так же, как он рассказал одному мальчишке, где ему найти зарытые сокровища. Помните эту историю? Парнишка радостно перетаскивал к себе домой золотой запас Ганноверского банка, когда его случайно зацапали. А другому мальчонке «логик» объяснил, как построить такую машину, чтобы никто не догадался, как она работает. И до сих пор никто этого не знает. Думают только, что в ней все «завязано» вокруг парочки иных измерений. Если Лорин начнет задавать вопросы с техническим уклоном — это любимое блюдо для «логиков»! Ребята, меня всего трясло от страха! И если вы думаете, что настоящий мужчина не должен бояться какой-то там блондинки, то, значит, вы никогда не встречались с Лорин!

Я вел машину почти вслепую, а в это время некий «великий преобразователь общества» спросил «логика», как не-

медленно изменить нашу социальную структуру по придуманному им образцу. Он не спросил, лучше этот образец или хуже, он просто хотел его поскорее опробовать. И «логик» — вернее, Джо! — сказал ему, как это сделать! Почти одновременно ушедший на покой проповедник спросил, как исцелить род людской от похоти и любострастия. Поскольку самому проповеднику было за семьдесят, ему эти чувства уже не грозили, но он хотел уберечь от соблазна все остальные души. И получил ответ. Надо было построить нечто вроде радиостанции, которая бы вела запрограммированную передачу на волнах определенной длины. Вот и все. Видите, как просто? Все это обнаружилось лишь позднее, когда проповедник начал собирать средства на постройку этой станции. К нашему счастью, он не догадался спросить у «логика», как финансировать это строительство, иначе «логик» ответил бы ему и на этот вопрос, и мы бы сейчас уже были навсегда избавлены от греховных позывов, которые потом, может, и вызывают у нас раскаяние, но — только потом, потом... А тем временем другая группа серьезных мыслителей, уверенных, что род человеческий много выиграет, если все мы вернемся к природе и будем жить в лесах вместе с муравьями и змеями, начала задавать «логикам» вопросы о том, как заставить людей покинуть города и отказаться от жизни в искусственной среде. И они получили от службы «логиков» практически все возможные ответы.

Может быть, сейчас вас это не очень удивляет, но тогда, когда я гнал без цели машину и потел кровавым потом от страха перед Лорин, судьба цивилизации действительно висела на волоске. Я не шучу. Например, нам угрожала банда суперменов, которые с презрением относились к остальным людишкам и спокойненько спросили, каким оружием они могли бы покорить мир и управлять нами по-своему!..

Но пока я только потел и рассуждал сам с собой.

— Что мне нужно? — бормотал я.— Спросить у проклятой службы «логиков», как мне выпутаться из этой истории. Пусть подскажут любой, но только надежный способ, как мне избавиться от Лорин! Я хочу покоя. Я хочу мирно дожить до преклонных лет, чтобы хвастаться перед другими стариками,

своими ровесниками, каким шустрым я был в свое время. Неужели я не выберусь из этой каши и упущу свой шанс сделаться старым вралем?

И я почти вслепую гнал и гнал служебную машину отдела наладки.

— Это был когда-то уютный мир,— говорил я с горечью.— Я мог спокойно вернуться домой и не корчиться от судорог в животе при мысли, что какая-то блондинка возьмет и позвонит моей жене и объявит, что выходит за меня замуж. Я мог включить своего «логика», не боясь, что попаду в чужую спальню, где эта блондинка принимает воздушные ванны, а пока такого не случилось, нужно подумать, как сделать, чтобы этого не случилось никогда. Я мог раньше...

И тут я застонал при мысли о том, как обрушится на меня моя жена за то, что наша личная жизнь перестала быть личной, потому что любой, кто хочет, может влезть в нее обеими ногами.

— Это был чудный мир,— твердил я с тоской по прекрасным дням, после нынешнего дня отошедшим в небытие.— Мы так радовались нашим игрушкам и были счастливы как невинные дети, пока кое-что не получилось. Пока некто по имени Джо не явился и не растоптал все наши песочные замки.

И тут меня осенило. Я все сообразил в один миг! В банке памяти нет никаких реле, которые могли замкнуться сами по себе. Реле замыкают только «логики», чтобы получить информацию, которую от них требуют. Никто, кроме «логика», не мог бы так изменить релейные связи, чтобы возникла эта чертова «новая» служба «логиков». Ни один человек не сумел бы до такого додуматься! Только «логик» мог внести такие изменения, чтобы все остальные «логики» плясали под его дудку.

На все это был только один ответ. Я затормозил у ресторана, нашел платный «логик»-автомат и опустил в щель монету.

— Может ли «логик» быть изменен таким образом, чтобы объединиться с другими «логиками» для постоянных совместных действий в масштабах, не доступных слабому человеческому разуму? — спросил я, тщательно выговаривая каждое слово.

Экран вспыхнул, погудел. Потом ответил: «Да, несомненно».

— Как велико должно быть такое изменение? — спросил я.

«Микроскопически ничтожно,— ответил «логик».— Касается только размеров некоторых деталей. Даже современные точнейшие измерительные приборы не смогут этого уловить. При нынешних методах производства такое может произойти только в исключительно редких случаях, и случилось это всего один раз».

— Как обнаружить подобную случайную ошибку, которая оказывает столь важное воздействие на работу «логиков»? — спросил я.

Экран тихо потрескивал. Я обливался потом. Я еще не все продумал и больше всего боялся, как бы Джо чего-нибудь не заподозрил. Но заданный мною вопрос был абсолютно логичен. А «логики» не умеют лгать и должны быть предельно точны. Тут уж они ничего не могут поделать.

«Усовершенствованный "логик", необходимый для такого рода работы,— ответили мне с экрана,— находится сейчас на службе в обыкновенной семье, проживающей...»

И он продиктовал мне точный адрес Корлановичей. Как сумасшедший я помчался по этому адресу! Остановил машину перед домом, взял с заднего сиденья запасного «логика», поднялся к квартире Корлановичей и позвонил. Дверь открыл паренек.

— Я из службы наладки «логиков»,— сказал я мальчишке.— Инспекционная проверка установила, что ваш «логик» может выйти из строя с минуты на минуту. Пока этого не случилось, я должен поставить вам нового.

— Вот здорово! — завопил парнишка и убежал обратно в гостиную, где Джо (Джо я начал называть его позднее, потому что много думал о нем) что-то показывал детям. Я включил нового «логика» и тщательно проверил, хорошо ли он работает. Потом сказал:

— А теперь, ребята, спрашивайте у этого нового «логика» что хотите. А старого я заберу, пока он не сломался.

И тут я бросил взгляд на экран Джо. Ребятишки, наверное, попросили показать им настоящих людоедов. И Джо демонстрировал им научно-документальный фильм антропологической экспедиции о ритуальных танцах, посвященных

богине плодородия какого-то племени хуба-джуба в Западной Африке. Этот фильм предназначался исключительно для ученых-антропологов и студентов-медиков старших курсов. Цензурные блоки были выключены, и Джо старательно выдавал все подряд. Ребята очень заинтересовались. А я, взрослый, женатый мужчина, покраснел до корней волос.

Я выключил Джо. Осторожненько. Включил другого «логика» и вызвал отдел наладки. На экране службы «логиков» не было, на экране — родной отдел. Ох, как мне стало хорошо! Я сообщил, что еду домой, якобы потому, что упал на лестнице и вывихнул ногу. И добавил:

— Да, кстати! Я нес «логика», которого тут заменил, он вместе со мной грохнулся — знаешь, что от него осталось? В общем, я бросил его тут, у подъезда,— мусорщик подберет.

— Если ты не вернешь его в любом виде,— ответили мне,— будешь платить.

— За этот мусор-то? Небольшая цена! Заплачу,— сказал я.

И отправился домой. Лорин еще не звонила. Как только мог осторожно я перенес Джо в подвал. Если бы я вернул его на склад, даже как следует повредив, его бы там осмотрели и разобрали на запасные детали. И какие-то не совсем нормальные детали снова пошли бы в дело, и вся катавасия началась бы сначала. Этого я допустить не мог. Я сполна заплатил за Джо и оставил его у себя в подвале.

Вот как все было. Можете теперь говорить, что я спас нашу цивилизацию, и будете недалеки от истины. Я знаю, что не решусь включить Джо. Ни за что. Во-первых, пока жива Лорин. Но, кроме того, есть и другие причины. С этими болванами, которые только и хотят, чтобы весь мир думал так же, как они, с этими кретинами, которые готовы поубивать всех остальных людей, лишь бы чего-то добиться для себя лично,— нет уж, увольте! Проблемы, конечно, решать надо, но уж лучше пусть они останутся, чем действовать таким способом.

С другой стороны, если бы Джо можно было как-то укротить, чтобы он действовал в разумных пределах, он бы помог мне заработать без особых трудов пару миллионов долларов. Но все же у меня, наверное, хватит ума не лезть в богачи,

спокойно дожить до пенсии, ловить себе потихоньку рыбу да врать другим старым олухам, какой я был замечательный парень когда-то... Может, мне это по душе придется, а может, и нет. В конце концов, когда мне до чертиков надоест старость и немощь, почему бы не включить Джо — всего на минутку, чтобы только спросить: «Как старику перестать быть старым?» И Джо выяснит как. И скажет мне.

Разумеется, всех от старости не избавишь. Кому-то все равно придется уходить, чтобы освободить место детишкам. И все же мир снова стал добрым и теплым после того, как я выключил Джо. Может, я еще разок включу его на миг, только чтобы узнать, как мне в этом мире остаться. С другой стороны...

Мертвый город

От начала и до конца это было шоу Маршалла — его шоу и его нож. Маршалл пользовался уважением среди археологов — и все знали, что он заслужил свою репутацию. Но нож ее погубил. Дело в том, что Маршалл придумал собственную систему определения места раскопок и некоторое время оставался золотым мальчиком американской археологии. Он указывал на города и поселения вовсе не случайным образом, а пользуясь рядом критериев — наличие поблизости порта, торговых маршрутов, плодородность земли и так далее. Вдобавок он утверждал, что находки на поверхности еще не повод для начала раскопок.

И только если место подходило для жизни в прошлых столетиях, стоило отправлять туда экспедицию. После того как Маршалл обнаружил поселение ацтеков на кукурузном поле в Канзасе — там пролегал караванный путь, о котором знал даже Прескотт,— и откопал предметы татарской культуры в Калифорнии, он стал большим авторитетом в своей области.

Но потом он отправился на Юкатан, чтобы отыскать следы майя, и вернулся оттуда с ножом. В нем не было ничего особенного, если не считать необычной рукояти. Вы можете хоть сейчас зайти в магазин скобяных товаров и купить почти такой же. Конечно, лезвие будет немного другой формы, да и ручка тоже, но в целом... Короче говоря, нож, привезенный Маршаллом с Юкатана, был самым обычным. Однако тот клялся, что нашел его на глубине двенадцати футов в совершенно не потревоженном слое, среди остатков первобытной

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

индейской культуры, о которой до сих пор никто ничего не знал.

Он привез битую глиняную посуду и другие разрозненные предметы, принадлежавшие народу куда более примитивному, чем все, что прежде удавалось найти к югу от Алеутских островов,— но нож спутал все карты.

Это был стальной нож. Более того, на лезвие пошла нержавеющая сталь, хотя Маршалл утверждал, что ему по меньшей мере восемь тысяч лет. Не потребуется знание археологии, чтобы понять: люди не пользовались стальными, да к тому же нержавеющими ножами в шестом тысячелетии до нашей эры. Это полнейший абсурд.

Но Маршалл упрямо утверждал, что находка подлинная. Он поставил на кон репутацию — и проиграл. Директора Музея сравнительной археологии пытались уговорить его отказаться от своих заявлений. Он потерял терпение и назвал их сборищем идиотов. Они с обиженным видом заявили, что принимают его отставку. Когда он язвительно спросил насчет ножа, те ответили, что он может забрать «находку», ведь если бы им потребовались нержавеющие ножи, они не стали бы снаряжать археологическую экспедицию. Их можно купить в любом универсальном магазине.

Маршалл положил нож в карман и вышел. Затем он отправился в химическую лабораторию, где попросил проанализировать состав стали, после чего запатентовал его. Дело в том, что нож действительно пролежал в земле восемь тысяч лет — и даже больше, как оказалось,— но оставался таким же новым, как и в тот день, когда его сделали. Современная сталь была намного хуже, поэтому корпорация, которую создали для производства нового сплава, быстро добилась процветания. Она начала делать инструменты такого класса, что раньше для их изготовления использовался иридий. Да, эта сталь была особенной!

Тем не менее репутация Маршалла была загублена. Если сравнить нож с примитивной глиняной посудой, которую он якобы нашел в том же раскопе, его заявление выглядело абсурдным. Между тем он стал богатым человеком благодаря патенту на сталь — после чего потратил большую часть полу-

ченных денег на финансирование новой экспедиции на Юкатан.

Он взял с собой лишь двоих ученых, Эпсли и Берроуза, отличных специалистов в своих областях. Берроуз, несколько флегматичный мужчина, являлся одним из лучших в Америке знатоков первобытных культур. Эпсли был не столь хорош, но обладал удивительной интуицией, когда дело доходило до решения археологических проблем. Он умудрялся делать блестящие выводы на основании совершенно противоречивых фактов. Иными словами, он был своего рода гением.

Прихватив огромное количество оборудования, они высадились в одном из маленьких портов Юкатана. Маршалл был блестящим организатором. Ему удалось нанять целый караван мулов и группу индейцев, пеонов с плоскими лицами, причем он справился с этой задачей в четыре раза быстрее, чем кто-либо еще. Пеоны сразу же дали согласие, поскольку им предстояло ехать верхом на мулах. Уже через пять дней после высадки караван углубился в джунгли.

Им понадобилось четыре дня, чтобы добраться до места, где Маршалл — как он утверждал — обнаружил нож. Котлован уже успел частично зарасти — джунгли легко отвоевали территорию. Пеоны быстро расчистили местность, и еще две недели вели новые раскопки. Маршалл заложил взрывчатку, и в мягкой земле образовался глубокий кратер — а рядом отрыли новый котлован.

Безумие? Вовсе нет. Теперь землю не нужно было вытаскивать из котлована — ее попросту сбрасывали в кратер. Иными словами, ее не требовалось поднимать вверх — и пеоны считали, что им досталась очень легкая работа. Они ненавидели таскать наверх тяжело нагруженные тачки. Кстати, Маршалл купил тачки с резиновыми покрышками, и это также сыграло положительную роль. Пеоны трудились охотно, совсем не возмущались, и дело продвигалось успешно.

Конечно, он не собирался выкапывать из-под земли весь город. Он искал нечто вполне определенное, ему не нужно было показательное место археологических раскопок. И он добился того, чего хотел,— правильнее сказать, он не обнаружил того, чего и не ожидал увидеть. За все время они не нашли ни одного ножа.

Да, они работали на месте древнего поселения — у них были все необходимые свидетельства данного факта. Находки сфотографировали в том положении, в котором они лежали в земле, а затем тщательно упаковали. Исследователи собирали золу, просеивали землю, тщательно записывали выводы — и работы продолжались.

С точки зрения археологии все делалось на самом высоком уровне, Берроуз и Эпсли остались довольны. Они получили материалы для изучения народности, предшествовавшей индейцам майя. Прежде о ней ничего не было известно. Создавалось впечатление, что позднее ее самобытность бесследно растворилась в культурах других племен. И Эпсли решительно заявил, что восемь тысяч лет слишком маленький срок — эти находки намного древнее. Он отнес их к эпохе европейских кроманьонцев, живших от двадцати до двадцати пяти тысяч лет назад.

— Хм-м,— сказал Маршалл, когда работы подошли к концу,— не думаю, что мы найдем здесь другие ножи. Тот, что попался мне, очевидно, был у кого-то выменян или захвачен. Нет ни малейших оснований считать, что этот народ мог создать нечто подобное.

— Не-е-ет,— задумчиво протянул Эпсли.— Конечно, они не могли. И ты продолжаешь настаивать, что нашел нож именно здесь?

— Я всегда считал, что он попал сюда из других краев,— ответил Маршалл.— Поэтому я заказал топографические карты местности, сделанные с воздуха,— они стоили огромных денег! Предположив, что древние дикари были такими же ленивыми, как их потомки, я отметил самые вероятные торговые пути и маршруты набегов. Завтра мы сворачиваем лагерь.

Экспедиция работала, как часовой механизм. Группа пеонов отправилась на побережье с грузом находок с первого места раскопок. В порту они взяли необходимые припасы и поспешили на новое место. Оставшаяся часть отряда уже развернула там лагерь. Маршалл всегда отличался системным подходом к работе и знал, что делает.

Три дня они пробирались по узким тропам — иногда им даже приходилось прорубать себе дорогу. Маршалл внимательно осматривал землю и всякий раз отрицательно качал головой. Наконец он приказал остановиться и достал металлоискатель. Вам известно, для чего он предназначен. Металлоискатель создан для поисков мин и неразорвавшихся снарядов. Маршалл усовершенствовал прибор — и тот стал гораздо более чувствительным. Он был первым, кто решил использовать металлоискатель в археологии.

Маршалл провозился с ним полдня, а пеоны тем временем очищали местность при помощи мачете. Затем он велел вырыть три колодца. И хотя Маршалл сказал, что это будут колодцы, он имел в виду совсем другое. Первый — девять футов глубиной, второй — двенадцать, а третий — всего семь. Там они обнаружили три стальных ножа, а также глиняную посуду и каменные наконечники стрел. Эпсли и Берроуз нашли их на дне всех трех колодцев. Земля вокруг была совершенно не потревожена. Ножи находились среди пепла, глиняных горшков, каменных топоров и прочих типичных находок. И они выглядели такими же блестящими, как тот, первый. Казалось, они только что поступили с завода. Это был все тот же чрезвычайно удачный сплав нержавеющей стали.

— Все одинаковые,— задумчиво сказал Маршалл, когда был обнаружен третий нож.— Массовое производство. Эпсли утверждает, что все это происходило двадцать тысяч лет назад! Здесь их больше, чем на востоке. Значит, нам следует двигаться на запад.

— Послушай, Маршалл! — беспомощно проговорил Берроуз.— Я сам нашел один из ножей! И я не сомневаюсь, что все это время они пролежали в земле! Но я не понимаю, что ты рассчитываешь отыскать?

— Место, где их делали,— ответил Маршалл.

Берроуз слишком хорошо знал первобытную культуру.

— Но послушай! Народ, обладающий настолько богатыми знаниями о металлах, должен был иметь огромное преимущество перед другими племенами! Его никто не сумел бы уничтожить. Как могло быть забыто такое искусство? Мы знаем, что не существует утерянных умений подобного рода!

Между тем Маршалл разложил топографические карты. И тут же присвистнул.

— После того как я нашел первый нож, меня изо всех сил поливали грязью. Если я скажу тебе то, что думаю, ты за-

хочешь отвезти меня на побережье, чтобы показать врачу. Ты пробовал воспользоваться ножом?

Берроуз взял один нож, а Эпсли другой. Пока они их изучали, Маршалл вновь склонился над картами. Рядом отдыхали пеоны, которым хорошо платили вот уже пять недель, из которых, как считали сами, они работали только две. На стоянке царило отличное настроение. Да, вокруг раскинулись джунгли, но археологи захватили с собой столько полезного оборудования, что жить в лагере было достаточно удобно.

Наконец Эпсли сказал:

— Какие-то они ужасно неудобные, эти ножи. Как их нужно держать?

Берроуз сглотнул.

— Маршалл! — воскликнул он.— Они не ложатся в ладонь. Получается какая-то ерунда!

— Я знаю,— спокойно ответил Маршалл.— Так и есть. Послушайте! Я намерен отправиться туда, где был город. До него более ста миль, и дорога будет тяжелой, но если он стоял в глубине материка, то мог находиться только там. Я решил рискнуть.

Он отошел, чтобы переговорить с темнокожим пеоном, вождем рабочих. Его подопечные — сорок человек — прекрасно питались, работали совсем немного и получали хорошие деньги. Они полагали, что Маршалл — полный придурок и Санта-Клаус в одном лице.

Вскоре Маршалл вернулся к Эпсли и Берроузу, которые молча смотрели друг на друга.

— Маршалл! — заявил Берроуз.— Эти ножи не предназначены для того, чтобы ими пользовались в быту. Зачем они? Для каких-то обрядов?

— Попробуйте догадаться сами,— ответил Маршалл.— Мое предположение наверняка покажется вам безумным.

— Их неудобно держать! — не унимался Берроуз.— Проклятье, никак не ухватить! А первобытные люди, несмотря на невежество, обладали практичностью! Они не стали бы делать такие ножи!

— Верно. Первобытные люди не стали бы.

— Да они бы и не смогли, если были бы первобытными,— вмешался Эпсли.— В любом случае люди не будут делать для оружия такую неудобную рукоять! Однако мы их нашли!

— Да,— кивнул Маршалл.— Именно этот вопрос меня и тревожит.

Берроуз и Эпсли уставились на него.

— Я не понимаю,— пожаловался Берроуз.

— Металл неправильный,— объяснил Маршалл.— В те дни люди не умели выплавлять и самую простую сталь, не говоря уже о нержавеющей, а тем более о сплаве, который неизвестен даже в наше время. Но еще больше вопросов вызывают рукояти. Люди не стали бы делать такие ножи, даже если бы могли! Тогда возникает естественный вопрос: кто их создал? И что случилось с цивилизацией, которая настолько опережала наших предков?

Эпсли и Берроуз переглянулись и покраснели. Возможно, археология не слишком практичная наука, но те, кто ею занимаются, обычно обладают здравым смыслом.

— Давайте забудем об этом,— раздраженно проворчал Эпсли.— В противном случае мы сойдем с ума, пытаясь придумать разумное объяснение невероятным вещам. У нас есть только один выход — добраться туда, откуда эти ножи появились!

— Верно,— согласился Маршалл.— Я неплохо заработал на первом ноже, но готов потратить все, чтобы найти ответ. Боюсь только, мне он не понравится.

У них ушла неделя, чтобы добраться до места, выбранного Маршаллом. Все это время они старались не затрагивать щекотливые темы. О ножах никто ни разу не упоминал. Беседовали о пейзажах — впрочем, их окружали однообразные густые джунгли — и о еде, достаточно обильной, но ужасно приготовленной. Иногда речь заходила об археологии. Но ни один из них не заговорил о ножах. Им пришлось постараться, поскольку сто миль до предполагаемого расположения города было, если идти по прямой, а им приходилось петлять по джунглям. Если бы не карты, они бы никогда не нашли нужное место.

Наконец они добрались до долины с озером. Озеро оказалось очень необычным. Почти идеально круглое, с заросши-

ми густой травой берегами, которые в сезон дождей оказывались под водой. Долина насчитывала десять миль в поперечнике — идеальное место для занятий сельским хозяйством. Со всех сторон ее окружали горы. В те времена, когда еще не изобрели самолетов, узнать о ее существовании было довольно трудно. Здесь в течение тысяч лет мог развиваться город или даже целая цивилизация, и никто из внешнего мира не узнал бы об обитателях этих мест. На самом деле Маршалл и его спутники никогда не слышали о людях, когда-либо живших здесь, однако косвенные признаки вызывали тревогу.

Внешне ничто не наводило на мысль о том, что здесь был город. Никаких пирамид или впечатляющих развалин. Но Маршалл на это и не рассчитывал. Он не сомневался, что ему поможет металлоискатель. Пока они спускались в долину, он успел хорошенько ее осмотреть, и у него на лице появилось удовлетворенное выражение. Они разбили лагерь возле небольшого ручья за полчаса до заката. Эпсли заметил, что Маршалл чем-то очень доволен.

— Ты думаешь, мы что-нибудь отыщем?

Маршалл кивнул.

— Джунгли обычно растут равномерно,— заметил он.— А здесь такая удобная долина. Мне кажется, мы сделали серьезную находку.

После коротких колебаний Эпсли заявил:

— Маршалл, я надеюсь, что мы не найдем ничего!

— Могу поспорить,— ответил Маршалл,— что еще до заката мне удастся кое-что обнаружить металлоискателем.

У него оставалось менее тридцати минут. Эпсли ничего не сказал. Он и в самом деле очень хотел, чтобы они ничего не откопали. Хорошему археологу рукоять ножа говорила о многом. Маршалл приготовил металлоискатель, проверил аккумуляторы и надел наушники. Затем стал медленно прогуливаться по густой траве вокруг места, которое расчищали пеоны. Неожиданно в наушниках прозвучал оглушительный писк.

Он сорвал их и потер уши.

— Я нашел! — сказал он.— Прямо здесь!

Он указал на чудовищное дерево с широкими листьями и мощными узловатыми корнями. Над одним из них возвышалось нечто напоминающее могильный курган, словно корень, по мере того как рос, поднимал здоровенный камень. С кургана свисали лианы и другие растения, но у человека, посвятившего долгие годы раскопкам, вырабатывается шестое чувство.

— Из чистого любопытства я хочу узнать, что здесь зарыто,— заявил Маршалл.— Это рядом с поверхностью. Пришлите сюда пару людей с лопатами, ладно?

Побледневший Эпсли подошел к пеонам и направил к огромному дереву двух рабочих. Маршалл уже начал изучать курган. Из развороченной земли полезли многочисленные насекомые. Когда начинаешь раскопки в джунглях, невозможно предсказать, какое количество живых существ может выбраться на поверхность. Маршалл не утерпел, схватил лопату и принялся копать сам. Почти сразу же послышался звон металла.

Конечно, Маршалл не потерял самообладания. Он не стал мешать пеонам разбивать лагерь. Но вскоре после заката вокруг кургана уже горели костры, а дюжина пеонов вовсю орудовала лопатами. Спустя короткое время работали все. Наконец Маршалл, Эпсли и Берроуз получили возможность взглянуть на находку.

Никогда прежде археологам не попадалось ничего похожего. Их глазам определенно предстало средство передвижения. Не слишком большое — около семи футов в длину и четырех в ширину, без колес, но с чем-то вроде гусеничной ленты. К сожалению, она была сделана из металла, подверженного коррозии, так что гусеницы практически истлели. Большая часть днища осталась под землей. В конце концов, устройство пролежало здесь много тысяч лет. Двадцать тысяч, если верить Эпсли, а в те времена человеческая цивилизация еще не появилась на свет — что не могло не вызывать тревогу.

— Мне кажется,— сказал Маршалл,— что мы столкнулись с новым вопросом. Черт побери, что все это значит?

Берроуз хорошо знал первобытность, но сейчас беспомощно смотрел на непонятную находку.

— Это, безусловно, рукотворный предмет,— с сомнением проговорил он,— но его назначение мне неизвестно.

Эпсли выглядел больным.

— У меня такое чувство, что нам лучше убраться отсюда,— медленно проговорил он.

Маршалл окинул его взглядом.

— Я не шучу,— не сдавался Эпсли. Вид у него был ужасный.— Я... у меня иногда бывают озарения. Да, кажется, это так называют. Однажды появилось такое же чувство, когда я увидел монолит в Петре*. Проклятая штуковина спокойно простояла пару тысяч лет, но у меня возникло ощущение, что нужно держаться от нее подальше. Мне было стыдно говорить об этом вслух. Однако на следующий день она рухнула, и погибло двое рабочих-арабов. Мне кажется, здесь что-то не так, и нам лучше вернуться. Если бы я мог, то свернул бы лагерь и ушел прямо сейчас. Не знаю, в чем причина. Просто у меня дурные предчувствия!

Маршалл кивнул.

— Я тоже не в восторге от этой вещи — пожалуй, ее можно назвать автомобилем. Видите у нее два сиденья?

Берроуз возмущенно возразил:

— Но это не может быть автомобиль! Даже если отбросить другие очевидные факты, он слишком мал!

— Для людей,— уточнил Маршалл.

Берроуз сглотнул и издал неопределенный звук. Они с Эпсли изо всех сил старались не думать о такой возможности. Неправильные ручки у ножей. А теперь это средство передвижения с двумя сиденьями странной формы, явно сконструированное не для человека — во всяком случае, взрослого.

Несколько секунд все трое стояли неподвижно, а затем принялись за работу. Двигателя не было видно, и они начали поиски. Однако им удалось обнаружить лишь следы коррозии — никаких цилиндров и прочих деталей. Наконец Маршалл указал на частицы ржавчины, покрывавшей блестящую металлическую ось. Между тем Эпсли увидел кое-что еще.

— Должно быть, вот он, двигатель,— предположил Маршалл,— или один из них. Тот, кто способен создать сплав, не подверженный воздействию времени, не станет использовать обычную передачу. И тогда двигатель будет располагаться там, где находится источник энергии.

* Город в Иордании, столица древней Набатеи. *(Прим. пер.)*

Берроуз бесстрастно заметил:

— Это лишь догадка, но совершенно очевидно, что данное устройство нельзя назвать примитивным.

— Конечно! — согласился Маршалл.— О какой примитивности можно говорить после того, как увидишь эти украшения?

Неожиданно Эпсли вырвало. У остальных появилось сильное желание последовать его примеру. Вы когда-нибудь разглядывали «оптические иллюзии», которые иногда печатают в газетах? Вы смотрите на них, не замечая ничего особенного, а мгновение спустя у вас перед глазами все начинает расплываться, и вы не можете понять, на что надо смотреть. Узоры, нанесенные на блестящую поверхность металла, были чем-то похожи на такие иллюзии. Вот только у вас не начинали болеть глаза — воздействие шло на другом уровне. Линии и фигуры оставались вполне четкими. Но когда вы пытались найти в них какой-то смысл, у вас начинали зарождаться эмоциональные впечатления, вызывающие стыд — и тошноту. Это было ужасно.

— Не думаю, что их сделали люди,— рассудительно заметил Маршалл.— В конце концов, человеческой расе всегда была свойственна благопристойность, как бы часто это ни ставилось под сомнение. Ну а в тех случаях, когда человек ведет себя отвратительно, то поступает так исключительно из вредности.

— Да, это не примитивная культура,— зачем-то повторил Берроуз.— Мы столкнулись с развитой цивилизацией. Картины первобытных людей просты и наглядны. Художники никогда не пытались усилить воздействие одного цвета, используя другой. Музыка первобытных культур тоже отличается простотой. Только цивилизованный человек начинает смешивать цвета и звуки для усиления впечатлений.

А это... вызывает бурю эмоций, как и всякое искусство. Однако в данном случае для достижения максимального эффекта смешаны самые яростные и неприятные чувства. Это искусство высокой ступени развития, но оно не по вкусу людям. Существа, которым нравится такое, едва ли окажутся приятной компанией.

— Так или иначе, они мертвы,— мрачно сказал Маршалл.— Но даже один их нож принес пользу нашей цивилизации. Вполне возможно, мы разыщем и другие предметы, которые помогут нам продвинуться вперед.

— Мне все еще кажется, что лучше побыстрее убраться отсюда,— хрипло проговорил Эпсли.— Я ничего не могу объяснить, но меня преследует непонятная тревога.

Маршалл задумался. Не следует относиться равнодушно к словам ученого, который многие годы провел за исследованием вещей, принадлежавших мертвым людям. Несомненно, Эпсли обладает интуицией. Археологи — упрямые и практичные люди, но всякому скептицизму должен существовать предел. Глядя в лицо Эпсли — и хорошо зная этого человека,— Маршалл не мог просто отбросить его опасения. Это был факт. А факты необходимо тщательно взвешивать.

— Сейчас мы ляжем спать,— наконец принял решение Маршалл.— На всякий случай я поставлю пару часовых, а утром вернемся к работе. Трудно понять, как такая продвинутая цивилизация могла бесследно исчезнуть!

Ночью они неожиданно проснулись. Воздух странным образом пульсировал. Это нельзя было назвать конкретным звуком, и на вибрацию земли тоже было не похоже. Нет, пульсации возникали на таких низких частотах, что человеческое ухо не могло их уловить. Эпсли встал и вышел из палатки. У костра двое пеонов играли в таинственную игру, которая на первый взгляд напоминала кости, но по сути имела с ними немного общего. Так развлекались часовые, которые должны были — во всяком случае, пеоны думали именно так — следить за тем, чтобы хищники не напали на мулов и не утащили съестные припасы.

— Un temblor, señor,— спокойно сказал один из них.— Pero un poquito.

«Землетрясение, но совсем слабое». Эпсли знал, что это не так, но не стал возражать. Постепенно пульсации прекратились, и он вернулся в палатку. Его товарищи не спали, прислушиваясь к негромкой беседе пеонов, продолжавших игру. С белыми они говорили на вполне приличном испанском, но между собой общались на смеси испанского и отдельных выражений из языка древних майя. Беседа пеонов

показалась американцам вполне дружелюбной. Один из них все время шутил и сам же смеялся. Восхищался собственным остроумием, бедняга! Маршалл даже немного позавидовал миру, царившему в душах индейцев. Слова Эпсли не шли у него из головы. Он почти разделял опасения коллеги. Эти произведения искусства... Но ведь цивилизация мертва в течение двадцати тысяч лет! Ну как она может быть опасной? И все же... тревога не покидала Маршалла.

Пока трое американцев завтракали, пульсации возобновились. Эпсли заметил это первым. Он не мог их слышать, но у него в груди возникло странное ощущение. Оно становилось все более громким — нет, это неподходящее слово. Пульсации набирали силу, пока не достигли своего пика. После чего мгновенно прекратились. Больше ничего не произошло.

— Это что-то новенькое! — заметил Маршалл.— Интересно, в чем дело?

Берроуз и Эпсли ничего не ответили. Маршалл сосредоточился.

— Послушайте! — неожиданно сказал он.— Учитывая все, в том числе и твою интуицию, Эпсли, я пришел к грустному заключению. Мы археологи, и этим все сказано. Мы обладаем поверхностным знанием вещей, как-то связанных с археологией, но не более того. Если та штука, которую мы нашли вчера вечером, является чем-то вроде автомобиля, то для его исследования требуется специалист. Мы умеем обращаться с истлевшими тканями, покрывая их парафином, я даже немного занимался электролитическим восстановлением проржавевших предметов. Но я не имею понятия, как сохранить или заново построить сложное устройство, которое находилось под землей в течение двадцати тысяч лет. Человечество не знает подобных прецедентов! Поэтому, полагаю, нам следует вернуться и пригласить сюда ученых.

Эпсли глубоко вздохнул. Берроуз запротестовал:

— Не кажется ли тебе, что ты принимаешь решение слишком быстро — на основании знакомства лишь с одной находкой!

— Однако эта конструкция производит сильное впечатление,— сухо ответил Маршалл.— Я принес всего лишь нож, и моя находка положила начало производству совершенно но-

вого сплава — во всяком случае, так мне сказали знающие люди. А здесь перед нами автомобиль или нечто похожее; какое воздействие он может оказать на нашу цивилизацию? Я подозреваю, что здесь необходимы усилия целой группы физиков с познаниями в археологии и умением жить в джунглях.

— По меньшей мере,— негромко подтвердил Эпсли.— Но мы не можем забрать эту штуку с собой, а без доказательств нам поверят не больше, чем тебе, несмотря на любые фотографии.

— Тут ты прав,— согласился Маршалл.— Поэтому каждый из нас возьмет металлоискатель, и мы разойдемся в разные стороны, чтобы сделать карту возможных находок. А если нам удастся обнаружить место, где показания металлоискателя будут особенно многообещающими, проведем полномасштабные раскопки. Или будем искать в разных местах, пока не отыщем что-нибудь убедительное. Иными словами, сократим фронт работ. Следует признать, мы лишь проводим разведку. Нам нужны доказательства, что здесь необходимо провести серьезные исследования с привлечением большого количества ученых. Согласны?

Лицо Эпсли оставалось напряженным.

— Все, что ты предлагаешь, звучит разумно,— был вынужден признать он.— Но честно тебе скажу: мне бы хотелось немедленно покинуть это место.

Маршалл рассмеялся, но его смех получился не слишком искренним. Эпсли никогда не был подвержен приступам меланхолии. Он всегда оставался спокойным, рассудительным и умелым специалистом. Маршалл прекрасно знал, что у некоторых людей бывают настоящие прозрения. Нельзя долго быть археологом и не слышать об удачных открытиях, которые сделаны только благодаря интуиции. К тому же узоры на устройстве, которое они вытащили из земли, производили гнетущее впечатление. Долго смотреть на них было невыносимо.

И вновь все члены экспедиции работали, как часы. Часть пеонов принялась расчищать место для лагеря, а три других отряда вышли на поиски во главе с Эпсли, Берроузом и Маршаллом. У каждого из них был металлоискатель, с помощью которого можно обнаружить десятицентовик на глубине десять футов. Они разошлись веером, впереди шагали пеоны с мачете. Но уже через час они вновь собрались вместе. Все трое были возбуждены.

— У меня получилась почти непрерывная линия,— нарочито спокойно сказал Эпсли.— Здесь под землей столько же металла, сколько будет в Нью-Йорке после того, как на его месте вырастут джунгли.

— Я полагаю, что мой металлоискатель испорчен,— раздраженно заявил Берроуз.— У первобытных народов просто не может быть столько металлических вещей! Их здесь слишком много!

В глазах Маршалла горел странный огонь.

— Раньше техническое развитие нации измерялось количеством серной кислоты, используемой в промышленности,— неожиданно начал он.— В наши дни считается, что применение легких металлов — более точная характеристика. Но единственным металлом, который сохранится в земле через восемь тысяч лет — не говоря уже о двадцати тысячах, по оценке Эпсли,— будет нержавеющая сталь. Обитатели этого города знали, как она выплавляется. Если брать во внимание такой тест, то культура местных жителей была ничуть не ниже современной. Так что же ее уничтожило? И как это могло произойти?

Берроуз был сбит с толку, а потому полон негодования. Эпсли очень сильно побледнел.

— Это была не человеческая цивилизация,— решительно проговорил он.— Я уверен. Маршалл, мне страшно!

— Мы можем еще раз изменить планы,— задумчиво проговорил Маршалл.— Быстро возьмем то, что сможем найти — на поиски не уйдет много времени,— и покинем долину. Мы не в силах провести необходимые исследования самостоятельно — тут нет никаких сомнений. Нужно лишь собрать свидетельства, которые убедят серьезных людей в том, что требуется большая экспедиция.

— Я не настолько напуган,— заверил его Эпсли.— Но чем раньше мы отсюда сбежим, тем лучше.

— Начнем от озера,— решил Маршалл.— Там наверняка располагался центр города. Обойдем озеро по берегу и выясним, каковы были границы поселения. Если оно так велико, как нам представляется по количеству металла под землей,— очевидно, что его больше там, где выше была плотность населения,— то у нас даже нет шанса сделать его карту. Но все же мы сумеем выяснить, каких размеров был этот город.

Пока у них имелась лишь одна находка, однако они знали о существовании других диковин и вновь молча взялись за работу. Берег был заболоченным, деревья здесь не росли. Им даже не потребовались услуги пеонов с мачете, чтобы обойти озеро. Однако на берегу следов металла обнаружить не удалось. На расстоянии в сто ярдов от берега детекторы молчали. Постепенно стали появляться отдельные участки — а потом масса обнаруженного металла увеличилась скачком. Такие результаты можно получить, если побывать через несколько сотен лет в современном, разрушенном бомбардировкой городе, который впоследствии поглотили джунгли.

— Когда вы размышляли об озере,— сказал Маршалл вечером,— мол, интересно, что покоится у него на дне? — вам не приходило в голову, что мы получили бы схожие показания детекторов, если бы имели дело с крупным городом, уничтоженным одной огромной бомбой. Скажем, в пятьдесят или шестьдесят килотонн тротила. Это объясняет появление озера и отсутствие металла вокруг него. Оно возникло на месте воронки. Но какой же огромной должна была быть эта бомба!

Неожиданно воздух запульсировал. Колебания становились все интенсивнее, из лагеря донеслись крики пеонов.

— Señores! Señores! Un aeroplano! Monstroso!*

Когда трое археологов выскочили из палатки под лучи заходящего солнца, пульсации стали стихать. Однако пеоны не замолкали.

Они продолжали шуметь. Конечно, они много раз видели самолеты. На земле почти не осталось мест, где летающий объект все еще вызывал удивление. Нет, пеоны не испытывали страха. Они с восторгом описывали огромный сияющий предмет, паривший в воздухе над центром озера. Это был un aeroplano, вот только без крыльев. Должно быть, он летел очень быстро.

Эпсли побледнел, как полотно. Однако он стиснул зубы и постарался спокойно выяснить подробности. Никому из них троих не удалось разглядеть странное явление, но пеоны дружно утверждали, что прекрасно видели светящийся предмет,— и их описания совпадали.

Дальнейшее обсуждение ни к чему не привело.

На следующее утро начались раскопки на холме, находившемся в полумиле от озера. Приборы показали, что там содержится очень много металла. Раскопки были сосредоточены на самом верху холма. Археологам пришлось прорубаться сквозь пять футов густого кустарника и три фута земли. Затем они наткнулись на камень. Увеличив площадь раскопок, они обнаружили дверной проем, за тысячелетия заросший переплетенными корнями. Он насчитывал четыре фута в высоту. Когда они продвинулись еще на шесть футов, перед ними открылось пустое пространство — удушливый воздух был пропитан запахом разложения.

Задыхающийся Маршалл вернулся на поверхность за порохом. Конечно, после него останется запах серы, но это поможет избавиться от многовекового зловония. Через час они смогли зайти внутрь. Двое пеонов принесли из лагеря шестидесятифунтовый портативный генератор и мощные фонари. Когда под землей вспыхнул свет, во все стороны начали расползаться какие-то существа. Однако люди продолжали идти вперед.

Вскоре они оказались в огромной комнате, почти не пострадавшей от времени. Стены покрывали панели из блестящей нержавеющей стали. Повсюду валялись груды зеленоватого вещества с темно-серыми вкраплениями. В потолке виднелась дыра — а за ней пустое пространство. Под дырой была еще одна груда ржавых обломков и кусков металла. И ничего, даже отдаленно похожего на лестницу. Дальше исследователи увидели проход, ведущий в соседние комнаты. В не-

* Сеньоры! Сеньоры! Самолет! Огромный! *(исп.) (Прим. ред.)*

которых из них они тоже заметили отверстия, через которые внутрь теоретически должен был поступать воздух. Однако все они были забиты ползучими корнями, безуспешно пытавшимися выбраться наружу. В одном месте потолок обвалился, обнажив сверкающий металл.

— Мой Бог! — воскликнул Маршалл.— Стальной каркас! Двадцать тысяч лет назад! Но какой бетон столько продержится?

Он пошел дальше один и вскоре исчез из виду. Его спутники огляделись по сторонам и услышали возбужденный ропот. Пеоны собрались перед стеной с блестящей стальной панелью, на которой был изображен человек во всех анатомических подробностях. Он бился в агонии, вокруг его тела Эпсли и Берроуз видели узоры, почти такие же, как на «автомобиле» накануне вечером. Однако они не были изящными или стилизованными подо что-то. Рисунок прямо и непосредственно передавал сильный эмоциональный заряд, так музыка без слов может пробуждать определенные чувства. Картина вызывала у человека стыд и отвращение.

— Какое субъективное искусство,— тихо сказал Эпсли.— Они напрямую формировали эмоциональное воздействие. Боже мой!

Берроуз с любопытством заметил:

— Обрати внимание на череп, Эпсли! Он, несомненно, принадлежит индейцу! Кстати, по форме он напоминает черепа, найденные во время раскопок на Алеутских островах. Какая прекрасная работа! Взгляни, сандалии похожи на остатки обуви, которые мы нашли там, где Маршалл обнаружил свой первый нож! Перед нами портрет человека, принадлежавшего к культуре, которая предшествовала майя! — Потом с некоторым удивлением Берроуз спросил: — Но чего он боится?

От фигуры мужчины исходил ужас. Быть может, все дело в позе? Или причина в фоне? В странных узорах, которые производят такое удручающее впечатление? Единственную доступную аналогию можно было провести с музыкой. Каждый аккорд создает свое настроение, мрачное или веселое, вызывает меланхолию или подъем, передает разнообразнейшие

чувства. По самой фигуре человека было понятно, что он сражается с кем-то невидимым. Однако вместе с узорами картина вызывала отвращение и страх — казалось, человек охвачен таким ужасом, по сравнению с которым даже смерть и безумие — ничто.

Пеоны о чем-то оживленно беседовали — они узнали в нарисованном человеке индейца, подобного себе. Постепенно их разговоры стихли. Они неотрывно смотрели на узоры вокруг фигуры. Двое или трое перекрестились. А потом начали смущенно отходить в сторону.

— А вот и еще один,— сказал Эпсли.— Проклятые звери!

Берроуз вновь взглянул на человеческую фигуру с точки зрения специалиста по первобытным культурам. Человек с зажатым в руке каменным топором явно оказался в безвыходном положении. Однако неизвестный художник не изобразил его противника или противников. Только человека, окруженного все тем же вызывающим отчаяние узором. И какое отчаяние! По рядам пеонов вновь пробежал ропот.

— Странно, что они сделали человека объектом своего внимания,— заметил Эпсли.— Или человек только повод?

Почему-то он не сомневался, что не люди делали эти барельефы.

Между тем Берроуз что-то быстро записывал в блокнот.

— Ты помнишь «Загнанного оленя»? — неожиданно спросил он.— Возможно, им нравилось наблюдать за людьми в состоянии эмоционального кризиса, как нам — за животными.

Эпсли нашел третье изображение. Оно было неописуемым. На нем застыли две фигуры, и стоило любому человеку их увидеть, как в жилах закипала от ярости кровь.

Затем к ним вернулся Маршалл, которому пришлось низко наклониться, чтобы пройти сквозь дверной проем. Его лицо превратилось в маску.

— Пойдемте со мной, коллеги,— произнес он сдавленным голосом.— Я вам кое-что покажу.

Он обернулся к пеонам и по-испански приказал более тщательно очистить вход. После чего повел за собой Берроуза и Эпсли. Маршалл включил фонарь и направил его луч перед собой. Какое-то существо быстро уползло прочь.

— Я... не хотел, чтобы они это увидели,— отрывисто проговорил он.— Скоро начнется подъем. Послушайте! Это место выстроено по-настоящему крепко! Оно не рухнуло. Лишь его верхняя часть чем-то разрушена. Чем-то похожим на взрыв. То, что я вам хочу показать...— Он судорожно сглотнул.

Они подошли к началу подъема. Пол круто уходил вверх. Рядом они разглядели нечто напоминающее перила, вот только их высота не превышала фута. Воздух здесь был другим. Тяжелое влажное зловоние мешалось с мускусом. Однако Маршалл, тяжело дыша, продолжал идти вперед, освещая путь фонариком.

— Этого не может быть! — лихорадочно проговорил он.— Когда люди овладели перспективой? Четырнадцать веков назад? Или пятнадцать? До этого никто и никогда не использовал в рисунках ее законов. Люди попросту их не знали. А потом кто-то их открыл — и они сразу стали всем известны. Как только человек один раз увидел...

Он низко наклонился и почти прополз сквозь проем, высота которого была заметно меньше четырех футов. Когда Берроуз и Эпсли присоединились нему, он стоял в темноте, не включая фонарь.

— То, что вы увидите, трудно осознать,— хрипло продолжал он.— Значение нашей находки огромно. Сейчас мы поймем, почему Эпсли чувствовал, что нам следует отсюда уйти. Это объясняет все! Но принять такое объяснение очень трудно.

И только после этого он включил фонарик. Его свет выхватил блестящие панели из нержавеющей стали — их поверхность оставалась зеркально гладкой, она была абсолютно нетронута ржавчиной, лишь слегка потускнела от тонкого слоя пыли.

— Включите фонари, чтобы лучше разглядеть то, что здесь находится,— посоветовал Маршалл.— Вам потребуется пара минут, чтобы понять... Перед нами не машина. Возможно, произведение искусства. Или они сделали это для того, чтобы оно просто было,— смотрите.

Два ярких луча вспыхнули и пробежали по множеству абстрактных узоров на поверхности металла. Здесь рисунок не был выпуклым, но шел по кругу, так что центральный участок был виден с любого ракурса. Изображение не повторялось и изменялось от центра к краям.

— Но что...— начал Эпсли. Затем гневно добавил: — Мой Бог! Какие художники — какие звери!

Берроуз заморгал, потом увлеченно пробормотал:

— Какой-то новый трюк! С одной стороны это ребенок. С другой — старуха! Между ними женщины всех возрастов. Но я... вижу и ребенка, и старуху, и все остальное... Нет, вы только посмотрите! Вот она меняет детское платье на наряд невесты. Примитивно, но можно разглядеть. А тут у нее прическа матери семейства. Здесь... Проклятье, а это еще что такое, Маршалл?

— Это перспектива,— дрожащим голосом ответил Маршалл.— Смотрите! Мы можем последовательно делать снимки ребенка по мере того, как он взрослеет. И в каждом из двух измерений мы будем видеть перспективу третьего. Если мы возьмем серию фотографий одного человека в разном возрасте, у нас будет набор двумерных изображений. Просматривая их одно за другим, мы получим смутное представление о том, что перед нами один и тот же человек, и сделаем вывод, что он растет и стареет. Но мы не получим перспективы. Мы не в состоянии создать один трехмерный образ, в котором сливаются все фотографии. Но эти существа — кем бы они ни были — на такое способны!

— Посмотри на детали, Маршалл! — со страстью воскликнул Берроуз.— Я смогу написать целую книгу о женских костюмах и прическах этого периода! Получится биография древней индианки!

— Будь они прокляты! — резко перебил его Эпсли.— Они воспользовались эмоциями ребенка, чтобы сопоставить их с мечтами о раннем браке, и... и... будь они *прокляты!* Они злорадствовали над всем ужасным в человеческой жизни, подчеркивая контраст между мечтами и реальностью! Я бы хотел разбить эту проклятую штуку! Я бы...

— Но вы упустили главное,— все тем же напряженным голосом проговорил Маршалл.— Послушайте меня, коллеги. Мы не можем взять три измерения и дать им перспективу четвертого, поскольку не знаем, с какой точки смотреть. Но

тот, кто это сделал, нашел способ! Разве вам не приходило в голову, что законы перспективы открыты после того, как изобрели камеру-обскуру?

Когда художники *увидели* перспективу, они сумели ее нарисовать! И если вы немного поразмыслите, то поймете, что смотрите на эту индианку не сбоку, снизу, сзади, спереди или сверху. Вы смотрите на нее во времени! На все периоды ее жизни одновременно! Вы видите ее из четвертого измерения! Но как, черт подери, они это сделали?

Наступила тишина. Маршалл выключил фонарь. Эпсли последовал его примеру. Берроуз неохотно направил луч на дверной проем, чтобы они могли вернуться обратно.

Пеоны собрались снаружи. Часть из них расчищала вход. Остальные откровенно бездельничали. У них не было работы, а изображения внутри холма смутили их, поэтому они поспешили вернуться на свежий воздух. Маршалл кивнул.

— Я не хочу тревожить эти груды ржавчины,— отрывисто сказал он.— Наверняка в теории существует возможность вернуть им прежнюю форму — но для этого потребуется техника, которую еще не изобрели. Давайте вернемся в лагерь и все обдумаем.

Он отдал соответствующие приказы. Пеоны закидали лианами и землей вход в курган. Крупные животные не смогут забраться внутрь, а змеи и другие ползучие существа обитали там и раньше. Затем пеоны вслед за учеными вернулись в лагерь.

Когда они подошли к берегу озера, Маршалл неожиданно сказал:

— Камера-обскура преобразовывала трехмерные объекты в двумерные с помощью перспективы, после чего художники сумели повторить этот фокус. Вероятно, незнакомые нам существа умели зрительно переводить четыре измерения в три! Теперь я напуган не меньше, чем ты, Эпсли! Эти дьяволы были цивилизованными! Они делали сталь, превосходящую по качеству наши сплавы, а их искусство... Прежде чем ты научишься изображать четырехмерные картины в перспективе трехмерных, необходимо овладеть всеми четырьмя измерениями!

— А из этого следует...— отстраненно проговорил Эпсли.

— Невозможное! — прорычал Маршалл.— Из этого следует, что они создали машину времени!

Они шли по берегу почти идеально круглого озера. Маршалл раздраженно сказал:

— Это было высокое здание! Нижняя часть почти не пострадала! А следующий за ней уровень практически уничтожен! Что может нанести такой ущерб строению, способному простоять двести столетий,— а заодно создать огромное озеро? Пятьдесят килотонн тротила, взорванных одновременно? Что уничтожило город? Как могла рухнуть такая цивилизация? Она должна была оставаться неуязвимой, а если у них было оружие, соответствующее общему уровню развития, даже современные люди едва ли сумели бы с ними справиться...

Вновь воздух задрожал от таинственных пульсаций. В груди поселилось неприятное ощущение. Сначала оно было совсем слабым, но постепенно усиливалось, пока не достигло кульминационной точки...

— Señores! El aeroplano!*

Пеоны шумели и показывали пальцами. Маршалл и его спутники резко обернулись и увидели над центром круглого озера странный предмет, гладкая поверхность которого сияла в лучах солнца. Его размеры составляли примерно пятьдесят футов на двадцать, и никаких крыльев, пропеллеров и шасси. По периметру шли огромные двери. А внизу было видно непонятную конструкцию, напоминающую ноги гигантского кузнечика, но гораздо более сложную и довольно маленькую по сравнению с самим летательным аппаратом.

У них на глазах устройство начало меркнуть, а потом, в течение всего нескольких секунд, полностью исчезло. Одновременно прекратилась пульсация воздуха.

— Ты сказал, что такое невозможно? — негромко спросил Эпсли.— Это была машина времени, Маршалл. Ничем другим это быть не могло. Я сразу все понял, когда увидел собственными глазами. Вот чего я боялся!

— Сейчас они просто проследовали мимо,— угрюмо заметил Маршалл.— Но это все меняет! Они могут приземлиться

* Сеньоры! Тот самолет! *(исп.) (Прим. ред.)*

и здесь. И куда, черт побери, они полетели? Надеюсь, они не вернутся!

Но его надеждам не суждено было сбыться.

На следующее утро Маршалл выглядел так, словно не спал всю ночь. За завтраком он резко бросил:

— Да, я признаю: мне страшно! Однако мы должны вернуться в пещеру. Мы заберем пластины, которые нам удастся снять, и ужасную картину сверху. А потом отправимся на побережье. Если мы покажем это произведение искусства специалистам, нам поверят. Мексиканское правительство в таких случаях проявляет здравый смысл. Мы вернемся сюда с полком солдат, чтобы предотвратить разграбление. И еще попросим доставить пару зениток, которые будут обстреливать пространство над озером. А затем мы попытаемся во всем разобраться.

Эпсли только вздохнул. На лице Берроуза возникло упрямое выражение, но он промолчал.

— Насколько я знаю людей,— через некоторое время проговорил Эпсли,— картины будут восприняты как суперсовременное искусство — хотя им двадцать тысяч лет! За них заломят такие цены, что у всех глаза вылезут из орбит. Картины попадут в музеи. Но мне бы не хотелось, чтобы в доме, где я живу, висело что-нибудь подобное!

Маршалл бросил на него сердитый взгляд.

— Вы представляете, какой поднимется вой, когда мы скажем, что нас напугала машина времени? И как над нами будут издеваться?

— Ну и что? — проворчал Эпсли.— Честно говоря, не думаю, что опасность грозит только нам. Как я уже говорил, если они имели — имеют — оружие, соответствующее их культуре...

Маршалл сердито пожал плечами. Именно этот вопрос его сейчас тревожил больше всего. Он молча закончил завтрак и оставил небольшую группу пеонов собирать оборудование. Трое археологов и большая часть индейцев отправились мимо озера к входу в курган.

Они успели пройти три четверти пути, пеоны плелись чуть позади по заболоченному берегу, когда воздух вновь запульсировал. Пеоны повернулись к озеру и остановились. Американцы инстинктивно последовали их примеру и стали смотреть в том же направлении.

В воздухе появился туман, он начал сгущаться по мере того, как усиливались пульсации. Неожиданно в шестидесяти футах над водой засверкал металлический предмет в форме цилиндра. Он оставался на виду около двух секунд, а потом исчез. Колебания прекратились.

Пеоны зашумели, а потом вновь зашагали к кургану. Они считали, что это всего лишь un aeroplano. И хотя они видели самолеты и слышали о них достаточно, чтобы их не бояться, никто из пеонов не знал столько, чтобы понять: перед ними возникло нечто из чужого мира.

Побледневший Эпсли шагал вместе со всеми. Маршалл скрипел зубами. У них было лишь два варианта — немедленно убираться прочь или поступить так, как они планировали,— захватить с собой хоть какие-то доказательства, чтобы не сбегать с пустыми руками. Они подходили к кургану.

Маршалл решил не терять времени понапрасну. Берроуз взял троих человек, и они принялись выбивать из стены кургана металлическую пластину. Эпсли был поручен второй барельеф, а сам Маршалл отправился наверх с шестеркой пеонов, которые взяли с собой шесты и брезент, чтобы снять круглую скульптуру — если ее можно было так назвать — и спустить вниз. Маршалл надеялся, что ее удастся погрузить на носилки, подвешенные между двумя мулами, и доставить на побережье. Все принялись за работу.

Маршалл ничего не заметил, поскольку находился в глубине кургана и его со всех сторон окружало двадцать футов земли и растений, а сверху еще и развалины здания. Эпсли и Берроуз слышали немного больше. Они сумели уловить, как вновь запульсировал воздух, но ощущение было приглушенным, ведь они тоже находились под землей, только ближе к выходу. Затем пульсации прекратились.

Эпсли продолжал мрачно работать, не поворачивая головы. Ему казалось, будто что-то пошло не так, но это чувство уже давно его преследовало. Сейчас им ничего не оставалось, как снять плиту и постараться побыстрее отсюда уйти. Берроуз флегматично делал свое дело, отмечая все новые и новые

любопытные детали, по мере того как плита с барельефом покидала стену. Никто из них, естественно, не обращал внимания на пеонов, от которых сейчас было немного пользы — поэтому они остались снаружи. Позднее Эпсли вспомнил, что слышал возбужденные голоса, но в тот момент его полностью захватила возня с плитой.

Задача Маршалла оказалась самой простой. Шар с индианкой следовало завернуть в брезент и снять с основания — хотя это было нелегко,— потом уложить на шесты и пронести сквозь дверь, после чего спустить по длинному скату и пройти через два оставшихся проема. Однако Маршаллу очень не хотелось повредить рисунок, поэтому они двигались осторожно, шаг за шагом, стараясь сохранять равновесие. Маршалл и его помощники-пеоны сильно вспотели, когда наконец добрались до большой комнаты, в которую они попали изначально. Эпсли уже снял пластину, Берроуз отстал от него совсем ненамного.

— Эти люди неплохо поработали! — довольно сказал Маршалл.— Я позову других, пусть тащат добычу к лагерю.

Он пригнулся и вышел наружу. Вокруг было пусто. Маршалл огляделся. Все пеоны исчезли.

И тогда он заметил зависший над водой аппарат.

Как и прежде, он появился над серединой озера. Вот только приспособления, напоминающие ноги кузнечика, теперь были расправлены. Тонкие, похожие на паутину, они уходили под воду. На них стоял блестящий, словно зеркало, цилиндр — на том самом месте, где возникал и исчезал прежде.

Прямо под ним на воде плавал предмет, которого раньше не было. На нем сбились в кучу фигурки. Маршалл сразу же понял, что это люди. Те самые пеоны, которые еще полчаса назад радостно бездельничали у входа в курган.

Затем Маршалл заметил струйку дыма, поднимавшегося над джунглями на краю озера. Дым был белым и удушливым. Тропические джунгли не горят. Во всяком случае, на Юкатане.

В течение трех следующих минут Маршалл отдавал приказы. Пеоны должны были, минуя берег, пробиться через джунгли к лагерю вместе с Эпсли и Берроузом.

Эпсли спокойно отказался. Берроуз выругался, но все понимали, что одному из американцев следует пойти с пеонами. Плевать на оборудование. Они обязаны вывести индейцев из лагеря и затаиться в джунглях. Если потребуется, пусть уносят ноги. Берроуз будет оставаться неподалеку от лагеря и, если получится, фотографировать происходящее. Решения он должен принимать сам, но в любом случае он обязан вернуться на побережье, рассказать обо всем, что произошло, и показать фотографии.

— Эта штука не может летать,— мрачно заметил Маршалл,— в противном случае она бы не торчала над озером, точно аист. Вы ведь помните, раньше она появлялась в том же месте! Подозреваю, она вообще не способна перемещаться. Я попытаюсь выяснить, что здесь можно сделать, но если что-то пойдет не так, нам потребуются тяжелые бомбардировщики!

Он посмотрел вслед пеонам, скрывшимся в джунглях — идущий первым энергично работал мачете, пробивая среди сросшихся лиан дорогу себе и остальным. Без груза, учитывая, что они идут гуськом, отряд будет перемещаться довольно быстро.

Маршалл решительно зашагал к берегу, Эпсли последовал за ним.

— Ты глупец,— сердито заявил Маршалл.— Тебе следовало отправиться вместе с ними, чтобы подтвердить рассказ Берроуза!

Однако Эпсли заговорил совсем о другом:

— Пеоны приняли эту штуку за самолет. Когда она выпустила ноги, они нисколько не удивились. После того, как плавательное средство подошло к берегу, они побежали к нему, чтобы встретить aeronauticos*. А потом что-то произошло. Начался пожар. И почему они остаются на этой штуке? Почему их не подняли наверх? Там полно места! А двери по бокам похожи на грузовые люки.

Неожиданно возле летательного аппарата началась непонятная суета. В следующее мгновение Маршалл и Эпсли уви-

---

* Летчиков *(исп.). (Прим. ред.)*

дели, как вниз на раскачивающихся веревках стали спускаться два существа. Одно из них явно принадлежало к человеческой расе. Второе было гораздо меньше, а поверхность его тела выглядела такой же блестящей, как корпус огромного цилиндра. Но у него имелись ярко выраженные конечности, и двигалось оно вполне осмысленно. Человек и непонятное существо повисли на высоте пятнадцать футов над плотом. Люди принялись отчаянно жестикулировать. Солнце засверкало на металле — в руках пеоны держали мачете. Над водой пронесся шум. Люди на плоту осыпали пришельцев проклятьями, оскорблениями и угрозами.

Над поверхностью озера появились клубы пара. Маршалл выругался, сжал кулаки и побежал.

— Что ты намерен делать? — спросил Эпсли, устремившись вслед за коллегой.

— Не знаю! — крикнул Маршалл.— Но я не могу стоять и смотреть!

Он подбежал к воде и закричал. С плота ему ответили пеоны. Один из них прыгнул в воду. Над ней вновь заклубился пар, пеоны завопили еще громче, а смельчак быстро вернулся и забрался на плот.

Маршаллу ничего не оставалось, как твердить бессильные проклятья. У него не было лодки, однако имелся револьвер. В лагере оставались охотничьи ружья и взрывчатка, часть которой они использовали во время первых раскопок. Там же лежали фотокамеры, металлоискатели и тачки с прорезиненными колесами. Но оружия такого порядка, чтобы напасть на таинственную машину, не было и в помине!

Между тем, на поверхности загадочного аппарата что-то шевельнулось. Оно было таким маленьким, что никаких деталей Маршаллу разглядеть не удалось. Однако уже в следующий миг он ощутил волну жара, и справа от него запылал участок джунглей. После короткой паузы вспыхнули кроны деревьев у него за спиной. Маршалл стиснул зубы и сжал кулаки. Однако демонстрация силы на этом закончилась.

— Они хотели меня напугать,— сказал он ледяным тоном,— чтобы я оставался на месте до тех пор, пока они не придут за мной. Эпсли, уходи в джунгли и расскажи Берроузу, что у них есть тепловой луч. Он разбирается только в первобытных людях, а это очень важные сведения.

— Он и сам все прекрасно видит,— спокойно ответил Эпсли.

Пеоны на плоту смолкли. Над ними раскачивалось нечеловеческое существо, на котором было надето нечто вроде брони. Оно так и продолжало висеть на высоте десяти—пятнадцати футов. В какой-то момент Маршаллу показалось, что он видит шнур, идущий от существа вниз. Выпрыгнувший за борт смельчак занял прежнее место. Свободу перемещения пеонов по плоту никто не ограничивал, если не считать того, что им не давали вернуться на берег. И никто не пытался отобрать у них мачете.

Прошло некоторое время. Маршаллу оно показалось очень долгим. Затем из лодки выпрыгнул человек и решительно поплыл к берегу. На этот раз ему не мешали. За ним последовал второй, третий, четвертый и пятый. Остальные замерли.

— Их отпустили,— нахмурившись, сказал Маршалл.— Во всяком случае, разрешили покинуть плот.

— Но почему не всем?

— Возможно, остальные не умеют плавать. Подойдем, послушаем, что они скажут.

Он вновь приблизился к берегу озера, шагая по высокой траве. Никто не попытался его остановить. Вскоре они подошли к первому пеону, выбравшемуся из воды. Он был напуган, но головы не потерял. Эпсли правильно угадал то, что здесь произошло. Нечто напоминающее лодку подплыло к берегу. Пеоны двинулись навстречу, чтобы встретить aeronauticos.

Однако, увидев людей, они испугались — те оказались уж очень маленькими. Пеоны хотели убежать, но вокруг запылали джунгли, и четыре маленькие фигурки в металлических одеждах — «como plata, señor»* — окружили их и заставили перейти на необычный плот. Один из пеонов, обезумев от страха, выхватил мачете и попытался ударить одно из диковинных существ. И тут же закричал от боли. Над рукой и плечом начал подниматься пар. Сейчас он лежит на плоту и стонет.

---

* Как серебро *(исп.). (Прим. ред.)*

Окруженные пеоны перешли на плот, их отвезли к центру озера, а потом одного подняли наверх, в эту штуку на ходулях. Через полчаса — только что — он спустился вниз со странным выражением лица и в металлической шапке на голове. Он сказал, что люди из aeroplano друзья, muy generoso, и очень симпатичные. Поскольку эти «друзья» сильно обожгли одного из пеонов, остальные ему не слишком поверили. Но тогда он задал вопросы, ответы на которые хотели получить люди из aeroplano. Откуда пришли пеоны, сколько людей здесь живет, что они тут делают, и знают ли они о городе.

Маршалл прервал его рассказ нетерпеливым вопросом. Пеон отрицательно покачал головой. Ответы, которые они давали Хуану — пеону с металлической шапкой,— не переводились. Казалось, он молча передавал все сведения висящему над головой карлику в серебряном доспехе.

Пеоны рассказали о белых людях, на которых они работают, и об их замечательных устройствах. Затем Хуан — тот, кто обзавелся железной шапкой и непонятным выражением лица,— сказал, что все желающие вернуться на берег могут это сделать. Им следует сказать американцам, что люди с корабля хотят с ними поговорить и что скоро они сами сойдут на берег. А потом Хуан снял шапку, и его лицо сразу же стало пустым, как у идиота. Он сидел, строил рожи и издавал мяукающие звуки. Он больше не мог нормально говорить. Человек в серебряных доспехах исчез наверху, а они поплыли к берегу.

Остальные пеоны, добравшись до джунглей, были на три четверти в панике и на четверть в недоумении. Они полностью подтвердили рассказ своего товарища. Теперь они с надеждой смотрели на Маршалла. Он пользовался доверием рабочих. Если он испугается, то и они будут бояться. Если он поведет себя смело, то и они будут... сравнительно храбрыми.

Они направились обратно в лагерь. По дороге Маршалл спросил, что произошло с шапкой после того, как Хуан ее снял. Ему ответили. Шапка была приделана к длинному шнуру, и маленький человек в сияющей броне забрал ее с собой.

Берроуз и остальные пеоны вернулись в лагерь немного позже. Наморщив лоб, Маршалл нетерпеливо расхаживал по

лагерю. Пока он что-то бормотал себе под нос, Эпсли рассказал Берроузу последние новости. Прежде чем он успел закончить, раздался крик одного из пеонов, оставленных следить за машиной времени.

— Mas de aeroplanos, señor!*

Лицо Маршалла посерело. До них долетел новый крик:

— Dos poquitos, señor! Dos aeroplanos poquitisimos!**

«Два маленьких. Два очень маленьких». По небу с жужжанием промчался новый объект, уменьшенная копия огромной машины на ходулях. Летательный аппарат завис над лагерем. Казалось, чужаки изучают людей внизу. Кабина была полностью закрыта. Вся машина составляла не более пятнадцати футов в длину. Неожиданно она переместилась с такой быстротой, что глаз был не в состоянии за ней уследить.

— Вертолет или нечто похожее,— хрипло сказал Маршалл.— Теперь все ясно! У нас нет ни малейших шансов скрыться!

— Я с тобой не согласен! — раздраженно возразил Берроуз.— В джунглях можно спрятать все, что угодно...

— Теперь, как мне кажется, я все понимаю,— совершенно спокойно проговорил Эпсли.— Относительно того, почему они выбрали именно это место — или время? — Когда Маршалл кивнул, он с тем же хладнокровием продолжил: — Я размышлял. Изображение индианки доказывает, что им гораздо больше известно о четвертом измерении, чем нам. Из этого следует, что им по силам построить машину времени. Пластины продемонстрировали, что они способны улавливать человеческие эмоции. То, что машина времени... ну, появлялась и исчезала, напоминает мне поведение охотничьей собаки, которая сначала чует дичь, а уже потом делает стойку.

Он вопросительно посмотрел на Маршалла — и тот вновь кивнул.

— Если это машина времени,— все так же без эмоций продолжал Эпсли,— и если она ищет оптимальное время для оста-

---

* Еще аэроплан, сеньор! *(исп.) (Прим. ред.)*

** Два маленьких, сеньор! Два очень маленьких самолета! *(исп.) (Прим. ред.)*

новки, то не кажется ли вам странным, что она появилась именно сейчас — ведь в этой долине люди не селятся в течение многих тысяч лет. Как бы мы сами не оказались причиной их интереса! — Он облизнул губы.— В конечном счете мы видели, что машина скачет туда-сюда, словно хочет найти вполне определенный момент. Поэтому нам ничего не остается, как сделать очевидный вывод — они тут из-за нас. И если они способны учуять чужаков из четвертого измерения, весьма вероятно, что их вертолеты легко обнаружат нас, если мы попытаемся скрыться в джунглях!

— Конечно,— коротко ответил Маршалл.— Вы понимаете, что произошло с Хуаном?

Берроуз заморгал. Эпсли пожал плечами.

— На нем была шапка, и он задавал вопросы,— с яростью проговорил Маршалл.— Вопросы, на которые знал ответы! Потом он снял шапку — а она была на шнуре или на электрическом проводе — и тут же превратился в идиота. Понимаете? Они способны использовать мозг в качестве устройства для перевода — если человек лишен собственного разума. Но читать наши мысли они не умеют. Ведь тогда они не стали бы ни о чем спрашивать! Они превратили Хуана в растение, чтобы использовать его в качестве прибора для общения с нами. Вы понимаете, что из этого следует?

— Изображения на плитах и индианка не похожи на идиотов,— тихо проговорил Эпсли.— Нет, они изображают людей в период самых сильных эмоциональных переживаний. Таково их представление о чувственном удовлетворении. Мой Бог! Испанское искусство охотно показывает нам бой быков! А им нравятся люди, охваченные ужасом, отчаянием и похотью,— очевидно, так они сами получают наслаждение!

Нетерпеливо расхаживавший взад и вперед Маршалл остановился.

— Полагаю,— холодно заявил он,— что эти существа наслаждаются проявлением человеческих чувств, ведь им нравится их рисовать — и чем эмоции острее, тем лучше. Подозреваю, они захотят получить в свое распоряжение людей в качестве источника подобных удовольствий.

— О чем ты говоришь? — резко спросил Берроуз.

— Римляне по всему миру разыскивали диких животных, которых убивали на аренах только потому, что публике нравилось наблюдать за кровавыми схватками,— с язвительной усмешкой ответил Маршалл.— Не говоря уже о рабах и преступниках, умиравших там под громкие крики. Подумайте о временах, когда здесь стоял город! На Земле было совсем мало людей. Возможно, в этом стоит искать причину их появления здесь! Ну, если в их мире людей для пыток не хватает, почему бы не поискать жертв в другом времени?

Эпсли быстро отошел к краю лагеря. Его вырвало. Затем со стороны озера послышались новые крики:

— Señores! Señores!

Плот приближался. Он направлялся в сторону лагеря.

Когда плот подошел к берегу, он не остановился, а продолжал двигаться сначала по заболоченному участку, потом по сухой земле. Оказалось, что это вовсе не плот, а грузовой трактор-амфибия с плоской широкой палубой. На носу у него находилась маленькая кабина из прозрачного пластика. Внутри сидели два человечка в броне, испускающей слабое желтоватое сияние. Маленькие, похожие на прожекторы предметы, расположенные на верху кабины, поворачивались от одной группы людей к другой. Все пеоны, не рискнувшие вернуться на берег вплавь, оставались на палубе. Когда трактор остановился, один из них что-то сказал лишенным выражения голосом, все соскочили на землю и помогли сойти стонущему от боли товарищу. Это был пеон с обожженной рукой.

Один человек так и остался на палубе. Хуан — точнее, тот, кто раньше был Хуаном. Маршалл слышал, как он все время шутил с другим часовым в ту, первую ночь, проведенную ими в долине. Теперь его голову украшала металлическая шапка, провод от которой шел к кабине. Выражение лица Хуана было чересчур умиротворенным.

— Señores,— сказал он все тем же лишенным эмоциональной окраски голосом,— los gentiles hombres de la maquina desean preguntarles algunas cosas*.

---

* Сеньоры, эти хорошие люди из машины хотят задать несколько вопросов *(исп.). (Прим. ред.)*

Слова принадлежали не ему. Это существа из странного устройства на ходулях говорили при помощи губ Хуана. Его мозг преобразовывал мысли в знакомые слова, а потом совершал обратное действие, превращая слова в образы, которые понимали существа из машины времени. Подобный способ перевода стал возможен только благодаря тому, что собственный разум Хуана был отключен — его мозг превратился в живой механизм.

Маршалл с трудом сдерживал ярость.

— Я знаю, что вы прилетели сюда на машине времени,— заговорил он по-испански, поскольку Хуан не воспринимал ничего другого.— Что вы хотите у меня спросить?

Пауза. Лицо Хуана сохраняло равнодушное выражение. Затем он безучастно начал задавать вопросы. Как далеко до того места, откуда пришли белые люди? Сколько там людей? У них есть металл? Какие металлы им известны?

— Ну, мы знаем более ста элементов, некоторые из них являются металлами,— резко ответил Маршалл.

Существа из машины времени хотели оценить уровень развития белых, явно продвинувшихся дальше индейцев и тех первобытных людей, с которыми они имели дело прежде.

Возникла еще одна пауза. И вновь Хуан заговорил бесцветным, лишенным эмоций голосом. Почему белые люди пришли сюда? Ходят ли легенды, повествующие о городе?

— О существовании города известно только нам! — раздраженно ответил Маршалл.

Невозмутимый голос продолжал спрашивать о том, что никогда не пришло бы в голову Хуану. Какова численность других наций? Каково общее население Земли? Прошло некоторое время, прежде чем мозг Хуана сумел донести до пришельцев цифру в два миллиарда человек. Последовали другие вопросы. Среди прочего Маршалл сказал, что люди научились использовать энергию. О, значит, люди овладели энергией! А какое они использует топливо?

— То же, что и вы! — проворчал Маршалл.

— Какой металл вы расщепляете? — спросил голос Хуана, и Маршалл чуть не подпрыгнул от удивления.

Из этих слов следовало, что его собеседник имеет в виду атомную энергию. Маршалл солгал, сознательно используя

ограниченность словаря Хуана. Голос холодно спросил, способны ли люди контролировать энергию настолько, что она не требует постоянного внимания. Маршалл — не до конца понимая, что они хотят услышать,— сказал, что нет. Далее последовал вопрос об оружии, и Маршалл совершенно сознательно преувеличил эффективность и дальность действия оружия землян. Наконец он решил задать вопрос:

— А откуда прибыли вы?

Ответ прозвучал достаточно презрительно:

— Вы все равно не сможете понять. С другой звезды.

— И вы должны носить специальные скафандры и шлемы — в противном случае вам грозит гибель,— скрипучим голосом проговорил Маршалл.— Зачем вы прилетели сюда, если даже здешний воздух не пригоден для вашего дыхания?

На этот вопрос ответа не последовало. Возникла очередная пауза, а потом посыпались новые вопросы об энергии. Как люди передают энергию? Словарь Хуана выдал такую фразу:

— Как энергия распространяется по воздуху?

Вспотевший Маршалл ответил, что является специалистом в другой области. Тема вновь изменилась. Один за другим следовали хитрые вопросы, лишенные каких бы то ни было эмоций, характерных для человека. Маршалл не сомневался, что мозг, где они возникали, был расчетливым, предусмотрительным, безжалостным и переполненным презрением к людям. Его совершенно не интересовало, что подумает о целях посещения допрашиваемый человек.

В конце концов Маршалл решился спросить еще кое-что:

— Зачем вы разыскиваете людей?

— Удовольствие,— последовал столь же равнодушный и пренебрежительный ответ.— Ты не поймешь.

— А я полагаю, что пойму,— мрачно возразил Маршалл.

— Никогда,— жестко ответил голос.— Наша раса такая же древняя, как ваше солнце. Чувства доступны лишь разуму, но чувства есть удовольствие. Ваша раса обеспечивает нас удовольствиями. Ты не поймешь.

— Мне кажется, я прекрасно вас понимаю,— разгневанно произнес Маршалл.— Но вы способны воспринимать лишь одну эмоцию! Вам бы хотелось узнать, почему величествен-

ный город, процветавший во времени, из которого вы пришли, теперь поглощен джунглями! Вам знакомо чувство любопытства, а возможно, и страха!

На эту тираду ответа не последовало.

— Мы заберем ваше имущество для изучения. Вы вернетесь в лагерь. Положите вещи на наше средство передвижения. Мы не возьмем с собой никого из вас. Это неудобно и совершенно бесполезно. Вы всего лишь люди.

Амфибия двинулась вперед. Небольшое устройство, находившееся в верхней части кабины, пошевелилось. Деревья вспыхнули. Амфибия спокойно двинулась вперед сквозь огненный ад. Тепловые лучи прожигали путь в джунглях.

Люди остались на берегу.

— Я в недоумении. До их появления мне было страшно. А теперь страх исчез,— удивленно проговорил Эпсли.— Ну, что скажешь, Маршалл?

Маршалл повел людей обратно в лагерь по тропе, которую они расчистили в джунглях раньше,— двигаться за амфибией было невозможно из-за чудовищного жара.

— Они используют атомную энергию,— коротко ответил он.— А это опасно даже для них. Генераторы требуют постоянного присмотра. Они каким-то образом передают энергию — возможно, здесь и возникают проблемы. Сейчас они намерены взять наши вещи для изучения, чтобы выяснить, насколько мы технически развиты. Кстати, ты заметил, что на них надеты скафандры, похожие на те, что мы используем для работ под водой? Они не могут дышать нашим воздухом. Судя по цвету газа в их скафандрах, им необходим хлор. Быть может, именно по этой причине им пришлось изобрести такую превосходную нержавеющую сталь. Ведь при соединении воды и хлора образуется соляная кислота, и простое железо в ней долго не продержится. Интересно, как они удерживали дыхательную смесь внутри города? Силовыми полями?

Он шел впереди. Пеоны были сильно напуганы. Они следовали за белым человеком только потому, что он вроде бы знал, что делать. И еще из-за того, что он говорил — по-испански — с Хуаном, который представлял существ из странного устройства над озером. И еще американец не казался таким испуганным, как они сами.

— Это не меняет того факта, что наши дела плохи! — заметил Эпсли.

— Это все меняет,— сурово возразил Маршалл.— Послушай! Мы должны погрузить вещи на их амфибию — в противном случае нас сожгут. Однако все наше оборудование там не поместится. Мы можем кое-что оставить себе. Понимаешь?

Они подошли к лагерю. Трактор уже ждал. За ним тянулась пелена едкого дыма.

— Эти дьяволы уверены, что мы никуда не денемся! — возмутился Берроуз.

— Возмущаться бесполезно,— проворчал Маршалл.— Вы, ребята, постарайтесь их чем-нибудь занять, а я соберу гостинцы.

У Эпсли получалось лучше, чем у Берроуза, который был вне себя от ярости. Эпсли устроил настоящую диверсию, заявив, что следует отдать только по одному предмету каждого вида — одну тачку, одну лопату, одну палатку, один металлоискатель.

...Наконец появился Маршалл с огромным пакетом. При помощи пеонов его погрузили на трактор и тщательно закрепили. Он сам завязал веревку, а потом отошел в сторону, с мрачным видом потирая руки.

Хуан, пеон с металлической шапкой на голове, бесстрастно произнес:

— Bueno pues*. Мы возьмем это с собой. Вы также наделены любопытством. Вам будет дозволено узнать о городе. Мы вернемся домой с докладом. Наша раса переместится вперед во времени, к вам, в этот век, где есть два миллиарда людей для наших удовольствий. Мы построим новый город, возможно здесь же, или выберем другое место, захватив отсюда все, что пожелаем. А для того чтобы человеческая раса не узнала о нашем существовании между временами, в которые мы правили Землей, мы уничтожим прежний город после того, как будет построен новый.

Затем Хуан, игравший роль переводчика для существ из машины времени, сошел на землю и снял с головы металличес-

---

* Ладно *(исп.). (Прим. ред.)*

кую шапку. И тут же его лицо приобрело совершенно бессмысленное выражение. Он лишь строил гримасы и тихонько булькал.

Амфибия, тяжело нагруженная оборудованием экспедиции, медленно двинулась к берегу. Одно из устройств, напоминающее прожектор, повернулось к Хуану. Через мгновение пеон исчез в облаке пара.

Двадцать минут спустя Маршалл, Эпсли и Берроуз стояли у края джунглей и наблюдали за металлическим цилиндром над озером.

— Они способны улавливать человеческие эмоции,— проворчал Маршалл,— а я чувствовал, что мне трудно сохранять спокойствие! Вот почему я попросил вас побыть возле трактора, пока я собирал оборудование.

Между тем амфибию на толстых тросах начали вытаскивать из воды. Она постепенно приближалась к блестящему цилиндру, все еще покоящемуся на ходулях. Вернулись оба вертолета, на несколько мгновений зависли над машиной времени, а потом как-то незаметно исчезли внутри. Трактор поднимался все выше и выше, и Маршалл крепко сжал кулаки. Мощная боковая дверь скользнула в сторону, и трактор аккуратно вплыл туда. Дверь закрылась. Возникла знакомая пульсация, цилиндр начал затуманиваться. Тонкие опоры сложились, машина потускнела, и через несколько мгновений над озером уже ничего не было видно.

Маршалл мрачно улыбнулся. Эпсли глубоко вздохнул.

— У меня предчувствие,— спокойно сказал он.— Помните, я сказал, что мне страшно, еще до того, как эта штука здесь появилась? А потом вдруг, когда мы шли к ней по берегу, я перестал испытывать страх? Теперь я опять не боюсь. В чем дело, Маршалл?

— Проклятье! — выпалил Берроуз.— Они забрали мои записки! А пеоны навьючивают мулов! Они уходят! Мы не можем убедить их остаться, Маршалл!

— Все в порядке,— ответил Маршалл и кисло добавил: — Проклятые высшие существа! Они не пожелали взять с собой никого из нас, потому что мы всего лишь люди! И совершенно спокойно выложили свои планы! Мы слишком ничтожны,

чтобы им помешать! Они заберут все, что пожелают, из города и уничтожат его. Человеческая раса ничего не узнает о них до тех пор, пока они вновь не появятся, чтобы править миром! Ну и черт с ними!

Он повернулся и зашагал обратно к лагерю.

— Тем не менее мы уйдем и постараемся держаться подальше отсюда. Мы же хотим, чтобы все шло так, как они задумали? Если мы будем оставаться здесь, пока они мечутся по времени туда и обратно, то можем изменить прошлое. Но если мы уйдем, они никогда не вернутся!

Эпсли шел вслед за Маршаллом.

— У меня такое ощущение, что все будет хорошо,— повторил он.— Чем это вызвано, Маршалл?

Маршалл вздохнул.

— Они ведь не забрали все из города, прежде чем его уничтожить, не так ли? К тому же, чтобы стереть город с лица земли, нужен не один большой взрыв, а много маленьких. Они оставили произведения искусства, мы видели их машины, превратившиеся в ржавчину. К тому же на этом месте образовалось озеро, доказывающее, что город разрушен взрывом, эквивалентным пятидесяти килотоннам тротила! Такой взрыв обязательно разрушит купол или силовое поле, удерживавшее необходимый для жизни газ, и те существа, что не погибнут во время взрыва, умрут от воздуха, которым с таким удовольствием дышат люди! Сейчас они мертвы, все до единого! И были мертвы в течение двадцати тысяч лет!

Он рефлекторно сжимал и разжимал кулаки.

— Проклятые звери! — добавил Маршалл.— Использовали людей для собственного удовольствия! Заставляли их страдать, а сами наслаждались! Мерзкие твари! Так им и надо!

— Что ты сделал? — нетерпеливо спросил Эпсли.

— Они оставались чертовски уверенными в себе даже после того, как я рассказал им о наших пушках! — гневно продолжал Маршалл.— Когда я заявил, что мы овладели атомной энергией, они спросили, нужно ли нам соблюдать осторожность. Тут я все понял. Должно быть, у них возникают проблемы с этим. Ну, пока они следят за процессом, все в порядке. Поэтому я кое-что придумал! Мы всего лишь люди! И они

нас не боятся! Вот почему я собрал всю взрывчатку, которая у нас была, около восьмидесяти фунтов, и сделал им скромный подарок. Пока она оставалась на тракторе, ничего не могло произойти. В самый последний момент я запустил часовой механизм. Как только они начнут разгружаться, она рванет!

— Но...— начал Эпсли.

— В их машине времени есть атомный генератор,— проворчал Маршалл.— Должен быть. Они не умеют передавать энергию сквозь время! Поэтому они вернутся в свой проклятый город, начнут вытаскивать трофеи из трактора — и тут же последует взрыв. В ограниченном пространстве машины времени это приведет к страшным разрушениям. Атомная установка взлетит на воздух. И второй взрыв будет во много раз страшнее первого. После чего, я уверен, загорится основная атомная станция, обеспечивающая энергией весь город! Вот тебе и взрыв, эквивалентный пятидесяти или шестидесяти килотоннам тротила, и город в полном составе отправится в ад!

— Возможно...— с сомнением проговорил Эпсли,— а если нет...

Маршалл махнул рукой в сторону озера.

— Вот положительный ответ на твой вопрос!

Они вернулись в лагерь. Пеоны с лихорадочной скоростью нагружали мулов оставшимся оборудованием. Маршалл понимал, что, если он попробует остановить их, индейцы попросту сбегут. Поэтому он постарался их организовать. Уже через полчаса экспедиция отправилась к побережью.

Ночью, когда они разбили лагерь на небольшой поляне, Берроуз принялся жаловаться.

— Проклятье,— недовольно проговорил он,— я разбираюсь в первобытных людях, но так и не понял, что произошло! Ты уверен, что эти существа не вернутся, Маршалл?

Маршалл кивнул.

— Но мы так их и не увидели! — запротестовал Берроуз.— Мы даже не знаем, как они выглядят!

— Лично я,— заявил Эпсли,— и знать не хочу.

— Проклятье,— продолжал Берроуз,— культура, подобная этой... Нам бы следовало выяснить, что привело ее к закату!

Двадцать тысяч лет назад возникла такая великолепная цивилизация, а потом полностью исчезла. Что случилось с их техникой, искусством и наукой?

— Маршалл,— сухо ответил Эпсли.

— Давайте лучше скажем, что сделали это вместе.— Маршалл покачал головой.— Но нам никто никогда не поверит. С их техникой, искусством и наукой случились *мы!*

Он продемонстрировал невероятную щедрость и благородство. От начала и до конца это было шоу Маршалла. Он и его нож — только теперь таких ножей стало четыре. У него есть четыре ножа из нержавеющей стали, и все считают его психом, поскольку Маршалл настаивает, что им двадцать тысяч лет. А Берроуз и Эпсли с ним соглашаются.

На двенадцатый день

В последнее время прошел слух о том, что мистер Таддеус Байндер, всецело погруженный в занятия, которые он называет научно-философскими изысканиями, опять с удовольствием «колдует» в своей мастерской или, как он говорит, в лаборатории. С виду это очень приятный, небольшого роста, розовощекий добряк. Однако... однако, быть может, кому-то следовало бы заставить его прекратить эти, с позволения сказать, исследования.

Особые соображения на этот счет имеет человек по фамилии Стимс. Если, не приведи господь, в его присутствии упомянуть об одном из последних удачных опытов мистера Байндера, он немедленно вмешается в разговор, будет говорить долго и страстно, распаляясь все больше и больше. Голос Стимса будет звучать раздраженно, потом сделается пронзительным, а в углах рта появится пена. Правда, он совершенно не уверен в том, что встречался с господином Байндером лично, и не знает ровным счетом ничего о так называемой «проницаемости», которая и явилась всему виной. Дело в том, что Стимс — натура весьма эмоциональная. Он до сих пор негодует, вспоминая, что газеты в свое время изображали его убийцей в крупных масштабах, почище самого Ландрю, и дали кличку «Чудовище за рулем».

Кроме Байндера, еще два человека вызывают самую бурную реакцию со стороны Стимса: девица Сьюзи Блепп, женихом которой он был в те незабываемые дни, и полицейский Кассиди, неожиданно вмешавшийся в этот роман. Однако

© Перевод Э. Башиловой.

вся история начиналась с, казалось бы, ничем не примечательных событий, развивающихся, если можно так выразиться, лишь в сфере чисто умозрительной.

Все началось с экспериментов мистера Таддеуса Байндера, этого, как мы уже говорили, весьма упитанного джентльмена шестидесяти четырех лет от роду. Проработав всю сознательную жизнь в местной энергетической компании, он ушел на пенсию и посвятил все свободное время чтению и размышлению над прочитанным. Он жадно впитывал мудрость, завещанную человечеству такими светлыми умами, как Кант и Лейбниц, Маритэн, Эйнштейн и Резерфорд. Перерабатывая в своем сознании их философские идеи, он пытался найти им практическое применение, и, нужно сказать, небезуспешно. Мистер Байндер с увлечением занимался той областью науки, которая до него давным-давно была предана забвению. Однако он сам недооценивал достигнутые результаты. Это уж точно!

Итак, в один прекрасный день господин Байндер взял такси, за рулем которого сидел Стимс. Последний не знал, что Таддеус Байндер как раз перед этим закончил один из своих экспериментов и сумел реализовать на практике закон «проницаемости одного физического тела сквозь другое», считавшийся до того времени отвлеченной философской проблемой. Весь накопленный человечеством опыт утверждал, что два тела не могут полностью совместиться, то есть в какой-то определенный момент занимать один и тот же объем в пространстве. Однако мистер Байндер в свое время предположил, что это вполне возможно, и начал проводить опыты.

Еще работая на машине техпомощи и выезжая по вызову на места многочисленных аварий, Байндер понял, на что способно электричество, вышедшее из-под контроля человека. Он узнал и еще кое-какие вещи, настолько маловероятные, что сам в них верил с трудом. Как бы то ни было, он решил использовать весь свой запас практических знаний для разрешения вышеупомянутой философской проблемы. Он изобрел некое приспособление. Проделал на нем бесчисленное количество проб. Пришел в восторг от полученных результа-

тов. И отправился к другу, мистеру Макфаддену, чтобы рассказать о своем открытии.

Итак, в пять часов пополудни, третьего мая тысяча девятьсот пятьдесят четвертого года, дойдя до угла, где неподалеку от его дома пересекались Блисс-стрит и Келвин-стрит, Таддеус Байндер увидел такси, стоявшее у обочины. Крепко прижимая к себе завернутый в газету сверток, он влез в машину и назвал адрес Макфаддена. Поскольку водитель взглянул на него с мрачной миной, он повторил адрес еще раз.

— Слышал, не глухой! — рявкнул Стимс и с той же кислой физиономией влился в поток движущегося транспорта. Все шло, как и следовало ожидать.

Байндер с блаженным видом сидел в машине. Обивка ее была грязной и рваной, а заднее сиденье вытерто настолько, что казалось, в любую минуту одна из пружин вонзится пассажиру в тело. Но Байндер не замечал ничего: он размышлял о том, что выиграл давнишний спор, который вел со своим другом Макфадденом. Доказательство, завернутое в газету, покоилось у него на коленях.

Миновав Вернон-стрит, такси покатило дальше, по улице Дюпюи. Таддеус Байндер торжествовал в душе: наконец-то он ответил на вопрос, так давно не дававший ему покоя. На идею проницаемости физических тел он наталкивался в литературе неоднократно, и всякий раз она вызывала в его душе желание осуществить ее на практике. Изложив свои рассуждения Макфаддену, скептику по натуре, он услышал в ответ: «Бред полнейший». Байндер утверждал, что разрешение проблемы явится торжеством индуктивного мышления, Макфадден же только презрительно фыркал. «Я докажу тебе, что был прав!» — провозгласил однажды Байндер. Именно это он и собирался сделать сейчас.

Чтение глубоких философских трактатов наполняло его счастьем. Торжествуя в душе, он развернул сверток, чтобы еще раз полюбоваться делом своих рук. Содержимым оказался кусок мягкой замши неправильной формы. Когда-то, возможно, она служила покрывалом для диванчика в гостиной. Давленый рисунок, от которого почти ничего не осталось, изображал сцену из «Гайаваты». Теперь замша годилась разве лишь на то, чтобы протирать ею стекла автомобиля,

однако Байндер смотрел на нее с нескрываемой нежностью, ибо именно в ней и заключался ответ на пресловутый вопрос.

Внезапно прямо перед носом у Стимса вынырнуло другое такси. Чтобы не врезаться ему в багажник, Стимс, ругнувшись, изо всех сил нажал на педали. Взвизгнули тормоза, колеса замерли, Байндер скатился со своего сиденья. Стимс обрушил на шофера поток отборной ругани и получил в свой собственный адрес не менее квалифицированную брань. Достигнув вершин площадного красноречия, оба утихомирились.

— Здорово я его отполировал? — гордо спросил Стимс, обращаясь к своему пассажиру.

Ответа не последовало.

Обернувшись, шофер увидел, что заднее сиденье пусто. Пассажир испарился.

Отъехав от безумного перекрестка, взволнованный Стимс остановил машину, открыл заднюю дверцу и осмотрел ее изнутри. Пассажира не было даже на полу. Вместо него на куске замши лежали: карманные золотые часы с монограммой, на полном ходу; несколько серебряных и медных монет; перочинный нож; металлические петли, сквозь которые продеваются шнурки в ботинках; очки в металлическом футляре; дверные ключи на кольце; пряжка от брючного ремня; звенья застежки-молнии.

Стимс энергично выругался.

— Хитер, подлец! Хотел прокатиться бесплатно. Часов ты не увидишь, как своих ушей, это уж факт!

Переложив часы и деньги к себе в карман, он вышвырнул на дорогу все остальное. В том же направлении он был готов отправить и кусок замши («на кой она черт!»), но вспомнил, сколько язвительных замечаний слышал от своей невесты Сьюзи Блепп по поводу неприглядного «интерьера» машины. Не менее едкие высказывания исходили и от ее мамаши, когда та, на правах будущей тещи, каталась бесплатно. Расстелив замшу на заднем сиденье, Стимс убедился, что она сделала свое дело: пружина больше не выпирала так угрожающе из-под обивки.

Испытывая нечто похожее на мрачное удовлетворение, Стимс съездил в ломбард и заложил часы, после чего наме-

ревался вернуться к своему вполне законному занятию, а именно к перевозке пассажиров. Не тут-то было!

Энергично жестикулируя, на краю тротуара стояла миссис Блепп. Чертыхаясь в душе («угораздило же эту ведьму засечь, что машина свободна!»), Стимс подкатил вплотную и открыл заднюю дверцу. Солидная дама влезла в такси и, отдуваясь, плюхнулась на сиденье. (Стимс никогда не мог понять, как этакая громадина ухитрилась произвести на свет такое изящное, хрупкое создание, как Сьюзи.)

— Моя дочь просила передать, что сегодня не может с вами встретиться,— пропыхтела миссис Блепп.

— Ах вот оно что,— мрачно отозвался Стимс,— значит, не может?

— Нет,— отрезала мамаша. Сбросив туфли и откинувшись на спинку, она приготовилась с полным комфортом ехать до самого дома. О том, что Стимс откажется ее везти, не могло быть и речи: при малейшем его неповиновении миссис Блепп устраивала страшный скандал своей дочери.

Нельзя сказать, чтобы Стимс крутил баранку в отличном расположении духа: Сьюзи опять нарушила свое слово! Наверное, назначила свидание кому-то еще. Не зря же этот полицейский, Кассиди, с такой тоской провожает ее взглядом, даже когда она сидит в машине своего нареченного. Стимс мысленно предавал анафеме всех полицейских на свете.

Остановившись перед знакомым домом (Сьюзи еще не вернулась, конечно), шофер повернулся назад, чтобы попрощаться с миссис Блепп. И — остолбенел.

Машина была пуста. На заднем сиденье лежали: медные и серебряные монеты; чуть позеленевшее обручальное кольцо; пустой футляр из-под губной помады; пластинки из корсета; несколько шпилек для волос; английские булавки; дешевая сверкающая брошь.

На полу валялись туфли солидного размера.

Из горла Стимса вырвалось хриплое проклятье. Тупо озираясь, он несколько раз судорожно глотнул воздух, потом включил скорость и дал газ, инстинктивно стремясь убраться с этого места. Не нужны ему были неприятности, особенно если они имели отношение к Сьюзи. Однако, нужны или не нужны, они уже были налицо!

От этих приключений веяло какой-то жутью. Стимс снова остановился и осмотрел машину с большой тщательностью. Замша, покрывавшая сиденье, выглядела довольно презентабельно. Кроме нее и вышеперечисленных предметов, в машине ничего не было — однако не было и какой-нибудь дыры или отверстия, сквозь которое могла бы провалиться мамаша Блепп. Выскакивать из машины на полном ходу ей не пришло бы в голову, не говоря уже о том, что никогда, решительно ни при каких обстоятельствах, не бросила бы она совсем хороших туфель. По всем признакам в жизнь таксиста вмешивались какие-то необъяснимые, потусторонние силы.

Ситуацию следовало продумать, поэтому Стимс заехал в бар и выпил несколько кружек пива. Но поскольку он не был интеллектуалом по натуре, напряженная работа мысли всегда вызывала у него головную боль. Посоветоваться с кем-нибудь он тоже не решался: ни одна живая душа не поверила бы в его рассказ. И вот, сидя за стойкой бара, он ощущал, как дурные предчувствия переходят в отчаяние, а отчаяние перерастает в вызов.

— Я не виноват,— бормотал Стимс, глядя в пивную кружку,— не виноват, и точка. Да разве Сьюзи мне поверит? Придется считать, что старой карги я сегодня не видел. Не видел, и дело с концом.

Он спросил еще пива, потом сообразил, что, если будет сидеть вот так, словно истукан, и тянуть кружку за кружкой, присутствующие поймут, что он чем-то расстроен. И вышел из бара демонстративно спокойной, беспечной походкой.

Однако на мрачные раздумья ушло довольно много времени, и когда Стимс снова выехал на людную улицу, было около девяти часов вечера. В половине десятого он остановился перед красным светофором на Эверс-авеню и пережидал, когда рассосется пробка. Вдруг кто-то без спроса открыл заднюю дверь и влез в такси.

— Эй, какого черта? Я не беру пассажиров.

В ответ к его спине прикоснулось что-то холодное и твердое, и он услышал зловещий шепот:

— Давай двигай, парень. И не вздумай визжать или оглядываться.

Красный свет сменился зеленым, и в тот же миг Стимс услышал крики в конце переулка: «Ограбили! Держи их!» Ему приходилось выжимать скорость, потому что холодный металл не отрывался от спины, да и сам он не испытывал ни малейшего желания оказаться в гуще перестрелки. Наконец, покрыв приличное расстояние, он осмелился спросить:

— Куда везти-то?

Ответа не последовало. Замедлив ход, Стимс оглянулся. Людей не было и в помине.

Открыв заднюю дверь, Стимс увидел пистолет, с наглым видом покоящийся на куске замши, кувшин для пива, кое-какую мелочь, серебряный соусник, семнадцать пар часов, тридцать четыре золотых кольца и гранатовое ожерелье. Коллекцию дополняли две крупные золотые коронки.

Весь дрожа, Стимс снова сел за руль, поехал к своему дому и там оставил машину во дворе. Но одиночество угнетало его. Он направился в ближайший бар и опять выпил пива. Однако уяснить себе положение вещей так и не смог. Просидев довольно долго в оцепенении, Стимс наконец выпалил вслух:

— Нету тут моей вины. Ничего я про это не знаю, и вообще при чем тут я, к чертям собачьим?!

Справедливости ради следует сказать, что Стимс действительно был ни при чем. Какие бы обвинения ни были выдвинуты против него, он мог бы отстаивать свою полную непричастность к делу. Эта мысль его подбодрила, и он взял еще пива.

Наступило утро. Стимса разбудил телефонный звонок; сняв трубку, он услышал, как Сьюзи, вперемешку со всхлипываниями, старается выложить все сразу: мать не вернулась домой, и не позвонила, и на улице страшный дождь, и...

— Не видал я твоей старухи,— раздраженно перебил ее Стимс,— а ты почему на свидание не явилась?

Сьюзи рыдала. Она повторила все снова, потом сообщила, что Кассиди навел справки и выяснил, что среди жертв несчастных случаев миссис Блепп не значится. Сьюзи просила Стимса узнать, что же с ней случилось.

— Не дури, детка, никто не станет умыкать такую красотку. Что касается меня, я ничего не знаю. Чего ты от меня хочешь?

Хлюпая носом, Сьюзи ответила, что умоляет его помочь. Однако Стимс был не такой дурак, чтобы ввязываться в это дело: при одной мысли о вчерашнем дне у него голова шла кругом.

— Слушай, Сьюзи, мне надо деньги зарабатывать на нашу свадьбу. Да и дождь льет как из ведра. Где я буду ее искать? Объявится твоя старуха, никуда не денется. Просто загуляла. Пока.

Повесив трубку, он вышел на улицу. Дождь падал сплошной стеной. Такая погода обычно приносила барыш, но сейчас Стимса ничто не радовало: на сердце у него лежал камень. Он оглядел машину и подумал, что, хотя вид у нее и потрепанный, никаких улик не заметно. Стимс с мрачным видом уселся на переднее сиденье. Придется делать вид, что ничего не произошло. Часы показывали девять утра.

Примерно к половине одиннадцатого не только спина, но и все тело Стимса покрылось испариной — от страха. Один пассажир сменял другого, каждый называл адрес, спокойно сидел в такси и ехал. А потом — исчезал. В неизвестном направлении. По неизвестной причине.

Нельзя сказать, чтобы водитель оставался в убытке. После каждой поездки у него в кармане оседало примерно полдоллара, не говоря уж обо всем прочем: пассажиры оставляли в качестве сувениров самые неожиданные вещи. Совсем не страдая материально, Стимс безумно страдал душой.

В одиннадцать часов сквозь плотную завесу дождя он увидел постового Кассиди. Заметив знакомую машину, тот жестом приказал остановиться. Стимс показал на заднее сиденье — занято, мол,— и умчался, вздымая брызги фонтаном. Он ехал прямо домой: момент был слишком неподходящим для того, чтобы сажать к себе полисмена!

Зубы у Стимса стучали. Оглядываясь по сторонам, он перетащил в свою квартиру: четыре чемодана, один портфель, три пары дамских туфель, букет красных роз, сырую курицу, две литровые бутылки молока, каталог обоев в переплете из искусственной кожи.

В ящик письменного стола он выгрузил из карманов не менее восьми пар часов, мужских и женских, четыре кольца, одиннадцать браслетов и десять разного рода заколок и була-

вок. Потом вымел из машины по крайней мере два фунта гвоздей, гнутых и ржавых.

Если говорить о настроении Стимса, то в тот момент оно было самым плачевным. Однако едва он разложил добычу по местам, как чувство тревоги уступило место злости.

— Какого дьявола ко мне привязался Кассиди? — закричал он, обращаясь к чемоданам и сверткам.— Думает, я загубил эту свиную тушу?

Кипя от негодования, он поехал на розыски полицейского. При виде блюстителя порядка, в сверкающем от дождя плаще, лицо Стимса перекосилось, но он остановился. Кассиди стал рассказывать, что Сьюзи очень расстроена; может, Стимс случайно видел вчера миссис Блепп?

— Я уже сказал ей, что не видел! — рявкнул Стимс.— Хотя старая калоша не упустит случая, чтобы бесплатно прокатиться. Да что я ее — съел?

Кассиди не ответил. Оно и понятно: ответить, собственно, было нечего.

Мужчина, нагруженный двумя чемоданами и портфелем, заглянул в окошко:

— Такси свободно?

Стимс согласно кивнул: ничего другого ему не оставалось. Отказ показался бы подозрительным.

Едва проехав два квартала, шофер понял, что машина пуста; теперь он научился угадывать это чутьем. Обернувшись, Стимс увидел, что человека нет, а на сиденье лежат: портсигар и зажигалка с монограммой, монеты, брючные пуговицы, металлические пистоны для шнурков, золотая шариковая ручка и другая мелочь.

Как должен был, скажите на милость, поступить водитель? Не мог же он совсем бросить работу: это вызвало бы подозрение и расспросы. Не мог он, с другой стороны, говорить всем подряд, что машина занята: это было бы еще более странно. Получалось, что Стимс стал жертвой каких-то диких, немыслимых обстоятельств. Вместе с тем он был уверен в своей абсолютной невиновности, потому что все случившееся происходило без всякого вмешательства с его стороны.

Вообще, нужно сказать, что Стимс принадлежал к той счастливой категории людей, которые умеют избавляться от любых неприятностей довольно простым путем: они приходят от них в ярость. Да, да, если только когда-нибудь возникала необходимость что-то серьезно продумать или принять решение, Стимс приходил в бешенство. Так и прошел он через всю свою жизнь в ореоле благородного негодования, искренне уверенный, что кто-то другой, но никак не он сам виноват во всех неурядицах.

А сейчас была именно такая ситуация. Пассажир брал такси, садился в него и называл адрес — тут Стимсу не в чем было себя упрекнуть. Пассажир исчезал, как сон, оставив кое-что на память о себе,— и тогда Стимс начинал чувствовать против него раздражение. К концу второго дня, после очередной подобной «выходки», Стимс уже ненавидел всех своих клиентов.

— Они мне заплатят за все эти фокусы! — ворчал он, перетаскивая в свое жилье чемоданы и портфели,— и заплатят сполна! Они еще захотят получить назад свое барахлишко; посмотрим, что из этого выйдет.

Такая интенсивная умственная деятельность всегда кончалась у Стимса на одной и той же фазе: он приходил к полной уверенности, что справедливость восторжествует и он будет отмщен.

Вечером Стимс позвонил Сьюзи и справился о том, не объявилась ли ее мамаша. Нет, не объявилась. Тогда жених, со свойственной ему широтой натуры, предложил невесте пойти куда-нибудь, где она смогла бы развлечься, забыть о своих горестях. В ответ на это предложение Сьюзи чуть ли не разразилась истерикой, и Стимсу пришлось снова искать спасения в пивной, где он провел какое-то время, рассуждая о людской неблагодарности. Разве виноват он в том, что его пассажиры в буквальном смысле слова растворяются в воздухе?

«Что же мне делать? — думал он, сдувая пивную пену,— может, действительно перестать ездить на проклятой машине, из которой люди вываливаются непонятным образом?» И тут же пришел в ужас от этой мысли.

— Хотите, чтобы я подох с голоду?! — завопил Стимс, обращаясь неизвестно к кому. Нет, над таким вопросом он не собирался даже задумываться.

Осознать причину таинственных злоключений Стимс тоже не мог. Он совершенно упустил из виду то, что могло стать ключом к разгадке: самым первым исчез Таддеус Байндер, после него в машине остались кусок старой замши и кое-какие принадлежащие ему предметы обихода. Остальные пассажиры «забывали» на ней предметы только металлические; все остальное валялось на полу или ехало в багажнике. Однако сопоставить эти факты Стимс не догадывался, а если бы даже и догадался, то не смог бы добраться до самой сути, потому что не знал о серии экспериментов мистера Байндера. Стимс и самого-то Байндера совершенно забыл: как правило, пассажиров мужского пола он ценил (и запоминал) за приличные чаевые, а женского — за красивые ножки. Вот почему мистер Байндер не оставил в его памяти никакого следа.

Прошел третий день. Миссис Блепп так и не объявлялась. В связи с этим Сьюзи стала питать к жениху необъяснимую неприязнь. По ее словам, Стимсу было наплевать на исчезновение ее матери. Собственно, если разобраться, то ему было наплевать гораздо меньше, чем кому-либо другому, но он, что называется, был сам себе не рад. Теперь Сьюзи со слезами на глазах и в голосе обо всем советовалась с полицейским Кассиди. Связавшись с Бюро несчастных случаев, тот, к своему удивлению, узнал, что за последнее время в городе резко возросло число без вести пропавших жителей. В душе Кассиди пробудилось служебное рвение, он решил, что случай с миссис Блепп наведет его на след, и стал наблюдать.

К концу четвертого дня описываемых событий жилье таксиста было похоже на склад: чемоданы, пакеты, аккумуляторные батареи, саксофоны в футлярах, продукты питания. Чемоданы высились вдоль одной из стен, от пола до потолка. К концу пятого дня вторая стена тоже наполовину скрылась за чемоданами, пакеты приходилось складывать под кроватью. На шестой день Стимс понял, что вещи девать больше некуда.

Именно в этот день он увидел в газетах крупные заголовки:

ПРОПАЛО 52 ЧЕЛОВЕКА! ПРОДЕЛКИ ЧУДОВИЩА?

В тексте излагались такие факты: за последние несколько дней в неизвестном направлении скрылось пятьдесят два человека обоего пола и самого разного возраста. Сообщения о новых случаях исчезновения людей с городских улиц продолжают поступать. Уже составлен внушительный список несчастных, которых, по всем признакам, уничтожить было не труднее, чем задуть пламя свечи...

Стимс с пристрастием изучал списки исчезнувших.

— Да я их знать не знаю! — взвыл он, обращаясь к чемоданам.— Когда они лезут ко мне в такси, я не спрашиваю, как их зовут! Меня это не касается! — И тут он привел излюбленный довод, по его мнению, разбивающий наголову всякие обвинения: — А что прикажете мне делать — подыхать с голоду? Поставить машину в гараж и повесить замок?

Газетные отчеты подчеркивали, что ни у кого из этих людей не было никаких причин для исчезновения. Одни пропали часов в одиннадцать утра, другие за полночь. Но прослеживалась общая тенденция; люди «проваливались сквозь землю» на пути следования из одного конца города в другой. Некоторых в последний раз видели, когда они садились в такси, в связи с чем доведенные до отчаяния родственники требовали от полиции принятия самых решительных мер по отношению к таксистам: задержания, допросов с пристрастием и т. д.

— Чего захотели! — возмутился Стимс, прочитав и об этом.— Мало того что из-за этой старой карги Сьюзи меня знать не желает! Так теперь хотят распугать всех пассажиров! А ведь все это проклятые писаки-коммунисты — это их выдумки и козни!

В сердцах скомкав газету, он отправился в пивную. Как мы уже упоминали, Стимс считал, что за кружкой пива както легче думается, что было, конечно, заблуждением.

После нескольких кружек пива, когда гнев его достиг наивысшей точки, Стимс нашел в справочнике телефон одной из редакций, опустил монету и набрал номер.

— Вы что себе думаете?! — заорал он в микрофон.— Печатаете байки про то, как люди исчезают из такси? Хотите честных таксистов оставить без куска хлеба? Толкаете на преступление?

Швырнув трубку на рычажок и не переставая браниться, он направился к автомобилю. Не успел Стимс проехать и трех кварталов, как его остановил пожилой толстяк. Расположившись поудобнее, он развернул вечернюю газету и спросил с деланым испугом:

— Надеюсь, вы не «Чудовище за рулем»?

Стимс бешено рванул рычаг переключения передач; первую сотню метров он проехал, шипя, словно перегретый пар, рвущийся из паровозной трубы. Потом заговорил тоном человека, с трудом подавившего ярость. Он отзывался о газетных репортерах в выражениях настолько едких, что по сравнению с ними серная кислота показалась бы водичкой. С убийственным сарказмом рассуждал он о людях, позволяющих себе издеваться над честными тружениками, единственная вина которых в том, что они вынуждены добывать себе пропитание. Стимс говорил все громче, с нарастающей обидой. И к моменту, когда ему пришлось остановиться перед красным светофором,— было девять часов сорок пять минут вечера,— он уже ораторствовал в полную силу своих легких. На перекрестке двух оживленных улиц со всех сторон сияли огнями витрины магазинов, лицо нашего героя было хорошо освещено.

Рядом остановилась машина полицейского патруля. «Это он»,— сказал Кассиди своему водителю и, выйдя из машины, заглянул в окошко Стимса.

— Вы, капиталисты,— пронзительно кричал тот,— думаете, раз у вас деньги в кармане, значит, вы можете издеваться над рабочим человеком! Вот такие, как вы, и ведут страну к гибели!

— Послушай,— вмешался Кассиди,— с кем ты споришь?

Стимс чуть не подпрыгнул на своем сиденье — и этот здесь! Одна неприятность за другой. Но вслух огрызнулся:

— Да вот этот тип, позади меня, спросил, не убил ли я кого в своей машине,— и все из-за этой чертовой статейки...

— Какой тип? — Кассиди внимательно осмотрел машину.— Где это — позади тебя?

Стимс обернулся. Никакого «типа» позади не было. Вместо него на куске замши лежали: слуховой аппарат, часы, авторучка с монограммой, серебряные монеты, три брючные пуговицы, зубцы от застежки-молнии, пряжка от ремня.

Кассиди жестом приказал полицейской машине следовать за ним, сел за спиной Стимса и захлопнул дверцу.

— В полицию,— приказал он.— Я уже несколько дней слежу за тобой, голубчик. После того как пропала мать Сьюзи, в твоем такси перебывала уйма народа. Больше никого из них не видели. Мы едем в полицию. И не вздумай пробовать свои штучки на мне.

Стимс чуть не задохнулся от возмущения: какая чудовищная несправедливость! Однако послушно свернул к полицейскому участку. Патрульный автомобиль следовал по пятам.

Наконец, обретя дар речи, шофер закричал:

— Да в чем я виноват, черт побери?!

Вопрос остался без ответа.

Теперь, по прошествии определенного времени, Стимс снова в состоянии говорить обо всем, что произошло в те дни. В его квартире произвели обыск; в комнате, под кроватью, в кладовке полиция обнаружила вещи, когда-то принадлежавшие всем тем, кто имел неосторожность воспользоваться услугами таксиста. А таких набралось семьдесят два человека. Только личные вещи Кассиди: его револьвер, свисток и личный знак, наручники, кастет и прочие аксессуары полицейской службы были выставлены в специальной витрине участка в память о его беззаветной преданности долгу.

Водитель Стимс прославился моментально: вся страна узнала, что именно он и есть тот самый таинственный убийца, «Чудовище за рулем». Его провал объясняли тем, что неутомимый полисмен, воодушевленный любовью к дочери одной из жертв, потеряв покой и сон, распутывал следы преступлений, пока наконец не разоблачил «Чудовище». А потом и сам стал его добычей. Не помогла даже полицейская машина, шедшая следом, бампер к бамперу: Кассиди исчез так же бесследно, как и все остальные.

Итак, Стимсу предъявили обвинение в убийстве семидесяти одного человека — их было бы семьдесят два, заметь хоть кто-нибудь исчезновение мистера Байндера. Несмотря на отчаянные крики протеста со стороны обвиняемого, его упрятали за решетку.

Однако в благословенной стране, известной под названием Соединенных Штатов Америки, справедливость в конце концов торжествует — как правило. Особенно в тех случаях, когда дело принимает широкую огласку. Итак, защитником Стимса был назначен некий адвокат по имени Ирвинг Каслмен, который незамедлительно привлек внимание суда к тому факту, что на всей территории страны до сих пор не обнаружено ни одного трупа, следовательно, ни один из пропавших не был умерщвлен. Возникал вопрос об отсутствии *corpus delecti* — состава преступления, в связи с чем защитник требовал немедленного освобождения заключенного из-под стражи. Судебные власти выдвинули встречное обвинение — в грабеже, подкрепив его актом, в котором перечислялись все до единого предметы, найденные в квартире таксиста. Каслмен отвел и это обвинение, возразив, что еще ни один человек не заявил в полицию об ограблении. А может быть, говорил адвокат, все эти вещи были шоферу подарены? Кто мог это опровергнуть? И он продолжал настаивать на освобождении. Лишь после того как полицейские подговорили толпу зевак собраться у стен тюрьмы и требовать суда Линча, защитник дал свое согласие на то, чтобы Стимс оставался в заключении.

Сенсация нарастала, как снежный ком. Журналисты, репортеры, постоянные авторы раздела светской хроники и происшествий подняли страшную шумиху вокруг личности Стимса. Его сравнивали со знаменитыми убийцами — Ландрю, Криппепом, Жилем де Ре, с Синей Бородой,— отмечая неизменно, что по количеству жертв он превзошел их всех. Издательства наперебой предлагали огромные гонорары за подробную биографию Стимса («История жизни и преступлений»), и адвокат настоятельно советовал ему принять предложения, чтобы по крайней мере оплатить судебные издержки. Три ученых психоаналитика усматривали предпосылки для преступных склонностей обвиняемого в том, что еще в детстве окружающие подавляли его как личность, не давая выхода естественным порывам. Четвертый же психоаналитик объяснял преступность его натуры как раз тем, что в детстве эту личность *не* подавляли. Социологи утверждали, что не Стимс, а вся страна, все общество должны бы оказаться на скамье подсудимых, так как именно они за все в ответе. Крупнейшая

телефонная компания «Белл» обещала в день суда предоставить самый большой коммутатор в распоряжение прессы.

Имя Сьюзи мелькало во всех газетных заголовках. Нет, она фигурировала не как невеста Стимса, а как возлюбленная Кассиди, теперь безутешная навек. Но появились три другие женщины, утверждавшие, что давно состоят в браке со Стимсом. Еще двадцать девять прислали заключенному письма с предложением руки и сердца.

И вдруг дело приняло совершенно неожиданный оборот.

В здание полицейского участка, прихрамывая, вошел Кассиди. Да, да, собственной персоной, и при этом в состоянии полного морального и физического изнеможения. Полицейский рассказал, что каким-то непонятным образом вылетел из такси, в котором направлялся в участок. Очнувшись, он обнаружил пропажу своего личного знака, свистка, револьвера, наручников, кастета и других вещей. Ботинки распались на части, как только он оторвал ноги от земли,— видимо, в них не осталось гвоздей. О чем он и считал необходимым написать рапорт...

Еще через час на одной из улиц нашли пожилого толстяка, лежавшего на тротуаре почти без признаков жизни. Он рассказал, что позволил себе подшутить над шофером, после чего не успел он и глазом моргнуть, как оказался на мостовой. В карманах не осталось ни слухового аппарата, ни авторучки, ни часов, а на брюках — ни одной пуговицы.

В скором времени один за другим на улицах города стали появляться прочие «жертвы Чудовища» — вид у каждого был в большей или меньшей степени растерзанный. Ни у кого из них не осталось ни одного металлического предмета. Никто не подозревал, что его долго разыскивали: «Я сел в такси, из которого меня вышвырнули, вслед за чем и явился в полицию, чтобы заявить о нанесенном оскорблении». За четыре часа прибыло девять человек из тех, кто пропал примерно пять дней назад; через шесть часов появилось еще пятнадцать, отсутствовавших шесть или семь дней. Через сутки нашлось пятьдесят девять человек из семидесяти одного. На очной ставке со Стимсом все утверждали, что именно он повинен в их злоключениях. Однако это был еще не конец.

Проявив незаурядную проницательность, полиция отметила следующую закономерность: чем позже исчез из поля зрения человек, тем раньше он объявился. И когда в участок влетела разъяренная миссис Блепп, крича, что злодей Стимс, с которым ее дочь отныне не будет иметь никакого дела, украл у нее обручальное кольцо, туфли и зачем-то вытащил пластинки из корсета, всем стало ясно, что конец близок.

Он был не просто близок — он уже наступил. Мистер Байндер очнулся на проезжей части оживленной улицы и подумал, как все, что вывалился из такси. Потом он вспомнил, что упал на кусок мягкой замши, которой любовался третьего мая часов в пять вечера, когда ехал к Макфаддену. Теперь же в городе была ночь, ни такси, ни замши, оставшейся на сиденье, не было и в помине, в карманах у него не оказалось ни часов, ни мелочи, а брюки сваливались. Байндер поплелся домой: расстояние не превышало двух кварталов. Из груды газет, накопившихся под дверью, он с удивлением узнал, что уже 14 мая, и прочел о событиях последних дней.

Таддеус Байндер заварил чаю покрепче, налил себе стакан и стал сосредоточенно думать. Он припомнил, что, выйдя из дому, сел в такси и, развернув сверток, стал внимательно рассматривать замшу, которая как раз перед этим помогла ему доказать, что проницаемость предметов вполне осуществима на практике. После чего сам же сквозь эту замшу и «провалился». А теперь вернулся к реальной действительности через одиннадцать с половиной дней.

Опираясь на свои технические знания и практический опыт, Байндер без особого труда смог объяснить все случившееся. Однако вопрос представлял интерес не только с научной точки зрения; приходилось считаться и с юридической его стороной. Семьдесят один человек мог подать на Байндера в суд — при этой мысли он содрогнулся. Впрочем, его имя не фигурировало в списках пропавших — он был одинок и никто не заявил о его «гибели». (Ни одной вещицы не осталось от него и в квартире Стимса, так как тот успел отнести в ломбард его часы.)

Поразмыслив о том, что ему делать, Байндер пришел к самому разумному выводу: он решил держать язык за зубами.

И все же на следующий день он направился к своему другу, мистеру Макфаддену.

— Боже мой, жив и невредим! — воскликнул тот.— А я считал тебя жертвой «Чудовища». Где же ты пропадал?

— Попробую тебе объяснить. Выслушай меня, Джордж.

Таддеус Байндер рассказал другу о том, что, судя по всему, ему удалось разгадать тайну проницаемости одного физического тела сквозь другое. Атомы, из которых состоят твердые вещества, даже такие, как сталь, говорил он, очень малы, а расстояние между ними сравнительно велико. Иными словами, между атомами любого самого твердого тела столько же пустоты, сколько между атомами, скажем, облаков: нейтроны и космические лучи проходят сквозь них совершенно свободно. С другой стороны, два облака так же не могут проникнуть одно сквозь другое, как и два твердых тела. Но если атомы облаков не «разлетаются», потому что они «подвешены» в частицах воздуха, то атомы твердых тел скреплены между собой электромагнитными полями, которые каждый из них создает. Однако, если отнять у поля его сопротивляемость, в структуре твердого тела появится уйма «пробелов», сквозь которые может проникнуть другое тело, не менее твердое. Это позволит двум и более объектам одновременно находиться в одном и том же месте.

— Именно к этому я и стремился в своих опытах,— продолжал мистер Байндер.— Целиком уничтожить сопротивляемость полей, мешающую проникновению «чужих» атомов, я не смог, мне удалось лишь слегка ее нейтрализовать. Я обработал кусок оленьей кожи, ранее служившей покрывалом, таким образом, что мог «пропихнуть» через нее почти все. Я говорю «почти», потому что металл не захотел мне подчиниться, металл оставался на своем месте. Я обработал замшу особым образом — «намагнитил» ее, если хочешь, разумеется не навсегда,— и повез к тебе, чтобы показать, как я заставляю вещи проникать друг в друга.

— Ну и где же ты пропадал с тех пор? То есть если всему этому верить.

— Сейчас расскажу. Ты знаешь, что электромагнитные поля держат каждый атом на своем месте с помощью сил, дей-

ствующих друг на друга в трех взаимно перпендикулярных направлениях: горизонтальном, вертикальном и поперечном. Если между ними пытается втиснуться «чужой» атом, поля его выталкивают. Когда я их нейтрализовал, они тем не менее продолжали выталкивать, действуя по тем же взаимно перпендикулярным направлениям. В новом же направлении под прямыми углами они их втягивали.

— В новом направлении под прямыми углами? — скептически переспросил мистер Макфадден.— Но ведь это означает четвертое измерение.

— Это и было четвертое измерение, Джордж, но совершенно неожиданное: измерение во времени. Когда я упал на замшу, ее атомы, действуя на те, из которых состою я, заставили меня двигаться во времени. Они забросили меня вперед, в двенадцатый день с того самого момента. А для вас этот день наступил только сегодня.

Макфадден молчал. Он медленно, тщательно набивал свою трубку табаком. Потом зажег ее и затянулся, не произнося ни слова. Макфаддена вообще, как мы уже отмечали, было не так-то легко в чем-нибудь убедить.

— Но атомы вещества, обработанного таким образом,— продолжал Байндер,— постепенно теряют свои свойства. Поэтому каждый день они засылали людей на все меньшую и меньшую временну́ю дистанцию. Судя по сообщениям в газетах, последние «подопытные» оказались всего лишь в послезавтрашнем дне. А сейчас, возможно, атомы в моей замше вернулись в прежнее состояние и больше никого не пропустят.

— Ты думаешь? — в голосе Макфаддена прозвучала легкая издевка.

— Боюсь, что так оно и есть. Я мог бы, конечно, добиться полной проницаемости, но ведь от нее нет никакой практической пользы. Лучше я займусь множимостью.

— Множимостью? А это что еще такое?

— Понимаешь,— начал Байндер с энтузиазмом,— существует философское понятие, согласно которому один и тот же предмет способен одновременно находиться в нескольких местах. Джордж, ты представляешь, какие в этом таятся возможности?

Так вот, в последнее время стало известно, что мистер Таддеус Байндер работает над проблемой, таящей в себе, по его же словам, огромные перспективы. Он целиком посвятил себя делу прогресса научно-философской мысли. Он и сейчас так же свеж и приятен в обхождении, как и раньше, этот мистер Байндер. Однако, быть может, кому-то и следовало бы положить конец его деятельности. Он ведь и сам не отдает себе отчета, какими колоссальными способностями обладает. Теперь вот, извольте радоваться, придумал какую-то множимость...

Конечно, можно было спросить мнение Стимса на этот счет, в конце концов он на себе испытал результаты подобных опытов. Однако не стоит, пожалуй. Всякий раз, когда кто-нибудь упоминает историю с «Чудовищем», Стимс приходит в волнение, начинает говорить на высоких нотах и не может остановиться. Голос его звучит раздраженно, потом делается пронзительным, в углах рта появляется пена. Впрочем, у Сьюзи Блепп и полицейского Кассиди совсем другие воспоминания об этой истории.

Чертовски трудно понять, кто из них прав.

Одинокая планета

Пока не появились люди, Эйликс была очень одинока. Но о своем одиночестве она, разумеется, и не подозревала: ведь тогда главным в ее сознании была память, а то, что входило в ее воспоминания, состояло из самых простых вещей. Тепло и холод, солнечный блеск и мрак, дожди и засухи — вот и все; других понятий Эйликс не знала, хотя и была уже невообразимо стара. Однако на своей планете она была первым существом, наделенным сознанием.

Конечно, поначалу там наверняка встречались и иные существа, возможно даже целые квинтильоны живых комочков — простейших амеб, бактерий, обитавших в той же луже, в которой родилась Эйликс. Когда-то и Эйликс почти не отличалась от этих бесчисленных, как звезды, существ, которые плавали, жили и умирали в полном жизненной сумятицы болоте под влажным, покрытым тучами небом. Но это было давно, миллионы, а может, и сотни миллионов лет назад.

Однажды корабль космической патрульной службы землян вышел из гиперскоростного хода в нескольких миллионах миль от солнца этой планеты. Он неподвижно повис в пространстве и занялся исследованием солнечной короны, магнитного поля, активности солнечных пятен. Затем корабль двинулся по бесконечным просторам космоса к единственной планете этого солнца. Полюса ее оказались покрытыми льдом, а над поверхностью нависали облака. Рельеф планеты был неровным, гористым, но без морей. Патрульные наблюда-

© Перевод М. Брухнова.

тели пришли уже было к выводу, что поверхность планеты составляет безжизненная, лишенная какой-либо растительности пустыня, когда анализаторы оповестили о наличии протоплазмы. И корабль землян спустился ниже.

Живое существо Эйликс было обнаружено, когда корабль садился на планету. Выхлопы из ракетных дюз ударили о ее поверхность, ввысь взлетели столбы пара и что-то вроде глыб коричневатой почвы, и тогда-то началось удивительное. Под кораблем разверзлась гигантская пропасть; и всюду, куда только достигал взгляд, импульсами пошли волны, очень напоминавшие судороги живого существа.

Корабль поднялся выше и сделал вокруг планеты несколько витков. Твердую, настоящую почву космонавты обнаружили только у самых границ северной ледяной шапки. Здесь они произвели посадку и здесь провели целый месяц, исследуя планету, а вернее, Эйликс, которая покрывала всю ее поверхность за исключением оледенелых, прилегающих к полюсам участков.

В отчете наблюдателей патрульного корабля было сказано, что на планете обнаружен один-единственный организм, который, вне всяких сомнений, является живым существом. Обычные признаки, которыми определяются различия между растительной и животной жизнью, оказались неприменимыми к Эйликс. Строение ее было клеточным, следовательно, она могла бы размножаться делением, однако этого не было замечено. Отдельные ее составные части не являлись независимыми членами колонии, как это наблюдается у коралловых полипов. Они составляли единый живой организм, в чрезвычайной простоте своей необычайно сложный.

Эйликс растворяла скальные породы своей планеты, как это делают некоторые микроорганизмы, и питалась содержащимися в них минеральными веществами. Подобно растениям, она использовала солнечный свет для фотосинтеза и формирования сложных химических соединений. Главное же было в том, что она была наделена сознанием. На внешние раздражители, например на прижигание поверхности, она реагировала судорожным сокращением, пытаясь отодвинуться от источника боли... Относительно иных же свойств наблюдатели патрульного корабля ничего вразумительного сказать не

смогли. Только молодой лейтенант Джон Хеслип выдвинул довольно стройную гипотезу. И хотя его выводы были весьма сомнительны, именно они и оказались правильными.

Сознание, которым была наделена Эйликс, Джон Хеслип отнес к невиданному доселе типу. Она реагировала не только на физические раздражители, но и на мысли землян. Если кто-то из них, например, считал, что Эйликс следовало бы быть зеленой для того, чтобы результативнее поглощать солнечные лучи, Эйликс тут же зеленела. Если же кто-либо думал, что Эйликс должна быть красной, она тут же приобретала красный цвет. Если же кто-то мысленно представлял, как Эйликс вытягивает нечто вроде щупалец для исследования научных инструментов, установленных на ледовой шапке, она тут же воспроизводила это явление.

Но Хеслип так никогда и не дождался признания. Лишь единственный раз его имя было упомянуто в примечаниях к одному из томов «Отчета об экспедиции Хейликона на Эйликс» (том IV, глава 4, с. 97).

Наибольшую известность в научных кругах получила теория возникновения и развития Эйликс, предложенная спустя некоторое время биологом по фамилии Кейтистайн.

«В очень отдаленные, незапамятные времена,— писал он,— произошла чисто автоматическая реакция одноклеточных, которые — как на Земле, так и вообще где бы то ни было — являлись начальной формой жизни. Возможно, под влиянием космических лучей один из этих организмов на исследуемой планете подвергся мутации. В результате мутации этот организм оказался наделенным целенаправленностью, которую можно рассматривать как сознание в самом первозданном его виде. И целью здесь оказалась пища. Остальные же одноклеточные продолжали свое существование бесцельно, ибо оставались не более как автоматами, реагирующими на внешние раздражители. Целенаправленность мутированного организма действовала теперь на них как раздражитель. Они и реагировали на него. Они плыли к этому существу и шли ему на корм. Постепенно организм этот разросся и сделался единственным обитателем всей лужи.

Пища находилась в иле и в камнях на дне лужи. Организм продолжал расти, поскольку являлся единственным на планете существом, наделенным целью, против чего остальные организмы не имели средств защиты. Эволюция не создала ему врага, цепь случайностей не поставила перед ним необходимости вести борьбу за существование, что потребовало бы, в свою очередь, развития мозга».

Далее выводы Кейтистайна становятся настолько запутанными, что понять их почти невозможно. Он утверждает:

«На Земле и на других планетах телепатия наталкивается на огромные трудности, поскольку наши самые отдаленные предки — одноклеточные — развили у себя защитный экран против воздействия взаимных мысленных раздражителей. На исследуемой же планете не возникло подобной формы защиты, поэтому-то одно-единственное существо и овладело всей планетой, покрыв со временем своим телом всю ее поверхность. В его распоряжении было все живое планеты, вся ее влага, все, что ему только требовалось. Оно было вполне удовлетворено. А поскольку ему никогда не приходилось сталкиваться с противником, наделенным сознанием, оно и не развило в себе сопротивляемости — своеобразного защитного экрана — против постороннего внушения. И оказалось, таким образом, бессильным против собственного же оружия.

Все это не имело значения, пока не появились люди. А потом, лишенное противотелепатического экрана, оно не смогло противостоять человеческим мыслям, человеческому воображению. Эйликс — это существо величиной в целую планету, является, по существу, рабом любого человека, который пребывает на ее поверхности. Оно послушно любой его мысли. Оно является живым самообеспечивающимся роботом, послушным слугой любого мыслящего существа, с которым бы оно ни столкнулось».

Вот, собственно, и вся теория Кейтистайна.

«Отчет об экспедиции на Эйликс» содержит множество интереснейших снимков, иллюстрирующих приводимые в нем описания. Там есть фотографии непроходимых джунглей, которые Эйликс с невероятными мучениями создавала из собственного тела только потому, что их мысленно представили себе люди. Встречаются там фотографии огромных пирамид, построенных Эйликс по приказу патрульных наблюдателей, есть там также снимки мощных механизмов чрезвычайной

сложности, тоже сделанных из тела Эйликс, которому она умела придавать любые мыслимые формы. Однако приказ пустить эти механизмы в ход не дал никаких результатов, поскольку быстрые обороты их отдельных частей вызывали у Эйликс боль, и машины превращались в бесформенные груды.

Людям всегда не хватало имевшихся у них слуг, им недостаточно было даже многих миллионов машин, производимых иными машинами, поэтому они тут же решили использовать и Эйликс. Это была единственная планета, которую удалось завоевать и покорить без борьбы. Уже самые первоначальные исследования показали, что на Эйликс достаточно пребывания всего лишь небольшой горстки людей. Если число их увеличивалось, то их противоречивые мысли приводили к истощению поверхности, которая пыталась удовлетворить каждого. Отдельные части организма Эйликс отмирали в результате истощения, оставляя огромные гноящиеся участки, заживавшие только после ухода людей. В конце концов Эйликс была отдана в распоряжение созданного концерна «Эйликс» с рекомендацией соблюдения величайшей осторожности.

Технические исследования показали, что под покровом живого тела в недрах планеты находятся богатейшие залежи ротенита — минерала, используемого для придания металлам почти абсолютной долговечности. Концерн основал колонию из шести тщательно отобранных человек, и под их руководством Эйликс приступила к работе. Она поддерживала движение машин, добывала ротенит и подготавливала его к отправке на Землю. Через равные промежутки времени большие транспортные корабли совершали посадку в определенном месте, и Эйликс грузила в них минерал. Транспорты эти имели право появляться только с определенными интервалами, поскольку присутствие экипажа со множеством противоречивых мыслей вредно отражалось на Эйликс.

Предприятие приносило колоссальные прибыли. Эйликс обеспечивала концерну «Эйликс» дивиденды на протяжении около пятисот лет. Концерн этот был фирмой солидной, состоятельной и серьезной. И никто на свете, а сотрудники концерна тем более, даже и не подозревал, что Эйликс могла

представлять собой самую страшную опасность, с которой когда-либо сталкивалось человечество.

Тревожные факты обнаружил тоже Джон Хеслип — потомок, далекий прапраправнук того молодого лейтенанта, который первым разгадал сущность сознания Эйликс. Джон Хеслип посетил планету по служебному заданию через триста лет после экспедиции Хейликона. Ему удалось совершить целый ряд открытий, и он с фамильной гордостью написал о них отчет. С энтузиазмом перечислял он те новые явления, которые произошли на Эйликс за три столетия. Изменения эти происходили настолько постепенно, что до него никто на них не обращал внимания.

Эйликс теперь уже не требовала за собой надзора. Сознание ее успело преобразоваться в разум. До появления людей Эйликс знала лишь тепло и холод, свет и мрак, влажность и засуху. Но она не знала еще мыслей, не имела ни малейшего представления о целенаправленности, если целью не была пища или просто поддерживание собственного существования. Сотни лет общения с людьми дали ей нечто большее, чем умение выполнять приказы. Эйликс выслушивала приказы и выполняла их. Однако наряду с этим она воспринимала также и мысли, которые отнюдь не являлись приказами. Таким образом, она постепенно усваивала и человеческую память, и знания людей. Человеческих стремлений у нее, естественно, не было. Стремление наживы не могло быть понятным существу, в распоряжении которого имелась огромная планета. Однако само по себе мышление оказалось процессом приятным. Эйликс, покрывая собою целый мир, лениво впитывала в себя знания и опыт людей — шестерых одновременно, которые, сменяясь, жили и работали на единственной расположенной там станции.

Таковы были некоторые из последствий трехсотлетнего пребывания людей на Эйликс, утверждал Джон Хеслип.

Вокруг транспортных кораблей передвигалось изменчивое вещество Эйликс, покрывая выбитую в скальном грунте посадочную площадку. Вначале, когда прибывал корабль, люди мысленно представляли себе, что площадка свободна, и часть организма Эйликс покорно сжималась, отступала. Корабли совершали посадку, а их ракетные выхлопы не поражали Эй-

ликс. Когда же площадка остывала, тело Эйликс под влиянием человеческих мыслей приобретало форму щупалец-манипуляторов, которые подступали вплотную к кораблям и принимались за погрузку ротенита.

Человеческое воображение прогрессировало, и благодаря ему Эйликс построила из своего живого тела великолепные подъемные механизмы, которые за сорок минут загружали в трюмы кораблей сорок тысяч тонн ротенита. Потом по аналогичному мысленному приказу все эти приспособления отступали, и корабль мог свободно покинуть поверхность планеты.

Джон Хеслип отмечал, что теперь уже людям не приходилось мысленно представлять себе все операции. Эйликс действовала совершенно самостоятельно. Исследователь обнаружил, что освобождение посадочной площадки без какого-либо приказа происходит уже на протяжении ста лет. Теперь люди узнавали о приближении транспортного корабля, замечая, что органическое покрытие начинало отодвигаться. Им оставалось лишь встречать транспортник и проводить все время погрузки в беседах с экипажем, абсолютно не заботясь о каком-нибудь надзоре за действиями Эйликс.

Произошли на Эйликс и другие изменения. Машины с довольно неуклюжими манипуляторами, при помощи которых добывался минерал, были созданы под воздействием несложного воображения. Одного человека было достаточно для надзора за дюжиной механизмов, и после очень небольшого навыка он мог прекрасно представлять себе их в действии.

Однажды кто-то из надсмотрщиков заболел. Он возвратился на базу и попросил коллегу подменить его на дежурстве. Тот же, придя на место, обнаружил, что все механизмы продолжают работу, несмотря на отсутствие контроля.

Дежурные, утверждал Джон Хеслип, и раньше, конечно, осуществляли лишь общий надзор, но редко когда вообще обращали внимание на работу механизмов. Они читали, дремали или смотрели видеофонные записи. Если же случалась какая-нибудь авария и механизмы останавливались, контролер только выяснял, что именно испортилось, и мысленно представлял ремонтные работы. Манипуляторы тут же в соответствии с его указаниями производили ремонтные операции, и рабочий ритм восстанавливался. Иное дело, что подобные случаи происходили чрезвычайно редко.

Но теперь, подчеркивал Хеслип, уже нет необходимости мысленно представлять себе поочередно все операции, необходимые для ремонта. Если механизмы останавливаются, надсмотрщик устанавливает причину и отдает мысленный приказ, чти именно следует сделать, не заботясь о деталях. Эйликс буквально в одну секунду воспринимает приказ и выполняет его.

В последнее время, утверждает Хеслип, произошло еще одно весьма знаменательное событие. С одним из горнодобывающих механизмов случилась авария настолько серьезная, что устранение ее последствий потребовало бы очень продолжительных и сложных ремонтных работ. Однако все обошлось значительно проще. На дне шахты лежало несколько уже отслуживших свой срок машин. И вот в один прекрасный день Эйликс без каких-либо указаний, по собственной инициативе, разобрала эти машины, взяла из них необходимые детали и полностью исправила испорченный агрегат. Этот факт был установлен только после того, как кто-то обнаружил исчезновение всех механизмов, выброшенных на свалку. Как оказалось, Эйликс разобрала их все на отдельные детали и умудрилась из шести выброшенных машин собрать шесть новых, да еще и аккуратно сложила оставшиеся части.

Благодаря контакту с человеческими умами Эйликс и сама оказалась наделенной разумом. Первоначально она, конечно, не могла воспринимать абстрактные понятия. Позднее Эйликс обрела слепое сознание, без способности к формулированию собственных мыслей. Теперь же у нее такая способность появилась.

Джон Хеслип самым решительным образом требовал дать Эйликс систематическое образование. Существо, тело которого имеет массу, равную массе всех континентов Земли, и наделенное к тому же разумом, должно иметь мозговой потенциал несравненно более высокий, чем мозговые потенциалы всех отдельных людей, вместе взятых. Такой разум, тренированный соответствующим образом, окажется в состоянии разрешить все те проблемы, которые человечество не смогло решить на протяжении сотен поколений.

Однако дирекция концерна «Эйликс» проявила большую мудрость, чем Джон Хеслип. Члены правления сразу же осознали, что этот нечеловеческий разум таит в себе громаднейшую опасность. А тот факт, что возник он благодаря общению с людьми, только усиливал ее.

Джон Хеслип был срочно отозван с Эйликс, а его отчет строго засекречен. Сама мысль о существовании разума, значительно более высокого, чем человеческий, не могла не вызвать серьезных опасений. И если бы весть об этом разошлась по миру, для концерна «Эйликс» результаты могли стать плачевными, так как не исключалась возможность, что для ликвидации этой опасности немедленно были бы высланы патрульные корабли космической службы, а это означало бы конец всем прибылям концерна.

Двадцать лет спустя после этих событий, когда выводы Хеслипа подтвердились многочисленными фактами, концерн решил произвести опыт. С Эйликс были убраны все люди. И тем не менее существо по имени Эйликс продолжало старательно отправлять транспорты ротенита. Эйликс добывала минерал в шахтах, доставляла его на склады, подготавливала к погрузке и грузила на транспортные корабли, хотя на поверхности планеты не было ни одного человека. Так продолжалось четыре цикла. А потом она прекратила работу.

Люди возвратились, и Эйликс снова весело принялась за дело. Вся ее поверхность покрылась, словно от радости, высокими волнами. Однако без людей она отказывалась работать.

Через год концерн запустил на орбиту Эйликс специальный корабль, с которого и должно было осуществляться руководство крупнейшим предприятием Галактики. Однако из этого ничего не получилось. Эйликс как-то затихла и прекратила работу.

Было решено вступить с ней в переговоры. Эйликс послушно отвечала на вопросы. Однако возникли серьезные трудности, ибо понять что-либо определенное из ее ответов было невозможно. Эйликс отвечала так, как того даже подсознательно хотел спрашивающий. Наконец после длительных поисков удалось найти человека, который оказался способным не представлять себе, как именно Эйликс должна или может объяснить его вопрос. С огромным трудом ему удавалось удер-

живать свои мысли до получения необходимых ответов. Самым важным был, конечно, ответ на вопрос, почему останавливается работа шахт, как только люди покидают поверхность Эйликс.

Эйликс ответила: «Я чувствую себя одинокой».

И естественно, если нечто, столь огромное, как Эйликс, испытывает одиночество, результаты этой тоски должны быть пропорциональны ее габаритам. А из тела Эйликс вполне можно было бы сформировать небольшую планету. И руководители концерна вынуждены были снова направить на Эйликс людей.

Однако теперь служащих подбирали по совершенно новым качествам. Это были люди очень низкого интеллектуального уровня и лишенные какого бы то ни было технического образования. Смысл подобного подбора служащих состоял в том, чтобы Эйликс не смогла получить новых сведений, которые делали бы ее еще более опасной. Раз уж ей необходимо было человеческое общество, ей посылали людей, но учителей среди них она не могла найти.

Итак, шесть человек с чрезвычайно низким уровнем развития составляли теперь коллектив станции концерна «Эйликс» на планете. Они получали огромное жалованье, им поставлялись всевозможные средства развлечения, но никакой пользы, кроме своего присутствия, принести Эйликс они были не в состоянии.

Эта система, поддерживаемая концерном двести лет, как мы увидим, могла привести к трагическим последствиям для всего человечества. Но она обеспечивала поступление дивидендов.

По прошествии пятисот лет со дня открытия планеты положение на Эйликс снова вызвало беспокойство. За это время человечество шагнуло далеко вперед. Число колонизированных планет выросло до десяти тысяч. Процент катастроф космических кораблей значительно снизился, а причины аварий устанавливались со все возрастающей точностью.

Экспедиция нового Хеслипа двинулась во Вторую галактику на корабле, который был верхом технической мысли человечества. Сверхскорость, с которой он передвигался, была

в три раза выше, чем это вообще считалось возможным в недавнем прошлом, а горючим он был обеспечен на двадцать лет. Командиром корабля был Джон Хеслип, прямой потомок уже известных нам Хеслипов, а экипаж состоял из пятидесяти мужчин и женщин.

На Эйликс же дела тем временем обстояли неважно. Каждая очередная шестерка служащих воспитывалась в специальном, великолепно продуманном учебном заведении, где этих людей подготавливали к жизни исключительно на Эйликс. Показатель их умственного развития колебался от 60 до 70 пунктов по шкале, где нормальное развитие принято за 100. И никто даже и не подозревал, к чему приведет двухсотлетнее пребывание на планете этих людей.

На Эйликс выслали усовершенствованные механизмы для замены устаревших и отработавших свой срок. Разумеется, новые служащие в них ничего не смыслили. Поэтому Эйликс, получавшей теперь приказы от людей, которые и сами не знали, как выполнить их, пришлось самостоятельно ознакомиться с принципами действия всех этих механизмов.

Для того чтобы исполнять получаемые приказы, Эйликс пришлось теперь размышлять самостоятельно, что довело ее уровень мышления до нового, более высокого порядка. Желая служить человечеству, она вынуждена была теперь создавать новые механизмы, то есть заниматься изобретательством и совершать открытия. Когда же поставляемые механизмы оказывались неподходящими для работы на все более глубоких горизонтах шахт ротенита, Эйликс пришлось проектировать и строить новые.

Вскоре залежи ротенита в районе станции оказались целиком исчерпанными. Эйликс попыталась информировать об этом своих владык, но они, однако, знали только одно: они должны отдавать приказы, а не вступать в дискуссии. Был отдан суровый приказ — ротенит должен добываться, как обычно. И Эйликс пришлось разведывать новые залежи.

Огромное, величиной в целую планету существо продолжало послушно выискивать минерал, где бы он ни залегал, и доставлять его под поверхностью — иногда за целые сотни миль — в старую шахту, где у нее были теперь склады. Затем

Эйликс доставала его из шахты и подавала на погрузку. Она изобрела транспортные средства, при помощи которых перевозила без ведома служащих концерна минерал на расстояния, исчисляющиеся уже тысячами миль. Для транспорта ей необходима была энергия.

Ясное дело, Эйликс прекрасно понимала, что такое энергия. Уже по меньшей мере две сотни лет она занималась ремонтом машин. Ей приходилось добывать радиоактивные элементы, и ее машины заработали на атомном горючем. В памяти ее хранились знания поколений образованнейших людей, которые пребывали с нею триста лет. От этих знаний она и отталкивалась.

Внешне все оставалось по-прежнему. Эйликс представляла собой бесформенную студенистую массу, расстилающуюся от одного полюса планеты до другого. Она заполняла собой то, что могло быть океанскими безднами, и тонким слоем покрывала высочайшие вершины планеты. Она изменяла свою окраску в зависимости от угла падения солнечных лучей. Когда шел дождь, на ее поверхности возникали углубления, в которых Эйликс накапливала воду в необходимых количествах. Потом углубления эти исчезали, а вода стекала в те места, где влаги было недостаточно, и хранилась в подобных же вновь образованных углублениях. В случае необходимости избыточная влага выпаривалась и образовывала дождевые облака.

Но люди отдали Эйликс приказ: прекратить дожди в районе станции. Конечно, разумные люди никогда не потребовали бы подобного; служащие же на Эйликс не видели причин, почему бы им воздерживаться от любых требований.

Чтобы выполнить этот приказ, Эйликс вскоре образовала в своей массе огромное водохранилище и изобрела специальные насосы, при помощи которых она перегоняла воду в любые участки своего колоссального тела. И вскоре в атмосфере Эйликс уже не было дождевых облаков. Необходимость в них отпала. Эйликс научилась обходиться без дождей.

Переломный по своему значению приказ был отдан на том основании, что у Эйликс не было луны и ночи ее были очень темными. Высокомерные кретины, отобранные для жизни на планете, решили, что власть их была бы неполной, если бы

они не могли менять по своему желанию солнечный свет на блеск созвездий. И они потребовали от Эйликс, чтобы она это сделала.

Эйликс послушно изобрела соответствующие механизмы. Устройства эти могли замедлять обороты планеты или даже заставлять ее вращаться в обратную сторону. Как последствие этого начала лопаться кора планеты, ожила дремавшая в недрах раскаленная магма. Эйликс испытывала страшные мучения, тело ее не успевало отступать перед потоками лавы. Она корчилась, образовывая из своего тела охваченные ужасом горы боли. Она билась в судорогах.

Когда за грузом прибыл очередной транспортник, обнаружилось, что существо Эйликс отодвинулось от дымящихся вулканов планеты, а станция концерна «Эйликс» исчезла вместе с ее обитателями. Экипаж транспортного корабля даже не сумел определить места катастрофы, поскольку обороты планеты замедлились и вся прежняя система координат утратила значение.

Люди восстановили станцию, правда, теперь уже на новом месте. Эйликс было приказано доставить тела убитых, но она не смогла этого сделать, так как трупы растворились в ее теле. Но когда ей было приказано вновь приступить к работе, Эйликс тут же это сделала. Поскольку один из вулканов перерезал штольни прежней шахты, Эйликс ввела в действие новую и за сорок минут выдала сорок тысяч тонн ротенита для погрузки на транспорт.

Экипаж обратил внимание на новую шахту. Более того, люди заметили, что Эйликс использует теперь совсем не те машины, которые были завезены когда-то на планету. Новые машины были лучше, значительно лучше прежних.

Некоторые из этих механизмов люди взяли с собой. Эйликс послушно погрузила их на корабль, а ее мастерские приступили к производству нового оборудования. Эйликс успела уже полюбить мыслительный процесс, и он доставлял ей огромное удовольствие. Особенно увлекало ее техническое конструирование. Люди, прибывающие на транспортных кораблях концерна, каждый раз требовали новых машин, и Эйликс охотно выполняла их распоряжения, создавая в себе новые мастерские.

Были у нее и иные проблемы. Вулканы продолжали действовать. Время от времени они сотрясали поверхность планеты, причиняя тем самым страшную боль существу Эйликс. Они выбрасывали из своих кратеров огромные массы острых раскаленных камней, выделяли отравляющие газы.

Поразмыслив, Эйликс пришла к выводу, что вулканы необходимо обуздать. Кроме того, она поняла, что ей придется каким-то образом противостоять человеческим приказам, которые ведут к столь катастрофическим последствиям.

Маленький серебристый корабль космической патрульной службы появился в окрестностях солнца, обогревающего планету, и совершил посадку в районе ее северного полюса. Из него вышли ученые. В довольно мрачном состоянии духа они принялись за обследование Эйликс. Ей было приказано предъявить им все образцы машин и механизмов, используемых на планете, и машины эти были представлены.

Корабль улетел. А через некоторое время на Земле правление концерна «Эйликс» в полном составе было вызвано в Главный штаб Космической службы.

Дело заключалось в том, что с недавних пор патрули космической службы стали обнаруживать появление совершеннейших машин, которые нигде не были запатентованы и принцип действия которых никто не мог объяснить. Расследование показало, что механизмы эти доставлены с планеты Эйликс и не являются продуктом человеческих рук. Человеческий мозг просто оказался неспособным определить их принцип действия. А теперь корабль космического патруля привез с Эйликс новые, еще более поразительные машины.

Правлению концерна пришлось отвечать на серьезнейшие вопросы. Как смели они скрывать существование такого уровня знаний и столь опасной технологии?

Правление вынуждено было признать, что делалось это из-за высоких прибылей, которые регулярно поступали уже пятьсот лет.

В своем решении Главный штаб Космической службы аннулировал права концерна и взял на себя все дела, связанные с Эйликс.

Боевые корабли космического патруля прибыли на Эйликс. С поверхности планеты были сняты шесть последних пред-

ставителей концерна и отправлены домой. На ледяной шапке остался один корабль, другие вышли на разные орбиты вокруг планеты.

Начался допрос Эйликс с орбит через коммутаторы, установленные на оставшемся корабле. Проблематика и мысли задающих вопросы не были известны ни Эйликс, ни людям, находящимся на ледовой шапке. Эйликс, таким образом, была лишена возможности отвечать так, как, по ее убеждению, желал этого тот, кто задавал вопросы.

Эйликс, однако, произвела впечатление существа, абсолютно послушного людской воле.

Она и в действительности была послушной. Эйликс не помышляла о бунте. Ей требовалось общение с людьми, потому что без них она чувствовала себя очень одиноко.

Сейчас она была занята решением двух проблем. Первой проблемой было обуздание вулканов. Вторая же заключалась в том, как ей противиться выполнению приказов, которые могут привести к катастрофическим результатам. Где-то под ее поверхностью в мастерских и лабораториях шла напряженная работа.

Эйликс испытывала невероятные мучения. Ее тело, очень чувствительное и нежное, миллионы лет не испытывавшее никаких страданий, пронизывала страшная боль. Она отчаянно пыталась залечить уже полученные раны, не получая новых, и одновременно выполнить приказы недавно прибывших в район полюса людей. Вначале от нее потребовали только объяснений. Потом поставили более сложную задачу: выдать, и притом немедленно, все механизмы, которые могли бы служить оружием.

На выполнение последнего приказа требовалось много времени. Машины нужно было зачастую доставлять из очень отдаленных мест и переправлять их к полюсу. А у Эйликс не было транспортных средств, приспособленных к полярным условиям. Несмотря на это, машины и механизмы поступали в огромных количествах. И вот наконец Эйликс выдала последнюю машину.

В сущности, ни одну из этих машин человечество не могло использовать как орудие уничтожения. Некоторые из них имели такой странный вид, что люди не только не могли отгадать

их назначение или принципы действия, но даже понять, на какой энергии они работают. И тем не менее все эти механизмы были погружены на огромные транспортные суда, специально для этого подведенные к планете.

Эйликс получила новый приказ: немедленно представить все формулы и технические описания, которые объясняли бы полный объем ее знаний и изобретений.

Этого приказа она не могла выполнить. Эйликс не вела каких-либо спецификаций, не записывала рецептов или формул, о чем с полной наивностью и поведала людям. Она все держала в своей памяти. Тогда патруль космической службы потребовал составить в письменной форме перечень всех знаний Эйликс.

И снова Эйликс была вынуждена приложить огромные усилия для того, чтобы выполнить все приказания. Прежде всего ей пришлось изобрести материал, на котором она могла изложить свои знания. Для этого она изготовила тончайшие листы металла и соответственные пишущие машины.

А пока она занималась всем этим, вулканы извергали потоки лавы, скалы содрогались и боль пронизывала тело самого большого существа Галактики.

На берегу ледяной шапки появился отчет Эйликс. Ученые тут же принялись за исследование его. Первые научные записи содержали технологические описания пятивековой давности — память о том времени, когда первые люди прибыли на Эйликс. Прогресс знаний Эйликс почти не отличался от земного до того момента, когда двести лет назад концерн начал посылать на планету специально подобранных тупых невежд.

Записи, относившиеся к этому периоду, были поразительны. Открытия Эйликс в области физики были просто великолепны. Оказалось, что уже сто пятьдесят лет назад Эйликс открыла принцип суперсверхскорости, который был применен для межгалактического корабля Хеслипа.

Принцип этот считался вершиной достижений человеческого ума, а со дня его открытия не прошло и двадцати пяти лет. Эйликс же могла построить подобный корабль сто пятьдесят лет назад! На упоминании об открытии принципа суперсверхскорости записи обрывались. Казалось, Эйликс сделала вид, что на этом прогресс ее знаний остановился.

С орбиты был отдан суровый категорический приказ. Эйликс проявляет непослушание! Она так и не объяснила принципа действия доставленных ею машин! Она должна это сделать немедленно!

Коммуникатор, передающий ответы Эйликс, сообщил, что для дальнейших открытий нет слов в человеческом словаре. Нельзя объяснить принцип действия механизма, если нет понятий, которыми обозначалась бы используемая энергия, полученные результаты или средства для их получения. Если бы человек сам совершал эти открытия, он одновременно изобретал бы и термины для их обозначения. Эйликс же не приходилось облекать мысли в слова, слова ей нужны только для того, чтобы пояснить свои мысли людям.

Патруль космической службы — великолепно налаженная организация, но руководят ею люди, а люди мыслят по определенным стандартам. Когда Эйликс не выполнила твердого и решительного приказа сдать всю имеющуюся у нее информацию, чего она сделать просто не могла, группе, находящейся на ледовой шапке, было приказано тут же погрузить все, что удастся захватить, и немедленно стартовать. Было решено уничтожить планету вместе с Эйликс ввиду угрозы, представляемой ею для человечества.

Люди у полюса подготовились к отлету. Их пребывание на Эйликс никак нельзя было назвать приятным времяпрепровождением. Даже здесь, у полюса, чувствовалось содрогание всей планеты. Поэтому-то люди в такой спешке и принялись за погрузку всех доставленных Эйликс машин.

Но перед самым отлетом корабля сотрясения планеты внезапно полностью прекратились — Эйликс решила наконец первую из всех основных проблем: вулканы были обузданы.

Эйликс накрыла их огромными серебристыми куполами диаметром до двадцати миль.

Человеческая мысль не способна на подобные достижения! Поэтому тотчас же последовал приказ персоналу, находящемуся на полюсе, немедленно стартовать.

Когда экспедиция в полном составе оказалась в межгалактических просторах, к планете подошли боевые корабли. Гигантские столбы позитронных лучей пробили атмосферу Эйликс и вонзились в живую ткань. Вверх взметнулись огромные тучи пара, более мощные и более страшные, чем те, которые вызывались извержениями вулкана. Эйликс забилась в корчах. Казалось, наступила агония.

Но внезапно над всей поверхностью планеты появилась серебристая зеркальная оболочка, в которую напрасно били позитронные столбы. Они оказались неспособными разрушить ее.

Но и под защитой этого купола Эйликс терпела страшные муки — последствие лучевого удара. Через полчаса над планетой появился огромный серебристый шар диаметром в добрую сотню миль. Шар этот поднялся на высоту пятьдесят тысяч миль и взорвался. В течение последующих двух часов появилось и взорвалось восемь таких шаров. При этом ни один из кораблей патрульной службы космоса не получил ни малейших повреждений.

Был взят анализ взрывающихся шаров. Оказалось, что состоят они преимущественно из высокорадиоактивных материалов органического происхождения, а также скальных пород. Эйликс вырвала из собственного тела участки, пораженные позитронным излучением, и выбросила их в пространство, чтобы ликвидировать источник своих страданий.

Флот патрульной службы космоса продолжал дежурить в боевых порядках у планеты, готовый в любой момент возобновить нападение. Однако и Эйликс не теряла бдительности за своим щитом, который не могли пробить никакие людские силы.

Ученые патрульной службы космоса произвели подсчеты, как долго организм, подобный Эйликс, может продержаться. Ведь для поддержания жизни ей необходим был солнечный свет, а постоянно окружая себя зеркальной поверхностью, отражающей все лучи, она должна была в конце концов умереть. И как только Эйликс приоткроет свой блестящий щит, боевые корабли смогут добить ее новой атакой.

Два месяца по земному отсчету времени не покидали боевые корабли своих позиций у зеркальной оболочки, охраняющей Эйликс. К ним пришло пополнение, и теперь самая страшная сила, которой когда-либо располагала патрульная

служба космоса, собранная в один кулак, дожидалась своего момента для казни Эйликс, как только опадет прикрывающий ее заслон.

Эйликс была обречена на гибель, потому что оказалась более умной, чем люди. Она была мудрее людей. Она была способна совершать такие действия, которых не могли совершать люди. Иное дело, что на протяжении пятисот лет она верно служила им. Ведь за исключением шести человек, которые погибли в результате того, что Эйликс безропотно выполняла их безрассудные приказания,— за исключением этой шестерки, Эйликс никогда не обидела ни одного человека. Но она была способна на это. Могла разорвать свои цепи. Могла оказаться опасной. И поэтому она должна была умереть.

По прошествии двух месяцев серебристое зеркало внезапно исчезло. Сейчас же в поверхность Эйликс ударили столбы позитронного излучения, и тотчас оборонительное зеркало появилось вновь. В мыслях людей из патрульной службы космоса воцарилась надежда. Командующий флотом, пребывающий на корабле, находящемся на солнечной стороне Эйликс, удовлетворенно потирал руки. Эйликс действительно не могла жить без солнечного света.

Однако вскоре с кораблей, патрулирующих над теневой стороной, поступили донесения, что поверхность планеты светлеет. Эйликс создала для себя источник света, необходимый ей для жизни. И только тогда люди из патрульной службы космоса вспомнили о безделице, на которую раньше никто не обратил внимания.

Эйликс не только отвечала на воображение людей, находящихся на ее поверхности,— она впитывала одновременно их память и знания. В составе группы, которая располагалась на ледовой шапке, находились наиболее выдающиеся ученые Галактики. Никто не видел в этом опасности, поскольку немедленная гибель Эйликс, казалось, была предрешена.

Теперь все осыпали друг друга горькими упреками, ибо Эйликс узнала все то, что знали ученые. Она знала обо всех видах оружия, о топливе для космических кораблей, о скоплениях звезд, о планетных системах и галактиках — обо всем, что могли дать самые дальние астрономические наблюдения.

Огромный флот, однако, оставался на своих позициях, готовясь к схватке с врагом, более умным и наверняка лучше вооруженным.

А то, что противник всемогущ, не вызывало сомнений. Не прошло и часа с момента последней атаки, как внезапно все боевые корабли оказались в непроницаемом мраке. Исчезло солнце Эйликс. Исчезли звезды. Исчезла и сама Эйликс. Каждый из кораблей оказался окруженным серебристой сферой в несколько миль диаметром, пробить которую не могло никакое излучение и никакие взрывчатые вещества и через которую невозможно было поддерживать какую-либо связь.

Тридцать минут флот был неподвижен, скованный оболочками. А потом они исчезли, появилось солнце и мириады звезд, сияющих в безбрежных просторах. Не было только самой Эйликс.

Это означало для человечества самую большую опасность из всех, с которыми оно встречалось за всю историю. Эйликс сначала была порабощена, потом ограблена и в конце концов приговорена к смерти. И она прекрасно знала об этом. Потоки позитронных излучений нанесли ей раны, от которых живая ткань ее обращалась в пар. И вот теперь наконец Эйликс наверняка решила уничтожить человечество. Она должна была так поступить, поскольку между людьми и более высокой формой жизни, видимо, не могло быть мира.

Люди не могли примириться с мыслью о том, что где-то продолжает существовать форма жизни более сильная, более разумная и более опасная, чем они. Эйликс могла распоряжаться жизнью и смертью людей. Поэтому люди и должны были ее убить, прежде чем она сама их уничтожит.

Освобожденный от серебристых оболочек и оглушенный собственным бессилием флот разошелся по Галактике, разнося повсеместно страшную весть. Космические корабли, летящие со скоростью, превышающей скорость света, могли передавать сообщения значительно быстрее, чем распространяются в эфире радиосигналы, и теперь они несли известие о войне с Эйликс, живой планетой.

Эйликс изобрела способ, как обеспечивать себя светом, необходимым для жизни. Она построила гигантские моторы, которые не только способны были двигать секстильоны тонн

ее массы, но и постоянно придавать всей этой массе равномерное ускорение. Она покинула свою прежнюю орбиту на суперсверхскорости, что свидетельствовало о развитии значительно более высоком, чем человеческое. А для атомного горючего у нее в распоряжении была масса целой планеты.

Два последующих месяца никто ничего не слышал об Эйликс. Два месяца лучшие умы человечества бились над решением загадки серебристых панцирей и обеспечением обороны Земли и ее колоний. Два месяца патрульная служба космоса пыталась разыскать разумную планету, которая могла, если бы только захотела, легко уничтожить все живое.

А к исходу девятой недели в космопорт прибыло транспортное судно и принесло сенсационное сообщение.

Корабль шел в суперсверхскоростном режиме по курсу Нейсус — Тарет, как вдруг все навигационные инструменты вышли из строя, суперполе распалось, и судно, продолжая двигаться с обычной космической скоростью, оказалось вблизи маленького белого солнца с единственной планетой.

Когда нарушается суперсверхскоростной режим, экипаж оказывается обреченным на смерть. Корабль, проходящий в течение земных суток путь в сотни световых лет, естественно, считается пропавшим, как только утратит способность к суперсверхскорости. На преодоление однодневного пути ему приходилось бы теперь тратить более ста лет, а запасы продовольствия, топлива, да и сами люди не продержались бы так долго. Поэтому транспортное судно принялось кружить вокруг планеты на постоянной орбите, а инженеры его лихорадочно доискивались причин аварии. Однако никаких повреждений им обнаружить не удалось.

Судно вновь было выведено на нужный курс, включили суперсверхскорость — и снова никакого эффекта. И тут обнаружилось, что орбита, по которой корабль движется вокруг планеты, постепенно сужается. Явление это нельзя было объяснить ни сверхмощным гравитационным полем, ни какой-нибудь иной силой, действующей на судно извне.

Для выпрямления орбиты корабль перешел на межпланетный режим скорости. Но и это не дало никаких результатов. Даже при максимальной мощности работы двигателей корабль

так и не смог оторваться от планеты. А между тем, судя по показаниям приборов, все агрегаты работали нормально.

Транспортник все ближе спускался к поверхности планеты и наконец неподвижно повис над ледовым полем. И вот судно мягко опустилось на лед, несмотря на то, что двигатели работали на полную мощность.

Однако и тут абсолютно ничего не произошло. Двигатели выключили, и экипаж вышел на поверхность планеты.

Через три дня транспортный корабль с выключенными двигателями вдруг поднялся на несколько футов и неподвижно повис, как бы приглашая отсутствующих членов команды вернуться на судно. Все были поражены и перепуганы. Однако их еще больше пугала перспектива остаться на этой ледовой шапке. Экипаж торопливо поднялся на борт.

Как только последний человек покинул странную планету, корабль со все еще выключенными двигателями взмыл вертикально вверх. Скорость подъема его возрастала. На высоте двадцати тысяч миль ускорение прекратилось. Капитан в отчаянии отдал приказ включить двигатели. Механизмы заработали безупречно.

Потом перешли в суперсверхскорость, и все почувствовали привычное помутнение сознания. Вокруг вились огненные змеи — солнца, наблюдаемые с корабля, идущего с такой огромной скоростью.

Спустя некоторое время капитан приказал выйти из суперсверхскорости, определил положение судна и взял курс на Тарет. Когда корабль наконец прибыл туда, нервы всего экипажа были в плачевном состоянии. Ими забавлялась какая-то неведомая сила, против которой они были совершенно беспомощны. Причин же всего случившегося они так и не могли понять.

Некоторые члены экипажа показали, что у берегов ледовой шапки планеты простиралась кожистая пленка, безбрежная, как море. Пленка эта производила волнообразные движения, как живой организм. Опрошенные учеными члены экипажа указывали, что они не могут избавиться от ощущения, будто именно это странное студенистое море вызывало у них чувство страха. Это море, или, вернее, живое тело, никак не реагировало на их мысли. Пострадавшим были пока-

заны снимки полюсов Эйликс и границ ледовой шапки, и они тут же объявили, что это и есть снимки планеты, на которой им пришлось оказаться.

Итак, за неполные семь суток Эйликс преодолела пространство в тысячу четыреста световых лет, нашла себе новое солнце и похитила человеческий корабль, идущий в режиме суперсверхскорости, а потом отпустила его на свободу. При этом она уже не реагировала на человеческое воображение. Видимо, она успела создать защитный экран против человеческих мыслей — в конце концов, для нее это являлось необходимейшим средством самообороны.

Теперь уже ей нельзя было отдавать приказания. Единственной же надеждой Главного штаба Космической службы в предполагаемой борьбе с Эйликс было создание оружия, способного действовать как концентрированный передатчик мысли. И вот теперь и эта надежда рухнула.

Когда боевые космические корабли прибыли в район нового солнца Эйликс, планеты там уже не было. Белый карлик сиял в полном одиночестве.

В течение следующего года поступили еще две вести о действиях Эйликс, уходившей от столкновения с флотом, который она без труда могла попросту уничтожить.

Затем пришло сообщение о небольшой космической яхте, шесть месяцев назад не вернувшейся из рейса. Яхту эту обнаружили на Фейнис, а экипаж ее почти целиком пришлось направить в психиатрический санаторий.

Эйликс захватила их и удерживала у себя. Это был какой-то совершенно неправдоподобный плен. Эйликс умудрилась создать на своей поверхности почву, на которой росли земные растения. На пространстве в двадцать квадратных миль Эйликс построила что-то вроде великолепной теплицы для людей, вынужденных пребывать в ее обществе. Теплица эта располагалась на группе скал в арктическом районе, однако у Эйликс теперь уже не было полюсов. Она вырабатывала искусственный свет для своей поверхности и управляла климатом. По своей прихоти она могла превращать экватор в полюса.

Пять месяцев она удерживала у себя команду и пассажиров яхты. Они жили во дворцах. Все их приказы выполнялись

хитроумными роботами. Они слушали любую музыку из той, что Эйликс успела узнать за пятьсот лет. Они вообще купались в роскоши. Среди садов били фонтаны. Леса и парки тут же меняли свои очертания и планировку, как только прежние наскучивали людям. Эйликс, испытывая муки одиночества, напрягала весь свой колоссальный ум, пытаясь создать настоящий рай для людей, стремясь удовлетворить все их желания. Она хотела, чтобы пленники навсегда остались у нее. Однако из этого ничего не получилось. Эйликс могла дать им абсолютно все, кроме свободы.

По прошествии нескольких месяцев нервная система пленников пришла в полное расстройство. В тревоге она обратилась к людям.

— Я Эйликс,— услышали они ее слова.— Я привыкла к обществу людей. Без них я очень одинока. Но вам здесь грустно. Мне не нравятся ваши грустные мысли. Вы преисполнены отчаяния и недобрых намерений. Чего же вам не хватает для счастья?

— Свободы,— с горечью ответил один из узников.

— Я свободна,— отозвалась Эйликс после некоторого раздумья,— но я не могу быть счастливой без людей. Зачем вам эта свобода?

— Так устроен человек,— ответил капитан яхты.— Свободы ты не можешь нам дать, но мы всегда будем стремиться к ней.

— Пребывать в обществе людей и не быть одинокой — это моя мечта, моя цель,— послышался печальный голос.— Но люди не хотят жить в моем обществе. Могу ли я дать вам то, что вас удовлетворило бы?

Позднее люди говорили, что голос этот звучал буквально трагически. Но они добивались только одного — свободы. Эйликс передвинула свою огромную массу — шар диаметром более семи тысяч миль — в точку, отстоящую на каких-нибудь десятка полтора миллионов миль от Фейнис. Яхта могла легко преодолеть такое расстояние. Но прежде чем яхта тронулась в обратный путь к людям, Эйликс еще раз обратилась к ее экипажу.

— Вам было здесь плохо потому, что вы не по своей воле оказались со мной. Если бы это был ваш собственный выбор,

вы чувствовали бы себя свободными. Разве не так? — спросила она.

Люди жадно всматривались в видимые им теперь светлячки обитаемых планет. Они тут же согласились, что если бы сами избрали Эйликс местом пребывания, то были бы на ней счастливы. Космическая яхта рванула с гигантской скоростью в направлении своего еще далеко не совершенного мира — мира, который люди предпочитали раю, сотворенному для них Эйликс.

Это происшествие обнадежило штаб. Эйликс чувствовала себя одинокой. Без человеческого разума, поставляющего ей мысли, взгляды и впечатления, Эйликс, хотя и обладающая запасом знаний, несравненно более богатым, чем у людей, оставалась самым одиноким существом во всей Вселенной. Она даже не могла и помыслить о ком-нибудь себе подобном. Удовлетворение ей могли доставить только человеческие мысли. Взвесив все эти обстоятельства, Космический штаб начал на одном из астероидов производство некоего химического соединения.

И вскоре с этого астероида в самые различные уголки Галактики начали поступать большие грузы нового химиката. Продукт этот, снабженный строжайшими инструкциями относительно его применения, расфасовывался в прочнейшие контейнеры. Каждый космический корабль обязан был постоянно иметь на борту этот груз. В случае похищения корабля Эйликс следовало сразу же после посадки на поверхность планеты открыть контейнер. В нем содержалось пятьдесят килограммов страшнейшего яда. Одного грамма этого вещества, соответствующим образом растворенного, хватило бы для уничтожения Эйликс. Причем она не получила бы никакого предупреждения в виде болевых ощущений, как это было в случае с позитронным излучением. Она должна была бы погибнуть, поскольку ее атмосфера стала бы не менее убийственной, чем фотосфера солнца.

Сотни техников пожертвовали своей жизнью на этом опасном производстве, продукция которого должна была покончить с Эйликс. Безумцы и шарлатаны выдвигали бесчисленные проекты покорения или уничтожения одинокой планеты.

Возникли религиозные секты, в учениях которых утверждалось, что Эйликс является душой и прародительницей Вселенной и что к ней следует возносить молитвы, что она является воплощением духа зла, которому свыше предначертано уничтожить человечество, а поэтому и не имеет смысла ей сопротивляться.

Находились и такие, которые любыми правдами и неправдами умудрялись раздобыть устаревшие космические корабли и, кое-как стартовав, бросались на поиски Эйликс в расчете получить богатство и роскошь. Правда, следует отметить, что среди них едва ли можно было найти достойных представителей рода человеческого.

В Главном штабе Космической службы все трудились на грани человеческих возможностей. Ученым удалось совершить невероятное открытие. Они разработали методику обнаружения суперсверхскоростного поля. Две тысячи боевых кораблей, вооруженных детекторами суперполя, кружили по всей Галактике. Были задержаны тысячи транспортных кораблей. Но на след Эйликс напасть так и не удалось.

Хотя об этом никогда и не было заявлено официально, но в штабе господствовало убеждение, что Эйликс объявила человечеству войну. Считалось, что Эйликс рано или поздно додумается избавиться от одиночества, разделившись на две или более частей, и, уничтожив население одной из планет, на освободившемся месте разместит часть самой себя. Каждое из таких вновь образованных существ могло бы, в свою очередь, начать деление в геометрической прогрессии и колонизировать планеты до тех пор, пока в Галактике и вовсе не исчезнет все живое, за исключением бесформенных студенистых масс, покрывающих поверхности планет. Поскольку Эйликс научилась передавать мысли на расстояние, эти сверхгигантские существа могли бы общаться друг с другом через космические просторы, и странное общество чудовищ пришло бы на смену человеку.

В секретных документах Главного штаба хранится отчет, в котором безнадежность положения людей и отчаянные выводы зафиксированы самым недвусмысленным образом.

«...Следует поэтому прийти к выводу,— говорится, между прочим, в этом документе,— что Эйликс, стремясь иметь об-

щество и будучи существом разумным, осуществит изложенный выше план, что само по себе приведет к уничтожению человечества. В подобных условиях единственным спасением для человека явилась бы эмиграция в другую Галактику. Но поскольку уже двадцать пять лет нет никаких известий об экспедиции Хеслипа, приходится признать, что корабль и горючее, примененные при попытке освоения пространства в миллионы световых лет, оказались несостоятельными. Корабль, представляющий собой вершину достижений человеческой мысли, не справился с поставленной перед ним задачей, а это свидетельствует о том, что у нас не остается никакой надежды на то, что хотя бы самая удаленная человеческая колония спасется от уничтожения.

С настоящего момента человечество сможет продолжать свое существование только до тех пор, пока Эйликс не заблагорассудится завладеть последней его планетой».

Как можно понять, мнение авторов документа сводится к тому, что межгалактическая экспедиция Хеслипа только подтвердила полную безнадежность положения. Она состояла из двадцати мужчин, двадцати женщин и десяти детей, большинство которых родилось уже на корабле. Руководителем ее был Джон Хеслип, в двадцать втором поколении прямой потомок лейтенанта Хеслипа, первым выдвинувшего тезис о наличии у Эйликс сознания, и в восьмом — того Джона Хеслипа, который открыл у Эйликс способность самостоятельного мышления.

Наградой первому Джону Хеслипу явилось коротенькое примечание в давно забытой книге. Второго поспешно отозвали с Эйликс и отправили на постоянную службу в созвездие Вола, а отчет его скрыли в архивных бумагах. Джон Хеслип, о котором пойдет речь дальше, был молод. Однако к моменту отлета с Альфа-2, откуда экспедиция двинулась в путь, взяв курс в сторону Второй галактики, у него за плечами уже был большой опыт космических полетов.

Расчеты показывали, что потребуется по меньшей мере шесть лет движения в режиме суперсверхскорости для преодоления пропасти, разделяющей два архипелага Вселенной. Девять десятых массы корабля составляло горючее, которого должно было хватить на двадцать лет непрерывной работы двига-

телей, продукты питания для членов экипажа выращивались в отсеках методом гидропоники, воздух регенерировался с помощью тех же растений.

Экспедиция Хеслипа стартовала за двадцать пять лет до попытки уничтожения Эйликс космическим патрулем, и связь с ней была потеряна. Никто даже не надеялся, что именно этому кораблю предстоит войти в контакт с Эйликс.

И последнее известие об Эйликс принесла экспедиция Хеслипа. Некоторые подробности этого события еще и до сих пор остаются противоречивыми. У Эйликс не было никаких видимых поводов покидать нашу Галактику. Учитывая наличие трехсот миллионов планет, годных для поддержания органической жизни, из которых всего лишь десять тысяч были колонизированы, а под наблюдением, да и то частичным, находилось не более четверти миллиона, Эйликс при желании могла бы веками скрывать свое пребывание.

В случае же обнаружения она легко сумела бы защитить себя. Поэтому у нее не было никаких резонов пересекать межгалактическое пространство. Если же она решилась на подобное действие, то сделала это не случайно. Однако невозможно даже предположить, каким образом ей удалось засечь и обнаружить экспедицию Хеслипа в гигантской бездне, лежащей между галактиками.

И тем не менее именно так обстояло дело. Через два года после того, как корабль экспедиции покинул пределы нашей Галактики, когда младшие дети уже позабыли, как выглядит солнце, горючее корабля начало портиться.

Известно, что бесконечно сложные молекулы суперсверхскоростного горючего преобразуются при бомбардировке их нейтронами. Возможно, какая-то частица топлива была поражена космическими лучами, а затем эта «болезнь» распространилась постепенно на всю массу.

Одним словом, через два года после выхода из Галактики экспедиция обнаружила нехватку топлива. Нечеловеческими усилиями удалось избавиться от контейнеров с испорченным горючим. Однако остатков его было недостаточно как для продолжения путешествия, так и для возвращения в пределы Галактики. Теперь, двигаясь только по инерции, корабль лишь через три столетия достиг бы Второй галактики с запасом го-

рючего, достаточным для посадки и проведения исследовательских рейсов.

Ни первоначальный состав экспедиции, ни их дети или внуки не могли рассчитывать на то, что доживут до этого времени. Достичь цели могли лишь их далекие потомки. Поэтому экспедиция Хеслипа, законсервировав остатки горючего, принялась готовиться к жизни в летучей темнице, рассчитанной на многие поколения.

О питании и запасе воздуха им не приходилось беспокоиться, так как корабль был рассчитан на полное самообеспечение. У них существовала даже искусственная гравитация. Но кораблю целых триста лет предстояло лететь по инерции, прежде чем его моторы заработают вновь.

В действительности же ему пришлось двигаться в таком режиме всего двадцать три года. Некоторые, наиболее старые члены экипажа успели уже умереть. У большинства же не сохранилось каких-либо четких воспоминаний, кроме как о жизни на корабле.

И тогда появилась Эйликс. Аварийные сигналы на корабле оповестили, что она находится на расстоянии в каких-нибудь полмиллиона миль. Поверхность ее сияла ярким светом, который она создала для поддержания жизни на своей планете. Планета приближалась, а экипаж корабля с лихорадочной поспешностью пытался понять смысл такого необычайного явления.

Внезапно все почувствовали, что корабль со все возрастающей скоростью движется по направлению к Эйликс. Однако притяжение это было вызвано не гравитацией, а воздействием на корабль силой какого-то неизвестного вида.

Корабль совершил посадку. Людям казалось, что рушатся основы мироздания. Неподвижно висящие над их головами галактики пришли в движение, звезды превратились в огненных змей. И самые пожилые члены экипажа поняли, что вся планета движется теперь с суперсверхскоростью.

Выйдя из корабля, люди увидели леса, озера и дворцы столь прекрасные, что младшие члены экипажа и представить себе не могли существование чего-либо подобного. Воздух был полон музыки и благоуханий. Короче говоря, Эйликс предоставила экспедиции все то, что можно было бы назвать земным раем. И двигалась она в сторону Второй галактики.

Вместо предполагаемых трехсот лет при движении с суперсверхскоростью Эйликс достигла границ Второй галактики через три месяца. Но до этого она включила свои коммуникаторы. С присущей ей наивностью она рассказала обо всем, что произошло между ней и людьми. Она объяснила свои нужды. Объяснила также — а для этой цели ей пришлось самостоятельно изобрести новые термины — все свои открытия, описания которых требовала в свое время патрульная служба космоса.

Джон Хеслип оказался обладателем таких запасов знаний, какого люди не смогли бы накопить, пожалуй, за тысячелетие. Он знал, что Эйликс уже никогда не вернется в пределы Первой галактики, поскольку она и мудрее и сильнее людей. И он прекрасно понимал ее. Понимание Эйликс было, видимо, у него в роду.

Эйликс по-прежнему не могла жить без людей, но вместе с тем она не могла и оставаться с ними. Она доставила экспедицию Хеслипа во Вторую галактику и по собственному почину построила для нее новый корабль, похожий на тот, который она посадила на свою поверхность, но несравненно более совершенный. Она предложила его экспедиции для обследования Второй галактики, пообещав и дальнейшую поддержку. Она стремилась помогать людям.

Корабль, построенный Эйликс для экспедиции Хеслипа, вернулся на Альфу-2 через год и привез с собой отчет. На корабле, созданном Эйликс, рейс между галактиками можно было совершить за неполные пять месяцев — на первое межпланетное путешествие между Венерой и Землей ушло когда-то больше времени.

Только часть увеличившейся в количестве команды первого судна вернулась на Альфу-2. Часть экспедиции осталась во Второй галактике для ведения исследовательских работ с базы, оборудованной механизмами, подаренными Эйликс людям. А еще одна часть добровольно осталась на планете.

И Эйликс двинулась вместе с ними в бесконечные просторы Вселенной. Возможно, когда-нибудь кто-либо из их потомков пожелает расстаться с нею. Тогда они организуют чело-

веческую колонию на новом месте. А возможно, кто-то из них и вернется на родную планету, привезя с собой чудесные вещи, построенные ими самими или же все той же Эйликс, счастливой постоянным общением с людьми.

Таково было краткое изложение отчета Джона Хеслипа. В нем содержатся и сведения о новых, пригодных для поселения людей планетах, о звездных системах столь же обширных, как вся Первая галактика, о неограниченных возможностях расселения человека.

Но руководство Главного штаба Космической службы было возмущено позицией Джона Хеслипа. Он не уничтожил Эйликс. Она искренне оповестила его о том, что является опасной для людей, а он ее не уничтожил. Вместо этого он вступил с ней в соглашение.

Возмущение властей было столь велико, что в обращении ко всему человечеству, в котором сообщалось о приятной вести — Эйликс уже ничем не грозит людям,— имя Джона Хеслипа не было упомянуто, а в учебниках истории изменили даже и само название экспедиции. Теперь она именовалась Первой Межгалактической экспедицией, и нужно было копаться в приложениях к специальным работам, чтобы разыскать список состава экспедиции и имя Джона Хеслипа.

А Эйликс продолжает свое движение в беспредельном пространстве. Теперь она наконец счастлива. Она любит людей, и некоторые из них навсегда поселились на ее планете.

Официальный визит

I

Корабля, пропавшего между Холаром и Манинеей, хватились, против обыкновения, сразу. В это время на борту «Корианиса» находился Джек Беделл, но дело было, конечно же, не в нем; да и оказался он там по чистой случайности. Обычно корабль объявляют исчезнувшим не ранее, чем в порт назначения прибудет следующий и привезет бумаги с указанием, куда и когда отправился первый корабль. Сплошь и рядом это занимает немало времени.

С «Корианисом» все обстояло иначе. Холар с официальным визитом посетил планетарный президент Манинеи, чтобы устроить предварительные переговоры о заключении торгового соглашения. Для возвращения домой был зафрахтован «Корианис». Президента Манинеи сопровождали важные сановники Холара с намерением довести переговоры до успешного конца уже на родине гостя. Словом, пассажиры корабля олицетворяли собой гармоничную картину добрососедских межпланетных отношений, а Джек Беделл не имел к ним никакого отношения. Перелет, впрочем, предполагался короткий: всего-то шесть световых лет, или два дня в овердрайве. Начало же неожиданностям положила случившаяся на следующий день после отправления «Корианиса» политическая буря в Планетарном конгрессе Холара, в результате чего следом был отправлен второй корабль. Он достиг Манинеи спустя два дня после расчетного прибытия «Корианиса». Вот только «Корианиса» нигде не было: он затерялся в пространстве.

© Перевод А. Орлова.

Скверная история, как ни посмотри. Связь между космическими кораблями возможна лишь на ограниченном расстоянии, к тому же скорость света, с которой распространяется сигнал бедствия, весьма невелика, что делает ситуацию почти безнадежной. Представим световую секунду как дюйм: тогда шесть световых лет составят тридцать шесть миль. В таком масштабе даже огромный «Корианис» покажется мельче любого вируса; соответственно, поиск корабля можно смело уподобить поиску одиночного вируса на протяжении нескольких десятков миль большой дороги — при помощи нескольких других вирусов.

Стоит ли говорить, что пропал не просто корабль: пропал планетарный президент Манинеи, пропал премьер-министр Холара, пропали министр торговли Холара, спикер Планетарного сената Манинеи, председатель комитета нижней палаты парламента Холара по межпланетным отношениям, пропала целая армия помощников, адъютантов, секретарей, жен, детей и слуг. Все это созвездие было уже на борту «Корианиса», когда Джек Беделл робко попытался приобрести билет. Кто-то по ошибке счел его членом официальной делегации, и мистер Беделл взошел на борт менее чем за двадцать минут до отлета.

Джек Беделл не был важной персоной: он занимался математической физикой. Когда выяснилось, что «Корианис» исчез, о нем никто не вспомнил. Все скорбели о женщинах и детях, беспокоились о политических последствиях одновременного исчезновения первых лиц обеих планет. Необходимо было во что бы то ни стало выручить из беды «Корианис». Вот только никому еще не удавалось найти в космосе пропавший корабль. Оставалось надеяться на первоклассное оборудование «Корианиса», в том числе на специальное устройство для подачи сигнала бедствия. Обнаружить «Корианис» считалось возможным.

II

Естественно, при старте ничто не предвещало катастрофы. «Корианис» был большим современным кораблем с неограниченной дальностью полетов в пределах Галактики. На бетонном поле космопорта Холар-сити он походил на двадцатипятиэтажный дом и диаметр имел соответствующий. В ожидании разрешения на старт «Корианис» представлял собой величественное зрелище, а в момент взлета просто поражал воображение.

Он стартовал в 04.11 по местному времени. Через две минуты небо потемнело, через четыре зажглись звезды и автоматически закрылись створки иллюминаторов, спасавшие от палящих лучей здешнего солнца. Через двенадцать минут атмосфера осталась далеко позади, а для провожавших корабль сделался искоркой, сиявшей отраженным светом,— одной из множества звезд. «Корианис» отошел от Холара на несколько десятков тысяч миль, развернулся в сторону какой-то точки на бесконечной россыпи звезд и, казалось, завис в неподвижности.

Заработал генератор поля овердрайва, и для стороннего наблюдателя корабль исчез. На самом деле он устремился к системе Манинеи со скоростью, в несколько сотен раз превышающей скорость света. Природа поля овердрайва такова, что окруженный им корабль не может оставаться неподвижным. Сам факт присутствия в нем физического тела является, в известном смысле, парадоксом. Можно сказать, что корабль приобретает отрицательную инерцию. Потребовалась бы огромная энергия, чтобы удержать его в неподвижности. Теория овердрайва содержит множество пробелов. Считается, что поле отчасти нейтрализует космические силы, которые делают вещи тем, чем они представляются нашему взгляду. В деликатном балансе этих сил толком никто еще не разобрался, но овердрайв до сих пор служил надежно.

«Корианис» немыслимо быстро мчался сквозь космос. Он не столько летел, сколько размазывал себя в пространстве вдоль линии, в любой из точек которой его существование было невозможным. Примечательно, что такой странный способ перемещения оказался вполне безопасным: поскольку два тела не способны находиться одновременно в одной точке, «Корианис» не мог занять место, где уже было что-то еще — например, метеорит. Если что-то уже располагается в точке, куда корабль переместится через миллионную долю секунды,— что ж, он просто перепрыгнет туда, где он появился бы

через две миллионные. Конечно, это работает только в известных пределах: никто не может сказать определенно, на какое расстояние возможны прыжки в овердрайве. Совершенно точно, не стоит пытаться проскочить сквозь звезду или даже небольшую планету. Но такие столкновения весьма маловероятны и до сих пор ни разу не случались.

Огромный корабль, казалось, неподвижно висел в коконе модифицированного пространства, и в то же время удалялся от точки старта со скоростью семьсот пятьдесят миллиардов миль в час. «Корианис» состоял из десятков изолированных отсеков. Каждый имел свою систему жизнеобеспечения, запас продовольствия, два генератора поля овердрайва, основной и резервный, и к тому же был оборудован самыми разнообразными средствами безопасности. Для такого корабля переход от Холара до Манинеи — легкая прогулка. Создать неприятности могло бы только персональное вмешательство космической злой воли — не меньше.

Причиной бедствия, однако, оказался слепой случай, такой же, как и присутствие на борту «Корианиса» Джека Беделла. Невысокий, застенчивый, с задумчивым выражением лица, он внушал уважение лишь тем немногим, кто мог причислить себя к математическим физикам; на младших помощников министров он впечатления не производил. В список пассажиров «Корианиса» он попал только потому, что его пребывание на Холаре внезапно потеряло смысл: коллега, с которым ему надо было встретиться, попал под автомобиль за день до прибытия Джека Беделла в Холар-сити. Случайность, помноженная на случайность.

Происшествие с кораблем было не менее нелепым, но такие вещи все же происходят, рано или поздно. Конечно, корабль мог быть и не «Корианисом», да и планетарные обломки имели шанс оказаться ни при чем.

В течение первых двадцати семи часов на борту не творилось ничего примечательного. Планетарный президент Манинеи не выходил из роскошной каюты, появляясь только к обеду. Премьер-министр Холара вел себя столь же отстраненно, а вот министр торговли Холара держался свободно: расхаживал по салонам и с аппетитом разглядывал юных секретарш. Остальные политические деятели занимались кто чем, но особо не выделялись из общей массы. Гувернантки водили детей в игровые комнаты, где одни послушно играли, другие же немедленно начинали реветь и продолжали до тех пор, пока их не забирали обратно к матерям. Джек Беделл появлялся повсюду, с интересом посматривая на попутчиков, но завязывать знакомства стеснялся.

По времени Холар-сити наступил вечер, потом пришло утро; начался и закончился завтрак. Никаких неожиданностей.

Катастрофа произошла, когда мистер Беделл сидел в комнате отдыха, неназойливо разглядывая других пассажиров. Похоже, он оказался единственным, кто вообще что-то заметил. Исчезновение «Корианиса» было лишено всякого драматизма — для тех, кто исчез вместе с ним.

Свет на мгновение потускнел; корабль едва заметно вздрогнул. И все.

III

Внешний наблюдатель увидел бы гораздо больше. Невооруженным глазом засечь корабль в овердрайве невозможно: он находится в одной точке пространства так недолго, что его не успеет осветить даже близлежащее солнце. К тому же ни одной яркой звезды рядом не было. Солнце Холара позади представляло собой звезду четвертой величины, а солнце Манинеи прямо по курсу — звезду третьей. Мрак смягчался только тусклым сиянием далеких звезд.

Если что-то и могло блеснуть в этой тьме, то никак не ярче далекой пылинки Млечного Пути. Вряд ли кто рассмотрел бы даже корабль, вышедший из овердрайва. Воображаемый идеальный наблюдатель мог бы заметить, что иногда отдельные крохотные звездочки на мгновение гасли и загорались опять; но звезд было слишком много, а гасли слишком немногие и слишком ненадолго. Пространство все же не было пустым.

Космический мусор — это неправильной формы куски камня и металла, стремительно несущиеся через бесконечность. Частички планеты, разрушенной чудовищным взрывом сверхновой, наподобие того, что породил Крабовидную туманность. Он произошел давно, когда люди на Земле еще не на-

учились греться у костра. Образовавшаяся в результате туманность давно рассеялась, но обломки покрупнее остались. Обломки разные: от камней величиной с кулак до металлических гор. Некоторые летели по отдельности, в нескольких сотнях миль друг от друга, некоторые стягивались в скопления слабыми гравитационными полями. Те достигали размеров небольшой луны, хоть и оставались сравнительно разреженными.

Весь этот мусор дрейфовал в никуда с тех пор, когда молодые галактики еще находились гораздо ближе друг к другу, чем сейчас. Случилось так, что одно из скоплений обломков пересекло курс «Корианиса». Корабль был невидимым, а обломки — не поддающимися обнаружению.

В самом сердце скопления возникла чудовищная вспышка, страшнее любого ядерного взрыва. В результате испарилась масса металла, равная примерно половине «Корианиса». Несколько сотен кубических миль звездного мусора пришли в движение. Огненный шар достиг десяти миль в диаметре, в течение миллисекунд побледнел, а потом расширился так, что даже перестал светиться.

Если находиться за несколько тысяч миль от эпицентра, такая вспышка выглядит яркой искрой, если за несколько миллионов — тусклой, едва видимой звездочкой. С расстояния же, которое «Корианис» покрывает за три удара сердца, невооруженным глазом нельзя было бы разглядеть ничего. Подумаешь, тысячи тонн металла, обратившегося в стремительно расширяющийся клуб пара. Достаточно скоро в пространстве образуется гигантское облако из атомов железа и никеля, что весьма необычно: облака межзвездного газа могут состоять из кальция или водорода, но железо-никелевых не бывает.

«Корианис» же просто исчез.

IV

На борту «Корианиса», сидя в удобном кресле, Джек Беделл напрягся: свет мигнул и корабль едва заметно тряхнуло. В полупустом обеденном зале все спокойно продолжали обедать или завтракать — смотря по тому, кто когда встал. Не

пролилось ни капли, хотя большинство людей что-то пили. Джек Беделл непроизвольно глянул в сторону громкоговорителей системы оповещения, но те молчали. Странно. Это в городе можно не обратить внимания на мигнувший свет или слабый толчок под ногами; на корабле, зависшем между звезд, это серьезно.

Посидев немного, Джек Беделл встал и выглянул в коридор. Так и есть: вон там, в конце, иллюминатор. С закрытыми створками диафрагмы, разумеется, поскольку в овердрайве смотреть не на что. Зато иллюминаторы пользуются огромной популярностью при посадке: ведь это такое увлекательное зрелище — пока корабль снижается, смотреть на целый мир, сначала с расстояния в тысячи, потом в сотни, а потом в десятки миль...

Джек Беделл скромно пропустил в зал дородную матрону, затем отправился в конец коридора. Створки в любой момент можно отодвинуть вручную; мистер Беделл взялся за рукоятку.

— А это — это можно? — спросил кто-то с запинкой.

Джек Беделл обернулся. Молоденькая девушка, такая же пассажирка, как и он. Мистер Беделл видел ее не впервые. Обостренным чутьем того, кто сам вечно страдает от застенчивости, он сразу угадал родственную душу. Под взглядом мистера Беделла девушка немедленно покраснела.

— Я — я просто подумала, а вдруг это запрещено?

— Нет, отчего же,— улыбнулся он.— Я и раньше открывал иллюминаторы, на других кораблях.

Девушка замерла. Мистер Беделл чувствовал, что ей хочется оказаться где-нибудь подальше. Он и сам ощущал мучительную неловкость, но почему? Делать, однако, было нечего, и Джек Беделл повернул рукоятку. Створки раздвинулись, и он забыл про неловкость и про девушку. На голове у мистера Беделла зашевелились волосы.

Снаружи сияли звезды. В овердрайве их не видно, а корабли никогда не выходят из овердрайва в середине рейса. Но сейчас «Корианис» висел среди звезд, и хуже того: часть их заслоняло какое-то чернильное пятно, и это пятно медленно двигалось относительно корабля, затмевая одни звезды и приоткрывая другие. Какое-то тело, плывущее в пустоте. Мо-

жет быть, совсем маленькое, у самого иллюминатора, а может, целая гора, во много раз больше «Корианиса».

Тело оказалось не единственным: вокруг плавали и другие черные облака неправильной формы. Так что «Корианис» выпал из овердрайва и оказался в очень дурной компании, в трех световых годах от ближайшего порта.

Джек Беделл сглотнул и подвинулся.

— Звезды,— сказал он ровным голосом.— Видите, какие красивые? Всех мыслимых цветов...

Девушка глядела как зачарованная. Небесная твердь, видимая из космоса, того стоит. Она забыла про свою робость:

— О-о-о!.. А эта чернота? Пятна?..

— Эффект, создаваемый полем овердрайва,— бодро соврал мистер Беделл.

Девушка все смотрела и смотрела, не в силах оторваться. «Она ведь кому-нибудь да расскажет,— подумал Джек Беделл.— И если на борту неприятности — а это факт,— чем меньше пассажиров в курсе дела, тем лучше... Может, объяснить?»

Она все сыпала и сыпала вопросами, потом внезапно сообразила, что болтает, и опять залилась краской.

— Я вот тоже побаиваюсь беседовать в полете,— объяснил Беделл, запинаясь,— хотя это совершенно нормально — общаться с другими пассажирами, а я летаю давно... Я был бы благодарен...

Ей было страшно неудобно, но ведь и он так мучительно стеснялся! И он заговорил, потому что она никому не расскажет, что корабль вышел из овердрайва. Может быть — может быть, все-таки можно что-нибудь сделать?.. Застенчивые люди нередко находят общий язык, потому что понимают...

— Пойдемте, присядем где-нибудь,— предложил он.

Стараясь не привлекать внимания, Джек Беделл отер пот со лба. Корабль застрял примерно на середине пути, значит, сигнал достигнет любой из планет года через три — если вообще достигнет. К тому времени про «Корианис» уже забудут. Существуют и другие средства, но все они хороши, только если корабля хватились сразу. А с чего бы о нас беспокоиться?

Оказалось, что девушку зовут Кэти Сандерс и что она работает секретарем помощника министра торговли.

Лишь когда они расстались, Джек Беделл вспомнил об очевидном. Любой пассажирский корабль обязательно имеет резервный генератор поля овердрайва! Как я мог об этом не вспомнить? А я-то испугался...

Джек Беделл поспешил с выводами.

V

«Корианис» дрейфовал в пространстве, окруженный большими и малыми обломками планеты, погибшей миллиарды лет назад.

Когда случилась беда, в рубке были только капитан, первый помощник и вахтенный пилот. Без всякого предупреждения с треском вспыхнули ослепительные электрические дуги, и в одно мгновение генератор поля овердрайва превратился в груду металлолома. Тускло-коричневая дымка за иллюминаторами исчезла, и появились мириады звезд — и камни. Вдоль борта проплыл, медленно переворачиваясь, валун величиной с гору. Куда ни посмотри, повсюду были обломки помельче.

Если не считать разрядов на дуге, погасших очень быстро, все произошло совершенно бесшумно. В момент разрушения генератора корабль слегка тряхнуло, но ни взрыва, ни вспышки не последовало. «Корианис», за секунду до этого летевший со скоростью три четверти триллиона миль в час, вдруг застыл в пространстве. Первый помощник тупо смотрел в иллюминаторы, а вахтенного пилота начало трясти.

Первым пришел в себя капитан. Он включил радары и стал прогревать планетарные двигатели, которые обычно используют только для взлета и посадки. На экранах радаров немедленно возникла картинка. На расстоянии нескольких миль в пустоте висел континент из металла и камня и вокруг простиралось облако космического мусора помельче, от песчинок до обломков размером с дом.

Загорелся зеленый огонек: активировались планетарные двигатели. Капитан тронул сектор газа, и корабль двинулся вперед на минимальной мощности, аккуратно обходя круп-

ные камни. Вахтенные механики спокойно занялись демонтажем разрушенного генератора и приведением в рабочее состояние резервного.

Лишь после нескольких часов утомительного маневрирования среди лениво вращающихся глыб, способных раздавить корпус корабля как яичную скорлупу, капитан решился превысить ускорение в четверть g. Прошло еще немало времени, прежде чем он рискнул довести его до половины g, и лишь спустя много часов угроза на экранах радаров исчезла окончательно, и капитан решил, что можно уходить в овердрайв.

Иллюминаторы вновь залила коричневая муть, но капитан остался недоволен: опоздание составит не менее десяти часов. Третьему помощнику было приказано известить пассажиров. Сам капитан сделать этого не мог: при любой попытке заговорить перехватывало горло.

«Корианис» ведь должен был погибнуть — исчезнуть в чудовищном сгустке пламени! От него осталось бы лишь разреженное облако пара, плывущее в пустоте. Летя быстрее света, корабль столкнулся с массой, сквозь которую невозможно проскочить,— и отделался разбитым генератором овердрайва! Быть такого не может. После столкновения с висящим в вакууме металлическим континентом корабль никак не остался бы в целости и сохранности...

Капитан не верил, что по-прежнему жив. Стряхнуть ощущение, что он теперь призрак на борту призрачного корабля, пока не удавалось. Это не помешало ему повести «Корианис» на сближение с Манинеей осторожнее, чем обычно. В другое время он вывел бы корабль из овердрайва примерно за минуту до расчетного времени прибытия: триллион миль — вполне достаточное расстояние, чтобы откорректировать любую ошибку в пределах разумного. На этот раз капитан впервые вынырнул из овердрайва за три часа до конца полета, затем за час, а потом еще дважды, прежде чем перешел на планетарные двигатели, и все еще непослушным голосом запросил разрешение на посадку — с опозданием на тринадцать часов.

Сесть немедленно, однако, не удалось. Как правило, разрешение приходит через сорок пять секунд, но сегодня пришлось ждать больше часа. Там, внизу, царило смятение: бушевали ожесточенные споры, сгущалась атмосфера недоверия. К тому моменту, как посадочные опоры «Корианиса» коснулись бетонных плит космопорта, общее настроение накалилось до истерики.

Проблема заключалась в том, что «Корианис» уже приземлился на Манинее — сел спустя сорок семь часов тринадцать минут после старта. Как положено, на борту находился планетарный президент Манинеи, спикер сената Манинеи и весь остальной персонал делегации. Разумеется, не обошлось и без премьер-министра Холара, министра торговли, председателя комитета нижней палаты парламента Холара по межпланетным отношениям и целой армии помощников, адъютантов, секретарей, жен, детей и слуг. Корабль спокойно стоял в космопорте, доступный взгляду любого желающего.

Второй «Корианис» — со сгоревшим генератором — опустился неподалеку от первого. Неумолимая реальность: налицо два «Корианиса», два планетарных президента Манинеи, два спикера сената, два премьер-министра Холара, два министра торговли, два председателя комитета нижней палаты — иными словами, по два экземпляра почти каждого человека, поднявшегося на борт корабля. Ошибкой было бы сказать, что все близнецы походили друга на друга, как две горошины. Скорее как горошина — на саму себя.

Что делать с немыслимой до смехотворности ситуацией, если она предстает в облике осязаемого факта?

VI

Спустя какие-то сутки после отлета «Корианиса» с Холара, вслед ему отправился спешно зафрахтованный почтовый корабль. На борту находились новые инструкции по ведению заключительной стадии переговоров о торговом соглашении с Манинеей. Корабль удалился от планеты на двадцать тысяч миль, вошел в овердрайв, мгновенно разогнался до скорости в семьсот пятьдесят миллиардов миль в час и без происшествий, строго по расписанию, прибыл в систему Манинеи. «Корианиса» там не оказалось. Опоздание при полетах в овердрайве означает катастрофу: «Корианис» пропал без вести!

В отчаянии департамент навигации Манинеи обратился к капитану корабля, отправлявшегося на Голт. Он увез с собой официальную просьбу о помощи в поисках пропавшего «Корианиса». Почтовый корабль спешно вылетел обратно с аналогичным запросом. Излишне говорить, что Манинея и Холар прикладывали все возможные усилия, чтобы отыскать «Корианис».

Основная надежда была на новую систему подачи сигнала бедствия, которую имели корабли класса «Корианиса». Такие суда несут на борту специальную ракету, снабженную ядерным зарядом в массивной железной оболочке. После запуска она, удалившись от корабля на расстояние в несколько тысяч миль, взрывается, образуя облако атомов железа. Через неделю оно расширяется до миллиона миль в диаметре, но даже через месяц его еще очень легко обнаружить. Его можно отследить даже через шесть месяцев, тем более что при таких размерах оно легко может попасть в поле зрения спектротелескопа, находящегося на Холаре или на Манинее.

Принцип действия в том, что железных облаков природного происхождения не существует. Любое железное облако может быть только искусственным. Курс «Корианиса» известен. Где искать сигнал бедствия, тоже понятно.

Корабль в овердрайве летит по прямой, поэтому департамент навигации Манинеи немедленно выслал спасательный корабль со спектротелескопом на борту, велев отыскать линии поглощения железа в спектре солнца Холара или соседних звезд.

Если сигнальная ракета взорвалась на расстоянии не более ста шестидесяти триллионов миль от Манинеи, сигнал можно будет принять в течение недели. Если дальше, задержка может оказаться катастрофической. Но помощь уже в пути: каждые несколько световых дней спасательные суда, идущие обратно на Холар, будут выныривать из овердрайва, разыскивая облако атомов железа. Они успеют раньше, чем свет долетит до любой из планет.

Департаменту навигации оставалось ждать и надеяться. Найти корабль на линии протяженностью в шесть световых лет, с учетом возможных погрешностей во всех трех измерениях — серьезный вызов. Если затея удастся, департамент получит повод для законной гордости.

Но отыскать пропавший корабль не получилось. Обнаружить сумели лишь место, где «Корианис» исчез.

VII

Громкоговорители «Корианиса» ожили. Плохо поставленный голос попытался объяснить пассажирам, почему им до поры до времени нельзя покидать корабль. В порту — на соседней стоянке — стоит другой корабль такой же конструкции, с тем же названием и с таким же внутренним и внешним оборудованием. Он доставил на Манинею тех же самых пассажиров, то есть людей, утверждавших, что они пассажиры «Корианиса». На борту, в частности, был человек, называющий себя планетарным президентом Манинеи. Следует понять, что появление второго претендента на личность и пост президента не может не вызвать глубокой озабоченности. На первом корабле прибыли также премьер-министр Холара, спикер Сената, председатель комитета нижней палаты и многие другие. Короче говоря, практически все те, кто сейчас находится на борту второго «Корианиса».

Возмущению не было предела. Кому, как не мне, известно, кто я такой! Почему я должен сидеть внутри этой консервной банки, пока устанавливают личность самозванца? Посадите его в тюрьму для начала, а потом будете...

Возможно, Джек Беделл был единственным человеком на борту, всерьез пытавшимся понять, о чем толкует голос из репродукторов. Остальные кипятились и негодовали. Он слушал.

Выражение изумления и недоверия на его лице постепенно сменилось глубокой задумчивостью. Кэти не сводила с него глаз, не находя себе места от беспокойства.

— Официальное сообщение! — произнес наконец Джек Беделл едва ли не благоговейно.— Это до чего надо довести политика, чтобы он рискнул сказать правду, которую любой назовет ложью! Надо же, перепугались до полной потери изобретательности...

Кэти сглотнула:

— Ну... один человек всегда может выдать себя за другого, могу это представить. Но целый корабль? А президент? Кто в состоянии притвориться президентом? Его же знает каждый! Они что, с ума сошли — подозревать, что мы здесь, все до единого, самозванцы?

Джек Беделл покачал головой:

— Выдумка, даже самая причудливая, как правило, не лишена внутренней логики, пусть извращенной. А вот факты могут быть чистым сумасшествием. Реальность всегда даст фору воображению.

Кэти только молчала и смотрела на Джека.

— Не помню точных цифр,— добавил он,— но считается, что у двух разных людей отпечатки пальцев не совпали ни разу с тех пор, как существует род человеческий. Шанс обратного один на миллиард. Понятно, что в пределах одного поколения такой случай немыслим. А у наших двойников пальчики одинаковые, у каждой парочки... Можно ли в это поверить?

— Но ведь так не бывает, правда?

Разговаривать с ним оказалось легко и приятно — легче, чем с кем бы то ни было другим. Кэти надеялась, что это взаимно.

— Разумеется. Абсолютно нереально. Такие вещи трудно принять...— Джек Беделл помолчал.— А не пойти ли нам пообедать? Заодно и поразмыслим...

Идти пришлось по коридорам, где еще толпились униженные и разъяренные пассажиры, которым в последнюю минуту запретили покидать корабль.

Джек и Кэти устроились в одном из обеденных залов.

— Забудем на некоторое время о безумии происходящего,— сказал Джек.— Посмотрим вот на что. У нас есть два планетарных президента. Кто из них кто? Есть два премьер-министра Холара и так далее. Всех по два экземпляра. Интересно, а есть ли на первом корабле другой я? Начинаю догадываться, что это не слишком вероятно. А есть ли другая Кэти Сандерс?

Кэти вздрогнула и побледнела:

— Кому может понадобиться изображать меня? Да это невозможно!

Джек Беделл пожал плечами и улыбнулся. Эта улыбка согревала. В отдалении маячил официант, но подходить не спешил. Зал постепенно заполнялся пассажирами, возмущавшимися, что кто-то мог принять их за самозванцев.

В дверях обеденного зала появились люди в незнакомой форме. Дорогу им заступила важная фигура премьер-министра. Он заговорил раскатистым и звучным голосом, каким обычно вещал перед избирателями. Он возмущался, что кто-то мог усомниться в его личности — личности премьер-министра Холара. Он грозился, что так этого не оставит. Он требовал извинений и желал немедленно покинуть корабль. Незнакомцы обошли его и отправились дальше. Смущенный член экипажа показывал им дорогу.

— В каюту казначея идут,— удовлетворенно кивнул Джек Беделл.— Возьмут список пассажиров и сравнят со списком первого «Корианиса». Что они будут делать с двумя президентами? Планетарное правительство, должно быть, парализовано...

— Вы будто знаете, что происходит,— заметила Кэти неловко.

— Вовсе нет,— ответил Джек.— Но в логике есть понятие «вселенная высказываний». Такую вселенную можно наполнить откровенно бессмысленными утверждениями, а затем, если повезет, извлечь из них крупицу логики. В нашем случае истинно, что почти у каждого пассажира есть полный двойник, вплоть до отпечатков пальцев. Истиной могут быть и другие вещи, почему нет? Но даже в нашей вселенной высказываний двойник не обязан быть абсолютно подобным оригиналу! Должны быть исключения... Кэти, как долго вы работали секретарем человека, для которого визит на Манинею был запланирован и который, естественно, при любом раскладе взял бы вас с собой?

Девушка облизнула губы. Другая Кэти, отдельная, независимая, знающая и могущая все, что знает и может она, но совершенно ей неподконтрольная... Идея пугала.

— Три месяца,— сказала она.— А до того...

— Вполне возможно, что у вас двойника нет... Если вселенная высказываний, в рамках которой я пытаюсь рассуждать, непротиворечива.

Чужаки в незнакомой форме вернулись тем же путем, что и пришли. Вслед за ними на этот раз устремился, шумно настаивая на своих правах, спикер Сената Манинеи. В глазах чужаков, которых сопровождал корабельный казначей, уже появился затравленный блеск.

— Как бы это дело не зашло слишком далеко,— пробормотал Джек Беделл.— А не посмотреть ли, хотя бы в иллюминатор, на этот безумный мир, который отказывает нам в праве быть *самими собой, поскольку нами является кто-то еще*?

Джек и Кэти спустились двумя палубами ниже, где никто не толпился. Здесь царила глубокая тишина. Кто-то выключил даже едва слышавшуюся в полете музыку. Они прошли в конец коридора, и Джек Беделл открыл створки иллюминатора.

Другой «Корианис» стоял в двух сотнях ярдов, гигантский и совершенно материальный. Безупречная копия корабля, в иллюминатор которого смотрели Джек и Кэти. Он явно не имел никакого отношения к миру призраков.

Джек Беделл прищурил глаза:

— Ага, вот — наш казначей. А вон там — их. Два экземпляра, как нам и объявили.

Обоих казначеев окружали люди в незнакомой форме. Через пару минут они сошлись лицом к лицу. Иллюминатор находился на высоте не меньше пятидесяти футов, но видно было достаточно хорошо. Одинакового роста, одинакового веса, одинаково сидит форма — такое можно представить. Но оба казначея вдобавок одинаково двигались и делали одинаковые жесты. Ощущение было неестественное, как если бы отражение в зеркале начало жить независимо от оригинала.

— Вон там! Мистер Бранн! Мой босс! — указала Кэти трясущимся пальцем.— Я его только что здесь видела! А вдруг... вдруг... там внизу, с ним — тоже я?..

Она искала себя среди фигурок внизу, содрогаясь при мысли о возможности найти.

Ко второму «Корианису» подъехал автомобиль. Джек Беделл узнал вышедших из него людей: ими были планетарный президент и премьер-министр Холара. В гости к двойникам?

— Интересно,— произнес Джек Беделл задумчиво,— не собирается ли президент номер один разоблачить президента номер два? А что сделает премьер-министр, прибывший первым, с тем, который опоздал? Наш-то, вон, прямо сейчас что-то доказывает с пеной у рта...

Прибыл еще один автомобиль с сановниками. Все понятно: глава Планетарного правительства Манинеи не пожелал мириться с обвинением в самозванстве.

А вот чиновники помельче, видевшие президента номер два своими глазами, чувствовали себя не так уверенно. Но президенту ли не знать, кто есть кто? Он не сомневался, что без труда раскроет самозванца, сумевшего обмануть его подчиненных.

Джеку Беделлу было очень удобно наблюдать сверху за безобразной сценой, разыгравшейся, когда обнаружилось, что ничего поделать нельзя. Достаточно на секунду отвести глаза, и уже нельзя сказать не только кто из них самозванец, но и который из них с какого корабля...

Плечом к плечу с президентами, друг напротив друга стояли одинаковые премьер-министры, спикеры Манинейского Сената, председатели комитета нижней палаты и так вплоть до последней гувернантки — все с одинаковыми отпечатками пальцев, одинаковым рисунком глазного дна, каждая гувернантка — при одинаковых детях одинаковых помощников министров... не говоря уже об одинаковых женах этих помощников. У жен даже седые волоски, связанные с одинаковыми прегрешениями одинаковых мужей, были в том же количестве и на тех же самых местах. Трудно в такой ситуации рассчитывать на спокойствие и благоразумие, не правда ли?

Глобальная, эпическая склока, как и следовало ожидать, ничего не решила. Деятельность Планетарного правительства прекратилась вплоть до разрешения проблемы. С правительством другой стороны случится то же самое, как только известие достигнет Холара.

— Думаю, им придется изменить подход,— сказал Джек Беделл, поглядывая вниз.— Объективных доказательств им не найти. Они пытались действовать с установкой, что два человека не могут быть совершенно одинаковыми — но, оказывается, могут... Думаю, они будут искать пару близнецов,

которые хоть чем-то друг от друга отличаются. Тут-то, Кэти, дело и дойдет до нас, как мне кажется.

У Кэти от страха застучали зубы.

— Я — я там себя не видела. И — и слава богу! Она мне не нужна!

Джек Беделл будто бы удивился, но его лицу быстро вернулось выражение полного спокойствия.

— Естественная реакция — а как же иначе, если вдуматься... Похоже, простые инстинкты как раз и сыграют основную роль в решении этой проблемы.

Громкоговорители вновь ожили, не успели Джек и Кэти отвернуться от иллюминатора. По всем закоулкам корабля разнеслись слова:

— Пассажиры... Пожалуйста, подойдите к входному люку.

В списке названных прозвучали имена Джека Беделла и Кэти Сандерс. Всего имен было четыре. Остальные два они слышали первый раз.

— Это правильно,— сказал Джек.— Они рассчитывают что-то узнать, ведь мы летели на «Корианисе», но с нами ничего не случилось. Мы такие же, как любой другой обитатель Галактики — существуем в единственном числе. А здесь мы особенные. Вот тебе повод для гордости.

Вскоре Джек и Кэти предстали перед усталым и издерганным манинейским чиновником в одном из офисов космопорта. Видно было, что спокойствие дается ему нелегко.

— На двух кораблях мы нашли в общей сложности семь человек, которые не совпадают до последнего прыщика с кем-нибудь еще. Вы двое — из их числа. Можете сказать, что в вас такого необычного?

Джек Беделл застеснялся было по привычке, но тут же спохватился: «В самом деле, какого черта?»

— Я попал на «Корианис» случайно, в последнюю минуту перед стартом. Я вообще не должен был на нем лететь. Вероятно, в этом все и дело.

Чиновник вздохнул:

— В списке пассажиров сказано, что вы занимаетесь математической физикой. Вас кто-нибудь знает здесь, на Манинее? Коллеги, может быть?

— Думаю, да. Несколько лет назад на Хьюме состоялся конгресс астрофизиков. Я выступал там с докладом. Сотрудники вашего Астрофизического института вполне могли меня запомнить.

— Попробуем найти кого-нибудь,— сказал чиновник устало.— Это кошмар какой-то! Планетарный вице-президент принял на себя все полномочия до тех пор, пока не определят, кто из президентов настоящий. Президенты согласились, хотя оба разъярены до крайности. Премьер-министры Холара договорились приостановить переговоры, а мы отправляем на Холар корабль с официальным сообщением и всеми документами, касающимися пассажиров. Может, они там смогут что-нибудь понять. У вас двойников нет... Не хотите ли послать кому-нибудь весточку? По крайней мере, не будет сомнений, от кого она.

Джек Беделл нахмурился:

— Знаете, мне кажется, что как раз на Холаре двойник у меня найдется. В отеле «Грампион», в Холар-сити. Он там остановился в ожидании корабля на Манинею, потому что опоздал на «Корианис». Я бы написал ему записку.

— А я... я бы не стал мешать своему двойнику спать спокойно,— безрадостно улыбнулся чиновник.

— Ничего страшного,— отозвался Джек Беделл.— Я знаю его довольно хорошо. Если его нет в отеле, это все равно информация. Если он там — ну, уже кое-что. И я берусь заранее обещать, что он так и останется на Холаре. Он сюда не полетит. Я бы не полетел.

— Приятно встретить человека, который собирается сделать что-то полезное! — не скрывая горечи, заметил чиновник.— А я вот не вижу никакого выхода. Вы знаете, до какой степени все они одинаковые? Та же группа крови, тот же резус-фактор, тот же уровень антител в крови, те же отпечатки пальцев, те же зубы, рост, вес и показатели обмена веществ. Я начинаю сам с собой разговаривать! Еще немного, и я покрикивать на себя начну!

— Могло быть хуже,— заметил Джек Беделл, помолчав.— Не думаю, что это непосредственная угроза, но... вероятно появление и третьего «Кориниса».

— Замолчите, ради бога! Даже не думайте! Не желаю ничего слышать о таких вещах! Я только начал расслабляться, разговаривая с человеком, который не является ничьим двойником... Знаете, как это здорово?

Он повернулся к Кэти:

— А вас, юная леди, я хотел бы попросить встретиться с одной девушкой с первого «Корианиса». Мисс не утверждает, что она — это вы. Она лишь говорит, что работает секретаршей у вашего босса. Не откажетесь поговорить друг с другом? Вдруг выяснится что-нибудь важное...

— Да... конечно!

Чиновник нажал на кнопку интеркома:

— Пригласите ее, пожалуйста.

Вошедшая девушка явно нервничала, но, увидев Кэти, немного успокоилась. Между секретаршами одного босса не было никакого внешнего сходства.

— Мисс Коссет, знакомьтесь,— сказал чиновник,— это мисс Сандерс. Похоже, между вами не так много общего, хотя...

— Д-да,— согласилась девушка с первого «Корианиса».— Я — секретарша мистера Бранна, помощника министра торговли.

— Я тоже секретарша мистера Бранна.— Кэти облизнула губы.— Его жену зовут Амелия, и у него трое детей: два мальчика и девочка.

— Да,— смущенно ответила мисс Коссет.— Это сумасшествие какое-то... Ваш мистер Бранн склонен к полноте, а когда диктует, теребит ухо?

— Да! — У Кэти задрожал голос.— А на столе у... вашего мистера Бранна стоит фотография бейсбольной команды?

— Стоит,— кивнула мисс Коссет.— Альтонская средняя школа.

— Все верно. Кстати, я вас откуда-то помню. Я — я в этом уверена!

Мисс Коссет покачала головой:

— Нет, вряд ли... но по крайней мере, мы не двойники, и это уже хорошо.

Кэти сглотнула:

— Я вспомнила. Вы работали секретарем у мистера Бранна, а три месяца назад вышли замуж и уволились. Я вас встречала пару раз. Вы вышли замуж за... за Эла Лумиса, точно! Он вроде бы чертежник...

Мисс Коссет смертельно побледнела:

— Я — я вышла за него?! Я... не было этого! Мы разругались! Но откуда вы знаете? Я вас первый раз в жизни вижу! Откуда вам известно о моих личных делах? Как...

Мисс Коссет расплакалась и выбежала из комнаты.

В наступившей тишине Кэти с робкой надеждой повернулась к Джеку Беделлу.

Тот с готовностью утешил ее:

— Отлично, Кэти! Ты все сделала как надо: несколько вопросов уже отпали.

Чиновник, похоже, его радужных надежд не разделял.

— Хорошо, что кто-то остался доволен... Пожалуйста, не говорите мне о ваших выводах. Оформите их как следует и передайте в Астрофизический институт. Там посмотрим. А сейчас я не желаю ничего знать и, в особенности, не желаю ничего понимать! Мне так легче: могу надеяться, что это дурной сон... Для вас же, мистер Беделл, во всем этом есть светлая сторона: двойника у вас нет, и вы свободны покинуть «Корианис».

— Спасибо. Но мне лучше остаться. Не думаю, что сложившееся положение будет стабильным. Поработаю на корабле со своими книгами... А вот с сотрудниками Астрофизического института мне встретиться необходимо.

— Вас послушать, так вы уже знаете, что случилось,— кисло заметил чиновник.— Оставайтесь на «Корианисе» сколько угодно. Чем меньше будут общаться люди с разных кораблей, тем лучше... Вы знаете, что бывает, когда встречаются двойники?

— Догадываюсь. Пошли, Кэти.

VIII

Всего через несколько часов после того, как было установлено, что «Корианис» пропал, Манинею покинул спасательный корабль со спектротелескопом на борту. Прибор предпо-

лагалось использовать для обнаружения сигнала бедствия — облака атомов железа в межзвездном пространстве. Почтовый корабль срочно вылетел обратно и прибыл на Холар с известием о катастрофе менее чем через трое суток. По пути он прошел в нескольких световых часах от скопления межзвездного мусора, где исчез «Корианис», но, не имея специального оборудования, не засек ничего интересного.

На четвертый день с Манинеи стартовал грузовой корабль, также оснащенный спектротелескопом. Он приступил к систематическим поискам, двигаясь по маршруту «Корианиса» и делая в овердрайве короткие прыжки на три, шесть или двенадцать световых дней. Никто особо не надеялся обнаружить сигнал бедствия сразу, но ведь облако атомов железа будет неуклонно расширяться... То, что оно при этом станет разреженным, не имеет значения: спектротелескоп — очень чувствительный прибор.

Оба корабля достигли Холара, так ничего и не заметив. Они одновременно отправились обратно, легли на параллельные курсы в нескольких световых минутах друг от друга и в конце концов добрались до Манинеи, вновь ничего не найдя. К тому времени, в ответ на просьбу департамента навигации, подоспела помощь с других планет, и к Холару летело уже четыре корабля.

В открытом космосе всегда темно. Конечно, небесная твердь усыпана бесчисленными звездами, сверкающими всеми цветами радуги, но светят они все же плохо, и вдали от солнца всегда очень, очень одиноко. Каждый из четырех стальных кузнечиков, устремившихся к Холару прыжками длиной во много миллиардов миль, казался самому себе единственным. В очередной раз выйдя из овердрайва, каждый корабль настраивал спектротелескоп на Холар. Поле зрения прибора составляло пять градусов; Холар помещался точно посередине, и оставалось лишь исследовать линии поглощения в спектре Холара и других ярких звезд по соседству. Если там будут заметны линии железа, значит, между звездой и кораблем есть облако соответствующих атомов — сигнал бедствия.

Последним к поискам подключился корабль с Голта. Он-то и нашел где-то на полпути между Холаром и Манинеей

характерные линии поглощения железа в спектре Холара. Прыжок наугад в овердрайве оставил облако, едва достигшее двух с половиной миллионов миль в диаметре, далеко позади. Корабль вернулся, чтобы оказаться внутри его, на планетарных двигателях добрался до центра и обнаружил там космический мусор. Расчет массы облака показал, что аварийная ракета слишком мала, а корабль — слишком велик, чтобы объяснить его возникновение.

Корабль с Голта исследовал сами обломки — отчасти камни, отчасти куски металла, величиной и с дом, и с гору. Валуны помельче двигались беспорядочно, как будто в море камней только что плеснула хвостом гигантская рыба.

К первому кораблю присоединился второй, засекший облако самостоятельно, за ним — третий.

Найти следы «Корианиса» так и не удалось. Зато на одной из металлических гор нашли свежий кратер, выжженный адской вспышкой. Количество металла, испарившегося при его образовании, примерно соответствовало массе облака.

Концентрация железа и никеля в облаке и в металлическом обломке тоже оказалась одинаковой, а анализ динамики расширения дал момент взрыва.

Итак, выяснилось, что, во-первых, причиной появления облака стал не корабль и не сигнальная ракета, а во-вторых, взрыв произошел как раз тогда, когда в этом месте проходил «Корианис». Корабль действительно пропал здесь, но каким образом?

Тщательное прочесывание в радиусе нескольких тысяч миль ни к чему не привело: никаких других следов происшествия не обнаружилось.

Как бы то ни было, сама поисковая операция завершилась беспрецедентным успехом: впервые в истории космической навигации удалось определить точное место катастрофы.

Нервы на Манинее расстроились до такой степени, что когда корабль с Холара запросил разрешение на посадку, началась паника. Ко всеобщему облегчению, это оказался обычный почтовый корабль. Он вез новые конфиденциальные инструкции для дипломатической миссии с Холара.

Обнаружив в космопорту два «Корианиса», капитан почтового корабля не поверил своим глазам. Кому вручать дип-

почту, адресованную премьер-министру Холара? Капитан потребовал объяснений и узнал, что да, действительно, налицо имеется два премьер-министра. Он попытался поговорить с чиновниками помельче и узнал о существовании двух министров торговли, двух председателей комитета нижней палаты по межпланетным отношениям, и многих, многих других...

Капитан узнал еще много удивительного. Он увидел цепь вооруженной охраны, отделяющей один корабль от другого. Ему рассказали удивительную историю о преступнике, скрывавшемся среди экипажа «Корианиса». Простого смазчика никто никогда не заподозрил бы, но ведь у каждого человека на обоих кораблях сняли отпечатки пальцев... Убийцу, которого давно и безуспешно разыскивала полиция, опознали по этим отпечаткам.

Вот только полиция получила двух преступников вместо одного. Для начала обоих сняли с кораблей и поместили в тюрьму. Вышло так, что две камеры оказались точно напротив. Назначенный судом адвокат вскоре разобрался в ситуации, и оба смазчика, каждый в своей камере, долго смеялись.

Два человека не могут быть наказаны за преступление, совершенное только одним. С другой стороны, эти двое ничем не отличаются друг от друга. Таким образом, с юридической точки зрения невозможно не только наказание, но даже предварительное заключение: обоих придется немедленно освободить, так как нельзя предпочесть одного другому.

Хуже того, эти двое смогут и дальше творить свои черные дела — если будут действовать поодиночке, в то же время не давая следствию возможности отделить одного от другого. Закон окажется бессилен.

Вскоре почтовый корабль отправился обратно на Холар, увозя подробное описание всего, что случилось на Манинее, а также тщательно обоснованные требования каждого из двойников об окончательном установлении личности. Одно послание оказалось не таким, как все: письмо Джека Беделла Джеку Беделлу, отель «Грампион», Холар-сити. Мистер Беделл нисколько не сомневался, что его адресат сделает все, как надо.

Джек Беделл беседовал с Кэти, когда на борт «Корианиса» поднялось двое сотрудников Астрофизического института. К этому времени атмосфера на корабле стала тягостной, почти нестерпимой: Кэти не могла больше выносить болезненное возбуждение остальных пассажиров, то и дело норовящих ухватить соседа за пуговицу и объяснить, почему тот, другой — самозванец. Хотя что может быть хуже, чем не знать в точности, кто ты такой... А у каждого из этих людей был двойник, претендующий на его имя, собственность и будущее.

Так что Кэти держалась поближе к Джеку Беделлу.

К сожалению, разговор между астрофизиками для непосвященных выглядел непонятным. Оба манинейца знали Джека Беделла, один даже лично встречался с ним на Хьюме три года назад. Сомнений в том, кто такой доктор Беделл, не возникло. Беседа была оживленной, но для Кэти совершенно бессмысленной:

— О столкновении, понятно, не может быть и речи, но...

— А в результате мы имеем репликацию. Ну конечно!..

— Репликация подразумевает складку метрики. Не думаю...— Джек Беделл покачал головой.— Тут скорее параллельная реальность с синхронными последовательностями...

Кэти перестала слушать. Жалко, а слова-то какие красивые: «трансхрональный», «альтернативное настоящее», «периферийное вытеснение»... Можно подумать, они что-нибудь значат.

Кэти даже удивилась, когда разговор коснулся таких прозаичных вещей, как мешки с почтой, доставленной обоими кораблями. Вскоре астрофизики-манинейцы ушли, увлеченно переговариваясь между собой.

Джек Беделл пожал плечами:

— Может, они до чего-нибудь и докопаются. Хотят получить право прочитать всю почту.

— Это зачем? — спросила Кэти, чувствуя себя дурочкой.

— Мы договорились насчет рабочей гипотезы. Мы полагаем, что почта, как и люди, не будет полностью совпадать. Не у каждого письма окажется абсолютный двойник...

Кэти по-прежнему ничего не понимала.

— А что такое «периферийное вытеснение»? — спросила она.— Чувствую себя такой идиоткой!..

— Это как раз то, что они собираются искать в письмах. Если почтовые власти разрешат, мне пришлют образцы.

Почтовые власти разрешили. Надо сказать, должностные лица Манинеи, вынужденные иметь дело с проблемой «Корианиса», сумели пережить первоначальный шок и заняли конструктивную позицию. Ситуация, конечно, невозможная, но они будут вести себя так, как если бы ничего из ряда вон выходящего не случилось. Надежды на чудо больше нет. Будет обычное, рутинное расследование потрясающего, невообразимого происшествия. Из этого, конечно, не следует, что дело разрешится ко всеобщему удовольствию, но не лучше ли логично подойти к безумию, чем выть на ближайшую из лун Манинеи?

Начальник полиции космопорта допросил одного из капитанов «Корианиса». Впечатление тот производил самое благоприятное — если бы не второй «Корианис» на соседней площадке. Ответы казались искренними, а сам капитан — человеком добросовестным и честным.

Затем начальник полиции велел привести второго капитана.

— Вы закончили Академию космического торгового флота на Голте?

— Да,— ответил капитан «Корианиса» со сгоревшим генератором.

— Вы были четвертым помощником капитана на «Улиссе»?

— Да.

— Третьим на «Панурге» и вторым на «Домбуле»?

— Да.

— Вы впервые были назначены капитаном после того, как отличились во время аварии на «Домбуле» у Астриса IV?

— Нет.

Начальник полиции отыскал нужную страницу протокола первого допроса:

— А вот здесь сказано иначе.

— Когда я был вторым помощником на «Домбуле», мне пришлось однажды садиться на Астрис IV, но никакой аварии не было.

Начальник полиции сделал пометку на полях и продолжил:

— До «Корианиса» вы командовали «Контессой», «Элен Трент» и «Кассиопеей»?

— Нет, я служил капитаном только на «Кассиопее», а потом — на «Корианисе».

Полицейский начал грызть ручку.

— Опять то же самое,— сказал он кисло.— Тот, другой капитан прожил почти такую же жизнь, как и вы. Почти! Всегда есть маленькая разница. Два абсолютно одинаковых человека дают *почти* одинаковые показания. Биографии никогда не совпадают полностью. Но в конце концов, мы ведь можем проверить, командовали вы «Контессой» и «Элен Трент» или нет! Хотя, даже если один из вас окажется неправ, что с того? Все равно вы так и останетесь двойниками.

Капитан не нашел что сказать.

— Ну хоть что-нибудь? Любое, пусть самое невероятное объяснение?

— Не знаю,— безрадостно ответил капитан.— Разве что я уже умер и попал в ад...

Полицейский мог бы спросить «Почему умер?» и получить ядовитый ответ, но вместо того поинтересовался:

— Почему в ад?

— У меня есть жена и дети. Он говорит, что это *его* жена и дети, но я-то знаю, что они мои. Я его видел. Не знаю, как доказать, что он — не я! Только это дела не меняет: он все равно самозванец! И как вы думаете, позволю я ему явиться в мой дом, к моей жене, которой не под силу будет отличить его от меня, к моим детям, которые решат, что он — их отец? Скажете, я должен такое терпеть?

Капитан потемнел и сжал кулаки.

— С меня хватит, капитан,— сказал полицейский устало.— Я больше не могу. Может, вам будет интересно узнать, что тот, другой, сказал мне то же самое и почти теми же словами. Знаете, он был не менее убедителен, чем вы.

Начальник полиции отпустил капитана, подошел к окну и проследил, что тот возвращается на нужный корабль. Один прискорбный инцидент уже произошел: помощник министра торговли встретил во время прогулки своего двойника — и его жену. Дело чуть не дошло до убийства. Один из помощ-

ников путешествовал в одиночку, так как его жена подвернула ногу и растянула связки за два дня до старта «Корианиса». Жена второго тоже споткнулась, но до растяжения дело не дошло.

Помощник министра, оставивший супругу на Холаре, очень обиделся. Его жена в открытую живет с самозванцем на другом «Корианисе»! Мужчин, пытавшихся придушить друг друга на глазах окаменевшей от ужаса женщины, едва успели разнять. Интересно, как ей удалось определить правильного мужа после драки?

Оставалось лишь благодарить Бога, что мелкие несоответствия в жизненном пути двойников обычно не приводили к серьезным последствиям.

В нескольких десятках мешков почты нашлось меньше двадцати писем, вообще не имевших копии. Мелкие расхождения встречались чаще. Большинство писем совпадали во всем, включая ошибки в знаках препинания, но некоторые отличались отдельными словами или фразами. Удалось даже найти письмо, в одном варианте сообщавшее о чьей-то смерти, а в другом — о неожиданном выздоровлении.

— Это — это немыслимо! — в который раз повторила Кэти.— По-моему, мы сошли с ума... И здесь, и на том корабле, и на всей Манинее, где верят, что это творится на самом деле...

Джек Беделл кивнул:

— Очень похоже. Будто ты подошел к большому зеркалу, и оказалось, что никакого стекла нет, и отражения могут выходить наружу, а люди — заходить внутрь.

— Такого не бывает!

— Как сказать... Раньше считалось, что нельзя разговаривать с кем-то, кто от тебя на расстоянии мили, что человек не может летать и что нельзя двигаться быстрее света. Это невозможно и сегодня — но мы придумали, как добиваться целей косвенными методами. Мы пользуемся заменителями невозможного. Ради нашего случая этот принцип можно вывернуть наизнанку: вдруг наша невозможная *на первый взгляд* ситуация есть заменитель чего-то, невозможного на самом деле?

— Например?..— не поняла Кэти.

— Например, гибель «Корианиса». Мы не столкнулись с каменной глыбой и не превратились в облако пара. В овердрайве этого и не должно было случиться.

Кэти не поверила. Хотя все равно Джек Беделл нормальнее остальных. На корабле сейчас очень, очень скверно...

IX

Через две недели после посадки второго «Корианиса» события приняли угрожающий оборот. Поначалу простые граждане Манинеи решили, что имеют дело с остроумным надувательством и что, если бы не появился настоящий корабль, самозванцам все сошло бы с рук. История казалась тем увлекательнее, что самозванцы ничуть не испугались и продолжали блефовать, бросив вызов полиции. Полиция и в самом деле не сумела их разоблачить. Граждане восхитились еще больше; вот только они перестали понимать, где самозванцы, а где — нет... Очередь была за учеными: уж они-то обязательно во всем разберутся и скажут, кто есть кто.

Публика была неприятно удивлена, когда ученые с задачей не справились. Да и не только ученые... Журналисты, например, разыскали одноклассника планетарного президента по начальной школе. Они не виделись с десятилетнего возраста, а значит, есть вещи, о которых могут знать только они двое. Уж этого не обманешь! Нашлась также старушка, которая в семилетнем возрасте лепила пирожки из грязи вместе со спикером Сената. Тоже дело верное. Каждый из этих рядовых граждан поговорил соответственно с обоими планетарными президентами и обоими спикерами Сената. Этот опыт тоже не дал никакого результата, если не считать глубокого потрясения для друзей детства государственных деятелей Манинеи. Оба планетарных президента обладали прекрасной памятью. Они даже рассказали товарищу детских игр подробности, о которых тот давно забыл. После разговора с первым спикером Сената любительница пирожков из грязи нисколько не сомневалась, что перед ней — тот самый человек. Он даже

вспомнил, как ее отшлепали за блинчики из грязи, замешенные на молоке. Второй же спикер помнил не только молоко, но еще и похороны дохлой мыши, и чем они украсили ее могилку...

На третьей неделе кризиса страх начал превращаться в злобу. Граждане решили, что, если уж ученые ничего не могут понять, дело пахнет вещами сверхъестественными. Пошли слухи, нелепые и все более зловещие.

Одни говорили, что воинство сатаны каким-то образом вырвалось за пределы преисподней, и теперь исчадия ада собираются жить среди людей. Со временем они уничтожат человечество. В это, правда, верили немногие.

Другие считали, что колдуны и ведьмы в союзе с силами зла научились принимать обличья других людей. Они будут править миром, поработят человечество. Это уже звучало убедительнее.

Самый же популярный из слухов имел вид научной теории. Один из «Корианисов», вместе с пассажирами и экипажем, прибыл из отдаленной, неизвестной системы, населенной расой чудовищ, способных в совершенстве притворяться людьми. Они также могут читать и внушать мысли и управлять другими людьми, как марионетками. Их цель — истребление человечества, и они решили начать с Манинеи. Еще говорили, что они могут дублировать человеческие тела и что многие жители окрестностей космопорта, в том числе женщины и дети, пропали без вести. Чудовища, неотличимые от людей, на самом деле еще и людоеды. Они пожирают человеческую плоть во время неописуемо ужасных оргий, а затем принимают вид съеденных, чтобы приманить новые жертвы.

Идея многим понравилась. Удобно ненавидеть тех, чье существование можно объяснить только сказкой. По мере распространения слухов некоторые начали возмущаться: у кого-то были дети на государственной службе — вернувшиеся в двух экземплярах. Некоторые матери требовали права увидеть сыновей и дочерей: уж родная кровь подскажет!

Не подсказала. Женщина, когда-то имевшая сына, теперь имела двух, только и всего. На «Корианисе» в свое время улетели не только чьи-то дети, но и мужья... И что, кроме слез, оставалось женщинам, которые не могли сказать, кто из доведенных до исступления мужчин — их мужья?

Ненависть по отношению к несчастным пассажирам «Корианиса» приняла угрожающую форму. Вполне возможно, что на одном из кораблей — люди; на другом же — наверняка нет! Такую угрозу нельзя игнорировать, ее нужно уничтожить. И если нельзя отличить, кто здесь люди, а кто нет, придется погибнуть всем...

Кэти больше не старалась наладить контакты с другими пассажирами. Они с Джеком Беделлом и раньше были скромниками, для которых общение с людьми было тяжкой мукой, но сейчас, в сгущающейся атмосфере безумия, на корабле, который нельзя покинуть, ей просто хотелось держаться от всех подальше. В голосе же Беделла понемногу появлялся металл. Он часто советовался с сотрудниками Астрофизического института, сравнивая материалы по двум кораблям и анализируя различия. Ситуация за бортом накалилась до такой степени, что Джеку Беделлу стало опасно ходить в институт самому, да и ученым-манинейцам не стоило посещать «Корианис», так что они начали работать в режиме видеоконференции. По мере того как альтернативные подходы зашли в тупик, исследования Джека Беделла стали казаться единственной надеждой разрешить эту невозможную проблему.

Постепенно Джек Беделл научился решительно ставить на место пассажиров, готовых отнять его время.

Однажды к мистеру Беделлу явилась целая делегация: планетарный президент Манинеи, премьер-министр Холара, председатель комитета нижней палаты, спикер Сената, министр торговли и другие. Внушительное общество, несмотря на нервный тик у некоторых государственных деятелей.

— Мистер Беделл! — начал планетарный президент.— Муниципальные власти сообщили, что некоторые наши специалисты полагают, будто вам известна причина постигшего нас бедствия.

— Вместе с сотрудниками Астрофизического института мы предложили ряд гипотез,— скромно согласился Джек Беделл.— Мы сейчас работаем над экспериментальным доказательством некоторых идей. Ряд наблюдений подтверждает нашу точку зрения, но пока окончательных выводов у нас нет.

Сделав паузу, планетарный президент произнес вежливо, но твердо:

— Может быть, вы поделитесь соображениями, мистер Беделл? Откладывать решительные действия просто невозможно! Откуда взялся корабль с этой шайкой самозванцев?

— А откуда взялись мы? — сухо спросил Джек Беделл.

— Это неостроумно! — взорвался министр торговли.— Мы не дети, и вы выбрали неподходящее время для шуток! Отвечайте на вопрос!

— Между экипажами и пассажирами двух кораблей действительно существует некоторое сходство,— согласился Беделл.— Так что вопрос имеет отношение к делу. Можно сказать, что мы прибыли с Холара. Но мы также прибыли из прошлого. Мы происходим, например, от событий десятидневной давности. Еще мы происходим от брака наших родителей и от путешествий космических первопроходцев. Я бы сказал, мы происходим скорее от определенных событий, чем из определенных мест. Я здесь потому, что в последний момент оказался на борту «Корианиса» — совершенно случайно. Вас привела сюда логика неумолимого развития событий, понимаете? Если вы хотите знать, откуда появился другой корабль, мы будем говорить больше о событиях, чем о местах...

— Что за глупости!..— продолжал кипятиться министр торговли.

— Это вовсе не глупости...

— Отвечайте на вопрос! — грозно потребовал планетарный президент.— Откуда взялись самозванцы? Как им удалось обмануть полицию? Я не потерплю дальнейших проволочек! Мошенников надо разоблачить немедленно!..

Джек Беделл начал сердиться:

— Доказательства, которыми я располагаю, указывают на этот корабль, как на отклонение от нормы, и на вас — как на самозванцев! Именно нашего «Корианиса» здесь не должно быть!

Для политиков, людей действия, это было чересчур. Их уже и так измотала многодневная неуверенность и постоянное нервное напряжение. Еще бы — самозванец ведь претендует не только на имя, но и на место в жизни, на семью, достижения и будущее... Они могли принять лишь ответ, который позволит действовать решительно — и немедленно.

— Не желаю это слушать! — окончательно рассвирепел министр торговли.— Мы прекрасно знаем, что делать! Мы с этим покончим!

Последние дни сильно изменили мистера Беделла. Он растерял большую часть застенчивости и неуверенности в себе.

— Идиоты! — рявкнул он.— Вы не понимаете, что ваши двойники на другом «Корианисе» думают точно так же? Полчаса назад — а меня там не было, чтобы подогреть страсти,— они попытались прорвать полицейский кордон, взять наш корабль на абордаж и перебить двойников, каждый своего... Полиции пришлось применить газ. Вы ведь до этого додумались, не правда ли? Что ж, полиция вполне готова. Валяйте, попробуйте добраться до того корабля!

Джек Беделл бросил на сановников последний свирепый взгляд и вихрем вылетел из помещения. Кэти последовала за ним. Джек свирепо посмотрел и на нее, но тут же узнал и кивнул.

— Пришлось на них наорать,— сказал он кисло.— На самом деле они не идиоты, просто доведены до отчаяния. Они готовы на все, чтобы понять наконец, кто они такие, кого примут обратно их семьи и кого дети назовут папой... Черт бы их побрал! Некоторые и о самоубийстве подумывают... А я, между тем, неплохо поработал с коллегами из Астрофизического института. Могу сказать, что ситуация на самом деле вполне безобидная, но как объяснить это измученным людям?

X

На следующий день полиция сняла с обоих кораблей сигнальные ракеты с ядерными зарядами и установила на космодроме пушки — на случай несанкционированного старта. Оно и правильно: одной попытки абордажа вполне достаточно. И правительство Манинеи, временно лишившее полномочий планетарного президента, не могло поступить мудрее.

Никакая государственная предусмотрительность, однако, не могла облегчить душевных мук. Ропот не затихал. Никакая наука не могла объяснить, как корабли и люди научились размножаться делением. Так что человеку на улице оставалось либо напрягать собственные мозги — без особой пользы,— либо выбирать чужое объяснение по вкусу. По возможности, щекочущее нервы.

Самой интересной, конечно же, была идея о чудовищных пришельцах, способных принимать человеческий облик. Пришельцах, которые вторглись на Манинею, чтобы превратить людей в добычу и рабов...

В небольшом городке, в сотне миль от столицы, появился шутник, выдававший себя за пассажира «Корианиса». Он был настолько неостроумен, что выказал поддельный интерес к человеческому мясу. Он даже специально обзавелся пятнами крови на рубашке, о которых якобы не знал. Ему таки удалось испугать местную публику. Он находился в будке видеофона, рассказывая приятелю, как легко разыграть здешнюю деревенщину, когда заметил, что эта деревенщина обступила будку со всех сторон. Заикаясь от ужаса, он распахнул дверь, попытался что-то объяснить, но не успел. Его разорвали на куски.

В тысяче миль от космопорта куда-то запропастился ребенок. Мать в ужасе объявила, что его похитили пришельцы. Собралась толпа линчевателей и долго искала, кого бы повесить. К счастью, под руку никто не подвернулся.

Одному режиссеру на телевидении пришла в голову несвоевременная мысль использовать общественный интерес к инопланетным чудовищам. Постановка имела форму выпуска новостей — экстренного сообщения о нашествии монстров, способных притворяться людьми. Разумеется, было заранее объявлено, что это ненастоящие новости. В течение эфира объявление повторялось трижды. На экране люди превращались в гигантских бесформенных слизняков и пожирали других людей. Постановка была не так уж хороша, но все равно очень и очень многие приняли ее за чистую монету. Население начало запасаться оружием, полиция оказалась парализована ежедневными паническими звонками. Многие

трезвые и рассудительные граждане вместе с семьями покинули дома и отправились прятаться от чудовищ куда-нибудь подальше от цивилизации.

Никто не стыдился собственного легковерия. В конце концов, вот они, два корабля в космопорту. На каждом люди, притом одни и те же. Так не бывает, следовательно, на одном из кораблей с ними что-то не так...

Население Манинеи роптало.

В самом начале кое-кто из пассажиров первого «Корианиса» успел покинуть корабль. Теперь все они переселились обратно. Около их домов околачивались целые толпы. На них смотрели с подозрением. Где бы они ни появлялись, разговор замирал. Они могли чувствовать себя в безопасности только на борту корабля, который привез их домой.

На улицах столицы стали собираться стихийные митинги. Наступала ночь, но люди не расходились. Многие просто боялись возвращаться домой, к одиночеству и неуверенности. В толпе казалось безопаснее. Время от времени возникали ораторы и произносили речи о чудовищах в космопорте. Да, конечно, там могут быть и люди. Но наверняка есть и пришельцы, принявшие вид людей... Разумеется, это ужасно — убивать людей, чтобы не дать ускользнуть монстрам, но...

Полиция усилила оцепление в космопорте и предупредила пассажиров обоих кораблей об опасности. Джек Беделл не отходил от видеофона, связывавшего его с Астрофизическим институтом. Оттуда сообщали, что при попытке разогреть до белого каления пробы одинакового металла, взятые с разных кораблей, один из образцов исчез. Достиг, надо полагать, критической температуры.

Кэти теперь исполняла обязанности секретарши Джека Беделла. Как она понимала, один из кораблей находится в нестабильном состоянии. Если его «подтолкнуть» в нужную сторону, ситуация выправится. Кэти, правда, не представляла, как должно выглядеть «стабильное» состояние, но сами слова звучали обнадеживающе.

Беделлу повезло: он мог целиком рассчитывать на Кэти. Ее официальный босс, представительный мистер Бранн, махнул на все рукой и сосредоточился на напитках, помогавших

забыть о предназначении и превратностях судьбы. А Джек с удовольствием беседовал с Кэти о разных разностях в те редкие минуты, когда не был занят.

Поздно вечером, на следующий день после визита делегации, потребовавшей окончательных доказательств подлинности людей на этом корабле, Джек Беделл чувствовал себя неважно.

— Мы увязли,— сообщил он озабоченно.— В институте тоже беспокоятся. Они обнаружили аномальную реакцию на перегрев материалов корпуса одного из кораблей, но непонятно, какая от этого польза. А что-то нужно делать срочно! Эта истерия вокруг нас до добра не доведет. Что-нибудь скверное может случиться со дня на день!

Кэти молча смотрела, как Джек Беделл хмурится.

— Строго говоря, наше пребывание здесь — в двух экземплярах — никому не вредит. Только публика считает, будто все мы здесь обыкновенными людьми быть просто не можем! Поэтому нас считают пришельцами и ненавидят...

— Но у нас с вами — у нас двойников нет,— заметила Кэти печально.

— Мы оставили двойников на Холаре. Кстати, я написал своему, предложил разыскать твоего. Я сказал, что ты ему понравишься.

Кэти внутренне поморщилась: думать о двойнике, с теми же мыслями, тем же характером и способностью совершать те же поступки, было неприятно. Даже шесть световых лет расстояния не делали проблему менее острой.

— Я на самом деле не могу выкинуть из головы эти толпы.— Джек Беделл прошелся по каюте.— Космопорт уже пробовали штурмовать, полиция всех разогнала. Нашли грузовики со взрывчаткой; уже есть люди, готовые собственными руками поставить их под корабли. Но до каких пор полиция сможет просто защищать нас от этих людей? Рано или поздно придется стрелять на поражение. Не уверен, что мы того стоим.

— Но можно же улететь куда-нибудь еще? — спросила Кэти.

— И куда же? На том корабле люди, которые думают в точности, как мы. Они догадаются. Если мы улетим... Нет, это не выход.

— Но... вы говорите так, словно они — настоящие! Словно они — не самозванцы!

Джек Беделл застыл и вытаращил глаза:

— Так ты что... Ты не помнишь, как мы смотрели в иллюминатор на звезды и на те черные камни вокруг? Ты так и не поняла, что это значит, даже когда увидела еще один «Корианис»?

Кэти печально опустила голову. Неужели он всегда будет говорить о своей науке? Даже с ней? Ведь можно беседовать о вещах гораздо более приятных... Ей представилось, как они сидят рядышком и просто молчат, а Джек смотрит на нее и не может отвести глаз...

Голос Джека вывел ее из сладостного забытья:

— В овердрайве корабль непрерывно перескакивает из одного места, где он не в состоянии остаться, в другое, где он тоже задержаться не может... гораздо быстрее света... но попав в точку, которая уже занята, например метеоритом... тогда...

Кэти призвала на помощь все свое чувство долга и попыталась понять.

— Мы попали в область, где были крупные обломки металла и камня. Мы столкнулись с телом слишком большим, чтобы его можно было пройти насквозь. По теории овердрайва, мы не могли ни проскочить его, ни обойти справа или слева, сверху или снизу. Но по той же теории, на время, достаточное, чтобы погибнуть в результате столкновения, мы тоже застрять не могли! Так что куда-то прыгнуть мы были просто обязаны. Мы и прыгнули.

Кэти хлопала глазами.

— Мы переместились в другую последовательность событий. Именно последовательность! — В голосе Джека Беделла зазвучал триумф.— Я не говорю о другом месте. Место не имеет значения: все дело в событиях. Наша последовательность начинается с того, что я в последний момент попал на борт «Кориниса», а ты получила должность секретарши, оставившей место, чтобы выйти замуж. В другой последовательности я опоздал на «Корианис», а тебе не досталась эта работа. Вот в такую реальность мы и провалились, наскочив на камень.

В этот момент прозвучал сигнал вызова, и Джек Беделл повернулся к видеофону. Кэти попробовала собраться с мыслями. Не места, события... Внезапно перехватило дыхание: она поняла.

— Ну вот, началось,— мрачно сообщил Джек.— В городе беспорядки, и у полиции недостаточно сил, чтобы разогнать толпу. Маленькие группы собрались в одну большую, и идут сюда. Они хотят нас убить.

— Но...

— Придется взлетать. И это сейчас, когда мы получили нужные результаты! Значит надо рискнуть...

Джек Беделл направился к двери.

— Что вы собираетесь делать? — испугалась Кэти.

— Я, к сожалению, не герой,— сказал Джек Беделл.— Поэтому мне придется играть нечестно. Надеюсь, удастся убедить капитана организовать коллективное самоубийство. Наш единственный шанс! Но, между нами говоря, я не думаю, что это такое уж опасное дело...

XI

Из иллюминаторов в рубке космопорт было видно хорошо. В свете обеих лун Манинеи серебрился корпус другого «Корианиса», где ярко сияли иллюминаторы, и горели огни по периметру космопорта. Капитан тоскливо смотрел в ночное небо, мутно светящееся отражением огней большого города.

Джек Беделл и Кэти решительно перешагнули порог. Капитан оглянулся на них безнадежно и неприветливо.

— Я знаю, что пассажиру на мостике делать нечего, но из города уже идет толпа. У них взрывчатка, термитные заряды, гранаты, плюс к тому камни и дубины. Они собираются уничтожить оба корабля с экипажем и пассажирами.

— Почему бы и нет?

— Не будьте идиотом! — рассердился Беделл.— Вы прекрасно знаете, что ни я, ни Астрофизический институт не сидим сложа руки! Мы как раз закончили расчеты! Я скажу, что делать! Готовьтесь к старту!

Капитан по-прежнему не торопился.

— Полиция уходит, я видел. Я вот думаю, не поднять ли мне корабль и не протаранить ли тот, другой... Мы тоже можем погибнуть, но, по крайней мере, у моих детей не будет шанса назвать их капитана папой.

— Когда вы начнете соображать? — прорычал Джек Беделл.— Он, там, собирается сделать то же самое! Я — единственное, чем вы отличаетесь от них! Все остальные думают одинаково! Нужно поговорить с их капитаном. Дайте мне связь!

С другого корабля Джеку Беделлу ответил свирепый и подозрительный голос. Беделл заговорил резко и отрывисто.

В это время у входа в рубку началась давка. Внутрь протолкались планетарный президент Манинеи и несколько пассажиров.

— Капитан! — начал президент, сохраняя достоинство.— Из города идет толпа погромщиков. Рассеять ее силами полиции вполне реально, но тогда не обойдется без жертв. Предотвратить бессмысленное убийство можно, только покинув планету. Как президент Манинеи, приказываю вывести корабль на орбиту и оставаться там вплоть до разрешения кризиса.

— Именно! — рявкнул Джек Беделл в микрофон внешней связи.— Наш президент как раз отдал точно такой же приказ! А теперь слушайте. Если там, наверху, вам удастся нас уничтожить, вы, если повезет, выживете и останетесь без двойников. Мы здесь предпочли бы наоборот. Но положить конец этому безобразию одинаково хотят все! Мы сейчас стартуем, поднимаемся на десять тысяч миль и ждем, пока вы сделаете то же самое. Потом мы договоримся!

Кэти, смотревшая в иллюминатор, испуганно вскрикнула. На окраине космопорта шевелилась какая-то черная масса. Через мгновение она хлынула, как река, прорвавшая плотину, и потекла к двум одинаковым кораблям.

Всего лишь люди. Толпа человеческих существ, отчаявшихся до предела, перепуганных до потери сострадания, стремящихся уничтожить то, что кажется им самой страшной угрозой на свете. Объяснение доктора Беделла запоздало. Власти успели его распространить, и в этой толпе мало кто не слышал его, но слишком глубокие корни успел пустить в

людях тот примитивный ужас перед сверхъестественным, который заставлял их предков охотиться на ведьм. Они боялись двойников на кораблях даже больше, чем их предки — ведьм. Ведьму легко представить, а двойников не может быть, и это — обещание самого невообразимого ужаса...

Обезумевшие граждане Манинеи уже заполонили десятки акров гигантского бетонного поля и продолжали прибывать...

У Джека Беделла, к его собственному удивлению, прорезался голос, каким решают судьбу народов и империй.

— Приготовиться к старту! — приказал он.

Капитан кинулся выполнять. Собственно, он и так собирался это сделать.

— Высота — десять тысяч миль! Второму кораблю — то же самое!

Капитан нажал на кнопку, и «Корианис» оторвался от земли. Теперь, чтобы сохранить положение лидера, надо отдавать команду за командой...

— Тягу до полной! — рявкнул Джек Беделл.

— Следить за вторым кораблем! — велел он планетарному президенту Манинеи.

— Очистить мостик! — заявил он премьер-министру Холара.

За диском планеты открылось солнце Манинеи, и автоматически задвинулись створки иллюминаторов.

— Отставить отвлекаться! Следить за вторым кораблем! — еще раз пролаял Джек Беделл.

Полномочий ему, конечно, не хватало, зато у него был план. В отличие от остальных, вынужденных довольствоваться лишь яростью и отчаянием.

— Вот он! — подал голос планетарный президент.— Хорошо виден в солнечном свете!

— Приготовиться к переходу в овердрайв! — приказал Джек Беделл капитану.— Курс на противника! Мы протараним их из овердрайва! От них пылинки не останется! Наша судьба и наши семьи останутся в наших руках!

Капитан на мгновение заколебался.

— Овердрайв! Немедленно!

С выражением злобного удовлетворения на лице капитан ткнул пальцем в нужную кнопку.

Звезды погасли. Тут же опять вспыхнули электрические дуги и запахло горелой изоляцией. Звезды зажглись вновь.

«Корианис» дрейфовал в космосе, между ночной стороной планеты и парой сверкающих лун. Вот и резервного генератора больше нет... Зато нигде не видно второго корабля!

— А теперь запросите разрешение на посадку,— сказал Джек Беделл совсем другим голосом.

Второй «Корианис» действительно исчез! Возбужденный гомон не стихал. Джек Беделл отдал приказы, те были выполнены, и вот второй корабль пропал. Собственно говоря, в рубке один Беделл представлял, что произошло и что ждет их впереди. Вахтенный пилот безжизненным голосом запросил разрешение на посадку. Не имея никакого разумного мнения о случившемся, он запросил разрешение по стандартной форме.

В рубке зазвучал изумленный голос диспетчера:

— «Корианис»? «Корианис»?! Что с вами стряслось? Вы числитесь пропавшими без вести!.. Посадку разрешаю! Ваши координаты... Одну минуту! — Диспетчер возбужденно заговорил в сторону: — «Корианис» нашелся! Они запросили посадку!..

На корабле стояла мертвая тишина.

Командный голос куда-то пропал. Джек Беделл заговорил если и не робко, то мягко:

— Он первый раз вышел с нами на контакт. И неудивительно! Мы ведь вернулись в нашу первоначальную последовательность событий. В ней мы опаздываем почти на три недели. Наше существование в другой последовательности вообще являлось нестабильным состоянием. Мы туда попали только потому, что налетели в пустоте на слишком крупный обломок. Ни проскочить, ни обойти его было невозможно, но само столкновение по неизбежности оказалось слишком мимолетным, чтобы мы успели погибнуть. Поэтому корабль просто выбросило из нашей последовательности событий. Решив протаранить второй «Корианис», мы сыграли в ту же игру, только шиворот-навыворот. В той последовательности нам не место, а при столкновении мы не могли перепрыгнуть через второй корабль в физическом пространстве — вот нас и выкинуло обратно, в родную Вселенную.

Джек Беделл помолчал и добавил:
— Помните стишок?

В одном краю такой был случай:
Гуляя как-то раз,
Набрел мудрец на куст колючий
И выцарапал глаз.
Но был на редкость он умен,
И, не сказав ни слова,
Забрел в другой кустарник он
И глаз вцарапал снова*.

— Вам надо ясно понимать, что произошло, а то никто не поверит в эту историю...

XII

Джек Беделл оказался совершенно прав. На Манинее о событиях последних двух с лишним недель и слыхом не слыхивали. Точнее, без происшествий не обошлось, но только не тех, что остались в памяти пассажиров «Корианиса». Другая последовательность, как и следует из теории...

Дела скоро пришли в порядок. Планетарный президент Манинеи беспрепятственно занял свой кабинет. Премьер-министра Холара несколько дней лихорадило, но, придя в себя, он подтвердил готовность заключить торговый договор, каковой и был тотчас же подписан. Помощников, адъютантов, секретарей, жен, гувернанток и детей — всех поздравили с благополучным спасением.

Джеку Беделлу и Кэти было не до того. Вместе с коллегами из Астрофизического института Манинеи Джек торопился завершить работу над математической моделью случившегося. Для удобства ему даже предложили жилье в академическом городке. Как нельзя кстати. Джек и Кэти провели медовый месяц в Лининг-Хиллс, после чего поселились при Астрофизическом институте.

Планетарный президент Манинеи пригласил Джека Беделла во дворец и наградил медалью. За обедом президент спросил:

— Мы столкнулись в овердрайве со вторым «Корианисом» и вернулись в нашу последовательность событий. А как... они?

— О, не стоит о них беспокоиться! С их точки зрения события выглядели несколько иначе. Мы ушли в овердрайв, чтобы избежать столкновения, и исчезли навсегда — чего и следовало ожидать от самозванцев. Ко всеобщему удовольствию, планетарный президент Манинеи и его высокие гости в полном здравии вернулись домой. Вот и все.

— Понимаю,— сказал планетарный президент без особой уверенности.

Насчет полного здравия Джек Беделл преувеличивал. Министру торговли, да и многим другим пришлось лечиться от нервного расстройства. После заключения торгового договора делегация Холара тихо погрузилась на корабль и вернулась на родину. Говорят, никто из этих людей никогда больше не покидал планету.

Когда все волнения улеглись, Кэти подняла вопрос, которому Джек, казалось, не придавал значения:

— На Холаре остался другой Джек — и там есть еще другая я, ведь так? Ты написал ему письмо и посоветовал найти меня... ее? Ты думаешь, он... так и сделал?

— Полагаю, да,— ответил Джек рассеянно.— Я бы не стал упираться.

Кэти надулась.

— А им хорошо друг с другом, как ты думаешь?

— Почему нет? Ведь они — это мы?

Джек помолчал, посмотрел в сторону и осторожно сменил тему:

— Мы в Астрофизическом институте сделали кое-какие прикидки... То, что однажды произошло само собой, можно повторить сознательно. План простой: погрузиться на корабль и протаранить в овердрайве небольшой астероид... Очень интересно взглянуть, в какую именно последовательность событий мы попадем. Разумеется, мы без проблем сможем вернуться!

Кэти перевела дыхание. Затем она открыла рот и заговорила. О, она всегда была робкой и молчаливой девушкой. Впрочем, для девушек в этом нет ничего необычного. Жены — другое дело. Джеку Беделлу пришлось выслушать долгую, яркую и убедительную речь.

---

* Перевод С. Маршака.

Парламентер

Всем памятна история межзвездных пиратов. Не было ни одного человека, который бы столкнулся с ними и уцелел. Все помнят также поиски их базы, которые стольким людям принесли смерть.

Сначала межзвездные пираты уничтожали наши одиночные корабли. Наконец, эскадра их пространственного флота напала на колонию землян на Капелле-3 и без всякого повода и предупреждения, без малейшей попытки войти в контакт истребила до единого человека полумиллионное население колонии. Только тогда начались организованные поиски.

Нынешний рассказ описывает один из эпизодов этих поисков, а герой его — пес, которого звали Бэк.

Следуя за хозяином, Бэк с достоинством вошел в контрольную кабину легкого межзвездного крейсера «Кеннеси». Капитан поднял голову от электронного телескопа, а его хозяин, Холден, сел в кресло, держа в руках пачку последних записей пространственных волн, которую он принес из кабины связи. Бэк пытливо посмотрел на капитана, после чего вытянулся на полу, положил морду между лапами и глубоко вздохнул. Бэк не был требовательной собакой. На «Кеннеси» он поддерживал дружеские отношения со всеми, начиная с капитана и кончая буфетным боем. Но его хозяином и божеством был лейтенант Холден. Куда бы ни направлялся Холден, Бэк шел за ним — насколько, разумеется, это допускали правила — и ждал, пока его хозяину не придет в голову направиться в иное место.

© Перевод Н. Дубова.

Сейчас он лежал на пенопластовом полу, слушал слова Холдена и ответы капитана. В голосах обоих сквозили озабоченность и неуверенность.

Мужчины были серьезно обеспокоены. Крейсер «Кеннеси» двигался по кометной орбите в планетной системе звезды Масса Гамма. Двигатель крейсера был выключен, корабль не проявлял никаких внешних признаков жизни, он должен казаться мертвым пришельцем из космического пространства.

Две недели назад, еще на значительном расстоянии от первой с краю планеты системы Масса Гамма, «Кеннеси» со сверхсветовой скорости перешел на скорость субсветовую. Достигнув скорости и курса, свойственных комете, он пошел по ее орбите через систему одиннадцати планет. И почти сразу же его приемные устройства зарегистрировали межпланетные радиосигналы — доказательство того, что здесь существует цивилизация. Разумеется, сигналы были непонятны, но они свидетельствовали о том, что данная цивилизация по техническому развитию сопоставима с человеческой. Именно такую цивилизацию искал «Кеннеси», как и все остальные корабли земного межзвездного флота.

Команда «Кеннеси» знала одно: где-то живут смертельные враги человечества. Уже много лет с настораживающей частотой повторялись случаи гибели разведывательных земных кораблей. Уже давно зародилось подозрение, что в мире есть существа, нападающие на человека при каждой встрече. Но доказательств этому не было. Они появились лишь полгода назад, с гибелью колонии землян на Капелле.

Об агрессорах известно было только одно: они — не люди. Сейчас необходимо было их отыскать и, если не удастся найти общий язык,— уничтожить, прежде чем они станут достаточно сильны, чтобы стереть род людской с лица Земли. Неведомые существа могли населять планеты системы Масса Гамма, никогда прежде не исследованной людьми. Цивилизация, которая имеет межпланетную связь, могла также...

Бэк продолжал дремать на полу контрольной кабины... Запах машинного отделения, погоня за котом, минуты деловитого обнюхивания дерева...— все это были только обрывки снов. Фраза, сказанная чуть громче обычного, заставила его открыть глаза.

— Во всяком случае, они должны совершать межпланетные перелеты,— сказал Холден.— Нет ни малейшего сомнения, что перехваченные сигналы служат для связи между планетами. Мне кажется, они похожи на тех, кого мы ищем.

Капитан покивал головой.

— Возможно. Но прежде чем их уничтожить, мы обязаны в этом убедиться. Таков приказ. В состоянии ли они уничтожить «Кеннеси»? Если они могут нас убить, они — те враги, которых мы ищем. Но не являются ими, если не в силах этого сделать. И мы должны это установить.

— Неужели межпланетная связь — недостаточное доказательство?

— Межпланетная — это еще не значит межзвездная,— ответил капитан.— Сейчас нужно выслать на Землю торпеду со всеми данными, какими мы располагаем. До сих пор, Холден, мы еще не зафиксировали волны ванго. Стало быть, мы не имеем доказательств, что обнаруженные здесь существа совершают межзвездные полеты. А наши враги совершают.

— Может быть, они скрывают это от нас,— сказал Холден.— Прежде чем мы здесь появились, они должны были зафиксировать созданную нами волну ванго. И может быть, сейчас они лишь ожидают, пока мы достаточно приблизимся, чтобы уничтожить нас наверняка. Так, чтобы мы не смогли ни обороняться, ни послать рапорт на Землю. Это на них похоже.

Холден встал, и Бэк немедленно вскочил, вертя хвостом. Его хозяин, Холден, куда-то идет, стало быть, Бэк пойдет вместе с ним. Счастье Бэка состояло в том, чтобы идти всюду, куда шел Холден, чтобы быть там, где находится Холден, одним словом, в том, чтобы непрестанно растворяться в ощущении присутствия Холдена. Больше он ничего не требовал от судьбы. Когда Холден похлопывал его по голове или играл с ним, пусть даже не слишком деликатно, счастье Бэка переходило в экстаз. А теперь он попросту ожидал, довольный уже тем, что пойдет вместе с Холденом.

— Да, все это так,— согласился капитан.— Быть может, они и подстерегают нас. Посмотрим. Во всяком случае сейчас мы вышлем на Землю торпеду со всеми данными. Если мы не вернемся, наш флот будет по крайней мере знать, в какую сторону ему следует направиться и кого обезвредить. Затем попробуем совершить высадку в спасательной ракете. Сомневаюсь, чтобы наши враги отказали себе в удовольствии уничтожить ее. Если, однако, ракета возвратится, мы хоть что-нибудь да узнаем об их вооружении.

— Капитан,— быстро сказал Холден,— я вызываюсь на эту ракету добровольцем.

— Посмотрим,— сказал капитан.— Прежде всего приготовь все данные, которые должна брать связная торпеда. Ты совершенно уверен, что это было направленное излучение, как в нашем старинном радаре? И что оно было послано с четвертой планеты?

— Как нельзя более,— сказал Холден.— Трудно, конечно, сказать, какие сведения они получили о нас при помощи этого устройства. Но во всяком случае понятно, что они хотят таким способом исследовать появившуюся на небе комету...

— Будем надеяться,— сказал капитан, сверкнув глазами,— что эхо, отразившееся от нашего корпуса, сказало им: «Это только комета, ничего больше»... Итак, Холден, чтобы через полчаса все было готово.

Холден козырнул и вышел из контрольной кабины. За ним с достоинством последовал Бэк, большой коричневый пес, которому и в голову не приходило беспокоиться о таких глупостях, как межзвездные путешествия или неведомые существа, с бессмысленной жестокостью лишающие жизни полмиллиона человек.

Бэк был совершенно доволен своей судьбой. Он был вместе с хозяином.

Межпланетный совет системы Масса Гамма собрался на заседание. Направленный луч показал, что новая комета, появившаяся на небе, хоть и движется по совершенно правильной кометной орбите, на самом деле — сооружение искусственное, межзвездный корабль. У него, правда, не работают двигатели, и вообще он не проявляет признаков жизни. Однако он пересек гравитационное поле внешних планет, причем это не заставило его вращаться. А это возможно только в случае, если внутри корабля работает жироскоп или подобное ему устройство.

— Мы уже принимали один визит из межзвездных пространств,— сказал председатель Межпланетного совета. Он выглядел очень подавленным.— Последствия его нам известны. Если в этом корабле те же существа, мы должны уничтожить его как можно скорее. По моему мнению, достаточным доказательством является то, что он пытается приблизиться незамеченным. Но, с другой стороны, этот камуфляж свидетельствует об определенных подозрениях в наш адрес, подозрениях, что именно мы уничтожили предшествующий корабль. Если мы уничтожим и этот, подозрения превратятся в убеждение, и мы можем быть уверены, что следующий визит нам нанесет уже могучий флот. Это означает, что всю нашу цивилизацию мы должны будем переключить на военное производство. Мы должны будем подумать о мощи, которая позволит нам выйти за пределы нашей системы. Из существ, настроенных мирно, мы должны будем превратиться в существа с психикой, приспособленной исключительно к потребностям войны.

Представитель Первого континента был настроен несколько оптимистичнее.

— На чем основана уверенность,— спросил он,— что это существа той же расы, что и предшествующие? Корабль имеет совершенно иные формы. И откуда уверенность, что с этими существами, как и с предшествующими, нельзя договориться?

— Конечно, в этом нет уверенности,— устало ответил председатель.— Психологический анализ внешних форм корабля показывает, что это скорее всего существа иные. Но несмотря на это, можем ли мы себе позволить попытку установить с ними мирный контакт? Само собой разумеется, команду одиночного корабля мы можем казнить или миловать. Вероятно, она будет симулировать дружбу, чтобы улететь отсюда, получив сведения, которые потом помогут подготовить нашу гибель. Можем ли мы вообще доверять существам, которые высылают к нам одиночный корабль для разведки?

Наступила тишина. Двести лет назад в системе Масса Гамма появился межзвездный корабль. Уничтожение половины планеты и гибель многих миллионов жизней — такова была цена, которую пришлось заплатить, чтобы его обезвредить. Команда корабля не реагировала ни на какие попытки установить дружеские контакты. Где бы она ни высаживалась, она всюду беспощадно уничтожала все, что было цветом соперничающей цивилизации, и прежде всего — обитателей планеты. С ней нельзя было прийти к соглашению, и оставалось только одно — уничтожить ее.

— Если бы мы могли,— с сожалением сказал представитель Третьего континента,— заполучить хотя бы одного-единственного члена команды этого корабля и убедиться, что нет никакой надежды на взаимопонимание. Ужасно, что мы не можем даже убедиться прежде, чем...

— Да, это ужасно,— глухо согласился председатель.— Переключить всю нашу цивилизацию на военное производство и обречь ее на длительную войну — это самое ужасное, что может быть. Но я не вижу другого выхода. Ставлю на голосование — должны ли мы уничтожить корабль, который появился в нашей системе?

Голосовали неохотно, но единодушно. За войну.

Торпеда, которую «Кеннеси» выпустил из кормовой камеры, не имела внушительного вида — сигарообразная, длиной каких-нибудь два метра. Оторвавшись от крейсера, торпеда должна была в течение пятнадцати минут двигаться с тридцатикратным ускорением, после чего перейти на сверхсветовую скорость. В этот момент закончится ее существование с точки зрения нормальных пространственных категорий, что проявится в выделении невероятного количества энергии, так называемой волны ванго, ощутимой на расстоянии сотен миллионов километров. Вблизи Земли торпеда выйдет из сверхсветовой скорости при помощи второй подобной волны. Расстояние между Масса Гамма и материнской базой «Кеннеси» составляло около восьмидесяти световых лет. Сообщение, переданное по радио, на базе приняли бы правнуки команды крейсера. Торпеда же достигнет базы в течение нескольких дней. Волна ванго, сопутствующая ее рематериализации, будет зарегистрирована разветвленной сетью кораблей связи, которые также примут и передадут дальше сведения, автоматически транслируемые торпедой, а затем поймают ее самое, чтобы получить письменные данные.

Бэк не присутствовал при запуске торпеды. Он был слишком велик, а кормовой отсек слишком тесен, и Холден не позволил ему туда войти. Бэк был настолько убежден в привязанности хозяина к нему и в собственной ценности, что не принял это близко к сердцу. Он хорошо знал, что бывают моменты, когда не следует путаться под ногами. Но он знал и то, что его любят все члены команды, и неторопливо отправился на поиски пусть и несколько худшего, но все-таки человеческого общества, пока хозяин вновь не допустит его к себе.

Несколько человек подготавливали спасательную ракету, которая должна была совершить высадку, и Бэк вслед за ними вошел в ракету, а потом втиснулся в маленькую контрольную кабину.

Через минуту ракета была поднята вверх. Бэк, свернувшийся в уголке на полу, заморгал. В иллюминаторах мерцали звезды. Стало ослепительно светло. Ничем не приглушенный блеск звезды Масса Гамма ворвался в передний иллюминатор.

В кабину вошел Мейнард и нажал кнопку телефона.

— Заслоны открыты, спасательная ракета в исходной позиции,— твердо сказал он.— К старту все готово.

— Принял,— прозвучал в мегафоне голос Холдена; звучал он несколько угрюмо.— Стартуйте в момент, когда ударит волна ванго. Может, она забьет их радар, и вы останетесь незамеченными. Желаю успеха.

Бэк привык к мегафонам и хорошо знал голос своего хозяина. Он начал вертеть хвостом, тихонько постукивал им об стену. Мейнард внезапно обернулся и крикнул:

— Бэк! Бэк здесь. Спрятался в углу.

Минута молчания. Потом снова зазвучал голос Холдена, еще более угрюмый.

— Ладно, Мейнард. Уже нет времени, чтобы вернуть его на корабль. Пусть летит с вами.

— Может, это и к лучшему,— весело сказал Мейнард.— Будем иметь талисман. Сколько осталось времени?

— Двадцать секунд,— ответил голос Холдена.— Однако ты счастливчик. Я ведь надеялся сам полететь, пока ты не прикупил валета...

Мейнард захохотал. «Кеннеси» вторгался в неведомую и, вероятнее всего, враждебную солнечную систему. Если это ее жители коварно уничтожали корабли межзвездного флота землян и опустошили колонию на Капелле-3, у крейсера было немного шансов уцелеть. Но это не удержало младших офицеров корабля от розыгрыша партии покера на право совершить опасную высадку на самой большой из планет.

В мегафоне раздался вдруг такой громкий и зловещий рев, что мембрана тут же как бы захлебнулась и начала издавать сдавленные, хриплые звуки. Это была волна ванго, созданная торпедой, взрыв излучения настолько сильный, что он блокировал любое приемное устройство, независимо от того, как оно настроено.

Сообщение поступило в только что организованный Департамент обороны на Масса-4.

Департамент был создан как верховная инстанция, до последнего эрга координирующая энергию всей солнечной системы в синхрофазированные световые лучи, которые в определенный момент будут направлены одновременно с четырех планет на псевдокомету. Смертоносные лучи не то оружие, которое детекторы корабля могли бы заблаговременно обнаружить, чтобы он смог от них отклониться. Они распространяются со скоростью света, а тело, которое окажется в их фокусе, будет мгновенно раскалено до температуры солнечного ядра. Лучи были оружием практически безотказным. Безотказным, если надо уничтожить один корабль. Рассчитать взаимоотношение фаз постоянно движущихся планет так, чтобы лучи с них усиливали, а не гасили взаимно друг друга — дело страшно сложное. При помощи таких лучей можно уничтожить одиночный межзвездный корабль, курс и скорость которого известны, или корабль, уже совершивший посадку на одной из планет. Но в случае появления целого флота оружие это окажется бесполезным. Необходимы дни или даже недели, чтобы накопить нужное количество энергии для нанесения результативного удара в определенный пункт. Перед лицом многих кораблей с переменными курсами и скоростями лучи окажутся бессильными.

Сообщение, поступившее в Департамент обороны, гласило:

НЕБОЛЬШАЯ МЕЖПЛАНЕТНАЯ РАКЕТА ОТДЕЛИЛАСЬ ОТ НАБЛЮДАЕМОГО КОРАБЛЯ В МОМЕНТ СИЛЬНОГО СУПЕРСВЕТОВОГО ВОЛНОВОГО ВОЗМУЩЕНИЯ. РАКЕТА НАПРАВЛЯЕТСЯ К ПЛАНЕТЕ-4, ВЕРОЯТНО ИМЕЯ ЦЕЛЬЮ ПОСАДКУ. СТОРОНА ПРОТИВОСОЛНЕЧНАЯ, СЕВЕРНЫЙ ОКРУГ ПЕРВОГО КОНТИНЕНТА. ЖДЕМ РАСПОРЯЖЕНИЙ.

Недавно возникший Департамент обороны еще не успел выработать бюрократический метод работы и напыщенный стиль. Должно быть, поэтому ответ поступил через несколько минут:

ЭВАКУИРОВАТЬ ВСЕ НАСЕЛЕНИЕ УГРОЖАЕМОГО ОКРУГА. ПРИГОТОВИТЬ СУХОПУТНЫЕ МАШИНЫ И АТМОСФЕРНЫЕ САМОЛЕТЫ ДЛЯ РАЗВЕДКИ ВООРУЖЕНИЯ, КАКИМ РАСПОЛАГАЕТ РАКЕТА. ОГЛАСИТЬ РАДИОПРИЗЫВ ДОБРОВОЛЬЦЕВ, ПРЕДУПРЕДИВ, ЧТО ОНИ, ВОЗМОЖНО, ИДУТ НА СМЕРТЬ. НЕ ПОЛЬЗОВАТЬСЯ НИКАКИМИ МЕЖПЛАНЕТНЫМИ СРЕДСТВАМИ СООБЩЕНИЯ. ВРАГ НЕ ДОЛЖЕН ЗНАТЬ, ЧТО МЫ МОЖЕМ ОБОРОНЯТЬСЯ, ВПЛОТЬ ДО МОМЕНТА, КОГДА ВСЯ СИСТЕМА БУДЕТ ГОТОВА К ОДНОВРЕМЕННЫМ ДЕЙСТВИЯМ.

Жители Масса-4 однажды уже испытали вражеское вторжение. Поэтому около двадцати пяти миллионов жителей начали поспешную, но планомерную эвакуацию в качестве меры предосторожности перед предполагаемой посадкой невооруженной спасательной ракеты.

Бэк очнулся от неспокойного полусна в тот момент, когда ракета начала приближаться к противосолнечной стороне планеты. Все наблюдательные устройства, какими только располагал человек, работали, стараясь получить как можно больше данных, но для Бэка технические дела оставались как нельзя более безразличными. В момент, когда было обнаружено направленное излучение, Бэк деловито зевал, когда излучение внезапно прекратилось, он начал потягиваться. Он с удовольствием встряхнулся в тот момент, когда анализаторы сообщили, что атмосфера планеты подобна атмосфере земной, хотя и обладает повышенным количеством благородных газов, не превышающим, однако, пропорций, характерных для азотнокислородных смесей.

Между тем ракета осторожно опускалась, высматривая возможные опасности. Инфракрасная аппаратура обнаружила берег моря и какие-то непонятные сооружения, представляющие собой, быть может, портовое оборудование. Мейнард немедленно взвил ракету вертикально вверх, но, отойдя на сто пятьдесят миль, вновь приблизился к планете. Что ж, его задачей было дать себя убить, если жители планеты располагают соответствующими средствами, но он не был обязан облегчать им эту задачу. Если они обнаружили, что предполагаемая комета, прибывшая из космоса, является межзвездным кораблем, они и так настороже. А если они и есть те существа, что истребили колонистов на Капелле-3, они любой ценой будут стараться не допустить, чтобы ракета вернулась к своему материнскому кораблю.

Наконец, с бесконечной осторожностью, ракета опустилась на поверхность планеты, покрытую, как показали анализаторы, густой растительностью с перистыми листьями. Проходили бесконечные минуты, а Мейнард все еще сидел в величайшем напряжении, готовый молниеносно взвить ракету вверх при малейшем намеке на какое-либо враждебное действие. Но никаких признаков опасности не было. Микрофоны передавали извне различные звуки, но не подлежало сомнению, что это всего лишь отголоски обычной жизни лесной глуши. После долгого выжидания Мейнард приоткрыл иллюминатор. Снова ничего не произошло.

— Если есть охотники идти за биологическими образцами,— сказал он наконец,— отправляйтесь. Но предупреждаю — в случае тревоги могу стартовать, никого не ожидая. Буду стараться вырваться. Только так можно узнать, что наши враги в состоянии сделать.

Ответило несколько голосов. Потом раздался лязг открываемого люка. Бэк весело двинулся к выходу. Снаружи повеяло множеством интригующих запахов. Несколько человек уже вышли из ракеты, двигались они осторожно, с оружием наготове. Люк остался открытым, но возле него стоял чело-

век, готовый в любую секунду захлопнуть его, если бы ракете пришлось внезапно стартовать. Покинуть ракету было для людей актом незаурядного мужества — они ведь могли уже не вернуться, если жители планеты действительно окажутся враждебными и ракета вызовет на себя неприятельский огонь. Но Бэка интересовали только незнакомые запахи. Конечно, наибольшей радостью было бы оказаться снова в обществе Холдена, однако и эти люди тоже его друзья. И если они отправляются в мир бесчисленных новых запахов...

Бэк мягко спрыгнул на землю. И сразу нашел занятие для своего носа. Уже сама почва имела иной запах, чем на Земле. Новой была и растительность. Он обнаружил несомненные следы животного, с запахом которого никогда прежде не сталкивался. Можно сделать много выводов из анализа клетчатки, содержащейся в растениях чужой планеты. Однако Бэк мог бы рассказать значительно больше — благодаря своему обонянию. Вон там какое-то плотоядное животное преследовало маленькое трепещущее создание, которое то взвивалось вверх в гущу нависающей растительности, то снова припадало к земле. А здесь другое животное, травоядное, без всякого видимого повода сделало в испуге гигантский прыжок — по-видимому, на него напало некое летающее существо, но промахнулось. А вон там отчетливыми прыжками проскользнуло что-то, поразительно напоминающее своим запахом змею. А там снова какое-то теплокровное животное оставило растянутый след, ползая на животе.

Без остатка поглощенный миром новых запахов, Бэк не останавливался в своих поисках. Время от времени он слышал голоса людей, это придавало ему уверенность, и он все больше и больше удалялся от ракеты, лишь изредка останавливаясь и прислушиваясь. Он только нашел нору какого-то животного и деловито обнюхивал вход в нее, как послышались новые звуки.

Первый возник где-то на горизонте и постепенно приближался к зениту. Это был низкий моторный рокот, какой издают самолеты. Бэк не раз слышал его на Земле. Это был звук механический, стало быть, произведенный человеком, и, следовательно, опасаться этого звука не было оснований. Одновременно начал приближаться отдаленный грохот, напоминающий шум бульдозеров или машин вроде них. Эти машины применяет человек, значит, и грохота нечего было бояться. И Бэк с энтузиазмом продолжал обнюхивать нору.

Потом раздались энергичные мужские голоса. Позови его Холден, Бэк немедленно пустился бы во всю прыть. Но других людей он слушался не так безоговорочно. Он понюхал еще и еще раз. Когда наконец пес не спеша двинулся в ту сторону, откуда долетали призывы, то услышал вой ракеты, взвивающейся в небо. Ему даже в голову не пришло, что люди могли его здесь оставить. Но люди должны были установить, каким оружием располагает планета, а сделать это они могли только в воздухе. И когда Бэк достиг места, где села ракета, ее там не оказалось.

Бэк остановился как вкопанный. Рокот над головой превратился уже в громовое рычание. В темноте над ним носилось множество летающих машин. Одновременно, по крайней мере с трех сторон, приближался механический грохот.

Бэк недоверчиво обнюхивал место, где еще недавно стояла ракета. Потом он обеспокоенно побежал по следам мужчин, которые брали образцы растений. Потом вернулся. Разумеется, Бэк чувствовал себя несчастным, но ему и в голову не приходило, что люди оставили его на произвол судьбы. Пес нетерпеливо ожидал, когда они заметят, что забыли о нем, и возвратятся.

Рокот кружил в темном небе, грохот приближался из-за стены мрака. Все это были машины, употребляемые людьми, может быть, незнакомыми ему людьми, но тем не менее людьми, которые, несомненно, полюбят большого, каштанового, хорошо сложенного пса. Быть может, они даже помогут ему вернуться к Холдену? Но пока Бэк растерянно вертелся на том месте, куда ракета не возвратилась. А шум и грохот нарастали.

Затем сверху брызнул яркий свет. Он лился с самолета. Бэк ослепленно заморгал. Но он не слишком обеспокоился. Машины, двигающиеся по земле, машины летающие, яркий свет — всем этим пользуется человек. А уважающий себя пес сумеет установить правильные отношения с каждым человеком.

Бэк предусмотрительно посторонился, так как теперь ослепительно засверкали и рефлекторы машин, с грохотом продиравшихся сквозь чащу. Он уступил дорогу, но даже не подумал скрыться в темноте. Он моргал и машинально махал хвостом, готовясь с надлежащей учтивостью встретить людей, которые высадятся из машин. Само собой разумелось, что они помогут ему отыскать Холдена.

Одна из машин остановилась, из нее вышло нечто. Это нечто не было человеком. Бэк недоверчиво принюхался и ощетинился. Он не верил самому себе. Ведь машинами пользуются люди. Только люди. Массианец приближался к нему, и Бэк предостерегающе зарычал. Его слепил невыносимо яркий свет. Он зарычал снова и еще больше ощетинился. Этот большой каштановый пес предостерегал существ, которые, по-видимому, уничтожали корабли межзвездного флота землян и опустошали колонии Земли, чтобы они не вздумали к нему прикоснуться. Бэк, естественно, ничего не знал о погибших кораблях и массовых убийствах. Он был только псом — псом, принадлежавшим человеку, и не мог себе представить, что может существовать какое-то другое равное человеку существо, которому разумный пес не должен сопротивляться.

Странные деревья вздымались к затянутому тучами небу, в котором делал сумасшедшие круги сноп ярчайшего света. Огромные машины, необычайно сильные рефлекторы которых пронизывали лучами перистые листья и расчерчивали землю путаницей резких теней. И кольцо массианцев, жителей четвертой планеты системы Масса Гамма — существ, в конце концов не так уж отличающихся от человека,— сомкнувшееся вокруг места, где недавно находилась спасательная ракета, а теперь стоял большой каштановый пес и предостерегающе рычал.

Какое-то время массианцы выжидали. Однако существа, умеющие посылать в пространство радиосигналы, не могли быть глупцами. К тому же в машинах имелись передающие устройства, благодаря которым свидетелями встречи стали — на расстоянии — самые светлые умы планеты. И должно быть, перед экраном какой-нибудь лаборатории кто-то сообразил, что лапы Бэка совершенно не приспособлены для обслужи-

вания какого бы то ни было механизма, тем более для постройки межзвездных кораблей.

Во всяком случае, раздались звуки, в которых Бэк различил членораздельную речь, хотя не мог понять ни слова. Он медленно отвернулся от первого существа, которое все еще находилось на том месте, где оно остановилось, как только он зарычал. Не приближался и ни один из источников света. Поэтому Бэк ограничился несколькими полными достоинства предостерегающими порыкиваниями. Его хозяева были здесь и улетели. Но они возвратятся. Возвратятся обязательно. На этот счет он не ошибается. И он будет здесь их ожидать. Машины могут кружить, если им это нравится. Его хозяева, должно быть, хотят, чтобы они кружились, стало быть, он не будет этому противиться. Но сам он с этого места не сдвинется.

Он демонстративно покружился и лег на землю. А в глубине души он отчаянно надеялся, что именно Холден вернется за ним.

В Департамент обороны на Масса-4 поступил рапорт. Он сжато и деловито докладывал о пребывании малой межпланетной ракеты в северном округе Первого континента. Вместе с рапортом были переданы фотографии человеческих следов, места, где стояла ракета, а также кинолента, на которой был заснят Бэк. Ему была посвящена также большая часть рапорта.

«Умственные способности ограниченные, но несомненные,— гласил рапорт.— Способен сосуществовать с другими существами. Держится не слишком дружелюбно, но и не враждебно, скорее снисходительно. По-видимому, привык к машинам, относится к ним без опасений, но и без интереса. Обнаруживает удивительную уверенность в себе, словно бы имел какие-то основания сохранять независимость от существ более интеллигентных. Однако не проявляет враждебности, пока на него не пытаются воздействовать. Похоже, что принадлежит к какому-то виду, соподчиненному существам, построившим пространственный корабль, хотя назначение его неясно, так как он не имеет хватающих конечностей и никаких

сколько-нибудь заметных технических способностей, позволяющих использовать его для наблюдения за механизмами... Сейчас мы приступили к установке психоанализаторов и попытаемся получить дальнейшие данные на основании воспоминаний, закрепившихся в мозгу этого существа, которое, разумеется, не должно осознать, что мы проводим на нем какие-то исследования. Прилагаем все усилия, чтобы не нарушить его душевное равновесие...»

Следующий рапорт сообщал:

«При помощи психоанализаторов удалось извлечь у исследуемого существа зрительные и слуховые воспоминания вполне удовлетворительной четкости. Оказывается, что оно живет в симбиозе с существами, обслуживающими межзвездный корабль. Его полезность для существ более высокоорганизованных по-прежнему остается невыясненной, однако его зависимость от этих существ — которые в общем подобны нам — неоспоримо доказана записями, приложенными к данному рапорту. Зрительные впечатления указанного создания сравнительно бедны, зато оно обладает отличным обонянием и слухом. Особенно живы его обонятельные воспоминания. Так, например, его зрительные воспоминания охватывают лишь некоторых членов команды межзвездного корабля, в то время как обонятельные — всех без исключения. Ценность технических данных, которые можно получить от Бэка — таково, судя по слуховым воспоминаниям, имя этого существа,— практически равна нулю. Воспоминания о предполагаемой материнской базе на планете, с которой прибыли агрессоры, ограничиваются почти исключительно воспоминаниями обонятельными. Кроме того, существо это необычайно интересуется всякими деревьями и столбами, а также запахами, которые оно с ними связывает... Очень сожалеем, что нам не удалось получить сколько-нибудь существенных технических данных...»

В ответ из Департамента обороны поступил приказ следующего содержания:

«ВНИМАНИЕ. ДЕЛО, НЕ ТЕРПЯЩЕЕ ОТЛАГАТЕЛЬСТВА. НЫНЕШНИЙ ПРИКАЗ АННУЛИРУЕТ ВСЕ БЕЗ ИСКЛЮЧЕНИЯ ПРЕДШЕСТВУЮЩИЕ ПРИКАЗЫ. НИ ОДИН ГРАЖДАНИН НЕ ДОЛЖЕН ПРЕДПРИНИМАТЬ НИКАКИХ ДЕЙСТВИЙ, РАСХОДЯЩИХСЯ С СУТЬЮ ЭТОГО ПРИКАЗА.

Межпланетный совет решил, что наше отношение к агрессорам будет окончательно установлено после того, как будут приняты во внимание все данные, какие можно получить от так называемого Бэка. Особенно важно исследование взаимоотношений существ высших и низших. Как известно, существуют методы психологического воздействия тиранов на расы зависимые, чтобы заставить их подчиниться. В какой мере какой-либо из этих методов применялся по отношению к Бэку и каков был этот метод? Какими правами пользуется раса низшая? Какие наказания налагаются на нее за нарушение этих прав? В какой мере Бэк может ожидать лояльности от своих хозяев? Существует ли какой-либо кодекс, писаный или изустный, регулирующий отношения обеих рас, и соблюдает ли его раса высшая? Существует ли...»

Далее приказ вдавался во все возможные подробности. Его главной мыслью было предположение, что мозг Бэка как существа, живущего вместе с человеком, должен содержать совершенно объективный образ человеческой расы.

Межпланетный совет признал правильным предположение, что от Бэка нельзя получить никаких технических данных. Но бесценными могли оказаться и те сведения, которые от него получить можно. Ни один человек не заслуживал бы полного доверия как информатор о своей собственной природе. Но живущее с ним животное...

Совет не приостановил военных приготовлений. Слишком зыбкой была надежда, что будущее принесет что-либо, кроме непрерывной полосы битв. Но если какая-то надежда была, она без остатка сконцентрировалась на Бэке.

Что же касается Бэка, то положение, в котором он оказался, было для него совершенно непонятным. Место приземления ракеты было теперь ограждено, а он сам заключен внутри ограды. Существа, которые не были людьми, относились, правда, к нему почтительно, и он, как хорошо воспитанный и уважающий себя пес, отвечал им надлежащей обходительностью, но одновременно эти же существа все время подсо-

вывали к нему какие-то аппараты, а это ему уже решительно не нравилось. Вот теперь, например, перед ним был мегафон, который издавал самые разнообразные звуки. Однажды мегафон залаял голосом, похожим на голос одного знакомого пса. Да, Бэк отлично помнил пса с базы в Ригель, голос которого звучал точно так же. Он гневно гавкнул в ответ, но тот лай больше не повторился. В другой раз раздался голос Холдена. В неописуемой радости Бэк вскочил и, махая хвостом так, что он превратился в мелькающую полосу, залился лаем и скулежом, каким всегда встречает пес своего хозяина после многодневной разлуки. Когда он наконец понял, что это только мегафон, его надломила тяжесть разочарования. Скуля, он бегал вдоль ограды и высматривал Холдена.

Были исследованы его реакции и на иные возбудители. Один из массианцев принес ему еду. Сначала Бэк недоверчиво обнюхал ее и отошел. Если уж он вынужден есть какие-то незнакомые вещи, то предпочел бы добыть их на охоте сам. Потом он все-таки капитулировал и съел. Массианец имел переносной мегафон, который время от времени кричал: «Бэк, Бэк!» В ответ на хорошо знакомое слово Бэк помахивал хвостом. Но даже когда массианец научился сам выговаривать это слово, Бэк не избавился от настороженности по отношению к нему. Он тосковал по людям. И особенно по своему хозяину. Как только пес начинал дремать, во сне сейчас же приходил Холден. Когда Бэк засыпал покрепче, его посещали сны такие отчетливые, что лапы сами по себе дрожали короткой, отрывистой судорогой бессильного бунта. Иногда он лаял, подвывал или скулил сквозь сон, однако по преимуществу это был скулеж неудержимой радости, когда в снах появлялся Холден.

Бэк не предугадывал, что подсовываемые массианцами аппараты регистрируют воспоминания, проплывающие в его мозгу под влиянием все большего количества возбудителей, которыми массианцы были в состоянии на него воздействовать. Бэк понимал смысл более ста слов, если они были сказаны определенным тоном. Слова эти, повторяемые мегафоном на основании записей, извлеченных из воспоминаний Бэка, неизменно вызывали одну и ту же реакцию.

В то время как приготовления к атаке на «Кеннеси» непрерывно продвигались вперед, массианцы интенсивно исследовали Бэка. А по мере того как возрастало знакомство с его психикой, они старались завоевать его расположение. Массианец, на долю которого выпало это задание, не щадил усилий, чтобы заменить Бэку Холдена. Он пользовался записями его голоса, пробовал ласкать Бэка способом, который — как свидетельствовали воспоминания — приводил животное в состояние наивысшего счастья. Однажды он даже начал кататься с Бэком по земле, потому что некогда так делал Холден. А это требовало немалой отваги, так как Бэк был большой и сильный, а массианец маленький и довольно тщедушный.

Но Бэк не хотел играть. Он держался вежливо, но это была та вежливость, которую пес соблюдает с животными, принадлежащими человеку, такими как лошади, коровы или овцы, на худой конец даже коты. Но ведь ни один пес не станет забавляться с подпрыгивающим ягненком или бегать за пугливым жеребенком. Поэтому Бэк оставался сдержанным. Он и не думал менять свое отношение к людям вообще, а к Холдену особенно. Он, правда, ел чужую пищу и снисходительно терпел массианского ученого, который так и не сумел заменить ему Холдена, хотя слыл одним из самых светлых умов в системе Масса Гамма. Бэк становился все более печальным по мере того, как проходили дни, превращавшиеся в недели. Он грустил и худел, хотя подсознательно отдавал себе отчет, что эти странные существа, которые не были людьми, полюбили его подобно людям. Что поделаешь, собака, принадлежавшая человеку, не может хорошо себя чувствовать в разлуке с ним...

Между тем «Кеннеси» продолжал двигаться по избранной орбите.

Возвратившись на корабль, Мейнард объяснил, как сумел, печальную историю с Бэком, и Холден принял это объяснение, хотя ни тому ни другому оно не принесло облегчения. В подобной ситуации не стали бы ожидать и человека, но с собакой дело обстоит иначе. Собака не может позаботиться о себе. Все понимали, что другого выхода не было, что Бэка нужно было оставить, и все-таки всем было не по себе.

Материалы, привезенные с Масса-4, были тщательно исследованы. Одновременно накапливались записи радиосигналов, продолжалось наблюдение планеты при помощи электронных телескопов, собирались все более многочисленные доказательства существования высокой цивилизации. И непрерывно крейсер сопровождали направленные излучения, посылаемые с Масса-4.

Вообще ситуация была как нельзя более подозрительная и напряженная до предела. Правда, к спасательной ракете двинулись только наземные машины и атмосферные самолеты. На первый взгляд могло показаться, что это свидетельствует об ограниченных оборонных возможностях. Но, с другой стороны, не подлежало сомнению, что в системе Масса Гамма существует межпланетное сообщение. А сопровождающие «Кеннеси» направленные лучи и немедленное обнаружение спасательной ракеты доказывали, что жители системы отлично понимают, что имеют дело не с кометой.

Цивилизация, обладающая средствами межпланетной коммуникации, но не имеющая достаточных средств для обороны, несомненно попыталась бы в такой ситуации установить контакт с «Кеннеси». И тот факт, что никаких попыток этого рода не было, не предвещал ничего хорошего. Он скорее указывал, что раса, населяющая планету, затаилась в ожидании минуты, когда сможет неожиданно нанести смертельный удар. Поэтому нет ничего удивительного в том, что команда «Кеннеси» была в состоянии крайнего нервного напряжения.

— Вообще все это мне не нравится,— признался однажды Холдену капитан.— На их месте мы бы наверняка попытались установить контакт с таким пришельцем из космоса. Только пираты, внезапно появившись на Капелле-3, сразу начали убивать, прежде чем можно было приступить к каким-либо действиям. Должно быть, это все-таки они населяют здешние планеты. Хорошо, что мы успели послать рапорт на Землю. Если мы не вернемся, там, по крайней мере, будут знать, куда направить флот с межпланетными бомбами.

— Не могу себе простить, что не я сделал эту попытку высадиться,— сказал Холден решительно.— Пошлем еще одну торпеду с сообщением на Землю?

— Нет. И больше не будем пытаться высадиться,— ответил капитан.— Все равно ведь абсолютно невероятно, чтобы тебе удалось найти место, где приземлялась ракета. В конце концов Бэк...

— Да, он наверняка был убит, как только его нашли,— закончил Холден.

Он ни к кому не мог иметь претензий, но был полон горечи. Ему недоставало Бэка.

Только на двенадцатый день после исчезновения Бэка от Масса-4 отделился межпланетный корабль. «Кеннеси» успел уже сделать оборот вокруг планеты и направлялся теперь к перигелию противоположной стороны ее солнца. Если бы удалось благополучно достигнуть этого пункта, капитан намеревался со всеми полученными данными двинуться в обратный путь, к базе. Появление корабля перечеркнуло эти планы.

На первый взгляд казалось, что у него ракетный двигатель — корабль тащил за собой как бы хвост отработанных газов. Однако спектроскопы обнаружили, что это попросту продукт сжигания какого-то углеводородного соединения. Кроме того, как удалось установить, «хвост» не играл роль движущей силы. Это скорее напоминало полосы дыма, какие выпускают самолеты в рекламных целях.

После двух дней полета корабль довольно значительно отдалился от планеты, затем мягкой дугой изменил курс. Вскоре после этого в контрольную каюту пришел навигационный офицер с рапортом. Направление и скорость полета явно указывали на то, что корабль стремится как можно ближе подойти к «Кеннеси» и установить связь. Потом «хвост» дыма начал попеременно становиться то тоньше, то толще,— несомненно, для того чтобы привлечь внимание крейсера.

В контрольной каюте зазвучал мегафон.

— Капитан,— раздался хриплый голос Холдена.— Эта псевдоракета забрасывает нас всевозможными сигналами. Все время повышает и понижает спектр, пытается модулировать частоту, амплитуду и так далее. Послушайте сами.

И в мегафоне раздалось веселое «Гав!». Вне всякого сомнения, это был лай Бэка. И сразу же после этого человеческий

голос позвал: «Бэк». Хотя и слегка искаженный, это был, несомненно, голос Холдена. Как заводной он выкрикивал теперь: «Бэк, лежать!», «Ко мне, Бэк!», «Принеси это, Бэк, принеси». И все другие команды, на которые Бэк был обучен реагировать. Использовать лексикон, известный большому каштановому псу по кличке Бэк, в качестве средства связи между чуждыми, не доверяющими друг другу расами,— это, конечно, было бесцеремонно, но совершенно недвусмысленно по намерениям.

— Знаете, что это значит, капитан? — дрожащим голосом сказал Холден.— Каким-то способом они извлекли все это из мозга Бэка. Прочитали в его памяти. Да, другой возможности я не вижу. А теперь хотят установить с нами контакт.— И глухо добавил: — Только не убили ли они его, чтобы копаться в его мозгу...

— Холден,— сказал капитан.— Будь так добр, ответь им. Только ты должен обратиться к Бэку. Посмотрим, что произойдет.

В мегафоне раздался голос Холдена, направленный в другой микрофон.

— Бэк,— хрипло сказал Холден.— Ты слышишь меня, старина? Отзовись! Ты слышишь меня, Бэк?

В ответ микрофон залился радостным лаем, каким Бэк всегда встречал своего хозяина. Бэк лаял и рычал, скулил и подвывал и наконец снова залился отчаянным лаем. Он ошалел от радости.

— Это он, капитан...— неуверенно сказал Холден.— Он услышал меня. Значит, они не сделали ему ничего плохого. Наверно, нужно, капитан...

— Да, Холден, ты совершенно прав,— сказал капитан — Я как раз хотел тебе сказать, чтобы ты взял спасательную ракету и попытался узнать побольше об этих существах. Быть может, тебе удастся войти с ними в непосредственный контакт. Существа, которые сумели познакомиться с добропорядочным псом и достаточно честны, чтобы обратиться к его настоящему хозяину, не могут быть теми, кто уничтожил полмиллиона людей на Капелле-3.

Массианский ученый, который пытался заменить Бэку Холдена, успел подружиться со своим соперником прежде, чем «Кеннеси» опустился на поверхность Масса-4. На материнскую базу была выслана еще одна ракета, чтобы подробно объяснить ситуацию и причины, которые склонили команду к дружеским отношениям с жителями системы Масса Гамма. (Само собой разумеется, если бы «Кеннеси» не вернулся, никто на Земле не усомнился бы, кто ответствен за это.)

— Все складывается великолепно,— объяснял Холдену массианский ученый — Обладая атомной энергией, вы можете придавать любую силу световым лучам, с которыми мы вас познакомили. Благодаря этому мы легче справимся с нашими общими врагами. Смешно, что мы научились использовать световые лучи в качестве движущей силы в межпланетных кораблях, так как не знали атомной энергии, а вы открыли атомную энергию потому, что не имели наших световых лучей.

— Найдется, наверно, еще много вещей, которые можно связать таким образом,— сказал Холден — Мы сможем взаимно дополнять наши знания, если, разумеется, не утратим доверия друг к другу.

— Да,— меланхолически сказал массианец,— и подумать только, что мы намеревались сжечь вас световыми лучами, потому что боялись вас, а вы хотели уничтожить нашу цивилизацию при помощи межпланетных бомб, так как боялись нас. И если дело до этого не дошло, мы обязаны этим только Бэку.

— Я все еще не в состоянии понять, как вы могли нам доверять столь безоговорочно,— сконфуженно сказал Холден.— Боюсь, что мы не были бы так доверчивы к незнакомым существам. Возможно ли, чтобы это было заслугой Бэка...

— И все-таки это так,— серьезно ответил массианец.— Мы извлекли из его мозга все воспоминания. Абсолютно все... И оказалось, что его вид преклоняется перед человеком. Бэк стерпел бы от человека даже жестокость. Но люди не были с ним жестоки. Он без колебаний отдал бы за человека жизнь, но никто не требовал этого от него. Он безгранично вам предан, но и вы отвечаете ему любовью на его преданность. Зна-

ешь, что окончательно склонило Межпланетный совет к тому, чтобы отнестись к людям с полным доверием?

— Признаться, нет...— сказал Холден.

— Твоя встреча с Бэком, когда ты впервые вступил на палубу нашего корабля,— улыбаясь, сказал массианец.— Бэк еще до этого выдал нам все, что сам знал о человеке. Но надо было видеть эту сцену встречи. Бэк прыгнул на тебя, и вы вместе покатились по полу. Вы обнимались, как любовники. И тебе даже в голову не пришло, что такое большое животное невольно может сделать тебе больно. Ты обрадовался, увидев его, точно так же, как и он тебе. И это окончательно решило вопрос о нашей политике. Мы уже знали, что люди на доверие отвечают лояльностью. То есть большинство людей,— помолчав, сказал массианец.

— Ну да,— снова смущенно сказал Холден.— Вот это как раз и беспокоит нашего капитана. Он говорит, что вы держитесь так, как если бы все люди были такими порядочными, какими считают нас собаки. А это неправда. В будущем вам следует быть с нами несколько осторожнее.

— Мы и об этом узнали от Бэка,— сказал массианец.— Но мы узнали также, что всегда найдем людей, которым сможем доверять.

По темно-зеленому газону гигантскими прыжками промчался Бэк. Холден вместе с массианцем сидел на чем-то вроде террасы перед его домом. Бэк подлетел к ним, радостно хахакая, и положил голову на колени Холдену. Потом он любезно махнул массианцу хвостом и снова куда-то унесся.

— Ко мне он никогда так не подбежит,— сказал массианец.— А я... да, думаю, что я люблю его не меньше, чем ты.

— Это потому, что я его хозяин,— объяснил Холден.— Но он относится к тебе, как к человеку. Ты не заметил этого?

— Ты прав. Я было не обратил внимания, но это так, ты прав. Слушай, мы должны начать держать собак. Собаки должны нас полюбить так же, как людей. Тогда человек, который любит собак, скорей поверит массианцу, который также их любит, и наоборот.— Массианец засмеялся.— Разве могли бы мы не доверять человеку, которого добропорядочный пес считает своим хозяином? Таким образом люди станут для нас братьями.

Так закончился этот краткий эпизод из истории поисков межзвездных пиратов. Все знают, что населенная ими система была в конце концов найдена и, прежде чем с ними успели начать какие бы то ни было переговоры, их корабли с бешеной яростью атаковали наш флот. Дело должно было закончиться их полной гибелью или же гибелью людей и массианцев. Тогда впервые земные корабли использовали в бою мессианские световые лучи. Но это уже история, которую все знают.

Не все, однако, знают, что перед зданием Межпланетного совета на Масса-4 стоит памятник Бэку. Массианцы считают это вполне естественным делом. Они любят собак сверх всякой меры, и собаки их также любят. У массианцев даже появилась поговорка, что собака — лучший друг массианца.

А на Земле нет никакого памятника Бэку. Но Бэк не имеет по этому поводу претензий. Разве он не является и без того счастливейшим псом? Ведь он с Холденом. И не отходит от него ни на шаг.

Первый контакт

Томми Дорт вошел в центральный пост, держа в руке последнюю пару стереофотографий, и доложил:

— Я закончил, сэр. Вот два последних снимка.

Он протянул фотографии капитану и с профессиональным интересом оглядел огромные экраны кругового обзора. Тусклые темно-красные огоньки светились только на панелях управления и навигационных устройств космического корабля «Лланвебон». Тут же, рядом с мягким креслом вахтенного, была расположена система угловых зеркал, отдаленно напоминающих автомобильные зеркала XX века, позволявшая ему видеть все экраны, не поворачивая головы. Здесь находились и специальные экраны, при помощи которых можно было проводить более детальные наблюдения.

«Лланвебон» был далеко от дома. На экранах каждая звезда была видна так, словно ее рассматривали невооруженным глазом; кроме того, ее изображение можно было увеличить до любого нужного размера. Поражая разнообразием красок, там переливались звезды самой различной яркости. Все они казались незнакомыми. Только два созвездия выглядели почти так же, как они видны с Земли, но и те съежились и изменили привычные очертания. Млечный Путь очутился далеко в стороне от своего обычного места. Однако все эти чудеса не шли ни в какое сравнение с картиной, открывавшейся на носовом экране.

Впереди висело гигантское светящееся облако. Оно казалось неподвижным. Чтобы заметить его приближение, приходилось довольно долго следить за экраном, хотя приборы звездолета показывали невероятную скорость. Облако было Крабовидной туманностью размерами шесть световых лет на три с половиной. Расползшиеся в стороны отростки при наблюдении в земные телескопы делали туманность похожей на животное, давшее ей свое имя. Это было облако невероятно разреженного газа.

Глубоко внутри туманности пылали две звезды, вернее, двойная звезда,— одна почти такая же желтая, как земное Солнце, другая — ослепительно белая.

— Мы ныряем в бездну, сэр,— задумчиво сказал Томми Дорт.

Капитан внимательно посмотрел на два последних снимка, сделанных Томми, и, отложив их в сторону, снова начал напряженно вглядываться в носовой экран. Тормозные двигатели «Лланвебона» работали с максимальной нагрузкой. Звездолет находился всего лишь в половине светового года от туманности.

На Томми лежала обязанность прокладывать курс корабля. Теперь эта работа кончилась. Когда корабль начнет исследовать туманность, Томми Дорт будет бездельничать. Но он уже отработал плату за свой проезд. Он только что закончил совершенно уникальную работу — полную фотографическую запись всех изменений туманности за период в четыре тысячи лет. Впервые это было сделано одним человеком, с помощью одной и той же аппаратуры, с контрольными снимками для обнаружения и регистрации систематических ошибок. Этот труд сам по себе окупал его путешествие. Кроме того, Томми зафиксировал четыре тысячи лет истории двойной звезды и столь же долгий процесс вырождения звезды в белого карлика.

Это вовсе не значило, что Томми Дорту было четыре тысячи лет. Ему еще не исполнилось и тридцати. Но Крабовидная туманность находится на расстоянии четырех тысяч световых лет от Земли, и, когда Томми делал два последних снимка, в объективы падал свет, который достигнет Земли лишь в шестом тысячелетии нашей эры. Звездолет мчался со скоростью, во много раз превышающей световую, и Томми Дорт

© Перевод Д. Брускина.

регистрировал малейшие изменения во внешнем виде туманности, происшедшие от сорока веков до каких-нибудь шести месяцев назад.

«Лланвебон» пронизал пространство. По экрану медленно, очень медленно расползалось ослепительное пятно. Оно закрывало половину Вселенной. Впереди было сверкающее облако, позади усеянная звездами пустота. Облако затянуло три четверти всех звезд на экране; лишь несколько самых ярких едва проглядывали у самой кромки. Да еще за кормой корабля виднелись неправильной формы пятна тьмы, а рядом с ними, не мигая, горели звезды. «Лланвебон» нырнул в облако. Казалось, он влетел в совершенно темный туннель со стенами из сверкающего тумана.

Уже на первых снимках отчетливо проявились структурные особенности туманности. Она не была аморфной. Она имела форму. Когда расстояние сократилось, отдельные детали структуры выросли и стали более различимыми. Ссылаясь на фотографии, Томми Дорт сумел доказать, что не стоит лететь напрямик. И вот звездолет подошел к туманности по гигантской логарифмической кривой; эта траектория, выбранная Томми, позволила ему сделать ряд последовательных фотоснимков под различными углами и получить стереопары, которые давали объемное изображение туманности. На них открывались сгущения и разряжения, разнообразные сложные формы. Местами туманность сворачивалась спиралями, похожими на извилины человеческого мозга. В одну из этих впадин — их называли так по аналогии с впадинами в океанском дне — и нырнул сейчас звездолет.

Поза капитана стала менее напряженной. В наше время люди, занимающие его пост, должны, помимо прочих дел, решать, о чем следует беспокоиться, и уже затем беспокоиться именно об этом. Капитан «Лланвебона» был добросовестным человеком. Только убедившись в том, что показания прибора, за которым он внимательно наблюдал, не изменились, он с облегчением откинулся в кресле.

— Раньше мы предполагали, что эти впадины могут оказаться несветящимся газом,— мрачно сказал он.— К счастью,

это пустота. Мы должны идти овердрайвом все время, пока находимся в этих провалах.

Расстояние от края туманности до окрестностей двойной звезды, которая была ее центром, составляло полтора световых года. Это создавало сложную проблему. Туманность — газ. Настолько разреженный, что хвост кометы по сравнению с ним можно считать твердым телом. Но кораблю, идущему овердрайвом — со сверхсветовой скоростью,— нежелательно столкнуться даже с обычным глубоким вакуумом. Ему нужна абсолютная пустота, как в межзвездном пространстве. И если бы выяснилось, что во впадинах газ, «Лланвебону» пришлось бы отказаться от сверхсветовой скорости.

Казалось, за кораблем, который постепенно снижал скорость, стелется светящийся туман. Внезапно поле овердрайва было выключено; при этом у всех членов экипажа, как обычно, возникло неприятное ощущение.

Сигнал тревоги прозвучал совершенно неожиданно. Пронзительный звон прокатился по кораблю. Томми был почти оглушен колоколом громкого боя, который гремел в центральном посту, пока вахтенный наконец не выключил его. Но звон все еще пронизывал корабль, лишь постепенно угасая по мере того, как одна за другой закрывались автоматические двери.

Томми Дорт изумленно уставился на капитана. Тот стоял, сжав кулаки, и не отрываясь смотрел через плечо вахтенного на пульт управления. Один из индикаторов, казалось, бился в конвульсиях. Остальные тоже сообщали о приближении какого-то тела. На расплывчатой светлой пелене, залившей носовой экран, появилось пятнышко, которое становилось все ярче, по мере того как автоматическое сканирующее устройство фокусировало его. Это было направление на объект, который вызвал сигнал тревоги, предупреждающий о возможном столкновении.

Из показаний локатора следовало, что на расстоянии около ста тридцати тысяч километров находилось твердое тело небольших размеров. Кроме того, был обнаружен еще один объект. Дистанция до него менялась от максимального значения до нуля, а его размеры, если верить локатору, тоже менялись вместе с этими невероятными приближениями и удалениями.

— Дайте усиление на сканер,— скомандовал капитан.

Ослепительная вспышка прочертила экран, стирая неопознанный объект. Усиление возросло, но на экране не появилось никакого изображения. Абсолютно ничего. Однако, если верить показаниям радиолокатора, нечто чудовищное и невидимое приближалось сумасшедшими скачками к «Лланвебону», со скоростью, при которой столкновение казалось неизбежным, и затем, словно испугавшись, с той же скоростью отпрыгивало назад.

На сканер было подано максимальное усиление. И снова никакого результата. Капитан скрипнул зубами.

— Знаете, сэр,— нерешительно проговорил Томми Дорт,— однажды я видел нечто подобное на лайнере, шедшем с Земли на Марс. Мы попали в луч локатора другого корабля. Их локатор работал на той же частоте, что и наш, и все время, пока он был направлен на нас, он регистрировался как огромное твердое тело.

— Именно это сейчас и происходит,— резко ответил капитан.— Какой-то локатор излучает на нас. Мы принимаем его излучение и, кроме того, наш собственный отраженный сигнал. Но другой корабль невидим! Кто мог прийти сюда на невидимом корабле с локационной установкой? Конечно, не люди.

Капитан нервно сжимал кулаки. Он опять смотрел на экран, на котором не было ничего, кроме бесформенного светового пятна.

— Не люди? — резко выпрямился Томми Дорт.— Вы полагаете...

— Сколько планетных систем в нашей Галактике? — сурово спросил капитан.— Сколько планет, пригодных для жизни? Сколько различных форм жизни может существовать на них? Если этот корабль не с Земли (а он не с Земли), его экипаж — не люди. И неизвестно, к чему приведет встреча с существами, которые не являются людьми, но сумели в своем развитии подняться до уровня дальних космических путешествий.

У капитана дрожали руки. Он не стал бы говорить так откровенно с кем-нибудь из своей команды, но Томми Дорт

был членом научной экспедиции. И даже капитан, который по долгу службы обязан держать при себе все свои сомнения, иногда отчаянно нуждается в том, чтобы излить кому-нибудь душу. Иногда бывает очень полезно подумать вслух.

— О чем-то подобном говорили и писали многие годы,— продолжал он уже мягче.— Где-нибудь в нашей Галактике может существовать раса с цивилизацией, равной нашей или более развитой,— математически вероятность этого довольно велика. Никто не мог предсказать, где и когда мы встретим их. Но похоже на то, что сейчас мы их встретили.

Глаза Томми сверкнули:

— Вы думаете, они отнесутся к нам дружественно, сэр?

Капитан бросил взгляд на индикатор дистанции. Призрачный объект продолжал свои безумные прыжки, он то устремлялся к «Лланвебону», то отскакивал от него. Второй объект по-прежнему едва заметно двигался на расстоянии ста тридцати тысяч километров.

— Он движется,— сказал капитан.— И держит курс на нас. Что же нам все-таки делать, если чужой корабль окажется в радиусе досягаемости?! Отнесутся дружественно? Возможно! Мы попытаемся установить с ними контакт. Мы обязаны это сделать. Но я подозреваю, что наша экспедиция кончилась. Слава богу, у нас есть бластеры!

Излучение бластеров использовалось для разрушения наиболее крупных метеоров, с которыми не могли справиться дефлекторы. Бластеры можно было применить и в качестве оружия, хотя они и не предназначались для этой цели. Дальность действия бластеров доходила до восьми тысяч километров, а максимальная мощность равнялась полной мощности звездолета. При автоматическом наведении и курсовом угле до пяти градусов корабль класса «Лланвебона» мог создавать очень плотное излучение, пробивавшее насквозь небольшие астероиды, оказавшиеся на его пути. Но, конечно, не при овердрайве.

Стоявший около носового экрана Томми Дорт резко обернулся.

— Бластеры, сэр? Зачем?

Капитан, поморщившись, показал на пустой экран.

— Потому что мы не знаем, кто они такие, и не имеем права рисковать! — проговорил он с горечью.— Мы попытаемся установить контакт и выяснить о них все, что возможно,— прежде всего узнать, откуда они, а затем наладить с ними дружеские отношения. Но шансов у нас немного. Мы не можем доверять им ни на грош. Просто нельзя решиться на это! У них есть локаторы. Возможно, их трассеры лучше, чем наши, и они сумеют незаметно для нас проследить путь «Лланвебона», когда он будет возвращаться домой. Мы не имеем права рисковать! Нельзя допустить, чтобы чужие узнали, где находится Земля, раз мы не доверяем им! А почему мы им должны доверять? Может быть, они предложат нам торговать... Ну а если они бросят в овердрайв свой боевой флот, который уничтожит нас, прежде чем мы поймем, что произошло?.. Ведь неизвестно, чего нам ожидать и когда!

У Томми было испуганное лицо.

— Теоретически все это обсуждалось до бесконечности,— сказал капитан.— Никто никогда не мог найти правильного решения даже на бумаге. Но никому и в голову не приходила совершенно безумная мысль, что в глубинах космоса могут встретиться представители двух цивилизаций и ни одна из сторон не будет знать о том, где находится родная планета другой. И вот теперь нам нужно решить именно эту проблему. Что предпринять? Может быть, внешне эти существа — чудо совершенства, чуткие, дружественные и утонченные, и при этом обладают неумолимой жестокостью. А может быть, они неотесанны и грубы, но очень добры. Возможно, они окажутся чем-то средним. Но имею ли я право рисковать будущим человеческой расы, предполагая, что им можно доверять? Видит бог, я понимаю, как важно для нас наладить дружеские отношения с новой цивилизацией! Это было бы скачком, который подстегнул бы нашу собственную цивилизацию, и, возможно, мы оказались бы в огромном выигрыше. К сожалению, я не имею права рисковать. Я ни за что не рискну показать им путь к Земле! Одно из двух: либо я буду уверен, что они не в состоянии преследовать меня, либо не вернусь домой! Вероятно, и они думают так же!

Капитан нажал кнопку внутренней связи.

— Навигаторы, внимание! Все звездные карты на корабле подготовить к срочному уничтожению. Это касается фотографий и схем, по которым можно установить наш курс или точку старта. Все астрономические данные также собрать и подготовить к уничтожению по моему приказу. Сделать это немедленно и доложить об исполнении.

Капитан отпустил кнопку. Он выглядел внезапно постаревшим. Как только не представляли первый контакт человечества с иной цивилизацией! Но вряд ли кто-нибудь думал, что ситуация окажется настолько безвыходной. Одинокий корабль землян и одинокий — чужой расы встретились в туманности, которая, вероятно, находится очень далеко не только от Земли, но и от родной планеты чужих. Возможно, они и в самом деле хотят мира, но, с другой стороны, под маской дружелюбия им легче всего готовиться к вероломному нападению. Излишняя доверчивость может погубить человеческую расу, но мирный обмен плодами цивилизации был бы величайшим благом. *Любая ошибка могла стать непоправимой*, а недостаточная осторожность — роковой.

В центральном посту было совершенно тихо. Весь носовой экран занимало изображение небольшого района туманности. Очень небольшого района. Это была все та же рассеянная, расплывчатая, светящаяся дымка. Вдруг Томми Дорт протянул руку:

— Вот он, сэр!

Из заливавшей экран туманной пелены вынырнул маленький черный призрак, не отполированный до зеркального блеска, как корпус «Лланвебона». Он казался округлым и формой напоминал грушу. Он был еще далеко. Скрывавшая его дымка не позволяла различить какие-либо детали, но это наверняка не был естественный объект. Томми Дорт взглянул на индикатор и тихо произнес:

— Он летит с очень высокой скоростью и держит курс на нас, сэр. Вероятнее всего, они тоже считают, что никто из нас не решится отпустить другого домой. Как вы думаете, попытаются они установить с нами контакт или, как только подойдут на дистанцию поражения, пустят в ход свое оружие?

«Лланвебон» уже миновал впадину. Теперь он плыл в люминесцирующем тумане. Кроме двух пылающих очагов в серд-

це туманности, здесь не было звезд. Не было ничего, кроме призрачного света, который обволакивал корабль, словно тот погрузился в воду в земных тропиках.

Чужой корабль как будто хотел показать, что он не собирается вступать в смертельную схватку. Подойдя ближе к «Лланвебону», он начал сбавлять скорость. Некоторое время «Лланвебон» двигался ему навстречу, а потом остановился. Он маневрировал, как бы давая понять, что ему известно о близости другого корабля, и остановился не только для того, чтобы подать дружественный знак, но и принять меры предосторожности против атаки. Относительно неподвижный «Лланвебон» мог поворачиваться вокруг своей оси так, чтобы в случае вооруженного нападения представлять собой наименьшую мишень, имея при этом достаточно времени для обстрела.

Момент сближения был очень напряженным. «Лланвебон» своим заостренным носом неподвижно нацелился на чужой корабль. Реле переключило управление бластерами в центральный пост, и капитан положил руку на тумблер, который запускал бластеры на максимальную мощность. Томми Дорт, нахмурившись, ждал.

Поскольку чужие находятся в космосе, очевидно, уровень их цивилизации должен быть очень высок, но тогда обычно развивается и предусмотрительность. Эти существа должны разбираться во всех сложностях первого контакта двух цивилизованных рас не хуже, чем люди на «Лланвебоне».

Вероятно, их, так же как и людей, привлекала мысль о том, что дружеский контакт позволил бы обмениваться техническими достижениями и сделать огромный скачок в развитии. Однако, когда несходные культуры вступают в контакт, одна обычно должна подчиниться, иначе — война. Но субординацию в отношениях между расами, пришедшими с разных планет, нельзя было установить мирным путем. Люди, по крайней мере, никогда бы не согласились подчиниться. Маловероятно, что и любой другой высокоразвитой расе это пришлось бы по вкусу. Выгоды, которые принесла бы торговля, никогда не компенсировали бы тех неудобств, которые являются следствием подчиненного положения. Может быть, некоторые расы, и в том числе люди, предпочли бы торговлю завоеванию. Возможно, эти чужие сделали бы то же самое. Но даже кое-кто из людей стремится к кровопролитной войне. Если чужой звездолет, вернувшись к себе, принесет сведения о существовании людей и «Лланвебона», неизвестная раса будет поставлена перед выбором — торговля или сражение. Они могут предпочесть торговлю, но могут — и войну. Для торговли необходимо желание обеих сторон, а для войны — только одной. Но чужие не могут быть уверены в миролюбии людей, а люди не могут быть уверены в миролюбии чужих. Единственный безопасный выход для обеих цивилизаций заключается в уничтожении одного или обоих кораблей здесь и сейчас же.

Но даже победа не решала всех проблем. Людям нужно было узнать, где обосновалась чужая раса, пусть не для того, чтобы сражаться, но чтобы избегать ее. Людям нужно было узнать, каким оружием и ресурсами она располагает, выяснить, может ли она угрожать Земле и каким образом ее можно уничтожить. Чужим нужно было узнать то же самое о людях.

Итак, капитан «Лланвебона» не открывал огня. Он не решался на это. Но и не открывать огонь он тоже не решался. Капли пота выступили у него на лице. Забормотал репродуктор — вызывала дальномерная рубка.

— Другой корабль остановился, сэр. Он совершенно неподвижен. Бластеры наведены на него, сэр.

Можно было открывать огонь. Но капитан, как бы отвечая на собственный вопрос, отрицательно покачал головой. Чужой корабль застыл не более чем в тридцати километрах от «Лланвебона». Снаружи он был абсолютно черным, какого-то бездонного, неотражающего черного цвета. Никаких деталей разглядеть не удавалось — силуэт корабля едва выделялся на фоне туманности.

— Он совсем остановился, сэр,— произнес другой голос.— Они посылают к нам модулированные короткие волны, сэр. Частотно-модулированные. Похоже на сигналы. Чтобы причинить нам вред, мощность недостаточна.

Капитан процедил сквозь зубы:

— Там какое-то движение. Кажется, они собираются выйти. Подождем... Навести вспомогательные бластеры!

Что-то маленькое и круглое плавно отделилось от овального силуэта черного корабля. Черный корпус дрогнул.

— Корабль отходит, сэр,— сообщил голос из репродуктора.— Сброшенный с него предмет остался на прежнем месте. Он неподвижен.

Другой голос перебил:

— Опять частотно-модулированный сигнал, сэр. Разобрать не можем.

Глаза Томми Дорта блеснули. Капитан следил за экраном.

— Пожалуй, это хорошо придумано, сэр,— задумчиво произнес Томми.— Если бы они что-нибудь послали к нам, мы решили бы, что это снаряд или бомба. Поэтому они подошли близко, спустили бот и снова отступили. Они показывают, что и мы для установления контакта можем послать бот или людей, не рискуя нашим кораблем. Видимо, они рассуждают примерно так же, как и мы.

— Мистер Дорт,— сказал капитан, не отрывая глаз от экрана,— не возьмете ли вы на себя труд выйти наружу и осмотреть этот предмет? Я не могу приказывать вам, но мне нужна вся моя команда на случай решительных действий. Научный персонал...

— Сейчас ни к чему. Ясно, сэр,— живо откликнулся Томми.— Мне не нужен бот, сэр. Достаточно скафандра с двигателем. Он меньше, руки и ноги видны, на бомбу не похоже. Я думаю, необходимо взять с собой сканер, сэр.

Чужой корабль по-прежнему удалялся. Шестьдесят, сто, шестьсот километров. Здесь он остановился. Уже в шлюзовой камере «Лланвебона», забравшись в свой скафандр с атомным двигателем, Томми прослушал сообщения, повторенные репродукторами по всему кораблю. То, что другой корабль отошел на шестьсот километров, ободряло. Возможно, у него не было оружия, эффективного на такой большой дистанции, и Томми почувствовал себя в безопасности. Но как только эта мысль сформировалась в сознании Томми, черный корабль стремительно отошел еще дальше. Вероятно, размышлял Томми, выбравшись из шлюза, чужие поняли, что выдали себя, а может быть, они хотели создать такое впечатление.

Он оторвался от сверкающего серебром «Лланвебона» и двинулся сквозь пылающую раскаленную пустоту; с чем-либо

подобным еще никогда не приходилось сталкиваться человеку. Позади него, отступая, покачивался «Лланвебон». В шлемофоне Томми раздался голос капитана:

— Мы тоже оттянемся, мистер Дорт. На тот случай, если этот предмет окажется атомным устройством, опасным даже на таком расстоянии. Возможно, его просто нельзя использовать непосредственно с корабля. Мы отойдем, держите сканер на объекте.

Соображение казалось здравым, хотя и неутешительным. Для «Лланвебона» было несомненно безопаснее отступить. Теоретически можно было представить, что существует взрывчатое вещество, которое уничтожает все в радиусе сорока километров, но земляне еще не обладали им.

Томми Дорт чувствовал себя очень одиноким. Он скользил сквозь пустоту к маленькому черному пятнышку, которое плавало среди ослепительного блеска. «Лланвебон» исчез. Его полированный корпус почти сразу же утонул в искрящейся дымке. Чужой корабль также не был виден невооруженным глазом. Томми скользил в пустоте в четырех тысячах световых лет от дома, приближаясь к маленькому черному пятнышку, которое было единственным видимым твердым объектом во всем космосе.

Это была слегка сплюснутая сфера, не более двух метров в диаметре. Когда Томми встал на нее, она отпрянула. Торчавшие во все стороны маленькие щупальца напоминали рожки взрывателей подводной мины, но концы их мерцали, как хрусталь.

— Я на месте,— сказал Томми в шлемофон. Он ухватился за рожок и подтянулся к сфере. Она была целиком металлической и абсолютно черной. Томми, конечно, не ощущал фактуры, но он ощупал сферу руками в перчатках, пытаясь выяснить ее назначение.

— Закрыто наглухо, сэр,— заметил он вскоре,— кроме того, что вам показал сканер, сообщать нечего.

Потом Дорт сквозь скафандр ощутил легкую вибрацию. Одна секция круглого корпуса раскрылась. За ней другая. Томми перебрался на другую сторону сферы, чтобы заглянуть внутрь и первым из землян встретить разумное существо с иной планеты.

Но он увидел только гладкую пластину, по которой, казалось, бесцельно проползал тускло-красный блик. В шлемофоне Томми раздалось удивленное восклицание, и он услышал голос капитана:

— Отлично! Установите сканер так, чтобы он был направлен на эту пластину. Они не рискнули послать кого-нибудь из команды и использовали робота с инфракрасным экраном. В худшем случае они потеряли бы только механизм. Возможно, они ожидают, что мы возьмем это на борт. Там может быть заряд, который взорвется к тому времени, когда они соберутся стартовать домой. Я поставлю экран против одного из их сканеров. Возвращайтесь на корабль.

— Есть, сэр,— сказал Томми.— Но где находится корабль, сэр?

Звезды исчезли. Туманность поглотила их вместе с их светом. Только двойная звезда была видна в центре туманности. Томми потерял ориентацию. У него была лишь одна отправная точка.

— Двойная звезда должна остаться у вас за спиной,— донесся приказ из шлемофона.— Мы вас подберем.

Немного погодя Томми миновал еще одну одинокую фигуру, державшую курс на сферу, чтобы укрепить над ней экран. Два космических корабля установили друг с другом связь через маленького сферического робота; при этом на каждом из них понимали, что малейшая неосторожность может поставить под удар целую планету. Используя автономные системы наблюдения, корабли обменивались той информацией, которую они отваживались передавать, а тем временем изыскивали наиболее надежные способы, при помощи которых можно было убедиться, что собственная цивилизация не подвергнется опасности при первом контакте с другой. И все же единственным по-настоящему надежным способом казалось уничтожение другого корабля в мгновенной и смертельной атаке — в целях самозащиты.

С этого момента «Лланвебону» пришлось выполнять сразу две различные задачи. Он улетел с Земли, чтобы произвести с близкого расстояния серию наблюдений над меньшим компонентом двойной звезды в центре Крабовидной туманности.

Эта туманность возникла в результате самого чудовищного взрыва, о котором только известно человечеству. Взрыв произошел в 2946 году до н. э., задолго до того, как возник первый из семи городов на месте давно исчезнувшей Трои. Свет от этого взрыва достиг Земли в 1054 году н. э., что и было зарегистрировано в летописях, а также китайскими придворными астрономами. Вспышка была такой яркой, что в течение двадцати трех суток наблюдалась даже днем. Ее свет (а он прошел расстояние в четыре тысячи световых лет) затмевал сияние Венеры.

Зная это, астрономы девятью столетиями позднее сумели рассчитать силу взрыва. Частицы материи, выброшенные из центра взрыва, должны были разлететься со скоростью три миллиона восемьсот тысяч километров в час, то есть делать почти шестьдесят три тысячи километров в минуту, или тысячу пять километров в секунду. Когда телескопы двадцатого века нащупали место чудовищной катастрофы, там осталась только двойная звезда и туманность. Более яркая звезда в этой паре оказалась почти уникальной. Температура ее поверхности была настолько высока, что в ее видимом спектре отсутствовали линии поглощения. Он был непрерывным.

Температура поверхности земного Солнца около семи тысяч градусов, а температура белой звезды — пятьсот тысяч градусов. Ее масса приближалась к массе Солнца, а диаметр составлял лишь одну пятую солнечного, то есть она была в сто семьдесят три раза плотнее воды, в шестнадцать раз плотнее свинца и в восемь раз — иридия, самого тяжелого вещества на Земле. Но даже она не могла сравниться по плотности с белым карликом, таким, например, как спутник Сириуса. Белая звезда в Крабовидной туманности еще не стала карликом; она находилась в стадии сжатия. «Лланвебон» и должен был исследовать ее, изучить столб света длиной в четыре тысячи световых лет. Это могло принести большую пользу науке. Но встреча с чужим кораблем, перед которым, по-видимому, стояла сходная задача, создала осложнения. Первоначальная цель экспедиции была теперь отодвинута на второй план.

Крошечный круглый робот плавал в разреженном газе туманности. Команда «Лланвебона» несла свою вахту особенно

бдительно. Ученые разделились, часть их без всякого энтузиазма начала исследования, ради которых сюда прибыл «Лланвебон», другая часть занялась проблемами, связанными с появлением чужого звездолета.

Он был посланцем цивилизации, поднявшейся до уровня межзвездных космических полетов. Взрыв, происшедший пять тысяч лет назад, должен был уничтожить все следы жизни в пространстве, которое сейчас занимала туманность. Чужие на черном звездолете, несомненно, прибыли из другой солнечной системы. Вероятно, они, как и «Лланвебон», предприняли путешествие с чисто научными целями, поскольку никакого практического интереса туманность не представляла.

Следовательно, их уровень был по меньшей мере близок к уровню человеческой цивилизации. По-видимому, интересно было познакомиться с их промышленной продукцией и произведениями искусства, и людям стоило завязать с ними дружеские отношения. Но чужие неизбежно должны были понимать, что самое существование человечества и высокий уровень его цивилизации представляют потенциальную угрозу их собственной расе. Две расы могут стать друзьями, но они также могут стать и смертельными врагами.

Проблема, возникшая в Крабовидной туманности, требовала четкого и немедленного решения. Взаимопонимание двух рас в грядущем зависело от действий, которые будут предприняты сейчас. Если завяжутся дружеские отношения, одна из рас — та, которая потерпела бы поражение,— останется в живых, и для обеих это будет величайшим благодеянием. Но при этом нужно исключить малейшую опасность предательства. Необходимо было завоевывать доверие на базе полного недоверия. Ни одна из сторон не отважится вернуться на свою базу, пока не убедится, что другая не причинит вреда его расе. При всей важности взаимного доверия никто не пошел бы на риск. Для каждого существовал единственный надежный выход — уничтожить другого или быть уничтоженным.

Но война создавала больше проблем, чем простое уничтожение противника. Чтобы совершать межзвездные перелеты со сверхсветовыми скоростями, чужие должны были обладать атомной энергией и применять какую-то форму овердрайва. Помимо радиолокации, телевидения и коротковолновой связи, у них, конечно, было много другой техники. Каким оружием они располагают? До каких пределов простирается их цивилизация? Каковы их ресурсы? Осуществимо ли развитие торговли и сотрудничества, или две расы настолько различны, что война между ними неизбежна? Если мир возможен, то как его установить?

Люди на «Лланвебоне», точно так же как и команда другого корабля, нуждались в фактах, чтобы принести домой максимальное количество информации. Важнее всего выяснить на случай войны местоположение другой цивилизации. Именно эта информация могла стать решающим фактором в межзвездной войне. Но и другие сведения были чрезвычайно ценными.

Трагедия заключалась в том, что не могло быть информации, которая способствовала бы установлению мира. Ни один корабль не поставил бы на карту существование собственной расы при малейшем сомнении в доброй воле и честности другого.

Итак, между двумя кораблями сохранялось странное перемирие. Чужой, так же как и «Лланвебон», начал свои исследования. Маленький робот плыл в сверкающей пустоте. Сканер «Лланвебона» был сфокусирован на экране чужого. Сканер чужого внимательно следил за экраном «Лланвебона». Связь была установлена.

События развивались быстро. Томми Дорт добился успеха одним из первых. Свое специальное задание в экспедиции он уже выполнил. Сейчас ему поручили наладить связь с чужими. Вместе с единственным на корабле психологом он вошел в центральный пост, чтобы доложить об успехе. Здесь, как всегда, было очень тихо, лишь перемигивались красные огоньки индикаторов, а на всех стенах и на потолке светились огромные экраны.

— Нам удалось договориться, сэр,— сказал психолог. Он выглядел утомленным. Предполагалось, что в полете он будет заниматься изучением индивидуальных погрешностей наблюдателей, чтобы максимально приблизить точность наблюдений к теоретически возможной. Сейчас на него взвалили работу, к которой он не был подготовлен, и это сказывалось на нем.— Теперь мы можем сообщить им почти все, что хо-

тим,— заявил он,— и можем понять, что они отвечают. Но, естественно, мы не знаем, насколько их сообщения близки к истине.

Капитан перевел взгляд на Томми Дорта.

— Мы разыскали кое-какие детали,— заметил Томми,— и собрали механический преобразователь. Кроме того, мы установили экраны и коротковолновый направленный излучатель. Они используют частотную модуляцию и несколько меняют форму сигнала — это похоже на принцип употребления в нашей речи гласных и согласных. Мы никогда не встречались ни с чем подобным, и наши индукционные катушки здесь не годятся. Но мы разработали что-то вроде языка-посредника. Они излучают коротковолновый частотно-модулированный сигнал, а мы принимаем его как звук. Когда же мы в свою очередь передаем звук, он снова преобразуется в частотно-модулированный сигнал.

Капитан нахмурился:

— Изменение формы коротковолнового сигнала?.. Откуда вы знаете?

— Мы показали им наше записывающее устройство, а они нам свое. Они записывают непосредственно частотную модуляцию. Я думаю,— добавил Томми осторожно,— они вообще не используют звука, даже при разговоре. Они оборудовали специальную рубку, и мы внимательно следили за ними во время сеанса связи. Они не делают никаких заметных движений чем-либо, что напоминало бы орган речи. Вместо того чтобы использовать микрофоны, они просто становятся рядом с предметом, который работает как передающая антенна. Я полагаю, сэр, для общения между собой они используют сантиметровые волны. Наверное, они излучают ультракоротковолновые импульсы, так же как мы издаем звуки.

Капитан удивленно уставился на Томми.

— Это что же — телепатия?

— М-м-м. Да, сэр,— сказал Томми.— Значит, по их мнению, мы тоже пользуемся телепатией. Вероятно, они глухие и, по-моему, не додумались до того, чтоб использовать звуковые волны для связи. Они просто вообще не прибегают к помощи звуков.

— Что еще? — спросил капитан, переварив это сообщение.

— Видите ли, сэр,— неуверенно начал Томми.— Я думаю, мы все подготовили. С помощью диаграмм и рисунков мы условились о произвольных символах для предметов и договорились о понятиях и глаголах. У нас уже есть несколько тысяч общих слов. Мы собрали анализатор, чтобы классифицировать излучаемые ими коротковолновые серии, которые мы вводим в декодирующее устройство. Затем на кодирующем выходе прибора формируются группы коротковолновых сигналов, которые мы хотим отправить обратно. Если вы готовы говорить с капитаном другого корабля, сэр, я думаю, можно начинать.

— Хм. Каково ваше впечатление об их психологии? — спросил капитан психолога.

— Не знаю, сэр,— взволнованно ответил психолог.— Они кажутся совершенно откровенными, но даже не намекнули на существование напряженности, о которой мы знаем. Они действуют так, как будто просто намереваются установить связь для дружеской беседы. Но имеется... так сказать... подтекст...

Психолог годился для изучения психологии человека. Это было подходящее для него поле деятельности. Но он не был подготовлен к анализу чужого мышления.

— Разрешите, сэр,— вмешался Томми.

— Да?

— Они дышат кислородом и не слишком отличаются от нас в других отношениях. Мне кажется, что их раса проделала эволюционный путь, сходный с нашим. Может быть, разум развивается по параллельным путям, так же как... скажем... основные функции организма. Я думаю,— добавил он с запинкой,— каждому живому существу присущи такие процессы, как питание, обмен и выделения. Возможно, всякий разумный мозг должен воспринимать, осознавать и проявлять индивидуальные реакции. Я уверен, что им не чужда ирония. У них есть чувство юмора. Короче говоря, сэр, я думаю, они неплохие парни.

Капитан с трудом поднялся и многозначительно хмыкнул.

— Что ж, посмотрим, что они скажут,— пробурчал он и направился в радиорубку.

Сканер экрана, установленного на роботе, был включен. Капитан подошел к нему. Томми Дорт сел у кодирующего устройства и застучал по клавишам. Из микрофона вырвались какие-то странные звуки. Модулированный ими сигнал был передан чужому кораблю. Почти мгновенно вспыхнул экран; через ретранслятор на роботе был воспроизведен внутренний вид другого корабля. Чужой подошел к сканеру и, казалось, с интересом заглянул в рубку связи «Лланвебона». Он необыкновенно походил и в то же время не походил на человека. Чужой был совершенно лысым, и вид у него был какой-то забавный.

— Я хотел бы сказать,— мрачно произнес капитан,— что-нибудь подходящее о первом контакте двух разных цивилизованных рас и о моих надеждах на то, что между ними возникнут дружеские отношения.

Томми Дорт колебался. Наконец он пожал плечами и уверенно включил кодирующее устройство.

Чужой капитан как будто принимал сообщение. Он сделал жест, словно соглашаясь с чем-то. В декодирующем устройстве на «Лланвебоне» что-то зашуршало, и в приемную кассету упала карточка с расшифровкой. Томми бесстрастно прочел:

«Все это очень хорошо, но существует ли какой-нибудь вариант, при котором оба корабля могут вернуться домой? Я был бы счастлив услышать о таком варианте, если вы можете его предложить. В данную минуту мне кажется, что один из нас должен быть уничтожен».

Атмосфера была напряженной. Возникло слишком много вопросов, требовавших немедленного разрешения, но никто не мог ответить ни на один из них. А нужно было ответить на все.

«Лланвебон» мог отправиться домой. Но вдруг его скорость окажется ниже скорости чужого корабля? Если это так, то «Лланвебон», приблизившись к Земле, выдал бы ее местоположение, и ему бы пришлось вступить в бой. Его ждала либо победа, либо поражение. Но даже если бы он победил, могло случиться, что устройства связи чужих позволили бы им

еще до начала сражения передать на родную планету координаты Земли. «Лланвебон» мог и проиграть эту битву. Если уж ему суждено погибнуть, то лучше, чтобы его уничтожили здесь — тогда вооруженному неприятельскому флоту не удастся обнаружить Землю.

Черный корабль находился в точно таком же опасном положении. Он тоже мог стартовать. Но вдруг скорость у «Лланвебона» больше? Если действовать быстро, то можно по следу, оставленному полем овердрайва, выяснить, куда он направляется. Чужие тоже не знали, в состоянии ли «Лланвебон» передать сообщение на свою планету прямо из космоса. Они тоже предпочли бы скорее погибнуть здесь, чем навести предполагаемого врага на след собственной цивилизации.

Итак, ни один корабль не мог думать о бегстве. Возможно, чужие проследили, каким курсом шел «Лланвебон» в туманности. Но это был лишь отрезок логарифмической кривой, и по нему нельзя было установить, откуда стартовал корабль землян. В данный момент положение обоих кораблей было равным. Вопрос «что дальше?» по-прежнему требовал ответа.

Однако определенного ответа не существовало. Чужие давали информацию в обмен на информацию — и не всегда было ясно, насколько можно доверять их сведениям. Люди тоже обменивали информацию на информацию, и Томми Дорт обливался потом, беспокоясь о том, как бы не дать какой-нибудь ключ к разгадке местоположения Земли.

Чужие видели в инфракрасном диапазоне, поэтому в коммуникационной системе робота частота световых колебаний каждый раз уменьшалась или увеличивалась вдвое. Видимо, чужим не приходило в голову, что по этой особенности можно судить об их солнце — красном карлике, излучающем свет с максимумом энергии ниже той части спектра, которая наблюдается человеческим глазом. Но после того как это осознали на «Лланвебоне», там сообразили, что и чужие могут понять, к какому спектральному классу относится земное Солнце, изучив свет, который глаза людей воспринимают лучше всего.

Очевидно, чужие использовали устройство для записи коротковолновых сигналов так же часто, как люди — звукозаписывающие устройства. Человечеству очень пригодился бы

этот прибор. А те были зачарованы тайной звуков. Они, конечно, воспринимали звук, так же как ладонь человека воспринимает тепло инфракрасных лучей. Но различать высоту или тембр звука они могли не лучше, чем человек мог различать две частоты теплового излучения, даже когда одна из них в полтора раза больше другой. Для чужих знания людей о звуке были замечательным открытием. Они бы нашли для звука такое применение, до которого никогда не додумались бы люди — если бы остались жить. Правда, это был уже другой вопрос.

Ни один корабль не мог уйти, не уничтожив другой. Но пока продолжается обмен информацией, ни один корабль не может ринуться в атаку.

Для той и другой стороны вопрос о внешней окраске кораблей представлял значительный интерес. «Лланвебон» снаружи был зеркально-блестящим, «чужой» — абсолютно черным. Он полностью поглощал тепло и, следовательно, должен был столь же хорошо излучать его. На самом деле все обстояло не так. Черный слой вообще не имел никакого цвета. Это был совершенный рефлектор для инфракрасных волн определенной длины, и вместе с тем он флуоресцировал именно в полосе частот. Практически он поглощал высшие тепловые частоты и преобразовывал их в низшие, которые им не излучались. Таким путем он сохранял нужную температуру даже в пустом пространстве.

Томми Дорт продолжал поддерживать связь. Он обнаружил, что процессы мышления у чужих не настолько чужды землянам, чтобы он не мог следить за ними. При обмене технической информацией обе стороны затронули вопрос о межзвездной навигации. Для иллюстрации Дорту понадобилась звездная карта. Было вполне логично использовать звездную карту из штурманской рубки, но, увидев эту карту, можно было легко догадаться о том, с какой точки она снята. У Томми была карта, сделанная специально, с несуществующим, но убедительным видом космоса. Он передал в кодирующее и декодирующее устройства указания о том, как ее использовать. В ответ чужие показали их собственную звездную карту. Она была немедленно сфотографирована. Навигаторы тщательнейшим образом изучали ее, пытаясь выяснить, из какой точки Галактики Млечный Путь и звезды могут быть видны под таким углом, но ничего не получалось.

И тогда Томми сообразил, что чужие тоже сделали карту специально для отвода глаз и что это — зеркальное отражение фальшивки, которую он им показал.

Но Томми только развеселился. Ему начинали нравиться чужие. Они не были людьми, но обладали присущим человеку чувством юмора. Немного погодя Томми попытался осторожно пошутить. Шутку пришлось превратить в цифры кода, потом в кодированные группы довольно загадочных коротковолновых частотно-модулированных импульсов. В таком виде они попали на другой корабль и там превратились бог знает во что. Шутка, которая прошла через такие превращения, казалось, перестала быть шуткой. Но чужие уловили соль.

Для одного из чужих связь стала таким же естественным делом, как для Томми его занятия шифровкой. Между ними развивалась совершенно невероятная дружба, посредниками в которой стали кодирующее и декодирующее устройства и коротковолновое радиоизлучение. Когда официальная техническая терминология становилась слишком запутанной, этот чужой иногда вставлял совершенно нетехнические жаргонные добавления. Часто они разъясняли путаницу. Томми придумал кодовое имя «Бак», которое декодирующее устройство набирало всякий раз, когда этот непохожий на других оператор подписывал сообщение своим символом.

Через три недели декодирующее устройство после передачи официального сообщения вдруг выдало:

«Ты хороший парень. Жаль, что мы должны уничтожить друг друга. Бак».

Томми думал о том же самом. Он отстучал мрачный ответ:

«Мы не видим никакого выхода. А вы?»

Небольшая пауза, и в приемную кассету снова упала карточка:

«Если бы мы могли верить друг другу, удалось бы найти выход. Наш капитан хотел бы этого. Но мы не можем верить

вам, а вы не можете верить нам. Мы найдем ваш дом, если нам представится возможность, а вы разыщете наш. Но мы сожалеем об этом. Бак».

Томми Дорт отнес эти сообщения капитану.

— Взгляните, сэр! — заговорил он настойчиво.— Эта раса почти люди, и они хорошие парни.

Капитан был занят серьезным делом, беспокоясь о том, что бы ему придумать, о чем можно было бы беспокоиться.

— Они дышат кислородом,— сказал он устало.— У них в воздухе двадцать восемь процентов кислорода вместо наших двадцати, но они могут отлично приспособиться к земной атмосфере. Наша планета для них — лакомый кусочек. А мы до сих пор не знаем, каким оружием они располагают и на что они вообще способны. Согласны вы дать им сведения, как определить местонахождение Земли?

— Н-нет,— ответил Томми с несчастным видом.

— Вероятно, они переживают то же самое,— сухо сказал капитан.— Предположим, мы сумеем установить дружеский контакт. Как долго он останется дружеским? Если их оружие слабее нашего, они поймут, что должны ради собственной безопасности улучшить его. И мы, зная, что они замышляют нападение, должны будем во имя нашей безопасности уничтожить их, пока мы в состоянии это сделать. Либо, наоборот, они должны разбить нас, прежде чем мы достигнем уровня их развития.

Томми промолчал, но беспокойно заерзал на стуле.

— Если мы уничтожим этот черный корабль и вернемся домой,— продолжал капитан,— Правительство Земли будет недовольно, что мы не сумели узнать, откуда он прибыл. А как это узнать? Нам здорово повезет, если мы вообще останемся живы. Из этих существ не удается вытянуть большее количество информации, чем то, которое мы дадим им, а не можем же мы дать им свой адрес! Мы наскочили на них случайно. Возможно,— если уничтожить этот корабль,— другого контакта не будет еще тысячи лет. И это обидно, потому что торговля значит для нас так много! Но чтобы обеспечить мир, нужно обоюдное желание, а мы не имеем права рисковать, доверяя чужим. Единственный выход — убить их, если удастся. А если не удастся, погибнуть, но знать: после нашей гибели они не обнаружат ничего, что привело бы их к Земле. Мне все это не нравится,— повторил капитан устало,— но другого выхода просто нет.

На «Лланвебоне» специалисты неистово работали, разделившись на две группы. Одни готовились к победе, другие — к поражению. У первой группы дел было немного. Главные бластеры оставались единственным оружием, на которое можно было возлагать какие-то надежды. Их установку осторожно изменили, так что они больше не были зафиксированы в положении точно вперед, с углом отклонения всего лишь в пять градусов. Электронная система, управляемая главным радиолокатором наводки, непрерывно держала бластеры наведенными на заданную цель с абсолютной точностью, при любых ее маневрах. Больше того, некий непризнанный гений в машинном отделении изобрел накопительную систему, которая позволяла мгновенно аккумулировать всю энергию корабля и освобождать ее в виде импульса огромной мощности. Теоретически дальность действия бластеров должна была увеличиться, а их разрушительная мощь — значительно возрасти. Но это было все, что удалось сделать.

У тех, кто готовился к поражению, забот было больше. Звездные карты, навигационные приборы, содержавшие автоматические самописцы, фотографии, сделанные Томми Дортом в течение шести месяцев путешествия, и все остальные записи, дающие ключ к координатам Земли, были подготовлены к уничтожению. Их складывали пачками в опечатанные контейнеры. И если кто-либо не посвященный в тайну их устройства попытается вскрыть хотя бы один из них, содержимое всех пачек вспыхнет и превратится в золу, а зола перемешается, так что восстановить записи будет невозможно.

Вокруг корпуса корабля укрепили атомные бомбы. Если команда погибнет, а корабль не будет полностью уничтожен, бомбы взорвутся в тот момент, когда «Лланвебон» окажется бок о бок с чужим звездолетом. Хотя атомных бомб на борту не было, но имелись небольшие запасные атомные установки. Оказалось нетрудно переделать их так, чтобы при включении они не давали плавного выхода энергии, а взрывались.

Четыре члена команды «Лланвебона» все время дежурили в скафандрах с закрытыми шлемами, на тот случай, если при внезапном нападении корабль получит пробоины сразу в нескольких отсеках.

Такая атака вовсе не была бы вероломством. Капитан чужого корабля говорил искренне. Он вел себя так, словно понимал бесполезность лжи. Капитан «Лланвебона» в свою очередь тоже прекрасно понимал достоинства искренности. Оба они утверждали — возможно, так и было,— что хотят дружбы между двумя цивилизациями. Но ни один не мог поверить, что другой не сделает все возможное, чтобы получить сведения, которые скрывались тщательнее всего,— данные о местонахождении чужой планеты. И ни один не мог поверить, что другой неспособен следить за ним. Ни один не мог поставить на карту существование своей расы, излишне доверяя другому. Они вынуждены были сражаться, потому что другого выхода не было.

Они могли повысить ставку в битве, заранее обменявшись информацией. Но существовала предельная ставка, повысить которую не решилась бы ни одна сторона. Никакой информации об оружии, населении или ресурсах... Ни слова даже о расстоянии от Крабовидной туманности до своей базы... Обмениваясь информацией, оба корабля знали, что от смертельной схватки никуда не уйти. Чтобы другая сторона не думала о возможном завоевании, каждый старался представить противнику собственную цивилизацию достаточно мощной. Таким образом, увеличивая для другого видимую опасность, обе стороны делали битву еще более неизбежной.

Просто удивительно, что можно постигнуть даже такое абсолютно чуждое мышление. Трудясь над кодирующим и декодирующим устройствами, Томми Дорт заметил, как уже в первых рассортированных группах карточек с расшифровками отчетливо проявляется нечто совершенно индивидуальное. Он видел чужих только на экране и только при свете, сдвинутом по крайней мере на одну октаву по сравнению с привычным. Они же в свою очередь видели его очень странным при освещении, которое должно было им казаться далеким ультрафиолетом. Но их образ мышления был близок

человеческому. Удивительно близок! Томми Дорт испытывал настоящую симпатию и даже что-то вроде тайных дружеских чувств к дышащим жабрами, лысым и бесстрастно-ироническим существам на черном космическом корабле.

Вдохновленный мыслью об этой близости, Томми сделал, несмотря на полную безнадежность своего предприятия, что-то вроде таблицы, в которой рассматривались различные аспекты стоящей перед ними проблемы. Он не верил, что чужие инстинктивно стремятся уничтожить людей. Действительно, изучение сообщений с чужого корабля породило на «Лланвебоне» чувство терпимости по отношению к неприятелю. Оно было похоже на то чувство, которое испытывают враждующие солдаты земных армий во время перемирия. Люди не испытывали неприязни к чужим, вероятно, так же как и чужие — к людям. Но по законам логики нужно было или убивать, или быть убитыми.

Таблица Томми была своеобразной. Он составил список целей, которых люди должны достичь, и расположил их по степени важности. Первое — принести домой сообщение о существовании чужой цивилизации. Второе — определить местоположение этой чужой цивилизации в Галактике. Третье — собрать как можно больше информации о ней. Третье было осуществимо, но второе, вероятно, невозможно. Первое — и все остальное — будет зависеть от результата сражения, которое должно произойти.

У чужих точно такие же цели. Следовательно, люди должны, во-первых, помешать тому, чтобы известие о существовании земной цивилизации попало на планету чужих, во-вторых, не позволить чужим установить координаты Земли и, в-третьих, следить за тем, чтобы не просочилась информация, которая могла бы помочь им или поощрила бы их к нападению на человечество. И снова третье было выполнимо, второе зависело от людей, а первое могло решиться только в бою.

Казалось неизбежным, что черный корабль необходимо уничтожить. Для чужих тоже существовал только один приемлемый выход — уничтожение «Лланвебона». Но Томми Дорт мрачно взглянул на свою таблицу, прекрасно понимая, что совершенно недостаточно уничтожить чужих. Идеальным выходом для «Лланвебона» был бы захват черного корабля для

его изучения. Иначе третья задача так и не будет полностью решена.

Но Томми понимал, что ему ненавистна сама мысль о такой абсолютной победе, даже если бы она и была достигнута. Он ненавидел саму мысль об уничтожении чужих существ, которые понимают человеческий юмор. И еще больше ему претила мысль о Земле, снаряжающей флот боевых кораблей для уничтожения чужой культуры, потому что ее существование признано опасным. Чисто случайное столкновение рас, которые могли бы сотрудничать друг с другом, должно было кончиться полным уничтожением одной из них.

Томми Дорт злился сам на себя, потому что не находил нужного решения. Но должно же оно существовать! Ставка была слишком большой! Ведь это нелепость — два космических корабля, научных, а не военных, должны сражаться, чтобы победитель смог принести домой сведения, использовав которые одна цивилизация начнет безумные приготовления к войне против ничего не подозревающей другой.

Но если бы удалось предупредить обе расы и каждая узнала бы, что другая не хочет войны!.. Если бы они смогли, не зная местоположения друг друга, поддерживать связь до тех пор, пока не появятся некоторые основания для взаимного доверия...

Мысль казалась безумной, фантастичной, совершенно абсурдной... Но она была такой заманчивой, что Томми Дорт, без всяких, впрочем, надежд, сообщил ее через кодирующее устройство своему жабродышащему приятелю Баку, находившемуся в этот момент далеко в сверкающем тумане.

«Конечно,— прочитал Томми на отщелканной декодирующим устройством карточке,— это прекрасная мечта. Но хотя вы мне нравитесь, все-таки я вам не верю. Если бы я предложил то же самое первым, ваша реакция была бы такой же. Я говорю вам больше правды, чем вам кажется, и, может быть, вы говорите мне больше правды, чем мне кажется. Но проверить это нельзя. Мне очень жаль».

Томми Дорт мрачно уставился на карточку. Он испытывал отвратительное чувство ответственности, как, впрочем, и все остальные на «Лланвебоне». Если они проиграют сражение, человеческую расу могут в свое время уничтожить. Это реально. Если они победят, вряд ли что-нибудь спасет расу чужих.

Миллионы или миллиарды жизней зависят от действия горсточки людей.

И тут Томми Дорт увидел решение.

Оно выглядело удивительно простым, если только вообще было осуществимо. В худшем случае оно принесло бы человечеству и «Лланвебону» частичную победу. Томми сидел совершенно неподвижно, не смея шевельнуться, боясь, как бы не порвалась цепь его мыслей. Он вновь и вновь возвращался к этой идее, представлял себе, какие возражения она может вызвать, и, отвечая на них, немедленно сам преодолевал препятствия. Да, это решение! Томми больше не сомневался. Он облегченно вздохнул и, чувствуя легкое головокружение, направился к капитану.

Одна из многочисленных функций капитана заключалась в том, чтобы думать, о чем следует беспокоиться. Но капитану «Лланвебона» не приходилось ломать над этим голову. За те три недели и четыре дня, что прошли со времени установления первого контакта с чужим черным кораблем, капитан постарел, его лицо прорезали глубокие морщины. Ему пришлось беспокоиться не только о «Лланвебоне». Он отвечал за все человечество.

— Сэр,— очень серьезно начал Томми Дорт, и у него сразу же пересохло во рту.— Разрешите мне предложить способ нападения на черный корабль? Я берусь все выполнить сам, сэр, и даже если меня постигнет неудача, наш корабль останется в целости и сохранности.

Капитан взглянул на него, словно перед ним было пустое место.

— Тактика выработана на все случаи, мистер Дорт,— мрачно произнес он.— Запрограммированы все возможные варианты, и нам остается только выбрать. Это, конечно, страшно рискованно, но иного выхода нет.

— Я понимаю,— сказал Томми, осторожно подбирая слова.— Я нашел путь, исключающий риск. Мы должны сообщить чужим, что предлагаем...

Его голос странно звучал в мертвой тишине центрального поста. На экранах по-прежнему сверкала мутная пелена, и в сердце туманности ярко пылали две звезды.

Вместе с Томми в шлюзовую камеру вошел капитан. Во-первых, решил он, предложение, сделанное им самим, будет выглядеть внушительнее. Во-вторых, он просто устал от гнетущего чувства ответственности. Он отправится с Томми и все сделает сам, а если ошибется, то погибнет первым. Данные для маневров земного корабля уже введены в пульт управления и коррелируются главным хронизатором. Если капитан и Томми погибнут, достаточно будет нажать одну кнопку в центральном посту, и приборы сами бросят «Лланвебон» в яростную атаку, которая кончится полным уничтожением одного из кораблей или обоих. Так что это не было дезертирством.

Наружная дверь шлюза распахнулась. Открылась сверкающая пустота туманности. На расстоянии тридцати километров от «Лланвебона» в пространстве висел маленький круглый робот, дрейфуя по невероятной орбите вокруг двойного центрального Солнца и подплывая к нему все ближе и ближе. Конечно, он никогда не достигнет его. Белая звезда сама по себе настолько горячее земного Солнца, что может нагреть до температуры Земли предмет, находящийся от нее на расстоянии, в пять раз превышающем путь от Нептуна до Солнца. Даже если маленький робот приблизится к звезде на расстояние, отделяющее Плутон от Земли, пламя белого карлика накалит искусственный спутник до вишнево-красного цвета. И уж совсем невозможно предположить, что робот приблизится к звезде на те сто пятьдесят миллионов километров, которые отделяют Землю от Солнца. На таком расстоянии металл робота начал бы плавиться и испарился бы. Но этот грушеобразный предмет отстоял от белой звезды на дистанцию в половину светового года. И он спокойно висел в пустоте.

Две фигурки в скафандрах покинули «Лланвебон». Маленькие атомные двигатели, превратившие скафандры в миниатюрные космические корабли, были незначительно переделаны, но это не отразилось на их работе. Люди направились к роботу-связному. Неожиданно Томми услышал в шлемофоне хриплый голос капитана:

— Мистер Дорт, всю свою жизнь я стремился к авантюрам. Но это первый случай, когда мне наконец представилась такая возможность.

Томми облизнул губы.

— По-моему, это не авантюра, сэр. Я ужасно хочу, чтобы план удался. Мне кажется, что авантюра начинается, когда вы становитесь неосторожным.

— О нет,— ответил капитан.— Авантюра — это другое. Это значит, что вы бросаете свою жизнь на весы случая и ждете, когда стрелка остановится.

Они добрались до робота и уцепились за рожки сканеров.

— Смышленые твари,— заметил капитан.— Должно быть, им отчаянно хочется увидеть на нашем корабле кое-что помимо радиорубки, если они согласились на этот обмен визитами перед боем.

— Да, сэр,— подтвердил Томми.

Но в глубине души он подозревал, что Бак — его жабродышащий друг — захотел увидеть его во плоти перед тем, как один из них или оба они умрут. И ему казалось, что в отношениях между двумя кораблями воскресли старинные традиции вежливости, словно это были два рыцаря древних времен, которые перед турниром относились друг к другу с изысканной учтивостью, а потом обрушивались на противника всей мощью своего оружия.

Некоторое время люди молча ждали. Затем из тумана появились две другие фигуры. Скафандры чужих тоже были с автономными двигателями. Чужие оказались меньше ростом, чем люди, стекла их шлемов покрывал фильтрующий слой, поглощающий видимые и ультрафиолетовые лучи, которые представляли для них смертельную опасность. Сквозь этот фильтр не было видно ничего, кроме контуров головы.

В шлемофоне Томми раздался голос с «Лланвебона».

— Они говорят, что их корабль ждет вас, сэр. Дверь шлюза будет открыта.

Капитан угрюмо спросил:

— Мистер Дорт, вы видели раньше их скафандры? Вы уверены, что они не тащат что-нибудь вроде бомб?

— Да, сэр,— ответил Томми.— Мы показывали друг другу наше космическое снаряжение. Ничего постороннего не видно, сэр.

Капитан сделал жест двум чужим. Он и Томми Дорт двинулись к черному кораблю. Они не могли разглядеть его, но направление давалось с «Лланвебона».

Наконец вдали замаячил черный корабль. Он был огромен; такой же длины, как «Лланвебон», но гораздо шире. Шлюз был открыт. Два человека в скафандрах вошли внутрь; благодаря магнитным ботинкам они устойчиво держались на ногах. Наружная дверь закрылась. В шлюз ворвался поток воздуха, и сразу же включилась искусственная гравитация. Затем открылась внутренняя дверь.

Вокруг было темно. Томми и капитан одновременно включили свет на своих шлемах. Белый свет был невыносим для чужих, поэтому на шлемах землян горели темно-красные лампочки, которые обычно используются для освещения приборных досок. Это делается, чтобы не утомлять глаза: ведь нужно следить за маленькими светящимися точками на телеэкранах. Чужие, уже ожидавшие людей, щурились даже от такого света.

— Они говорят, сэр, что их капитан ждет вас,— доложили с «Лланвебона».

Томми и капитан вошли в длинный коридор с мягким полом. Лучи света от лампочек на шлемах выхватывали из темноты какие-то причудливые детали.

— Я, пожалуй, открою шлем, сэр,— сказал Томми. Воздух был хороший. В нем содержалось двадцать восемь процентов кислорода вместо земных двадцати, но давление было заметно ниже. Искусственная гравитация также была слабее, чем на «Лланвебоне». Несомненно, родная планета чужих меньше, чем Земля, и, судя по инфракрасному свету, вращалась вокруг умирающего тускло-красного солнца. В воздухе чем-то пахло. Запахи были очень странные, но не противные.

Арочный вход, скат, устланный тем же мягким материалом,— все вокруг тонуло в тускло-красном свете.

Чужие усилили накал своих осветительных приборов, хотя свет, вероятно, раздражал их глаза. Томми был тронут этим знаком внимания и еще более страстно пожелал, чтобы его план удался.

Капитан черного звездолета встретил людей жестом, который показался Томми насмешливым.

— Он говорит, сэр, что рад приветствовать вас,— передали с «Лланвебона».— Но он сумел придумать только один выход из создавшегося положения...

— Он имеет в виду поединок,— перебил капитан.— Скажите ему, что я здесь для того, чтобы предложить другой вариант.

Капитан «Лланвебона» и капитан чужого корабля стояли лицом к лицу, но переговоры велись довольно сложным путем. Чужие не использовали звук для связи. Они общались с помощью сантиметровых волн, то есть почти телепатически. Но так как они не могли слышать слова, речь капитана и Томми, с их точки зрения, также была близка к телепатии. Когда капитан говорил, его шлемофон посылал слова обратно на «Лланвебон», где они подавались в кодирующее устройство и в виде коротковолнового эквивалента возвращались на черный корабль. Ответ капитана чужих отправлялся на «Лланвебон», проходил через декодирующее устройство и попадал в шлемофон уже в виде слов. Система была очень неудобной, но работала.

Маленький коренастый капитан черного звездолета ждал. Наконец пришел его беззвучный ответ, переведенный машинами.

— Он с удовольствием выслушает вас, сэр.

Капитан открыл свой шлем, подбоченился и принял воинственную позу.

— Послушайте,— заявил он странному лысому существу, стоявшему перед ним в неземном красном сиянии.— Все идет к драке, в которой кто-то из нас должен быть уничтожен. Мы готовы к этому. Но если выиграете вы, имейте в виду — мы сделали все, чтобы вы никогда не нашли нашу планету. Если выиграем мы, то сами окажемся в таком же положении. Если мы уничтожим вас и вернемся домой, наше правительство снарядит флот, и начнутся поиски вашей планеты. И если мы найдем ее, нам не составит труда ее покорить! Если выиграете вы, то же самое произойдет с нами! И все это глупость! Мы стояли здесь месяц, мы обменялись информацией, мы не испытываем друг к другу ненависти. У нас нет причин для драки, кроме спокойствия наших рас!

Капитан остановился и тяжело вздохнул. Томми Дорт незаметно положил руки на пояс своего скафандра. Он ждал, отчаянно надеясь, что хитрость удастся.

— Он говорит, сэр,— послышалось в шлемофоне,— что совершенно с вами согласен. Но его раса должна защищаться, так же как и ваша.

— Конечно! — сердито сказал капитан.— Но стоит поразмыслить, как ее защитить? Сделать ее ставкой в битве неразумно. Несомненно, нужно предупредить каждую расу о существовании иной цивилизации. Но каждая сторона должна иметь доказательства того, что другая хочет не сражаться, а сотрудничать. Нам нужно не искать друг друга, а лишь поддерживать друг с другом связь, создавая основу для взаимного доверия. Если наши правительства захотят совершить глупость — это их дело. Но мы должны дать им возможность проявить разум вместо того, чтобы начать космическую войну, вызванную взаимной паникой.

Ответ чужого был коротким.

— Он говорит, что сейчас трудно доверять друг другу. Когда само существование его расы находится под угрозой, нельзя рисковать. Тут можно упустить какое-либо преимущество.

— Но моя раса,— воскликнул капитан, впившись глазами в чужого,— моя раса уже получила преимущество. Мы пришли сюда, на ваш корабль, в скафандрах с атомными двигателями! Перед тем как покинуть свой корабль, мы их переделали! Мы можем привести в действие по десять фунтов активированного горючего на каждого, прямо на вашем корабле, или это может быть сделано с помощью дистанционного управления с нашего корабля! Будет просто невероятно, если ваши запасы горючего не взлетят на воздух вместе с нами! Другими словами, если вы не принимаете мое предложение и не хотите проявить здравый смысл, Дорт и я взрываем свои заряды. Даже если нам не удастся уничтожить ваш корабль, он будет сильно поврежден, а «Лланвебон» нападет на вас не позднее чем через две секунды после взрыва.

Рубка чужого корабля, тонувшая в тускло-красном свете, представляла собой удивительное зрелище. Странные лысые жабродышащие чужие следили за капитаном и ждали перевода речи, которой не могли слышать. Вдруг в воздухе возникло отчетливое, жесткое ощущение напряженности. Чужой капитан шевельнулся.

В шлемофоне снова прозвучало:

— Он спрашивает, сэр, что вы предлагаете?

— Поменяться кораблями! — проревел капитан.— Поменяться кораблями и идти домой. Мы можем разрегулировать наши приборы так, что они не будут следить за нами, вы можете сделать то же самое со своими. Каждый из нас заберет свои карты и записи. Каждый из нас демонтирует свое оружие. Воздух одинаково пригоден и для вас и для нас. Мы заберем ваш корабль, а вы заберете наш, и никто не сможет нанести другому урон или следить за ним, и каждый принесет домой больше информации, чем в любом другом случае. Мы можем условиться о встрече здесь же, в Крабовидной туманности, когда двойная звезда сделает следующий оборот. Если наш народ захочет встретиться с вами, он может это сделать, а если вы испугаетесь, то не прилетайте. Вот мое предложение. И либо вы его примете, либо Дорт и я взорвем ваш корабль, а «Лланвебон» уничтожит то, что останется.

Капитаны смотрели друг на друга, ожидая перевода, а вокруг застыли маленькие коренастые фигурки. Наконец пришел перевод, это сразу же стало ясно по тому, как исчезла напряженность и зашевелились фигурки. Один из чужих сделал судорожное движение, упал на мягкий пол и начал биться о него. Другие прислонились к стенам и затряслись.

В голосе из шлемофона, до этого очень четком и деловом, сейчас прозвучало неподдельное изумление.

— Он говорит, сэр, что это отличная шутка. Потому что два члена команды, которых он отправил на наш корабль и которых вы встретили по дороге, тоже имеют в своих скафандрах атомную взрывчатку, и они намеревались сделать то же самое предложение, сопровождаемое такой же угрозой. Конечно, он согласен, сэр. Он говорит, что ваш корабль для него ценнее, чем его собственный, а его — ценнее для вас, чем «Лланвебон». Кажется, сторговались, сэр.

Тут Томми Дорт понял, что означали судорожные движения чужих. Они смеялись.

Это было совсем не так просто, как предполагал капитан. На три дня команды обоих кораблей смешались — чужие изучали работу механизмов «Лланвебона», а люди изучали управление черным кораблем. Это была отличная шутка — но не

только шутка. Люди на черном корабле и чужие на «Лланвебоне» были готовы по приказу мгновенно разнести корабли. И они сделали бы это в случае необходимости, но именно по этой причине необходимости не возникло. Действительно, поскольку капитаны договорились между собой, для каждого из них было выгоднее, чтобы вернулись домой обе экспедиции, а не одна.

Правда, не обходилось без споров. Чаще всего речь шла о записях. И в большинстве случаев дискуссия кончалась решением об их уничтожении. Много хлопот доставила библиотека «Лланвебона» и аналогичное хранилище черного корабля, где находились работы, близкие к земным романам. Любой из этих предметов был ценным для возможной дружбы, потому что он представлял свою культуру с точки зрения обычных граждан, без всякого приукрашивания.

Это были напряженные дни. Чужие проверяли продукты питания, предназначенные для людей, и переносили их на черный корабль. Люди перегружали пищу чужих, необходимую им для возвращения домой. Приходилось решать бесконечное количество мелких проблем, начиная от обмена осветительными приборами, которые приспосабливали для другой команды, и кончая проверкой аппаратуры. Объединенные контрольные группы обеих рас подтверждали, что все следящие устройства разбиты, но не сняты и не могут быть унесены и использованы для слежки. И конечно, чужие, так же как люди на «Лланвебоне», позаботились о том, чтобы не оставить никакого оружия на своем корабле. Любопытно, что каждой команде было легче всего принять именно те меры, которые делали невозможным нарушение соглашения.

Перед расставанием в радиорубке «Лланвебона» состоялось последнее совещание.

— Скажите этому клопу,— загромыхал прежний капитан «Лланвебона»,— что он получил хороший корабль и должен обращаться с ним получше.

В приемную кассету упала карточка с ответом.

«Я считаю,— говорилось в ней от имени чужого капитана,— что ваш новый корабль тоже неплох. Надеюсь встретить вас здесь, когда двойная звезда сделает один оборот».

Последние люди покинули «Лланвебон». Он погрузился в дымку туманности, прежде чем они вернулись на черный корабль. Экраны на нем были переделаны для человеческих глаз, и люди настороженно следили за трассой своего прежнего любимца, в то время как их новый корабль лег на сложный обходный курс в дальнюю часть туманности. Он нырнул в расщелину пустоты, ведущую к звездам, и быстро вышел в чистое пространство. Короткая пауза — это образовалось и начало действовать поле овердрайва, а потом черный звездолет рванулся в пустоту со скоростью, во много раз превышающей скорость света.

Прошло немало дней, и однажды капитан увидел, как Томми Дорт сосредоточенно рассматривает предмет, который заменял чужим книгу. Здесь было над чем поломать голову. Капитан был доволен. Техники бывшей команды «Лланвебона» почти непрерывно обнаруживали что-нибудь интересное. Несомненно, чужим так же везло при изучении «Лланвебона». Но черный корабль представлял исключительную ценность, а найденное решение, конечно, было лучше сражения, даже если бы люди одержали полную победу.

— Хм-хм, мистер Дорт,— хрипло заговорил капитан,— у вас нет аппаратуры, чтобы на обратном пути заняться фотографией. Она осталась на «Лланвебоне». Но, к счастью, у нас есть снимки, сделанные на пути сюда. Я постараюсь как можно убедительнее доложить о вашем предложении и вашей помощи в ее осуществлении. Я очень высоко ценю вас, сэр.

— Благодарю вас, сэр,— сказал Томми Дорт. Он ждал. Капитан прочистил горло.

— Вы... э... первый обратили внимание на большое сходство мыслительных процессов у нас и у чужих,— заметил он.— Что вы думаете о перспективах дружеского соглашения, если мы, как условились, встретимся с ними в туманности?

— О, у нас наладятся хорошие отношения,— заверил его Томми.— Мы положили удачное начало нашей дружбе. В конце концов, так как они видят в инфракрасном свете, то планеты, которые пригодны для них, нам не подойдут. Нет никаких причин, по которым мы не можем сотрудничать. Психология у нас почти одинаковая.

— Хм-хм. А как вы это, собственно, понимаете? — спросил капитан.

— Несомненно, они очень похожи на нас, сэр. Конечно, они дышат жабрами, видят в тепловых лучах, в их крови медь играет ту же роль, что в нашей железо, есть и еще мелкие отличия вроде этих... Но в других отношениях мы очень похожи. В их команде были только мужчины, сэр, но у них два пола, так же как у нас, и у них есть семьи, и... э... их чувство юмора...— Томми заколебался.

— Продолжайте, сэр,— попросил капитан.

— Хорошо. Там был один, я назвал его Баком, сэр,— у него нет имени, передаваемого звуковыми волнами,— сказал Томми.— Мы отлично сотрудничали. Я считаю его своим другом, сэр. Перед тем как наши корабли расстались, мы провели вместе несколько часов, так, между делом. Но именно тогда я пришел к убеждению, что люди и чужие останутся друзьями, если у них будет хоть полшанса на спасение. Вы знаете, сэр, как мы провели эти часы? Мы рассказывали друг другу пикантные анекдоты.

Планета скит-деревьев

Коммуникатор ожил как раз в тот момент, когда небо на востоке этой, пока еще безымянной планеты начало светлеть. Венворт отбросил одеяло и, скатившись с узкой койки, нажал на кнопку, а затем сердито сказал:

— Алло! Что случилось?.. Говорите громче, плохо слышно... Ага... Нет, у нас все в порядке. Ну что, собственно, с нами может случиться?.. Почему я не доложил вовремя? Мы с Хайнсом выполняли приказ и пытались найти конец этой проклятой плантации скит-деревьев. Мы целый день летели на восток и пересекли два временных пояса. Здесь у нас рассвет еще только начинается...— Он зевнул.— Да, мы посадили флайер на какой-то штуке, напоминающей дамбу, и пошли спать... Нет, все в порядке. Мы уже привыкли чувствовать себя паршиво, даже кайф от этого ловим. Хайнс говорит, что он собирается создать скульптурное изображение существ, посадивших скит-деревья,— глаз, выглядывающий из-за дерева-ствола... Нет! Черт подери, нет! Мы сфотографировали несколько сотен тысяч квадратных миль скит-деревьев, растущих ровными рядами, и вдобавок дамбы, каналы и целую ирригационную систему, но даже и намека на живые существа не видели... Нет городов, нет домов, нет руин, нет ничего... У меня появилась теория, Макрай, насчет того, что случилось с обитателями этой планеты.— Он опять зевнул.— М-да. Я думаю, они построили великолепную цивилизацию, а потом нашли снарка... Снарка! С-Н-А-Р-К-А... Да. И снарк

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

оказался плохишом.— Венворт перевел дух.— Поэтому они потихоньку смылись отсюда.

Он усмехнулся, когда на него из коммуникатора полились потоки ругани. Потом Макрай отключился, у него хватало своих проблем на базовом корабле Института космических исследований, прозванного почему-то «Галопирующей коровой». Венворт с удовольствием потянулся и посмотрел в иллюминатор флайера. В коммуникаторе по-прежнему что-то шумело — довольно-таки странное явление для аппаратуры такого класса. Но прежде чем Венворт успел поразмыслить об этом, он заметил какое-то движение в сером предрассветном воздухе. Он наклонился вперед... и затаил дыхание.

Не шевелясь, Венворт наблюдал за объектом, который как-то странно двигался, словно нес что-то, пока тот не скрылся из виду. И только тогда астронавт перевел дух.

И тут раздался голос Хайнса:

— Что слышно с «Галопирующей коровы»? Собираются возвращаться на Землю?

Венворт глотнул воздух и посмотрел туда, где скрылось странное существо. Потом он очень спокойно сказал:

— Нет... Макрай беспокоился, что мы так долго не докладывали о результатах наших поисков. Там, где сейчас находится корабль, солнце взошло уже два часа назад.— Венворт немного помолчал и добавил: — Ты вставать не собираешься?

— Я бы выпил кофе,— сказал Хайнс,— раз уж мы все равно не летим домой.

Венворт услышал, как Хайнс встает с койки, ущипнул себя, поморщился, снова вздохнул и открыл банку с надписью «кофе». Жидкость в банке сразу стала нагреваться. Он отставил банку в сторону, достал два пакета с готовыми завтраками и поставил их в кухонный комбайн. Потом снова выглянул в иллюминатор флайера.

Светало. На севере — если, конечно, считать, что солнце встает на востоке,— невысокая, но крутая горная гряда начиналась сразу за дамбой, где они вчера посадили флайер на ночь. Теперь оказалось, что флайер стоит на искусственной насыпи высотой около пятидесяти футов, которая шла в сторону целого моря скит-деревьев. Огромная движущаяся штука скрылась где-то в горах.

Хайнс, зевая, подошел к столу.

— Я чувствую,— сказал он и снова зевнул,— что сегодня будет отличный день. Как бы я хотел хоть немного повозиться с куском глины. Я бы мог даже сделать твой бюст, Венворт, за неимением более привлекательной модели.

— Посматривай в иллюминатор,— сказал Венворт,— и накрывай на стол.

Он вернулся к своей койке и быстро оделся. На лице у него бродила скептическая улыбка. Венворт еще раз ущипнул себя. Нет, он явно не спит. Аппетитно дымился кофе, тарелки с разогретым завтраком стояли на узкой панели управления.

Коммуникатор со странным постоянством продолжал выдавать статические помехи, которых вообще не могло быть на планете, где явно не сохранилось никаких обитателей, а все следы цивилизации бесследно исчезли. Но в то же самое время Венворта не покидало ощущение, что совсем недавно здесь было множество живых существ, более того, ему казалось, что за ними постоянно кто-то наблюдает. Полнейший абсурд, конечно.

Хайнс спокойно ел охлажденный апельсин. За несколько минут кухонный комбайн успел не только разогреть завтрак, но и разморозить фрукты.

— Я только что имел очень странное видение, Хайнс,— осторожно сказал Венворт.— Как ты считаешь, я сейчас похож на сумасшедшего больше обычного?

— Пожалуй, нет,— ответил Хайнс.— Хотя ты не только не женат, но даже и не помолвлен. Мое психическое состояние в полном порядке только благодаря тому, что я собираюсь жениться сразу по возвращении на Землю. Я уже говорил тебе об этом?

Венворт проигнорировал нахальное заявление Хайнса.

— Что-то здесь произошло,— сказал он задумчиво.— Вот послушай, мы впервые нашли скит-деревья на Цетисе альфа-три. Они росли ровными рядами, которые простирались на многие и многие мили. Деревья были посажены кем-то, кто знал, что он делает и зачем. Мы обнаружили дамбы, каналы — целую ирригационную систему. Мы нашли места,

где земля была ухожена и обработана и где росли самые разнообразные деревья, цветы и другая растительность, которые имели, по-видимому, чисто декоративное назначение. Это было похоже на парки в городах, но самих городов — домов или хотя бы развалин — мы не нашли нигде. Мы облазали все самые отдаленные уголки планеты, и у нас имелись самые серьезные основания полагать, что совсем недавно на планете жили представители высокоразвитой цивилизации,— но нам так и не удалось увидеть ни кусочка обработанного камня или металла, которые подтвердили бы наши гипотезы. Цивилизация существовала, а потом исчезла, и вместе с ней исчезло все — все, кроме растительности. Так?

— Если смотреть объективно,— весело сказал Хайнс,— твои речи — речи сумасшедшего. Однако пока ты лишь перечисляешь факты. Продолжай.

— Макрай лезет на стены,— со вздохом сказал Венворт,— потому что у него ничего нет, кроме фотографий. Ты, конечно, вылепил замечательный образец плода скит-дерева, но нам удалось заморозить несколько настоящих. Потом мы отправились в другую солнечную систему. И на одной из планет мы снова нашли скит-деревья, высаженные идеально ровными бесконечными рядами, дамбы, каналы, огромные открытые пространства с парками — и ничего больше. Макрай ужасно разочарован. Какая-то негуманоидная раса растворилась в глубинах космоса. Так?

Хайнс взял чашку кофе.

— Умозаключение,— подтвердил он,— сделанное единодушно всей командой «Галопирующей коровы».

Венворт нервно выглянул в иллюминатор флайера.

— Мы полетели дальше. На девяти планетах в семи солнечных системах мы нашли плантации скит-деревьев, дамбы и ирригационные системы, длиной достигающие шестисот—семисот миль и идущие, между прочим, по дугам большого круга*. Тот, кто посадил скит-деревья, овладел искусством межзвездных путешествий, потому что некоторые из этих планет находятся в двухстах световых годах друг от друга. Однако нам нигде не удалось найти ни одного артефакта расы, которая посадила скит-деревья.

* Большой круг — сечение сферы, проходящее через ее центр.

— Верно,— сказал Хайнс.— Все верно! Если бы нам удалось загрузить корабль сувенирами первой открытой нами негуманоидной расы, мы бы уже давно летели домой, а я вскорости стал бы женатым человеком!

Венворт вымученно улыбнулся.

— Слушай! Может быть, нам не удалось найти артефакты просто потому, что их там и не было? Или существо — чудовищное существо — сумело выработать инстинкты, которые побуждали его сооружать дамбы и выкапывать каналы, как это делают бобры или некоторые виды муравьев и термитов, как пауки, которые ткут свою паутину с геометрической точностью? Может быть, мы приняли некий инстинкт за проявление разума?

Хайнс заморгал.

— Возможно... впрочем, нет. Семь солнечных систем. Двести световых лет. Некие существа, зародившиеся, очевидно, на одной планете, смогли перенестись на двести световых лет... Нет, если только твои существа не научились летать в космосе и переносить с собой семена скит-деревьев. Почему у тебя возникла такая идея?

— Я видел нечто,— сказал Венворт. Он глубоко вздохнул.— Я не буду рассказывать тебе, на что оно было похоже,— я и сам в это не верю! Мне страшно! Но я хочу сначала разобраться в том, что здесь происходит, а уж потом только докладывать Макраю. Послушай!

Венворт показал на коммуникатор, в котором что-то странно и однообразно шумело.

Хайнс насторожился.

— Что такое?.. Здесь просто не может быть никаких помех!

— Да, но должна же быть причина их возникновения. Может быть, то, что я видел,— местный житель. Так или иначе, я собираюсь выйти наружу и поискать его следы.

— Один? А почему бы нам не пойти вместе?

Венворт покачал головой.

— Я возьму ручной огнемет — хотя мне, наверное, больше пригодились бы кроссовки для бега по пересеченной местно-

сти. Если хочешь, можешь прикрывать меня с воздуха. Только давай без дурацкого геройства, Хайнс!

Хайнс присвистнул.

— Давай лучше сначала посмотрим сверху, из флайера,— сказал он.— Мы можем поискать следы в телескоп. Если мы увидим джаббервока* или что-нибудь подобное, мы смоемся отсюда подальше. А если мы ничего не сможем обнаружить с воздуха — ну что ж. Но сначала — воздушная разведка!

Венворт облизал губы.

— Наверное, это разумно,— признал он,— но эта проклятая штука так напугала меня, что рано или поздно я просто должен встретиться с ней лицом к лицу. Ладно. Прибери здесь, а я подниму флайер в воздух.

Пока Хайнс убирал остатки завтрака в дезинтегратор, Венворт уселся в кресло пилота, отключил систему оповещения, которая должна была разбудить их, если бы ночью какое-нибудь живое существо подошло к флайеру ближе чем на сто ярдов, и запустил двигатели. Через тридцать секунд флайер легко поднялся в воздух и завис на высоте четырехсот футов. Венворт взял радиопеленг на место посадки, никаких других удобных ориентиров для стабилизации флайера он найти не смог.

Скит-деревья начинались там, где земля выравнивалась, и шли за линию горизонта. Они представляли собой группу узких и хрупких стержней, которые поднимались вертикально вверх на восемьдесят футов, затем начинали ветвиться, причем на ветвях висело множество плодов, назначение которых до сих пор никто не смог определить. Каждая группа образовывала геометрически идеальный круг диаметром шестьдесят футов. Расстояние между соседними группами всегда составляло ровно девяносто два фута. Так, ровными рядами, они уходили за линию горизонта. Только за вчерашний день флайер пролетел тысячу пятьсот миль непрерывных посадок.

Флайер висел в воздухе, и Венворт стал через окуляры мощного телескопа рассматривать поверхность под ними. Он смотрел не отрываясь долгие минуты, тщательно изучая каждый фут между группами скит-деревьев. Никакого результата. Нигде он не увидел никаких следов того странного существа, в которое и сам до конца не верил.

— Я думаю,— с неохотой сказал Венворт,— нам придется спуститься вниз. Может быть, ничего и не было, а я таки свихнулся.

Хайнс кротко сказал:

— Кстати о сумасшедших, вон тот город — видение или нет?

Он показал, и Венворт подпрыгнул в своем кресле. Далеко, далеко впереди, у самого горизонта, что-то поднималось ввысь. Без сомнения, это был город — но ведь они буквально обшарили девять планет и не нашли ни единого доказательства существования расы, посадившей скит-деревья. Венворт мог даже видеть отдельные башенки, соединенные неким подобием воздушных дорог. Он приставил фотокамеру к окулярам телескопа, сфокусировал изображение и увидел архитектурные детали удивительных зданий.

— Это,— сказал Венворт,— важнейшее открытие, тут нет никаких сомнений!

Существо, представшее его взору в предрассветных сумерках, было настолько невероятным, что ему легче было усомниться в собственном зрении, чем поверить в него. Венворт включил дополнительные двигатели, и флайер помчался к далекому городу.

— Бери управление на себя,— сказал он Хайнсу,— а я свяжусь с Макраем. Он возопит от радости.

Нажав кнопку вызова, Венворт услышал чуть приглушенный ревом двигателей голос Макрая. Венворт доложил обстановку и навел крошечный телевизионный сканер на огромные конструкции, возвышающиеся у далекого горизонта. Победный рев Макрая перекрыл шум моторов. Потом, промычав что-то неразборчивое, тот отключился.

— «Галопирующая корова»,— сказал Венворт,— стартует сюда. Макрай взял наши координаты и приказал всем разведывательным партиям двигаться к нам. Они спускаются в атмосферу, Макрай хочет увидеть город собственными глазами.

---

* Джаббервок — сказочное существо, придуманное Льюисом Кэрроллом. В русском переводе — Бармаглот.

— Какой город? — спросил Хайнс странным голосом.

Не веря своим глазам, Венворт смотрел вперед. Только лунатические ряды скит-деревьев, простирающиеся с механической точностью до самого горизонта. Никакого города не было и в помине. Венворт не мог отвести глаз от экрана.

— Достань пленку из камеры. Посмотри. Нам что, все это привиделось?

Хайнс достал автоматически проявленную пленку. Город на пленке был виден четко. Изображение города было получено по телеканалу и на «Галопирующей корове». Нет, им ничего не привиделось. Венворт снова нажал на кнопку вызова. Флайер продолжал лететь к исчезнувшему городу. Через мгновение Венворт выругался.

— Макрай не терял времени! Они уже в пути, и мы не можем с ними связаться. Куда мог деться этот проклятый город?

Венворт включил сверхзвуковой локатор и радар. Однако обнаружить ничего не удалось. Город просто перестал существовать.

В полном недоумении они еще минут двадцать продолжали поиски, и все это время мчались вперед со скоростью четыреста миль в час. С помощью радара они не смогли ничего обнаружить, а локатор показывал, что на месте исчезнувшего города нет ровным счетом ничего.

— Он там был! — взревел Венворт.— Мы вернемся назад и начнем сначала!

Он повел флайер по крутой дуге назад к горам, к тому месту, где они останавливались на ночлег, и коммуникатор вдруг разразился пулеметной очередью статических помех. Венворт, сам не зная почему, бросил короткий взгляд назад — город вновь появился на горизонте!

Хайнс судорожно фотографировал, пока Венворт разворачивал флайер. Целую минуту они ясно видели город, а статические помехи стрекотали в коммуникаторе. Потом шум прекратился и город исчез.

Они снова резко повернули: внизу под ними опять лежал абсолютно монотонный ландшафт, города не было, и они никак не могли понять, что же все-таки происходит.

— Если Макрай появится здесь на «Галопирующей корове»,— сказал Хайнс,— и ничего не сможет найти, может быть, он наконец поймет, что мы все свихнулись и пора возвращаться домой. И тогда...

— И тогда ты сможешь жениться! — завопил Венворт.— Хватит! До меня дошло! Поворачиваем обратно к горам...

Они еще раз развернули флайер и помчались обратно к месту ночной стоянки. В десяти милях от него, на высоте пяти тысяч футов коммуникатор снова ожил. Венворт сбросил дымовую шашку и развернул флайер так резко, что центробежная сила чуть не вышвырнула его из кресла. Перед их глазами высился все тот же таинственный город. Флайер с ревом мчался вперед, а помехи не прекращались ни на мгновение. Одна минута. Две. Венворт выпустил еще одну дымовую шашку. Первая уже упала на землю, и от нее вверх поднимался столб дыма. Вскоре, упав на землю, задымилась вторая. Через десять миль Венворт сбросил третью. Шашки будут гореть час и дадут ему точное направление на исчезнувший город. Однако на этот раз город не исчез. Он вырастал перед их глазами: они уже могли рассмотреть множество деталей.

Город был единым целым: конструкция огромной сложности, но смоделированная так гармонично, что ни одна деталь не могла существовать без другой. Этаж за этажом, стройные башенки, соединенные широкими, парящими в воздухе дорогами,— все это вместе являло собой гармонию удивительной чуждой красоты. Город поднимался на высоту десяти тысяч футов от скит-деревьев, стоящих у его основания — квадрата в две мили.

— Они строили высокие здания,— мрачно сказал Венворт,— чтобы занимать поменьше земли, где они бы могли сажать свои чертовы скит-деревья. Я хочу приземлиться где-нибудь поближе к городу, Хайнс.

Заработали двигатели вертикального полета, основные двигатели смолкли.

Вскоре Венворт плавно посадил флайер, они сели не более чем в ста ярдах от ближайшей башни. Казалось, башня была сделана из цельного куска металла, без единого шва. Стены украшал сложный, изысканный орнамент. Но самым

поразительным было полное отсутствие движения. Все пребывало в полнейшей неподвижности, даже за стеклами многочисленных необычайной формы окон не было никаких признаков жизни. И когда флайер мягко опустился между двумя группами скит-деревьев и Венворт выключил двигатели, а потом и коммуникатор — наступила тишина.

А город, в котором могли бы жить миллионы людей, возвышался совсем рядом, застыв в молчаливой неподвижности.

— И тогда принц вошел в замок,— сердито сказал Венворт,— поцеловал Спящую Красавицу в губы, радостно вскрикнув, она открыла глаза. Потом они поженились и жили долго и счастливо. Идешь, Хайнс?

— Иду,— сказал Хайнс.— Но я никого целовать не буду — я помолвлен!

Венворт вылез из флайера. Они ни разу не встретили ни одного опасного животного ни на одной из девяти планет, где росли скит-деревья,— не считая, конечно, чудища, которого Венворт видел сегодня утром. Существа, посадившие скит-деревья, уничтожили всю опасную фауну. Это — один из немногих очевидных фактов, не вызывающих сомнений. Тем не менее Венворт засунул ручной огнемет за пояс, прежде чем отправиться в город.

И тут он застыл как вкопанный: он заметил какое-то странное мерцание, и что-то стало закрывать от них город. Перед ними встала сплошная металлическая стена. В одно мгновение она выросла, отрезав их от города: сверкающий, гладкий, без единого шва металл, образующий идеальную цилиндрическую поверхность. Стена поднималась футов на сто. Венворт и Хайнс оказались внутри цилиндра диаметром двести ярдов — вместе с несколькими группами скит-деревьев.

— Ну и откуда, черт возьми, эта штука взялась? — задыхаясь, спросил Венворт.

И вдруг в довершение ко всему они оказались в полной, беспросветной темноте.

Секунды две-три ничего не происходило. Затем Хайнс, который еще не успел вылезти из флайера, нажал кнопку, включающую экстренные посадочные огни. Два луча в двести тысяч свечей прорезали темноту, отразились от полированной поверхности металла и заметались по кругу, отражаясь снова и снова. Венворт поднял глаза. Сверху они были закрыты плоской металлической крышей. Люди, флайер и группы скит-деревьев оказались запечатанными в гигантском металлическом цилиндре. Венворт выругался и яростно закричал:

— Все это ерунда! Этого же просто не может быть!

Он решительно направился к металлической стенке. Его фигура отбрасывала сразу две здоровенные тени. Пока он шел, на стенах гигантского металлического цилиндра плясали свои безумные танцы отражения и отражения отражений света и тени.

Когда Венворт подошел к металлической стене, он достал огнемет и постучал рукояткой по металлу. Стена была настоящей. Тогда он отошел от нее на пять шагов, поднял огнемет и нажал на спуск. Пламя ударило в стену и отразилось целым фейерверком искр. Но при этом ничего не произошло. Абсолютно ничего. Когда он убрал палец со спуска и снова подошел к стене, на ней не осталось ни единой отметины, более того, металл даже не нагрелся.

Хайнс невпопад сказал:

— Спящая Красавица пробудилась, Венворт... Что случилось?

Венворт вернулся к флайеру и, забравшись на борт, включил коммуникатор на полную мощность: шум помех чуть не оглушил его. Венворт нажал кнопку вызова. Потом еще и еще. Ничего. Он выключил коммуникатор. Наступила пугающая мертвая тишина.

— Ну? — спросил Хайнс.

— Это невозможно,— ответил Венворт,— однако я все могу объяснить. Стена не настоящая.

— Значит, мы можем пролететь сквозь нее?

— Мы разобьемся! — с отчаянием сказал Венворт.— Она материальна!

— Не настоящая, но материальна? — спросил Хайнс.— М-да, немного необычно. Когда я вернусь на Землю и стану счастливым и женатым человеком, я постараюсь придумать более правдоподобную историю для своей жены, если когда-

нибудь приду домой слишком поздно,— не могу, однако, представить, что я где-нибудь так сильно задержусь.

Венворт взглянул на него. Хайнс усмехнулся, его лоб покрылся испариной.

— Мне тоже страшно,— раздраженно сказал Венворт,— но я не прячу свой страх за дурацкими шуточками. Мы выберемся отсюда. Обязательно выберемся!

— Что это такое?

— Откуда я знаю? — вздохнул Венворт.— Однако тут есть какая-то система: город исчезает и снова появляется — и похоже, город пуст. Так не бывает. Теперь эта консервная банка... или цистерна, в которой мы оказались. Нигде нет механизмов, способных воздвигнуть такие огромные стены. И крышу. Как ее опустили, чтобы запечатать нас здесь? В одно мгновение ничего не было, а в следующее — мы в клетке. Как будто что-то... материализовалось из пустоты. Да, может быть, так оно и произошло! И город — такой же трюк! Может быть, это и есть секрет цивилизации, которую мы разыскиваем!

Его голос гулким эхом отразился от металлических стен.

— И в чем же их секрет?

— В материализации предметов! Они делают... некую синтезированную материю! Делают... ну... скажем, силовые поля, которые выглядят и ведут себя, как материя. Конечно! Если ты можешь сгенерировать здание, зачем его строить? Мы можем создать магнитное поле с помощью катушки индуктивности и электрического тока. Оно настолько же реально, как и кирпич. Просто оно другое! Мы можем получать изображение на экране. Оно такое же реальное, как и картина, написанная красками. Но оно другое! Предположим, что мы можем создать нечто вроде магнитного поля, имеющее форму, цвет и материальность! Почему оно не может быть материальным? Когда знаешь принцип, это должно быть так же легко, как создание формы и цвета!.. Если бы мы овладели этим принципом и захотели остановить пришельцев из других миров, мы могли бы просто создать материальный образ некой клетки вокруг них! Она будет создана из энергии, причем сможет черпать новые и новые запасы, если кто-

то попытается разрушить клетку. Конечно! И зачем нам строить города? Мы расчистим для них место, сгенерируем их и дальше будем поддерживать их столько, сколько потребуется, расходуя лишь энергию! Мы сделаем силовые поля в форме машин, которые выкопают каналы и построят дамбы...

Венворт говорил все громче. Отзвуки его слов метались, заключенные между металлическими стенами и потолком. Наконец он замолчал. Хайнс спокойно сказал:

— Значит, у нас не будет никаких артефактов. Когда они покинут город, он будет стерт с лица земли так, как изображение на экране кинотеатра после окончания фильма. Но, Венворт...

— Да?

— Если мы обладаем этим принципом и если мы захватили неких излишне любопытных чужаков из космоса и посадили их в клетку, что мы будем делать дальше? — Он немного помолчал.— Другими словами, что теперь будет с нами?

Венворт сжал зубы.

— Садись в кресло пилота,— скомандовал он,— и держи палец на кнопке вертикального взлета. Когда увидишь свет, жми на кнопку, чтобы мы могли выскочить отсюда! Если мы поймали кого-нибудь и если после этого мы откроем ловушку, мы должны будем приготовить для них что-то посерьезнее обычной клетки. Они сделают то же самое — и они, могу тебя заверить, такими возможностями обладают!

Молчание. Голос Хайнса:

— И какими же?

— Сегодня утром я видел одну такую штуку,— мрачно сказал Венворт.— Мне даже думать о ней не хочется. Если они захотят использовать ее против нас после того, как клетка откроется... Держи палец на кнопке! Эта штука была больше, чем «Галопирующая корова»! Я должен попытаться предупредить Макрая.

Венворт устроился рядом с коммуникатором. Каждые десять минут он пытался связаться с главным кораблем. И каждый раз тишину вспарывал оглушительный вой помех, сквозь который ничего нельзя было разобрать. Больше не происходило ничего. Флайер стоял на земле, освещенный многократ-

но отраженным светом двух прожекторов. Внутри гигантского цилиндра оказалось четыре группы скит-деревьев, которые делили свое заключение с флайером и людьми.

Тишина. Неподвижность... Каждые десять минут Венворт продолжал вызывать «Галопирующую корову».

Прошло полтора часа, и они наконец услышали ответ.

— ...лло! — донесся сквозь помехи искаженный голос Макрая.— Внизу... никаких следов... нигде...

— Возьмите на нас пеленг! — закричал Венворт.— Вы меня слышите?

— О чем вы ...рите, мы вас прекрасно слы...— донеслось из коммуникатора.— Продолжайте... говорить...

Венворт заморгал. На «Галопирующей корове» их слышат без каких бы то ни было помех! В то время как он почти оглох? Теперь все встало на свои места. Все!

— Я буду продолжать говорить,— горячо сказал он.— Постарайтесь определить наше местонахождение. Но не пытайтесь оказать нам непосредственную помощь. Возьмите направление от того места, где вы найдете нас, туда, где расположена пятидесятифутовая насыпь на северном отроге горной гряды. Как только вы окажетесь на этой линии, вы сразу услышите статические помехи! Вы будете находиться на пути луча, идущего прямо на нас! Двигайтесь вдоль линии помех к горам, и, когда вы найдете источник, перед вами предстанут те, кто посадил скит-деревья, и все артефакты, которых только ваша душа пожелает! Однако не исключено, что вам придется применить оружие...

Он вздохнул.

— Я начал понимать, что происходит,— продолжал Венворт уже намного спокойнее.— Они построили цивилизацию, основанную не на строительстве объектов, а на их генерировании. Если вы хотите иметь силовое поле определенной формы, вам нужно его соответственно сгенерировать. Их города и машины созданы не из вещества, однако они материальны. Это силовые поля! Генераторы расположены где-то на расстоянии, и они наводят силовые поля там, где потребуется. Они проецируют материальные объекты, даже целые города, так, как мы проецируем изображение на экране. Наверное, любые инструменты и космические корабли тоже. Вот почему нам не удавалось найти артефакты! Мы искали там, где, по нашим предположениям, должны были находиться города, вместо того чтобы искать места, где находятся генераторы силовых полей. Ищите луч статических помех, уходящий в горы...

Свет! С ослепляющей неожиданностью атомного взрыва появился свет. Венворт на мгновение увидел солнечные лучи, упавшие на тонкие, хрупкие стволы скит-деревьев, и почувствовал, как ускорение вертикального взлета вжимает его в кресло. Флайер взмыл ввысь, используя всю мощность своих двигателей,— и Венворт увидел «Галопирующую корову», неуклюже продирающуюся сквозь атмосферу на высоте десяти тысяч футов, милях в двенадцати от них.

Они услышали голос Макрая, который доносился до них без малейших помех.

— Какого дьявола? — шумел он.— Мы видели нечто, похожее на большую металлическую цистерну, и оно исчезло, а вы вылетели оттуда, как пробка от шампанского...

— Я думаю, будет лучше,— мрачно сказал Венворт,— если вы полетите вслед за мной. По-видимому, те, кто сажал скит-деревья, не хотят, чтобы мы находились здесь. По чистой случайности мне удалось узнать, где они скрываются. Они заманили нас сюда, для приманки спроецировав город. Мы полетели посмотреть на него — и он исчез. Я играл с ними в прятки до тех пор, пока они не изменили тактику и город перестал исчезать. Может быть, они рассчитывали, что мы приземлимся на крыше какого-нибудь здания, выйдем из флайера и отправимся исследовать город — и тогда он исчез бы, а мы рухнули бы вниз с высоты в одну или две мили. Но мы приземлились рядом с городом, и они в один миг возвели вокруг нас тюрьму. Я не знаю, что они намеревались делать, но тут появились вы, и они заставили нашу тюрьму исчезнуть, чтобы вам не удалось изучить ее. А теперь мы отправимся поговорить с ними!

Флайер мстительно помчался назад, к дамбе, где утром, еще перед восходом солнца, Венворт видел то, о чем даже теперь, в свете дня, ему не хотелось вспоминать. Тем временем

«Галопирующая корова» неуклюже развернулась со слоновьей грацией животного, в честь которого ее окрестили. Она была грузовым кораблем на маршруте Земля—Плутон до того, как ее переоборудовали для участия в экспедиции: очень надежный корабль, но не слишком удобный в управлении.

Флайер нырнул к горам. Челюсти Венворта были решительно сжаты. Флайер летел зигзагами — Венворт внимательнейшим образом осматривал каждый квадратный дюйм почвы... «Галопирующая корова» тащилась вслед за ними.

Ничего. Абсолютно никаких следов. Поиски продолжались. В коммуникаторе раздался голос Макрая:

— Они затихарились. Мы приземлимся, разобьем лагерь и отправим в разные стороны пешие разведывательные отряды.

Венворт что-то сердито проворчал. Он ни на минуту не прекращал поисков: дальше и дальше в горы, снова и снова внимательно осматривая землю. Вдруг в коммуникаторе что-то зашумело. Крики, невнятные возгласы с борта «Галопирующей коровы». Затем неожиданно раздались воющие удары — стреляла электронная пушка, стреляла с панической быстротой. Послышался страшный хруст — и все смолкло.

Флайер сделал короткий поворот, и Хайнс с Венвортом побледнели. Венворт даже закричал от ярости.

«Галопирующая корова» приземлилась. Ее грузовые люки были открыты, и через них выходили люди. Именно в этот момент чудовище атаковало корабль с безжалостной дикой свирепостью. Оно было больше, чем «Галопирующая корова»: его высота в плечах достигала ста футов. У него был бронированный корпус и огромные мощные челюсти с невиданными зубами: многократно увеличенное воплощение кошмаров гениального механика. Чудовище, наверное, материализовалось из пустоты, потому что ничто столь огромное не могло ускользнуть от поисков Венворта. Но пока Венворт с ужасом смотрел вниз, чудовищные челюсти сомкнулись на корпусе корабля и перекусили могучие пластины бериллиевой стали, как будто они были из бумаги. Центральная балка, на которой крепился корпус, оказала некоторое сопротивление. Однако со страшным хрустом чудовище вырвало и ее. Теперь оно своими огромными лапами разорвало старый космический корабль на части.

Члены команды выскакивали наружу и в ужасе разбегались кто куда. Чудовище поглотило одного человека, когда он пробегал мимо, но потом вернулось назад, чтобы покончить с кораблем окончательно. Кому-то удалось бросить бомбу прямо чудовищу в пасть, и бомба взорвалась — однако, казалось, оно даже не заметило этого.

Венворт теперь сам управлял флайером. Он бросил его вниз, но не к кораблю, а между кораблем и горами, по какой-то немыслимой спирали, пока наконец не услышал шум статических помех в коммуникаторе. Флайер выскочил из луча, но Венворт вернул его обратно в луч и так еще два или три раза...

— Там! — прохрипел он, задыхаясь от ярости.— Там, на склоне горы! Там есть дыра — вход в пещеру! Луч идет оттуда!

Он бросил флайер в сторону отверстия на склоне горы, затормозил всеми двигателями, посылая выбросы ракетного топлива в пещеру. Когда флайер со скрежетом приземлился у самого входа, Венворт, не теряя ни минуты, выскочил из него и помчался к пещере, стреляя перед собой из ручного огнемета.

Внутри пещеры что-то ослепительно вспыхнуло. Из бело-голубого пламени короткого замыкания возникла гигантская дуга, которая через мгновение бесследно исчезла. Пещера была вся в дыму, но Венворт увидел, как что-то маленькое медленно бежало через небольшой участок в пещеру, где дыма было поменьше, потом споткнулось, упало, немного подергалось и замерло. Венворт, сжимая огнемет, ждал появления новых врагов.

Но больше никто не появился. Дым медленно рассеивался. Вскоре Венворт смог разглядеть, что на полу лежит космический скафандр необычной конструкции, что существо в скафандре — не гуманоид и что оно выглядит очень усталым и очень мертвым. Затем его глазам предстал почти стандартный генератор жесткого излучения, соединенный толстым кабелем со сканирующим устройством. Еще он увидел модель — высотой футов пять — города, в который они с Хайнсом пытались попасть. Модель была сделана с невероятной точностью: все детали были проработаны до малейших подроб-

ностей. Однако сейчас сканирующая система была сфокусирована на металлическом объекте, который представлял собой миниатюрную модель чудовища с лапами, челюстями и броней... Она была длиной около двух футов и, видимо, могла управляться на расстоянии. Огромное существо, повторяющее все движения этой хитрой маленькой игрушки, могло рыть каналы и собирать урожай с вершин скит-деревьев. Могло оно и разорвать на части огромный космический корабль, как фокстерьер разрывает крысу...

Тут было еще очень много всего. Но хозяин в пещере был один — и ему приходилось носить скафандр даже у себя дома. Теперь он умер.

Хайнс позвал из флайера:

— Венворт! Что произошло? Ты жив?

Венворт быстро вышел из пещеры. Он хотел узнать, как сильно пострадала «Галопирующая корова».

Зрелище, представшее его глазам, было ужасным. От «Галопирующей коровы» остался только каркас. Двигатели пострадали не очень сильно, но вся внешняя оболочка была сорвана, помята и во многих местах пробита насквозь. Не оставалось ни малейшей надежды на починку корабля в полевых условиях.

— А я помолвлен, и сразу по возвращении должен жениться,— сказал сильно побледневший Хайнс.— Мы никогда не вернемся домой на этой...

Но меньше чем через месяц «Галопирующая корова» летела домой. И именно Хайнс, правда невольно, сделал это возможным. Изучение проектора материи позволило понять его принцип действия, и Хайнс — сделав отчаянную попытку пошутить — предложил вылепить фигурку последнего обитателя планеты и спроецировать ее на высоте двух миль над плантациями скит-деревьев, теперь уже совершенно бесполезными. Но ему поручили смоделировать нечто совсем иное, однако его не знающая удержу фантазия чуть не завела его в непроходимые дебри, но суровый Макрай быстро спустил его с небес на землю — у них было не так много времени.

Так что через шесть недель после того памятного утра, когда Венворт увидел механическое чудовище, двужущееся

в сером предрассветном сумраке безымянной планеты, «Галопирующая корова» уже почти достигла исследованной части галактики. Еще две недели — и они будут у форпоста земной цивилизации, на Ригеле. Длинная скелетообразная башня была построена из исковерканных остатков старого корабля. Заработало сканирующее устройство, и генератор материи спроецировал вокруг башни модель оболочки, сделанной Хайнсом. Она была гораздо больше, чем старый корабль, у них образовалось много свободного места. И Хайнс был совершенно счастлив.

— Подумать только,— говорил он, блаженно улыбаясь, сидя в специальной каюте, где находилось сканирующее устройство и генератор материи, поддерживающий силовое поле вокруг корабля.— Две недели, и мы на Ригеле! Два месяца, и мы дома! Два месяца и еще один день — и я женатый человек!

Венворт смотрел на маленький движущийся объект, на котором был сфокусирован сканер.

— Ты странный парень, Хайнс,— сказал он.— У меня такое впечатление, что в твоей голове не бывает мрачных мыслей. Ты знаешь, что погубило эту цивилизацию?

— Снарк? Или бука? — невинно спросил Хайнс.— Расскажи мне.

— Биологи решили эту задачу,— ответил Венворт.— Чума. Последний бедняга, оставшийся в живых, носил скафандр, чтобы защититься от микробов. Похоже, что один из земных кораблей потерпел катастрофу в их звездной системе. Их исследователи нашли его и посадили на поверхность одной из планет. Они узнали много нового, но на борту корабля оказались микробы разных болезней, от которых у них не было иммунитета. Насморка, например. В их телах инкубационный период составил шесть месяцев, и все это время заболевший оставался заразным. А потом болезнь оказалась смертельной. Они слишком поздно узнали об этом и не успели установить карантин. Ничего удивительного, что бедняга хотел убить нас! Ведь мы уничтожили целую цивилизацию!

— Очень жаль! — сказал Хайнс. Но тут он посмотрел на маленькую движущуюся модель нового корпуса «Галопирующей коровы».— Ты знаешь,— сказал он беспечно,— мне нра-

вится эта модель! Может быть, я и не самый лучший скульптор в мире — как любитель я и претендовать ни на что не могу. Но некоторое время после того, как мы приземлимся, я определенно буду самым знаменитым!

И он поклонился маленькому движущемуся объекту, у которого был длинный хвост с кисточкой, вытянутая шея и изогнутые рога. Его ноги сгибались и разгибались, сгибались и разгибались.

«Галопирующая корова» теперь уже полностью соответствовала своему имени, когда мерным галопом неслась сквозь пустоту космоса к Земле.

Подарок

Он нашел эту вещь на ежевичной поляне, когда искал коров. Среди высоких тополевых стволов спустились сумерки, и он не мог рассмотреть хорошенько, что это такое, да ему некогда было рассматривать, так как дядя Эб очень сердился на то, что две телки пропали; и если он не поторопится найти их, то дядя Эб опять возьмет ремень, и тогда он получит. А ему и так придется остаться без ужина, потому что он забыл сходить к роднику за водой; и тетя Эм ворчала на него весь день за то, что он не наловчился полоть огород.

— Я никогда в жизни не видывала такого никчемного мальчишки,— визгливо начинала она и повторяла, что уж если они с дядей Эбом взяли его из приюта, то она вправе ожидать от него благодарности, но нет, никакой благодарности он не чувствует, а зато причиняет столько неприятностей, сколько может, и он лентяй, и она откровенно заявляет, что не знает, что из него получится.

Он нашел телок в дальнем углу пастбища, у рощи, и прогнал их домой. Он брел позади них, снова думая о том, чтобы убежать, но знал, что не убежит и что бежать ему некуда. Правда, говорил он себе, в любом другом месте ему будет лучше, чем у тети Эм и дяди Эба, которые совсем не были ему родственниками — просто люди, на которых он работал.

Дядя Эб только что кончил доить, когда он вошел в сарай, гоня обеих телок, и, конечно, сердился на него за то, что телки не пришли вместе с остальными коровами.

© Перевод З. Бобырь.

— Ну вот что,— сказал дядя Эб,— ты, наверное, решил, что я должен доить и за себя, и за тебя, и все потому, что ты не считал коров, как я тебе велел, и не видел, все ли на месте. Я тебя проучу: садись и дои этих телок.

И Джонни взял треногую табуретку и ведро и стал доить телок: а телок доить трудно, и одна из них, рыжая, брыкнула и ударила Джонни в живот, а все молоко вылилось из ведра.

Дядя Эб, видя это, снял ремень, висевший за дверью, и хлестнул Джонни несколько раз, чтобы научить его быть поосторожнее и показать ему, что молоко стоит денег; и на этом дойка закончилась.

Они пошли домой, и дядя Эб всю дорогу ворчал насчет мальчишек, от которых больше хлопот, чем пользы. А тетя Эм встретила их на пороге и сказала, чтобы Джонни вымыл ноги перед тем, как ложиться спать: она вовсе не хочет, чтобы он пачкал ее красивые, чистые простыни.

— Тетя Эм,— сказал он,— я ужасно хочу есть.

— Неужто? — возразила она, поджимая губы.— Может быть, если бы ты немножко проголодался, ты не стал бы забывать все на свете, все время.

— Только кусочек хлеба,— попросил Джонни.— Без масла, безо всего. Просто кусочек хлеба.

— Молодой человек,— сказал дядя Эб,— ты слышал, что сказала твоя тетя? Вымой ноги, и марш ложиться.

— И смотри, вымой хорошенько,— прибавила тетя Эм.

Он вымыл ноги и лег. Уже в постели он вспомнил о том, что видел на ежевичной поляне, и вспомнил также, что не сказал об этом ни слова, так как дядя Эб и тетя Эм все время бранились и не дали ему случая рассказать.

И он тут же решил, что не скажет им ничего, не то они отнимут это у него, как всегда. А если не отнимут, то испортят так, что ему станет совсем неинтересно и неприятно.

Единственное, что принадлежало ему по-настоящему, был старый перочинный ножик с обломанным лезвием. Ножик нужно было бы заменить новым, но он знал, что не должен просить об этом. Однажды он попросил, и дядя Эб и тетя Эм целыми днями потом твердили ему, что он неблагодарное существо, что они взяли его с улицы, а ему этого мало, и он еще хочет швырять деньги на перочинные ножи. Джонни

очень удивился, услышав, что они взяли его с улицы, так как, насколько он помнил, он никогда не бывал ни на какой улице — никогда.

Лежа в постели, глядя в окно на звезды, он задумался о том, что видел на ежевичной поляне, и не мог вспомнить об этом ясно, так как не успел рассмотреть, а рассматривать было некогда. Но в этой находке было что-то странное, и чем больше он думал, тем больше ему хотелось побежать на ежевичную поляну и рассмотреть.

«Завтра,— подумал он,— я разгляжу. Завтра, как только мне удастся».

Потом он понял, что завтра ему не вырваться, потому что тетя Эм с утра заберет его полоть огород и не будет спускать с него глаз, так что ускользнуть он не сможет.

Он лежал и думал об этом, и ему стало ясно как день, что если он хочет посмотреть, то должен пойти туда сейчас, ночью. По храпу он понял, что дядя Эб и тетя Эм уснули; тогда он выскользнул из постели, поскорее надел рубашку и штаны и осторожно прокрался по лестнице вниз, стараясь не попадать на самые скрипучие ступеньки. В кухне он взобрался на стул, чтобы дотянуться до ящика со спичками на верхушке печи. Он захватил пригоршню спичек, но, подумав, вернул все, кроме полудюжины, так как боялся, что тетя Эм заметит, если он возьмет слишком много.

Он вышел. Трава была холодная, мокрая от росы, он закатал штаны повыше, чтобы не вымочить их внизу, и тогда пустился через пастбище.

В роще были страшные колдовские места, но он не очень боялся, хотя нельзя идти ночью по лесу и не бояться вовсе.

Наконец он достиг ежевичной поляны и остановился, размышляя, как перебраться через нее в темноте, не изорвав одежды и не исколов себе босых ног. И он задумался над тем, здесь ли еще это что-то, и тотчас же узнал, что оно здесь, ибо почувствовал идущую от него дружественность, словно оно говорило, что оно здесь и что его не нужно бояться.

Он был слегка встревожен, так как не привык к дружескому отношению. Его единственным другом был Бенни Смит, его сверстник, и он встречался с Бенни только в школе, да и то не всегда, потому что Бенни часто болел и целыми неде-

лями оставался дома; а так как Бенни жил на другом конце школьного округа, то на каникулах они совсем не видались.

Тем временем глаза Джонни привыкли к темноте на ежевичной поляне, и ему показалось, что он различает темные очертания чего-то лежащего здесь; и он пытался понять, каким образом может ощущать дружественность, так как был уверен, что это только предмет, вроде фургона или силосорезки, а совсем не что-нибудь новое. Если бы он подумал, что оно живое, то испугался бы по-настоящему.

Оно продолжало давать ему ощущение дружественности.

Он протянул руки и начал раздвигать кусты, чтобы пробраться поближе и рассмотреть. Если удастся подойти ближе, подумал он, то он сможет зажечь спичку и посмотреть яснее.

— Стой,— сказала дружественность, и он остановился, хотя совсем не знал, слышал ли это слово.

— Не смотри на нас слишком близко,— сказала дружественность, и Джонни тихонько зашептал в ответ, что он совсем не смотрел,— то есть не слишком близко.

— Хорошо,— сказал он,— я не буду смотреть.— И подумал, что это, наверно, такая игра, как в прятки у них в школе.

— Когда мы подружимся совсем, тогда сможем смотреть друг на друга, и все будет хорошо, потому что мы будем знать, какие мы внутри, а какие мы снаружи — это не будет важно.

И Джонни подумал, что они должны быть очень страшными, если не хотят, чтобы он видел их; и они ответили:

— Мы покажемся страшными тебе, ты покажешься страшным нам.

— Тогда, может быть,— сказал Джонни,— это и хорошо, что я не вижу в темноте.

— Ты не видишь в темноте? — спросили они, и Джонни сказал, что не видит, и наступило молчание, хотя Джонни слышал, как они удивляются тому, что он не умеет видеть в темноте. Потом они спросили, что он умеет делать, но он так и не смог понять их, и в конце концов они, должно быть, подумали, что он не умеет делать ничего.

— Ты боишься,— сказали они ему.— Нас не надо бояться.

И Джонни объяснил, что не боится их, какими бы они ни были, ведь они отнеслись к нему дружески; но он боится

того, что станется, если дядя Эб и тетя Эм узнают, что он украдкой ушел из дома. Тогда они стали расспрашивать его о дяде Эбе и тете Эм, и Джонни попытался объяснить, но они не понимали и, кажется, думали, что он говорит о правительстве. Он пробовал рассказать им по-настоящему, но было ясно, что они не понимают его.

Наконец, очень вежливо, чтобы они не обиделись, мальчик объявил, что ему пора уйти; а так как он пробыл здесь гораздо больше, чем собирался. Джонни пришлось бежать всю дорогу домой.

Он вернулся домой и благополучно юркнул в постель, и все было хорошо, но утром тетя Эм нашла спички у него в кармане и прочла ему нотацию об опасности сжечь амбар. Дабы подчеркнуть свои слова, она стегала его розгой по ногам, и стегала так сильно, что он подпрыгивал и кричал, как ни старался стерпеть.

Весь день он работал на прополке огорода, а перед самыми сумерками пошел загонять коров.

Ему не пришлось делать крюк, чтобы попасть к ежевичной поляне, коровы были именно в той стороне, но он, если бы они пошли в другую сторону, все равно завернул бы сюда, ибо целый день вспоминал о дружественности, которую ощутил там.

На этот раз было еще светло, сумерки только начинались, и он увидел, что его находка была вовсе не живая, а походила на глыбу металла, вроде двух сложенных вместе тарелок, с острым пояском вокруг, совершенно как у тарелок, сложенных вместе донышками наружу. И этот металл казался старым, словно лежал здесь уже давно, и был весь в ямках, как часть машины, долго пролежавшая под открытым небом.

Странный предмет проложил себе довольно длинную дорогу сквозь чащу ежевики и врезался в землю, пропахав метров двадцать, и, проследив его путь, Джонни увидел, что обломана верхушка высокого тополя.

Они заговорили опять, без слов, как и тогда, ночью, дружелюбно и по-товарищески, хотя Джонни не понял бы этого последнего слова, никогда не встречавшегося ему в учебниках.

Разговор начался так:

— Теперь ты можешь взглянуть на нас, но немного. Взгляни и отвернись. Не смотри пристально. Только взгляни и отвернись. Так ты привыкнешь к нам. Постепенно.

— Где вы? — спросил Джонни.

— Вот здесь,— ответили они.

— Там, внутри? — спросил Джонни.

— Здесь, внутри,— ответили они.

— Тогда я не могу вас увидеть,— сказал Джонни.— Я не могу видеть сквозь металл.

— Он не может видеть сквозь металл,— сказал один из них.

— Не может видеть, когда звезда зашла,— сказал другой.

— Значит, он не может увидеть нас,— сказали оба.

— Вы можете выйти,— предложил Джонни.

— Не можем,— ответили они.— Мы умрем, если выйдем.

— Значит, я не могу даже увидеть вас?

— Ты не можешь даже увидеть нас, Джонни.

И он почувствовал себя страшно одиноким, потому что никогда не увидит этих своих друзей.

— Мы не поняли, кто ты такой,— сказали они.— Расскажи нам о себе.

И потому, что они были такие ласковые и дружелюбные, он рассказал им, кто он, и как он был сиротой, и как его взяли дядя Эб и тетя Эм, которые совсем не были ему родными дядей и тетей. Он не говорил о том, как дядя Эб и тетя Эм плохо обращаются с ним, как бьют его и бранят и отсылают спать без ужина, но все это его друзья поняли так же, как и то, что он говорил им, и теперь они посылали ему больше, чем дружеское, чем товарищеское чувство. Теперь это было сострадание и нечто означавшее у них материнскую любовь.

— Это еще ребенок,— сказали они друг другу.

И они словно вышли к нему, и обняли его, и крепко прижали к себе; и Джонни упал на колени, сам того не замечая, и протягивал руки к тому, что лежало среди поломанных кустов, и звал их, словно это было чем-то, что он мог схватить и удержать,— утешением, которого он никогда не видел, которого жаждал и которое нашел, наконец. Его сердце кричало и молило о том, что он не мог высказать словами. И они ответили ему.

— Нет, Джонни, мы не покинем тебя. Мы не можем тебя покинуть, Джонни.

— Вы обещаете? — спросил он.

— Нам незачем обещать, Джонни. Наши машины сломаны, и мы не можем их исправить. Один из нас умирает, другой скоро умрет.— Джонни стоял на коленях, и слова медленно доходили до его сознания, и медленно он начинал понимать сказанное, и это было больше, чем он мог вынести: найти двоих друзей, когда они близки к смерти.

— Джонни,— сказали они ему.

— Да,— отозвался Джонни, стараясь не плакать.

— Хочешь поменяться с нами?

— Поменяться?

— Скрепить нашу дружбу. Ты дашь нам что-нибудь, и мы дадим тебе что-нибудь.

— Но,— начал Джонни,— у меня ничего нет...

Но тут он вспомнил. У него есть ножик. Неважный ножик со сломанным лезвием, но больше у него ничего не было.

— Прекрасно,— сказали они.— Это как раз то, что нужно. Положи его на землю, поближе к машине.

Он достал ножик из кармана и положил у самой машины. И тогда что-то произошло, так быстро, что он не успел увидеть,— но, как бы то ни было, ножик исчез, а вместо него лежало что-то другое.

— Спасибо, Джонни,— сказали они.— Хорошо, что ты поменялся с нами.

Он протянул руку и взял то, что они дали ему, и даже в темноте оно загорелось скрытым огнем. Он пошевелил его на ладони и увидел, что это что-то вроде многогранного кристалла, и что сияние идет изнутри, и что грани сверкают множеством разноцветных бликов.

Только теперь, увидев, как ярко светится этот кристалл, он понял, как долго пробыл здесь и как темно стало вокруг; и, поняв это, он вскочил и побежал, не успев даже попрощаться.

Было уже слишком темно, чтобы искать коров, и он надеялся, что они пошли домой сами и что он сможет догнать их и прийти вместе с ними. Он скажет дяде Эбу, что две тел-

ки ушли за ограду и ему пришлось искать их и загонять обратно. Он скажет дяде Эбу... он скажет... он скажет...

Дыхание у него прерывалось, и сердце билось так, что он весь вздрагивал, и страх вцепился ему в плечи — страх перед своим ужасным проступком, перед этим последним непростительным проступком после всех прочих, после того, как он не пошел к ручью за водой, после двух телок, упущенных вчера вечером, после спичек в кармане.

Он не нагнал коров, идущих домой без него, а нашел их в коровнике и увидел, что они уже выдоены, и понял, что пробыл на поляне слишком долго и что ему будет гораздо хуже, чем он думал.

Он направился к дому, весь дрожа от страха. В кухне был свет, дядя и тетя ждали его. Он вошел в кухню, они сидели у стола, глядя на него, ожидая его, и лица у них в свете лампы были суровыми и жесткими, как могильные плиты.

Дядя Эб встал, огромный, почти до потолка, и видно было, как мускулы вздуваются у него на руках, на которых рукава засучены по локоть.

Он потянулся к Джонни, и тот хотел увернуться, но руки сомкнулись у него на затылке, обхватили ему шею и подняли и свирепо затрясли.

— Я тебя научу,— говорил дядя Эб сквозь стиснутые зубы.— Я тебя научу... Я тебя научу...

Что-то упало на пол и покатилось в угол, оставляя за собой огненный след.

Дядя Эб перестал трясти его, подержал в воздухе, потом бросил на пол.

— Это выпало у тебя из кармана,— сказал он.— Что это такое?

Джонни отшатнулся, покачивая головой.

Он не скажет им, что это такое. Не скажет никогда. Пусть дядя Эб делает с ним что угодно, но он не скажет. Пусть даже они убьют его.

Дядя Эб шагнул к кристаллу, наклонился и поднял его. Он вернулся к столу, положил на него кристалл и наклонился, разглядывая его разноцветные сверкания.

Тетя Эм подалась вперед на стуле, чтобы тоже взглянуть.

— Что это? — произнесла она.

Они склонились над кристаллом, пристально разглядывая его, глаза у них блестели и светились. Тела напряглись, дыхание стало шумным и хриплым. Случись сейчас светопреставление, они не заметили бы его.

Потом они выпрямились и обернулись к Джонни, не замечая кристалла, словно он больше не интересовал их, словно у него была своя задача, и он выполнил ее, и больше не был нужен. В них было что-то странное, нет, не странное, но необычное.

— Ты, наверное, голоден,— обратилась к Джонни тетя Эм.— Я приготовлю тебе поужинать. Хочешь яичницы?

Джонни проглотил слюну и кивнул.

Дядя Эб снова сел, не обращая на кристалл никакого внимания.

— Знаешь,— сказал он,— я видел как-то в городе перочинный ножик, как раз такой, какой тебе нужен.

Джонни почти не слышал его. Он стоял, замерев, и прислушивался к потоку любви и нежности, заливавшему весь дом.

Помехи

Шум в эфире поднялся в восемь часов, и уже через пять минут в офисе Американского радиовещания стоял жуткий крик. Безобразия начались где-то в Бруклине, и в радиусе тридцати миль — а это пятнадцать миллионов клиентов — на всех телеэкранах возникли дикие помехи, а радиоприемники отвратительно зашипели. Это произошло как раз перед «Часом Мелбы», когда в эфире появляется Крошка Энджи, а без него народ просто не может обойтись. Так что, когда на видеоканалах в это самое время поднялся шум, служащие офиса начали повсеместно заламывать руки и жалобно стенать, а машины, оборудованные локаторами,— все до единой — отправились на охоту.

Определить направление поиска было совсем не трудно. Вот только, как и всегда, когда имеешь дело с короткими волнами, приходится приложить немало усилий, чтобы локализовать источник помех. Мы с Мортом три раза объехали вокруг квартала, прежде чем Морт сообразил, что он целиком занят огромным складским помещением с изоляцией из алюминиевой фольги, которая экранирует все сигналы. Вот почему на наших мониторах появлялись лишь помехи!

Когда мы немного отъехали от здания и описали приличный круг, снова появилось отчетливое изображение, и нам удалось обнаружить три места, где лучи двух отражателей исходили из двух направлений одновременно. Не помогло. В офисе по-прежнему раздавались отчаянные вопли, которые мы слышали по внутренней связи,— нам сообщали, что Крошка

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

Энджи должен выйти в эфир через двадцать минут, пятнадцать, что к ним поступило две тысячи жалоб, что звонил мэр и спросил, в чем дело, а компания «Пинки-Пэнк» уже выставила штраф на основании того, что прекращены передачи, и если что-нибудь не будет сделано срочно и так далее...

В конце концов мы нашли источник шума, он находился в квартале облупившихся жилых домов с частными и съемными квартирами. Настоящие трущобы! Самое отвратительное, когда имеешь дело с короткими волнами, заключается в том, что стоит тебе приблизиться к их источнику, как сигнал начинает отражаться от каждого имеющегося в округе горшка и чайника, а ты получаешь вторичные отраженные сигналы. Мы с Мортом выбрались из машины и приступили к работе. Вскоре появились другие аварийщики, и мы разделили улицу на сектора.

Мы начали стучать в двери под старым, как мир, предлогом: извините-мэм-но-какой-то-электрический-прибор-создает-помехи-телевизионный-сигнал-не-проходит-в-вашем-районе-вы-не-знаете-может-тут-кто-нибудь-экспериментирует-с-электричеством-и-так-далее-и-тому-подобное. Это совсем не научный подход, но зато быстро дает результат. Но пока что мы, точно безумцы, сжимали в руках свои портативные приемники, а в офисе продолжалась истерика.

Я орал в ухо какой-то глухой старухе, когда Морту открыл дверь разбушевавшийся пьянчуга, которому ужасно хотелось с кем-нибудь сцепиться. В этот момент ожил мой приемник — на нем появился четкий, правильный сигнал, и никаких помех. Я заорал, чтобы Морт все бросал и мчался ко мне.

Сигнал поступал из соседнего дома. Туда мы и отправились. Дом стоял заколоченный, и тот, что за ним, тоже. Мы оторвали несколько досок, разбили окно и забрались внутрь, оставив снаружи одного парня, чтобы он объяснил полицейским, что тут происходит,— если они заявятся, конечно. Внутри мы услышали тихое жужжание и помчались вверх по лестнице, потому что до Крошки Энджи оставалось минут десять или того меньше. Я увидел за дверью какое-то свечение, бросился вперед и завопил:

— Эй, приятель! Выключай свою штуку. Уж не знаю, что у тебя тут, но ты должен все немедленно выключить.

Я подлетел к двери, приготовившись к схватке, Морт и трое парней из других машин не отставали от меня. Вот тут-то мы и влипли.

Нет. Никаких трупов. Пока. Труп появился позже. Когда мы ворвались внутрь, то увидели примерно в футе от потолка световое кольцо диаметром около четырех футов. Свет был розоватым, довольно ярким — можно книгу читать. Кольцо тихонько гудело, словно разговаривало с самим собой. Но главная проблема заключалась в том, что это был просто свет, без оболочки. Казалось, он никак не крепился к потолку, просто висел совершенно неподвижно и выглядел абсолютно твердым.

Больше всего это было похоже на раскаленное докрасна стекло, если вы понимаете, что я имею в виду. Только вот никакого жара, просто яркое кольцо, висящее в воздухе. А еще оно не шевелилось, словно его удерживали на месте металлические подпорки. Уж не знаю как!

Морт не сводил с кольца глаз, остальные парни тоже. Затем Морт сказал:

— Вот так зараза... интересно, что это такое. И как оно выключается?

— До Крошки Энджи осталось пять минут,— напомнил нам другой парень, для которого слово нашего офиса было законом, а его служащие — пророками.— Мы должны что-то сделать! Его нужно выключить!

— Ясное дело! — не стал спорить я. Я уже успел рассмотреть эту штуку со всех сторон.— Покажи мне выключатель или хотя бы провод. Моих знаний тут не хватит.

Мы уставились на диковинное кольцо. Оно оставалось неподвижным. И твердым! И тут Морт сказал:

— Ни проводов, ни выключателей, ничего. Нужно добыть фольги, чтобы сделать экран. Пусть техники разбираются, что тут у нас такое. Если кто-нибудь из вас, ребятишки, хочет эту штуковину потрогать, валяйте. А я лично собираюсь перекрыть сигнал.

И он вышел. Двое ребят следом, и они, освещая себе дорогу фонариками, дружно помчались вниз по лестнице. Вскоре я услышал грохот — это они ломали входную дверь. Мы считаемся ремонтной бригадой для экстренных случаев, поэтому по закону наши действия нельзя назвать грабежом или вторжением в частную собственность. В этом смысле мы ничем не отличаемся от полиции и пожарных.

Я повозился с настройками своего приемника и убедился в том, что висящая здесь штука, точно кирпичная стена, блокирует все телевизионные сигналы в огромном районе. Я нигде не видел никаких проводов, но световое кольцо испускало целое море киловатт. Вскоре вернулся Морт с большим рулоном фольги на бумажной основе и липкой лентой. Те двое тащили складные лестницы. Мы занялись делом. Забавно, но никому даже в голову не пришло прикоснуться к этой диковине, швырнуть в нее что-нибудь или устроить короткое замыкание. Слишком просто.

Морт подвесил полотнище фольги к потолку, в нескольких местах закрепив его липкой лентой, примерно в ярде от кольца. Один из ребят сделал то же самое. Полотнища свисали, точно две шторы, напротив друг друга. Затем мы закрепили еще два листа, причем старались работать максимально быстро. В конце концов у нас получилось что-то вроде занавеса вокруг кольца. После этого мы загнули нижние края и в результате вышла воронка с четырьмя гранями. Короткие волны, которые испускало кольцо, отскакивали от фольги и уходили вверх. Один парень сбегал к машине и вскоре вернулся.

— В офисе говорят, что телевизоры заработали,— доложил он.— Теперь посмотрим, все ли нам удалось поймать.

Знаете, сражаться с помехами приходится не часто. Можно отключить все, что угодно, кроме линий электропередач, и предоставить юристам разбираться с возникшими проблемами. Но если и когда на линии электропередач возникает утечка, из-за которой перестают работать телевизоры, вы поступаете так, как мы поступили сегодня. Это случается крайне редко, раз в жизни, но мы знаем, что следует делать. И мы все починили как раз вовремя, чтобы Крошка Энджи вышел в эфир и снова доставил удовольствие населению, страдающему от недостатка развлечений.

Ладно. Мы принялись искать второстепенные утечки коротких волн. И снова нам потребовалась фольга. Затем Морт

сделал доклад, и все контрольные станции ответили, что у них полный порядок. Морт вернулся и сказал:

— Мы с Баком тут посидим и подождем техников. А вы, ребята, катитесь отсюда.

Все и ушли. В Бронксе возникли какие-то помехи. В четырех кварталах не было вообще никакого сигнала, а дальше — картинка постоянно дрожала. Так что одна машина поехала туда, чтобы выяснить, кто использует работающий в ультрафиолете прибор с паршивым конденсатором, а остальные отправились патрулировать город. Мы с Мортом уселись отдохнуть. Когда остальные ребята ушли, Морт победно посмотрел на меня.

— Бак,— сказал он,— как ты думаешь, что это за пакость такая?

— У меня голова раскалывается на части, так сильно я пытаюсь понять.

— А я догадался,— заявил он.— Ты когда-нибудь слышал про путешествия во времени?

Ясно, слышал. Чушь собачья. Один умный парень доказал, что, если бы мы могли путешествовать во времени, нам пришлось бы миновать время, которое находится между тем, где ты стартовал, и тем, куда направляешься. Значит, ты должен, если так можно сказать, это расстояние пролететь. Получается, что ты... ну, как будто расплющишься в промежуточном времени. А если ты расползешься на пару сотен лет, это все равно как растянуться на пару сотен миль. Совсем непрактично. И не полезно для здоровья. Так я Морту и сказал.

— Хорошо,— ответил мне тогда Морт,— но мне кажется, что перед нами устройство для путешествия во времени. Никто на земле в наше время не смог бы смастерить такое. Значит, это сделал кто-то из другого времени. Ты заметил, что кольцо непрозрачное и мы ничего сквозь него не видим?

Я прищурился и понял, что он прав. За краями кольца можно было разглядеть потолок, а когда мы вешали листы фольги, мы видели потолок *над* ним. Но сквозь него комната не просматривалась.

— Это дверь,— заявил Морт,— Может быть, правильнее сказать — лифт в будущее. Дорога для кого-то, кто живет через сотню тысяч лет после нас и решил посмотреть, как мы тут справляемся.

Чем дольше я находился рядом со световым кольцом, тем более странные чувства меня охватывали. Сначала все мои мысли были заняты решением задачи, как справиться с короткими волнами, которые оно испускает, но сейчас, когда нам было нечего делать, кроме как ждать техников — а они явно не спешили,— я пришел к выводу, что все это очень странно.

— Угу,— сказал я,— дорога, по которой кто-нибудь может к нам заявиться из другого времени? Тогда где же он, этот кто-то?

Дом, в котором мы сидели, был наглухо заколочен. Мы никого не видели и не слышали.

— М-м-м,— пробормотал Морт.— Ты прав. Пойдем посмотрим.

Мы пришли в комнату со световым кольцом по коридору, в который попали, когда поднялись по лестнице. Но здесь имелась еще одна дверь — открытая. Пустой дом был ужасно старый, штукатурка почти везде осыпалась, все казалось каким-то пыльным и кривым, пахло плесенью. Морт вытащил фонарик, вошел в распахнутую дверь и обвел помещение лучом. В следующее мгновение он вскрикнул. Затем наступила тишина, как будто он вдруг лишился дара речи, а потом...

— Он здесь,— услышал я напряженный голос Морта.— Прямо здесь. Можешь посмотреть.

Я почувствовал, как по спине у меня пробежал холодок.

— Он умер,— сообщил мне Морт.

Я вошел в комнату и увидел мертвеца. Он лежал на полу, в пыли, которая была повсюду. Самый обычный парень, вроде нас с вами, если не считать выражения лица. У некоторых ребят из технического отдела такое — особенно у шишек. Довольно часто я замечал его у профессоров из колледжа — далеко не шишек, по правде говоря. А еще у большинства химиков и огромного количества проповедников. Знаете, это что-то вроде: не желаю я с вами соревноваться, у меня полно дел поважнее. Вы мне не конкурент. Средний парень, получающий зарплату, даже не знает, как на себя такой вид напустить.

Он лежал на полу, совершенно мертвый, на том месте, где упал. И ни одной царапины. Поначалу мне показалось, что он одет, как самый обычный человек, но это только в первый момент. Одежда у него была какого-то неправильного покроя. А ботинки...

— Ты глянь-ка на его ботинки,— сказал Морт.

Они были из непонятного материала, совсем не похожего на кожу. Внешне они выглядели почти как наша обувь, но только были цельными. То есть как бы из одного куска — вылеплены, что ли? То же самое и с одеждой. Я не заметил никаких швов. Как вы понимаете, это выяснилось позже, когда нас с Мортом чуть не свели с ума разные там профессора, которые пытались выудить у нас больше, чем мы знали. В общем, сначала я решил, что этот парень ничем не отличался от нас — если посмотреть на него мельком. Но стоило взглянуть внимательнее, и ты видел разницу. Хотя должен сказать, что на лицо он был вполне симпатичным.

— Что...— Я сглотнул.— Что его убило?

— А мне откуда знать? — ответил Морт.— Думаю, копы скоро зададут нам этот вопрос. Так что я хочу осмотреть его, пока они не заявились.

Он принялся рыться у парня в карманах. Они оказались не менее странными. Рука Морта провалилась аж до локтя, и он вытащил целую горсть каких-то мелочей. Половину отдал мне, а сам принялся изучать остальное. Вот тогда-то я и увидел фотографию девушки. В первый момент я ее чуть не выронил, потому что она оказалось не плоская, а объемная. Получалось, будто я смотрю на девушку через окно. Из-за ее спины лился настоящий свет, а сама она была просто милашкой. Похожей на ребенка, немного грустного, но уверенного в себе и храброго. Она улыбалась и смотрела на кого-то, кто ей очень нравился. Может быть — я понял это только потом — на парня, который ее снимал. Мне бы хотелось, чтобы вот такая девушка улыбалась мне.

Я смотрел на картинку, когда Морт выругался.

— Интересно, что это такое? — спросил он.

Я заметил у него в руках странную вещь — три или четыре прочно соединенных между собой кольца. Сами думайте, что это такое. Я понятия не имею. А еще я увидел маленькую

карточку с коротеньким карандашиком. Позже мы узнали, что внутрь карточки напиханы разные там конденсаторы и катушки, но крошечные, чтобы было удобно держать ее в руке. Кто-то сообразил, что это такое передающее устройство, чтобы посылать письменное сообщение кому-то, кто далеко, но пока заставить эту штуку работать не удалось.

Кроме того, Морт нашел какой-то предмет, похожий на зажигалку с кнопкой. Он на нее нажал, оттуда вырвался синий свет, а на потолке появилось отверстие, сквозь которое мы увидели небо. Потом у Морта дрогнула рука, и отверстие превратилось в огромную дыру с неровными краями, словно кто-то выгрыз кусок потолка и крыши.

Морт страшно побледнел и бросил «зажигалку» на пол.

— Давай отсюда сваливать! — прошептал он.

Мы вернулись в комнату, где висело световое кольцо. Морт, по-прежнему бледный как полотно, вдруг сказал:

— Вот тебе доказательство, что я прав! Это устройство для путешествия по времени. Мы такое строить не умеем. А парень, которого мы нашли, явился из будущего — может, он жил через миллион лет после нас!

Я засунул фотографию в карман и показал ему остальное: маленький шарик из белого металла, плоский белый квадрат из материала, похожего на пластик, и какое-то приспособление, которое явно работало. Внутри стеклянного корпуса мы увидели колесики, совсем как в часах. Все какое-то чудное.

— Этот парень, наверное, спятил,— сказал я, делая вид, что абсолютно спокоен.— Зачем взрослому человеку шарики, непонятные колесики и странный кусок пластика? И зачем он носил с собой какой-то дурацкий прибор?

— Мы же носим часы,— возразил Морт и добавил, причем я заметил, что у него загорелись глаза: — Послушай! Этот парень явился к нам из будущего, до которого от нас миллион лет.

— Он совсем не лысый, и у него полно зубов,— запротестовал я.— Он похож на нас с тобой.

— Ну, может, не миллион,— взволнованно вскричал Морт,— а всего пятьсот тысяч. Или двадцать пять. Но ведь нашей цивилизации всего пара тысяч лет. А электричество и вовсе изобрели лет сто назад. Предположим, ты отправишь-

ся на тысячи лет в прошлое, и пещерный человек начнет шарить в твоих карманах. У тебя есть складной нож. Он никогда не сможет его открыть. У тебя есть часы. Он не имеет ни малейшего представления о минутах и секундах. Твоя ручка — разве он знает, что такое письмо? А маленькая черная записная книжечка для него будет самой настоящей загадкой. Платок... откуда ему знать, зачем нужен платок? Что у тебя есть такого, что покажется ему понятным и знакомым? Жевательная резинка? Спички? Сигареты? Деньги? Понимаешь, что я имею в виду?

— В соседней комнате лежит труп,— сказал я,— и думаю, нам следует вызвать полицию.

— Еще рано! — возразил Морт, и его глаза загорелись диким огнем. Он отчаянно дрожал.— Послушай, Бак! Нет ни малейших сомнений в том, что этот парень заявился к нам из будущего. Дверь, через которую он сюда попал, еще здесь! Если она открыта, ребятишки из отдела технического обслуживания обязательно захотят ее изучить. И в конце концов все лавры достанутся им. Но мы с тобой можем получить информацию раньше их. Представь себе, что там, в будущем, есть. У них наверняка имеется такое, о чем мы даже и не слышали. Их телевизоры, наверное, настоящая конфетка. Их...

Его трясло. Морт довольно умный парнишка и смыслит в определенных вопросах, но он сам не до конца понимал, что говорит. По правде говоря, я тоже. У меня было все необходимое для проявки и печати, так что я мог сделать кучу снимков. Я сразу сообразил, что, если мне удастся выяснить, как они делают свои трехмерные картинки, я действительно получу в руки классную вещь. И я был готов отправиться с Мортом в будущее — ненадолго.

— И что ты собираешься сделать? — спросил я.

Морт вытащил бумажник и достал водительское удостоверение из прозрачного кармашка. Руки у него дрожали.

— Собираюсь проделать трюк,— сказал Морт, но голос его почти не слушался.

Затем он взял водительское удостоверение и бросил его в самый центр светового кольца. Оно прошло насквозь. По идее карточка должна была удариться о потолок и упасть на пол. Ничего подобного не произошло. Она могла, например,

попасть в лист фольги, но все равно потом оказалась бы на полу. Но нет. Водительское удостоверение Морта исчезло.

— Они его поймали,— продолжая дрожать, сообщил мне Морт.— У них есть моя фотография и права. Так они поймут, что кто-то еще хочет с ними поговорить. Может быть, английский сильно изменился за это время, и они не могут прочитать, что там написано. В любом случае...

Морт швырнул вверх четвертак. С силой. Если бы он ударился о потолок, мы бы услышали, потому что световое кольцо гудело совсем негромко. Но монета прошла через центр кольца и пропала.

— Дай мне что-нибудь! — попросил Морт.— Чтобы они поняли, что я делаю!

Он вынул из кармана конверт и написал на нем: *«Привет! Привет! Привет! Люди из будущего, привет!»*, и подбросил его. Конверт к нам не вернулся.

Потом Морт уселся и принялся, обгрызая ногти, смотреть вверх. Я устроился рядом. И тут прямо из центра светового кольца что-то выскользнуло наружу. Оказалось, что это металлический прут с круглым стеклянным шариком на конце. Он опустился, замер примерно на секунду, а потом снова исчез.

— В потолке нет дыр! — воскликнул Морт, зубы которого выбивали отчаянную дробь.— Что это было? Что бы мы стали делать, если бы оказались по ту сторону?

Я сказал, наверное, самую умную вещь за все время, что мы сидели в этой комнате.

— Если бы мы находились с той стороны,— проговорил я,— и хотели бы узнать, что случилось с нашим приятелем, за которым мы опасаемся последовать, то спустили бы камеру и все сняли.

— Именно! — выкрикнул Морт и посмотрел на меня.— Теперь они нас увидят и поймут, что мы пытаемся с ними поговорить...

Мы стали ждать. Прут появился снова. Теперь на его конце был зажим, а в нем снимок найденного нами парня.

— Они хотят знать, где он! — догадался Морт и вытащил снимок из зажима.

Он страшно волновался и не заметил того, что я увидел сразу — он держал в руках трехмерную цветную фотографию. Точно такую же, как та, что я спрятал в карман. Морт взял снимок и на обратной стороне нарисовал человека, лежащего на полу — картинка получилась паршивая,— а рядом с ним двух людей с очень печальными лицами. Этими двумя явно были мы.

Затем он засунул фотографию обратно в зажим и подтолкнул прут обратно. Он тут же исчез. Довольно долго ничего не происходило. Морт ужасно нервничал.

— Я плохой художник,— дрожащим голосом сказал он.— Может быть, они подумают, что мы его убили. Послушай, я хочу послать им свой приемник.

Морт поднял приемник с пола и швырнул его в кольцо. Он пропал, хотя я ждал, что раздастся скрежет и грохот. Ничего такого.

И тут снова высунулся зажим с новой картинкой. По крайней мере, в нем был листок бумаги, с одной стороны совершенно черный. Но когда Морт схватил его и начал разглядывать, на черном вспыхнули яркие точки. Морт принялся рвать на себе волосы.

— Не понимаю! — выкрикнул он.— Я отправил им свою фотографию, они спустили камеру. Потом они прислали фотографию своего дружка. Я забросил к ним приемник, чтобы они поняли: мы знаем, что такое короткие волны, а они в ответ спустили картинку с какими-то искрами.

Я принялся внимательно разглядывать листок. Искры были разного размера и немного отличались по оттенкам. И вдруг я все понял.

— Звездная карта! — сказал я.— Смотри! Это изображение неба. Вот Большая Медведица! Видишь? А вон Малая. И Полярная звезда! Но зачем они нам это прислали?

Морт завопил от облегчения:

— Я все понял! Они сообразили! Если мы пошлем им нашу звездную карту, они смогут проверить, туда ли они попали — я имею в виду, в то ли время, в которое хотели. Они спрашивают, какой сейчас год!

Он выскочил из комнаты и помчался вниз по лестнице. Я сразу догадался, что он задумал. Морт любил читать науч-

но-популярные журналы, а в них всегда печатали звездные карты, чтобы начинающие астрономы могли увидеть, где сейчас находятся звезды, кометы и тому подобные штуки. В нашей машине как раз валялся такой журнал. Вот Морт и бросился за ним.

Я ждал. Зажим висел в воздухе. В соседней комнате лежал труп. В конце концов я решил, что, может, им надоело ждать, и тогда я вырвал листок из записной книжки и нарисовал зажим, а потом человечка — ужасно похожего на палку,— который бежит вниз по лестнице. Потом я показал, как он берет что-то из машины и возвращается обратно. Затем я засунул листок в зажим и подтолкнул его наверх. Он исчез. Они все поняли. Зажим снова спустился и замер в неподвижности.

Я смотрел на фотографию девушки, когда услышал торопливые шаги Морта.

— Нашел! — пытаясь отдышаться, сообщил он мне.— Вот журнал, я открыл его там, где напечатана карта неба на этот месяц. Они поймут, что мы разумные существа и способны многому научиться.

Морт обвязал веревкой раскрытый на нужной странице журнал и закрепил в зажиме. Потом подтолкнул его, и он исчез. Морт стоял и ждал, прикидывая, что спросит в следующий раз. Звездная карта осталась у нас. Зажим больше не спускался. И ничего не происходило.

А потом погасло световое кольцо. И больше не загоралось.

Морт чуть не вырвал все свои волосы. Он бы наверняка спятил, если бы очень умный ученый из исследовательского института не поговорил с нами обоими наедине через несколько дней.

— Никто в мире не смог бы сделать больше, чем вы,— сказал тот парень, пытаясь нас утешить.— Они проводили испытания путешествий во времени, а математика наука хитрая. Они хотели узнать, куда попали — в будущее или прошлое. Вы ответили им при помощи своей карты — что ни туда, ни туда — и они ушли. Им здесь ничего не нужно. Мы для них пещерные люди. Им не интересно то, что мы можем им сказать. Вы все правильно сделали.

— Но послушайте,— проговорил Морт,— откуда они к нам прибыли? А мертвый парень...

— А разве важно, откуда они прибыли? — спросил ученый.— Скорее всего, из параллельного времени, где цивилизация зародилась, скажем, на пятьдесят тысяч лет раньше, чем у нас. Главное, что нам удалось кое-что у них получить. Разные приспособления. А погибший путешественник... теперь мы знаем, что он умер, потому что не был одет в защитный костюм, когда прошел сквозь кольцо. Он прожил всего пять минут. А вот когда мы отправимся гулять по времени, мы такой ошибки уже не совершим.

Я внимательно его слушал и потому решил вставить и свое словечко.

— Скажите,— заявил я,— вы думаете, что мы тоже на такое способны? Что мы сможем отправиться туда, откуда к нам явился этот паренек?

— А почему бы и нет? — удивился ученый.— Через тысячу лет?

Разговор состоялся через десять дней после того происшествия, и у меня было достаточно времени подумать.

— Послушайте,— сказал я,— когда будете готовы и вам понадобится доброволец, чтобы надеть защитный комбинезон, свяжитесь со мной, ладно?

Я отчасти шутил, но у меня остался снимок, который я взял у того парня. Фотография симпатичной девчонки. Даже больше чем симпатичной. Но мне почему-то невесело, когда я о ней думаю. Я бы хотел найти эту крошку и вернуть ей фотографию, а потом сказать, что я ужасно сожалею насчет ее друга.

Проксима Центавра

1

«Адастра» уже сверкала, ведь от приближающегося Солнца ее отделяло небольшое расстояние. Наблюдающие за внешней поверхностью огромного корабля видеоэкраны передавали на внутренние мониторы слабый свет. Они показывали мощное округлое тело металлического шара, покрытое лесом кранов, слишком массивных, чтобы их могла передвигать сила, меньшая, чем та, которой располагал сам корабль. Они показывали весь шар диаметром в тысячу пятьсот метров как слабо светящийся объект, неподвижно висящий в пространстве.

Впрочем, последнее впечатление было ошибочно. Колоссальный, на первый взгляд слишком огромный, чтобы хотя бы вздрогнуть под действием любой представимой силы, корабль именно сейчас подвергался ее воздействию. В двенадцати точках его слабо поблескивающей обшивки находились отверстия, из которых вырывалось прозрачное пурпурное пламя. Оно давало мало света — меньше, чем звезда, к которой направлялся корабль,— но это были дюзы ракет, поднявших «Адастру» с поверхности Земли и семь лет толкавших ее сквозь межзвездное пространство к Проксиме Центавра — ближайшей к Солнцу звездной системе.

Однако сейчас двигатели не разгоняли корабль: огромный шар тормозил. Он терял скорость — ровно 9,9 м в секунду,— чтобы внутри корпуса создать эффект земной гравитации.

© Перевод И. Невструева.

Торможение продолжалось уже несколько месяцев. Корабль, который должен был первым преодолеть пространство между двумя солнечными системами, тормозил от максимальной скорости, близкой к скорости света, чтобы достичь такой, какая необходима для маневров в шестидесяти миллионах километров от поверхности звезды.

Далеко впереди Проксима Центавра призывно поблескивала. Видеоэкраны, показывавшие слабый отблеск звезды на панцире корабля, переносили ее изображение внутрь, и на экране главной рубки она виднелась с большим увеличением. Изображение это задумчиво разглядывал старый седобородый мужчина в мундире. Медленно, как будто повторял это уже много раз, он сказал:

— Довольно своеобразное кольцо: двойное, как кольцо Сатурна. У Сатурна девять лун. Интересно, сколько планет будет у этого солнца?

Девушка нетерпеливо откликнулась:

— Мы скоро узнаем это, не так ли? Ведь мы почти на месте и уже знаем время обращения одной из них! Джек сказал...

Отец медленно повернулся в ее сторону.

— Джек?

— Гэри,— поправилась девушка.— Джек Гэри.

— Моя дорогая,— мягко сказал старец,— он производит впечатление порядочного человека и имеет большие способности, но он — бунт. Помни об этом!

Девушка закусила губу.

Старик продолжал, медленно и беззлобно:

— Это весьма прискорбно, что внутри экипажа экспедиции произошел раскол — внутри экспедиции, которая должна быть научной, проводимой в духе крестового похода. Ты даже плохо помнишь, как это началось, но мы, офицеры, слишком хорошо знаем, сколько усилий приложили бунты, чтобы погубить главную цель нашей экспедиции. Этот Гэри — из бунтов. Действительно, он по-своему сообразителен, и я даже позволил бы ему жить в офицерской кабине, но Ольстер проверил его и обнаружил нежелательные факты, сделавшие это невозможным.

— Я не верю Ольстеру! — с нажимом сказала девушка.— Кроме того, именно Джек поймал те сигналы. Он над ними работает, офицер он или бунт! В конце концов, он человек. Близится время, когда сигналы могут прийти снова, и тут тебе придется положиться на него.

Старик нахмурился. Осторожно ступая, он подошел к креслу и сел с обычной и, пожалуй, патетической осторожностью. «Адастра» не требовала постоянного пребывания за пультом управления, как межпланетные корабли. Здесь, в межзвездной пустоте, не было необходимости следить за движением других кораблей, опасаться метеоритов или тех загадочных и до сих пор не изученных силовых полей, которые поначалу делали межпланетные путешествия такими рискованными.

В любом случае корабль был настолько велик, что мелкие метеориты не могли ему повредить, а при скорости, с которой он сейчас двигался, большие скальные обломки были бы обнаружены индукционными лучами достаточно рано, чтобы их локализовать и при необходимости сменить курс.

Боковая дверь в рубку внезапно открылась, и вошел мужчина. С быстротой профессионала он пробежал взглядом по рядам указателей; на мгновение взглянув на щелкнувший переключатель, мужчина повернулся и старательно отсалютовал старику.

— А, Ольстер,— сказал тот.— Тебя тоже интересуют эти сигналы, а?

— Да, господин капитан. Конечно. И как ваш заместитель я предпочитаю держать вопрос на контроле. Гэри — это бунт, и я не хотел бы, чтобы он овладел информацией, которую мог бы скрыть от офицеров.

— Ерунда! — раздраженно бросила девушка.

— Возможно,— согласился с ней Ольстер.— Надеюсь, что это так. Даже уверен в этом, но не желаю пренебрегать осторожностью.

Застрекотал звонок. Ольстер нажал клавишу, и один из мониторов засветился. С экрана смотрело смуглое мрачноватое лицо молодого мужчины.

— Минуточку, Гэри,— резко сказал Ольстер. Он нажал другую кнопку, и экран на мгновение потемнел, чтобы тут

же осветиться вновь. На сей раз он показывал длинный коридор, по которому приближалась одинокая фигура. Вскоре на экране было то же самое бесстрастное лицо.

Ольстер еще резче произнес:

— Вторая дверь открыта, Гэри. Вы можете войти.

— По-моему, это омерзительно,— со злостью сказала девушка, когда экран погас.— Ты же знаешь, что можешь ему доверять! Должен! И все-таки каждый раз, когда он приходит в офицерские каюты, ты ведешь себя так, словно у него в каждой руке по бомбе, а за спиной сопровождающие.

Ольстер пожал плечами и многозначительно посмотрел на старика, а тот устало сказал:

— Моя дорогая, Ольстер второй по званию после меня, и на обратном пути к Земле он будет командиром. Я бы хотел, чтобы ты была благоразумной.

Однако девушка отвернулась от молодцеватой фигуры Ольстера в безупречно сшитом мундире, оперлась подбородком на сплетенные ладони и задумчиво смотрела в противоположную стену. Ольстер подошел к пульту управления и начал внимательно следить за движением указателей.

Тихо шумел вентилятор, потом как-то радостно, словно довольный собой, щелкнул переключатель. Больше ничто не нарушало тишину.

«Адастра», самое мощное творение человеческой расы, мчалась в космическом пространстве; свет далекого солнца матово отражался от ее корпуса. Земля осталась в семи годах и неисчислимых миллионах километров позади. Межпланетные путешествия в Солнечной системе были уже обычным явлением; процветающая колония на Венере и с большим трудом поддерживаемая станция на самом крупном спутнике Юпитера гарантировали динамичное развитие межпланетной торговли даже после того, как мертвые города Марса перестали давать баснословную прибыль. Однако лишь один корабль пересек орбиту Плутона — и была им «Адастра».

Это был самый крупный из всех кораблей, самая колоссальная конструкция, которую когда-либо создавали люди. Честно говоря, проект ее сначала высмеяли как нереальный для людей — людей, которые в конце концов его реализовали. Шпангоуты скелета «Адастры» были так велики, что после

отливки их нельзя было перенести ни одним краном, поэтому формы сразу устанавливали в тех местах, где должны были оказаться шпангоуты, и там же заливали их металлом. Дюзы ракетных двигателей были настолько мощными, что ультразвуковые импульсы, необходимые для нейтрализации эффекта поля Колдуэлла, генерировались в тридцати различных местах на каждой из них, поскольку иначе дезинтеграция топлива распространилась бы на сами дюзы, а потом и на весь огромный корабль, чтобы в конце концов превратить в сноп пурпурного огня саму планету творцов «Адастры». При максимальном ускорении двенадцать дюз дезинтегрировали пять кубических сантиметров воды в секунду.

Диаметр корабля составлял несколько больше полутора километров. Топливные баки содержали запас, достаточный для всего путешествия, без необходимости регенерации или очистки атмосферы. Склады, мастерские, запасы материалов и частей были так велики, что перечисление их было бы просто списком ничего не говорящих цифр.

Внутри корабля находились даже сто пятьдесят гектаров пахотной земли, где под светом ламп, имитирующих солнечные лучи, выращивались растения; они перерабатывали отходы органической материи и возвращали в обращение выдыхаемый людьми углекислый газ — частично в виде кислорода, а частично в виде съедобных углеводородов.

«Адастра» была замкнутым миром. Имея достаточно энергии, она могла содержать свой экипаж бесконечно, поставляя ему питание и атмосферу; внутри корабля было достаточно места для обеспечения всех человеческих потребностей, включая потребность в одиночестве.

Отправляясь в самое удивительное путешествие в истории человечества, корабль формально получил статус государства, а его капитан — полномочия для установления и исполнения необходимых законов. Они летели к цели, удаленной на четыре световых года; минимальное время, через которое можно было ожидать возвращения корабля, оценивалось в четырнадцать лет. Никакой экипаж не смог бы вынести такого долгого путешествия и остаться целым, поэтому люди отбирались не в одиночку, а семьями.

Когда «Адастра» поднималась с поверхности Земли, на борту ее было пятьдесят детей, а в первый год путешествия родились еще десять. Людям на Земле казалось, что могучий корабль мог не только бесконечно поддерживать существование своего экипажа, но сам экипаж, обладающий более чем достаточными ресурсами для науки и развлечений, мог восстанавливаться в такой степени, что тысячелетний полет становился столь же возможным, как эта небольшая прогулка до Проксимы Центавра.

Так бы оно и случилось, если бы не явление настолько незначительное, что его никто не предусмотрел. Явлением этим была скука. Не прошло и полугода, как полет перестал быть исключительным событием. Путешествие на большом корабле стало убийственно скучным, особенно для женщин.

«Адастра» уподобилась огромному муравейнику, в котором не было газет, магазинов, новых фильмов, новых лиц или хотя бы мелких неудобств, вызываемых сменой погоды. Мелочная детальность всех приготовлений к путешествию лишила его какого-либо разнообразия. Это и означало скуку.

Скука же влекла за собой беспокойство, а беспокойство, когда на борту есть женщины, мечтавшие о невероятных приключениях, означало дьявольские неприятности. Мужья перестали быть для них героями, превратившись в обыкновенных людей. У мужчин тоже были подобные разочарования. Заявления о разводах заполнили стол капитана, поскольку именно он олицетворял на корабле власть. На восьмом месяце произошло одно убийство, в следующие три — еще два.

Через полтора года полета экипаж оказался на грани бунта. Когда прошли два года, кабины офицеров отделили от большей части «Адастры», людей разоружили, а за любой работой, выполнения которой требовали от бунтовщиков, следили офицеры, готовые применить оружие. Через три года экипаж потребовал возвращения на Землю, но за время, в течение которого «Адастра» могла бы погасить свою невероятно большую скорость и остановиться, она оказалась бы так близко от первоначальной цели путешествия, что это не имело большого значения для общего времени полета. Поэтому в оставшееся время члены экипажа старались облегчить монотонность жизни любыми развлечениями, какие только можно было придумать при фактическом отсутствии потребности в настоящей работе.

Обитатели офицерских кабин называли своих подчиненных термином, который стал прозвищем для всех прочих участников полета,— сокращением от слова «бунтовщики». Экипаж не желал поддерживать какие-либо отношения с офицерами, но, вопреки утверждениям Ольстера, реальной угрозы бунта не было. С некоторым опозданием между сторонами установилось что-то вроде внутреннего равновесия.

Бóльшая часть экипажа выработала у себя взамен дерганой психики жителей изолированного от остального мира небоскреба психику жителей изолированной деревни. Разница между ними принципиальна. К условиям изоляции и монотонности особенно хорошо приспособились дети, выросшие за время экспедиции.

Джек Гэри был одним из них. Когда путешествие только началось, ему было шестнадцать лет. Он был сыном ракетного инженера; отец его умер на втором году путешествия. Другим примером этого типа была Элен Бредли. Когда ее отец — автор проекта и командир огромного корабля — нажал кнопку, запустившую ракету, ей было четырнадцать лет.

Уже в момент начала полета отец её был более чем в преклонном возрасте. Быстро состарившийся под гнетом ответственности, длящейся непрерывно уже семь лет, он был сейчас старцем и знал — как знала это Элен, хотя и не могла с этим смириться,— что не переживет долгого обратного путешествия. Его место должен был занять Ольстер, наследуя одновременно связанный с постом руководителя деспотический авторитет. При этом еще Ольстер хотел жениться на Элен.

Опершись подбородком на ладони, она и думала сейчас обо всем этом.

Было тихо, слышался только посвист вентилятора и время от времени радостное тиканье переключателей, управляющих автоматами, следившими, чтобы в мире, называемом «Адастрой», никогда не произошло ничего плохого.

Стук в дверь. Капитан поднял веки: он был очень стар и минуту назад задремал.

— Войдите! — коротко бросил Ольстер.

Джек Гэри вошел и отсалютовал, обращаясь к капитану. Это соответствовало уставу, но Ольстер бросил на него яростный взгляд.

— А, это вы, Гэри,— сказал капитан.— Кажется, близко время, когда мы ожидаем получения новых сигналов, верно?

— Да, господин капитан.

Джек Гэри был очень спокоен и деловит. Только один раз, когда он искоса взглянул на Элен, в его облике проскользнуло что-то кроме позы человека, поглощенного работой. За бесконечно малую долю секунды взгляд его сказал ей нечто заставившее ее радостно просиять.

Ольстер заметил этот короткий взгляд и жестко сказал:

— Вы продвинулись в расшифровке сигналов, Гэри?

Глядя на записи в блокноте, Гэри установил шкалу трансволнового приемника. Не прерывая настройку аппаратуры, он ответил:

— Нет. Сначала повторяется один и тот же набор сигналов, который должен быть чем-то вроде позывных, поскольку часть его используется как подпись в конце передачи. С позволения капитана я воспользовался первой частью этого блока сигналов как позывными в наших передачах, отправляемых в ответ на те. Просматривая записанные передачи, я наткнулся на нечто, показавшееся мне важным.

— Что это такое, Гэри? — мягко спросил капитан.

— Уже несколько месяцев мы посылаем сигналы вперед направленным лучом. Это была ваша идея — высылать сигналы вперед, чтобы в случае существования цивилизованных жителей на планетах, кружащихся вокруг солнца, к которому мы летим, они убедились, что наши цели мирные.

— Верно,— согласился капитан.— Было бы трагично, если бы первый межзвездный контакт оказался иным.

— Уже почти три месяца мы получаем ответ на наши сигналы, и всегда с промежутками более чем в тридцать часов. Разумеется, мы предположили, что их посылает стационарный передатчик и что действует он раз в сутки, когда находится в положении, наиболее подходящем для связи с нами.

— Конечно,— сказал капитан.— Мы рассчитали период вращения планеты, с которой приходят сигналы.

Джек Гэри закончил настройку и повернул выключатель. В динамике появился нарастающий шум, который тут же смолк. Джек еще раз проверил взглядом указатели.

— Я сравнивал записи, господин капитан, беря поправку на наше приближение к источнику передачи. Поскольку мы резко уменьшаем расстояние между нами и звездой, нашим сегодняшним сигналам, чтобы дойти до нее, требуется на несколько секунд меньше, чем вчерашним. Их сигналы должны демонстрировать то же самое сокращение перерыва между передачами, если их действительно отправляют каждый день в один и тот же момент планетарного времени.

Капитан благожелательно кивнул.

— Поначалу так и было,— продолжал Джек,— но около трех недель назад продолжительность перерыва между передачами совершенно изменилась. Это касается силы сигнала, а также формы волны, как будто теперь их посылает другой передатчик. Кроме того, в первый день после этой смены сигнал дошел до нас быстрее на секунду, чем это следовало из нашей скорости сближения со звездой. На второй день сигналы пришли на три секунды раньше, на третий — на шесть, на четвертый — на десять... и так далее. Еще около недели назад сигналы приходили с упреждениями, увеличивающимися в арифметической прогрессии, затем упреждение стало вновь уменьшаться.

— Чушь! — резко бросил Ольстер.

— Так утверждают записи,— решительно ответил Джек.

— Ну и как вы это объясните, Гэри? — спросил капитан.

— Они передают с космического корабля,— коротко ответил Джек.— Он приближается к нам с ускорением в четыре раза больше нашего и посылает сигналы с тем же интервалом, что и прежде,— по их часам.

Воцарилась тишина. Элен Бредли блаженно улыбалась. Капитан задумался, наконец признал:

— Очень хорошо, Гэри. Это звучит убедительно. Что же дальше?

— Итак, господин капитан,— продолжил Джек,— поскольку направление смещения приходящих сигналов во времени неделю назад изменилось на обратное, похоже, что приближающийся космический корабль начал торможение. Вот мои

расчеты, господин капитан. Если сигналы посылаются через то же время, что и сначала, это означает, что к нам приближается космический корабль, тормозящий, чтобы остановиться и изменить курс. Его курс и скорость сравняются с нашими через четыре дня и восемнадцать часов. Они хотят застать нас врасплох этой встречей.

Лицо капитана просветлело.

— Великолепно, Гэри! Это действительно высокоразвитая цивилизация! Что за встреча! Два народа, разделенные четырьмя световыми годами пространства! Подумать только, какие чудеса мы увидим! И представьте, они послали корабль далеко за пределы своей системы, чтобы нас встретить и приветствовать!

Джек был настроен более серьезно.

— Надеюсь, что да, господин капитан,— сухо сказал он.

— Дальше, Гэри,— зло сказал Ольстер.

— Что ж,— задумчиво произнес Джек,— они делают вид, что посылают сигналы со своей планеты — передают, как им кажется, через те же интервалы. Если бы они захотели, то могли бы обмениваться с нами сигналами двадцать четыре часа в сутки и начать работу по согласованию кода для обмена информацией. Вместо этого они пытаются обмануть нас. Полагаю, что в лучшем случае они прибудут, готовые к схватке. Если не ошибаюсь, сигналы пойдут через три секунды.

Он замолчал и стал смотреть на шкалу приемника. Из аппарата ползла лента, регистрирующая сигналы по мере их поступления, и другая, записывающая глубины модуляции. Обе они были чисты.

Но вдруг — ровно через три секунды — самописцы дрогнули, и на ползущих лентах бумаги появились тонкие белые линии. Из динамика донеслись звуки.

Это был голос — сомнений не было. Хрипловатый и одновременно шипящий, больше всего похожий на стрекот насекомого. Однако звуки, из которых он состоял, модулировались таким образом, каким не смогло бы сделать этого ни одно насекомое. Явно образующие что-то вроде слов без гласных, но различающихся родом и напряженностью звука.

Трое мужчин, сидевших в рубке, уже много раз слышали эти слова, так же как и девушка, но именно теперь они произвели на нее впечатление угрозы, брани, скрываемой жажды уничтожения; слушая их, она почувствовала, что кровь стынет в ее жилах.

2

Корабль мчался в космосе; дюзы его двигателей посылали вперед тонкие и, казалось, несоизмеримо слабые, по сравнению с массой «Адастры», пурпурные языки пламени, которые не выделяли ни дыма, ни газов и казались лишь маленькими огоньками, необъяснимым образом горящими в пустоте.

Во внешнем его виде не происходило никаких перемен уже много лет. Время от времени люди выбирались из шлюза и двигались по поверхности корабля, расплавляя сталь под ногами огнем, вырывающимся из термических излучателей. Потребности в подобной экспедиции не было уже давно.

Однако сейчас в слабом свете Проксимы Центавра из маленького шлюза выскользнул человек в космическом скафандре и тут же оторвался от корабля на всю длину тонкого, как паутина, страховочного каната. Постоянное ускорение создавало искусственную гравитацию не только внутри шара, все, что двигалось вместе с «Адастрой», подчинялось тому же воздействию. Человек на передней тормозящей поверхности корабля был отброшен в пространство моментом своей собственной массы и той же силой, что внутри корабля прижимала его ноги к полу.

Он подтянулся обратно, затратив на это огромные усилия; двигался неуклюже, что еще больше подчеркивала округлость раздутого скафандра. Схватившись за поручень, он на время работы сверлом пристегнулся карабином, потом еще более неловко перебрался на другое место и продолжал сверлить. Так он сменил пять мест, а затем на стальной поверхности, которая, казалось, всегда была над ним, не менее получаса возился с установкой сложной путаницы стеллажей и проводов. В конце концов, довольный проделанной работой, он подтянулся обратно и забрался в шлюз. «Адастра» мчалась вперед, совершенно не изменившаяся, кроме маленькой выпуклой конструкции из проволоки диаметром около десяти

метров, которая больше всего походила на микроскопические заграждения из колючей проволоки.

Когда уже внутри корабля Джек освобождался от космического скафандра, его горячо приветствовала Элен Бредли.

— Это было ужасно! — сказала она.— Так смотреть на тебя, висящего на той паутине, над миллионами километров космической пустоты под ногами!

— Если бы канат лопнул, твой отец повернул бы корабль, чтобы подцепить меня,— тихо ответил Джек.— Пойдем включим индуктор, проверим, как действует новая приемная антенна.

Он повесил скафандр на место. Когда они выходили из шлюза, их руки случайно соприкоснулись, и молодые люди заколебались, поглядывая друг на друга. Потом остановились, глаза Элен сверкали. Руки Джека нетерпеливо поднялись...

Поблизости послышались шаги, из-за угла вышел Ольстер — заместитель капитана корабля — и остановился как вкопанный.

— Что это значит? — яростно спросил он.— То, что капитан пустил тебя в офицерскую часть корабля, вовсе не значит, что ты можешь вводить здесь стиль флиртования бунтов!

— Как ты смеешь! — гневно крикнула Элен.

Огненный румянец на лице разъяренного Джека быстро сменился бледностью.

— Возьми свои слова назад,— сказал он тихо, очень тихо.— Возьми их назад, или я покажу тебе стиль борьбы бунтов при помощи излучателя поля. Как офицер я тоже теперь вооружен.

Ольстер что-то буркнул и обратился к девушке.

— Твоему отцу плохо,— зло сказал он.— Ожидание конца полета давало ему силы, но теперь...

Девушка, вскрикнув, выбежала.

Ольстер резко повернулся к Джеку.

— Я ничего не возьму назад,— бросил он.— По приказу командира ты стал офицером, но ты — бунт, и, когда командиром стану я, долго ты офицером не останешься. Предупреждаю! Что вы здесь делали?

Джек смертельно побледнел, но звание офицера, дающее ему возможность часто видеться с Элен, было слишком ценным, чтобы потерять его. Кроме того, у него была работа, а выполнить ее не будучи офицером он не мог.

— Я монтировал на поверхности интерференционную решетку,— сказал он,— чтобы запеленговать станцию, посылающую сигналы, которые мы принимаем. Некоторое время она будет действовать как индуктор и гораздо точнее, чем главные индукторы корабля.

— Вот и занимайся своей чертовой работой,— резко бросил Ольстер.— Посвящай побольше внимания ей, а не флирту!

Джек подключил кабель решетки, которую недавно смонтировал, к трансволновому приемнику. Работал он около часа, все более и более мрачнея. Происходило что-то непонятное. Индуктор фиксировал вокруг «Адастры» полную пустоту. Поначалу интерференционная решетка показывала положение крупного объекта, удаленного на два миллиона километров и немного в сторону от курса «Адастры», потом вдруг все касающиеся его показания исчезли. Указатели всех датчиков трансволнового приемника встали на ноль.

— Проклятье! — выругался Джек.

Он изменил настройку на пульте управления, ненадолго задумался, а затем одновременно переключил частоту в главных индукторах и интерференционной решетке. Затаив дыхание, он ждал полминуты — столько времени требовалось волнам на новой частоте, чтобы преодолеть три миллиона километров, а потом войти в анализатор, передавая информацию о любом объекте в пространстве, который мог их исказить.

26, 27, 28 секунд... И тут на огромном корабле включились все сигналы тревоги. Все аварийные переборки «Адастры» с шипением закрылись, превращая каждый коридор в шлюз. Секундой позже осветились экраны мониторов в главной рубке.

— Управление ракетными двигателями готово!

— Персонал воздушной системы готов!

— Силовая установка готова!

Джек коротко бросил в микрофон:

— Главные индукторы обнаружили в двух миллионах километров объект, с большой скоростью движущийся в нашем направлении. Капитан болен, поэтому прошу найти его заместителя Ольстера.

Дверь резко открылась, и в рубку ворвался сам Ольстер.

— Что за черт? — заорал он.— Вы что, спятили, включать общую тревогу?! Индукторы...

Джек указал на пульт главного индуктора. Стрелки всех приборов по-прежнему выдавали информацию о причине, вызвавшей продолжавший звучать сигнал тревоги. Ольстер тупо посмотрел на приборы, и, пока он на них пялился, все стрелки вернулись на ноль.

Лицо Ольстера отразило удивление: это была пустота, настолько же лишенная выражения, как и показания приборов.

— Они обнаружили наш луч,— мрачно сказал Джек,— и спрятались за каким-то излучением, которое его нейтрализовало, потому я установил две частоты и одновременно заменил их, а они не сумели перенастроить нейтрализаторы так быстро, чтобы не включились наши сирены.

Ольстер молча стоял, борясь с яростью, терзавшей его. Наконец нехотя согласился:

— Вы правы, Гэри. Хорошая работа. Продолжайте наблюдение.

Сказав это, он холодно и с достоинством принял командование огромным кораблем, хотя, честно говоря, сделать можно было немного. Всевозможные приготовления к отражению угрозы были закончены через пять минут. Потом Ольстер вновь обратился к Джеку.

— Я не люблю вас,— холодно сказал он.— В личном плане, как мужчина, я вас терпеть не могу, но как заместитель капитана, исполняющий обязанности командира корабля, должен признать, что вы отлично показали себя, обнаружив хитрость наших друзей — попытку приблизиться на расстояние атаки без нашего ведома.

Джек не ответил. Он хмурился, потому что думал об Элен.

«Адастра» была большим, но слабоманевренным кораблем. Она была чрезвычайно массивна и все же не годилась для тарана. Располагала почти неограниченной мощью уничтожения благодаря устройствам, создающим поле Колдуэлла для дезинтеграции материи, но не имела вооружения более мощного, чем двухмегаваттное вихревое орудие, предназначенное для уничтожения опасных животных и растений там, где они могли бы приземлиться.

— Каково ваше мнение? — коротко спросил Ольстер.— Как вы оцениваете ситуацию?

— Они ведут себя так, словно планируют враждебные действия,— ответил Джек.— Ускорение у них в четыре раза больше нашего, так что убежать мы не сможем. С таким ускорением они должны быть более маневренными. Мы не имеем ни малейшего понятия, каким оружием они располагают, но знаем, что не можем с ними бороться, разве что у них какое-то очень примитивное вооружение. Я вижу только один шанс...

— Какой?

— Они пытались приблизиться к нам тайком, видимо собираясь неожиданно открыть огонь. Но возможно, они просто боятся и хотели только присмотреться к нам, не давая возможности атаковать их. В таком случае единственным разумным ходом с нашей стороны будет направить на их корабль сигнальный луч. Когда они поймут, что нам известно их положение и мы не предпринимаем враждебных действий, едва ли они подумают, что мы не можем сражаться. Скорее они решат, что мы настроены миролюбиво и лучше не задевать корабль такого размера, знающий их местонахождение и готовый отразить нападение.

— Очень хорошо,— сказал Ольстер.— Вы откомандировываетесь к службе связи. Продолжайте заниматься своей программой. Я проконсультируюсь с ракетными инженерами и посмотрю, что они смогут придумать для вооружения. Вы свободны.

Голос его звучал резко, даже грубо, он действовал Джеку на нервы, от него буквально бежали мурашки по коже. Однако следовало признать, Ольстер не позволял своей личной антипатии повредить кораблю. Он был одним из тех офицеров, которых искренне ненавидят все — пока не появится конкретная угроза. Только тогда проявляется их умение.

Джек отправился в помещение, где располагались манипуляторы устройств связи. Перемещение луча не потребовало много времени. Передатчик начал монотонно посылать запись последней передачи «Адастры» для далекой и до сих пор не идентифицированной планеты, обращающейся вокруг окруженной кольцами звезды. Пока в эфир раз за разом уходили

сигналы, Джек приказал оператору связи переключить образ чужого корабля на экран.

Они держали его теперь в луче сканера, а усиление яркости и масштаба увеличения позволило получить на мониторе изображение чужого корабля в виде миниатюры диаметром тридцать сантиметров.

Форму он имел яйцевидную и был идеально гладок. Ни следа ребер, выдвигающихся крыльев для полета в атмосфере или башенок спасательных шлюпок. Не видно было абсолютно никаких деталей, кроме дюз, из которых время от времени брызгал огонь, и маленьких точек, которые могли быть иллюминаторами. Корабль продолжал тормозить, чтобы уравнять скорость и курс с «Адастрой».

— Спектроскопический анализ готов? — спросил Джек.

— Да,— ответил дежурный наблюдатель.— Но в него трудно поверить. Они пользуются ракетами на жидком топливе — какая-то органическая смесь. Кроме того, из расчетов следует, что корпус этой телеги из целлюлозы, а не металла. Снаружи она деревянная.

Джек пожал плечами. Ни следа оружия.

Он снова принялся за работу. Чужой корабль непрерывно просвечивался насквозь лучами сканера, и приборы не могли не обнаружить, что на корабль направлен луч, следящий за каждым его движением, и, значит, присутствие и, вероятно, цель пришельцев известны на могучем корабле из далекого пространства.

Все же приемники Джека молчали. Лента ползла из них без следа записи. Хотя... Джек присмотрелся внимательнее: на ленте виднелась странная, смазанная линия, как будто анализаторы приемников не могли работать на частоте принимаемых ими волн. Джек взглянул на указатель теплового эффекта. Чужой корабль излучал с мощью, означавшей, что «Адастра» принимает пять тысяч киловатт. Однако это не было попыткой связи. Джек помрачнел, потом переключил принимаемое излучение в пятиметровый диапазон и прочел его частоту и тип. После этого соединился с главной рубкой.

— Они всаживают в нас короткие волны,— спокойно доложил он Ольстеру.— Около пяти мегаватт на тридцатисантиметровых волнах. Излучение того типа, который на Земле использовали для уничтожения вредителей на полях. Смертельно для живых существ, но наш корпус его просто поглощает.

Элен... Остановить «Адастру» было невозможно. Хотя торможение продолжалось, они еще недостаточно приблизились к системе Проксимы Центавра, а уже были атакованы кораблем, чье ускорение четырехкратно превосходило их собственное. Этот корабль накачивал их убийственным излучением.

— Может, они думают, что мы уже мертвы? И придут к выводу, что наш передатчик работает автоматически?

Внезапно из динамика бортового радиоузла послышался голос Ольстера:

— Внимание всем офицерам! Вражеский корабль направил на нас лучи, которые, вероятно, считает смертоносными. Сейчас он приближается к нам с максимальным ускорением. Приказываю ни в коем случае не трогать механизмы управления: нынешнее их положение не должно измениться ни на волос. Не должно быть никаких признаков присутствия разумной жизни на борту «Адастры». У работающих устройств должны постоянно находиться дежурные на случай необходимости срочного маневра. Пока делаем вид, что «Адастра» летит под контролем автоматов. Все понятно?

Джек легко представил себе рапорты центров управления отделами. Внезапно ожил его собственный приемник. Послышались похожие на гудки звуки вызова, знакомые настолько, что производили впечатление слов, потом какофония звуков и слова, произносимые человеком. Снова гудки — и опять слова на отличном английском — явно воспроизведенная запись передачи «Адастры».

— Связисты,— приказал Ольстер,— не отвечать на эти сигналы. Это проверка, уцелели ли мы после их атаки.

— Понял,— ответил Джек.

Ольстер был прав. Джек смотрел на указатели и слушал, а из динамика лилась бессмысленная болтовня. Потом прекратилась. Десять минут было тихо, затем все началось сначала.

«Адастра» мчалась сквозь вакуум. Бессмыслица из космического пространства кончилась, и секундой позже снова заговорил радиоузел.

— Вражеский корабль увеличил ускорение; они явно уверены, что мы все погибли. Через четыре часа они будут ря-

дом с нами, поэтому на три часа возобновляются обычные вахты.

Джек откинулся на спинку кресла и нахмурился. Он начинал понимать тактику, которой решил придерживаться Ольстер. Это была плохая тактика, и в то же время единственная, которой мог воспользоваться беззащитный корабль вроде «Адастры».

Однако неудача первой атаки вовсе не означала, что все последующие тоже кончатся ничем. «Адастра» просто не могла остановиться еще много миллионов километров. Если даже отчаянный план Ольстера поможет справиться с этим конкретным нападающим и этим конкретным оружием, это вовсе не означало — просто не могло означать,— что «Адастра» или люди на ее борту получат хотя бы шанс, чтобы защититься. А ведь здесь была Элен...

3

Странный корабль был теперь отчетливо виден на мониторах — даже без увеличения. Он остановился в десяти километрах от «Адастры».

Идеально яйцевидный, без каких-либо выступающих частей, кроме кормовых дюз, он висел неподвижно относительно земного корабля, и это означало, что его навигаторы давно уже проанализировали ускорение тормозящей «Адастры» и точно подогнали к нему все параметры своего курса.

Элен со все еще мокрым от слез лицом смотрела, как Джек усиливает яркость и увеличение изображения. Ее отец сломался внезапно и окончательно. Сейчас он отдыхал, почти непрерывно находясь в дреме, с выражением блаженного удовлетворения на лице.

Он пилотировал «Адастру» до момента первого контакта с цивилизацией иной звездной системы. Дело его жизни было выполнено, и он целиком отдался отдыху. Разумеется, он не знал, что первым настоящим контактом с чужим космическим кораблем был удар коротких волн с частотой, убийственной для живых существ.

Космический корабль на экране монитора увеличивался по мере того, как Джек вращал ручку, приближая его. Теперь

даже света звезд, отраженного от «Адастры», должно было хватить для выявления каких-либо деталей поверхности. Но их не было — совершенно никаких. Ни заклепок, ни болтов, ни даже линий стыков плит корпуса. Ряд иллюминаторов был темным и не показывал никаких признаков жизни внутри.

— Вот это дерево! — повторил Джек.— Корабль сделан из какого-то вида целлюлозы, которая выдерживает холод космического пространства.

— По-моему, это похоже скорее на выросшее, чем на построенное,— тихо сказала Элен.

Джек удивленно заморгал, потом открыл было рот, но тут приемник у его локтя разразился звуками, похожими на гудение и жужжание насекомого,— это были сигналы с чужого корабля. Потом английские слова, записанные с предыдущих передач «Адастры». Искушение ответить им было велико.

— Во всяком случае они хитры,— мрачно заметил Джек.

Сигналы смолкли. Тишина. Джек взглянул на ленту с записью принимаемых волн. На ней виднелись такие же, как прежде, затертые линии.

— Снова короткие. На таком расстоянии они должны не только убить нас, но еще и стерилизовать корабль. К счастью, наш корпус сделан из тяжелого сплава с высоким коэффициентом гистерезиса. Ни один квант этого излучения не сможет пройти сквозь него.

На долгое время воцарилась тишина. Лента с записью показывала, что мощный поток тридцатисантиметровых волн по-прежнему омывает корпус «Адастры». Джек вдруг соединился с вахтой и задал вопрос. Да, он не ошибся — внешняя оболочка корабля нагревалась. За пятнадцать минут ее температура повысилась на полградуса.

— Нечего беспокоиться,— буркнул он.— Пятнадцать градусов — это все, чего они добьются такой мощностью.

Запись на ленте кончилась. Смертоносное, как считали чужаки, излучение прекратилось. Яйцевидный корабль рванулся вперед. Следующие двадцать минут Джеку пришлось переключаться на все новые экраны, чтобы удержать чужаков в поле зрения. Чужой корабль летал над корпусом «Адастры» осторожно, но с назойливым любопытством — то в полукилометре, то в двухстах метрах, прыгал то туда, то сюда с уди-

вительным ускорением и не менее удивительной способностью останавливаться на месте. Дюзы ракетных двигателей имелись у него только на большем конце яйцевидного корпуса, и каждый раз, желая изменить направление, ему приходилось поворачиваться целиком, поэтому гироскопы у него наверняка были очень мощными. И все равно от стремительности его движений перехватывало дыхание.

— Не хотел бы я находиться внутри его,— сказал Джек.— Обычные для них методы навигации превратили бы нас в кашу. Это не люди, как мы, они могут выдержать гораздо больше.

Чужой корабль казался разумным, даже живым существом, а стремительность движений делала его еще более пугающим, когда он крутился вокруг гигантского космического корабля, который чужаки считали сейчас огромным гробом.

Внезапно чужой корабль резко повернул и направился к «Адастре». Двести метров, сто, двадцать... Наконец он мягко остановился на поверхности земного корабля.

— Теперь мы взглянем на них,— сказал Джек.— Они сели возле шлюза, значит, явно знают, что это такое. Посмотрим на их скафандры.

Элен подавила крик. Часть борта чужого корабля начала вдруг вздуваться, как пузырь, коснулась поверхности «Адастры» и, казалось, прилипла к ней. Поверхность соприкосновения все увеличивалась.

— О боже! — сказал Джек бесцветным голосом.— Неужели он живой? И хочет сожрать наш корабль?

Из динамика центрального радиоузла донеслась команда:

— Вооруженным офицерам немедленно собраться у шлюза СН41. Центаврийцы открывают его снаружи. Ждать на месте дальнейших распоряжений! Видеоэкран в шлюзе действует, по ходу дела вас будут информировать. Выполняйте!

Динамик затих. Джек схватил тяжелое оружие — один из тех излучателей поля, которые оглушали человека на расстоянии до двух километров, а с шести метров, если использовать полную мощность,— убивали. В кобуре на поясе у него было оружие для ближнего боя. Он направился к двери.

— Джек! — отчаянно крикнула Элен.

Он поцеловал ее. Губы их встретились впервые, но казалось вполне естественным, что это случилось именно сейчас.

Джек бегом помчался по длинным коридорам «Адастры» к назначенному месту сбора, и, пока бежал, мысли его ничуть не походили на мысли ученого и офицера первой земной межзвездной экспедиции. Он думал о губах Элен, отчаянно приникающих к его губам, о прижавшемся к нему мягком теле девушки.

Сверху донесся шепот, идущий из динамиков центрального радиоузла:

— Они внутри шлюза. Открыли его без труда. Сейчас изучают наш воздух. Похоже, он их вполне устраивает.

Динамик остался позади, а Джек, задыхаясь, мчался дальше. Перед ним бежал кто-то другой. Шесть, потом двенадцать человек собрались в конце коридора. Сбоку, от стены, донесся сдавленный голос:

— ...ятся со внутренней дверью шлюза. Похоже, только четверо или пятеро войдут в корабль. Нужно позволить им удалиться от шлюза подальше, поэтому все спрячьтесь. Когда задвинутся аварийные переборки, это будет сигнал для вас. Используйте тяжелые излучатели, увеличивая мощность от минимума до тех пор, пока они не упадут парализованными. Вероятно, потребуется большая мощность, чтобы их повалить. Если возможно — не убивать. Приготовиться!

Вокруг была дюжина или даже больше офицеров. Толстый начальник отдела ракетных двигателей, худощавый офицер вентиляционной службы, подофицеры из других отделов. Толстый начальник ракетчиков засопел, торопливо ища убежище. Потом что-то щелкнуло со стороны внутренней двери шлюза, и она открылась. Изнутри доносились приглушенные уханья. Существа — кем бы они ни были — изучали висящие там скафандры. Поначалу звуки интонировались отчетливо и можно было различить уханье отдельных особей, но внезапно из шлюза понеслось неразборчивое бормотанье — несколько существ заговорили одновременно. В голосах их звучало возбуждение, алчность и ноты триумфа.

Затем что-то шевельнулось в дверях шлюза, какая-то тень вышла за порог, и люди увидели существ, которые напали на их корабль.

В первое мгновение они показались совершенно похожими на людей. У них были две ноги и две свисающие по бокам верхние конечности — щупальца, явно служившие руками и постепенно истончавшиеся, переходя в тонкие, подвижные отростки. И ноги и щупальца производили впечатление гибких по всей длине; в них не было суставов, использовавшихся людьми при ходьбе, отчего движения центаврийцев были удивительно мягкими.

Однако самым странным было то, что у них не имелось голов. Раскачиваясь на ходу, они вышли из шлюза, и каждый на конце одной из рук имел странный полуцилиндрический предмет, который нес так, словно это было оружие. К туловищу крепились металлические контейнеры, а само туловище было волокнистым и в строении его кожи виднелось что-то удивительно знакомое.

Удивленно смотревший Джек искал глаза, ноздри, губы, но заметил только узкие щелки. Может, это и есть глаза? Ничего похожего на рот вообще не было. Волос тоже не было, но на спине одного из существ, когда то повернулось, чтобы возбужденно проухать что-то остальным, он заметил пористую коричневатую субстанцию. Она выглядела как кора, кора дерева. И вдруг Джека осенило. Он едва не закричал, но вместо этого наклонился и тихонько передвинул рукоять, регулирующую уровень излучения, сразу на максимум.

Существа двигались вперед. Они дошли до разветвления коридора и, помахав руками, издавая при этом артикулированные звуки, разделились на две группы. Потом исчезли из поля зрения, их голоса удалились. Офицеры, оставшиеся позади, беспокоились, что сигнал атаки еще не был дан. Из динамика радиоузла донесся шепот:

— Спокойно! Они уверены, что все мы мертвы. Снова разделяются. Может, нам удастся закрыть аварийные переборки и запереть их по одному. Тогда мы займемся ими по очереди. А вы наблюдайте за шлюзом.

Тишина, слышно только гудение работающего где-то рядом вентилятора. Потом где-то далеко пронзительно закричал человек и, прежде чем крик его стих, раздался голос одного из существ. Это был высокий, пискливый визг — радостный, триумфальный и невыразимо страшный.

Ему ответили другие взвизгивания, поднялась суматоха, словно остальные создания бежали к первому. И тут зашипел сжатый воздух, отделяя каждую часть корабля от остальных. В гробовой тишине фрагмента коридора, в котором были отрезаны офицеры, дежурившие у шлюза, они вдруг услышали удивленное уханье.

Из шлюза появились еще два существа. Один из людей дрогнул, существо заметило это и направило в его сторону полуцилиндрический предмет. Человек — а это был офицер связи — крикнул и конвульсивно дернулся. В ту же секунду, как мышцы его напряглись для отчаянного прыжка, он вдруг рухнул, мертвый как камень.

Существо издало высокий, триумфальный визг, такой же, какой они слышали недавно, и жадно бросилось к телу. Одна из длинных, утончающихся рук метнулась вперед и коснулась руки мертвого человека.

И в этот момент загудел излучатель Джека; за ним начали стрелять остальные. В несколько секунд помещение заполнил звук, похожий на жужжание разозленных пчел. Еще три существа появились из люка, но тут же упали под перекрестным огнем силовых полей излучателей. Люди прекратили стрелять, только когда почувствовали резкое движение воздуха в сторону шлюза: это означало, что на корабле врага поняли опасность и чужаки уходят. Требовалось срочно закрыть шлюз, а потом уже можно будет заняться существами, вторгшимися на «Адастру».

Два часа спустя Джек вошел в главную рубку и отсалютовал. Лицо у него было бледное, а черты его выдавали возбуждение и решительность. Ольстер мрачно повернулся к нему.

— Я послал за вами,— резко сказал он,— поскольку вы являетесь потенциальным источником неприятностей. Командир мертв, вы слышали об этом?

— Да,— угрюмо ответил Джек.— Слышал.

— Следовательно, я становлюсь капитаном «Адастры»,— вызывающе продолжал Ольстер.— Как вы помните, в моих руках право жизни и смерти в случае неповиновения, кроме того, супружество на «Адастре» становится легальным только после приказа с моей подписью.

— Я хорошо понимаю это, господин капитан,— ответил Джек еще мрачнее.

— Вот и отлично,— заметил Ольстер и с нажимом добавил: — По дисциплинарным причинам я приказываю вам прекратить любые контакты с мисс Элен Бредли. Невыполнение приказа будет расценено как бунт. Я собираюсь жениться на ней сам. Что вы скажете на это?

Джек ответил с не меньшим нажимом:

— Я не обращу ни малейшего внимания на этот приказ, поскольку вы не такой глупец, чтобы выполнить свою угрозу. Разве вы идиот, чтобы не видеть, что наши шансы выйти из этого меньше, чем один из пятисот? Если вы собираетесь жениться на Элен, лучше постарайтесь дать ей шанс выжить!

На мгновенье стало тихо. Двое мужчин с яростью мерили друг друга взглядами — один средних лет, другой еще почти юноша. Наконец Ольстер скривился в улыбке, не имевшей в себе ни грамма радости.

— Как мужчина мужчину, я вас терпеть не могу,— сухо сказал он,— но как капитан «Адастры» хотел бы иметь еще несколько человек вроде вас. Мы провели семь лет на этом чертовом корабле, а теперь, когда пришла опасность, все офицеры настолько потрясены, что не годятся ни на что. Они будут выполнять приказы, но никто из них не способен их отдавать. Офицер связи был убит одним из этих дьяволов, верно?

— Да, господин капитан.

— Тогда я произвожу вас в офицеры связи. Мне противно смотреть на вас, и не сомневаюсь, вы испытываете те же чувства по отношению ко мне, но голова у вас работает хорошо. Вот и воспользуйтесь ею. Что вы делали в последние часы?

— Настраивал диктограф для разработки словаря из того, что сказал один из центаврийцев, чтобы потом использовать его как переводчика, действующего в обе стороны.

Ольстер на мгновенье удивился, потом согласно кивнул. Конечно, диктограф просто разбивает слово на отдельные фонемы, проводит анализ и выбирает карту, подходящую к эталону. При нормальном порядке работы карта приводит в действие печатающее устройство. Однако вместо записи отдельных букв карта может содержать напечатанный эквивалент слова чужого языка, и тогда начинает работать динамик.

На Земле подобные машины применялись довольно редко, так как в них необходимо использовать очень большие банки памяти. Одно время их использовали для дословных переводов как в разговоре, так и на письме. Джек предлагал писать центаврийские слова вместе с английскими эквивалентами, а диктограф, принимая загадочные поухивания, издаваемые чужими существами, должен был выбирать карточки, вызывая тем самым произнесение динамиком английских синонимов чужих слов.

Разумеется, так же это должно было действовать и в обратную сторону. С приготовленным таким образом словарем возможен был разговор без перерыва, необходимого для обучения пониманию и произношению звуков чужого языка.

— Отлично! — Ольстер оценил идею Джека одним словом.— И все же поставьте на эту работу кого-нибудь еще. Раз уж начало положено, дальнейшее должно быть просто. А вы нужны для другого. Вам известно, что уже установлено о центаврийцах?

— Да, господин капитан. Их ручное оружие похоже на наше, но значительно более эффективно. Я видел, как им убили офицера связи.

— А относительно самих существ?

— Я помогал связывать одного из них.

— Что вы о них думаете? У меня есть рапорт врача, но он сам не может в это поверить!

— Неудивительно, господин капитан,— мрачно сказал Джек.— Они совершенно не подходят под наши представления о разумных существах. У нас даже нет подходящего понятия, чтобы определить их сущность. С одной стороны, это, несомненно, растения. Тела их состоят из волокон целлюлозы, как наши из волокон мышц. Однако они разумны, чертовски разумны. Из земных организмов они больше всего близки к хищным растениям, типа росянки и ей подобных, однако настолько же выше их, насколько мы выше морских анемонов, которые животные в той же степени, что и люди. По-моему, господин капитан, они не являются ни животными, ни растениями; их тела состоят из тех же субстанций, что зем-

ные растения, но они могут перемещаться, как животные Земли. Вполне возможно, что типичные формы животной жизни на их планете так же стационарны, как типичные укоренившиеся растения Земли.

— Они относятся к нам, животным, как мы — к растениям? — с горечью спросил Ольстер.

— Да, господин капитан,— спокойно ответил Джек.— Питаются они через отверстия в руках. Тот, что убил офицера связи, схватил его за руку. Выглядело это так, словно он выделил при этом какую-то жидкость, мгновенно растворяющую ткани. Он тут же всосал эту жидкость обратно. Если позволите высказать предположение, господин капитан...

— Продолжайте,— сказал Ольстер.— Все остальные бесцельно бегают по кругу или удивляясь, или умирая от ужаса.

— Командир группы, которая вторглась на корабль, носил на себе отличительный знак — кожаную повязку на одной руке.

— Но что, черт возьми...

— Погибли двое наших людей: офицер связи и дежурный техник. Прежде чем мы поймали центаврийца, который убил дежурного, тот успел съесть кусочек его тела, а остальное было как-то странно высушено химикалиями, которые существо имело с собой.

Кадык Ольстера задвигался, как будто капитана тошнило.

— Я видел это...

— Может, это и странная мысль,— серьезно сказал Джек,— но если бы на месте центаврийца был человек, запертый на корабле, принадлежащем чужой расе, и ожидающий скорой смерти, единственной вещью, которую он хотел бы иметь на своем теле — как сделал чужак с высушенным, законсервированным телом дежурного,— было бы...

— Золото,— закончил Ольстер,— или платина, или драгоценные камни, которыми он мог бы рассчитывать откупиться.

— Вот именно,— подтвердил Джек.— Но не забывайте, что это лишь догадка, а эти существа не только не люди, но даже не животные. Все же ясно одно: они едят мясо животных. Они ценят пищу животного происхождения, как люди ценят бриллианты. Останки животных — кожу — носят как

украшение. Похоже, животные ткани на их планете редкость, раз их так высоко ценят. Таким образом...

Ольстер встал, лицо его отражало противоречивые чувства.

— Значит, наши тела для них эквивалент золота! Бриллиантов! Гэри, нет и тени надежды на дружбу с этими дьяволами!

— Я согласен с вами — шансов у нас нет,— бесстрастно ответил Джек.— Если бы на Земле приземлилась раса с телами из металлического золота, их, вероятно, перебили бы. Но есть еще один момент: Земля. Зная наш курс, эти существа могут установить, откуда мы прибыли, а их космические корабли довольно хороши. Я хочу поставить к диктографу когонибудь другого, а сам попытаюсь передать сообщение на базу. Невозможно проверить, дойдет ли оно до цели, но они должны ждать наших сообщений, именно когда оно достигнет Земли. Может, они усовершенствовали приемники — во всяком случае, они могли это сделать.

— Люди могли бы противостоять этим тварям в космическом пространстве,— жестко сказал Ольстер,— при условии, что будут предупреждены. Может быть, хватит излучателей, а если нет, то торпед Колдуэлла. Или отрядов самоубийц, использующих свои тела как приманку. Однако, Гэри... мы говорим, будто с нами все кончено!

— Я думаю, господин капитан,— ответил Джек,— так оно и есть.— Он помолчал и добавил: — Я поставлю к диктографу Элен Бредли и дам ей охранника для наблюдения за пленником. Центавриец будет крепко связан.

Это последнее заявление содержало в подтексте догадку, что приказ, касающийся избегания Элен, аннулирован. Оно было даже вызовом, провоцирующим на повторение приказа. Глаза Ольстера вспыхнули, и он с трудом взял себя в руки.

— Будь ты проклят, Гэри! — бросил он.— Убирайся!

Он повернулся к монитору, на котором виднелся вражеский корабль, а Джек вышел из рубки.

Яйцеобразный корабль находился сейчас на расстоянии двух тысяч километров и тормозил. Удирая от земного корабля, он маневрировал как безумный, так что поражение его

любым снарядом было бы невозможно; даже слежение за ним узким лучом представляло чрезвычайную трудность. Сейчас, остановившись относительно «Адастры», он висел в пространстве, наблюдая и явно готовя новую дьявольщину. Во всяком случае, так считал Ольстер, мрачно смотревший на него.

Запасы «Адастры», казавшиеся неисчислимыми, когда корабль стартовал с Земли, оказались жалостно малы и недостаточны в данной конкретной ситуации — перед лицом враждебности. Он мог бы засыпать сокровищами человеческой цивилизации расу, владеющую этой солнечной системой, мог бы ускорить развитие дикарей, мог предложить кое-что даже расе, стоящей выше людей, но эти существа, которые...

Чужой космический корабль висел неподвижно. Вероятно, посылал сигнал на свою родную планету, требуя распоряжений. В главную рубку «Адастры» поступали рапорты, и Ольстер знакомился с их содержанием. Центаврийцы, несомненно, извлекали из воздуха двуокись углерода; это соединение было для них тем же, чем кислород для людей, и в воздухе, лишенном CO_2, они не смогли бы жить. Однако скорость их метаболизма была выше, чем у любого земного растения, ее можно было сравнить с обменом веществ земных животных. Ни в чем, кроме строения тела, они не были растениями, как морской анемон не выдает своей звериной натуры, пока не проведешь его точный химический анализ.

Центаврийцы имели высокоразвитую центральную нервную систему, своеобразный эквивалент мозга, значительный интеллект и богатый язык. Звуки произносили благодаря похожему на пищалку устройству, размещенному в специальном углублении тела. И они испытывали эмоции.

Пойманное существо, когда ему показывали различные предметы, выказало особый интерес к машинам; оно быстро поняло назначение маленького магнитофона и сознательно издало в сторону микрофона целую серию звуков. Оно жадно ощупывало человеческую одежду, отбрасывая ткани хлопчатобумажные или синтетические, зато выказало сильное возбуждение, коснувшись шерстяной рубашки, и еще большее, когда ему дали кожаный пояс. Оно надело его на себя, без труда защелкнув замок после первого же взгляда на него.

Из шерстяной рубашки оно вырвало нить и съело ее, раскачиваясь взад-вперед, словно в экстазе. Когда перед ним положили мясо, существо, казалось, не находило себе места от возбуждения. Часть мяса оно сожрало немедленно, все так же экстатично раскачиваясь, а остальное законсервировало с помощью загадочного химического процесса, пользуясь для этого субстанцией из небольшого металлического контейнера, который имело при себе и велело подать, указывая на него жестами.

Его орган зрения находился за двумя щелями в верхней части тела; самих глаз изучить не удалось. Однако лежащий перед Ольстером рапорт подчеркивал, что центавриец выказывал чрезвычайное оживление, едва в его поле зрения появлялся человек. Это было возбуждение того типа, который не прибавлял людям уверенности в себе. Это были те же самые чувства — только более сильно выраженные,— которые существо проявило на шерсть и кожу.

В рапорте также говорилось, что поначалу, видя людей, центавриец, как будто ведомый инстинктом, делал движения, напоминающие прицеливание из оружия.

Ольстер прочел этот и другие рапорты, а два часа спустя, после того как Джек поставил Элен Бредли к диктографу, она явилась на доклад.

— Прошу прощения, Элен,— сказал Ольстер.— Я не должен был назначать тебя на эту работу. На этом настоял Гэри. Я бы предпочел оставить тебя в покое.

— Я очень рада, что он это сделал,— решительно сказала Элен.— Отец умер, это так, но с чувством хорошо выполненного долга. Умер, не узнав, каковы центаврийцы. Работа пошла мне на пользу, и я справилась с ней лучше, чем ожидала. Центавриец, с которым я работала, был командиром отряда, вторгшегося на корабль. Он почти сразу понял, чему служит диктограф, и сейчас у нас есть довольно обширный словарь. Ты можешь поговорить с ним, если хочешь.

Ольстер быстро взглянул на монитор. Корабль врага не двигался. Да оно и понятно.

Расстояние «Адастры» от Проксимы Центавра можно было уже мерить в сотнях миллионов километров, а не в миллио-

нах миллиардов, но, пользуясь иной терминологией, это все еще было расстояние порядка световых лет.

Тяжело ступая, Ольстер вошел в биологическую лабораторию, где хозяйничала Элен. В комнате находилось множество живности — кролики, овцы и, казалось, неисчислимое количество мелких животных, разводимых во время путешествия для получения продуктов питания: их планировали выпустить на волю, если вокруг окруженной кольцами звезды обращается планета, подходящая для колонизации.

Центавриец был крепко привязан к стулу многочисленными веревками. Он? Она? Оно? Независимо от этого, он был совершенно беспомощен. Рядом со стулом стоял диктограф с подключенным к нему динамиком. Пленник заухал по-своему, а машина перевела странные звуки, шелестя между словами:

— Ты... быть... комендант... этот корабль?

— Да,— ответил Ольстер, и машина мелодично заухала.

— Эта... женщина... мужчина... мертвый,— снова сказала машина после очередных звуков, изданных чужаком.

— Я сказала ему, что мой отец мертв,— быстро вставила Элен.

Машина продолжала:

— Я... купить... все... мертвые... люди... на... корабль... дать... металл... золото... вы... любить...

Ольстер скрипел зубами, Элен побледнела. Она пыталась что-то сказать, но слова застряли у нее в горле.

— Вот оно — рождение межзвездной дружбы, которую мы надеялись установить,— с горечью сказал Ольстер.

Тут ожил динамик центрального радиоузла:

— Вызываю капитана Ольстера! Излучение впереди! На нескольких частотах, очень интенсивное! Явно передают несколько кораблей, хотя мы не можем выделить никаких сигналов.

В биолабораторию вошел Джек Гэри. Лицо его было серьезно и бледно. Он старательно отсалютовал.

— Господин капитан,— начал он,— предыдущий офицер связи считал свою должность выгодной синекурой. За семь лет мы не приняли ни одной передачи с Земли, значит, он ни

одной и не ждал. Тем временем сигналы идут — и уже несколько месяцев. Они отправлены с Земли через три года после нашего старта. Дела обстоят так, что парень по имени Коллавей обнаружил, что поляризованная по кругу волна дает узкий луч, сохраняющий свою форму навсегда. Несомненно, они передавали для нас уже несколько лет, и теперь мы принимаем одну из первых передач. Так вот, построена вторая «Адастра» и набирается экипаж... Нет, черт возьми, они набрали его еще четыре года назад! Корабль уже в пути и направляется туда же, куда и мы. Они летят по крайней мере три года и не имеют понятия, что эти дьяволы ждут их! Если даже мы сами взорвем корабль, все равно с Земли прибудет следующий, такой же невооруженный — прибудет затем, чтобы наткнуться на этих тварей, когда уже будет слишком поздно тормозить...

Снова заговорил центральный радиоузел:

— Капитан Ольстер, докладывает вахта. За последние три минуты температура корпуса поднялась на пять градусов и продолжает расти! Что-то закачивает в нас тепло, и с бешеной скоростью!

Ольстер повернулся к Джеку и произнес с ледяной вежливостью:

— Гэри, согласись, что нам нет смысла ненавидеть друг друга, все равно мы здесь все погибнем. Так почему мне все время хочется тебя убить?

Впрочем, вопрос этот был чисто риторическим. Услышав три ужасные новости подряд, Элен тихо заплакала. Желая выплакаться, она инстинктивно бросилась в объятия Джека.

4

На самом деле ситуация была даже хуже, чем казалось сначала. Например, внешняя температура корпуса, о которой говорил вахтенный офицер, была показанием общего термометра, усредняющего показания всех наружных термометров. Одного взгляда на таблицу температур было достаточно, чтобы понять: температура задней части «Адастры» была практически нормальной, разогревалась передняя полусфера, на-

правленная в сторону Проксимы Центавра. Однако и она нагревалась неравномерно: точки, возле которых дрожали красные огоньки, группировались близко друг к другу.

Ольстер с каменным спокойствием разглядывал красные огоньки на мониторе.

— Точно посреди нашего диска, видимого из их положения,— холодно констатировал он.— Это, разумеется, должен быть тот флот космических кораблей.

— Господин капитан,— сухо сказал Джек Гэри,— корабль, с которого мы захватили пленников, установил связь на несколько часов раньше, чем мы ожидали. Значит, это наверняка был не один корабль с излучателем коротких волн на борту, а целый флот с разведывательным кораблем впереди. Именно этот корабль сообщил им, что мы расставили ловушку на часть его экипажа, и в результате они открыли огонь!

Ольстер резко бросил в микрофон центрального радиоузла:

— Эвакуировать сектор Ж90. Он должен быть отделен немедленно, а обитатели его пусть выходят через шлюзы. Эвакуировать также прилегающие сектора, оставив только несущих службу. Всем им немедленно надеть вакуумные скафандры.

Он выключил микрофон и тихо добавил:

— Наружная температура части сектора Ж90 составляет сейчас четыреста градусов. Это температура темно-красного жара. Через пять минут оболочка начнет плавиться, а через час они проделают нам сквозную дыру.

— Господин капитан! — торопливо произнес Джек.— Напоминаю, что они атаковали, поскольку разведывательный корабль доложил, что мы расставили ловушку части их экипажа. Есть небольшая надежда...

— Какая? — зло крикнул Ольстер.— У нас нет оружия!

— Диктограф господин капитан! Теперь мы можем с ними поговорить!

— Великолепно, Гэри! — жестко сказал Ольстер.— Назначаю вас послом! За дело!

Он повернулся на пятке и поспешно выбежал из рубки. Через минуту голос его загремел из динамиков центрального радиоузла:

— Вызываю ракетного офицера! Немедленно доложить по личному видеофону! Порядок аварийный!

Ольстер отключился, но Джек этого не заметил. Он соединился с отделом радиокоммуникации, приказал дать полную мощность на передающий луч и расширить его угол. Он отдавал распоряжения одно за другим, а в перерывах молниеносно объяснял Элен, в чем тут дело.

Она с лету поняла его идею. Центавриец в биолаборатории был, разумеется, связан, и в узких щелках, бывших его органами зрения, не удалось прочесть ни искры эмоций. Однако Элен, зная запас слов на карточках диктографа, заговорила в микрофон устройства. Вместо произносимых ею слов из динамика поплыли уханья. Центавриец вздрогнул, потом отозвался, и динамик произнес деревянным голосом:

— Я... говорить... корабль... планета. Да.

Как только из кабины связистов пришло подтверждение готовности ко входу на антенну, скрипучие звуки его наречия заполнили биолабораторию, уходя в эфир на расширенном луче главного передатчика.

В десяти тысячах километров впереди висел в космической пустоте разведывательный корабль центаврийцев. «Адастра» преодолела пространство, направляясь к окруженной кольцами звезде, являвшейся целью самой смелой экспедиции человечества. С расстояния в десять тысяч километров «Адастра» выглядела бы просто точкой, но телескопы центаврийцев могли выделить любую деталь ее поверхности. С тысячи километров она походила бы на игрушку, сплетенную сложной сетью усиливающих элементов.

Однако лишь с расстояния в несколько километров можно было вполне оценить ее размеры. Ее тысяча пятьсот метров диаметра подавляли размерами даже самый крупный из далеких невидимых силуэтов, висящих в пустоте и составляющих вражеский флот, направлявший на «Адастру» смертоносное излучение.

С расстояния в несколько километров можно было также заметить результаты этого облучения. Корпус «Адастры» был сделан из стального сплава; он был твердым и с высоким коэффициентом гистерезиса. Переменные токи, индуцирован-

ные с этого сплава излучением центаврийцев, разогрели бы даже корпус из меди, стальное же покрытие нагревалось все сильнее. Оно изменило цвет и на участке длиной сто метров светилось красным.

Дюза двигателя в этом районе перестала вдруг извергать пурпурное мерцающее пламя. Двигатель был погашен, а остальные слегка увеличили тягу, чтобы компенсировать уменьшение мощности.

Темно-красный цвет стали посветлел, стал карминовым, потом корпус разогрелся до желтоватого оттенка, стал канареечным и начал голубеть.

Над внешним панцирем корабля клубился пар, поднимавшийся от плавящейся поверхности и как бы притягивавшийся далеким солнцем. Пар сгустился, превратившись в настоящее металлическое облако.

Наконец из центра освещенного полушария «Адастры» словно забил фонтан. Наружный панцирь проплавился насквозь, и воздух из корабля улетучился в пустоту, захватив огромное количество жидкого, парящего металла. Быстро рассеиваясь в пространстве, возникла прозрачная, слегка светящаяся оболочка, похожая на хвост кометы.

Изображения на мониторах внутри «Адастры» посерели, звезды прямо по курсу поблекли. Земной корабль потерял часть своей атмосферы, которая устремилась вперед, создавая завихрения.

Вскоре газы настолько разредились, что стали незаметными, оставаясь, однако, значительно плотнее абсолютного вакуума космического пространства.

По краям огромной дыры в корпусе корабля металл кипел и испарялся, а внутренние переборки начали приобретать зловещий красно-бурый цвет, который быстро переходил в кармин и начинал слегка желтеть.

В главной рубке Ольстер наблюдал за всем этим до момента, когда камеры, показывающие внутренность сектора Ж90, расплавились. Очень спокойно он произнес в стоявший перед ним микрофон:

— У нас меньше времени, чем я думал. Придется поспешить. Уверенности, правда, нет, но помните, что эти дьяволы наверняка продырявят нас со всех сторон и убедятся, что на борту не осталось никого живого. Вы должны что-то придумать, и быстро.

Ему ответил полуистерический голос:

— Но, господин капитан, если я включу акустические вибраторы в ракетах, мы превратимся в плазму! Мгновенно! Дезинтеграция топлива перекинется на дюзы, и весь корабль просто взорвется!

— Глупец! — рявкнул Ольстер.— Следующий корабль с Земли уже в пути и ничего не подозревает! Они, как и мы, безоружны! Эти дьяволы могут по нашему курсу определить, откуда мы прибыли! Да, мы должны умереть! Наша смерть будет нелегкой, но мы должны убедиться, что они не отправят космического флота против Земли! Мы не можем дать себя уничтожить так просто! Наша смерть не должна быть бесполезной. Умирая, мы должны защитить человечество!

Лицо Ольстера, кричавшего в видеофон, не походило на лицо мученика или человека, готового пожертвовать собой. Это было лицо человека, запугивающего своего подчиненного и грубо вынуждающего того повиноваться.

Пока корабль находился под воздействием луча, который поглощался металлическим корпусом и превращался в тепло, Ольстер устраивал разносы то одному, то другому отделу. Не выдержала очередная переборка, и из гигантского корабля ударил очередной фонтан испарившегося металла и горячих газов. В миллионах километров от них покоилось в полной неподвижности кольцо яйцевидных кораблей; они не подавали никаких признаков жизни и выглядели как спящие чудовища. Однако именно из них тянулись безжалостные лучи, сходившиеся в одной точке на корпусе «Адастры». Огромная дыра извергала пенящийся металл и клубящиеся газы; время от времени вылетали узнаваемые предметы, которые тут же взрывались.

В бесчисленных помещениях могучего корабля люди реагировали на приближающуюся гибель столькими разными способами, сколько различий между людьми. Некоторые причитали, несколько членов экипажа производили впечатление сошедших с ума и превратившихся в маниакальных убийц.

Другие вламывались в склады и методично, хотя и несколько торопливо, упивались до бессознательного состояния. Одни женщины прижимали к себе детей, громко рыдая над ними, другие просто спятили.

Однако в нескольких секциях яростный голос Ольстера поддерживал хотя бы видимость дисциплины. В мастерской машинного отделения люди работали с безумной поспешностью, ругаясь и делая ошибки, сводившие их работу на нет. Худощавый офицер службы регенерации воздуха мерил большими шагами район своих владений, сжимая в руке огромный французский ключ, и на каждое проявление паники реагировал гневными ударами. Тяжело сопя, начальник ракет неожиданно выказал буквально гениальную способность извергать практически непрерывный поток ругательств, поэтому бледно-пурпурные языки пламени вырывались из дюз в космическое пространство без всяких помех и задержек.

Однако сцена, разыгравшаяся в биолаборатории, проходила в тишине и полной сосредоточенности. Связанный центавриец наполнял помещение своими странными словами. Диктограф тихо шелестел, бесстрастно анализируя каждый звук и ища карточки словаря, содержащие английские эквиваленты уханий пленника. Время от времени одна из карточек подходила, и тогда машина переводила отдельное слово с центаврийского языка.

— ...корабль...— длинная серия звуков, значительно отличающихся высотой, напряжением и выразительностью.

— ...люди...— и вновь длинная серия звуков.

— ...люди говорить...

Центавриец умолк, а потом начал издавать другие звуки медленно и старательно. Машина перевела их все: пленник старательно подбирал слова и пользовался теми, которые зарегистрировал, работая с Элен.

— Он понимает, что нам нужно,— сказала бледная Элен.

Машина перевела:

— Вы... говорить... машина... говорить... для... корабль...

Джек очень тихо произнес в микрофон передатчика:

— Мы ваши друзья. У нас есть много вещей, которые вам нужны. Мы хотим только дружбы. Никого из вас мы не убили

из враждебности, это была просто самооборона. Мы предлагаем вам мир. Если же нет — будем сражаться. Но мы хотим мира.

Когда машина зашелестела, а из динамика полились ухающие звуки, Джек шепотом сказал Элен:

— Эти разговоры о борьбе — просто блеф. Надеюсь, он подействует!

Тишина. Невидимые, удаленные на миллионы километров космические корабли скрещивали лучи смертоносного излучения посредине диска «Адастры». Самое удивительное, что это излучение совершенно не вредило человеческому телу. Оно прошло бы сквозь него незамеченным.

Однако сталь панциря «Адастры» задерживала его и поглощала в виде вихревых токов, а они превращались в тепло. Сквозь дыру, образованную этим теплом, небольшой вулкан извергал в космическое пространство переборки, оборудование и саму атмосферу «Адастры».

В биологической лаборатории царила гробовая тишина. Приемник молчал. Прошла минута, вторая, третья. Радиоволны, несущие голос Джека, мчались со скоростью света, но чтобы добраться до источника лучей, разрывавших «Адастру» на куски, им потребовалось не менее девяноста секунд. Потом последовала пауза, а за ней нужны были очередные девяносто секунд для других волн, делающих каждую секунду триста тысяч километров и несущих ответ.

Наконец приемник заухал, как фальшивящая шарманка. Диктограф тихо зашелестел, и из динамика донесся бесстрастный голос:

— Мы... теперь... друзья... не сражаться... корабли... прибыть... забрать... вас... на... планета.

В то же время миниатюрный вулкан на корпусе «Адастры» уменьшил силу своего извержения, постепенно его расплавленные, кипящие края перестали парить, а вскоре прекратилось и кипение металла; он остывал постепенно, от голубоватой белизны испаряющейся стали, через желтый, карминовый и, наконец, грязно-красный цвет, чтобы позднее, еще медленнее, застыть в сверкающую белую металлическую поверхность стали, которая остыла в лишенном кислорода вакууме.

Джек коротко сказал в микрофон, связанный с главной рубкой:

— Господин капитан, я установил связь с центаврийцами; они прекратили огонь. Сказали, что высылают флот, чтобы забрать нас.

— Очень хорошо,— с горечью отозвался Ольстер.— Все равно никто не может придумать ничего, чтобы сделать нашу смерть не напрасной. Что дальше?

— Думаю, надо бы освободить того центаврийца,— ответил Джек.— Разумеется, мы можем за ним следить и изолировать, если он вновь начнет буянить. Полагаю, такой ход был бы дипломатичным.

— Вы наш посол,— с иронией сказал Ольстер.— Сейчас у нас есть немного времени, но лучше вам поставить кого-то другого на дипломатическую работу и заняться отправкой сообщения на Землю, если можно приспособить передатчик для того рода волн, которые они будут ждать.

Лицо его исчезло с экрана монитора. Джек повернулся к Элен, почувствовав себя вдруг очень усталым.

— В том-то и вся проблема,— вздохнул он.— Они будут ждать волн, которые отправили к нам; при мощи, которой мы располагаем, вряд ли они примут что-то другое. Мы услышали их передачу с середины и перед самым концом описания передающей аппаратуры нового типа, которой теперь пользуются на Земле. Разумеется, они будут повторять эту передачу — может, даже повторяют ее не один год — и у нас есть шанс поймать ее полностью, если мы доживем до этого времени. Но мы не можем угадать, когда они вновь ее передадут. Ты поработаешь с этим существом над расширением словаря?

Элен озабоченно посмотрела на него, потом положила ладонь ему на плечо.

— Он очень разумен,— поспешно сказала она.— Я объясню ему все, и пусть с ним работает кто-то другой. Я пойду с тобой. В конце концов, у нас может не оказаться времени для себя.

— Думаю, около десяти часов,— устало ответил Джек.

Он подавленно слушал, как Элен объясняла все центаврийцу, старательно подбирая слова, которые переводил дик-

тограф. Потом она вызвала ассистента и двух охранников, и они освободили безголовое существо. Чужак не бросился на них — наоборот, выражал нетерпеливое желание продолжать работу над расширением словаря, благодаря чему мог бы состояться полный обмен мыслями.

Джек с Элен пошли в отдел связи, где прослушали записанную часть передачи с Земли. Она представляла собой полнейшую неразбериху. Четыре года назад Земля с энтузиазмом приветствовала проект отправки сообщения своим смелым героям. Импульс нематериальной энергии должен был путешествовать сквозь неисчислимые миллиарды километров космоса и догнать первооткрывателей, стартовавших три года назад. Из текста следовало, что передача отправлена через некоторое время после первой. Во время передачи она транслировалась на всю Землю, и, несомненно, многие миллионы людей вздрагивали при мысли, что слышат слова, которым предстоит преодолеть расстояние между двумя солнцами.

Однако слова ничем не могли помочь экипажу «Адастры». Передача представляла собой развлекательную программу, начинавшуюся фривольной песенкой, исполняемой популярным квартетом; затем выступал с несколькими скетчами самый высокооплачиваемый комик Земли — его остроты были хорошо знакомы экипажу «Адастры»,— а за ним следовали торжественные приветствия выдающихся политиков и прочая ерунда. Короче говоря, это была смесь пошлятины и вздора, задуманная так, чтобы повысить популярность выступающих в ней лиц благодаря всеобщей трансляции программы.

Экипажу «Адастры» это было ни к чему: корпус корабля был продырявлен, команде грозила скорая гибель, и всему человечеству, вероятно, тоже, как следствие этого межзвездного путешествия.

Джек и Элен сидели молча и слушали, сжимая руки друг друга. Удивительно, но сознание краткости времени, оставшегося им, привело к тому, что бурное выражение своих чувств казалось нелепым. Они слушали невероятно вульгарную передачу с Земли, практически ничего не слыша, и то и дело переглядывались.

В биологической лаборатории расширение словаря шло быстрыми темпами. Там уже начали пользоваться картин-

ками. Освободили второго центаврийца и, благодаря его умению рисовать, доказавшему, что глаза существ-растений действуют почти идентично глазам землян, получили множество определений и синонимов английских слов, что значительно расширило знания о центаврийской цивилизации.

Когда провели сопоставление накопленных сведений, оказалось, что цивилизация эта удивительно напоминает человеческую. Центаврийцы создавали конструкции, несомненно являвшиеся их домами. У них имелись города, законы, искусство — рисунки второго центаврийца были тому доказательством,— имелась также наука. Особенно высокоразвитой была биология, в некоторой степени исполнявшая роль металлургии в цивилизации людей. Конструкции чужаков не строились — их выращивали. Вместо металлов они имели различные виды протоплазмы, могли контролировать скорость и способ ее роста.

Дома, мосты, экипажи — даже космические корабли — все создавалось из живой материи, которую умерщвляли, когда конструкции достигали нужной формы и размеров. При желании можно было вновь активировать рост, что позволяло достигать таких необычных решений, как пузырчатое соединение центаврийского корабля с «Адастрой».

Судя по собранным до сих пор фактам, центаврийская цивилизация была очень странной, но все же не абсолютно непонятной. Даже люди могли развиваться подобным образом, если бы земная цивилизация стартовала с другой точки. Зато центаврийская экономика, когда люди с ней познакомились, оказалась для них понятной и в то же время ужасающей.

Цивилизация центаврийцев развилась из хищных растений — как человечество из хищных животных. На каком-то раннем этапе развития человечества возник культ золота, у центаврийцев же ничего подобного не было. В то время как люди разрушали города, вырубали леса и безжалостно уничтожали все — ради золота или других ценностей, которые можно было обменять на золото,— центаврийцы жаждали животных.

Как люди перебили в Америке бизонов, чтобы продать их мясо за золото, так центаврийцы безжалостно уничтожили животную жизнь на своей планете. Для них именно плоть животных была эквивалентом золота. Века назад по необходимости они научились употреблять растительную пищу, но затаенная жажда мяса осталась. Был изобретен способ консервации продуктов животного происхождения на неопределенное время. Они прочесали сетями моря, выловив все до самой маленькой ракушки. Даже идея космических путешествий — позднее они претворили ее в жизнь — возникла лишь после того, как центаврийцы увидели в телескопы растительность на других планетах, кружащих вокруг их солнца, что делало вероятным наличие там и животной жизни.

Три планеты Проксимы Центавра имели климат и атмосферу, пригодные для всех форм жизни, но к данному времени только на одной, наиболее удаленной, уцелели кое-какие остатки животной жизни. Даже там центаврийцы горячечно охотились на последние, исчезающие группы маленьких четвероногих, которые зарылись на сотни метров под поверхность скованного льдом континента.

Стало ясно, что «Адастра» — корабль, битком набитый такими сокровищами, каких ни один центавриец не мог себе даже представить. Еще яснее стало то, что для экспедиции на Землю будут задействованы все средства и возможности здешней расы. Миллиарды человеческих существ! Миллионы меньших животных! Неисчислимые создания в океанах! Вся центаврийская популяция ошалеет от жажды вторжения в это царство богатств и экстаза, испытываемого каждым центаврийцем при употреблении прадавней пищи своей расы.

5

Яйцеобразные, лишенные каких-либо деталей на поверхности космические корабли приближались со всех сторон одновременно. На пульте термометров заметно было медленное, но ритмичное движение сигналов тревоги. Одна из лампочек сверкнула красным — и погасла. Затем следующая, и еще одна — по мере занятия центаврийскими кораблями позиций. Каждая из вспышек вызывалась мгновенным ударом излучения в корпус «Адастры».

Спустя двадцать минут после того, как последний луч подтвердил бессилие землян, яйцеобразный корабль приблизился к «Адастре» и с идеальной точностью остановился носом

к шлюзу; из корпуса его вырос огромный пузырь, прижавшийся к стали.

Ольстер смотрел на экран; лицо его было бледно, а кулаки крепко сжаты. Хриплый, напряженный голос Джека Гэри доносился через интерком из биологической лаборатории.

— Сообщение от центаврийцев. На наш корпус сел их корабль, и его экипаж войдет через шлюз. Враждебные действия с нашей стороны будут равнозначны немедленному уничтожению «Адастры».

— Сопротивления центаврийцам не будет,— резко бросил Ольстер.— Это приказ! Мы не самоубийцы!

— Я считаю, господин капитан,— донесся из динамика голос Джека,— что это была бы неплохая мысль!

— Занимайтесь своими делами, Гэри! — рявкнул Ольстер.— Каковы успехи в связи?

— У нас есть словесные карты почти пяти тысяч слов. Мы можем говорить почти на любую тему, но каждая из них неприятна. Карточки сейчас проходят через копирование и будут готовы через несколько минут. Второй диктограф с расширенным словарем будет вам послан, как только все приготовим.

Ольстер заметил на мониторе безголовые фигуры центаврийцев, появляющиеся из шлюза в корпусе «Адастры».

— Вошли на корабль! — сообщил он Джеку.— Вы офицер связи, так что встречайте их и приведите сюда начальника!

— Понял! — мрачно откликнулся Джек.

Приказ этот звучал как приговор, и Джек слегка побледнел. Элен прижалась к нему.

Центавриец, бывший недавно пленником, вопросительно заухал в сторону диктографа. Динамик проскрипел:

— Каков... приказ?

Элен объяснила.

Человек так быстро привыкает к необычному, что казалось почти естественным, что девушка обращается к микрофону, а из динамика льются скрипы чужого языка, передающие смысл ее слов:

— Я... тоже... идти... они... не... убить... пока...

Центавриец подошел к двери и ловко открыл ее — ему хватило того, что он видел, как ее открывали. Теперь впереди

пошел Джек. В кобуре на поясе у него был ручной излучатель, но он прекрасно понимал его бесполезность. Вероятно, он успел бы прикончить идущее за ним существо, но это ничего бы не дало.

Приглушенное уханье впереди. Человек-растение ответил громко, пронзительно, и тут же пришел отклик. Джек вошел в поле зрения новой группы нападающих. Их было двадцать или тридцать, каждый вооружен полуцилиндрическим предметом, больших размеров, чем те, которые несли существа первой группы, проникшей на корабль.

При виде Джека началось общее возбуждение: дрожь похожих на руки щупалец по обе стороны безголовых туловищ, бряцание оружием. Громкое уханье — словно команда,— и существа успокоились. Однако Джек дрожал всем телом, ощущая хищное вожделение, казалось, излучаемое ими.

Его проводник, недавний пленник, обменялся с прибывшими серией непонятных звуков, и вновь по толпе существ-растений прокатился возбужденный ропот.

— Прошу,— сухо сказал Джек.

Он проводил их до главной рубки. По дороге они один раз услышали чьи-то причитания: видимо, одна из женщин не выдержала перед лицом приближающейся смерти. Непонятная болтовня нарушила тишину, царившую среди неуклюжих существ, шедших за Джеком, и вновь ее прекратил повелительный окрик.

Рубка. Ольстер походил на мраморную статую — за исключением глаз, пылавших огненным, почти маниакальным пламенем. Монитор рядом с ним показывал нестройную процессию центаврийцев, входивших в корабль через второй шлюз.

Под присмотром Элен принесли диктограф. Девушка невольно вскрикнула при виде такого множества чудовищных существ, собравшихся в рубке.

— Настрой прибор,— сказал Ольстер голосом настолько острым и ломким, что он походил на чистый лед.

Дрожа, Элен выполнила распоряжение.

— Я готов к разговору,— хрипло сказал Ольстер в микрофон.

Тихо шелестя, машина перевела его слова.

Предводитель новой группы заухал в ответ. Прозвучал приказ для всех офицеров немедленно явиться в рубку, предварительно переведя все устройства в автоматический режим. Возникли некоторые трудности с переводом центаврийского эквивалента понятия «автоматический», которого не оказалось в картотеке машины. Это заняло некоторое время.

Ольстер отдал приказ. Холодный пот покрывал его лоб, но нервы были словно из стали.

Следующий приказ центаврийцев тоже был понят с некоторой трудностью. Дубликаты всех технологических планов, а также все — и тут расшифровка требования отняла много времени — книги, касающиеся конструкции корабля, должны быть доставлены к шлюзу, через который вошли эти существа; эталонные образцы машин, генераторов и оружия требовалось сложить в том же месте.

Снова Ольстер отдал приказ. Голос его звучал слабо, но не срывался и даже не дрожал.

Предводитель центаврийцев отдал новый приказ, который диктограф не смог перевести. Его подчиненные быстро двинулись к дверям, а в рубке остались только четверо. Джек быстро подошел к Ольстеру, выхватил из кобуры излучатель и прижал его к боку капитана. Центаврийцы не протестовали против этого.

— Чтоб тебя черти взяли! — яростно произнес Джек.— Ты позволяешь им захватить корабль! Хочешь торговаться за свою жизнь? Не выйдет, негодяй: я прикончу тебя, прорвусь к ракетным дюзам и превращу весь корабль в плазму, которая убьет этих тварей вместе с нами!

Элен тут же воскликнула:

— Нет! Джек, поверь мне!

Поскольку она стояла у диктографа, слова ее были как эхо повторены в уханьях языка центаврийцев. Ольстер же хотя и покраснел, но сумел взять себя в руки и сдавленно рявкнул:

— Глупец! Эти дьяволы могут добраться до Земли — теперь, когда знают, чего она стоит! Так что, если бы они даже убили всех людей на корабле — а они могут это сделать,— мы должны долететь на их планету и приземлиться там.— Тут

он понизил голос до хриплого шепота и почти беззвучно процедил: — Если, по-твоему, я хочу пережить то, что нас ждет,— стреляй!

Мгновение Джек стоял как оглушенный, после чего отступил на шаг и отсалютовал заученным, точным движением.

— Прошу прощения, господин капитан,— сказал он дрожащим голосом.— С этой минуты вы можете на меня рассчитывать.

Один из офицеров «Адастры» пошатываясь вошел в рубку. Затем следующий, и еще один. Так поочередно вошли шестеро — из тридцати.

— Они... все... офицеры? — спросила машина.

— Мой начальник застрелил свою семью и покончил с собой,— выдавил офицер из отдела регенерации воздуха.— Толпа бунтов атаковала ракетные дюзы, и начальник ракетчиков отбил их нападение, а потом истек кровью от удара ножом в шею. Офицер...

— Довольно! — прервал Ольстер высоким слабым голосом, машинально смял ладонью воротник мундира, подошел к микрофону и тихо сказал: — Это все оставшиеся в живых офицеры. Чтобы вести корабль, хватит.

Центавриец, имевший широкие кожаные браслеты на обоих щупальцах и что-то вроде пояса на талии, направился к микрофону центрального радиоузла; отростки на конце одного из щупалец умело передвинули выключатель. Существо издало странные, непонятные звуки — и начался ад!

Из видеофонов, размещенных на всех стенах рубки, понеслись высокие, писклявые крики. Ужасные крики, чудовищные... Они пугали больше, чем вой волчьей стаи, бегущей по следу обезумевшего от страха оленя. Это были те же звуки, которые слышал Джек, когда один из первых на «Адастре» нападающих увидел человека — и тут же убил его.

От мониторов неслись также и другие звуки: крики людей. Раздалось даже два или три взрыва.

Потом воцарилась тишина. Центаврийцы в рубке — а их было здесь пятеро — дрожали, буквально тряслись. Их распирала невыносимая жажда крови, слепая, инстинктивная,

неудержимая жажда, полученная в результате эволюции от какой-то расы хищных растений, обладавшей способностью передвигаться и ведомой отчаянной необходимостью поисков пищи.

Центавриец с кожаными украшениями снова подошел к диктографу и заухал:

— Хотеть... два... люди... ехать... корабль... учиться... от... них. Сейчас.

В рубке раздался чуть слышный звук: это капля холодного пота упала с лица Ольстера на пол.

Капитан словно съежился, лицо его было серым, как пепел. Он закрыл глаза. Джек спокойно разглядывал лица офицеров.

— Полагаю, это будет означать вивисекцию,— резко сказал он.— Несомненно, что они собираются отправиться на Землю, иначе при их интеллекте не убили бы всех, кроме нас,— даже чтобы получить сокровище. Они хотят опробовать на человеческом теле различные виды оружия. Мне кажется, господин капитан, связь сейчас не самая нужная секция. Я пойду добровольцем.

— Нет! Джек! Нет! — отчаянно крикнула Элен.

Ольстер открыл глаза.

— Гэри вызвался сам. Нужен еще один доброволец на вивисекцию.

Он сказал это прерывающимся голосом, как человек, не сходящий с ума только благодаря отчаянному усилию.

— Они хотят узнать, как убивать людей. Их тридцатисантиметровые волны на нас не действуют, и они знают, что излучение, расплавившее корпус, не убило бы людей. Я сам не могу вызваться! Мне нужно остаться на корабле! — В голосе его было отчаяние.— Еще один доброволец — на медленную смерть!

Тишина. Последние события и сознание того, что еще происходило в бесчисленных помещениях «Адастры», буквально оглушили большинство из шестерых оставшихся офицеров. Они были не в состоянии думать, подвергшись эмоциональному параличу из-за событий, разыгравшихся в их присутствии.

Тогда Элен, пошатываясь, вышла вперед и упала в объятия Джека.

— Я... тоже пойду,— прошептала она.— Все равно мы все умрем! Я здесь не нужна и могу... могу умереть вместе с Джеком.

Ольстер застонал:

— Умоляю тебя!

— Я... хочу... идти! — повторила она.— И ты не можешь меня удержать! Я хочу идти с Джеком! — Она крепко прижалась к нему.

Центавриец с кожаными украшениями нетерпеливо заухал в сторону диктографа:

— Эти... двое... идти.

— Подождите! — крикнул Ольстер.

Двигаясь как автомат, он подошел к своему столу, схватил электрическое перо и дрожащей рукой написал что-то на служебном бланке.

— Я сошел с ума! — слабо сказал он.— Все мы спятили. Мне кажется, что мы уже умерли и находимся в аду. И все же возьмите.

Джек сунул бланк приказа в карман. Центавриец с кожаными украшениями нетерпеливо заухал и повел их к дверям шлюза, через который существа-растения попали на корабль. Трижды им встречались бредущие по кораблю создания, которые, завидев их, издавали ужасный, леденящий кровь в жилах вой, и каждый раз центавриец повелительно ухал и существа отступали.

Один раз Джек заметил четверых чудовищ, раскачивающихся взад-вперед над чем-то лежащим на полу. Он быстро поднял руку и прикрыл ладонью глаза Элен.

У шлюза их проводник указал на дверь. Они повиновались, и их тут же схватили длинные, резиноподобные щупальца. Элен застонала и замерла, а Джек яростно сопротивлялся, выкрикивая ее имя. Потом что-то сильно ударило его по голове, и он потерял сознание.

Когда он пришел в себя, ему показалось, что на него что-то давит с огромной силой. Вздрогнув, он шевельнулся, и часть тяжести как будто исчезла. Вспыхнул свет, но не тот, что знали люди на Земле, а какое-то танцующее, пульсирующее

пламя, неутомимо лижущее внутреннюю поверхность окружавшего его стеклянного шара. В воздухе висел неприятный запах — как в зверинце. Джек сел. Элен лежала рядом — явно живая и невредимая.

Похоже было, что рядом нет ни одного центаврийца. Джек тихо погладил руку девушки, слушая пульсирующий, прерывистый звук: при каждой отдельной пульсации он чувствовал мгновенное ускорение. Это был ракетный двигатель на жидком топливе.

— Мы на одном из их чертовых кораблей,— сухо заметил он и ощупал бок в поисках излучателя. Оружие исчезло.

Элен открыла глаза, огляделась. Наконец заметила Джека, задрожала и прижалась к нему.

— Что... что случилось?

— Нужно посмотреть,— мрачно ответил он.

Пол под их ногами внезапно наклонился, и Джек машинально взглянул в иллюминатор, существование которого подсознательно отметил еще раньше. За ним была хорошо знакомая чернота космического пространства, освещенная многочисленными маленькими точками света — звездами. Еще он заметил окруженное кольцами солнце и яркие пятна — планеты.

Одна из них была очень близко: можно было видеть диск планеты, снеговые шапки на полюсах и размазанные переходы зеленоватых пространств, по-видимому континентов, в неописуемый оттенок, который приобретает дно океана, когда на него смотришь сквозь атмосферу планеты.

Тишина. Никаких уханий на странном языке центаврийцев. Какое-то время не было слышно вообще никаких звуков.

— Думаю, мы летим на эту планету,— тихо сказал Джек.— Давай прикинем, удастся ли нам совершить самоубийство, прежде чем корабль сядет.

Тут они услышали какой-то звук, донесшийся как будто издалека. Это было сдавленное урчание, ничем не напоминающее жуткие звуки языка этих растений. Джек осторожно выглянул из камеры, где они пришли в себя; Элен жалась к нему. Тишина — и лишь это далекое урчание. Нигде никакого движения. Вновь слабая икота ракетных двигателей с отчетливым ускорением всего корабля. Запах зверинца усилился. Они

прошли сквозь отверстие странной формы и... и тут Элен воскликнула:

— Звери!

Одна на другой там громоздились клетки с «Адастры», в которых размещались животные, разводимые ради мяса и предназначенные для того, чтобы их выпустили на волю, если бы вокруг Проксимы Центавра кружила планета, пригодная для колонизации. Немного дальше высилась невероятная куча книг, машин, разнообразнейших банок и контейнеров, которые предводитель центаврийцев приказал доставить к шлюзу. Опять ни следа центаврийцев.

Затем из места, расположенного еще дальше, донесся приглушенный звук, удивительно похожий на человеческий голос. Когда Джек двинулся вперед, в сторону источника этого звука, заинтригованная Элен поспешила за ним.

Вскоре они нашли это место. Голос шел из устройства, размещенного в корпусе, из того же матово-бурого материала, из которого были сделаны полы, стены и все другие части корабля.

Это действительно был человеческий голос. Более того, это был голос Ольстера — измученный, хриплый, полуистерический.

— ...должны уже были к этому времени прийти в себя, а эти дьяволы требуют какого-нибудь знака этого! Они уменьшили ваше ускорение, когда я сказал, что то, которое было, не позволит вам прийти в себя. Гэри! Элен! Отправьте этот сигнал!

Пауза и снова голос:

— Я расскажу вам все еще раз. Вы находитесь на космическом корабле, которым эти дьяволы управляют с помощью направленного луча, действующего на двигатели. Вас высадят на одной из планет, которая некогда имела животную жизнь. Теперь она свободна — пуста, если не считать растений,— а вы и груз корабля: животные, книги и все остальное, являетесь частной собственностью главного из этих дьяволов. Он отправил вас на дистанционно управляемом корабле, поскольку в случае такого сокровища, которым вы являетесь, не верит никому из своих собратьев.

Вы являетесь сокровищницей знаний: вам предстоит перевести наши книги, объяснить нашу науку и так далее. На вашей планете запрещено приземление каких-либо кораблей, кроме его собственных. Вышлете вы наконец этот сигнал или нет? Нужно потянуть за ручку, которая находится прямо над динамиком, из которого идет мой голос. Потяните за нее три раза; и они будут знать, что вы чувствуете себя хорошо, и не вышлют за вами следующего корабля со средством для консервации ваших тел, чтобы не допустить потери такого бесценного сокровища!

Из динамика донесся металлически звучащий истерический смех: центаврийские приемники не были приспособлены к сложной фонетике человеческого языка.

Джек протянул руку и трижды дернул за ручку. Голос Ольстера продолжал:

— На корабле сейчас сущий ад. Это уже не корабль, а дьявольский котел. В живых нас осталось семеро, и мы учим центаврийцев управлять кораблем. Однако мы сказали им, что мы не можем выключить ракеты, чтобы продемонстрировать их устройство, поскольку для их повторного запуска необходимо иметь рядом планетную массу, вызывающую деформацию пространства, что обязательно для начала реакции. Они оставят нас в живых, пока мы им этого не покажем. У них есть своя письменность, и они записывают все, что мы говорим, после того как это переведет диктограф. Очень научно...

Голос умолк на середине фразы.

— Только что пришел ваш сигнал,— продолжал он после небольшой паузы.— Где-то там есть продукты, а воздуха вам должно хватить до посадки. Полет продлится еще четыре дня. О навигации не беспокойтесь, они этим занимаются сами. Я свяжусь с вами попозже.

Голос вновь смолк — на этот раз насовсем.

Двое людей — юноша и девушка — осмотрели корабль центаврийцев. По сравнению с «Адастрой» он был очень мал. Длиной тридцать метров или немного больше, в самой широкой части он имел около двадцати. Они нашли каюты, точнее, каморки — сейчас совершенно пустые,— в которых некогда размещались тесно упакованные существа-растения.

Помещения эти могли охлаждаться до низких температур; было весьма вероятно, что на низкую температуру центаврийцы реагировали, как растения на Земле зимой, погружаясь в состояние гибернации, похожее на зимний сон животных. Такое решение проблемы позволяло перевозить многочисленную команду, которую можно было оживлять во время сражений или посадок.

— Если бы они переделали «Адастру» для путешествия на Землю в соответствии с этими принципами,— угрюмо заметил Джек,— в ней поместилось бы не менее ста пятидесяти тысяч центаврийцев. Может, и больше.

Мысль о нападении на человечество этих созданий мучила его. Элен пыталась по-женски утешить его, направляя разговор на их нынешнее, безопасное положение.

— Мы добровольно согласились на вивисекцию,— сказала она на второй день после того, как они пришли в себя,— а оказались хотя бы на время в безопасности. И... и принадлежим друг другу.

— Время для нового сообщения Ольстера,— отрезал Джек.

С момента последней связи прошло уже почти тридцать часов. Центаврийский распорядок дня, подобно человеческим расписаниям, действующим на земных космических кораблях, опирался на единицу времени, равную продолжительности суточного оборота планеты.

— Лучше пойдем послушаем его.

Так они и сделали. Измученный голос Ольстера зазвучал из странно выглядевшего динамика в ожидаемое время. Он звучал менее уверенно, чем накануне, и в нем ясно слышалось напряжение. Ольстер рассказал им о прогрессе, достигнутом чужаками в управлении «Адастрой». Оставшиеся в живых офицеры не были уже нужны для надзора за работой систем корабля. Кроме того, была выключена аппаратура, очищающая воздух, поскольку удаление из него двуокиси углерода превращало воздух в непригодный для центаврийцев.

Шестерых людей оставили в живых, чтобы они могли удовлетворить ненасытную жажду информации этих растений. Они жили под непрерывным давлением; от них требовали детального представления запасов памяти, чтобы записать все это странным способом их поработителей. Самый млад-

ший из шести, подофицер отдела регенерации воздуха, сошел с ума от воспоминаний о недавних событиях и ожидания своей смерти. Несколько часов он безумно выл, а затем был убит, а тело его мумифицировали с помощью удивительных высушивающих центаврийских химикатов. Остальные стали похожи на живые тени, они вздрагивали от малейшего шороха.

— Скорость торможения изменилась,— сказал Ольстер слабым голосом.— Вы прибудете на место за два дня до нашей посадки на планету, которую эти дьяволы называют родной. Это странно, но у них совершенно нет инстинкта колонизации новых планет... Мне кажется, что еще один из нас находится на грани безумия. Кстати, они забрали у нас ремни и ботинки — они были из кожи. Мы бы тоже забрали золотую ленточку для упаковки рождественских подарков, разве нет? Они весьма последовательны, эти...

Тут он не выдержал и истерично закричал:

— Какой же я глупец! Послал вас обоих вместе, а сам живу здесь, в этом аду! Гэри, приказываю тебе держаться подальше от Элен! Запрещаю вам разговаривать друг с другом! Приказываю...

Прошел еще один день. И еще один. Ольстер выходил на связь еще дважды. Судя по голосу, отчаяние его все углублялось, нервы сдавали, и он был все ближе к безумию. Во второй раз он рыдал, проклиная Джека за то, что он находится там, где нет никаких чужаков.

— Мы уже не интересуем этих дьяволов, разве что как животные. Наши мозги потеряли цену. Корабль систематически потрошат; вчера они выловили всех дождевых червей из сельскохозяйственного сектора. Каждого из нас охраняет стражник. Мой сегодня вырвал у меня клок волос и сожрал их, раскачиваясь в экстазе! У нас нет уже шерстяных рубашек! Это совершенно дикие звери!

Прошел следующий день. Ольстер был на грани истерики. На корабле остались всего трое живых людей, и сейчас Ольстер должен был передать Джеку инструкции относительно посадки корабля на необитаемую планету. Цель была уже близка: диск планеты, которая должна была стать их тюрьмой,

заполнял половину неба. Вторая планета, к которой направлялась «Адастра», видна была Джеку как кружок.

За кольцами Проксимы Центавра было в общей сложности шесть планет, а планета-тюрьма следовала сразу за родной планетой существ-растений. Слишком холодная для центаврийцев, она тысячи лет являлась целью охотничьих экспедиций, которые прочесывали ее поверхность, пока там оставалось хоть одно млекопитающее, рыба, птица или даже ракушка. За ее орбитой кружил мир, окованный льдами, а еще дальше вращались вокруг Проксимы Центавра замерзшие глыбы камня.

— Теперь ты знаешь, как принять на себя управление кораблем, когда управляющий луч приведет в действие аэродинамические рули,— произнес голос Ольстера. Голос этот дрожал, словно шел сквозь зубы, лязгающие от нервного напряжения.— Вам будет там хорошо. Деревья, цветы и что-то вроде травы, если снимки, которые они делают, чего-то стоят. А нас ждет величайший праздник в истории ада. Все космические корабли вызваны на базу. На целой планете не будет ни одного центаврийца, который не получит хотя бы маленького кусочка животной ткани. Каждый получит что-нибудь, чтобы испытать дикое наслаждение, которое они переживают, дорвавшись до чего-либо, имеющего животное происхождение.

Будь они прокляты! Каждое существо целого вида! Мы — самое большое сокровище, о котором они могли мечтать! Они не церемонятся и говорят при мне, а я уже достаточно безумен, чтобы понимать многое из их разговоров. Их самый главный вождь планирует новые корабли — большие, чем они когда-либо выращивали. Он отправится на Землю с флотом в триста космических кораблей, с большинством экипажей во сне или гибернации. На этих кораблях будет три миллиона дьяволов, а также чертовы излучатели, которые расплавят любой земной корабль с десяти миллионов километров.

Похоже, разговор помогал Ольстеру удержать остатки ускользающего рассудка. На следующий день яйцеобразный корабль Джека и Элен вошел из космической пустоты в атмосферу, дико завывшую за его гладкими стенками. Джек немедленно взял управление на себя, и корабль начал падать все медленнее, пока наконец мягко не сел на зеленой по-

ляне, перед лесом странных, но не вызывающих страха деревьев. В этой части планеты близился закат, и не успели они осмотреться, как стало темно.

В следующие два дня они почти не отходили от корабля. Ольстер говорил почти непрерывно.

— Следующий корабль летит с Земли,— сказал он, и голос его сорвался.— Следующий корабль! Они стартовали по крайней мере четыре года назад и будут здесь через следующие четыре. Вы двое, может, еще увидите его, а я буду мертв или свихнусь, прежде чем утром взойдет солнце! Самое забавное, как мне кажется, что ближе всего к безумию я оказываюсь, когда думаю, что ты, Элен, позволяешь Джеку себя целовать! Ты знаешь, я любил тебя, любил, когда еще был человеком, до того, как стал развалиной, безвольно наблюдающей, как мой корабль летит прямо в ад. Я очень любил тебя. Я ревновал и, когда ты смотрела на Гэри сверкающими глазами, ненавидел его. До сих пор я его ненавижу, Элен! О, как я его ненавижу!

Однако голос Ольстера был теперь лишь голосом духа, ввергнутого в чистилище.

— О, каким я был глупцом, давая ему тот приказ!

Джек кружил по кораблю, глядя по сторонам невидящими, пылающими глазами. Элен обняла его за шею, он словно очнулся и что-то буркнул голосом, полным ненависти. Его распирала отчаянная жажда сражения с центаврийцами. Он начал копаться в машинах, а затем принялся монтировать из разных аппаратов десятикиловаттный вихревой излучатель. Работа продолжалась много часов, и только услышав, что Элен чем-то занялась, Джек оставил свое занятие и пошел посмотреть.

Она как раз вытаскивала наружу последние клетки, привезенные с «Адастры», и выпускала сидящих в них животных. Голуби радостно летали над ее головой, кролики, едва выскочив из ее рук, с удовольствием хрупали незнакомую, но вполне удовлетворительно выглядевшую растительность.

Девушка наслаждалась этим зрелищем.

Кроликов было шестеро и еще маленький детеныш на подгибающихся лапках. Куры копались в земле и что-то клевали,

но на этой планете не было насекомых, и они могли найти только семена и траву. Под лучами солнца четыре щенка радостно кувыркались в жестких листьях.

— Во всяком случае,— упрямо сказала Элен,— хотя бы они могут пока радоваться жизни! Не то что мы — нам есть о чем беспокоиться! Этот мир мог бы стать раем для людей!

Джек мрачно окинул взглядом зеленый прекрасный мир. Никаких хищников, никаких надоедливых насекомых. На этой планете не могло быть даже болезней, разве что человек сам завезет их сюда. Она действительно могла оказаться раем.

Из космического корабля донесся звук человеческого голоса. Джек тоскливо побрел туда, чтобы послушать. Элен шла следом.

Они стояли в странном помещении рубки. Стены, потолки, полы, облицовка приборов — все было сделано из матовой, темно-коричневой субстанции, выросшей в формы, которые требовались центаврийцам. Голос Ольстера был удивительно спокоен.

— Надеюсь, вы не ушли куда-нибудь на разведку,— произнес динамик.— Сегодня состоится праздник. «Адастра» села в центр города этих дьяволов; ее посадил я — единственный человек, оставшийся в живых. У их главаря есть что-то вроде дворца возле открытого места, где я сейчас нахожусь.

Сегодня они праздновали. Просто удивительно, сколько материи животного происхождения было на «Адастре». Они нашли даже конский волос, делающий жесткими воротнички наших мундиров, шерстяные одеяла, ботинки. Даже некоторые сорта мыла содержали животные жиры, и они их «очистили». Они отыскивают каждую частицу материи животного происхождения так же ловко, как наши химики отыскивают золото или радий. Невероятно, правда?

Некоторое время динамик молчал.

— Я уже полностью пришел в себя,— сказал наконец голос Ольстера.— Похоже, на время я сходил с ума, но то, что увидел сегодня, очистило мой разум. Я видел миллионы этих дьяволов, погружающих свои щупальца в огромные корыта, где находились все животные ткани с «Адастры», растворенные в какой-то жидкости. Их главарь многое оставил себе!

Я видел предметы, которые носили в его дворец между двумя рядами стражников. Некоторые из этих предметов были когда-то моими друзьями. Я видел город, обезумевший от дикой радости, видел этих дьяволов, в экстазе качающихся взад-вперед, слышал их главного дьявола, произносящего что-то вроде тронной речи. Я многое понимаю на их языке. Он говорил, что Земля набита животными: людьми, птицами, зверями, рыбами в океане. Он сказал, что скоро будет выращен самый большой флот за всю историю их цивилизации, флот, использующий привод земного корабля — наши ракеты, Гэри,— и что флот этот понесет неисчислимое множество существ-растений, которые должны покорить и оккупировать Землю. Они пришлют на родную планету такие сокровища, что каждый из его подданных сможет часто наслаждаться так, как сегодня. Дьяволы, безумно раскачиваясь взад и вперед, издали свой пронзительный вопль. Миллионы одновременно.

Джек тихо застонал, а Элен закрыла глаза, как бы желая избавиться от зрелища, представшего перед ее мысленным взором.

— Теперь о самых важных для вас делах,— спокойно сказал Ольстер, удаленный от них на миллионы километров,— единственный человек на планете кровожадных растений.— Ко мне идут их ученые, чтобы я показал им внутреннее устройство наших ракет, а некоторые должны завтра прибыть к вам, чтобы начать расспросы. Однако я собираюсь показать этим дьяволам наши ракеты и уверен — уверен на все сто процентов,— что все космические корабли этой расы находятся здесь.

Их экипажи явились принять участие в празднике, во время которого каждый из этих растений получил в подарок от своего главаря столько животной ткани, сколько прежде мог собрать, работая всю жизнь. Животная ткань здесь гораздо ценнее, чем у нас золото, ее сравнительная ценность лежит где-то между платиной и радием. В общем, все вернулись домой. Каждый! И помните, что корабль с Земли находится в пути. Он доберется сюда через четыре года, помните об этом!

Из динамика донесся нетерпеливый свист.

— Они уже здесь,— спокойно сказал Ольстер.— Сейчас я покажу им ракеты. Может, и вы увидите эту потеху — это зависит от времени суток, которое сейчас у вас. Но помните,

что близнец «Адастры» уже в пути! Еще одно, Гэри,— то, что я дал тебе тот приказ, было поступком безумца, но я рад, что сделал это. Прощайте оба!

Из динамика донеслось далекое, утихающее уханье. Далеко-далеко, в центре города дьяволов, Ольстер шел с людьми-растениями, чтобы показать им внутреннее устройство ракет. Они хотели постичь принцип действия привода огромного корабля во всех деталях, чтобы построить — а точнее, вырастить — такие же большие корабли и перевезти неисчислимые орды захватчиков в Солнечную систему, где находились животные.

— Выйдем наружу,— резко произнес Джек.— Он как-то сказал, что предпочитает сделать это сам, поскольку нет устройства, которому он мог бы довериться. Тогда я решил, что он спятил, ведь попасть живым на их планету казалось невозможным. Выйдем наружу и посмотрим на небо.

Они стояли на зеленой траве, глядя на небо над своими головами, и ждали. Джек представил себе ракетные секции «Адастры». Ему казалось, что он видит входящую в них странную процессию: толпу жутких растений и вместе с ними Ольстера с каменным лицом и сжатыми кулаками.

Ему нужно открыть камеру сгорания одной из ракет и объяснить действие дезинтеграционного поля, которое прессует электроны водорода так, что его атомы превращаются в атомы гелия, а гелий — в литий, в то время как кислород из воды буквально разрывается на нейтроны и чистую энергию. Потом он должен ответить на вопросы. Ультразвуковые генераторы он должен представить как аппаратуру для управления мощностью и направлением реактивных струй и ничего не говорить о том, что только материал ракетных дюз, облучаемый генераторами, может выдержать воздействие дезинтеграционного поля.

Не должен он объяснять и того, что ракета, запускаемая без заранее включенного генератора, вспыхнет от топлива, что любая другая субстанция, за исключением материала, пошедшего на дюзы, тоже вступит в реакцию, и все: дюзы, корабль, а вместе с ним и планета, исчезнет в яркой вспышке пурпурного пламени.

Нет, этого Ольстер им не объяснит. Он просто покажет центаврийцам, как запустить поле Колдуэлла.

Земляне смотрели в небо, и наконец на нем вспыхнул яркий пурпурный огонь, затмивший свет окруженного кольцами солнца, стоявшего над головами. Пурпурная вспышка продолжалась секунду, две, три... Ни один звук не сопровождал ее, ничего, кроме мгновенного удара невыносимого жара. Снова все было, как прежде, спокойно.

Окруженное кольцами солнце ярко светило в небе. Облака, совсем как земные, спокойно плыли куда-то, гонимые ветром. Животные с «Адастры» с удовольствием жевали зеленые листья, голуби радостно носились в воздухе.

— Он сделал это,— сказал Джек.— Все их космические корабли были на базе. Существ-растений больше нет: исчезла их цивилизация, их планета и их планы уничтожения нашей Земли.

Там, где была планета центаврийцев, в космическом пространстве не осталось ничего, даже пара или остывающего газа. Она исчезла, как будто никогда не существовала, а мужчина и женщина с Земли стояли на планете, которая могла быть раем для людей, и следующий корабль с большим количеством людей был в пути.

— Он сделал это,— тихо повторил Джек.— Пусть покоится в мире. А мы... мы можем теперь подумать о жизни вместо смерти.

Постепенно лицо его расслабилось. Он взглянул на Элен и обнял ее.

Она радостно прижалась к нему, отбросив все мысли о том, что было в прошлом. Потом тихо спросила:

— А каким был последний приказ Ольстера? Тот, что он дал тебе на бланке?

— Я даже не посмотрел,— ответил Джек.

Он порылся в кармане и вынул из него смятый бланк приказа. Пробежав его глазами, протянул Элен.

Согласно правилам, одобренным прежде, чем «Адастра» покинула Землю, законы и надзор за их выполнением находились в руках капитана огромного корабля. Особенно подчеркивалось, что легальное супружество на «Адастре» должно быть подтверждено официальным приказом, подписанным капитаном. Бланк, поданный Ольстером Джеку, когда тот шел, как считали все, на смерть в муках, был именно таким приказом. Другими словами, он констатировал факт заключения брака.

Джек и Элен улыбнулись друг другу.

— Это... это не так уж и важно,— неуверенно сказала Элен,— но все равно я рада этому приказу!

Один из выпущенных на свободу голубей нашел на земле соломинку и клюнул ее. Его подруга внимательно осмотрела ее, они о чем-то поворковали и улетели с соломинкой.

Вероятно, в ходе обсуждения решили, что соломинка отлично подходит для начала строительства гнезда.

Простое решение

1

АВАРИЙНАЯ ПОСАДКА

«Снарк» с ревом вошел в атмосферу, и Стэннард мрачно приготовился к работе со стабилизаторами. Полчаса спустя, отчаянно рискуя, он привел в действие двигатели и гироскопы. Ему удалось лечь на удачный курс — корабль двигался почти по касательной к поверхности планеты,— но было ясно, что обычные предпосадочные процедуры выполнить не удастся.

Стэннард видел моря, землю и полуострова внизу, так что не мог положиться на случайность. Оставалось рассчитывать на стабилизаторы и удачные обводы «Снарка»,— быть может, корабль сумеет спланировать. Но Стэннард лишь частично сумел реализовать свои планы.

Маленький кораблик страшно накренился. От толчка Стэннарду показалась, что его голова сейчас оторвется от шеи, но он все равно повис на рычагах управления. Только потом он сообразил, что это бесполезно. «Снарк» отчаянно трясло, и ремни, удерживавшие пилота в кресле, больно впивались в тело. Наконец с маленьким челноком случился припадок.

Вращаясь, он пробил слой облаков толщиной в четыре мили, выправился и заскользил вниз, затем его резко развернуло, и «Снарк» стал падать с явно суицидальными намерениями.

Когда хвост корабля задрался вверх, Стэннард увидел расстилающиеся под ним джунгли. Похоже, «Снарк» решил, что

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

это место ему вполне подходит для приземления. Он нырнул вниз с намерением размазать себя и Стэннарда по максимально обширной поверхности. Что ж, по крайней мере, это земля. Всего в нескольких милях от места предполагаемой посадки находилось море.

Стэннард ждал до последнего момента, а потом врубил двигатели. На мгновение он подумал: а вдруг по иронии судьбы сработают все сразу. Система запуска была почти полностью неисправна.

Однако «Снарк» решил, что это безумие. Ожили только двигатели по левому борту. Челнок сделал полупетлю — секунду его нос указывал вертикально вверх. Стэннард тут же включил гироскопы, чтобы удержать «Снарк» в этом положении, несмотря на работу бортовых двигателей.

Те мало что исправили в его незавидном положении. «Снарк» продолжал опускаться кормой вперед. Стэннард почти расслабился. Если гироскопы заест или двигатели заглохнут — а они очень привередливо вели себя в течение трех последних дней,— то ему конец. Он сделал все, что было в его силах.

Стэннард успел заметить, как листва проносится мимо бортовых иллюминаторов. Двигатели чихали и фыркали, раздавался вой раскручивающихся гироскопов, а затем последовал удар и оглушительный взрыв. Рубка управления раскололась на две части, а весь «Снарк» сложился гармошкой, словно аккордеон, а потом начал раздуваться, как пузырь жвачки,— и наступила тишина.

Стэннард висел в кресле, на его лице застыла гримаса бесконечного изумления. Он жив! У него даже все кости целы. Но со «Снарком» еще не покончено. Послышался оглушительный треск.

Топливо! Оно могло просто загореться или ослепительно вспыхнуть — или рвануть так, что все разлетится на мелкие кусочки.

Пришло время уносить ноги. Стэннард отстегнул ремни, рухнул вниз, вылез сквозь дыру в обшивке и помчался прочь, словно за ним гнался сам дьявол.

Задыхаясь, он лавировал между стволами деревьев и вскоре выбежал на открытое пространство. За спиной взорвался «Снарк». Казалось, наступил конец света, ударная волна подхватила Стэннарда и понесла, хотя он продолжал смешно перебирать ногами. И — рухнул в трясину. Удар получился сильным, и он ушел под воду с головой. Трясина с большим энтузиазмом принялась его засасывать.

Он с трудом вынырнул на поверхность, очистил от липкой гадости рот и втянул в себя спасительный воздух. Затем ему удалось привести в порядок глаза и нос. Выбравшись на относительно сухой участок земли, Стэннард попытался стряхнуть с себя грязь, и увидел, как из комьев, все еще покрывающих его тело, вылезают извивающиеся существа. Он принялся злобно ругаться.

Через несколько мгновений он скинул верхнюю одежду и приготовился к самому худшему. Однако существа вовсе не стремились к контакту, а изо всех сил пытались сбежать. Они корчились — и уползали обратно в грязь. Стэннард разглядел, что их длина равняется двум-трем дюймам. И они удирали. Он слышал чавкающие звуки, когда твари исчезали в родном болоте.

Вновь воцарилась тишина. Стэннард огляделся по сторонам и прислушался. В древние времена существовало множество историй о путешественниках, оказавшихся после кораблекрушения на необитаемом острове. Он всегда читал их с увлечением. Но сейчас все выглядело иначе. Пытаясь оценить положение, в которое попал, Стэннард вновь почувствовал, как его охватывает гнев — кто-то явился причиной его неприятностей, кто-то испортил двигатели.

Он покопался в груде грязи, в которую превратилась его верхняя одежда, и вытащил пояс с висевшим на нем излучателем — обычно его используют как источник тепла, но он мог послужить и в качестве оружия. Стэннард застегнул пояс и попытался привести в порядок одежду.

Время от времени он прислушивался. Грязь оказалась удивительно липкой. Стэннард внимательно осмотрел болото. В него втекал небольшой ленивый ручей. В самом узком месте через болото можно было перейти по упавшему дереву. Он устроился там и принялся смывать грязь проточной водой.

Несколько извивающихся существ вывалились наружу и упали в ручей. Наконец ему удалось отчистить одежду. Он энергично ее встряхнул, и во все стороны полетели капли воды. Стэннард влез в почти сухой комбинезон.

Как ни странно, настроение у него улучшилось, хотя он находился в незавидном положении. Уже не говоря о том, что он не выполнил порученное ему дело, Стэннард понятия не имел, как отсюда выбраться. Он оказался на одной из планет звездного скопления Борника, вероятно, на Пэсике, но наверняка Стэннард не знал.

Скопление было открыто несколько столетий назад, все звезды относились к классу желтых карликов, а планеты напоминали Землю. Растительность здесь оказалась такой же зеленой, как виделось из космоса. Моря и обилие зелени означали, что воздух на планете пригоден для дыхания да и климат вряд ли окажется ужасным.

Возможно, он и в самом деле на Пэсике, если правильно опознал местное солнце. Однако Стэннард сомневался. Эта часть галактики посещалась редко. Иногда сюда наведывались разве что охотничьи экспедиции для отлова редких животных.

На некоторых планетах скопления жили разумные существа, находившиеся на ранних ступенях развития, иногда с ними велась примитивная торговля. Однако достоверной информации о планетах было очень мало. Да, на Пэсике могли поселиться люди, но так поступали очень немногие. Даже одиночка мог здесь выжить, но едва ли следовало надеяться, что его найдут.

Одного человека, оказавшегося на планете размером с Землю, очень непросто найти, даже если бросить на его поиски большие силы. Ну а если сюда раз в несколько лет прилетает один корабль, не оснащенный соответствующим оборудованием, рассчитывать не на что.

Поэтому Стэннард пришел к выводу, что его жизнь как члена общества закончена. За эту работу возьмется кто-нибудь другой.

В тишине было слышно, как потрескивают остывающие стальные листы обшивки «Снарка». Едва ли там осталось много вещей, которые он сумеет использовать. И все же...

Он зашагал обратно к месту катастрофы. Подошел к деревьям, погнутым взрывной волной. Дальше вся растительность была сломана, поваленные стволы были раскиданы повсюду. Он с трудом перебрался через преграды и увидел кратер на том месте, где приземлился «Снарк».

В земле появилась огромная дыра. Чуть в стороне Стэннард заметил кусок обшивки. Между деревьями застряла груда металла. И больше ничего.

Он с деланым равнодушием пожал плечами. Ни инструментов, ни пищи. И полная изоляция...

Тут он заметил какое-то движение на противоположной стороне кратера, образовавшегося после взрыва. Среди ветвей поблескивало что-то черное. Наконец из-за поваленных стволов появилось существо. Оно было ростом около пяти футов и держало копье. Цилиндрическое туловище и блестящие многосуставчатые ноги показались Стэннарду механическими.

Существо обладало руками размером с человеческие, а также имело две маленькие, похожие на жвала конечности; гротескную фигуру венчала вполне гуманоидная голова. За ним появилось еще одно такое же существо, а потом еще и еще. Всего их было около тридцати. Одни держали в руках копья, кое у кого было другое оружие, а у некоторых Стэннард заметил на плечах сумки с предметами таинственного назначения.

Они разглядывали кратер и издавали какие-то звуки. Стэннард замер. Стоящий неподвижно человек не привлекает к себе внимания. Это правило действует на всех планетах.

Похожие на палки люди направились вперед. Несмотря на внешнюю угловатость, они двигались с удивительным изяществом. Потом они остановились и принялись разглядывать дыру порядка сорока футов в поперечнике. Кто-то из них указал на искореженную груду металла. Вновь раздался шум. Затем один быстро согнулся и тут же выпрямился. Остальные последовали его примеру.

Столпившись вокруг кратера, они принялись энергично жестикулировать. И вдруг начали танцевать. Получился смешной, неорганизованный и удивительно радостный танец. И Стэннард вдруг сообразил: они догадались, что означает эта свалка покореженного металла.

Они поняли, что корабль разбился, а взрыв разнес его на мельчайшие кусочки, и их поклоны были насмешкой, а прыжки и курбеты — выражением радости: творение человека самоуничтожилось, и вместе с ним погибли все люди.

Затем один из существ-палок увидел Стэннарда. Танцы сразу же прекратились. И все они — в том числе и те, кто держал в руках копья,— посмотрели на него. А потом двинулись вперед.

2

НЕ-СОВСЕМ-ЛЮДИ

Это было нелепо. Это было абсурдно. Стэннард почувствовал, как по телу побежали мурашки, когда его быстро понесли на носилках по узкой тропинке в бесконечных джунглях. И хотя носилки были наспех сделаны из подручных материалов, сидеть на них оказалось на удивление удобно.

Люди-палки перемещались довольно резво — некоторые бежали, положив на плечи гибкие шесты носилок, остальные трусили сзади. Один или двое устремились вперед, чтобы сообщить новость своим соплеменникам. Время от времени — прямо на бегу — одни носильщики ловко сменяли других. А говоривший по-английски абориген все время находился рядом со Стэннардом и начинал что-то исступленно бормотать всякий раз, когда тот смотрел в его сторону.

— У пэсиков теперь есть господин! — сдавленно лепетал он.— У пэсиков есть человек-господин, которому они могут служить! Все пэсики рады иметь господина! О, господин, мы счастливы вам служить!

Стэннард старался сохранять невозмутимость. Происходящее не имело никакого смысла. Безумный, безудержный и радостный танец возле места взрыва «Снарка», а теперь уничижительный лепет — как только танцоры увидели Стэннарда, их пляски тут же прекратились. Они заметили живого человека и начали о чем-то шептаться, перекладывая копья из одной руки в другую.

Затем раздался зычный голос, все замерли. Один из аборигенов вышел вперед. Когда до Стэннарда оставалось два-

дцать ярдов, он опустился на четвереньки. Остальные продолжали стоять. Вожак подполз к Стэннарду, подобострастно поднял его ногу и поставил себе на голову. И заговорил — на английском!

Однако его голос исходил не из горла. Скорее, это были вибрации диафрагмы, находящейся примерно в том месте, где у людей расположены голосовые связки. Получалось вполне разборчиво. Теперь абориген продолжал бормотать, резво поспевая за носилками, которые сделали его соплеменники и поставили перед Стэннардом, чтобы он мог на них сесть.

— О, господин, какая радость! Пэсики не знают, что им делать без господина-человека! Сотни, тысячи пэсиков служат с радостью!

— Сколько еще осталось? — сухо осведомился Стэннард.

— Мы уже совсем близко, господин,— сдавленно ответил говоривший по-английски.— Мы послали за слугами людей, за людской едой, и за вещами, которые пожелает человек-господин. О, какая радость!

И вновь Стэннарда посетило неприятное предчувствие. С каким торжеством плясали пэсики вокруг взорвавшегося «Снарка»...

Естественно, раз люди, напоминающие муравьев, называют себя пэсиками — значит, это действительно планета Пэсик, о которой вскользь упоминается в Космической директории. Однако дружески настроенные аборигены класса 2В могли легко заколоть его копьями. Стэннард вспомнил смутные легенды о местных божествах, которым приносились жертвы. Впрочем, они тоже не подходили к ситуации.

— Откуда ты знаешь речь людей? — резко спросил Стэннард.

— Человек-господин, господин,— залепетал пэсик, подпрыгивая от радости и не отставая от носилок.— Человек-господин имеет много пэсиков, готовых ему служить. Все пэсики любят человека-господина! Наш человек-господин умер, господин. Некоторые пэсики отправились служить женщине-господину, но они больше рады служить мужчине-господину.

— Женщине? — удивился Стэннард.— Здесь есть мужчины и женщины?

— Один женщина-господин,— сообщил пэсик; казалось, он блаженствовал.— Восемь-девять-десять человек-господин, господин. И с вами одиннадцать человек-господин для пэсиков!

Тропа стала шире. Они оказались на прогалине с толстым слоем листьев в роли ковра. Здесь стояла палатка. Стэннарду захотелось протереть глаза. Не просто палатка, а настоящий шатер, возведенный на шестах и сделанный из материала, мерцающего, словно шелк.

Стэннард заметил стол и стул. На столе стояли фрукты и большие блюда, наполненные едой. Даже бутылки с разноцветными напитками. Черные блестящие фигурки выбегали с противоположной стороны прогалины — там тропинка вновь уходила в джунгли.

Каждый что-то нес — предметы человеческой культуры. Стэннард увидел подушки, книги, бинокли, кухонную посуду, столовое серебро. Затем один из пэсиков приташил ружье. Другие приволокли одежду — практически полный мужской гардероб — и сложили в дальнем углу шатра.

— Вот вещи для человека-господина,— прочирикал на английском пэсик-переводчик.— Все, что оставил наш человек-господин, господин. Мы не потеряли ни одной вещи! И все для нашего нового господина!

Тут Стэннард напрягся. Он не верил глазам — из леса появлялись предметы, напоминающие тела людей, вот только несли их с такой легкостью, что они попросту не могли быть тем, чем казались. Более того, никакое тело не бывает вялым настолько, словно оно вовсе лишено костей!

— Костюмы для слуг-людей, господин,— радостно сообщило подпрыгивающее существо, знаток английского.— Пэсики делают своего господина счастливым, господин даст радость пэсикам. Вы смотрите! Вы поглядите!

Пэсики, несшие тела, увидели носилки и остановились. Глаза Стэннарда широко раскрылись. Принесенные предметы на самом деле были похожи скорее на скафандры — ну, скажем, для подводной охоты,— но выглядели несколько иначе.

Аборигены, которые их притащили, торопливо положили скафандры на землю. А потом, немного повозившись, надели их. И тут же из черных блестящих существ, похожих на огромных муравьев, превратились в фигуры, удивительно напоминающие людей. Они направились к шатру.

Когда носилки остановились, эти странные существа выстроились у входа, как обычные слуги. Один из них, в полосатых брюках и жилете, ужасно походил на дворецкого из старой книги. Был среди них камердинер, два лакея, а также две одинаковые горничные.

Они производили сильное впечатление. Их плоть выглядела настоящей. На лицах застыло сдержанное уважительное выражение, как у превосходных слуг. У них даже глаза двигались, и у каждого было по две руки с пятью настоящими пальцами.

Вся эта маскировка — тела и одежда слуг — была сделаны из невероятно гибкого пластика, внутри которого расположились насекомоподобные пэсики. И хотя там находились совершенно чуждые человеку существа, со стороны они вполне могли сойти за людей.

— Господин,— начал дворецкий,— у нас есть радость! Добро пожаловать, господин! Вы отдыхать и есть, господин?

Стэннард незаметно ущипнул себя и выбрался из носилок. Еда не только выглядела привлекательно, но и вкусно пахла. Дворецкий отодвинул стул. Однако Стэннард прищурился и остался стоять на месте.

— Хм-м,— с сомнением проговорил он,— кажется, я видел ружье?

Раздался невнятный звук. Затем блестящее черное существо выскочило из шатра. Оно вложило ружье в человеческие руки одного из лакеев. Тот с почтительным поклоном вручил его Стэннарду. Он внимательно осмотрел ружье. Оно находилось в превосходном состоянии. Стэннард поднял ружье, прицелился в одну из веток и спустил курок. Энергетический луч ударил в дерево, последовала фиолетовая вспышка, ветка развалилась на куски, во все стороны повалил дым.

Стэннард опустил ружье. Это было оружие, и оно работало! Если пэсики собирались его убить после каких-то непонятных фокусов, то не стали бы давать ему в руки ружье, с помощью которого он мог прикончить десятки аборигенов.

— Ладно,— хмуро сказал он,— похоже, оно настоящее. Я позавтракаю. Что потом?

— Господина ждет дом,— похоронным тоном сообщил дворецкий.— Если господин пожелает, он отправится туда. Или пэсики построят ему новый дом здесь. Или в другом месте. В любом месте, где господин пожелает, пэсики построят его с радостью!

Стэннард решил усесться на стул. И стул, как и положено, слегка переместился вперед. Ему отменно прислуживали. Рядом постоянно находились два лакея, две горничных и дворецкий. Они вели себя с восторженным смирением. Вероятно, такими были слуги султана.

Не успевал он протянуть руку, как ему тут же подавали желаемое. Стоило на что-то посмотреть — и он это получал. Бокалы были наполнены. На столе стояли вина и земное виски, а также искристое вино с удивительно приятным ароматом. Стэннард осторожно пробовал разные напитки.

Нет, здесь что-то не так. Ему было необходимо подумать. У Стэннарда появилось ничем не обоснованное предчувствие, что все происходящее имеет какое-то отношение к работе, которую он должен был выполнить, когда произошло кораблекрушение.

— Хотите музыку, господин? — почтительно спросил дворецкий.

— Что? О да, конечно,— рассеянно ответил Стэннард.

Со своего места он не слишком хорошо видел уходящую в лес тропу, по которой продолжали бегать черные поблескивающие существа, нагруженные все новыми и новыми предметами. Перед ним появился оркестр. Он выглядел как настоящий. Все музыканты были одеты в одинаковые костюмы. Он вдруг их узнал — оркестр под управлением знаменитого дирижера, видеозаписи которого десять лет назад покорили половину Галактики.

Такие же костюмы, как у слуг,— форма, которую пэсики надевали на себя,— воспроизводили фигуры и лица реальных музыкантов. В руках они держали инструменты. Оркестр заиграл. Превосходное исполнение известной записи, но вско-

ре Стэннард заметил, что движения оркестрантов не полностью совпадают с музыкой.

Более того, звук издавали не инструменты, он шел из диафрагм каждого пэсика, при помощи которых они говорили и производили любые другие звуки. Стэннарда это слегка шокировало.

Затем появились танцоры, и Стэннард едва не вскочил на ноги. Они были стройными и грациозными — Стэннард не сомневался, что пэсики внимательно изучили видеозаписи и научились танцевать, как люди. Но они оставались пэсиками, одетыми в пластиковые скафандры-маски. И все же они удивительно напоминали гибких земных девушек в открытых бальных платьях, танцующих под знойную страстную музыку.

Все это происходило под ярким солнцем, и Стэннард наблюдал за представлением из шатра, расположенного на небольшой прогалине, окруженной странными деревьями с двояковыпуклыми листьями. А вокруг него толпились черные блестящие пэсики, наблюдавшие за Стэннардом. Что-то здесь было неправильно.

И каждая из изящных танцующих фигур была лишь черным блестящим существом в эффектном костюме, старательно развлекающим человека, который являлся — как они утверждали — их господином.

Почему-то Стэннарду было немного не по себе.

3

БРОСЬ БЛАСТЕР!

Сутки на Пэсике длились двадцать два часа. Девушку Стэннард увидел только на третий день. За это время несколько раз возникали моменты, когда ему казалось, будто он сходит с ума, а предчувствие, твердившее, что происходящее как-то связано с полетом «Снарка», казалось ему абсурдным.

Впрочем, несколько раз он испытывал искушение забыть обо всем и принять ситуацию такой, какая она есть. А иногда ему ужасно хотелось что-нибудь сломать.

Пэсики раздражали. В их показном смирении было нечто вызывающее отвращение — к тому же Стэннард не мог забыть

самозабвенную радость, с которой они танцевали, когда обнаружили, что разбился земной корабль со всем экипажем.

Пэсики встречали пробуждение Стэннарда счастливыми криками и песнями, ловили каждое его слово, словно оно было полно невероятной мудрости, демонстрировали удивительную изобретательность, чтобы показать свое обожание. Так или иначе, Стэннарда периодически охватывал страх.

На третье утро, когда он проснулся, возле его постели появился камердинер. Кровать, как и все вокруг, в том числе и дворец, куда его отнесли, была дешевой и фальшиво изящной с виду. Здание выстроили сами пэсики по приказу человека, который явно изучал жизнь аристократов по видео.

— Господин,— угодливо заговорил камердинер,— вас придет навестить человек-господин. Через два часа.

Стэннард скатился с постели. Пэсик в костюме камердинера помог ему одеться. Стэннард ходил в комбинезоне, который был на нем в момент катастрофы. Как только он застегнул пояс, камердинер протянул ему еще один, с двумя закрепленными на нем бластерами.

— Зачем мне оружие? — спросил Стэннард.— Это обычай?

— Люди-господа, господин, всегда носят оружие, когда встречаются друг с другом,— вкрадчиво сказал камердинер.

Он поклонился и собрался уйти.

— Зачем? — не унимался Стэннард.— Какой в этом смысл?

— Иногда они убивают,— с лицемерным сожалением сообщил камердинер.— Пэсикам этого не понять, господин. Господина, который жил здесь раньше, убил другой господин.

Неподалеку от дворца находился курган, где была могила — за ней тщательно ухаживали, вокруг росли пурпурные цветы. Стэннарду сказали, что здесь похоронен его предшественник. Однако он был настолько ошеломлен роскошью дворца, что не проявил любопытства.

К тому же он не питал никакого интереса к человеку, заставившему пэсиков надевать костюмы и изображать сладострастных танцующих девушек.

— А как его убили? — спросил Стэннард.

— Кто знает, господин? Они вместе выпивали. А потом другой господин убил нашего господина. Вы можете спросить, господин, когда он придет!

— Значит, меня навестит убийца? — пробормотал Стэннард.— А что произошло после убийства?

— Господин ушел — он не захотел забрать вещи нашего господина.

— А как насчет закона?

Камердинер удивленно переспросил:

— Закона, господин?

— Понятно,— мрачно сказал Стэннард.— На Пэсике люди выше закона. Их слишком мало, чтобы создавать правила для себя. Но неужели пэсики ничего не сделали, когда их господина убили?

— Мы спросили, чего желает другой господин,— заявил пэсик в костюме камердинера.— Мы хотели ему служить. А он сказал, чтобы мы отправлялись к дьяволу. Но он не объяснил, как это сделать, он просто рассмеялся и ушел.

— Понятно,— протянул Стэннард.

Он надел второй пояс с бластерами. Пэсики служили людям — похоже, им было все равно, кому именно служить. Они не знали, что такое верность определенной личности. Один человек убил другого, и пэсики, которые с радостью служили убитому, тут же предложили себя в качестве добровольных рабов убийце.

Все выглядело убедительно. Похоже, оправдывалось интуитивное предположение Стэннарда о связи между Пэсиком и его поручением. Но пока он ничего не слышал о женщине-господине. Он почти забыл о том, что однажды пэсик о ней что-то говорил.

Стэннард завтракал, когда она без всякого предупреждения вошла в комнату. Когда она заходила, ее частично заслонил собой камердинер, с обычными церемониями прислуживавший Стэннарду.

Стэннард заметил женскую фигуру, но у него было несколько горничных. Эту он раньше не видел, однако Стэннарда она не заинтересовала. Он взял на ложечку немного мякоти розового фрукта и поднес лакомство к губам. Но тут камердинер поспешно отошел в сторону и низко поклонился.

— Добро пожаловать! — с важным видом воскликнул камердинер.— Добро пожаловать, женщина-господин! У пэсиков есть радость!

Стэннард удивленно поднял голову. Девушка стояла напротив стола и держала в руке бластер, направленный на Стэннарда.

— Доброе утро,— сказала она звенящим голосом.— Я хочу кое-что у вас узнать. Конечно, я бы предпочла сразу вас пристрелить, но я решила поступить честно.

Стэннард заморгал и перевел взгляд с бластера на лицо девушки. Тут он сообразил, что костюм не является частью ее тела. Одежда была надета на ней, как это принято у нормальных людей.

— О, так вы человек! — воскликнул он.

— Именно,— ответила девушка, которая была очень бледной.— И мои пэсики намекнули, что вы собираетесь нанести мне визит, так что я решила вас опередить. Не двигайтесь, пожалуйста! Я намерена забрать ваши бластеры.

Не опуская оружия, она обошла стол. Слуги поспешно расходились, чтобы не оказаться у нее на пути. Она не обращала на них внимания. Стэннард сидел неподвижно, положив руки перед собой.

— Не двигайтесь! — сердито повторила девушка.— Ничто не помешает мне выстрелить!

Она зашла ему за спину. Дуло бластера коснулось его затылка. Девушка нажала посильнее и наклонилась, чтобы снять с мужчины оружие. Стэннард ощутил тепло ее дыхания.

— Не двигайтесь! — приказала она. Он уловил в голосе девушки истерические нотки.— Сидите смирно!

Она еще больше надавила дулом ему на затылок. Тогда он повернул голову. Девушка так сильно упиралась бластером в его голову, что дуло соскользнуло в сторону.

Она в отчаянии спустила курок. Раздался выстрел.

Загорелась противоположная стена. А девушка оказалась в его объятиях, она отчаянно сопротивлялась, но он сумел перехватить бластер. Раздался еще один выстрел — запылал потолок. Комната наполнились едким дымом.

Наконец Стэннарду удалось отобрать у девушки оружие. Тяжело дыша, он вскочил на ноги, отпустил ее и сделал шаг назад.

— Сегодня утром мне совсем не хочется быть убитым,— заявил он.— К тому же я не намерен устраивать праздник для пэсиков!

И он сердито обвел комнату рукой. Фигуры в костюмах — на первый взгляд, удивительно похожие на людей — с живейшим интересом наблюдали за конфликтом. Другие пэсики — толпа черных сверкающих существ — нетерпеливо заглядывали в приоткрытые двери и окна.

— Они ненавидят людей — и у меня есть все основания так думать,— гневно сказал он.— Так стоит ли удивляться, что они солгали вам или мне ради достижения собственных целей. Неужели им удалось обмануть всех, кто здесь живет? Если мое присутствие нежелательно, я с радостью покину это место! Я попал сюда совершенно случайно! Эти аборигены не соответствуют моим идеалам!

Он бросил на девушку сердитый взгляд, а потом повернулся к пэсикам, с надеждой дожидающимся чьей-нибудь смерти.

— Проваливайте к чертям! — прорычал он.

Слуги послушно удалились. Нечеловеческие лица за окном исчезли. Стэннард небрежно бросил на стол принадлежавший девушке бластер.

— Присаживайтесь,— сказал он.— Я охотно отвечу на все ваши вопросы, в особенности если вы также удовлетворите мое любопытство!

Дрожащая девушка не сводила с него взгляд, словно не могла поверить глазам.

— Вы... меня отпустили! — ошеломленно проговорила она.— Вы и в самом деле... не стали меня убивать!

Стэннард взял еще ложечку сладкой розовой мякоти.

— А почему бы и нет? Я пробыл здесь...— Он на несколько мгновений задумался.— Да, пошел третий день после катастрофы. Я летел из Биллема на Сурис. В одиночестве. На Биллеме мой корабль пришлось ремонтировать — но техники отвратительно сделали свою работу.

Случайно или нет, но какой-то глупец плохо припаял контакты, и от вибрации они разъединились. Я произвел посадку на четырех двигателях из восемнадцати. Гироскопы тоже не выдержали перегрузок, когда я пытался удержать корабль. После приземления я успел выскочить наружу и отбежать подальше — и тут раздался взрыв.

Я побрел прочь, но наткнулся на пэсиков, которые танцевали от радости вокруг останков моего корабля, но потом

они увидели меня и стали клясться в любви до гроба. С тех пор они постоянно об этом твердят, но я сомневаюсь в их искренности. Мне бы очень хотелось покинуть эту планету. У меня совсем не такие представления о мире, где я хотел бы прожить остаток дней. Что еще вы желаете знать?

Ее лицо оживилось.

— Если... если вы сказали правду,— запинаясь, проговорила она,— да, этого вполне достаточно! Если ваш корабль и в самом деле разбился и вы не прилетели сюда, как другие...

Стэннард приподнял брови, но его предчувствия заметно усилились. Девушка дрожала. В ее голосе слышалось огромное облегчение.

— Разделите со мной завтрак,— предложил он.— Кстати, меня не предупредили о вашем приходе. Наверное, они хотели дать вам дополнительный шанс убить меня. Они сказали, меня навестит мужчина. Быть может, у него тоже возникнет желание убить меня?

Девушка явно испугалась.

— Должно быть, речь идет о мистере Бренте. Он живет ближе всех. Д-да, наверное, он попытается вас убить.— Она с мольбой посмотрела на него.— Верните мне, пожалуйста, бластер! Пожалуйста! Если он придет, мне понадобится оружие! Вдвоем мы сможем его прикончить.

4

ИСТОРИЯ ПЭСИКА

Девушка сказала, что ее зовут Джейн Кэсин и она живет на Пэсике десять лет — с самого детства. «Хилл Фаундэйшн» отправила ее отца на планету для научных исследований. Одного. В Космической директории говорилось, что местная разумная раса относится к людям дружелюбно, так что опасность ему не грозила. Однако там ничего не было сказано о новейшей истории Пэсика.

В первое столетие после открытия планету навещали лишь дважды, в первый раз корабль-разведчик, который и собрал информацию для Директории, а второй раз здесь побывал одинокий торговец, чтящий Библию. Он не нашел на плане-

те тяжелых или радиоактивных металлов, сообщил, что аборигены ведут себя дружелюбно, и улетел.

Прошло довольно много времени. Космический патруль не получил донесения о третьем визите на Пэсик, а значит, и данные о нем не были занесены в Директорию. Ситуация с аборигенами изменилась. На сей раз здесь приземлился торговец совсем другого сорта. Он оказался типичным представителем новых времен: на треть торговцем, а на две трети пиратом — когда это, конечно, ничем ему не грозило.

Он обнаружил, что у пэсиков есть драгоценные камни, которые широко используются в технике. Сначала торговец намеревался их купить. Однако он и его команда с презрением отнеслись к похожим на насекомых аборигенам. Его люди оказались властными и ненасытными. Пэсики прониклись к ним отвращением, но они захватили группу мирных жителей и пригрозили, что убьют их, если не получат самоцветы.

Пэсики, в свою очередь, сумели взять в заложники нескольких людей. Тогда разъяренные торговцы уничтожили город пэсиков. Те в ответ убили заложников. Торговец улетел, обещая жестоко отомстить.

Он сдержал слово и вернулся с пятью другими торговыми кораблями. Пэсикам предложили полностью покориться — однако они отказались, не испугавшись целого космического флота. Тогда торговцы начали методичное истребление пэсиков. Самоцветы вполне можно было отыскать среди руин уничтоженных городов — что торговцы, вне всякого сомнения, и проделали.

Затем пираты использовали веерные лучи — обладание таким оружием разрешено только Космическому патрулю. Это позволило им согнать вместе всех уцелевших пэсиков. Боль была настолько мучительной, что тысячи несчастных прошли без отдыха огромные расстояния, многие умерли от усталости и истощения. Оставшиеся потеряли последнюю надежду и волю к сопротивлению.

Когда торговцы покинули Пэсик, аборигены были полностью покорены — никогда еще разумная раса не оказывалась в таком бедственном положении. Они дали страшную клятву за себя и своих потомков. Пэсики стали рабами людей. Они были жалкими насекомыми под их ногами. Пэсики отыскивали самоцветы, которые так нравились людям, и раз за разом отдавали их в качестве дани. Ни о чем другом они больше не помышляли.

В течение долгих тридцати лет они трудились в рудниках. Затем самоцветы потеряли ценность, поскольку люди научились кристаллизовать углерод в любых количествах, формах и размерах. Впрочем, на Пэсике никогда не находилось много людей одновременно, а Космический патруль так ничего и не узнал о чудовищном геноциде.

После того как самоцветы перестали приносить доход, большинство людей покинуло Пэсик. Однако оставшиеся старались сохранить тайну планеты, где человек мог найти убежище, когда у него возникали серьезные неприятности. Многие прилетели сюда, поскольку их разыскивал Космический патруль.

Так покорные пэсики превратились в домашних рабов. Они строили дворцы для небольшого количества людей и прислуживали им. Периодически на Пэсик прилетали новые поселенцы, которые узнавали о прекрасных условиях от товарищей,— многие были готовы щедро заплатить за надежное укрытие.

Так Пэсик действительно стал раем для преступников-аристократов. Здесь не было никаких законов. Всякий делал, что пожелает. Пэсики окончательно потеряли волю к сопротивлению. Они подчинялись любым приказам и готовы были лебезить перед каждым оказавшимся на планете человеком.

Временами на Пэсике одновременно проживало сорок или даже пятьдесят ушедших на покой преступников. Однако уровень смертности здесь был весьма высоким. Когда рабы не смеют возразить господину, человек становится нетерпимым и к своим соплеменникам. Не говоря уже о том, что все они были опасными людьми.

Они часто убивали друг друга во время ссор, нападали на соседей за вымышленные обиды. Здесь процветала кровная месть. Однако никто не соглашался покинуть планету на редких космических кораблях, которые все же залетали сюда, чтобы доставить очередного беглеца, спасающегося от право-

судия, или товары для обмена на орехи дхасса и прочие продукты, представлявшие интерес в других мирах. Пэсики были готовы собирать для своих господ все, что угодно.

Все это Джейн Кэсин рассказала Стэннарду, продолжая держать руку возле бластера, который он ей вернул. Он слушал рассказ очень внимательно. Теперь девушка перестала бояться Стэннарда. Среди прочих ушедших на покой преступников был человек по имени Брент. Естественно, он знал о существовании Джейн еще с тех пор, как она была ребенком.

Пэсики создали поразительную систему обмена информацией, похожую на телепатию, и так узнавали обо всем почти мгновенно. Они рассказали Бренту о Джейн, когда она была еще совсем маленькой. Он навестил соседей, увидел, как девочка играет в куклы, и сказал ее отцу, что заберет Джейн, когда она вырастет.

— И он заставил пэсиков вести за нами наблюдение,— грустно продолжала Джейн свой рассказ.— Когда прилетел корабль «Фаундэйшн» с припасами, он узнал об этом первым. Выманив нас из дому ложным сообщением, он сам встретил корабль и заявил, что он наш сосед-плантатор. Он рассказал им, что мы с отцом умерли шесть месяцев назад. Корабль улетел и больше уже не возвращался.

Она замолчала и прислушалась.

— Похоже, кто-то идет, судя по тому, как пэсики переговариваются между собой. Мистер Брент убил отца, когда мне исполнилось шестнадцать. Он хотел забрать меня к себе, но я сумела убежать. Конечно, мне пришлось заставить пэсиков мне помочь, но они не способны хранить секреты от человека, если он отдаст прямой приказ говорить.

— Это существенно усложняет ситуацию,— заметил Стэннард.

— Верно,— согласилась Джейн и внимательно посмотрела на Стэннарда.— Но мне сопутствовала удача! Пэсики служат мне, и я отдаю им приказы. Я использую их. У меня есть носильщики и часовые, которые стоят на страже. Я не знаю недостатка в пище. К тому же они никогда не причинят вреда человеку, поэтому с ними я чувствую себя в безопасности.

Они даже не станут меня ловить по приказу своих господ, поскольку я всегда могу велеть им меня отпустить. Поймать меня может только человек... но люди здесь стали неженками и привыкли во всем полагаться на рабов.

— Понятно,— задумчиво проговорил Стэннард.

— Но я устала убегать! — гневно воскликнула девушка.— И у меня совсем не осталось книг для чтения. Я вернулась в дом отца, чтобы забрать их. И тут пэсики предупредили меня о вашем появлении. Они сказали, что человек-господин придет за мной. И я решила вас опередить. Я собиралась убить вас. Я так устала убегать!

— Что ж, в этом нет ничего удивительного,— заметил Стэннард, потом склонил голову набок и прислушался, после чего вытащил оба своих бластера. Он проверил прицел и положил оружие на стол. Девушка не сводила с него глаз, и он спокойно добавил: — Мне кажется, я кое-что знаю о человеке по имени Брент. Он совершил преступление девять или десять лет назад. Пиратство.

Они находились вдвоем в огромном обеденном зале. Обширное помещение, размером тридцать футов на шестьдесят или даже больше, с громадными окнами, изящными резными пилястрами и расписанным потолком. Отличное место для съемок кино.

Из-за стен слышался шепот пэсиков. Поскольку они разговаривали при помощи диафрагмы, звуки разносились на большие расстояния.

— Он здесь,— тихо сказала Джейн.— Я слышу это по изменившимся интонациям пэсиков.

Стэннард кивнул. Не понижая голоса, он продолжил:

— Кажется, я помню его дело. Он владел торговым кораблем, а потом ему каким-то образом удалось раздобыть оружие. Большой грузовой корабль должен был доставить колонистов на Верус, а он пробрался на борт через час после посадки. Мужчин он убил, женщин похитил, а грузовой корабль продал миссионерскому обществу в соседнем звездном скоплении. Каждый месяц его фотографии рассылаются по всем планетам.— Потом, понизив голос, он добавил: — Говорите естественно. Если он услышит разговор...

Однако предосторожности не потребовались. Через дальнюю дверь в зал вошел высокий неуклюжий человек. За ним следовала маленькая фигурка с плащом в руках. Она униженно кланялась, как и все слуги-пэсики в костюмах.

Стэннард небрежно кивнул.

— Брент, верно? Как поживаете? Вы знакомы с мисс Кэсин?

Высокая фигура с угрожающим видом вытащила бластер.

— Не советую,— сказал Стэннард.— Мне бы хотелось кое-что сообщить вам перед тем, как начнется стрельба. В конечном счете мисс Кэсин...

Неуклюжий человек поднял оружие. Над горой фруктов поднялась струйка пара, но возле дула бластера не появилось оранжевого пламени. Огонь и дым взметнулись над рукой маленькой фигурки в плаще. Одновременно раздался выстрел, фигурка злобно выругалась и бросила на пол дымящееся оружие.

— А ты,— холодно обратился Стэннард к высокой фигуре,— брось этот бластер и сними костюм слуги.

Огромная фигура покорно поклонилась и сказала:

— Много радости, господин.

Через мгновение маленькое блестящее черное существо выбралось из громоздкого костюма.

— Убирайся отсюда! — приказал Стэннард.

Пэсик убежал. Стэннард перевел холодный взгляд на ряды черных голов, с нетерпением заглядывающих в окно. Они тут же исчезли. Он повернулся к ругающемуся человеку, который придерживал обожженную руку.

— Забавно, не так ли? — сухо спросил Стэннард.— Ты посылаешь переодетого пэсика вперед. Он делает угрожающий жест. Человек, которого ты намерен убить, тянется за оружием. И ты в него стреляешь! Превосходный отвлекающий маневр! К несчастью, мне известно твое имя и кое-что о твоей внешности. Элементарно, правда? Будь добр, скажи, зачем тебе меня убивать?

В глазах Брента боль мешалась с яростью.

— *Я хотел прикончить ее!* — прорычал он.

Стэннард задумался. Маленькие завитки дыма все еще поднимались над блюдом с фруктами. Он настроил бластер так, чтобы луч стал совсем тонким, что позволяло увеличить точность стрельбы. Теперь он мог сделать прицельный выстрел сквозь фрукты, закрывавшие его руку. Затем он, не торопясь, вновь увеличил ширину луча. Дальность несколько уменьшилась, впрочем, никто не пользуется бластером, если цель находится далеко.

— Хм-м-м,— небрежно проговорил Стэннард.— Ты уже давно за ней гоняешься. Она единственная женщина на планете. Но зачем убивать меня? — Потом он кивнул.— Понятно! Телепатия пэсиков. Все знают, что она вернулась в дом своего отца. Они придумали план?

— Будь они прокляты! — проворчал маленький человечек.— Скоро они будут здесь!

— Поэтому ты решил сначала избавиться от меня, как от главного соперника,— кивнул Стэннард.— Хм... Если мы останемся здесь, нам предстоит серьезная схватка. Боюсь только, будет слишком много грязи. Пожалуй, мисс Кэсин лучше вернуться к кочевой жизни. Но ты...

Он посмотрел на Джейн.

— Он убил вашего отца,— заметил Стэннард,— и вы собирались прикончить меня только из-за того, что я мужчина. У вас появился отличный шанс. Почему бы вам не снести голову ему?

5

ДОЛГОЕ БЕГСТВО

Они продвигались с поразительной быстротой. Вокруг царила кромешная тьма, какая бывает лишь в джунглях. По обе стороны узкой тропы теснились стройные стволы растущих на Пэсике деревьев. Время от времени над головами возникала полоска неба, щедро усыпанного звездами. Впереди горели факелы.

Черные блестящие тела маленьких пэсиков мелькали тут и там — они громко кричали, чтобы отпугнуть хищников. Дальше бежали вооруженные копьями пэсики, которые ненави-

дели людей всеми силами души, но были готовы защищать их в смертельной схватке с хищниками.

За ними следовали носилки, закрепленные на двух шестах длиной в тридцать футов. Пятьдесят пэсиков быстро бежали, несмотря на тяжелую ношу. Впрочем, вес распределялся равномерно, и пэсики справлялись с нагрузкой без проблем. Замыкали шествие пэсики, которые волокли вещи, необходимые людям, и те, кто сменял своих соплеменников у шестов.

Носилки походили на большое удобное кресло. В них легко помещалось два человека — Стэннард и Джейн,— однако физического контакта им избегать не удавалось. Плавное покачивание носилок производило успокаивающее действие. Стэннард задумчиво курил.

— Они меня тащат, а я чувствую себя полнейшим дураком,— сказал он.— Мне не нравится иметь рабов или слуг. Одни разумные существа не должны таскать других.

— Я к этому привыкла,— беспокойно проговорила Джейн.— Я бы не сумела спастись от мистера Брента и остальных, если бы они мне не помогали!

Пэсики уносили их все дальше и дальше.

— Я сама не понимаю, почему не убила мистера Брента,— продолжала Джейн.— И почему его не прикончили вы. Мой отец, естественно, не стал бы этого делать, если бы только... Конечно, он пошел бы на все, чтобы меня спасти! Но у него не было шанса. Мистер Брент успел раньше.

Стэннард улыбнулся в темноте.

— На самом деле я бы не позволил вам пристрелить Брента. Тогда я не был уверен, что вы рассказали о себе правду. Теперь мои сомнения исчезли.

Она явно не поняла слов Стэннарда.

— Что вы намерены делать? — спросила Джейн.

— Во-первых, я постараюсь больше не вступать ни с кем в перестрелки,— ответил Стэннард.— У меня есть серьезные причины не убивать находящихся на Пэсике людей. Это была бы грязная работа.

Он почувствовал, как Джейн повернулась к нему, словно пыталась разглядеть в темноте выражение его лица.

— Мы сумеем убежать,— заверила она Стэннарда.— Ведь теперь мы можем отдавать приказы вдвоем и у нас полно

свежих носильщиков, которые будут сменять уставших. Таким образом, мы будем двигаться день и ночь.

— К тому же остальные люди друг другу не верят — поэтому они не смогут объединить усилия. По моей оценке, мы делаем десять миль в час. Получается двести сорок, нет, двести двадцать миль за сутки Пэсика. А остальные, как мне кажется, не особенно склонны к путешествиям, не так ли?

— У них нет на то причин,— сказала Джейн. По ее голосу Стэннард понял, что девушка нахмурилась.— Пэсики приносят все, что им необходимо. Конечно, если бы они узнали, что я осела в определенном месте, и посчитали бы, что я стала недостаточно осторожной...— Она нервно повела плечами.— Но я хотела поговорить о другом: похоже, у вас есть план. Мне кажется, что вместе мы сможем быть в безопасности. Рано или поздно сюда прилетит корабль с людьми или товарами для торговли. Если появятся другие люди, может быть, мы сумеем их всех убить.

Стэннард ничего не ответил.

— Конечно, я не хочу их убивать! — торопливо добавила она.— Я ведь даже не пыталась застрелить мистера Брента. Но они попытаются покончить с вами, поскольку мы теперь вместе!

Стэннард рассмеялся.

— Я вовсе не *кровожадная!* — не унималась Джейн.— Просто я... не хочу больше бояться. Мне нужно... знать, как вы планируете будущее! — Теперь в ее голосе слышалось отчаяние.

Он ничего не ответил, и Джейн закрыла лицо руками.

— Вы прожили здесь десять лет,— мягко заговорил Стэннард.— Вам не доводилось беседовать с другими женщинами. Вы ни разу не видели мужчину, которого не опасались бы,— это вполне логично. Сейчас вы не боитесь меня. Вполне естественно, что вы не хотите вновь остаться в одиночестве, не хотите, чтобы вас преследовал страх. Именно так обстоят дела, верно?

И вновь наступило долгое молчание, а пэсики продолжали с громкими криками бежать в темноте, разгоняя факелами мрак. Язычки пламени отражались от черного хитина.

Джейн сглотнула и проговорила сдавленным голосом:

— Ч-частично так и есть. Но я... наверное, просто не знаю, как должна поступать девушка.— Она неожиданно всхлипнула.— Я не знаю! Я читала книги про мужчин и девушек, и в книгах они были совсем другими — я никогда не могла представить, что буду вести себя так, как они.

— Уверяю вас,— с улыбкой сказал Стэннард,— вы ведете себя, как и любая женщина Галактики, оказавшаяся в подобном положении. А теперь я отвечу на часть ваших вопросов. Во-первых, я намерен остаться с вами. Да. Во-вторых, придумать способ сделать нашу жизнь относительно безопасной, не убивая остальных мужчин на планете. У меня есть для этого все основания. И в-третьих, я хочу покинуть Пэсик вместе с вами.

— Покинуть Пэсик? — не веря своим ушам, спросила Джейн.— Но как? Только один корабль прилетает сюда, и он не возьмет нас на борт. Ведь если мы сбежим и расскажем о людях, которые прячутся здесь от Космического патруля...

— Чем просить корабль захватить нас с собой, не проще ли захватить его? — предложил Стэннард.— Если... вы сможете нарисовать для меня карту окрестностей в радиусе нескольких миль, в особенности морское побережье, и если она окажется правильной... Пэсики ведь имеют не слишком ясное представление о лодках? Если удача не отвернется от нас, я полагаю, нам удастся улететь отсюда.

— Я путешествовала больше, чем все остальные! — быстро сказала Джейн.— Я смогу нарисовать карту. Наверняка! А пэсики мастерили только плоты. Раньше они много плавали, но теперь, став рабами, перестали. Сомневаюсь, что они еще помнят, как это делается.

— Тогда я готов обещать, что сумею увезти вас с Пэсика,— улыбнулся Стэннард.— С моей подготовкой было бы позором не справиться с такой задачей. Так что вам не следует ни о чем тревожиться. Я буду рядом ровно столько, сколько вы пожелаете.

— Тогда я хочу, чтобы вы всегда были рядом,— быстро проговорила она.— *Всегда!* Обещаете?

Он кивнул, но на его губах появилась язвительная улыбка. С тех пор как погиб ее отец, он стал первым мужчиной,

которого Джейн не боялась. Она ни разу не разговаривала с другими женщинами. Она казалась неплохо образованной, но все ее знания были почерпнуты из книг, и по обычным меркам Джейн оставалась удивительно наивной. Да, она понимала, какими злобными зверями могут быть мужчины. Однако сейчас ощущение безопасности являлось для нее настолько новым и восхитительным, что ее вера в Стэннарда была беспредельной.

Впрочем, он понимал, что будет совсем непросто оправдать ее доверие. Для начала, он должен разозлить людей, для которых Пэсик стал настоящим раем, и вызвать у них желание его уничтожить. Кроме того, ему надо будет предпринять ряд действий, о которых пэсики ничего не должны знать, а тем более понимать, что он задумал.

Необходимо, чтобы его поступки оказались полной неожиданностью, несмотря на способность пэсиков к телепатии, позволявшей им мгновенно передавать сообщения на огромные расстояния, а в самом конце придется поставить на кон как свою жизнь, так и жизнь Джейн.

Куда проще пойти на компромисс и создать рай для себя и Джейн и жить в окружении рабов, которые будут с радостью им прислуживать. Джейн такой образ жизни кажется совершенно естественным.

Однако перед ним до сих пор стояла задача, которую он не сумел выполнить из-за падения «Снарка».

Они продолжали ехать дальше. Откуда-то справа раздался рев. Стэннард не имел ни малейшего представления о том, что это может быть, но пэсики по-прежнему спокойно бежали вперед. Рядом пошевелилась Джейн.

— В... в книгах,— сказала она взволнованно,— я читала, что люди, которые намерены... быть вместе, всегда радуются. М-могу я у вас кое-что спросить?

— Почему бы и нет? — проворчал Стэннард.

— М-можно ли считать, что мы... помолвлены? — трясущимся голоском осведомилась Джейн.

Он восхитился способностью женщин думать о подобных вещах в такие моменты, но ответил со всей серьезностью:

— Получается, что да. Если вы хотите. Да.

— Навсегда?

— Если только вы не захотите расторгнуть нашу помолвку,— с улыбкой ответил он.

— Я этого не сделаю! — быстро сказала она.— О нет, я так не поступлю! Но в к-книгах, которые я читала...— Она стала заикаться еще сильнее.— Иногда они н-называют д-девушек... «дорогая» и еще ц-целуются. Интересно...

Он почувствовал, как дрогнуло сердце. Однако Стэннард обнял девушку за плечи и склонился над обращенным к нему лицом. Через несколько долгих мгновений он слегка охрипшим голосом произнес:

— *Дорогая!*

Самое удивительное, что он сказал это совершенно искренне.

Носилки мчались сквозь джунгли. Пэсики не сбавляли хода. Факелы освещали путь, а поднятый аборигенами шум отпугивал хищников. Узкая полоска неба над головами сияла звездами. К ним подбежали новые пэсики — свет отражался от гладкой поверхности их тел — и сменили уставших. Носилки продолжали лететь вперед, не сбавляя скорости. Рев остался далеко позади. Стэннард и Джейн молча сидели рядом.

Через некоторое время Джейн тихонько вздохнула и широко открытыми глазами посмотрела на звезды.

— Мне нравится быть помолвленной. Это чудесно!

— Интересно, сколько времени прошло с момента, как дуло твоего бластера было прижато к моему затылку? — сухо напомнил Стэннард.— Кстати, ты ведь спустила бы курок.

— Я была очень глупа, правда, дорогой? — с грустью спросила Джейн.— Тогда я ничего не понимала.

Однако Стэннарда все еще мучили сомнения.

6

КОНТРАТАКА

Их путешествие вошло в привычный ритм. Многочисленные тропинки, по которым двигались пэсики, постоянно ветвились. Но за три дня и три ночи они ни разу не приближались к селениям или городам. Каждый день, перед наступлением сумерек, Стэннард подзывал знавшего английский пэсика, который неизменно бежал рядом с носилками.

— Нам потребуются носильщики, которые могли бы бежать всю ночь,— приказывал Стэннард.— Пошлите гонцов, пусть нас встретят.

— Да, господин! — с фальшивой радостью отвечал пэсик.— Много счастья для пэсиков служить человеку-господину!

И блестящие черные фигурки убегали вперед, скрываясь за поворотом тропы. Вскоре их уже поджидала толпа пэсиков — и смена носильщиков происходила без малейшей задержки.

Когда наступала ночь, зажигались факелы, а бегущие впереди аборигены поднимали шум, чтобы отпугнуть хищников. Расстояние между ними и остальными людьми постоянно увеличивалось.

Когда на востоке появлялось зеленоватое сияние рассвета, Стэннард или Джейн вновь приказывали прислать свежих носильщиков. И вскоре появлялась новая группа блестящих черных существ, которые быстро сменяли уставших соплеменников.

Джейн проницательно заметила, что они поступают не только милосердно, но и мудро, поскольку так носильщики не устают и могут перемещаться быстрее. Им уже трижды удавалось уходить от преследователей, поскольку те попросту забывали менять пэсиков у шестов, считая их животными. Однажды Брент так загнал своих носильщиков, что половина из них умерла. Однако пэсики не протестовали и не пытались взбунтоваться.

— С другой стороны,— мрачно заметил Стэннард,— я сомневаюсь, что пэсики благодарны нам за то, что мы даем им отдых.

Стэннарду не нравились пэсики. Их уничижение, рабская покорность, пронзительные крики фальшивой радости — когда он прекрасно знал, что они ненавидят его и всех людей,— уже сами по себе могли вызвать неприязнь. Но он не мог не презирать пэсиков за то, что они предпочли рабскую жизнь и не пожелали умереть свободными. Именно презрение помогало ему использовать их.

Езда на носилках утомляла. В течение первых суток они практически не останавливались, упрямо продвигаясь на север. На следующий день они позволяли себе изредка размять ноги и поесть. Теперь их путь лежал на восток.

Во время разговоров Стэннард впитывал всю информацию о планете, которой располагала Джейн. Теперь он гораздо лучше знал местную географию, нравы обитателей и все, что производилось на Пэсике. По ночам Джейн дремала, положив голову ему на плечо, а он бодрствовал.

А потом Стэннард засыпал и наступал черед Джейн стоять на страже. Он постарался выбрать такое направление, чтобы их путь пролегал вдоль берега залива — в соответствии с картой, которую нарисовала девушка. Однажды Стэннард проснулся и обнаружил, что она держит его голову двумя руками и с улыбкой смотрит на него.

Он покраснел, и она извиняющимся тоном сказала:

— Но мы ведь помолвлены, правда?

Джейн полностью верила в Стэннарда. Когда его план созрел и он начал требовать от пэсиков доставки различных металлических предметов, она формулировала команды так, чтобы пэсики лучше могли их понять.

Однажды он взял медный котелок и при помощи излучателя вырезал из него предмет сложной формы. Затем приказал пэсикам, чтобы они сделали еще пятьдесят таких же. После этого он принялся за изготовление других деталей — частей таинственного устройства, принципов действия которого пэсики понять не могли, зато были способны изготовить необходимые компоненты.

Он потребовал, чтобы они принесли образцы железных сковородок разных форм и размеров. Он даже разослал пятьдесят пэсиков на поиски. И те в своих скрытых городах — они молились, чтобы люди никогда там не побывали,— изо всех сил работали, чтобы побыстрее выполнить заказ Стэннарда.

На четвертый день, когда они уже довольно далеко продвинулись вдоль берега, Стэннард потребовал от пэсиков полный отчет о преследователях. Бегущий рядом с носилками лидер с фальшивым восторгом сообщил, что Брент вернулся в свой дворец и пребывает в страшной ярости. Двое других

мужчин, также принимавших участие в погоне,— их, как и следовало ожидать, интересовал не Стэннард, а Джейн,— устали от тягот долгого пути и сдались, узнав, что двое беглецов не останавливались даже на ночь.

На пятый день Стэннард заявил, что их путешествие окончено. За это время они полностью обогнули залив и теперь находились на противоположном берегу по отношению к бывшему дому Джейн. Однако по суше это расстояние составляло почти тысячу миль. Не всякий, кто захочет причинить им вред, согласится преодолеть его. К тому же пэсики обязательно предупредят их, если кто-то задумает новую экспедицию.

Стэннард выбрал место для дома так, чтобы окна выходили на залив. Другой берег терялся за горизонтом. Он приказал построить небольшой коттедж. Не дворец, а маленький домик на две комнаты, чтобы вся его длина не превышала тридцати футов.

Он знал, что пэсики обязательно расскажут об этом остальным людям, находившимся в тысяче миль отсюда. Стэннард отдал жесткие указания относительно крыши дома. Она должна быть круглой, плоской, сужающейся с двух сторон и очень крепкой. Перед домом сделали навес, под которым Стэннард и Джейн обедали; над тентом пэсики установили флагшток — со временем там будет развеваться флаг.

Когда постройка дома была завершена и Стэннард убедился, что крыша достаточно прочна и к тому же водонепроницаема, он принялся собирать устройства, детали для которых приказал изготовить еще во время бегства. Он работал в тайне, так что ни один из пэсиков ничего не видел.

Покончив с этим, Стэннард сделал колпаки, которые полностью закрывали устройства, и запаял их при помощи излучателя. Между тем Джейн постоянно получала от пэсиков информацию о планах Брента и остальных мужчин, мечтающих ее поймать.

Стэннард не ожидал, что события будут развиваться так быстро, но уже через двенадцать дней после его первой встречи с Джейн и через пятнадцать после посадки на Пэсик аборигены сообщили важные новости. Возбужденная Джейн по-

спешила поделиться ими со Стэннардом. Ожидалось прибытие космического корабля.

Сараи, где хранились орехи дхасса — источник органических масел, использовавшихся в парфюмерии,— были практически заполнены. Посадочное поле, исполнявшее также роль космопорта, привели в порядок. В течение ближайших дней на Пэсике должен приземлиться торговый корабль.

Десять человек против одного Стэннарда — всех давно предупредили о его появлении, и теперь они с нетерпением дожидались возможности его прикончить, чтобы заполучить Джейн. Однако следовало иметь в виду, что экипаж торгового корабля едва ли встанет на сторону Стэннарда, так что противников было даже больше.

Они ничего не могли сделать без ведома пэсиков — впрочем, как и их враги. Получалось, что Стэннард и Джейн попали в безвыходное положение.

Но, как это выяснилось несколько позже, в тот самый день, когда приземлился торговый корабль, Стэннард выстроил в шеренгу пятьдесят пэсиков. Один за другим они входили в дом. Каждому он вручал металлический котелок и давал точные инструкции.

Пэсик должен был отнести котелок в определенное место, вырыть яму и закопать его там, оставив снаружи соединенный с котелком провод. Затем следовало тщательно все убрать — чтобы никто не мог найти, где спрятан котелок, даже тот пэсик, которому это было поручено. После чего он должен принести провод Стэннарду.

Каждый пэсик получил одинаковые инструкции — только отправили их всех в разные места. Они умчались выполнять приказ. Возможно, они люто ненавидели Стэннарда, да и его задание казалось им бессмысленным, но он не сомневался, что все будет точно выполнено.

Стэннард ждал. Один день. Два. Три, четыре и пять. Торговый корабль должен был оставаться на планете не менее десяти дней. Пять из них Стэннард потратил на ожидание. Затем он сурово улыбнулся Джейн. Полученное еще до катастрофы задание полностью соответствовало его нынешним планам.

Он созвал всех пэсиков, находившихся на расстоянии нескольких миль от коттеджа. Когда они собрались, Стэннард приказал аккуратно снять крышу с дома и перевернуть ее — изнутри она была покрыта пластиком. Джейн, как и пэсики, ничего не понимала. Аборигены, естественно, послушались своего господина. Джейн внимательно наблюдала за происходящим, слепо веря в мудрость Стэннарда.

Сотни черных блестящих существ потащили перевернутую крышу к воде. По команде Стэннарда они принесли флагшток и установили его в специальное отверстие — оказалось, что оно было предусмотрено Стэннардом заранее.

Потом в дело пошел тент и веревки, которые были припасены еще давно; на судно погрузили запас провизии и воды. Он сам навесил руль, а пэсики в полнейшем недоумении смотрели на парусную лодку. Они не понимали, что происходит, до самого конца, когда Стэннард и Джейн забрались на палубу. Сотни пэсиков молча смотрели на людей.

— Я отдаю приказ,— сурово сказал Стэннард, глядя на множество блестящих черных существ, стоящих на берегу.— Мы отправляемся на встречу с другими людьми-господами, которых мы вызвали с неба.

Я сделал пятьдесят машин, которые посылают сигналы к другим мирам. Их так много для того, чтобы хоть один сумел отправить мое послание. Я приказал пэсикам закопать устройства, чтобы они начали работать. Даже сейчас пятьдесят машин сообщают на небеса, чтобы другие люди-господа прилетели сюда — и тогда пэсики смогут им служить, ведь для вас нет большей радости, чем угождать людям-господам.

Я приказываю, чтобы пэсики не трогали машины до появления других людей-господ. А сейчас эта женщина-госпожа и я отправляемся на встречу с другими людьми-господами, которые спустятся с неба!

Он поднял парус. И хотя тот был сделан из тента, воздух сразу же наполнил его. Лодка отошла от берега и слегка накренилась под напором ветра, однако на удивление хорошо держала курс. Затея удалась на славу. Они быстро удалялись от земли. Джейн с восхищением смотрела на Стэннарда.

— Пэсики владеют телепатией,— сухо сказал он,— но как они смогут рассказать о нашем местонахождении, если не будут знать его? Или если им ничего не будет известно о наших планах?

— К-конечно,— ответила Джейн.— Но действительно ли ты отправил сообщения другим космическим кораблям, чтобы они прилетели на Пэсик? Если так, то это замечательно!

— Нет, я солгал. Для отправки сигнала в космос необходимо очень сложное устройство. Я не смог бы его сделать из груды сковородок! Но пэсики думают именно так. Интересно, как быстро они сообщат нашим друзьям, что скоро сюда прибудет целая свора полицейских?

— Они не станут ждать. Они сразу же известят об этом других людей! Но почему...

— И как они отнесутся к этой новости? — поинтересовался Стэннард.— Брента, к примеру, разыскивают за пиратские нападения, убийства и многое другое. Ну а те, кто прибыл на Пэсик по собственной инициативе, тоже совершали самые разные преступления. Им здесь Космический патруль совсем не нужен.

Пэсики тоже не хотят, чтобы на их планете появились новые люди, но они не осмелятся что-либо сделать с моими котелками. Сколько времени пройдет, прежде чем люди начнут их разыскивать, чтобы взорвать и помешать подаче сигнала? Если они найдут некоторые и обнаружат, что это обман, кто даст им гарантию, что среди оставшихся передатчиков нет работающих? Им необходимо будет отыскать и уничтожить все пятьдесят — только в этом случае они почувствуют себя в безопасности!

Джейн удивленно заморгала.

— Но все равно,— жалобно начала она,— я не понимаю, как мы...

Он рассказал ей, и она пораженно ахнула. Затем с неожиданно серьезным видом проверила висящие на поясе бластеры. Стэннард ухмыльнулся. Она покраснела.

— Откуда тебе знать, смогу я или нет? — твердо сказала она.— Из того, что я не прикончила Брента, когда мне представился такой шанс, еще не следует, что я не стану убивать тех, кто попытается расправиться с тобой.

— Я улыбался, потому что вспомнил: ты сказала, будто не знаешь, как ведут себя женщины.

Но теперь она знала. Дрожа, Джейн села рядом со Стэннардом, и лодка поплыла в сторону заката.

Небо едва успело посветлеть на востоке, когда лодка ткнулась в песок. Они переплыли пролив за ночь, и теперь Стэннард испытывал некоторое беспокойство, поскольку мог ошибиться в расчетах. Он не был до конца уверен в том, что Джейн нарисовала абсолютно точную карту.

Однако они углубились в джунгли и довольно быстро нашли тропу, а пройдя еще милю, наткнулись на трех пэсиков, неспешно бегущих куда-то по своим делам. Стэннард рявкнул на них, и они сразу же упали на колени. Их господин требовал полного почтения.

Они показали Стэннарду и Джейн дорогу в космопорт. Стэннард спокойно пересек открытое пространство посадочного поля. Шлюз торгового корабля был открыт, и он вошел внутрь вместе с Джейн, которая старалась не отставать. Затем он вручную задраил шлюз.

— У них ни малейшего понятия о дисциплине,— прошептал Стэннард на ухо Джейн.— Торговцы! — презрительно бросил он.— Оставайся здесь. Стреляй во всякого, кто попытается войти. Я проверю, сколько человек осталось на борту.

Однако с особыми трудностями они не столкнулись. Джейн стояла с бластером наготове, пока до нее не донесся суровый голос Стэннарда. Затем послышались шаркающие шаги и испуганные протестующие голоса. Наконец перед ней появилось двое мужчин, одетых лишь в нижнее белье.

— М-мне стрелять? — дрогнувшим голосом спросила Джейн.

— Нет,— ответил из-за их спин Стэннард.— На борту оказалось только два человека — и оба крепко спали. Остальные, согласно телепатическим инструкциям, вместе с пэсиками отправились на поиски железных котелков. Это занимает время, так что в итоге они взрывают передатчики — так получается быстрее. Отойди в сторону, Джейн.

Он открыл шлюз, и парочка в нижнем белье тут же помчалась прочь. Прежде чем шлюз закрылся, они успели добе-

жать до леса. Вместе с Джейн Стэннард направился в машинное отделение, чтобы полностью перевести управление в кабину пилота. Девушка с интересом осматривала корабль — она успела забыть, как он выглядит, ведь с тех пор, как она прилетела на Пэсик, прошло столько лет! Потом она присоединилась к Стэннарду.

Он усадил Джейн в кресло второго пилота и помог ей пристегнуть ремни. Потом включил гироскопы, проверил работу двигателей, после чего аккуратно поднял старый торговый корабль в воздух. Через пятнадцать минут они уже вышли из атмосферы планеты. Спустя полчаса корабль взял курс на Сурис, куда с самого начала направлялся «Снарк». Еще через час Стэннард включил автопилот и повернулся к Джейн.

На ее лице появилось странное выражение. Она казалась огорченной и немного недовольной.

— В чем дело? Тебе не хочется покидать Пэсик?

— О нет,— смущенно ответила она.— Просто у меня такое ощущение, словно чего-то не хватает. Мы приготовились к опасной схватке. Я думала, мне придется убивать людей, и я была готова прикончить всякого, кто попытается причинить тебе вред,— но ничего не произошло.

— Если не считать того, что мы сумели выбраться с Пэсика,— заметил Стэннард. Некоторое время он задумчиво смотрел на Джейн. Затем с улыбкой добавил: — Я вижу, ты разочарована. Но я бы сделал работу не лучшим образом, если бы оставил за спиной гору трупов. Космический патруль так не поступает — если есть возможность решить проблему мирным путем.

— Космический патруль? — ничего не понимая, спросила Джейн.

— Это я,— пояснил Стэннард.— Мне дали очень непростое задание. Уже давно ходили слухи, что на одной планете существует прекрасное убежище для преступников, способных оплатить перелет туда. Мне поручили провести расследование. Я знал, что оно находится где-то за Биллемом, и решил разведать район поблизости от Суриса. В результате саботажа я приземлился на Пэсике. Но если бы я прикончил всех преступников, позволив экипажу корабля покинуть планету, то все испортил бы! К тому же Космический патруль старается избегать ситуаций, когда необходимо охранять много преступников сразу. Это слишком рискованно. Поэтому я решил запереть их на Пэсике. Они обеспечены хорошим питанием — а потом их заберет с планеты тюремный корабль патруля.

Джейн облегченно вздохнула.

— Ну, тогда все в порядке,— с улыбкой сказала она.— Ты сделал то, что должен был сделать! Знаешь, мне ужасно хотелось тобой гордиться. Теперь у меня есть на это все основания!

— М-м-м,— задумчиво протянул Стэннард.— Нам нужно что-то делать с пэсиками. Их нельзя оставлять одних, тем не менее людям не следует появляться на планете в ближайшие сто лет. Быть может, мы сумеем уговорить мираниан взять решение этой проблемы на себя. Они не похожи на людей, но соображают прекрасно. Так что пэсиков ждут новые времена.

Он надолго задумался. Джейн посмотрела на него. Наконец она не выдержала и застенчиво спросила:

— Ты включил автопилот?

— Что? Да, конечно,— кивнул Стэннард.— А почему ты спрашиваешь?

— Дорогой,— раздраженно заявила Джейн,— ведь мы *помолвлены!*

Так оно и было.

Симбиоз

В этот день генерал медицинской службы Морз находился в одном из аграрных районов провинции Кантолия. Вот уже много дней подряд он терпеливо уговаривал местных крестьян согласиться сделать прививки и провести вакцинацию свиней.

Объявления войны, конечно не последовало. Просто за час до рассвета с неба вдруг посыпались вооруженные до зубов десантники, а реактивные истребители обстреляли пустынные в эти утренние часы улочки Штадхайма — столицы провинции. Первыми жертвами агрессии стала пара бродячих собак и не успевшая спрятаться кошка. А затем под рев моторов и лязг гусениц войска пересекли границу в районе Балта. Сонные таможенники и оглянуться не успели, как попали в плен, а мимо них, в сторону мирно спящих городов и деревень Кантолии, понеслись танки, бронетранспортеры и прочая военная техника. Следом двинулись бронепоезда, гудками вызывая на бой кантолийские дрезины и электрички. Так холодным серым утром началось никем не объявленное, но отлично спланированное вторжение.

Когда взошло солнце и жители Кантолии начали вставать, враги захватили уже большую половину провинции. Вражеские потери исчислялись единицами: несколько предателей-кантолийцев переусердствовали и взорвали мост, чтобы перерезать путь своим же войскам. В результате с рельсов сошел поезд захватчиков, что задержало вторжение на этом участке на два с половиной часа. К восьми часам солнечного сонного

© Перевод М. Тарасьева.

утра провинция Кантолия уже полностью находилась в руках агрессора.

Генерал медицинской службы Морз узнал о случившемся в девять. Стоя возле свинарника, он терпеливо доказывал заупрямившемуся крестьянину необходимость прививок. Узнав об агрессии, Морз повернулся к сопровождавшему его сельскому врачу.

— Война ужасна! — сказал он.— Война всегда ужасна! Но рано или поздно она должна была начаться. А я так надеялся, что нам удастся завершить программу иммунизации населения! Ни одна страна мира еще не добилась стопроцентного охвата. Мы могли бы стать первыми.— Он вытер пот со лба.— Теперь придется ехать в Штадхайм. Штаб оккупантов, конечно, там.— Морз вздохнул.— Доктор, я надеюсь, что, пока еще есть такая возможность, вы продолжите работу. Очень вас прошу! Стопроцентная иммунизация даже в одной-единственной провинции уже была бы огромным достижением. Враг здесь не навсегда, но если даже он пробудет в Кантолии дней десять, урон может оказаться слишком большим.

Усталой походкой он двинулся к небольшому потрепанному автомобилю, на котором ездил по деревне. Невысокого роста, коренастый, с темными кругами под глазами — правители небольших государств, расположенных по соседству с большими, мечтающими о воинской славе странами, часто плохо спят по ночам. Что касается Морза, то он давно забыл, когда перестал страдать от бессонницы.

Как представителю вооруженных сил, как офицеру ему, возможно, следовало бы подумать об обороняющей Кантолию армии, которая пока что не сделала ни одного выстрела. Но Морз прибыл в эту провинцию, чтобы ускорить выполнение программы иммунизации, координационный центр которой располагался в Штадхайме.

А пока машина генерала, прыгая по ухабам, мчалась к столице, агрессия набирала темп. Раз за разом тишина взрывалась ревом реактивных истребителей, оставлявших белые следы в чистом голубом небе. Облако пыли у горизонта выдавало танковую колонну, торопящуюся занять очередной важный стратегический пункт. Враг действовал так, будто Кантолию защищает мощная армия с танками и артиллерией, а не от-

ряд полиции из пятнадцати человек, расквартированный в Штадхайме.

Маленький потрепанный автомобиль несся по дороге, скрипя рессорами. А утро выдалось просто восхитительное. Тут и там легкие белоснежные облака плыли по ясному синему небу. Тучные хлеба колосились на раскинувшихся вокруг полях. С тихой завистью глядел генерал медицинской службы Морз на беззаботных жителей деревень, через которые он проезжал. Им совсем не нужна война. Большинство из них даже и не знало, что она уже началась. Морз был абсолютно уверен: надо во что бы то ни стало защищать простых людей от имперских амбиций агрессора. И от этих мыслей ему становилось тоскливо.

Около полудня на горизонте показались шпили Штадхайма. Как будто пытаясь отсрочить невозможное, Морз свернул и по боковой дороге въехал на небольшой холм, где стояло приземистое здание. В нем располагалась насосная станция столичного водопровода. Все вокруг дышало покоем, но по лицу вышедшего ему навстречу инженера Морз понял, что тот уже знает о постигшей страну трагедии.

Генерал медицинской службы Морз вышел из машины.

— Я вижу, сюда они еще не добрались,— оглядевшись, заметил он.

— Пока нет,— подтвердил инженер.— Я выполнил приказ,— отрывисто сказал он.— Я сделал все так, как мне велели.

Морз кивнул.

— Хорошо.— Он заколебался.— Я хотел бы осмотреть станцию. Она такая современная, такая чистая. Агрессоры... ну, они все средства вкладывали в вооружение. Они могут взять и вывезти оборудование для одного из своих городов.

Население Штадхайма насчитывало всего около двадцати тысяч, так что больших мощностей не требовалось. Первое, что бросалось в глаза на небольшой насосной станции,— ее надежность и практичность. Отличные фильтры, аппараты для хлорирования, великолепно оборудованная лаборатория контроля качества воды. Жители Штадхайма всегда будут пить чистую, вкусную воду — если только захватчики не испортят или не вывезут оборудование.

— Очень хорошо,— несчастным голосом сказал Морз.— Хорошо, когда люди здоровы, а значит, и счастливы. Вы знаете,— добавил он ни с того ни с сего,— а наша программа иммунизации завершена уже почти на сто процентов. Ай, да что там говорить...— Он помолчал.— Мне надо ехать в Штадхайм. Там их штаб. Я попытаюсь объяснить их командованию, какое большое значение мы придаем вопросам санитарии. Боюсь, что их солдаты этого не понимают. Постараюсь их убедить, чтобы они тут ничего не меняли, пока они здесь.

— Пока они здесь?! — встрепенулся инженер.

— Ну да,— безутешно продолжал Морз.— Я не думаю, что оккупация продлится дольше десяти дней. Но война — такая жестокая вещь! Уж мы-то, врачи, это знаем! Но пока этого не поняли все люди, войны неизбежны.— Он тяжело вздохнул.— А наша война окажется особенно жестокой. Надеюсь, что она станет последней!

— Значит, мы все-таки будем сражаться! — Глаза инженера горели.— Но приказ...

— Да,— неохотно подтвердил Морз.— Мы будем сражаться по-своему. Мы дадим им отпор тем единственным способом, которым маленький народ может защищаться от своего куда более сильного соседа. Может быть, пройдет неделя или даже десять дней, прежде чем они уйдут с нашей территории. Мы, конечно, победим, но это будет очень страшная, очень тяжелая победа!

И он бессильно развел руками.

На окраине Штадхайма машина генерала медицинской службы Морза была остановлена патрулем оккупантов. Они собирались всего-навсего конфисковать автомобиль, но, увидев военную форму и генеральские погоны Морза, тут же взяли его под арест. Держа автомат на изготовку, один из солдат повел пленного генерала в штаб. Морз был, конечно, всего-навсего врачом и, несмотря на форму, имел совсем не военный вид, да и из оружия у него имелась разве только авторучка, но солдат чувствовал себя победителем, конвоируя первого увиденного им представителя вооруженных сил покоренной провинции.

Генералу Владеку, главнокомандующему оккупационной армией, очень не нравилось то, как развивались события. Вторжение прошло без единого выстрела, и теперь вся слава достанется штабным крысам, расписавшим всю операцию по минутам. А генерал Владек — настоящий боевой командир — войдет в историю, если вообще войдет, лишь как послушный исполнитель сложного тактического маневра. Такая перспектива его не радовала.

Час тому назад на торжественной церемонии, посвященной воссоединению Кантолии с дружественным соседним государством, генерал Владек с балкона губернаторского дворца зачитал прокламацию «жителям Кантолии». Мы освободили вас, говорилось в прокламации, от тяжелого гнета вашей родной страны. Теперь вы наконец-то сможете в полной мере испытать радость наших разорительных налогов и поближе познакомиться с нашей тайной полицией. Вам надлежит, говорилось далее, как новым гражданам нашего великого государства искренне радоваться данному факту. А кто не будет рад, отмечалось в прокламации, тот вполне может быть расстрелян. Короче говоря, генерал Владек официально объявил об аннексии Кантолии. Но чувствовал он себя при этом полным идиотом. Торжественная церемония получилась какой-то не слишком массовой. Не считая его собственных солдат, единственными свидетелями происходящего были пара дворников да десятка два заранее подготовленных предателей, пытавшихся радостными криками и аплодисментами скрыть отсутствие двадцати тысяч жителей столицы, решивших остаться дома.

Когда генерал Владек увидел первого военнопленного — Морза, он почувствовал себя несколько лучше. Захвачен в плен генерал армии противника! Это уже похоже на нормальную войну! Пленник не мог, конечно, похвастаться военной выправкой. Он оказался невысокого роста, с лицом крестьянина, да и форма сидела на нем как-то мешковато. Но генерала Владека это нисколько не смутило.

— Мой дорогой генерал,— помпезно начал он,— позвольте мне принести извинения за недостаточно учтивое обращение, возможно имевшее место при вашем аресте. Но в конце концов,— и он снисходительно улыбнулся,— война есть война!

— Правда? — удивился Морз.— А я вот не уверен в этом. Когда и кем объявлена война? — спросил он деловым тоном.

— А... э...— Генерал Владек замялся.— Ну, в общем, мое правительство не сделало официального объявления войны. Имелись веские причины для сохранения строгой секретности. Ну, вы же понимаете...

— Рад слышать.— Генерал медицинской службы Морз вытер пот со лба.— Если вы вторглись в нашу страну без объявления войны, то вы имеете правовой статус обыкновенных бандитов. Но даже бандит должен понимать,— продолжал он,— какое значение имеют вопросы здравоохранения. В нашей стране самый низкий в Европе уровень смертности, и любое вмешательство в созданную нами систему медицинского и санитарного обеспечения окажется непростительной ошибкой. Я надеюсь, вы распорядитесь...

Генерал Владек не мог больше этого выносить.

— Вы здесь не для того, чтобы читать мне лекции!!! — проревел он. Немного успокоившись, он продолжал: — Насколько мне известно, вы старший по званию среди военнопленных... гм... Я официально предлагаю всем войскам под вашим командованием капитулировать.

— Но здесь вообще нет войск,— удивился Морз.— Наше правительство не так глупо, чтобы оставить войска в провинции, которую оно не в состоянии защитить! Это привело бы только к ненужным жертвам.

— Так, значит, вы знали, что мы собираемся на вас напасть? — ухмыльнулся генерал Владек.

— Ну что вы, кто бы мог такое подумать,— кисло улыбнулся Морз.— Да у вашего правительства уже который год прямо слюнки текут от одной мысли, что налоги с нашей богатой провинции покрыли бы дефицит его бюджета! Ну конечно, подозревали, что рано или поздно вы попытаетесь захватить ее! Мы все-таки не настолько слепы.

— Однако вы ничего не сделали, чтобы защитить ее,— констатировал генерал Владек с сарказмом.

Генерал медицинской службы Морз растерянно заморгал.

— Понимаете,— начал он, глядя на многочисленные ордена и медали собеседника,— когда обычный мирный житель слышит, что в его квартиру забрались воры, он, конечно, может решить поймать их самостоятельно. Но он никогда не поручит это своим маленьким детям. А если человек разумен, то он просто вызовет полицию.

— Вызовет полицию?! — не веря своим ушам, повторил генерал Владек.— Мой дорогой генерал, вы что, рассчитываете на вмешательство Организации Объединенных Наций? Поверьте, там одни дипломаты, а значит — демагоги. Они абсолютно бессильны перед свершившимся фактом типа аннексии Кантолии. Так что, уважаемый сэр...

— Чепуха! — прервал его Морз.— Я пришел поделиться с вами своим опытом в здравоохранении, имея в виду и гражданское население, и воинские части. Послушайте, вас заботит здоровье ваших солдат?

В комнате воцарилось молчание. В своей безупречно сшитой, с иголочки форме генерал Владек выглядел неуместно в обшарпанном, хотя и с претензией на элегантность кабинете губернатора провинции. Да и разбросанные по столу бумаги рассказывали о таких прозаических вещах, как цены на свинину и зерно на местном рынке, или о вспышке кори в одной из средних школ, а не о героических сражениях и славных воинских подвигах. Одним словом, щеголявшая военной выправкой и золотом погон фигура генерала Владека совершенно не гармонировала с окружением. Происходящее, похоже, начало забавлять бравого вояку.

— Уверяю вас,— начал он с нарочитой серьезностью,— что здоровье моих солдат мне отнюдь не безразлично.

— Если это действительно так,— резко сказал Морз,— то рекомендую вам покинуть нашу страну так же быстро, как вы ее оккупировали! Однако я не думаю, что вы последуете моему совету. В этом случае в ваших же интересах, если ваши солдаты будут как можно меньше вступать в контакт с местным населением. Лучше всего вообще никаких контактов. Хотя боюсь, что это невозможно.

— Да это просто смешно! — оборвал его генерал Владек.— Кантолия теперь неотъемлемая часть нашей страны. Ее жи-

тели — такие же граждане, как и мои солдаты. Изолировать их? Вы, наверно, шутите!

Морз пожал плечами.

— Ну, как хотите,— устало сказал он.— Я вас предупредил. Теперь так: или я военнопленный, или нет. Если нет, то я хотел бы получить пропуск, чтобы меня не задерживали ваши патрули. Внезапное появление такого большого количества людей — я имею в виду ваши войска — несомненно создаст ряд проблем...

— С которыми,— прервал его генерал Владек,— вполне справится наша собственная медицинская служба. Что же касается вас, то можете не сомневаться, что вы военнопленный. И к тому же — старый дурак. Всего хорошего.

Так как с начала оккупации не прошло еще и суток, то построить нормальные концентрационные лагеря агрессоры просто не успели. Генерала медицинской службы Морза доставили под конвоем в школу, срочно переоборудованную под тюрьму. Там его уже ожидали губернатор провинции, начальник полиции Штадхайма и несколько других государственных служащих, арестованных захватчиками. Сюда же доставили и тех, кого оккупанты по доносам предателей-перебежчиков сочли опасными. Официальных обвинений пока что никому предъявлено не было. Оккупанты еще не придумали, какие преступления им приписать. Но большинство заключенных предвидели самое худшее. Расстрел заложников как наказание за сопротивление — традиционный прием оккупантов. Самых уважаемых граждан всегда убивали именно за то, что они самые уважаемые граждане, а образованных людей за то, что они никак не могли поверить противоречащей здравому смыслу пропаганде. То, что произошло в Кантолии, не явилось чем-то из ряда вон выходящим. За примерами далеко ходить не надо. И всегда судьба арестованных внушала самые серьезные опасения.

Генерал Морз пытался хоть как-то ободрить своих соотечественников, но без особого успеха. Ситуация в целом выглядела совершенно безнадежно. Захват одной провинции какой-то маленькой страны без сомнения расценен как вызов

Организации Объединенных Наций или просто как спрямление границы. Все зависит от национальности и политических взглядов выступающего. Вопрос об аннексии Кантолии, несомненно, внесут в повестку дня очередной сессии. Его искусно свяжут с другими, не менее важными вопросами, так что уже не останется никакой возможности рассмотреть его сам по себе. В конце концов по нему достигнут компромисса — еще один пункт в договоре, регламентирующем запутанные взаимоотношения великих держав, что вполне устроит агрессора. В общем, не слишком обнадеживающая перспектива.

— Все дело в том,— говорил генерал Морз,— что так не может продолжаться до бесконечности. Жизнь человечества — это умение людей сосуществовать друг с другом, своего рода симбиоз. И этот процесс наблюдается на всех уровнях. Начиная от симбиоза между членами одной семьи, где все помогают всем, и вплоть до симбиоза между государствами, каждое из которых для своего существования нуждается в соседях.

— Но ведь бывает и паразитический симбиоз, когда один организм паразитирует на другом. Как наш сосед пытается паразитировать на нас,— отметил какой-то натуралист-любитель из числа заключенных.

— Здоровый организм всегда найдет способ избавиться от паразитов,— спокойно возразил Морз.— Вы же не сомневаетесь, что наша страна — здоровый организм?

Но даже оптимистические рассуждения не могли рассеять пессимизм арестованных кантолийцев. Из них только один оказался полностью одет. Начальник полиции, правда, успел накинуть поверх пижамы плащ, но торчащие из-под него голые волосатые ноги делали его фигуру скорее комичной, чем внушительной. Все без исключения были небриты, всклокочены, одеты как попало — кого-то солдаты подняли с постели, кого-то вытащили прямо из-за стола. Все расценивали такое поведение оккупантов как исключительно плохой признак.

— Конечно,— продолжал генерал Морз,— в нашей стране около пяти миллионов жителей, а у нашего противника более пятидесяти. Но ведь не у всех животных есть зубы и когти.

У каждого вида, как я говорил нашему президенту, есть свой, только ему присущий способ обороны. Должен существовать, утверждал я, способ обороны каждой нации, каждого государства. И должен вам сказать, чуть позже президент лично заверил меня, что считает нашу страну вне опасности. А так как Кантолия жизненно необходима для существования нашего государства, значит враг будет разгромлен.

— Но когда? — в отчаянии спросил один из узников.

— Жатва должна начаться недели через три,— задумчиво сказал Морз.— И пшеница уродилась хорошая. Если она достанется врагу, это окажется огромной потерей для нашей страны. Я полагаю, мы должны победить в течение следующих трех недель. Скорее всего дней за десять.

По внешнему виду генерала Морза было что-то не похоже, чтобы он предвидел блистательную военную победу своей страны. Он больше походил на человека, знающего нечто, что не дает ему покоя и тяжким бременем лежит на сердце.

День приближался к вечеру. Среди пленников по-прежнему царило уныние. Час за часом их количество росло. Как обычно бывает, побежденные кажутся победителям как бы не совсем людьми. Жестокое избиение во время ареста вскоре стало нормой. К исходу второго дня школа была переполнена, а солдаты тащили все новые и новые жертвы. На третий день школу обнесли высоким забором из колючей проволоки — первый подарок оккупантов жителям Кантолии. Генерал Морз организовал из заключенных группу по распределению пищи, которую тюремщики раз в день бросали за ограждение. Его протесты против бессмысленной жестокости и бесчеловечного обращения, естественно, ни к чему не привели.

На следующий день принесли двоих, избитых до потери сознания. Они умерли, не приходя в себя, несмотря на все усилия генерала Морза без каких бы то ни было медикаментов оказать им помощь.

От вновь прибывших узников узнали о том, что творится в провинции. Захватчики методично занимались грабежами. Они явно рассчитывали повысить благосостояние своей страны за счет побежденного соседа. Один за другим уходили из разоряемой Кантолии эшелоны с оборудованием и техникой. Товары просто конфисковывались, чтобы тоже стать добычей

агрессора. Несколько дней тому назад Кантолия была самой богатой провинцией страны. Теперь же она быстро становилась одной из самых бедных во всей Европе.

И это еще не все. Каждая кантолийская семья должна была теперь держать на постое определенное количество вражеских солдат. А в придачу и кормить их из своих, таящих с каждым днем припасов. Семья, дом которой только разграбили, могла считать, что ей повезло.

И никого в мире это особенно не беспокоило. Жесткая цензура и закрытые границы сделали свое дело: достоверной информации из Кантолии не поступало. Но это не имело особого значения. Мир мало волновало незначительное изменение границы в одном из удаленных уголков Европы.

Все внимание приковал к себе очередной кризис государств Большой четверки. Из рассказов генерал Морз узнал, что правительство их страны заявило решительный протест против агрессии соседа и обратилось за помощью к Организации Объединенных Наций. Но достигнутый организацией баланс ядерных вооружений был настолько шаток, что даже обычное обсуждение такого простого вопроса, как аннексия Кантолии, могло разрушить всю систему гарантий международной безопасности. Рассмотрение вопроса решили отложить. У оккупантов, как они рассчитывали, появилось достаточно времени, чтобы научить кантолийцев послушно радоваться воссоединению с новой родиной, пока с ними не случилось чего похуже.

Ко всеобщему удивлению, на следующий день о заключенных, казалось, забыли. Солдаты перестали приводить новых арестованных. Попавшие в этот импровизированный лагерь позже других рассказывали, что буквально с первого дня оккупации вражеские войска нескончаемым потоком вливались в Кантолию. И что теперь огромная армия готовится к окончательному захвату страны, в состав которой несколько дней тому назад входила Кантолия.

Но в ответ на эти поистине удручающие новости Морз только покачал головой.

— Оккупация Кантолии не может продлиться больше десяти дней.— И печально добавил: — Как все ужасно!

Даже в форме генерал Морз всегда производил впечатление сугубо штатского человека. Теперь же, небритый (об обеспечении арестованных бритвами никто, естественно, не позаботился, как, впрочем, и о мыле), в мятой, грязной форме, он выглядел просто несолидно. Свою рубашку он порвал на бинты. Еды постоянно не хватало, а свою порцию он отдавал самым избитым, а значит, и самым слабым. Пять дней заключения не прошли для него даром. И однако, в нем чувствовалось странное достоинство, какая-то непонятная уверенность в себе. Уверенность, которая могла опираться только на глубокую, искреннюю веру.

И вот на пятый день в полдень один из часовых вдруг зашатался, уронил карабин и, наверное, упал бы, если бы не схватился за дерево. Он судорожно цеплялся за ствол. Ноги, казалось, не держали его. Затем он все-таки упал и больше не поднялся. Свидетелем случившегося был и генерал медицинской службы Морз. Он мрачно наблюдал за происходящим. Затем повернулся к товарищам по заключению, с выражением бесконечной муки на изможденном лице.

— Вы случайно не знаете, может, у кого-нибудь все-таки есть бритва? — обратился он к начальнику полиции, стоявшему рядом с ним.— Или нож. Мне надо побриться. В крайнем случае придется взять кусок оконного стекла. Я собираюсь потребовать безоговорочной капитуляции оккупированной армии.

В тот день ему не удалось выполнить свое намерение. Но вечером, на седьмой день с начала оккупации, его под конвоем привели в бывший губернаторский дворец, где теперь располагался штаб. Грязные, пустынные улицы Штадхайма производили гнетущее впечатление. Мусор кучами лежал на тротуарах. Казалось, город вымер.

У входа в штаб на тротуаре в странной неестественной позе лежал часовой. С первого взгляда было видно, что он мертв.

С лицом человека, у которого в семье случилось несчастье, Морз вошел в кабинет генерала Владека. За прошедшие несколько дней кабинет разительно переменился. Обширная картотека занимала одну стену. Пестрые военные карты сплошным ковром покрывали другую. В углу деловито стрекотал

телефакс, выплевывая непрерывный поток каких-то списков, перечней, приказов, накладных.

Генерал Владек сидел в кресле такой же подтянутый и элегантный, как и раньше. Все так же ярко блестели его многочисленные ордена и медали. Вот только лицо у него стало какого-то землистого цвета да нервный тик не давал покоя его щеке. С мрачной решимостью он глядел на Морза.

— Вас расстреляют,— тихо, с угрозой в голосе сказал он,— если вы честно ответите на все мои вопросы. Если нет, то вас не расстреляют. Но очень скоро вы будете молить меня, чтобы вам позволили умереть. Вы меня поняли?

Генерал Морз спокойно сел. Его попытку побриться нельзя было назвать очень успешной. Всем своим видом он представлял печальный контраст блестящему военному, сидевшему напротив него.

— Я просил вас принять меня,— деловито начал он,— чтобы выяснить, готовы ли вы к безоговорочной капитуляции всех войск, находящихся под вашим командованием. При первой нашей встрече вы сказали, что я старший по званию. Я сомневаюсь, что среди военнопленных есть еще офицеры нашей армии. Так что поднять этот вопрос, очевидно, придется мне.

В ярости генерал Владек ударил кулаком по столу. Его лицо исказилось болезненной гримасой. Он с трудом взял себя в руки, и кривая улыбка заиграла на его губах.

— Что это за эпидемия, Морз? — сквозь зубы прошипел он.— Мои солдаты умирают по десять тысяч человек в день! А ваши граждане — нет! За четыре последних дня мы потеряли тридцать пять тысяч человек, а из жителей Кантолии погибло всего шесть! Что это такое, Морз?!

Генерал медицинской службы Морз заерзал на кресле. Он ничем не напоминал победителя.

— Это... выведенный нами микроорганизм,— устало объяснил он.— Официальная классификация — СК-211. Насколько я понимаю, это искусственная мутация одной широко распространенной бактерии. Мне говорили, что его можно описать как уменьшенную версию одного из видов диплококка. По размеру он почти как вирус. Вы вряд ли сможете получить от меня более полную информацию.

Генерал Владек прищурился.

— А-а-а-а... так это не просто эпидемия,— с удовлетворением в голосе тихо сказал он.— Это биологическая война! Вы слишком трусливы, чтобы воевать как честные люди, и поэтому прибегли...

— Но наши страны не находятся в состоянии войны,— перебил его Морз.— Вы напали на нас как бандиты. Вы сами себе установили правила для агрессии, а мы в ответ установили свои собственные правила обороны. Если вы сейчас капитулируете, то мы, скорее всего, еще сможем вас спасти. Подумайте об этом.

Генерал Владек заскрипел зубами. Он буквально дрожал от едва сдерживаемого бешенства.

— Скажи мне правду,— хрипло приказал он,— и я тебя только расстреляю. Я пойду на это! Только расстреляю! Но если нет...

— Генерал, по-моему, вы не в себе,— снова перебил его Морз.— Если мне не изменяет память, то смерть наступает на третий день после заражения, обычно через несколько часов после появления первых симптомов болезни. Пенициллин, сульфомицин и другие антибиотики не помогают — против этого микроорганизма они бессильны. Мне также помнится, что больной заразен практически сразу же после того, как заразился сам. Я думаю, что вы преуменьшили свои потери. Более того, в эпидемиях подобного рода смертность возрастает в геометрической прогрессии до тех пор, пока сокращение численности населения не начнет ее снижать. Вы изолировали ваших людей от контакта с местным населением?

Лицо генерала Владека побагровело.

— С самого начала эпидемии я подозревал, что здесь дело нечисто! А так как жертвами болезни становились только солдаты, то наши медики решили, что всему виной продовольствие, поступающее из нашей собственной страны. И я отдал приказ войскам питаться за счет местного населения, а наши запасы раздать кантолийцам. Пусть пострадают и они! Это была бы достойная месть за коварство ваших шпионов! Но это не помогло! Буквально на следующий день число заболевших утроилось! А ваши граждане болеть и не собирались! Умирали только мои солдаты! Только они!

Генерал Морз понимающе кивнул.

— Этого и следовало ожидать, ведь у нашего населения иммунитет. В рамках программы министерства здравоохранения мы сделали комплексную прививку практически всем жителям нашей страны. А в ней помимо вакцин, предохраняющих от целого ряда заболеваний, содержалось и одно весьма любопытное соединение, создающее очень и очень своеобразный иммунитет ко всем видам диплококков...

Казалось, что генерала Владека вот-вот хватит удар. Он судорожно открывал и закрывал рот, словно силясь что-то сказать.

— ...что делает возможным возникновение симбиоза,— бодро продолжал Морз.— Таким образом, возникает состояние, при котором организм человека и самые смертоносные виды диплококков могут мирно сосуществовать. Но это еще не симбиоз. Для симбиоза необходим сам диплококк. Наша прививка только создает условия для возникновения симбиоза. Вообще-то заболевания, вызываемые диплококками,— редкость для нашей страны. Я уже и не помню, когда было зарегистрировано последнее. Но если кто-то из наших жителей и заразится, то он ничуть не пострадает от такой инфекции, и, что очень важно, микроорганизм тоже не пострадает от иммунной системы человека. Возникает тот самый симбиоз, о котором я говорил. Подобная ситуация не уникальна: вспомните хотя бы микрофлору кишечника. Они не вредят нам, а мы не вредим им. Вы меня понимаете?

— Как вы заразили моих солдат? — странным, каким-то нечеловеческим голосом спросил генерал Владек.— Скажите мне, как вы сумели их заразить?! Мои медики заверяют меня...

— А мы их и не заражали,— спокойно ответил Морз.— Мы заразили наше собственное население. В то самое утро, когда вы вторглись в нашу страну, мы инфицировали питьевую воду и запасы продовольствия. Мы заразили наше население болезнью, которая не могла им повредить. А потом я пришел к вам и посоветовал изолировать ваших солдат от всех контактов с местными жителями. Я рекомендовал вам также, если вы помните, побыстрее вывести войска из нашей страны, для их же собственного блага. Но вы не приняли мои

предостережения всерьез. А зря. Видите ли,— голос Морза оставался совершенно спокойным, казалось, он читает лекцию непонятливому студенту,— каждый житель нашей страны теперь распространитель той самой болезни, от которой умирают ваши солдаты. Мы нисколько не страдаем от нее, но способны заразить ею любого, не обладающего иммунитетом. Вы, наверно, слышали о разносчиках чумы. Мы теперь все — носители инфекции, уничтожающей вашу армию.

Лицо генерала Владека посерело. Его губы дрожали. Во главе своих войск он победоносно захватил провинцию. А затем, без единого выстрела, его армия перестала существовать, и мертвый часовой лежал у дверей его штаба.

— Мы сделали это не ради своего удовольствия,— продолжал Морз,— а в целях самообороны. И теперь сама земля нашей страны губительна для ваших войск. Даже если вы убьете всех нас, а тела сожжете, все равно наши вода, земля, воздух останутся смертельными для ваших солдат и тех переселенцев, которых вы, наверное, хотели бы сюда привезти. Вы никак не сможете использовать Кантолию. Так же как вы не сможете воспользоваться и другими районами нашей страны. А награбленные и вывезенные вами товары и оборудование вызвали эпидемию в ваших собственных городах. Ваши курьеры, рапортуя о блистательной победе, пока они были еще живы, распространяли инфекцию. Купленные вами предатели, которых вы отправили в свою страну за наградой, сами того не ведая, делали то же самое. Болезнь, должно быть, уже вовсю свирепствует в вашей стране. Узнав об эпидемии, соседние с вами страны закроют границы, если уже этого не сделали. Вы окажетесь в изоляции. И если вы не разрешите нам помочь вам, то это будет концом вашего государства.

— Генерал,— устало закончил Морз,— я надеюсь, что вы готовы отдать приказ о капитуляции. Ваши солдаты, как военнопленные, станут нашими пациентами, и мы вылечим их. В противном случае они умрут. Дайте нам шанс, и мы остановим эпидемию, которую вы создали, вторгшись в нашу страну. Мы никогда не применили бы оружия, которого не знаем досконально. Но окончательное решение за вами. Ваша армия и ваша страна должны безоговорочно капитулировать...

Генерал Владек медленно встал. Он нажал на кнопку, и тут же вошел офицер в сопровождении нескольких солдат.

— Возьмите этого человека,— прохрипел генерал.— Возьмите,— его голос перешел на визг,— и убейте его!!!

Офицер сделал шаг вперед. И остановился, увидев, как один из солдат уронил на пол карабин. Смертельно бледный, он пытался удержаться на ногах, судорожно цепляясь за стенку. Пот градом катился по его лицу. В глазах застыли слезы. Он, конечно, понимал, что с ним произошло. И хотя он еще дышал и двигался, он был уже мертв. Остальные солдаты сделали шаг назад, потом другой и бросились наутек...

Стоя возле свинарника, генерал медицинской службы Морз терпеливо доказывал заупрямившемуся крестьянину необходимость прививок.

— Здесь все дело в умении жить вместе,— говорил он с подкупающей прямотой,— в том, что ученые люди называют симбиозом. С помощью одной вакцины мы защитили нашу страну. С помощью другой мы должны теперь защитить все человечество. Мы же не хотим, чтобы нас боялись. Мы стремимся к тому, чтобы жители других государств приезжали в нашу страну, свободно жили среди нас, торговали с нами. Если нас будут бояться, мы от этого только проиграем!

Крестьянин не соглашался. Победа над захватчиками ударила ему в голову. Но генерал Морз постепенно переубеждал его.

— Да, но они напали на нас. Чувствуете разницу? Нам вовсе не нужны новые войны! Когда мы сделаем прививки вам, вашей семье и вашим животным, мы сделаем тем самым еще один шаг к пониманию того, что люди действительно могут жить в мире друг с другом. Что могут жить и работать вместе. А те, кто хочет войны, могут только вместе умереть.

Странная история Джона Кингмана

Все началось с того, что доктор Брейден решил посмотреть историю болезни некоего Джона Кингмана.

Основанная за несколько лет до провозглашения независимости Соединенных Штатов, Мидвилльская психиатрическая лечебница заслуженно гордилась своей картотекой, однако в карточке Джона Кингмана молодой доктор Брейден обнаружил на удивление много пробелов.

В карточке значилось:

Фамилия: *Кингман.*

Имя: *Джон.*

Цвет кожи: *белый.*

Пол: *мужской.*

Рост: *5 футов 8 дюймов.*

Цвет волос: *черно-коричневый.*

Примечание: *физическая аномалия — у пациента на обеих руках по шесть пальцев. В лишних пальцах есть кости; пальцы нормально функционируют.*

Возраст: *прочерк.*

Расовая принадлежность: *опять прочерк.*

Место рождения: *учитывая остальные прочерки, неудивительно, что здесь тоже пусто.*

Диагноз: *нетипичная паранойя с ярко выраженной манией величия, не сопровождающейся, как обычно, манией преследования.*

© Перевод М. Бертеневой.

Имелось примечание: *Пациент, очевидно, очень плохо понимает по-английски (если вообще понимает). Не разговаривает.*

Потом еще две графы:

Ближайшие родственники: *прочерк.*

История болезни: *прочерк.*

Потом:

Дата поступления: *и снова прочерк.*

Для Мидвилльской лечебницы карточка была на удивление неполной. Если пациента подобрали где-то на улице и так и не смогли установить его личность, то возраст и национальность действительно могли остаться неизвестными. В этом случае вполне естественно, что ближайший родственник и место рождения тоже будут неизвестны. Но должна же быть история болезни — хотя бы изложение событий, которые предшествовали поступлению в лечебницу. И конечно, несомненно, безусловно, на карточке должна стоять дата поступления!

Молодой доктор Брейден был крайне раздосадован. Недавно Янтцен предложил новый метод лечения: эйфорический шок, и Брейдену не терпелось опробовать этот метод в Мидвилле — разумеется, на том больном, для которого другой надежды на излечение не осталось. Он отдал карточку в регистратуру с просьбой навести справки об этом пациенте.

Спустя два часа молодой доктор Брейден лежал, вытянувшись во весь рост, на зеленой лужайке у административного корпуса и с удовольствием курил трубку, набитую отвратительным табаком. Над головой — чудесное голубое небо, а тень от дубовой аллеи причудливым узором падала на лужайку. Он вдумчиво читал «Американский журнал психиатрии». Статья называлась «Реакция на эйфорический шок десяти больных паранойей». Рядом на ступеньках царственно восседал Джон Кингман. Одет он был как попало — как и все бедные пациенты, которым родственники не привозили одежду. Его взор был устремлен в пространство. Он производил впечатление человека, который считает себя неизмеримо выше простых смертных. Что касается возраста, то выглядел он как-то неопределенно: ему могло быть и лет сорок, а могло быть и шестьдесят. Его шестипалые руки с нарочитой грациозностью лежали у него на коленях. Он откровенно игнорировал человечество и все то, чем это человечество занималось.

Доктор Брейден дочитал статью. Задумчиво посасывая давно погасшую трубку, он исподтишка рассматривал Джона Кингмана. Душевнобольные могут вести себя непредсказуемо, обращаться с ними надо как с детьми и как с дикими животными: главное — не напугать.

— Джон,— задумчиво сказал доктор Брейден,— я думаю, что вас можно вылечить.

Кингман снисходительно посмотрел на молодого врача. Похоже, его забавляло, что какой-то человечишко набрался нахальства обратиться к самому Джону Кингману, который настолько выше простых смертных, что наглость врача его даже не раздражает.

— Вам, наверно, здесь скучно,— сказал Брейден все так же задумчиво.— Я думаю, может быть, что-то можно сделать. Собственно говоря...

Он замолчал, заметив, что к ним подошел клерк из регистратуры. Тот был явно чем-то расстроен. В руке он держал карточку, полученную от доктора Брейдена два часа назад.

— Э-э... доктор,— растерянно пробормотал клерк,— тут что-то не так. И даже очень. С документами, я имею в виду.

С появлением еще одного жалкого создания Джон Кингман стал еще отрешеннее, если это возможно. Он глядел в пространство, божественно равнодушный к этим ничтожным существам.

— Да? — заинтересовался Брейден.

— Даты его поступления нигде нет! — сказал клерк.— Вы же знаете, каждый год составляется полный список всех пациентов. Я и подумал: а что, если посмотреть, в каком году его имя впервые появилось в списках, и тогда уже искать документы именно за этот год. Но даже в списках двадцатилетней давности упоминается Джон Кингман!

— Ну тогда посмотрите списки тридцатилетней давности.

— Я... я уже посмотрел,— с трудом вымолвил клерк.— Он и тридцать лет назад был здесь.

— А сорок? — спросил Брейден.

Клерк сглотнул.

— Доктор Брейден,— с отчаянием в голосе сказал он.— Я обратился в архив, где хранятся документы начиная с тысяча восемьсот пятидесятого года. И... доктор, он и тогда числился в списке пациентов!

Брейден вскочил с травы и машинально отряхнулся.

— Глупости! — сказал он.— Это девяносто восемь лет назад!

Клерк совсем сник.

— Я знаю, доктор. Тут что-то не так! К регистратуре никогда не было никаких претензий. Я двадцать лет там работаю и...

— Я пойду и сам все посмотрю,— сказал доктор Брейден,— а вы пока позовите санитара, пусть отведет больного в палату.

— Х-хорошо, доктор, се... сейчас.

И тут Брейден увидел, что наконец-то Джон Кингман соблаговолил обратить на него внимание. В его взгляде читалось такое высокомерное снисхождение, которое привело бы в ярость кого угодно. Но врачи умеют воспринимать поведение больных как проявление симптомов их болезни, а не как что-то личное.

— Это просто смешно,— проворчал Брейден, обращаясь с пациентом (как подобает хорошему психиатру), как с совершенно нормальным человеком.— Не могли же вы провести здесь девяносто восемь лет!

Одна из шестипалых рук шевельнулась. Джон Кингман изобразил пальцами, что пишет. Брейден дал ему карандаш. Порылся в карманах и нашел клочок бумаги.

Отрешенно глядя вдаль, Джон Кингман даже не смотрел на то, что делают его руки. А они рисовали. Быстро, умело. Через несколько секунд он вернул бумагу и карандаш Брейдену и снова стал божественно безразличен к простым смертным. Но теперь на его лице витала слабая, едва заметная улыбка. Торжествующая и презрительная.

Брейден взглянул на рисунок. Это был какой-то чертеж: сложное переплетение линий, в центре — что-то непонятное неправильной формы. Это не было похоже на каракули сумасшедшего; хотя и загадочный, рисунок казался абсолютно разумным. В проявлениях большинства психиатрических заболеваний есть что-то по своей сути детское. Но этот случай

был исключением. Да и чертеж этот казался смутно знакомым. Где-то, когда-то Брейден уже видел нечто подобное. Это не имело никакого отношения к психиатрии, но...

Брейден сложил обрывок бумаги и спрятал в карман.

— Это не по моей части, Джон,— сказал он Джону Кингману.— Но я наведу справки. Думаю, что смогу быть вам чем-нибудь полезен.

Пришел санитар, и Джон Кингман позволил себя увести. Вернее, он величественно шествовал впереди санитара, небрежно уклоняясь от его прикосновения, как будто такие прикосновения являлись святотатством, которое санитар по своему невежеству не мог даже осознать.

Через полчаса вместе с клерком Брейден просмотрел все документы, начиная с самых ранних. Постепенно печатный текст сменялся рукописным, бумага становилась желтее. Но и в старых регистрационных журналах Восточно-Пенсильванского сумасшедшего дома (который в 1850 году стал Мидвилльской лечебницей для душевнобольных) на пожелтевших листах выцветшими чернилами каждый год упоминалось имя Джона Кингмана. Дважды Брейден наткнулся на примечание против имени Джона. Первое — в 1880 году. Кто-то из медицинского персонала (психиатров в те годы еще не существовало) написал: *«Высокая температура»*. И больше ничего. А в 1853 году напротив имени Кингмана было аккуратно приписано: *«У этого человека на каждой руке по шесть действующих пальцев»*.

Надпись была сделана девяносто пять лет тому назад.

Доктор Брейден посмотрел на взволнованного клерка. История пребывания Джона Кингмана в лечебнице не укладывалась ни в какие рамки. Клерк явно полагал, что это бросает тень на регистратуру, а возможно, и на его собственную репутацию. Он будет нервничать до тех пор, пока не найдется виновник ошибки — желательно кто-нибудь из его предшественников.

— Кто-то забыл написать пояснительную записку,— предположил доктор Брейден (хотя сам он в глубине души этому не верил).— Наверное, когда-то в лечебницу поступил неизвестный, и его записали, наобум назвав Джоном Кингманом. Со временем он умер, а имя Джон Кингман стало нарица-

тельным. Им, вероятно, называли тех пациентов, личность которых невозможно было установить. Иногда очередной Джон Кингман умирал, его имя в тот же год присваивали очередному пациенту. Вот и все!

Облегченно вздохнув, клерк радостно пошел проверять эту гипотезу. Но Брейден в нее не верил. Еще в 1853 году кто-то отметил, что у Джона Кингмана на каждой руке по шесть действующих пальцев. Чтобы в одном и том же госпитале, хотя бы и на протяжении целого столетия, оказались два пациента с шестью действующими пальцами? Крайне маловероятно!

И Брейден отправился в больничный музей. Там хранились, но не выставлялись приспособления, которыми лечили душевнобольных в те годы, когда Мидвилльская лечебница только что была основана (в 1776 году). Это было старейшее заведение подобного рода в Соединенных Штатах, но думать о том, каким образом в те годы лечили пациентов (тогда их еще называли сумасшедшими), было неприятно.

Но записи тех лет сохранились. Переплеты из телячьей кожи, плотная глянцевая бумага, каллиграфический почерк. Доктор Брейден листал том за томом. Он обнаружил имя Джона Кингмана в списках за 1820 год, за 1801-й, за 1795-й. В списках 1785 года имя Джона Кингмана отсутствовало. Брейден нашел запись о его поступлении в лечебницу в книге за 1786 год. Двадцать первого мая 1786 года (через десять лет после основания Мидвилльской лечебницы; сто шестьдесят два года назад) — в книге была сделана следующая запись:

«Несчастному безумцу, поступившему сегодня, присвоено имя Джон Кингман, потому что он держится с подчеркнутым достоинством, буквально по-королевски. Его рост — 5 футов 8 дюймов. Он не говорит по-английски, ни на каком-либо другом языке, известном ученым людям в округе. На каждой руке у него по шесть пальцев, однако два лишних пальца правильной формы и нормально действуют. Доктор Санфорд отметил, что у него высокая температура. На левом плече — странного вида рисунок, который с точки зрения науки татуировкой не является. Его безумие состоит в том, что он считает себя настолько великим, что окружающих просто не замечает, так что если его не поместить в больницу, то он просто умрет

с голоду. Однако трижды во время осмотра его врачами он властно протягивал руки за письменными принадлежностями и рисовал какие-то сложные, но, как все согласились, бессмысленные чертежи. Сумасшедшим его признала комиссия, состоявшая из докторов Санфорда, Смита, Хейла и Боуда».

Молодой доктор Брейден перечитал запись во второй раз. Затем в третий. Он пригладил рукой волосы. Когда клерк вернулся и расстроенно сообщил, что за долгую историю лечебницы в ней никогда не умирал пациент по имени Джон Кингман, Брейден этому не удивился.

— Совершенно верно,— сказал он клерку, который к тому времени находился на грани истерики.— Он действительно не умирал, и я хочу, чтобы Джона Кингмана обследовали. Им явно давно никто не занимался. Похоже, что им не интересовались ровно сто шестьдесят два года. Пожалуйста, соберите для меня все документы, касающиеся его поступления в лечебницу. Он поступил сюда 21 мая 1786 года.

И доктор Брейден ушел, оставив клерка в состоянии, близком к шоку. У клерка даже мелькнула мысль, что сам доктор Брейден сошел с ума. Но когда он нашел затребованные бумаги, то решил, что скорее всего им самим в ближайшее время пополнят ряды пациентов лечебницы.

Джону Кингману, когда его привели в лабораторию, стало смешно. Секунд десять (Брейден внимательно за ним наблюдал) он рассматривал суперсовременное научное оборудование. Не возникало никаких сомнений, что ему с первого же взгляда становилось ясным не только назначение каждого предмета, но и то, как им пользоваться. Джон Кингман веселился от души, а когда он посмотрел на большой рентгеновский аппарат, он улыбнулся с таким презрением, что у рентгенолога волосы на затылке встали дыбом.

— Никаких признаков паранойи,— отметил Брейден.— Когда параноиков приводят куда-то и показывают механизмы, назначение которых им непонятно, у большинства из них возникает подозрение, что их сейчас будут пытать и, может быть, даже убьют.

Джон Кингман посмотрел на Брейдена. Он протянул шестипалую руку и жестом показал, что хочет рисовать. Взяв у

Брейдена карандаш и блокнот, он начал небрежно чертить. Закончив один чертеж, он принялся за следующий. Он отдал блокнот Брейдену и вновь погрузился в невероятное презрение ко всему человечеству.

Брейден взглянул на рисунки и кивком головы подозвал рентгенолога.

— Это похоже на схему рентгеновского аппарата. Не так ли? — сухо спросил он.

Рентгенолог заморгал.

— Он не использует общепринятые символы,— начал он.— Но... пожалуй... да. Так он обозначает катод... а так... Хм-м. Да-а-а...

Рентгенолог глубоко задумался.

— Послушайте, тут должно быть совсем иначе!

Он внимательно изучил чертеж и возбужденно сказал:

— Смотрите, он поместил сюда такое же поле, как в электронном микроскопе! Это идея! Если так сделать, получится прямой поток электронов и более узкий рентгеновский луч...

— Интересно! А что на втором чертеже? — прервал рентгенолога Брейден.— Еще какой-нибудь рентгеновский аппарат?

Рентгенолог внимательно изучил второй чертеж и через некоторое время сказал с сомнением в голосе:

— Не знаю. Он совсем не использует общепринятые символы. Вот такое же обозначение катода, как и на первом чертеже, а это... это похоже на приспособление для ускорения потока электронов. Как в трубке Кулиджа. Только...— Он почесал затылок.— Я, кажется, понимаю, что он пытается изобразить. Если такая штука будет действовать, можно будет работать с любой трубкой при любом напряжении сети. Ага! И все излучение останется внутри трубки. Никакой опасности. Слушайте, эта штука сможет работать даже от батареек! Врачи смогут носить рентгеновские аппараты в своих чемоданчиках! А работать аппараты смогут даже от напряжения в миллион вольт!

Он все больше возбуждался, глядя на рисунок. Наконец он пробормотал:

— Это безумие, но... Послушайте, доктор! Оставьте мне этот чертеж, я как следует его изучу. Это просто потрясающе! Это... Господи! Да ведь у меня возможность сделать такую

штуку и использовать ее на деле. Я еще не все тут понимаю, но...

Брейден забрал у него рисунок и положил к себе в карман.

— Джон Кингман,— сказал он,— находится здесь в качестве пациента уже сто шестьдесят два года. И я думаю, он нас еще не раз удивит. Ну а пока — за дело!

Джону Кингману было определенно смешно. При любых других обстоятельствах его снисходительная манера (он обращался с окружающими как с кретинами) кого угодно привела бы в ярость. Он позволил сделать себе рентген с таким видом, с каким взрослые обычно играют с детьми. Он взглянул на градусник и презрительно улыбнулся. Он позволил измерить ему температуру под мышкой. Электрокардиограф на мгновение вызвал у него интерес (как незнакомая детская игрушка). Усмехаясь, он дал сфотографировать татуировку у себя на плече. И все это — с видом снисходительного презрения. Он был настолько выше всего происходящего, что даже не раздражался.

Зато Брейден становился бледнее и бледнее. Температура тела Джона Кингмана была 105° по Фаренгейту. «Высокая температура» была отмечена в 1850 году (девяносто восемь лет назад) и в 1786 году (более полутора веков назад). Но на вид ему можно было дать от сорока до шестидесяти лет. Частота пульса — сто пятьдесят семь ударов в минуту. Электрокардиограф показал нечто совершенно несуразное.

«Можно подумать, что у него два сердца»,— удивился Брейден. Рентгеновские снимки он взял с таким видом, будто ожидал увидеть на них что-то абсолютно невероятное. И увидел. Когда Джон Кингман поступил в Новый Бедлам, на свете еще не существовало рентгеновских аппаратов. Так что рентген ему до сих пор, естественно, не делали. А у него было два сердца. И по три лишних ребра с обеих сторон. И на четыре позвонка больше, чем у нормальных людей. Даже локтевые суставы выглядели как-то не так. И форма зубов явно отличалась от обычной.

Когда обследование закончилось, Джон Кингман наблюдал за Брейденом с презрительным торжеством. Молча, но окутанный достоинством, словно плащом. Позволив санитару снова одеть себя, он глядел в пространство, думая о чем-

то, явно недоступном простым смертным. Потом он снисходительно посмотрел на Брейдена и его шестипалые руки изобразили, что собираются писать. Брейден побледнел еще сильнее, но дал ему и карандаш, и блокнот.

Джон Кингман соизволил один раз взглянуть на листок бумаги, на котором он рисовал. Когда он вернул блокнот Брейдену и вновь погрузился в свое величественное равнодушие, на листке была дюжина или даже больше крохотных чертежиков. Первый являлся точной копией того, который он рисовал Брейдену перед административным корпусом. Рядом — другой, похожий, но не совсем. Третий — что-то среднее между первым и вторым. В каждом из последующих чертежей шаг за шагом прослеживались изменения, вплоть до двух последних. Один путем совершенно логических вариаций вернулся к первоначальному рисунку, а второй представлял собой что-то невероятно сложное и запутанное, причем центральная часть делилась на две секции, прочно соединенные между собой.

У Брейдена аж дух захватило. Как рентгенолог, озадаченный незнакомыми символами, обозначавшими знакомые идеи, так и Брейден сначала не мог понять, что же ему показалось знакомым в первом рисунке. Но последний рисунок все прояснил. Он почти точно совпадал со стандартными таблицами, иллюстрирующими деление атомного ядра при цепной реакции. Если допустить, что Джон Кингман не сумасшедший, становилось очевидным, что он изобразил какой-то физический процесс, который начинался в нормальных, стабильных атомах и заканчивался нестабильным атомом, причем один из исходных атомов возвращался в первоначальное состояние. Короче говоря, это был процесс физического катализа, результатом которого являлось получение свободной атомной энергии.

Брейден посмотрел в презрительные, насмешливые глаза Джона Кингмана.

— Твоя взяла,— сказал он нетвердым голосом.— Я по-прежнему считаю, что ты безумен, но если это и так, то мы еще более безумны.

Документам о поступлении Джона Кингмана в лечебницу было сто шестьдесят два года. Бумага пожелтела и стала хрупкой. Орфография и обороты речи были странными, подчас забавными. В них говорилось, что Джона Кингмана нашли 10 апреля 1786 года. Первым его увидел человек по имени Томас Хокс (он вез пшеницу в город Аврора, штат Пенсильвания). Одежда Джона Кингмана выглядела очень странной и отличалась от общепринятой. Ткань напоминала шелк, правда, одновременно казалась металлической. Хокс удивился, но решил для себя, что это, наверно, бродячий актер: выпил лишку и заблудился, а костюм забыл снять после представления. Он остановил повозку и любезно предложил незнакомцу подвести до города. Хокс спросил, как его зовут. Незнакомец презрительно молчал и вообще вел себя высокомерно. Хокс спросил, видел ли тот накануне ночью гигантские падающие звезды (у них в городке только о них и говорили). Незнакомец игнорировал все вопросы. Когда они приехали в город, тот с королевским достоинством встал посреди улицы и презрительно осмотрелся. Собралась толпа, но он ее высокомерно не замечал. Он жестом подозвал солидного пожилого человека, некоего мистера Уичерди, наклонился и начал что-то рисовать на дорожной пыли. Когда мистер Уичерли ничего не понял из его рисунка, то он страшно рассердился и стал плевать в толпу. Народ возмутился, и незнакомца пришлось забрать в полицейский участок.

Брейден терпеливо ждал, пока главный врач Мидвилльской лечебницы и человек из Вашингтона прочитают пожелтевшие от времени страницы. Потом спокойно объяснил:

— Он, конечно, сумасшедший. Параноик. Он так же убежден в своем превосходстве над нами, как, скажем, Наполеон или Эдисон, доведись им оказаться среди австралийских аборигенов. Может быть, Джон Кингман прав так же, как были правы они. Но если бы он был нормален, он мог бы это доказать. Вместо этого он погружен в созерцание собственного величия. Так что он — типичный параноик. Можно смело предположить, что он стал сумасшедшим, прежде чем появился среди нас. Но у него отсутствует мания преследования.

Главврач шокированно заметил:

— Доктор Брейден! Вы так говорите, что можно подумать, он — инопланетянин!

— Так оно и есть,— сказал Брейден.— Температура его тела — сто пять градусов. Человек с такой температурой жить не может. У него лишние позвонки и лишние ребра. Суставы у него не такие, как у нас. Наконец, у него два сердца. Мы исследовали систему его кровообращения с помощью инфракрасного излучения, и она отличается от человеческой. Кроме всего прочего, он числится среди пациентов лечебницы уже сто шестьдесят два года. Даже если он человек, то по меньшей мере необычный.

Чиновник из Вашингтона с интересом спросил:

— Доктор Брейден, а как вы думаете, откуда он здесь взялся?

Брейден развел руками и сказал:

— Можно только гадать. Но я послал фотостаты его рисунков в Бюро стандартов. В сопроводительной записке я написал, что это рисовал пациент нашей лечебницы и что все это напоминает что-то из ядерной физики. Я спросил, действительно ли это так.

Он посмотрел на человека из Вашингтона.

— Спустя тридцать шесть часов здесь появились вы. Насколько я понимаю, это означает, что Джон Кингман и вправду обладает познаниями в области ядерной физики.

— Обладает,— тихо сказал человек из Вашингтона.— Чертежи рентгеновских трубок тоже оказались достаточно интересными, но все остальное... Как мы поняли, на них показано, как получить управляемую атомную энергию из кремния, одного из самых распространенных на Земле элементов. Так откуда же он, доктор Брейден?

Брейден стиснул зубы.

— Вы, вероятно, обратили внимание на то, что в документах упоминаются падающие звезды, вызвавшие в то время много разговоров? Я посмотрел газеты за те дни. Они пишут о большой звезде, которая опустилась на землю, а потом, как говорят несколько заслуживающих доверия свидетелей, снова поднялась в небо. Спустя некоторое время по небу пролетели еще несколько больших звезд, но на землю ни одна не упала.

Главврач с улыбкой сказал:

— Удивительно, что после таких заявлений наш госпиталь не заполнился до отказа!

Человек из Вашингтона даже не улыбнулся.

— По-моему,— задумчиво сказал он,— доктор Брейден хочет сказать, что на Землю опустился космический корабль, оставил здесь Джона Кингмана и улетел. И что, возможно, за ним гнались.

Главврач засмеялся, показывая, что оценил шутку.

— Если Джон Кингман — инопланетянин,— сказал человек из Вашингтона,— и если он прилетел откуда-то, где почти двести лет назад уже так много знали об атомной энергии, и если он там был сумасшедшим, он, наверно, захватил корабль и бежал. Его, конечно, преследовали. И он мог приземлиться здесь.

— А корабль? — спросил главврач.— Если бы наши предки нашли космический корабль или самолет, о находке сохранились бы какие-нибудь упоминания.

— Допустим,— сказал человек из Вашингтона,— что у его преследователей было что-то вроде... ну, скажем... радара. Они даже у нас есть! Он мог поставить корабль на автопилот, чтобы сбить преследователей с толку. Может, он отправил его к Солнцу. Это объяснило бы все поднимающиеся и летающие звезды. Что на это скажете, доктор Брейден?

Брейден пожал плечами.

— Доказательств никаких нет. Он сумасшедший. Если бы мы его вылечили...

— Как, интересно, вы собираетесь его лечить? — спросил человек из Вашингтона.— Я думал, что паранойя практически неизлечима.

— Не совсем так,— сказал ему Брейден.— Сейчас для лечения слабоумия и шизофрении успешно применяют различные виды шока. Для параноиков ничего заслуживающего упоминания не было. А потом Янтцен предложил эйфорический шок. Суть состоит в том, чтобы рассеять иллюзии путем создания галлюцинаций.

Главврач неодобрительно заерзал. Человек из Вашингтона терпеливо ждал.

— При лечении эйфорическим шоком,— осторожно сказал Брейден,— пациентам дают лекарства, снимающие напряжение, тревогу и создающие ощущение эйфории, или благополучия. Янтцен добавил к ним галлюциногены. Похоже, это сочетание временно погружает пациента в состояние, в котором все его иллюзии осуществляются. Он отдыхает от своей борьбы против реальности. К тому же у него происходит что-то вроде суперкатарсиса: осуществляются все его желания. Очень часто после первого эйфорического шока у пациента наступает краткий период прояснения рассудка. Процент полностью излечившихся достаточно высок.

Человек из Вашингтона спросил:

— А какова совместимость его и наших, земных аминокислот?

Брейден посмотрел на него с уважением.

— Не знаю. Он уже почти два столетия питается человеческой пищей. В любом случае, уже доказано, что белки на всех планетах, под любым солнцем должны быть одинаковы. Но абсолютной уверенности, конечно, нет. У него вполне может развиться аллергическая реакция. Вы говорите, что его рисунки имеют огромное значение. Наверное, перед тем, как мы попробуем лечить его эйфорическим шоком, имеет смысл постараться узнать у него как можно больше.

— Ну да,— снисходительно сказал главврач,— если он прождал уже сто шестьдесят два года, то еще несколько недель или даже месяцев погоды не сделают. И я бы хотел следить за ходом эксперимента. Правда, я на днях ухожу в отпуск...

— Ну, это вряд ли,— прервал его человек из Вашингтона.

— Я сказал, я на днях ухожу в отпуск.

— Джон Кингман в течение ста шестидесяти двух лет пытался сообщить нам, как можно получить управляемую атомную энергию,— тихо сказал человек из Вашингтона.— И карманные рентгеновские аппараты, и бог знает что еще. Может, где-нибудь в вашей лечебнице хранятся чертежи антигравитационного устройства, по-настоящему эффективных атомных бомб, космических кораблей или оружия, способного уничтожить все население Земли. Боюсь, что персоналу лечебницы придется прекратить всякую связь с внешним миром до тех пор, пока мы все не проверим.

— Но это чудовищно! — с возмущением сказал главврач.

— Совершенно верно. Развитие человечества на тысячу лет вперед — в голове сумасшедшего. Почти двести лет прогресса потеряно из-за того, что он находится в сумасшедшем доме. Но будет гораздо хуже, если этой информацией завладеют другие сумасшедшие, которые не сидят в сумасшедшем доме только потому, что они находятся у руля власти! Сядьте!

Главврач сел. Человек из Вашингтона сказал:

— А теперь, доктор Брейден...

Джон Кингман проводил день за днем в презрительном, торжествующем веселье. Брейден угрюмо за ним наблюдал. Мидвилльская психиатрическая лечебница превратилась в вооруженный лагерь: повсюду часовые, особенно около здания, где веселился Джон Кингман. Теперь вокруг него постоянно толпились высококвалифицированные психиатры и ученые, и он наконец был полон глубокого удовлетворения.

Он пребывал в состоянии царственной, торжествующей отрешенности. Он был величайшей, самой важной, самой значительной личностью на всей планете. Глупые существа, населяющие ее (они только внешне напоминали Джона Кингмана), наконец-то осознали его божественность. Теперь они теснились вокруг него. Они обращались к нему на своем дурацком языке (он был выше того, чтобы его изучать). Вполне возможно, что он придумал какой-то определенный этикет, который должны соблюдать эти глупые люди, и только тогда он соизволит их заметить.

Они проводили разнообразные комплексные анализы. Он игнорировал все их действия. Они пытались всякими хитростями заставить его проявить свои познания. И однажды, злорадно ухмыляясь, он начертил диаграмму некой реакции, которую такие жалкие умишки вряд ли смогли бы понять. Они пришли в дикое возбуждение, а он страшно развеселился. Когда они испытают эту реакцию в действии и тысяча квадратных миль превратятся в обжигающий пар, те, кто выживет, осознают, что ни хитростью, ни силой его нельзя заставить раскрыть им богатства его богоподобного разума. Пусть исполняют надлежащий этикет, чтобы ублажить его.

Пусть униженно просят и задабривают его, пусть для него совершают жертвоприношения. Пусть отрекутся от всех остальных богов ради него — великого Джона Кингмана. Когда эта реакция уничтожит миллионы этих существ, они поймут, что только в нем сосредоточены вся мудрость, вся сила, все величие.

Брейден предотвратил катастрофу. Когда в ответ на изощренную хитрость одного из ученых Джон Кингман изобразил новую атомную реакцию, Брейден запротестовал.

— Пациент является параноиком,— мрачно сказал он.— Для его умственных процессов характерны подозрительность и хитрость. Он может в любой момент нарисовать что-нибудь такое, что приведет к всеобщей катастрофе, и все только для того, чтобы продемонстрировать свое величие. Ему абсолютно нельзя доверять! Будьте осторожны!

Он приставал ко всем подряд, убеждая, что параноик может сделать все, что угодно, лишь бы доказать, что он — великий человек.

Новую реакцию опробовали на микроскопических количествах вещества, и она уничтожила все в радиусе пятидесяти ярдов. Это и решило вопрос относительно Джона Кингмана. Он был сумасшедшим. Он знал о ядерной физике больше, чем все поколения людей, вместе взятые. Но пока он оставался сумасшедшим, от него невозможно получить заслуживающих доверия данных. Пожалуй, стоило рискнуть и попробовать его вылечить.

Брейден опять запротестовал.

— Я настаивал на том, чтобы излечить его,— твердо сказал он,— до того, как он позволил Соединенным Штатам вырваться на несколько столетий вперед в области ядерной физики. Я думал о нем как о пациенте. Что касается его самого, можно идти на любой риск. Поскольку он не человек, я считаю, что лечить его не следует. Я не знаю, что может произойти. А произойти может все, что угодно.

Его отказ задержал лечение на неделю. Затем специальное распоряжение президента решило исход дела. Доктору Брейдену приказали предпринять попытку излечения.

Что он и сделал. Он проверил Джона Кингмана на толерантность к эйфорическим медикаментам. Никакой отрица-

тельной реакции. Он проверил его на толерантность к галлюциногенам. Никакой отрицательной реакции. Затем...

Он ввел Джону Кингману в вену смесь веществ. Доза была недостаточной для создания полного эффекта. Брейден собирался сделать еще как минимум один, может быть, два укола, чтобы добиться эйфорического шока. Он не хотел рисковать. Первая доза должна всего лишь улучшить настроение.

А у Джона Кингмана начались ужасные судороги. Брейден имел представление об аллергии и об синергии, но предсказать их не мог. Случается, что людей валит с ног от обычного аспирина. А многие от пенициллина покрываются сыпью. Чистый препарат вызывает один эффект, а в смеси с другими — противоположный. И очень часто — непоправимый. Лекарство, вызывающее эйфорию, оказалось для Джона Кингмана безвредным, как и галлюциноген. Но (виной тому синергия и аллергия или еще что-нибудь) взятые вместе они оказались для него смертельным ядом.

Он находился без сознания в течение трех недель. Два дня бился в судорогах. Кома была глубокой. Четыре раза думали, что он уже умер.

Но через три недели он открыл глаза. Еще через неделю заговорил. С первых же дней казалось, что он в некотором замешательстве. Он перестал заноситься, начал изучать английский, не проявлял никаких симптомов паранойи. Он был совершенно нормален. КИ у него был девяносто, то есть среднего уровня. И он не помнил, кто он такой. Он вообще не помнил ничего из своей жизни до того момента, как проснулся в Мидвилльской психиатрической лечебнице. Абсолютно ничего. Очевидно это было причиной, вернее, стало расплатой за его выздоровление.

Брейден считал, что это было причиной. Он навязывал свое мнение разочарованным ученым, которые хотели теперь попробовать гипноз, «сыворотку правды» или еще что-нибудь, чтобы взломать-таки дверь в сознание Джона Кингмана.

— Мы даже догадаться не можем, что его выбило из колеи,— рассуждал доктор Брейден.— Но он не смог этого перенести и ушел в иллюзии — в безумие. И он жил в своем убежище более полутора веков, а потом его нашли мы. Мы не оставляли его в покое, не давали ему сохранить прекрасные

заблуждения о его величии и могуществе. Мы были безжалостны. Мы его допрашивали, пытались обхитрить. В конце концов, мы его едва не отравили! И его заблуждения не вынесли испытания. Он не мог признать, что был не прав, как не мог примириться со своими иллюзиями. У него оставался только один выход — все забыть. Буквально все. И он стал слабоумным. На самом деле его состояние — инфантилизм. Он просто сбежал в детство. Вот почему его КИ составляет всего девяносто. Представляете, какой была эта цифра, когда он был нормальным взрослым существом на своей планете. А сейчас он разумом равен ребенку. Он даже спит в эмбриональной позе! И это — предупреждение. Еще одна попытка влезть к нему в голову — и он сбежит в единственное место, которое ему осталось: в абсолютную пустоту разума неродившегося младенца!

Он представил доказательства. Доказательства были неоспоримыми. В конце концов, хоть и неохотно, Джона Кингмана оставили в покое.

Он и теперь работает в регистратуре Мидвилльской психиатрической лечебницы, потому что там его шестипалые руки не вызывают комментариев. Он очень аккуратен и совершенно счастлив.

Но за ним внимательно наблюдают. Единственный вопрос, на который он еще не может ответить,— это сколько он проживет. Сто шестьдесят два года — это часть его жизни. Но если этого не знать, на вид ему не дашь больше пятидесяти.

Странник

Странник брел к западу с дюжиной собратьев, под сенью ночи и парившей над головой проворной гладкой штуковины. Только звезды светили на небе. Постоянно слышался ужасный рев, исходивший от летательного аппарата. Странник залег в логово, обвив десятифутовым хвостом нижнюю часть туловища, и терпеливо ждал, что же уготовила ему судьба. Грушевидные головы странников были снабжены нелепых размеров тупоконечными рогами, маленькими углублениями вместо глаз и прорезями взамен ртов. Подбородков не было. Хотя они были живыми существами, у них не наблюдалось никакого сходства с людьми, а из чувств самым обыкновенным можно было назвать сдержанную ненависть. Казалось, они явились из металлического ада подобно бесформенным демонам. К ним практически невозможно было проникнуться даже слабейшей привязанностью. А в присутствии людей от них будто веяло плохо скрываемой надеждой на месть.

Странники на долгие часы припали к земле в убежищах. Сильно похолодало, но они ничем не выдавали своего присутствия. Гладкая штука все ревела и ревела. Странники выжидали. Там находились люди, но быстро обнаружить спрятавшихся они не должны были. Тем не менее вдруг появился мужчина. Он очень внимательно осмотрел каждого из них и испытующе ощупал землю там, где они лежали. И они поняли: время пришло.

Человек удалился. Летающий объект слегка накренился вперед и как будто взлетел повыше. Температура воздуха мед-

© Перевод А. Евстигнеева.

ленно понижалась, но странникам было безразлично. Воздух — не их стихия. Когда уже совсем похолодало, исходивший от штуковины рев внезапно затих. Это произошло крайне неожиданно. Вместо него, как только слух адаптировался к новым частотам, послышались свист и шипение. Это было завывание воздуха, обтекавшего крылья летательного аппарата. Стало немного теплее. Штуковина скользила с выключенными двигателями, постепенно снижаясь.

Странник был четвертым по левую сторону от летательного аппарата. Конечно, он не пошевелился, хотя уже появилось мрачное, мучительное предчувствие. Казалось, братья обменивались последними прощаниями. Безусловно, пришла пора.

Летевшая штука выровнялась перед посадкой. Из ее нижней части выдвинулись опоры. Предчувствие нарастало. А потом осталось только одиннадцать братьев. Там, где лежал двенадцатый, теперь гулял ветер. Потом их стало десять. Потом девять, восемь, семь, шесть...

Странник бросился в темноту. По небу теперь неслись облака. Нигде не было ни одной светящейся точки, но тусклый свет все же пробивался к поверхности. Гибкий хвост странника свернулся в кольцо. Ветер свистел, с трудом огибая его угловатое тело. А тот все катился и катился вниз, хотя круглые отверстия, заменявшие ему глаза, казались совершенно бесстрастными. Свет представлял собой голубоватое сияние, вызываемое фосфоресценцией на гребнях волн. На западе это свечение усиливалось — эффект прибоя.

Плюх! Странник прыгнул в воду. Брызги и водяная пыль разлетелись на тридцать футов. Потом все стихло, и странник уже был под водой — в безопасности. Он нырнул на глубину двадцати футов. А то и тридцати. Затем перестал погружаться и развернулся, а его гибкий хвост загнулся вниз. На мгновение показалось, что странник собирается всплыть на поверхность. Из щелевидного подобия рта вырвались пузырьки. Странник завис в темной морской пучине, и время от времени возле него вспыхивали слабые огоньки. Это проплывали мимо морские создания. Затем очень медленно, почти что крадучись, он стал опускаться глубже. Его десятифутовый хвост при этом слегка шевелился.

Теперь он коснулся морского ила. Дно. Над головой было шестьдесят футов, где-то сверху гуляли волны. В тишине распространялась едва ощутимая вибрация. Это был отзвук далекого прибоя. Странник остановился возле дна, едва касаясь его кончиком хвоста. Потом он издал серию коротких звуков, и из углубления, напоминавшего рот, появился новый рой пузырьков. Он опустился на фут, на два, на три. Теперь треть его хвоста легла на илистое дно. Грушевидное тело странника еще возвышалось над дном на добрых семь футов, и к ним следовало прибавить еще четыре фута, приходившиеся на рога. Над ним — пятьдесят футов морской воды. Но все не должно было закончиться именно так. И странник с нетерпением ждал, что будет дальше.

Тишину нарушал только далекий прибой. Но был и другой постоянный звук, он исходил из тела самого странника,— ритмичное тик-тик-тик... Это лихорадочно работал мозг.

Время шло. Вдали над морем опять послышался гул летательного аппарата. Он развернулся и возвращался назад. На этот раз внизу у него не было видно опор. А где-то в толще воды затаились и другие странники. Минута следовала за минутой. Волны бежали по поверхности моря. Далекий прибой с шумом и ревом бил в берег. А в вышине, за облаками, низко висевшая луна невидимо скользила к горизонту. Но странник продолжал ждать.

Наступил час прилива. Здесь, вдали от полосы прибоя, изменения были едва ощутимы. Но постепенно странник почувствовал усиливающееся давление воды на его тело. Он едва заметно сдвинулся к берегу. Его лежавший на дне хвост выпрямился и напрягся. В фосфоресцировавшем иле время от времени вспыхивали слабые голубоватые огоньки. Наконец странник сорвался с места. К берегу. Он волочил за собой хвост, оставляя позади призрачную светящуюся полоску. Мимо проплыла рыба. Ревел мотор, несший по морю невидимую машину. Но она была еще далеко, и странник не беспокоился. Прилив продолжался. Странник плыл короткими рывками. Иной раз — на три-четыре фута, иной — на все восемьдесять. В одном месте, где было заметно глубже, он разом одолел почти сотню ярдов, а потом остановился, чтобы пере-

дохнуть. Затем снова оттолкнулся. Где-то в море сейчас были его братья, передвигавшиеся вдоль дна таким же образом. Странник плыл и плыл, сознательно следуя за приливом.

Пока прилив не закончился, странник успел приблизиться к берегу на две мили. Но его путь нельзя было назвать прямым. Перемещался он неохотно, мелкими рывками и следуя течению. А оно усиливалось у входа в бухту. Так что странник отдрейфовал еще на пару миль в сторону.

Наступило время, когда прилив сменился отливом. Странник остановился. На полчаса он застыл, слегка покачиваясь и не делая никаких других движений, а в мозгу его раздавалось размеренное: тик-тик-тик. К концу этих тридцати минут он издал утробное урчание. Изо рта вырвались пузырьки. Он погрузился, прислушался, выпустил следующую серию пузырьков, потом опустился еще глубже. Очень осторожно он лег в ил. Выдохнув еще раз, он устроился отдохнуть.

Так он лежал, а в его мозгу что-то по-прежнему тикало, хотя глаза оставались бесстрастными. Он лежал во мгле, как инопланетное существо, ожидая, когда произойдет нечто существенное.

Несколько часов он был абсолютно неподвижен. Тем временем сквозь толщу воды стал пробиваться тусклый свет. Кроме того, странник заметил слабые колебания придонной взвеси, увлекаемой отливом. Но и они вскоре прекратились. Море вновь успокоилось. И странник зашевелился.

Он тихо заурчал и дернулся. При этом из-под его брюха вырвались струйки воды и поднялось легкое облачко ила. Странник изогнулся влево и вправо, отряхиваясь, вильнул хвостом, вытянув его из грязи сначала на длину фута, двух, потом четырех, пяти, пока наконец рывком полностью не освободился.

Но только на секунду. Вытащив хвост, странник пустил пузырьки и опять медленно опустился на дно. Он выдохнул очередную порцию воздуха, устроившись так, чтобы паратройка футов хвоста теперь оставалась в иле. Странник ждал до тех пор, пока не вернулся прилив.

Он плыл по течению. Когда он достиг похожего на канал углубления, прилив пытался отнести его в сторону. Но странник балансировал при помощи хвоста. Теперь он устремился вниз. Течение усилилось.

Но оно снова ослабло, как только приблизилось время отлива. Странник остановился. Он завис над дном, закопав в ил конец хвоста длиной около ярда. В мозгу тикало. К поверхности опять устремились пузырьки. Странник погрузился еще глубже и прислушался, припав ко дну... Он опять осторожно устраивался на отдых.

За это время странник много чего услышал. И во время высокой воды, и во время низкой по морю распространялся далекий звук работающих моторов. Один раз судно подошло совсем близко. Послышалось шипение. Что-то вроде длинного троса пролетело над головой. Минные тральщики патрулировали море, стараясь обнаружить глубинные бомбы. Но у странника, расслабленно лежавшего на дне, не было якоря, за который мог зацепиться трос. Тем не менее странник не отрывал взгляда от поверхности, пока минный тральщик не удалился.

Когда рассвело, он снова освободился от ила и поплыл вслед за приливом. И еще раз в ожидании залег на дно, пока не наступил новый — ночной прилив. Но для странника не было большой разницы между днем и ночью. Его мозг, тикая, неустанно работал. Странник отдыхал и опять плыл, плыл, потом опять отдыхал — машинально, с непреклонным упрямством, и всякий раз оказывался там, где было быстрее приливное течение и где располагались подводные каналы.

Наконец он очутился в месте с глубиной не больше сорока футов. Сюда с поверхности проникал зеленоватый солнечный свет. На этом свету странник был хорошо различим сверху. Ему пришлось замаскироваться морскими водорослями и тиной, со стороны напоминавшими волнообразно движущиеся зеленые щупальца. Его глаза теперь походили на змеиные — такие же мудрые и злобные. Лишенный подбородка, с длинным хвостом, придававшим его телу что-то демоническое, странник был похож на некое исчадие ада. Вдруг его хвост зацепился за непонятное препятствие. Как раз в этот момент мимо проплывал один из его братьев. Он проследовал в двадцати футах, так что оба могли прекрасно видеть друг друга. Странник попал в ловушку. Он то подавался вперед, то пятился назад, пытаясь освободиться, тогда как его брат спокойно двигался вперед.

Через двадцать минут после встречи раздался сильный взрыв, за которым последовало множество расплывчатых, туманных звуков. Странник мог предполагать, что произошло, хотя и не знал наверняка. Подводная лодка у входа в бухту — не слишком известный среди фауны предмет, но для странника она составляла часть привычного окружения. Его тикающий мозг был в состоянии интерпретировать взрыв как выполненное предназначение его натолкнувшегося на что-то брата. Мозг также с облегчением определил, что взрывная волна сдвинула державшую странника западню, подарив ему свободу. Он направился вперед по следам своего собрата. Следуя вместе с приливом, он плыл размеренно, почти торжественно, с четким осознанием цели. В канале вдруг показалась сеть — там, где странник не ожидал ее увидеть. Но прямо перед ним в сети зияла огромная брешь. В стороне лежал оторванный хвост другого странника.

Четвертый странник прошел сквозь дыру. Это оказалось так просто... Его хвост, правда, на секунду зацепился, но в следующий момент странник уже был в бухте. Тиканье в мозгу становилось все отчетливее и резче, поскольку теперь у него появлялся верный шанс выполнить свое предназначение. Он прислушивался к звуку моторов, безошибочно оценивая по гудению их мощность, а в округлой черепной коробке скрупулезно измерялись мощности магнитных полей. Звуков и нюансов было множество, потому что наверху метались различные суда, пытавшиеся выяснить обстоятельства недавнего взрыва. Их двигатели ревели и стучали, а стальные корпуса вносили сумятицу в разнообразие магнитных полей. Но ни один из кораблей не подошел к страннику близко настолько, чтобы тот не смог выполнить долг.

Он плыл вглубь бухты, следуя за приливной волной. В бухте было оживленно, там сновало множество судов, и к тому же не раз над освещенной солнцем поверхностью появлялись и исчезали летательные аппараты. По случайности, никто так и не обнаружил странника. А он через час после входа в бухту попал в некое подобие водоворота и уже неторопливо сделал четыре круга, как бы невзначай приближаясь к выстроенным на берегу рядам припасов. Наступало время высокой воды.

И странник, еще минут двадцать покружив в бухте, опять заурчал и выпустил пузыри, прежде чем тихо устроиться среди ила.

Он лежал и косым взглядом маленьких круглых глаз смотрел вверх, уже сгорая от нетерпения. Там суетились небольшие суденышки. Застучали моторы, и деревянное судно направилось к причалу, где странник видел склад. Оттуда послышался скрип. Странник догадался: заработали разгрузочные краны. Но вовсе не они были его предназначением.

Послышались более важные звуки. Скрежет механизмов. Бурный шум текущей воды. И он все продолжался. Странник, вероятно, не знал, что эти звуки сопровождают открытие ворот сухого дока — большое судно должно покинуть его, пока еще высок уровень воды. И еще странник, очевидно, не подозревал, что в бухте сейчас находится крупный военный корабль, возврат которого на боевое дежурство может значительно усилить мощь вражеского флота. И конечно, странник не догадывался, что другой большой корабль уже ждет своей очереди, чтобы пройти в бассейн для ремонта. Но непрестанное тиканье в мозгу теперь стало заметно настойчивее.

Когда приливное течение вновь ожило, странник выплюнул воду и задергался взад-вперед, освобождаясь от ила. Он завис в явном нетерпении, опутанный водорослями и тиной. Его хвост, как обычно, касался илистого дна. Странник выглядел живым, хоть и бездушным, и у него по-прежнему не было подбородка. В его наружности было нечто демоническое, он будто вышел из геенны, в которой сгорали подводные лодки. Теперь, когда течение усилилось, странник целеустремленно двинулся туда, где вода между створками бурлила и пенилась.

Звуки с поверхности не интересовали странника. Сосредоточившись на подводном мире, он уловил скрип лебедок и скрежет открывшихся ворот. Они были огромными, эти ворота, и при движении создавали приличную волну. Странник нацелился в самую середину образовавшегося прохода и завис в ожидании. Теперь он впервые ощутил что-то вроде возбуждения. Он даже слегка дрожал. Когда поток едва не вынес его

на поверхность, он выпустил изо рта пузырьки воздуха. А мозг все не унимался: тик-тик-тик, а внутри черепной коробки замерялись магнитные поля. Странник уже приближался к сухому доку, но еще не вошел в него. По магнитному полю внутри дока можно было опознать военный корабль.

Он услышал звук работавших винтов — весьма тихий звук. Но странник уже с жадностью поймал сильное изменение магнитного поля, которое становилось все более явным. Это действительно был военный корабль, медленно выходивший в бухту. Он неуклонно двигался прямо на странника, и тот осознал, что его предназначение вот-вот исполнится.

Где-то вдали раздался новый взрыв. Странник, очевидно, понимал, что это значило: еще один из его собратьев нашел свою судьбу. Но сейчас четвертому брату было не до этого. Приближался его собственный роковой момент. Степенно надвигался бронированный нос военного корабля, и вот уже прямо над ним нависла палуба. И внутри странника что-то щелкнуло. Предназначение — вот оно.

Он ждал, охваченный дрожью. Стальная масса над ним нарастала. А с ней и напряжение. Тиканье в мозгу странника стало бешеным, почти невыносимым. И затем...

Странник выполнил предназначение. Он превратился в огненный шар раскаленного газа — триста фунтов сдетонировавшей взрывчатки — прямо под килем военного корабля водоизмещением в тридцать пять тысяч тонн. Судно, надо заметить, лишь наполовину успело выйти из сухого дока. Створки водонепроницаемых дверей шлюза уже открылись, но его аварийное энергоснабжение оказалось выведенным из строя, так что закрыть ворота не представлялось возможным. Этот сухой док использовался на полную мощность, а потому давно не ремонтировался. Странник довел дело до конца. Через три минуты корабль уже ушел на дно, наполовину внутри бассейна, наполовину снаружи. При этом судно накренилось, повредив стены самого дока. И корабль, и док уже не смогут послужить в военных целях.

А странник...

Спустя долгое время — годы — водолазы завершали резку корабля на металлолом. Последние искореженные куски обшивки уже были подняты на поверхность. На илистом дне бухты еще оставался один человек. Его утяжеленная обувь нечаянно наткнулась на какой-то предмет. Он посмотрел под ноги — нет ли там чего стоящего. И увидел десятифутовый, по-прежнему гибкий хвост. Больше от странника ничего не осталось. Часовой механизм, прибор определения времени приливов и отливов, клапаны, резервуары со сжатым воздухом и прочая замысловатая начинка в буквальном смысле распалась на атомы, когда странник выполнил предназначение. И только длинный хвост остался неповрежденным.

Водолаз счел, что этот предмет не стоит возни и не надо поднимать его на поверхность. Он бросил хвост в донный ил и дернул страховочный трос, подавая сигнал ждавшим наверху товарищам.

Сэм, это ты

Вы можете не поверить в эту историю, а если попробуете расспросить о ней самого Сэма Йодера, то он, скорее всего, заявит, что все тут — сущее вранье. Ему не нравятся разговоры на эту тему. Он не хочет снова обсуждать кое-какие интимные вопросы, особенно в присутствии Рози. Есть тут и другие причины. Не подумайте, однако, что вам собираются преподнести историю с клубничкой; нет, все было в рамках приличий и выглядит вполне пристойно. Такое могло случиться с каждым — или почти с каждым. Ну, например, с тем, кто работал техником Баттерсвилльской телефонной компании, кому посчастливилось покорить сердце Рози и кому влюбленная девушка слишком часто твердила, что человек с подобными талантами должен сделать нечто замечательное и непременно разбогатеть. И если вы отнесетесь к ее словам настолько серьезно, что станете собирать устройство, позволяющее незаконно подключаться к телефонной линии, то вероятность влипнуть в такую историю для вас значительно возрастет.

Это началось около шести часов второго июля, когда Сэм сидел на телефонном столбе у Бридж Ран и искал разрыв на линии. Он подключил свой рабочий телефон и, поскольку ответа от центральной станции не последовало, собирался слезть со столба и отправиться к следующему. Но в этот момент телефон зазвонил. Он зазвонил, хотя было совершенно ясно, что авария на линии исключала возможность связи с кем-либо. Сэм снял трубку и сказал:

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

— Алло! Кто это?

— Сэм,— прошелестело в трубке,— это ты.

— Что? — спросил пораженный Сэм.— Кто говорит?

— Это ты,— донеслось из трубки,— ты, Сэм Йодер. Ты что, собственного голоса не узнаешь? Это ты, Сэм Йодер, который звонит из двенадцатого июля. Только не вешай трубку!

Но Сэм не собирался вешать трубку, хотя ситуация не слишком располагала к длительной беседе. Он торчал на телефонном столбе, цепляясь за него «кошками», откинувшись на страховочном поясе, который дьявольски резал под лопатками, и пытался вдобавок выполнить кое-какую работу. Естественно, он решил, что кто-то хочет разыграть его, выбрав самое подходящее время для шуток. Он набрал в грудь воздуха и сердито рявкнул в трубку:

— Не повешу, не беспокойся, только как бы тебе это не вышло боком!

Голос казался ему знакомым, но он никак не мог вспомнить, где слышал его. Сэм чувствовал, что если они еще немного потолкуют, то он непременно узнает шутника. Этот голос он знал почти так же хорошо, как собственный, и его страшно раздражало, что он забыл имя своего собеседника.

В трубке пророкотало:

— Спокойно, Сэм! У тебя там сейчас второе июля, и ты висишь на столбе у Бридж Ран. Линия повреждена в двух местах, иначе я не смог бы говорить с тобой. Удачно, верно?

Сэм сказал с угрозой в голосе:

— Ну, парень, смотри! Если твой телефон когда-нибудь сломается, могу обещать тебе кое-какие неприятности. А сейчас отвяжись от меня. Я занят.

— Но ведь я — это ты! — упорно настаивал голос в трубке.— А ты — это я! Мы оба — один и тот же Сэм Йодер, только я — из двенадцатого июля, а ты — из второго. Ты, конечно, слышал о путешествиях во времени — только это все ерунда, их не бывает. Но мы с тобой беседуем сквозь время, и такой разговор возможен! Ты говоришь со мной, то есть с собой, я говорю с тобой — опять же с самим собой, и похоже, парень, у нас есть отличный шанс разбогатеть.

Тут Сэм кое-что вспомнил — и застыл от изумления. Его мышцы напряглись, хотя он изо всех сил уговаривал себя:

«Этого не может быть, потому что не может быть никогда!» В памяти у него всплыли чьи-то слова, что если встать лицом к стене и начать говорить, то услышишь свой голос таким же, каким его слышат другие. И как-то из любопытства Сэм попытался сделать такую штуку. Теперь он узнал голос. Свой голос. Свой собственный. Зудящий ему в ухо. Конечно, это было невозможно, но факт оставался фактом.

— Нет,— хрипло сказал Сэм,— я этому не верю!

— Тогда слушай внимательнее,— раздраженно произнес голос в трубке. И это был его собственный голос. Тут не приходилось сомневаться; все было ясно, словно он смотрел на свое отражение в зеркале. Через полминуты лицо у Сэма начало краснеть. Оно горело. Его уши пылали. Потому что голос, его голос, стал выкладывать ему кое-какие вещи, не известные никому в мире. Никому, кроме его самого и Рози.

— Перестань! — простонал Сэм.— Кто-то из нас ненормальный: либо ты, либо я! Ах ты, старый козел! Прекрати немедленно! Еще подслушает кто-нибудь! Говори, чего ты хочешь, и вешай трубку!

И голос, его собственный голос, сообщил ему, чего он хочет. Он сказал ясно и точно, что Сэму надо делать. А затем любезно проинформировал его, где находятся два разрыва на линии. И отключился.

Сэма прошиб пот, когда он взглянул на первый разрыв. Все правильно, разрыв был на том самом месте. Он устранил его, потом нашел неисправный контакт — именно там, где сообщил голос,— и починил его тоже. Это было невероятно, как и все остальное. Закончив ремонт, Сэм вызвал центральную, сообщил, что нездоров и отправляется домой. Так что если сегодня требуется чинить какие-нибудь телефоны, то их владельцам придется подождать до завтрашнего дня.

Он пошел домой, сполоснул лицо холодной водой, сделал кофе и выпил большую чашку, но это не помогло ему избавиться от воспоминаний о собственном голосе, бормочущем ему прямо в ухо.

Тогда он с вызовом сказал себе: «В моей семье никогда не было ненормальных, и, пожалуй, маловероятно, что я свихнулся. Но бог свидетель: ни одна живая душа не слышала,

как я говорил Рози, что ее прелестный носик создан для поцелуев и поэтому я не могу поверить, чтобы ей когда-нибудь приходилось сморкаться. Может быть, я действительно разговаривал сам с собой?»

Конечно, разговоры с самим собой еще не являются признаком ненормальности; многие люди имеют такую привычку. Сэм, однако, еще не осознал всю необычность случившегося с ним. Он продолжал недоуменно рассуждать: «Предположим, кто-то ехал в Раппахэннок мимо Даннсвилля и потом позвонил из Раппахэннока, сообщив, что в Даннсвилле пожар; тогда я не удивлюсь, если и в самом деле увижу пожар в Даннсвилле, когда доберусь туда. Значит, если кто-нибудь позвонит из следующего вторника и скажет, что мистер Броддус в следующий вторник сломает ногу, я тоже не должен удивляться, когда попаду в следующий вторник и узнаю об этом. Отправиться в Раппахэннок мимо Даннсвилля или в следующий четверг через следующий вторник — невелика разница. Тут не больше отличий, чем между дорожной картой и календарем!»

Но тут его наконец проняло; он моргнул пару раз и сказал себе: «Да, сэр! Пожалуй, вы и в самом деле неглупы, как считает малышка Рози! Конечно, такая идея не пришла бы вам в голову, если бы я не намекнул вам об этом по телефону. Но вы — это я, а я — это вы, и вместе мы можем заработать неплохие деньжата; так что лучше нам приниматься за дело!»

Он с энтузиазмом принялся за работу. У него имелись кое-какие соображения по поводу того, как должно выглядеть устройство, позволяющее подключаться к телефонной линии, и он уже успел собрать дома кучу всякого хлама, позаимствованного на складе телефонной компании. Тут были конденсаторы, микрофоны, реле, резисторы и тому подобное. Сэм намеревался со временем что-нибудь изготовить из этого добра и посмотреть, как будет работать его устройство. Но последние месяцы Рози поглощала все его внимание, и дело не сдвинулось с места.

Но теперь он наконец взялся за работу. Его собственный голос по телефону сказал, что нужно сделать. Он предупре-

дил, что штука, которую задумал Сэм, не сработает как надо, и подсказал кое-что другое. И эта идея была гораздо проще. Сэм быстро все закончил, отключил свою линию от центральной станции и присоединил к ней только что собранное устройство. Затем он поднял трубку.

— Алло,— сказал Сэм, вспотев от волнения. Вспомните: он отключился от центральной, и, исходя из здравого смысла, ему не стоило ждать какого-нибудь ответа. Но хорошо знакомый голос произнес в трубке: «Алло!», и Сэм, судорожно сглотнув, продолжал:

— Привет, старина! Это ты из второго июля.

Голос на другом конце поздравил его с успехом. Он заявил, что Сэм выполнил все отлично и теперь они оба — Сэм нынешний и Сэм будущий — имеют шанс разбогатеть. Но, казалось, голос из двенадцатого июля не слишком жаждал продолжать беседу: он звучал как-то рассеянно. Осознав нереальность ситуации, Сэм снова вспотел; в то же время он ждал более бурных проявлений восторга по поводу замечательного устройства, которое ему удалось собрать. Еще бы, не каждый сумеет построить штуку, позволяющую поболтать с самим собой через десять дней! Итак, он сказал с некоторой иронией:

— Ну что ж, если ты слишком занят, то...

— Подожди, сейчас я тебе кое-что объясню,— удовлетворенно произнес голос из двенадцатого июля.— Я действительно сейчас очень занят. Ты все поймешь, когда окажешься там, где я теперь нахожусь. Не сердись, Сэм! Я тебе вот что посоветую: отправляйся-ка навестить Рози и расскажи ей эту историю. Желаю вам приятно провести время, ха-ха!

— И что же означает это твое «ха-ха»? — спросил Сэм с нарочитой небрежностью.

— Ты скоро узнаешь,— ответил голос.— А я уже знаю и поэтому могу посмеяться вдвойне. Ха-ха, ха-ха!

Раздался щелчок. Сэм уставился на безмолвный телефон. Потом он позвонил еще раз, но не получил ответа. Пожалуй, он был первым человеком в истории, у которого имелись серьезные основания ощутить искреннюю неприязнь к самому себе. Почесав затылок, он пробормотал: «Неплохо, да? Мы оба

в игре, но делать все придется мне одному. Если, конечно, мы оба собираемся разбогатеть».

Он тщательно спрятал свое устройство, причесался, немного перекусил и поехал навестить Рози. Был поздний тихий вечер, и ситуация, как обычно бывает в таких случаях, складывалась довольно романтическая. В теплом воздухе парили светлячки, ярко светила луна, свежий ветер унес надоедливых москитов куда-то в иные страны и времена. Словом, в такую ночь Сэм грезил только о Рози, а Рози с оптимизмом прикидывала, сможет ли она вести хозяйство на заработки Сэма.

Они устроились в гамаке перед домом Рози, и Сэм нежно проворковал:

— Детка, я придумал, как нам разбогатеть. Ты будешь иметь все, что придет в твою прелестную головку. И ты можешь выложить это прямо сейчас, чтобы я знал, сколько мне нужно отхватить.

Рози вздрогнула и внимательно посмотрела на Сэма.

— С тобой все в порядке, милый? — озабоченно спросила она.

Сэм улыбнулся. Он никогда не был женат и не понимал, как нелепо прозвучали для Рози его слова. Сколько нужно денег, чтобы женщина была удовлетворена? Да на такой вопрос просто не существует ответа!

— Послушай, детка,— ласково сказал Сэм,— никто не подозревает, что сегодня ночью Джо Хант и вдова Бакус сбегут в Северную Каролину, чтобы там пожениться. Все остальные узнают об этом только завтра. А послезавтра, четвертого июля, Даннсвилль побьет Брэденсберг в бейсбол со счетом семь — пять; все решится на девятой подаче, когда Джордж Пиби поразит цель с первого раза. Кстати, на второй базе тогда будет Фред Холмс.

Рози ошеломленно уставилась на него. Сэм усмехнулся и стал спокойно объяснять. Ему поведал об этом Сэм Йодер из двенадцатого июля. И он расскажет ему о разных других событиях, так что они смогут разбогатеть.

— Сэм, кто-то подшутил над тобой! — с тревогой воскликнула Рози.

— Как бы не так,— снова усмехнулся Сэм.— А кто же еще знает, что ты сказала мне тогда в беседке? Помнишь, ты подумала, что я обиделся на тебя, и заплакала, и...

— Сэм!

— Кроме того,— продолжал Сэм,— откуда ему известно про тот случай, когда мы ездили за город и тебе под блузку забрался жук? А ты решила, что это пчела, и попросила меня...

— Сэм Йодер! — воскликнула Рози с возмущением.— Я надеюсь, ты никому не говорил про тот случай?

— Нет,— честно ответил Сэм.— Но тот парень из двенадцатого июля все знал. И рассказал мне! Ведь это же был я сам, понимаешь?

Рози всхлипнула. Сэм принялся объяснять с самого начала. Со всеми подробностями. Когда он закончил, лицо Рози выражало полное отчаяние.

— С-Сэм,— сказала она, слегка заикаясь,— или ты кому-то рассказал про все, что мы говорили и делали, или... за нами кто-то следит и знает каждое слово, что мы сказали друг другу. Это ужасно! Неужели ты действительно хочешь убедить меня...

— Да, именно так, детка! — с воодушевлением произнес Сэм.— Я из двенадцатого июля позвонил мне из второго июля и рассказал о том, что не известно никому, кроме нас с тобой. Здесь не может быть сомнений!

Рози вздрогнула и пробормотала:

— Он... этот... знает каждое наше слово... каждое слово, что мы сказали друг другу... И знает, о чем мы говорим сейчас! — Она снова всхлипнула и решительно освободилась от объятий Сэма.— Вот что, Сэм Йодер! Отправляйся-ка ты домой!

Сэм взглянул на нее с изумлением. Она встала и отвернулась от него.

— Неужели ты думаешь, Сэм Йодер,— сказала она с отчаянием,— что я стану разговаривать с тобой, когда кто-то слышит каждое мое слово и знает обо всем, что я делаю? И неужели ты думаешь, что я выйду за тебя, Сэм Йодер?

Она разрыдалась и убежала в дом, громко хлопнув дверью. Спустя несколько минут ее отец вышел на крыльцо и начал

терпеливо объяснять Сэму, что ему лучше уйти домой; тогда Рози, может быть, перестанет плакать и даст своему отцу почитать газету в тишине и покое.

По дороге Сэм предавался мрачным размышлениям. Добравшись домой, он был в ярости. Тот тип из двенадцатого июля мог бы предупредить его! Он снова отключился от линии и начал звонить в двенадцатое июля с помощью своего аппарата. Но там никто не отвечал.

Наутро он попытался связаться еще раз, но ответа по-прежнему не было. Он сунул в свой грузовичок сумку с инструментами и отправился на работу. Самочувствие у него было — хуже не придумаешь. И оно не улучшилось, когда приятели рассказали ему, что Джо Хант и вдова Бакус сбежали в Северную Каролину. Никто не мешал этой парочке пожениться дома, но затея с побегом, наверное, казалась им очень романтичной.

Сэму, однако, было не до романтики. Он получил окончательное доказательство существования еще одного Сэма, знавшего все, что знает он сам, и много еще чего вдобавок. Этот тип втравил его в такую передрягу и сейчас наверняка потешается над ним. А Рози? Услышав новость про побег Джо Ханта и вдовы Бакус, она, конечно, поверит окончательно его вчерашнему рассказу. Она поймет, что Сэм вовсе не повредился в уме и не стал жертвой розыгрыша... она поймет, что он сказал чистую правду.

Естественно, это был не первый случай, когда мужчина имел неприятности с женщиной из-за того, что сказал ей правду. Но Сэм впервые попал в такое положение. Он еще не успел привыкнуть.

В этот день Сэму пришлось отправиться в Брэденсберг, чтобы устранить аварию на линии. Около полудня он зашел в местный бар, собираясь перекусить. Там было несколько болельщиков, громко обсуждавших шансы своей бейсбольной команды, встречавшейся назавтра с ребятами из Даннсвилля.

Сэм с минуту прислушивался к разговору, а потом небрежно сказал:

— Даннсвилль победит с преимуществом в два очка, парни!

— У тебя завелись лишние деньги? — с насмешкой спросил один из болельщиков.— Тогда выкладывай ставку и дай кому-нибудь из нас возможность состричь пару долларов!

Тут Сэм ощутил желание замять дело. Но патриотические чувства брэденсбергцев были сильно задеты, и, когда он попытался отвертеться, в его адрес посыпались насмешки. В конце концов он обшарил все карманы и набрал одиннадцать долларов, которые презрительно выложил на стойку. Его ставку приняли под раскаты хриплого хохота и язвительные замечания поклонников местной команды. На обратном пути в Баттерсвилль он мрачно размышлял о том, что, безусловно, выиграет одиннадцать долларов, но, кажется, потеряет Рози.

Вечером он снова попытался дозвониться Сэму из следующей недели, но ответа не получил. Он убрал свой аппарат и, подсоединив к сети обычный телефон, набрал номер Рози. Она сама сняла трубку.

— Рози,— сказал Сэм с тоской в голосе,— ты по-прежнему сердишься на меня?

— Я никогда на тебя не сердилась,— всхлипнула Рози.— Я злюсь на того типа, который говорил с тобой по телефону и слишком много знает о наших личных делах. Конечно, я сержусь и на тебя, если ты сболтнул ему что-то лишнее.

— Но я ничего ему не говорил! — с отчаянием воскликнул Сэм.— Он — это я сам! И все, что ему нужно сделать, только вспомнить кое-что! Я пытался дозвониться ему вчера вечером и сегодня тоже,— добавил он горько,— но никто не ответил. Может быть, его нет дома. А может быть, все это дело — сплошная игра воображения.

— Ты рассказал мне про побег,— послышался удрученный голос Рози.— Так и случилось. Джо Хант и вдова Бакус. Точно как ты говорил!

— Это могло быть совпадением,— произнес Сэм без особой надежды.

— Я ж-жду,— сказала Рози дрожащим голосом,— когда Даннсвилл побьет Брэденсберг со счетом семь — пять... и все решится на девятой подаче... когда Джордж Пиби попадет в цель... а Фред Холмс будет на второй базе... и, если это случится, я... я, наверно, у-у-умру!

— Почему? — спросил Сэм; надо заметить, это прозвучало не слишком умно.

— Потому,— запричитала Рози,— что тогда я не смогу выйти за тебя замуж! Потому что кто-то все время будет подглядывать из-за твоего плеча... и мы никогда не сможем остаться наедине... ни днем, ни ночью!

Она зарыдала и бросила трубку, а Сэм выругался медленно и с чувством. Потом он снова подключил к линии свой аппарат и принялся звонить, но ответа не было.

Назавтра, в день Четвертого июля*, Даннсвилл выиграл у Брэденсберга со счетом семь — пять. Все решилось на девятой подаче, когда Джордж Пиби забил мяч, а Фред Холмс стоял на второй базе. Сэм получил одиннадцать долларов и едва не расплакался.

Вечером Сэм остался дома, погруженный в мрачные размышления. Время от времени он пытался позвонить себе с помощью проклятого аппарата, который он изобрел и сам же усовершенствовал. На самом деле, это было превосходное устройство, но сейчас оно не доставляло Сэму никакого удовольствия. Вечер тоже стоял превосходный, на небе светила полная луна, похожая на новенький серебряный доллар. Но Сэм не мог любоваться лунным светом, если тот тип — уже из четырнадцатого июля — отказывался разговаривать с ним и, как видно, не собирался помочь ему выбраться из всей этой передряги.

На следующее утро его разбудил телефонный звонок. Он вскочил, чертыхнувшись, с постели и тут вдруг сообразил, что его устройство еще с вечера осталось подключенным к линии. Тут Сэм в один прыжок оказался у аппарата.

— Алло!

— Не переживай, парень,— покровительственно произнес голос в трубке.— Скоро Рози помирится с тобой.

— Откуда, дьявол тебя побери, ты знаешь, что она собирается сделать? — заорал Сэм в ярости.— Она не выйдет за меня, пока ты тут болтаешься! Мне бы только придумать, как избавиться от тебя и...

---

* День провозглашения независимости США.

— Заткнись! — нетерпеливо сказал голос.— Я сейчас занят. Я отправляюсь за деньгами, которые ты для нас заработал.

— Ты отправляешься за деньгами? — взревел Сэм.— Я попал в беду, а ты, значит, идешь получать денежки?

— Ну, должен же я получить то, что ты заработал,— произнес голос со скрытым нетерпением, словно обращаясь к маленькому глупому ребенку.— Послушай! День, в котором ты сейчас находишься,— вторник. Сегодня ты поедешь в Даннсвилль, чтобы починить там несколько телефонов. В половине одиннадцатого ты окажешься в конторе мистера Броддуса. Выгляни в окно и посмотри на парня, который будет сидеть в машине у входа в банк. Запомни его хорошенько!

— Не собираюсь этого делать,— строптиво заявил Сэм.— Я не буду выполнять твои указания! Может быть, ты — это и есть я, но я делаю деньги, а ты их получаешь. Сильно подозреваю, что они все будут потрачены прежде, чем я до них доберусь. Так что нам с тобой лучше прекратить всякие отношения. Эта история уже стоила мне единственной и настоящей любви, счастья всей моей жизни — и провались ты к дьяволу!

В ответ его собственный голос заметил с иронией:

— Значит, ты этого не сделаешь? Ну, поживем — увидим!

Когда Сэм пришел утром на работу, управляющий телефонной компанией действительно послал его в Даннсвилль для проверки нескольких линий. Сэм заартачился. Он заявил, что должен произвести срочный ремонт в другом месте. Управляющий мягко объяснил Сэму, что мистер Броддус несколько перебрал, отмечая праздник Четвертого июля, вывалился из окна и сломал ногу. Так что христианский долг Сэма требует, чтобы телефон в конторе мистера Броддуса был в полном порядке, и ему следует отправиться туда немедленно, иначе...

По дороге в Даннсвилль Сэм вспомнил, что происшествие с ногой мистера Броддуса не являлось для него новостью: он сам рассказал об этом себе по телефону. Сэм скрипнул зубами. В половине одиннадцатого, когда он занимался телефоном мистера Броддуса, Сэм вспомнил о человеке в машине, на которого ему следовало хорошенько посмотреть. Он решил ни при каких обстоятельствах не выглядывать из окна. Злорадно ухмыляясь, Сэм размышлял о том, как сорвет все планы этого проходимца из будущего времени.

И естественно, он подошел к окну, чтобы узнать, от чего же он собирается отказаться.

Перед входом в банк стояла машина, в которой сидел рыжий парень. Дымка, дрожащая около выхлопной трубы, показывала, что двигатель работает. Все это не произвело на Сэма никакого впечатления. Пока он лениво глазел в окно, дверь банка открылась, пропустив двух джентльменов, торопливо бросившихся к автомобилю. Один из них тащил сумку; в руках они держали револьверы, которыми энергично размахивали, забираясь в машину. Рыжеволосый парень нажал на газ, и машина стремительно рванулась прочь из города.

Через три секунды из двери с воплем выскочил старый мистер Блафорд, президент банка, за которым последовал кассир. Они кричали, что банк ограблен и что гангстеры прихватили с собой тридцать пять тысяч долларов. Все произошло очень быстро, и Сэм даже не успел понять, в чем дело. Он спустился вниз, чтобы разузнать подробности, и его немедленно усадили за работу: грабители прострелили из пистолета телефонный кабель, лишив служащих банка возможности немедленно связаться с полицией. Так что Сэм оказался очень кстати, чтобы восстановить сообщение с внешним миром.

Пока он возился с кабелем, детали ограбления начали всплывать в его памяти. Он сидел на телефонном столбе, когда шериф и полные энтузиазма граждане Даннсвилля промчались мимо на автомобилях. Сэм понял, что может не торопиться. И тут наконец он понял, что случилось.

— Господи! — воскликнул Сэм в крайнем смущении.— Ведь это я сам из середины будущей недели велел себе явиться сюда и наблюдать за ограблением банка! Но этот негодяй не сказал мне, что тут произойдет, так что я даже не пытался остановить преступников! — Он почувствовал, как недоумение и негодование начали переполнять его.— А ведь я мог бы стать героем! — продолжал он с горечью.— Рози восхищалась бы мной! Этот я из будущего — прирожденный мошенник!

И тут перед ним открылась весьма печальная картина. Этот тип был он сам, и их разделяло всего десять дней! Значит, в недалеком будущем он так погрязнет в пороке, что позволит себе с сардоническим удовлетворением глазеть на гангстеров, грабящих банк. И он даже не мог сообщить властям об этом мерзком типе! Ему никто не поверит, если только он не заставит голос из телефонной трубки изложить всю историю и признать свою порочность! Но даже в таком случае, что можно сделать с мерзавцем, который находится на следующей неделе?

Сэм почувствовал, что он — конченый человек. Он смотрел в будущее и ничего привлекательного там не видел. Закончив ремонт простреленного кабеля, он спустился вниз, сел в свой грузовичок и поехал к дому Рози. Ему оставалось только одно.

Девушка подошла к двери и подозрительно посмотрела на него.

— Я пришел попрощаться с тобой, Рози,— с горечью сказал Сэм.— Я только что узнал, что являюсь преступником,— и я решил уехать отсюда. Пусть о моих преступлениях узнают подальше от родного дома и друзей; кто из них мог бы подумать, что я кончу таким образом! Прощай, Рози!

— Сэм! — воскликнула Рози.— Что еще случилось?

Сэм рассказал все. Про ограбление банка и о том, что он сам из будущей недели, зная, что должно произойти, велел себе из этой недели пойти и полюбоваться на гангстеров, уносящих тридцать пять тысяч долларов. И этот будущий Сэм ничего не рассказал ему про ограбление, так что он, Сэм нынешний, не смог предотвратить преступление.

— Он все знал,— произнес Сэм, повесив голову,— и должен был сказать мне об этом! Но он даже слова не вымолвил. И значит, он — соучастник преступления! А ведь он — это я, Рози! Я тоже попал в эту дурную компанию! Поэтому я пришел сюда и говорю: прощай, Рози, моя единственная любовь! Ты больше никогда меня не увидишь!

— Ну-ка, присядь сюда! — твердо скомандовала Рози.— Пока что ты ничего дурного не сделал. Преступником станет тот, другой... другой ты. А у тебя нет никакой причины убегать.

— Но будет, обязательно будет! — с отчаянием сказал Сэм.— Моя судьба — стать преступником. Тот, другой,— это же я сам, только из будущего! И ничего нельзя поделать!

— Почему же? — с решимостью заявила Рози.— Лично я не собираюсь сидеть сложа руки.

— Ка-ак? — Сэм раскрыл от удивления рот.

— Я тебя перевоспитаю,— сказала Рози мрачно.— Сэм Йодер, я не дам тебе погрязнуть в пороке!

Она была решительная девушка, эта Рози. Повернувшись к Сэму спиной, она направилась в дом и через пять минут появилась на крыльце, переодетая в голубые джинсы. Потом пошла в сарай, где ее отец хранил инструменты, выбрала гаечный ключ потяжелее и сунула его в задний карман. Когда она вернулась к грузовику, Сэм спросил:

— И что же все это значит, Рози?

— Я буду ездить с тобой,— ответила Рози.— И при мне, Сэм Йодер, ты ничего преступного не сделаешь. А если этот тип снова станет звонить тебе, я залезу на телефонный столб и скажу ему, чтобы проваливал, пока цел! — И она положила руку на внушительный гаечный ключ.

— Если кто и сможет удержать меня от преступления, так это ты, Рози,— согласился Сэм.— А зачем тебе ключ?

— Ты это узнаешь, Сэм Йодер, когда у тебя появятся преступные мысли,— пообещала Рози, усаживаясь рядом с ним на сиденье.— А теперь отправляйся по своим делам, а я и гаечный ключ будем следить за твоей нравственностью!

Так дело и пошло. Эта их нежная беседа состоялась через час после ограбления, и вокруг было много сплетен и разговоров о таком выдающемся событии. Но Сэм продолжал заниматься своим делом по ремонту телефонных линий, а Рози с гаечным ключом в кармане всюду сопровождала его — не то в качестве телохранителя, не то как агент полиции нравов.

Очень удачно, что Сэм оказался в Даннсвилле во время ограбления: он быстро починил простреленный кабель, и это сорвало все планы гангстеров. Они не успели отъехать и десяти миль от города, как весть о преступлении разнеслась по всей округе. Когда их машина промчалась мимо магазина Лемана, кто-то выстрелил в нее зарядом дроби и изрешетил радиатор. Так что через две мили они застряли и бросили

автомобиль, затолкав его в кусты. Шериф лихо прокатил мимо, ничего не заметив, а грабители двинулись дальше пешком. Пошел дождь, они промокли и впали в отчаяние. Они знали, что полиция уже перекрыла все дороги и весь округ охотится на них. Главная улика — сумка, наполненная банкнотами и серебряными монетами,— все еще оставалась у них.

Преступники решили сманеврировать. Рассовав по карманам мелкие банкноты, но не набивая их слишком сильно, чтобы не привлекать внимания, они спрятали основную часть награбленного в дупле дерева. Потом шайка разделилась. Один сел в автобус, идущий из Баттерсвилля в Раппахэннок, и затерялся среди пассажиров. Двое других украли лодку и перебрались через Северн. Грабители жили в близлежащих городках, и, пока ливень смывал их следы, они спокойно отправились спать в собственные постели. Только простуда донимала их — следствие прогулки под дождем. Чувствовали они себя прескверно, но были в полной безопасности; после дождя собаки не могли взять их след.

Пока что все это Сэма совершенно не касалось. Рози взяла на себя ответственность за него и твердо намеревалась нести ее до конца. Она ездила с ним в грузовике целый день. Когда пришло время заканчивать работу, Сэм доставил ее домой и собрался отправиться восвояси.

Но Рози сурово сказала:

— Нет, ты никуда не пойдешь! Ты останешься здесь и будешь спать в комнате моего брата. А отец закроет тебя на замок, чтобы ты не отправился звонить этому типу и не влип в очередную неприятность.

— Но я могу все перепутать, если не поговорю с ним,— попытался неуверенно возразить Сэм.

— Он и так уже устроил путаницу, связавшись с тобой,— сказала Рози.— Как он смел обсуждать наши личные дела! Ему не следовало знать о них! И я не уверена,— добавила Рози угрожающе,— что не от тебя ли получил он все подробности... Если это так, Сэм Йодер...

Сэм не стал спорить с ней. Ему было нечего сказать. Он сохранял полную покорность, пока не узнал после ужина о дальнейших планах на вечер. Планы были таковы: увлекательная игра в криббедж в присутствии родителей Рози. Он

грустно подумал, что они с Рози ведут себя как супружеская чета, прожившая вместе не один год, не получая никаких положенных супругам удовольствий. Но стоило Сэму только заикнуться об этом, как Рози бросила на него свирепый взгляд. И когда пришло время ложиться спать, она отправила его в комнату брата, а отец запер Сэма на ключ. Спал он плохо. На следующее утро Рози в голубых джинсах и с гаечным ключом в кармане опять была готова сопровождать его. И она поехала с Сэмом. И так же на следующий день. И на следующий. Ничего не происходило. Государственная ассоциация банков назначила награду в пять тысяч долларов за поимку грабителей, а страховая компания добавила еще, но никто не мог обнаружить их следов.

У Сэма тоже не обнаруживалось никаких криминальных способностей. Рози ездила с ним постоянно, но их прежние отношения казались забытыми. Они не держались за руки, не обменивались обожающими взглядами и даже не пытались прижаться друг к другу, когда перекусывали в тесной кабине грузовичка около заправочной станции. Их отношения были образцовыми, что сильно раздражало Сэма. Возможно, Рози это тоже раздражало.

Однажды, пережевывая бутерброд с ветчиной, Сэм жалобно сказал:

— Я схожу с ума по тебе, Рози. Но у меня такое чувство, что я развелся, не успев жениться.

Рози резко ответила:

— Если я скажу тебе, как себя чувствую, то этот тип из будущего обхохочется над нами. Так что помолчи, пожалуйста!

Дела были плохи, и лучше они не становились. Уже около недели Рози ездила с Сэмом в его грузовичке. Они вели себя в полном соответствии с правилами самой строгой морали и, безусловно, могли бы заслужить одобрение родителей Рози. Они не совершали действий, которые нельзя было бы выставить напоказ всему миру, а их редкие разговоры показались бы скучными даже старой деве.

Это случилось, очевидно, одиннадцатого июля. Они разругались друг с другом, и Рози сказала сквозь слезы:

— Я хочу повести машину. Мне надо заняться чем-нибудь, чтобы отвлечься.

— Давай,— мрачно согласился Сэм. Он остановил грузовик и вылез наружу.— Что бы ни случилось, мне уже все равно. Я больше не жду счастья в этой жизни.

Он обошел грузовик спереди, а Рози подвинулась на водительское место. Потом она сказала:

— Завтра — двенадцатое. Ты помнишь об этом?

— Да, завтра — двенадцатое,— подтвердил Сэм.— Ну и что?

— Тот самый день, из которого ты первый раз позвонил себе,— сказала Рози.

— Верно,— угрюмо кивнул Сэм,— так оно и было.

— До сих пор,— заявила Рози, яростно нажимая на газ,— я изо всех сил старалась, чтобы ты остался честным человеком. Если ты превратишься в негодяя между сегодняшним и завтрашним днем, я...

Она переключила на вторую скорость. Грузовичок дернулся и подпрыгнул.

— Эй,— сказал Сэм,— что ты делаешь!

— Не учи меня ездить, Сэм Йодер,— огрызнулась Рози.

— Но если я не доживу до завтра...

Рози снова переключила передачу — опять слишком резко. Грузовичок взбрыкнул, как упрямый мул, и, когда она нажала на газ, чуть не соскочил с дороги.

— Если ты не доживешь до завтра...— сквозь зубы произнесла Рози, разъяренная житейскими тяготами и нахальным поведением грузовичка,— если ты не доживешь до завтра, Сэм Йодер, то получишь только то, что заслужил! Я все думаю, думаю, думаю... Даже если ты не станешь мошенником, между нами всегда будет стоять этот тип, который знает обо всем, что мы говорим и делаем...— Грузовик делал уже сорок миль в час, а Рози продолжала набирать скорость.— Мы ничего не можем поделать, нет никакой надежды...

Внезапно она разрыдалась от ярости и отчаяния. Но именно в этом месте шоссе делало крутой зигзаг, и Рози попыталась резко свернуть, заметив стоящую у обочины машину. Сэм схватился за руль, но было уже слишком поздно. Грузовичок, продолжая набирать скорость, врезался в автомобиль с грохотом десятка пустых железных бочек. Его занесло в сторону, швырнуло назад, потом снова вперед, и в результате он второй раз ударился о припаркованную машину. И только тогда двигатель заглох, и грузовичок остановился.

Кто-то закричал. Сэм выскочил из кабины, осмотрел повреждения и попытался понять, почему они с Рози еще живы. Потом он стал размышлять по поводу того, как объяснить телефонной компании, зачем он пустил Рози за руль.

Снова раздался громкий крик. От лесной опушки к машине бежал рыжеволосый тип, оглашая окрестности словами, совершенно не подходящими для изящных ушек Рози. Футах в шести от Сэма он остановился, сунул руку в карман и начал вытаскивать какой-то блестящий металлический предмет.

Сэм прыгнул вперед еще до того, как пистолет появился из кармана, и он успел ударить до того, как пистолет выстрелил. Раздался чмокающий звук, рыжий парень повалился на бок и остался недвижим.

— Боже мой! — воскликнул Сэм с удивлением.— Это же тот самый тип, который сидел в машине перед входом в банк! Он — один из грабителей!

Сэм осмотрелся. Из леса донесся громкий треск. Они находились почти на самой опушке, и Сэму не пришлось напрягать умственные способности, чтобы понять: приятели рыжеволосого грабителя на подходе. Через секунду он их увидел.

В этот момент из грузовичка вылезла Рози. Лицо ее побледнело, но у Сэма не было времени крикнуть, чтобы она заводила машину и поскорее убиралась отсюда. Грабители бежали к нему, и один из них держал в руках сумку с надписью «Банк Даннсвилля». Приблизившись, они громогласно высказали свое мнение о ситуации, персонально о Сэме, о вселенной и ее создателе, пожалуй, обо всем, кроме погоды. При этом они использовали еще более специфическую терминологию, чем их рыжеволосый приятель.

Тут они наконец его заметили. Один грабитель бросился к Сэму, вытаскивая пистолет. Он поднял оружие и уже собирался прострелить Сэма наподобие даннсвилльского телефонного кабеля, когда сзади раздался странный глухой звук и шум падения. Конечно, даже в такой ответственный момент требовалось выяснить, в чем дело,— и грабитель оглянулся.

Странный звук произвел гаечный ключ Рози, соприкоснувшийся с макушкой второго грабителя. Она с нежностью хра-

нила этот ключ для Сэма, а пригодился он для совершенно незнакомого человека. Теперь незнакомец мирно лежал на дороге рядом со своим рыжеволосым коллегой. Сэм размахнулся во второй раз и сшиб с ног последнего грабителя — наступила тишина, из леса доносились только птичьи трели, да кузнечики стрекотали в траве. Потом раздались другие звуки, источником которых была Рози: она рыдала взахлеб, повиснув на шее у Сэма.

Он расцепил ее руки, неторопливо подошел к грузовичку и вернулся с мотком телефонного кабеля и плоскозубцами. Надежно связав за спиной руки грабителей, Сэм забросил их в кузов грузовичка вместе с деньгами, которые они украли. Вскоре незадачливые налетчики пришли в себя, и тогда Рози с Сэмом строго объяснили им, какие выражения не следует употреблять в присутствии леди. Но эту троицу настолько ошеломили выпавшие на их долю испытания, что Сэм и Рози больше не имели с ними никаких проблем.

Даже родители Рози остались бы довольны примерным поведением грабителей, пока молодые люди везли их в город и сдавали шерифу. Ну и конечно, родители Рози были поражены случившимся.

Вечером Рози сидела на веранде с Сэмом, и они обсуждали бурные события этого дня. Однако Рози по-прежнему беспокоилась относительно будущего Сэма. Тут Сэм наконец решил утвердить свое мужское достоинство. Около половины десятого он твердо сказал:

— Ну ладно, Рози, отправляюсь-ка я домой. Нужно еще раз позвонить в следующую неделю и предупредить себя, чтобы не совал нос в чужие дела.

— Это что за разговоры? — мрачно произнесла Рози.— Вот уж нет! Ты останешься здесь на всю ночь, а завтра я и гаечный ключ снова поедем с тобой. Если мне удалось до сих пор сохранить твою честность, то я уж как-нибудь продержусь до завтрашнего захода солнца. Может быть, тогда все будет в порядке!

Сэм запротестовал, но Рози осталась непреклонной. Она отправила его в комнату своего брата, а ее отец опять запер дверь на ключ. Сэм плохо спал в эту ночь, так как ни один

поцелуй Рози не вознаградил его добродетель и стойкость, поэтому будущее рисовалось ему в мрачном свете. Под утро он проснулся и, глубоко задумавшись, сел в кровати. Тут его осенила поразительная мысль.

Он уставился в стену и пробормотал:

— Бог мой, конечно же!

Он усмехнулся с таким видом, словно с плеч его свалилась неимоверная тяжесть. Во время завтрака он что-то напевал и умял столько блинов с сиропом, что угнетенное настроение Рози сменилось тихим отчаянием.

Сэм нежно улыбнулся ей в спину, когда она шла к грузовичку в своих голубых джинсах с гаечным ключом в кармане. Как обычно, они выехали на дорогу, и Сэм сказал:

— Рози, шериф сообщил, что мы получим награду в пять тысяч долларов от Ассоциации банков и еще кое-какие деньги от страховой компании. Мы станем богатыми людьми.

Рози с подозрением посмотрела на него. Другой Сэм — Сэм из будущего — по-прежнему внушал ей серьезные опасения. Но тут Сэм, который сидел рядом с ней, внимательно разглядывая тянувшуюся вдоль дороги телефонную линию, съехал на обочину и достал свои «кошки».

— Это еще зачем? — спросила Рози.— Что ты собираешься делать?

— Сейчас узнаешь,— улыбнулся Сэм.

Он ловко забрался на вершину столба и подключил к проводам свой маленький прибор — тот самый, который давал возможность позвонить самому себе из будущего.

Позвонить из будущего — или из прошлого.

— Алло! — сказал Сэм, восседая на верхушке телефонного столба.

Голос, хорошо знакомый ему, зазвучал в трубке:

— Алло! Кто это?

— Сэм, это ты.

— Что? Кто говорит?

— Это ты,— сказал Сэм,— ты, Сэм Йодер. Ты что, собственного голоса не узнаешь? Это ты, Сэм Йодер, который звонит из двенадцатого июля. Только не вешай трубку!

Он услышал изумленный вздох Рози, сидевшей там, внизу, в побитом грузовичке. Он наконец понял очевидное —

то, что сегодня, двенадцатого июля, он говорил с собой по телефону. Только сейчас он позвонил не Сэму из будущего, а Сэму из прошлого. Он говорил с тем Сэмом, который десять дней назад сидел на этом же самом телефонном столбе у Бридж Ран и искал разрыв на линии, и их разговор повторился слово в слово.

Когда он с важным видом слез со столба, Рози, плача, прижалась к нему.

— О Сэм! — рыдала она.— Это же был ты — все время ты! Только ты!

— Ага,— сказал Сэм с удовлетворением.— Я сообразил это прошлой ночью. Тот тип из второго июля сейчас злится на меня. Он расскажет тебе обо всем, и ты начнешь волноваться. Но я заставлю этого болвана сделать все, что нужно сделать. Нам с тобой, Рози, предстоит получить кучу денег. И я постараюсь сделать так, чтобы он заработал их для нас. Но должен предупредить тебя, Рози, что он будет ждать меня дома и мне нужно с ним сегодня поговорить и отправить его к тебе.

— Х-хорошо,— произнесла Рози, широко раскрыв глаза.

— Но я отлично помню,— продолжал Сэм,— что вечером, когда я позвонил ему во второй раз, я очень торопился. У меня совершенно не было времени, чтобы беседовать с этим типом из прошлого. Чем же я могу быть занят сегодня вечером, Рози? У тебя есть на этот счет какие-нибудь идеи?

— Сэм Йодер! — воскликнула Рози, покраснев.— Я не буду! Я не хочу! Это просто неслыханно!

Сэм посмотрел на нее и огорченно покачал головой.

— Очень жаль. Если ты не можешь ничего предложить, придется мне позвонить самому себе из будущего и навести соответствующие справки.

— Ты... ты не посмеешь! — взвизгнула Рози.— Я с тобой рассчитаюсь, Сэм Йодер! Я не дам тебе сплетничать с этим... этим...— Тут она запричитала сквозь слезы: — Иди к черту, Сэм! Ты думаешь, я выйду за тебя, чтобы сегодня вечером тебе нашлось какое-нибудь занятие? Ты ошибаешься! Ты не можешь... ты не...

Сэм усмехнулся и поцеловал ее. Потом они сели в грузовичок и отправились в мэрию Баттерсвилля.

Вы вовсе не должны верить всему, что здесь написано. Если вы начнете расспрашивать Сэма Йодера насчет этой истории, он, скорее всего, скажет, что тут нет ни слова правды. Он не хочет, чтобы его личная жизнь стала объектом пристального внимания. Но есть тут и другие причины. Например, Сэм скоро будет весьма известным и состоятельным человеком. Он делает большие деньги — тем или иным способом. Во всяком случае, никто в окрестностях не согласится биться с ним об заклад насчет того, кто победит в очередном бейсбольном матче.

Трубопровод на Плутон

Далеко-далеко на Плутоне, где Солнце — всего лишь яркая звезда и замерзший шар лишенной воздуха планеты кружит в пустоте, далеко на Плутоне возникло движение. В сиянии вечного тусклого света звезд вдруг загорелись желтые круги огней, и люди в скафандрах медленно подошли к космическому буксиру, почему-то получившему дурацкое имя «Бетси-Энн». Оно было написано на боку громадными белыми буквами. Они забрались наверх и скрылись в воздушном шлюзе.

Под соплами возникло едва различимое, пульсирующее свечение, потом что-то ослепительно вспыхнуло, буксир взлетел и, управляемый опытной рукой, завис над, казалось, безупречным ледяным полем поверхности. На самом деле это поле не было неподвижным, оно дышало и волновалось. Нос трубопровода появился в центре крестовидного отверстия и вырвался наружу. Транспортер вытянулся в половину своего роста над безжизненной планетой. Буксир проплыл над ним, вниз полетел дрек, и в следующее мгновение на носу транспортера был закреплен толстый трос.

Из сопла буксира вырвался могучий поток пламени. Транспортер резко покинул укрытие и устремился в небеса вслед за буксиром. На боку у него красовался огромный номер и был обозначен класс, впрочем, прочитать что-либо не представлялось возможным, поскольку он мгновенно исчез из виду. Он упрямо поднимался вверх с ускорением в четыре g, в то время как космический буксир вышел на точно рассчитанный курс и уверенно направился в пустоту.

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

Много, много времени спустя, когда Плутон превратился в едва различимый бледный диск, буксир отцепил транспортер, и он продолжил путь к Солнцу. Его нос в форме кольца был направлен точно в сторону светила, к которому он будет лететь несколько лет. Он являлся одним из многих транспортеров, мчащихся сквозь космическое пространство,— по времени их разделял всего один день, но с точки зрения расстояния между ними были миллионы миль. Они будут находиться в пути, пока не появится буксир с Земли и не доставит их на родную планету.

«Бетси-Энн» с Плутона не стал останавливаться, чтобы взглянуть на длинный — в два миллиарда миль — ряд транспортеров, которые возили металл и руду с Плутона на Землю. Он покинул трассу, на которую вышел изначально. Сигнал его радиолокатора, невидимый простому взгляду, исследовал пространство. Постепенно буксир вышел на новый курс, развернулся на сто восемьдесят градусов и начал резко тормозить с ускорением в шесть g. Наконец он остановился, и к нему приблизился транспортный корабль с Земли с большими белыми цифрами на боку. Когда он прибыл, его вывели на орбиту, с которой дальше доставят на Плутон. Дрек «Бетси-Энн» подплыл к кораблю, во все стороны полетели крошечные искры, и вскоре трос был надежно закреплен. Затем буксир и его новый груз двинулись в сторону поверхности.

Сквозь космическое пространство степенно летели два помеченных белыми цифрами транспортера. Один медленно направлялся в сторону Земли. Другой, так же не спеша, миновал орбиты шести планет, чтобы завершить путь в закрытой подземной колонии Плутона, где располагались шахты.

Вместе они составляли трубопровод.

Вечерняя ракета на Луну стартовала с севера и направилась прямо в зенит. Когда она начала исчезать из виду, бело-голубое пламя ракетных двигателей стало насыщенного малинового цвета. В доках трубопровода воцарилась тишина, но в противоположном конце площадки располагались потрепанного вида забегаловки и питейные заведения, из которых доносился приглушенный ревом двигателей шум.

В баре «Плутон», находившемся прямо напротив доков, сидел молодой, но явно много повидавший на своем веку человек по имени Хилл. Он не обратил никакого внимания на ракету, но резко поднял голову, когда увидел, что из ворот доков вышел мужчина и зашагал по улице в сторону бара. Впрочем, когда дверь открылась и человек окинул взглядом маленькое заведение, Хилл упорно изучал содержимое стакана. Кроме Хилла — который производил впечатление парня с характером, но не до конца оправившегося после тяжелой болезни,— в баре был лишь бармен, водитель грузовика со своей подружкой, заглянувшие пропустить стаканчик, и еще один мужчина, сидевший в одиночестве за столом. Он явно нервничал, как будто кого-то ждал. Хилл окинул вошедшего подозрительным взглядом и снова вернулся к созерцанию стакана.

Мужчина вошел и направился к стойке.

— Добрый вечер, мистер Краудер,— поздоровался с ним бармен.

Хилл оторвал взгляд от столешницы, но тут же снова опустил глаза. Бармен потянулся куда-то вниз, под стойку, наполнил стакан и подтолкнул его новому посетителю.

— Добрый,— коротко ответил Краудер и внимательно посмотрел на нервничавшего мужчину.

Он заметил, что тот один, но никак не показал, что они знакомы, только слегка поморщился, как человек, которому вдруг стало не по себе. Впрочем, все было в порядке, если не считать того, что мужчина за столиком явно кого-то ждал, а тот, кого он ждал, не пришел.

Краудер удобно устроился в кабинке. Хилл подождал немного, быстро огляделся по сторонам и встал. А затем уверенно направился к кабинке, в которой сидел вошедший.

— Я ищу парня по имени Краудер,— хрипло проговорил он.— Это ведь вы, не так ли?

Краудер посмотрел на него, и его лицо мгновенно превратилось в маску. Внешний вид Хилла вполне соответствовал голосу. Под одним глазом красуется шрам, ухо изуродовано. Он производил впечатление человека, сильно потрепанного жизнью — и едва оправившегося после тяжелой болезни или

ранения. На коже тут и там виднелись необычные красные пятна.

— Да, это я,— настороженно ответил Краудер.— Что вам нужно?

Хилл уселся за стол напротив него.

— Я Хилл,— сообщил он все тем же хриплым голосом.— Сегодня сюда должен был прийти один парнишка. Он договорился, что его тайно переправят по трубопроводу на Плутон. Я перекупил его место, и вот — пришел.

— Я не понимаю, о чем вы говорите,— холодно сказал Краудер.

Однако он прекрасно понимал, и внутри у него все сжалось. Ему стало ужасно не по себе, а в глазах появилось презрение.

— Вы ведь сегодня возглавляете ночную смену в доках трубопровода, верно? — агрессивно спросил Хилл.

Лицо Краудера продолжало оставаться непроницаемым. Хилл казался крепким парнем. Из тех, у кого возникают проблемы с полицией, потому что они сначала действуют, а потом думают. Но Краудеру было все равно. Он сам часто попадал в неприятные ситуации, поскольку страдал тем же пороком. Впрочем, сегодня дело обстояло иначе. Сегодня он все тщательно спланировал.

— Да, я возглавляю ночную смену,— сухо ответил он.— Я зашел пропустить стаканчик. И скоро возвращаюсь на дежурство. И я не понимаю, о чем вы говорите.

В глазах Хилла появилось жесткое выражение.

— Послушай, приятель,— начал он сердито. Парень серьезно болел, и сейчас это было особенно заметно.— На шахтах Плутона платят пятьсот кредитов в день, верно? Тот, кто проработает там всего год, вернется домой богатым, так?

— Так! — не стал спорить Краудер.— Размеры зарплаты были установлены, когда вывозить оттуда руду стоило больших денег. До того как начал работать трубопровод.

— И им не хватает рабочих рук, правильно?

— Не хватает,— ледяным тоном подтвердил Краудер.— И всем это известно. На лайнерах просят пятьдесят тысяч кредитов за рейс в одну сторону, а дорога занимает шесть месяцев.

Хилл с вызовом кивнул.

— Я хочу попасть на Плутон,— сообщил он.— Понимаешь? Там не задают лишних вопросов. А вот пассажирам космических лайнеров очень даже задают, и проезд стоит дорого. Поэтому я *хочу* попасть на Плутон по трубопроводу. Понял?

Хилл осушил свой стакан и встал.

— Существует закон, который гласит, что по трубопроводу нельзя доставлять пассажиров и почту,— строгим голосом проговорил Краудер.— Компании, владеющие космическими лайнерами, добились его принятия. Политика.

— Может быть,— раздраженно заявил Хилл,— но ты обещал сегодня посадить одного парня на транспортер. Он мне рассказал. Он согласился продать свое место, и я отдал ему деньги. Я полечу вместо него, понял?

— Я возглавляю ночную смену в доке трубопровода,— сообщил ему Краудер.— Если кто-то договорился о том, чтобы без билета попасть на Плутон, мне про это ничего не известно. Вы обратились не по адресу.

Он встал из-за стола и направился к нервничавшему мужчине, который чувствовал себя все хуже и хуже из-за того, что кто-то не пришел. В глазах Краудера полыхал гнев, когда он склонился над столиком.

— Послушай меня, Мур! — очень тихо и очень сердито произнес он.— Один парень говорит, что заплатил твоему пассажиру, чтобы тот уступил ему место. Вот почему он не пришел. Ты его выбрал, а он отдал место другому. Так что расхлебывать кашу, которую заварил, будешь сам! Я умываю руки. Они все никак не могут получить улики. Много лет. Но тот парень ясно дал понять — или он летит, или не станет держать язык за зубами. Давай, сам разбирайся с ним!

В глазах Мура — мужчины, который страшно нервничал,— появилось затравленное выражение. Он с трудом сглотнул, словно во рту у него все пересохло, но сумел кивнуть.

Краудер вышел из бара, и Хилл проводил его хмурым взглядом. Через пару минут он подошел к Муру.

— Послушайте,— хриплым голосом начал он.— Я хочу кое-что спросить. Этот тип, он возглавляет ночную смену трубопровода, верно?

Мур кивнул и облизнул губы.

— Так,— сердито проговорил Хилл.— Отсюда на Плутон каждый день уходит транспортер трубопровода, а другой такой же прибывает оттуда. Это все равно что отправиться из одного города в другой на вертолете, да?

Мур снова кивнул — на сей раз едва заметно.

— Так мне и объяснил один парень,— раздраженно проговорил Хилл.— Он сказал, что договорился и что его потихоньку засунут между ящиками с продуктами. А еще, что он заплатил за это полторы тысячи кредитов. Он должен был улететь сегодня ночью. Я отдал деньги, чтобы занять его место. А Краудер говорит, что я спятил!

— Мне... ничего про это не известно,— неуверенно проговорил Мур.— Я знаю Краудера, и все.

Хилл что-то прорычал себе под нос, потом сжал одну руку в кулак и посмотрел на него — впечатляющий получился кулак, весь в шрамах, служивших доказательством, что его не раз пускали в ход.

— Ладно! — проговорил Хилл.— Похоже, тот парень меня облапошил. Выставил на кругленькую сумму. Но я знаю, где его найти и как отправить в больницу.

Он нахмурился и повернулся, собираясь уйти.

— П-подождите,— пролепетал Мур.— Мне кажется, я слышал как-то раз...

Транспортеры плыли сквозь космос. У них не было двигателей, если не считать небольшого мотора для гироскопа, находящегося на носу. Их длина составляла сто футов, ширина — двадцать. В некоторых доставляли на Плутон продукты в запечатанных контейнерах — потому что в космосе все замерзает, но в вакууме даже лед испаряется. В других перевозили ракетное топливо для буксиров, обогревателей и генераторов. В третьих — инструменты, и книги, и записи для визифонов, и икру, и взрывчатые вещества, и клей, и косметику для женщин. Все они медленно, не спеша, дрейфовали в космосе, отправившись в путешествие длиной в два миллиарда миль.

Они и составляли трубопровод. С Земли отправлялся транспортер на Плутон и занимал свое место в длинном строю гру-

зовых кораблей. В тот же день на Плутон садилось другое судно. И стартовал корабль на Землю. А на Земле приземлялся следующий. Иными словами, между двумя планетами установилось непрерывное сообщение, с каждой ежедневно стартовало одно грузовое судно и одно прибывало туда. Однако пассажирское сообщение между Плутоном и Землей осуществлялось космическими лайнерами, проезд на которых стоил пятьдесят тысяч кредитов. Потому что даже лайнерам требовалось шесть месяцев, чтобы добраться до места назначения.

Трубопровод составляли тысяча двести кораблей в каждую сторону, их разделял один день и миллионы миль. Они чувствовали себя ужасно одиноко в бескрайнем космосе, эти длинные цилиндры с написанными на боках белыми цифрами. У них уходило три года, чтобы добраться из одного конца в другой, а видели они по пути только звезды.

Однако суда трубопровода прибывали и стартовали каждый день, и между двумя планетами существовала постоянная связь.

Мур отвернулся от платного визифона, в который что-то говорил уверенным шепотом, в то время как экран оставался пустым. Сердитый, потрепанный жизнью Хилл с хмурым видом топтался у него за спиной.

— Я не знаю,— смущенно сказал Мур.— Я тут кое с кем поговорил, думал, они знают, но они не хотят идти на контакт. Могут потерять работу или что похуже, если кто-нибудь узнает, что они нелегально переправили пассажира на Плутон. Видите ли, компании, владеющие космическими лайнерами, имеют серьезные связи среди политиков. Они сделали все, чтобы лишить трубопровод возможности брать пассажиров. Если люди смогут путешествовать по трубопроводу, эти компании разорятся. Так что они не спускают глаз с доков.

Вид у Мура был невероятно смущенный, и он с тревогой наблюдал за Хиллом. Но тот ядовито произнес:

— Ладно! Я найду того типа, что продал мне свое место, и всыплю ему по первое число! Доктора получат удовольствие, собирая его по частям и пытаясь понять, почему он в таком виде.

Мур сглотнул.

— А кто это? Я кое-что слышал...

Хилл назвал имя. Мур снова с трудом сглотнул — как будто имя было ему знакомо.

— Я... вот что скажу тебе, приятель,— заявил он.— Меня все это не касается, но я... возможно, я смогу тебе помочь. Риск, конечно, велик, ведь я суюсь не в свое дело...

— Сколько? — спросил Хилл.

— Ну... пятьсот,— смущенно пробормотал Мур.

Хилл наградил его сердитым взглядом. Затем вытащил из кармана деньги и показал Муру.

— У меня есть кредиты,— хрипло проговорил он.— Но я дам тебе сто. И еще девятьсот, когда окажусь на борту. Я оцениваю твои услуги вдвое дороже, но на большее не рассчитывай. Понял? У меня есть причина, по которой я хочу убраться с Земли, причем сегодня. И я готов заплатить. Но если меня опять обманут, кто-то очень серьезно пострадает.

Мур нервно ухмыльнулся.

— Никакого обмана,— быстро сказал он.— Ну... просто... это немного сложновато.

— Угу,— промычал Хилл и помахал испещренной шрамами рукой.— Иди уже. Скажи своим знакомым, что я готов платить. Но им придется посадить меня на корабль, иначе тот парень, который продал мне это место, очень сильно пожалеет, и можешь не сомневаться, он все расскажет. Я отправлюсь на Плутон, или кое-кому несдобровать.

— Возможно, тебе придется еще заплатить,— осторожно заметил Мур.— Совсем немного! Но ты попадешь на Плутон. Я слышал... всего лишь слышал, что есть группа людей, знающих, как тайно провести человека в доки трубопровода и поместить его в носовой отсек транспортера, везущего продукты, шампанское и все такое. Так что по дороге пассажир может оттянуться по полной программе и ни о чем не волноваться, потому что на Плутоне так радуются, когда к ним прилетают новые рабочие, что закрывают на все глаза. Им там очень нужны люди! Они платят пятьсот кредитов в день!

— Угу,— мрачно повторил Хилл.— Давай иди и займись делом.

———

Трубопровод на самом деле представлял собой два миллиарда миль крошечных точек в бесконечности космоса. Каждая точка являлась транспортным судном без мотора. Ни в одном из них не было света. И жизни. Но в некоторых жизнь имелась — поначалу.

Последний транспортер, покинувший Землю, нес на борту только груз — самые разные новинки, ракетное топливо, консервы и прочее. А в том, что стартовал раньше, находился безбилетный пассажир, исполненный самых радужных надежд. Его поместили в нос корабля, где он устроился в окружении своих вещей и тихонько, точно мышка, ждал момента, когда космический буксир подцепит транспортер и выведет его в начальную точку трубопровода. Поскольку он попал на корабль незаконно, то не хотел, чтобы его обнаружили. В транспортере перед ним — на расстоянии многих миллионов миль — были две девушки, которые прослышали, что на Плутоне стенографисткам хорошо платят, а еще, что там мало женщин и выбрать мужа не проблема. В другом находились мужчина и женщина. А в том, что вылетел еще раньше, целых четыре человека.

Цилиндры длиной в сто футов медленно плыли, и плыли, и плыли по направлению к Плутону и несли в своем чреве множество безбилетных пассажиров. Последний из тех, кто отправился в путь, все еще был похож на человека. Он казался совершенно спокойным. В конце концов, когда транспортер взлетает с ускорением четыре g, воздух очень быстро выходит наружу. А холод проникает внутрь еще быстрее. Однако никто из пассажиров не задохнулся.

Они замерзали так стремительно, что даже не успевали понять, что произошло. На высоте в шестьдесят тысяч футов температура равняется примерно семидесяти градусам ниже нуля. На ста двадцати становится так холодно, что цифры перестают иметь значение. При ускорении в четыре грава корабль поднимается еще на сто двадцать футов, прежде чем человек успевает сообразить, что он заплатил свои кровные деньги за то, чтобы его, совершенно беззащитного, зашвырнули в космос. Таким образом, он не знает, что попадает в вакуум, который забирает всю влагу, имеющуюся в теле.

Но хотя безбилетных пассажиров было много, ни один из них не добрался до Плутона. Разумеется, со временем они туда попадут. Но операция по переправке людей трубопроводом действовала всего полтора года. Первые из них еще не пролетели и половины пути. Так что бизнес будет приносить доходы еще по меньшей мере года полтора. И тогда заявление о том, что пассажир сел на корабль трубопровода на Земле и добрался до Плутона за один день, будет чистой правдой. Только это будут два разных человека, да и других различий окажется достаточно.

Но и тогда эта операция будет приносить доходы, потому что на Плутоне не действует закон об экстрадиции.

Вот почему в самой идее транспортеров, плывущих сквозь космическое пространство с безбилетными пассажирами на борту, в определенном смысле заключалась ирония. Конечно, все это было очень трагично, но ничего нельзя было поделать. Ирония состояла в том, что транспортеры не имели ни малейшего представления о том, какой груз находится у них на борту. Они летели среди звезд спокойно, умиротворенно и не спеша.

Немало повидавший в жизни молодой человек холодно спросил:

— Ну? Договорился?

Мур нервно усмехнулся.

— Договорился. Все в полном порядке. Сначала они решили, что ты агент какой-нибудь компании. Пытаешься поймать служащих трубопровода на нелегальном провозе пассажиров и устроить им кучу проблем. Но потом они связались с человеком, чье место ты перекупил, и он подтвердил: все чисто. Он сказал, что отдал тебе место и велел найти Краудера.

— Но он же не стал со мной разговаривать! — сердито проговорил Хилл.

Мур облизнул губы.

— Ты скоро все поймешь. Мы перейдем на другую сторону улицы и попадем в доки трубопровода. Тебе придется дать что-нибудь охраннику. Сотни хватит, чтобы он в нужный момент отвернулся в другую сторону.

— И больше никаких отговорок! — прорычал Хилл.

— Никаких отговорок,— пообещал Мур.— Ты отправишься на Плутон в следующем транспортере.

Они покинули бар «Плутон». Перешли на другую сторону улицы, разбитой колесами грузовиков, которые каждый день увозили из доков грузы, прибывшие с Плутона. Не скрываясь, они направились к воротам. Увидев их, охранник двинулся навстречу.

— Слим,— смущенно ухмыляясь, сказал Мур,— познакомься с моим другом Хиллом.

— Ясное дело! — ответил охранник.

И протянул руку ладонью вверх. Хилл положил на нее купюру в сто кредитов.

— Ладно,— проворчал охранник.— Удачи тебе на Плутоне, приятель.

И повернулся спиной. Мур истерически хихикнул и повел Хилла в окутанный тенями дальний конец доков. Вскоре они оказались на посадочной площадке для космических буксиров. По одну ее сторону стояло шесть пустых транспортеров. Один находился под погрузкой, его опустили вниз на гидравлической платформе, и над землей торчал только нос. Его сразу загружали в горизонтальном положении, и корабль не требовалось ставить вертикально для того, чтобы он вышел в космос.

— Он стартует сегодня за полчаса до восхода,— дрожащим голосом сообщил Мур.— Ты все сразу поймешь, когда гидравлическая платформа вытолкнет корабль из ямы. Затем ты услышишь, как прикрепился буксирный трос. А дальше старт. Буксир выведет вас на линию трубопровода и останется ждать следующий транспортер.

— Люблю скорость! — сказал Хилл.— Уважаю ученых. Я полечу на этой штуке, а потом, не успею и глазом моргнуть, как я на Плутоне.

— Да уж,— пробормотал Мур и криво ухмыльнулся.— Не успеешь и глазом моргнуть. Вот твоя дверь, заходи.

С другой стороны конического носа транспортера появился Краудер и мрачно посмотрел на Хилла, который ответил ему не менее хмурым взглядом.

— Ты мне показался насквозь фальшивым,— без обиняков заявил Краудер.— И я не собирался рисковать и раскрываться перед тобой. Мур сказал, что тебе придется заплатить еще?

— За что? — сердито поинтересовался Хилл.

— За то, что тебе нужно убраться отсюда как можно быстрее,— ровным голосом сообщил Краудер.— А еще за то, что на Плутоне нет закона об экстрадиции. Знаешь, приятель, мы здорово рискуем. Так что еще две тысячи.

— Вор...— пробормотал Хилл, а затем с мрачным видом добавил: — Ладно.

— И мои девятьсот,— быстро напомнил Мур.

— Естественно,— язвительно проговорил Хилл и заплатил.— Теперь все в порядке? Что мне делать дальше?

— Войдешь в эту дверь,— объяснил Краудер.— На борту груз продуктов питания. Устраивайся поудобнее и ложись на спину, когда почувствуешь, что транспортер поднимается, чтобы встретиться с буксиром. Как только окажешься в трубопроводе, можешь делать все, что пожелаешь.

— Точно! — нервно хихикая, сказал Мур.— Делай, что пожелаешь.

— Ладно. Я начну прямо сейчас,— бесцветным голосом сообщил Хилл.

Он двигался с дикой, поражающей воображение быстротой. Неожиданно раздался приглушенный треск. Затем удивленный возглас Мура, звуки борьбы, и снова треск.

Хилл забрался в нос корабля и втащил Мура и Краудера за собой. Внутри он оставался несколько минут, потом вышел и прислушался, задумчиво помахивая дубинкой. Он направился к воротам и тихонько позвал охранника.

— Эй, Слим! Тебя Краудер зовет... говорит, чтобы шел быстро и не шумел! Там что-то случилось, и им с Муром не справиться.

Охранник заморгал и поспешил к транспортеру, Хилл не отставал.

— Эй, Краудер, в чем дело? — позвал охранник.

Хилл замахнулся дубинкой, и сразу стало ясно, что он владеет ею виртуозно. Охранник повалился на землю.

Через несколько минут все было закончено. Хилл связал троих мужчин, продемонстрировав еще одно умение. Они не только не могли сбежать, им даже лягаться не удавалось. Это довольно сложное искусство, но научиться можно. А еще Хилл не просто засунул каждому в рот кляп, он вдобавок заклеил их пленкой, так что они даже приличного стона не могли издать. Хилл оглядел дело своих рук в свете свечи, которую достал из кармана,— а веревку, оказывается, он хранил намотанной на пояс,— и хриплым голосом заметил:

— Отлично! Просто здорово! А теперь, ребятишки, вы услышите плохую новость. Вы отправляетесь на Плутон.

Ужас, граничащий с безумием, вспыхнул в трех парах глаз, которые уставились на него. Казалось, они вот-вот вылезут из орбит.

— Все совсем не так плохо,— удовлетворенно проговорил Хилл.— Вовсе не так, как вы думаете. Вы попадете туда, не успев и глазом моргнуть. Я не шучу! Корабль будет подниматься с ускорением в четыре g, и воздух начнет выходить. Но вы от этого не умрете. Прежде чем задохнуться, вы замерзнете — очень быстро! Так быстро, что даже умереть не успеете, ребятишки. Правда, смешно? Вы так быстро замерзнете, что не успеете умереть. Космический патруль примерно год назад или даже чуть больше обнаружил, что это может произойти,— с вами так и будет. Так что патруль вернет вас в прежнее состояние, когда вы доберетесь до Плутона. Должен сказать, что это очень больно, ребята. Ужасно больно! Я знаю!

Он ухмыльнулся, его губы скривились, но в глазах застыло мрачное выражение.

— Я заплатил вам год назад, чтобы вы посадили меня на транспортер. Но случилось так, что я не попал на Плутон. Патруль вытащил мой корабль из трубопровода и доставил на Каллисто, потому что там не хватало ракетного топлива. Мне довелось все это пережить. Боль адская! Но я не стал на вас доносить, ребята, я хотел, чтобы вы узнали на собственной шкуре, на какие муки обрекаете других. Поэтому я вернулся сюда, чтобы отправить вас тем же маршрутом. Итак, скоро в путь. Вы летите на Плутон! И запомните вот что, ребятишки, все будет просто здорово. Когда вас приведут в чувство на Плутоне, там вас будут ждать все, кого вы послали туда в качестве безбилетных пассажиров. Как вам будет хорошо, парни! Просто здорово!

Хилл смотрел на пленников, явно получая удовольствие от выражения их лиц. Затем задул свечу, закрыл за собой дверь транспортера и ушел.

На следующее утро за полчаса до восхода солнца гидравлическая платформа вытолкнула транспортер наружу, над ним завис космический буксир, сбросил трос, и корабль устремился в небо с ускорением в четыре грава.

Далеко-далеко от Земли летел транспортер, последний в ряду крошечных точек бесконечной линии кораблей, составлявших трубопровод на Плутон. На борту многих из них находилось то, что когда-то было людьми — и что ими еще станет. Но сейчас они медленно удалялись от Солнца, а в тех транспортерах, что стартовали последними, безбилетные пассажиры пока еще выглядели вполне похожими на людей, и лица их были спокойны. То, что произошло с ними, случилось так быстро, что они не успели ничего понять. Но в самом последнем корабле, скорчившись, сидело трое связанных, с кляпами во рту человек, и выражение их лиц было далеко не умиротворенным. Потому что они отлично знали, что с ними стряслось. Более того — они знали, что их ждет.

Устройство и его дубль

I

Стамбул принадлежал ему вместе с приглушенным городским шумом — ревом машин и многочисленных осликов, гнусавыми криками торговцев и далеким гулом реактивного самолета где-то высоко в небе. Этот гул проникал через окна в квартиру Коглена. Уже стемнело. Коглен только что вернулся из Американского колледжа, где преподавал физику. Он откинулся на спинку кресла и ждал. Этим вечером он должен был еще встретиться с Лори в отеле «Петра» на улице с немыслимым названием Гран-рю де Петра, и у него почти не оставалось времени, но нежданные гости, которых он застал у себя дома, заинтриговали его. Француз Дюваль, изнуренный и изнемогающий от нетерпения, и лейтенант Галиль, невозмутимый, сдержанный и внушительный в своем мундире офицера стамбульской полиции. Галиль с безупречной учтивостью представился и сообщил, что они с месье Дювалем пришли задать вопрос, ответ на который может дать лишь мистер Коглен из Американского колледжа.

Сейчас они сидели у Коглена в гостиной. В руках оба держали бокалы с прохладительными напитками, не предложить которые было бы невежливо. Коглен ждал.

— Боюсь, мистер Коглен,— дернув щекой, начал лейтенант Галиль,— вы примете нас за сумасшедших.

Дюваль одним глотком осушил бокал и горько сказал:

— Разумеется, я сошел с ума! Иначе и быть не может!

© Перевод И. Тетериной.

Коглен вскинул рыжеватую бровь. Турок пожал плечами.

— Вот о чем мы хотели бы вас спросить, мистер Коглен: вы, случайно, не бывали в двенадцатом столетии?

Коглен вежливо улыбнулся. Дюваль досадливо махнул рукой.

— Пардон, мистер Коглен! Прошу прощения за такой дурацкий вопрос. Но это действительно очень серьезно!

На этот раз Коглен ухмыльнулся.

— Тогда мой ответ — нет. В последнее время — нет. Вам, очевидно, известно, что я преподаю физику в колледже. Прослушав мой курс, выпускники могут заставить электроны плясать под свою дудку, если можно так выразиться, а наиболее усердные способны даже проникнуть в частную жизнь нейтронов. Но трюки с четвертым измерением — вы, я полагаю, намекаете на путешествия во времени — это не по моей части.

Лейтенант Галиль вздохнул и принялся разворачивать объемистый сверток, который держал на коленях. Внутри оказалась книга. Большая, дюйма четыре в толщину, с пергаментными страницами. В основательном кожаном переплете, украшенном резными медальонами из слоновой кости,— таком старом, что кожа кое-где растрескалась. Коглен узнал этот стиль. Это были слегка пострадавшие от времени византийские камеи, выполненные в манере той поры, когда Константинополь еще не превратился в Истанбул.

— Это ранняя копия книги под названием «Алексиада», которая была написана принцессой Анной Комниной,— пояснил Галиль.— Она жила в двенадцатом столетии, о котором я уже упоминал. Не будете так добры взглянуть, мистер Коглен?

Он с величайшей осторожностью раскрыл фолиант и передал его Коглену. Толстые пожелтевшие страницы покрывали тяжеловесные греческие письмена, без заглавных букв, пробелов между словами, знаков препинания и разделения на абзацы. Именно так и выглядели книжные тексты в те времена, когда их только-только перестали записывать на длинные полосы пергамента и скатывать в свитки. Коглен с любопытством оглядел их.

— Вы, случайно, не знаете греческий? — с надеждой спросил турок.

Коглен покачал головой. Полицейский сник. Коглен принялся переворачивать страницы. Самая первая из них странно топорщилась. По краям ее коричневели потрескавшиеся пятна клея, свидетельствовавшие о том, что когда-то страницу приклеили к обложке, а недавно снова отклеили. Теперь верхнюю половину этого потайного листа прикрывал пустой бланк Управления стамбульской полиции, прикрепленный самыми что ни на есть современными металлическими скрепками. Под ним, в нижней части листа, красовались пять темных клякс, которые показались Коглену смутно знакомыми. Четыре в ряд, а под ними еще одна, побольше. Лейтенант Галиль протянул ему карманную лупу.

— Не взглянете? — спросил он.

Коглен так и сделал. Мгновение спустя он вскинул голову.

— Отпечатки пальцев,— констатировал он.— И что из того?

Дюваль вскочил и принялся мерить комнату шагами, как будто его снедало нетерпение. Лейтенант Галиль тяжело вздохнул.

— То, что я сейчас скажу, настоящее безумие,— сокрушенно сказал он.— Месье Дюваль наткнулся на эту книгу в Национальной библиотеке в Париже. Она находилась во владении библиотеки больше сотни лет. До этого она принадлежала графам де Юис, которые в шестнадцатом веке покровительствовали человеку, известному как Нострадамус. Но сама книга — двенадцатого столетия. Написана и переплетена в Византии. В Национальной библиотеке месье Дюваль заметил в ней аккуратно приклеенный лист. Он снял его. Там обнаружились эти отпечатки пальцев и... и еще одна надпись.

— Весьма любопытно,— произнес Коглен, думая о том, что если он не хочет опоздать на ужин с Лори и ее отцом, то пора выходить из дому.

— Разумеется,— продолжал полицейский,— месье Дюваль заподозрил подделку. Он провел сначала химический, затем спектрографический анализ чернил. Но сомнений быть не могло. Отпечатки пальцев были сделаны на еще новой книге. Повторюсь, это не подлежит сомнениям!

Коглен никак не мог взять в толк, к чему он клонит.

— Отпечатки пальцев — изобретение недавнего прошлого,— заметил он недоуменно.— Поэтому, полагаю, находка

столь древнего образца — событие из ряда вон выходящее. Но...

Дюваль, который расхаживал по комнате туда-сюда, сдавленно вскрикнул. Он остановился у стола и принялся крутить в пальцах курдский кинжал с деревянной рукоятью, которым Коглен вскрывал письма. Вид у него был слегка безумный.

Лейтенант Галиль с выражением покорности судьбе сказал:

— Находка этих отпечатков — событие не из ряда вон выходящее, мистер Коглен. Это нечто невероятное. Уверяю вас, один их возраст — уже что-то фантастическое! Однако по сравнению со всем остальным это еще цветочки! Видите ли, мистер Коглен, эти отпечатки принадлежат вам!

Пока Коглен сидел, тупо уставившись в одну точку, турецкий лейтенант извлек откуда-то небольшую подушечку для снятия отпечатков, какую используют в полиции. Никаких чернил. Прижимаешь пальцы — и отпечатки проявляются автоматически.

— Если позволите...

Коглен позволил. Лейтенант прижал кончики его пальцев к шелковистой поверхности подушечки. Эта процедура была Коглену хорошо знакома. У него снимали отпечатки пальцев, когда он получал заграничный паспорт, и потом еще раз, когда он вставал на учет в Управлении стамбульской полиции по делам иностранцев. Турок снова протянул ему лупу. Коглен вгляделся в свежий отпечаток своего большого пальца. Потом, мгновение поколебавшись, сравнил его с самым большим отпечатком на пергаменте. Вздрогнул. Принялся сравнивать остальные, один за другим, со всевозрастающим тщанием и недоверием.

В конце концов он сказал тоном человека, который сам не верит собственным словам:

— Они... кажется, они совпадают! Вот только...

— Да,— сказал лейтенант Галиль.— На отпечатке с пергамента виден шрам, которого на вашем пальце сейчас нет. И тем не менее он принадлежит вам — как и все остальные. Ни с философской, ни с математической точки зрения невозможно, чтобы два комплекта отпечатков пальцев совпадали — если только они не оставлены одной и той же рукой!

— Но эти же совпадают,— заметил Коглен.

Дюваль с несчастным видом пробормотал что-то себе под нос. Он отложил в сторону курдский кинжал и снова принялся расхаживать по комнате. Галиль пожал плечами.

— Месье Дюваль,— пояснил турок,— обнаружил эти отпечатки еще три месяца назад. Отпечатки и надпись. Ему потребовалось некоторое время, чтобы убедиться — это не подделка. Он послал в Стамбульское полицейское управление запрос, не значится ли у них некий Томас Коглен, проживающий по адресу: Фатима, дом семьсот пятьдесят. Два месяца тому назад!

Коглен снова вздрогнул.

— Откуда он узнал этот адрес?

— Вы все поймете,— сказал полицейский.— Повторюсь, это было два месяца назад! Я ответил, что вы зарегистрированы, но по другому адресу. Он написал снова, приложив к письму фотографию пергамента, и спросил, не ваши ли это отпечатки пальцев. Я ответил, что ваши, если не считать шрама на пальце. И с живейшим любопытством добавил, что ровно два дня назад вы переехали по адресу: Фатима, дом семьсот пятьдесят,— тому самому, который месье Дюваль называл прежде.

— К несчастью, такого просто не могло произойти. Я сам узнал новый адрес всего за неделю до переезда.

— Я знаю, что этого не могло произойти,— страдальческим тоном проговорил Галиль.— Но я пытаюсь объяснить вам, что это произошло.

— Вы хотите сказать, что кто-то обладал этими сведениями за три недели до того, как они появились?

Галиль скривился:

— Это еще слабо сказано...

— Это безумие! — хрипло воскликнул Дюваль.— Сумасшествие. Ce n'est pas logique!* Будьте так любезны, месье Коглен, взгляните на всю остальную страницу!

Коглен снял скрепки, соединявшие полицейский бланк с пергаментным листом, и волосы у него на голове мгновенно

* Это против всякой логики! *(фр.) (Прим. перев.)*

встали дыбом. Под листком скрывалась надпись. Он увидел слова, написанные выцветшими, невероятно древними чернилами. Сделана она была на современном английском языке. Почерк был знаком Коглену как свой собственный — да это и был его почерк! Надпись гласила:

«Найдите Томаса Коглена, Фатима 750, Стамбул.
Профессор, президент, дальше что?
Устройство в доме 80 по улице Хусейна, второй этаж, задняя комната.
Позаботьтесь о Мэннерде. Его хотят убить».

Под ней темнели его собственные отпечатки пальцев.

Коглен уставился на лист. Ощупью нашел стакан и отпил из него. Потом, по зрелом размышлении, осушил до дна. Положение требовало чего-то в таком роде.

В комнате было тихо, если не считать убаюкивающих ночных звуков за окном. Хотя не все они были убаюкивающими. С улицы слышались голоса, чей-то радиоприемник издавал гнусавые завывания, которые турки считали музыкой. Неукротимые такси, какое-то непонятное позвякивание, интонации речи — все это создавало свой, неповторимый стамбульский шум, которого не могло быть больше нигде в мире. Более того, это был шум Стамбула, отходящего ко сну.

Дюваль безмолвствовал. Галиль смотрел на Коглена и тоже молчал. А сам Коглен изумленно таращился на древний пергамент.

Он столкнулся с чем-то совершенно необъяснимым и вынужден был это принять. Его имя и нынешний адрес — ерунда, может, Галиль просто солгал. Строчка относительно отца Лори, Мэннерда, подразумевала, что старику грозит какая-то опасность, но ее можно не принимать во внимание: слишком уж все расплывчато. Строчка относительно другого адреса: «дом 80 по улице Хусейна» и некоего «устройства» вообще была лишена для Коглена какого бы то ни было смысла. А вот «профессор, президент» — это был удар ниже пояса.

Именно это говорил себе Коглен всякий раз, когда думал о Лори. Он ведь простой преподаватель физики. Куда ему про-

сить ее руки! Может, когда-нибудь, со временем он станет профессором. Но даже тогда глупо было бы делать предложение дочери мультимиллионера. В еще более отдаленном будущем, если ему повезет, он может даже стать президентом колледжа — шансы, конечно, ничтожны, но чем черт не шутит. И что тогда? Он будет торчать на этом высоком посту до тех пор, пока попечительский совет не сочтет кого-нибудь другого более удачной кандидатурой на роль просителя денег. В общем, слишком жалкие перспективы, чтобы надеяться даже на возможность женитьбы. Он всего лишь преподаватель, для которого профессорская должность — предел мечтаний, а пост президента колледжа и вовсе нечто почти невообразимое. Поэтому, когда Коглен думал о Лори, он мрачно говорил себе: «Профессор, президент, дальше что?» — и отказывался от романтических мечтаний.

Но он никогда не произносил эту фразу из четырех слов вслух. Он — единственный человек в мире, для кого она вообще имела смысл. Она — неопровержимое доказательство того, что эти слова написал он, Томас Коглен. Но он этого не делал.

Он сглотнул.

— Это мой почерк,— начал он осторожно,— и я вынужден признать, что эти строки написаны моей рукой. Но я не помню, чтобы я их писал. Я был бы вам крайне признателен, если бы вы объяснили мне, в чем дело.

Дюваль разразился целым потоком слов:

— Нет, это вы объясните мне, в чем дело, месье Коглен. Я был нормальным человеком! Я занимался историей Византийской империи! Меня считают крупным специалистом! Но это — надпись, сделанная на современном английском языке в то время, когда никакого английского еще не существовало! Номера домов, которых тогда еще не построили, город Стамбул, когда на Земле не было города с таким названием! Я не нахожу себе места! Месье Коглен, я требую ответа — что все это значит?

Коглен снова взглянул на выцветшие коричневые буквы на пергаменте. Дюваль вдруг обмяк, закрыл лицо руками. Галиль осторожно затушил сигарету. Он ждал.

Коглен поднялся с нарочитой медлительностью.

— Думаю, нам не помешает еще выпить.

Он взял стаканы и вышел из комнаты, но это не помогло ему собраться с мыслями. Он поймал себя на том, что проклинает Дюваля с Галилем — зачем они вообще появились на свет, зачем они принесли в его жизнь такую загадку. Он не писал этих слов — но никто другой не мог их написать. А он видел их собственными глазами!

Внезапно ему пришло в голову, что он понятия не имеет, о чем эта надпись и что с ней делать.

Он наполнил стаканы и вернулся в гостиную. Дюваль все так же сидел, спрятав лицо в ладонях. Галиль, который успел закурить вторую сигарету, разглядывал пепел с выражением крайнего расстройства на лице. Коглен поставил стаканы на стол.

— Я не думаю, чтобы кто-нибудь, кроме меня, мог оставить эту надпись,— решительно начал он,— но я не припомню, чтобы я это писал, и не имею ни малейшего представления, что все это значит. Поскольку вы принесли сюда эту книгу, у вас должны быть какие-то мысли.

— Нет,— ответил Галиль.— Я задал вам единственный напрашивавшийся в этой ситуации вопрос. Вы не были в двенадцатом столетии? Я так понимаю, что не были. И у меня такое впечатление, что у вас нет никаких планов на этот счет.

— Никаких планов — это еще слабо сказано,— с иронией отозвался Коглен.— Уж и не знаю, где мне хотелось бы оказаться меньше.

Галиль взмахнул сигаретой, и с ее кончика осыпался пепел.

— Как полицейский, я не мог не обратить внимание на упоминание о том, что кто-то умрет, возможно, даже будет убит. Это напрямую меня касается. И как философа в том числе. Как в полицейской работе, так и в философии подчас необходимо принять в качестве посылки нечто абсурдное — чтобы вывести из него разумное заключение. Я хотел бы это проделать.

— Ради бога,— сухо ответил Коглен.

— Однако в настоящий момент,— продолжал Галиль, снова взмахнув сигаретой,— вы пока что не имеете никакого пред-

ставления о готовящемся покушении на жизнь мистера Мэннерда. На большом пальце вашей руки нет шрама, и вы не ожидаете, что он там появится. И о существовании, скажем так, некоего «устройства» в доме восемьдесят по улице Хусейна вам ничего не известно. Верно?

— Совершенно,— признал Коглен.

— Значит, если у вас появится шрам, вы оставите, или, вернее, уже оставили, эти отпечатки пальцев когда-то в будущем, когда вам станет известно об угрожающей мистеру Мэннерду опасности и о каком-то устройстве по адресу: улица Хусейна, дом восемьдесят. Таким образом...

— Ce n'est pas logique! — яростно повторил Дюваль.

— Нет, это вполне логично,— спокойно заметил Галиль.— Единственный изъян в том, что это противоречит здравому смыслу. Из всего вышесказанного следует логический вывод, что когда в будущем мистеру Коглену станет известно нечто важное, он захочет сообщить об этом себе нынешнему. Он захочет — может быть, уже на следующей неделе — известить себя сегодняшнего, что мистер Мэннерд в опасности и что на улице Хусейна, восемьдесят, в задней комнате на втором этаже, находится какое-то устройство. И он это сделает. И записка на форзаце древней книги станет тем средством, при помощи которого он передаст информацию самому себе.

— Вы не можете в это верить! — воскликнул Коглен.

— Я и не утверждаю, что верю в это,— улыбнулся Галиль.— Но мне кажется, имеет смысл заглянуть на улицу Хусейна. Я не вижу никакого другого выхода!

— Почему бы не рассказать обо всем этом Мэннерду? — сухо осведомился Коглен.

— Он примет меня за сумасшедшего,— столь же сухо ответил турок.— И не без основания. Честно говоря, я и сам себя подозреваю.

— Я расскажу ему все как есть,— решил Коглен.— Сегодня я ужинаю с ним и его дочерью. По крайней мере, будет о чем поговорить.— Он взглянул на часы.— Мне уже пора.

Лейтенант Галиль вежливо поднялся. Дюваль отнял руки от лица и тоже встал. Вид у него был еще более изнуренный, чем в начале разговора. У Коглена вдруг мелькнула мысль.

— Скажите, месье Дюваль,— спросил он с любопытством,— а что побудило вас оторвать приклеенную страницу, когда вы нашли книгу?

Дюваль развел руками. Галиль снова перевернул обложку и расправил форзац. На видимой стороне была пометка из пяти-шести строк. Написано было по-гречески, и Коглен не мог понять что. Но, судя по расположению, эту пометку сделал кто-то из бывших владельцев книги, а вовсе не переписчик.

— Мой переводчик и месье Дюваль сходятся во мнениях,— сказал Галиль.— Оба говорят, что здесь написано: «Эта книга побывала за ледяной границей бытия и вернулась обратно, неся на себе записи посвященных, которые справлялись об Аполлонии». Я не имею ни малейшего понятия, что это значит, и месье Дюваль тоже, но он стал искать другие записи. Когда он заметил, что одна страница форзаца приклеена, он отделил ее от обложки — и вы видите, что из этого получилось.

— Не знаю, что это за посвященные и что такое «ледяная граница бытия», равно как и его теплая граница. Зато я знаю одного Аполлония. Думаю, он грек, но сам он именует себя неоплатонистом, как будто это национальность, и утверждает, что родом откуда-то с Аравийского полуострова. Он пытается уговорить Мэннерда финансировать его политические махинации. Но это не может быть о нем. Запись сделана восемь веков назад!

— Про вас ведь написано,— возразил Галиль.— И про мистера Мэннерда. И про дом номер восемьдесят по улице Хусейна. Думаю, мы с мистером Дювалем наведаемся по этому адресу и посмотрим, поможет это раскрыть тайну или только запутает следы.

Дюваль вдруг затряс головой.

— Нет! — с каким-то жалобным неистовством воскликнул он.— Это невозможно! Одна мысль об этом сводит с ума! Мистер Коглен, давайте все забудем. Прошу прощения за вторжение. Я надеялся найти хоть какое-то правдоподобное объяснение. Теперь я умываю руки. Поеду обратно в Париж и сделаю вид, что этого никогда не происходило!

Коглен не поверил ему, но ничего не ответил.

— Надеюсь,— мягко сказал Галиль,— вы еще измените свое мнение.— Он двинулся к двери, француз — следом.— Отказаться от расследования на таком этапе было бы смерти подобно.

— Смерти подобно? — переспросил Коглен.

— Лично я,— признался Галиль,— умер бы от любопытства.

Он помахал рукой и вышел, увлекая за собой Дюваля. Коглен принялся одеваться к ужину с Лори и ее отцом в отеле «Петра». Но все это время с его лба не сходили морщины сердитого недоумения.

II

Такси в Стамбуле водят исключительно маньяки, которым турецкая полиция по какой-то необъяснимой причине позволяет оставаться на свободе. Машиной, в которой Коглен ехал к отелю «Петра», управлял турок с очень смуглой кожей, очень белыми зубами и твердым убеждением, что судьба всех пешеходов до единого находится в руках Аллаха, поэтому он лично может о них не тревожиться. По счастью, автомобиль был оборудован необычайно громким клаксоном и шофер, похоже, искренне наслаждался его ревом. Так что Коглен на бешеной скорости несся по немыслимо узким улочкам, заполненным пешеходами, которые в ужасе шарахались от гудка и тем самым избегали бесславной гибели под колесами такси.

Машина с воем летела по городу. Повороты они проходили на двух колесах с запасом в считаные дюймы. Машина мчалась прямо на группки людей, которые с неожиданным проворством бросались от нее врассыпную, ныряла в переулки, словно в туннели, и выныривала на более широкие улицы современной части города, волоча за собой, точно гирлянду, след из цветистых турецких ругательств.

Коглен ничего не замечал. Едва стоило ему остаться в одиночестве, как в нем пышным цветом расцвели подозрения. Но он мог поверить в них не больше, чем в то положение

вещей, которое описали его посетители. Эти двое не требовали денег и не намекали ни на что подобное. Да у Коглена и не было таких денег, ради которых стоило бы затевать подобную интригу. Единственным человеком, на которого мог быть нацелен мошеннический план, был Мэннерд. У Мэннерда были деньги. Он нажил состояние на строительстве плотин, доков, железных дорог и силовых установок в самых глухих уголках мира. Но он вряд ли мог стать выгодным объектом для аферистов, пусть даже его имя и было упомянуто в той заметке, которая против всякой логики принадлежала руке Коглена. Мэннерд был одним из главных покровителей колледжа, в котором Коглен преподавал. Кроме того, в его ближайших планах было по меньшей мере еще одно крупное благодеяние. Он только посмеется. Хотя, конечно, есть еще и Лори. Она — его уязвимое место, по которому можно больно ударить.

Нет, Мэннерду решительно следовало об этом знать.

Такси лихо пролетело по широкой мостовой Гран-рю де Петра и сделало крутой разворот. Ужом втерлось между степенным лимузином и грозным джипом турецкой армии, едва разминулось с многочисленным семейством, застывшим посреди проезжей части, слегка чиркнуло боком стоящий у обочины кабриолет и с визгом затормозило точно перед навесом над входом в отель «Петра». Шофер ослепительно улыбнулся Коглену и не моргнув глазом заломил вшестеро большую против официальной цену.

Коглен поманил к себе швейцара, вложил ему в руку сумму, всего лишь вдвое превышавшую официальную, и со словами:

— Заплатишь ему, а сдачу можешь оставить себе,— зашагал к входу в отель.

Такой подход был воплощением американской деловитости. Он позволял сэкономить время и деньги. К тому времени, когда Коглен вступил в просторный и величественный вестибюль отеля, дискуссия у него за спиной перешла на повышенные тона.

Лори и ее отец уже ждали его. Лори выглядела куда более сногсшибательно, чем он пытался себя убедить, и Коглен снова

пробормотал под нос: «Профессор, президент, дальше что?», пожимая ей руку. В Лори очень трудно было не влюбиться, но он старался изо всех сил.

— Простите, я опоздал,— сказал он.— Два в высшей степени странных типа пришли ко мне с какой-то дичайшей историей. Пришлось выслушивать. Смех, да и только.

Его взгляд упал на ослепительно-белую манишку. Сверкнули в улыбке зубы. Упитанный коротышка, именовавший себя Аполлонием Великим,— он едва доставал Коглену до плеча и был фунтов на сорок его тяжелее,— радушно протянул ему коротенькую толстенькую ручку с пухлой короткопалой ладонью. Коглен отметил, что дорогие часы Аполлония делают его и без того жирное запястье похожим на перетянутую ниткой сардельку.

— Вряд ли они были более странными, чем я,— укоризненно заметил Аполлоний.

Коглен постарался сделать рукопожатие как можно более кратким. Аполлоний Великий был иллюзионистом — театральным фокусником — и отдыхал здесь после сезона выступлений в европейских столицах к западу от железного занавеса. Сам он называл этот сезон не иначе как выдающимся. Его фирменным номером, насколько Коглен понял, был фокус, заключавшийся в распиливании женщины на глазах у изумленной публики и последующей демонстрации ее целой и невредимой. Он с гордостью рассказывал о том, что, когда он рассекал женщину пополам, две половинки ее тела относили в разные концы сцены. Всем своим видом он давал понять, что сделать это, не убив ассистентку, было под силу только ему.

— Вы знакомы с Аполлонием,— буркнул Мэннерд.— Давайте ужинать.

Он двинулся к ресторану. Лори взяла Коглена под руку. Она подняла на него глаза и улыбнулась.

— Я уже начала бояться, что ты за что-то обиделся на меня, Томми,— шепнула она.— И как раз тренировалась напускать на себя полный отчаяния вид — на тот случай, если ты не появишься.

Коглен смотрел на нее и пытался не таять. Два прошлых раза он решительно отменял встречи, на которых должна

была быть Лори, потому что девушка слишком ему нравилась, а он не хотел, чтобы она об этом узнала. Впрочем, она, похоже, и так обо всем догадывалась.

— Хорошо, что у меня была назначена эта встреча,— сказал он.— От моих посетителей у меня голова пошла кругом. Пожалуй, надо поинтересоваться у Аполлония, как они это делают. Это как раз по его части.

Метрдотель с поклоном провел их к столику. Ужин предполагался на четверых. Повсюду поблескивало серебро и хрусталь, слышались негромкие голоса, а струнный оркестр героически пытался заставить поистине ближневосточную версию «Голубой рапсодии» звучать как американский свинг. Это им не удавалось, зато они хотя бы играли не очень громко.

Коглен ждал, когда подадут закуски, и лицо его безотчетно мрачнело. Аполлоний Великий поднял бокал. Его врезающиеся в запястье часы мозолили Коглену глаза. Неутомимая секундная стрелка необъяснимо раздражала его. Аполлоний вкрадчиво заговорил:

— Думаю, настало время рассказать всем о моей огромной удаче! Предлагаю выпить за будущую Автономную неоплатонистскую республику! Некоторые считают ее утопией, другие — мошенничеством, а меня — мошенником. Но я пью за то, чтобы она стала явью!

Он выпил. Улыбка его стала еще шире.

— Я обеспечил финансирование взяток, которые мне приходится платить,— объяснил он. Все его многочисленные подбородки так и лучились весельем.— Я не могу открыть имя человека, решившего поспособствовать обогащению некоторых нечистых на руку политиков ради того, чтобы помочь моему народу, но я очень счастлив. За меня и мой народ!

— Это замечательно! — сказал Мэннерд.

— Я не буду больше досаждать вам просьбами о пожертвовании,— заверил его Аполлоний.— Разве это не облегчение?

Мэннерд фыркнул. Аполлоний Великий почти открыто признавал себя шарлатаном; он определенно говорил о своем «народе» с видом человека, который не ожидает, что кто-то примет его слова всерьез. Он рассказывал всем, что где-то на Аравийском полуострове существует группка крохотных глухих деревушек, в которых учение неоплатонизма приобре-

ло характер религии. Ее якобы проповедует каста философов-жрецов, которые завладевают умами паствы посредством магии, и Аполлоний клялся, будто является одним из иерархов и что он поразил всю Европу волшебством, на котором зиждется весь их культ. Эта история походила на рекламу, которую мог сочинить агент, наделенный чересчур буйным воображением. Вековые традиции поклонения искусству фокусничанья казались чем-то не слишком правдоподобным. А теперь Аполлоний утверждал, будто нашелся желающий дать деньги на подкуп кого-то из правительственных чиновников, чтобы жители деревни могли безбоязненно открыть миру свое существование и свою, по меньшей мере, экстравагантную религию.

— Сегодня у меня было двое посетителей,— сказал Коглен,— которые, похоже, пользовались вашей неоплатонистской магией.— Он обернулся к Мэннерду.— Кстати говоря, сэр, они сообщили, что я, вероятно, собираюсь вас убить.

Мэннерд поднял на него изумленные глаза. Это был крупный мужчина, дочерна загорелый и явно способный позаботиться о себе.

— Нож, пуля или яд, Томми? — поинтересовался он.— Или ты предпочтешь циклотрон? Давай-ка поподробнее.

Коглен начал рассказывать. Сейчас, в его собственных устах история об изнуренном Дювале и скептически настроенном Галиле показалась ему еще более дикой, чем прежде.

Мэннерд слушал. Подали закуски. Потом суп. Коглен рассказывал очень осторожно и сильно разозлился, когда поймал себя на том, что объясняет, насколько невероятно, чтобы эта история оказалась выдумкой. И все же он умолчал о той самой строке, которая сильнее всего тревожила его.

Мэннерд, слушая, пару раз фыркнул.

— Остроумно! — заметил он, когда Коглен закончил.— Как, по-твоему, они это сделали и что им нужно?

Аполлоний утер губы и самый верхний из своих подбородков.

— Мне это не нравится,— сказал он серьезно.— Совсем не нравится. О, книга, отпечатки пальцев и надпись — все это можно подделать. Помню, как-то раз в Мадриде я... впрочем, это неважно. Они любители и потому могут быть опасны.

— Думаю, Томми раскусил бы грубую подделку,— заявила Лори.— И мне кажется, он рассказал нам не все. Я давно его знаю. Он что-то недоговаривает.

Коглен вспыхнул. Способность Лори читать его мысли была просто сверхъестественной.

— Там была еще одна строчка, о которой я не рассказал,— признался он.— Она не имеет смысла ни для кого, кроме меня,— и я никогда никому об этом не говорил.

Аполлоний вздохнул.

— Ах, какие только сокровенные вещи я не читал зачастую! Каждый считает свои мысли неповторимыми! Но все равно мне это не нравится!

Лори склонилась к Коглену.

— То, о чем ты не рассказал... это было обо мне? — спросила она вполголоса.

Коглен смущенно взглянул на нее и кивнул.

— Как мило! — сказала Лори и озорно улыбнулась ему.

Аполлоний вдруг встряхнулся. Он взял бокал с водой и поднял его на уровень глаз.

— Я покажу вам принцип магии,— сказал он твердо.— Я держу в руках бокал, наполненный только водой. Вы видите, что там больше ничего нет!

Мэннерд подозрительно посмотрел на бокал. Вода была совершенно прозрачной. Аполлоний провел бокалом над столом на уровне глаз сидящих.

— Видите? А теперь, мистер Коглен, возьмите бокал в ладони. Так, чтобы они окружили чашу. Вы-то уж точно не мой сообщник. А теперь...

Толстенький человечек впился в бокал пристальным взглядом. Коглен ощутимо чувствовал себя дураком.

— Абракадабра семьсот пятьдесят Фатима мисс Мэннерд очень красивая! — проговорил он театральным тоном.— Любые другие слова подействовали бы ничуть не хуже,— добавил он безмятежно.— Поставьте бокал, мистер Коглен, и посмотрите на него.

Коглен опустил бокал и убрал руки. В воде блестел золотой. Монета была старинная, десять дирхемов Османской империи.

— Я не могу создать иллюзию,— сказал Аполлоний,— но в заблуждение вас ввел, верно?

— Как вы это сделали? — с любопытством спросил Мэннерд.

— Когда бокал с водой находится на уровне глаз,— пояснил Аполлоний,— его дна не видно. Мешает преломление света. Я бросил в воду монетку и поднял бокал на уровень ваших глаз. Пока его не поставили на стол, он казался пустым. Вот и весь секрет.

Мэннерд хмыкнул.

— Здесь важен принцип! — продолжал Аполлоний.— Я сделал такое, что вы не могли себе представить. Вы сами ввели себя в заблуждение, так как думали, что я должен сотворить какой-нибудь фокус. А я сделал его раньше. Вот в чем секрет магии.

Он выудил золотой из бокала и спрятал в карман жилета. Коглен мрачно подумал, что этот фокус выглядит куда менее убедительно, чем его собственный почерк, отпечатки пальцев и самые сокровенные мысли, записанные несколько столетий назад.

— Гм. Думаю, я заявлю о ваших посетителях в полицию,— сказал Мэннерд.— Там было упомянуто мое имя. Я могу иметь к этому какое-то отношение. Для обычного розыгрыша слишком уж все сложно, и потом, там сказано про убийство. У меня есть знакомые среди довольно высокопоставленных турецких чиновников. Вы не откажетесь повторить эту историю тому, кого они пришлют к вам?

— Разумеется, нет.

Коглен думал, что должен испытать облегчение, но ничего такого не чувствовал. Потом в голову ему пришла мысль.

— Кстати,— обратился он к Аполлонию,— к вам это тоже имеет отношение. В книге была еще одна запись, о том, что «посвященные» интересовались вами!

Он пересказал ему, как помнил, слова на форзаце книги. Толстяк хмуро выслушал его.

— Это мне очень не нравится! — заявил он твердо.— Если мое имя будет связано с мошенниками, это не пойдет на пользу моей профессиональной репутации! Это очень нехорошо!

К удивлению Коглена, он побледнел. Возможно, причиной тому был гнев, но лицо у него стало гораздо белее.

— Ты упомянул о каком-то устройстве, Томми. В доме восемьдесят по улице Хусейна, кажется?

Коглен кивнул.

— Да. Дюваль и лейтенант Галиль сказали, что они собираются туда наведаться.

— После ужина,— предложила Лори,— мы можем сесть в машину и съездить взглянуть на этот дом хотя бы снаружи. Если я не ошибаюсь, у папы ничего не запланировано на вечер. Это может оказаться интересным...

— Неплохая мысль,— одобрил Мэннерд.— Погода сегодня хорошая. Поедем все вместе.

Лори удрученно улыбнулась Коглену. А сам он решительно сказал себе, что рад тому, что ему не стоит оставаться с Лори наедине. Но на душе у него веселее не стало.

Мэннерд отодвинул стул.

— Это невыносимо! — буркнул он.— Никак не пойму, чего ради они все это затеяли! Давайте поедем и взглянем на этот дьявольский дом!

Они поднялись на третий этаж, в номер Мэннерда, и тот позвонил, чтобы ему подали машину — ее он взял напрокат на период своего пребывания в Стамбуле. Лори накинула на голову шарф. Коглен обреченно отметил, что она хороша даже в таком виде.

Аполлоний Великий вежливо принял приглашение и продолжил распространяться о своей политической деятельности по подкупу. Он полагал, что в будущем, когда в глухие деревушки его народа придет просвещение, там могут обнаружиться даже древние манускрипты. Из его речи Коглен сделал вывод, что его единоверцев-земляков насчитывается две или три тысячи.

Доложили, что машина подана.

— Я спущусь по лестнице! — возвестил Аполлоний, взмахнув пухлой ручкой.— Теперь, когда нашелся человек, готовый дать деньги мне и моему народу, я ощущаю себя исполненным достоинства и величия. Не думаю, чтобы кто-то мог чувствовать себя исполненным достоинства в лифте.

Мэннерд хмыкнул. Все двинулись к широкой лестнице вслед за Аполлонием.

Внезапно повсюду погас свет. И тут же кто-то ахнул, что-то упало. Голос Мэннерда яростно выругался откуда-то из середины закругляющегося лестничного пролета. Еще секунду назад он стоял на верхней площадке.

Снова вспыхнул свет. По ступенькам взбежал разъяренный Мэннерд. Он сердито озирался по сторонам, тяжело дыша. Сейчас он совершенно не походил на миллионера. Грозный, весь подобравшийся, казалось, он в любой миг готов был броситься в драку.

— Друг мой! — ахнул Аполлоний.— Что случилось?

— Кто-то пытался скинуть меня с лестницы! — зло рявкнул Мэннерд.— Меня схватили за ногу и потянули! Если бы я упал туда, куда меня пытались сбросить,— если бы я не успел спохватиться,— то перелетел бы через перила и свернул себе шею!

Он сердито огляделся. Но на площадке их было всего четверо. Мэннерд бегло осмотрел все коридоры. Он был вне себя от злости. Но вокруг не было ни одной живой души, которая могла бы совершить такое.

— А может быть, я поскользнулся,— сказал он раздраженно,— но мне так не показалось! Черт побери... Ладно, никто не пострадал.

Он хмуро зашагал по лестнице. Свет горел ровно. Все остальные двинулись за ним.

Лори спросила дрожащим голосом:

— Странно, правда?

— Очень,— согласился Коглен.— Если ты помнишь, мне сказали, что я, возможно, убью его.

— Но ты стоял рядом со мной! — быстро сказала Лори.

— Не настолько, чтобы теоретически я не мог этого сделать,— возразил Коглен.— Лучше бы этого не случалось.

Они спустились в вестибюль; Мэннерд все еще кипятился. Аполлоний шествовал с поистине утиной грацией. Коглену он казался очень похожим на портреты Ага-хана. Иллюзионист прямо-таки светился улыбкой. Вид у него был очень импозантный. И он думал точно так же, как и Коглен, потому что в вестибюле обернулся и произнес вкрадчиво:

— Вы говорили что-то о пророчестве, о том, что вы можете убить мистера Мэннерда! Будьте осторожны, мистер Коглен! Будьте осторожны!

Он подмигнул им с Лори и продолжил величественное шествие к машине, которая уже ждала их у входа.

На заднем сиденье было темно. Лори устроилась рядышком с Когленом. Он остро чувствовал ее близость. Но машина тронулась, и он нахмурился. Надпись, сделанная его собственной рукой в древней книге, гласила: «Позаботьтесь о Мэннерде. Его хотят убить». А с Мэннердом только что едва не случился несчастный случай... Коглен с беспокойством ощущал: произошло нечто важное. То, что он обязательно должен был заметить.

Впрочем, раздраженно сказал он себе, это не что иное, как просто совпадение.

III

На следующий день Коглен в одиночестве пил утренний кофе с унылым видом и в подавленном состоянии духа, как это в последнее время всегда случалось с ним наутро после свидания с Лори. Беда, разумеется, была в том, что он хотел жениться на ней и решительно отказывался даже представить такую возможность.

Он пил кофе и угрюмо смотрел во двор за окном. Он снимал квартиру в одном из наиболее старых домов в районе Галата, слегка подремонтированном на современный манер. На месте этого дворика, наверное, когда-то располагался гаремный садик. Теперь его вымостили плитами, между которыми пробивались немногочисленные чахлые кустики, и приглушенный шум Стамбула почти не добирался сюда.

Послышалась чья-то поступь. Через двор, чеканя шаг, шел лейтенант Галиль. Он нырнул в дом. Секунду спустя в дверь позвонили. Коглен открыл, хмурясь.

— Доброе утро! — с ухмылкой поздоровался Галиль.

— Опять загадки? — осведомился Коглен подозрительно.

— Мне кое-что пришло в голову. В мыслях я куда более свободен.

— Я пью кофе,— проворчал Коглен.— Присоединяйтесь.

Он вытащил еще чашку и налил гостю кофе. У него появилось странное ощущение, что Галиль наблюдает за ним с каким-то непонятным дружелюбием.

— У меня для вас письмо,— весело сообщил турок.

Он передал Коглену конверт. Внутри оказалось уведомление на английском языке, аккуратно отпечатанное, насколько мог судить Коглен, на бланке министерства полиции. Официально министерство располагалось в Анкаре, а не в Стамбуле, однако неофициально оставалось там, где находилось средоточие преступного мира,— в более старом городе. Подпись была очень разборчивая. Она принадлежала члену кабинета министров, никак не меньше. В уведомлении говорилось, что по просьбе американского гражданина мистера Мэннерда лейтенанту Галилю было приказано побеседовать с мистером Когленом по делу, которое мистер Коглен считал необычайно серьезным. Его автор также заверял мистера Коглена в том, что лейтенант Галиль пользуется полным доверием министерства, убежденного в его компетентности и способности к сотрудничеству.

Коглен поднял на него недоуменные глаза.

— А я-то счел вас подозрительным типом! — сказал Галиль.— Но вы совершили то, что подозрительный тип ни за что бы не сделал — с самого начала позвонили в полицию. Потому что посчитали подозрительным меня! — Он фыркнул.— А сейчас, если у вас все еще остались сомнения, я могу доложить начальству, что вы желаете разговаривать только с лицом более высокого ранга. Но нелегко будет убедить кого-то еще принять это дело всерьез! Или заняться им в столь же дружелюбной манере, принимая во внимание предполагаемую угрозу жизни мистера Мэннерда и мою относительную уверенность в том, что вы пока что,— он слегка улыбнулся,— не имеете никакого отношения к этой угрозе.

Коглен тоже подумал об этом.

— Это уму непостижимо! — возмутился он.— Стоило мне рассказать Мэннерду обо всем вчера вечером, как с ним чуть было не произошел несчастный случай, а у третьего лица, которое присутствовало при этом, хватило наглости предостеречь меня...

Галиль весь подобрался. Вскинул руку.

— Как все произошло?

Коглен нетерпеливо рассказал о том, как Мэннерд поскользнулся на лестнице.

— По всей видимости, это было совпадение,— закончил он. И добавил оправдывающимся тоном: — Что еще это могло быть?

— И правда,— согласился Галиль.— Что вы думаете о доме номер восемьдесят по улице Хусейна? — спросил он вдруг.— Вы были там вчера вечером.

Коглен пожал плечами. Они вчетвером: Мэннерд, Лори, Аполлоний Великий и Коглен — забрались в глубь района Галата и обнаружили загадочный дом на узенькой, извилистой и зловонной улочке. Это оказалось грязное, немыслимо древнее строение, в котором не было ни единой живой души. Когда шофер отыскал нужный адрес, вокруг дома толпились оборванцы, с любопытством глазея на полицейское оцепление. Галиль сам вышел спросить приехавших, что им нужно. Потом они всем скопом отправились в гулкое безлюдное здание и поднялись в пустую заднюю комнатку на втором этаже.

Вид и запах этой комнаты до сих пор преследовали Коглена. Дом пустовал уже много лет. Он был таким старым, что каменные плиты пола на первом этаже давным-давно раскрошились, и поверх них положили широкие растрескавшиеся доски, которые сами уже успели износиться. В ступенях, ведущих на второй этаж, ноги бесчисленных поколений жильцов вытоптали углубления. В доме жили запахи. Жила плесень. Жила беспросветная нищета и следы запустения, которое длилось, казалось, тысячу лет. Жила паутина и грязь. Там можно было найти все признаки упадка, и все же каменные притолоки покрывал резной узор, сделанный в те времена, когда рабочие были ремесленниками и потому отчасти выполняли работу художников. А в одном месте на восточной стене штукатурка была сырой. Размытое квадратное пятно размером полтора на полтора фута, примерно в ярде над полом, влажно поблескивало.

Коглен нахмурился, и это не ускользнуло от проницательного взгляда Галиля.

— В комнате ничего нет. Она пуста. Никакого «устройства», обещанного книгой Дюваля.

Галиль заметил мягко:

— Книга была написана в двенадцатом столетии. Неужели вы ожидали найти что-нибудь в этой комнате, спустя столько лет, после стольких ограблений... После двадцати поколений людей, которые жили в ней?

— Я руководствовался лишь книгой Дюваля,— с некоторой иронией ответил Коглен.

— Вы думали о том влажном пятне, да?

— Я не понимаю, откуда оно,— признался Коглен.— Оно... странное. Холодное.

— Возможно, это и есть то самое устройство,— сказал Галиль. И добавил с легким укором: — После того как вы уехали, я ощупал его — по вашему примеру. И едва не отморозил себе руки. Потом я накрыл это пятно одеялом, и на нем образовался иней!

— Это неосуществимо без морозильной установки, а о ней не может идти и речи! — нетерпеливо прервал Коглен.

Галиль поразмышлял над его словами.

— И все же он образовался.

— Интересно, морозильную установку можно назвать «устройством»? — вслух подумал Коглен.

Турок покачал головой.

— Это очень странно. Я узнал, что в той комнате на штукатурке всегда было пятно, и оно всегда было мокрым. Его считали магическим, и о доме ходила дурная слава — это одна из причин, по которой он пустует. Этой легенде по меньшей мере шестьдесят лет. Так давно еще не было маленьких морозильных установок. Может это быть еще одним необъяснимым фактом в нашем деле?

— Вечно мы обсуждаем какую-то чушь! — фыркнул Коглен.

Галиль снова задумался.

— Не может ли замораживание быть забытым искусством древних,— спросил он со слабой улыбкой,— и если так, какое отношение оно имеет к вам, мистеру Мэннерду и этому... Аполлонию?

— Нет никаких забытых искусств,— заверил его Коглен.— В старину люди делали все наобум, полагаясь на то, что считали магическими принципами. Иногда у них что-то получалось. Из магических соображений они лечили болезни сердца наперстянкой. Она оказалась действенной, и это вошло в обычай. Из этих же соображений они до посинения лупили по меди молотком. Она затвердела, и они решили, что она закалилась. Существуют предметы с гальваническим покрытием, которым больше тысячи лет. Древние греки сделали паровую турбину еще в эпоху античности. Более чем вероятно, что у них был и магический фонарь. Но без научного мышления не может быть науки. Все это получалось у них случайно, они не понимали ни что делают, ни как они это делают. У них не было развито техническое мышление... поэтому нет никаких забытых искусств, а есть только новые определения. Мы умеем делать все, что умели древние.

— Вы можете сделать так, чтобы какое-то место оставалось холодным шестьдесят лет, не говоря уже о восьмистах?

— Всего лишь иллюзия,— возразил Коглен.— Иначе и быть не может! Вам лучше спросить Аполлония о том, как это делается. Это по его части.

— Я был бы рад, если бы вы еще раз осмотрели то холодное пятно в доме на улице Хусейна,— удрученно сказал Галиль.— Даже если это иллюзия, то необыкновенно стойкая.

— Я обещал Мэннердам поехать сегодня вместе с ними на пикник. Они собираются присмотреть участок на берегу Мраморного моря.

Галиль вскинул брови.

— Они хотят обосноваться здесь?

— Это для детского лагеря,— сдержанно пояснил Коглен.— Мэннерд — миллионер. Он пожертвовал много денег Американскому колледжу, и теперь ему предложили сделать еще одно доброе дело. Будет организован лагерь для беспризорных детей. Возможно, Мэннерд решит финансировать проект, чтобы показать, как мало нужно для здоровья детей. В Соединенных Штатах этим никого не удивишь. Он ищет место. Если он даст деньги, лагерем будет управлять турецкий персонал, и вложения окупятся. Если затея окажется успешной, турецкое правительство или частные благотворительные организации подхватят и продолжат ее.

— Это замечательно,— сказал лейтенант Галиль.— Нельзя, чтобы такого человека убили.

Коглен ничего не ответил. Галиль поднялся.

— Но... прошу вас, сходите и осмотрите эту «древнюю морозильную установку»! Ведь в вашей записи, сделанной восемьсот лет назад, упоминается, несомненно, о ней! И... мистер Коглен, вы будете остерегаться?

— Чего?

— Мистера Мэннерда, например.— Галиль криво усмехнулся.— Я верю во все эти штуки из прошлого не больше вас, но как философ и полицейский я вынужден смотреть в лицо фактам, даже когда они кажутся невероятными, и рассматривать все возможности, даже если они откровенно абсурдны. Предсказаны два события, которые меня тревожат. Я надеюсь, что вы поможете их предотвратить.

— Первое — это, разумеется, убийство Мэннерда. А второе?

— Мне будет жаль, если погибнет невинный человек, и я постараюсь не допустить этого,— ответил Галиль.— Но с точки зрения логики я буду встревожен куда сильнее, если вы порежете большой палец. Убийство можно объяснить.

Коглен ухмыльнулся.

— Я не порежусь. Это маловероятно!

— Потому-то я и боюсь этого. Пожалуйста, поезжайте на улицу Хусейна, когда сможете. По моему распоряжению комнату сейчас тщательно осматривают и в процессе осмотра чистят. Я даже разместил там солдат — так я буду уверен, что за время моего отсутствия никто ничего не подстроит.

Он помахал рукой и ушел.

Час спустя Коглен присоединился к вылазке, целью которой было отыскать подходящее место для будущего детского лагеря. На причале на берегу Золотого Рога стояла великолепная маленькая яхта. Вокруг царила суматоха. Итальянские грузовые суда и катера, неуклюжие баржи, шлюпки с треугольными парусами и замызганные четырех- и шестивесельные лодки — все мыслимые типы плавучих средств покачивались на воде, рассекали волны или стояли на якоре буквально повсюду. Яхту в качестве широкого жеста одолжил

ее владелец, чтобы Мэннерд пожертвовал на устройство лагеря деньги, которые сам хозяин яхты предпочитал тратить на другие вещи.

Когда появился Коглен, Лори сразу оживилась. Она махнула ему рукой.

— Новости, Томми! Твой друг Дюваль звонил мне сегодня утром!

— Зачем?

— Тон у него был истерический и извиняющийся одновременно, потому что он пытался дозвониться до отца, но не сумел. Он сказал, что не может открыть мне ни всех подробностей, ни источника сведений, но точно знает, что вы намерены убить моего отца. Он чуть не упал, когда я ответила ему как ни в чем не бывало: «Большое спасибо, месье Дюваль! Мистер Коглен так и сказал нам вчера вечером!» — Она ухмыльнулась.— Это был не совсем тот ответ, какого он ожидал!

— Если он честный человек,— принялся вслух размышлять Коглен,— то должен был поступить именно так — попытаться предупредить вашего отца. Но он не мог сказать, почему уверен в готовящемся убийстве: ему бы никто не поверил. Может, он действительно не обманывает. Не знаю.

К причалу вперевалку подошел Аполлоний Великий в великолепном костюме для морских прогулок. Он улыбнулся во весь рот и помахал рукой — на его часах заиграло солнце. К нему тут же бросился попрошайка и принялся жалобно причитать, протягивая драную кепку. Он кланялся и пронзительно что-то лопотал. Аполлоний Великий остановился, с явным изумлением посмотрел на протянутую кепку и ткнул в нее пальцем. Попрошайка тоже заглянул туда, взвизгнул и со всех ног бросился бежать, крепко сжимая свой видавший виды головной убор. Аполлоний подошел к яхте, сотрясаясь от хохота.

— Ну, что скажете? — весело спросил он, поднявшись на палубу.— В таких случаях я просто не могу удержаться! Он протянул кепку, я взглянул на нее, разыграл удивление — и в кепке оказалась пригоршня драгоценных камней! Да, это простые стекляшки, они ничего не стоят, но я приложил к ним серебряную монетку, чтобы утешить парня, когда он поймет, что грош цена его богатству.

Он степенно двинулся навстречу Мэннерду. Вокруг яхты творилось настоящее столпотворение, без которого на Востоке не обходится ни одно публичное дело. Повсюду кишели люди. Даже экипаж яхты был раздут сверх необходимого: команда насчитывала как минимум дюжину человек — и это на судне, с которым легко управились бы всего три матроса-американца. Их было столько, что, казалось, они просто мешают друг другу готовиться к отплытию.

Приглашенных было не так много. Один профессор из Американского колледжа. Местный политик, владелец земли, на которой предполагалось строить лагерь. Адвокат. Турок, владелец яхты, засиял, когда перед самым отплытием на палубу доставили корзины с едой. Платил за них не он.

Коглен и Лори сидели на самой корме, когда яхта наконец-то снялась с якоря и вышла в бухту Золотой Рог. На уединение здесь рассчитывать вряд ли стоило, учитывая снующий повсюду экипаж, но Коглен и не искал его. Он смотрел на панораму города, который на протяжении тысячи лет был центром мировой цивилизации — а теперь превратился в скопление узких улочек и сомнительных заведений. Лори рядом с ним любовалась открывающимся зрелищем: минаретами, куполами и величественным Сералем, уходящей ввысь громадой Айя-Софии и живописным обликом города, славившегося своей красотой вот уже почти две тысячи лет. Все вокруг заливал яркий солнечный свет, а на воде играли золотистые блики. Это придавало окружающей картине поистине волшебное очарование. Но Лори отвернулась и взглянула на Коглена.

— Томми,— спросила она,— ты не скажешь, что было в той строчке, которую ты утаил от нас вчера вечером? Ты сказал, это касается меня.

— Так, ничего особенного,— уклонился от ответа Коглен.— Может, пойдем в рубку и посмотрим, как управляют яхтой?

Она взглянула ему прямо в лицо и улыбнулась.

— Тебе никогда не приходило в голову, Томми, что мы так давно знакомы и я успела так основательно тебя изучить, что почти могу читать твои мысли — ну, или надеюсь, что могу.

Он беспокойно заерзал.

— Когда тебе было десять лет, ты был так добр, что пообещал жениться на мне, когда вырастешь. Но очень яростно настаивал, чтобы я никому об этом не рассказывала!

Он пробурчал что-то неразборчивое о детях.

— И ты позвал меня на свой выпускной бал,— напомнила она,— хотя для этого мне пришлось заставить папу уехать из Боготы на два месяца раньше срока, чтобы быть рядом с тобой, когда настанет время передавать приглашение. И ты стал первым мальчиком, с которым я поцеловалась,— добавила она дружески,— и до... до последнего времени ты писал мне такие милые письма. Ты с самого детства оказывал мне внимание, Томми!

— Сигарету? — спросил он.

— Нет,— ответила она твердо.— Я еще не договорила.

— Что толку болтать,— сказал он мрачно.— Идем к остальным.

— Томми! — возмутилась она.— Какой ты противный! А я-то пытаюсь спасти твою гордость! — Она ухмыльнулась.— Ты ведь не хочешь, чтобы отец спросил у тебя, каковы твои намерения?

— Нет у меня никаких намерений,— заявил он угрюмо.— Я презирал бы себя, если бы согласился на роль мужа при богатой жене. А даже если нет, меня презирала бы ты! Наш брак не продержался бы долго. А я не хочу быть всего лишь первым в веренице твоих мужей!

Ее взгляд смягчился, но она укоризненно покачала головой.

— Тогда как бы ты отнесся к тому, чтобы стать моим братом? Ты должен предложить мне это, хотя бы из вежливости.

Коглен знал ее очень давно. Ее милое лукавство могло обмануть кого угодно. Но Коглен чувствовал себя последним мерзавцем.

Он пробормотал что-то себе под нос. Потом вскочил на ноги.

— Ты прекрасно знаешь, что я люблю тебя,— сердито сказал он.— Но лучше на этом и остановиться! Я не могу взять и разлюбить тебя, зато могу задавить это чувство! Хватит! Ты

скоро уедешь. Если бы не это, я не остался бы наедине с тобой! Я люблю тебя больше всех на свете, но ты меня не переубедишь. Понятно?

— Я не хочу навязываться тебе, Томми,— спокойно отозвалась Лори.— Но я уже почти отчаялась!

Она улыбнулась. Он застонал и раздраженно зашагал прочь. Когда он повернулся к ней спиной, ее улыбка померкла и исчезла. Когда минуту спустя он оглянулся, она стояла и смотрела на воду, повернувшись спиной ко всем остальным. Руки ее были судорожно сжаты.

Яхта летела по волнам Босфора. По обоим берегам высились холмы, усеянные домишками, которые с залива выглядели нарядными и живописными, но при близком рассмотрении показались бы совершенно убогими. Небо заливала густая лазурь, и этот пейзаж повидал на своем веку немало романтических сцен. Но хозяин яхты что-то горячо втолковывал Мэннерду с сильнейшим турецким акцентом. Профессор Американского колледжа с головой ушел в спор с адвокатом на тему ответственности городских властей за вонь от гниющих отбросов, из-за которой в его доме едва можно было жить. Владелец участка, который им предстояло осмотреть, говорил только по-турецки. Оставался разве что Аполлоний Великий.

Коглен завел разговор о загадочной и совершенно невероятной надписи в «Алексиаде».

— А, это мистификация,— отмахнулся Аполлоний добродушно.— Кроме того, думается мне, это было сделано с корыстными намерениями. Но мистер Мэннерд обратился в полицию. Там займутся этими людьми. С моей стороны неразумно было бы вмешиваться в расследование!

— Только если это не мошеннический план! — коротко ответил Коглен.

— Это,— признался Аполлоний,— меня и тревожит. Как вам известно, недавно я получил крупную сумму, чтобы купить свободу для моего народа, из источника, который немало удивил бы вас. Я не хочу, чтобы мое имя было связано с отъявленными мошенниками! Поэтому я буду держаться в стороне от этого дела — а не то как бы меня тоже не записали в аферисты!

Коглен в задумчивости отвернулся.

Да, день выдался не из веселых. Он ни за что не вернется к Лори. Решение, которое он принял, далось ему нелегко. Он не изменит его. Незачем с ней разговаривать. Одна мысль о Лори делала его несчастным. Он попытался занять мысли загадочным домом на улице Хусейна, представить себе доступное для древних устройство, которое было бы равноценно холодильнику. В Вавилонии знали, что если положить неглубокий поднос поверх одеял, то ночью он будет отдавать тепло, и к утру образуется тоненькая корочка льда — но только в совершенно безветренную и безоблачную ночь. Тепло уходило в воздух, а одеяло не позволяло земле отдать то, что она накопила за день. Но Стамбул едва ли можно назвать краем безоблачных ночей. Здесь этот фокус бы не удался. Да и древние все равно не понимали причин этого явления. Он перестал ломать голову.

Когда пролив Босфор расширился и перешел в Мраморное море, яхта повернула к берегу. Она пристала к шаткому причалу, несмотря на неуклюжие действия слишком многочисленного экипажа, члены которого, казалось, только мешали друг другу. Мэннерд сошел на берег, чтобы осмотреть предполагаемое место для лагеря. Матросы потащили с корабля бесчисленные корзины, раскладные столы и прочие принадлежности для обеда на открытом воздухе. Коглен с мрачным видом курил на палубе.

Лори сошла на берег, и он сидел неподвижно, чувствуя себя глупо. Через некоторое время он все же спустился на причал и принялся бродить по нему, пока накрывали на столы. Когда все было готово, он позволил усадить себя рядом с Лори. Она делала вид, что никакого разговора между ними не было, и весело болтала. Он впал в глубокое уныние.

Будущий детский лагерь во всех подробностях обсуждали по меньшей мере на трех языках. Обед шел своим чередом, матросы исполняли обязанности официантов и носили из корабельного камбуза горячие блюда. Хозяин участка поднялся и, потея, произнес цветистую речь в горячей надежде сбыть с рук ненужную ему землю за как можно более высокую цену. Профессор из Американского колледжа с теплотой отозвался

о Мэннерде и пару раз намекнул, что его родному факультету не помешало бы дополнительное финансирование. Коглен отчетливо понимал, что каждый в этой компании стремится всеми правдами и неправдами вытянуть из Мэннерда деньги, и еще раз безжалостно напомнил себе о решении не влезать в эту крысиную возню и не пытаться жениться на Лори.

Матросы принесли кофе. Коглен взял чашку; разговоры меж тем продолжались. Мэннерд увлеченно беседовал с адвокатом и с владельцем участка. Судя по всему, судьба лагеря была практически решена. Это показалось Коглену единственным ярким пятном за весь этот безрадостный день.

Он увидел, как Мэннерд отхлебнул кофе и, прикоснувшись к чашке, отдал ее матросу, чтобы ему налили нового, погорячее. Напиток уже успел остыть.

Лори оживленно болтала с Аполлонием. Тот улыбался ей во весь рот. Вернулся матрос с кофе. Мэннерд по своей всегдашней привычке потрогал чашку. Поднес ее к губам.

Послышался громкий треск. По берегу разбежалось эхо. Голоса затихли.

Мэннерд ошеломленно смотрел на кофейную чашку, которую держал в руке. Вернее, на то, что от нее осталось. В нее угодила пуля. Все вокруг было залито кофе, а Мэннерд нелепо застыл, держа у губ ручку от чашки.

Коглен вскочил с места в тот же миг, когда перед глазами у него встала строчка, написанная его собственной рукой на пожелтевшей пергаментной странице:

«Позаботьтесь о Мэннерде. Его хотят убить».

IV

Зрелище было глупее не придумаешь. Разъяренный Мэннерд вскочил, не выпуская из рук отбитой ручки. Похоже, он не понимал, что, стоя, представляет собой куда более удобную мишень. На мгновение все словно остолбенели — все, кроме Коглена. Он бросился вперед, опрокинув на ходу шаткий столик вместе с хрупким фарфором и столовым серебром.

— Пригнитесь! — рявкнул он.

Он толкнул отца Лори обратно в кресло. Пейзаж вокруг оставался столь же безмятежным, если не принимать во внимание побледневших, скованных страхом людей, которые неловко поднимались с земли — Коглен сбил их с ног. Безмолвие зеленых холмов нарушал лишь еле слышный стрекот насекомых. Поверхность воды была гладкой, словно зеркало. С яхты на берег бросилось несколько моряков.

— Всем собраться здесь! — сердито велел Коглен.— Стреляли в Мэннерда! Подходите ближе!

Лори была единственной, кто повиновался. Лицо у нее было такое же белое, как и у всех остальных, но она сказала:

— Я тут, Томми. Что нам делать?

— Ну ты-то куда лезешь? Кто-то стрелял в твоего отца! Если мы окружим его и отведем на яхту, они не смогут прицелиться. Давай, становись в центре!

Он яростно зажестикулировал, пытаясь объяснить матросам-туркам, что делать, и они повиновались. Вместе с Лори и моряками они окружили злющего, готового вот-вот взорваться Мэннерда и повели его на пришвартованное в дальнем конце причала судно. Все остальные участники пикника засуетились. Адвокат как ошпаренный кинулся на яхту. Хозяин участка оказался еще более проворным. Один Аполлоний сидел там, где опрокинулся его стул,— с ошеломленным выражением на посеревшем лице. Профессор из Американского колледжа взбежал на палубу и куда-то исчез. Коглен вернулся на берег и помог подняться сидящему Аполлонию. Толстяк с грехом пополам встал на ноги и неуклюже поковылял на яхту.

— Эй, кто тут знает турецкий! — рявкнул Коглен.— Скажите матросам, чтобы помогли мне найти того, кто стрелял! У него было достаточно времени, чтобы скрыться, но это не повод его не искать!

Чей-то голос отозвался неразборчивой трескучей фразой. Матросы сошли на сушу, и Коглен повел их в сторону от берега. Они подчинились его жестам и принялись вместе с ним шарить в зарослях кустарника, тщательно и без особой опаски. Но Коглен был в ярости. Он не мог даже толком объяс-

нить им, что делать. У него не было уверенности, что они догадаются поискать следы ног или крошечную гильзу — что-нибудь, что могло сказать хотя бы о том, где скрывался неудачливый убийца.

С яхты послышались крики. Коглен не обращал на них внимания и продолжал искать — сердито, но с нарастающим ощущением тщетности своих усилий. На берег сбежала Лори.

— Томми! Без толку искать! Он ушел! Надо возвращаться в Стамбул и идти в полицию!

Коглен сердито кивнул и снова задался вопросом, не мог ли незадачливый стрелок целиться не в Мэннерда, а в Лори. Он остановился между ней и берегом, закричал и замахал матросам. Потом велел окружить Лори кольцом и повел их к яхте.

Они в страшной спешке снялись с якоря. Яхта отошла от берега и взяла курс на Стамбул. Мэннерд с сердитым видом сидел в шезлонге, упрямо сощурив глаза. Он кивнул Коглену.

— Я не думал, что мне нужна охрана,— признался он хмуро,— раньше не думал. Но эта дикая история, которую ты рассказал вчера вечером, наводит на такие мысли...— И тут его как будто прорвало.— Черт побери, не то они собрались убить меня, даже не попросив денег, не то им все равно, убьют они меня или нет!

Коглен кивнул.

— Возможно, им действительно все равно,— сказал он холодно,— потому что, если вас убьют, у Лори будет только больше причин заплатить им. Или... возможно, они считают, что, если покажут вам свое равнодушие, вы гораздо быстрее раскошелитесь, когда они пригрозят Лори.

— О чем это ты? — резко осведомился Мэннерд.

— Я не знаю, каков их план,— сказал Коглен.— С виду он кажется совершенно безумным! Но хотя он вроде бы направлен против вас, Лори может грозить более серьезная опасность.

— Да,— мрачно согласился Мэннерд.— Надо быть начеку. Спасибо.

Яхта шла, рассекая водную гладь, в Стамбул. Синеву моря озаряло яркое солнце. Холмы по берегам пролива, казалось,

плавились от жары. Но атмосфера на яхте была далека от безмятежной. Моряки, хоть и скрывали напряженный интерес под маской сдержанности, по большей части ухитрились найти себе занятия поближе к гостям-туркам, которые сбились в кучку и оживленно переговаривались.

Лори взяла Коглена под руку.

— Есть храбрость, Томми,— сказала она,— и есть безрассудство. Ты рисковал жизнью, когда обыскивал берег. Мне бы не хотелось, чтобы тебя убили.

— Возможно,— ответил он хрипло,— вся идея заключается в том, чтобы так припугнуть одного из вас — даже если ради этого придется кого-то убить,— чтобы вы без звука раскошелились на огромную сумму по первому же их требованию.

— Но как...

— Если тебя похитят, например! — горячо воскликнул он.— Будь осторожна, слышишь? Не ходи никуда одна, даже если получишь записку с такой просьбой.

Раздраженный, он отошел и в одиночестве мерил шагами палубу до тех пор, пока яхта не вошла в порт.

Снова началась толкотня. Мэннерд был полон решимости немедленно отправиться в полицию. Вместе с ним в управление поехали Коглен и Лори.

Возникло некоторое замешательство. Мэннерд не мог заставить себя рассказать о том, что в книге восьмисотлетней давности обнаружена надпись с предсказанием его убийства и что выстрел, жертвой которого он не стал лишь по чистой случайности, судя по всему, имеет к этому прямое отношение.

Он упрямо изложил лишь те факты, которые были связаны непосредственно с сегодняшним происшествием. Нет, у него нет врагов, о которых ему было бы известно. Нет, он лично не получал никакого послания, которое можно было бы истолковать как угрозу. Он понятия не имеет, что кроется за покушением на его жизнь.

Полиция была безукоризненно вежлива и серьезно обеспокоена. Они заверили его в том, что уведомят лейтенанта Галиля немедленно. Ему было поручено то дело, о котором мистер Мэннерд заявил накануне. Уведомят, как только удастся с ним связаться.

Визит в полицию, хоть и не закончился ничем определенным, отнял у них почти час. По пути обратно в отель Мэннерд едва сдерживался.

— Галиль с самого начала занимался этим делом! — мрачно заявил он.— Можно было дать ему распоряжение или еще что-нибудь.

— Я уверен, что он получил распоряжение,— коротко отозвался Коглен.— Думаю, я знаю, где он. Я разыщу его. Прямо сейчас.

Такси затормозило перед отелем «Петра». Мэннерд и Лори вышли. Коглен остался в машине.

— Береги себя, Томми,— сказала Лори.— Пожалуйста!

Такси влилось в поток машин и помчалось на улицу Хусейна с тем залихватским пренебрежением ко всем правилам дорожного движения, которое, вероятно, у всех стамбульских таксистов в крови.

При свете дня дом номер восемьдесят по улице Хусейна произвел на него еще более удручающее впечатление, чем прошлой ночью. Узкая, неимоверно извилистая улочка была вымощена щербатым булыжником, и мостовая имела чуть выпуклую форму в тщетной надежде ее создателей на то, что дождь будет смывать с нее отбросы. Из-за бесчисленных поворотов она не просматривалась больше чем на пятьдесят футов вперед. Когда они подъехали к зданию, перед ним стояла полицейская машина, а у двери на часах скучал полицейский в форме. Его аккуратный вид резко контрастировал с убогим окружением — однако вопреки всему этот район во времена Византийской империи вполне мог быть самым аристократическим кварталом города.

Коглена без слов пропустили внутрь. В доме полным ходом шла уборка. По крайней мере, пахло там далеко не так омерзительно, как накануне. Он поднялся по лестнице и вошел в заднюю комнатку, упомянутую в той записке, которую он должен был написать, но определенно не писал.

На складном стуле в углу сидел Дюваль, еще более изнуренный, чем вчера. На полу возле него были раскиданы многочисленные книги, а одна, раскрытая, лежала на коленях. Галиль задумчиво курил, сидя на подоконнике. За окном фу-

тах в шести белела стена соседнего дома. Свет, горевший в его окнах, казался серым и безрадостным. Когда Коглен вошел, Галиль поднял глаза и в них промелькнуло удовлетворение.

— Я надеялся, что после прогулки вы появитесь здесь,— сказал он радушно.— Мы с месье Дювалем как раз обмениваемся взаимными заверениями в нашем безумии.

— На Мраморном море,— без предисловия бухнул Коглен,— кто-то пытался убить Мэннерда. Поскольку покушение явно сопряжено с этим делом, может, это и безумие, но положение определенно серьезное! Вам звонили из Управления?

— Это было бы излишне,— мягко ответил Галиль.— Я присутствовал при покушении.

Коглен удивленно заморгал.

— Я с самого начала считал, что мистеру Мэннерду грозит опасность,— извиняющимся тоном пояснил Галиль.— Я, конечно, недооценивал ее. Но после вашего рассказа о том, что произошло вчера вечером — когда даже Мэннерд сам поверил в то, что споткнулся,— я принял все возможные меры, чтобы защитить его. Поэтому я, разумеется, был на яхте.

Коглен не верил своим ушам.

— Но я вас не видел!

— Я сидел под палубой,— хмуро пояснил Галиль.— Но большинство матросов были моими людьми. Вы, должно быть, заметили, что они не слишком искусные моряки?

Коглен никак не мог собраться с мыслями.

— Но...

— Пуля не причинила бы ему никакого вреда,— заверил его Галиль.— Меня больше беспокоил обед. Когда мы думали о грозящем ему убийстве, то опасались не только ножей и пистолетов, но и яда. Я старался предотвратить возможность отравления любым путем. Повар на яхте перепробовал все, что должны были подавать, а у него талант распознавать даже самые мельчайшие следы всех распространенных ядов. Забавный талант, верно?

— Но ведь в Мэннерда стреляли! — возразил Коглен.

Лейтенант Галиль кивнул. И невозмутимо затянулся.

— Я — великолепный стрелок,— скромно сообщил он.— Я наблюдал за вами. В самый последний миг — и, к стыду

моему, должен признать, что по чистой случайности,— мы обнаружили, что кофе отравлен.

Коглен ощутил, что в душе его подозрительность борется с замешательством.

— Если вы помните,— осторожно сказал Галиль,— мистер Мэннерд был всецело поглощен разговором. Когда он вспомнил о своем кофе, напиток уже остыл. Он послал матроса налить ему нового. Что неприятно,— добавил лейтенант с досадой,— так это то, что он остался в живых совершенно случайно! Повар — мой талантливый подчиненный — вылил остывший кофе и налил в чашку мистера Мэннерда горячий. А он, то есть повар, любит чуть теплый кофе — до чего же странные иной раз у людей бывают вкусы! Он решил выпить тот кофе, который вернул мистер Мэннерд, и оказалось, что в него что-то подмешали. Возможно, весь кофе был отравлен. Повар немедленно доложил мне. Предупредить мистера Мэннерда времени не оставалось. Он уже держал чашку в руке. Необходимо было какое-то эффектное действие. А я наблюдал за вашим обедом, готовый вмешаться в случае необходимости. Как я уже говорил, я великолепный стрелок, и мне не оставалось ничего иного, как выбить чашку у него из руки.

Коглен открыл рот, потом снова закрыл его.

— Вы... стреляли в чашку... Но кто пытался отравить его?

Галиль вытащил из кармана стеклянный пузырек. Он не был закупорен, но изнутри его покрывала пленка из крохотных кристалликов, как будто там засохла какая-то жидкость.

— Это,— отметил он,— выпало из вашего кармана, когда вы рыскали по кустам в поисках стрелка, который на самом деле находился на яхте. Один из моих людей увидел, как этот флакон вывалился, и принес его мне. Это яд.

Коглен уставился на пузырек.

— Пожалуй, я уже немного подустал от мистификаций. Я арестован?

— Отпечатки пальцев на нем смазаны,— сказал Галиль.— Но я точно знаю, как выглядят ваши. Эти принадлежат не вам. Флакон подсунули вам в карман — не очень аккуратно, вот он и выпал. Вы не арестованы.

— Большое вам спасибо,— с иронией сказал Коглен.

Он отодвинул ногой одну из книг на полу у стула Дюваля. Они были всех возможных размеров.. Некоторые имели основательный вид немецких справочников, одна или две были изданы во Франции. Подавляющее большинство было на современном греческом.

— Месье Дюваль ищет в исторических книгах что-нибудь, что может пролить свет на нашу загадку,— пояснил турок.— Я считаю это дело крайне важным. В особенности важным мне кажется вот это.— Он указал на мокрое пятно на стене.— Я очень рад, что вы со своими профессиональными знаниями пришли сюда.

— Почему? Что я, по-вашему, должен делать?

— Осмотрите его,— попросил Галиль.— Найдите объяснение. Помогите мне понять, что это значит. У меня есть совершенно безумное подозрение, которое мне не хотелось бы произносить вслух, потому что оно основано только на логике.

— Если вы можете найти в этой неразберихе хоть малейшую логику, значит, от вас куда больше пользы, чем от меня. Это все просто в голове не укладывается!

Галиль с надеждой смотрел на него. Коглен подошел к влажному пятну. Оно представляло собой почти правильный квадрат, и ни над ним, ни по сторонам от него не было никаких следов сырости. Под ним по стене сбегало несколько тонких струек, но по-настоящему влажным был только этот квадрат. Коглен ощупал стену над ним. Повсюду, за исключением мокрого пятна, стена имела нормальную комнатную температуру. Разница в температуре между обычной штукатуркой и пятном была в точности такой, как если бы в стену был вмурован морозильный аппарат. От постоянной влажности штукатурка сгнила. Коглен вытащил перочинный ножик и начал осторожно ковырять ее.

— Какая рационально объяснимая связь может существовать между этим пятном, надписью в книге и попытками убить Мэннерда? — спросил он, не переставая орудовать ножом.

— Рационально объяснимой — никакой,— признал Галиль.— Существует логическая связь. В полицейской работе приходится пользоваться здравым смыслом, но не приходится ожидать его от происходящих событий.

Пласт штукатурки откололся и полетел на пол. Коглен взглянул на него и вздрогнул.

— Лед! — отрывисто сказал он.— Здесь должна быть какая-то машина!

Участок, от которого откололся этот кусок, побелел от инея. Коглен поскреб его ножиком. Тонкая корочка льда, тончайшая. За ним снова влажная штукатурка, но не промерзшая. Коглен нахмурился. Сначала лед, потом его нет — и ничего, чем можно объяснить это явление. Морозильная камера не может работать подобным образом. Холод не образуется ни слоями, ни тонкими полосами. Не образуется, и все тут.

Коглен сердито расковыривал штукатурку, поддевая ее кончиком ножа. Нож стал ледяным. Коглен обмотал рукоять носовым платком и продолжил работу. Влажная гнилая штукатурка оказалась толщиной примерно в дюйм. Под ней находилась грубая каменная кладка.

— Вот черт,— выругался он сердито. Отошел назад и принялся разглядывать отверстие.

Никто не произнес ни слова. Он проковырял штукатурку насквозь, но не нашел ничего, кроме тонкого слоя льда, за которым находился еще один слой краски. Коглен тупо смотрел на стену. Потом заметил, что в том месте, где он соскреб изморозь, проделанная им дыра затуманилась. Он подышал в отверстие. И ахнул.

— Мое дыхание превратилось в туман, когда проходило через то место, где соединяются два слоя штукатурки!

В его голосе звучало недоверие.

— Там есть что-нибудь такое, что может замораживать? — спросил Галиль.

— Ничего там нет! — ответил Коглен.— Нет никакого объяснения этому холодному участку!

— А! — с удовлетворением протянул турок.— Значит, мы продвигаемся вперед! Две вещи, связанные с какой-то третьей вещью, связаны друг с другом. Это имеет отношение и к невероятности ваших отпечатков, и к надписи в книге, которая сделана вашей рукой, и к угрозе мистеру Мэннерду!

— Хотел бы я знать, как получается этот фокус! — сказал Коглен, глядя на отверстие в стене.— Тепло исчезает, но здесь нет ничего, что могло бы его поглотить!

Он размотал платок, которым обернул ручку ножа, и принялся тереть ткань о стену, пока ее уголок не пропитался влагой. Тогда он затолкал мокрый платок в отверстие. Секунду спустя он его вытащил. На влажной ткани блестела узенькая, безукоризненно прямая полоска льда.

— Ничего подобного я никогда не видел! — поразился он.— Это что-то совершенно новое!

— Или очень старое,— поправил Галиль.— А почему бы и нет?

— Этого не может быть! — отрезал Коглен.— Мы не умеем делать такое! Готов поклясться, что и древние не умели! Это может быть какое-то силовое поле, но я не слышал, чтобы они поглощали энергию! Такого поля просто не существует! И вообще, как можно создать поле, которое представляло бы собой плоскость?

Он снова принялся лихорадочно ковырять край сырого пятна. Там штукатурка была плотнее.

— Но какое отношение это поле может иметь к истории Византийской империи, отпечаткам пальцев и мистеру Мэннерду?..— с отчаянием в голосе начал Дюваль.

Коглен ткнул в стену ножом.

Внезапно раздался хруст, лезвие треснуло. Отколотый кончик со звоном упал на пол.

Коглен стоял столбом и таращился на свой большой палец. Отлетевший кусочек лезвия задел его. В комнате повисла мертвая тишина.

— В чем дело?

— Я порезал палец,— отрывисто проговорил он.

Галиль с озадаченным видом поспешил к нему.

— Я хотел бы взглянуть...

— Ничего страшного,— отмахнулся Коглен.

Себе самому он решительно сказал, что два и два дают четыре и что две вещи, которые совпадают с третьей, совпадают друг с другом, и вообще...

Он свел края пореза вместе, зажал палец в кулаке и решительно сунул руку в карман.

— Все это дело со стеной мне не нравится,— проговорил он небрежно, слишком уж небрежно.— Я еду домой, кое-что захвачу, чтобы провести пару тестов.

— У входа стоит полицейская машина,— быстро сказал Галиль.— Я распоряжусь, чтобы водитель отвез вас туда и привез обратно.

— Спасибо,— ответил Коглен.

В голове у него вертелось: два и два всегда четыре, и никак иначе. Пять и пять — десять. Шесть и шесть — двенадцать. Не может быть отпечатков пальцев, на которых был бы виден шрам, которого не существует, а если потом этот шрам появляется...

Они спустились по лестнице вместе. Галиль отдал распоряжения водителю. Время от времени он бросал на лицо Коглена очень задумчивые взгляды. Коглен уселся в машину. Она тронулась и поехала к его дому.

Он неподвижно сидел, пока нарядная машинка петляла по узким улочкам и огибала острые углы, рассчитанные лишь на езду на осликах. Шофер был занят исключительно дорогой. Коглен рассеянно смотрел на него. Два и два...

Он вытащил руку из кармана и принялся внимательно разглядывать порез на большом пальце. Это, пожалуй, будет самый выдающийся порез в истории человечества. Совсем неглубокий, ничего серьезного, но от него останется шрам — Коглен не сомневался в этом,— шрам, в точности совпадающий с отпечатком на пергаментном листе, химическое и спектрографическое исследование которого свидетельствовало, что ему восемьсот лет.

Коглен спрятал свою злополучную руку обратно в карман.

— Я в это не верю,— сказал он мрачно.— Я в это не верю.

V

Водитель, похоже, получил распоряжение ждать. Когда Коглен вышел из машины, он вежливо улыбнулся, поставил автомобиль на ручной тормоз и заглушил мотор. Коглен кивнул и вошел во дворик. Он чувствовал странный упрямый гнев, но не понимал толком, на что именно злится.

Он двинулся к лестнице, ведущей в квартиру. На другом конце вымощенного каменными плитами дворика показалась

пухлая фигура, вынырнувшая с лестницы. Аполлоний Великий. На этот раз он не улыбался. Он казался отчаянно встревоженным. Но при виде Коглена выражение его лица изменилось.

— А, мистер Коглен,— обрадовался он.— Я уже думал, что где-то разминулся с вами.

— К счастью, это не так,— вежливо отозвался Коглен.— Но я заскочил сюда только по делу.

— Мне хватит минутки,— сказал Аполлоний со своей ослепительной улыбкой.— Я должен рассказать вам нечто такое, что может оказаться полезным.

— Идемте,— бросил Коглен.

Он зашагал по лестнице. Всего несколько часов назад иллюзионист был сам не свой от волнения. Теперь он куда больше походил на себя прежнего. Но все равно в его облике не было обычной елейности. Пыхтя, он взбирался по лестнице, и его неизменную улыбку как будто выключили. Однако едва Коглен распахнул дверь, как она вспыхнула вновь, словно повинуясь повороту незримого рычага. У Коглена возникло внезапное тревожное чувство, что Аполлоний может быть опасен.

— Подождите минуточку,— попросил он.

Отправившись в ванную, он промыл порез на большом пальце и обработал его антисептиком. Рана была совсем неглубокой, обычная царапина, но ему хотелось по возможности обойтись без шрама. Шрам означал бы, что отпечатки пальцев на том старинном листе пергамента были подлинными, принадлежали ему. А Коглен не хотел, чтобы это оказалось правдой. Он вернулся в гостиную и обнаружил, что Аполлоний сидит в кресле в дальнем от окна углу.

— Теперь я полностью к вашим услугам,— сказал Коглен.— Неладно сегодня получилось с Мэннердом.

Аполлоний пристально взглянул на него, с решительностью и прямотой, которые поразительно не вязались с его всегдашним поведением.

— У меня есть информация,— сообщил он ровно.— Можно мне изложить ее вам?

Коглен ждал.

— Я — профессиональный иллюзионист,— продолжал Аполлоний с необычной силой в голосе.— Обман — моя работа. Моя известность велика.

— Я слышал об этом,— кивнул Коглен.

— Разумеется,— продолжал Аполлоний,— на сцене я применяю далеко не все, что знаю об иллюзиях. Всего зрители бы не поняли.— Его голос изменился, стал нарочито саркастическим.— На моей родине существуют предания о злых духах. Маги-жрецы, хранители традиций и знаний... э-э... неоплатонизма, пользуются этой наивной верой. Они укрепляют ее, отгоняя многочисленных духов. Этот процесс можно увидеть. Представьте, что я стал бы уверять вас, будто здесь, в этой самой комнате, находится злой дух, который подслушивает наш разговор.

— Я бы несколько усомнился,— мягко ответил Коглен.

— Позвольте мне продемонстрировать вам кое-что.

Он обвел взглядом гостиную, как будто искал какой-то знак, видимый только ему. Потом указал пухлой ручкой на другой конец комнаты, на стол у открытого окна. Коглену снова бросились в глаза его часы, врезающиеся в пухлое запястье. Он раскатистым и властным голосом произнес ряд загадочных слов.

Внезапно раздался рев. Из стола повалил дым. Он образовал призрачную грушевидную фигуру. Она на миг застыла в воздухе, живая и угрожающая, потом стремительно шмыгнула в окно. Выглядело на редкость убедительно.

Коглен немного поразмыслил. Потом сказал задумчиво:

— Вчера вы объясняли нам принципы магии. Вы заранее делаете нечто, о чем мне неизвестно. Затем, спустя некоторое время, вы совершаете что-то знаковое, и получается поразительный эффект. И я склонен думать, что действие, которое вы произвели при мне, и привело к заранее подготовленному результату.

— Все так. Но как вы объясните это представление?

— Я бы сказал,— предположил Коглен,— что вы положили на стол небольшую дымовую шашку — надеюсь, в пепельницу. У нее был запал, который вы подожгли сигаретой. Все это вы сделали, пока я в ванной перевязывал себе палец. Вы

знали, сколько времени запал будет тлеть. А на руке у вас часы с секундной стрелкой. И все-таки вам, должно быть, пришлось долго тренироваться, чтобы научиться подводить разговор к нужной теме ровно к той секунде, когда огонек подожжет шашку.

Взгляд Аполлония стал напряженным. Коглен добавил:

— А стол стоит у окна, на сквозняке. Вот и получилось, что злой дух сначала выскочил из моей пепельницы, а потом вылетел в окно и исчез. Остроумно!

— Комплимент из ваших уст, мистер Коглен,— воистину комплимент,— без улыбки сказал Аполлоний.— Но я разоблачу иллюзию, которую навели вы, с той же легкостью, с какой вы раскрыли мою.

Коглен оглядел свой забинтованный палец, вскинул глаза.

— И что вы хотите этим сказать?

— Я думаю, вам неплохо было бы знать,— резко сказал Аполлоний,— что я в любую минуту могу сорвать с вас маску.

— Вот как? — с живейшим интересом отозвался Коглен.— Вы что, считаете, что мы с Дювалем и лейтенантом Галилем сговорились и пытаемся обманом вытянуть из мистера Мэннерда деньги?

— Да,— ответил Аполлоний.— Я могу разоблачить вас перед мистером Мэннердом. Хотите?

Коглену стало смешно.

— Значит, вам все известно! Вот что я скажу вам, Аполлоний. Если вы сможете объяснить фокус с заморозкой, я раскрою вам и остальное.— Он предусмотрительно пояснил: — Я имею в виду холодное пятно в доме восемьдесят по улице Хусейна, где мы были вчера вечером. Пролейте свет на эту загадку, и я расскажу вам все, что знаю.

У Аполлония забегали глазки.

— Я не из тех, кто клюет на такую приманку! — высокомерно уронил он.— Это плевый вопрос!

— Так попытайтесь на него ответить! — Коглен с холодным терпением ждал.— Что, не можете? Аполлоний, дорогой мой! Вы понятия не имеете, о чем я говорю. Вы — жулик, пытающийся при помощи блефа примазаться к афере. Выметайтесь!

Со двора послышался шум. Шаги. Вид у Аполлония стал еще более угрожающим.

Коглен рявкнул:

— А ну, проваливайте! Вы мне надоели. Вон отсюда!

Он распахнул дверь. По лестнице кто-то поднимался.

— Я принял меры предосторожности,— злобно предупредил Аполлоний.— Если со мной что-нибудь случится, вы очень пожалеете!

— Я умру от горя! — выходя из себя, прошипел Коглен.— Пшел!

Он вытолкал Аполлония за порог и захлопнул дверь. Потом отправился в маленькую комнатку, где держал оборудование для экспериментов. Он работал простым преподавателем и потому был ограничен в средствах. Многие приборы для опытов его ученики смастерили сами: это позволяло сберечь деньги и в то же время многому их учило. Но кое-что ему пришлось делать самому — опять же ради экономии, и потом, это доставляло ему удовольствие. Теперь он принялся собирать разрозненные приборы. Пара термометров, батареи, пара соленоидов и наушники, из которых он соберет мост для измерения индуктивности. Электроскоп с золотыми листками. Потом он нашел большой магнит из альнико*, без которого было бы невозможно огромное количество точных измерений. Он упаковывал сцинтилляционный счетчик, когда в дверь позвонили.

Нахмурившись, он пошел открывать. На площадке стояли Мэннерд и Лори, смотревшие прямо в его озабоченное лицо. Они вошли, и Мэннерд весело сказал:

— Наш маленький друг Аполлоний расстроен, Томми. Прямо сам не свой. Что ты ему наговорил?

— Он думает, что все произошедшее за последние тридцать часов — часть мошеннического плана с целью выудить у вас деньги, плана, который осуществляется через четвертое измерение. Потребовал, чтобы мы поделились с ним, а не то грозился все рассказать вам. Я выставил его. Он уже сообщил, что я проходимец и вымогатель?

* Альнико — сплав железа, алюминия, никеля, меди, титана и кобальта, обладающий высокими магнитными свойствами. *(Прим. перев.)*

Мэннерд покачал головой. Потом сказал:

— Я увезу Лори домой. Сам я не стал бы убегать, но не исключено, что ты прав и истинная цель этой аферы — именно она. Так что я увожу ее. Не хочешь с нами? — И добавил: — Выбрал бы оборудование для физической лаборатории колледжа. Оно ей необходимо, а я заплачу.

Все было шито белыми нитками. Коглен взглянул на Лори. Та возмутилась:

— Это не я, Томми! Я не стала бы соблазнять тебя циклотронами!

— Если вы хотите сделать подарок лаборатории, я дам вам список необходимого,— сказал Коглен.— Но в доме на улице Хусейна есть устройство, суть которого я должен разгадать. Оно создает в воздухе тонкую прослойку холода. Мне кажется, там какое-то силовое поле, но оно совершенно плоское. Я должен выяснить, что его создает и как оно действует. Это будет новое слово в физике!

Лори что-то пробормотала себе под нос. Коглен добавил:

— Галиль сейчас там, дожидается меня. Он и Дюваль.

— Я хочу поговорить с этим лейтенантом Галилем,— решительно сказал Мэннерд.— В полиции пообещали сообщить ему о сегодняшнем происшествии, но, похоже, это не слишком его заботит! Он даже не попытался связаться со мной!

Коглен раскрыл было рот — но промолчал. Было бы не очень тактично открыть Мэннерду, кто выбил чашку у него из руки. Если он узнает об этом прежде, чем услышит всю историю, это может вызвать у него негодование. А рассказывать об этом по праву следует Галилю. Поэтому Коглен предложил:

— Я сейчас вместе со всем этим добром еду назад. Можете поехать вместе со мной на полицейской машине, заодно сами с ним и потолкуете. Он позаботится, чтобы вас отвезли обратно в гостиницу.

Мэннерд кивнул:

— Поехали.

Коглен уложил свое снаряжение в чемоданчик и двинулся к двери. Когда они выходили, Лори поймала его за руку и сказала испуганно:

— Томми! Ты поранил палец! Это было... будет...

— Да,— подтвердил он.— Порез на том же месте, что и на отпечатке, и, боюсь, теперь этот шрам останется у меня навсегда.

Она спустилась за ним по лестнице и, пока они шли через двор, не произнесла ни слова. Ее отец пошел отпустить машину, которая привезла их сюда. Лори сказала чужим голосом:

— Они сказали, книга написана в двенадцатом веке. И на ней — твои отпечатки. И это устройство, о котором ты говоришь... оно не может перенести тебя назад, в двенадцатое столетие, Томми?

— Я туда не собираюсь,— отрезал он сухо.

— Я и не хочу, чтобы тебя занесло в двенадцатый век,— сказала она горячо. У нее даже лицо чуть-чуть побледнело.— Я знаю, это смешно! Вот уж чего поистине быть не может! Но я не хочу, чтобы ты туда попал! Не хочу думать, что ты... что ты много веков назад умер и погребен в старом заплесневелом склепе... превратился в скелет...

— Прекрати! — резко оборвал он.

Она сглотнула.

— Я серьезно!

— Мне очень хотелось бы, чтобы все было по-другому...

Она ухмыльнулась, все еще бледная, как мел.

— Я возьму тебя измором,— пообещала она.— Разве это будет не здорово?

Тут вернулся ее отец, и они сели в полицейскую машину. Она повезла их обратно на улицу Хусейна.

В комнате на втором этаже Галиль кропотливо соскабливал штукатурку. Он не тронул стену, на которой темнело влажное пятно. Она находилась в том виде, в каком ее оставил Коглен. Но на других стенах штукатурка частично осыпалась. Из-под нее виднелись тусклые цветные пятна. Теперь, после проделанной Галилем работы, становилось ясно, что когда-то эти стены украшала затейливая энкаустика — их расписали восковыми красками и обожгли. Турок уже расчистил участок того, что, надо думать, представляло собой в высшей степени живописную фреску. Судя по тому неправильному участку, который он уже освободил от штукатурки, она изображала нимф и сатиров. Дюваль возбужденно бросался разглядывать каждую новую часть картины, едва только она показывалась из-под слоя более поздней краски. Но когда Коглен и его спутники прибыли, Галиль прекратил работу. С Мэннердом он, разумеется, познакомился еще накануне.

— А, мистер Мэннерд,— радушно приветствовал он американца.— А мы тут устроили археологические раскопки!

— Я черт знает сколько времени пытаюсь связаться с вами, чтобы рассказать о покушении на мою жизнь сегодня утром! В полицейском управлении мне сообщили, что попытаются вас найти. Они дали понять, что моим делом занимаетесь вы!

Галиль взглянул на Коглена.

— Я не забывал о вашем деле,— признался он.— Разве мистер Коглен не говорил вам о том, какие меры я принял?

— Нет,— ответил Коглен сухо.— Я не стал. Я сейчас займусь этим пятном. А вы пока расскажите.

Он подошел к пятну. Лори последовала за ним. Коглен открыл чемоданчик и стал собирать мост для измерения индуктивности, а Галиль у него за спиной начал свой рассказ.

— Что? — вспылил вдруг Мэннерд.— Это вы выбили чашку у меня из руки?

Лори изумленно обернулась.

— Иди послушай,— велел ей Коглен.— У меня здесь работа.

Лори отошла.

Коглен занялся мостом. Вскоре он установил, что за влажным пятном на стене не было ничего металлического. И под ним, и по обеим сторонам от него — тоже. Никакие провода не подходили к излучавшему холод месту. Во всей стене не было никакого металла. Коглен слегка призадумался. Без металла никакая морозильная установка не возможна.

Он отложил индукционный мост в сторону. Потом засунул термометр в отверстие, которое проделал раньше. Осторожно поводил им взад-вперед, глядя, как скачет уровень ртути. Когда он увидел окончательные показания, кадык у него дернулся. Он подключил термопару — тонюсенькие проволочки из разных металлов, концами соединенные друг с другом. Подсоединил микровольтметр. Очень скоро он обнаружил особое место. Это было действительно нечто из ряда вон выходящее. Кончики проводков должны были находиться

на определенной глубине внутри отверстия. Сдвиг на сотую долю дюйма — и стрелка микровольтметра начинала скакать как безумная. Он переключил прибор, чтобы перейти с микровольт на милливольты, и снова нашел эту глубину внутри отверстия. И побледнел.

— Томми, я вернулась,— сказала Лори.

Он обернулся и сказал безучастно:

— Сто девяносто милливольт! А температура ниже, чем у сухого льда!

— Такую температуру даже мне не повысить, да, Томми?

Коглен не услышал. Он отложил термопару, вытащил магнит и с трудом стащил с его полюсов железную пластинку для замыкания.

— Это против всякой логики,— проговорил он сосредоточенно,— но если тут силовое поле...

Он снова повернулся к отверстию, которое проделал в стене. Потом поднес к нему тяжелый мощный магнит.

Отверстие затуманилось. Под действием магнита в воздухе образовалась серебристая взвесь, похожая на металлическую. Коглен отодвинул магнит. Эффект пропал. Он вернул магнит на место, и серебристая пелена появилась вновь.

Коглен стоял и смотрел на нее, онемев от изумления, когда к нему подошел Мэннерд вместе с Галилем и Дювалем. В руках у него был старинный фолиант с пожелтевшими от времени медальонами слоновой кости на обложке — и отпечатками пальцев Коглена на форзаце.

— Томми,— смущенно начал Мэннерд,— я в это не верю! Но поставь свои отпечатки рядом с этими!

Галиль чиркнул спичкой и, чтобы образовалась копоть, поднес ее к скребку, которым счищал со стены штукатурку. Коглен, словно не замечая их, продолжал внимательно вглядываться в дыру.

— Да что с ним такое? — воскликнул Мэннерд.

— Наука подняла свою уродливую голову,— пояснила Лори.— Он думает.

Коглен обернулся, поглощенный мыслями.

— Ваш палец, пожалуйста,— мягко сказал Галиль.

Он взял Коглена за руку. Немного помедлил, потом неторопливо размотал его забинтованный большой палец и прижал к закопченному лезвию скребка. Мэннерд, сам не свой от тревоги и нетерпения, подал книгу. Галиль с силой прижал палец к пергаменту.

Коглену стало больно.

— Минутку! — вскинулся он, словно внезапно очнувшись.— В чем дело?

Галиль поднес книгу к окну и стал рассматривать. Мэннерд подошел поближе. Лейтенант молча передал ему карманную лупу. Мэннерд принялся внимательно разглядывать отпечатки.

— Это трудно объяснить,— выдавил он.— Этот шрам, и вообще...

— Смотрите! — сказал Коглен.

Он стал водить магнитом перед отверстием. Серебристая пленка то появлялась, то исчезала. Галиль переводил взгляд с нее на лицо Коглена.

— Эта серебристая пелена,— с усилием проговорил Коглен,— появляется под штукатуркой там, где она холодная. Впрочем, сомневаюсь, чтобы один этот магнит мог посеребрить все пятно — это притом, что он в двадцать раз сильнее стального. По всей видимости, для этого нужно очень мощное магнитное поле.

Серебристая пленка снова пропала: Коглен убрал магнит.

— И что же это может быть? — мягко спросил Галиль.— Это... это можно назвать устройством?

Коглен сглотнул.

— Нет,— сказал он беспомощно.— Устройство действительно есть, но оно должно находиться в двенадцатом столетии. Это... полагаю, это можно назвать дублем устройства.

VI

В комнате стало темно, и Коглен заканчивал соскребать штукатурку при свете полицейских фонарей. Когда последний слой был снят, показалась изморозь. Едва появившись, она тут же начала неохотно таять. Скоро на этом месте осталось просто мокрое пятно поверх росписи, почти уничтоженной многовековой сыростью. По краям пятна влаги не было. Коглен поскреб с краю. Только штукатурка. Но когда он счис-

тил ее, проступили узоры. Стену покрывала замысловатая роспись, сделанная бессчетное количество лет назад.

По всей видимости, под более поздним слоем штукатурки она покрывала все стены этой комнаты. Дюваль, судя по его виду, разрывался между восторгом от ее обнаружения и отчаянием от противоречия находки всякой логике.

Мэннерд сидел на складном стуле и наблюдал. Лучи фонарей создавали фантастическую картину. Один из них плясал на осторожно работающем Коглене. Фонарь держала Лори.

— Насколько я понял,— после долгого молчания сказал Мэннерд все с тем же скептицизмом,— ты утверждаешь, что это нечто вроде дубля устройства, которое было сделано в двенадцатом ветке.

— Когда еще не было никаких устройств,— подал голос из темного угла Галиль.

— Не было науки,— поправил Коглен, не отрываясь от стены.— Они добивались некоторых результатов благодаря случайностям. После этого они воспроизводили все условия, которые предшествовали неожиданному результату, не пытаясь узнать, почему так вышло. Взять для примера хотя бы закалку мечей.

— Лучшие мечи в Византийской империи были привезенными,— вмешался Дюваль.

— Да,— согласился Коглен.— Религия не позволяла им закалять сталь наиболее действенным способом.

— Религия? — удивился Мэннерд.— Какое отношение она к этому имеет?

— Магия,— ответил Коглен.— Самая лучшая закалка получалась, если меч раскаляли докрасна и вонзали в тело раба или пленника. Наверное, этот метод открыли случайно, когда кто-то решил таким изощренным образом отомстить врагу. Но сработало.

— Вздор! — рявкнул Мэннерд.

— Некоторые мастера и по сей день используют сходный по сути своей процесс,— ответил Коглен, сосредоточенно счищая последний пласт штукатурки.— Это закалка в комбинированной азотисто-солевой среде. В человеческой крови присутствует соль. В соленой воде сталь закаляется лучше, чем в

пресной. Древние обнаружили, что использование человеческой крови дает хороший результат. Но не попытались применить научный подход и попробовать заменить кровь соленой водой. А поверхностное упрочнение стали получается лучше, если закаливать ее в присутствии азотсодержащего вещества — вроде человеческой плоти. Современные мастера замачивают в соленой воде кожаный лоскут и потом опускают в нее раскаленное докрасна лезвие. Технически это то же самое, что заколоть раба, только дешевле. Но древние до такого не додумались. Они упорно держались за старую добрую «магическую» закалку.

Он отошел от стены. Стряхнул с пальцев пыль.

— Больше здесь без специальных инструментов ничего не сделаешь. А теперь...

Он взял магнит и провел им вдоль расчищенного участка. На ближней к магниту части влажного пятна образовалось продолговатое серебристое облако. Оно перемещалось вслед за магнитом и резко исчезло, когда он пересек невидимую границу.

— На мой взгляд,— пояснил Коглен задумчиво,— это, если можно так выразиться, дубль того, что древние считали магическим зеркалом — через него можно было заглядывать в будущее. Так, Дюваль?

Француз сказал натянуто:

— В средние века алхимики действительно писали о магических зеркалах и пытались создать их, как вы и говорите.

— Быть может, именно это зеркало положило начало легенде,— заметил Коглен.

— В фонаре садится батарейка,— послышался из темноты голос Галиля.

— Нам нужно освещение получше и побольше инструментов. Сомневаюсь, чтобы до утра мы еще что-то смогли сделать.

Он вел себя совершенно буднично, но внутри его сковало какое-то странное оцепенение. Большой палец немного пощипывало. Ранка слегка воспалилась от пыли и сажи, попавшей в нее, когда Галиль брал у него свежий отпечаток. В конечном счете он порезал палец, изучая дубль устройства, из-

за того что в будущем он оставит в книге надпись, которую прочитают вчера и которая станет причиной находки дубля устро...

Все вокруг зашевелились, собираясь уходить. Он услышал раздраженный голос Мэннерда:

— У меня просто в голове не укладывается! Это какая-то нелепица!

— Несомненно,— отозвался Галиль,— поэтому мы должны быть крайне осторожны. У моих предков-мусульман бытовала поговорка: судьба каждого человека написана у него на лбу. Надеюсь, мистер Мэннерд, ваша судьба не написана на листе пергамента, который я только что вам показал.

— Но что вообще происходит? — спросил Мэннерд.— Кто за этим стоит? Что за всем этим кроется?

Галиль вздохнул — как будто пожал плечами.

Они спустились по лестнице. Темная, узкая, извилистая улочка казалась зловещей. Галиль открыл дверцу полицейской машины. Шутливо, как будто отказываясь от притязаний на всякую логику, он сказал Мэннерду:

— К сожалению, мистер Когден в своей записке выразился — вернее, еще не выразился — довольно неопределенно. Он написал лишь,— турок повторил последнюю строчку надписи: — «Позаботьтесь о Мэннерде. Его хотят убить».

— Это звучит вполне определенно! — с горечью возразил Мэннерд.

Он с Лори и Когденом разместился на заднем сиденье машины. Лейтенант Галиль уселся на переднее, рядом с водителем. Мотор взревел, и машина тронулась с места.

— Ваше послание, когда вы напишете его, мистер Когден,— сказал турок, обернувшись через плечо, пока машина катила к повороту извилистой улочки,— будет намеренно неясным. Такое впечатление, что вы сочтете, будто четкое послание не даст случиться тому, что, по вашему мнению, непременно должно произойти. То есть вы напишете это затем, чтобы осуществить ту последовательность событий, которая уже имела место и будет длиться до тех пор, пока вы не напишете его...

Он вдруг отрывисто бросил водителю что-то по-турецки. Тот ударил по тормозам. Машина с визгом остановилась.

— Секундочку,— вежливо сказал Галиль.

Он вылез из машины и принялся разглядывать что-то в свете фар. Потом осторожно прикоснулся к находке. Он сделал машине знак сдать назад и пронзительно засвистел. Из дома, от которого они только что отъехали, высыпали полицейские. Галиль коротко отдавал им приказы на турецком. Света фонариков им, похоже, оказалось недостаточно, и они принялись чиркать спичками. Через некоторое время Галиль и еще один полицейский аккуратно подняли находку и с величайшей осторожностью отнесли на обочину, где и прислонили ее к стене. Потом Галиль присел на корточки и еще раз осмотрел ее в свете спичек.

После этого он поднялся и отряхнул руки. Вернулся к машине и вновь уселся в нее. Он что-то сказал водителю по-турецки, и машина снова отправилась в путь, но уже медленнее. К следующему повороту она подъехала на черепашьей скорости.

— Что это было? — решительно спросил Мэннерд.

Лейтенант Галиль заколебался.

— Боюсь, это было очередное покушение на вашу жизнь,— извиняющимся тоном сказал он.— Бомба. Мои люди не видели, как ее закладывали, улица слишком извилистая.

Мгновение в машине было слышно лишь дыхание пассажиров. Они выехали на улицу пошире и прибавили скорости. Потом Галиль продолжил:

— Как я уже говорил, мистер Мэннерд, когда мистер Когден будет писать послание, которое мы показали ему вчера, он захочет, чтобы все произошло в точности так, как произошло. Поэтому в его записке не будет ничего точного. Он не упомянет ни выстрелов, ни бомб, ни времени, ни места покушений. Из этого я делаю заключение, что вы благополучно доживете до конца дела. И прилагаю все усилия, чтобы так оно и случилось.

Когден наконец обрел дар речи.

— Но вы не можете рисковать человеческими жизнями на таком безумном основании!

— Я предпринимаю все мыслимые меры предосторожности,— устало сказал Галиль.— В том числе прошу вас на ночь

остаться в отеле «Петра», где вас вместе с мистером Мэннердом и мисс Лори будут охранять мои люди.

— Если ей что-то угрожает, я определенно остаюсь! — буркнул Коглен.

Машина выехала на еще более широкую улицу. Стало людно. Здесь, в современном районе, освещение было электрическим. Здесь были и кинотеатры, и автомобили, и люди в полностью европейском платье, а не в одеяниях, сочетающих западные и восточные традиции, какие встречаются в более бедных кварталах. Впереди показался переливающийся огнями отель «Петра».

Полицейская машина остановилась перед самым входом. Галиль вышел и небрежно огляделся по сторонам. Слонявшийся поблизости зевака подал ему неприметный знак. Галиль кивнул. Зевака нога за ногу зашагал прочь. Галиль открыл заднюю дверцу машины.

— Вам придется еще немного потерпеть мое общество,— сказал он учтиво.— Я буду на страже, пока дело не подойдет к развязке.

Они вошли в вестибюль и направились к лифту, лишь слегка приободренные многолюдностью и ярким освещением.

— А где Дюваль? — внезапно спохватился Коглен.— Он тоже замешан в этом деле.

— Он остался на улице Хусейна,— коротко пояснил Галиль.— Бедняга! Он обручен с логикой и влюблен в прошлое. Его так и тянет совершить преступление в состоянии аффекта. Но я оставил своих людей присмотреть за ним.

Они всей гурьбой втиснулись в лифт. Он поднялся наверх. В холле перед номером Мэннерда какой-то человек полировал деревянные панели. Он выглядел в точности как служащий отеля, но кивнул Галилю.

— Один из моих,— сказал турок.— Пока что все спокойно. Другие охранники тоже поблизости.

Они вошли в номер. Вид у Мэннерда был откровенно мрачный.

— Я закажу чего-нибудь поесть,— заявил он Галилю.— Уже почти десять, а ужин мы пропустили. Но надо наконец разобраться со всеми этими загадками. Я хочу поговорить начистоту. Если кто-то действительно заложил на той улице бомбу, и если у устройств бывают дубли...

Он пребывал в таком состоянии духа, когда последовательное мышление дается с трудом. Слишком все это необъяснимо, слишком многое не вяжется друг с другом. Начиная от рассказа Коглена о книге с невероятным посланием — которое Мэннерд теперь увидел воочию — до не укладывающегося в голове выстрела, выбившего у него из руки чашку с непостижимым образом отравленным кофе. Не говоря уж о физическом феномене появления льда без морозильного устройства и серебристой пелене, оказавшейся совершенно нематериальной.

Мэннерд был инженером, человеком трезвого ума. Он готов был взглянуть в лицо любому факту, а о теории задумывался уже потом. Но он не был способен разом воспринять такую уйму вещей, каждая из которых противоречила всем мыслимым теориям. Вид у него был раздраженный, упрямый и слегка испуганный одновременно.

— Когда я пытаюсь задуматься над этим, то не верю даже тому, что говорю сам! — сердито сказал он.— Одно событие следует за другим, и я верю в них, пока они происходят, но потом они перестают иметь всякий смысл!

Он вышел из комнаты. Они услышали, как Мэннерд поднял телефонную трубку и заказал в номер ужин на четверых. Потом резко сказал:

— Да, это все. Что? Да, она дома... кто ее спрашивает? Кто? Вот как. Что ж, скажите ему, чтобы поднимался.

Он вернулся.

— За каким дьяволом ты могла понадобиться Аполлонию, Лори? Когда я позвонил, он оказался внизу, искал тебя. Сейчас он будет здесь.— Потом Мэннерд вернулся к прежней теме, все так же продолжая возмущаться.— Говорю вам, мы не с той стороны подходим к этому делу! Похоже, кто-то пытается меня убить. Не знаю, зачем я им понадобился, но, раз уж им так приспичило, это не очень сложно осуществить! И вовсе незачем прибегать к таким ухищрениям. Никто не стал бы сваливать в одну кучу и попытку убить кого-то, и книгу восьмисотлетней давности, и этот фокус с отпечатками пальцев Томми, и дубль устройства, и все остальное. Не стоило

затевать такое ради самого заурядного убийства — да и ради мошенничества тоже. Так что...

В дверь номера позвонили. Коглен пошел открывать.

При виде Коглена Аполлоний заметно вздрогнул.

— Я получил записку от мисс Мэннерд,— сказал он с достоинством.— Она попросила меня поддержать ее в этот трудный час...

Из-за спины Коглена раздался голос Мэннерда:

— Черт побери, здесь все далеко не так сложно! Цель проще! Мы все сваливаем в одну кучу! Пытаемся связать вещи, которые не имеют отношения друг к другу!

Аполлоний ахнул:

— Да ведь это же... это же мистер Мэннерд?

— Да, а что? — удивился Коглен.

Что-то лязгнуло. Судя по всему, зубы Аполлония. Он привалился к двери.

— Прошу прощения! Мне надо прийти в себя. Я не хочу лишиться чувств. Это... это невероятно!

Коглен ждал. Лицо толстяка скрывалось в тени. Он несколько раз глубоко вздохнул.

— Думаю... думаю, теперь я уже пришел в себя.

Коглен закрыл за ним дверь. Аполлоний вошел в гостиную своей обычной переваливающейся походкой, но без неизменной улыбки во весь рот. Он замысловато поклонился Мэннерду и Лори; лицо его покрывала испарина.

— Аполлоний, это лейтенант Галиль из полиции,— представил турка Мэннерд.— Он считает, что мне грозит какая-то опасность.

Аполлоний Великий судорожно сглотнул.

— Я пришел, так как полагал, что вы мертвы,— сказал он Мэннерду.

Повисло недоуменное молчание. Потом лейтенант Галиль прокашлялся, чтобы задать сами собой напрашивающиеся вопросы,— и замер с настороженным видом, не сводя глаз с пухлой правой руки Аполлония, нырнувшей в карман пиджака. Однако когда она вновь появилась, в ней был лишь конверт. Конверт отеля «Петра». Трясущимися толстыми пальцами Аполлоний вытащил из него листок и передал Мэннерду.

Тот пробежал его глазами. И вспыхнул, онемев от гнева. Он сунул листок Галилю.

Турок прочитал и медленно проговорил:

— Но письмо датировано завтрашним днем! — Он учтиво передал его Лори.— Думаю, вы этого не писали, мисс Мэннерд.

Он снова взглянул на потрясенного, почти дрожащего фокусника, который именовал себя Аполлонием Великим.

Коглен подошел и встал рядом с Лори. Они касались друг друга плечами. В письме говорилось:

«Дорогой мистер Аполлоний!

Вы единственный из моих знакомых в Стамбуле, к кому я могу обратиться при столь трагичных обстоятельствах, как гибель моего отца. Помогите мне, прошу вас.

Лори Мэннерд».

— Мне приходилось слышать о чеках с заранее проставленной датой,— заметил Галиль.— Думаю, в Америке это распространенный обычай. Но чтобы заранее написанное письмо...

Аполлоний словно съежился.

— Я... я не обратил на это внимания,— прошелестел он слабым голосом.— Но это похоже... похоже на надпись, о которой рассказывал мистер Коглен. Ну, с его отпечатками.

— Не совсем,— покачал головой Галиль.— Не совсем.

— Аполлоний, где вы его взяли? — спросил разгневанный Мэннерд.— Это, разумеется, фальшивка. Я пока что не умер.

— Я... уходил из своего отеля по делам. Когда я вернулся, письмо... оно ждало меня. Я тотчас же отправился сюда.

— Оно датировано завтрашним днем,— напомнил Галиль.— Это может быть как просто опиской, так и путаницей в самом времени. Но я так не думаю. Письмо явно намекает на то, мистер Мэннерд, что вы должны погибнуть сегодня вечером либо завтра утром. Но, с другой стороны, мистер Коглен не напишет с определенностью о вашей гибели, когда оставит послание в той книге. Значит, есть надежда, что...

— Я не собираюсь умирать сегодня ночью,— сказал Мэннерд сердито.— Отнюдь не собираюсь!

— А я,— добавил лейтенант Галиль,— не собираюсь приближать эту возможность. Но я не могу придумать никакой меры предосторожности, которая не была бы уже пущена в ход.

Аполлоний резко сел, как будто у него подломились колени. Его внезапное движение привлекло к себе все взгляды.

— Вам что-то пришло в голову? — участливо спросил Галиль.

Аполлоний поежился.

— Мне... мне пришло в голову...— он умолк и облизнул пересохшие губы,— что я должен рассказать о моем сегодняшнем разговоре с мистером Когленом. Я... я обвинил его в мошенничестве. Он признал существование заговора. И предложил... предложил мне участвовать. Я... я обвиняю мистера Коглена в том, что он готовит убийство мистера Мэннерда.

И тут погас свет. Комната погрузилась в кромешную темноту. В тот же миг послышался глухой удар. Затем стон, чье-то тяжелое дыхание, пыхтение и возня. Снова удары. Закричала Лори.

Потом раздался сдавленный голос, как будто его обладатель едва дышал:

— Вы... вы душите меня, мистер Коглен! А я... похоже, я душу его! Только бы мы удержали его, пока не включится свет. Он такой сильный!

В темноте возня на полу продолжилась.

VII

В замочной скважине лихорадочно зашуровали отмычкой. В щель проник луч фонарика. В номер ворвались люди, светя на извивающуюся кучу тел на полу. Мэннерд стоял, заслонив собой Лори, готовый в любую секунду броситься в бой.

Люди с фонариками промчались мимо него и ринулись в драку.

Когда свет вспыхнул снова, столь же бесшумно и беспричинно, как и отключился, они вздернули Аполлония на ноги, а он продолжал дергаться как одержимый.

Коглен отошел в сторонку; пиджак у него был разорван, лицо пересекала глубокая царапина. Лейтенант Галиль нагнулся и принялся шарить по полу. Мгновение спустя он нащупал то, что искал. Когда он выпрямился, в руке у него был кривой курдский нож. Он что-то сказал по-турецки полицейским в форме, из рук которых до сих пор отчаянно пытался вырваться маленький толстенький Аполлоний. Его вывели. Он все еще продолжал подпрыгивать и извиваться, как куча воздушных шариков, упакованных в костюм.

Галиль протянул нож Коглену.

— Это ваш?

Коглен тяжело переводил дух.

— Мой. Я вскрываю им письма. Как он здесь оказался?

— Подозреваю,— сказал Галиль,— Аполлоний прихватил его, когда сегодня заходил к вам.

Турок принялся оправлять мундир. Он все еще не мог отдышаться.

— Ничего не понимаю! — возмутился Мэннерд.— Аполлоний, что, пытался убить меня? Но зачем? Ради чего?

Галиль закончил приводить себя в порядок.

— Когда месье Дюваль только принес мне эту загадочную книгу, я, как это полагается в таких случаях, начал собирать сведения обо всех, кто был упомянут там. О вас, мистер Мэннерд, о мистере Коглене. И о самом месье Дювале, разумеется. Даже об Аполлонии Великом. Последние сведения о нем пришли только сегодня. Выяснилось, что в Риме, Мадриде и Париже он свел близкую дружбу с тремя богатыми людьми, один из которых впоследствии погиб в автомобильной аварии, другой умер от сердечного приступа, а третий, как полагают, покончил с собой. Каждый из них за несколько дней до смерти дал Аполлонию чек на кругленькую сумму для его мнимых соотечественников, и это, я полагаю, не простое совпадение. Думаю, это и есть ответ, мистер Мэннерд.

— Но я не давал ему никаких денег! — недоуменно возразил тот.— Он, конечно, утверждал, что уже получил деньги, но... Черт побери! Фальшивый чек уже идет через расчетную палату! Он должен быть выписан, пока я еще жив! А я должен умереть до того, как по нему выдадут наличные, иначе я заявлю, что это фальшивка! Но если бы я умер, никто не смог бы поставить под сомнение...

— Совершенно верно,— подтвердил Галиль.— К сожалению, банки еще не успели проверить документацию. Я надеюсь получить эти сведения завтра.

Лори положила руку Коглену на локоть.

— Ты действовал быстро, Томми! — вдруг сказал Мэннерд.— Ты и лейтенант Галиль. Как ты догадался броситься на него, когда погас свет?

— Сначала я ни о чем не догадывался,— признался Коглен.— Но потом увидел, как он посмотрел на часы. Сегодня у меня дома он показал один фокус, где нужно было с точностью до доли секунды знать, когда произойдет определенное событие. Я как раз подумал — если вчера вечером он был уверен, что свет должен отключиться, то вполне мог столкнуть вас с лестницы. А потом свет погас здесь... и я прыгнул на него.

— Всему виной отчаяние,— вмешался Галиль.— Он четырежды пытался убить вас, мистер Мэннерд.

— Вы вроде говорили что-то относительно...

— Вы были под охраной с того самого момента, как месье Дюваль показал мне известную вам книгу со странной надписью — признался Галиль.— Вы взяли напрокат автомобиль. Мои люди обнаружили в его глушителе подстроенную неисправность — смертоносная окись углерода должна была попадать прямо в салон. Ее починили. Потом вам отправили посылку с бомбой, которая пришла позавчера — еще до того, как я поговорил с мистером Когленом. Ее,— он сконфуженно улыбнулся,— перехватили. Сегодня утром на Мраморном море он пытался отравить вас. Этой попытке помешало происшествие, которого он не понял, и это ему не понравилось. Более того, история с книгой напугала его. Он решил, что вокруг Мэннерда затевается еще какой-то заговор, который может помешать его планам. Эта загадка и необъяснимый провал всех его попыток убить вас довели Аполлония почти до безумия. Когда даже заложенная им бомба не взорвала мою машину...

— Давайте-ка,— хмуро сказал Мэннерд,— вы попробуете объяснить фокус с книгой, который вы с Дювалем пытаетесь провернуть!

— Я не могу его объяснить,— спокойно ответил Галиль.— Я сам ничего не понимаю. Но думаю, что мистер Коглен на верном пути...

В дверь номера позвонили. Галиль впустил официанта с огромным подносом в руках. Тот сказал что-то по-турецки, водрузил поднос на стол и удалился.

— В подвале поймали человека с секундомером,— сообщил Галиль.— Он отключил свет, а потом снова включил его. Этот тип до смерти перепуган. Все расскажет, как миленький.

Лори взглянула на Коглена. Потом, все еще немного дрожа, принялась снимать крышки с блюд.

— Но что это за чертовщина с книгой, отпечатками пальцев Томми и той штуковиной на стене? Это все части одного и того же дела!

— Нет,— возразил турок.— Вы повторяете мою ошибку, мистер Мэннерд. Вы считаете, что два факта, связанные с третьим, должны быть связаны между собой. Но это не так. Иногда просто кажется, что это так — по чистой случайности.

— Томми,— вставила Лори,— мне кажется, нам стоит поесть.

— То есть вы хотите сказать,— не отступал Мэннерд,— что это не мошенничество? Вы хотите, чтобы я поверил, будто существует устройство, у которого есть дубль? Вы полагаете, что Томми Коглен оставит свои отпечатки под посланием, в котором будет сказано, что меня убьют? Что он напишет его?

— Нет,— ответил Галиль.— И все же это невероятное послание стало причиной, по которой три дня назад я приказал своим людям охранять вас. Поэтому вы до сих пор живы.— Он голодным взглядом окинул дымящиеся блюда.— Умираю с голоду! — признался он.— Можно мне поесть?

— Нет, это уже слишком! — воскликнул Мэннерд.— Это было бы настоящее чудо! Такая путаница во времени, и все ради спасения моей жизни! Чушь собачья! Законы природы нельзя отменить...

— Если задуматься, сэр,— сосредоточенно сказал Коглен,— это силовое поле — не плоскость. Оно похоже на трубу — примерно такую, какую можно сделать из растянутого пузыря.

Вот что сбило меня с толку. Если задуматься о том, что магнитное поле делает с поляризованным светом...

— Можешь считать, что я уже задумался,— буркнул Мэннерд.— И что?

— Я мог бы воспроизвести это поле,— задумчиво произнес Коглен.— Придется повозиться, и трубу я из него сделать не смогу, но зато я в состоянии создать поле, которое будет поглощать тепло и преобразовывать его в энергию. Я могу сконструировать морозильное устройство, которое будет преобразовывать тепло в энергию. Надо будет провести кое-какие исследования...

— Ты в этом уверен? — рявкнул Мэннерд.

Коглен кивнул. Он был уверен. Он видел, как действовало это поле. И отчасти даже выяснил каким образом. Теперь он мог сделать то, что первоначальным создателям этого устройства было не под силу. Мировая история, разумеется, уже знала такие случаи. Как-то раз один голландец, делавший очки, сложил вместе две линзы и получил подзорную трубу, которая увеличивала предметы, но — вот незадача! — показывала их вверх ногами. А на другом конце континента, в Италии, некий Галилео Галилей прослышал об изобретении и всю ночь ломал голову — а на следующее утро смастерил подзорную трубу, настолько превосходившую ту, о которой говорилось в слухах, что по ее образу и подобию по сей день делают все бинокли.

— Я буду финансировать исследования,— немедленно сказал Мэннерд.— Если ты заключишь со мной контракт. Все без обмана. Выгодное дело.

Он взглянул на дочь. Ее лицо было непроницаемо. Вдруг взгляд Лори просветлел. Она улыбнулась отцу. Тот улыбнулся в ответ.

— Томми,— сказала она,— если у тебя получится... неужели не понимаешь? Пойдем-ка на минутку в другую комнату. Я хочу поговорить с тобой!

Он прищурился. Потом плечи его распрямились. Он глубоко вздохнул, пробормотал четыре слова и сказал:

— Ха!

Потом взял ее под локоть и увел в соседнюю комнату.

— Это же прямая выгода! — бушевал Мэннерд.— Заморозка, которая дает энергию! Электростанции в тропиках! Заводы, которые будут работать от тепла Гольфстрима!

— Но разве это не такая же утопия, как устройство, у которого есть дубль? — поинтересовался Галиль.

— Нет,— отрезал Мэннерд.— Это наука! Я этого не понимаю, но это наука! И потом, Лори хочет выйти за него замуж! И вообще, я знаю этого парня! У него все получится!

Зазвонил телефон. Они услышали, как Коглен поднял трубку.

— Лейтенант! — крикнул он.— Это вас!

Галиль взял телефон. Он нарочито не замечал ни нового, уверенного выражения в глазах Коглена, ни радости, которой так и лучилась Лори. Он сказал что-то по-турецки и повесил трубку.

— Я возвращаюсь обратно на улицу Хусейна,— сказал он отрывисто.— Что-то произошло. Бедный месье Дюваль впал в истерику. Им пришлось вызвать врача. Они не знают, что случилось, но в комнате произошли изменения.

— Я еду с вами! — немедленно заявил Коглен.

Лори не пожелала оставаться в неведении. Мэннерд тоже засобирался. Все четверо снова набились в полицейскую машину и поехали обратно в бедный квартал, где стоял дом, в котором находилась комната с дублем устройства. Лори сидела рядышком с Когленом, и вид у обоих был самый что ни на есть радужный. Галиль смотрел на проносящиеся мимо улицы и здания. Проезжая часть с каждой минутой становилась все темнее и у́же, а дома, казалось, обступали мчащуюся машину и нависали над ней.

— Аполлоний предусмотрел все,— нарушил он наконец молчание.— Ему так необходимо было убить вас, мистер Мэннерд, что он даже изобрел повод появиться у вас в номере, чтобы осуществить свое черное дело, хоть и надеялся, что бомба, которую он заложил на улице, уже сделала за него эту работу. Видимо, его фальшивый чек должен был вот-вот прийти в банк! И с письмом он тоже хитро придумал. Оно должно было перевести все подозрения на создателей загадки древней книги.

Мэннерд хмыкнул.

— Что произошло там, куда мы едем? Что это за изменения? — Потом спросил подозрительно: — Какие-нибудь оккультные штучки?

— Сомневаюсь,— отозвался Галиль.

В узком переулке уже стояла еще одна машина. Полицейские, охранявшие дом, вызвали врача, который, по всей видимости, еще не успел уйти.

Они поднялись в комнатку на втором этаже. Там находилось трое полицейских и вальяжный усатый человек в штатском. У него был тот значительный вид, который часто встречается у врачей — как европейских, так и азиатских. Дюваль лежал на брезентовой койке, очевидно, предназначавшейся для кого-то из полицейских. Он спал. Лицо у него было истерзанное. От воротничка были с мясом отодраны пуговицы, как будто он рвал его в приступе безумия. Руки француза были перебинтованы. Врач принялся пространно объяснять что-то Галилю по-турецки. Затем лейтенант начал расспрашивать своих подчиненных. Теперь на полу стояла переносная электрическая лампа. Она давала вполне сносное освещение.

Коглен обвел комнатку взглядом. Изменения? Никаких изменений, если не считать койки... Нет! В прошлый раз на полу вокруг Дюваля были разбросаны книги. Галиль сказал, это исторические справочники, в которых Дюваль пытался найти какие-то упоминания о самом доме. Часть из них до сих пор была в комнате, где-то с полдюжины. Раньше их было втрое или вчетверо больше. Остальные куда-то делись.

Но вместо них появились новые предметы.

Коглен рассматривал их, когда раздался голос Галиля:

— Полицейские услышали, как он начал издавать какие-то странные звуки. Они пришли сюда и увидели, что он взволнован до невменяемости. Руки у него были обморожены. Он держал магнит у серебристой пленки и бросал туда книги, все время что-то крича. Книги, попавшие в серебристое облако, исчезали. Он не говорит по-турецки, но одному из моих людей показалось, что он кричал по-гречески. Они утихомирили его и вызвали врача. Он так буйствовал, что врач сделал ему укол успокоительного.

— Черт! — выругался Коглен.

Он наклонился над предметами, лежавшими на полу. Там было стило из слоновой кости, грубое тростниковое перо с чернильницей — чернила в ней смерзлись в ледяную глыбу и только сейчас чуть подтаяли — и лист пергамента, покрытый письменами. Они принадлежали той же руке, что и надпись относительно «ледяной границы бытия», «посвященных» и «Аполлония» в древней книге со злополучными отпечатками. Еще был кожаный кушак с пряжкой превосходной работы, кинжал с рукояткой из слоновой кости и три книги. Все они выглядели новыми, но это были не современные печатные книги, а рукописные, написанные на тяжеловесном греческом восьмисотлетней давности, без пробелов между словами, знаков препинания и разбивки на абзацы. Их переплет и оформление в точности совпадали с «Алексиадой», написанной восемьсот лет назад. Только... только они были совершенно новыми.

Коглен взял одну из них в руки. Это была «Алексиада». Она представляла собой точную копию той, в которой стояли его отпечатки, до мельчайших деталей резьбы на медальонах, которыми была украшена кожаная обложка. Это был тот самый фолиант — только на восемьсот лет моложе. И очень холодный.

Дюваль не просто спал. Он был без сознания. По мнению врача, он был настолько близок к безумию, что его во что бы то ни стало требовалось успокоить. И его успокоили. Еще как.

Коглен взял магнит. Потом подошел к стене и поднес его к сырому пятну. Возникла серебристая пелена. Он поводил магнитом взад-вперед.

— Врач никак не может разбудить Дюваля? — спросил он.— Мне нужно, чтобы он кое-что написал на греческом.

— Эта штука уменьшается! — добавил он с какой-то тихой горечью.— Разумеется!

Это действительно было так. Влажное пятно больше не было квадратным. Оно стянулось по краям и теперь походило скорее на неправильный овал приблизительно в фут длиной и восемь дюймов шириной.

— Дайте мне что-нибудь твердое,— велел он.— Можно фонарь.

Лори подала ему фонарик лейтенанта Галиля. Коглен включил его — огонек едва горел — и поднес прямо к поверхности облака. Он подтолкнул его туда, прямо в серебристое сияние. Кончик фонаря исчез. Коглен вдавливал его сквозь серебристую пленку туда, где должна была быть твердая штукатурка и камень. Но фонарик продвигался вперед. Внезапно Коглен вскрикнул и отдернул руку. Фонарик провалился — в штукатурку. Коглен потер руку о штанину. Пальцы у него заныли от холода. Фонарик был металлический, а металл хорошо проводит холод.

— Мне нужно, чтобы Дюваля разбудили! — сердито крикнул Коглен.— Только он умеет писать по-древнегречески — так же как говорить на нем и понимать его! Мне нужно, чтобы его разбудили!

Когда Галиль перевел его слова, врач только покачал головой.

— Чтобы утихомирить его, пришлось вколоть большую дозу успокоительного,— пояснил Галиль.— Его нельзя разбудить. В любом случае, на это ушел бы не один час.

— Я хотел спросить их,— с горечью сказал Коглен,— что они сотворили с зеркалом, чтобы заставить его поверхность создать собственный дубль. Это должно быть что-то совершенно нелогичное!

Он принялся расхаживать по комнате, сжимая и разжимая кулаки.

— Чтобы сделать устройство, которое Дюваль назвал «магическим зеркалом»,— в его тоне прозвучал сарказм,— они могли применить, к примеру, алмазную пыль, ослиный навоз или китовые реснички. И что-нибудь из этого могло сработать! У кого-то получилось создать это устройство — по чистой случайности, которую мы не можем и надеяться повторить!

— Но почему?

— Мы больше не умеем думать как безумцы, варвары или византийские алхимики! — воскликнул Коглен.— Не умеем, и все тут! Это как телефон! Сам по себе он бесполезен. Нужно, чтобы в двух разных местах в одно и то же время находилось два телефона. Это очевидно. Чтобы можно было использовать подобную вещь, нужно, чтобы два таких прибора находились в одном и том же месте в разных временах! В случае с телефонами нужно, чтобы они были соединены проводом. Для этого устройства нужно, чтобы две его части были связаны местом!

— Необычайно убедительная фантазия! — восхитился Галиль.— И точно так же, как можно определить наличие провода между двумя телефонными аппаратами...

— Можно определить место, где существует связь между двумя устройствами в разных временах! Эта связь — холодная. Она конденсирует влагу. Тепло попадает в нее и исчезает. И я знаю,— вызывающе заявил Коглен,— что я несу чушь! Но я знаю и то, как создать такую связь, хоть и не имею ни малейшего понятия, как сделать устройства, которые она соединяет! А от установления связи до создания этих устройств так же далеко, как от прокладки медного провода до разработки телефонной сети! Единственное, что мне известно,— что магнит из альнико действует как один из инструментов, делающих эту связь возможной!

— К чему все эти рассуждения? — рявкнул Мэннерд.— Поближе к фактам! Что случилось с Дювалем?

— Завтра,— с гневным спокойствием сказал Коглен,— он расскажет нам, что услышал за серебристой пленкой слабые голоса, когда возился с магнитом. Голоса говорили на греческом. Он попытался постучать по серебристой пленке — она казалась твердой,— чтобы привлечь их внимание. И то, чем он пытался постучать, прошло через пленку насквозь! Он услышал, как они ахнули, разволновался и рассказал, кто он такой,— возможно, спросил их, не имели ли они дела с Аполлонием, потому что Аполлоний был упомянут в надписи на форзаце той книги,— и предложил им обменять сведения о современности на то, что они могли дать ему! Он поклянется, что засунул книги в стену — в основном справочники по истории на греческом и французском,— а они в обмен передали какие-то вещи ему. Его обмороженные руки — вот доказательство! Когда что-то появляется из пленки или исчезает в ней, оно замерзает! «За ледяной границей бытия»! Он расскажет нам, что дубль устройства начал уменьшаться по мере того, как он обменивался предметами,— слой вещества, которое производит такой эффект, должен очень быстро расходоваться! Ему отчаянно хотелось узнать как можно больше, но тут появляются ваши люди и хватают его, и он приходит

в еще большее отчаяние, потому что отчасти верит в происходящее, отчасти нет, и никак не может заставить их понять. Потом они вызывают доктора, и всему конец!

— Ты сам в это веришь? — осведомился Мэннерд.

— Я готов биться об заклад,— зло бросил Коглен,— он спросил бы у них, что они сделали с зеркалом, чтобы оно заработало! Диаметр отверстия с каждой минутой все уменьшается, а я не могу даже бросить им записку, чтобы они приостановили процесс, потому что Дюваль — единственный из нас, кто может задать простой вопрос, на который они могут дать поистине невероятный ответ!

Он едва не ломал руки. Лори подняла объемистый, пятидюймовой толщины том, который чуть раньше поразил Коглена. Мэннерд откровенно не верил всему тому, что только что услышал. Галиль с отсутствующим видом и сверкающими глазами смаковал мысль, которая объясняла почти все, что его озадачивало.

— Я никогда в это не поверю! — сказал Мэннерд упрямо.— Ни за что на свете! Даже если такое и могло случиться, почему именно здесь и сейчас? Какова цель — настоящая цель? Помешать убить меня? Это все, что из этого вышло! Не такая уж я важная птица, чтобы нарушать законы природы и совершать то, что никогда не могло бы случиться само по себе, только ради того, чтобы не дать Аполлонию меня убить!

Галиль вдруг кивнул и одобрительно посмотрел на Мэннерда.

— Искренний человек! — сказал он.— Я могу ответить на этот вопрос, мистер Мэннерд. Дюваль принес сюда книги по истории. Некоторые из них были на современном греческом, другие — на французском. И если невероятное действительно произошло и мистер Коглен описал нам факты, значит, человек, который создал этот... это «устройство» в двенадцатом веке, был алхимиком и ученым, который всецело верил в магию. Когда Дюваль предложил ему обменяться книгами, неужели он не согласился бы в надежде приобщиться к неведомым знаниям? Он просунул в зеркало кое-какие предметы и несколько книг, которые оказались у него под рукой, и в их числе — «Алексиаду». Так она очутилась в двадцатом столе-

тии. Однако надпись на форзаце книги, когда месье Дюваль обнаружил ее в Национальной библиотеке, гласила, что она «побывала за ледяной границей бытия и вернулась обратно, неся на себе записи посвященных, которые справлялись об Аполлонии». Но кроме послания, написанного вашей рукой, мистер Коглен, и отпечатков, благодаря которым и началась вся эта история, никаких других записей в книге нет. Значит, чтобы не создавать путаницы во времени, вы должны оставить в ней те самые слова, что были на потайном листе, а под ними — отпечатки пальцев. А потом мы вернем книгу обратно, в двенадцатый век, чтобы ее тамошний владелец сделал на ней надпись о «ледяной границе бытия», которая впоследствии, через восемьсот лет привлечет, вернее уже привлекла, внимание месье Дюваля и заставит его найти ваше, мистер Коглен, послание, которое, в свою очередь, спасет жизнь мистеру Мэннерду. Пишите, мистер Коглен, да поскорее, пока пятно на стене не высохло окончательно! Только не забудьте, слова должны быть в точности те же!

Коглен, у которого голова шла кругом, взял тростниковое перо и чернильницу с уже слегка оттаявшими чернилами и дрожащей рукой вывел на пергаменте четыре строчки, которые, казалось, навсегда врезались ему в память.

«Найдите Томаса Коглена, Фатима 750, Стамбул.
Профессор, президент, дальше что?
Устройство в доме 80 по улице Хусейна, второй этаж, задняя комната.
Позаботьтесь о Мэннерде. Его хотят убить».

Он закончил писать и стал неуклюже размазывать по пальцам чернила, когда Галиль любезно предложил:

— Позвольте вам помочь? У меня все-таки опыт...

Коглен разрешил ему нанести темные чернила на кончики своих пальцев. Галиль старательно, один за другим прижал к пергаменту четыре его пальца, потом, пониже, приложил большой.

— Такого со мной еще не бывало,— сказал он спокойно.— Снимать отпечатки пальцев, которые я увижу в следующий раз, когда им будет восемьсот лет! И что теперь?

Коглен взял магнит. Он был намного ярче, чем стальной. С виду он походил на алюминиевый, но был куда тяжелее. Коглен поднес его к стремительно сжимающемуся пятну на стене. Влажная поверхность подернулась серебристой пеленой. Коглен сунул толстый том в это облако. Книга коснулась его и вошла внутрь. И исчезла. Коглен отвел магнит. У влажного пятна был такой вид, как будто оно вот-вот засохнет навеки. Дюваль хрипло дышал на брезентовой койке.

— Вот теперь,— мягко сказал Галиль,— нам больше не нужно верить во всю эту историю. Мы и не верим, правда ведь?

— Разумеется, нет! — прорычал Мэннерд.— Это вздор!

Галиль ухмыльнулся. Отряхнул пальцы.

— Вне всякого сомнения,— примирительно заявил он,— месье Дюваль все выдумал. Он ни за что в этом не сознается. Будет утверждать, что это придумал кто-то из нас. А мы всю жизнь будем подозревать друг друга. Нигде не останется никаких документов, кроме очень немногословного рапорта в архивах Управления стамбульской полиции, в котором авторство этой мистификации будет приписано или месье Дювалю, или Аполлонию Великому — по крайней мере, когда тот окажется в тюрьме. Уникальная загадка, не правда ли?

Он рассмеялся.

Неделю спустя Лори торжествующе доказала Коглену, что все это была ерунда. Порез на подушечке его большого пальца благополучно зажил, не оставив после себя никаких следов.

Утро Судного дня

Будь я человеком разумным, я бы заявил, что эту историю услышал, а сомнения адресовал бы рассказчику. Но я видел все собственными глазами. И даже принимал в тех событиях участие. У меня была накладная на груз из Бразилии, подписанная следующим образом — «Собственность Хосе Рибейры». Груз давно пришел, а к страничке накладной — это я обнаружил только сегодня — прилип раздавленный муравей *soldados*. Самый обычный, ничего особенного. По правде говоря, все произошедшее до отвращения банально. Но будь я умнее, я бы поведал эту историю иначе.

Началось все в Милхао, когда ко мне пришел Хосе Рибейра. Милхао находится в Бразилии, но оттуда на закате можно увидеть Анды. Это городок, с которым, к несчастью, джунгли не успели расправиться прежде, чем резиновый бум пошел на спад. Он располагался в самом сердце бассейна Амазонки, в такой глуши, что связь с внешним миром ему удавалось осуществлять только с помощью контрабандистов и преступников, бежавших от перуанского правосудия через горы. Иными словами, живут там только грешники. Не знаю, что привело в Милхао Хосе Рибейру. Я же отправился туда только потому, что где-то в тех краях в 1911 году Болер отловил один из трех известных образчиков *Morpho andiensis,* а сумасшедший миллионер из Чикаго был готов выложить денежки за попытку поймать для его коллекции четвертого.

Я попал туда после того, как капитан парохода категорически отказался плыть дальше и мне пришлось четыре дня

© Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой.

тащиться на каноэ с местными жителями, которые родились и выросли около воды, но так ни разу и не искупались. Когда я наконец добрался до Милхао, то пожалел, что не остался в каноэ. Такое это было место.

Но там находился Хосе Рибейра, а в бразильской глуши бытует суеверие, что господа из Северной Америки отличаются исключительной честностью. Я ничего не собираюсь объяснять. Просто сообщаю факты. В тот момент, когда я начал устраиваться в отвратительно шумной гостинице, в мою дверь постучал и тут же вошел Хосе, невысокий смуглый мужчина с израненной душой. Впрочем, он изо всех сил пытался это скрывать. Первым делом я заметил, что он чистый. Он пришел босиком, но его потрепанный костюм поражал своей безупречностью, да и сам гость явно недавно мылся. В городке вроде Милхао такие вещи производят сильное впечатление.

— Сеньор,— сказал Хосе извиняющимся голосом, исполненным отчаяния,— сеньор ведь североамериканец. Я молю вас... молю о помощи.

Я проворчал что-то нечленораздельное. Быть американцем не всегда удобно, в особенности в определенных местах и при определенных обстоятельствах. Хосе закрыл дверь и принялся что-то нашаривать в складках одежды. Наконец с затравленным видом он вытащил полотняный узелок и дрожащими пальцами развернул его. Я удивленно заморгал. Кучка крошечных золотых самородков вспыхнула ослепительным сиянием в свете лампы. Я ни секунды не сомневался в том, что передо мной золото, но в голове сразу же возник вопрос: как ему удалось столько собрать? Моим глазам предстал не золотой песок, который, как правило, попадает в руки добытчиков, а небольшие кусочки размером с булавочную головку. И ни один из них не был крупнее половины горошины. Прикинув на глаз, я решил, что золота здесь фунтов пять, не меньше,— должен сказать, зрелище редкостной красоты.

— Сеньор,— напряженным голосом проговорил Хосе.— Умоляю вас, помогите мне превратить это в домашний скот! Вопрос жизни и смерти!

Я напустил на себя суровый вид. Разумеется, здесь, в самом сердце джунглей, окружавших Милхао, корова или бык будут выглядеть так же неуместно, как среди эскимосов, но

дело было не в этом. В Милхао меня привели собственные дела. Если я начну покупать скот или золото, движимый желанием помочь ближнему, пострадает моя миссия. Поэтому с вежливым сожалением я ответил:

— Я не бизнесмен, сеньор, и не занимаюсь ни золотом, ни торговлей животными. Чтобы приобрести домашний скот, вам нужно отправиться в Сан-Педро.— Четыре дня на каноэ вниз по течению или, может быть, три, если повезет.— Отнесите золото какому-нибудь банкиру. Он обменяет его на деньги, если сможете доказать, что оно действительно ваше. А потом вы купите все, что необходимо.

Хосе с отчаянием во взгляде посмотрел на меня. Естественно, половина населения Милхао — и, вне всякого сомнения, половина перуанцев, сбежавших от правосудия,— перерезали бы горло даже за небольшую часть его сокровищ.

— Но, сеньор,— задыхаясь, проговорил он,— этого наверняка хватит, чтобы купить скот в Сан-Педро и отправить его сюда, не так ли?

Я заявил, что золота хватит, чтобы купить столько скота, сколько в Сан-Педро никогда не видели, да еще нанять пароход, чтобы его доставили в Милхао. Хосе облегченно вздохнул. Однако я тут же добавил, что человек должен сам покупать для себя все необходимое, поэтому ему следует отправиться в Сан-Педро.

— Но... этого золота хватит, чтобы купить скот! — вскричал Хосе.— Я так и сказал моим... друзьям. Однако я не могу покинуть пределы Милхао, сеньор. Не могу отправиться в Сан-Педро. А я должен — мне необходимо — купить скот для моих друзей! Это вопрос жизни и смерти! И что же мне делать, сеньор?

Естественно, я решил, что он преувеличивает серьезность положения.

— Я не бизнесмен,— повторил я.— И не смогу вам помочь.— Но, увидев ужас, появившийся в его глазах, добавил: — Я приехал сюда в поисках бабочек.

Он меня не понял и начал, заикаясь, умолять о помощи. Поэтому мне пришлось кое-что объяснить.

— Один богатый человек,— сухо произнес я,— хочет получить определенную бабочку. У меня есть картинка, на кото-

рой она изображена. Меня сюда прислали, чтобы я попытался ее найти. Мне разрешено заплатить за нее тысячу милреев. Но я не имею права заниматься другими делами, например покупать золото или домашний скот.

На лице Хосе появилось отчаянное выражение. Казалось, лишившись надежды, он перестал воспринимать окружающий мир. Поэтому, чтобы хоть как-то его развлечь, я показал ему цветную фотографию *Morpho andiensis,* которая находится в собрании Горио в Париже. Во время войны коллекционеры жуков были в отчаянии, они опасались, что нацистам удастся захватить их сокровище. И тут глаза Хосе загорелись.

— Сеньор! — вскричал он.— Может быть, мои... друзья смогут найти для вас такую бабочку! Вы готовы заплатить за нее скотом, купленным в Сан-Педро и отправленным сюда?

Не отдавая себе отчета в словах, я сказал, что готов, но... Оказалось, что я привожу доводы самому себе, поскольку Хосе пулей вылетел из номера, оставив мне мешок золота. Очень необычная ситуация.

Я бросился за ним, но он исчез. Поэтому я спрятал его сокровище на самое дно своего ящика для образцов. Несколько капель формальдегида, пролитых перед тем, как закрыть ящик с химикатами и насекомыми, очень эффективное средство против воров. Я довольно часто им пользуюсь.

На следующее утро я решил поинтересоваться по поводу Хосе, но все, к кому я обращался, лишь пожимали плечами в ответ. Он жил не в Милхао, а поселился с женой в нескольких милях вверх по реке на собственной ферме, которая построена на небольшом расчищенном участке. У них был ребенок. Хосе подозревали в самых разных преступлениях. Он покупал свиней и отвозил их домой, но никто не видел там никаких свиней! У него очень хорошенькая жена, и один перуанец отправился к ним на ферму, собираясь за ней поухаживать, но не вернулся.

Думаю, то, что в моем рассказе до сих пор ни разу не упоминались муравьи, само по себе удивительно. Бабочки — да, а вот муравьи — нет. В особенности *soldados* — бродячие муравьи. Должен заметить, это очень странно.

Мне не удалось узнать ничего полезного про Хосе, но я приехал в Милхао по делу и поэтому начал расспрашивать

местных жителей о том, что меня интересовало. Я сказал, что мне нужна определенная бабочка и что я согласен выложить за нее тысячу милреев. Я был готов показать ее изображение любому, кто захочет посмотреть, а также объяснить, как сделать специальную сеть для ловли бабочек и как следует ею пользоваться. А также как обращаться с бабочками, чтобы ничего не повредить. Я настаивал, что мне требуется определенный вид, причем экземпляр, за который я заплачу, должен быть доставлен в целости и сохранности.

Обитатели Милхао пришли к счастливому выводу, что я не в своем уме, но собирались извлечь выгоду из моего безумия. Они хватали первых подвернувшихся под руку бабочек и тупо тащили мне. Я потратил целый день, объясняя людям с горящими глазами, что сходство с бабочкой, изображенной на моей картинке, не ограничивается одинаковым количеством лапок и крылышек. Но я много раз повторил, что заплачу тысячу милреев принесшему мне бабочку, как две капли воды похожую на ту, что я им показал. С финансовой точки зрения я чувствовал себя совершенно свободно. В последний раз, когда *Morpho andiensis* выставили на аукцион, ее купили за двадцать пять тысяч долларов. Я бы с удовольствием положил такие деньги в карман.

Хосе Рибейра вернулся. Он был так напряжен, что и представить себе невозможно. Он подергал меня за рукав и сказал:

— Сеньор.

Я схватил его и потащил в гостиницу, где достал из ящика его сокровище.

— Вот,— сердито проговорил я.— Это не мое! Заберите!

Он не обращал на меня никакого внимания. Его отчаянно трясло.

— Сеньор,— пролепетал он и с трудом сглотнул.— Мои друзья... мои друзья, думают, что не смогут поймать бабочку, которую вы ищете. Но если вы скажете им...— Он нахмурился.— Сеньор, прежде чем бабочка родится, она похожа на маленький мягкий орех с червячком внутри?

Это вполне могло сойти за описание кокона. Друзья Хосе — мне сказали, что у него нет никаких друзей,— отличались наблюдательностью. Хосе, похоже, ухватился за надежду, как за соломинку.

— Мои... друзья найдут вам орех, из которого получится бабочка,— сказал он взволнованно.— Если вы скажете, как он выглядит и что собой представляет.

Я заморгал. До сих пор, насколько мне было известно, удалось поймать только трех представителей *Morpho andiensis*. Все были взрослыми особями. Разумеется, никто не знал, как выглядит кокон. Любой натуралист мог бы назвать сотни видов взрослых особей, обитающих в одной долине Амазонки. Но кто станет охотиться за коконами в джунглях вокруг Милхао?

— Друг мой,— скептически проговорил я,— на свете существует тысячи самых разных коконов. Я куплю пять штук каждого вида, обнаруженного вами, и заплачу за них по одному милрею. Но только пять одинаковых, вы запомнили?

Естественно, я не думал, что он станет тратить силы на такие глупости, просто мне хотелось, чтобы парень забрал свое золото. Но он снова умчался прочь прежде, чем я успел его остановить. А еще мне показалось, что, когда я предложил ему эту работу, он так обрадовался, словно получил помилование после смертного приговора. В свете дальнейших событий, должен сказать, что это было очень близко к истине.

Я разозлился и решил, что на следующий день сам отвезу ему золото. Кроме того, человек — в особенности полукровка,— хладнокровно отказавшийся от пяти фунтов золота, не может не вызывать интерес. Я договорился, что меня доставят к его ферме на каноэ.

Конечно же, она находилась рядом с рекой. В джунглях бассейна Амазонки нет троп и дорог. Мимо Милхао течет глубокая река, шириной примерно в двести ярдов. Впрочем, она кажется не такой широкой из-за джунглей, обступивших ее берега и наводящих страх на любого нормального человека. Со стороны воды деревья, ползучие растения и лианы выглядят впечатляюще, но дело не только в этом. До путешественника долетают запахи, которым невозможно дать имя, и диковинные непонятные звуки. Ты словно врезаешься в зеленую стену, но ничего не видишь. Ты выбираешься на волю, но оказывается, что тебе так и не удалось ничего узнать. Ты не в силах на них хоть как-то воздействовать. Джунглям на тебя

наплевать. В общем, у меня возникло ощущение собственной незначительности.

Нанятые мной гребцы проплыли бы мимо фермы Хосе, если бы он не оказался на берегу и не позвал нас. Хосе рыбачил, и теперь, оглядываясь назад, я вспоминаю, что рядом с ним не лежало никакой рыбы — только несколько обглоданных скелетов. У меня возникло ощущение, что, когда я только заметил Хосе, земля вокруг него была очень темной, но, когда мы причалили, она казалась совершенно обычной. Он ужасно вспотел, но, когда увидел меня, в его глазах вспыхнула надежда.

Я оставил двоих местных жителей покурить и вздремнуть в каноэ, а сам последовал за Хосе в джунгли. У меня тут же возникло ощущение, будто я иду по тоннелю, освещенному приглушенным зеленым сиянием. Повсюду взгляд натыкался на стволы деревьев, ползучие растения и листья. Зеленый цвет здесь победил все остальные. Я заметил пурпурную бабочку с крылышками, украшенными малиновым кантом, которая медленно порхала среди листвы, словно в подводном гроте.

Однако вскоре тропа стала шире, и я увидел дом Хосе. Его вид в очередной раз доказал мне, что человек не нуждается в цивилизации, чтобы жить с удобством. Если не считать хлопчатобумажной одежды, железного котелка и мачете, все остальное на ферме было сделано из даров джунглей и, следовательно, в любой момент могло быть заменено. Для человека, проводящего почти все время в подобных условиях, золото не имеет никакой ценности. Пока он в состоянии таким образом удовлетворять свои нужды, у него не может возникнуть никаких соблазнов. В тот момент мои мысли были почти сентиментальными.

Я вежливо улыбнулся жене Хосе. Она оказалась симпатичной молодой женщиной с правильными чертами лица. Но меня поразило и обеспокоило то, что в ее глазах застыл панический ужас. Она разговаривала, но казалось, будто одновременно она поглощена созерцанием подбирающегося к ней чудовища. У меня сложилось впечатление, что они оба чего-то безумно боятся. Это было так невероятно странно. Однако их сын, смуглый трехлетний мальчуган, выскочив-

ший мне навстречу в чем мать родила, похоже, ничего такого не чувствовал. Он стоял и смотрел на меня широко раскрытыми глазами.

— Сеньор,— дрожащим голосом проговорил Хосе,— вот то, что вы хотели получить, маленькие орехи с червячками внутри.

Он поставил передо мной корзину из плоских зеленых волокон, которую наверняка сплела его жена. Я заглянул внутрь, абсолютно уверенный, что не увижу ничего ценного. Однако моим глазам предстала совершенно невероятная, немыслимая картина — полбушеля коконов!

Хосе каким-то образом удалось их раздобыть меньше чем за двадцать четыре часа. Некоторые представляли собой миниатюрные капсулы, из которых на свет появляются крошечные бабочки с размахом крыльев не больше чем у комара. Другие — мощные, толстые коконы из прочного коричневого шелка. Еще я заметил коконы, внешне ужасно походившие на птичий помет, и такие, которые ловко прячутся в сложенных листьях. Некоторые из них были зелеными — готов поклясться в этом — и могли легко сойти за почки ползучего растения. И...

Нет, такое просто невозможно! Я был потрясен. Бассейн Амазонки до определенной степени изучен, но коконы любого относительно редкого вида насекомых встречаются в двадцать раз реже, чем взрослые особи. А я держал в руках корзину со свежими, живыми коконами! Я не мог поверить собственным глазам, но и не верить тоже не мог. Когда я перебирал коконы, руки у меня дрожали.

— Великолепно, Хосе! — наконец вымолвил я.— Я заплачу, как мы договаривались,— по одному милрею за штуку. Сегодня же отправлю их в Сан-Педро, куплю скот и договорюсь о доставке. Я обещаю!

Однако Хосе не расслабился. Я видел, как он вытирает пот с лица.

— Я... умоляю вас, сеньор, попросите, чтобы они поспешили,— жалобно проговорил он.

Я его практически не слышал. Не выпуская из рук корзинки, я вернулся на берег реки и прижимал сокровище к груди весь обратный путь. О том, что я собирался вернуть

Хосе золото, я даже не вспомнил. В гостинице я сразу же приступил к работе.

Первым делом я, естественно, позаботился, чтобы люди, которым я поручил доставку посылки, знали, что в ней не содержится ничего ценного — всего лишь коконы бабочек. Затем я положил внутрь золото Хосе и написал письмо одному человеку в Сан-Педро, которому, даст бог, хватит здравого смысла выполнить мое поручение. А еще я находился на седьмом небе от счастья.

Пока я составлял накладную, которая будет сопровождать контейнер с замороженными коконами,— я намерен был отправить посылку воздушной почтой из ближайшего аэропорта, предоставляющего подобные услуги,— по моим бумагам прошествовал большой муравей. В бразильской глуши к насекомым начинаешь относиться как к чему-то совершенно нормальному. Я раздавил муравья, даже не посмотрев в его сторону. А затем с радостной улыбкой вышел на улицу, чтобы отправить посылку. Я стал обладателем сокровища, которое войдет в историю среди коллекционеров. Это просто невероятно!

В тот момент, когда каноэ с посылкой отплыло от берега и двинулось вниз по реке, я вдруг осознал невозможность случившегося. Как, черт подери, он собрал все эти коконы...

Я думал и думал, и задача казалась мне все более неразрешимой. Меньше чем за день Хосе нашел полбушеля коконов — иными словами, сотню разных видов мотыльков и бабочек. Как такое возможно! На свете просто не существует необходимой информации, чтобы сделать *такое*. Однако ему удалось. Каким образом?

Этот вопрос не желал меня отпускать, и я понял, что должен найти ответ. Я купил свинью в подарок и снова отправился на ферму Хосе. Мои проводники лениво гребли, и мы медленно плыли вверх по реке. Свинья возмущенно хрюкала на дне каноэ. Теперь я испытываю к ней жалость. И с радостью извинюсь перед ее призраком, если мне представится такая возможность. Но тогда я ничего не знал.

Я выбрался на узкую полоску песка и позвал Хосе, который вскоре вышел из зеленого коридора, ведущего к его дому. Он взволнованно поблагодарил меня за свинью. А я рассказал

ему, что заказал в Сан-Педро скот и договорился, чтобы его доставили по назначению. А потом весело добавил, что все парнокопытные, которые имеются в городе и которых можно превратить в мясо, скоро прибудут к нему на пыхтящем от старости пароходе. Хосе сглотнул и рассеянно кивнул. У него по-прежнему был вид человека, охваченного ужасом.

Мы повели свинью к дому. Жена Хосе укачивала ребенка, и в глазах у нее застыл страх. Мне, вероятно, следовало почувствовать смущение перед лицом такой боли, даже несмотря на то, что я не знал ее причин. Но я думал только о вопросах, которые собирался задать. Хосе молча уселся рядом со мной.

А я продолжал не обращать внимания на тяжелую атмосферу безысходности.

— Ваши друзья способные натуралисты, Хосе,— заявил я без обиняков.— Я очень доволен тем, что им удалось сделать. Многие из собранных ими «маленьких орешков» мне незнакомы. Я бы хотел встретиться с такими удивительными специалистами в этой области.

Хосе поджал губы, а его жена вскрикнула. В следующее мгновение она взглянула на меня со смесью иронии и отчаяния. Меня ее взгляд удивил, и я внимательно посмотрел на Хосе. И вот тут у меня на голове зашевелились волосы, а сердце и вовсе чуть не остановилось. По его плечу полз большой муравей, и я сразу понял, какой именно.

— Боже мой! — взвизгнул я.— *Soldados!* Бродячий муравей!

Дальше я действовал, исключительно следуя инстинктам. Я выхватил ребенка из рук матери и бросился к реке. В подобные моменты человек не думает. Бродячие муравьи, или боевые муравьи, как их еще называют, являются абсолютными и единоличными правителями джунглей. Они передвигаются миллионными ордами, и устоять против них не может ничто. Они славятся своей колоссальной численностью и безжалостно поедают все вокруг. Даже люди покидают дома, завидев приближающихся бродячих муравьев, а когда те уходят, возвращаются, чтобы обнаружить — они сожрали все, что можно сожрать, от уховерток, прячущихся в соломе, до лошади, которая была слишком крепко привязана и не смогла убежать.

Бродячий муравей, вышедший в поход, убивает всех, сдирая с живых существ куски плоти и при этом не обращая ни малейшего внимания на то, что жертвы пытаются защищаться. Вот почему я схватил ребенка и побежал.

Хосе Рибейра заорал мне вслед:

— Нет! Сеньор! Нет!

Он остался совершенно неподвижен, только отчаянно кричал. Мне еще ни разу в жизни не приходилось слышать в человеческом голосе такой неприкрытый ужас.

Я остановился. Не знаю почему. Меня потрясло то, что Хосе и его жена замерли на своих местах и продолжали сидеть не шевелясь. Думаю, еще больше меня поразило то, что ни на крошечной поляне, ни в самом доме ничего не изменилось. Бродячие муравьи, как правило, наступают огромными армиями, и вся земля покрыта шевелящимися, блестящими на солнце телами. А воздух наполняет щелканье крошечных ножек и челюстей. Муравьи захватывают все деревья и кустарники, которые встречаются у них на пути. Гусеницы, червяки, птенцы в гнездах, змеи, обезьяны — все живые существа, не имеющие крыльев, оказываются погребенными под волной маленьких чудовищ, которые оставляют у себя за спиной лишь дочиста обглоданные косточки.

Однако Хосе продолжал сидеть неподвижно, только изо всех сил пытался сглотнуть. Я видел на нем *бродячего муравья*. Одного. Больше их не было нигде. Через несколько мгновений Хосе встал и, спотыкаясь, приблизился ко мне. Вид у него был такой, точно за ним явилась сама смерть. Говорить он не мог.

— Послушайте! — воскликнул я и удивился визгливым ноткам в своем голосе.— Я видел бродячего муравья! Я видел!

Хосе сглотнул одним усилием воли. Я поставил ребенка на землю, и он поспешил к матери.

— Да,— пролепетал Хосе так, словно у него пересохло в горле, а губы отказывались слушаться.— Но это... особенные муравьи. Они... как домашние любимцы. Да. Они ручные. Они мои... друзья. Они умеют делать разные фокусы, сеньор. Я вам покажу.

Он вытянул руку и издал какой-то непонятный, хлюпающий звук. В то, что последовало дальше, поверить просто

невозможно. Муравей — огромный, примерно в дюйм длиной — спокойно выбрался из его рукава и замер на ладони. Рука Хосе дрожала, точно осенний листок на ветру, а муравей сидел и не шевелился.

— Да,— с истеричными нотками в голосе повторил Хосе.— Он показывают фокусы! Смотрите! Он может встать на голову!

И я увидел, как муравей встал на голову, только я никак не мог поверить собственным глазам. Муравей сделал что-то такое, отчего казалось, будто он изобразил стойку на голове, затем повернулся, спокойно прополз по ладони, потом по запястью и скрылся в складках ткани.

Повисла тишина, точнее, то, что можно назвать тишиной в самом сердце джунглей. У меня самого пересохло в горле. То, что я видел, было чистым безумием, но это оказалось еще хуже. Я вдруг почувствовал, что *нечто* ждет, как я себя поведу. Должен признаться, ничего страшнее я в жизни не испытывал. И мне трудно отыскать слова, чтобы описать свои впечатления. Я ощутил чье-то присутствие, но не конкретной личности, а скорее коллективного сознания, и в следующее мгновение с ужасом осознал, что *нечто* смотрит на меня тысячами пар глаз, окружает со всех сторон.

За долю секунды я понял, что видит и о чем думает это *нечто*. Оно хотело знать, как я поступлю. Потому что от моего поведения зависело то, что сделает *нечто*. Впрочем, это сознание не было сложным. Смертельно опасное, оно оставалось невинным. Безжалостным и наивным одновременно.

Вот что я ощутил. Это чувство, конечно же, имело естественное объяснение, которое превращало все мои размышления в бессмыслицу. Но тогда я ему поверил. И поступил, опираясь на свою веру. Я рад, что все так произошло.

— Теперь мне все ясно! — вскричал я, не скрывая удивления.— Это очень умно с вашей стороны, Хосе! Просто поразительно, что вам удалось выдрессировать муравья! Зря я испугался. Но... ваше стадо уже в пути. Оно скоро будет здесь. Большое стадо!

Тут я понял, что чуждое сознание меня отпустило. И я ушел.

В четверти мили вниз по течению один из моих проводников вынул весло из воды и прислушался. Другой тоже перестал грести. Из джунглей доносился какой-то звук. К счастью, издалека, но он очень походил на вопль свиньи. Я слышал, как визжат свиньи, когда их режут. Инстинкт подсказывает им, что собирается сделать человек, и они пытаются — тщетно — сражаться за свою жизнь. Это был совсем другой звук. Хуже, значительно хуже.

Я повел себя, как безнадежный идиот. Сейчас, разумеется, я понимаю, что с той самой минуты мои поступки не имели ничего общего с действиями разумного человека. Я больше не мог рассуждать с необходимой долей научного скептицизма. Неожиданно мне показалось, что теория Нортона о коллективном разуме, которым наделены общественные насекомые, звучит вполне правдоподобно. Пчелы, утверждает Нортон, подобны частичкам одного организма. Улей — это одно существо, так говорит Нортон, а каждое насекомое представляет собой клетку его тела.

Так кровяные тельца наделены индивидуальностью, но одновременно являются частями целого. Мы можем отрубить руку или ногу, если это необходимо для спасения всего организма, хотя погубим при этом много клеток. Улей или рой жертвует отдельными насекомыми, чтобы защитить себя. Каждая пчела является мобильной клеткой. Ее разум — часть общего сознания группы. Таким образом, именно группа и есть живое существо. А муравьи, по теории Нортона, демонстрируют истинность этого факта особенно отчетливо; способность отдельного представителя колонии погибнуть ради общего блага... Он даже привел примеры, показывающие, что он имел в виду. В основном натуралисты не признают его книгу, но, сидя в каноэ, плывущем вниз по реке прочь от фермы Хосе, я бесповоротно поверил Нортону.

Я поверил, что армия бродячих муравьев представляет собой единый организм. Я поверил, что *нечто,* обитающее на ферме Хосе и состоящее из бродячих муравьев, обнаружило, что другие существа воспринимают окружающий мир так же, как оно. Больше ничего не требовалось, чтобы все объяснить. Армия муравьев, члены которой физически не связаны между собой, знает, что каждый из них думает, видит и чувствует. Единому целому нужно только открыть сознание, чтобы это понять.

Пугает только то, что они умудряются интерпретировать впечатления, не относящиеся к миру муравьев. Это означает, что им не составляет никакого труда находить жертвы. Целая армия насекомых может промчаться по джунглям, словно поток, состоящий из миллиардов крошечных тел, и ничто не устоит перед ними. А если они натолкнутся на человека, то сумеют прочитать и его мысли тоже. Они увидят там возможности, которые раньше были для них закрыты, а потом узнают о безграничных запасах пищи. И тогда они позаботятся о том, чтобы надолго обеспечить себя едой.

Так и произошло.

Но если все это правда, они могут пойти и дальше. От подобных размышлений кровь стыла у меня в жилах, и я заставил себя прогнать их. *Нечто* на ферме Хосе еще *так* далеко не зашло. Но от ужаса, который я испытал, когда сделал это открытие, я весь покрылся испариной прежде, чем добрался до Милхао.

Примечание редактора американского издания 1998 года: «Когда этот рассказ был впервые опубликован в "Сэтердэй ивнинг пост" в 1949 году, он имел продолжение и счастливый конец. Но данная версия увидела свет при жизни автора, и я посчитал, что он сам ее переделал, а следовательно, она является оригинальной. Джо Рико».

Электронная чума

«К 2075 земному году стало ясно, что управление делами Солнечной системы, как и внутрипланетными проблемами, потребует самого пристального внимания Галактической комиссии, так что создание соответствующей администрации сделалось насущной необходимостью. В то же время нельзя недооценивать факт, что в прошлом административные учреждения часто вступали в конфликты друг с другом, что приводило к недоразумениям. (См. Войны.) Галактическое государственное управление пользовалось монополией и обладало широкими полномочиями. Есть люди, для которых власть является средством удовлетворения амбиций, они отчаянно добиваются продвижения по службе и, как ни прискорбно, в конечном счете занимают высокие посты. Люди такого типа не в состоянии провести грань между властью и наушничеством, подчинением и подхалимством, между протестом и саботажем. Вот уже сто лет не происходило затруднений и конфликтов на этой почве, и государственная власть представала непоколебимой, окаменелой бюрократией, внутри которой традиционно царили карьеризм, помпезность и волокита. Чиновники держали три солнечные системы в изоляции от остального человечества в течение более тридцати лет. В некоторые важные документы была внесена путаница, а без соответствующих бумаг никто не имел права пропускать космические корабли в эти системы. Поэтому даже суда Военно-космического флота не могли приземлиться ни на одной из планет трех солнц! Случайное обнаружение такой

© Перевод А. Евстигнеева.

ситуации одним из членов Галактической комиссии привело к отставке ответственных лиц, но не к реформе самой службы. Эпидемия Электронной чумы 2194 г. [см. (1) Лора, (2) Формы жизни, (3) Организм], угрожавшая всему человечеству, возникла исключительно из-за бюрократической близорукости. Экспедиция Бэйзина вылетела с Фароны. После приземления на Лоре было выявлено, что три из шестисот документов, которые должны были представить исследователи, составлены не по форме. Экспедиции было приказано вернуться на Фарону и исправить ошибку. Ученые, уже занятые обработкой данных, сообщили, что на Лоре встречаются странные формы жизни и потому возвращение оттуда нежелательно до тех пор, пока они не будут в достаточной степени изучены. Комиссар Фароны, воспринявший это заявление как оскорбление его власти, выразил протест и приказал доставить экспедицию на космическом корабле под арестом. Так и было сделано, и через два месяца больше десяти миллионов женщин и девочек — половина населения Фароны — погибла от заразы, нечаянно завезенной экспедицией Бэйзина. Из-за недоверия властей ученые оставались под арестом, и чума вполне могла распространиться среди населения всей Галактики».

(Статья «Государственная служба и ее реформы», Краткая энциклопедия, т. 31, издание 2207 земного года)

Бен Шолто как раз снимал чудесную сцену замысловатого брачного танца птицы сети, когда браслет на его запястье активировался с такой силой, что едва не оторвал руку. Во всяком случае, ощущения были не из приятных. Электрошок парализовал мышцы, рука невольно дернулась и толкнула трехмерную камеру. Та покачнулась, и запись была испорчена, причем это непроизвольное движение выдало присутствие наблюдателя. Птица сети и ее подруга испарились с легким свистом крыльев, по которому можно было судить об их половозрелом возрасте.

Бен с силой сжал запястье и выругался. Он быстро вытер пот с кожи под браслетом, чтобы новый импульс не оказался таким болезненным. Серия длинных и коротких электрических импульсов означала: ему настойчиво приказывали немедленно связаться с ближайшим штабом резерва.

— И о чем только думают эти медные каски? — хмуро проворчал Бен и стал пробираться сквозь джунгли к небольшому космическому катеру. Бен был офицером резерва. Когда он служил в Космическом флоте, высокое начальство дало ему один идиотский приказ, осуществление которого могло стоить жизни нескольким бойцам. Он выполнил поручение осторожно, не потеряв ни одного из своих людей. Его краткий рапорт показал, что Бен в точности не следовал инструкциям, потому что в них изначально была заложена ошибка. Тем не менее его вызвали в военный трибунал под предлогом того, что нельзя пренебрегать письменными приказами. Хотя вина была доказана, решение трибунала отменила та же штабная крыса, что его утвердила. Если бы Бен был осужден и подал апелляцию, вопиющая глупость происходящего стала бы очевидна для его начальников. Так что штабной распорядился перевести Бена в резерв, поскольку *на это* решение подать апелляцию невозможно. Статус резервиста давал право на довольно приличное жалованье, позволявшее Бену путешествовать по своему усмотрению на личном катере, что в этом секторе космоса можно было считать большой удачей. И Бен разъезжал, делал трехмерные фотографии флоры и фауны для прессы и бранил свою неудавшуюся военно-космическую карьеру и павшую ее жертвой личную связь. Любовь звали Салли, и именно ее отец был той самой штабной крысой. Но Бен очень скучал по любимой.

Катер стоял под сенью листвы на берегу удивительно прозрачного ручья. Бен вошел внутрь и сразу взялся за телефон ОС — общей связи. Нажал особую кнопку для вызова штаба резерва и бесстрастно уставился на экран.

— Бен Шолто ждет указаний,— сказал он, когда экран включился. Тучный офицер равнодушно кивнул.

— Принято. Ждите.

Экран опустел, а Бен все ждал и ждал. Но — ничего. Только через полчаса браслет снова сильно ударил его током. Бен вскипел и опять нажал кнопку. Через некоторое время на экране появился тот же офицер.

— Шолто докладывает вторично,— процедил Бен.— Я получил второй вызов через браслет.

— Подождите,— безучастно повторил офицер.

Еще через полчаса Бен вскрыл браслет и опустил руку в раковину с водой. У него зазвенело в ушах, когда он позвонил в третий раз. Бен усмехнулся. Теперь-то в штабе проснутся.

Экран загорелся, офицер нахмурился.

— Чего вы хотите?

— Услышать приказ,— ответил Бен.— Что за срочность? Учебная мобилизация на случай вторжения мифических врагов из другой галактики или что еще? Обычная рутина, я полагаю.

Жирный штабной ответил грубо:

— Вы, резервисты, считаете себя умниками! В соседней системе, на Фароне, объявлен карантин. Кто-то попытался его нарушить. Вам предписано присоединиться к охране. Активируйте пишущее устройство и получите приказ.

Бен включил принтер и приготовил себе поесть. Когда принтер зажужжал, он еще сидел за столом и не успел убрать грязные тарелки в топку преобразователя топлива — для легкого катера такого оборудования было более чем достаточно. Бен прочел приказ.

«Вам надлежит занять позицию в космическом пространстве и наблюдать за любыми судами, которые могут попытаться нарушить карантин и приземлиться на той планете, где вы сейчас находитесь. Установите связь с другими наблюдателями-резервистами и разделите околопланетное пространство на участки индивидуальной ответственности. Если судно-нарушитель будет обнаружено, идентифицируйте его, получите список команды и пассажиров, а затем уничтожьте. Приказ обсуждению не подлежит».

Бен присвистнул, нахмурился и воскликнул:

— Вот напыщенные идиоты!

А потом философски пожал плечами.

Он поднял корабль. Здесь, на этой планете, не было других резервистов. Она необитаема. Легкий катер со свистом разрезал воздух. Вот и космос. Бен выбрал случайную орбиту, настроил экраны слежения и устроился с доброй книгой

в руках. Он не ожидал никаких осложнений. Просто за активное состояние и за так называемое чрезвычайное дежурство полагалась доплата, к тому же он должен был получить возмещение издержек за использование корабля. Раз уж его лишили возможности продолжать карьеру — и любовницы, если на то пошло,— Бен не испытывал ни малейших угрызений совести, состригая с «медных касок» — штабных крыс — лишние деньги.

Он читал, пока едва не задремал, потом подошел к приборной панели, решив проверить ее перед тем, как лечь спать. Самый последний экран едва ощутимо мерцал, а стрелка на его шкале чуть подрагивала. Вдруг раздался громкий сигнал тревоги.

Бен сел в кресло пилота, вышел с орбиты и развернул корабль в сторону, указанную экраном слежения. Когда включается полное ускорение, всегда возникает странное и неприятное ощущение. Небольшое судно неслось сквозь пустоту. Будучи техническим специалистом, Бен хорошо разбирался в атомном двигателе. У военного корабля двигатель во многих отношениях более совершенен, чем у торгового, зато требует большей квалификации от пилота. Бен спокойно переносил большие перегрузки, так что он придал двигателю своего катера такую же мощность, как на военных кораблях.

Через десять минут Бен визуально обнаружил чужой корабль. Он направлялся в сторону небольшой планеты, с которой недавно взлетел сам Бен. На контакт он выходить не хотел. Всем космическим кораблям отлично известен передаваемый азбукой Морзе краткий авторитарный сигнал: «Немедленно идентифицируйтесь». Отказ ответить на него считается преступлением.

Бен опять нажал кнопку штаба. Экран загорелся после долгой задержки. За это время Бен успел притормозить и лечь на курс по-прежнему молчавшего корабля, соблюдая дистанцию в десять миль. Тучный офицер выглядел раздраженным.

— Докладывает Бен Шолто. Я обнаружил судно, очевидно летящее курсом с Фароны. Оно отказывается отвечать на предупредительные сигналы.

— Подождите,— бросил толстяк и засуетился. Вот она — бюрократическая возня. Офицер время от времени отвечал

на чьи-то вопросы. Наконец он с важным видом повернулся к экрану.

— В вашем районе нет судов с санкционированным доступом. Уничтожьте.

— Чем? — смиренно спросил Бен.— У меня есть позитронный пистолет и только. Это вспомогательный резервный корабль.

— Тогда... э-э... сопровождайте подозрительное судно,— напыщенно сказал толстяк и нахмурился.— Чтобы взорвать его, будет выслан истребитель.

Бен отключился. Он чувствовал себя неловко. Разумеется, сообщать о своем местоположении нет необходимости. По браслету резервиста, так часто изматывавшему электрошоковыми импульсами, можно без ведома обладателя легко определить его координаты на огромном расстоянии.

Бен присмотрелся к находившемуся в десяти милях судну. Оно имело весьма обтекаемую форму, какую придают кораблям, хотя бы отчасти предназначенным для полета в атмосфере. Сейчас оно явно намеревалось приземлиться на планету, до которой оставалось всего несколько тысяч миль. Чужой корабль быстро притормозил и вышел на орбиту. Опытный Бен двигался тем же курсом и с той же скоростью. Вдруг его взгляд скользнул по панели с телефонами. Слева от трубки был заметен слабый огонек. Это означало, что задействованы все передающие каналы. Из любопытства Бен решил один из них проверить. Это была волна, отраженная от плотных слоев атмосферы, тогда как прочие сигналы проходили их насквозь.

— Бен! — отчаянно взывал девичий голос.— Бен! Если это ты, скорее дай мне знать! Пожалуйста, Бен! Прошу!

Сердце Бена подскочило в груди и судорожно сжалось. Это был голос его любимой, той самой, отношения с которой испортила ему одна штабная крыса. И эта девушка оказалась на борту корабля, который Бену приказано уничтожить. Вот-вот подоспеет истребитель, который уж точно справится с задачей.

— Салли! — дико закричал он в трубку.— Это я! Я в соседнем корабле!

Включился видеофон. На Бена смотрела Салли Хэйл. Вид у нее был бледный и испуганный. Она попыталась улыбнуться. И исчезла с экрана.

В течение того же часа по галактическому времени комиссар планеты Таллис-II издал строгий эдикт и запретил колонизацию самого крупного спутника планеты. Единственной причиной распоряжения стало то, что комиссар любил охотиться на этом спутнике и, предоставив гражданам Таллиса-II право селиться на нем, нарушил бы идиллию. Одновременно четыре космические линии связи в секторе Дениба попросили разрешение прекратить ряд операций. Они утверждали, что стоимость передачи докладов службы управления из-за их количества возросла настолько, что превратилась в основную издержку. Это вело к убыточности всего предприятия. И в тот же галактический день на Фурфе — единственной планете Этамина — отказали в посадке экспресс-лайнеру первого класса из сектора Алголя. Ему было приказано вернуться в порт вылета. Среди более чем тысячи восьмисот документов на полет и груз нашелся единственный, где не оказалось подписи какого-то ничтожного клерка. Администрация работала в своей обычной манере.

Но Бен Шолто вел себя вовсе не так, как требовалось от офицера резерва. Через полчаса после того, как он увидел Салли на экране, Бен отсоединил корабль от чужой яхты и плотнее закрыл воздушные люки. Казалось, что это большой корабль свернул в сторону, но на самом деле курс сменил катер. Прямо впереди угрожающе ярко сияло местное бело-голубое солнце. Длинная, обтекаемая яхта удалялась. Катер с усилием вышел на орбитальную скорость. Теперь Бен включил телефон ОС и нажал кнопку штаба. Тучный офицер недовольно оттопырил нижнюю губу.

— Что такое? — вызывающе спросил он.

— Докладываю,— невозмутимо рапортовал Бен.— Корабль с Фароны на повторные сигналы не отвечает. Похоже, теперь он направляется прямо к солнцу. Я был вынужден отстать от него, поскольку, придерживаясь этого курса, он выйдет либо на само солнце, либо пройдет в непосредственной

близости от него. На борту никто не выживет. Я предполагаю, что его команда уже мертва.

— Продолжайте наблюдение,— велел толстяк.

Бен отключился. Он вернулся в единственную каюту на маленьком катере. Салли срывающимся голосом сказала:

— По правде говоря, Бен, я в порядке. Просто ты единственный, к кому я могла обратиться. За мной охотятся.

— Уже нет,— сказал Бен.— Теперь ты в безопасности!

— Я... я нарушила карантин на Фароне,— сообщила Салли.— Это... это было ужасно, Бен! Они там умирают... умирают тысячами, миллионами. Женщины. Только женщины и девочки. И никто не знает отчего. Их тела излучают космические лучи, и они гибнут. И все. На Фароне не бывает настоящей ночи, только сумерки. Поэтому только за день до моего отлета они... выяснили, что зараженные чумой женщины еще и светятся. Они будто... фосфоресцируют. Они не испытывают боли, только очень подавлены. Начинается лихорадка, и от них распространяются космические лучи, и в темноте они еле заметно светятся. Они становятся слабее и слабее, а потом умирают. А у мужчин иммунитет, и они сходят с ума! Их жены и любимые, дочери и матери умирают у них на глазах. А они даже не подвергаются опасности...

— Не рассказывай, если не хочешь.

— Я... думаю, я в порядке. Должна быть в порядке! — сказала Салли.— Я уже двенадцать дней в пути. Если бы... если бы я заразилась, то уже умерла бы, разве нет? По крайней мере, я была бы больна! Но я здорова. Только... Я почти не могу заснуть, Бен. Я была одна на яхте, когда четыре дня назад услышала сигнал тревоги. По телефону ОС я узнала, что на меня объявили охоту...

— Может, тебе лучше чего-нибудь перекусить и вздремнуть немного? — предложил Бен.— Но как ты догадалась выбрать это место в качестве убежища?

Салли слегка покраснела.

— Ты ведь был здесь.— Она умоляюще на него посмотрела.— Я... ничего не могла поделать, когда мой отец... так поступил. Ты знаешь, когда... он разозлился на тебя, мне было очень плохо. Я поехала на Фарону повидаться с дядей. И тут явилась экспедиция Бэйзина, потом она отправилась на Лору,

а комиссар потребовал от нее вернуться, и она это сделала, хоть и не сразу. А через четыре дня началась эпидемия. Я тогда была на другой стороне планеты. Чума попала к нам с экспедицией Бэйзина. Сначала мы просто слышали о ней, потом был объявлен местный карантин, потом — всепланетный. Дядя считал, что я в безопасности, потому что его поместье изолировано. А потом одна из служанок заболела чумой. Она навещала родных, и дядя установил у ворот счетчики Гейгера, чтобы она не могла незаметно войти. Но... мне надо было спасаться. И он отправил меня на яхте. Одну. Показал курс. Он остался там, со всеми работниками. Он сказал... Его предупредили, что я все равно умру. Я не могла выйти из дома. Никак. На милю вокруг не было ни одной женщины, больной этой заразой, и ни одного мужчины, который контактировал бы с больной. Но все равно, если б я осталась, то погибла бы, и дядя отправил меня. Он ведь был прав, верно?

— Конечно! — спокойно подтвердил Бен.— А дальше?

— Видишь ли,— жалостливо продолжала Салли,— я пряталась, и... никто ничего не знал, ведь считалось, что я умерла. Казалось бы, все шло хорошо. Но потом... пришли опечатать двигатели на яхте, чтобы никто не мог скрыться на ней, и обнаружили, что яхты нет. Они подумали, что кто-то угнал ее и...

— Значит, официально ты мертва,— прервал ее Бен.— Отлично. Ложись спать. Ты в безопасности. Я доложил, что яхта не изменила курс и сгорела на солнце. Она уже и в самом деле приближается к нему. Практически невероятно, чтобы межзвездный корабль случайно напоролся на звезду. Для этого надо быть настоящим асом! Надеюсь, мой доклад не покажется им невероятным.

Бен вышел из каюты с непроницаемым лицом. В старые добрые времена люди могли перемещаться в космосе свободно. Но теперь, при Галактической комиссии, все было опутано волокитой и крючкотворством. Разумеется, штабные тоже были чиновниками комиссии, они сами стремились со временем пробиться к власти и ханжески избегали любых нарушений. Это была своего рода галактическая гражданская служба с окружавшим ее ореолом помпезности и могущества. Некоторые чиновники, конечно, отличались скромностью, но по-

давляющее большинство их оставалось толстокожими штабными крысами. К счастью, они не контролировали жизнь на планетах, зато со все возрастающей мелочностью и дотошностью следили за космосом. Всякое способное к межзвездным перелетам судно должно было зарегистрироваться и получить лицензию. Все космические перемещения проверялись и перепроверялись, что крайне унижало путешественников.

— Вопрос, конечно, серьезный,— невесело произнес Бен, дойдя до контрольной панели в рубке.— С точки зрения закона Салли мертва. С другой стороны, у меня есть официальный приказ убить ее. Я не могу этого сделать. Так как же мне выкрутиться?

Все корабли досматриваются сразу же по прибытии в порт. Он не сумел бы доставить Салли на какую-нибудь необитаемую планету так, чтобы ему не задали лишних вопросов. Он не мог...

Бен нажал кнопку ОС. Загорелся экран, и толстый офицер раздраженно спросил:

— В чем дело? Истребитель уже направлен.

— Корабль, о котором я докладывал, исчез в короне местного солнца,— невозмутимо сообщил Бен.— Это бело-голубой карлик, как вы помните. Странное судно взорвалось на моих глазах и превратилось в каплю расплавленного металла, которая уже, очевидно, испарилась. Я даже сделал несколько снимков. Я могу уйти с дежурства?

— Дождитесь приказа...— высокомерно начал тучный офицер, и в этот момент за спиной Бена раздался крик. Спотыкаясь, из каюты появилась Салли, белая как полотно.

— Бен! — сквозь слезы воскликнула она.— Я... заразилась чумой...

Левой рукой Бен отключил телефон, но было слишком поздно. Он понял это. Он успел заметить, как широко открылись глаза тучного офицера. Гиперпространственный телефон не использовал обычные радиоволны, так что задержки между передачей и приемом сигнала не было никакой. Штабной толстяк видел Салли и слышал ее крик.

Бен побледнел. Через считаные минуты весь Космический флот Галактики получит описание примет самого Бена и его легкого катера, равно как и приказ на уничтожение. На

Фароне погибло десять миллионов, и вот возникла угроза распространения заразы... Конечно!

— Не глупи, Салли! Этого не может быть...— Он попытался успокоить девушку, но сорвался на хрип.

Зубы Салли стучали.

— Н-но я больна. Я вык-ключила свет, чтобы заснуть, и... увидела, как моя рука светится. Я встала и подошла к зеркалу, и м-мое лицо...

Она потушила свет в кабине. Слабо мерцали циферблаты приборов. И Салли тоже. Ее лицо, шея и руки эфемерно светились. Это делало ее похожей на ангела — и пугало. Из-под тонкой сорочки, в которой она собиралась лечь спать, тоже исходило еле уловимое сияние.

Бену не удалось сдержать возглас изумления.

— Я... думала,— со слезами выдохнула Салли,— что мы... будем счастливы, потому что... никто не станет мешать нам, раз м-меня считают мертвой. Но я не знала, что умру, как только встречусь с тобой...— Бен взял ее за руку. Она инстинктивно отпрянула, но затем прильнула к нему.— Ты н-не можешь заразиться,— рыдала она.— Обними меня, Бен. Я н-не хочу умирать, когда я сбежала к т-тебе насовсем...

Тем временем члены Галактической комиссии проводили исследования, результаты которых должны были использоваться в практике межгалактической колонизации. Они наводнили планеты научными станциями, а далеко за пределами Галактики разместили подверженные немалому риску лаборатории, где люди раздвигали пределы знаний физики звезд, чтобы их последователи могли путешествовать по Вселенной и, возможно, со временем понять и объяснить ее. Члены комиссии также руководили изучением эндокринного баланса человека в молодом возрасте, так что в результате слово «старость» в словарях стали отмечать как «устаревшее». Но в тот же день, несмотря на прибыльность, были закрыты рудники на Тотмесе-II. Некий чиновник из службы администрации обнаружил изъян во фрахтовых документах космической линии, ведущей к Тотмесу-II. В них не было разрешения на перевозку минерального сырья. В результате рудник терпел убытки и балансировал на грани банкротства, а сто двадцать тысяч

горняков оказались отрезанными от остального человечества в отсутствие транспортного сообщения.

В тот же день величайшему светилу медицины в Галактике не разрешили сесть на корабль. Он хотел лететь на Фарону, но комиссар планеты страдал ипохондрией и желал, чтобы ему оказывалась своевременная медицинская помощь при преследовавших его невралгических болях в желудке.

Другой комиссар, с Фароны, решил отвлечь всеобщее внимание от собственной глупости, стоившей жизни десяти миллионам, и надменно потребовал уничтожения Бена Шолто.

Но Бен Шолто не думал об этом. В кабине опять горел свет. Лицо его оставалось бледным и непроницаемым. Браслет резервиста давно был снят с запястья. Слишком уж настойчиво его заставляли связаться со штабом. Вместо ответа Бен сломал браслет пополам, раздавив механизм, и бросил в топку, где тяжелый металл служил теперь для получения энергии. С металлом в преобразователе катер летел со скоростью, которую могли развивать только бронированные крейсеры.

Салли тихо сидела и пристально наблюдала за Беном. Он смотрел на счетчик Гейгера. Тот часто трещал. Лицо Бена помрачнело.

— Излучение есть,— хрипло сказал он.— Это симптом чумы. Нет другой известной причины, которая могла бы объяснить это.

— Мне осталось... два-три дня,— произнесла Салли.— Иногда женщины живут и неделю. Иногда десять дней. По большей части тогда, когда вокруг много больных. В городах поначалу женщины не умирали целых две недели. Но в маленьких поселках они гибнут быстро. А я здесь единственная...

— Две недели,— с жаром воскликнул Бен.— За это время врачи могли найти какую-нибудь сыворотку, лекарство.

— Им так и не удалось... обнаружить микроб, Бен. Даже в электронный микроскоп. Просто... женщины умирают...

— Но не ты! — взорвался Бен.— И почему только я не врач и ничем не могу помочь?!

— Но ты можешь... послужить мне утешением,— оживилась Салли.— Я... всю жизнь поставила на карту, когда бежала к тебе, Бен. Пусть осталось всего несколько дней, а не лет... но...

С тяжким вздохом Бен склонился над ней. Щелканье счетчика Гейгера внезапно прекратилось. Она коснулась прибора рукой и чуть вздрогнула.

— Наверное, сломался. Он просто вел отсчет последних мгновений моей жизни. Давай забудем о нем.

Бен стиснул зубы. Он отодвинул прибор, и тот заверещал, но ненадолго. Бен держал счетчик за провод. Затрещит и остановится, потом снова затрещит. Бен смотрел на него в недоумении. Прибор не был направлен на Салли. Треск раздался в момент, когда счетчик смотрел на приборную панель. На телефон ОС он не реагировал, зато реагировал на навигационный компьютер... Только на...

— Постой-ка! — воскликнул Бен.— Любопытно!

Он опять выключил лампы. Циферблаты мерцали, как обычно. Зато Салли — нет! Какое-то белое сияние окутало кресло пилота. Казалось, оно оплело металлический каркас. Оно не было похоже на флюоресценцию. Белое, не синеватое. Бен подошел ближе. Счетчик Гейгера включился, как только его направили на сверкающее облако. Потом вдруг все пропало. Через секунду белым вспыхнул один из циферблатов, словно за ним находился яркий источник света. И теперь счетчик Гейгера реагировал на циферблат. Бен повернул счетчик к Салли, и тот умолк.

— Смотри! — горячо сказал Бен.— Ты говорила, что женщины, больные чумой, испускают космические лучи. Но от тебя излучения нет, значит, ты не больна. Но получается, что ты была больна раньше. Мое кресло излучало космические лучи. Это разве чума? Теперь вот гравитометр светится. Он что, тоже заразился?

Салли задышала чаще. В кабине стало тихо. Слышалось только приглушенное гудение. Это преобразователь занимался браслетом Бена и превращал его в энергию с выходом в 99,9999... процента, чтобы с максимальной скоростью умчать корабль как можно дальше от последнего места регистрации.

Белое сияние переместилось на металлическую обшивку светильников. Потом оно рассеялось и появилось на железной ручке двери. Потом опять расплылось...

— Странные жизненные формы Лоры,— произнес Бен, и его голос отчетливо прозвучал во мраке.— Экспедиция Бэй-

зина не желала возвращаться на Фарону. Они говорили, что возвращаться опасно, пока эти создания недостаточно исследованы. Но их заставили вернуться, и так занесли чуму. Я догадываюсь, что это и есть одно из существ с Лоры. Похоже, оно любит металл. Оно не касается стекла на лампах, держится только за их металлическую оправу.

Он осторожно развернул счетчик Гейгера, и тот затрещал.

— Оно где-то в кормовой части. В отсеке двигателя, скорее всего.

— Тогда... у меня нет чумы...— неуверенно сказала Салли.

— Нет,— уже мягче сказал Бен.— Официально ты погибла, дорогая, но на самом деле тебе, кажется, суждено жить долго. Надо подумать о том, что делать дальше. Сейчас я собираюсь сменить курс. В этой части космоса за нами будет охотиться весь флот. Я говорил со штабом, когда ты закричала, и теперь мы вынуждены скрываться. Я даже не знаю, как долго.

Салли не могла поверить в происходящее.

— Неважно,— тихо сказала она.— Но я доставила тебе столько неприятностей. Самое меньшее, что я могу сделать, это во всем подчиниться тебе.

Бен осторожно положил руку ей на плечо.

— Есть один метеоритный поток,— начал объяснять он.— Нам нужно время и покой для того, чтобы составить план. Я полечу к этому потоку и приму его направление. Мы окажемся среди миллионов осколков, летящих к афелию по стопам кометы, которую никто никогда не видел. Там мы выключим двигатель, и, если будем осмотрительны, нас никто не засечет. Припасов у меня хватит надолго. Когда мы окажемся на приличном расстоянии даже от самых удаленных планет, то снова включим двигатель, и тогда отправимся... куда, Салли? На Сириус? На Ригель? Я слышал, у Ригеля есть несколько новых колоний, где дела идут ни шатко ни валко и куда эти пузатые штабные крысы еще не дотянулись.

Бен сел в кресло пилота, даже не включив свет, и развернул катер. Преобразователь все еще питался за счет брошенного в него браслета, который теперь находился в специальной камере в виде бесконечно тонкой проволоки. Преобразователь и двигатель работали с высокой эффективностью. Теоретически при стопроцентном КПД масса топлива, необходимого для поддержания определенной скорости в вакууме, должна равняться массе, которую корабль приобретает при этой скорости. На практике, конечно, топлива требовалось много больше. В космосе для достижения из состояния покоя скорости сто миль в секунду расход топлива составлял порядка миллиграмма расщепленной материи на тонну массы корабля. Легкому катеру топливом служил углерод, извлекаемый воздухоочистителем из обычного углекислого газа. Бен использовал грязную посуду, и запасы топлива периодически оказывались чрезмерными, хотя он вел катер на высоких скоростях. Браслет весил две унции. Около шести тысяч миллиграммов. Электрический механизм был сломан, но самого браслета с избытком хватило бы на межпланетный перелет.

Но Бен никуда пока не собирался. Перед ним на экране появился бело-голубой карлик и его система с несколькими планетами. Было там и изображение метеоритного потока с наклонной к эклиптике траекторией. С такой картой навигация становится необычайно легкой, особенно если используешь для проверки детекторные экраны. Бен включил подсветку приборов на половину мощности. Потом ввел в компьютер настройки двигателя.

— Бен,— послышался сзади дрожащий голос Салли.

— Да?

Его одолевали невеселые мысли. Ему было не по себе. Салли уже не сможет вернуться к нормальной жизни. Он сам тоже должен исчезнуть. Задетые за живое «медные каски» поднимут ужасный шум из-за того, что Салли действительно нарушила карантин на планете, где от чумы погибло десять миллионов человек. Отныне и навсегда Салли и Бен были вне закона. Им оставалось жить в изоляции или сменить имена и документы, что на цивилизованных планетах сделать непросто. Они хотели пожениться. Бен знал, что для Салли церемония много значила. А ведь ему еще предстояло найти способ зарабатывать на жизнь, притом что он не мог пойти пилотом или лейтенантом-техником в Космический флот, поскольку всех туда поступавших тщательно проверяли.

— Бен,— повторила Салли. Она была чем-то встревожена.— Это опять здесь! Оно... оно на ножке твоего кресла.

Он осмотрелся. Уже на подлокотнике. Бен попробовал прикоснуться к мерцающему пятну пальцем. Никаких ощущений, правда, оно исчезло. Но теперь светилась рука Бена! Она испускала слабое белое сияние. Такое же, как было у Салли. Но вскоре оно пропало. Бен видел отражение своего лица в стекле циферблата. Оно светилось. Остальное тело оставалось темным. Бен ощутил неопределенное, слабое подергивание в голове. Как будто его мозг зондировали. Если существо пытается проникнуть в его мысли, это уже слишком. Настоящего контакта, впрочем, не произошло. Бен не смог бы общаться с существом. Но он чувствовал его эмоции. Это обнадеживало, но само по себе было довольно неприятно. Бен понимал, что существо разочаровано. Оно оказалось не в состоянии прочесть его мысли. Но оно явно было настойчиво, целеустремленно и обладало незаурядным терпением.

Лицо Бена перестало светиться. Зато ярко засияла рука. Он внимательно осмотрел ее. Облако замерцало, как будто в тревоге. Бен опустил руку к навигационным приборам. Казалось, на долю секунды они вспыхнули. Потом все исчезло.

Салли невольно вскрикнула. Бен обернулся и отчетливо увидел ее, хотя в кабине было совершенно темно. Лицо, шея и руки девушки светились белым. Слабое сияние было заметно даже сквозь одежду. Счетчик Гейгера затрещал...

— Я опять... заразилась чумой,— еле слышно произнесла Салли.— Теперь я вижу. У меня те же ощущения, что и раньше. Такое чувство, будто есть... внутри меня... что-то самодовольное... и жадное, и... оно ждет чего-то, и... словно мурлычет.

Бен Шолто облизнул губы. То, что существо оставило тело Салли и совершило экскурсию по кораблю, натолкнуло его на мысль, что это и есть одна из любопытных форм жизни с Лоры. Но теперь Бен вдруг понял истину. Чума не стала бы заглядывать внутрь приборов или исследовать металлический каркас кресла, как не стала бы пытаться проникнуть в чужой мозг. Обычная чума не стала бы. А эта действовала иначе. Чума Фароны вовсе не была болезнью, чье летальное воз-

действие на организм вызывалось токсинами. Чума Фароны — это существа. Они проникали в ткани женских тел, как и в металл. Они каким-то образом питались за счет чужих жизненных сил. И женщины погибали.

Десять миллионов умерло на Фароне из-за существ, завезенных с Лоры. Они не могли прибыть на одном корабле в подобном количестве, учитывая, что женщины оставались живы от двух дней до двух недель после того, как их тела начинали светиться. Нет. Существа должны были как-то размножаться. Терпение и решительность, которые ощутили по очереди Бен и Салли, возможно, объяснялись тем, что существо понимало — некоторое время оно будет оставаться в одиночестве.

И тело Салли служило домом существа, одного из тех, что погубило половину населения Фароны. Оно проникло внутрь ее и жадно ожидало чего-то. И мурлыкало в предвкушении.

Вселенная продолжала вращаться. Галактике до этого дела не было. Апелляционная коллегия службы администрации, расположенная на Арктуре-II, отвергла петицию, подписанную более чем тремястами миллионами жителей четырех планет Алголя. Они хотели подавать жалобы прямо в Галактическую комиссию, минуя погрязшую в рутине службу администрации. Но коллегия решила, что петиция побуждает ее к действиям, что само по себе беспрецедентно, хоть и выходит за рамки ее компетенции. В прошении было отказано.

Подкомиссар Фрайна-VII женился на дочери комиссара и с помпой отправился к месту нового назначения на военном корабле галактического класса.

Один чиновник администрации обнародовал факт, что в уставе колонизационного кооператива Аллиота не хватает двух запятых и одной точки с запятой, и, следовательно, семь миллионов человек не имеют права на построенные ими города, заводы и все остальное, так что их место может занять любой желающий, кто представит должным образом оформленные документы. Чиновнику прочили большое будущее в администрации.

Один капитан Космического флота предпочел уйти в отставку, чем выполнить приказ и выселить людей с планеты

Квенн «любыми средствами», вследствие чего был арестован. Взяли под стражу капитана его подчиненные, которые сделали вид, что наилучшим вариантом будет перевезти жителей в другое место. (Уже потом выяснилось, что в приказ вкралась ошибка, к тому же он был направлен в канцелярию Космического флота вместо канцелярии Миграционного бюро. Распоряжение предписывало расширить заселение Квенна любыми средствами, потому что планета потеряла много людей из-за эмиграции. Чиновник, допустивший промах, был наказан, но высшие чины, подписавшие документ, не получили никакого взыскания.)

Чуме на Фароне уделялось немного внимания, зато весь флот подсектора был мобилизован для того, чтобы поймать маленький катер, осмелившийся нарушить официальный приказ.

Телефон ОС продолжал гудеть, хотя звук был уменьшен до упора. Детекторы включались дважды. Однажды слабый сигнал тревоги появился на крайнем экране, а второй раз прямо по курсу возник военный крейсер. Он шел быстро, но и Бен тоже. Преобразователь уже несколько дней работал на полную мощность, и браслет вместе с другими материалами был превращен в чистую кинетическую энергию, приличный процент которой сообщался катеру. Пол-унции материи конвертировалось в скорость. Так что маленький катер едва заметно промелькнул на экранах крейсера и исчез. Если бы они разминулись на приемлемом расстоянии — допустим, пять тысяч миль,— то автоматические лучевые прицелы крейсера могли бы успеть вычислить курс и скорость катера и команда произвела бы точный выстрел из позитронной пушки.

Но дистанция между ними оказалась миль в двадцать. Они могли бы пройти еще ближе друг к другу, если бы на военном корабле не вспыхивали так ярко щиты противометеоритной защиты. Благодаря им крейсер и катер успели разойтись в последний момент. К этим заранее непредсказуемым маневрам прицелы приспособиться не успели. Вспышки огромных прожекторов на фронтальном экране регистрировались в сдвинутом спектре. Относительная скорость двух кораблей составляла существенную долю от скорости света.

Маленький катер скрылся из поля зрения детекторных экранов крейсера. Бен стал тормозить, столь же резко, как и разгонялся. Теперь у флота были данные о траектории движения катера, по которой можно вычислить ускорение. Они наверняка решат, что после встречи с кораблем-охотником Бен отклонится от курса в ту или иную сторону. Но, так или иначе, они будут считать, что Бен продолжает полет.

Флот построится в сеть и примется прочесывать весь сектор, чтобы поймать преступников — носителей вируса чумы, погубившей половину населения Фароны. Хотя причиной эпидемии стала спесь штабных крыс, все средства, имеющиеся в распоряжении Галактической комиссии, будут брошены на уничтожение маленького катера. Огромные боевые корабли войдут в гиперпространственные тоннели, чтобы добраться до места охоты быстрее света. Громадные авианосцы с истребителями и разведчиками на борту где-то в парсеках отсюда покажутся мерцающими точками, а через мгновение возникнут рядом, причудливо покачиваясь в пространстве. Корабли поменьше примутся рыскать повсюду в поисках катера, на борту которого только двое — мужчина с усталыми глазами и бледная от страха женщина. На выполнение задачи через сутки после встречи катера с крейсером мобилизовали больше полумиллиона солдат и тысячу судов. Для штабных крыс это был знаменательный день: то-то они дали волю своему чванству, раздавая указания и по три раза требуя подтверждения того, что они выполнены.

Но они предполагали, что Бен продолжит бегство. В действительности же он снизил скорость настолько, насколько позволяла мощность преобразователя. Небольшой катер медленно подкрался к метеоритному потоку, внедрился в его гущу и с постепенно убывающей скоростью лег в дрейф по направлению к афелию безымянной кометы, в окружении массы камешков и глыб, многие из которых по размеру приближались к астероидам. А флот в это время искал корабль, который должен был мчаться во весь опор.

— Ну, теперь-то они нас не найдут,— устало сказал Бен, наконец выключив тягу.— Как ты себя чувствуешь?

— Мне... хорошо, кажется,— тихо ответила Салли.

Она сидела в кресле, которое Бен изолировал от пола. Периодически он снимал показания со счетчика Гейгера. И каждый раз тот трещал. Метаболизм существа каким-то образом предусматривал испускание лучей. Электрический метаболизм. По сути, существо представляло собой организованные электрические заряды. Это не так уж невероятно — ведь они играют важнейшую роль в работе клеток, в том числе и человеческих. Взаимодействие электрических зарядов и вещества привело к возникновению жизни на Земле, а без заряда материя становится мертвой. Исследования шаровой молнии показали, что энергия способна самоорганизовываться и контролировать свои масштабы. Вот почему организм с чисто электрической природой вполне мог существовать.

Поэтому Бен изолировал кресло. После того как существо впервые покинуло тело Салли и обследовало корабль, Бен надеялся, что оно повторит экскурсию. Казалось, оно страдало от любопытства. Бен принялся доставать различные предметы — от камер до позитронного пистолета, единственного оружия на корабле. Он подносил предметы к Салли и давал ей прикоснуться к ним. Бен рассчитывал раздразнить существо, чтобы заставить его отправиться в новое путешествие. Но безуспешно. Счетчик Гейгера, нацеленный на Салли, трещал с прежней интенсивностью, ни чаще, ни реже. Чуть дрожащим голосом она объясняла, что чувствует, как в ее теле поселилось активное, но очень терпеливое и самодовольное создание. И оно будто мурлыкало.

Досадно. И все же проблема выходила за рамки традиционной медицины, поскольку речь шла не о микробах и не о сложном взаимодействии ферментов и прочих биологических механизмах. Проблема была в самом существе. И Салли трое суток просидела в изолированном кресле.

— Не знаю, насколько оно разумно,— мрачно сказал Бен на второй день.— Сомневаюсь, что можно определить коэффициент его интеллекта. Но оно любопытно, принимает решения и у него проявляются эмоции. Возможно, какой-нибудь суперортодоксальный ученый сказал бы: мол, у вас нет доказательств, что вы имеете дело с живым организмом. Ну и пусть. Существо способно обходиться без связи с каким-то

определенным типом материи, но не является независимым от нее. Его средой обитания служит вещество. И оно предпочитает тебя, а не меня или кусок металла. Ты погибнешь, если оно задержится в твоем теле надолго, и тогда оно станет охотиться за другим хозяином. Это, должно быть, и происходило на Фароне. И оно наверняка может размножаться, если уж оно живое. Но за время твоего перелета с Фароны существ не стало двое. Похоже, что и сейчас оно не приступило к размножению, а ведь прошло довольно много времени. Может быть, оно понимает, что ты — единственная женщина здесь, и если ты умрешь... Оно вроде бы питается жизненной силой твоего тела, но не может получать энергию от металла или от меня. Это... настоящий людоед, живущий за счет других. За счет тебя. Пусть уж оно лучше взялось за меня бы!

Сидя в кресле, уставшая Салли отвечала тихим голосом:

— Думаю, положение безнадежное. Да, здесь только одно из этих существ, но оно убьет меня. Нам его не остановить. Я могла бы надеть герметичный скафандр, ведь оно может передвигаться только по проводнику. Тогда оно оказалось бы словно в тюрьме и не сумело бы покинуть меня. И я вышла бы через шлюз, чтобы существо уже никому не причинило вреда. Мы же... не можем нигде приземлиться, пока существо живо. Мы не можем занести чуму на другую планету, как это произошло на Фароне! Я... была там, Бен!

— Неужели ты думаешь, что я позволю тебе выброситься в шлюз? — с жаром воскликнул Бен.— Оставлю тебя в космосе?

— Я бы этого хотела,— робко сказала она.— Или выстрели в меня из позитронного пистолета.

— Я бы с удовольствием выстрелил в это существо,— мрачно заметил Бен.— Как твои ощущения?

— Думаю, нормально. Только мне как-то не по себе. Существо чем-то недовольно.

Бен кивнул, сжав губы.

— Надеюсь, мы выкрутимся. Оно должно быть скоплением свободных электронов, образующих живой организм. Оно не может быть ничем иным! Его метаболизм предусматривает испускание космических лучей. Такое излучение невозможно без положительных зарядов. Если ты изолирована, твое тело

накапливает положительные заряды, и это рано или поздно приведет к нейтрализации свободных, пусть даже организованных, электронов, из которых состоит существо. Может быть, оно погибнет, даже не понимая отчего. Оно вызывает у людей болезнь. А что, если мы можем вызвать болезнь у него?

Бен не мог прикоснуться к Салли, чтобы не произошло разрядки положительного потенциала, который они накапливали в ее теле. Или, скорее, само существо накапливало в ее теле во вред себе. Они решили убить существо продуктом его же собственного метаболизма, задушить его положительными зарядами, которые оно само производило, подобно тому как человек задыхается в углекислом газе, который неизбежно выделяется при дыхании.

Казалось, Салли ушла в себя. Она почти ничего не говорила, а если и говорила, то с явным трудом. Наконец на третий день она глубоко вздохнула и сказала:

— Прости... Бен, но я больше не могу. Существо страдает, и оно заставляет меня страдать вместе с ним. Я больше не могу!

Бен протянул руку и коснулся ее запястья. Оно мгновенно осветилось. Существо собралось в комок, оно стремилось выйти. Это было заметно даже в освещенной кабине. Стоило Бену дотронуться до Салли пальцем, как пробежала искорка. И все. Но Салли испытала облегчение. Она даже слабо улыбнулась.

— Оно ушло,— тихо произнесла Салли.— Мы прогнали его. Это как изгнание нечистой силы, Бен.

Бен выключил свет. В темноте Салли не было видно. Он отчетливо расслышал ее глубокий вздох облегчения.

— Во второй раз я избавилась от чумы,— сказала она, пытаясь развеселиться.— Вот чудеса!

— Сиди спокойно,— резонно заметил Бен.— Надо наблюдать за ним. Положительный заряд ядовит для него. Теперь мы знаем хотя бы это! И у меня есть позитронный пистолет. Надо подкараулить его!

Стало тихо. Только телефон ОС все звонил и звонил. Когда он умолк, Бен отчетливо расслышал ровное дыхание Салли. Теперь она дышала глубоко и размеренно.

Вдруг на металлическом пороге кабины возникло белое свечение. Изгнанное из тела Салли существо объявилось там. Сияние распространилось почти по всей длине порога. В случае нештатной ситуации воздухонепроницаемая дверь плотно закрывалась, и корабль разделялся на герметичные отсеки. Бен поднял позитронный пистолет. По скачущему прицелу было видно, что он дрожит от злобы. Пришлось взять пистолет обеими руками. И Бен нажал на курок.

От пистолета протянулся красноватый луч. Бесшумно.

Белое сияние на пороге ослепительно вспыхнуло. Бен испытал странное ощущение — как будто услышал беззвучный вопль. И существо словно взбесилось. Оно мелькало и там, и тут — всюду. Металлические предметы в кабине засверкали, когда существо в бешенстве закружилось, хватаясь за все, к чему прикасалось раньше. Теперь оно уже не занимало ограниченный объем, а беспорядочными волнами прокатывалось по всем металлическим поверхностям.

Бен замер в изумлении. Он вновь поднял пистолет. И вдруг свечение прекратилось. Все затихло, в темноте мерцали циферблаты приборов, но Салли не было видно.

— Если бы я направил луч еще куда-нибудь, существо наткнулось бы на него. Но мне это пришло в голову слишком поздно,— сокрушался Бен.

Затем он включил свет. Салли задремала в изолированном кресле, в котором вытерпела трое суток. Теперь она наконец-то расслабилась. Вид у нее был усталый и жалкий, и она сладко заснула, как ребенок.

Бен смотрел на нее, на ее освободившееся от напряжения лицо.

— Может быть, оно убито,— тихо сказал он,— но может, и нет. Но оно больше не посмеет набрасываться на тебя!

Бен отправился в каюту и тщательно изолировал кровать, чтобы электричество никак не могло проникнуть туда с пола и стен. Сам он надел ботинки с изолированной подошвой. Потом взял Салли на руки, отнес ее, спящую, в каюту, положил на кровать и укрыл одеялом. И нежно поцеловал.

А в кабине на металлическом каркасе кресла появилось слабое сияние. Оно поднялось повыше и задержалось там. Оставаясь неподвижным, оно пульсировало. Можно было по-

думать, что оно чем-то взволновано. Несколько минут назад Бену показалось, что он слышал крик агонии. Но если бы он сейчас находился в кабине, то мог бы почувствовать, как все вокруг пропитано страшной ненавистью. У него мурашки пробежали бы по спине.

Бен вернулся в кабину. Сияние спешно исчезло в металлических деталях кресла. Когда Бен переступил порог, уже не было видно ничего подозрительного. Но сияние вдруг возникло в каюте. Оно нервно и неустанно перемещалось вдоль металлических стен. И казалось, каюта тоже наполнилась ненавистью.

Крейсер покорно вышел на орбиту тусклой звезды под названием Лямбда Волопаса. Он будет висеть там полгода, прежде чем получит разрешение удалиться. Сорок лет назад один комиссар решил, что ему удобно делать здесь пересадку, и приказал, чтобы его всегда поджидал свободный крейсер. Потом комиссар сменил маршрут перелетов, но первоначальный приказ так и не был отменен. Первый из крейсеров после полугода пустого ожидания попросил отменить дежурства. Ему разрешили уйти, тут же заменив его на другой корабль. Семьдесят восемь крейсеров по очереди бессмысленно кружили вокруг тусклой звезды по шесть месяцев из-за приказа, отданного сорок лет назад и не отмененного до сих пор.

В официальных кругах распространилась сплетня, что комиссар Маркхаба назвал комиссара Формалхаута дураком. Возмущенный комиссар Формалхаута запретил выдавать разрешения на проход всем кораблям, идущим в Маркхаб или из него. Торговые пути в этой части космоса пересекали оба сектора. В результате экономика, от которой зависело благосостояние восьмисот миллионов человек, пришла в состояние застоя.

Небольшая звезда Мю Орла выказывала явные признаки нестабильности — согласно формуле Макферсона—Адера это грозило неминуемым взрывом. На ее планетах не было службы администрации, а население там составляло пять миллионов человек. Сообщение о возможной вспышке сверхновой было послано в офис соседнего сектора. В нем содержалась просьба об эвакуации жителей всех планет, которые будут уничтожены или превратятся в необитаемые. Недавно назначенный чиновник пожелал отличиться и нашел, что прошение составлено неправильно. Он вернул его на редактирование, не приступая к реальным действиям. Он забыл поставить на письме пометку «Государственное. Срочно», и потому оно было отправлено обычной почтой и дошло до адресата через два месяца. Разумеется, по формуле Макферсона—Адера взрыв должен произойти через шесть-семь недель.

На Фароне свирепствовала чума, и карантин запрещал посадку и вылет любых частных и коммерческих судов. Но судно с официальной корреспонденцией администрации все-таки приземлилось. Его команда, конечно, приняла все меры санитарной предосторожности. Но когда оно приземлилось на Галате, случаи заболевания чумой стали отмечаться уже спустя двенадцать часов.

А Бен Шолто оставался жив и тем самым выказывал неповиновение Космическому флоту, администрации и, следовательно, Галактической комиссии.

Крупные зазубренные глыбы плыли в межзвездном пространстве. Среди больших камней крутилось бесчисленное количество маленьких. Катер летел в потоке обломков, придерживаясь их скорости. Бело-голубое солнце этой системы за дальностью стало едва различимым. Но даже невооруженным глазом из катера всего в нескольких милях можно было заметить полдюжины огромных скал неправильной формы, самую густую часть метеоритного потока. Очевидно, раньше эти осколки были ядром кометы. Некоторые из метеоритов достигали в поперечнике полумили, а то и трех ее четвертей. Один фрагмент был длиной по крайней мере полторы мили при толщине не больше четырехсот ярдов и напоминал гигантскую иглу.

Бен внимательно следил за окрестностями. Небольшой электронный телескоп позволял различить отраженный свет даже мелких объектов. Телефон ОС все звонил и звонил. Где-то кто-то включил протонный луч. Детектор Космического флота уловил поток радиации — ведь вспышки позитронного излучения в природе не встречаются. Корабли сосредоточи-

лись на поисках его источника. Разумеется, это был след выстрела Бена по сидевшему на пороге существу. Координаты беглеца сильно отличались от ожидаемых, и никто даже не предполагал, что он поведет себя столь безрассудно. Тем не менее охота могла бы увенчаться успехом, если бы действия кораблей не были скованы напыщенными приказами штабных крыс, идущими сплошным потоком и противоречащими друг другу.

Бен запустил двигатель на самую слабую мощность. Развиваемую им силу тяги стоило бы измерять в динах, а не в миллионах футофунтов, как обычно. Катер медленно маневрировал среди осколков кометы, пока не оказался рядом с самым крупным куском в пределах видимости. Их разделяло каких-то пятьдесят футов. Между телами, конечно, возникало притяжение, и рано или поздно они должны были подойти друг к другу вплотную. Но это произошло бы не раньше чем через месяц или больше, учитывая, каким маленьким было гравитационное ускорение.

Уже двое суток Салли провела на изолированной койке. Чтобы немного прогуляться по тесному кораблю, она надевала герметичный скафандр со шлемом. Существо не могло подобраться к ней. Постепенно она оправлялась от тяжкого переживания. А Бен корил себя за несообразительность. Вместо того чтобы позволить существу самому копить положительный заряд, можно было создать его искусственно. И если теперь существу опять удастся напасть на Салли, Бен был уверен, что сможет изгнать его, и не за дни, а за минуты.

Бен знал: существо еще здесь. Счетчик Гейгера время от времени выдавал его присутствие. И Салли видела его — оно зловеще светилось во тьме каюты, когда она очнулась от долгого сна.

Теперь катер попал под защиту бесформенной глыбы металла и камня. Он все удалялся и удалялся от бело-голубой звезды. За ним охотились понукаемые штабными офицерами истребители, крейсеры и линкоры. Телефон продолжал звонить. Даже не включая экраны детекторов, которые были почти бесполезны в условиях метеоритного потока, Бен мог оценить дистанцию, отделявшую его от преследователей. И он

чувствовал себя в безопасности. Им не по силам будет проверить миллионы осколков, разбросанных вдоль орбиты бывшей кометы. Это невыполнимая задача.

Он в очередной раз посмотрел в электронный телескоп и улыбнулся Салли.

— Нужно чудо, чтобы разглядеть нас даже за тысячу миль,— сказал он.— Мы можем проводить время за приятными разговорами, пока флотские не решат, что кто-то из них ошибся или что мы мертвы. А я пока подумаю, как испортить жизнь этому существу.

Существо придерживалось металлических конструкций корабля. Оно передвигалось везде, где был проводник тока. Очевидно, оторваться от металла оно не могло. Это был хищник — он жил за счет других существ. По каким-то причинам мужское тело и его жизненная сила не устраивали существо. Оно питалось только энергией женщин. Но и внутри металла оно кое-как функционировало — по-прежнему испускало космические лучи, как и в человеческом организме. Значит, вселившись в неживую материю, оно теряло силы, а в живом теле восстанавливало их. Если не подпускать его к Салли, оно должно изголодаться.

Салли улыбнулась Бену. Теперь их сближало не только чувство, но и то, что им пришлось бросить вызов буквально целой Вселенной. Мощь всех наций, всех планет всех солнц Галактики обратилась против них. Они оставались живы и уже тем шли наперекор штабным крысам. Все власть имущие требовали их смерти. Тысячи кораблей, число которых росло день ото дня, сотни тысяч солдат выбивались из сил, чтобы найти маленький спортивный катер, в котором Бен Шолто и Салли Хэйл везли возбудителя чумы, унесшей жизни десяти миллионов человек. И толстяки во вращающихся креслах багровели от бешенства, получая выговоры от начальства.

— Разговоры? — спросила Салли с улыбкой.— Мы уже вместе... как давно, Бен? И всегда будем вместе. Может быть, нам всю жизнь предстоит скрываться вдвоем, год за годом!

— Может быть,— усмехнулся он.— Так и пойдем по жизни, держась за руки.

Она положила ладонь в перчатке ему на плечо и наклонилась. Бен поцеловал ее. И вдруг — новая вспышка света.

Салли отпрянула, ее лицо вытянулось и побледнело.

— Оно... вернулось! — прохрипела она.— О Бен! Вернулось! Я его... чувствую! И оно в бешенстве! Оно охвачено ненавистью! Это... это... это ужасно!

Бен взял счетчик Гейгера и повернул его к Салли. Прибор затрещал. Нет, он даже не затрещал — он взревел. Космическое излучение, испускаемое существом, судя по показаниям, усилилось во много раз. Казалось, что существо и правда изголодалось и теперь с жадностью набросилось на Салли, потребляя ее жизненную силу.

— Сейчас я наполню тебя положительными зарядами,— с волнением воскликнул Бен.— И мы прогоним существо. Я убью его!

Не теряя времени, он принялся за дело. Салли села. В изолированном кресле существо не могло покинуть ее, хотя они с Беном так страстно желали именно этого. Бен быстро наладил старый генератор статического электричества. Прибор сильно устарел, но именно на нем основывалась теория Бена. Он вращал ручку генератора, приложив электрод к щеке Салли. Быстро начался рост потенциала. Волосы на голове Салли встали дыбом.

— Как теперь? — с нетерпением спросил Бен.

Салли что-то пробормотала в ответ. Бен принялся крутить ручку с такой яростью, что почти не смотрел на девушку. Лицо Салли покраснело. Глаза широко открылись, но взгляд оставался туманным. У нее были явные признаки лихорадки. Но в прошлый раз существо бежало, испугавшись куда меньшего заряда, чем этот.

Бен коснулся щеки Салли, и между ними проскочила искра. Салли слегка вздрогнула.

— В-воды,— прошептала она.— Я бы выпила воды со льдом и розовыми лепестками...

Существо должно было оставить Салли. Чтобы проверить, Бен выключил свет. Салли по-прежнему сияла. Существо никуда не ушло.

Комиссар приказал взорвать потрепанное грузовое судно как «опасный объект», потому что оно не выполнило распоряжения, запрещавшего приземляться в системе Беты Кита, и все-таки опустилось на поверхность одной из необитаемых планет. С судна докладывали об отчаянном положении команды, у которой кончались съестные припасы, а воздуха оставалось всего на четыре дня. Но на борту не оказалось должным образом оформленных таможенных документов из последнего порта приземления, и его подозревали в контрабанде. Посланный вслед военный корабль уничтожил грузовик только после того, как он сел и команда его покинула, и за это кораблю приказали вернуться в порт, а экипаж арестовали и подвергли дисциплинарным взысканиям.

Трем тысячам колонистов не позволили высадиться на Тетисе-IX из-за отсутствия у них документов, хотя те клялись, что передали их по назначению. (Через несколько месяцев бумаги были найдены в нижнем ящике стола какого-то мелкого чиновника. Он забыл передать их дальше. При попустительстве администрации делу так и не дали хода.)

Комиссар Арктура-V издал указ, запрещавший критиковать администрацию, пока жалоба не пройдет через Апелляционную комиссию. В тот же день он лично отклонил четыре поступивших туда запроса.

На Сириусе-II приказали арестовать некоего Артура Мэтисона за научные эксперименты, угрожавшие власти Галактической комиссии. Именно эти эксперименты впоследствии привели к созданию передатчика материи Мэтисона.

В штаб резерва доложили, что местоположение Бена Шолто приблизительно определено и захват его — дело нескольких часов.

Но Бен был целиком занят борьбой с неосязаемым существом, завладевшим Салли. Трижды он заряжал Салли электричеством, одев ее в изолированный скафандр, увеличивая потенциал до максимума, которого можно было достичь посредством примитивного генератора. Трижды он доводил существо до исступления. И трижды разряжал генератор. Количество существ, с гордым видом разгуливающих по металлическому корпусу корабля, заметно возросло. Теперь их было не меньше дюжины. Но тело Салли все так же светилось.

Счетчик Гейгера не столько трещал, сколько ревел. Существо — а Бен предположил, что это как раз было исходное существо,— оставалось внутри Салли, высасывая из нее остатки жизни, пожирая ее словно в отместку за то, что его обидели и заставили страдать.

Телефон ОС все звонил. Пару раз по нему даже была слышна громкая и членораздельная речь. Одно из поисковых судов подошло совсем близко. Потом раздался сигнал связи, и Бен машинально коснулся регулятора громкости. Проблемы с существом совсем сбили его с толку.

Он стрелял по существу позитронными лучами лишь однажды, но радиацию от этого единственного выстрела запеленговали. По ней нельзя было определить точные координаты, но статистически Бен не мог улизнуть от окруживших его со всех сторон кораблей. Военные решили, что Бен слушает по передатчику приказы и в прошлый раз ему удалось вывернуться только потому, что он проскочил мимо крейсера на очень близком расстоянии и с необычайно высокой скоростью. Поэтому крейсер не успел взять его на прицел. Новый приказ настойчиво рекомендовал флоту не повторять подобную ошибку. Он предписывал всем кораблям определенной классификации — таких насчитывалось по крайней мере две тысячи — учесть, что координаты позитронного выстрела названы приблизительно, а значит, следует математически вычислить погрешности. Каждому кораблю было велено выбрать произвольный участок для прочесывания на небольшой дистанции друг от друга.

Флот замыкал кольцо в том секторе, где находился катер Бена. Но держать строй у них не получалось. Курсы кораблей оказались непредсказуемыми. Они действовали заодно, но интервалы между ними, как и их скорости, никто не мог рассчитать. Если бы Бен заранее готовился к полету, он бы разгадал их затруднительное положение. В теории он мог броситься прямо на наступавшие корабли и проскочить сквозь строй, только вероятность удачи была слишком мала. Тем более что согласно приказу за первой группой кораблей для страховки следовала вторая, не менее крупная. Точка, где Бен сделал тот злосчастный выстрел, явно находилась поблизости от

орбиты метеоритного потока или же на ней самой. Все силы, имевшиеся в распоряжении Галактической комиссии, были брошены на исследование этого потока. В проверке нуждался каждый осколок. Титаническая задача, какую, пожалуй, еще не приходилось решать флоту Галактики, но только так можно было отрезать Бену и Салли все пути к спасению.

Но у Бена и без того хватало поводов для отчаяния. Салли горела в лихорадке. Да, она немного отдохнула и подкрепилась, но существо пожирало ее изнутри.

Бен с горечью понимал, что допустил ошибку, выгнав существо из тела Салли в первый раз. Ради этого он заставил Салли страдать. В тот раз существо бежало, хватаясь за последнюю возможность выжить. И все-таки бежало. Не потому, что его заставили,— просто оно испугалось. Но существо сообразительно. Оно догадалось, что Бену все равно придется разрядить накопленный положительный заряд. И тогда его мучения закончатся. Надо только перетерпеть, а потом можно будет отыграться.

Галактический флот смыкал ряды, чтобы уничтожить катер. Салли что-то бормотала в бреду.

— Нужно заставить существо выйти! — вслух отчаянно рассуждал Бен.— Вытащить его! Физически! Не важно как! Это всего лишь скопление электронов. Заряд в комочке. Заряд...

Электроны. Соединенные вместе электроны. Нечто на грани между энергией и материей. Что можно сделать с электрическим зарядом? Как заставить его двигаться, как избавиться от него, используя им же созданное напряжение? Что делать со сгустившимся зарядом?

— Заряд в комочке... заряд в комочке...— бормотал Бен, и капельки пота выступили у него на лбу.— Салли умирает, а я думаю о заряде в комочках — об этом знают даже дети в детском саду! А-а-а!

Он бросился к приборной панели и безжалостно вырвал оттуда телефон ОС. Содрал крышку и вздрогнул, коснувшись проводков. Потом вынул конденсаторы и выпрямитель, сложив их в изолированную трубку. К прибору присоединил шарики-электроды, а к зажимам пластины усилительной трубки телефона подвел длинный гибкий провод. Стараясь изо всех

сил, Бен собрал контур и присоединил его к току телефона. Бен рассчитывал на последнюю пластину трубки, которая еле заметно пульсировала. В ней был ток с переменным напряжением, которое менялось с частотой сто миллионов колебаний в секунду, но направление тока оставалось постоянным. Амплитуда колебаний напряжения доходила до тысячи вольт и более. Потея, Бен проверил прибор и подошел к Салли. Его трясло и от ненависти, и от страха. Он выключил свет. Салли ярко сияла в темноте. Ускорившийся метаболизм существа довел ее почти до полного истощения. Бен коснулся щеки девушки электродом и нажал на провод, ведущий к пульсирующей пластине конденсатора. Сияние тут же исчезло.

Так просто.

Бен злился на себя за то, что не додумался до этого раньше. Даже дети в детском саду знают: если одна из пластин конденсатора заряжена положительно, а вторая соединена с изолированным телом, то свободные электроны перейдут в конденсатор. Стоит убрать конденсатор — и электроны останутся в нем. Если емкость конденсатора и используемое напряжение достаточно велики, можно «выкачать» все свободные электроны. А существо — не что иное, как их скопление.

Но оно обладает упорством. Оно живое, разумное и способное к ненависти. Подобный организм, образно говоря, станет цепляться зубами и когтями за свою добычу, пытаясь противодействовать любому напряжению. Но если постоянному напряжению сопротивляться можно, то хаотично меняющемуся — нельзя. Пульсация настроенной Беном пластины и резкие скачки напряжения сломили сопротивление существа. От такого тока существо испытало потрясение. Оно оказалось в тисках, как крыса, в горло которой вцепилась собака. Эти тиски сжимали и отпускали существо сто миллионов раз в секунду. Такую пытку выдержать невозможно. Хватка существа ослабла, его непреклонность поколебалась, и оно сдалось — возможно, даже не успев опомниться! Его втянуло в конденсатор, а выпрямитель не дал ему выйти оттуда. Теперь оно оказалось заточенным в маленьком приборчике на ладони у Бена. И Бен чувствовал себя триумфатором.

Он включил освещение и осторожно положил конденсатор, удостоверившись, что под ним нет проводника. Тут нужен был материал с бесконечно высоким сопротивлением. Бен надел ботинки на изолированной подошве, взял счетчик Гейгера и направил его на конденсатор. Прибор молчал. Бен поднял Салли на руки и снова отнес ее на кровать. Салли еще бредила, ее глаза ничего не видели, но причина лихорадки уже была устранена. Скоро она придет в норму, хотя поначалу, конечно, будет очень слаба.

Бен вернулся в кабину. Его взгляд горел ненавистью. Он смотрел на свой прибор с нескрываемым злорадством. Отключив его, он разрядил пластину. Шарик, которым он касался щеки Салли, ярко заискрился, это было видно даже при свете. В конденсатор попало не одно существо. Собранные вместе, попавшиеся в подстроенную Беном западню, они не могли перескочить на металлическую обшивку катера и ярко сверкали на электроде. Бен повернул в сторону шарика счетчик Гейгера — тот отчаянно затрещал. Бен убрал счетчик.

— Ага-а-а! — громко крикнул он.— Вы здесь? И вы знаете, что попались? — Бену показалось, что его захлестнула волна ненависти. В ответ он усмехнулся.— Вы хотели убить Салли? Ловко! Понимаете вы меня или нет, но, наверное, догадываетесь, что сейчас будет, верно?

Бен достал маленький позитронный пистолет и прицелился в шарик на расстоянии нескольких дюймов. Тот сиял пульсирующим, зловещим светом. Бен нажал на курок, и от пистолета распространилось красноватое излучение. Шарик ослепительно вспыхнул. Раздался немой, но почти невыносимый вопль — в нем была и боль, и злоба, и ненависть.

А потом остался только металлический шарик, соединенный с конденсатором, и провод. Счетчик Гейгера на них не реагировал. Бен облизнул губы. Его месть еще не закончена. Он опять выключил свет. Сияние обнаружилось на кресле пилота. Бен подкрался к нему и прикоснулся электродом. Сияние пропало. Бен повернул выключатель и разрядил пластину. Шарик заискрился. Правда, не так ярко, как раньше. Теперь в ловушке оказалось только одно существо. Бен недобро рассмеялся и выстрелил по электроду из пистолета. Существо издохло с беззвучным криком.

Тем временем Салли перестала бредить и тихим голосом позвала Бена. Он прибежал к ней со стаканом воды. Его по-прежнему обуревала ненависть.

— Я убил многих из них! — громко объявил он.— Я их всех достану! Всех уничтожу! Они мучили тебя. Они могли убить тебя! Я отомщу...

Салли чуть заметно улыбнулась. Она была истощена и очень слаба.

— Надо всем рассказать, как бороться с чумой, если она появится где-то еще...

И тут Бен вспомнил. Салли еще ничего не знала, но надежды на спасение не было. Он убивал существ, потому что они вредили Салли. Но незадолго до этого он слышал приказ и никак не мог помешать его исполнению. Хуже того, чума уже распространилась по свету. В новостях несколько часов назад упоминали, что крейсер Галактической комиссии приземлился на Фароне с почтой для местного комиссара. Он же должен был подписать текущие документы, что бы ни случилось! Были соблюдены все санитарные нормы. Но никому и в голову не пришло, что электрическим зарядам они не страшны. Так чуму занесли на Галату, где теперь женщины умирали тысячами, а тела тысяч других светились, испуская космические лучи.

Бен все рассказал Салли.

— Мы должны сообщить,— настаивала она.— Даже если мы погибнем, Бен...

— Дорогая,— с горечью возразил Бен,— ты же знаешь этих штабных. Как только мы выйдем на связь, все корабли разом кинутся, чтобы уничтожить нас. Нас быстро разыщут. Если мы успеем передать информацию, а они сумеют записать ее... рано или поздно, когда погибнут еще миллионы, наши сведения распространят как результат блестящих исследований под руководством какой-нибудь «медной каски». Но мы уже умрем, а наши имена будут обесчещены. Нас посмертно опозорят, а какая-то сволочь припишет себе наши заслуги и украсит толстый живот очередной наградой.

— Может, это будет женщина,— сказала Салли. Она лежала на кровати и нежно смотрела на Бена.— Среди штабных

есть женщины, и они еще хуже мужчин. Но не стоит порицать их, Бен. Они — важные птицы и занимают высокие посты. Они должны сохранять достоинство и потому становятся напыщенными и глупыми. Если бы они понимали, что всех интересует их работа, а не они сами...

— Они никогда не поймут,— угрюмо заметил Бен.— Так что нам суждено умереть. Я развинтил телефон ОС, чтобы поймать существо. Надо расправиться с остальными, и тогда я соберу его снова. Потом я передам суть моего открытия, и нам останется сидеть и ждать смерти.

— Милый! — взмолилась Салли.— Поцелуй меня! Ты только дважды целовал меня за то время, что мы вместе...

Бен нагнулся к ней. Вдруг раздался скрежет, и маленький спортивный катер закачался. Что-то вцепилось в него. Его взяли на буксир. У Бена с трудом получалось устоять на ногах, потому что катер тащили с приличным ускорением. Затем последовал сильный удар. Их грубо швырнули в трюм большого корабля. Было слышно, как работают механизмы внешнего шлюза, и Бен едва успел оказаться в дверях каюты с позитронным пистолетом в руке, как перед ним уже выстроилась целая батарея. Целились флотские.

— Вы арестованы, Шолто,— крикнул кто-то хриплым голосом.— Нам велено взорвать вас на месте, но чума уже распространилась по Галате, и в приказ были внесены дополнения. Мы должны казнить вас перед видеофоном для острастки всем, кто вздумает нарушить планетный карантин. Выходите!

«"Медная каска": идиоматическое выражение, получившее распространение с 2126 земного года. Первоначально обозначало отличительный головной убор офицеров штаба (см. Армия), которые часто отдавали приказы, не неся ответственности за их выполнение и опираясь на прецедент, "политическую необходимость" или "стратегические соображения" — весьма неопределенная аргументация. Поскольку офицеры (которым в военное время карьера в штабе казалась особенно привлекательной) были склонны допускать непоправимые ошибки типа AF-IQ-R.37 и их производных, термин "медная каска" стал употребляться для обозначения любых индивидуумов подобного склада ума. Любо-

пытный пример интуитивного применения ментальной оценки в народе еще до того, как научный анализ личности отмежевался от шарлатанства».

(Словарь дополнительной лексики и идиом. Цефей, Антрес-VII. 2215 земной год)

Бен усмехнулся. Хоть ему было и не до шуток, но он не мог сдержать улыбки.

— А-а! «Медные каски» в своем репертуаре! — спокойно сказал он.— Приказ, разумеется, заканчивается словами: «обсуждению не подлежит». Выполняй — и все тут! Конечно, вы можете убить меня. Но у меня тоже есть пистолет. Попробуйте подтащить меня к видеофону! И у вас ведь есть микрофон, верно? Конечно! Все, что я говорю, записывается и будет при необходимости отправлено по инстанциям вплоть до Галактической комиссии. Отлично! Это судно заражено чумой. На борту девушка, которая болела ею и выздоровела. Я знаю, как лечить чуму. Но мой корабль инфицирован, как и ваш теперь! Если у вас на борту есть хоть дюжина женщин, скоро вы получите дюжину случаев заражения чумой в команде. Надо лишь направить на них счетчик Гейгера или поместить в темноту — и вы убедитесь в этом! Мои слова записаны! Теперь убейте меня, а потом отправляйтесь к любой планете Вселенной и приземляйтесь!

Голос офицера звучал неуверенно:

— Мне приказано доставить вас к видеофону и казнить.

— Давайте! — вызывающе крикнул Бен.

Его трясло от возмущения. Казалось, надежды уже не было: ни на спасение жизни Салли и своей собственной, ни на то, что удастся пробить глухую стену чванливой глупости штабных крыс. Военно-космический флот и все, кто летал в космосе, страдали от политической тупости, оттого что подчиненным всегда и во всем следовало не руководствоваться благоразумными соображениями, а слепо подчиняться приказам.

Бен злился и на себя. Это же он применил позитронный пистолет, что и вывело крейсер на след катера. После того как он разобрал телефон ОС, чтобы достать конденсатор, он не

мог услышать требований о сдаче. Экраны катера погасли. Теперь его убьют, а чума распространится по Галактике. Потому что «медные каски», само собой, не поверят в то, чего не знали раньше. Они со всеми санитарными предосторожностями благополучно покинут инфицированные планеты и отправятся насаждать свою волю где-нибудь еще, повсюду разнося заразу.

Зазвонил телефон в офицерском шлеме. Его нерешительность тут же испарилась.

— Хорошо, сэр,— ответил он, и затем обратился к Бену: — Ваши утверждения уже прошли первую проверку. Обнаружено четыре случая заражения чумой. Вы сказали, что знаете, как вылечить ее. Сейчас больных доставят сюда. Выполнение приказа о вашей казни временно отложено.

— Я готов,— кратко сказал Бен.— Для этого надо пройти в кабину.

Все направились в тесную кабину катера — четыре женщины в сопровождении тучного надменного типа с медными знаками отличия подкомиссара. То есть «медной каски» — и по рангу, и по складу ума.

— Ваша дерзость не знает границ! — запыхтел он.— Вы ни во что не ставите полномочия Галактической комиссии! Это неслыханно!

— И все же,— сурово произнес Бен,— я нашел способ уничтожить чуму. Если для вас сейчас важно только мое отношение к властям — тогда вы просто глупец!

«Медная каска» побагровел и едва не задохнулся от злобы. Но Бен уже выключил свет. Четыре женщины в униформе вспомогательного персонала Военно-космического флота отчетливо мерцали в темноте. Их лица, шеи и руки поблескивали белесым сиянием. Бен взял конденсатор и коснулся им щеки первой из женщин, лицо которой нервно подергивалось. Свечение пропало. Теперь заискрился шарик. Бен, не мешкая, выстрелил по нему из позитронного пистолета. Всем показалось, что они слышат беззвучный вопль. Бен дотронулся до второй женщины. Сияние снова исчезло. Второй выстрел. Второй немой крик. Третий. Когда Бен извлек существо из четвертой женщины, то не стал стрелять и включил свет.

— Эти четыре случая заболевания вылечены,— просто сказал он.

«Медная каска» снова запыхтел:

— В таком случае, больше нечего ждать. Порядок прежде всего. Лейтенант, вы готовы выполнить приказ?

У офицера даже челюсть отвисла от изумления.

— Вы полагаете, сэр...

— Его приказано казнить,— возмутился «медная каска».— Разве на флоте не понимают, что сначала следует выполнить приказ, а уже потом задавать вопросы?

Бен выпустил последнее из существ в корпус корабля.

— Но с чумой еще не покончено,— заметил он. Глаза его горели.— Я должен предупредить вас — и мои слова записываются,— что стоит вам приземлиться на любой планете, как вы разнесете эпидемию. Я не очистил от чумы сам корабль.

— Но это же шантаж! — взвизгнул «медная каска».

Послышались шаги, и в люк протиснулись еще трое. Двое из них были офицерами крейсера, а третьей оказалась седовласая женщина в сером капюшоне. Ее глаза были умны и проницательны.

— Мэм,— встрепенулся «медная каска».— Этот человек посмел шантажировать Галактическую комиссию! Я приказал расстрелять его!

Конечно, привести в исполнение смертный приговор в присутствии члена Галактической комиссии — дело неслыханное. Седоволосая женщина спокойно сказала:

— Боюсь, сейчас важнее то, что он назвал вас глупцом.— Она взглянула на Бена.— Меня зовут Майра Торн. Я из Галактической комиссии. Я направлялась на Галату, куда занесли чуму, чтобы попытаться организовать ее изучение. И вот пять минут назад я обнаружила, что сама заразилась. У меня такое чувство, будто нечто чуждое и враждебное вселилось в меня и теперь злорадно празднует победу. Счетчик Гейгера подтверждает диагноз. И... в темноте мое тело светится. Чума — это одна из форм жизни, не так ли? Она представляет собой нечто не вполне материальное?

— Да, мэм,— ответил Бен. Он смотрел на нее, нахмурившись.— Это особым образом организованное электронное облако.

— Я бы хотела,— продолжала женщина,— чтобы вы по связи крейсера, раз уж ваш телефон разобран, передали всю известную информацию об этом феномене и о методике, которую вы используете для борьбы с болезнью.

— Хорошо, мэм,— кивнул Бен. Он продолжал пристально смотреть на нее.

— Потом, если вам будет угодно,— добавила она,— вы можете очистить крейсер и в последнюю очередь — вылечить меня, но я должна быть последней.

— Это нетрудно,— сурово проговорил Бен.

— Вот и хорошо...

— Но, мэм,— заскулил «медная каска»,— есть приказ расстрелять его сразу после задержания, если не на месте! Это не по инструкции! Неслыханно! Приказ комиссии... Он же не подчинился комиссии! Он пытался шантажировать ее!

Но женщина спокойно ответила на его выпад:

— Вот что. Формальности будут соблюдены. Я отменяю приговор. Более того, я приказываю арестовать вас и отдать под трибунал. Я обвиняю вас в глупости, некомпетентности и злоупотреблении должностными полномочиями. Я должна подтвердить обвинение,— спокойно продолжала она,— и для этого мы вызовем психолога, чтобы он составил психометрическую карту вашей личности. Поистине, нам следует впредь держать таких, как вы, подальше от власти. Вы наносите непомерный вред.— Она повернулась к Бену: — А теперь скажите, что вам нужно?

— Хватит пятиминутной беседы с офицером-техником. Затем он сможет повторить то, что делаю я. Но, мэм, со мной на борту девушка. Ее официально объявили мертвой, а потом приговорили к смерти. Я бы хотел...

— Простите. Конечно!

— Нет, мэм. Я о бракосочетании,— добавил Бен и улыбнулся.

«Галактическая комиссия доводит до сведения, что чума на Фароне и угроза ее распространения на все человечество явились следствием ошибочных действий членов администрации. Комиссия, обнаружив эти факты, вскрыла и другие доказательства крайней некомпетентности ряда высокопоставленных чи-

новников администрации и определила, что они обладают некоторыми свойствами личности, которые отныне должны быть поставлены вне закона. Лицам с ментальными характеристиками... (далее следует перечень из шестнадцати пунктов) впредь запрещается занимать посты как в администрации под юрисдикцией комиссии, так и во всех других органах власти. Комиссия рекомендует всем правительствам планет не допускать лиц подобных ментальных типов до работы в местных властных структурах. Но в силу того, что политика является крайне привлекательным полем деятельности для людей с указанными характеристиками, комиссия не вправе ожидать, что они будут полностью уволены из законодательных органов, пока соответствующие нежелательные черты у представителей человеческой расы не будут искоренены генетически».

(Официальное заявление Галактической комиссии, принятое на заседании 26 января 2195 г.)

Этические уравнения

Очень, очень странно. Конечно, Этические уравнения устанавливают связь между поведением человека и теорией вероятностей и математически доказывают, что при той или иной системе поведения возрастает вероятность совершенно определенных совпадений. Но никто никогда не ждал от них прямой практической пользы. Ведь и открытие закона случайности не покончило с азартными играми, хотя и пригодилось для страхования жизни. От Этических уравнений даже этого не ждали. Считалось, что это просто теория, которая едва ли способна на кого-то повлиять.

Прежде всего, уравнения эти очень сложны. Они учитывают, что система поведения, идеальная для одного человека, для другого оказывается далеко не лучшей. К примеру — и это вполне естественно — у политического деятеля понятия о чести совсем иные, чем у того, кто работает в Космическом патруле. И все же по крайней мере в одном случае...

Гость из далекого космоса был длиною в полторы тысячи футов и около ста пятидесяти в поперечнике, а странно вздутая носовая часть, напоминавшая рыбью голову, еще шире — двести футов с изрядным лишком. Чуть позади этой вздутой части находились какие-то клапаны, совсем как жабры, а в целом, если посмотреть со стороны,— точь-в-точь безглазая чудовищная рыба плавает в черной пустыне за Юпитером. Но приплыла она из бездн, где уже не ощущалось притяжение Солнца, двигалась явно не по замкнутой орбите — для

© Перевод Норы Галь.

этого ее скорость была чересчур велика — и медленно, бесцельно, бестолково поворачивалась вокруг своей оси.

Маленький космокрейсер «Арнина» осторожно подбирался ближе.

Фредди Холмс, который от самого Марса был на положении отверженного, теперь позабыл обо всех своих горестях, о загубленной карьере и, стиснув руки, в волнении смотрел на эту диковину.

— На сигналы оно не отвечает, сэр,— доложил связист.— Мы вызывали его на всех частотах. Радиации не обнаружено. Есть очень слабое магнитное поле. Температура на поверхности — четыре градуса выше абсолютного нуля.

Командир «Арнины» что-то буркнул себе под нос. Потом сказал:

— Подойдем к борту.

Потом он посмотрел на Фредди Холмса и процедил сквозь зубы:

— Впрочем, нет. Принимайте командование, мистер Холмс.

Фредди вздрогнул. От волнения у него даже на минуту вылетело из головы, в какой он попал переплет. Однако нескрываемая враждебность во взгляде капитана и всех, кто был в рубке, сразу ему об этом напомнила.

— Теперь командуете вы, мистер Холмс,— с горечью повторил капитан.— Так мне приказано. Вы первый обнаружили эту штуку, и ваш дядюшка просил в штабе, чтобы вам предоставили право руководить исследованиями. Власть в ваших руках. Приказывайте!

В голосе капитана звучало такое бешенство, что едкая неприязнь, с которой он относился к Холмсу во время полета, казалась теперь сущим пустяком. В самом деле, ему, капитан-лейтенанту, велено стать под начало младшего по чину. Уже и это несладко. А главное, впервые человечество встречается с иным разумом, пришельцем из другой солнечной системы,— и заправлять встречей поручено какому-то лейтенантишке, только потому, что у него есть своя рука в правительстве!

Фредди сглотнул комок, застрявший в горле.

— Я... я...— Он снова глотнул и сказал жалобно: — Сэр, я уже пытался объяснить... Теперешнее положение вещей

мне так же неприятно, как и вам. Я хотел бы... Разрешите, я опять передам вам командование, сэр, а сам буду подчиняться...

— Нет уж! — мстительно оборвал капитан.— Командуйте сами, мистер Холмс. Ваш дядюшка нажал наверху все кнопки, чтоб это устроить. Мне велено выполнять ваши распоряжения, а нянчиться с вами, ежели для этой работы у вас кишка тонка, я не обязан. Взялись, так справляйтесь! Какие будут приказания?

Фредди стиснул зубы.

— Что ж, хорошо, сэр. Это явно корабль, и, судя по всему, покинутый. Будь на нем команда, он не вошел бы в нашу Солнечную систему с выключенным двигателем и не мотался бы так бестолково. Держитесь на том же расстоянии. Я возьму бот, одного добровольца — подыщите мне кого-нибудь — и осмотрю этот корабль.

Холмс повернулся и вышел. Две минуты спустя, когда он втискивался в скафандр, в отсек ввалился веселый, оживленный лейтенант Бриджес.

— Мне разрешили отправиться с вами, мистер Холмс,— бойко доложил он и расплылся в блаженной улыбке.— Ну и здорово же!

Фредди не ответил.

Через три минуты от крейсера отвалил космический бот — крохотное открытое суденышко, предназначенное для быстрой переброски людей и материалов. Странно было сидеть в этой скорлупке, похожей на паука, и смотреть, как приближается гладкий, слепой корпус неведомого исполина. И когда бот пристал к огромной металлической стене, это показалось невероятным: словно, перебравшись через чудовищный ров, полный не водою, а звездами, они приблизились к заколдованному замку.

Однако «замок» был вполне реален. Ролики бота мягко коснулись металла.

— Притягивает! — пробормотал Бриджес, очень довольный.— Можно стать на магнитный якорь. Дальше что делать?

— Поищем входной люк,— ответил Фредди. И прибавил: — Эти отверстия, похожие на жабры, скорей всего — дюзы. Они

у него в головном конце, а не в хвосте. Автопилота у этих пришельцев, видимо, нет.

Бот пополз по металлической шкуре великана-чужака, точно муха по выброшенному на берег киту. Медленно взобрался вверх по округлому корпусу, перевалил на другой бок и начал спускаться. Вскоре они обошли корабль кругом и опять увидели поодаль свой крейсер.

— Никаких люков, сэр! — превесело объявил Бриджес.— Может, прорежем дырку и залезем внутрь?

— Гм-м,— задумчиво промычал Фредди.— У наших кораблей двигатель в хвосте, а рубка впереди; груз поступает в среднюю часть, и тут мы с вами искали люк. Но у этого двигатель расположен в головной части. Тогда рубка, наверно, в середине. А если так, то загружаются они, пожалуй, с кормы. Ну-ка, поглядим.

Бот пополз к корме чудовища.

— Вот он! — сказал Фредди.

Ни у одного корабля в Солнечной системе не было таких люков. Дверца мягко скользнула вбок. Была и вторая, внутренняя дверь, но и она открылась так же легко. Не засвистел, вырываясь наружу, воздух, и вообще непонятно было, должен ли этот тамбур играть роль воздушного шлюза.

— Воздуха не осталось,— сказал Фредди.— Ясное дело, корабль покинут. Захватите-ка бластер, но главное, нам понадобится свет

Магнитные якоря бота намертво прилипли к чужаку. Два лейтенанта вступили внутрь корабля, стук магнитных подошв гулко отдавался в шлемах. До сих пор с крейсера могли за ними следить. Теперь они скрылись из виду.

Огромная загадочная махина, необыкновенно похожая на слепую рыбину, по-прежнему плавала в пустоте. Свет далекого Солнца, хоть и очень слабый здесь, за Юпитером, отражаясь от металлической поверхности, все же слепил глаза. Казалось, чужак недвижно повис в пространстве, окруженный со всех сторон бесконечно далекими, немигающими звездами. Крейсер Космического патруля, точеный, опрятный, держался наготове за полторы мили от пришельца. Словно бы ничего необычайного не происходило.

Когда Фредди возвратился в капитанскую рубку, лицо его было немного бледно. На лбу еще виднелся красный след от шлема, и Фредди рассеянно потирал это место пальцами. Капитан посмотрел на Холмса сердито и с завистью. В конце концов, всякий позавидует человеку, который побывал на чужом космическом корабле. Вслед за Холмсом вошел лейтенант Бриджес. Минуту все молчали. Потом Бриджес бойко отрапортовал:

— Разрешите доложить, сэр, — из добровольной вылазки прибыл, возвращаюсь на свой пост.

Капитан угрюмо поднес руку к фуражке. Бриджес четко повернулся на каблуках и вышел. Капитан поглядел на Фредди с бессильной яростью, какую может испытывать только старший по чину, когда ему велено доказать, что его подчиненный болван, а на поверку в дураках остался он сам вместе с теми, кто отдал ему этот приказ. Поневоле взбесишься! Фредди Холмс, желторотый юнец, офицер без году неделя, едва попав на Луну, на станцию наблюдения за астероидами и метеоритными потоками, заметил небольшое неизвестное тело, приближающееся из-за Нептуна. Для постоянного обитателя нашей Солнечной системы скорость тела была слишком велика, и Холмс сообщил, что это пришелец извне, и предложил немедленно его исследовать. Но младшим офицерам не положено совершать открытия. Это нарушает традицию, а в Космическом патруле традиция — это своего рода Этическое уравнение. И Холмсу порядком влетело за самонадеянность. Но он дал сдачи, объяснив, что Этические уравнения, безусловно, относятся и к научным исследованиям. Первый же предмет, попавший в нашу Солнечную систему извне, должен быть исследован. Ясно и недвусмысленно. И Фредди повел себя так, как отнюдь не подобает младшему в Космическом патруле: он не стал держать язык за зубами.

Отсюда все и пошло. У Фредди имелся дядюшка, который занимал какой-то там государственный пост. Дядюшка предстал перед Управлением Космической патрульной службы и учтиво намекнул, что племянник сделал важное открытие. Далее он доказал как дважды два, что отмахиваться от значительного открытия только потому, что сделал его младший

офицер, попросту смехотворно. И Управление, разъяренное посторонним вмешательством, распорядилось: доставить Фредди Холмса к обнаруженному им предмету, по прибытии на место полностью передать названному Холмсу командование крейсером и произвести предложенные им исследования. По всем законам вероятности, нахал вынужден будет доложить, что глыба вещества, залетевшая откуда-то извне, ничуть не отличается от глыб, которые летают в пределах нашей Солнечной системы. И уж тогда Управление отыграется! Будут знать дядюшка с племянником, как совать свой нос, куда не просят!

А между тем оказалось, что глыба вещества — не простая глыба, а похожий на огромную рыбу космический корабль, создание иной цивилизации. Оказалось, сделано важное открытие. И все складывалось так, что человеку, проникнутому традициями Патрульной службы, впору скрипеть зубами от злости.

— Это космический корабль, сэр,— ровным голосом сказал Фредди.— Двигатели у него атомные, реактивные, расположены где-то в носовой части. Управление, видимо, только ручное. И, видимо, в машинном отделении был взрыв, и большая часть горючего потеряна — оно улетучилось через дюзы. После этого корабль оказался беспомощным, хотя машины кое-как залатаны. Сейчас он по инерции падает к Солнцу, и можно рассчитать, что в теперешнем состоянии он находится уже примерно две тысячи лет.

— В таком случае, насколько я понимаю, на борту никто не остался в живых,— язвительно заметил капитан.

— Это как раз одна из сложностей, которые тут возникают, сэр,— ровным голосом произнес Фредди; он все еще был очень бледен.— В помещениях корабля воздуха нет, но резервуары полны. В отсеках, где, видимо, хранится продовольствие, осталось еще много всего. Команда не умерла с голоду и не задохнулась. Просто корабль потерял почти весь запас горючего. Тогда, видимо, команда подготовила его к тому, чтобы он мог сколько угодно времени дрейфовать в пространстве и...— Фредди запнулся,— и похоже, что все они погрузились в анабиоз. Они на борту, в таких прозрачных ящи-

ках... и к ящикам подсоединены какие-то механизмы. Может быть, они надеялись, что их рано или поздно подберут свои же корабли.

Капитан озадаченно поморгал:

— Анабиоз? Они живые? — И вдруг резко спросил: — А что это за корабль? Грузовой?

— Нет, сэр,— ответил Фредди.— Тут еще одна сложность. Мы с Бриджесом сошлись на том, что это военный корабль, сэр. Там установлены в ряд генераторы, и они питают какие-то штуки... безусловно, это оружие, ни на что другое не похоже. Судя по всему, оно работает по принципу притяжения и отталкивания... и там есть электронные лампы, но они, очевидно, действуют при холодных катодах. Судя по кабелям, которые к ним подсоединены, там сила тока достигает тысяч ампер. Так что сами понимаете, сэр.

Капитан шагал по рубке — два шага туда, два обратно. Огромное, потрясающее открытие! Но ему дана совершенно ясная инструкция.

— Командуете вы,— сказал он упрямо.— Что будете делать?

— Буду работать, пока не свалюсь,— уныло ответил Холмс.— И наверно, еще нескольких человек загоняю. Хочу облазить эту махину вдоль и поперек с измерительными приборами и телекамерами, все осмотреть, заснять и передать вам сюда. Мне нужны операторы, а наши специалисты на борту пускай дают им указания, каждый по своей части. Я на этом корабле ни к чему не притронусь, пока у меня каждая заклепка и каждая проволочка не будет снята на пленку.

— Что ж, это не так глупо,— проворчал капитан.— Хорошо, мистер Холмс, будет сделано.

— Спасибо,— сказал Фредди, двинулся было к выходу и остановился.— Надо поосторожнее отобрать, кого посылать с приборами,— прибавил он.— Впечатлительные люди не годятся. Те, на корабле... с виду они даже чересчур живые, и на них не слишком приятно смотреть. И потом... э-э... саркофаги, в которых они лежат, открываются изнутри. Это еще одна сложность, сэр.

Он вышел. Капитан заложил руки за спину и свирепо зашагал из угла в угол. Первый предмет, который залетел к

нам из звездных пространств, оказался космическим кораблем. Вооружение у него такое, что и представить трудно. Надо его исследовать,— а ты, заслуженный капитан-лейтенант, изволь подчиняться мальчишке только-только из академии. А все политика! Капитан «Арнины» скрипнул зубами.

И вдруг до него дошло то, что сказал напоследок Фредди. Пластиковые саркофаги, где в анабиозе лежит команда чужого корабля, открываются изнутри. Изнутри!

Да ведь это чревато. На лбу у капитана проступил холодный пот. Оружие, действующее по принципу притяжения и отталкивания, и кое-какое горючее сохранилось, и анабиозные камеры открываются изнутри

Теперь корабли соединялись гибким тросом, и их вместе несло к Солнцу. Рядом с огромным чужаком крейсер казался мошкой.

До Солнца было очень далеко — разумеется, оно светило ярче любой звезды и излучало беспощадную радиацию, но нисколько не грело. Со всех сторон виднелись невообразимо далекие искорки света — звезды. В поле зрения только одно небесное тело обладало сколько-нибудь заметными размерами. Это был Юпитер — его узкий серп, словно только что народившийся месяц, светился на двадцать миллионов миль ближе к Солнцу и на восемьдесят миллионов миль в стороне. Все остальное было — пустота.

Крохотный космобот, словно паучишка, скользил по тросу между двумя кораблями. Причалил к крейсеру, вышли люди в скафандрах, тяжело затопали магнитными подошвами к люку. Нырнули внутрь.

Фредди вошел в рубку. Капитан сказал хрипло:

— Мистер Холмс, разрешите обратиться с просьбой. По приказу Управления вы командуете «Арниной», пока не кончите изучать тот корабль.

— Да, сэр. А в чем дело? — рассеянно отозвался Фредди.

Он осунулся, лицо у него было измученное.

— Я хотел бы отослать подробный доклад обо всем, что вы уже обнаружили,— настойчиво сказал капитан.— Поскольку

здесь командуете вы, я не могу это сделать без вашего разрешения.

— Я предпочитаю, чтобы вы этого не делали, сэр,— сказал Фредди и, несмотря на усталость, упрямо выпятил подбородок.— Если говорить начистоту, сэр, я думаю, в этом случае они отменили бы теперешний приказ и распорядились совсем иначе.

Капитан прикусил губу. Он именно этого и хотел. Телекамеры уже передали полное и точное изображение чуть ли не всего, что только можно было увидеть на чужом корабле. И все это есть на пленке. Капитан уже видел и самих пришельцев — ну и чудища! И пластиковые саркофаги, в которых они проспали добрых две тысячи лет, действительно открываются изнутри. Вот что худо. Они открываются изнутри!

Все специалисты по электронике, сколько их было на «Арнине», бродили в каком-то восторженном обалдении, что-то чертили, рассчитывали, показывали друг другу и почтительно пялили глаза на то, что у них получалось. Артиллерист корпел над схемами и чертежами оружия, о каком прежде не мог и мечтать, и, просыпаясь по ночам, торопливо шарил — здесь ли они, не привиделись ли во сне... Но главный механик в отчаянии ломал руки. Он жаждал разобрать двигатели чужого корабля по винтику. Ведь они несравнимо меньше двигателя «Арнины», а их хватало для великана, масса которого в восемьдесят четыре раза больше! Но как они действуют?!

Техника, чьим детищем был чужой корабль, опередила земную на десять тысяч лет. Ее секреты стремительно перекачивались на крейсер землян. Но саркофаги, где покоилась в анабиозе команда пришельца, открывались изнутри...

— И все-таки, мистер Холмс, я вынужден просить разрешения отослать рапорт,— взволнованно повторил капитан.

— Но сейчас командую я,— устало сказал Фредди.— И я намерен командовать и дальше. Я подпишу приказ, который запретит вам отсылать рапорт, сэр. Если вы его нарушите, это будет бунт.

Капитан побагровел.

— Да вы понимаете, что это значит? — в бешенстве крикнул он. — Раз экипаж этой посудины лежит в анабиозе, а эти

ящики или гробы открываются изнутри — это же значит, что они намерены открыть их сами, понятно вам?!

— Да, сэр, конечно, — устало сказал Фредди. — А почему бы и нет?

— А вы понимаете, что провода от этих гробов ведут к термобатареям во внешней обшивке корабля? Чудища знали, что без энергии им не выжить, и знали, что в любой солнечной системе они энергию получат! Вот они и рассчитали так, чтоб подойти поближе к нашему Солнцу при минимальном расходе энергии, оставили в запасе, сколько надо для посадки, а сами погрузились в анабиоз, а когда придет время браться за работу, термобатареи их разбудят!

— Правильно, сэр,— все так же устало подтвердил Фредди.— По крайней мере, мужества у них хватало. А как бы теперь поступили вы?

— Доложил бы в Главный штаб! — яростно крикнул капитан.— Доложил бы, что это — военное судно, которое способно разнести в пыль весь наш Патрульный флот и взорвать наши планеты! Сообщил бы, что экипаж — чудовища, что сейчас они, к счастью, беспомощны, но у них еще хватит горючего, чтобы сманеврировать и приземлиться. И просил бы разрешения выкинуть их вместе с гробами с корабля и уничтожить! А потом я бы...

— Я сделал проще,— сказал Фредди.— Отключил термобатареи. Сейчас эти существа ожить не могут. А теперь уж простите, я пойду несколько часов посплю...

Он ушел к себе в каюту и повалился на койку.

Люди с измерительными приборами и телепередатчиками продолжали осматривать каждый квадратный дюйм безжизненного чудовища. Они работали в скафандрах. Чтобы наполнить воздухом нутро гиганта, «Арнине» пришлось бы истратить весь свой запас. Человек в скафандре держал телекамеру перед какой-то гибкой, причудливо свернутой лентой, исчерченной непонятными знаками. В его шлемофоне звучали советы и распоряжения из фотолаборатории «Арнины». Кое-что снималось еще и на фотопленку. Работали телепередатчики в кладовых, в жилых отсеках, возле орудийных

установок. До сих пор на чужом корабле ничего и пальцем не тронули. Таков был приказ Фредди Холмса. Из каждого предмета извлекали всю возможную информацию, но ни одной мелочи с собой не взяли. Даже химические анализы делали дистанционными методами.

А на Фредди по-прежнему смотрели косо. Главный механик честил его на все корки. Ведь вот двигатели чужака... После взрыва, который когда-то вывел двигатели из строя, пришельцы все-таки их починили,— и уж до того соблазнительно было бы в них покопаться... Но как они работают, понять было невозможно. У главного механика просто руки чесались. Специалист по физической химии тоже предпочел бы сделать кое-какие анализы собственными руками. И все и каждый — от последнего мальчишки-стажера до капитана — жаждали завладеть какой-нибудь вещичкой, сработанной чужими, ничуть не похожими на людей существами, которые на десять тысяч лет опередили человечество. Вот на Фредди и смотрели косо.

Но не только это мучило его. Он чувствовал, что поступает не по правилам. Этические уравнения доказывают как дважды два, что вероятность и этика нераздельны, и если, приступая к любому делу, нарушить законы порядочности и чести, бессмысленно ждать, чтобы оно принесло плоды, достойные восхищения. Фредди начал с того, что нарушил дисциплину (а она ведь тоже своего рода этика), а потом еще дядюшка припутал к Патрульной службе политику. И это уже прямое преступление. А значит, согласно уравнениям, вероятность самых пагубных совпадений будет безмерно возрастать, пока новые, этически безупречные действия не устранят зло, вызванное первоначальными беззакониями. Но как же все-таки сейчас надо действовать? Непонятно, хоть убей! Ясное дело — нельзя терять ни минуты. И несмотря на усталость, Фредди спал плохо: откуда-то из глубины сознания пронзительный тревожный голос предвещал несчастье.

Он проснулся разбитый, тупо уставился в потолок. Тщетно он пытался найти какое-то разумное решение, и тут к нему постучали. Это был Бриджес с кипой бумаг.

— Ну, вот! — весело заявил он, едва Фредди открыл дверь.— Все мы просто счастливчики!

Фредди взял у него бумаги.

— Что случилось? Капитан все-таки испросил новый приказ и меня отправляют под арест?

Бриджес расплылся до ушей и ткнул пальцем в бумажные листы. Это был отчет специалиста по физической химии, в обязанности которого входил точный анализ состава малых небесных тел.

«Элементы, обнаруженные на внеземном корабле» — гласил заголовок. Фредди стал просматривать бумагу. Никаких тяжелых элементов, остальное все знакомо. Он вспомнил, что в одном из баков чужака хранится чистый азот, и главный механик в молчаливом бешенстве ломал себе голову: как пришельцы умудрялись получать из азота атомную энергию? Фредди посмотрел в конец списка. Самым тяжелым элементом на корабле оказалось железо.

— В чем же тут счастье? — спросил он.

Бриджес опять ткнул пальцем. Привычные символы сопровождались непривычными коэффициентами атомного веса: H_3, Li_5, Be_8... Холмс недоуменно замигал. Посмотрел еще: N_{15}, F_{18}, S_{34}, S_{35}... Тут он вытаращил глаза. Бриджес ухмыльнулся.

— Прикиньте-ка, сколько стоит этот кораблик! — сказал он весело.— «Арнина» гудит, как улей. Призовые деньги нам, патрульным, не полагаются, зато можно получить пять процентов за спасение имущества. Тритий на Земле известен, но в чистом виде его никогда еще не получали. А литий-пять, бериллий-восемь, азот-пятнадцать, кислород-семнадцать, фтор-восемнадцать, сера-тридцать четыре и тридцать пять — да такого на Земле просто не существует! Весь этот корабль состоит из неслыханных изотопов, в нашей Солнечной системе их просто нет! А за чистые изотопы знаете сколько платят? Весь корпус — это чистое железо-пятьдесят пять. А у нас чистое железо-пятьдесят четыре идет по тридцать пять центов грамм! Теперь мы на «Арнине» богачи, всем до самой смерти хватит. А вы теперь у нас — первый человек!

Фредди даже не улыбнулся. Заговорил медленно:

— Азот-пятнадцать... Он у них был в том самом баке для горючего, который у них еще оставался. Он поступает в очень странную, совсем маленькую алюминиевую камеру — мы никак не могли понять, что это такое,— а оттуда в дюзы двигателя. Понимаю...

Фредди был белый как полотно. А Бриджес ликовал:

— Сто тысяч тонн материалов, каких на Земле просто не существует! Настоящие изотопы, в огромном количестве! И никаких примесей! Дружище, мне-то вы сразу пришлись по душе, но все наши вас терпеть не могли. А теперь — идите и наслаждайтесь, все вас обожают!

Фредди не слушал.

— А я все гадал, для чего та алюминиевая камера,— бормотал он.— С виду она совсем немудреная, не поймешь, при чем тут...

— Пойдем к нашим, выпьем! — весело тормошил его Бриджес.— Грейтесь в лучах славы! Заводите друзей, покоряйте умы и сердца!

— Нет уж.— Фредди невесело улыбнулся.— Потом меня все равно повесят. Гм-м. Мне надо потолковать с главным механиком. Нам нужно добиться, чтобы эта махина двигалась своим ходом. Она слишком велика, чтоб тащить ее на буксире.

— Так ведь в ее двигателях никто не может разобраться! — запротестовал Бриджес.— Похоже, что азот тоненькой струйкой поступает в эту дурацкую камеру, там с ним что-то происходит, и он через алюминиевые щитки течет в дюзы — только и всего! Уж очень это просто! Ну как вы заставите такую штуку работать?

— Кажется, это и правда проще простого,— сказал Фредди.— Весь корабль построен из таких изотопов, каких на Земле нет. Впрочем, тут есть еще алюминий и углерод. Это простые вещества. Они на корабле точно такие же, как у нас. Но почти все остальное...

В лице у Фредди не было ни кровинки. Казалось, его грызет нестерпимая боль.

— Мне нужны два бака, их надо сделать из алюминия и заполнить азотом. Сойдет и обыкновенный воздух... И нужен

автопилот. Его тоже надо сделать из алюминия, а прокладки из графита...

Он поглядел на Бриджеса и хмуро усмехнулся.

— Вы когда-нибудь слыхали про Этические уравнения, Бриджес? Кто бы подумал, что они помогут решить задачу космического пилотажа, правда? А вот, представьте, помогли. Теперь мне нужен главный механик, пускай все это сооружит... Я рад, что успел с вами познакомиться, Бриджес...

Бриджес вышел, а Фредди Холмс провел языком по пересохшим губам и сел чертить эскизы для главного механика.

На корабле чудовищ машинный отсек не был отделен от капитанской рубки. Это огромное шарообразное помещение заполняли приборы диких для земного глаза очертаний. Впрочем, Холмсу и Бриджесу они больше не казались такими уж дикими. Оба проторчали среди этой аппаратуры восемь дней, поняли, как она действует, и почти освоились с нею. А все же им стало жутковато, когда они пристегнулись перед пультом управления, освещенным только их походными фонариками, и в последний раз окинули взглядом алюминиевые запасные части, сработанные бог весть на какой планете, под иным солнцем.

— Если получится, нам крупно повезло,— сказал Фредди и судорожно глотнул.— Вот так включается двигатель. Ну, Бриджес, ни пуха, ни пера!

Воздуха внутри чужака по-прежнему не было. Фредди чуть-чуть, на волос передвинул причудливой формы рычажок. По огромному корпусу корабля прошла едва уловимая дрожь, словно он готов был рвануться вперед. Через подошвы скафандров людям передалось от металлического каркаса чуть заметное колебание. Фредди облизнул пересохшие губы и тронул другой рычажок.

— Это, должно быть, освещение.

Он не ошибся. На экранах необычной формы проступили непонятные рисунки и силуэты. По кораблю разлилось сияние. Прежде, в резком белом свете ручных фонариков, людям все здесь было безмерно чуждо, почти отвратительно.

А сейчас все преобразилось, словно они попали в какой-то сказочный, волшебный дворец. Все вокруг переливалось всеми цветами радуги, в этом мягком сиянии круглые двери и коридоры, похожие на трубы, выглядели хоть и странно, но приятно. Фредди покачал головой, словно хотел, не снимая шлема, смахнуть выступившие на лбу капли пота.

— Дальше, наверно, обогрев,— проговорил он еще мрачней прежнего.— Это мы не тронем. Ни к чему! А вот двигатель попробуем.

Корабль дрогнул. И плавно устремился вперед, легко и незаметно набирая скорость; в его движении ощущалась огромная, неодолимая сила. «Арнина» за кормой быстро уменьшалась. Фредди, плотно сжав губы, касался то одного рычажка, то другого, и страшный исполин повиновался ему легко и охотно, как ручной, на диво вышколенный зверь.

— Вот это здорово! — дрожащим голосом вымолвил Бриджес.— Куда нам с нашими патрульными посудинками!

— Да,— коротко сказал Фредди. Голос у него был несчастный.— Куда нам! Отличный корабль! Я на него поставлю автопилот. Он должен работать. Эти существа почему-то не пользовались автоматическим управлением. Уж не знаю почему, но не пользовались.

Он выключил все, кроме света. Наклонился и подхватил маленький алюминиевый аппаратик, которому предстояло регулировать подачу азота в правую и левую дюзы.

Потом он вернулся к пульту управления и опять включил двигатель. И автопилот заработал. Вполне естественно. Уж если механик Космической патрульной службы что-то смастерил, так на совесть. Фредди тщательно опробовал автопилот. Задал ему точно рассчитанную программу. Повернул три переключателя. Потом взял в руки заранее приготовленный пакетик.

— Идем,— сказал он устало.— Мы свое дело сделали. Вернемся на «Арнину», а там меня, наверное, повесят.

Бриджес, явно сбитый с толку, пошел за ним. Они влезли в космобот, и металлический паучок побежал прочь от огромного чужого корабля, который висел теперь в пустоте в трех милях от «Арнины», покинутый всеми, кроме своей коман-

ды — кроме чудищ, спящих в анабиозе. Крейсер встрепенулся и пошел навстречу боту. И тут Фредди сказал сурово:

— Помните Этические уравнения, Бриджес? Я уже говорил, они помогли мне разобраться в двигателе того корабля. Если они верны, тут ничего другого быть не могло. А сейчас я выясню еще кое-что.

Неуклюжими пальцами (в перчатках скафандра проделывать все это было несподручно) он извлек что-то из своего пакета, словно пилюлю из коробочки. Полез в какой-то ящик, вытащил оттуда небольшой снаряд (Бриджес едва верил своим глазам) и вложил в него «пилюлю». Потом загнал снаряд в дуло мортирки (бот по старой привычке оснащали оружием). И дернул шнур. Вспыхнул запал. Облачко газов прихлынуло к скафандрам и тотчас рассеялось. В пустоту понеслась жаркая рдеющая искорка. Проходили секунды. Три. Четыре. Пять...

— Видно, я болван,— сказал Фредди.

Бриджес никогда еще не слыхал, чтобы кто-нибудь говорил таким мрачным, загробным голосом.

И вдруг стало светло. Да как! Во тьме, где, все уменьшаясь, уносилась к невообразимо далеким звездам красная трассирующая искорка, внезапно вспыхнуло слепящее голубовато-белое зарево, каких не видывали даже на испытательных полигонах Космического патруля. Если не считать полуфунтового трассирующего заряда, здесь неоткуда было взяться веществу, которое могло бы взорваться. Но Бриджесу даже сквозь стекло шлема опалило лицо жестоким жаром. И все кончилось.

— Что это? — спросил он, потрясенный.

— Этические уравнения,— сказал Фредди.— Видно, я все-таки не совсем болван...

«Арнина» подошла вплотную к боту. Фредди не перешел на крейсер. Он закрепил маленькое суденышко в гнезде и включил внутренний передатчик шлемофона. Он начал что-то говорить, но Бриджес теперь не мог его слышать. Минуты через три открылся широкий люк и появились четверо в скафандрах. На одном был гребенчатый шлем с четырехканальным передатчиком,— такой шлем надевает лишь командир, покидая крейсер во главе разведывательного отряда. Четверо вышли из люка «Арнины» и втиснулись в крохотный бот. И снова по радио в наушниках угрюмо, холодно зазвучал голос Фредди.

— У меня есть еще несколько снарядов, сэр. Это трассирующие снаряды, они пролежали в боте восемь дней — все время, пока мы работали. Они не такие холодные, как тот корабль, потому что он остывал две тысячи лет, но все-таки холодные. По моим расчетам, градусов восемь или десять выше абсолютного нуля, не больше. А это — образчики вещества с того корабля. Вы можете их потрогать. Наши скафандры практически не проводят тепла. Если вы возьмете эти осколки в руку, они не согреются.

Бриджес видел, как капитан оглядел кусочки металла на ладони Холмса. Это были образчики железа и других материалов с чужого корабля. При холодном свете ручного фонарика капитан сунул один образчик в головку снаряда. Своими руками зарядил мортирку и выстрелил. Снова, стремительно уменьшаясь, умчалась в пустоту рдеющая искорка.

И снова — чудовищный атомный взрыв.

И голос капитана в наушниках:

— Сколько еще образцов вы там взяли?

— Еще три, сэр.— Теперь Фредди говорил твердо, уверенно.— Видите ли, сэр, дело вот в чем. На Земле таких изотопов нет. А нет их потому, что, соприкасаясь с другими изотопами при нормальных температурах, они теряют устойчивость. Они взрываются. Здесь мы вложили их в снаряд, и ничего не произошло, потому что оба изотопа охлаждены почти до температуры жидкого гелия. Но в трассирующем снаряде есть светящаяся смесь, во время полета она сгорает. Снаряд разогревается. И когда любой из тех изотопов, в контакте с нашим, согреется до... скажем, до температуры жидкого водрода, они попросту взаимно уничтожаются. Весь корабль состоит из таких же материалов. Его масса — примерно сто тысяч тонн. Если не считать алюминия и еще двух-трех элементов, которые у нас и у них одинаковы, весь этот корабль до последнего винтика, оказавшись в контакте с материей из нашей Солнечной системы при температуре десять или двенадцать градусов выше абсолютного нуля, просто-напросто взорвется.

— Попробуйте взорвать остальные образцы,— отрывисто приказал капитан.— Надо знать наверняка...

В пустоте вспухли три гигантских газовых облака. Потом тьму разорвали три слепящие вспышки невиданно яркого голубовато-белого пламени. Молчание. А потом...

— Эту штуку надо уничтожить,— тяжело сказал капитан.— Ее негде поставить на прикол, да и команда может в любую минуту проснуться. У нас нет оружия, чтобы их одолеть, а если они вздумают посадить свою посудину на Землю...

Исполинская рыбина, праздно висевшая в пустоте, вдруг шевельнулась. Из отверстий в головной части, похожих на жаберные щели, брызнули струйки пламени. Потом с одной стороны струя стала сильнее. Чудовище круто повернулось, выровнялось и ринулось вперед — быстрей, быстрей, и при этом необычайно плавно. Скорость нарастала молниеносно, такое недоступно было ни одному кораблю землян. Великан обратился в крохотную далекую точку. И растаял в пустоте.

Но он летел не в глубь нашей системы, не к Солнцу. И не к полумесяцу Юпитера, ясно видному в стороне — до него теперь оставалось каких-нибудь семьдесят миллионов миль.

Он улетал к звездам.

— Еще несколько минут назад я был не совсем уверен,— нетвердым голосом произнес Фредди Холмс.— Но по Этическим уравнениям было вполне вероятно, что произойдет нечто в этом роде. Я не мог проверить, пока мы не извлекли из этого корабля всю информацию, которую только можно извлечь, и пока я там все не наладил. Но меня с самого начала это грызло. Из Этических уравнений совершенно ясно: за всякий ложный шаг мы неизбежно поплатимся... Мы — это значит вся Земля, потому что появление пришельцев из космоса неминуемо отразится на всем человечестве.— Голос его дрогнул.— Было очень трудно рассчитать, как тут нужно действовать. Только... ведь если бы в такой переплет попал какой-нибудь наш корабль, мы бы надеялись на... на дружелюбие. Надеялись бы, что нам дадут горючего и помогут отправиться домой. Но этот корабль — военный, и в бою нам бы его нипочем не одолеть. И отнестись к нему дружески тоже нелегко. А все-таки, по Этическим уравнениям, если мы хотим, чтобы первый контакт с чужим разумом пошел нам на пользу, следовало снабдить их горючим и отправить домой.

— То есть...— не веря своим ушам, начал капитан.— Значит, вы...

— Их двигатели работают на азоте,— сказал Фредди.— Азот-пятнадцать поступает в небольшой аппаратик, мы теперь знаем, как его сделать. Он очень прост, но это своего рода атомный реактор. Он разлагает азот-пятнадцать на азот-четырнадцать и водород. Я думаю, мы сумеем это использовать. Азот-четырнадцать есть и у нас. Держать его можно в алюминиевых баках и направлять по алюминиевым трубкам, ведь алюминий-то один и устойчив при всех условиях. Но когда азот сталкивается в дюзах с теми, не нашими изотопами, он распадается...

Фредди перевел дух.

— Я поставил им два алюминиевых бака с азотом, а их атомный реактор замкнул накоротко. Азот-четырнадцать пошел прямо в дюзы — и корабль получил ход! И потом... я высчитал, по какой орбите они к нам прилетели, и задал автопилоту обратный курс к их солнечной системе — они пролетят столько времени, насколько хватит азота из первого бака. Из сферы притяжения нашего Солнца они уж во всяком случае вырвутся. И я заново подсоединил термобатареи к саркофагам. Они проснутся, обнаружат автопилот и поймут, что кто-то им его поставил. Те два бака с горючим в точности такие же, как их собственные, и они сообразят, что это запас горючего для посадки. Может быть... может быть, они вернутся к себе домой еще через тысячу лет, но все равно и тогда они будут знать, что мы вели себя по-дружески и... и не испугались их. А мы пока узнали все про их технику, мы ее изучим, и освоим, и пустим в ход...

Фредди умолк. «Арнину» с выключенным двигателем медленно сносило к Солнцу, она уже миновала орбиту Юпитера, маленький космобот прочно прилип к корпусу крейсера.

— Командиру Патруля извиняться перед подчиненным — это уж из ряда вон,— хмуро сказал капитан.— Но я прошу прощения, что считал вас дураком, мистер Холмс. А как подумаю, что я сам, да и всякий опытный командир, наверняка

только о том бы и заботился, чтоб поскорей оттащить эту находку на базу для изучения... как подумаю, что в этой штуке сто тысяч тонн... и каково было бы Земле после такого атомного взрыва... Еще раз прошу меня простить!

— Если уж кто должен просить прощения, сэр, так это я,— смущенно проговорил Фредди.— На «Арнине» все уже считали себя богачами, а я оставил их ни с чем. Но, видите ли, сэр, Этические уравнения...

Заявление Фредди об отставке, отосланное вместе с его докладом о подробном обследовании чужого корабля, вернулось с пометкой «отказать». Лейтенанту Холмсу велено было явиться на скромную патрульную посудинку из тех, что несут самую тяжелую службу: на таких суденышках новичок не знает ни отдыха, ни срока, в поте лица овладевает премудростями своего дела и поминутно получает взбучку. И Фредди ликовал, потому что больше всего на свете он хотел работать в Космическом патруле. Дядюшка тоже был удовлетворен: его вполне устраивало, что доволен племянник, да притом кое-кто из космических адмиралов свирепо заявил ему, что Фредди очень пригодится в Патруле и своим чередом добудет почет и уважение, чины и награды, и совсем незачем для этого всяким политикам совать нос куда не просят. А Управление Космической патрульной службы ликовало, потому что в руках у него оказалось множество технических новинок, и теперь Патруль сможет не только следить за межпланетными перелетами, но, когда надо, охранять их от всяких случайностей.

И все это полностью удовлетворяло Этическим уравнениям.

Содержание

Безделушка *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 5
Власть *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 21
Время умирать *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 42
Дисбаланс *(Перевод А. Евстигнеева)* 60
Дорогой Чарлз *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 76
Дьявол из Восточного Лаптона *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* . . 95
Если бы вы были моклином *(Перевод М. Нахмансона)* 113
Заметки антрополога *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 139
Замочная скважина *(Перевод Норы Галь)* 165
Звезда-Бродяга *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 184
Из глубины *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 207
Из четвертого измерения *(Перевод И. Почиталина)* 222
Иная реальность *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 238
Инопланетянин *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 253
Инструкции *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 281
Исследовательский отряд *(Перевод А. Ставиской)* 295
Когда время сошло с ума *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 345
Корабль никто не видел *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 402
Лекарство для юлита *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 423
Логический компьютер по имени Джо *(Перевод Ф. Мендельсона)* . . . 442
Мертвый город *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 463
На двенадцатый день *(Перевод Э. Башиловой)* 504
Одинокая планета *(Перевод М. Брухнова)* 524
Официальный визит *(Перевод А. Орлова)* 555
Парламентер *(Перевод Н. Дубова)* 598

Первый контакт *(Перевод Д. Брускина)* 622
Планета скит-деревьев *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 659
Подарок *(Перевод З. Бобырь)* 679
Помехи *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 688
Проксима Центавра *(Перевод И. Невструева)* 701
Простое решение *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 760
Симбиоз *(Перевод М. Тарасьева)* 796
Странная история Джона Кингмана *(Перевод М. Бертеневой)* 813
Странник *(Перевод А. Евстигнеева)* 831
Сэм, это ты *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 840
Трубопровод на Плутон *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 862
Устройство и его дубль *(Перевод И. Тетериной)* 876
Утро Судного дня *(Перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)* 947
Электронная чума *(Перевод А. Евстигнеева)* 961
Этические уравнения *(Перевод Норы Галь)* 1001

Литературно-художественное издание

Мюррей Лейнстер

ПЕРВЫЙ КОНТАКТ

Ответственный редактор *А. Етоев*
Редактор *Д. Лазарчук*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Шубик*
Компьютерная верстка *А. Скурихина*
Корректоры *Л. Пищелева, Н. Тюрина*

В оформлении переплета использована
иллюстрация *Криса Мура*

Оригинал-макет подготовлен ООО «Издательский дом «Домино»
191028, Санкт-Петербург, ул. Моховая, д. 32.
Тел./факс (812) 329-55-33. E-mail: dominospb@hotbox.ru

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел.: 411-68-86, 956-39-21.
Home page: **www.eksmo.ru** E-mail: **info@ eksmo.ru**

Оптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: **reception@eksmo-sale.ru**

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. отдела реализации (812) 265-44-80/81/82.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (8435) 70-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9. Тел./факс: (044) 537-35-52.

Во Львове: Торговое Представительство ООО ДЦ «Эксмо-Украина»,
ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс: (032) 245-00-19.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и товарами «Эксмо-канц»:
117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 745-89-15, 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:
В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:
Центральный магазин — Москва, Сухаревская пл., 12 . Тел.: 937-85-81, 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

Подписано в печать 09.02.2006.
Формат 84x108$^{1}/_{32}$. Печать офсетная. Бумага тип. Усл. печ. л. 53,76.
Тираж 8000 экз. Заказ 1224

ISBN 5-699-15625-9

9785699 156252 >

ОАО "Тверской полиграфический комбинат". 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс (4822)44-42-15
Интернет/Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Мюррей

ЛЕЙНСТЕР

Murray Leinster

ISBN 5-699-15625-9

9 785699 156252 >